СТРАНИЦЫ *советской и российской* ИСТОРИИ

Андрей
СОРОКИН

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРАВЛЕНИЯ
СТАЛИН
в 1917–1953 гг.

в двух книгах

Книга 1. «Мы наш, мы новый мир построим…»
1917–1938

Table of Contents

Annotation
Андрей Константинович Сорокин История одного правления. Сталин в 1917–1953 гг. Книга 1
Книга 1 «Мы наш, мы новый мир построим…» 1917–1938
    Память о прошлом Вместо введения
    Сталин. Краткая биографическая хроника
    Часть 1 «Мы можем построить социализм…» 1917–1928
        Глава 1 От умеренного большевизма к радикализму. 1917–1922
        Глава 2 Из вождей в единоличные лидеры
    Часть 2 «Линия партии победила…» 1929–1938
        Глава 3. «Великий перелом»: революция сверху
        Глава 4 «О состоянии обороны страны»
        Глава 5 «По линии внешней политики СССР»
Примечания
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28

29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73

74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100
101
102
103
104
105
106
107
108
109
110
111
112
113
114
115
116
117
118

119
120
121
122
123
124
125
126
127
128
129
130
131
132
133
134
135
136
137
138
139
140
141
142
143
144
145
146
147
148
149
150
151
152
153
154
155
156
157
158
159
160
161
162
163

164
165
166
167
168
169
170
171
172
173
174
175
176
177
178
179
180
181
182
183
184
185
186
187
188
189
190
191
192
193
194
195
196
197
198
199
200
201
202
203
204
205
206
207
208

209
210
211
212
213
214
215
216
217
218
219
220
221
222
223
224
225
226
227
228
229
230
231
232
233
234
235
236
237
238
239
240
241
242
243
244
245
246
247
248
249
250
251
252
253

254
255
256
257
258
259
260
261
262
263
264
265
266
267
268
269
270
271
272
273
274
275
276
277
278
279
280
281
282
283
284
285
286
287
288
289
290
291
292
293
294
295
296
297
298

299
300
301
302
303
304
305
306
307
308
309
310
311
312
313
314
315
316
317
318
319
320
321
322
323
324
325
326
327
328
329
330
331
332
333
334
335
336
337
338
339
340
341
342
343

344
345
346
347
348
349
350
351
352
353
354
355
356
357
358
359
360
361
362
363
364
365
366
367
368
369
370
371
372
373
374
375
376
377
378
379
380
381
382
383
384
385
386
387
388

389
390
391
392
393
394
395
396
397
398
399
400
401
402
403
404
405
406
407
408
409
410
411
412
413
414
415
416
417
418
419
420
421
422
423
424
425
426
427
428
429
430
431
432
433

434
435
436
437
438
439
440
441
442
443
444
445
446
447
448
449
450
451
452
453
454
455
456
457
458
459
460
461
462
463
464
465
466
467
468
469
470
471
472
473
474
475
476
477
478

479
480
481
482
483
484
485
486
487
488
489
490
491
492
493
494
495
496
497
498
499
500
501
502
503
504
505
506
507
508
509
510
511
512
513
514
515
516
517
518
519
520
521
522
523

524
525
526
527
528
529
530
531
532
533
534
535
536
537
538
539
540
541
542
543
544
545
546
547
548
549
550
551
552
553
554
555
556
557
558
559
560
561
562
563
564
565
566
567
568

569
570
571
572
573
574
575
576
577
578
579
580
581
582
583
584
585
586
587
588
589
590
591
592
593
594
595
596
597
598
599
600
601
602
603
604
605
606
607
608
609
610
611
612
613

614
615
616
617
618
619
620
621
622
623
624
625
626
627
628
629
630
631
632
633
634
635
636
637
638
639
640
641
642
643
644
645
646
647
648
649
650
651
652
653
654
655
656
657
658

659
660
661
662
663
664
665
666
667
668
669
670
671
672
673
674
675
676
677
678
679
680
681
682
683
684
685
686
687
688
689
690
691
692
693
694
695
696
697
698
699
700
701
702
703

704
705
706
707
708
709
710
711
712
713
714
715
716
717
718
719
720
721
722
723
724
725
726
727
728
729
730
731
732
733
734
735
736
737
738
739
740
741
742
743
744
745
746
747
748

749
750
751
752
753
754
755
756
757
758
759
760
761
762
763
764
765
766
767
768
769
770
771
772
773
774
775
776
777
778
779
780
781
782
783
784
785
786
787
788
789
790
791
792
793

794
795
796
797
798
799
800
801
802
803
804
805
806
807
808
809
810
811
812
813
814
815
816
817
818
819
820
821
822
823
824
825
826
827
828
829
830
831
832
833
834
835
836
837
838

839
840
841
842
843
844
845
846
847
848
849
850
851
852
853
854
855
856
857
858
859
860
861
862
863
864
865
866
867
868
869
870
871
872
873
874
875
876
877
878
879
880
881
882
883

884
885
886
887
888
889
890
891
892
893
894
895
896
897
898
899
900
901
902
903
904
905
906
907
908
909
910
911
912
913
914
915
916
917
918
919
920
921
922
923
924
925
926
927
928

929
930
931
932
933
934
935
936
937
938
939
940
941
942
943
944
945
946
947
948
949
950
951
952
953
954
955
956
957
958
959
960
961
962
963
964
965
966
967
968
969
970
971
972
973

974
975
976
977
978
979
980
981
982
983
984
985
986
987
988
989
990
991
992
993
994
995
996
997
998
999
1000
1001
1002
1003
1004
1005
1006
1007
1008
1009
1010
1011
1012
1013
1014
1015
1016
1017
1018

1019
1020
1021
1022
1023
1024
1025
1026
1027
1028
1029
1030
1031
1032
1033
1034
1035
1036
1037
1038
1039
1040
1041
1042
1043
1044
1045
1046
1047
1048
1049
1050
1051
1052
1053
1054
1055
1056
1057
1058
1059
1060
1061
1062
1063

1064
1065
1066
1067
1068
1069
1070
1071
1072
1073
1074
1075
1076
1077
1078
1079
1080
1081
1082
1083
1084
1085
1086
1087
1088
1089
1090
1091
1092
1093
1094
1095
1096
1097
1098
1099
1100
1101
1102
1103
1104
1105
1106
1107
1108

1109
1110
1111
1112
1113
1114
1115
1116
1117
1118
1119
1120
1121
1122
1123
1124
1125
1126
1127
1128
1129
1130
1131
1132
1133
1134
1135
1136
1137
1138
1139
1140
1141
1142
1143
1144
1145
1146
1147
1148
1149
1150
1151
1152
1153

1154
1155
1156
1157
1158
1159
1160
1161
1162
1163
1164
1165
1166
1167
1168
1169
1170
1171
1172
1173
1174
1175
1176
1177
1178
1179
1180
1181
1182
1183
1184
1185
1186
1187
1188
1189
1190
1191
1192
1193
1194
1195
1196
1197
1198

1199
1200
1201
1202
1203
1204
1205
1206
1207
1208
1209
1210
1211
1212
1213
1214
1215
1216
1217
1218
1219
1220
1221
1222
1223
1224
1225
1226
1227
1228
1229
1230
1231
1232
1233
1234
1235
1236
1237
1238
1239
1240
1241
1242
1243

1244
1245
1246
1247
1248
1249
1250
1251
1252
1253
1254
1255
1256
1257
1258
1259
1260
1261
1262
1263
1264
1265
1266
1267
1268
1269
1270
1271
1272
1273
1274
1275
1276
1277
1278
1279
1280
1281
1282
1283
1284
1285
1286
1287
1288

1289
1290
1291
1292
1293
1294
1295
1296
1297
1298
1299
1300
1301
1302
1303
1304
1305
1306
1307
1308
1309
1310
1311
1312
1313
1314
1315
1316
1317
1318
1319
1320
1321
1322
1323
1324
1325
1326
1327
1328
1329
1330
1331
1332
1333

1334
1335
1336
1337
1338
1339
1340
1341
1342
1343
1344
1345
1346
1347
1348
1349
1350
1351
1352
1353
1354
1355
1356
1357
1358
1359
1360
1361
1362
1363
1364
1365
1366
1367
1368
1369
1370
1371
1372
1373
1374
1375
1376
1377
1378

1379
1380
1381
1382
1383
1384
1385
1386
1387
1388
1389
1390
1391
1392
1393
1394
1395
1396
1397
1398
1399
1400
1401
1402
1403
1404
1405
1406
1407
1408
1409
1410
1411
1412
1413
1414
1415
1416
1417
1418
1419
1420
1421
1422
1423

1424
1425
1426
1427
1428
1429
1430
1431
1432
1433
1434
1435
1436
1437
1438
1439
1440
1441
1442
1443
1444
1445
1446
1447
1448
1449
1450
1451
1452
1453
1454
1455
1456
1457
1458
1459
1460
1461
1462
1463
1464
1465
1466
1467
1468

1469
1470
1471
1472
1473
1474
1475
1476
1477
1478
1479
1480
1481
1482
1483
1484
1485
1486
1487
1488
1489
1490
1491
1492
1493
1494
1495
1496
1497
1498
1499
1500
1501
1502
1503
1504
1505
1506
1507
1508
1509
1510
1511
1512
1513

1514
1515
1516
1517
1518
1519
1520
1521
1522
1523
1524
1525
1526
1527
1528
1529
1530
1531
1532
1533
1534
1535
1536
1537
1538
1539
1540
1541
1542
1543
1544
1545
1546
1547
1548
1549
1550
1551
1552
1553
1554
1555
1556
1557
1558

1559
1560
1561
1562
1563
1564
1565
1566
1567
1568
1569
1570
1571
1572
1573
1574
1575
1576
1577
1578
1579
1580
1581
1582
1583
1584
1585
1586
1587
1588
Примечания
1589
1590
1591
1592
1593
1594
1595
1596
1597
1598
1599
1600
1601
1602

1603
1604
1605
1606
1607
1608
1609
1610
1611
1612
1613
1614
1615
1616
1617
1618
1619
1620
1621
1622
1623
1624
1625
1626
1627
1628
1629
1630
1631
1632
1633
1634
1635
1636
1637
1638
1639
1640
1641
1642
1643
1644
1645
1646
1647

1648
1649
1650
1651
1652
1653
1654
1655
1656
1657
1658
1659
1660
1661
1662
1663
1664
1665
1666
1667
1668
1669
1670
1671
1672
1673
1674
1675
1676
1677
1678
1679
1680
1681
1682
1683
1684
1685
1686
1687
1688
1689
1690
1691
1692

1693
1694
1695
1696
1697
1698
1699
1700
1701
1702
1703
1704
1705
1706
1707
1708
1709
1710
1711
1712
1713
1714
1715
1716

Annotation

Предлагаемое вниманию читателя издание посвящено самому острому периоду отечественной истории. В нем последовательно излагаются основные события политической и государственной деятельности И.В. Сталина в 1917–1953 гг. в контексте событий советской и мировой истории. Автор намеренно исключил из поля зрения события личной жизни советского вождя, сосредоточившись на эволюции политических взглядов и программных установок Сталина, содержании и механизмах принятия основных решений в сфере государственного управления, во многом определивших направление и итоги развития СССР в этот и последующие периоды. Из пространства анализа выведен досоветский период, не имеющий прямого отношения к истории становления советского государства как результата целенаправленной деятельности Сталина.

Книга первая «Мы наш, мы новый мир построим…» посвящена периоду 1917–1938 гг., книга вторая «Война и мир Сталина» раскрывает события периода 1939–1953 гг. Внутри каждого хронологического раздела содержание группируется посредством тематических параграфов, посвященных деятельности Сталина в конкретных сегментах политического и государственного управления. Подобное систематическое изложение событий политической и государственной жизни советского государства в 1917–1953 гг. через призму деятельности Сталина предпринимается впервые. Издание иллюстрировано фотографиями и документами, в первую очередь теми, что были написаны или отредактированы самим Сталиным. В работе использованы широкий круг архивных документов высших органов государственной и партийной власти РСФСР и СССР, источники личного происхождения, привлечена обширная историография.

Издание рассчитано на всех интересующихся отечественной историей.

Андрей Константинович Сорокин

История одного правления. Сталин в 1917–1953 гг. Книга 1

«Насилие — повивальная бабка каждого старого общества, беременного новым»

Карл Маркс

«Диктатура есть власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами»

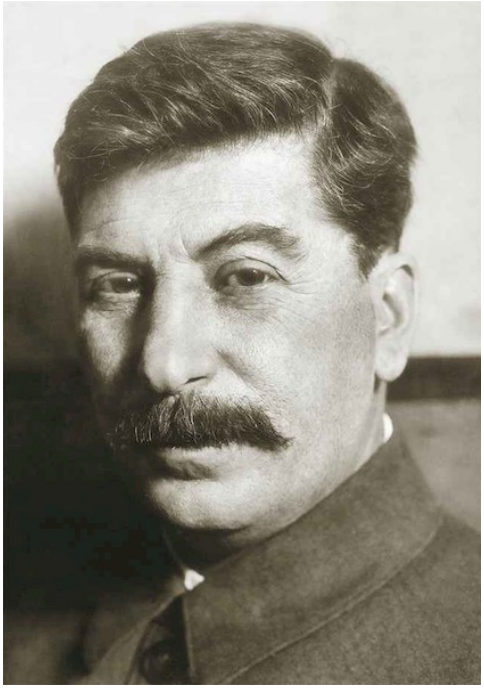
В.И. Ленин

«…Страна победившей революции должна не ослаблять, а всемерно усиливать свое государство…»

И.В. Сталин

© Сорокин А.К., 2023
© Фонд поддержки социальных исследований, 2023
© Государственный архив Российской Федерации, иллюстрации, 2023
© Российский государственный архив кинофотодокументов, иллюстрации, 2023
© Российский государственный архив новейшей истории, иллюстрации, 2023
© Российский государственный архив социально-политической истории, иллюстрации, 2023
© Политическая энциклопедия, 2023

* * *



Книга 1

«Мы наш, мы новый мир построим…»

1917–1938

Памяти Анны Ивановны Сорокиной (Захаровой), Константина Николаевича Сорокина, их родителей, братьев и сестер, вынесших на своих плечах испытания XX века

Память о прошлом

Вместо введения

Распад в конце XX столетия Советского Союза и коммунистической системы в целом дал мощный импульс к повсеместному формированию национальных государств на постсоветском и посткоммунистическом пространстве. Непременным атрибутом этого процесса всегда и везде являются дебаты на темы исторического прошлого, в героическом

пафосе которого формирующаяся нация и/или национальное государство ищут, как правило, базисные основания для национального строительства. Современная Россия в свое время сделала выбор в пользу формально юридической правопреемственности по отношению к СССР. Поэтому вполне естественно, что фокус общественного внимания российского общества оказался сосредоточен на недавней и памятной всем истории XX в. Личность И.В. Сталина при этом заместила в массовом сознании едва не весь советский период отечественной истории. Не повезло даже революционным событиям 1917 г., во многом предопределившим направление и содержание последующих исторических процессов, их формы и использовавшиеся методы социальной модернизации. Все это оказалось вытесненным на обочину общественного сознания и национальной памяти.

Фигура Сталина до сих пор служит предметом острых дискуссий в современном российском обществе. При этом количество граждан России, позитивно оценивающих его вклад в развитие страны, традиционно превышает число тех, кто относится к нему отрицательно. Сторонников этих двух крайних взглядов в большинстве случаев роднит общий подход к оценке данной исторической личности, как и исторического процесса в целом. Он заключается в избирательном подходе к историческим фактам и фиксирующим их документам с целью подкрепить свои умозрительные конструкции намеренно подобранным неоспоримым доказательством. Роль такого аргумента в массовом сознании все чаще выполняют архивные документы.

В результате неизбежно искажается восприятие исторической реальности, формируется память о прошлом, далекая от действительности. Если подходить систематически к анализу всей совокупности исторических документов, имеющихся в нашем распоряжении, следует признать, что Сталин был выдающейся личностью. Он реализовал себя в системе координат леворадикальной альтернативы социально-экономического развития, предложенной российскому обществу партией большевиков. Эта альтернатива стала реальностью в результате вооруженного переворота 25 октября (7 ноября) 1917 г., организованного этой партией. Переворот их усилиями перерос в социальную революцию, в результате которой на территории бывшей Российской империи развернулась полномасштабная Гражданская война. Сталин занял свое место в ряду большевистских лидеров и разделяет с ними всю полноту политической ответственности за результаты кровавого междоусобного конфликта 1917–1922 гг. На обломках прежнего традиционного общества была создана социально-экономическая система, мобилизационный потенциал которой был реализован под руководством Сталина. Становление нового общества, которое позиционировало себя как социалистическое, осуществлялось методом проб и ошибок, с колоссальными издержками — финансово-экономическими,

социальными и политическими, огромными людскими потерями. Сталин, тем не менее, оставил после себя мощное индустриальное государство, внесшее решающий вклад в победу антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне. Однако в основание Советского государства оказались заложены мины замедленного действия: национально-государственное устройство с его центробежными процессами; высокоцентрализованная административно-командная система управления, лишившая общество возможностей саморазвития; экономика, ориентированная на производство средств производства и вооружений; разоренный аграрный сектор; тотальный контроль, который Советское государство постаралось установить над социальным и индивидуальным поведением собственных граждан; лишение граждан и хозяйствующих субъектов мотивации к труду. Мобилизационный тип развития, в пользу которого был сделан выбор советским руководством во главе со Сталиным, на коротком историческом отрезке доказал свою относительную эффективность в решении поставленных перед страною задач. Достижения этого периода связаны с использованием внеэкономического принуждения и прямого насилия – развязанного в стране политического террора, жертвами которого стали сотни тысяч человек. Высокая социальная цена достижений сталинского периода проявилась вскоре после смерти «вождя». Политическая элита, оказавшаяся у власти в СССР после его смерти, не смогла найти адекватных ответов на вызовы времени.

Неоднозначность итогов развития страны в сталинский период отечественной истории, социальная травматичность форм и методов управления хорошо исследованы в исторической науке, достижения которой плохо интегрированы в ткань исторической памяти и общественного сознания в целом. Накопленный запас знаний не позволяет игнорировать реальные достижения советского периода, но требует при этом отказаться от чрезмерно позитивных оценок советского исторического опыта. Реальная совокупность обретенных знаний вновь обращает наше внимание на противоречивый характер исторического процесса, издержки конфронтационного типа социального и политического поведения, а также на вопрос цены радикальных социальных преобразований.

В современном российском обществе (как и в любом другом) присутствует запрос на репрезентацию позитивных представлений об историческом прошлом. Это прошлое, однако, всегда есть результат драматического преодоления человеком и обществом трудностей собственного развития и роста. А выхолощенная кем-то при создании того или иного нарратива история, лишенная внутренних импульсов саморазвития, контрапунктов и внутреннего напряжения, неизбежно сводится к набору позитивных (или негативных) штампов. Тиражирование чрезмерно оптимистических мифов об истории страны в XX в., примитивная в целом политика памяти, реализованная в

позднем советском обществе, имели следствием повсеместное отторжение идеологических постулатов советской пропаганды. Политический режим, ответственный за их воспроизводство и трансляцию, утратил доверие общества и сошел с исторической сцены. Точно также не смогла укорениться в российском общественном сознании тотально негативистская интерпретация советского прошлого раннего постсоветского периода.

Анализ проблемных зон исторического развития, как и победных его страниц, — необходимый элемент интеллектуальной и духовной жизни любого общества. Конфликт разнонаправленных интерпретаций исторического прошлого является в той или иной степени отражением реального социального конфликта, имевшего место в нашей истории. Конфликт интерпретаций имеет критически важное эвристическое значение в научной сфере, поскольку принуждает оппонентов к поиску убедительной аргументации. Подавление одного из конкурирующих дискурсов неизбежно ведет к редуцированию знания и примитивизации представлений о прошлом, в котором во многом и коренятся проблемы сегодняшнего дня. С другой стороны, поддержание общественного дискурса, реализующегося через конкурирующие практики, имеет критически важное общественное значение. Открытый разговор о прошлом позволяет гражданам различных взглядов чувствовать сопричастность к единому телу гражданской нации, к общему для всех пространству общественного сознания и формирующемуся Российскому национальному государству как общему дому для всех. Подобный подход выполняет и «терапевтическую» функцию, приучая сторонников тех или иных крайних подходов к существованию иных точек зрения, к неразрушительной соревновательности в общественных и политических дебатах.

Дискуссии о Сталине в конечном итоге возвращают нас к событиям российской революции 1917 г., когда к власти пришел новый политический класс. Большевики предприняли попытку создать и реализовать на практике новую, справедливую (по их мнению) модель социально-экономического и политического развития. Цели этого общества, его ценности, практики и формы, в которых они разворачивались, требуют анализа и осмысления, так и не проведенного в полном объеме в свое время российским обществом.

В целом сегодня перед общественными институтами стоит задача «принудить» массовое сознание к уважению объективированного знания, отдающего первенство факту и документу в противовес спекуляции и умозрительной конструкции, которые продолжают господствовать в общественном сознании, когда речь заходит об интерпретации исторического процесса.

Национальную историю, зафиксированную в документах, со всеми ее взлетами и падениями, пафосом побед и преодолений, горечью от ошибок и преступлений хранят в полном объеме российские архивы.

Архив с большой буквы способен сыграть роль доктора исторической памяти, предлагая обществу и знание, и память о прошлом без всяких изъятий. Совершившаяся в постсоветский период «архивная революция» обеспечила введение в научный и общественный оборот сотен тысяч некогда недоступных архивных документов. Подготовлены и выпущены в свет сотни томов архивных документов, оцифрованы и выложены в открытом доступе важнейшие архивные коллекции. Их освоение, однако, все еще отстает от общественных потребностей. Архивный абсентеизм, то есть сознательное уклонение от изучения архивных документов, давно стало знамением эпохи. Вернуть историческому документу подобающее место в общественном дискурсе об истории Отечества — вот та цель, достижению которой автор в ряду многих других историков и архивистов стремится способствовать на протяжении тридцати последних лет своей жизни.

* * *

Предлагаемая вниманию читателя работа имеет целью представить систематический очерк политической и государственной деятельности И.В. Сталина в 1917–1953 гг. в контексте событий (позитивно и негативно оцениваемых) советской и мировой истории. Исходная точка повествования — революционные события 1917 г. в России, завершающая — кончина Сталина в марте 1953-го.

Книга, предлагаемая вниманию читателя, не является научной биографией героя, как может показаться на первый взгляд. Ее написание — дело будущего. В книге предпринимается попытка систематизировать многообразную деятельность главного героя книги через призму основных событий первой половины советского периода отечественной истории и документов, которые ее отразили. В какой-то момент история государства и личная история его руководителя сольются и станут практически неразделимы, когда ни одно сколько-нибудь значимое решение органов политической и государственной власти не принималось вне целеполагания, исходившего от первого лица.

Повествование выстроено по тематико-хронологическому принципу. Каждая глава представляет основные события политической и государственной деятельности И.В. Сталина (которые показались автору наиболее значимыми) в определенный отрезок его жизни.

Содержание каждой из глав группируется внутри тематических параграфов, призванных раскрыть характер практической деятельности Сталина в конкретных сегментах политического и государственного управления. Книга содержат отсылки к многочисленным официальным документам высших органов государственной и партийной власти РСФСР и СССР, к созданию

большинства из которых Сталин имел непосредственное отношение; многие из них — с пометками и резолюциями Сталина — факсимильно воспроизводятся в настоящем издании. Подобное обобщающее систематическое изложение событий политической и государственной жизни СССР в 1917–1953 гг. через призму деятельности И.В. Сталина в отечественной историографии предпринимается впервые и, как надеется автор, заинтересует читателя. К некоторым сюжетам автор по необходимости не один раз обращался на страницах этой книги, поскольку ни жизнь главного героя, ни функционирование государственного организма, созданию которого он посвятил свою жизнь, не укладывается в рамки строго очерченных тематических рубрик.

В книге полностью отсутствуют обстоятельства личной жизни Сталина, так что читателю, которого интересует история повседневной жизни главного героя, не стоит приниматься за чтение. Книга написана для тех, кто ищет ответы на сложные вопросы исторического прошлого, в котором — корни многих сегодняшних проблем окружающей нас действительности. Автор не стремился отыскать и предложить простые ответы, но считал целесообразным предоставить заинтересованному читателю возможность взглянуть на череду событий сквозь призму массивов архивных документов, а также ознакомиться с эволюцией политических взглядов Сталина, его программных установок, проследить логику принятия основных решений в сфере государственного управления. Подобная деятельность во многом определила направление, формы и итоги развития СССР и мира в целом и в этот, и в последующие периоды исторического развития.

Выведен из пространства изложения и досоветский период жизни Сталина. Безусловно важный и интересный, он не имеет прямого и непосредственного отношения к центральной проблеме предпринятого автором исследования — истории формирования Советского государства, особенностям политического режима и социально-экономического развития, ставшими во многом результатом целенаправленной деятельности Сталина.

Издание подготовлено на основе широкого круга архивных документов, с привлечением обширной историографии и предназначено вниманию всех, интересующихся отечественной историей. Подавляющее большинство использованных документов хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), где сосредоточена коллекция документов личного архива Сталина. Но кроме того, в этом бывшем Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранятся документы Центрального комитета РСДРП(б) — РКП(б) — ВКП(б) — КПСС, Политбюро и Президиума, Оргбюро и Секретариата ЦК, партийных съездов и конференций,

Государственного комитета обороны, личных фондов руководителей Советского государства и Коммунистической партии Советского Союза именно того периода, которому посвящено повествование.

Жанр книги не позволяет предпослать ей даже краткий очерк историографии, без достижений которой была бы невозможна эта работа. Но нельзя не сказать о том, что за годы постсоветской «архивной революции» рассекречены и в разных формах сделаны достоянием общественности сотни тысяч документов «сталинского» периода отечественной истории. Были подготовлены и выпущены в свет многотомные собрания архивных документов. Назовем лишь наиболее значительные: «Россия. XX век», «История сталинского ГУЛАГа. Документы и материалы» (в 7 т.), «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1929–1939. Документы и материалы» (в 5 т.), «Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918–1939. Документы и материалы» (в 4 т.), «Документы советской истории», ««Совершенно секретно». Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934). Документы и материалы» (в 10 т.) и др. На портале Федерального архивного агентства «Архивы России» функционирует сайт «Документы советской эпохи», где в открытом доступе размещены документы полностью оцифрованного личного фонда Сталина, Государственного комитета обороны, Совета народных комиссаров (СНК) СССР за период Великой Отечественной войны, документы Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) за 1919–1932 гг. и др. Российское историческое общество и фонд «История отечества» на ресурсе «РИО-компас» разместило сотни документальных сборников, выпущенных в России. Многое сделано и российской исторической наукой по анализу узловых проблем исторического процесса XX века. Среди самых заметных проектов — книгоиздательский проект и конференционный цикл «История сталинизма», в рамках которых вышло в свет более 240 монографий, принадлежащих перу российских и зарубежных авторов, проведены 14 международных конференций.

К большинству этих проектов автор в том или ином качестве имел непосредственное отношение. Однако освоение массивов документарной информации и достижений историографии общественным сознанием представляется все еще недостаточным. Нынешняя работа призвана сделать еще один шаг в этом направлении.

«Изучая предков, изучаем самих себя», — записал однажды в своем дневнике классик отечественной исторической науки В.О. Ключевский. В этом и видится автору главная цель настоящей работы, приблизиться к которой он решил при содействии своих коллег. Благодарностью тысячам российских и зарубежных историков и архивистов, посвятивших себя изучению самого острого периода российской истории, автору и хотелось бы завершить это предисловие.

Сталин. Краткая биографическая хроника

Родился *6(18) декабря 1878* года в г. Гори Тифлисской губернии Российской империи.

1917, 8(21) марта — отъезд с группой политических ссыльных из Ачинска в Петроград в связи с амнистией, объявленной Временным правительством после победы Февральской революции и отречения Николая II от престола.

1917, 12(25) марта — прибытие в Петроград.

1917, 13(26) марта — выдвигается редактором центрального органа РСДРП(б) — газет «Правда», «Рабочий и солдат», «Пролетарий», «Рабочий», «Рабочий путь».

1917, 18(31) марта — (25 октября) 7 ноября — член исполнительного комитета Петроградского совета рабочих депутатов.

1917, 29 апреля (12 мая) — избирается членом бюро Центрального комитета (ЦК) РСДРП(б).

1917, 7(20) июня — 25 октября (7 ноября) — член Центрального исполнительного комитета (ЦИК) Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

1917, 5(18) августа — избирается членом узкого состава ЦК РСДРП(б).

1917, 3(16) августа — избирается членом ЦК на VI съезде РСДРП(б).

1917, 10(23) октября — избирается членом Политического бюро ЦК РСДРП(б).

1917, 12(25) октября — избирается членом Петроградского военно-революционного комитета (ВРК).

1917, 25 октября (7 ноября) — 1918 — председатель Совета народных комиссаров (СНК) по национальным делам.

1917, 25 октября (7 ноября) — 1922, 31 декабря — член Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов РСФСР.

1917, 26 октября (8 ноября) — 1923, 7 июля — народный комиссар РСФСР по делам национальностей.

1917, октябрь — 1918, 6(19) января — депутат Учредительного собрания Российской Республики.

1917, 29 ноября (12 декабря) — член Бюро ЦК РСДРП(б).

1918, 1 апреля — большевистской фракцией ВЦИК избирается вместе с Я.М. Свердловым председателем комиссии по выработке конституции РСФСР.

1918, 27 апреля — назначается председателем делегации Советского правительства для ведения переговоров с украинской

Центральной радой о заключении мирного договора и демаркации границ.

1918, 29 мая — назначается общим руководителем продовольственного дела на Юге России.

1918, 19 июля — назначается председателем Военного совета Северо-Кавказского военного округа.

1918, 17 сентября — назначается председателем Военно-революционного совета Южного фронта.

1918, 8 октября — назначается членом Реввоенсовета Республики.

1918, 28 октября — избирается членом ЦК КП(б) Украины.

1918, 9 ноября — избирается членом ВЦИК Советов РСФСР.

1918, 13 ноября — избирается членом Президиума ВЦИК Советов РСФСР.

1918, 30 ноября — назначается заместителем председателя Совета рабочей и крестьянской обороны (СРКО).

1919, 1–31 января — работа в партийно-следственной комиссии ЦК партии и СРКО на Восточном фронте совместно с Ф.Э. Дзержинским для выяснения причин сдачи Перми и принятия мер.

1919, 25 марта — 1952, 14 октября — избирается членом Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б).

1919, 30 марта — 1920, 7 февраля — народный комиссар государственного контроля РСФСР.

1919, март — член делегации РКП(б) на I съезде Коммунистического Интернационала (Коминтерна) в Москве.

1919, 19 мая — 3 июля — назначается чрезвычайным уполномоченным СРКО на Петроградском фронте.

1919, 5 июля — назначается членом Реввоенсовета Западного фронта.

1919, 27 сентября — назначается членом Реввоенсовета Южного фронта.

1919, 27 ноября — награждается орденом Красного Знамени.

1920, 10 января — 1 сентября — член Реввоенсовета Юго-Западного (ранее — Южного) фронта.

1920, 20 января — назначается председателем Украинского совета трудовой армии.

1920, 24 февраля — 1922, 25 апреля — народный комиссар Рабоче-крестьянской инспекции.

1920, 26 июля — назначается членом Революционного военного совета (РВС) Юго-Западного фронта.

1922, 3 апреля — 1934, 10 февраля — генеральный секретарь ЦК РКП(б).

1923, 24 февраля — избирается председателем комиссии для руководства разработкой проекта конституции СССР.

1923–1938 — член ЦИК СССР.

1924, 8 июля — 1943 — член Исполкома и член Президиума Исполкома Коминтерна.

1930, 13 февраля — награждается орденом Красного Знамени.

1934, 10 февраля — 1952, 14 октября — секретарь ЦК ВКП(б).

1938–1953, 5 марта — депутат Верховного Совета СССР 1–3-го созывов.

1939, 20 декабря — награждается медалью «Серп и Молот» Героя Социалистического Труда и орденом Ленина

1941, 6 мая — 1946, 15 марта — председатель Совета народных комиссаров СССР.

1941, 30 июня — 1945, 4 сентября — председатель Государственного комитета обороны СССР.

1941, 10 июля — 1945, 3 августа — председатель Ставки Верховного главнокомандования.

1941, 19 июля — 1946, 25 февраля — народный комиссар обороны СССР.

1941, 7 августа — 1947 — Верховный главнокомандующий Вооруженными силами СССР.

1941, 29 сентября — 1 октября — принимает участие в работе 1-й Московской конференции руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании.

1942, 12–17 августа — принимает участие в работе 2-й Московской конференции руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании, встречается с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем.

1943, 6 марта — присвоение военного звания Маршал Советского Союза.

1943, 6 ноября — награждается орденом Суворова I степени.

1943, 28 ноября — 1 декабря — принимает участие в работе Тегеранской конференции руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании.

1944, 20 июля — награждается медалью «За оборону Москвы».

1944, 29 июля — награждается орденом «Победа».

1944, 9–19 октября — принимает участие в работе 4-й Московской конференции руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании, встречается с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем.

1944, 3 ноября — награждается орденом Красного Знамени.

1945, 4–12 февраля — принимает участие в работе Крымской (Ялтинской) конференции руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании.

1945, май — награждается медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

1945, 26 июня — награждается медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза, орденом Ленина и орденом «Победа».

1945, 27 июня — присвоение высшего воинского звания — Генералиссимус Советского Союза.

1945, 17 июля — 2 августа — принимает участие в работе Берлинской (Потсдамской) конференции руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании.

1945, 30 сентября — награждается медалью «За победу над Японией».

1946, 10 февраля — избирается депутатом Верховного Совета СССР от Сталинского избирательного округа г. Москвы.

1946, 25 февраля — 15 марта — народный комиссар Вооруженных сил СССР.

1946, 25 февраля — назначается Верховным главнокомандующим Вооруженными силами СССР.

1946, 15 марта — 1947, 3 марта — министр Вооруженных сил СССР.

1946, 15 марта — 1953, 5 марта — председатель Совета министров СССР.

1949, 20 декабря — награждается орденом Ленина.

1952, 16 октября — 1953, 5 марта — член Президиума, член Бюро Президиума ЦК КПСС.

1953, 5 марта — кончина И.В. Сталина.

Часть 1

«Мы можем построить социализм…»

1917–1928

Глава 1

От умеренного большевизма к радикализму. 1917–1922

На пути к Октябрю

В ночь со второго на третье марта 1917 г. (по старому стилю) Николай Александрович Романов подведет итоги прошедшего дня:

«Кругом измена и трусость, и обман!» — кардинально изменившего его личную судьбу, судьбу его семьи, страны и, пожалуй, всего мира.

Так завершит запись в своем дневнике человек, еще утром того же дня являвшийся императором и самодержцем всероссийским, а в три часа пять минут пополудни подписавший манифест о своем отречении от престола. Отречение будет подписано в пользу младшего брата Михаила. Великий князь Михаил Александрович, однако, не примет на себя императорских обязанностей и, в свою очередь, уже на следующий день фактически отречется от престола, на который не захочет вступить. Власть окажется «распределенной» между Временным комитетом Государственной думы, Советом министров, Ставкой Верховного главнокомандования и Петроградским советом рабочих депутатов. Так завершится череда событий, начавшаяся 23 февраля (8 марта) малозначительными волнениями в Петрограде, переросшими в полномасштабное гражданское противостояние, которое очень скоро получит звучное название — Февральская революция. В ее ходе одновременно — 27 февраля (12 марта) — создаются Временный комитет Государственной думы и Временный исполком Петроградского совета рабочих (позднее также и солдатских) депутатов. 2(15) марта по соглашению между Временным комитетом Государственной думы и Исполнительным комитетом Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов формируется Временное правительство.

Император Николай II (Романов)
1917
[ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2154. Л. 82]

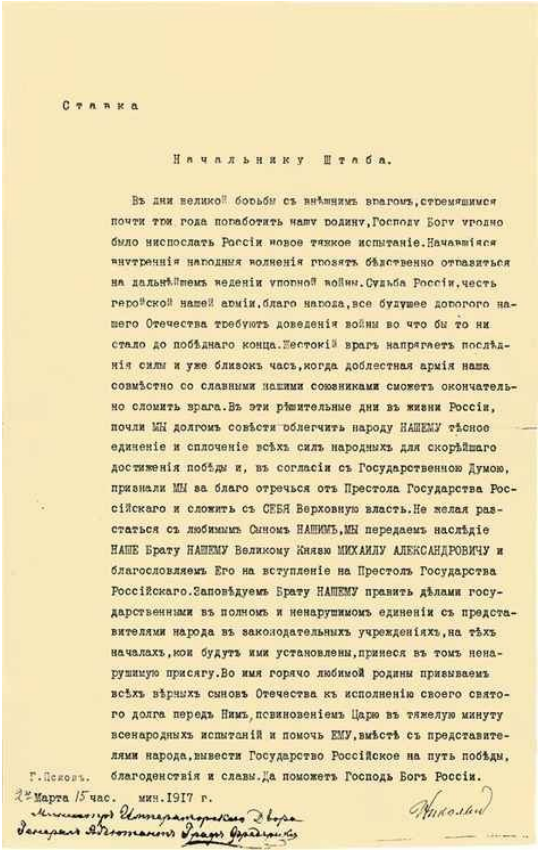
Временным оно будет названо, как известно, потому, что свои полномочия планировало передать Учредительному собранию,

призванному, по общему мнению, учредить новое государственное устройство России. Возглавит первый состав Временного правительства князь Г.Е. Львов, который займет одновременно посты министра-председателя и министра внутренних дел.

В годы Первой мировой войны он являлся председателем влиятельного общественного органа — Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам, а после его объединения с Всероссийским союзом городов Львов стал председателем объединенного Земгора (Главного комитета Всероссийских земского и городского союзов помощи больным и раненым воинам). Во Временное правительство войдет и будущий премьер А.Ф. Керенский, 27 февраля (12 марта) ставший одновременно членом Временного комитета Государственной думы и товарищем (т. е. заместителем) председателя Исполкома Петроградского совета.

Временный комитет Государственной думы
1917
[Из открытых источников]

Временное правительство
2(15) марта — 7(20) июля 1917
[Из открытых источников]



Ставка

Начальнику Штаба.

Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся внутреннія народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь героической нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца. Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша совмѣстно со славными нашими союзниками сможетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи, почли мы долгомъ совѣсти облегчить народу НАШЕМУ тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственною Думою, признали мы за благо отречься отъ Престола Государства Россійскаго и сложить съ СЕБЯ Верховную власть. Не желая разстаться съ любимымъ Сыномъ НАШИМЪ, мы передаемъ наслѣдіе НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляемъ Его на вступленіе на Престолъ Государства Россійскаго. Заповѣдуемъ Брату НАШЕМУ править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ, на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ Нимъ, повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помочь ЕМУ, вмѣстѣ съ представителями народа, вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы. Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

Г. Псковъ.
2 Марта 15 час. мин. 1917 г.

Николай

Министръ Императорскаго Двора
Генералъ Адъютантъ Графъ Фредерикс

Акт отречения от престола императора Николая II
2(15) марта 1917
Подпись, дата и время — автограф императора Николая II, заверительная надпись — автограф министра императорского двора графа В.Б. Фредерикса
[ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2100а. Л. 5]

Георгий Евгеньевич Львов
1905
[Из открытых источников]

Россия вступила в период, о характере и направленности которого участники событий конца февраля — начала марта и помыслить тогда не могли. Своей кульминации события достигнут в конце октября по старому стилю или в начале ноября по новому. Они вошли в отечественное общественное сознание сначала как Октябрьский переворот, затем были пафосно переименованы в Великую Октябрьскую социалистическую революцию и под этим названием просуществовали вплоть до гибели Советского Союза — государства, созданного в огне Гражданской войны, вспыхнувшей на территории бывшей Российской империи в результате этих событий. Современная российская историография в стремлении найти элементы, связующие воедино события Февраля и Октября, еще недавно существовавших в общественном сознании раздельно, предложила концепцию Великой российской революции[1]. События февраля — марта и октября — ноября, однако, настолько разнонаправленны, что с трудом компонуются в рамках внутренне непротиворечивой концепции, вызывая у многих когнитивный диссонанс. Отношение наших современников к событиям того времени и их результатам все еще раскалывает общественное сознание, как и столетие тому назад.

Александр Федорович Керенский
1917
[Из открытых источников]

Иосиф Виссарионович Сталин (Джугашвили)
1917
[Из открытых источников]

Лев Борисович Каменев
1923
[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 8. Л. 19]

Всего за восемь месяцев изменится политический ландшафт, расклад общественных сил, с политической арены сойдут деятели, без которых еще вчера невозможно было представить общественную жизнь, а их место займут люди, казалось, совершенно не предназначенные для этой роли. Тектонические сдвиги общественного развития вынесут на авансцену персон, которым будет суждено сыграть столь заметную роль, что к их личностям до сих пор приковано пристальное внимание исследователей и читающей публики. К числу таких деятелей принадлежит главный герой этого очерка, роль которого в событиях 1917 г. в массовом сознании все еще часто описывается противоположными интерпретациями. Первая: И.В. Сталин и В.И. Ленин — вожди Октябрьской революции; вторая: Сталин — человек, «проспавший революцию». Обе они не имеют отношения к исторической реальности.

Один из многих малозаметных деятелей социал-демократического движения, Иосиф Джугашвили возвращается в Петербург из сибирской ссылки в начале марта 1917 г. Возвращение становится возможным благодаря общей политической амнистии, объявленной указом Временного правительства 6(19) марта 1917 г. «во исполнение властных требований народной совести, во имя исторической справедливости и в ознаменование окончательного торжества нового порядка, основанного на праве и свободе»[2]. Из ссылки в Петроград он вернется вместе с видным большевистским деятелем Л.Б. Каменевым, отбывавшим ссылку в Ачинске.

С ним его свяжут деловые и, вероятно, личные товарищеские отношения. Уже через несколько лет они схлестнутся в непримиримой борьбе партийных группировок. А в 1936 г. Каменев будет расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда той страны «победившего социализма», которую с таким энтузиазмом они оба — и Сталин, и Каменев — станут строить после столь успешного военного переворота 25 октября (7 ноября) 1917 г.

Уже 12(25) марта, почти сразу после приезда, Русское бюро ЦК РСДРП (Российская социал-демократическая рабочая партия) приглашает Сталина к работе. Но только с совещательным голосом — «ввиду некоторых личных черт, присущих ему». Сохранившийся протокол заседания не поясняет, что имелось в виду[3].

Очевидно лишь то, что своеобразие личности Сталина стало ясно многим социал-демократам (прежде всего большевикам) задолго до знаменитой характеристики, которую даст ему Ленин в своем так называемом «Завещании». Всего несколько дней понадобится Сталину,

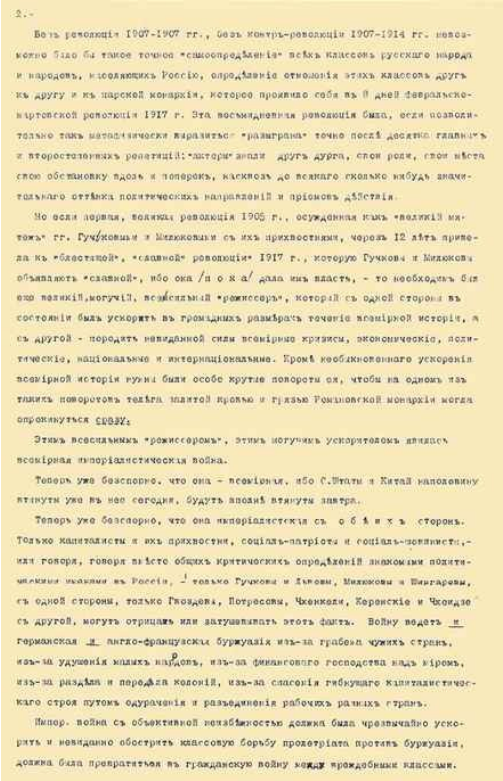
чтобы переломить настроения. И уже 15(28) марта он избирается в Президиум Бюро, приобретая право решающего голоса. Он занимает важное, но не определяющее место в большевистском руководстве. Став одним из руководителей Русского бюро Центрального комитета (ЦК), он вместе с Л.Б. Каменевым входит в редколлегию центрального печатного органа партии газеты «Правда», которую они быстро ставят под свой контроль. Издание «Правды» решением Русского бюро возобновилось с 5(18) марта и в тот момент работой редакции руководили А.Г. Шляпников и В.М. Молотов, с которым Сталин был знаком еще с довоенных времен. С этого момента двух последних свяжут десятилетия напряженной совместной работы и сложных, временами очень острых личных взаимоотношений.

Александр Гаврилович Шляпников
1920-е
[РГАСПИ. Ф. 304. Оп. 1. Д. 13. Л. 2]

Вячеслав Михайлович Молотов

1920-е
[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1599. Л. 5]

Сталин, как и многие другие большевики, придерживается умеренных взглядов, исходивших из закономерности прихода к власти буржуазии на данном этапе революции и отдаленности социалистической перспективы. И он, и Каменев в этот период считают возможным говорить о поддержке Временного правительства. Шляпников позднее будет так вспоминать об этом «перевороте» в большевистских верхах: «День выхода первого номера «преобразованной» «Правды» — 15 марта — был днем оборонческого ликования. Весь Таврический дворец… был преисполнен одной новостью: победой умеренных, благоразумных большевиков над крайними… П[етербургский] комитет, как и вся организация, был застигнут этим переворотом врасплох и по этому случаю глубоко возмущался и винил Бюро ЦК…»[4] В редакционной статье «Правды» от 16(29) марта Сталин продолжит примиренческую линию и призовет всего лишь оказать «давление на Временное правительство с требованием изъявления им согласия немедленно открыть мирные переговоры» о выходе из войны[5].



2.-

Безъ революціи 1905-1907 гг., безъ контръ-революціи 1907-1914 гг. невозможно было бы такое точное "самоопредѣленіе" всѣхъ классовъ русскаго народа и народовъ, населяющихъ Россію, опредѣленіе отношенія этихъ классовъ другъ къ другу и къ царской монархіи, которое проявило себя въ 8 дней февральско-мартовской революціи 1917 г. Эта восьмидневная революція была, если позволительно такъ метафорически выразиться "разыграна" точно послѣ десятка главныхъ и второстепенныхъ репетицій: "актори" знали другъ друга, свои роли, свои мѣста свою обстановку вдоль и поперекъ, насквозь до всякаго сколько нибудь значительнаго оттѣнка политическихъ направленій и пріемовъ дѣйствія.

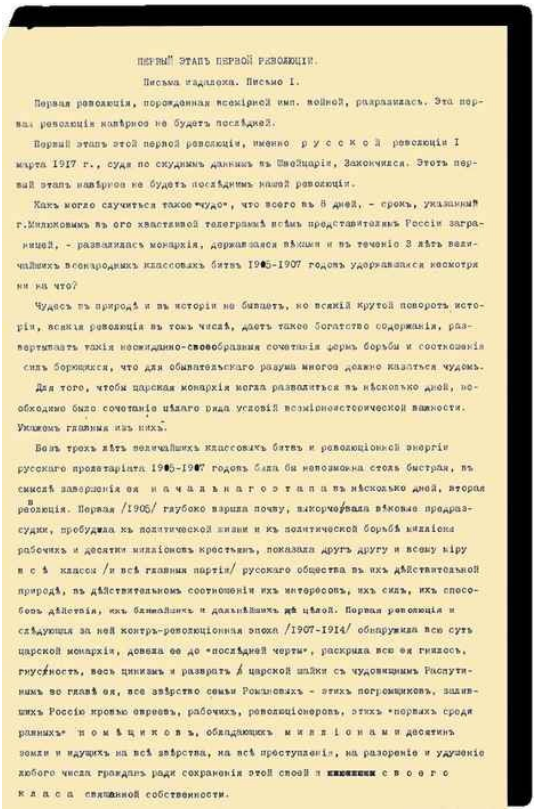
Но если первая, великая революція 1905 г., осужденная какъ "великій мятежъ" гг. Гучковыми и Милюковыми съ ихъ прихвостнями, чрезъ 12 лѣтъ привела къ "блестящей", "славной" революціи 1917 г., которую Гучковы и Милюковы объявляютъ "славной", ибо она /н о к а/ дала имъ власть, - то необходимъ бы еще великій,могучій, всемірный "режиссеръ", который съ одной стороны въ состояніи былъ ускорить въ громадныхъ размѣрахъ теченіе всемірной исторіи, а съ другой - породить невидимой силы всемірные кризисы, экономическіе, политическіе, національные и интернаціональные. Кромѣ необыкновеннаго ускоренія всемірной исторіи нужны были особе крутые повороты ея, чтобы на одномъ изъ такихъ поворотовъ тяжёлая залитой кровью и грязью Романовской монархіи могла опрокинуться сразу.

Этимъ всемірнымъ "режиссеромъ", этимъ могучимъ ускорителемъ явилась всемірная имперіалистическая война.

Теперь уже безспорно, что она - всемірная, ибо С.Штаты и Китай наполовину втянуты уже въ нее сегодня, будутъ вполнѣ втянуты завтра.

Теперь уже безспорно, что она имперіалистская съ о б ѣ и хъ сторонъ. Только капиталисты и ихъ прихвостни, соціалъ-патріоты и соціалъ-оппортунисты,- или говоря, говоря вмѣсто общихъ критическихъ опредѣленій знакомыми политическими кличками въ Россіи, - только Гучковы и Львовы, Милюковы и Шингаревы, съ одной стороны, только Гвоздевы, Потресовы, Чхенкели, Керенскіе и Чхеидзе съ другой, могутъ отрицать или затушевывать этотъ фактъ. Войну ведетъ и германская и англо-французская буржуазія изъ-за грабежа чужихъ странъ, изъ-за удушенія малыхъ народовъ, изъ-за финансового господства надъ міромъ, изъ-за раздѣла и передѣла колоній, изъ-за спасенія гибнущаго капиталистическаго строя путемъ одурачанія и разъединенія рабочихъ разныхъ странъ.

Импер. война съ объективной необходимостью должна была чрезвычайно ускорить и невидимо обострить классовую борьбу пролетріата противъ буржуазіи, должна была превратиться въ гражданскую войну между враждебными классами.



ПЕРВЫЙ ЭТАПЪ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Письма издалека. Письмо I.

Первая революція, порожденная всемірной имп. войной, разразилась. Эта первая революція навѣрное не будетъ послѣдней.

Первый этапъ этой первой революціи, именно р у с с к о й революціи 1 марта 1917 г., судя по скудным данным въ Швейцаріи, закончился. Этотъ первый этапъ навѣрное не будетъ послѣднимъ нашей революціи.

Какъ могло случиться такое "чудо", что всего въ 8 дней, - срокъ, указанный г.Милюковымъ въ его хвастливой телеграммѣ всѣмъ представителямъ Россіи заграницей, - разваливалась монархія, державшаяся вѣками и въ теченіе 3 лѣтъ величайшихъ всенародныхъ классовыхъ битвъ 1905-1907 годовъ удерживавшаяся несмотря ни на что?

Чудесъ въ природѣ и въ исторіи не бываетъ, но всякій крутой поворотъ исторіи, всякая революція въ томъ числѣ, даетъ такое богатство содержанія, разворачиваетъ такія неожиданно-своеобразныя сочетанія формъ борьбы и соотношенія силъ борющихся, что для обывательскаго разума многое должно казаться чудомъ.

Для того, чтобы царская монархія могла развалиться въ нѣсколько дней, необходимо было сочетаніе цѣлаго ряда условій всемірно-исторической важности. Укажемъ главныя изъ нихъ.

Безъ трехъ лѣтъ величайшихъ классовыхъ битвъ и революціонной энергіи русскаго пролетаріата 1905-1907 годовъ была бы невозможна столь быстрая, въ смыслѣ завершенія ея н а ч а л ь н а г о э т а п а въ нѣсколько дней, вторая революція. Первая /1905/ глубоко взрыла почву, выворочивала вѣковые предразсудки, пробудила къ политической жизни и къ политической борьбѣ миліоны рабочихъ и десятки милліоновъ крестьянъ, показала другъ другу и всему міру и с ѣ классы /и всѣ главныя партіи/ русскаго общества въ ихъ дѣйствительной природѣ, въ дѣйствительномъ соотношеніи ихъ интересовъ, ихъ силъ, ихъ способовъ дѣйствія, ихъ ближайшихъ и дальнѣйшихъ цѣлей. Первая революція и слѣдующая за ней контръ-революціонная эпоха /1907-1914/ обнаружила всю суть царской монархіи, довела ее до "послѣдней черты", раскрыла всю ея гнилость, гнусность, весь цинизмъ и развратъ царской шайки съ чудовищнымъ Распутинымъ во главѣ ея, все звѣрство семьи Романовыхъ - этихъ погромщиковъ, залившихъ Россію кровью евреевъ, рабочихъ, революціонеровъ, этихъ "первыхъ среди равныхъ" п о м ѣ щ и к о в ъ, обладающихъ м и л л і о н а м и десятинъ земли и идущихъ на всѣ звѣрства, на всѣ преступленія, на разореніе и удушеніе любого числа гражданъ ради сохраненія этой своей и ~~[illegible]~~ с в о е г о к л а с с а священной собственности.

Статья В.И. Ленина «Письма издалека. Письмо 1. Первый этап первой революции»
7(20) марта 1917
[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4461. Л. 1–2]

Владимир Ильич Ленин
1916
[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 20. Л. 1]

«Умеренность и аккуратность» руководителей «Правды» выразилась и в том, что из четырех ленинских «Писем издалека», обозначивших курс на социалистическую революцию, они опубликовали лишь одно, причем со значительными сокращениями. Каменев и Сталин считают необходимым настаивать на политике условной поддержки Временного правительства до той поры, пока оно «закрепляет шаги революции»[6].

Сталин стал одним из тех лидеров большевиков, кто внес в партийную повестку дня и предложение о необходимости переговоров с меньшевиками об объединении партии. Раскол РСДРП на две противостоящие фракции, как известно, состоялся на II съезде в 1903 г. Радикальных социалистов объединил вокруг своей позиции Ленин. Он настаивал на необходимости создания сплоченной, законспирированной, жестко централизованной партийной организации. Родоначальник российской социал-демократии Г.В. Плеханов и его молодые последователи, которых возглавил Ю.О. Мартов, выступали против строгого централизма и наделения ЦК чрезмерными полномочиями. В 1917 г. расхождения проявятся с особой силой. И, как мы увидим, не по организационному вопросу, а по самому что ни на есть содержательному. Эти разногласия весной-летом 1917 г. приведут в конечном итоге к окончательному размежеванию умеренных меньшевиков и радикальных большевиков и организационному оформлению двух самостоятельных политических партий. Впрочем, ясно это станет только после возвращения в Россию Ленина и оглашения им своих знаменитых Апрельских тезисов.

Георгий Валентинович Плеханов
1905
[РГАСПИ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 610]

Накануне приезда Ленина в докладе «Об отношении к Временному правительству», сделанном на Всероссийском совещании партийных работников 29 марта (11 апреля) 1917 г., Сталин заявит о несвоевременности постановки вопроса «о захвате власти прямо сейчас же». По его мнению, следовало «ждать, пока Временное правительство исчерпает себя», и «быть готовыми, когда события назреют». На вопрос товарищей из провинции, «не следует ли поставить вопрос о захвате власти сейчас же», Сталин отвечал: «…поставить этот вопрос сейчас — несвоевременно» [7].

Поведение Сталина на этом совещании иначе как своеобразным и не назовешь. Сделав доклад, он огласит резолюцию Бюро ЦК. При этом предварит зачтение резолюции сообщением, что «не совсем согласен с нею» и скорее присоединяется к оглашенной в ходе заседания другой резолюции. Причем это была резолюция не партийного комитета, а одного из провинциальных Советов (Красноярского). Отметим, что принципиальных различий в этих резолюциях не имелось. Помимо отмеченного своеобразия личного поведения Сталина, нельзя не увидеть яркого несоответствия этого поступка той самой модели партии с ее жесткой партийной дисциплиной, которая, согласно советской историографии, последовательно выстраивалась Лениным.

Но вернемся к совещанию 29 марта. Завершая развернувшуюся дискуссию, Сталин скажет: «Нелогично говорить о поддержке Временного правительства, наоборот, уместнее говорить о том, чтобы правительство не мешало нам проводить свою программу»[8]. В тот же день Бюро ЦК и ПК (Петроградского комитета) большевиков решат продолжить обсуждение вопроса об объединении с меньшевиками[9].

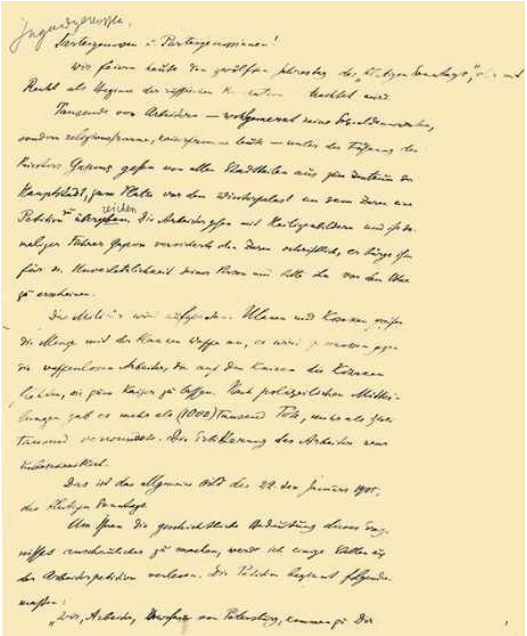
Ясно, что ни сам Сталин, ни руководство большевиков в целом, находящееся в Петрограде, не имеют в этот момент определенных представлений о целесообразном политическом курсе. Ясно также и то, что сама большевистская партийная организация представляет собой, скорее, дискуссионный клуб и очень далека от представлений Ленина о «партии нового типа» с ее жесткой организационной структурой, дисциплиной, идеологической и политической определенностью и нацеленностью на завоевание власти. Именно такого типа партию в будущем удастся выстроить именно Сталину.

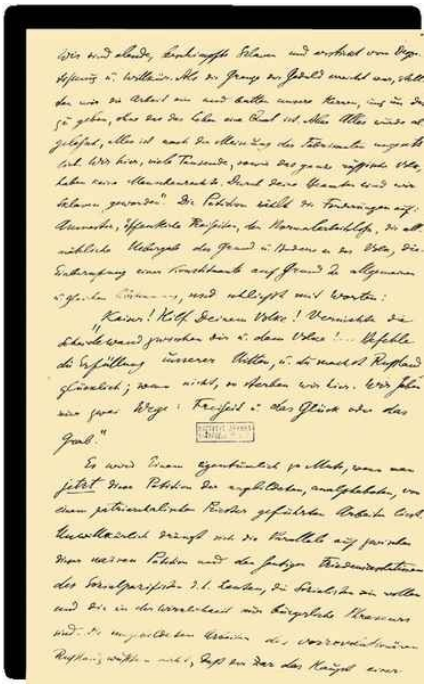
Несомненно и то, что на позиции будущих последователей Ленина не мог не оказывать влияния тот факт, что именно меньшевики оказались на передовой происходивших в Петрограде событий. Именно они от лица все еще формально единой РСДРП вместе с представителями еще одной радикальной партии — социалистов-революционеров (эсеров) — сформировали Исполком Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, получив огромное влияние в Советах. После так называемого Апрельского правительственного кризиса 5 мая будет сформировано 1-е коалиционное правительство, в

состав которого войдут шесть социалистов. Так что «дружба» с умеренными многим большевикам представлялась тогда разумной стратегией.

Внутрипартийный ландшафт кардинально поменяется после возвращения Ленина из эмиграции 3(16) апреля 1917 г. Последовательный сторонник поражения правительства собственной страны в мировой войне, призывавший «превратить войну империалистическую в войну гражданскую», Ленин оказался не в состоянии предсказать возникновение революционной ситуации. За два месяца до Февральской революции, выступая на одном из собраний швейцарской рабочей молодежи с докладом о Российской революции 1905 г., он скажет: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции»[10].

Однако руководствуясь, прежде всего, своим политическим чутьем, а не инструментарием аналитика, он сделает все, чтобы вернуться в Россию и вступить в схватку за власть. При посредничестве своих сторонников он войдет в контакт с представителями германского истеблишмента и вместе с представителями разных политических групп пересечет в «пломбированном вагоне» территорию Германии, находившейся в состоянии войны с Россией, вернется таким образом в страну. Эта поездка очень скоро аукнется и ему, и большевикам. Долгое эхо сотрудничества с германскими властями и сегодня возвращает наблюдателей к одному из главных исторических обвинений в адрес большевиков — сотрудничеству с военным противником собственной страны.





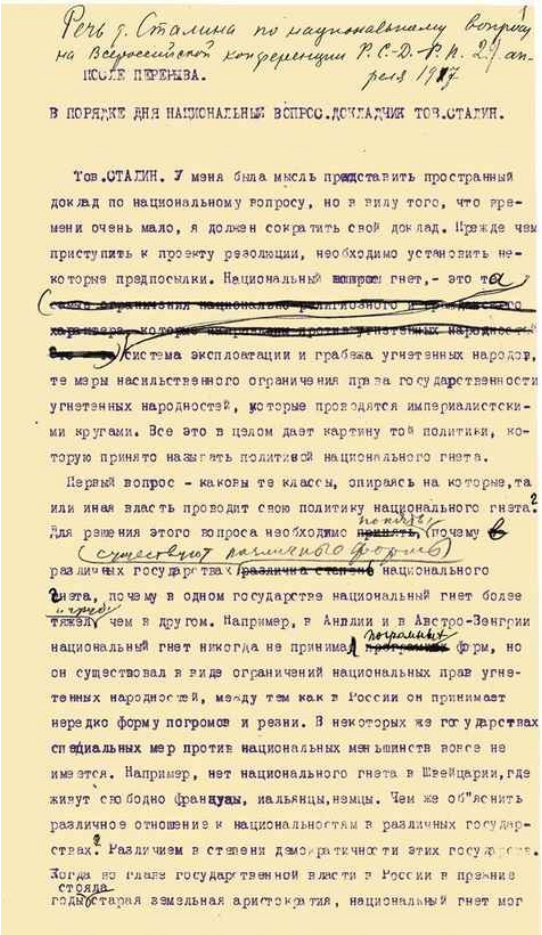
Доклад В.И. Ленина о революции 1905 года, прочитанный на собрании молодежи в Цюрихе
Ранее 9(22) января 1917
Автограф В.И. Ленина
На немецком языке
[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4399. Л. 1–1 об.]

Уже на следующий день после приезда в Петроград на одном из собраний большевиков Ленин в своем докладе подверг разгромной критике и политику ограниченной поддержки Временного правительства, проводившуюся «Правдой», и идею объединения с меньшевиками[11]. Сталин и Каменев при обсуждении знаменитых «Апрельских тезисов» Ленина (доклад «О задачах пролетариата в данной революции»), сформулировавших курс на социалистическую революцию, выступили, в общем, против них. При обсуждении одного из вопросов Сталин даже позволил себе сказать: «Схема, но нет фактов, а потому и не удовлетворяет»[12].

Однако вскоре Сталин принимает важнейшее для себя решение и целиком переориентируется на безусловного лидера партии, поддерживает его лозунг превращения «буржуазно-демократической» революции в «пролетарскую социалистическую». В том же апреле (24–29) (7–12 мая) Сталин участвует в работе Седьмой (апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б). На ней он уже поддерживает

Ленина публично, делает доклад по национальному вопросу, в котором озвучивает лозунг о «признании наций на самоопределение», что вызовет дискуссию, поскольку далеко не все большевистские руководители разделяли эти представления.

Сталин избирается членом ЦК с третьим результатом благодаря неожиданной для многих рекомендации Ленина: «Тов. Коба… хороший работник во всяких ответственных работах»[13]. Этот момент знаменует начало политического восхождения Сталина. Конференция одобрила тезисы Ленина и положила их в основу нового политического курса. Большевики проводят организационное размежевание с меньшевиками и оформляют себя в самостоятельную партию, добавляя букву «б» в скобках к названию прежде единой РСДРП.



Речь т. Сталина по национальному вопросу на Всероссийской конференции Р.С.-Д.-Р.П. 29 апреля 1917

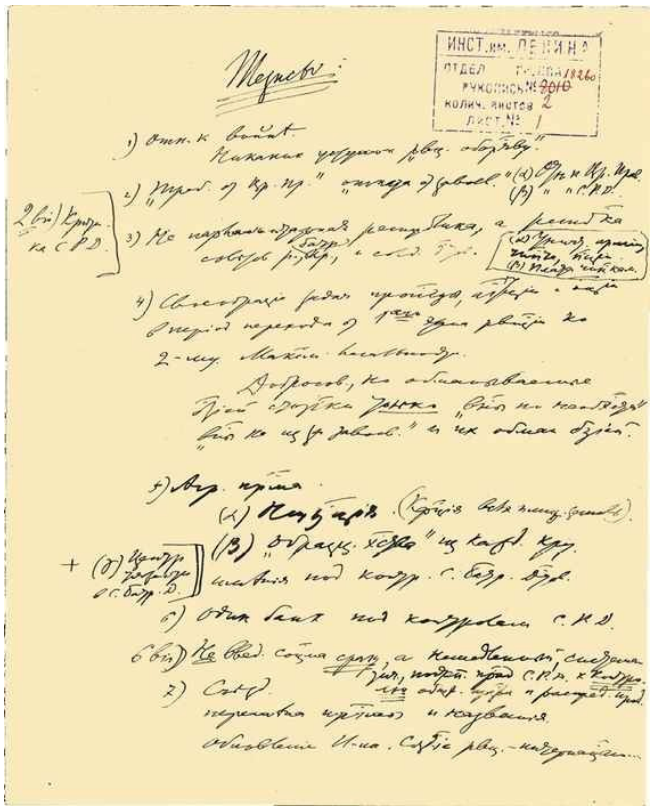
ПОСЛЕ ПЕРЕРЫВА.

В ПОРЯДКЕ ДНЯ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС. ДОКЛАДЧИК ТОВ. СТАЛИН.

Тов. СТАЛИН. У меня была мысль представить пространный доклад по национальному вопросу, но в виду того, что времени очень мало, я должен сократить свой доклад. Прежде чем приступить к проекту резолюции, необходимо установить некоторые предпосылки. Национальный вопрос гнет, - это та ~~[illegible]~~ система эксплоатации и грабежа угнетенных народов, те меры насильственного ограничения права государственности угнетенных народностей, которые проводятся империалистскими кругами. Все это в целом дает картину той политики, которую принято называть политикой национального гнета.

Первый вопрос - каковы те классы, опираясь на которые, та или иная власть проводит свою политику национального гнета? Для решения этого вопроса необходимо понять, почему в различных государствах существуют различные формы ~~различна степень~~ национального гнета, почему в одном государстве национальный гнет более тяжел и грубо, чем в другом. Например, в Англии и в Австро-Венгрии национальный гнет никогда не принимал погромных ~~программных~~ форм, но он существовал в виде ограничений национальных прав угнетенных народностей, между тем как в России он принимает нередко форму погромов и резни. В некоторых же государствах специальных мер против национальных меньшинств вовсе не имеется. Например, нет национального гнета в Швейцарии, где живут свободно французы, иальянцы, немцы. Чем же об"яснить различное отношение к национальностям в различных государствах? Различием в степени демократичности этих государств. Когда во главе государственной власти в России в прежние годы стояла старая земельная аристократия, национальный гнет мог

Доклад И.В. Сталина по национальному вопросу
29 апреля (12 мая) 1917
Правка простым карандашом — автограф И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 2. Л. 1]



Первоначальный набросок «Апрельских тезисов» («О задачах пролетариата в данной революции»), написанный В.И. Лениным в поезде по пути следования в Петроград
3(16) апреля 1917
[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4535. Л. 1–2]

На пространстве 1917 г. в среде социалистов разворачивается полемика о судьбах социализма в России. В рамках этой дискуссии Ленин отверг аргументы политических противников, которые утверждали, что страна не готова к социализму из-за ее экономической отсталости и недостаточного уровня культуры трудящихся масс, заявляли об опасности раскола демократических сил и неизбежности в этом случае Гражданской войны и наступления диктатуры. Основатель российской социал-демократии Г.В. Плеханов в мае 1917 г. в одной из своих статей напишет: «Большевики хотят искусственно ускорить исторический процесс, сделать в России социалистическую революцию в такое время, когда еще нет необходимых для нее условий». В июне он опубликует статью «Логика ошибки», в которой сформулирует свой знаменитый афоризм: «…русская история еще не смолола той муки, из которой будет со временем испечен пшеничный пирог социализма»[14]. Накануне Октябрьского переворота он вновь вернется к этой теме.

«Социалистический строй, — скажет Плеханов, — предполагает, по крайней мере, два непременных условия: во-первых, высокую степень развития производительных сил, так называемой техники; во-вторых, весьма высокий уровень сознательности в трудящемся населении страны. Там, где отсутствуют эти два необходимых условия, не может быть и речи об организации социалистического способа производства. Если бы рабочие попытались организовать его при отсутствии указанных условий, то из их попытки не вышло бы ничего хорошего, им удалось бы организовать только голод… Толковать об организации социалистического общества в России — значит, вдаваться в несомненную, и притом крайне вредную, утопию»[15]. Плеханов, впрочем, останется в политической изоляции, его позициям будут противостоять не только большевики, но и многие меньшевики, которых он окрестит «полуленинцами».

В июне Сталин примет участие в работе I съезда Советов рабочих и солдатских депутатов и будет избран членом Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) и членом Бюро Советов от фракции большевиков. Он опубликует ряд статей в большевистских газетах «Правда» и «Солдатская правда». На Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б) в том же июне он выступит с докладом «О национальном движении и национальных полках».

Участники Июльского восстания на Дворцовой площади
Между 2 и 8 июля 1917
[Из открытых источников]

В июле 1917 г. в стране разразится острейший политический кризис, получивший название «Июльский»[16]. Июльский кризис[17] в значительной степени будет спровоцирован кризисом Временного правительства. Его начальной точкой станет день 2(15) июля, когда три министра, представлявших партию конституционных демократов (кадетов), ушли в отставку в знак протеста против уступок автономистским требованиям самопровозглашенной Центральной рады, принявшей на себя полноту власти на Украине.

В Петрограде начнутся антиправительственные выступления, инициированные 3(16) июля солдатами 1-го пулеметного полка. В этот же день Сталин заявит на заседании ВЦИК и Исполкома Петроградского совета о решении большевиков не принимать участия в вооруженной демонстрации. Однако в ночь на 4(17) июля большевистские Центральный и Петроградский комитеты совместно с военной организацией все-таки примут решение вмешаться в стихийное движение и придать ему «мирный и организованный характер». Мирная демонстрация 4 июля перерастет в вооруженное противостояние с частями, верными Временному правительству.

Угол Невского проспекта и Б. Садовой незадолго до расстрела демонстрации
Петроград 4 июля 1917
[Из открытых источников]

В ходе событий 3–5 (16–18) июля, по разным оценкам, погибнут от 20 до 60 чел., более 600 получат ранения. По общему мнению, главную роль в организации беспорядков сыграют большевики. Правительство введет военное положение в Петрограде, военные части, принявшие участие в демонстрации, будут расформированы, введена смертная казнь на фронте. 9(22) июля Временное правительство своим

постановлением создает Особую следственную комиссию для «производства предварительного следствия о вооруженном восстании 3–5 июля»[18]. После июльских событий будут арестованы Л.Д. Троцкий и Л.Б. Каменев, В.И. Ленин и Г.Е. Зиновьев укроются в Финляндии. Сталин остался вне списка большевиков, преследуемых Временным правительством, поскольку его защищал иммунитет члена ВЦИК Советов. При обсуждении 7(20) июля вопроса о явке Ленина на суд он выскажется против явки.

Момент расстрела Июльской демонстрации
Петроград 4 июля 1917
[Из открытых источников]

Лев Давидович Троцкий
1920-е
[Из открытых источников]

Июльский кризис развернется на фоне неудачного июньского наступления на фронте, которое закончится провалом. 16(29) июня войска Юго-Западного фронта перейдут в наступление и в первые дни достигнут определенных тактических успехов. Керенский даже успеет

направить в адрес правительства пафосную телеграмму: «Сегодня великое торжество революции, Русская революционная армия с огромным воодушевлением перешла в наступление»[19]. Однако наступление практически сразу остановилось, во многом из-за дезорганизации управления, наступившего в результате митинговой активности солдатских комитетов. Контрудар рейхсвера, начавшийся 6(19) июля, завершится полным успехом. Деморализованная солдатская масса, в которую превратилась русская армия, обратилась в беспорядочное отступление. Аналогичные наступления будут предприняты на Северном и Западном фронтах и закончатся таким же провалом. Относительно успешным окажется лишь наступление на Румынском фронте, которое остановится 14(27) июля по приказу Керенского. Он к тому моменту уже возглавит Временное правительство на посту министра-председателя вместо Г.Е. Львова, сохранив при этом за собой пост военного и морского министра. Июньское наступление станет последним наступлением русских войск в Первой мировой войне [20].

Григорий Евсеевич Зиновьев
1919–1920
[РГАСПИ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 323]

Выступления Сталина этого периода становятся более радикальными. На Второй конференции петроградской организации РСДРП(б), состоявшейся 16(29) июля, он заявит: «Рассчитывать на мирный переход власти в руки рабочего класса путем давления на Советы мы не можем. Как марксисты, мы должны сказать: дело не в учреждениях, а в том, политику какого класса проводит это учреждение. Мы, безусловно, за те Советы, где наше большинство. И такие Советы мы постараемся создать. Передавать же власть Советам,

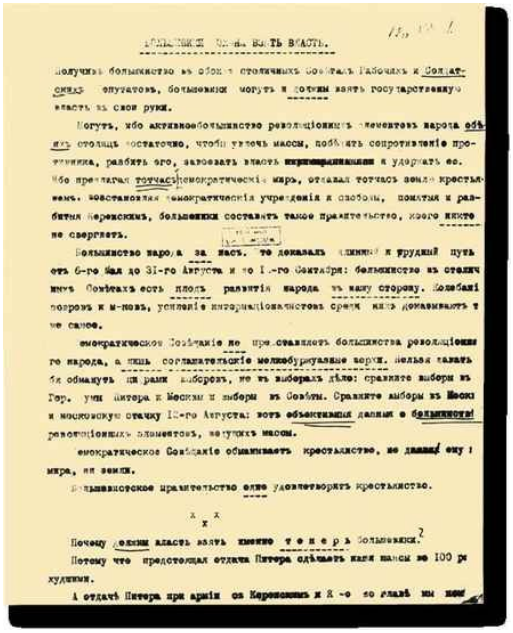
заключающим союз с контрреволюцией, мы не можем», «мирный период развития революции кончился… теперь одним из условий перехода власти является победа над контрреволюцией путем восстания»[21]. Сталин проявил себя в этом эпизоде как последовательный сторонник ленинского принципа революционной целесообразности, а не формальной демократии. Орган народовластия имеет право на существование только в том случае, если выражает не волю большинства, а политические установки и лозунги твоей партии. В августе Ленин снимет с политической повестки дня большевиков лозунг «Вся власть Советам» и вернет его в арсенал средств борьбы большевиков за власть уже в начале осени, когда обозначится тенденция к большевизации Советов.

Важнейшим для позиционирования Сталина в качестве одного из лидеров партии стал VI съезд, прошедший 26 июля — 3 августа (8–16 августа). От умеренности Сталина на этот момент мало что осталось. Сталин вместо Ленина впервые выступил с отчетным докладом ЦК, в котором озвучил ленинские идеи. На этом съезде состоится небольшая дискуссия, из которой вырастут в дальнейшем серьезные теоретические и политические разногласия в большевистской среде. Один из лидеров будущей троцкистской оппозиции Е.А. Преображенский, выступая в ходе обсуждения проекта резолюции, обусловит построение социализма наличием пролетарской революции на Западе. Сталин будет возражать: «Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму… надо откинуть отжившее представление, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего»[22]. Важным и примечательным это высказывание является в свете того, что через несколько лет именно из этих представлений вырастет сталинская концепция построения социализма в отдельно взятой стране. При голосовании по предложенной им поправке Преображенский потерпит поражение. В резолюцию войдет формулировка о задаче революционных классов в период национального кризиса — захватить государственную власть и направить ее в союзе с революционным пролетариатом передовых стран к миру и социалистическому переустройству общества. Позиция Сталина, отвергшего идею обусловленности социалистического переустройства России победой социализма на Западе, найдет поддержку большинства партии. На это большинство во многом и в дальнейшем будет опираться Сталин, формируя в 1920-х гг. свой политический курс.

На съезде Сталин совершит серьезную политическую ошибку. Он заявит о допустимости явки Ленина и Зиновьева на суд при условии, что суд будет демократически организован и предоставит гарантии от насилия. Оговорка, сделанная им, что сегодня таких условий нет в наличии, не оградит его позицию от фактической обструкции. Видные

большевики Н.И. Бухарин, Ф.Э. Дзержинский, Н.А. Скрыпник, В. Володарский подвергнут жесткой критике его высказывание о возможности «честного буржуазного суда».

Абсолютным большинством голосов будет принята резолюция Бухарина, в которой осуждалась «возмутительная прокурорско-шпионско-полицейская травля вождей революционного пролетариата» и исключалась всякая возможность явки Ленина и Зиновьева на суд[23]. В рамках существовавшего на тот момент в рядах большевиков относительного плюрализма мнение Сталина, отличавшееся от мнения большинства и решительно отвергнутое этим большинством, не повредит его восхождению на партийный олимп.



ПРОЛЕТАРИИ ВОЗЬМИТЕ ВЛАСТЬ.

Получивъ большинство въ обоихъ столичныхъ Совѣтахъ Рабочихъ и Солдатскихъ депутатовъ, большевики могутъ и должны взять государственную власть въ свои руки.

Могутъ, ибо активное большинство революціонныхъ элементовъ народа объ-единяетъ столицы достаточно, чтобы увлечь массы, подавить сопротивленіе противника, разбить его, захватить власть и удержать ее.

Ибо предлагая тотчасъ демократическій миръ, отдавая тотчасъ землю крестьянамъ, возстановляя демократическія учрежденія и свободы, попавшія к разбитая Керенскимъ, большевики составятъ такое правительство, какого никто не свергнетъ.

Большинство народа за насъ, то доказали длинный и трудный путь отъ 6-го Мая до 31-го Августа и по 1-го Октября: большинство въ столичныхъ Совѣтахъ есть плодъ развитія народа въ нашу сторону. Колебанія поворотъ к м-новъ, усиленіе интернаціоналистовъ среди нихъ доказываютъ то же самое.

Демократическое Совѣщаніе не представляетъ большинства революціонного народа, а лишь сговариваетъ мелкобуржуазные верхи. Нельзя сказать бы обманутъ на рамк выборовъ, не въ выборахъ дѣло: сравните выборы въ Гор. Думы Питера и Москвы и выборы въ Совѣты. Сравните выборы въ Москвы и московскую отдачу 12-го Августа: вотъ объективныя данныя о большинствѣ революціонныхъ элементовъ, ведущихъ массы.

Демократическое Совѣщаніе обманываетъ крестьянство, не давая ему и мира, ни земли.

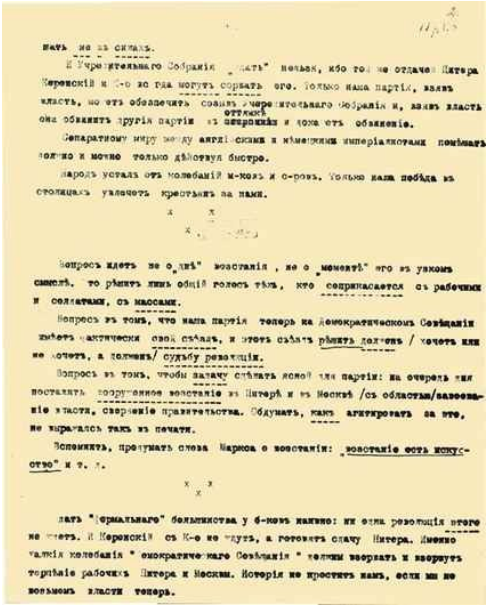
Большевистское правительство сдѣлаетъ удовлетворитъ крестьянство.

x x x

Почему должны власть взять именно т о л ь к о большевики?

Потому что предстоящая отдача Питера одѣваетъ наши шансы не 100 р худшими.

А отдачѣ Питера при арміи ов Керенскимъ и К -о по плавѣ мы мог



нать не за скатъ.

И Учредительнаго Собранія „ждать" нельзя, ибо тогда не отдачи Питера Керенскій и К-о во гда могутъ сорвать его. Только наша партія, взявъ власть, но отъ обезпечитъ созывъ Учредительнаго Собранія и, взявъ власть оттакъ она обманетъ другія партіи съ мирнымъ и тонкимъ обманомъ.

Сепаратному миру между англійскими и германскими имперіалистами помѣшать можно и можно только дѣйствуя быстро.

Народъ усталъ отъ колебаній м-ковъ и с-ровъ. Только наша побѣда въ столицахъ увлечетъ крестьянъ за нами.

x x
x

Вопросъ идетъ не о „днѣ" возстанія, не о „моментѣ" его въ узкомъ смыслѣ, то рѣшитъ лишь общій голосъ тѣхъ, кто соприкасается съ рабочими и солдатами, съ массами.

Вопросъ въ томъ, что наша партія теперь на Демократическомъ Совѣщаніи имѣетъ практически свой съѣздъ, и этотъ съѣздъ рѣшить долженъ / хочетъ или не хочетъ, а долженъ/ судьбу революціи.

Вопросъ въ томъ, чтобы запачу сдѣлать новой эпохой партіи: на очередь эпохи поставить вооруженное возстаніе въ Питерѣ и въ Москвѣ /съ областью/захвачивающее власть, сверженіе правительства. Обдумать, какъ агитировать за это, не выражаясь такъ въ печати.

Вспомнить, продумать слова Маркса о возстаніи: „возстаніе есть искусство" и т. д.

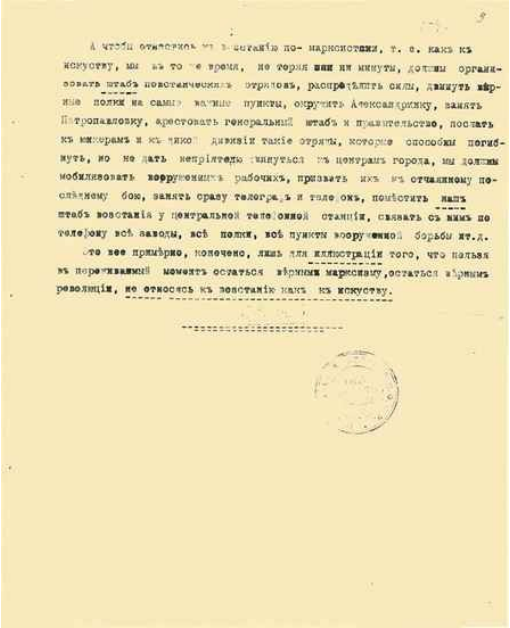
x x x

Нѣтъ "формальнаго" большинства у б-ковъ налицо: ни одна резолюція этого не отмѣтитъ. И Керенскій съ К-о не будутъ, а готовятъ сдачу Питера. Именно такія колебанія "демократическаго Совѣщанія" должны ворвать и ворвутъ терпѣніе рабочихъ Питера и Москвы. Исторія не проститъ намъ, если мы не возьмемъ власти теперь.

Письмо В.И. Ленина «Большевики должны взять власть», адресованное Центральному комитету, Петроградскому и Московскому комитетам РСДРП

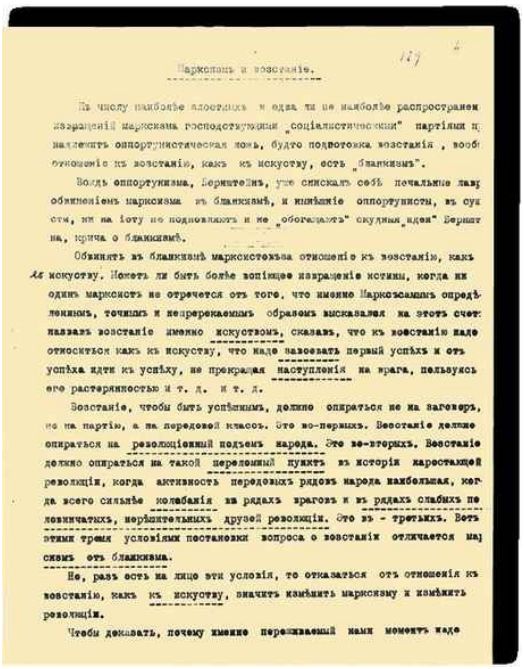
Гельсингфорс. 12(25) — 14(27) сентября 1917

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4613. Л. 1–2]



А чтобы отмѣсковать отъ возстанія по-марксистски, т. е. какъ къ искусству, мы въ то же время, не теряя ни минуты, должны организовать штабъ повстаническихъ отрядовъ, распредѣлить силы, двинуть вѣрные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропавловку, арестовать генеральный штабъ и правительство, послать къ юнкерамъ и къ дикой дивизіи такіе отряды, которые способны погибнуть, но не дать непріятелю двинуться въ центрамъ города, мы должны мобилизовать вооруженныхъ рабочихъ, призвать ихъ въ отчаянному последнему бою, занять сразу телеграфъ и телефонъ, поместить нашъ штабъ возстанія у центральной телефонной станціи, связать съ нимъ по телефону всѣ заводы, всѣ полки, всѣ пункты вооруженной борьбы и т.д.

Это ее примѣрно, конечно, лишь для иллюстраціи того, что нельзя въ переживаемый моментъ остаться вѣрнымъ марксизму, остаться вѣрнымъ революціи, не относясь къ возстанію какъ къ искусству.



Марксизмъ и возстаніе.

Къ числу наиболѣе злостныхъ и едва ли не наиболѣе распространен извращеній марксизма господствующими „соціалистическими" партіями п принадлежитъ оппортунистическая ложь, будто подготовка возстанія , вообі отношеніе къ возстанію, какъ къ искусству, есть „бланкизмъ".

Вождь оппортунизма, Бернштейнъ, уже снискалъ себѣ печальную лав обвиненіемъ марксизма въ бланкизмѣ, и имѣніе оппортунисты, въ сущ сти, ни на іоту не подновляютъ и не „обогащаютъ" скудныя „идеи" Бернш на, крича о бланкизмѣ.

Обвинять въ бланкизмѣ марксистскаго отношенія къ возстанію, какъ к искусству. Можетъ ли быть болѣе вопіющее извращеніе истины, когда ни одинъ марксистъ не отречется отъ того, что именно Марксомъ опредѣленнымъ, точнымъ и непререкаемымъ образомъ высказался на этотъ счет назвавъ возстаніе именно искусствомъ, сказавъ, что къ возстанію надо относиться какъ къ искусству, что надо завоевать первый успѣхъ и отъ успѣха идти къ успѣху, не прекращая наступленія на врага, пользуясь его растерянностью и т. д. и т. д.

Возстаніе, чтобы быть успѣшнымъ, должно опираться не на заговоръ, не на партію, а на передовой классъ. Это во-первыхъ. Возстаніе должно опираться на резолюціонный подъемъ народа. Это во-вторыхъ. Возстаніе должно опираться на такой переломный пунктъ въ исторіи нарастающей революціи, когда активность передовыхъ рядовъ народа наибольшая, когда всего сильнѣе колебанія въ рядахъ враговъ и въ рядахъ слабыхъ поколебимыхъ, нерѣшительныхъ друзей революціи. Это въ - третьихъ. Вотъ этими тремя условіями постановки вопроса о возстаніи отличается марксизмъ отъ бланкизма.

Но, разъ есть на лицо эти условія, то отказаться отъ отношенія къ возстанію, какъ къ искусству, значитъ измѣнить марксизму и измѣнить революціи.

Чтобы доказать, почему именно переживаемый нами моментъ надо

Письмо В.И. Ленина ЦК РСДРП «Марксизм и восстание»
Гельсингфорс. 13(26) — 14(27) сентября 1917
[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4614. Л. 1–6]

Николай Иванович Бухарин
1918
[Из открытых источников]

Феликс Эдмундович Дзержинский
1918
[РГАСПИ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 36. Л. 1]

Процесс радикализации общественных настроений в сентябре — октябре принял очень активный характер и привел в результате к большевизации Советов. 25 сентября (8 октября) после победы фракции большевиков на выборах Президиума Петросовета Троцкий, недавно примкнувший к большевикам, возглавит его в качестве председателя.

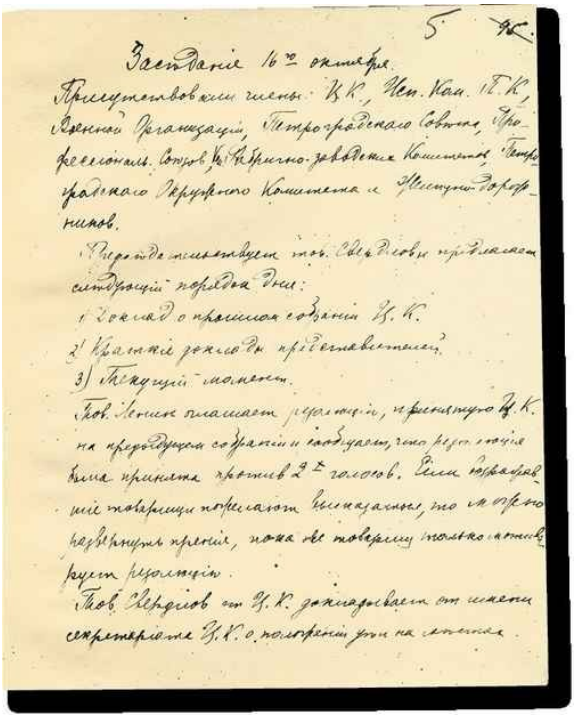
Уже в начале сентября Ленин ставит вопрос о необходимости немедленно начать подготовку к вооруженному восстанию. Он направит в ЦК в виде писем две свои небольшие работы: «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание».

15(28) сентября на заседании ЦК будет обсуждаться эта установка вождя партии, но члены ЦК уклонятся от принятия ленинского плана[24]. 9(22) октября Ленин нелегально вернется из Гельсингфорса в Петроград, а уже 10(23) октября выступит на заседании ЦК. В своей речи он станет утверждать, что политически ситуация для взятия власти полностью назрела и теперь нужно готовить восстание с технической стороны. Сталин проголосовал за ленинскую резолюцию о неизбежности вооруженного восстания[25], был избран членом Политического бюро (Политбюро), созданного тогда в качестве временного органа. Он вошел в его состав вместе с Лениным, Зиновьевым, Каменевым, Троцким, Г.Я. Сокольниковым и А.С. Бубновым. Зиновьев и Каменев проголосовали против ленинской резолюции.

Григорий Яковлевич Сокольников
1920-е
[РГАСПИ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 58. Л. 100]

Андрей Сергеевич Бубнов
30 октября 1916
[РГАСПИ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 91]

На основании резолюции ЦК от 10(23) октября Петроградский совет создает Военно-революционный комитет, задачей которого была определена подготовка вооруженного восстания[26]. 13(26) октября Сталин выступит со статьей «Власть Советов» в газете «Рабочий путь», где скажет: «...страна уже созрела для диктатуры пролетариата и революционного крестьянства. Настал момент, когда революционный лозунг «Вся власть Советам!» должен быть, наконец, осуществлен»[27].



5 ~~45~~

Засѣданіе 16-го октября.

Присутствовали члены: Ц.К., Исп. Ком. П.К., Военной Организаціи, Петроградскаго Совѣта, Профессіональ. Союзов, Фабрично-заводских Комитетов, Петроградскаго Окружного Комитета и Женщин-дорожников.

Предсѣдательствует тов. Свердлов и предлагает слѣдующій порядок дня:

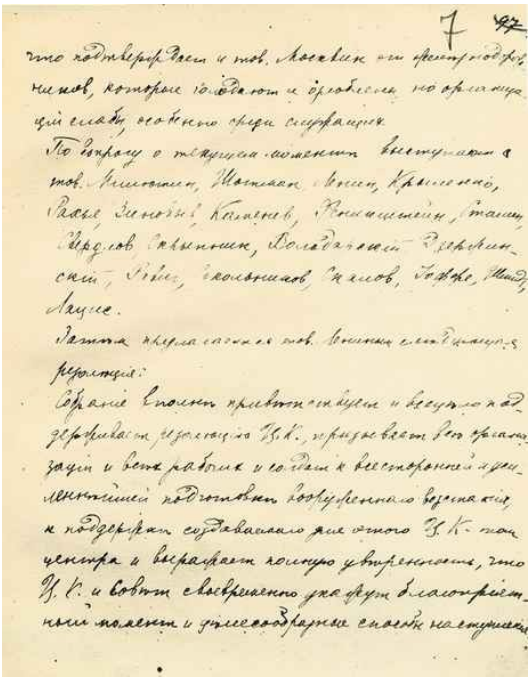
1) Доклад о прошлом собраніи Ц.К.

2) Краткіе доклады представителей.

3) Текущій момент.

Тов. Ленин оглашает резолюцію, принятую Ц.К. на предыдущем собраніи и сообщает, что резолюція была принята против 2-х голосов. Если возражавшіе товарищи пожелают высказаться, то можно развернуть пренія, пока же товарищ только мотивирует резолюцію.

Тов. Свердлов от Ц.К. докладывает от имени секретаріата Ц.К. о положеніи дѣл на мѣстах.



7 ~~47~~

что подтверждает и тов. Москвин от женщин-дорожников, которые голодают и ореблены, но организацій слабы, особенно среди служащих.

По вопросу о текущем моментѣ выступают тов. Милютин, Шотман, Ленин, Крыленко, Рахье, Зиновьев, Каменев, Фенигштейн, Сталин, Свердлов, Скрыпник, Володарский, Дзержинский, Ревич, Сокольников, Скалов, Гоффе, Шмидт, Лацис.

Затѣм предлагается тов. Лениным слѣдующая резолюція:

Собраніе вполнѣ привѣтствует и всецѣло поддерживает резолюцію Ц.К., призывает всѣ организаціи и всѣх рабочих и солдат к всесторонней и усиленнѣйшей подготовкѣ вооруженнаго возстанія, и поддержкѣ создаваемаго для этого Ц.К. тов. центра и выражает полную увѣренность, что Ц.К. и совѣт своевременно укажут благопріятный момент и цѣлесообразные способы наступленія.

Протокол заседания ЦК РСДРП с утверждением резолюции В.И. Ленина о подготовке к вооруженному восстанию

16(29) октября 1917

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1а. Д. 34. Л. 5–7]

Яков Михайлович Свердлов
1918
[РГАСПИ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 139. Л. 89]

Моисей Соломонович Урицкий
Не позднее 29 августа 1918
[РГАСПИ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 766]

В ночь на 16(29) октября состоится заседание ЦК, на котором будет принята ленинская резолюция «о всемерной и усиленнейшей подготовке вооруженного восстания»[28].

За резолюцию проголосуют 19 членов ЦК (в их числе Сталин), четверо воздержатся, а члены Политбюро Зиновьев и Каменев проголосуют против. Сталин избирается членом созданного на этом заседании Военно-революционного центра, в состав которого, помимо

Сталина, войдут Я.М. Свердлов, Ф.Э. Дзержинский, А.С. Бубнов и М.С. Урицкий [29].

Военно-революционный центр (ВРЦ), будет кооптирован в состав Петроградского военно-революционного комитета, возглавлявшегося Троцким. Вопрос о роли ВРЦ в ходе Октябрьского переворота до сих пор является дискуссионным[30]. В то же самое время Сталин направил в Ставропольскую окружную комиссию по выборам в Учредительное собрание телеграмму о согласии баллотироваться по списку большевиков[31].

Зиновьев и Каменев не ограничатся протестным голосованием на заседании ЦК. 18(31) октября Каменев от своего и Зиновьева имени опубликует в небольшевистской газете «Новая жизнь» статью, фактически обнародовавшую планы большевистского руководства и направленную против резолюции ЦК. Ленин, назвав обоих членов Политбюро «штрейкбрехерами» и «предателями», потребует их исключения из партии. 19 октября (1 ноября) Сталин опубликует письмо Зиновьева о его и Каменева разногласиях с Лениным в газете «Рабочий путь» и сопроводит ее примечанием «От редакции», где заявит, что инцидент «можно считать исчерпанным», а резкий тон ленинского письма в ЦК «не меняет того, что в основном мы остаемся единомышленниками»[32]. Сталин на заседании ЦК 20 октября (2 ноября) выступил против предложения Ленина исключить из партии Зиновьева и Каменева[33], заявив, что исключение из партии «нецелесообразно, нужно сохранять единство партии», полагал обязать их подчиниться решениям ЦК и оставить их в его составе. На этом же заседании произойдет столкновение Сталина с Троцким, который заявил о недопустимости публикации письма Зиновьева и редакционного комментария. На заседании ЦК 20 октября (2 ноября) его члены проголосуют против предложения Ленина об исключении[34].

ЗАЯВЛЕНІЕ

Я нижеподписавшійся Сталин, Іосиф Виссаріонович
симъ изъявляю согласіе баллотироваться въ Учредительное
Собраніе по Ставропольскому Избир. Окр.
и не возражаю противъ признака помѣщенія въ спискѣ предло-
женномъ Ставропольской организаціей Р.С.Д.Р.П.
(большевиковъ)
Адресъ Петроградъ. Десятая Рождественская, домъ 17а,
квартира 20
Іосифъ Виссаріо Сталинъ.

Заявление И.В. Сталина с согласием баллотироваться в Учредительное собрание по Ставропольскому избирательному округу

Не позднее 18 октября 1917

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 4576. Л. 1]

По вопросу о вооруженном восстании колебались не отдельные личности, колебалось все большевистское руководство. И Троцкий, и Зиновьев позднее скажут примерно одно и то же: «Если кто-либо мог заставить колеблющихся встать в ряды и шеренгу, это был тов. Ленин»[35]. Вероятно, в плане Ленина по захвату власти партией большевиков Сталин увидел лично для себя бóльшую перспективу, нежели в случае альянса с меньшевиками и другими умеренными социалистами в рамках существующего режима, что обрекало его в силу личных и политических качеств на роли третьего плана. Нельзя исключать и того, что Сталин, понимая реальность развития событий не по ленинскому сценарию, оставлял для себя свободу действий и отношений с умеренными и легального существования в рамках легитимного на тот момент политического режима. «Умеренность и аккуратность» Сталина этого периода противопоставила его тогда Л.Д. Троцкому, заложив основы будущих межличностных и политических конфликтов.

После разгрома юнкерами типографии большевистской газеты «Рабочий путь» Сталин обеспечит выпуск очередного ее номера и 24 октября опубликует статью «Что нам нужно?», в целом воспроизводившую установки на переход власти к Советам. «Настал момент, — скажет Сталин, — когда дальнейшее промедление грозит гибелью всему делу революции». Публикуя в 1946 г. эту статью в третьем томе сочинений Сталина, составители, цензурируемые самим автором, интерпретируют ее содержание как призыв к свержению Временного правительства[36]. Нельзя не отметить однако, что в статье как раз отсутствует прямой призыв к свержению правительства или к вооруженному восстанию. Более того, Сталин фактически призывает «рабочих, солдат, крестьян, казаков, всех трудящихся» к действию в легальном поле. Он призовет их встать «поголовно, как один человек», устраивать собрания, выбирать делегации, излагать через них свои требования съезду Советов. «Старое правительство уступит место новому тем более мирно, чем сильнее, организованнее и мощнее выступите вы»[37]. Завершить эту статью Сталин решит так: «У власти должно быть новое правительство, избранное Советами, сменяемое Советами, ответственное перед Советами. Только такое правительство может обеспечить своевременный созыв Учредительного собрания». Нельзя исключать того, что Сталин продолжал держать в уме вариант мирного транзита власти от Временного правительства к Советам [38].

Утром 24 октября (6 ноября) он не участвовал в последнем перед началом восстания заседании ЦК по причинам, которые остаются неизвестными. На заседании было принято решение, которым всех членов ЦК обязали находиться в Смольном, и были распределены обязанности по руководству решающими участками восстания[39]. Мог ли

Сталин, не явившись на это заседание в Смольный, хеджировать, выражаясь современным языком, риски, связанные с участием в перевороте в случае его подавления, — это вопрос для будущих поколений историков. В литературе, впрочем, высказывается и другое предположение. Сталин остался или, точнее, был оставлен в неведении обо всей «операции» в целом теми людьми, которые руководили этой деятельностью, то есть Троцким и Свердловым[40].

Сталин появится в Смольном во второй половине дня и в ночь с 24 на 25 октября (6–7 ноября) станет участником заседания ЦК, на котором фактически уже подводились итоги восстания[41]. К этому моменту большевики контролировали практически весь город, за исключением Зимнего дворца и штаба военного округа.

Вечером 25-го откроется II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Написанное Лениным воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам» провозглашало низложение Временного правительства и переход власти в руки Советов. И, кстати, именно по предложению Сталина большевистский ЦК на своем заседании 21 октября (3 ноября) сформировал повестку дня съезда. По вопросам о земле, войне и власти должен был выступить Ленин, о рабочем контроле — В.П. Милютин, о национальном вопросе — сам Сталин, о текущем моменте — Троцкий и др.[42]

Так или иначе, очевидными остаются не самая радикальная позиция и не самая активная роль Сталина в октябрьских событиях. В черновых набросках к биографии Сталина, не вошедших в основной текст, Троцкий оценил роль Сталина в переломные моменты российского революционного движения так: «Он проспал три русских революции»[43]. В окончательный вариант книги эта характеристика, однако, не войдет.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ВЕЧЕРНЯЯ ГАЗЕТА

РАБОЧІЙ и СОЛДАТЪ

Органъ Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Цѣна въ Петроградѣ 15 к. На ст. жел. дорогѣ 18 к.

№ 10. Пятница, 27 Октября (9 ноября нов. ст.) 1917 года. № 10.

Адресъ конторы и редакціи: Смольный Институтъ, 3-й этажъ, комната № 30. (Тел. 210-30, 108-65, 94-00, соедин. съ комн. № 30)

СОВѢТЪ НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ.

Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ, постановляетъ:

Образовать для управленія страной, впредь до созыва Учредительнаго Собранія, временное рабочее и крестьянское правительство, которое будетъ именоваться Совѣтомъ Народныхъ коммисаровъ. Завѣдываніе отдѣльными отраслями государственной жизни поручается комиссіямъ, составъ которыхъ долженъ обезпечить проведеніе въ жизнь провозглашенной Съѣздъ программы, въ тѣсномъ единеніи съ массовыми организаціями рабочихъ, работницъ, матросовъ, солдатъ, крестьянъ и служащихъ. Правительственная власть принадлежитъ коллегіи предсѣдателей этихъ комиссій, т. е. Совѣту Народныхъ комиссаровъ.

Контроль надъ дѣятельностью народныхъ комиссаровъ и право смѣщенія ихъ принадлежитъ Всероссійскому Съѣзду Совѣтовъ Рабочихъ, Крестьянскихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и его Центральн. Исп. Комитету.

Въ настоящій моментъ Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ составляется изъ слѣдующихъ лицъ:

Предсѣдатель Совѣта—**Владимиръ Ульяновъ (Ленинъ);**
Народный Комиссаръ по внутреннимъ дѣламъ—**А. И. Фыковъ;**
Земледѣлія—**В. П. Милютинъ;**
Труда—**А. Г. Шляпниковъ;**
По дѣламъ военнымъ и морскимъ-комитетъ въ составѣ: **В. А. Овсѣенко (Антоновъ), Н. В. Крыленко** и **Ф. М. Дыбенко;**
По дѣламъ Торговли и Промышленности—**В. П. Ногинъ;**
Народнаго Просвѣщенія—**А. В. Луначарскій;**
Финансовъ—**И. И. Скворцовъ (Степановъ);**
По дѣламъ иностраннымъ—**Л. Д. Бронштейнъ (Троцкій);**
Юстиціи—**Г. И. Оппоковъ (Ломовъ);**
По дѣламъ продовольствія—**И. А. Теодоровичъ;**
Почтъ и телеграфовъ—**Н. П. Авиловъ (Глѣбовъ);**
Предсѣдателемъ по дѣламъ національностей—**І. В. Джугашвили (Сталинъ).**

Постъ Народнаго Комиссара по дѣламъ желѣзнодорожнымъ временно остается незамѣщеннымъ.

Декрет об образовании Рабочего и крестьянского правительства, опубликованный 27 октября (9 ноября) 1917 года в газете «Рабочий и солдат»

26 октября (8 ноября) 1917

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 641. Л. 1]

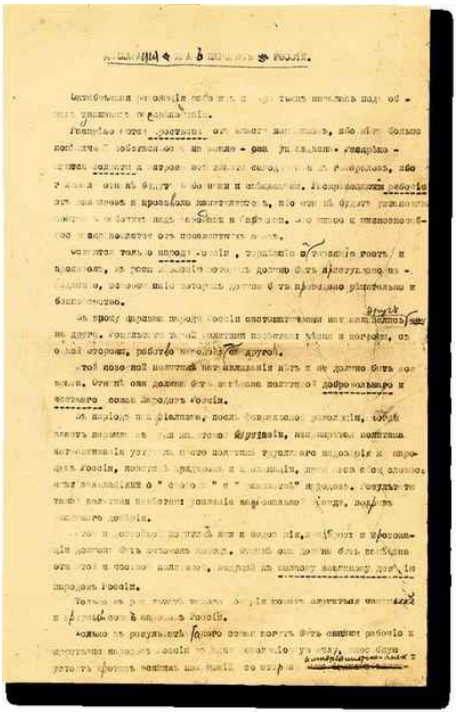
От переворота к революции. Становление нового порядка

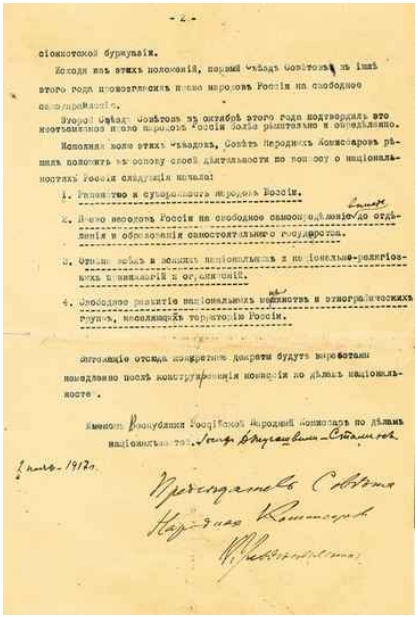
25 октября (7 ноября) 1917 г. в результате вооруженного восстания большевики берут власть в Петрограде в свои руки. События этих дней все лидеры большевиков будут долгое время квалифицировать как переворот. Не станет исключением из общего ряда и Сталин. Он опубликует в течение 1918 г. целый ряд работ, выступит с рядом речей, где именно таким образом назовет события 7–8 ноября 1917 г. Однако он же в работе «Октябрьский переворот и национальный вопрос»,

опубликованной в «Правде» в ноябре 1918 г.[44], довольно точно опишет направление и результаты этого отрезка исторического процесса. Оценивая положение дел в России осенью 1917 г., он скажет: «Нужна была новая, социалистическая революция... Эта революция пришла в результате Октябрьского переворота»[45]. Большевикам, правда, придется немало потрудиться, чтобы трансформировать военный переворот в полномасштабную социальную революцию.

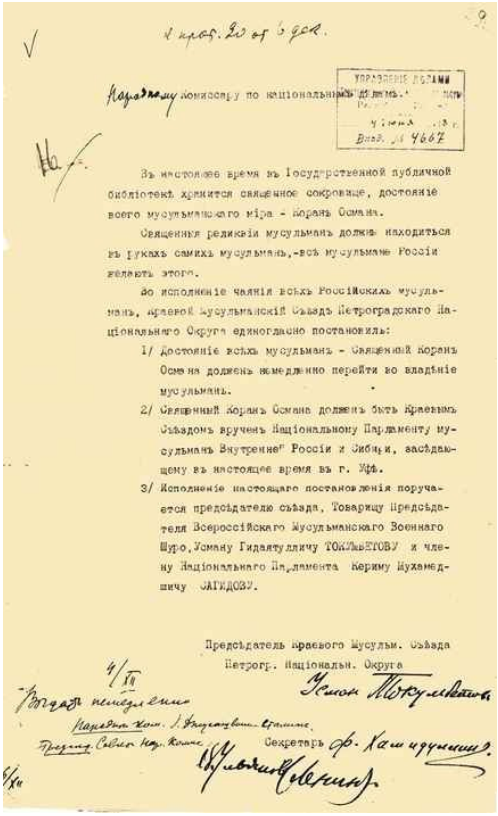
В ночь с 26 на 27 октября (8–9 ноября) II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, узнав об аресте Временного правительства вооруженными отрядами большевиков, принимает воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам», в котором говорилось о том, что съезд берет власть в свои руки. Съезд своим декретом создает новое правительство Российской Республики — Совет народных комиссаров (СНК). В первой строке утвержденного состава СНК в должности Председателя значится В.И. Ленин, а в последней строке в должности Председателя по делам национальностей — И.В. Джугашвили (Сталин). Обычно в литературе должность Сталина именуется иначе — народный комиссар (нарком). Он действительно им станет, но после создания соответствующего наркомата. Очевидно, однако, что в первом составе Совнаркома по своему формальному статусу он оказывается выше других руководителей, уступая только Ленину [46].

Обычно упускается из внимания оговорка, содержащаяся в постановлении съезда, указывающая на временный характер деятельности Совнаркома. Как и свергнутое Временное правительство, он создавался «впредь до созыва Учредительного собрания»[47]. Выступая на съезде с докладами о мире и земле, Ленин в обоих случаях подчеркивает: «Мы внесем их на обсуждение Учредительного собрания»[48].





Декларация прав народов России
2(15) ноября 1917
Подписи — автографы В.И. Ленина, И.В. Сталина, дата и поправки — автограф И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24219. Л. 1–2]



Народному Комиссару по національнымъ дѣламъ.

Въ настоящее время въ Государственной публичной библіотекѣ хранится священное сокровище, достояніе всего мусульманскаго міра - Коранъ Османа.

Священная реликвія мусульманъ должна находиться въ рукахъ самихъ мусульманъ,-всѣ мусульмане Россіи желаютъ этого.

Во исполненіе чаянія всѣхъ Россійскихъ мусульманъ, Краевой Мусульманскій Съѣздъ Петроградскаго Національнаго Округа единогласно постановилъ:

1/ Достояніе всѣхъ мусульманъ - Священный Коранъ Османа долженъ немедленно перейти во владѣніе мусульманъ.

2/ Священный Коранъ Османа долженъ быть Краевымъ Съѣздомъ врученъ Національному Парламенту мусульманъ Внутренней России и Сибири, засѣдающему въ настоящее время въ г. Уфѣ.

3/ Исполненіе настоящаго постановленія поручается предсѣдателю съѣзда, Товарищу Предсѣдателя Всероссійскаго Мусульманскаго Военнаго Бюро, Усману Гидаятуллину ТОКУМБЕТОВУ и члену Національнаго Парламента Кериму Мухамедовичу ЗАГИДОВУ.

Предсѣдатель Краевого Мусульм. Съѣзда
Петрогр. Національн. Округа
Усман Токумбетов

Секретарь Ф. Хамидуллин

Письмо председателя Краевого мусульманского съезда Петроградского национального округа Усмана Токумбетова наркому по делам национальностей И.В. Сталину о передаче мусульманам Корана Османа

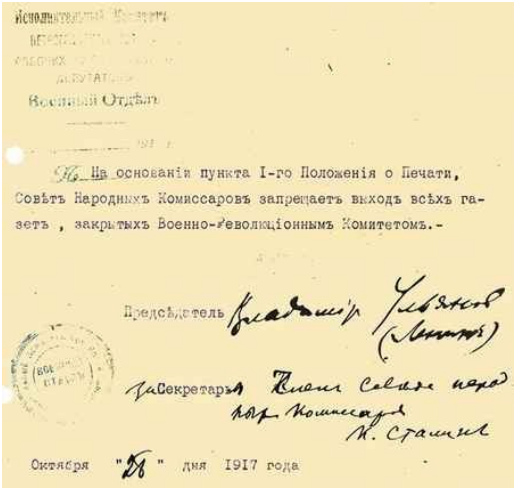
4(17) декабря 1917

Подписи — автографы У.Г. Токумбетова, Ф. Хамидуллина, В.И. Ленина, резолюция — автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4902. Л. 1]

Декларируя первоначально захват власти как временную меру, большевики намереваются максимально использовать отпущенное ими самим себе время до созыва Учредительного собрания для того, чтобы провести два комплекса мер и легитимизировать, закрепить тем самым свое присутствие во власти. Роль мероприятий по «защите революции» видится Ленину служебной, а «подавление эксплуататорского меньшинства», по его мнению, — дело «сравнительно легкое, простое и естественное». Эти меры призваны обеспечить безопасность нового режима, который должен провести в жизнь ряд первоочередных мероприятий социалистического переустройства. Их Ленин озвучит в начале своего первого выступления после захвата власти на II съезде

Советов. Он отнесет к ним «немедленный демократический мир», «безвозмездную передачу помещичьих, удельных и монастырских земель в распоряжение крестьянских комитетов», полную демократизацию армии, рабочий контроль над производством, «подлинное право на самоопределение» всем нациям, созыв Учредительного собрания, доставку хлеба в города и предметов первой необходимости в деревню[49]. Сделано это должно быть в надежде на то, скажет Ленин, что «жизнь заставит нас сблизиться в общем потоке революционного творчества», имея в виду завоевание на свою сторону поддержки основных масс населения России[50].


Военный Отдѣлъ

На основаніи пункта I-го Положенія о Печати, Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ запрещаетъ выходъ всѣхъ газетъ, закрытыхъ Военно-Революціоннымъ Комитетомъ.-

Предсѣдатель Владиміръ Ульяновъ (Ленинъ)

Секретарь

Октября "28" дня 1917 года

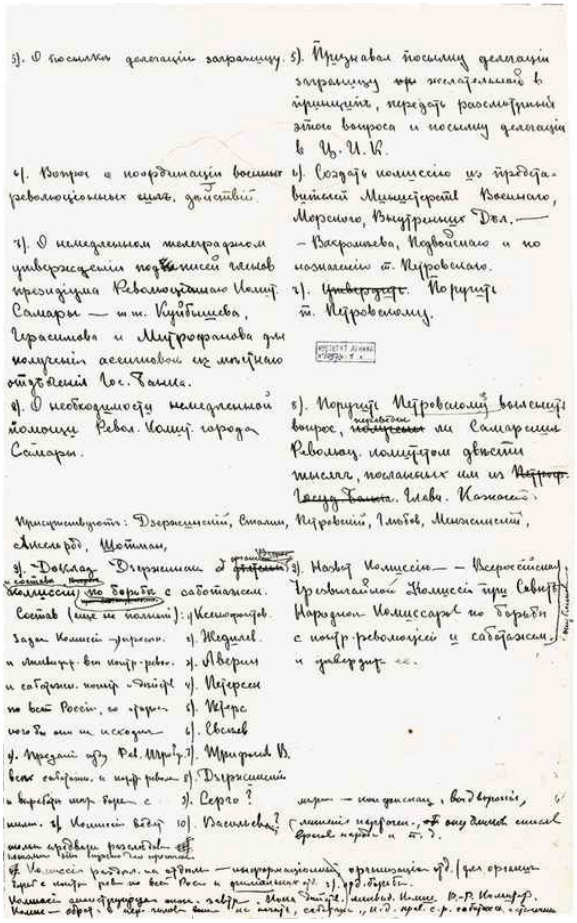
Постановление СНК о запрещении выхода газет, закрытых Военно-революционным комитетом на основании пункта 1 «Декрета о печати»
28 октября (10 ноября) 1917
Подписи — автографы В.И. Ленина, И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4647. Л. 1]

Важнейшим документом в ряду первых декретов стала «Декларация прав народов России», провозгласившая полное равноправие всех народов России и обнародованная за двумя подписями — Сталина и Ленина — 2(15) ноября. Проект Декларации был написан именно Сталиным[51].

В этой Декларации Совнарком заявил, что «решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала: 1) равенство и суверенность народов России; 2) право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; 3) отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и

ограничений; 4) свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России» [52].

Принятие этого документа сопровождалось со стороны Советского правительства рядом символических акций, имевших агитационную направленность. Так, 16(29) ноября Сталин на заседании СНК выступит с предложением о передаче исторических ценностей украинскому народу. 6(19) декабря Сталин и Ленин (именно в таком порядке) накладывают резолюцию «Выдать немедленно» на письме председателя Краевого мусульманского съезда Петроградского национального округа У. Токумбетова о передаче мусульманам «Корана Османа»[53]. 20 ноября (3 декабря) Джугашвили (Сталин) и Ульянов (Ленин) подпишут обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока»[54]; 4(17) декабря — Манифест к украинскому народу.



Постановление СНК о создании Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) при СНК по борьбе с контрреволюцией и саботажем

7(20) декабря 1917

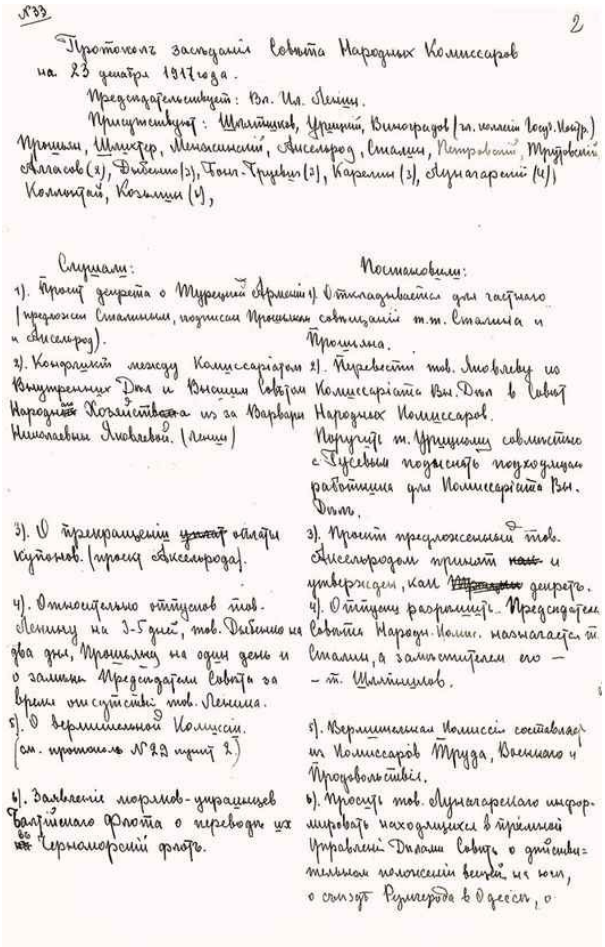
[РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 21. Л. 2 об.]

29 ноября (12 декабря) Сталин избирается в Бюро ЦК РСДРП(б) вместе с Лениным, Троцким и Свердловым. Причем Бюро предоставлялось «право решать все экстренные дела, но с обязательным привлечением к решению всех членов ЦК, находящихся в тот момент в Смольном». Тогда же он переизбирается членом редколлегии «Правды». Его роль в качестве не только одного из лидеров партии, но и нового политического режима закрепляется институционально. Подпись Сталина появляется на важнейших декретах советской власти рядом с ленинской. Среди них важнейшее постановление СНК от 28 октября (10 ноября) о запрещении выхода газет, закрытых Военно-революционным комитетом на основании пункта 1 декрета «О печати»[55]. Этот декрет, подписанный Лениным одним из первых, предусматривал закрытие печатных органов, которые призывали к «открытому сопротивлению или неповиновению рабочему и крестьянскому правительству».

Этот фактический запрет оппозиционной печати, объявлявшийся мерой «временного характера», на семьдесят лет определил границы свободы слова в Советской России, стал фундаментальным условием, обеспечившим политическое доминирование коммунистической партии. Другим репрессивным актом Совнаркома, под которым мы найдем подпись Сталина, является декрет СНК об аресте вождей Гражданской войны против революции, принятый на заседании СНК 28 ноября (11 декабря) 1917 г.[56]

Именно в этом документе впервые в политико-правовой практике большевиков встречается термин «враги народа», употребленный применительно к партии кадетов. 7(20) декабря Совнарком по докладу Ф.Э. Дзержинского своим декретом примет еще одно судьбоносное решение — о создании ВЧК при СНК по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Этот комплекс мер ясно рисует характер политического режима, создававшегося в соответствии с ленинскими теоретическими установками. Будущая Республика Советов, писал Ленин накануне октябрьских событий в книге «Государство и революция», — это форма диктатуры пролетариата с «рядом изъятий из свободы»[57].

На время своего отсутствия Ленин именно Сталину доверил председательствовать на заседаниях Совнаркома. 23 декабря 1917 г. (5 января 1918 г.) Сталин назначается председателем Совнаркома на период отпуска Ленина, единолично подписывает ряд декретов советской власти. Среди них, например, декрет о национализации крупнейших в стране Путиловских заводов[58].



№33 2

Протокол заседаний Совета Народных Комиссаров на 23 декабря 1917 года.

Председательствует: Вл. Ил. Ленин.

Присутствуют: Шлихтер, Урицкий, Виноградов (гл. коллег. Госуд. Контр.), Троцкий, Шлихтер, Менжинский, Аксельрод, Сталин, Петровский, Трудовик, Аллаков (2), Дыбенко (3), Гоц-Труден (2), Карелин (3), Лунгарский (4), Коллонтай, Козлин (4),

Слушали:	Постановили:
1). Проект декрета о Турецкой Армении (предложен Сталиным, подписан Троцким и Аксельрод).	1). Отложить для согласования с т.т. Сталина и Троцкого.
2). Конфликт между Комиссариатом Внутренних Дел и Внешним Советом Народных Комиссаров из-за Варвары Николаевны Яковлевой. (Ленин)	2). Перевести тов. Яковлеву из Комиссариата Вн. Дел в Совет Народных Комиссаров. Поручить т. Урицкому совместно с Гусевым подыскать подходящую работницу для Комиссариата Вн. Дел.
3). О прекращении ~~уплаты~~ оплаты купонов. (проект Аксельрода).	3). Проект предложенный тов. Аксельродом принять ~~как~~ и утвердить, как ~~Временный~~ декрет.
4). Относительно отпусков тов. Ленину на 3-5 дней, тов. Дыбенко на два дня, Троцкому на один день и о замене Председателя Совета за время отсутствия тов. Ленина.	4). Отпуску разрешить. Председателем Совета Народн. Комис. назначается т. Сталин, а заместителем его — т. Шлихтер.
5). О Вермишельной Комиссии. (см. протокол №22 пункт 2.)	5). Вермишельная Комиссия составляется из Комиссаров Труда, Военного и Продовольствия.
6). Заявление моряков-украинцев Балтийского Флота о переводе их ~~на~~ в Черноморский флот.	6). Просить тов. Лунгарского информировать находящихся в приемной Управления Делами Совета о длительности положения вещей на юге, о съезде Рады в Одессе, о

Протокол заседания СНК, назначение И.В. Сталина председателем СНК на период отпуска В.И. Ленина (пункт 4)

23 декабря 1917 (5 января 1918)

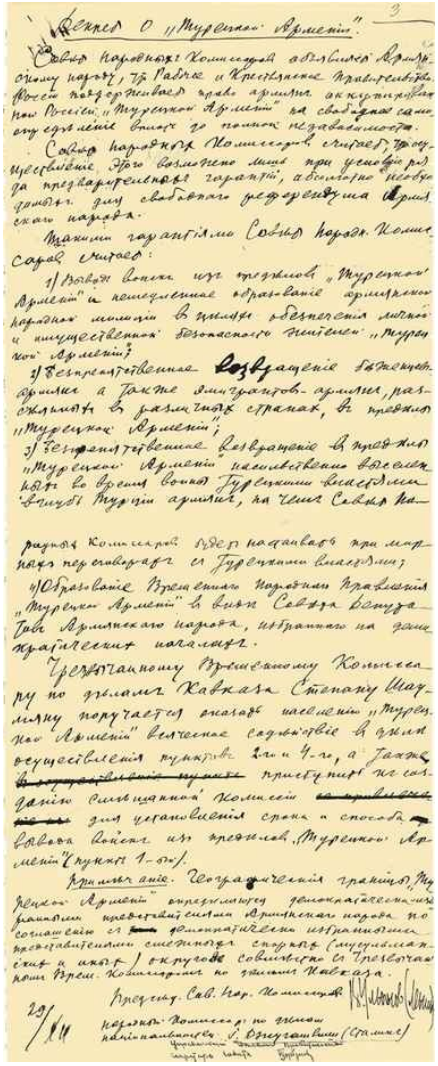
[РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 33. Л. 2]

Сталин совместно с Лениным визирует распорядительные и информационные документы об изменениях состава Совнаркома. В отсутствие Ленина Сталин не стесняется использовать его имя и авторитет. 31 декабря 1917 г. (13 января 1918 г.) Сталин публикует в «Правде» за двумя подписями — своей и Ленина — декрет «О Турецкой Армении», написанный им лично[59]. Декрет объявлял, что Советское правительство «поддерживает право армян оккупированной Россией «Турецкой Армении» на свободное самоопределение вплоть до полной независимости».

Очень скоро новые власти перейдут от национализации отдельных предприятий к «тотальному» огосударствлению экономики. За короткий период в стране будет проведена национализация «крупнейших предприятий по горной, металлургической и

металлообрабатывающей, текстильной, электротехнической, лесопильной и деревообделочной, табачной, стекольной и керамической, кожевенной, цементной и прочим отраслям промышленности, паровых мельниц, предприятий по местному благоустройству и предприятий в области железнодорожного транспорта»[60]. Было отменено право частной собственности на недвижимость в городах (20 августа 1918 г.), отменена частная собственность на леса (27 мая 1918 г.) и т. д. Целая серия подобных актов олицетворяла так называемую «красногвардейскую атаку на капитал». Ленин целенаправленно формирует политику «военного коммунизма», которая мыслится им как период непосредственного вхождения в социалистическое общество. Ее составными частями стали национализация промышленности, государственная монополия на многие продукты сельского хозяйства, свертывание товарно-денежных отношений и запрет частной торговли. Кульминационным моментом формирования этой политики станет принятие 18 мая 1918 г. декрета ВЦИК и СНК № 468 «О предоставлении народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими» и установление в результате продовольственной диктатуры[61].

«Своеобразный «военный коммунизм» состоял в том, — писал позднее Ленин, — что мы фактически брали от крестьян… даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьянина продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих»[62]. Стратегический характер этих установок был наглядно продемонстрирован в марте 1919 г. на VIII съезде партии, принявшем ее 2-ю программу. Она ставила задачи «неуклонно продолжать замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов», стремиться «к проведению ряда мер, расширяющих область безденежного расчета и подготовляющих уничтожение денег»[63].



Декрет СНК «О Турецкой Армении»
29 декабря 1917 (11 января 1918)
Подписи — автографы В.И. Ленина, И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24221. Л. 2]

Позднее Ленин признает: «Мы наэкспроприировали много больше, чем сумели учесть, контролировать, управлять и т. д.»[64]. Эти решения о национализации народного хозяйства практически полностью, помимо прочего, повлекут за собой создание гигантского аппарата управления, строительство и контроль деятельности которого вскоре превратятся в самостоятельный комплекс задач. Решать их придется именно Сталину.

Сталин зимой 1917/1918 г. займется, в том числе, созданием и обеспечением деятельности Наркомата по делам национальностей. К числу символических действий новой власти следует отнести учреждение той зимой ряда национальных комиссариатов в рамках

основного наркомата. Так, в январе 1918 г. был создан комиссариат по делам мусульман при Наркомате по национальным делам[65]. Будут также созданы комиссариаты по делам белорусов[66], по делам еврейского народа[67] и др. Создание новых органов управления сопровождается упразднением старых. Таким образом, было, например, ликвидировано Управление по делам Кавказа, созданное Временным правительством в июне 1917 г.[68]

«Борьба за демократическую республику и Учредительное собрание признается контрреволюционной»

Важнейшей развилкой исторического развития страны станет вопрос о единстве левых сил, который будет разрешен на коротком историческом отрезке времени, а именно в ноябре 1917 — январе 1918 г. Ленин не желал, чтобы большевики делили власть с кем бы то ни было. Именно этим объясняется вооруженный захват власти 25 октября (7 ноября), перед фактом которого большевики поставили II съезд Советов, спровоцировав своих номинальных союзников в борьбе за социализм — партии социалистов-революционеров и умеренных социал-демократов (меньшевиков) на уход со съезда. Эти партии поставили перед большевиками вопрос о формировании «однородной власти, включающей в себя социалистические партии от народных социалистов до большевиков». Того же самого потребовал от большевиков 29 октября (11 ноября) Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников (Викжель), под контролем которого находился весь железнодорожный транспорт. Внутри большевистского руководства происходит раскол. Оппонентами Ленина стали члены большевистского ЦК Председатель ВЦИК Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев, а также наркомы В.П. Ногин и А.И. Рыков.

Виктор Павлович Ногин
1923
[РГАСПИ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 568]

Они считали, что «образование социалистического правительства из всех советских партий» необходимо, так как «вне этого есть только один путь: сохранение чисто большевистского правительства средствами политического террора». Ленин дискуссию пресек. Его при этом не смутит, что не согласные с ним члены большевистского руководства подадут в отставку со своих постов и будут уволены. 6(19) ноября Сталин выступит на заседании ВЦИК с речью по вопросу о создании «общесоциалистического правительства», в которой поддержит позицию Ленина. Итоги этой дискуссии во многом повлияют на судьбу Учредительного собрания.

Алексей Иванович Рыков
1920-е
[РГАСПИ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 58. Л. 97]

Несколько позднее этих событий, 29 октября 1918 г., Сталин опубликует статью, в которой резюмирует критику идеи Учредительного собрания: «Короче: коалиция «отвергается» решительно и без оговорок, борьба за демократическую республику и Учредительное собрание признается контрреволюционной, ибо она «ведет к прямой угрозе основным социалистическим завоеваниям революции»»[69]. Именно Учредительное собрание будет оставаться препятствием на пути большевиков к монопольному овладению властью. О его созыве Ленин и большевики многократно говорили на протяжении всего 1917 г. Сталин в статье «Что нам нужно», опубликованной в газете «Рабочий путь» в качестве передовой

накануне Октябрьского переворота — 24 октября, — поставит задачу перехода власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов и создания нового правительства, избранного Советами и ответственного перед Советами. Завершит он эту статью констатацией: «Только такое правительство может обеспечить своевременный созыв Учредительного собрания»[70]. Становится ясно, что для большевистского ЦК, по поручению которого Сталин и опубликовал эту статью накануне решающих событий, обязательство обеспечить созыв Учредительного собрания стало едва ли не главным мотивом оправдания вооруженного захвата власти.

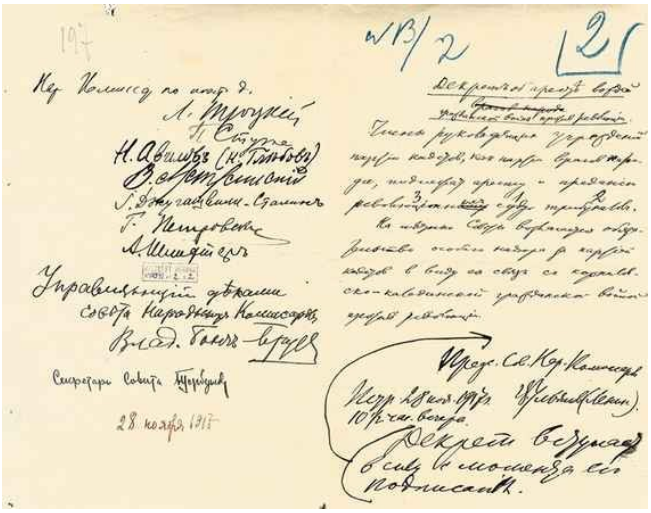
Идея созыва была популярна в массах, поэтому 27 октября (9 ноября) Ленин подписал постановление о проведении 12(25) ноября всеобщих выборов. В ходе избирательной кампании большевики попытаются поставить под свой контроль Всероссийскую по делам о выборах в Учредительное собрание комиссию («Всевыборы»), образованную Временным правительством 1(14) августа 1917 г. 20 ноября (3 декабря) Совнарком поручит Сталину и Г.И. Петровскому «взять в свои руки» «Всевыборы».

С этого момента начинаются шельмование членов комиссии, давление и репрессии. 23 ноября (6 декабря) ее членов даже арестуют, и только 28 ноября (11 декабря) после запроса левых эсеров в Центральный исполнительный комитет (ЦИК) членов комиссии из-под ареста освободят. 29 ноября (12 декабря) 15 членов и 6 «кандидатов к членам» этой комиссии были смещены декретом СНК[71]. Сталин, таким образом, приобретает первый практический опыт проведения политической репрессивной кампании.

В выборах в Учредительное собрание, едва ли не самых свободных на тот момент в мире по целому ряду критериев, приняло участие больше половины избирателей. В целом представители социалистических партий завоевали абсолютное большинство — более 80 % голосов[72]. Победителем стала партия эсеров, большевики получили около 22,5 %, что не позволяло им рассчитывать на решающую роль. Не слишком заметное место займут представители либеральной конституционно-демократической (кадетской) партии, собравшие 4,5 % избирателей. Однако и столь незначительное присутствие либеральной интеллигенции в составе Учредительного собрания покажется большевикам опасным. В тот день, когда первоначально планировалось открыть работу Учредительного собрания — 28 ноября, Совнарком издаст декрет «Об аресте вождей Гражданской войны против революции», согласно которому руководители кадетской партии «как партии врагов народа подлежат аресту и преданию суду революционных трибуналов»[73]. Декрет, авторство которого принадлежит Ленину, был подписан целой группой наркомов, включая Сталина.

Григорий Иванович Петровский
1920-е
[РГАСПИ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 599]

Коллективный характер подписания ясно указывает на стремление продемонстрировать обществу солидарную ответственность членов новой власти за начало репрессивной политики. Этим декретом санкционировались уже фактически шедшие аресты. Одной из целей было, вероятно, изменение состава депутатского корпуса и компрометация главных противников большевиков. Л.Д. Троцкий в это время прямо подчеркивал: «В России сейчас только две партии — кадеты и большевики, а все остальные лишь болтаются и обречены на гибель»[74].



Проект декрета СНК «Об аресте вождей гражданской войны против революции», принятый на заседании СНК

28 ноября (11 декабря) 1917

Текст и подпись — автограф В.И. Ленина, подписи — автографы Л.Д. Троцкого, П.И. Стучки, Н.П. Глебова, В.Р. Менжинского, И.В. Сталина, Г.И. Петровского, А.Г. Шлихтера, В.Д. Бонч-Бруевича, Н.П. Горбунова

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4841. Л. 1–2]

Сталин был избран в Учредительное собрание в Петроградском столичном (городском) избирательном округе по большевистскому списку № 4. Выдвигался он также в Закавказском и Ставропольском округах, но безуспешно. После он стал и членом временного бюро фракции большевиков в Учредительном собрании. В интервью газете «Вечерний звон», опубликованном 6(19) декабря, он заявил, что в том случае, если большевики окажутся в меньшинстве, «они останутся в нем для органической работы»[75].

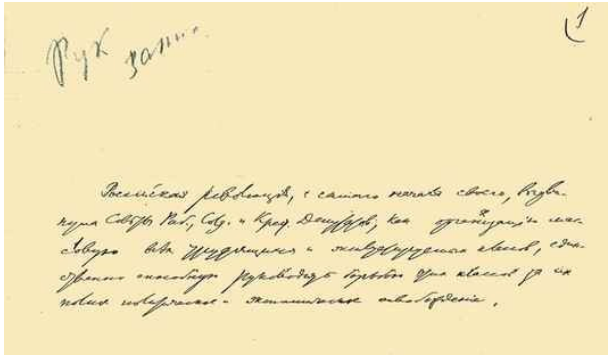
При этом очевидно, что победа на выборах партий социалистической ориентации предоставляла институциональные основания для поисков политического компромисса. Однако стремление Ленина реализовать силами собственной партии леворадикальные преобразования предопределило судьбу Учредительного собрания. Первое заседание в Таврическом дворце 5(18) января, в котором принял участие и Сталин, оказалось и последним. Депутаты отказались принять к рассмотрению «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и другие уже принятые Совнаркомом декреты советской власти. Своим отказом депутаты предопределили судьбу Конституанты. На следующий день вооруженная охрана попросту не пустила депутатов во дворец. Проект декрета о роспуске Учредительного собрания напишет Ленин, он будет принят ВЦИК Советов в 1 час 30 минут ночи с 6(19) на 7(20) января [76].

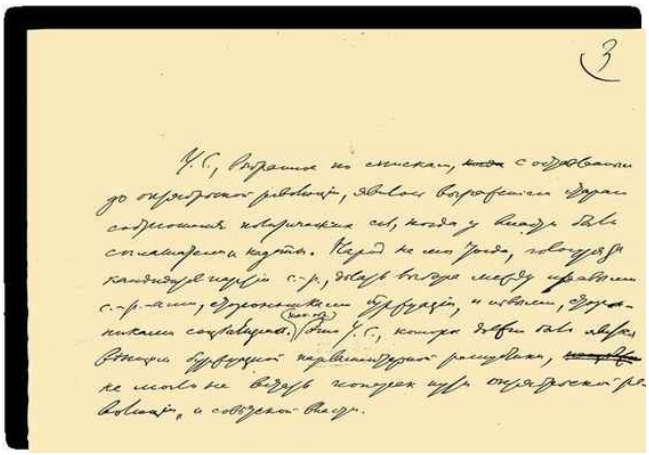
Демонстрации в поддержку Учредительного собрания были разогнаны. Путь к полномасштабному гражданскому конфликту, к развязыванию Гражданской войны был открыт. Единственным политическим союзником большевиков ненадолго останутся левые эсеры, поддержавшие их курс.

«Советская власть не могла, да и не хотела противодействовать неизбежному процессу временного распада»

Большевики провозглашают право наций на самоопределение вплоть до создания самостоятельных государств, положив на

некоторое время этот принцип в основание своей практической политики. Предложением большевиков «самоопределиться» тут же воспользовались многочисленные национальные «окраины» бывшей Российской империи.





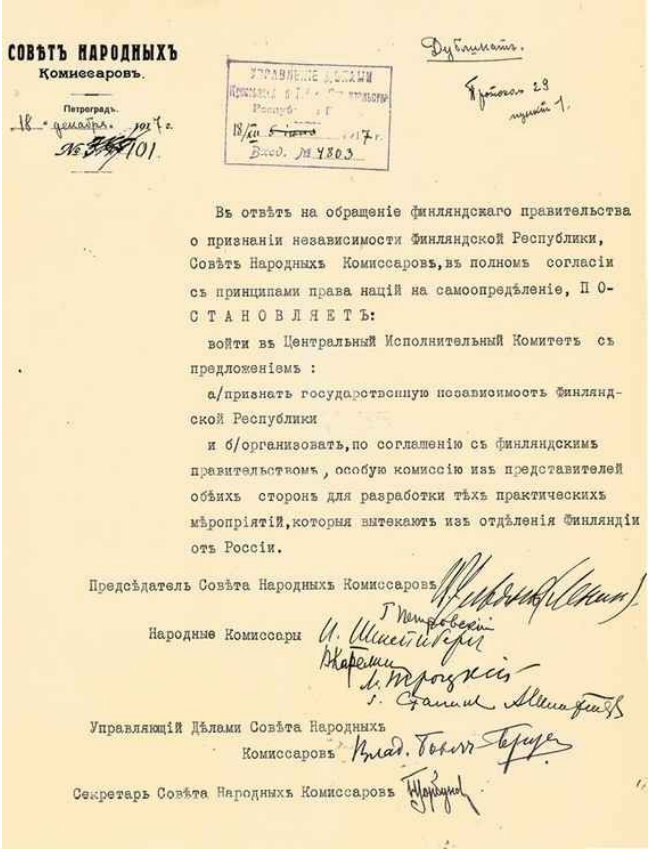
Проект декрета ВЦИК о роспуске Учредительного собрания
6(19) января 1918
Автограф В.И. Ленина
[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5115. Л. 1–7]

С участием Сталина Совнарком совершит важнейший акт международной легитимации нового режима. 18(31) декабря 1917 г. Совнарком примет декрет о государственной независимости Финляндской Республики[77].

Сталин будет одним из народных комиссаров, подписавших этот декрет. По много более позднему свидетельству самого Сталина, он «предлагал на некоторое время задержать провозглашение независимости Финляндии, но социал-демократы (тогда у них был Куусинен) заявили, что все партии уже высказались за независимость и поэтому нельзя терять время. Социал-демократы торопились»[78]. Так или иначе, но именно Сталину было поручено выступить 22 декабря 1917 г. (4 января 1918 г.) на заседании ВЦИК с докладом «О независимости Финляндии»[79]. Выступление его будет довольно кратким. Он сообщит о том, что представители финского правительства обратились с заявлением, которое Сталин зачитает собравшимся. Совнарком, сообщит Сталин, «исходил из провозглашенного принципа самоопределения народов» и «поступить иначе не мог». «Нас обвинят, — предупредит Сталин, что Россия превратилась в развалины, но она не была нашей собственностью»[80]. ЦИК большинством голосов при четырех воздержавшихся проголосует в поддержку Декларации о независимости Финляндии.

Тем самым Советское государство заявит о себе на международной арене практическими шагами, признаваемыми другими субъектами международного права. Несколько позднее, описывая политику Совнаркома этого периода, Сталин скажет: «Советская власть не могла, да и не хотела противодействовать неизбежному процессу временного распада»[81]. Очевидно, однако, что этот акт признания финляндской независимости не отражал действительных намерений советского руководства. Будучи делегирован в ноябре 1917 г. на съезд Финляндской социал-демократической партии, в своей речи в Гельсингфорсе 14(27) ноября Сталин вполне ясно выразит эти намерения. Он не только выступит с лозунгом о полной свободе «устроения своей жизни за финляндским, как и за другими народами России», но тут же провозгласит и еще один лозунг за «Добровольный и честный союз финляндского народа с народом русским!» Высказавшись за создание взаимного доверия народов России, он тут же выступит «за сплочение в одну армию народов России». Призовет Сталин финских социал-демократов к решительному натиску и открыто пообещает поддержку: «Если вам понадобится наша помощь, мы дадим вам ее, братски протягивая вам руку»[82]. Нарастание социальной напряженности в Финляндии приведет к столкновениям правительственных войск Финляндской Республики с отрядами финской Красной гвардии, в результате которых власть в Хельсинки ненадолго перейдет в руки Совета народных уполномоченных. СНК поддержит «красных финнов». 16(29) января 1918 г. нарком

иностранных дел Советской России Троцкий в ноте, адресованной председателю правительства Финляндской Республики П. Свинхувуду, отвечая на предъявленные обвинения, фактически признает «вмешательство русских воинских частей во внутренние дела Финляндии». Это вмешательство он объяснит тем, что «контрреволюционные и шовинистические элементы финляндского населения вероломно атакуют наших солдат, стреляют по поездам и пр., чем вызывают естественные меры самообороны». Признает Троцкий и необходимость «в кратчайший срок очистить Финляндию от русских войск» [83].



СОВѢТЪ НАРОДНЫХЪ
Комиссаровъ.

Петроградъ.
18 декабря 1917 г.
№ 101

Дубликатъ.
Протоколъ 29
пункт 1.

УПРАВЛЕНІЕ ДѢЛАМИ
Совѣта Народныхъ Комиссаровъ
Республики
18/XII 1917 г.
Вход. № 4803

Въ отвѣтъ на обращеніе финляндскаго правительства о признаніи независимости Финляндской Республики, Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ, въ полномъ согласіи съ принципами права націй на самоопредѣленіе, П О С Т А Н О В Л Я Е Т Ъ:

войти въ Центральный Исполнительный Комитетъ съ предложеніемъ :

а/признать государственную независимость Финляндской Республики

и б/организовать, по соглашенію съ финляндскимъ правительствомъ, особую комиссію изъ представителей обѣихъ сторонъ для разработки тѣхъ практическихъ мѣропріятій, которыя вытекаютъ изъ отдѣленія Финляндіи отъ Россіи.

Предсѣдатель Совѣта Народныхъ Комиссаровъ [подпись] (Ленин)

Народные Комиссары И. Штейнберг, Г. Петровский, В. Карелин, Л. Троцкий, И. Сталин, А. Шлихтер

Управляющій Дѣлами Совѣта Народныхъ Комиссаровъ Влад. Бонч-Бруевич

Секретарь Совѣта Народныхъ Комиссаровъ [подпись]

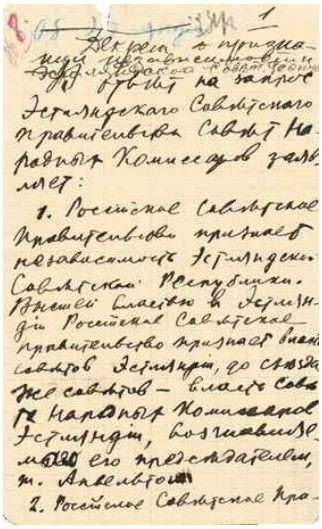
Декрет о государственной независимости Финляндии
18(31) декабря 1917
Подписи — автографы В.И. Ленина, Г.И. Петровского, И.З. Штейнберга, В.А. Карелина, Л.Д. Троцкого, И.В. Сталина, А.Г. Шлихтера, В.Д. Бонч-Бруевича, Н.П. Горбунова
[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5001. Л. 1]

17(30) января Совет народных уполномоченных сообщит в «Совет народных комиссаров Российской Республики» «о переходе власти в руки рабочего класса». Уже на следующий день Третий Всероссийский съезд Советов исполнит «одну маленькую формальность», как скажет об этом Свердлов, и предложит «признать права этого нового правительства»[84].

1(14) февраля Сталин получит от «помощника» Совета народных уполномоченных А.В. Шотмана докладную, в которой сообщалось о недостатке оружия, а главное, писал Шотман, «чувствуется отсутствие опытных руководителей. Было бы крайне необходимо послать из Питера таких руководителей»[85]. Параллельно с материально-технической и организационной поддержкой «красных финнов» большевики приступят к разработке договора между Российской и Финляндской Республиками, причем протокольное постановление Совнаркома от 12(25) февраля зафиксирует готовность народных комиссаров «признать в принципе справедливость желания финских товарищей о передаче Финляндской Социалистической Республике указанной в финском добавлении к § 6 проекта договора части территории»[86]. Территориальные уступки в обмен на лояльность прочно войдут в арсенал большевистского руководства. 15(28) февраля состоится заключительное заседание Совнаркома, на котором проект договора одобрили и решили «уполномочить подписать договор тт. Троцкого, Ленина, Сталина, Прошьяна». 16 февраля, или 1 марта по новому стилю, такой договор был подписан[87]. Одним из пунктов договоренностей станет учреждение подкомиссии «в целях точного определения изменений Российско-Финляндской границы»[88], практических результатов, однако, эта активность иметь не будет.

Карты большевиков в большой игре на Севере смешает инициированный ими самими Брестский мирный договор, согласно статье VI которого Советской России предписывалось «немедленно» очистить «от русских войск и русской Красной гвардии» Финляндию и Аландские острова, а также прекратить «всякую агитацию и пропаганду против правительства или общественных учреждений Финляндии»[89]. «Урегулировать» финляндский вопрос окажется возможным лишь через два года, когда стороны выйдут, наконец, на подписание мирного договора. 28 апреля 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) примет постановление «Об уступках Финляндии, о красных финнах». Будет решено «избрать комиссию из трех лиц тт. Ленина, Сталина, Чичерина», причем в случае единогласия ее решения считались окончательными и не требовали дополнительных согласований[90]. 14 октября 1920 г. после продолжительных переговоров в Тарту (Эстония), к которым Сталин не имел прямого отношения, мирный договор между РСФСР и Финляндской Республикой был подписан. Советская Россия уступила Финляндии Печенгскую область «вместе с ее территориальными водами» «на вечные времена… на правах полного

суверенитета». Российской делегации удалось добиться возвращения «в состав Российского государства» Репольской и Поросозерской волостей, которые присоединялись к Восточно-Карельской автономной области, в экстренном порядке созданной постановлением ЦИК РСФСР[91]. Для значительной части большевистского руководства этот договор с Финляндией был явно не тем результатом, к которому должна была стремиться Советская Россия. Не приходится удивляться тому, что его условия станут в значительной мере основой «реваншистских» устремлений Сталина в отношении Финляндии спустя два десятилетия.



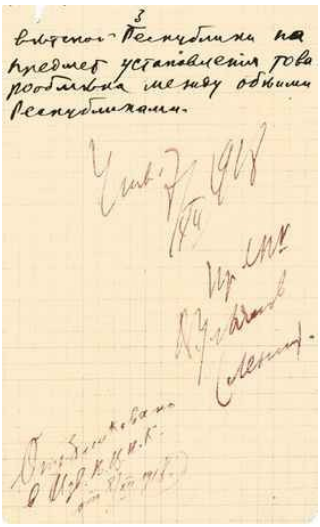
1

Декрет о признании независимости Эстляндской Совет. Республики

В ответ на запрос Эстляндского Советского правительства Совет Народных Комиссаров заявляет:

1. Российское Советское Правительство признает независимость Эстляндской Советской Республики. Высшей властью в Эстляндии Российское Советское правительство признает власть советов Эстляндии, до съезда же советов — власть Совета Народных Комиссаров Эстляндии, возглавляемого его председателем, т. Анвельтом.

2. Российское Советское Пра-



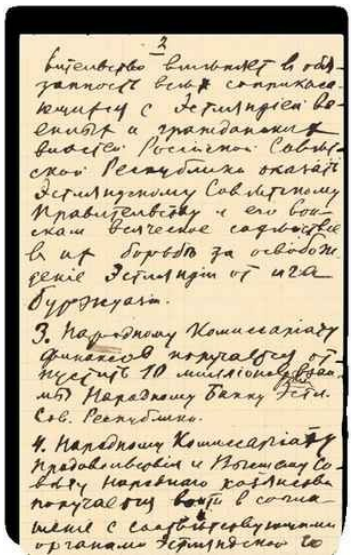
3

вительство Республики на предмет установления товарообмена между обеими Республиками.

Утв. 7/IV 1918

Пр. СНК

В. Ульянов (Ленин).



Проект декрета СНК о признании независимости Эстляндской Советской Республики

7 декабря 1918

Автограф И.В. Сталина, подпись — автограф В.И. Ленина

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7676. Л. 1–3]

Похожим образом большевики станут выстраивать свою политику и на других «национальных окраинах» бывшей Российской империи. Так, 7 декабря 1918 г. Ленин подпишет декрет, написанный Сталиным, о признании независимости Эстляндской Советской Республики[92], созданной при поддержке Совнаркома на части территории Эстонии, прилегающей к Советской России.

И в данном случае на пути «красного экспансионизма» Совнаркома окажется та же самая VI статья Брестского мирного договора, которой предписывалось незамедлительно освободить от русских войск и русской Красной гвардии Эстляндию и Лифляндию.

Не приходится сомневаться в том, что в «социалистическую семью народов», о которой грезил Сталин, и не только он, включался не только финский народ. В статье «Средостение», опубликованной в издании «Жизнь национальностей» 17 ноября 1918 г. в качестве передовой, Сталин укажет на «средостение в виде оккупированных областей», образовавшееся между социалистической Россией и революционным Западом. К этим оккупированным областям он отнесет Финляндию, Эстляндию, Латвию, Литву, Белоруссию, Польшу, Бессарабию, Украину, Крым. Карликовые «национальные правительства» этих оккупированных областей стремятся, по выражению Сталина, «сохранить свое курьезное существование, повернуть назад колесо истории!». Нет сомнений, скажет Сталин, что

мощные волны революции «безжалостно сметут контрреволюционных мечтателей в оккупированных областях. Мы не сомневаемся, что близок тот час, когда «корольки» этих областей пойдут по стопам своих бывших «державных покровителей в России и Германии»»[93]. Реальность окажется много сложней…

«Украинский узел». Советская Россия и Украина

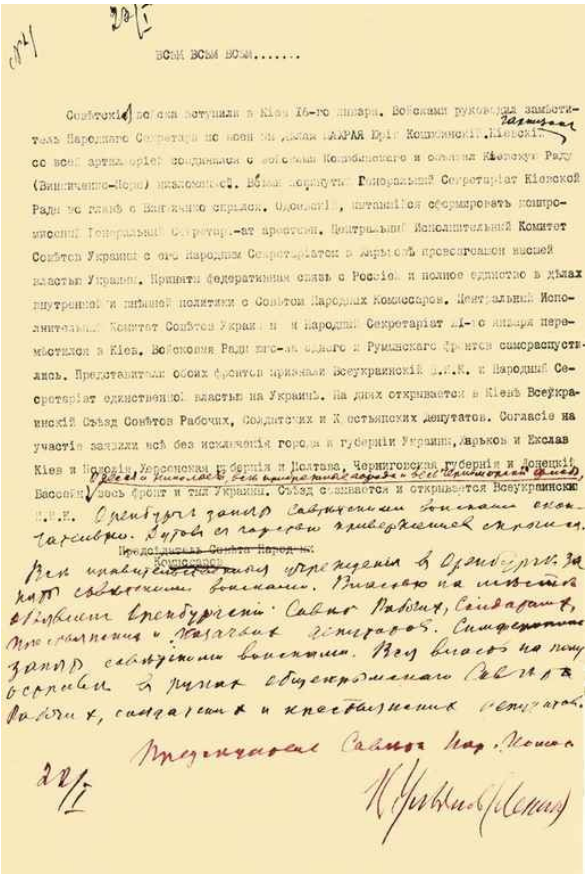
Еще одной крупнейшей проблемой национально-государственного урегулирования становится украинский вопрос. Самопровозглашенная в Киеве в мае 1917 г. Центральная рада, признанная Временным правительством в качестве легального и легитимного органа власти на Украине, сразу после захвата большевиками власти осудила восстание в Петрограде и заявила о готовности «упорно бороться со всеми попытками поддержки этого восстания на Украине»[94].

7(20) ноября Центральная рада приняла свой III Универсал, провозгласив создание Украинской Народной Республики в составе России. В Универсале была определена в одностороннем порядке подконтрольная Раде территория и заявлены права на Киевскую, Волынскую, Подольскую, Полтавскую, Черниговскую, Харьковскую, Екатеринославскую, Херсонскую, Таврическую (без Крыма) губернии. Судьбу смежных с Россией территорий, входивших в состав Холмской, Курской, Воронежской губерний, предполагалось решить позднее. Полнота власти на Украине закреплялась за Центральной радой и сформированным ею правительством (Генеральный секретариат), продолжали действовать законы и распоряжения Временного правительства. Непризнание власти леворадикального СНК умеренными социалистами, составлявшими большинство в Центральной раде, стало точкой отсчета в противостоянии Украины и Советской России. «Корень всех конфликтов, возникших между окраинами и центральной Советской властью, лежит в вопросе о власти», — заявит Сталин в докладе по национальному вопросу на III Всероссийском съезде Советов 15 января 1918 г., фактически воспроизведя общее для руководства большевиков мнение[95].

3(16) декабря Ленин с участием Сталина напишет «Манифест к украинскому народу» с ультимативными требованиями к Центральной раде[96].

В нем, признавая «Украинскую Народную Республику, ее право совершенно отделиться от России или вступить в договор с Российской Республикой о федеративных… взаимоотношениях…», авторы манифеста отказались от «возможности признать Раду» из-за ее «двусмысленной буржуазной политики». Ультимативно выдвинув ряд

требований, Совнарком оставил за собой право «считать Раду в состоянии открытой войны против Советской власти в России и на Украине» в случае их невыполнения. После резкого ответа со стороны Генерального секретариата уже 5(18) декабря Совнарком поставил перед главковерхом Н.В. Крыленко прямую задачу «организации борьбы и военных действий с Радой»[97]. Сталин «курирует» украинский вопрос, неоднократно выступает на заседаниях Совнаркома и ВЦИК с докладами о положении дел на Украине, о взаимоотношениях с Центральной радой, становится спикером Совнаркома по украинскому вопросу, часто озвучивая в печати основные тезисы советской политики на этом направлении[98]. В противостоянии с Радой большевики возьмут курс на создание на территории Украины альтернативных органов власти. 11(24) декабря 1917 г. в Харькове большевики объявят о проведении I Всеукраинского съезда Советов, на котором будет принята резолюция «О самоопределении Украины», и провозгласят создание Украинской Народной Республики Советов, признавая ее как федеративную часть Российской Республики[99].



ВСЕМ ВСЕМ ВСЕМ.....

Совѣтскіе войска вступили в Кіев 16-го января. Войсками руководил заместитель Народного Секретаря по военным дѣлам ЛАРРА Юрій Коцюбинскій. Кіевскій ВРК со всей артиллеріей соединился с войсками Коцюбинского и сковал Кіевскую Раду (Винниченко-Черов) окончательно. Вслѣд лопнуть Генеральный Секретаріат Кіевской Рады во главѣ с Винниченко спрыгнул. Одновременно, пытаются сформировать контрреволюционный Генеральный Секретариат предатели. Центральный Исполнительный Комитет Совѣтов Украины с его Народным Секретариатом в мирномъ провозгласили высшей властью Украины. Принята федеративная связь с Россіей и полное единство в дѣлах внутренней и внѣшней политики с Совѣтом Народных Комиссаров. Центральный Исполнительный Комитет Совѣтов Украины и Народный Секретариат 21-го января перемѣстился в Кіев. Войсковая Рада изгнана оттуда и Румынского фронта самораспустились. Представители обоих фронтов признали Всеукраинскій Ц.И.К. и Народный Секретариат единственной властью на Украинѣ. На днях открывается в Кіевѣ Всеукраинскій Съѣзд Совѣтов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов. Согласіе на участіе заявили всѣ без исключенія города и губерніи Украины, Харьков и Екатеринослав Кіев и Подолія, Херсонская губернія и Полтава, Черниговская губернія и Донецкій Бассейн, весь фронт и тыл Украины. Съѣзд сливается и открывается Всеукраинский Ц.И.К.

Оренбург занят Совѣтскими войсками окончательно. Дутов со главою приведенной скрылся.

Предсѣдатель Совѣта Народн. Комиссаров:

Ленин

Все правительственные учрежденія в Оренбургѣ занятѣ совѣтскими войсками. Вышлю на известіе о взятіи Оренбурга. Савет Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих депутатов. Симферополь занят совѣтскими войсками. Ведем власть на полуострове. Я рупах общегородского Совета Рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Председатель Совнар. Комиссаров

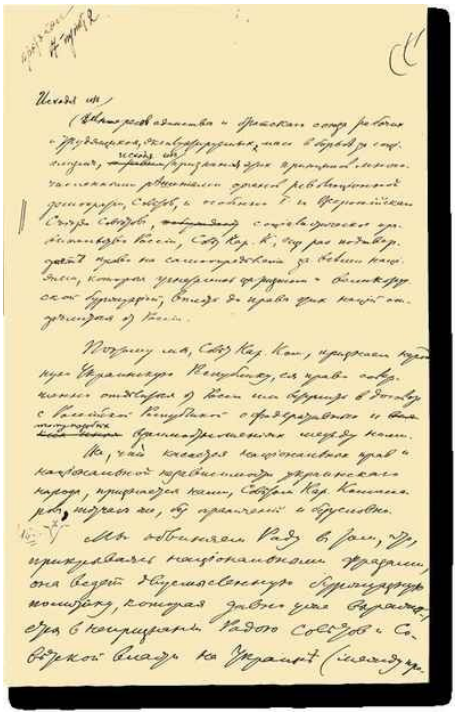
Ленин

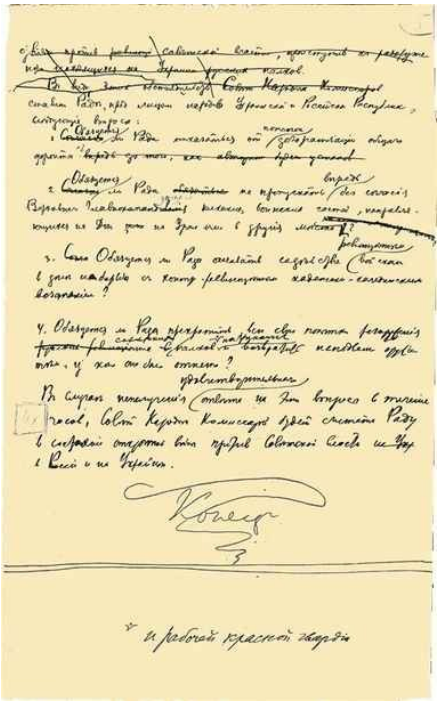
Радиограмма В.И. Ленина № 4 «Всем, всем, всем...» о ликвидации контрреволюционной рады и дутовщины

22 января (4 февраля) 1918
Рукописный текст — автограф И.В. Сталина, подпись — автограф В.И. Ленина
[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5233. Л. 1]

Владимир Кириллович Винниченко
[Из открытых источников]

Окончательный разрыв Украины и Советской России произойдет после разгона большевиками Учредительного собрания в ночь на 6 (19) января 1918 г., подтвердившего курс большевиков на монопольное овладение властью. Именно Учредительное собрание, по замыслу и ожиданию всех политических сил на пространстве бывшей империи, включая и Центральную раду, было призвано конституировать новую государственность России. Легитимность Конституанты признавали и сами большевики. Разгон Учредительного собрания стал еще одной судьбоносной развилкой российской истории, после которой сползание к тотальному гражданскому противостоянию оказалось неизбежным. 11(24) января Генеральный секретариат Центральной рады примет свой IV Универсал, которым будет провозглашена государственная независимость Украины и выход из состава России. Позднее Сталин фактически признает ответственность большевиков, правда, частично, за дезинтеграцию страны: «Октябрьская революция и Брестский мир лишь углубили и развили дальше процесс распадения»[100]. Результатом этого процесса станет «парад суверенитетов», развернувшийся осенью и зимой 1917 г.



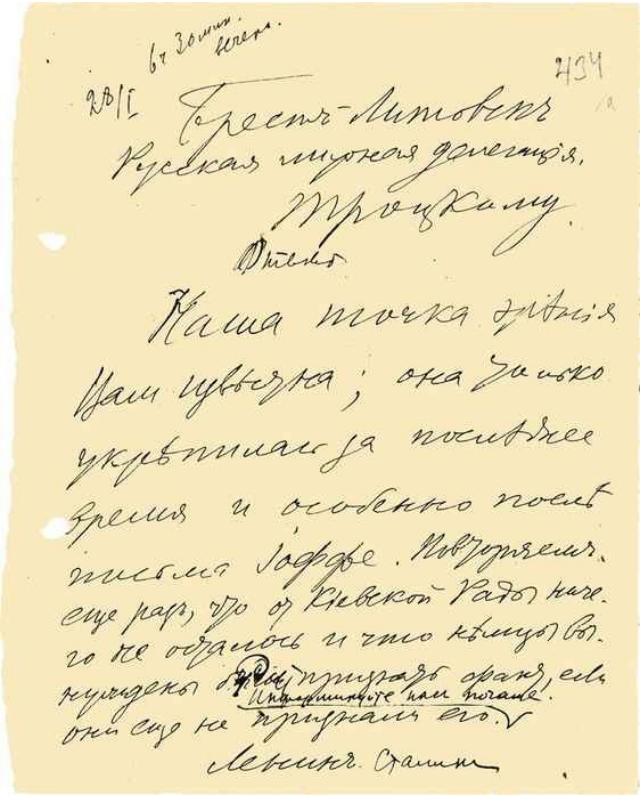


Манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской раде

3(16) декабря 1917

Автограф В.И. Ленина, правка черными чернилами на с. 6 — автограф И.В. Сталина, правки и дополнения на с. 1, 6 — автограф Л.Д. Троцкого, правка фиолетовым карандашом — автограф В.И. Ленина

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4879. Л. 1–6]



Телеграмма В.И. Ленина и И.В. Сталина представителю русской мирной делегации Л.Д. Троцкому о подтверждении своей точки зрения об отношении к Киевской раде

28 января (10 февраля) 1918

Автограф В.И. Ленина, помета и дополнение — автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5276. Л. 1]

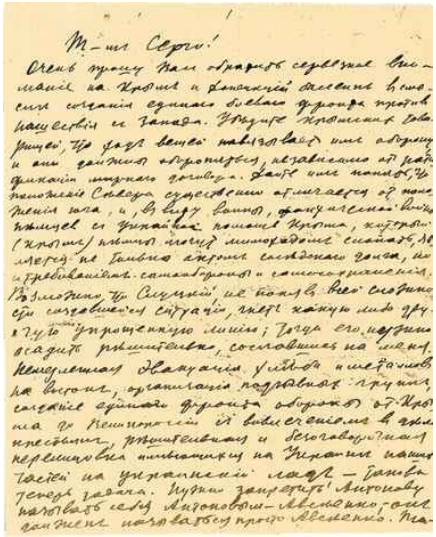
Непримиримость позиций Рады и Совнаркома в вопросах о власти приведут к военному противостоянию. На первом его этапе верх одержат большевики. Вскоре о падении Рады и переходе власти на Украине к Советам будет сообщено радиограммой № 4 «Всем, всем, всем…» 22 января (4 февраля), написанной Лениным и Сталиным совместно[101]. Большевистское руководство в Москве будет пребывать в уверенности, что на начавшихся мирных переговорах с Германией в

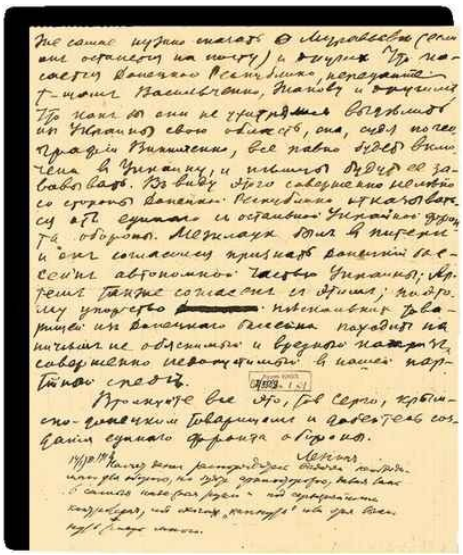
Брест-Литовске «немцы будут вынуждены признать факт» падения Рады и вступить в переговоры с Советским правительством Украины[102].

Вожди большевиков будут упорствовать в своем заблуждении. 28 января (10 февраля) Ленин и Сталин направят Троцкому в Брест-Литовск телеграмму с подтверждением своей точки зрения: «…от Киевской рады ничего не осталось и… немцы вынуждены будут признать факт»[103].

Тем более оглушительной окажется для них новость о подписании странами Четверного союза мирного договора с Украинской Народной Республикой. Впрочем, об этом речь еще впереди.

Важнейшее значение будут иметь дебаты в среде самих большевиков о восточных границах Украины. 27–30 января (9–12 февраля) 1918 г. на IV областном съезде Советов Донецкого и Криворожского бассейнов будет принято решение об образовании Донецко-Криворожской Республики. Ее создание замышлялось как отдельной от Украинской Советской Республики, уже учрежденной большевиками в противовес Украинской Народной Республике с ее Центральной радой и Генеральным секретариатом. Украинские большевики станут апеллировать к Совнаркому Советской России с целью не допустить «проведения автономии Донецкого бассейна»[104]. Эта позиция будет поддержана большевистским ЦК, Совнаркомом и ВЦИК Советов. «Выделение считаем вредным», — телеграфирует председатель ВЦИК Я.М. Свердлов 17 февраля 1918 г. в Харьков. Совнарком назначит Г.К. Орджоникидзе «временным чрезвычайным комиссаром Украины для объединения действий функционирующих на Украине советских организаций»[105]. 14 марта Ленин направит в его адрес инструктивное письмо, написанное Сталиным[106]. Вот его лейтмотив:





Письмо В.И. Ленина Г.К. Орджоникидзе об обороне Крыма и ликвидации Донецко-Криворожской Республики

14 марта 1918

Автограф И.В. Сталина, дополнения и подпись — автограф В.И. Ленина

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5486. Л. 1–1 об.]

Климент Ефремович Ворошилов

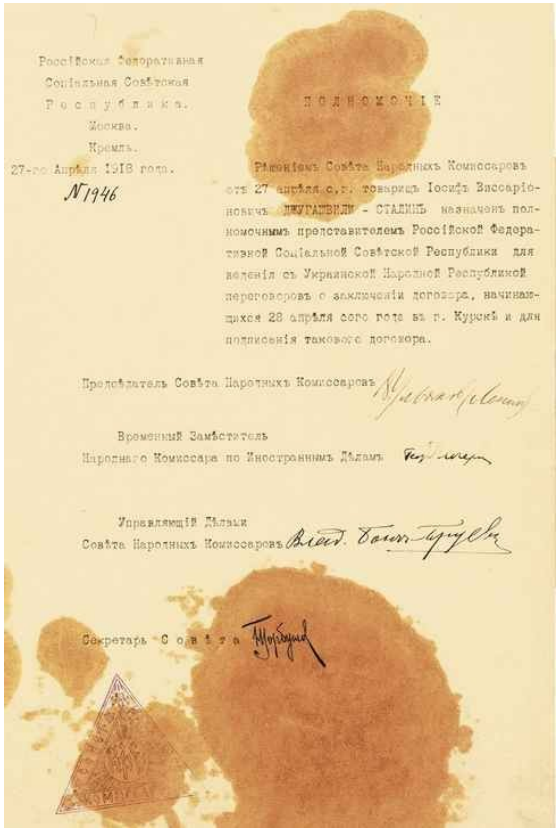
1917–1919

[РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 3. Д. 1. Л. 15]

«Что касается Донецкой Республики, передайте товарищам… что как бы они ни ухитрялись выделить из Украины свою область, она, судя по географии Винниченко, все равно будет включена в Украину, и немцы будут ее завоевывать.

Ввиду этого совершенно нелепо со стороны Донецкой Республики отказываться от единого с остальной Украиной фронта обороны. … Упорство нескольких товарищей из Донецкого бассейна походит на ничем не объяснимый и вредный каприз». 15 марта ЦК РКП(б) примет решение: «Необходимо создать одно правительство для всей Украины… Донецкий бассейн рассматривается как часть Украины» [107].

Таким образом, Ленин и большевистское руководство фактически солидаризовались с территориальными претензиями украинских элит. Для них критически важным стал вопрос о характере политического режима на Украине, а не ее территориальные очертания, поскольку в любом случае целью большевиков было создание всемирной Республики Советов, а не национального (многонационального) государства в той или иной форме, в тех или иных границах.



Россійская Федеративная
Соціальная Совѣтская
Республика.
Москва.
Кремль.
27-го Апрѣля 1918 года.
№1946

ПОЛНОМОЧІЕ

Рѣшеніемъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ отъ 27 апрѣля с.г. товарищъ Іосифъ Виссаріоновичъ ДЖУГАШВИЛИ - СТАЛИНЪ назначенъ полномочнымъ представителемъ Россійской Федеративной Соціальной Совѣтской Республики для веденія съ Украинской Народной Республикой переговоровъ о заключеніи договора, начинающихся 28 апрѣля сего года въ г. Курскѣ и для подписанія таковаго договора.

Предсѣдатель Совѣта Народныхъ Комиссаровъ

Временный Замѣститель
Народнаго Комиссара по Иностраннымъ Дѣламъ

Управляющій Дѣлами
Совѣта Народныхъ Комиссаровъ

Секретарь Совѣта

Полномочие СНК И.В. Джугашвили-Сталину на ведение переговоров с Украинской Народной Республикой в качестве полномочного

представителя РСФСР о заключении мирного договора и на его подписание

27 апреля 1918

Подписи — автографы В.И. Ленина, Г.В. Чичерина, В.Д. Бонч-Бруевича, Н.П. Горбунова

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5819. Л. 1]

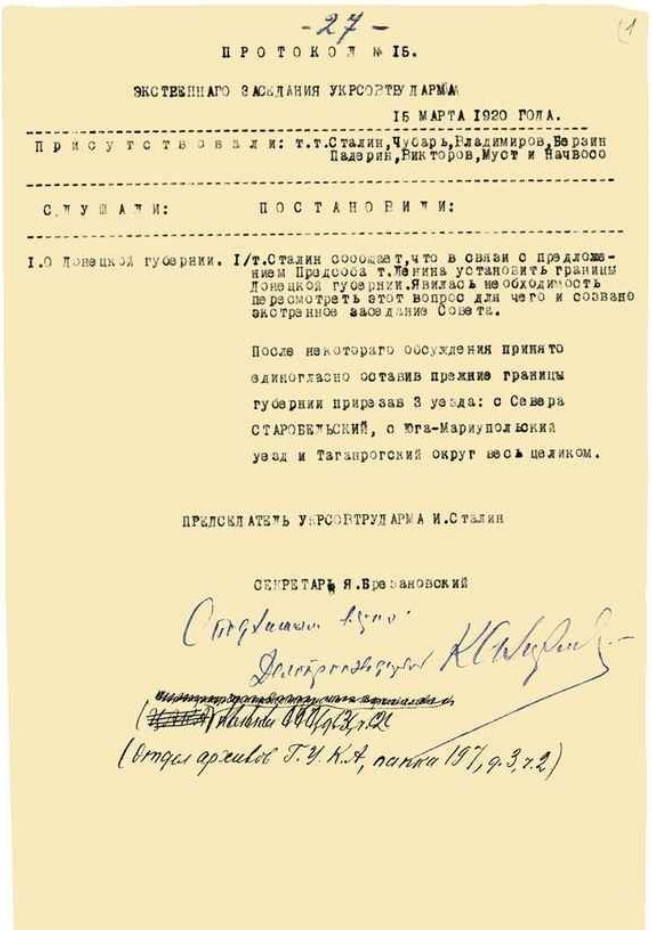
В апреле 1918 г. Советская Россия будет принуждена вступить с Украинской Народной Республикой в переговоры. Признание Украины в качестве независимого государства, обязательство вести с ней переговоры о мирном договоре, а также о демаркации государственной границы были приняты на себя Советской Россией в соответствии с Брест-Литовским мирным договором, подписанным большевиками с государствами Четверного союза. Именно Сталин в конце апреля 1918 г. решением СНК будет «назначен полномочным представителем» РСФСР «для ведения переговоров с Украинской Народной Республикой о заключении [мирного] договора» [108].

По итогам первого этапа этих переговоров, прошедших в конце апреля — начале мая, будет заключено перемирие.

22 октября 1918 г. на II съезде Коммунистической партии (большевиков) Украины Сталин избирается членом ЦК КП(б)У. Украина станет еще одним камнем преткновения в отношениях Сталина с Троцким. В начале января 1919 г. Троцкий напишет председателю ВЦИК Я.М. Свердлову: «…в среде украинцев развал, борьба клик за отсутствием ответственных и авторитетных руководителей… Линия Сталина, Ворошилова, Рухимовича означает гибель всего дела» [109].

Позднее вопрос о судьбе восточных территорий будет возникать еще не раз. Он приобретет остроту настолько, что 17 февраля 1919 г. на заседании Совета рабоче-крестьянской обороны будет принято решение: «Просить т. Сталина через Бюро ЦК провести уничтожение Кривдонбаса»[110]. Судя по всему, именно Сталин «в рабочем порядке» решил окончательно вопрос о восточных границах Советской Украины, обеспечив значительное приращение ее территории. Еще раз этот вопрос возникнет в начале 1920 г. 20 января Сталин на заседании Совнаркома сделает сообщение «Положение об Украинском совете трудовой армии». Совнарком утвердит «Положение» и назначит Сталина председателем Украинской трудовой армии. В этом качестве Сталин 20 февраля проведет решение о милитаризации угольной промышленности Донбасса. Решить проблемы восстановления будет призвано подключение к работе в гражданском секторе экономики личного состава 42-й дивизии, включенной в состав Украинской трудовой армии. 7 марта Сталин издаст приказ, содержавший обращение к бойцам и командирам дивизии с призывом одержать победу в борьбе за уголь. 15 марта 1920 г. Сталин в качестве

председателя «Укрсовтрударма» «в связи с предложением» Ленина проведет экстренное заседание Украинского совета трудовой армии с целью «установить границы Донецкой губернии» в составе Украинской ССР. Под его руководством будет принято решение «прирезать» к губернии Старобельский и Мариупольский уезды и целиком Таганрогский округ [111].



-27-

ПРОТОКОЛ № 15.

ЭКСТРЕННАГО ЗАСЕДАНИЯ УКРСОВТРУДАРМА

15 МАРТА 1920 ГОДА.

Присутствовали: т.т.Сталин,Чусарь,Владимиров,Вершин Падерин,Викторов,Муст и Начвосо

СЛУШАЛИ: ПОСТАНОВИЛИ:

1.О Донецкой губернии. 1/т.Сталин сообщает,что в связи с предложением Предсова т.Ленина установить границы Донецкой губернии.Явилась необходимость пересмотреть этот вопрос для чего и созвано экстренное заседание Совета.

После некоторого обсуждения принято единогласно оставив прежние границы губернии прирезав 3 уезда: с Севера СТАРОБЕЛЬСКИЙ, с Юга-Мариупольский уезд и Таганрогский округ весь целиком.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ УКРСОВТРУДАРМА И.Сталин

СЕКРЕТАРЬ Я.Брезановский

(Отдел архивов Г.У.К.А, папка 197, д.3, л.2)

Протокол заседания Украинского совета трудовой армии об установлении границ Донецкой Республики
15 марта 1920
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 1586. Л. 1]

«Мир на зверских условиях». Брест-Литовский мирный договор

Украинский, финляндский, прибалтийский вопросы окажутся тесно связаны с проблемой выхода Советской России из Первой мировой войны. Как известно, «Декрет о мире», наряду с «Декретом о земле», стал первым декретом советской власти. Этим декретом Совнарком предложил «всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире» без аннексий и контрибуций, т. е. без захватов чужих территорий и насильственного взыскания с побежденных денежных или материальных возмещений, а также «безусловно и немедленно» отменял тайные договоры, заключенные правительством Российской империи. На предложение большевиков приступить к переговорам откликнулась кайзеровская Германия.

27 ноября (10 декабря) 1917 г. Ленин и Сталин готовят проект программы переговоров о мире для советской делегации в Бресте[112]. Мы не находим документа, которым Сталину отводилось бы особое место в работе по этому направлению, подобно тому, как это было оформлено в отношении переговоров с Украиной, но он, очевидно, станет одним из кураторов переговоров со стороны московского руководства большевиков. В значительной степени эта неформальная позиция окажется производной от глубокой вовлеченности Сталина в украинские дела. Украинские представители войдут в общую делегацию на переговорах. Но если перемирие будет подписано только делегацией Советской России, то мирных договоров в Бресте будет заключено уже два, причем договор с Украиной государства Четверного союза подпишут на месяц раньше, чем с Советской Россией. В международном признании Украинской Народной Республики (УНР) Центральная рада увидит возможность «отбиться» от претензий большевиков на распространение их власти на территории Украины. Сталин будет недоумевать, как можно было немцам заключить «фиктивный договор с мертвецами»[113]. «Мы временно попали в плен к германскому империализму, — выскажется Сталин, — и должны теперь же готовить силы для организации отечественной войны…»[114] Последнее высказывание особенно примечательно, поскольку никто другой из большевиков слово «отечество» без определения «социалистическое» в этот период не произносил. Курс на мировую революцию, в огне которой это самое отечество предстояло использовать в качестве запала, был общим местом для большевиков. В некоторых из документов мы находим отражение этого особого положения Сталина в Брест-Литовском процессе. 2(15) января состоится разговор Ленина с Троцким, который будет добиваться от Ленина немедленного ответа на ранее посланное им в Петроград с курьером письмо. Ленин подчеркнет: «Мне бы хотелось посоветоваться сначала со Сталиным, прежде чем ответить на ваш вопрос… Сейчас приехал Сталин, обсудим с ним и сейчас, дадим вам совместный ответ». Посоветовавшись, «дуумвират» сформулирует рекомендацию: «Просьба

назначить перерыв, выехать в Питер. Отвечайте, жду». Раздраженный Троцкий ответа не даст и надиктует, прямо адресуясь лично к Сталину: «Передайте Сталину, что ответа сейчас не будет. Когда будет, дам...»[115] Пауза затянется, и Сталин 4(17) января станет требовать от Троцкого ответа на рекомендацию о перерыве в переговорах. Троцкий продолжит упорствовать: «Ответ дам, когда выясню его для себя». Лишь на следующий день Троцкий направит Ленину (не Сталину) телеграмму с сообщением об объявлении перерыва и своем выезде из Бреста в Петроград[116].

№ 208.
Пятница.
27 октября 1917 г.

ИЗВѢСТІЯ

ЦѢНА:
въ Петроградѣ 15 коп.
на ст. мол. д. 18 коп.

Центральнаго Исполнительнаго Комитета
и Петроградскаго Совѣта
РАБОЧИХЪ и СОЛДАТСКИХЪ ДЕПУТАТОВЪ.

Адресъ конторы: Литовка, Сабскій пер., д. № 6. Телефонъ № 268-41.
Адресъ редакціи: Смольный Институтъ, 2-й этажъ комната № 144, Телефонъ № 38-89.

Декретъ о мирѣ,

принятый единогласно на засѣданіи Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ Рабочихъ Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ 26 октября 1917 г.

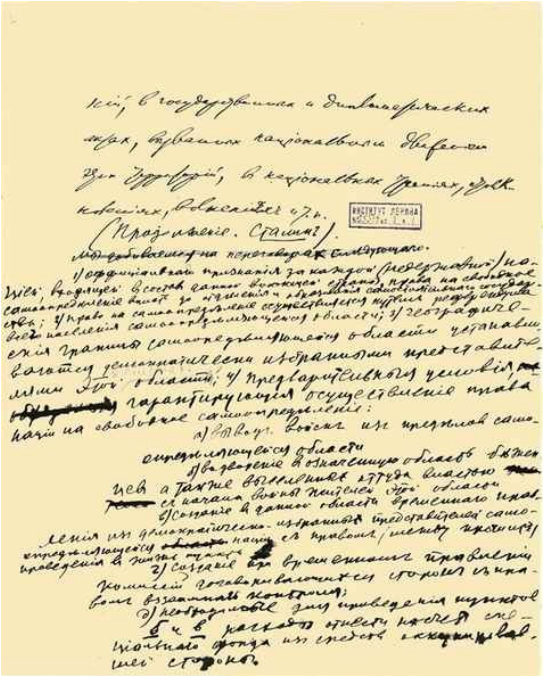
Декрет о мире, разработанный В.И. Лениным и единогласно принятый на Втором съезде Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов 26 октября (8 ноября) 1917 года Опубликован в «Известиях ЦИК» 27 октября (9 ноября) 1917 года

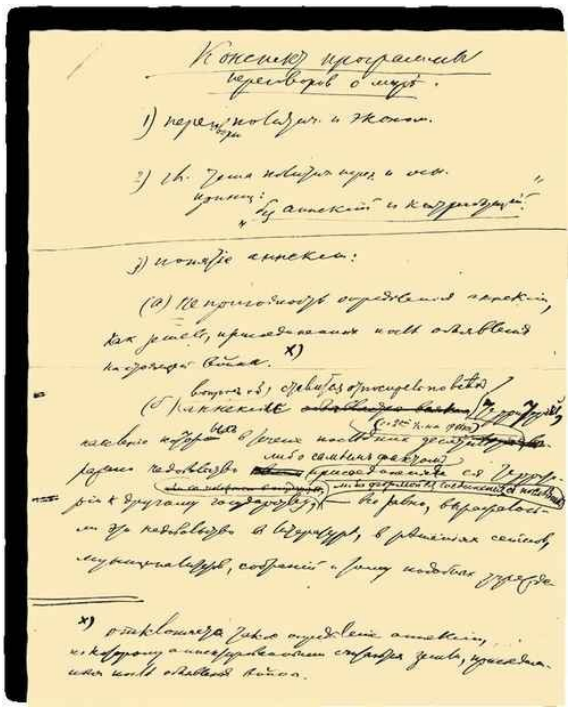
[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 901]

Второй состав советской делегации в Брест-Литовске. Сидят слева направо: Л.Б. Каменев, А.А. Иоффе, А.А. Биценко; стоят: В.В. Липский, П.И. Стучка, Л.Д. Троцкий, Л.М. Карахан

1918

[РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 24. Л. 17]





Конспект программы переговоров о мире для советской делегации в Брест-Литовске

[27 ноября (10 декабря) 1917]

Автографы В.И. Ленина, И.В. Сталина, правка простым карандашом — автограф Л.Б. Каменева

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4834. Л. 1–1 об.]

Мы находим и другие многочисленные документы, отражающие деятельность Сталина на этом направлении. К ним относится переписка Сталина по прямому проводу и переговоры с Л.М. Караханом в Брест-Литовске в декабре 1917 — январе 1918 г. о расхождении русских и германских предложений по вопросу об установлении демаркационной линии в Ледовитом океане и предложении не распространять перемирия на район Белого моря[117]. Не раз состоятся подобные переговоры и с Троцким [118].

7(20) января Ленин подготовит пространные тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного мира, в которых подробно аргументирует свою позицию. В послесловии к этим тезисам, написанном по итогам обсуждения, состоявшегося 8 января, Ленин признает свое поражение. «Обсуждение их [тезисов] показало три мнения в партии по данному вопросу: около половины участников высказалось за революционную войну..: затем около четверти за т. Троцкого, предлагавшего «объявить состояние войны прекращенным,

армию демобилизовать и отвести по домам, но мира не подписывать», и, наконец, около четверти за меня» [119].

11(24) января на заседании ЦК позицию Ленина по вопросу о мире поддержит Сталин. Свое выступление он при этом сосредоточит не на критике большинства — левых во главе с Н.И. Бухариным, призывавших к революционной войне, а на критике предложений Троцкого. Аргументация Сталина представляется примечательной. «Позиция т. Троцкого не есть позиция. Революционного движения на Западе нет, — скажет Сталин, — нет фактов [революционного движения], а есть только потенция, а с потенцией мы не могли считаться... Принимая политику т. Троцкого, мы создаем наихудшие условия для движения на Западе...» По этой причине Сталин солидаризуется с предложением Ленина о необходимости заключения мира с Германией[120]. Очевидно, именно из этих представлений через несколько лет вырастет сталинская концепция о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране, которая станет объектом острой критики со стороны левой оппозиции в середине 1920-х гг.

21 января (3 февраля) 1918 г. состоялось совещание ЦК с представителями различных течений в большевистской партии по вопросу о заключении мирного договора с Германией. Протоколы совещания не сохранились — лишь таблица голосования каждого участника по десяти вопросам.

Таблицу составила секретарь ЦК Е. Стасова, которая объединила голосовавших в группы. Сталин попал в первую — ленинскую — группу и голосовал по всем вопросам солидарно с вождем[121].

28 января Ленин и Сталин направят в Брест-Литовск телеграмму советской мирной делегации, подчеркивая необходимость немедленного заключения мира с Германией.

На вечернем заседании ЦК 18 февраля Сталин заявит о несогласии с Троцким и скажет: «Надо сказать прямо, по существу; немцы наступают, у нас нет сил, пора сказать прямо, что надо возобновить переговоры»[122].

На известном заседании ЦК 23 февраля 1918 г., посвященном рассмотрению германского ультиматума, Сталин неожиданно рискнет сформулировать собственную позицию по вопросу подписания мира, несколько отличную от ленинской. Ленин на этом заседании заявит, что «политика революционной фразы окончена. Если эта политика будет теперь продолжаться, то он выходит и из правительства, и из ЦК. Для революционной войны нужна армия, ее нет. Значит, надо принимать условия». Сталин скажет: «Можно не подписывать, но начать мирные переговоры». Эта позиция подвергнется жесткой критике со стороны Ленина, ответившего: «Сталин не прав, когда он говорит, что можно не подписать. Эти условия надо подписать. Если вы их не подпишете, то вы подпишите смертный приговор советской власти через 3 недели». Прямая критика со стороны вождя заставит Сталина изменить позицию:

«Дело сводится к тому, что мы немедленно должны подписать эти условия». В конечном итоге на этом заседании Сталин поддержит Ленина против предложений Троцкого и Бухарина. Семеро из собравшихся проголосуют за предложение принять немедленно германские предложения, четверо проголосуют против и такое же количество участников голосования позволят себе воздержаться. При этом все собравшиеся единогласно проголосуют за, отвечая на вопрос «готовить ли немедленно революционную войну»[123].

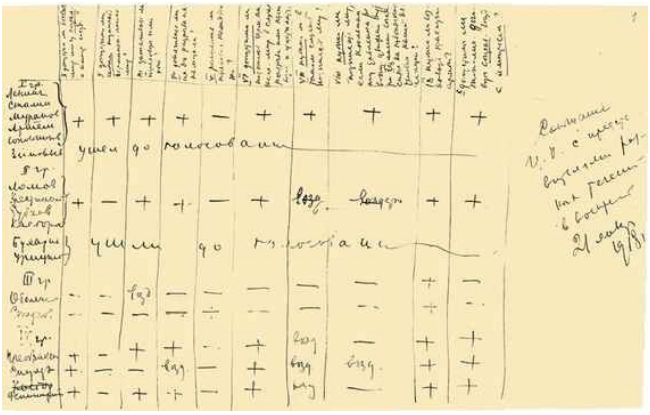


Таблица голосования каждого участника совещания ЦК РСДРП(б) с представителями разных течений в партии по вопросу о заключении мира с Германией и допустимости договоров с империалистическими державами

21 января (3 февраля) 1918

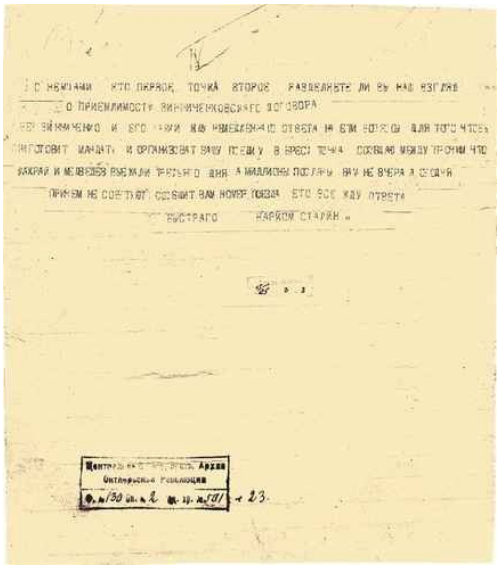
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1а. Д. 51. Л. 1]

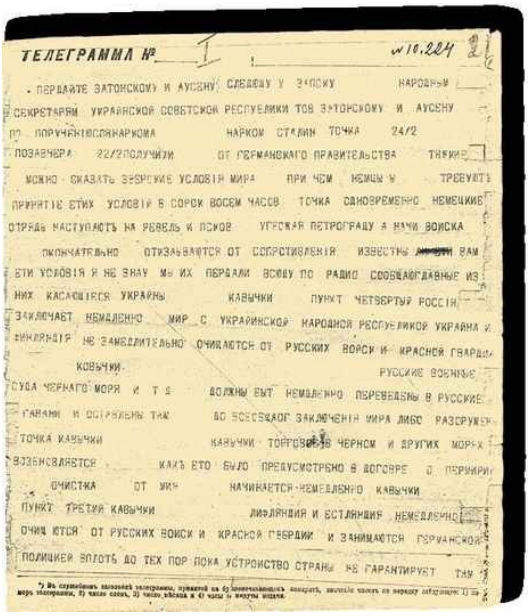
Уже 24 февраля по поручению Совнаркома Сталин по прямому проводу свяжется с Народным секретариатом (правительством) Украинской Советской Республики и сообщит, что ВЦИК Советов решил «сегодня в 3 часа ночи заключить мир на зверских условиях и поручивший Совнаркому послать делегацию в Брест, что и сделано сегодня»[124]. 3 марта 1918 г. Брестский мир между Советской Россией и государствами Четверного союза будет подписан. Несмотря на подписание мирного договора, Сталин принадлежал к числу тех большевистских деятелей, кто не исключал, «что война [с Германией] станет неизбежностью» [125].

Вопреки широко распространенным представлениям, прекращения военных действий действительно не произошло. Германо-австрийские войска продолжили, пусть и не слишком активное, продвижение на восток. При этом украинская делегация на переговорах с Советской Россией о делимитации границы придерживалась позиции, согласно

которой демаркационная линия, отделившая германские и советские войска, это и есть государственная граница между УНР и РСФСР[126]. Правительственный кризис, разразившийся в результате острейших споров по вопросу мирного договора со странами Четверного союза, разрешится рядом кадровых перестановок. Троцкий будет освобожден от должности народного комиссара по иностранным делам, Н.И. Подвойский — от должности наркома по военным делам. Руководить Наркоматом иностранных дел будет назначен Г.В. Чичерин. Троцкий возглавит Революционный военный совет Республики (РВСР) и станет наркомом по военным делам. Тем же решением будет упразднен пост главнокомандующего и проведен еще ряд перестановок. Обо всем этом Троцкого и других большевистских руководителей специальной телеграммой уведомит Сталин.

Развертывание Гражданской войны в России окажется сопряжено с военной интервенцией со стороны целого ряда государств, принадлежавших к различным военным блокам — Антанты и Четверного союза. «Мы живем не только в государстве, но и в системе государств, и существование Советской Республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо», — зафиксирует Ленин не столько международное положение Советской России в конкретный исторический момент[127], сколько большевистскую парадигму о неизбежности военно-политического столкновения капитализма и социализма. Противостояние в той или иной форме угрозе иностранного вторжения (реальной или мнимой) для большевистского руководства в целом и Сталина персонально надолго станет одной из доминант политического сознания и поведения, во многом определявшего важнейшие политические решения на протяжении всей его политической карьеры.


С НЕМЦАМИ ЭТО ПЕРВОЕ, ТОЧКА ВТОРОЕ РАЗВИВАЙТЕ ЛИ ВЫ НАШ ВЗГЛЯД
О ПРИЕМЛИМОСТИ ЯНИЧЕВСКОГО ДОГОВОРА
ПОЛЬЗУЙТЕСЬ И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ ИЛИ НЕМЕДЛЕННОГО ОТВЕТА НА ЭТИ ВОПРОСЫ ДЛЯ ТОГО ЧТОБЫ
ПОДГОТОВИТЬ МАНДАТ И ОРГАНИЗОВАТЬ ВАШУ ПОЕЗДКУ В БРЕСТ ТОЧКА СОВЕЩАНИЕ МЕЖДУ ТРОЦКИМ ЧТО
ЖАКРАЙ И МЕЛЬНИКОВЫМ ВЫЗВАЛИ ТРЕТЬЕГО ДНЯ А МАЛИНОВСКИЙ ПОСЛАНЕ ВАС НЕ ВЧЕРА А СЕГОДНЯ
ПРИЕМ НЕ СОВЕТУЮТ СООБЩИТЕ ВАШ НОМЕР ПОЕЗДА ЕСЛИ ЕСТЬ ЖДУ ОТВЕТА
ВЫСТРАГО НАРКОМ СТАЛИН
Центральный Государственный Архив Октябрьской Революции
ф. 130 оп. 2 д. 11. л. 101 л. 23.



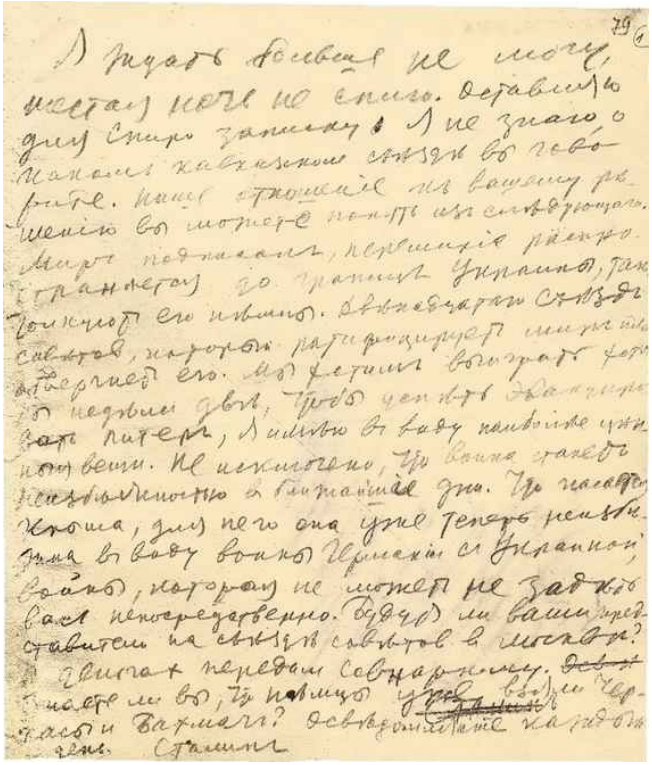
ТЕЛЕГРАММА № 1 №10.224

ПЕРЕДАЙТЕ ЗАТОНСКОМУ И АУСЕНУ СЛЕДЕВШУ У ЗАПОСКУ НАРОДНЫМ СЕКРЕТАРЯМ УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ТОВ ЗАТОНСКОМУ И АУСЕНУ ПО ПОРУЧЕНИЮ СОВНАРКОМА НАРКОМ СТАЛИН ТОЧКА 24/2 ПОЗАВЧЕРА 22/2 ПОЛУЧИЛИ ОТ ГЕРМАНСКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ТЯЖКИЕ МОЖНО СКАЗАТЬ ЗВЕРСКИЕ УСЛОВІЯ МИРА ПРИ ЧЕМ НЕМЦЫ ТРЕБУЮТ ПРИНЯТІЯ ЕТИХ УСЛОВІЙ В СОРОК ВОСЕМ ЧАСОВ ТОЧКА САНОВРЕМЕННО НЕМЕЦКИЕ ОТРЯДЫ НАСТУПАЮТ НА РЕВЕЛЬ И ПСКОВ УГРОЖАЯ ПЕТРОГРАДУ А НАШИ ВОЙСКА ОКОНЧАТЕЛЬНО ОТКАЗЫВАЮТСЯ ОТ СОПРОТИВЛЕНІЯ ИЗВЕСТНЫ ВАМ ЕТИ УСЛОВІЯ Я НЕ ЗНАЮ МЫ ИХ ПЕРЕДАЛИ ВСЕМУ ПО РАДИО СООБЩАЮ ДАВНЫЕ ИЗ НИХ КАСАЮТСЯ УКРАИНЫ КАВЫЧКИ ПУНКТ ЧЕТВЕРТЫЙ РОССІЯ ЗАКЛЮЧАЕТ НЕМЕДЛЕННО МИР С УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ УКРАИНА И ФИНЛЯНДІЯ НЕ ЗАМЕДЛИТЕЛЬНО ОЧИЩАЮТСЯ ОТ РУССКИХ ВОЙСК И КРАСНОЙ ГВАРДІИ КОВЫЧКИ. РУССКИЕ ВОЕННЫЕ СУДА ЧЕРНАГО МОРЯ И Т Д ДОЛЖНЫ БЫТЬ НЕМЕДЛЕННО ПЕРЕВЕДЕНЫ В РУССКИЕ ГАВАНИ И ОСТАВЛЕНЫ ТАМ ДО ВСЕОБЩАГО ЗАКЛЮЧЕНІЯ МИРА ЛИБО РАЗОРУЖЕН ТОЧКА КАВЫЧКИ КАВЫЧКИ ТОРГОВЫЕ В ЧЕРНОМ И ДРУГИХ МОРЯХ ВОЗОБНОВЛЯЮТСЯ КАКЪ ЕТО БЫЛО ПРЕДУСМОТРЕНО В ДОГОВОРЕ О ПЕРМИРИИ ОЧИСТКА ОТ ИХ НАЧИНАЕТСЯ НЕМЕДЛЕННО КАВЫЧКИ ПУНКТ ТРЕТИЙ КАВЫЧКИ ЛИФЛЯНДІЯ И ЕСТЛЯНДІЯ НЕМЕДЛЕННО ОЧИЩАЮТСЯ ОТ РУССКИХ ВОЙСК И КРАСНОЙ ГВАРДІИ И ЗАНИМАЮТСЯ ГЕРМАНСКОЙ ПОЛИЦИЕЙ ВПЛОТЬ ДО ТЕХ ПОР ПОКА УСТРОЙСТВО СТРАНЫ НЕ ГАРАНТИРУЕТ ТАМ

Телеграмма И.В. Сталина по прямому проводу Народному секретариату Украинской Советской Республики о заключении мира с Германией и его условиях

24 февраля 1918

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 125. Л. 1–4]



Записка И.В. Сталина, отправленная по прямому проводу в Севастополь, с сообщением о подписании мира с немцами и предстоящем IV съезде Советов для ратификации мирного договора, о возможности войны с немцами в ближайшие дни, об угрозе Крыму, с просьбой информировать ежедневно

Автограф И.В. Сталина

Между 3 и 12 марта 1918

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 127. Л. 1]

Вожди большевизма, однако, некоторое время не будут иметь ясной линии в международных отношениях. 1 марта 1918 г. Мурманский Совет, ссылаясь на слухи о готовящемся нападении немецких и финских военных частей на Мурманскую железную дорогу, обратился в Совнарком за указаниями о том, в каких формах может быть приемлема помощь «живой и материальной силой» со стороны союзников царской России по Антанте, представительства которых находились в Мурманске после начала Первой мировой войны. В тот же день Троцкий порекомендует «принять всякое содействие союзных миссий». Опираясь на директиву Троцкого, председатель Мурманского Совета А.М. Юрьев 2 марта заключил соответствующее «словесное соглашение». Одним из его пунктов станет обязательство союзников не вмешиваться «во внутреннее управление районом». 6, 14 и 16 марта с английских и французского крейсеров будет высажен десант. Уже

после подписания Брестского мира Ленин и Сталин 26 марта будут иметь пространные переговоры с Юрьевым по прямому проводу. В нем они выскажут опасение, что это соглашение «англичане могут использовать при дальнейшем осложнении международной конъюнктуры как основание для оккупации». Они порекомендуют Юрьеву оповестить англичан о необходимости составить для Совнаркома официальный отчет о сложившемся положении дел, особо подчеркнув взятые ими обязательства о невмешательстве. В этой комбинации Ленин и Сталин увидят возможность «ликвидации того запутанного положения», которое сложилось в Мурманске. 9 и 10 апреля Сталин со ссылкой на поручение Ленина будет дважды разговаривать с Юрьевым по прямому проводу. Он скажет: «Советуем принять помощь англичан». Сталин настоятельно порекомендует действовать «абсолютно секретно и более или менее автономно». Юрьев подтвердит, что все понял правильно: «Считаю, что действуем не вразрез с Вами, но самостоятельно... Значит, будем просить англичан и французов помочь вооруженной силой оборонить среднюю часть Мурманской дороги от своего имени» [128].

Заигрывание большевиков с бывшими союзниками не пройдут мимо внимания германского руководства, которое справедливо усмотрит во всем этом нарушение Брестского мирного договора. Германские подводные лодки усилят блокаду побережья, потопят несколько российских и норвежских судов. Сильное беспокойство проявит нарком по иностранным делам Чичерин, которого, судя по всему, «забыли» ввести в курс дела политические руководители. 12 мая он обратится во ВЦИК к формальному главе Советского государства Я.М. Свердлову, который предупредит мурманских руководителей: «Никакая местная советская организация не должна обращаться за помощью к одной империалистической коалиции против другой». 6 июня уже Ленин совместно с Чичериным напомнят Юрьеву: «Ввиду постановлений Брестского договора военные суда англичан и их союзников не должны появляться у наших северных берегов»[129]. Растерянный Юрьев напомнит: «Заставить союзников силой уйти невозможно. Военная сила неоспоримо на их стороне». 25 июня Ленин и Троцкий предпишут Юрьеву организовать отпор английскому десанту[130]. Вся эта кампания давления на руководителей Мурманского Совета имела целью, конечно, сделать хорошую мину при плохой игре, продемонстрировать Германии готовность Соввласти соблюдать условия мирного договора. В лице Юрьева Москва нашла того самого «стрелочника», на которого и возложили ответственность за появление англо-французских войск на севере Советской России. Постановлением Совнаркома от 1 июля 1918 г. Юрьева объявят врагом народа и поставят вне закона[131]. Он чудом избежит расстрела, к которому его приговорят после ареста в 1920 г., заменив высшую меру «социальной защиты» на тюремное заключение. Остается открытым вопрос, в какой мере действия большевистского

Совнаркома спровоцировали руководство Антанты принять 1 июня 1918 г. в Париже на конференции военных представителей стран союзников решение о расширении интервенции на Севере России. Предоставим и мы читателю возможность самостоятельно поразмышлять над хитросплетениями мировой политики и цене скоропалительных решений в сфере международных отношений, над извивами поведения политических животных в террариумах единомышленников. Сталин, будучи командирован на Юг России, в финале этого дела своего присутствия более не обнаружит.

Брестскому миру, оказавшему гигантское влияние на процессы государственного строительства на постимперском пространстве Восточной Европы, была суждена недолгая жизнь. Поражение Германии в войне, революция и отречение кайзера Вильгельма II от престола приведут к результату, который прогнозировался Лениным. 13 ноября 1918 г. декретом ВЦИК Советов было «торжественно» заявлено, что «условия мира с Германией, подписанные в Бресте 3 марта 1918 г., лишились силы и значения. Брест-Литовский договор… в целом и во всех пунктах объявляется уничтоженным». Декрет пообещает: «На место империалистического мира должен прийти социалистический мир…»[132] Над строительством этого нового мира на востоке Европы и предстояло в ближайшие годы потрудиться большевистской гвардии.

«Конструкция центральной власти»: первая советская Конституция

Весной 1918 г. Сталин по решению ЦК активно участвует в подготовке Конституции РСФСР. Важнейшим аспектом конституционного процесса станет проработка вопроса о национально-государственном устройстве. В качестве наркома по делам национальностей Сталин стал основным действующим лицом в определении политики по этим вопросам. В январе 1918 г. на III съезде Советов Сталин выступит с докладом по национальному вопросу. «Корень всех конфликтов, возникших между окраинами и центральной Советской властью, лежит в вопросе о власти… Все это указывает на необходимость толкования принципа самоопределения как права на самоопределение не буржуазии, а трудовых масс данной нации. Принцип самоопределения должен быть средством борьбы за социализм и должен быть подчинен принципам социализма»[133]. В проекте резолюции «О федеральных учреждениях Российской Республики» он заявит: «Российская Социалистическая Советская Республика учреждается на основе добровольного союза народов

России, как Федерация Советских Республик этих народов». Там же он предложит конструкцию центральной власти. Высшим органом был назван «Всероссийский съезд Советов П., С. и Кр. Депутатов», а в периоды между съездами — ВЦИК, избираемый съездом. А вот «способ участия советских республик отдельных областей в федеральном правительстве… равно как разграничение сферы деятельности федеральных и областных учреждений», Сталин предложил определять по согласованию ЦИКа центрального с ЦИКами местными[134]. Общего принципа, общего для всего формализованного нормативного подхода, большевистская политическая мысль сочла за лучшее пока не предлагать.

14–16 марта 1918 г. Сталин примет участие в работе IV Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов, который был собран для ратификации Брестского мирного договора. На съезде Сталин будет избран членом Всероссийского центрального исполнительного комитета. Большевистская фракция ВЦИК избирает своих кандидатов, включая Сталина, в состав комиссии по выработке проекта Конституции. Сталин фактически возглавит ее работу. 5 апреля он выступит на первом заседании комиссии ВЦИК по выработке проекта Конституции. Свое выступление он подкрепит предварительной публикацией в двух номерах «Правды» пространной «беседы» с сотрудником газеты об организации Российской Федеративной Республики[135]. 12 апреля на заседании комиссии Сталин сделает доклад о типе федерации Российской Советской Республики. Проект Сталина «Общие положения Конституции РСФСР» принимается за основу 19 апреля.

10 июля 1918 г. V Всероссийский съезд Советов принял первую советскую Конституцию, которая в своем первом разделе воспроизведет текст Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятой III Всероссийским съездом Советов 12(25) января 1918 г.: «Россия объявляется Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим советам» (статья 1). «Российская Советская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик» (статья 2). При этом III съезд Советов ограничился «установлением коренных начал федерации Советских Республик России, предоставляя рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном советском съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных учреждениях» (статья 8). Эту норму «Декларации» позднее подтвердил V Всероссийский съезд Советов [136].

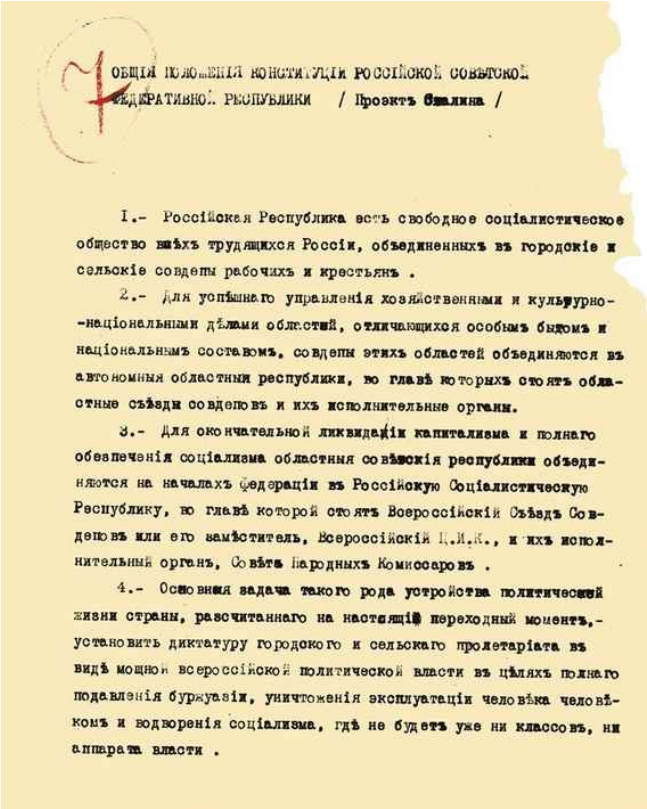
Авторы Конституции отвергли принцип разделения властей. В статье 31 ВЦИК объявлялся высшим законодательным,

распорядительным и контролирующим органом. Конституцией устанавливалось, что верховным органом власти («высшей властью») в стране является Всероссийский съезд Советов (статья 24), а в период между съездами — Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов (статья 30)[137]. Если судить по содержанию ряда статей Конституции, то высшим исполнительным органом власти, однако, фактически являлся СНК, несмотря на туманное описание его статуса. Ему, гласила статья 37, «принадлежит общее управление делами», для которого его «образовывал» ВЦИК (статья 35)[138]. Конституцией предусматривались непрямые выборы в органы государственной власти, устанавливался производственно-территориальный принцип выборов в Советы (статьи 53–60) [139].

Делегаты IV Чрезвычайного съезда Советов во время заседания в Колонном зале

14–16 марта 1918

[РГАСПИ. Ф. 788. Оп. 1. Д. 181]



ОБЩІЯ ПОЛОЖЕНІЯ КОНСТИТУЦІИ РОССІЙСКОЙ СОВѢТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ / Проэктъ Сталина /

1.- Россійская Республика есть свободное соціалистическое общество всѣхъ трудящихся Россіи, объединенныхъ въ городскіе и сельскіе совдепы рабочихъ и крестьянъ.

2.- Для успѣшнаго управленія хозяйственными и культурно-національными дѣлами областей, отличающихся особымъ бытомъ и національнымъ составомъ, совдепы этихъ областей объединяются въ автономныя областныя республики, во главѣ которыхъ стоятъ областные съѣзды совдеповъ и ихъ исполнительные органы.

3.- Для окончательной ликвидаціи капитализма и полнаго обезпеченія соціализма областныя совѣтскія республики объединяются на началахъ федераціи въ Россійскую Соціалистическую Республику, во главѣ которой стоятъ Всероссійскій Съѣздъ Совдеповъ или его замѣститель, Всероссійскій Ц.И.К., и ихъ исполнительный органъ, Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ.

4.- Основная задача такого рода устройства политической жизни страны, разсчитаннаго на настоящій переходный моментъ,- установить диктатуру городского и сельскаго пролетаріата въ видѣ мощной всероссійской политической власти въ цѣляхъ полнаго подавленія буржуазіи, уничтоженія эксплуатаціи человѣка человѣкомъ и водворенія соціализма, гдѣ не будетъ уже ни классовъ, ни аппарата власти.

Проект И.В. Сталина «Общие положения Конституции Российской Советской Федеративной Республики»
19 апреля 1918
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 140. Л. 66]

Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, утвержденная 10 июля 1918 года
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 100]

Конституция носила ярко выраженный классовый характер. В 9-й статье была зафиксирована «основная задача рассчитанной на настоящий переходный момент Конституции». Она виделась ее создателям «в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма». Что касается избирательного права, то оно «будет... предоставлено лишь тем слоям населения, которые эксплуатируются или, во всяком случае, не эксплуатируют чужого труда», — так пообещает Сталин[140]. Конституция зафиксирует: «... теперь, в момент решительной борьбы народа с его эксплуататорами, эксплуататорам не может быть места ни в одном органе власти». Целый ряд социальных групп лишатся избирательных прав (статья 65). Сталина на съезде не будет. Тем не менее его роль в конституционном процессе никем не подвергнется сомнению, и следующая советская конституция, на этот раз уже Союза ССР, будет разрабатываться и приниматься в 1923–1924 гг. вновь под непосредственным руководством Сталина.

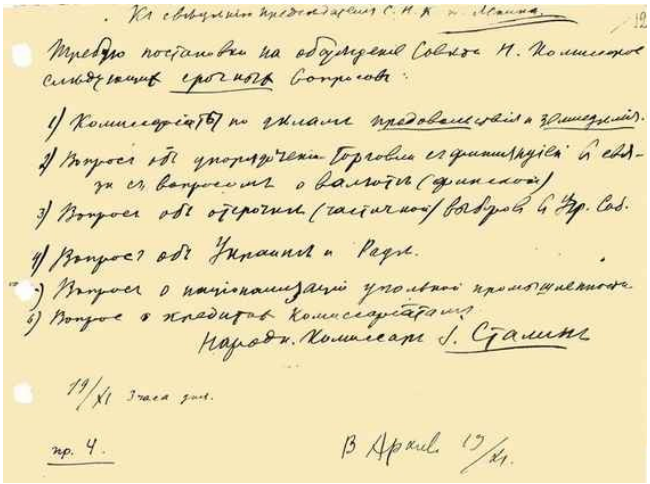
Обретение личных компетенций

В условиях становления нового строя, поиска организационных форм, разграничения полномочий создаваемых органов государственного управления группа представителей большевистской элиты оказывается причастной к реализации самых разных властных полномочий. Сталин принадлежал к числу наиболее востребованных деятелей. Он явно стремился закрепиться в качестве одного из лидеров нового режима. В этой связи обращает на себя, например, одна из первых его докладных записок о необходимости постановки на обсуждение СНК целого ряда самых разных вопросов, выходящих за рамки его компетенции народного комиссара по делам национальностей. В довольно резкой форме («требую постановки на обсуждение») 19 ноября (2 декабря) 1917 г. Сталин выносит в повестку дня необходимость рассмотреть вопросы о комиссариатах по делам продовольствия и земледелия, о торговле с Финляндией, об Украине и Раде, о национализации угольной промышленности, о кредитах комиссариатам, об отсрочке выборов в Учредительное собрание [141].

27 ноября (10 декабря) Сталин выступает на заседании СНК по вопросу о проведении в жизнь политики социалистического

государства в области финансов и экономики. 2(15) декабря вместе с Лениным и Я.М. Свердловым он подпишет декрет ВЦИК и СНК об учреждении Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), задачей которого будет определена «организация народного хозяйства и государственных финансов»[142]. В начале января 1918 г. Сталин войдет в состав комиссии по разработке мероприятий в области продовольственной политики советской власти. В мае 1918 г. ВЦИК и СНК примут декрет «О предоставлении народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими». Именно этот декрет, как уже отмечалось, определил курс большевиков на установление продовольственной диктатуры. В том же мае СНК примет решение направить Сталина «общим руководителем продовольственного дела» на Юге России с «чрезвычайными правами», при этом все местные органы советской власти, штабы и начальники отрядов, руководители учреждений и предприятий, «все комиссары и эмиссары» обязывались исполнять его распоряжения[143]. Его задачами станут сбор и организация перевозок продовольствия в центр страны.

В ноябре 1918 г. на VI Всероссийском Чрезвычайном съезде Советов он избирается членом ВЦИК и членом его Президиума и будет переизбран на VII съезде в декабре 1919 г. и VIII съезде в декабре 1920-го. 30 ноября 1918 г. Сталин назначается членом Совета рабоче-крестьянской обороны и фактически заместителем председателя, которым является Ленин. При этом именно им двоим предоставляется право утверждать постановления комиссий Совета. Ленин явно выделяет Сталина из общего ряда своего ближайшего окружения. По каким основаниям? Это нам еще предстоит установить в ходе предстоящего повествования.


Къ свѣдѣнію Предсѣдателя С.Н.К. т. Ленина.

Требую постановки на обсужденіе Совѣта Н. Комиссаровъ слѣдующихъ срочныхъ вопросовъ:

1) Комиссаріаты по дѣламъ продовольствія и земледѣлія.
2) Вопросъ объ упорядоченіи торговли съ финляндіей въ связи съ вопросомъ о валютѣ (финской)
3) Вопросъ объ отсрочкѣ (частичной) выборовъ въ Укр. Сов.
4) Вопросъ объ Украинѣ и Радѣ.
5) Вопросъ о націонализаціи угольной промышленности
6) Вопросъ о кредитахъ комиссаріатамъ

Народн. Комиссаръ Ѕ. Сталинъ

19/XI 3 часа дня.

пр. 4.

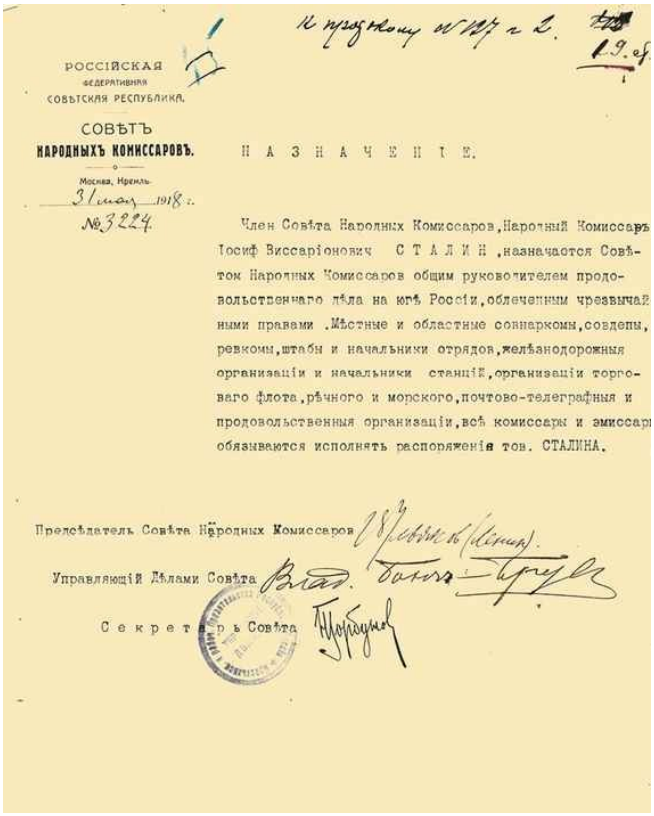
В Архив. 19/XI.

Докладная записка И.В. Сталина В.И. Ленину по поводу необходимости постановки на обсуждение СНК вопросов о комиссариатах по делам продовольствия и земледелия, о торговле с Финляндией, об Украине и Раде, о национализации угольной промышленности, о кредитах комиссариатам, об отсрочке выборов в Учредительное собрание

19 ноября (2 декабря) 1917

Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 4. Л. 12]



РОССІЙСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОВѢТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

СОВѢТЪ
НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ.

Москва, Кремль.
31 мая 1918 г.
№ 3224.

Н А З Н А Ч Е Н І Е.

Член Совѣта Народных Комиссаров, Народный Комиссаръ Іосиф Виссаріонович С Т А Л И Н, назначается Совѣтом Народных Комиссаров общим руководителем продовольственнаго дѣла на югѣ Россіи, облеченным чрезвычайными правами. Мѣстные и областные совнаркомы, совдепы, ревкомы, штабы и начальники отрядов, желѣзнодорожныя организаціи и начальники станцій, организаціи торговаго флота, рѣчного и морского, почтово-телеграфныя и продовольственныя организаціи, всѣ комиссары и эмиссары обязываются исполнять распоряженія тов. СТАЛИНА.

Предсѣдатель Совѣта Народных Комиссаров

Управляющій Дѣлами Совѣта

Секретарь Совѣта

Назначение СНК И.В. Сталина общим руководителем продовольственного дела на Юге России с указанием всем местным властям и организациям исполнять все распоряжения И.В. Сталина

31 мая 1918

Подписи — автографы В.И. Ленина, В.Д. Бонч-Бруевича, Н.П. Горбунова

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6157. Л. 1]

В связи с планами милитаризации труда посредством создания трудовых армий и мобилизаций в них и армейских частей, и

гражданского населения для работы в их составе Сталин в январе 1920 г., как уже было рассказано выше, решением Совнаркома назначается председателем Украинского совета трудовой армии и уже в феврале проводит решение о милитаризации угольной промышленности Донбасса. Спустя всего год в письме Ленину он назовет этот план Троцкого «хозяйственного возрождения» России на основе трудармий убожеством и отсталостью, а самого Троцкого — средневековым кустарем[144].

Выходя за пределы своих непосредственных функциональных обязанностей, оставит свой след Сталин и во внешней политике, о чем нам придется еще говорить дальше. В качестве члена Политбюро Сталин будет не раз высказываться по внешнеполитическим вопросам. На одном из такого рода документов он оставит ремарку, адресованную Ленину, которая вполне раскрывает его политический метод: «...торопиться нельзя, нужно еще изучить ходы противника, понаблюсти как следует».

Многочисленные гражданские функции в сфере государственного управления и, соответственно, должности Сталин будет совмещать с военными и партийно-политическими.

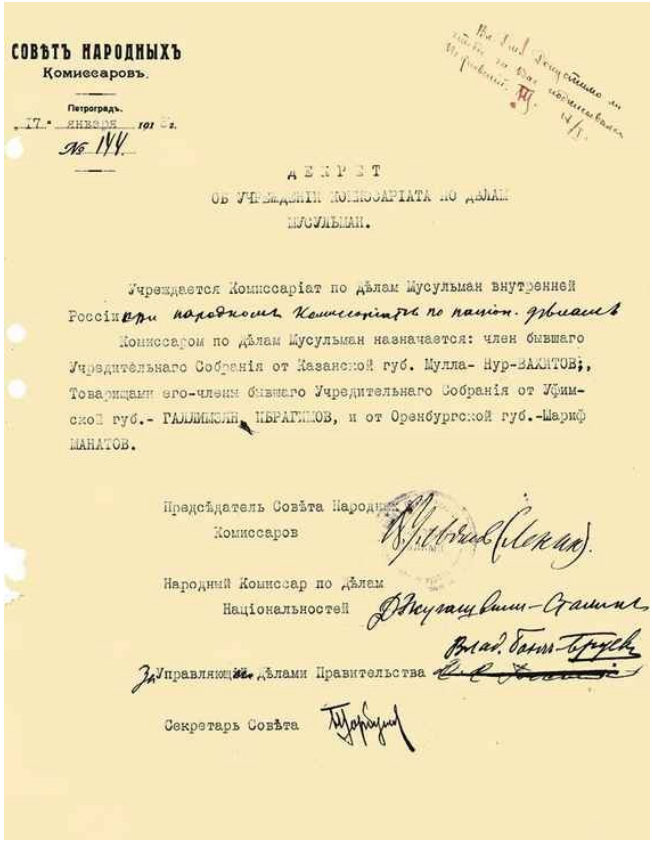
«Я и здесь был подневольным человеком». Нарком по делам национальностей

Будучи известен в партийной среде несколькими статьями по национальному вопросу, Сталин, как уже было отмечено, 26 октября (8 ноября) 1917 г. станет председателем Совнаркома по делам национальностей. Он приступит к созданию соответствующего наркомата, однако не в слишком интенсивном режиме. Основными задачами наркомата станут: «1. Обеспечение мирного сожительства и братского сотрудничества всех национальностей и племен РСФСР, а также договорных дружественных Советских Республик; 2. Содействие их материальному и духовному развитию, применительно к особенностям их быта, культуры и экономического состояния; 3. Наблюдение за проведением в жизнь национальной политики Советской власти». Первое заседание коллегии Наркомнаца состоится только 15 февраля 1918 г., и в нем примут участие комиссары по польским, литовским делам, по делам армян, евреев, комиссар Центрального мусульманского комиссариата и др.

На заседании будут приняты организационные решения: коллегию составляет собрание национальных комиссаров; заседание коллегии созывается один раз в неделю, коллегия издает печатный орган наркомата на русском языке; учреждались отделы подготовки общих

декретов, агитации и пропаганды, по связям с национальными комиссариатами, по связям с заграницей, статистики, редакция газеты «Жизнь национальностей»[145]. На этом заседании будет принято первое, и во многом определяющее, решение об отступлении от принципа коллегиальности. Заслушав вопрос «Национальные комиссариаты и Красная армия», коллегия приняла резолюцию: «Так как Мусульманский комиссариат хочет решить его в спешном порядке, то вопрос этот... специально предоставляется решению т. Сталина совместно с Мусульманским комиссариатом»[146]. Как справедливо отмечается в историографии, отныне многие важные вопросы будут решаться Сталиным лично по представлению его заместителя[147]. В начале 1921 г. на этой почве развернется конфликт между Сталиным и руководителем Еврейского отдела Наркомнаца А.Н. Мережиным. 28 января 1921 г. Мережин направит Сталину докладную записку, в которой укажет на целый ряд важнейших решений в сфере национально-государственного строительства, принятых «без ведома Совета национальностей, без учета мнений представителей республик и областей, заведующих отделами Наркомнаца». К числу таких принятых кулуарно решений Мережин отнесет постановления ВЦИК об автономной Дагестанской ССР и автономной Горской ССР, об образовании автономной области вотяцкого народа, автономной области калмыцкого народа, автономной Киргизской (Казахской) Республики, Карельской трудовой коммуны, автономной области марийского народа, Вотской области, а также ряда нормативных документов[148]. Специальное внимание Мережин обратит не только на нарушение нормативных документов наркомата, но и специальной «Инструкции народного комиссара по делам национальностей Сталина». Вывод Мережиным будет сделан следующий: «Получается систематическое, незаконное и политически вредное игнорирование Совета национальностей, которое не может не действовать деморализующим образом»[149]. Следует сказать, однако, что этот конфликт был во многом спровоцирован институциональными проблемами, заложенными отцами-основателями нового государства в основание советской государственности. Ведь статья 45 Конституции РСФСР 1918 г. прямо гласила: «Народный комиссар вправе единолично принимать решения по всем вопросам, подлежащим ведению соответствующего народного комиссариата». Он лишь обязывался «доводить» об этих решениях «до сведения коллегии». Обращает на себя внимание и форма, в которой конституировалась коллегия. Она образовывалась «**при**» народном комиссаре[150]. Так что Мережин был не совсем прав с формально-юридической точки зрения, предъявляя Сталину подобные обвинения. Сталин лишь использовал права, предоставленные ему Конституцией РСФСР (к созданию которой, напомним, он приложил свою руку) и практикой управления, сложившейся в рамках нового государственного порядка. Именно этим

основополагающим документом создавались правовые основания для появления не только авторитарного стиля управления, но и некоторого множества авторитарных управляющих. Причем в известном противоречии с декларативными заявлениями большевиков о народовластии.



СОВѢТЪ НАРОДНЫХЪ
Комиссаровъ.

Петроградъ.
17 января 1918 г.
№ 144

ДЕКРЕТ
ОБ УЧРЕЖДЕНІИ КОМИССАРІАТА ПО ДѢЛАМ МУСУЛЬМАН.

Учреждается Комиссаріат по дѣлам Мусульман внутренней Россіи при народном Комиссариатѣ по национ. дѣлам

Комиссаром по дѣлам Мусульман назначается: член бывшаго Учредительнаго Собранія от Казанской губ. Мулла- Нур-ВАХИТОВ;, Товарищами его-членами бывшаго Учредительнаго Собранія от Уфимской губ.- ГАЛИМЗЯН ИБРАГИМОВ, и от Оренбургской губ.-Шариф МАНАТОВ.

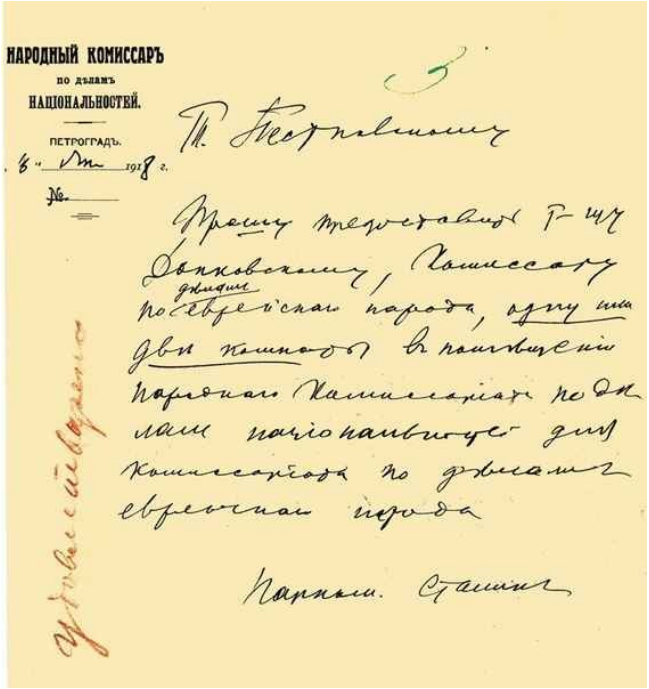
Предсѣдатель Совѣта Народных Комиссаров

Народний Комиссар по дѣлам Національностей

Управляющий дѣлами Правительства

Секретарь Совѣта

Декрет СНК об учреждении Комиссариата по делам мусульман
17(30) января 1918
Подписи — автографы В.И. Ленина, И.В. Сталина, В.Д. Бонч-Бруевича, Н.П. Горбунова, дополнения — автограф И.В. Сталина, помета — автограф Н.П. Горбунова
[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5190. Л. 1]



НАРОДНЫЙ КОМИССАРЪ
по дѣламъ
НАЦІОНАЛЬНОСТЕЙ.
ПЕТРОГРАДЪ.
8 Янв 1918 г.
№

Т. Пестковскому

Прошу предоставить Т-щу Добковскому, Комиссару по дѣламъ еврейскаго народа, одну или двѣ комнаты въ помѣщеніи Народнаго Комиссаріата по дѣламъ національностей для Комиссаріата по дѣламъ еврейскаго народа

Нарком. Сталин

Записка И.В. Сталина заместителю наркома по делам национальностей С.С. Пестковскому о предоставлении И.Г. Добковскому помещения для Комиссариата по делам еврейского народа

16(29) января 1918

Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 111. Л. 1]

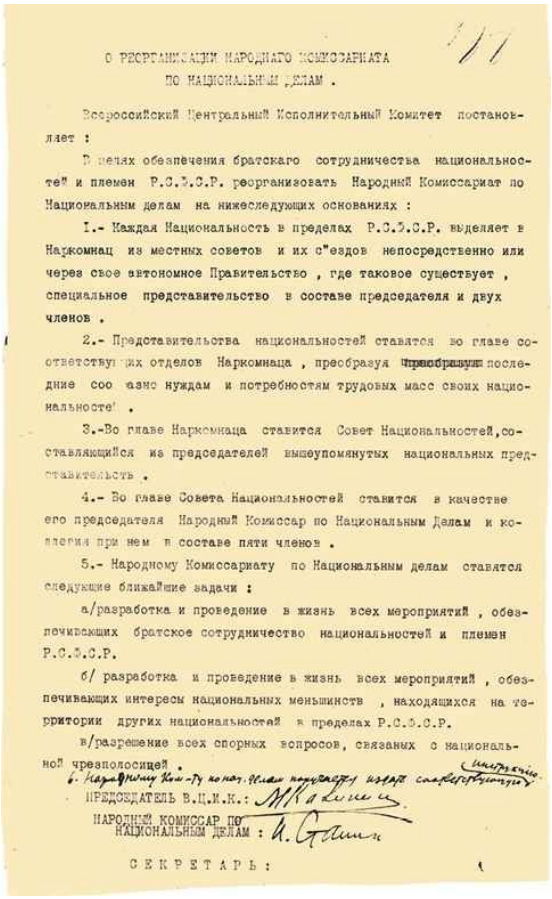
Возвращаясь к начальному периоду работы Наркомнаца, следует сказать, что состав коллегии наркомата будет утвержден Совнаркомом лишь 30 сентября 1918 г. Уместно предположить, что ни сам нарком (Сталин), ни председатель Совнаркома (Ленин) не придавали слишком большого значения институционализации деятельности наркомата, как и определению предмета его ведения. Содержательно эта деятельность в значительной степени пересекалась с деятельностью других наркоматов, что вызовет в конце 1919 г. дискуссию о его ликвидации. 12 декабря 1919 г. в отсутствие своего председателя обсудит этот вопрос на заседании коллегии и сам Наркомнац. Члены коллегии отметят, что наркомату почти всегда приходилось работать параллельно с другими учреждениями. Особо будет отмечено значение передачи культурно-просветительской работы в Наркомат просвещения, а политической — в отдел национальных меньшинств при ЦК РКП(б), после чего «еще более усилилось стремление местных властей к ликвидации наркомата»[151]. Коллегия своим решением создаст комиссию под руководством С.М. Диманштейна, возглавлявшего

комиссариат по делам евреев, для выработки своих предложений по реорганизации.

Семен Маркович Диманштейн
1920-е
[РГАСПИ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 257]

Эти предложения будут заслушаны на коллегии уже 19 декабря и направлены в Совнарком. 19 мая 1920 г. на основе этих предложений ВЦИК примет декрет «О реорганизации Народного комиссариата по национальным делам»[152].

Реализуя это решение, коллегия уже 20 мая примет решение создать вместо существовавших ранее комиссариатов и отделов 18 национальных отделов для народностей, имевших свои автономные правительства или проживавших компактными массами. Для иных народностей создали Отдел национальных меньшинств. Одним из результатов реорганизации станет создание Совета национальностей, который становится руководящим органом наркомата. Совет должен был состоять из председателей национальных представительств, возглавлял Совет народный комиссар и при нем коллегия в составе пяти человек. Каждая национальность по утвержденному списку выделяла в комиссариат председателя и двух членов, которые должны были возглавлять соответствующие отделы. Упорядочив организационную структуру наркомата, декрет, однако, не сыграет серьезной роли в укреплении его позиций в системе органов государственной власти.



О РЕОРГАНИЗАЦИИ НАРОДНАГО КОМИССАРИАТА
ПО НАЦИОНАЛЬНЫМ ДЕЛАМ.

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

В целях обезпечения братскаго сотрудничества национальностей и племен Р.С.Ф.С.Р. реорганизовать Народный Комиссариат по Национальным делам на нижеследующих основаниях:

1.- Каждая Национальность в пределах Р.С.Ф.С.Р. выделяет в Наркомнац из местных советов и их с"ездов непосредственно или через свое автономное Правительство, где таковое существует, специальное представительство в составе председателя и двух членов.

2.- Представительства национальностей ставятся во главе соответствующих отделов Наркомнаца, преобразуя ~~преобразуя~~ последние соо азно нуждам и потребностям трудовых масс своих национальностей.

3.-Во главе Наркомнаца ставится Совет Национальностей, составляющийся из председателей вышеупомянутых национальных представительств.

4.- Во главе Совета Национальностей ставится в качестве его председателя Народный Комиссар по Национальным Делам и коллегия при нем в составе пяти членов.

5.- Народному Комиссариату по Национальным делам ставятся следующие ближайшие задачи:

а/разработка и проведение в жизнь всех мероприятий, обезпечивающих братское сотрудничество национальностей и племен Р.С.Ф.С.Р.

б/ разработка и проведение в жизнь всех мероприятий, обезпечивающих интересы национальных меньшинств, находящихся на территории других национальностей в пределах Р.С.Ф.С.Р.

в/разрешение всех спорных вопросов, связаных с национальной чрезполосицей.

6. Народному Ком-ту по нац. делам поручается издать соответствующую инструкцию.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ В.Ц.И.К.: М.Калинин

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ПО НАЦИОНАЛЬНЫМ ДЕЛАМ: И. Сталин

СЕКРЕТАРЬ:

Постановление ВЦИК о реорганизации Народного комиссариата по национальным делам, дополнение И.В. Сталина в пункт 6 о поручении Наркомнацу издать соответствующую инструкцию

19 мая 1920

Подписи — автографы М.И. Калинина и И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 1635. Л.]

Это положение вполне отразит доклад, представленный коллегией Наркомнаца на заседании Совнаркома 25 сентября 1920 г. В нем будет зафиксировано, что в конце 1919 — начале 1920 г. «в руководящих партийных органах официально и неофициально поднимается вопрос о ликвидации Наркомнаца», наркомат находится на положении «пасынка в семье советских учреждений», «ВЦИК и ЦК РКП принимают меры в области решения национального вопроса, совершенно игнорируя Наркомнац»[153]. По итогам заседания 30 октября СНК издаст постановление, обязавшее все наркоматы запрашивать мнение коллегии Наркомнаца по всем вопросам, касающимся республик, областей и отдельных национальностей. На Совет национальностей возложили обязанность давать заключения по всем вопросам,

имеющим значение для республик, областей и отдельных народностей[154].

Во избежание параллелизма в работе ВЦИК и СНК 4 ноября 1920 г. приняли постановление, согласно которому представительства автономных республик при ВЦИК передавались в Наркомат по делам национальностей. Совместное постановление от 4 ноября фактически будет призвано подтвердить постановление самого ВЦИК от 22 мая. Авторитета самого ВЦИК, судя по всему, не хватало для проведения задуманной реорганизации. «Многие не понимают, почему представительства автономных республик и областей переданы Наркомнацу, они должны быть при ВЦИК», — так один из функционеров Наркомнаца опишет восприятие на местах проведенной реформы, выступая на первом Всероссийском совещании представителей автономных республик, областей и губернских отделов по делам национальностей, который пройдет 18–21 декабря 1920 г.[155] Это недовольство следует в значительной мере признать справедливым, поскольку представительство при формально высшем властвующем органе заменялось низведением национального представительства на уровень не самого влиятельного органа исполнительной власти.

16 декабря СНК и ВЦИК за подписями Ленина, Калинина и Енукидзе выпустят еще одно постановление об учреждении в автономных республиках и областях представительств комиссариата[156]. Это решение входило в противоречие с более ранним решением коллегии Наркомнаца от 20 мая 1919 г., согласно которому именно на местах формировались представительства республик и областей, направлявших своих делегатов в Наркомнац. Следующим шагом в поиске организационных форм станет разработка Положения о Совете национальностей. 5 марта 1921 г. на заседании Совета с докладом по этому вопросу выступит Сталин. Совет национальностей должен был стать теперь не высшим органом управления Наркомнацем, а его представительным органом при наркомате с правом выдвигать кандидатов в коллегию Наркомнаца. Совету были вменены также «законодательные» функции наркомата. Совет национальностей должен был представлять во ВЦИК и СНК проекты законов и декретов по национальной проблематике, давать заключения по инициативе других комиссариатов, затрагивавших национальную сферу, и др. Нельзя не обратить внимания на предложения Сталина по составу Совета. Помимо глав представительств автономных республик и областей РСФСР, он предложил включить в него представителей шести национальных отделов: Финского, Эстонского, Латышского, Литовского, Польского и Еврейского. Не приходится сомневаться, что в этих предложениях нашли отражение взгляды и самого Сталина, и ряда представителей советского руководства на «справедливые» границы распространения государственного суверенитета Советской России. Территория всей бывшей Российской империи, по всей вероятности, по-

прежнему входила в этот ареал. Эти представления будут оказывать определенное воздействие на геополитические устремления советских руководителей в последующие десятилетия.

На этом череда реорганизаций не завершится. 29 апреля 1922 г. состоится очередное заседание коллегии, на котором будут заслушаны тезисы об очередной перестройке управления. Сталин на заседание не явится, ограничившись письмом со своими рекомендациями. 27 июля 1922 г. ВЦИК утвердит Декрет о реорганизации Наркомнаца и Положение, в которых будут определены цели и функционал наркомата, его организационная структура[157]. Этими документами будет создана относительно полная правовая основа функционирования наркомата, он будет встроен в систему государственного управления, будут определены его функции и полномочия. В этом новом качестве наркомату будет суждена короткая жизнь. Создание СССР в конце декабря 1922 г., о чем будет рассказано дальше, выведет Наркомнац на траекторию завершения его работы и существования. В апреле 1923 г. на одном из секционных заседаний XII съезда РКП(б) Сталин сделает шокирующее признание: «Я два года дрался за уничтожение Наркомнаца и получил отказ. Это орган, ничего не делающий и тормозящий работу. Меня не освобождали от наркомства». Некоторое объяснение подобного отношения к делам собственного ведомства дает предшествующее высказывание Сталина: «Наркомнац — комиссариат агитационный, никаких административных прав Наркомнац не имеет»[158]. Вероятно, именно недостаток административных ресурсов, не слишком высокое позиционирование наркомата, необходимость выступать в качестве ходатая за автономии и национальные меньшинства перед другими ведомствами и были причиной недовольства Сталина. Да и собственные решения наркомат должен был «визировать» в вышестоящих инстанциях. Например, в апреле 1919 г. на утверждение Президиума ВЦИК Наркомнац вынесет постановление о созыве Всекиргизского съезда[159]. Нельзя также не обратить внимания, что из Конституции РСФСР, принятой в июле 1918 г., исчезло упоминание должности председателя Совнаркома по национальным делам, так выделявшее Сталина поначалу из общего ряда народных комиссаров. В перечне наркоматов, зафиксированном в статье 43, Наркомнац значится лишь под литерой «к»[160]. Приоритеты советского государственного строительства, если судить по этому позиционированию институтов управления, с формальной точки зрения существенно изменились. Кроме того, раздражение Сталина могли вызывать недостаточность простого администрирования, приказа как метода решения вопросов, необходимость согласований и работы в диалоговом режиме с представителями российских автономий и многочисленных народов, в том числе в составе собственной коллегии. Поэтому теоретические установки Сталина («от федерализма к унитаризму») не могли не вызывать сопротивления со стороны

представителей национальных движений и трений в их отношениях с наркомом.

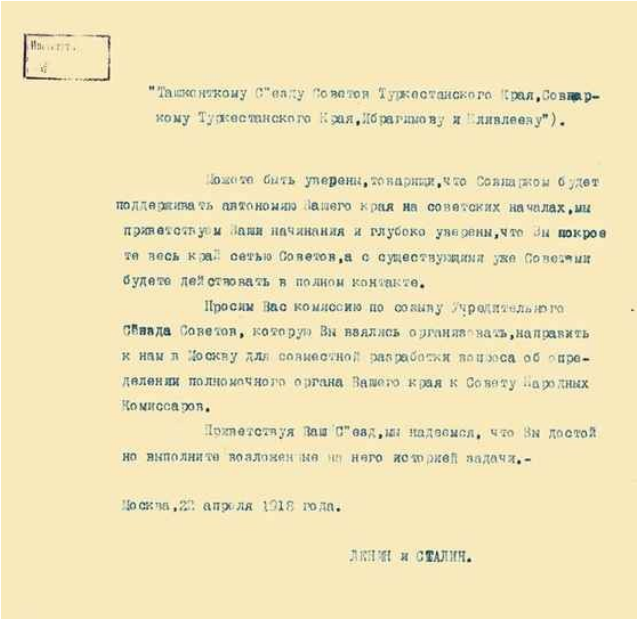
Иосиф Виссарионович Сталин
1918–1919
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1647. Л. 52]

Создание СССР перекроит систему органов государственного управления. 29 июня 1923 г. 2-я сессия ВЦИК РСФСР 10-го созыва признает своевременной ликвидацию наркомата. Будет отмечено при этом выполнение Наркомнацем его основной миссии подготовки образования союзных и автономных республик и областей и объединения их в Союз ССР. И действительно, начиная с 1918 г. создаются многочисленные автономные образования в составе РСФСР. Одной из крупнейших станет автономия Туркестанского края, о поддержке которой на советских началах Ленин и Сталин заявят в свое время телеграммой в адрес съезда Советов Туркестанского края [161].

Сталин продолжит возглавлять Наркомат по делам национальностей вплоть до июля 1923 г. 9 апреля 1924 г. Наркомнац прекратит существование.

Среди методов советской национальной политики на раннем этапе значимое место, помимо поощрения национальных культур и развития автономий, займут репрессивные практики. Для многих народов бывшего Советского Союза ключевой точкой национальной памяти стали так называемые национальные операции советской власти. Первая из них состоится не в конце тридцатых годов, как часто принято думать, а в годы Гражданской войны и организована она будет при непосредственном участии Сталина. Первой этносоциальной группой, которая подверглась массовой депортации, стало казачество. Решениями областного ревкома летом 1920 г. начнутся

принудительные переселения терских казаков и отчуждение пахотных земель для наделения ею представителей горских народов. 14 сентября 1920 г. Политбюро ЦК по докладу Сталина подтвердит постановление Кавбюро ЦК о наделении чеченцев землей за счет казачьих станиц[162]. 30 октября 1920 г. Сталин и Г.К. Орджоникидзе направят в Реввоенсовет Терской группы войск телеграмму, предписав в срочном порядке осуществить переселение за Терек казаков станицы Асиновская[163]. В тот же день Сталин из Владикавказа сообщит Ленину о выселении «в военном порядке» пяти станиц терских казаков и передачи казачьих земель «в распоряжение чеченцев»[164]. Таковы некоторые обстоятельства первой советской депортации.



"Ташкентскому С"езду Советов Туркестанского Края,Совнаркому Туркестанского Края,Ибрагимову и Куйбышеву").

Можете быть уверены,товарищи,что Совнарком будет поддерживать автономию Вашего края на советских началах,мы приветствуем Ваши начинания и глубоко уверены,что Вы покроете весь край сетью Советов,а с существующими уже Советами будете действовать в полном контакте.

Просим Вас комиссию по созыву Учредительного Сїезда Советов, которую Вы взялись организовать,направить к нам в Москву для совместной разработки вопроса об определении полномочного органа Вашего края к Совету Народных Комиссаров.

Приветствуя Ваш С"езд,мы надеемся, что Вы достойно выполните возложенные на него исторической задачи.-

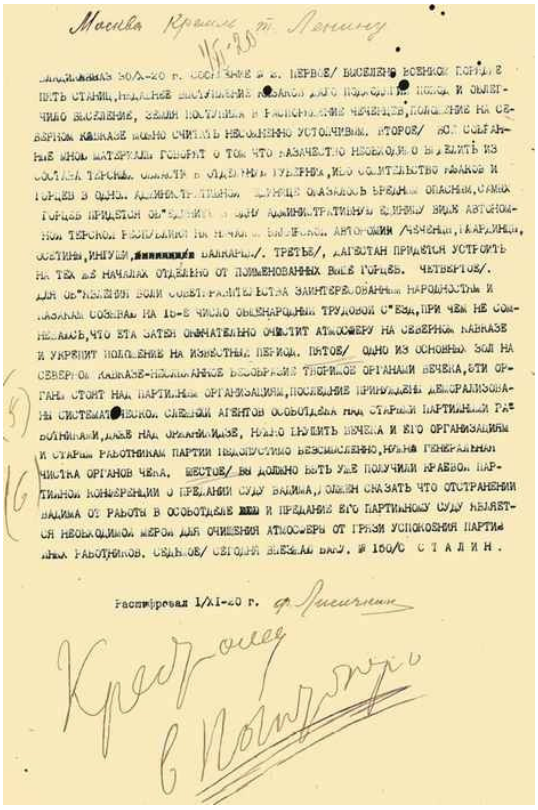
Москва,22 апреля 1918 года.

ЛЕНИН и СТАЛИН.

Телеграмма В.И. Ленина и И.В. Сталина съезду Советов Туркестанского края о поддержке автономии Туркестана на советских началах

22 апреля 1918

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5762. Л. 1]



Москва Кремль тт. Ленину

Телеграмма И.В. Сталина из Владикавказа В.И. Ленину в Москву о положении на Северном Кавказе; о необходимости выделения казачества из состава Терской области и образования Терской и Дагестанской автономных республик; о созыве съезда в связи с этим; о необходимости чистки органов ВЧК в Закавказье, терроризировавших старых партийных работников; о решении краевой партконференции о предании суду руководителя Особого отдела местной ЧК

30 октября 1920

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24197. Л. 1]

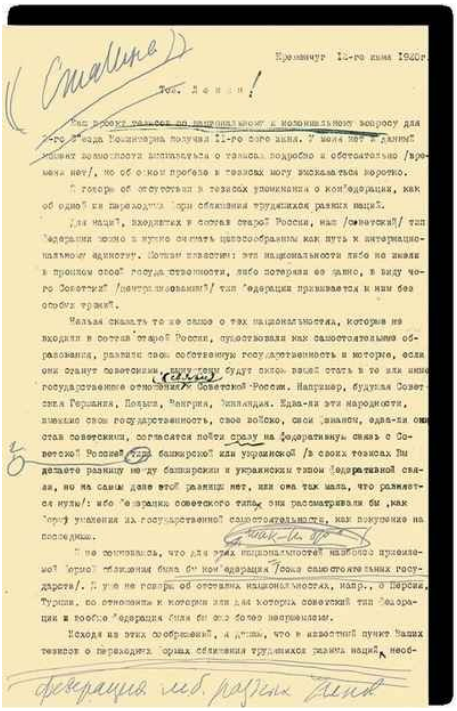
Судя по всему, Сталин не сыграет слишком значительной роли в перипетиях судьбы вверенного ему наркомата. Он не станет бороться против передачи части его полномочий другим политическим и государственным структурам, не проявит активности в формулировании и продвижении функционала наркомата, его закреплению в системе органов государственного управления. Довольно очевидно, что, как администратор, Сталин на этом участке зарекомендовал себя не с лучшей стороны. Вероятно, это станет сказываться на восприятии его политических качеств членами большевистского ареопага. Вряд ли случаен и тот факт, что практически все члены руководства Наркомнаца — свидетели этого аппаратного провала — позднее погибнут в годы Большого террора.

Впрочем, в равной степени этот упрек в невысоком уровне администрирования можно предъявить и коллегии Наркомнаца, и руководителям ВЦИК, Совнаркома и ЦК РКП(б), оказавшимся не в состоянии на протяжении ряда лет выработать организационные и содержательные основания управления сферой межнациональных отношений, во многом ограничиваясь политическими декларациями. Организационная неразбериха, дублирование функций будут свойственны деятельности не только Наркомнаца, но и других ведомств Советской России.

Погрузившись в практическое руководство национальной политикой, Сталин будет стремиться поддерживать свое реноме в качестве партийного теоретика по национальному вопросу. В июне 1920 г. он напишет из Кременчуга письмо Ленину с замечаниями к его проекту тезисов по национальному и колониальному вопросу для II конгресса Коминтерна[165].

Сталин не раз выступит с программными установками. В его позиции довольно рано станут проявляться нюансы, которые позднее приведут к конфликту с Лениным в вопросе о принципах строительства СССР. «От унитаризма — к федерализму», — так в начале апреля 1918 г. начнет Сталин свою беседу с сотрудником газеты «Правда» об организации Российской Федеративной Республики. Завершит же ее он постановкой прямо противоположной задачи: «Федерализму в России суждено... сыграть переходную роль к будущему социалистическому унитаризму»[166]. Интересно в этом контексте и то, как Сталин рассматривает вопрос статуса конкретных территорий в составе РСФСР. Свой подход Сталин разъяснит следующим образом: «... субъектами федерации должны быть и могут быть не всякие участки и единицы и не всякая географическая территория, а лишь определенные области, естественно сочетающие в себе особенности быта, своеобразие национального состава и целостность экономической территории. Таковы — Польша, Украина, Финляндия, Крым, Закавказье (причем не исключена возможность, что Закавказье разобьется на ряд определенных национально-территориальных единиц...), Туркестан, Киргизский край, татаро-башкирская территория, Сибирь и т. п.»[167]. Эту теоретическую установку Сталин постарается реализовать в практической деятельности в процессе создания СССР. В октябре 1922 г. Сталин предложит проект резолюции о взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками, который предлагал «признать целесообразным формальное вступление независимых советских республик: Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии и Армении в состав РСФСР...»[168] Это предложение, ставшее известным как план автономизации, станет одним из камней преткновения во взаимоотношениях с Лениным, предлагавшим план советской федерации независимых республик с правом выхода из состава Союза. Это предложение Ленина, вероятно,

стало для Сталина неожиданным, поскольку вся предшествующая практика не подвергала сомнению ни установок Сталина, ни предлагавшихся им практических решений. Так, в мае 1919 г. Ленин и Сталин подготовили и подписали проект постановления ЦК РКП(б) по вопросу объединения РСФСР с советскими республиками Украины, Латвии, Эстонии, Литвы и Белоруссии.



Сталина

Кремлинчуг 12-го июня 1920г.

Тов. Ленин!

Ваш проект тезисов по национальному и колониальному вопросу для 2-го Съезда Коминтерна получил 11-го сего июня. У меня нет и данный момент возможности высказаться о тезисах подробно и обстоятельно /времени нет/, но об одном пробеле в тезисах могу высказаться коротко.

Я говорю об отсутствии в тезисах упоминания о конфедерации, как об одной из переходных форм сближения трудящихся разных наций.

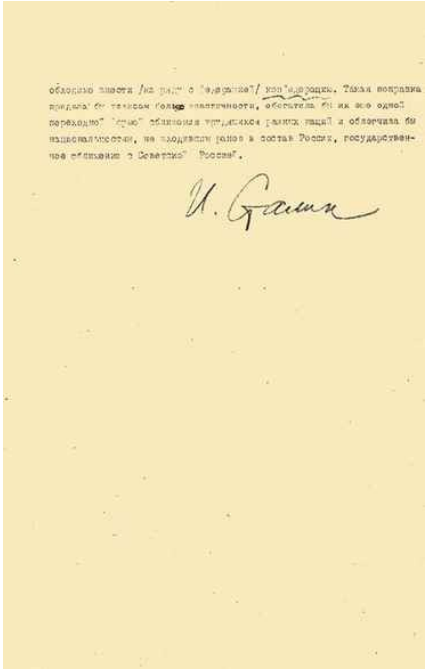
Для наций, входивших в состав старой России, наш /советский/ тип федерации можно и нужно считать целесообразным как путь к интернациональному единству. Могут известные эти национальности либо не имели в прошлом своей государственности, либо потеряли ее давно, в виду чего Советский /централизованный/ тип федерации прививается к ним без особых трений.

Нельзя сказать то же самое о тех национальностях, которые не входили в состав старой России, существовали как самостоятельные образования, развили свою собственную государственность и которые, если они станут советскими, наверное будут склонны вещей стать в те или иные государственные отношения к Советской России. Например, будущая Советская Германия, Польша, Венгрия, Финляндия. Едва-ли эти народности, имеющие свою государственность, свое войско, свои финансы, едва-ли они стали советскими, согласятся пойти сразу на федеративную связь с Советской Россией типа башкирской или украинской /в своих тезисах Вы делаете разницу между башкирским и украинским типом федеративной связи, но на самом деле этой разницы нет, или она так мала, что равняется нулю/: ибо федерации советского типа они рассматривали бы, как форму умаления их государственной самостоятельности, как покушение на последнюю.

Я не сомневаюсь, что для этих национальностей наиболее приемлемой формой сближения была бы конфедерация /союз самостоятельных государств/. Я уже не говорю об отсталых национальностях, напр., о Персии, Турции, по отношению к которым или для которых советский тип федерации и вообще федерация были бы еще более неприемлемы.

Исходя из этих соображений, я думаю, что в известный пункт Ваших тезисов о переходных формах сближения трудящихся разных наций, необ-

федерация либ. разных Ленин



Письмо И.В. Сталина из Кременчуга В.И. Ленину с замечаниями к его проекту тезисов по национальному и колониальному вопросу для II конгресса Коминтерна

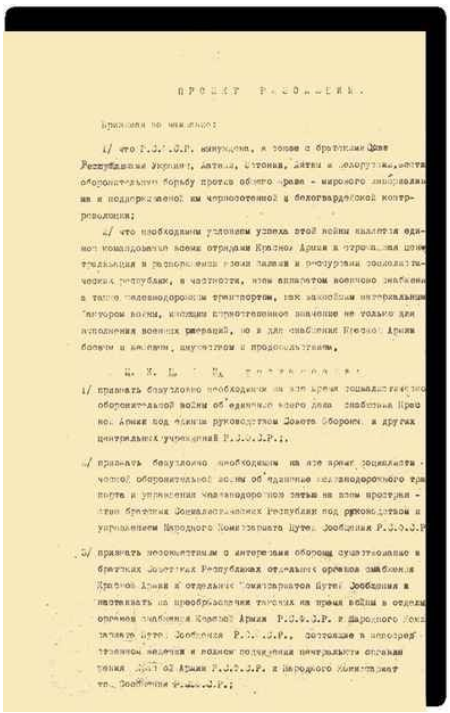
12 июня 1920

Правка простым карандашом, подпись — автограф И.В. Сталина, правка синим карандашом — автограф В.И. Ленина

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24248. Л. 1–2]

Резолюция признавала «безусловно необходимым на все время социалистической оборонительной войны» объединить «под единым руководством Совета Обороны и других центральных учреждений РСФСР» весь аппарат военного снабжения, дело снабжения Красной армии, управление железнодорожной сетью и транспортом и путей сообщения, признать необходимость единого командования и строжайшую централизацию[169]. 1 июня 1919 г. ВЦИК за подписью М.И. Калинина издаст соответствующий декрет, оформив, таким образом, политическое решение.

Несомненно, что Сталин полагал решенным вопрос о типе федерации в рамках своего подхода, согласованного ранее. Выдвижение Лениным нового плана он не мог воспринимать иначе, как свое поражение в качестве теоретика и практика государственного строительства.



ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ.

Признавая во внимание:

1/ что Р.С.Ф.С.Р. вынуждена, в союзе с братскими Советскими Республиками Украины, Латвии, Эстонии, Литвы и Белоруссии, вести оборонительную борьбу против общего врага - мирового империализма и поддерживаемой им черносотенной и белогвардейской контрреволюции;

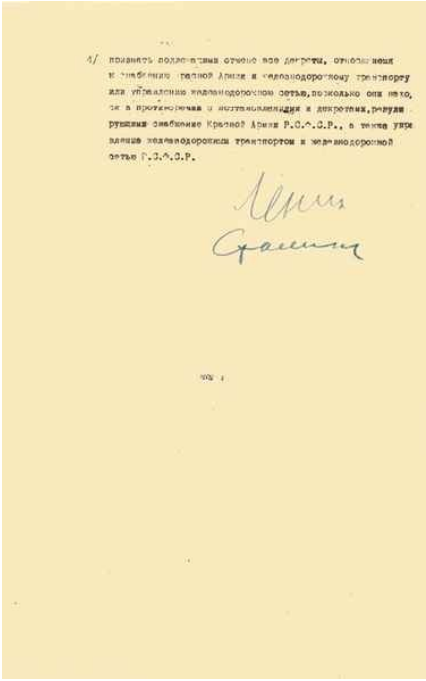
2/ что необходимым условием успеха этой войны является единое командование всеми отрядами Красной Армии и строгая централизация в распоряжении всеми силами и ресурсами социалистических республик, в частности, всем аппаратом военного снабжения, а также железнодорожным транспортом, как важнейшим материальным фактором войны, имеющим первостепенное значение не только для исполнения военных операций, но и для снабжения Красной Армии боевым и мелким имуществом и продовольствием,

Ц. К. Р. К. П. (б) постановляет:

1/ признать безусловно необходимым на все время социалистической оборонительной войны об'единение всего дела снабжения Красной Армии под единым руководством Совета Обороны и других центральных учреждений Р.С.Ф.С.Р.;

2/ признать безусловно необходимым на все время социалистической оборонительной войны об'единение железнодорожного транспорта и управления железнодорожной сетью на всем пространстве братских Социалистических Республик под руководством и управлением Народного Комиссариата Путей Сообщения Р.С.Ф.С.Р.

3/ признать несовместимым с интересами обороны существование в братских Советских Республиках отдельных органов снабжения Красной Армии и отдельных Комиссариатов Путей Сообщения и настаивать на преобразовании таковых на время войны в отделы органов снабжения Красной Армии Р.С.Ф.С.Р. и Народного Комиссариата Путей Сообщения Р.С.Ф.С.Р., состоящие в непосредственном ведении и полном подчинении центральных органов [illegible] Красной Армии Р.С.Ф.С.Р. и Народного Комиссариата Путей Сообщения Р.С.Ф.С.Р.;



4/ признать подлежащими отмене все декреты, относящиеся к снабжению Красной Армии и железнодорожному транспорту или управлению железнодорожною сетью, поскольку они находятся в противоречии с постановлениями и декретами, регулирующими снабжение Красной Армии Р.С.Ф.С.Р., а также управление железнодорожным транспортом и железнодорожной сетью Р.С.Ф.С.Р.

Ленин
Сталин

Проект резолюции ЦК РКП(б) по вопросу объединения РСФСР с советскими республиками Украины, Латвии, Эстонии, Литвы и Белоруссии для борьбы с мировым империализмом

Май 1919

Подписи — автографы В.И. Ленина и И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9986. Л. 1–1 об.]

На посту руководителя Наркомата по делам национальностей Сталин сформулирует не только идеи о характере федерации, но и некоторые важнейшие принципы национальной политики. Известно, что именно Ленин формирует начала политики так называемой коренизации (или национализации в терминологии Сталина), получившей свое развитие в 1920-х гг. Происходит это в 1919 г., когда ЦК РКП(б) принимает резолюцию о советской власти на Украине, в основу которой будут положены ленинские тезисы. Ею было вменено в обязанность членам партии всеми средствами содействовать устранению «препятствий к свободному развитию украинского языка и культуры», проводить право... «учиться и объясняться во всех советских учреждениях на родном языке», принять «меры, чтобы во всех советских учреждениях имелось достаточное количество служащих, владеющих украинским языком, и чтобы в дальнейшем все служащие умели объясняться на украинском языке»[170]. Однако еще в начале апреля 1918 г. в статье, опубликованной в «Правде», Сталин одной из очередных задач поставит использование специальных способов вовлечения трудящихся и эксплуатируемых масс национальных окраин в процесс революционного развития. Перспективы решения этой задачи Сталин увидит в «организации местной школы, местной администрации, местных органов власти, местных общественно-политических и просветительских учреждений с гарантией полноты прав местного, родного для трудовых масс края, языка во всех сферах общественно-политической работы»[171]. Практическая реализация этих установок в 20–30-е гг. XX в. дает сегодня основание ряду зарубежных исследователей говорить о так называемой «положительной деятельности» советской власти в сфере национальной политики, а одному из таких ученых — квалифицировать ранний Советский Союз как «империю положительной деятельности»[172].

Михаил Иванович Калинин
1920-е
[РГАСПИ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 58. Л. 99]

Несмотря на многочисленные организационные неурядицы, следует признать, что большевистское правительство в целом справилось со своей основной задачей — «разрешить» тем или иным способом межнациональные проблемы и консолидировать значительную часть постимперского пространства на советских началах. Основными способами этой консолидации станут военное принуждение к признанию советского порядка и поощрение в рамках этого порядка самых широких автономистских устремлений на местах. При непосредственном участии и по инициативе Наркомнаца в 1918–1923 гг. было создано семь автономных республик, одиннадцать автономных областей, две трудовые коммуны. И этот перечень далеко не исчерпывает всего множества автономий, созданных в первые годы Советской власти. Вопрос о том, какова роль в этом процессе членов коллегии наркомата и прежде всего самого наркома, все еще дебатируется и требует специального исследования [173].

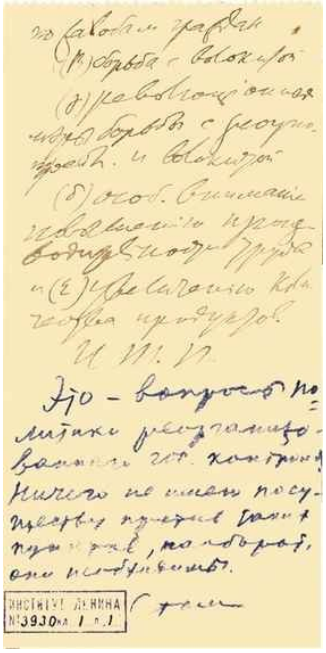
«Добиться настоящего, фактического, а не бумажного контроля». нарком госконтроля и рабоче-крестьянской инспекции

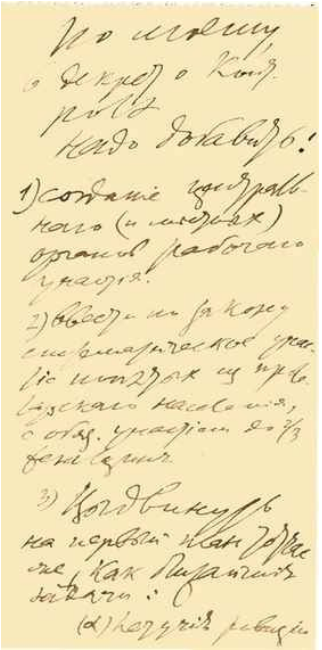
Огосударствление всех сфер жизни общества, проведенное большевиками в соответствии с их представлением о целесообразном устройстве жизни общества, приведет к созданию громоздкого и многочисленного аппарата управления. Проблема управленческих кадров приобретала в этой связи особую актуальность. На исходе

Гражданской войны Ленин пришел к пониманию, что «любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством». В октябре 1920 г. скажет об этом и Сталин: «Опыт представителей нового класса, ставшего у власти, еще недостаточен»[174]. Пришло к большевистскому руководству и понимание того, что «к правящей партии примыкают худшие элементы уже потому, что эта партия есть правящая». Так осмыслит эту проблему Ленин в декабре 1919 г.[175] «Аппарат управления получился у нас старый», — не раз он признавался в последние годы жизни, посвятив этой теме немало места в своих поздних работах в январе 1923 г. Поэтому идея государственного контроля с течением времени будет приобретать в глазах Ленина все более важное значение.

Наркомом государственного контроля с 1919 г. становится Сталин, подготовивший соответствующие предложения о реорганизации ведомства, доставшегося советской власти по наследству от прежних времен. 8 марта Ленин и Сталин на заседании Совнаркома обменяются записками по вопросу о реорганизации Госконтроля.

Причем Ленин предложит «ввести по закону систематическое участие понятых из пролетарского населения с обяз[ательным] участием до $^{2}/_{3}$ женщин»[176]. Показательным представляется привнесение Лениным в деятельность госконтроля этой своеобразной меры «свидетельствования» из сферы уголовно-процессуальной и правоприменительной практики. Сталин сочтет необходимым согласиться с этим и другими предложениями Ленина. 9 апреля 1919 г. Сталин выступит на заседании ВЦИК с докладом о реорганизации государственного контроля и озвучит проект декрета, который будет единогласно принят. На следующий день ВЦИК и СНК опубликуют совместный декрет о реорганизации государственного контроля в газете «Известия»[177]. На госконтроль были возложены функции «непосредственного фактического контроля, обеспечивающего быстрое, неуклонное и целесообразное осуществление декретов и постановлений центральной власти во всех областях хозяйства и государственного управления»; наблюдение и проверка деятельности «всех вообще органов советской власти»; «привлечение к суду должностных лиц за упущения и преступления»[178]. При этом в ведение наркомата переводились все существовавшие при отдельных ведомствах и предприятиях контрольно-ревизионные органы. Как укажет Сталин в своей речи на заседании ВЦИК 9 апреля 1919 г., «Государственный контроль — это единственное ведомство, которое до сих пор не подверглось той чистке и ломке, которые претерпели все другие учреждения»[179]. В качестве инструмента контроля действий госаппарата снизу Сталин подготовит и подпишет 30 апреля 1919 г. соответствующее извещение «Всем гражданам Советской Республики» о создании Центрального бюро жалоб и заявлений при Народном комиссариате государственного контроля[180].





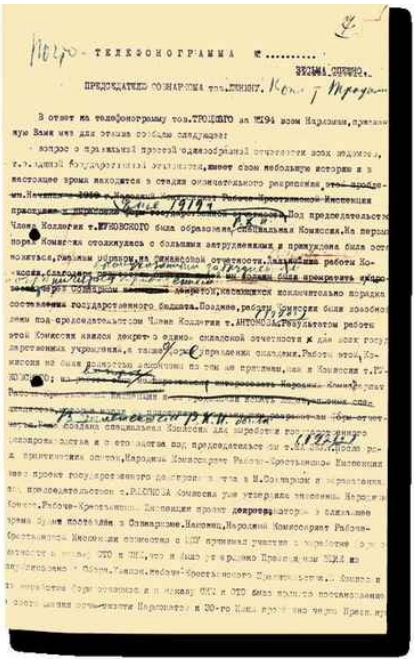
Записка В.И. Ленина И.В. Сталину с предложением ряда пунктов к декрету о реорганизации Государственного контроля, ответ И.В. Сталина о его согласии с предложенными пунктами

8 марта 1919

Текст черными чернилами — автограф В.И. Ленина, текст синим карандашом — автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8859. Л. 1–1 об.]

Беспокойство большевистского руководства будет вызывать растущая численность аппарата управления. Нельзя не признать, наверное, это беспокойство обоснованным, с поправкой на то, что рост управленческих штатов не мог не иметь места в условиях тотального огосударствления сферы производства и распределения в результате проводимых большевиками преобразований. Совнарком 25 марта 1919 г. примет постановление о сокращении штатов всех ведомств на 25–50 %. Одним из первых мероприятий, которое Сталин проведет, станет ревизия советских учреждений в части принимаемых мер по реализации принятого Совнаркомом решения о сокращении штатов. Соответствующее решение примет Совет труда и обороны (СТО) 5 мая 1919 г. Все ведомства обяжут в двухнедельный срок представить соответствующие предложения. Кроме того, Сталин решит провести демонстративную порку. Он проведет через СТО решение о том, что «бездействие сократительной комиссии Компрода [Наркомата продовольствия] является должностным преступлением». Наркомату юстиции будет поручено «привлечь весь состав комиссии к суду»[181]. Решительный административный нажим не одному Сталину казался тогда «чудесным» средством скорейшего решения всех и всяческих проблем. Принятое с налету решение, однако, на деле плохо соотносилось с реальностью. Нарком юстиции Курский, принужденный заняться этой проблемой, 22 мая сделает доклад, в котором постарается объяснить сложности работы «сократительной» комиссии наркомпрода. Специально Курский укажет на позицию представителя Наркомата госконтроля, наблюдавшего за работой комиссии. Тот, как оказалось, «не нашел, что Комиссия бездействует». Вывод, который сделает Курский, должен был быть воспринят Сталиным обостренно: «…нет оснований, — закончил доклад наркомюст, — для предания членов Комиссии суду по обвинению их в должностном преступлении»[182].

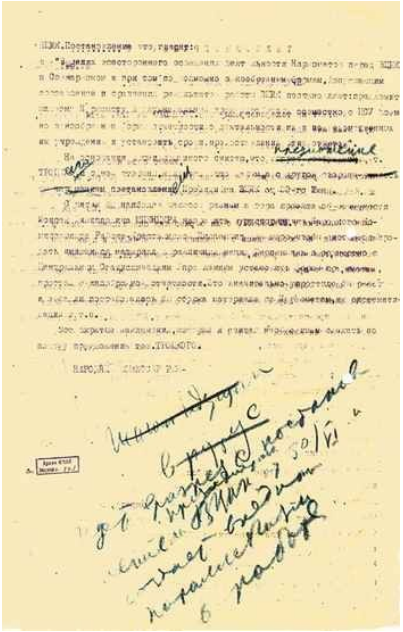


ТЕЛЕФОНОГРАММА №.....

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОНАРКОМА тов.ЛЕНИНУ.

В ответ на телефонограмму тов.ТРОЦКОГО за №194 всем Наркомам, прилагаю Вам мои доводы следующие:

Вопрос о принятии проекта единообразной отчетности всех ведомств, т.е. единой государственной отчетности, имеет свою небольшую историю и в настоящее время находится в стадии окончательного разрешения, что предрешено Начальником [illegible] Рабоче-Крестьянской Инспекции [illegible] Под председательством Члена Коллегии т.ЯУШОВСКОГО была образована Специальная Комиссия. На первом порядке Комиссия столкнулась с большими затруднениями и принуждена была остановиться, ввиду полного незнакомства с финансовой отчетностью. [illegible] работы Комиссии, [illegible] Комиссия на самом деле [illegible] декрет, касающийся исключительно порядка составления государственного бюджета. Позднее, работу Комиссии была возобновлена под председательством Члена Коллегии т.АНТОНОВА. Результатом работы этой Комиссии явился декрет о едино- складской отчетности к для всех государственных учреждений, а также [illegible] управлений складами. Работы этой Комиссии на сами доводятся [illegible] по тем же причинам, как и Комиссия т.ЯУШОВСКОГО; [illegible] Народных Комиссариатов Рабоче-Крестьянской Инспекции [illegible] РКИ [illegible] Комиссии для выработки [illegible] Сельскохозяйственного [illegible] и с отчетностью под председательством т.[illegible] Народных Комиссариатов [illegible] Рабоче-Крестьянской Инспекции проект декрета [illegible] в ближайшее время будет послан в Совнарком. Наконец, Народный Комиссариат Рабоче-Крестьянской Инспекции совместно с ЦУ принимал участие в выработке [illegible] отчетности в ведомствах ОТО и ЦК, что и было утверждено Президиумом ВЦИК и распространено - Обком, Губисп. Рабоче-Крестьянского Контроля [illegible] Сейчас в ведомствах ОТО и ЦК была принята постановление [illegible] Наркомфина и ЦО-го Ком. [illegible] через Президиум [illegible]



ВЦИК. Председателю тов. Ленину

[illegible] Народный Комиссариат [illegible] ВЦИК и Совнарком в три месяца [illegible] с соответствующим [illegible] в противном случае [illegible] ВЦИК постановляет [illegible] 1921 года [illegible] в ведомствах [illegible] ОТО и ЦК [illegible] Народного Комиссариата [illegible] ЦО-го Ком. [illegible] через Президиум [illegible] тов. ТРОЦКОГО.

НАРОДН. КОМИССАР РК.

Почтотелефонограмма народного комиссара Рабоче-крестьянской инспекции И.В. Сталина председателю СНК В.И. Ленину о выработке форм единой государственной отчетности с критикой запоздалого предложения Л.Д. Троцкого по этому вопросу, идущего вразрез с постановлением Президиума ВЦИК и создающего вредный параллелизм в работе

Позднее 1 июля 1921

Правка — автограф И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4374. Л. 1–1 об.]

Сталин сочтет возможным интерпретировать роль Наркомата госконтроля как политическую, очевидно выходя за рамки выданного ему мандата. Ярким примером такого подхода станет его телеграмма в Щигры от 7 мая 1919 г. чрезвычайному ревизору государственного контроля. В ней он поручит обратить специальное внимание на «обследование общего политического настроения крестьянских масс», «на политику Земельного отдела и Управления совхозами», «на политику Земотдела при организации коллективного земледелия», «на политику Главсахара в деле национализации земель» и др.[183] Важнейшим направлением деятельности станет для Сталина на посту наркома госконтроля создание «единообразной отчетности всех ведомств, т. е. единой государственной отчетности»[184].

Важное средство в обуздании нарождающейся советской бюрократии увидит Сталин в создании Центрального бюро жалоб и заявлений при Народном комиссариате государственного контроля[185]. Создание Бюро жалоб виделось Сталину одной из форм такого контроля. Впоследствии система таких бюро будет развернута по всей стране. Власти станут всячески стимулировать поток обращений со стороны населения, которые в близкой перспективе примут в том числе и форму примитивных доносов.

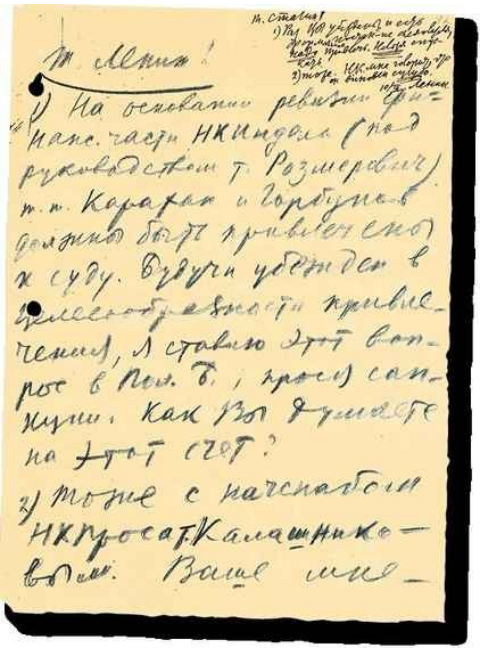
Суперведомство, однако, не продемонстрирует ожидавшейся от него суперэффективности и не решит в сколь-нибудь полном объеме поставленных перед ним задач. В результате Наркомат госконтроля декретом ВЦИК в феврале 1920 г. будет реорганизован в Наркомат рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) с целью «орабочения и окрестьянивания» госконтроля. В этом Ленин видел «чудесное средство сразу, одним ударом удесятерить наш государственный аппарат… Это чудесное дело — привлечение трудящихся к повседневной работе управления государством»[186]. Сталину будет поручено возглавить новый наркомат. В своей речи на I Всероссийском совещании ответственных работников РКИ он сформулирует две основные задачи. Во-первых, «установить наиболее целесообразные формы учета государственного имущества… целесообразные формы отчетности… налаживать аппараты снабжения…» Вторую задачу РКИ Сталин увидит в подготовке «из рабочих и крестьян инструкторов, могущих овладеть всем государственным аппаратом». Разъясняя эту задачу слушателям, Сталин сделает показательное признание, раскрывающее его воззрения на природу советского строя. Разбивая все декларации большевиков о Советах как новом типе государственного управления, непосредственного народовластия, он скажет: «Страной на деле управляют не те, которые выбирают своих

делегатов в парламенты при буржуазном порядке или на съезды Советов при советских порядках. Нет. Страной управляют фактически те, которые овладели на деле исполнительными аппаратами государства, которые руководят этими аппаратами»[187]. Именно в стремлении овладеть исполнительными аппаратами государства следует рассматривать принятие Сталиным на себя многочисленных обязанностей в этот период, его участие в различных наркоматах, коллегиях, комиссиях и проч.

Надежда Ленина «на творчество масс» не оправдается. Не вполне оправдается и ставка Сталина на новый наркомат как инструмент влияния на государственную политику. Показательной представляется неудача попытки преследования Сталиным в марте 1922 г. заместителя наркома иностранных дел Л.М. Карахана, управляющего делами Совнаркома П.П. Горбунова, начснаба Наркомата по делам просвещения Калашникова[188]. Даже заручившись одобрительной резолюцией Ленина на своей записке к нему, Сталин не сможет добиться реализации намерения привлечения их к суду. Сталин уведомит Ленина, что, «будучи убежден в целесообразности привлечения» к суду на основании результатов ревизии «финансовой части» Наркоминдела, он ставит этот вопрос в Политбюро, «прося санкции» Ленина. «Надо привлечь, — напишет Ленин. — Нельзя спускать».

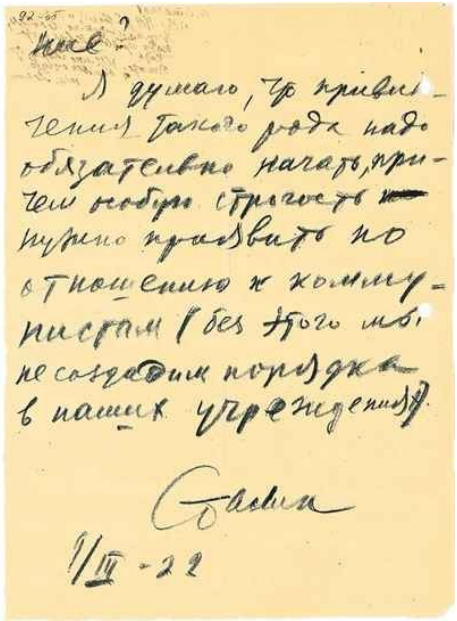
Однако Политбюро лишь примет к сведению «заявление т. Сталина о результатах ревизии хозяйственной части» Наркомата иностранных дел. В конечном итоге под суд пойдет лишь самый слабый из упоминаемых в сталинской записке — начальник управления снабжения Наркомпроса Калашников [189].

Вероятно, такого рода аппаратные неудачи наилучшим образом демонстрировали Сталину, что именно в партии, а точнее в Политбюро, находится центр принятия решений, и не только политических, что именно коммунистическая партия и руководящая ею структура являются ключевым элементом и механизма государственного управления, и нормативно-правовой системы нового государства. Стоит напомнить при этом, что Политбюро как постоянно действующий орган было создано лишь в марте 1919 г. на VIII съезде партии и ему потребовалось некоторое время, чтобы занять ключевое место в системе управления и проявить себя в этом качестве. Сталин будет руководить Наркоматом РКИ вплоть до своего избрания генсеком на XI съезде партии в апреле 1922 г.



т. Ленин!

1) На основании ревизии фи-
нанс. части НКИндела (под
руководством т. Розмерович)
т.т. Карахан и Горбунов
должны быть привлечены
к суду. Будучи убежден в
целесообразности привле-
чения, я ставлю этот воп-
рос в Пол. Б., прося сан-
кции. Как Вы думаете
на этот счет?
2) тоже с начснабом
НКПросат. Калашнико-
вым. Ваше мне-



ние?

Я думаю, что привле-
чения такого рода надо
обязательно начать, при-
чем особую строгость
нужно проявить по
отношению к комму-
нистам (без этого мы
не создадим порядка
в наших учреждениях).

Сталин

9/III-22

Докладная записка И.В. Сталина В.И. Ленину о привлечении к суду Л.М. Карахана, П.П. Горбунова и Калашникова и необходимости проявления особой строгости к коммунистам

9 марта 1922

Автограф И.В. Сталина, резолюция — автограф В.И. Ленина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 694. Л. 92–92 об.]

Что касается общей оценки эффективности работы этого наркомата, безотносительно к роли Сталина по руководству им, то нельзя не привести оценки Ленина, данной им в одной из серии его последних диктовок спустя менее года после того, как Сталин оставил свой пост наркома. В своей статье «Лучше меньше, да лучше» он скажет так: «Наркомат Рабкрина не пользуется сейчас ни тенью авторитета. Все знают о том, что хуже поставленных учреждений, чем учреждения нашего Рабкрина, нет и что при современных условиях с этого наркомата нечего и спрашивать»[190].

И.В. Сталин, В.И. Ленин и М.И. Калинин в группе делегатов VIII съезда РКП(б) в Кремле
18–23 марта 1919
[РГАСПИ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 124. Л. 1]

«Наша партия должна создать организационный аппарат…». партийно-государственное строительство в годы гражданской войны

В книге «Что делать?», изданной в 1902 г., Ленин напишет: «Дайте нам организацию революционеров, и мы перевернем Россию!»[191] Организация будет создана, власть будет взята, традиционный уклад жизни России перевернут. Большевики встанут перед задачами социалистического строительства. Однако программы такого строительства у них не окажется. Результатом станет своеобразная система управления, центральное место в которой займет коммунистическая партия. И это объясняется вовсе не стечением

исторических обстоятельств, а результатом реализации теоретических установок большевизма. Начиная с 1903 г. после знаменитого II съезда РСДРП, на котором происходит раскол партии на большевиков и меньшевиков, Ленин последовательно выстраивает «партию нового типа» как централизованную, сплоченную боевую организацию профессионалов, «сближающую и сливающую воедино стихийно-разрушительную силу толпы и сознательно-разрушительную силу сознательных революционеров». При этом Ленин был уверен, что «классовое политическое сознание может быть принесено рабочему классу только извне»[192]. Именно партия и призвана была решить эту задачу — привнести необходимую идеологию в сознание класса, который должен был стать в результате субъектом социалистических преобразований. Этот подход объясняет особенности советской политической системы, в которой партия займет центральное место. В Уставе партии, который будет принят на VIII Всероссийской партийной конференции в 1919 г., будет прямо записано: «ЦК… направляет работу центральных советских и общественных организаций» [193].

В начале марта 1918 г. на VII съезде Сталин вновь избирается членом ЦК. Как уже было сказано, его выдвинут в состав комиссии по выработке проекта новой программы партии. На этом съезде партию переименуют в Российскую коммунистическую партию (большевиков) (РКП(б)). Таким образом, будут разорваны формальные связи с международной социал-демократией, в недрах которой зародился большевизм. Закрепит разрыв создание в противовес II (Социалистическому) Интернационалу — III Коммунистического (Коминтерна), который включит в себя создаваемые компартии на правах своих секций. В марте 1919 г. Сталин примет участие в работе I конгресса Коминтерна в качестве члена российской делегации. В октябре 1918 г., напомним, Сталин станет еще и членом ЦК КП(б) Украины.

Важнейшую роль в жизни российских большевиков сыграет прошедший в марте 1919 г. VIII съезд РКП(б), который примет новую программу партии. Сталин участвовал в редактировании окончательного ее варианта. Именно на этом съезде создается новая организационная структура партии, главными элементами которой, согласно резолюции «По организационному вопросу», становятся Политбюро, Организационное бюро (Оргбюро) и Секретариат[194]. Сталин избирается членом всех этих структур. В начале апреля 1920 г. состоится IX съезд, делегатом на который его изберут на IV Всеукраинской конференции КП(б)У. На съезде Сталин будет вновь переизбран членом ЦК, а на пленуме ЦК — членом Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б). Оргбюро создавалось из пяти членов ЦК, на каждого из которых возлагалось заведование определенным «отделом работы». Секретариат должен был состоять из «пяти технических секретарей» и одного ответственного секретаря, одновременно

являвшегося членом Оргбюро. Некоторое время этот пост будет занимать В.М. Молотов. Именно эта должность трансформируется затем в должность генсека. Организационная перестройка станет итогом реализации курса на создание иерархизированных структур партии, призванных осуществлять руководство социалистическим строительством. Эта задача была поставлена циркулярным письмом ЦК от 21 сентября 1918 г.: «Наша партия должна создать организационный аппарат, могущий охватить самые глухие углы Советской России. Лишь при наличии такого аппарата мы сможем получить уверенность в быстром и правильном проведении в жизнь мероприятий, исходящих из центра»[195]. На VIII съезде перед партийными организациями ставится задача «завоевать решающее влияние и полное руководство во всех организациях трудящихся»[196]. Постановка такой цели закономерно имела результатом увеличение численности партийного аппарата, усложнение его структуры и появление задачи управления им.

Президиум I конгресса Коминтерна в Кремле. Слева направо: Г. Клингер, Г. Эберлейн, Г.Е. Зиновьев, В.И. Ленин, Ф. Платтен, Э. Руднянский; на трибуне — Л.Д. Троцкий

2–6 марта 1919

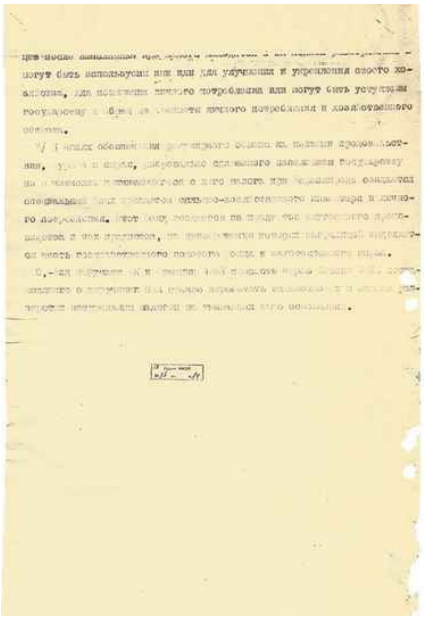
[РГАСПИ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 105]

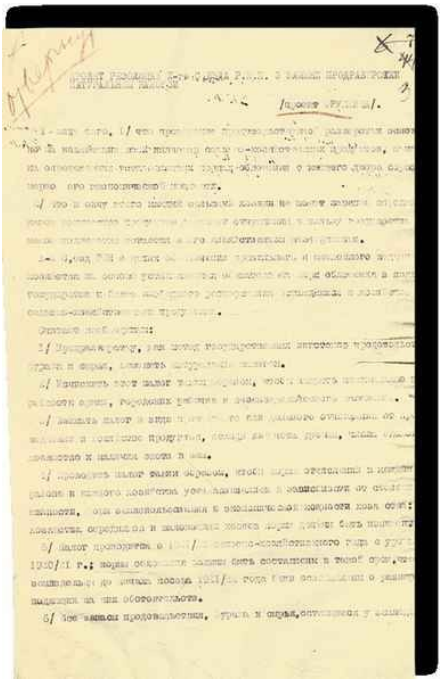
Иосиф Виссарионович Сталин
1918–1920
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1650. Л. 14 (№ 75)]

Политбюро становится центром принятия не только политических решений, но и тех, что лежали непосредственно в сфере государственного управления. Очень скоро большое количество вопросов, рассматривавшихся на его заседаниях, станет завершаться резолюцией: «Утвердить в советском порядке». Ленин говорил прямо, что в стране с низким культурным уровнем «Советы, будучи по своей программе органами управления *через трудящихся*, на самом деле являются органами управления *для трудящихся* через передовой слой пролетариата…»[197] Устав РКП(б), принятый VIII партийной конференцией в декабре 1919 г., зафиксирует: «Центральный комитет направляет работу ВЦИК, Центрального совета профессиональных союзов и других центральных и общественных организаций через партийные фракции»[198]. Именно партии и отводилась эта функция управления: «Коммунистическая партия добивается своего полного господства в современных государственных организациях, какой являются Советы»[199].

Залогом успеха будет признано «правильное распределение партийных сил». Съезд зафиксирует, что «все дело распределения партийных работников находится в руках ЦК партии», а его решение обязательно для всех[200]. Кадровые функции станут исполняться учетно-распределительным и организационно-инструкторским отделами Секретариата, создаются отделы агитации и пропаганды, деревни, женский, национальных меньшинств (промышленные отделы появятся позднее). Постановка партии в центр политической системы, а затем и системы государственного управления в огромной стране неизбежно вела к увеличению и диверсификации функций партийного аппарата, умножению его численности. В конечном итоге первоначально задумывавшиеся как технические органы Секретариат и Оргбюро стали

приобретать организационно-политические функции. «Нельзя точно разграничить, какой вопрос политический и какой организационный», — признается Ленин[201]. На XII съезде партии в апреле 1923 г. эту мысль повторит Сталин: «Между политической работой ЦК и организационной работой нельзя проводить непроходимую грань»[202].





Проект резолюции X съезда РКП(б) о замене продразверстки натуральным налогом

Не позднее 16 марта 1921

[РГАСПИ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 24. Л. 3–3 об.]

В конце Гражданской войны в состав Политбюро входят всего лишь пять человек (Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев, В.И. Ленин, И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий) плюс три кандидата в члены (Н.И. Бухарин, М.И. Калинин, В.М. Молотов), в составе ЦК — девятнадцать членов. Сталин, таким образом, закрепляется на самом верху политического руководства и государственного управления страной.

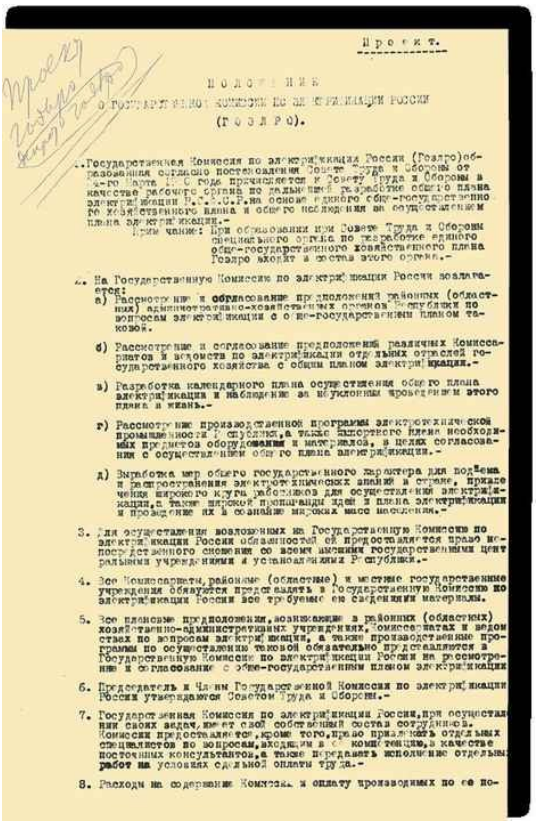
Важнейшее место в истории Советской России займет X съезд РКП(б), прошедший в марте 1921 г. Съезд наметит поворот от «военного коммунизма» к новой экономической политике (нэп). Будет осуществлена замена продовольственной разверстки натуральным налогом, допускается свобода торговли (в ограниченных и регулируемых пределах) и денежный оборот, реализуется курс на государственный капитализм, формами которого представлялись концессии, аренда мелких предприятий частными предпринимателями, развитие «буржуазной» кооперации.

При этом была поставлена задача построения фундамента социалистической экономики, создание мощной машинной индустрии. В основу этих планов будет положена электрификация страны, зафиксированная в плане ГОЭЛРО. Сталин не примет участия в разработке плана, но, ознакомившись с ним, отзовется о его содержании в письме Ленину в превосходных степенях, назовет этот план единственной в наше время марксистской «попыткой подведения под советскую надстройку хозяйственно-отсталой России действительно реальной и единственно возможной… технически-производственной базы». Не упустит он при этом и возможности уничижительно отозваться об инициативах Троцкого. «Помните, — скажет Сталин, — прошлогодний план Троцкого… «хозяйственного возрождения» России на основе массового применения… труда неквалифицированной крестьянско-рабочей массы (трудармии). Какое убожество, какая отсталость в сравнении с планом ГОЭЛРО!»[203] Многие идеи плана ГОЭЛРО будут впоследствии реализованы в ходе сталинской индустриализации.

Либерализация экономики в период нэпа не предполагала при этом каких бы то ни было послаблений жесткого политического режима. «Величайшая ошибка думать, что *нэп* положил конец террору…» — писал Ленин[204]. Более того, он указывал на необходимость «не выпустить из своих рук ни малейшей возможности расширить вмешательство государства в «гражданские отношения»»[205]. Сохранение в мирных условиях политического репрессивного режима

периода Гражданской войны станет предпосылкой становления в 1930-х гг. режима личной диктатуры Сталина.

ручению работ производятся из ассигнуемых специальных кредитов. Впредь до выяснения полной схемы возлагаемых на Комиссию работ в распоряжение Гоэлро отпускается авансовый кредит в сумме ста миллионов рублей, расходуемый в порядке предусмотренном постановлением Совета Труда и Обороны от [illegible]-го марта 1930 года.-



Проект.

ПОЛОЖЕНИЕ
о Государственной Комиссии по электрификации России
(ГОЭЛРО).

1. Государственная Комиссия по электрификации России (Гоэлро) образована согласно постановлению Совета Труда и Обороны от 21-го марта 1920 г. С года причисляется к Совету Труда и Обороны в качестве рабочего органа по дальнейшей разработке общего плана электрификации Р.С.Ф.С.Р. на основе единого общегосударственного хозяйственного плана и общего наблюдения за осуществлением плана электрификации.-
При этом: При образовании при Совете Труда и Обороны специального органа по разработке единого общегосударственного хозяйственного плана Гоэлро входит в состав этого органа.-

2. На Государственную Комиссию по электрификации России возлагается:
а) Рассмотрение и согласование предположений районных (областных) административно-хозяйственных органов Республики по вопросам электрификации с общегосударственным планом такового.
б) Рассмотрение и согласование предположений различных Комиссариатов и ведомств по электрификации отдельных отраслей государственного хозяйства с общим планом электрификации.-
в) Разработка календарного плана осуществления общего плана электрификации и наблюдение за неуклонным проведением этого плана в жизнь.-
г) Рассмотрение производственной программы электротехнической промышленности Республики, а также импортного плана необходимых предметов оборудования и материалов, в целях согласования с осуществлением общего плана электрификации.-
д) Выработка мер общего государственного характера для водворения и распространения электротехнических знаний в стране, привлечения широкого круга работников для осуществления электрификации, а также широкой пропаганды идеи и плана электрификации и проведение их в сознание широких масс населения.-

3. Для осуществления возложенных на Государственную Комиссию по электрификации России обязанностей ей предоставляется право непосредственного сношения со всеми высшими государственными центральными учреждениями и установлениями Республики.-

4. Все Комиссариаты, районные (областные) и местные государственные учреждения обязуются представлять в Государственную Комиссию по электрификации России все требуемые ею сведения и материалы.

5. Все плановые предположения, возникающие в районных (областных) хозяйственно-административных учреждениях, Комиссариатах и ведомствах по вопросам электрификации, а также производственные программы по осуществлению таковой обязательно представляются в Государственную Комиссию по электрификации России на рассмотрение и согласование с общегосударственным планом электрификации.

6. Председатель и Члены Государственной Комиссии по электрификации России утверждаются Советом Труда и Обороны.-

7. Государственная Комиссия по электрификации России, при осуществлении своих задач, имеет свой собственный состав сотрудников. Комиссия представляется, кроме того, право привлекать отдельных специалистов по вопросам, входящим в ее компетенцию, в качестве постоянных консультантов, а также передавать исполнение отдельных работ на условиях сдельной оплаты труда.-

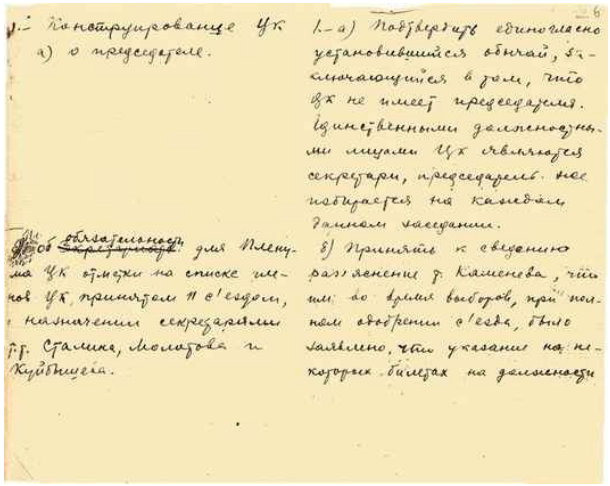
8. Расходы на содержание Комиссии и оплату производимых по ее по-

Проект положения о ГОЭЛРО
Не позднее 21 декабря 1920
[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16590. Л. 1–1 об.]

Еще более существенными станут решения X съезда в сфере партийного строительства. Они окажут влияние на направление эволюции всей политической системы. Съезд примет знаменитую резолюцию «О единстве партии», которая предписывала немедленно распустить все фракционные группы, а парторганизациям вменялось недопущение оппозиционных выступлений[206]. Причем ЦК получил право в случае нарушения партийной дисциплины или допущения фракционности принимать все меры партийного воздействия вплоть до исключения из партии. Таким образом, партия сделает очередной логический шаг на пути централизации управления, сокращения сферы внутрипартийной демократии в построении вертикальной системы управления. Ее останется увенчать фигурой вождя, чья власть станет базироваться не только и не столько на личном авторитете, но прежде всего на формально закрепленном статусе.

На пленуме ЦК РКП(б) 3 апреля 1922 г. Сталин будет избран в Политбюро, а также Генеральным секретарем ЦК[207].

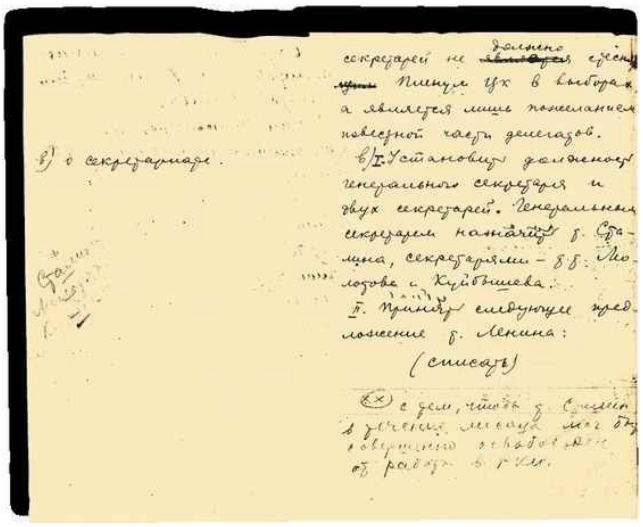
Опыт решения практических задач, ряд аппаратных поражений предшествующего времени, судя по всему, привели его к решению оседлать руководство аппаратом партии как ключевой позиции для решения разнообразных задач в сфере управления. Создание должности генсека и избрание на эту должность позволят ему подготавливать и формировать повестки заседаний, а значит, влиять на политическую повестку дня, а также решать кадровые вопросы. Кадровая политика очень скоро станет действенным инструментом не только строительства партии. Управленческие органы, призванные решать кадровые вопросы, станут рычагом влияния на принятие нужных решений, средством концентрации власти. Именно Сталин после своего избрания генсеком завершит оформление и легализацию оргструктур партии. Деятельность Политбюро, Оргбюро и Секретариата, созданных за три года до того VIII съездом[208], носила внеуставной характер, и лишь после вступления Сталина в должность генсека они будут внесены в Устав партии в августе 1922 г. на XII Всероссийской конференции РКП(б)[209].


1.- Конструирование ЦК
а) о председателе.

1.- а) Подтвердить единогласно установившийся обычай, заключающийся в том, что ЦК не имеет председателя. Единственными должностными лицами ЦК являются секретари, председатель нее избирается на каждом данном заседании.

б) Об обязательности для Пленума ЦК отметки на списке членов ЦК, принятом II с'ездом, о назначении секретарями т.т. Сталина, Молотова и Куйбышева.

б) Принять к сведению разъяснение т. Каменева, что им во время выборов, при полном одобрении с'езда, было заявлено, что указание на некоторых билетах на должности

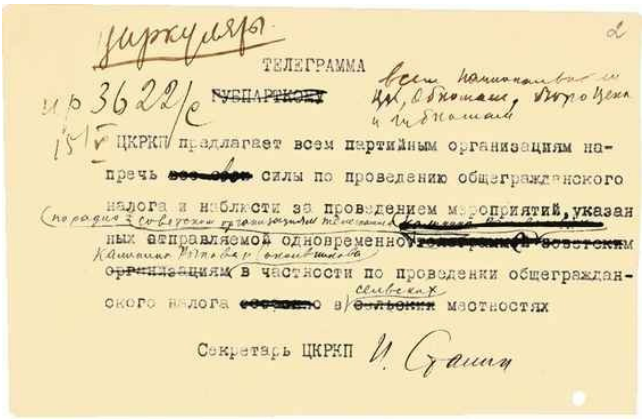


Постановление пленума о конструировании ЦК и избрании И.В. Сталина генеральным секретарем
3 апреля 1922
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 78. Л. 6–6 об.]

Иосиф Виссарионович Сталин
1920
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1647. Л. 20]

К этому периоду относятся и «теоретические» размышления Сталина, которые в 1920-е гг. он оформит и озвучит в виде концепции «приводных ремней» от партии к государству и общественным организациям в процессе строительства социализма. 17 апреля 1923 г., выступая на XII съезде РКП(б), он поставит задачу: «…в политической области для того, чтобы партия облегалась широкой сетью

беспартийных массовых аппаратов, являющихся щупальцами в руках партии, при помощи которых она передает свою волю рабочему классу, а рабочий класс из распыленной массы превращается в армию партии». Значительную часть своего выступления Сталин тогда и посвятит рассмотрению того, «каковы эти аппараты, эти приводные ремни»[210]. Важность такого подхода лишь подчеркивалась тем фактом, что уже на фронтах Гражданской войны Сталин столкнется с нежеланием основной массы населения страны — крестьянства — воевать за советскую власть. В 1921 г. страну всколыхнут Кронштадтское и Антоновское восстания, потрясшие основы Советского государства. Эти события только подкрепят уверенность Сталина в том, что большевики взялись руководить социумом, который не разделяет их представлений о социализме. Добиться выполнения решений, реализующих чуждые для общества идеологические и политические установки партии большевиков, оказывается возможным лишь через принуждение. Функции понуждения разных видов и форм к исполнению партийных решений партия передает различным аппаратам, своим «приводным ремням» к массам населения — советам, профсоюзам, комсомолу, репрессивным органам и проч. Эти сталинские тезисы восходят к более ранним партийным документам. Еще в сентябре 1918 г. «Правда» опубликует обращение «Ко всем партийным организациям». В нем прямо будет указано на роль партии «как руководительницы» «построения общества на новых коммунистических основах», осуществляемой через Советы. Перед партийными комитетами уже тогда была поставлена задача «вырабатывать принципы социалистического строительства, руководить советской работой и контролировать ее во всех углах России…»[211] Представление о партии как силе, направляющей в том числе хозяйственную, военную и другие виды деятельности, найдет выражение в ряде документов и Ленина, и Сталина этого периода. В заключительном слове по отчету ЦК на XI съезде партии Ленин скажет: «Отделять организационные вопросы от политики нельзя. Политика — это концентрированная экономика»[212]. В августе 1920 г. Сталин направит заявление в Политбюро, в котором скажет: «ЦК должен знать и контролировать всю работу органов военного ведомства»[213]. В мае 1922 г. он направит телеграмму всем обкомам, бюро ЦК и губкомам с предписанием «напрячь силы по проведению [сбору] общегражданского налога»[214].



Циркуляр

ТЕЛЕГРАММА

№ 3622/с

ЦКРКП предлагает всем партийным организациям напречь силы по проведению общегражданского налога и наблюсти за проведением мероприятий, указанных отправляемой одновременно

организациям в частности по проведении общегражданского налога в сельских местностях

Секретарь ЦКРКП И. Сталин

Телеграмма И.В. Сталина обкомам, бюро ЦК и губкомам о проведении кампании по сбору общегражданского налога, особенно в сельских местностях

15 мая 1922

Подпись и правка — автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2424. Л. 2]

Заинтересованный читатель легко найдет в опубликованных сочинениях Сталина и другие аналогичные высказывания по вопросу о месте и роли партии в государственном управлении, относящиеся к данному периоду времени.

«Надо поощрять энергию и массовидность террора». становление практик управления

Конституция РСФСР 1918 г., послужившая образцом для конституций других советских республик, как уже отмечалось в этой книге, носила ярко выраженный классовый характер. Идея классовой борьбы является системообразующим параметром этого документа. В соответствии с этим принципом выстраивались правоприменительные практики, носившие ярко выраженный репрессивный характер. Большевики во главе с Лениным понимали и использовали право как инструмент проведения своей политики. Придя к власти, большевики отменили действующие законы и распустили суды. Декретом Совнаркома о суде от 22 ноября 1917 г. все судебные учреждения, существовавшие в России до его принятия, были упразднены. Упразднялись и институты судебного следствия, прокурорского надзора и адвокатуры. Их место заняли революционные трибуналы, которые, однако, оставались своеобразными судами, руководившиеся в

своей деятельности главным образом революционной целесообразностью. Были отменены все ранее изданные законы, противоречащие декретам ВЦИК и Совнаркома, а также программным документам РСДРП и партии эсеров. При этом за местными судами было оставлено право руководствоваться «законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не... противоречат революционной совести и революционному правосознанию»[215]. Сталин, вероятно, был вовлечен в дебаты по этим вопросам. Много позднее, в 1934 г., беседуя с Гербертом Уэллсом, он заметит: «Если же некоторые законы старого строя могут быть использованы в интересах борьбы за новый порядок, то следует использовать и старую законность» [216].

Следующим декретом ВЦИК РСФСР от 20 февраля 1918 г., помимо созданных ранее местных судов, создавались окружные народные суды в качестве судов первой инстанции для гражданских и уголовных дел, которые не относились к подведомственности местных судов по предыдущему декрету Совнаркома о суде. В окружных судах утвердился принцип коллегиального рассмотрения дел. Место адвокатуры займут «коллегии правозаступников» при местных Советах. Вскоре после подавления восстания левых эсеров в Москве в июле 1918 г. Совнарком РСФСР 13 июля примет очередной декрет о суде, которым разграничит подведомственность дел между народными, окружными судами и революционными трибуналами.

Не рассчитывая чрезмерно на эффективность работы формировавшихся судов и ревтрибуналов, большевистское руководство уже в феврале 1918 г. предоставит Чрезвычайной комиссии (ЧК) по борьбе с контрреволюцией и саботажем право расследовать преступления, судить и выносить по ним приговоры, включая приговоры к смертной казни. Причем в течение 1918 г. диапазон использования чекистами внесудебных расправ будет расширен на дела, которые в обычной практике не считались политическими. Как мы видели, репрессии против политических противников были включены в арсенал средств управления большевистскими лидерами уже в первые дни после прихода к власти. Ленин не раз будет указывать: «Надо поощрять энергию и массовидность террора», как это он сделает в записке Г.Е. Зиновьеву 26 июня 1918 г.[217] В последующие месяцы эти практики будут развиваться. Апогей наступит в конце лета.

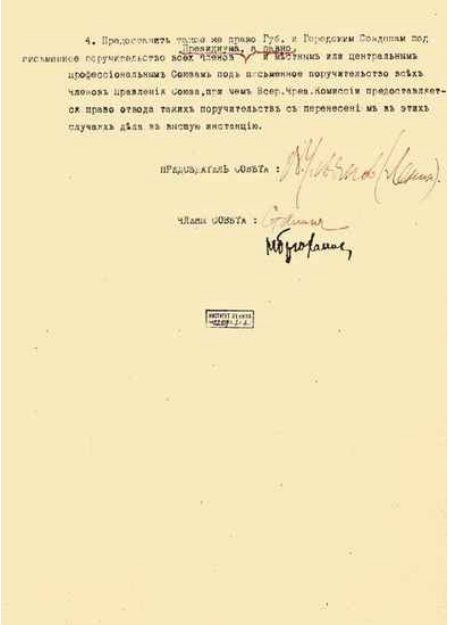
30 августа 1918 г. во время митинга на заводе Михельсона в Замоскворечье состоится знаменитое «злодейское покушение на тов. Ленина», обстоятельства которого с течением времени не становятся менее загадочными. 2 сентября ВЦИК по предложению своего председателя Я.М. Свердлова примет резолюцию, в которой пообещает на белый террор врагов рабоче-крестьянской власти ответить «массовым красным террором против буржуазии и ее агентов». 5 сентября 1918 г. СНК своим постановлением заявит, что «обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью», что

«необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам...»[218] Так будет объявлено о начале красного террора, главным инструментом которого станет ВЧК. 28 октября ВЦИК примет Положение о Всероссийской и местных ЧК. ВЧК была объявлена центральным «органом Совета Народных Комиссаров», члены которой назначались Совнаркомом. ВЧК получала «право на организацию при себе особых вооруженных отрядов»[219]. Само собой разумеется, что подготовленный Дзержинским проект Положения предварительно был рассмотрен ЦК партии. Довольно скоро партийное руководство сочтет необходимым поставить репрессивные практики под свой контроль более жестко. 11 декабря 1918 г. Совет труда и обороны примет специальное постановление о порядке ареста органами ВЧК сотрудников советских учреждений и предприятий, обнародованное за подписями Ленина и Сталина. Более того, народные комиссариаты и комитеты РКП(б) получат право «освобождать из-под ареста всех тех из арестованных по постановлениям чрезвычайных комиссий, за кого представят письменное поручительство два члена коллегии комиссариата или два члена городского или губернского комитета РКП» [220].

Нет сомнений, что это постановление сыграло определенную роль в становлении системы круговой поруки в партийной среде. Достаточно очевидно и то, что этот опыт организации массовой репрессивной кампании в ответ на акт индивидуального террора Сталин использует после убийства С.М. Кирова.

Сталин будет придавать особое значение на протяжении всей своей жизни теме контроля репрессивных органов. В октябре 1920 г. в письме к Ленину он обратит внимание на то, что органы ВЧК «стоят над партийными организациями». По его мнению, «нужна генеральная чистка органов Чека» [221].

В арсенал средств укрепления власти большевистской партии прочно вошло заложничество. VI Всероссийский съезд Советов в ноябре 1918 г. решит упорядочить эту активность, теперь право брать заложников стало прерогативой исключительно ВЧК. «Увлечение» концентрационными лагерями примет столь широкий размах, что 19 июля 1919 г. на объединенном заседании Политбюро и Оргбюро ЦК принимается решение «О концентрационных лагерях», которым было предписано организовать их «разгрузку». Дзержинский, выступая на 4-й конференции чрезвычайных комиссий 6 февраля 1920 г., скажет: «Вопрос о концентрационных лагерях — это вопрос о новых методах борьбы с тунеядством и уголовным спекулянтским миром, с одной стороны, а с другой стороны, это вопрос организации лучшего использования тунеядствующей рабочей силы в интересах республики» [222].

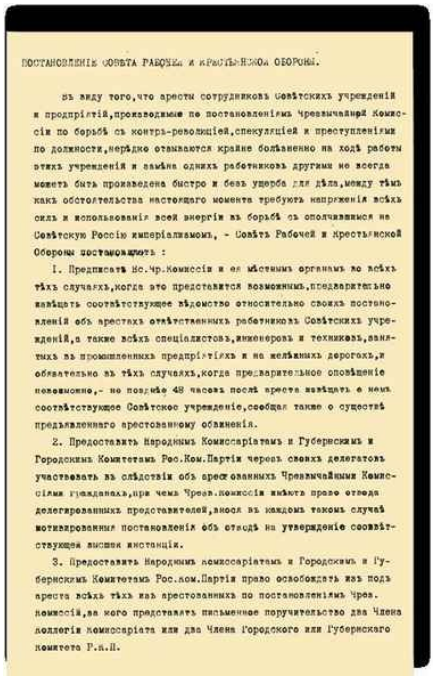


4. Предоставить также же право Губ. и Городским Совдепам под председ. и полн. письменное поручительство всех членов и местным или центральным профессиональным Союзам под письменное поручительство всѣхъ членовъ Правленія Союза, при чемъ Всер.Чрез.Комиссіи предоставляется право отмѣны такихъ поручательствъ съ перенесеніемъ въ этихъ случаяхъ дѣла въ высшую инстанцію.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ СОВѢТА : В.Ульяновъ (Ленинъ).

Члены СОВѢТА : И.Сталинъ

Н.Брюханов



ПОСТАНОВЛЕНІЕ СОВѢТА РАБОЧЕЙ И КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБОРОНЫ.

Въ виду того, что аресты сотрудниковъ Совѣтскихъ учрежденій и предпріятій, производимые по постановленіямъ Чрезвычайной Комиссіи по борьбѣ съ контръ-революціей, спекуляціей и преступленіями по должности, нерѣдко отзываются крайне болѣзненно на ходѣ работы этихъ учрежденій и замѣна однихъ работниковъ другими не всегда можетъ быть произведена быстро и безъ ущерба для дѣла, между тѣмъ какъ обстоятельства настоящаго момента требуютъ напряженія всѣхъ силъ и использованія всей энергіи въ борьбѣ съ ополчившимся на Совѣтскую Россію имперіализмомъ, - Совѣтъ Рабочей и Крестьянской Обороны постановляетъ :

1. Предписать Всер.Чр.Комиссіи и ея мѣстнымъ органамъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда это представится возможнымъ, предварительно извѣщать соотвѣтствующее вѣдомство относительно своихъ постановленій объ арестахъ отвѣтственныхъ работниковъ Совѣтскихъ учрежденій, а также всѣхъ спеціалистовъ, инженеровъ и техниковъ, занятыхъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ и на желѣзныхъ дорогахъ, и обязательно въ тѣхъ случаяхъ, когда предварительное оповѣщеніе невозможно, - не позднѣе 48 часовъ послѣ ареста извѣщать о немъ соотвѣтствующее Совѣтское учрежденіе, сообщая также о существѣ предъявленнаго арестованному обвиненія.

2. Предоставить Народнымъ Комиссаріатамъ и Губернскимъ и Городскимъ Комитетамъ Рос.Ком.Партіи черезъ своихъ делегатовъ участвовать въ слѣдствіи объ арестованныхъ Чрезвычайными Комиссіями гражданахъ, при чемъ Чрез.Комиссіи имѣютъ право отвода делегированныхъ представителей, внося въ каждомъ такомъ случаѣ мотивированныя постановленія объ отводѣ на утвержденіе соотвѣтствующей высшей инстанціи.

3. Предоставить Народнымъ Комиссаріатамъ и Городскимъ и Губернскимъ Комитетамъ Рос.Ком.Партіи право освобождать изъ подъ ареста всѣхъ тѣхъ изъ арестованныхъ по постановленіямъ Чрез. Комиссій, за кого представятъ письменное поручительство два члена Коллегіи Комиссаріата или два члена Городского или Губернского Комитета Р.К.П.

Постановление Совета рабочей и крестьянской обороны о порядке ареста ответственных работников советских учреждений органами Всероссийской чрезвычайной комиссии

11 декабря 1918

Подписи — автографы В.И. Ленина, И.В. Сталина, Н.П. Брюханова

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7724. Л. 1–1 об.]

Говоря о практиках управления, созданных большевиками в годы Гражданской войны и получивших затем «прописку» в сталинской науке управлять, следует напомнить упоминавшийся выше факт, что Сталин оказывается прямо причастен и к первой из советских «национальных операций», объектом которой становится в 1920–1921 гг. казачество Кубани и Терека. Во многом именно его решениями, как уже отмечалось, осуществляется депортация казаков и заселение казачьих станиц представителями горских народов[223].

Важным для личной характеристики Сталина является эпизод, связанный с рассмотрением 13 декабря 1921 г. на Политбюро вопроса о «голодном каннибализме». В разгар катастрофического для Советской России голода, разразившегося в 1921–1922 гг. и унесшего несколько миллионов жизней, Сталин оказался единственным, кто выступил за уголовное наказание за людоедство в противовес решению большинства об изоляции каннибалов как психически больных [224].

Вступив в 1922 г. на пост генсека ЦК большевистской партии, Сталин примет участие в организации гонений на Русскую православную церковь. В апреле 1922 г. через десять дней после состоявшегося назначения он направит всем губкомам циркуляр, предписавший выделить специального ответственного работника для руководства работой, «связанной с вопросами церкви и раскола духовенства». Перед ними будет поставлена задача «всемерно подталкивать лояльных попов на лозунг нового поместного собора для смещения контрреволюционного патриарха и его клики». При этом губкомам партии и исполкомам Советов будет запрещено участвовать в этой работе официально или открыто. «Инициатива должна исходить от демократических попов и верующих мирян» [225].

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СТРОГО СЕКРЕТНО

Российская Коммунистическая Партия (большевиков) ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ 87-а/4

193 г.

Выписка из протокола № 87-а заседания Политбюро ЦК от 30.XII 1921 г.

4.- О директивах по вопросу о возбуждении судебного дела о людоедстве и убийстве с целью людоедства.
(Верх.трибун.ВЦИК).

Не судить, а изолировать, как больных, без суда.

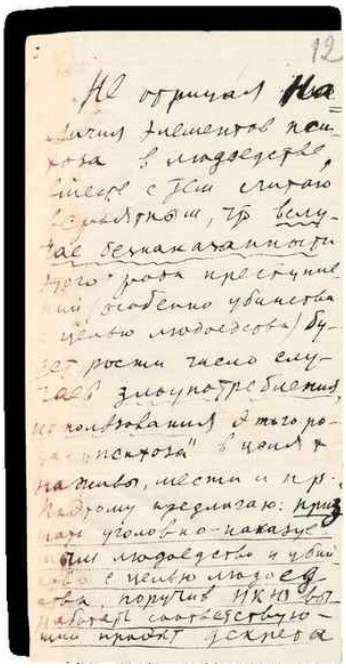
СЕКРЕТАРЬ ЦК

2ф

или циркуляра

12.00

Сделано



Постановление Политбюро — отмена возбуждения судебного дела о людоедстве и решение об изоляции каннибалов как психически больных; записка Сталина о необходимости введения уголовного наказания за людоедство

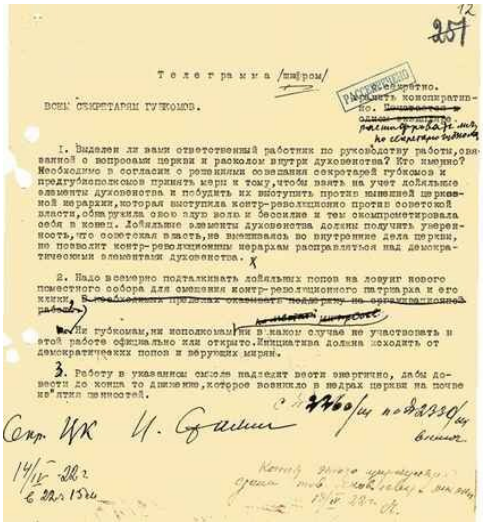
30 декабря 1921

Л. 12–12 об. — автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 231. Л. 8, 12–12 об.]

Сталин вынесет важный опыт из событий Гражданской войны. К нему придет осознание, «что те элементы… которые составляют большинство нашей армии — крестьяне, не будут добровольно драться за социализм… Ряд бунтов в тылу, на фронтах… показывают, что непролетарские элементы, составляющие большинство нашей армии, драться добровольно за коммунизм не хотят…» Отсюда следовала задача «эти элементы перевоспитать в духе железной дисциплины, повести их за пролетариатом не только в тылу, но и на фронтах, заставить воевать за наше общее социалистическое дело…»[226] Ясно это станет не только Сталину. 29 мая 1918 г. ВЦИК Советов издаст декрет «О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Армию»[227], который осуществит переход от добровольного принципа комплектования армии к обязательной военной службе. Категорический императив, заключенный в приведенных выше словах Сталина, станет практическим руководством не только в отношении военного строительства, но и применительно к строительству социализма в СССР в целом. В марте 1919 г. на VIII съезде РКП(б) во 2-й программе партии

этот подход будет оформлен в качестве официальной ее политики: «Поголовная мобилизация всего трудоспособного населения Советской властью для выполнения известных общественных работ, должна быть применяема несравненно шире и систематичнее, чем это делалось до сих пор»[228].



Т е л е г р а м м а /шифром/

ВСЕМ СЕКРЕТАРЯМ ГУБКОМОВ.

I. Выделен ли вами ответственный работник по руководству работы, связанной с вопросами церкви и расколом внутри духовенства? Кто именно? Необходимо в согласии с решениями совещания секретарей губкомов и предгубисполкомов принять меры к тому, чтобы взять на учет лойяльные элементы духовенства и побудить их выступить против нынешней церковной иерархии, которая выступила контр-революционно против советской власти, обнаружила свою злую волю и бессилие и тем скомпрометировала себя в конец. Лойяльные элементы духовенства должны получить уверенность, что советская власть, не вмешиваясь во внутренние дела церкви, но позволит контр-революционным иерархам расправляться над демократическими элементами духовенства.

2. Надо всемерно подталкивать лойяльных попов на лозунг нового поместного собора для смещения контр-революционного патриарха и его клики.

3. Ни губкомам, ни исполкомам ни в каком случае не участвовать в этой работе официально или открыто. Инициатива должна исходить от демократических попов и верующих мирян.

3. Работу в указанном смысле надлежит вести энергично, дабы довести до конца то движение, которое возникло в недрах церкви на почве нетерпимостей.

Секр. ЦК И. Сталин

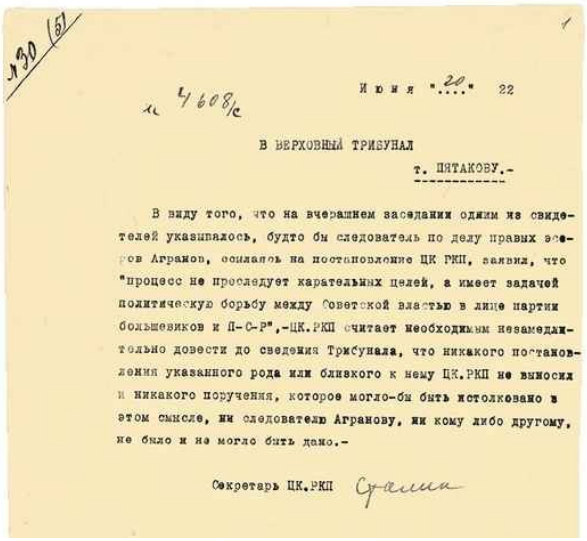
14/IV-22 г.

Телеграмма И.В. Сталина всем секретарям губкомов о необходимости раскола внутри церкви и смещения патриарха
14 апреля 1922
Подпись — автограф И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 29. Л. 12]

Завершение Гражданской войны не приведет большевистских лидеров к пересмотру политики подавления оппонентов режима. «Что касается нашей политики по отношению к внутренним врагам, она должна оставаться такой же, какой была… т. е. политикой подавления всех противников пролетариата… Наша внутренняя политика сводится к тому, чтобы остатки буржуазного класса не получали даже минимума свободы», — так определит в ноябре 1920 г. Сталин итоги трехлетней борьбы за социализм и ее задачи[229]. Реализуя эту задачу, большевистское руководство организует летом 1922 г. судебный процесс правых эсеров. Успехи эсеровской пропаганды пугали большевистское руководство. Лозунги Тамбовского и Кронштадтского восстаний, среди которых широкое распространение получил «За Советы без коммунистов», вновь обозначили реальную политическую альтернативу. Пройти через эту развилку было решено, используя не политические, а репрессивные методы. Первым из череды последовавших в 1920–1930-е гг. уголовно-политических процессов

станет именно судебный процесс социалистов-революционеров, который пройдет в Москве с 8 июня по 7 августа. По его итогам 7 августа 12 подсудимых будут приговорены к высшей мере наказания[230]. Рассчитывая продемонстрировать беспристрастность, большевистское руководство при этом постарается максимально замаскировать свое непосредственное руководство процессом. 20 июня Сталин направит в Верховный трибунал председательствовавшему в нем Г.Л. Пятакову письмо в связи с заявлением следователя по делу правых эсеров Я.С. Агранова. Агранов, ссылаясь на постановление ЦК РКП, заявил, что «процесс не преследует карательных целей, а имеет задачей политическую борьбу между Советской властью в лице партии большевиков и ПСР». Сталин от имени ЦК сочтет необходимым «незамедлительно» довести до сведения Трибунала, «что никакого постановления указанного рода или близкого к нему ЦК РКП не выносил…» [231]

Московский процесс над эсерами откроет череду аналогичных судебных дел на местах. Роль политического руководства партии вполне раскрывается одной из шифротелеграмм Сталина С.М. Кирову в Баку, отправленной в июле 1922 г. В ней он настаивает на отсрочке суда над эсерами, добиваясь более убедительной его подготовки. По итогам процесса, прошедшего в декабре в Баку, восемь подсудимых приговорили к расстрелу [232].



№30 (5)

№ 4/608/с

Июня "20" 22

В ВЕРХОВНЫЙ ТРИБУНАЛ

т. ПЯТАКОВУ.-

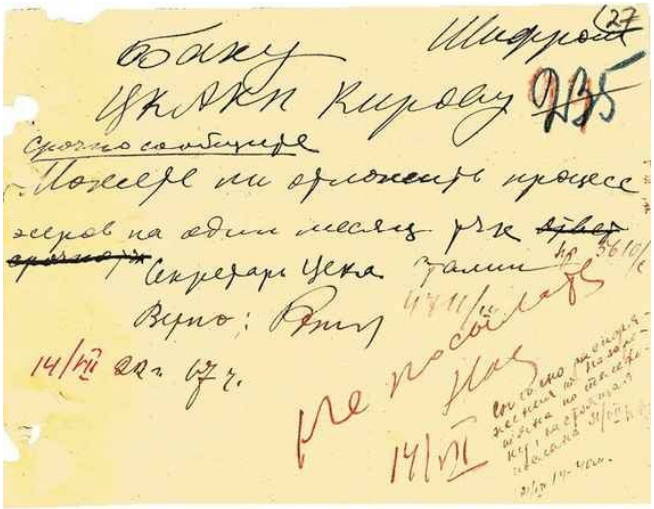
В виду того, что на вчерашнем заседании одним из свидетелей указывалось, будто бы следователь по делу правых эсеров Агранов, ссылаясь на постановление ЦК РКП, заявил, что "процесс не преследует карательных целей, а имеет задачей политическую борьбу между Советской властью в лице партии большевиков и П-С-Р",-ЦК.РКП считает необходимым незамедлительно довести до сведения Трибунала, что никакого постановления указанного рода или близкого к нему ЦК.РКП не выносил и никакого поручения, которое могло-бы быть истолковано в этом смысле, ни следователю Агранову, ни кому либо другому, не было и не могло быть дано.-

Секретарь ЦК.РКП Сталин

Письмо И.В. Сталина в Верховный трибунал Г.Л. Пятакову о заявлении следователя Я.С. Агранова по поводу характера процесса правых эсеров

20 июня 1922

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2368. Л. 1]



Шифротелеграмма И.В. Сталина С.М. Кирову в Баку с просьбой отложить процесс эсеров на один месяц

14 июля 1922

Подпись — автограф И.В. Сталина, резолюция — автограф А.М. Назаретяна, помета — автограф К. Аустриной

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 30. Л. 27]

Очевидно, что для Сталина, как, впрочем, и для большинства представителей большевистской элиты, принуждение и прямое насилие стали к исходу Гражданской войны инструментом повседневной борьбы за социализм.

«Разгромить старый мир». на фронтах Гражданской войны

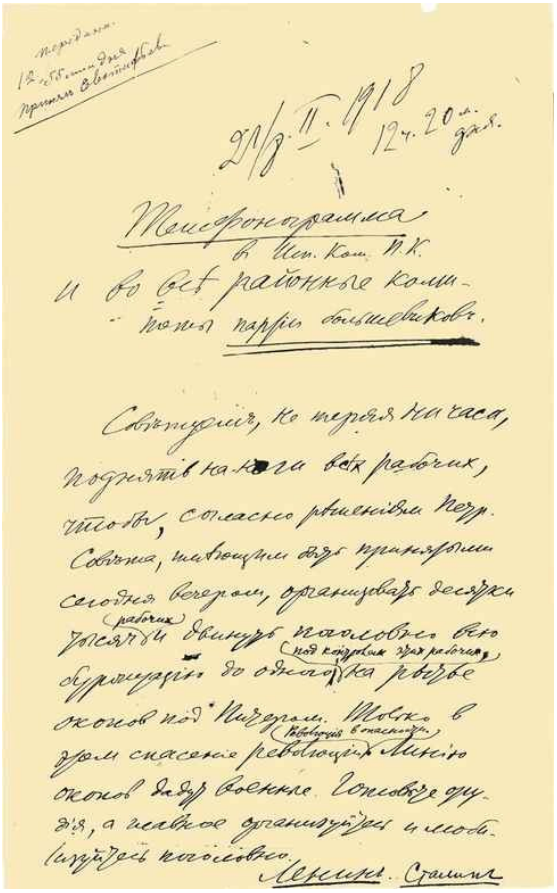
В результате Октябрьской революции, разгона большевиками легитимного и легального Учредительного собрания, политики, проводившейся большевистским Совнаркомом, в 1918 г. на пространствах бывшей Российской империи развернется полномасштабная Гражданская война. Ленин не избегал ответственности за ее развязывание: «На все обвинения в Гражданской войне мы говорим: да, мы открыто провозгласили то, чего ни одно правительство провозгласить не могло. Первое правительство в мире, которое может о Гражданской войне говорить открыто»[233]. Признал Ленин и то, что большевики для удержания власти применили «самые крайние, самые отчаянные, ни с чем не считающиеся приемы

Гражданской войны»[234]. Одним из документов, характеризующих формирование такого рода подходов, можно назвать телефонограмму Ленина и Сталина, направленную ими 21 февраля 1918 г. в Исполнительную комиссию Петроградского комитета об отправке «поголовно всей буржуазии до одного, под контролем… рабочих, на рытье окопов» под Петроградом[235].

11 августа 1918 г. Ленин напишет письмо в Пензенский губком РКП(б) в ответ на сообщение о крестьянском восстании: «Восстание пяти волостей кулачья должно повести к беспощадному подавлению. Этого требует интерес всей революции, ибо теперь везде «последний решит[ельный] бой» с кулачьем. Образец надо дать. 1) Повесить (непременно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийцев… 4) Назначить заложников…»[236] Сталин станет одним из тех сподвижников вождя Советского государства, кто примет самое активное участие в формировании и реализации соответствующих практик.

Жестокость и готовность к использованию самых крайних мер характеризуют, вероятно, любую Гражданскую войну и поведение всех вовлеченных в нее сторон. Большевики по тем или иным причинам оказались готовы к этому лучше своих противников. Сталин вполне последовательно проводил в жизнь эту линию. Предпочитаемые практики управления он продемонстрирует летом 1918 г. в Царицыне и Воронеже. В связи с реальной угрозой голодных бунтов из-за дезорганизации продовольственного снабжения промышленных центров ленинский СНК предпринимает ряд экстренных мер, направленных на исправление сложившейся ситуации. В частности, 29 мая Совнарком назначает Сталина «общим руководителем продовольственного дела на Юге России, облеченным чрезвычайными правами». Назначение состоится через несколько дней после того, как в Москве получат телеграмму от Чрезвычайного комиссара Юга России Г.К. Орджоникидзе, адресованную Ленину и Сталину. «Положение здесь (в Царицыне) неважное — нужны решительные меры, а местные товарищи слишком дряблы… На станции шесть маршрутных поездов с хлебом — в Москву, Питер — и не отправляются… Еще раз повторяю, что нужны самые решительные меры, — вокруг Царицына бушует контрреволюция»[237]. Слышать подобные жалобы от «чрезвычайного комиссара» тем более странно, что декретом СНК от 9 апреля Орджоникидзе вменялось в обязанность «неуклонное проведение директив центральной советской власти на суше и на море» на гигантской территории, «объединяющей деятельность Крыма, Донской области, Терской области, Черноморской губернии, Черноморского флота и всего Северного Кавказа до Баку»[238]. Мандат Орджоникидзе, кстати сказать, был подписан не только Лениным, но и Сталиным. Из Орджоникидзе, судя по всему, диктатор не получился, но громкой по названию должности его не лишат. Советская власть в поисках

решения острых проблем создает все новые органы чрезвычайного управления. В дополнение к «чрезвычайному комиссару Юга России» Г.К. Орджоникидзе в Царицын спасать положение отправляется Сталин в качестве «общего руководителя продовольственного дела на Юге России, облеченного чрезвычайными правами». Мандат, подписанный Лениным, гласил: «Местные и областные совнаркомы, совдепы, ревкомы, штабы и начальники отрядов, железнодорожные организации и начальники станций, организации торгового флота, речного и морского, почтово-телеграфные и продовольственные организации, все комиссары и эмиссары обязываются исполнять распоряжения тов. СТАЛИНА»[239].



Телефонограмма В.И. Ленина и И.В. Сталина Исполнительной комиссии Петроградского комитета и всем районным комитетам партии большевиков об отправке буржуазии на рытье окопов под контролем рабочих

21 февраля 1918

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5365. Л. 2]

Проблемы продовольственного обеспечения центра Сталину удастся решить относительно успешно. Однако Сталин, судя по всему, полученный им мандат склонен был трактовать расширительно и видел себя скорее «Чрезвычайным комиссаром Юга России», чем просто руководителем продовольственного дела на юге России. Тем более что прямого ограничения полномочий Сталина сферой продовольственного снабжения, как мы видели, мандат не содержал. Сталин в качестве уполномоченного ЦК настаивает на своем праве назначать и смещать не только партийных деятелей, но и военных руководителей, вмешиваться в решение военных вопросов. Много позднее Троцкий подтвердит: «Со Сталиным получилось то, что со многими другими советскими работниками и с целыми отрядами их. Многие рабочие отправлялись в разные губернии для мобилизации хлебных избытков. Но наталкивались на восстания белых, и из продовольственных отрядов, становились военными отрядами»[240]. Система управления военно-оборонной сферой Советской Республики находилась в стадии становления, в ходе которого осуществлялся поиск целесообразных форм, притирки друг к другу частей управленческого механизма. Помимо Наркомата по военным и морским делам, который возглавил Троцкий, в начале марта 1918-го был создан Высший военный совет из трех человек — «военного руководителя и двух политических комиссаров». Совет возглавил М.Д. Бонч-Бруевич, бывший генерал царской армии и родной брат управделами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевича. Высшему военному совету поручалось «руководство всеми военными операциями с безусловным подчинением Высшему совету всех без исключения военных учреждений и лиц»[241]. Этой записью и исчерпывалось все содержание постановления СНК. Уже через две недели большевистское руководство осознает недостаточность принятого решения и примет 19 марта постановление, в котором несколько более пространно разъяснялись задачи, возлагаемые на Совет. В состав Совета должны были входить «в качестве председателя» народный комиссар по военным делам, нарком по морским делам, два специалиста военного дела и один специалист военно-морского дела. Должность «военного руководителя», учрежденная двумя неделями ранее, даже не упоминалась, вопросы соподчинения и взаимодействия органов управления не затрагивались. Сам «военрук» продолжит, однако, руководить военными операциями и не только.

При этом Ленин, справедливо видевший себя лидером ЦК партии и руководителем Совнаркома, стремился лично контролировать решение всех важнейших вопросов в этой сфере — от строительства Красной армии и проблем мобилизационной политики до решения вопросов не только стратегического, но и оперативного, и даже в целом ряде

случаев тактического военного планирования. Этому примеру по возможности будет следовать и Сталин.

На неразбериху в сфере военного управления и порождаемые ею проблемы сочтет необходимым указать Ленину председатель высшей аттестационной комиссии Наркомата по военным делам будущий маршал А.И. Егоров. В своей докладной записке от 20 августа он подчеркнет отсутствие «определенной единой мысли воли», «плана войны против существующего противника», специально подчеркнет, что «фактически войска республики подчинены двум высшим военным инстанциям» — Высшему военному совету и Оперативному отделу Наркомата по военным делам. «Юридическая и фактическая двойственность и неопределенность для войск нынешнего положения нетерпима и влечет за собой чрезвычайные острые последствия неудач на фронтах». Егоров предложит назначить ответственного перед Совнаркомом Верховного главнокомандующего и сформировать при нем штаб, который должен был объединить штабы наркомвоена и высшего вонного совета[242].

2 сентября 1918 г. на основании постановления ВЦИК «во главе всех фронтов и всех военных учреждений Республики ставится Революционный военный совет с одним Главнокомандующим» — высший коллегиальный орган управления и политического руководства вооруженными силами РСФСР[243].

Институциональная неразбериха закладывала основы и для межличностных противоречий, что сыграло свою роль в развернувшихся вскоре личных и институциональных разногласиях, одним из которых стал конфликт Сталина с Троцким[244]. Эти столкновения могут быть правильно поняты только в описанном выше институционном контексте.

Сразу по приезде в Царицын 6 июня Сталин начинает вмешиваться и в вопросы военного управления, где столкнется с бывшим генерал-лейтенантом царской армии А.Е. Снесаревым, который командовал Северо-Кавказским военным округом. 22 июня в письме, адресованном Ленину и Троцкому, он напишет, что «было бы полезно для дела иметь мне прямое формальное полномочие смещать и назначать, напр[имер], комиссаров при отрядах, «штабах» и пр., обязательно присутствовать на заседаниях штаба округа и вообще представлять центральную военную власть на Юге». В этом же письме он ясно продемонстрирует и свое недоверие к «спецам», сказав: «Специалисты — люди мертвые и кабинетные, совершенно не приспособленные к гражд[анской] войне»[245]. Сталин проявит, таким образом, уже сейчас не только собственные амбиции, но и свои представления о роли и месте партийного руководства в этой сфере государственного управления.

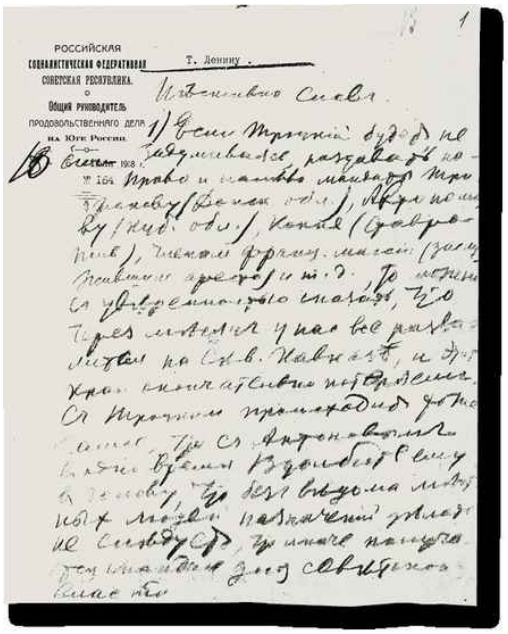
7 июля Сталин вновь телеграфирует Ленину: «Спешу на фронт. Пишу только по делу. 1) Линия южнее Царицына еще не восстановлена… Если бы наши военные «специалисты» (сапожники!) не

спали и не бездельничали, линия не была бы прервана, и если линия будет восстановлена, то не благодаря военным, а вопреки им… Будьте уверены, что у нас не дрогнет рука… Дайте кому-либо (или мне) специальные полномочия (военного характера) в районе южной России для принятия срочных мер, пока не поздно»[246]. 10 июля из Царицына Сталин направит Ленину письмо с протестом против назначений и распоряжений Троцкого, ведущих, по его мнению, к развалу и потере Северного Кавказа[247].

«Если Троцкий будет, не задумываясь, раздавать направо и налево мандаты… то можно с уверенностью сказать, что через месяц у нас все развалится на Северном Кавказе… Вопрос продовольственный, — подчеркнет в этом письме Сталин, — естественно переплетается с вопросом военным. …Вдолбите ему в голову, что без ведома местных людей назначений делать не следует… Для пользы дела мне необходимы военные полномочия. Я уже писал об этом, но ответа не получил. Очень хорошо. В таком случае я буду сам, без формальностей свергать тех командармов и комиссаров, которые губят дело… и, конечно, отсутствие бумажки от Троцкого меня не остановит»[248].

Ленин с упорством, равным сталинскому, будет игнорировать его запросы военных полномочий. Сталин в соответствии со своим обещанием станет реализовывать свои устремления и не получив для этого формальных прерогатив. Еще 23 июня Снесарев под давлением Сталина отдаст приказ об объединении советских частей под Царицыным под командованием К.Е. Ворошилова. 16 июля они начнут наступление на одном из участков фронта и потерпят неудачу. Несмотря на это, Сталину удается добиться своего. 24 июля Высший военный совет примет постановление, которым поручит «наркому Подвойскому совместно с наркомом Сталиным, военкомом Мининым… организовать Военный совет Северного Кавказа, обнимающего в оперативном отношениии районы Донской, Черноморо-Кубанский и Бакинский. В состав Военсовета Северного Кавказа должны входить: нарком Сталин, военком Минин и военный руководитель, который будет назначен дополнительно по представлению наркома Сталина и военкома Минина»[249]. Этим постановлением были подтверждены приказы наркомвоена от 19 июля и решение Военного совета СКВО от 22 июля, которым вышеназванный Военный совет и был учрежден. Упомянутым приказом Военсовета СКВО «все оперативные приказы и все руководство всеми частями войск округа впредь» должны были исходить от Военного совета[250]. Таким образом, Сталин реализовал свой подход к военному строительству, принципы которого тогда он увидел в коллегиальном управлении войсками, где заглавная роль принадлежала не военному, но политическому руководителю. Сразу вслед за этим Сталин арестовал Снесарева вместе со всем штабом. Из Москвы будет прислана специальная комиссия во главе с членом ВЦИК А.И. Окуловым, которая добьется его освобождения. Снесарев будет

отозван в Москву, а Сталин станет фактически военным руководителем на Северном Кавказе. Первым же приказом Военсовета под руководством Сталина от 22 июля «военным специалистом» в его составе был назначен бывший полковник А.Н. Ковалевский, а затем начальником штаба А.Л. Носович. Ковалевский сочтет оборону округа безнадежной и будет отставлен от своих должностей. В первых числах августа царицынская ЧК начнет аресты среди работников штабов, 4 августа будет ликвидирован и штаб округа. Арестованные Ковалевский и Носович будут освобождены по требованию Москвы и переданы на поруки прибывшей в Царицын комиссии во главе с председателем Высшей военной инспекции Н.И. Подвойским[251]. Значительная часть арестованных «заговорщиков» и «вредителей» из военспецов была расстреляна. На новый виток репрессии на Юге выйдут после покушения на Ленина в рамках общей политики Москвы по развертыванию красного террора. 31 августа из Царицына Сталин вместе с Ворошиловым направит председателю ВЦИК Свердлову телеграмму, в которой сообщит об организации «открытого, массового систематического террора против буржуазии и ее агентов»[252]. В тот же день он запросит у Ленина санкцию на очистку Воронежа и фронта от контрреволюционных элементов по царицынскому образцу[253].

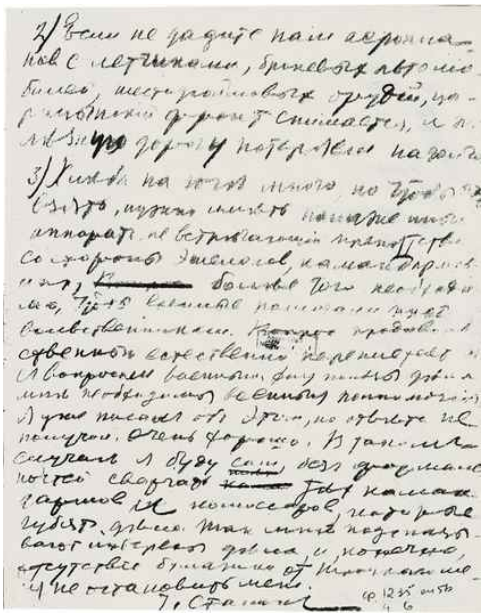


РОССИЙСКАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.
Общий руководитель
ПРОДОВОЛЬСТВЕННАГО ДЕЛА
на Юге России.
Декабря 1918 г.
№ 164

Т. Ленину.

Интимно Снова.

1) Если Троцкий будет не задерживаться, раздавать по-
Право и наливо мандаты Три-
Фрунзе (Белгор. обл.), Акрыпо-
ву (Киев. обл.), Копыл (Фавро-
пол.), Чикоем формиц. мигет (заму-
ливание ареста) и т.д. То можно
ся уверенно сказать, что
Через месяц у нас все рассы-
лены на Сев. Кавказ, и фронт
хран. сильнейшие потрясения.
Ся Троцкий промедлит до
самое, где Ся Антонов-Овсеенко
в это время вздумает ехать
в Тамбов, то дело выдумка мож-
ных людей назначить увлеч-
ие Сталину Ся, то иначе нельзя.
Это сказано для Свердлова
Ленин.



Письмо И.В. Сталина В.И. Ленину с протестом против распоряжений и назначений Л.Д. Троцкого, ведущих к развалу Царицынского фронта и потере Северо-Кавказского края, и о необходимости срочного снабжения фронта аэропланами и броневыми машинами

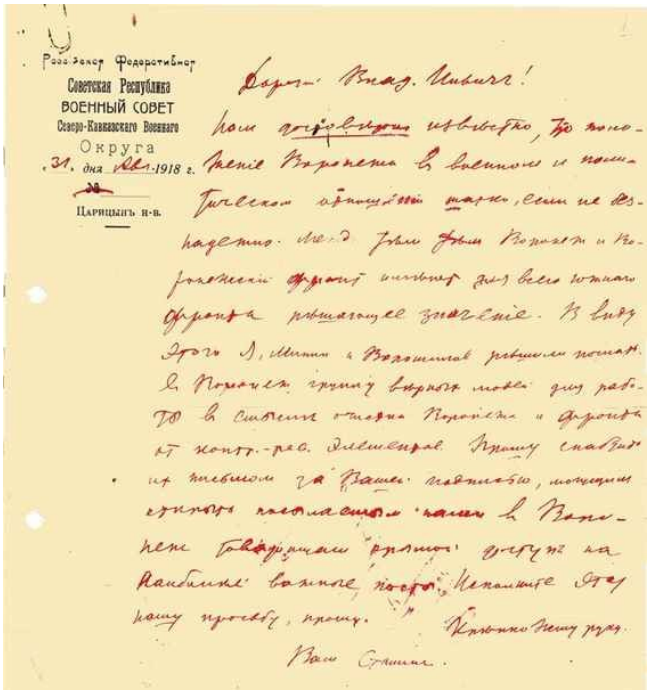
Автограф И.В. Сталина

10 июня 1918

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 250. Л. 1–1 об.]

Сталинские практики заслужат высокую оценку со стороны Ленина. В мае 1919 г. он порекомендует члену Революционного военного совета (РВС) 10-й армии Д.И. Ефремову: «Немедленно выделите группу ответственнейших и энергичнейших царицынских работников, участвовавших в проведении Сталиным мер при обороне Царицына, и поручите им начать проведение всех этих мер с такой же энергией»[254]. Поскольку Ефремов, судя по всему, был не совсем в теме, вождю пришлось через несколько дней разъяснять: «Речь шла о поголовной мобилизации всех царицынских рабочих и о всех приемах революционной энергичнейшей войны с особо суровой чисткой тыла»[255]. Верность такого рода практикам Сталин будет демонстрировать не раз. В телеграмме Троцкому от 28 июля 1920 г. Сталин сообщает о намерении подготовить приказ «О поголовном истреблении врангелевского комсостава…»[256] В глазах Ленина Сталин заслужит репутацию «эксперта» в таких вопросах. Когда в январе 1922 г. станет обсуждаться проект нового положения о ВЧК, предусматривавший сохранение за ней карательных функций, Ленин в переписке с заместителем председателя ВЧК И.С. Уншлихтом выскажет свое мнение и порекомендует обсудить все еще раз именно со

Сталиным: «Гласность ревтрибуналов — не всегда; состав их усилить «вашими» людьми, усилить их связь (всяческую) с ВЧК; усилить быстроту и силу их репрессий, усилить внимание ЦК к этому. Малейшее усиление бандитизма и т. п. должно влечь военное положение и расстрелы на месте… Поговорите еще со Сталиным и буде нужным считаете, покажите ему это письмо»[257].


Российская Федеративная
Советская Республика
ВОЕННЫЙ СОВЕТ
Северо-Кавказского Военного
Округа
31. дня Авг. 1918 г.
№
Царицынъ н-в.

Письмо И.В. Сталина из Царицына В.И. Ленину о необходимости послать в Воронеж группу работников для зачистки города и фронта от контрреволюционных элементов, с просьбой снабдить группу письмом за его подписью

31 августа 1918

Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5408. Л. 1]

Что касается собственно военных дел, то дела у Сталина не заладятся. В конце июля в Высший военный совет он направит несколько докладов о необходимости подкреплений[258], 13 августа Царицын и губерния будут объявлены Военсоветом СКВО на осадном положении[259]. Как сообщит Ленину член Военсовета Минин, «борьба за Царицын упорная, с переменным успехом»[260].

6 сентября председателем РВС назначается Л.Д. Троцкий, главнокомандующим Красной армией — И.И. Вацетис. 11 сентября приказом РВС образуются Северный, Восточный, Южный фронты и

Западный район обороны[261]. Положение об РВС было утверждено 30 сентября. Троцкий, возглавив органы военного управления Республики, вводил в армии жесткую дисциплину, централизацию управления, широко привлекал военспецов старой школы, боролся с партизанщиной в военном строительстве.

11 сентября 1918 г. РВС Республики назначит командующим сформированного Южного фронта П.П. Сытина. 18 сентября РВСР своим постановлением образовал РВС Южфронта в составе: наркома Сталина, предсовдепа Царицынского т. Минина, командующего Южным фронтом Сытина и его помощника Ворошилова. Сталин продолжит гнуть свою линию и издаст приказ, которым Военный совет со ссылкой на постановление РВСР будет преобразован в Военно-революционный совет Южного фронта. Председателем Военно-революционного совета Южфронта этим приказом назначался Сталин[262]. Тем самым Сталин сформировал иной, чем было предписано, орган военного управления и возглавил его, что прямо противоречило указаниям, полученным из Москвы. Центр «проглотит» молча эту сталинскую «инициативу».

Между тем положение на фронте продолжит ухудшаться и уже 27 сентября Сталин, Минин и Ворошилов в докладной записке признают, что положение «на нашем фронте несколько изменилось не в нашу пользу». «Крайним» назовут Сытина, который «странным образом» не интересуется положением фронта в целом, «не принимает или не в силах принять меры для оздоровления» и т. д. «В самом срочном порядке» они будут требовать от Москвы подкреплений, боеприпасов, обмундирования и проч., угрожая прекратить военные действия и отойти на левый берег Волги[263]. Из докладной записки Сытина в РВСР от 30 сентября мы узнаем о бурном заседании Военно-революционного совета, состоявшегося вечером накануне. «Царицынский» конфликт разгорится с новой силой. На этот раз между Сытиным и Мехоношиным (еще одним членом РВС Южфронта), с одной стороны, и Сталиным, Ворошиловым и Мининым — с другой. Царицынская или, точнее, сталинская группа настаивала на том, что выбор и назначение командующих армиями и ведение военных операций «в крупном масштабе» «принадлежит компетенции Военревсовета» Южного фронта. Сытин в полном соответствии с полномочиями, полученными им в Москве, апеллируя к соответствующим распорядительным документам, станет настаивать на своих полномочиях единолично решать такого рода вопросы, но, чтобы прекратить дебаты, предложит перенести решение вопроса в Реввоенсовет Республики[264].

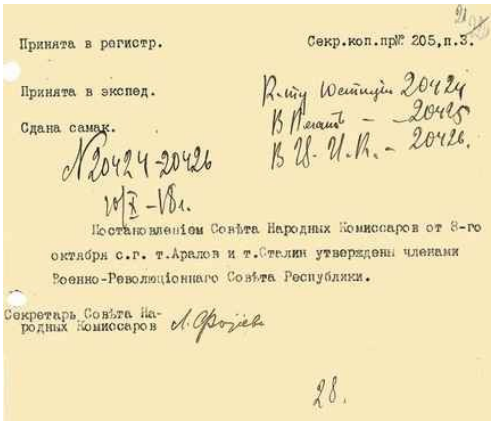
2 октября Сталин и Минин направят в РВСР еще один ультиматум о подкреплениях и угрозой «отвести части в известном направлении во избежании развала фронта»[265]. В тот же день Москва перейдет к решительным действиям в отношении зарвавшейся «царицынской группы». Огонь по инсургентам будет открыт из всех орудий главного калибра. Председатель РВСР Троцкий потребует: «Приказываю

Сталину, Минину немедленно образовать Реввоенсовет Южного фронта на основе невмешательства в оперативные дела. Штаб поместить в Козлове. Неисполнение в течение 24 часов этого предписания заставит меня предпринять суровые меры». ЦК партии потребует от Сталина: «Подчинение Реввоенсовету [Республики] абсолютно необходимо. В случае несогласия Сталин может приехать в Москву и апеллировать к ЦК…»[266]Руководитель высшего властного органа — председатель ВЦИК Я.М. Свердлов, основываясь на решениях ЦК, принятых в тот же день, направит в Царицын Сталину, Ворошилову и Минину телеграмму. «Все решения Реввоенсовета, — подчеркнет Свердлов, — обязательны для военсоветов фронтов. Без подчинения нет единой армии. Не приостанавливая исполнения решения, можно обжаловать его в высший орган — Совнарком или ВЦИК, в крайнем случае — ЦК. Убедительно предлагаем провести в жизнь решения Реввоенсовета. [В] случае если считаете их вредными, неправильными, предлагаем приехать сюда, обсудить совместно, принять надлежащее решение. Никаких конфликтов не должно быть»[267].

Троцкий, кроме того, 4 октября направит Ленину телеграмму, в которой станет требовать: «Категорически настаиваю на отозвании Сталина. На Царицынском фронте неблагополучно, несмотря на избыток сил. Ворошилов может командовать полком, но не армией в пятьдесят тысяч солдат, тем не менее я оставлю его командующим десятой царицынской армией на условиях подчинения командарму Южной Сытину. До сего дня царицынцы не посылают… даже оперативных донесений… если завтра это не будет выполнено, я отдам под суд Ворошилова и Минина и объявлю об этом в приказе по армии. Поскольку Сталин и Минин остаются в Царицыне, они согласно конституции Реввоенсовета пользуются только правами членов Реввоенсовета 10-й армии. Их коллегиальное командование мы признать не можем, и ответственность за все оперативные действия возложены прямо лично на Ворошилова… Царицын должен либо подчиниться, либо убраться. У нас успехи во всех армиях, кроме Южной, в особенности царицынской, где у нас колоссальное превосходство сил, но полная анархия на верхах. С этим можно совладать в 24 часа при условии вашей твердой и решительной поддержки; во всяком случае это единственный путь, кторый я вижу для себя…»[268]

5 октября Сталин организует коллективное письмо за подписями своей, Ворошилова и Минина в адрес Я.М. Свердлова. В нем они заявят о намеренно оскорбительном характере состоявшегося у них разговора с Троцким. «После сказанного Троцким… даже при желании с нашей стороны становится невозможным и неосуществимым какое бы то ни было подчинение, а потому все вопросы приходится отложить до приезда Сталина в Москву»[269]. В этой же телеграмме будет подтвержден выезд Сталина в Москву в тот же день. Решить в Москве в

нужном ему ключе вопросы управления Сталин не сможет. Ленин уже принял сторону Троцкого.



Принята в регистр. Секр.кон.пр№ 205,п.3.

Принята в экспед.

Сдана самак.

№ 2024-2026

10/I-18г.

В-ну Шестидн 2024

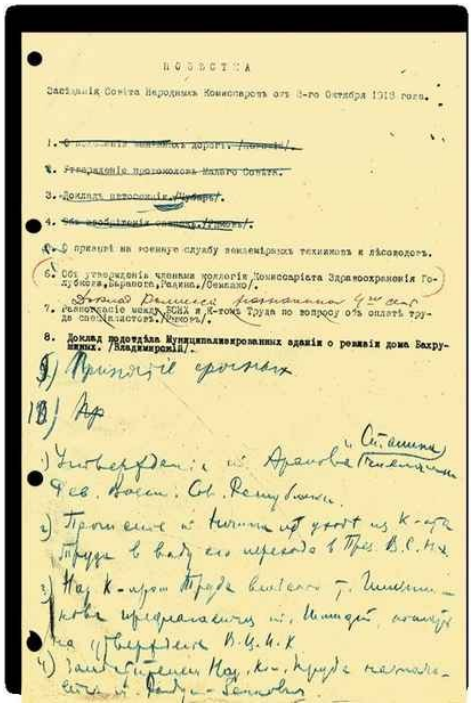
В Реввоен – 2025

В Ц. И.К. – 2026.

Постановлением Совѣта Народных Комиссаров от 8-го октября с.г. т.Аралов и т.Сталин утверждены членами Военно-Революционнаго Совѣта Республики.

Секретарь Совѣта Народных Комиссаров Л. Фотиева

28.



ПОВЕСТКА

Засѣданія Совѣта Народных Комиссаровъ отъ 8-го Октября 1918 года.

1. ~~О постановленіи Центральнаго дорожнаго Совѣта./Ленинъ/.~~
2. ~~Утвержденіе протоколовъ малаго Совѣта.~~
3. Докладъ штаба Верхов./Подвойскій/.
4. ~~Объ обязательномъ учетѣ./Красинъ/.~~
5. О принятіи на военную службу военныхъ техниковъ и лѣсоводовъ.
6. Объ утвержденіи членами коллегіи Комиссаріата Здравоохраненія Голубкова, Бывалова, Рейнина./Семашко/.
7. Докладъ Реввоен. представителя 4-го сов. единоличіе между ВСНХ и К-томъ Труда по вопросу объ оплатѣ труда спецпластовъ./Ногинъ/.
8. Докладъ подотдѣла Муниципализированныхъ зданій о реквизиціи дома Бахрушиных. /Владимирскій/.

9) Принятие срочных

10) Др

1) Утверждение т. Аралова и Сталина членами Реввоен. Сов. Республики.

2) Прошение т. Ногина от ухода из К-та Труда в виду его перехода в Пр. В.С.Н.Х.

3) Из К-та Труда выбывает т. Шлихтер и вместо него назначить т. Шляпникова, кандидат на утверждение В.Ц.И.К

4) Заместителем Нар. К-та Труда назначить т. Рейнера-Бонкова

Постановление СНК о назначении С.И. Аралова и И.В. Сталина членами Военно-революционного совета с приложением повестки дня заседания

8 октября 1918

[РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 205. Л. 21, 28]

В разгар «выяснения отношений» 8 октября 1918 г. постановлением Совнаркома Сталин назначается членом РВС Республики[270]. Трудно расценивать это решение иначе, как предпринятую Лениным попыткой «задобрить», «умиротворить» Сталина на фоне жесткой критики со всех сторон. 9 октября Сталин по телефону сообщит Ворошилову и Минину: «Только что ездил к Ильичу. Взбешен и требует перерешения в той или иной форме». В сопровождении Свердлова Сталин появится на несколько дней в Царицыне, очевидно для «передачи» дел и умиротворения соратников[271].

Нельзя не отметить, что в своей известной статье «Сталин и Красная армия», написанной и опубликованной к пятидесятилетию Сталина, с которой начнется возвеличение его роли в событиях Гражданской войны, К.Е. Ворошилов ни словом не обмолвится о членстве или роли Сталина в деятельности РВСР. Членом РВСР Сталин пробудет до 8 июля 1919 г., когда был утвержден его новый сокращенный состав. В юбилейном издании 1928 г. современники событий, описывая работу «неосновных» членов РВС, скажут так: «В дальнейшем на протяжении всего периода Гражданской войны в состав РВСР разновременно входили: тт. И.В. Сталин, Н.И. Подвойский, Акулов, Антонов-Овсеенко (нач. ПУРа), Серебряков» [272].

К участию в работе РВСР Сталин вернется в период польско-советской войны, о чем разговор пойдет ниже. В историографии существует точка зрения, согласно которой Сталин намеренно дистанцировался от работы в РВСР, отказываясь считать этот орган и Троцкого, который его возглавлял, слишком уж значимыми в системе управления[273]. Как бы там ни было, очевидным становится, что практическая деятельность Сталина не оказала сколь-нибудь заметного влияния на решения РВС и осталась незамеченной непосредственными участниками событий.

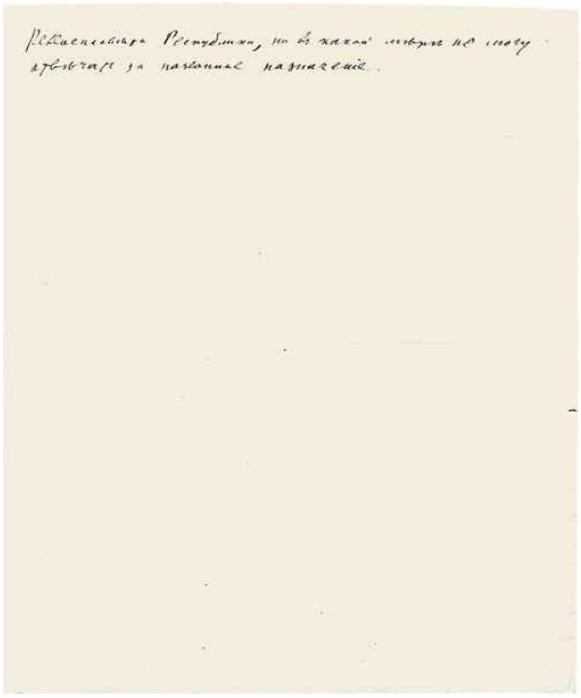
18 октября Сталин телеграфирует Ленину о разгроме войск Краснова под Царицыным, а 19-го выезжает из Царицына в Москву. По возвращении у него состоится еще один разговор с Лениным, его содержание известно из пространной телеграммы, которую тот направит Троцкому. Сталин решит продемонстрировать полную лояльность центру. «Сталин убедил Ворошилова и Минина, — скажет Ленин, — ...оказать полное подчинение приказам Центра... Сталин очень хотел бы работать на Южном фронте; выражает большое опасение, что люди, мало знающие этот фронт, наделают ошибок, примеры чему он приводит многочисленные. Сталин надеется, что ему на работе удастся убедить в правильности его взгляда, и не ставит ультиматума об удалении Сытина и Мехоношина, соглашаясь работать вместе с ними в Ревсовете Южного фронта, выражая также желание быть членом Высвоенсовета Республики». Иначе как капитуляцией назвать это «волеизъявление» трудно. Ленин предложит Троцкому обдумать заявления Сталина «и ответить, во-первых, согласны ли Вы

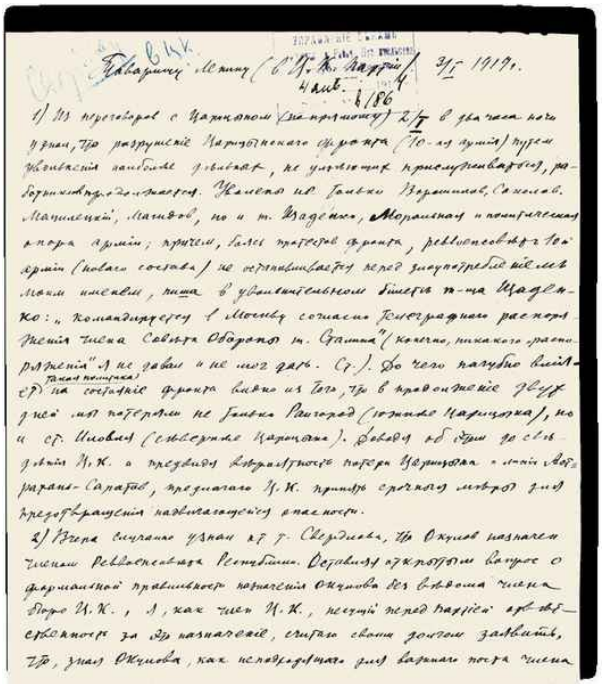
объясниться лично со Сталиным, для чего он согласен приехать, а во-вторых, считаете ли вы возможным, на известных конкретных условиях, устранить прежние трения и наладить совместную работу, чего так желает Сталин». Несмотря на настоятельную рекомендацию, данную Лениным, «приложить все усилия для налаживания совместной работы со Сталиным»[274], возвращение Сталина на Южный фронт не случится. Он останется в Москве и в январе вместе с Дзержинским в составе партийно-следственной комиссии отправится на Восточный фронт для расследования причин сдачи Перми войскам Верховного правителя России адмирала Колчака. На Южный фронт он вернется через год.

Но интереса к «царицынским» делам и царицынской группе он не утратит. 3 января 1919 г. он решит использовать неблагоприятную ситуацию, сложившуюся на юге вследствие третьего наступления на Царицын, которое начала Донская армия П.Н. Краснова. Уже из Перми он напишет Ленину очередное письмо с жалобой на продолжающееся разрушение Царицынского фронта «путем увольнения наиболее дельных, не умеющих прислуживаться работников» во главе с Ворошиловым и предложит ЦК «принять срочные меры для предотвращения надвигающейся опасности». Завершит Сталин это обращение к Ленину выражением несогласия с назначением одного из своих противников А.И. Окулова членом Реввоенсовета Республики, который деятельность сталинской группы иначе как «партизанщиной» не называл. Свой протест Сталин сопроводит напыщенной демагогической фразой: «Я, как член ЦК, несущий перед партией ответственность за это назначение, считаю своим долгом заявить, что, зная Окулова как не подходящего для важного поста члена Реввоенсовета Руспублики, ни в какой мере не могу отвечать за названное назначение»[275]. Ни Ленин, ни Свердлов, которого Ленин ознакомит с этим письмом, не сочтут необходимым отреагировать на этот сталинский демарш.

Межличностный конфликт с Троцким во многом определит их личные судьбы и судьбы страны. Природа этого конфликта представляется более сложной, чем она обычно описывалась в советской историографии и описывается в современной. «Царицынский казус» стал во многом отражением более широких проблем государственного строительства. Как было рассказано выше, о единоначалии в Красной армии того периода можно было только мечтать. И речь не о комиссарах при военспецах на нижних этажах армейского управления. Система управления обороной страны находилась в стадии становления. Лишь в марте 1918 г. декретом СНК был учрежден Высший военный совет с подчинением ему всех центральных органов военного управления. Была упразднена должность главковерха, распущен Комитет революционной обороны, Всероссийская коллегия по организации и управлению РККА, Революционный полевой штаб при Ставке. Эта реорганизация

сопровождалась решениями о привлечении к строительству и управлению Красной армией военспецов старой школы. Несогласный с этими решениями, как и с назначением военным руководителем Высшего военного совета бывшего начальника штаба Ставки М.Д. Бонч-Бруевича, верховный главнокомандующий большевик Н.В. Крыленко подаст в отставку с поста главковерха. Ему казалось недопустимым привлечь к строительству новой армии царских генералов. Крыленко был поддержан всеми членами коллегии наркомвоена, за исключением отсутствовавшего Антонова-Овсеенко. Новая линия Ленина в корне порывала с его же собственными прежними установками на создание милиционной армии вместо регулярной. От лозунга всеобщего вооружения народа, выборности командиров, солдатских комитетов и проч. не осталось практически ничего. Так что в своем недоверии к военспецам, приверженности принципам коллегиального управления вооруженными силами Сталин был не одинок. В результате этого конфликта к руководству Красной армии, по предложению Ленина, придет Троцкий, оставивший пост наркома иностранных дел. 13 марта Совнарком примет соответствующие решения. Троцкий возглавит Наркомат по военным и морским делам и станет исполняющим обязанности председателя ВВС.


Революционеры Республики, но в какой мере не могу
отвечать за названное назначение.



Письмо И.В. Сталина В.И. Ленину по поводу тяжелого положения, создавшегося на Царицынском фронте вследствие увольнения из командования 10-й армии старых, опытных военных работников, и необходимости принять строгие меры для предотвращения потери Царицына и линии Астрахань — Саратов, с протестом против назначения Окулова членом Реввоенсовета Республики

3 января 1919

Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24231. Л. 1–2]

Высший военный совет просуществует недолго — до создания Реввоенсовета Республики, который объединит функции Совета и Наркомата по военным и морским делам. Создание РВС не решит всех проблем управления. В институциональной мешанине коллегиальность управления, обсуждение приказов вышестоящего руководства — норма, а не отклонение от нее. Например, накануне отстранения от должности первого главкома И.И. Вацетиса в июне 1919 г., его приказ о приостановке наступления войск Восточного фронта будет опротестован нижестоящими командирами, протест будет направлен в центр членами Реввоенсовета фронта. Так что столкновение Троцкого и Сталина в царицынской эпопее — в значительной мере результат институциональной притирки шестеренок механизма большевистского управления, создававшегося на ходу и на скорую руку. «Мы должны были сплошь и рядом идти ощупью… нащупывая, пробуя, каким путем при данной обстановке может быть решена задача, — так

отрефлексирует Ленин эту проблему. — А задача стояла ясно — без вооруженной защиты социалистической республики мы существовать не могли»[276]. Так что слишком многие межличностные столкновения в основе своей, особенно на первом этапе развертывания большевистской революции, предопределялись нерасчлененностью управленческих функций, неструктурированностью органов управления и прочими институциональными проблемами.

Возвращаясь к осени 1918 г., подчеркнем, что царицынская эпопея не должна рассматриваться как поражение Сталина. Об одобрении Лениным сталинских чисток в Царицыне мы уже писали выше. Ленинская поддержка проявилась и в аппаратных решениях. Помимо назначения Сталина в состав РВСР, по возвращении с Юга, 13 ноября он избирается членом Президиума ВЦИК РСФСР 6-го созыва — номинально высшего органа государственного управления Советской России. Состояться это избрание могло только при поддержке Ленина, поскольку со времен совместного проживания в сибирской ссылке ни о дружбе, ни о товарищеском сотрудничестве между Сталиным и Свердловым и речи идти не могло.

Сталин между тем продолжал рваться к военному руководству. 22 ноября Ленин получит докладную записку от командующего войск Курского направления В.А. Антонова-Овсеенко. «Советнарком и по его указанию Реввоенсовет решили, — напишет он, — немедленно приступить к активным операциям на Украине. 17 ноября оформился Совет Украинского фронта, замаскированно названный Советом Группы курского направления. Его состав: я, т. Сталин, т. Затонский». Завершая письмо, Антонов-Овсеенко заявит: «…я решил идти вперед. Сейчас можно голыми (да дерзскими) руками взять то, что потом придется брать лбом»[277]. Сегодня уже трудно сказать, сам ли Антонов дозрел до мысли «освобождать» Украину от «радовцев», «гетманцев», «добровольцев» и казаков или его в этом намерении подогрел Сталин. Так или иначе, но Ленин не позволит возникнуть еще одному очагу самостийности в сфере военного управления. 30 ноября ВЦИК примет постановление о создании чрезвычайного органа управления — Совета рабочей и крестьянской обороны (СРКО). Председателем станет Ленин, а в его состав из шести человек войдут в том числе Троцкий в качестве председателя РВСР и Сталин как представитель ВЦИК. Показательно, что на долю руководителя ВЦИК, не приглашенного работать в «органе чрезвычайной военной диктатуры», как назовет Совет Обороны сам Свердлов, Ленин решит оставить главным образом представительские функции. Несмотря на подчеркнуто скромный статус нового органа управления («Совету принадлежит согласование и усиление деятельности ведомств в области обеспечения обороны страны и хозяйственного строительства») в реальности СРКО становился высшим органом управления, подминая под себя и ВЦИК, и Реввоенсовет Республики, низведенный до уровня одного из многих

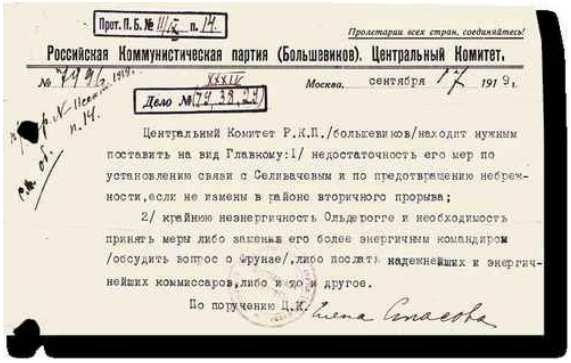
наркоматов/ведомств. Сталин, вошедший в состав СРКО в качестве представителя ВЦИК, ни разу не отчитается о проделанной работе перед «высшим» органом государственного управления. Уже на первом заседании СРКО 1 декабря 1918 г. неожиданно для многих, и в первую очередь для Троцкого, Сталин выдвинется на авансцену в роли фактического заместителя Ленина. В принятой процедуре подписания постановлений Совета будет установлено, что они подписываются председателем, т. е. Лениным. А вот «постановления комиссий, назначаемых Советом Обороны, подписанные тт. Лениным, Сталиным и представителем соответствующего ведомства, имеют силу постановлений Совета Обороны». Очевидно, что Ленин таким образом обеспечивал возможность решения всех вопросов в соответствии со своими представлениями с помощью Сталина, который и был введен в состав СРКО, вероятно, в качестве противовеса Троцкому.

В политике «сдержек и противовесов» Ленин будет балансировать не столько институты управления по причине зародышевой фазы их развития, сколько персон из своего окружения, претендовавших на лидерство. Впоследствии он не раз выразит поддержку деятельности Троцкого на посту председателя РВС, причем с ленинской позицией будет принужден солидаризоваться и Сталин. Так, например, произойдет 5 июля 1919 г., когда Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) примут постановление по поводу заявления Троцкого об отставке: «Твердо убежденные, что отставка т. Троцкого в настоящий момент абсолютно невозможна и была бы величайшим вредом для Республики, Орг- и Политбюро настоятельно предлагают тов. Троцкому не возбуждать более этого вопроса». Сталин проголосует за это решение вместе с Лениным, Каменевым, Калининым и другими. Однако в лице Сталина Ленин получит хороший инструмент воздействия на военных. В сентябре 1919 г. он направит в РВСР письмо, в котором, в частности, сообщит: «Политбюро поручает т. Сталину переговорить с Главкомом и поставить ему на вид недостаточность его мер… по предотвращению подозрительной небрежности, если не измены, в районе вторичного прорыва»[278].

Очевиден демонстративный характер этой меры, когда Ленин фактически следует «сталинской» модели управления, вторгаясь в военную сферу со стороны органа не военного или государственного, но политического управления и поручая сделать это явному антагонисту адресатов своего письма, первым из которых назван Троцкий.

В составе Совета Обороны Сталин будет куда более заметен, чем в работе РВСР. Из девяти заседаний, которые состоятся в декабре 1918 г., Сталин примет участие в восьми, сделает семь докладов. А главное, Ленин продемонстрирует амбициозным Свердлову и Троцкому наличие в своем арсенале средств аппаратной борьбы надежного бойца — Сталина. Совет Обороны начнет утрачивать политические функции в

связи с созданием весной 1919 г. Политбюро ЦК РКП(б)[279]. СРКО все более станет приобретать черты надведомственного хозяйственного органа. Все чаще направляемый в командировки Сталин 17 октября 1919 г. постановлением Президиума ВЦИК выведен из Совета, а его место займет В.А. Аванесов.



Прот. П. Б. № 11/5 п. 14.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Российская Коммунистическая партия (Большевиков). Центральный Комитет.

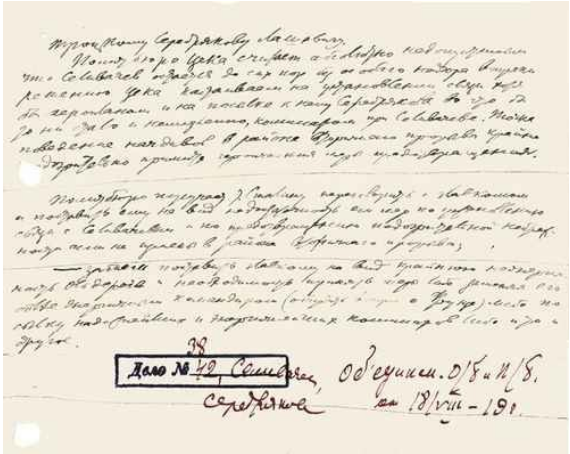
№ 7996 XXXIV Москва, сентября 17 1919 г.

Дело № 79, 38, 22

Центральный Комитет Р.К.П./большевиков/находит нужным поставить на вид Главкому: 1/ недостаточность его мер по установлению связи с Селивачевым и по предотвращению небрежности, если не измены в районе вторичного прорыва;

2/ крайнюю неэнергичность Ольдерогге и необходимость принять меры либо заменив его более энергичным командиром /обсудить вопрос о Фрунзе/, либо послать надежнейших и энергичнейших коммиссаров, либо и то и другое.

По поручению Ц.К. Елена Стасова



Троцкому Серебрякову Лашевичу

Политбюро Цека считает абсолютно недопустимым что Селивачев отдается до сих пор из особого недоверия [illegible] решению Цека [illegible] на установлении связи [illegible] на посылке к нему Серебрякова [illegible] комиссаром при Селивачеве. [illegible] поведение [illegible] в районе Фрунзе [illegible] прорыва [illegible] предотвращения.

Политбюро поручает т. Сталину переговорить с главкомом и поставить ему на вид недостаточность его мер по установлению связи с Селивачевым и по предотвращению недопустимой небрежности если не измены в районе вторичного прорыва;

— [illegible] поставить главкому на вид крайнюю неэнергичность Ольдерогге и необходимость принять меры либо заменив его более энергичным командиром (обсудить вопрос о Фрунзе) либо посылку надежнейших и энергичнейших коммиссаров либо и то и другое.

Дело № 38, 42, Селивачев, Серебрякова

Об'единен. О/8 и П/8. от 18/VIII-19 г.

Телеграмма В.И. Ленина от имени Политбюро ЦК РКП(б) Л.Д. Троцкому, Л.П. Серебрякову и М.М. Лашевичу о необходимости установления связи с В.И. Селивачевым и посылке к нему в качестве комиссара Л.П. Серебрякова, о поручении И.В. Сталину переговорить с главкомом, поставить ему на вид недостаточность мер по установлению связи с В.И. Селивачевым и неэнергичность В.А. Ольдерогге с приложением постановления ЦК РКП(б) от 11 сентября 1919 года

18 августа 1919

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25052. Л. 1, 2]

* * *

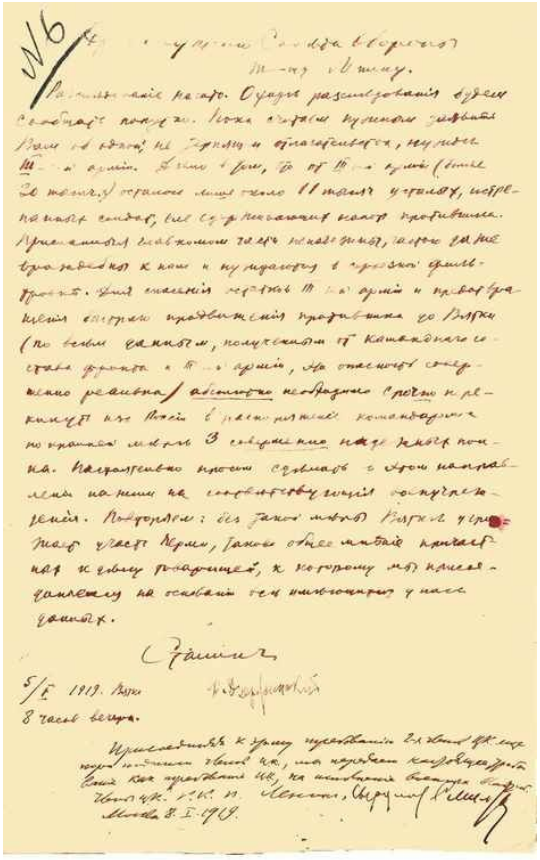
Еще одним важнейшим эпизодом станет участие Сталина в работе выездной комиссии Совета Обороны вместе с Ф.Э. Дзержинским для выяснения причин сдачи Перми и принятия мер к восстановлению партийной и советской работы в районе II и III армий Восточного фронта. Комиссия была создана 1 января 1919 г., 5-го Сталин и Дзержинский уже прибыли в Вятку. В этой командировке они пробудут до конца января 1919 г., поскольку Ленин своей телеграммой от 11 января потребует, чтобы они «оба остались до полного упорядочения всех дел. Это, — подчеркнет вождь, — безусловно необходимо». Через три дня он повторит свое требование: «…очень прошу вас обоих лично руководить исполнением намеченных мер на месте, ибо иначе нет гарантии успеха»[280]. Приступив в расследованию, они направят письмо Ленину, доклад, а затем и обстоятельный отчет[281].

Отчет этот практически не затрагивал вонных аспектов пермской катастрофы, внимание его авторов сконцентрировалось на вопросах работы тыла, деятельности государственных органов, лояльности управленцев и т. д. Свой отчет от 31 января 1919 г. Сталин и Дзержинский завершат рекомендацией о необходимости создания контрольно-ревизионной комиссии при Совете Обороны[282]. Именно эта «ревизующая» функция, так успешно, по мнению Ленина, реализованная Сталиным в Царицыне и под Пермью, станет его визитной карточкой. Вероятно, именно отсюда и родится идея поставить Сталина во главе реорганизуемого Госконтроля, о чем было рассказано выше.

* * *

Весной 1919 г. партию большевиков сотрясут дебаты, начатые так называемой военной оппозицией. В публичное партийное пространство они выплеснутся на VIII съезде РКП(б), который пройдет с 18 по 23 марта в Москве. Главной темой станет обсуждение новой программы партии. Другим важнейшим вопросом — военный. С докладом о военном положении и военной политике выступил Г.Я. Сокольников. Он подчеркнул: «В нашей армии находятся сейчас уже не единицы, и не десятки, и не сотни, а десятки тысяч военных специалистов, десятки тысяч военных работников старой армии… Выяснилось, что там, где военные специалисты были привлечены, где была проведена реорганизация партизанской армии в армию регулярную, там была достигнута устойчивость фронта, там был достигнут военный успех». Отвечая тем, кто выступал за выборность командного состава, он заметил: «Мы были за выборность, когда мы восстановляли солдат

против верхов, которые служили царскому, помещичьему и буржуазному режиму… Теперь, при режиме пролетарской диктатуры, отменять тот командный состав, который назначен ей, значило бы выносить вотум недоверия этой власти». Специально Сокольников выскажется против вмешательства местных партийных органов в руководство военными операциями. «При таком положении мы имели бы совершенно нежелательным последствием то, что произошло бы раздробление, единое строительство нарушилось бы, и каждая часть армии была бы в действительности в руках местных организаций коммунистов, а не в руках Коммунистической партии как целого, а не в руках СНК и выделяемых военных органов. Против этой тенденции приходится бороться». С содокладом будет предоставлена возможность выступить оппоненту Сокольникова члену РВС 5-й армии И.Н. Смирнову. Соглашаясь в целом с тем, что «специалисты нам безусловно нужны», он будет настаивать на расширении полномочий членов Реввоенсоветов: «…командующему армией, фронтом и т. д. предоставляется управление армией, политическому же комиссару предоставляется лишь право в отдельных случаях отменить решение командующего армией или фронтом, сообщая о каждом таком случае в высшее учреждение. В вопросах оперативных они не имеют права делать даже этого. Такое положение совершенно не оправдывается нашим опытом». Смирнов, таким образом, озвучит коллизию, которая так ярко проявится на самом верхнем уровне политико-военного управления в «царицынском казусе»[283]. В поддержку позиции Смирнова будет выступать ряд партийных деятелей, включая близкого к Сталину Ворошилова. Сам Сталин сочтет необходимым солидаризоваться с линией Ленина и Троцкого, озвученной Сокольниковым. Впрочем, сделано это будет в самой общей форме: «Все вопросы, затронутые здесь, сводятся к одному: быть или не быть в России строго дисциплинированной регулярной армии. Ряд бунтов в тылу, на фронтах, ряд эксцессов на фронтах показывают, что непролетарские элементы, составляющие большинство нашей армии, драться добровольно за коммунизм не хотят. Отсюда наша задача — эти элементы перевоспитать в духе железной дисциплины… заставить воевать за наше общее социалистическое дело и в ходе войны завершить строительство настоящей регулярной армии, единственно способной защищать страну. Так стоит вопрос… Проект, представленный Смирновым, неприемлем, так как он может лишь подорвать дисциплину в армии и исключает возможность создания регулярной армии»[284]. В конечном итоге после острых дебатов и в результате работы согласительной комиссии резолюция по военному вопросу на основе тезисов Сокольникова была принята практически единогласно, при одном воздержавшемся. Однако поиск компартией своего места в военном строительстве и руководстве военными операциями затянется надолго…



Письмо И.В. Сталина и Ф.Э. Дзержинского из Вятки В.И. Ленину о начале расследования причин падения Перми и о необходимости принятия срочных мер для предотвращения падения Вятки

5 января 1919

Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24233. Л. 1]

* * *

В Москве Сталин пробудет довольно коротко. 17 мая 1919 г. решением ЦК партии и Совета Обороны в связи с наступлением войск генерала Н.Н. Юденича и угрозой Петрограду Сталин будет направлен для участия в организации обороны «колыбели революции». Уже 20-го числа Ленин подтвердит не только получение датированных днем ранее двух записок Сталина о положении под Петроградом и мерах, необходимых, по его мнению, для укрепления фронта, но и ответной

телеграммой сообщит ему «о неослабном надзоре за исполнением» выработанных мер[285]. Через неделю Ленин направит Сталину еще одну телеграмму, демонстративно адресовав ее: «Петроград, Смольный. Зиновьеву для Сталина». Тем самым он, вероятно, выразил свою неудовлетворенность положением дел на вверенном участке работы одному из ближайших своих соратников — Г.Е. Зиновьеву, возглавлявшему в качестве секретаря Петроградское бюро ЦК и Совнарком Союза коммун Северной области. Уже первые строки этой телеграммы вполне объясняют смысл такой адресации. «Вся обстановка белогвардейского наступления на Петроград заставляет предполагать наличность в нашем тылу, а может быть и на самом фронте, организованного предательства». Именно Сталину Ленин поручит «обратить усиленное внимание на эти обстоятельства, принять экстренные меры для раскрытия заговоров»[286]. Еще одну телеграмму аналогичного содержания Ленин направит с такой же адресацией в Петроград в самом конце мая. На этот раз одна из претензий будет уже прямо касаться самого Зиновьева, а не только положения дел на вверенном ему участке работы. Ленин решит изложить ряд претензий, оформив их в виде слухов. «Про Питер говорят, — телеграфировал он, — …что командарм 7-й не в своем штабе, а при Зиновьеве, превращен в адъютанта Зиновьева, оторван от своего штаба, чем приносит вред делу, усиливается хаос и паника»[287]. Зиновьеву предстояло правильно осмыслить эти рекомендации. Сталин решит вступиться за своего будущего непримиримого врага. Ведь в те месяцы, видимо, акивно формировался неформальный «союз» этих деятелей, во многом благодаря которому в начале двадцатых Сталину удастся взойти на большевистский олимп. Уже 2 июня Ленин отреагирует на сообщение Сталина, телеграфировав тому: «Рад, что сообщенное мне оказалось неверным». И эту телеграмму Ленин демонстративно адресует «Зиновьеву для Сталина»[288]. Теперь Зиновьев мог вздохнуть спокойно, гроза прошла стороной. 3 июня Зиновьев вновь получит ленинскую телеграмму для передачи Сталину, а начиная с 5 июня свои телеграммы Ленин станет адресовать им обоим — «Сталину, Зиновьеву».

В эти же дни Сталину удастся одержать маленькую аппаратную победу над Троцким, свидетельством которой следует считать телеграмму, которую он получит 4 июня от Ленина. «Ввиду конфликта, по крайней мере нарастающего, — сообщит Ильич, — между всеми питерскими цекистами и Окуловым, признавая максимум сплоченности в питерской военной работе и необходимость быстрой победы на этом фронте, Политбюро и Оргбюро ЦК постановляют временно отозвать Окулова и направить его в распоряжение Троцкого»[289]. Складывающийся альянс Сталина и Зиновьева «выдавил» с подконтрольной территории члена РВС Западного фронта, представлявшего РВСР, того самого Окулова, который доставил

Сталину много хлопот в царицынский период его противостояния с Троцким. Причем Ленину, судя по всему, стоило немалых усилий провести это решение. Всего лишь сутками ранее, в своей телеграмме Сталину он будет настаивать: «Надо, чтобы конфликт с Окуловым не разросся. Обдумайте хорошенько, ибо просто отозвать его нельзя»[290]. Существо конфликта явно напомнило Ленину царицынский казус. Окулов будет требовать полного подчинения 7-й армии, оборонявшей Петроградский округ, командованию Западного фронта, в который она формально входила, и будет докладывать в центр о ее оторванности, «что вносит путанницу и снимает ответственность с работников фронта, лишает их энергии в работе». Причем Ленин, сообщая «питерским цекистам» о требованиях Окулова, не преминет подчеркнуть свою готовность признать это требование справедливым. «Зная постоянную склонность Питера к самостийности, думаю, что Вы должны помочь Реввоенсовету фронта объединить все армии»[291]. Это была не просто личная победа Сталина над Троцким. Верх одержал подход, который предусматривал главенствующую роль политического руководства в решении военно-стратегических и оперативных вопросов. Причем не только Зиновьев, но и Ленин не был чужд именно такого взгляда на вопросы управления. Именно Сталину он будет направлять свои указания, касающиеся военной стороны разворачивавшихся событий[292].

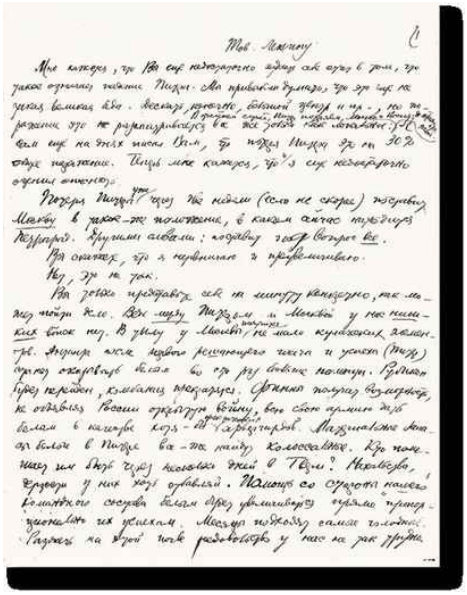
Судя по характеру конкретных ленинских поручений, некоторые из которых процитированы выше, в деле раскрытия «заговоров» Сталину уже тогда не было равных на большевистском олимпе. Как видим, однако, не он один отдал дань уважения этой субкультуре. Но если по этой части соревноваться с ним мог, вероятно, только Дзержинский, то в отношении дел собственно военных восприятие Лениным компетенций Сталина выглядело несколько иначе. 13 июня на фортах Красная Горка и Серая Лошадь под Петроградом, возникает контрреволюционный мятеж, справиться с которым стоило большевикам немалых усилий. Сталин и Ленин будут находиться в постоянной переписке по этому вопросу, как и по другим вопросам положения дел на этом фронте, минуя РВСР и Троцкого. 16 июня Сталин в бравурном тоне отрапортует Ленину о завершении операции по подавлению мятежа. «Вслед за Красной Горкой ликвидирована Серая Лошадь, — напишет Сталин. — Морские специалисты уверяют, что взятие Красной Горки с моря опрокидывает морскую науку. Быстрое взятие Горки объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела, доходившим до отмены приказов по морю и суше и навязывания своих собственных. Считаю своим долгом заявить, что я и впредь буду действовать таким образом, несмотря на все мое благоговение перед наукой». Судя по всему, Сталин все не мог никак забыть свой царицынский конфликт с Троцким и военным командованием РВСР, подчеркивая определяющее значение

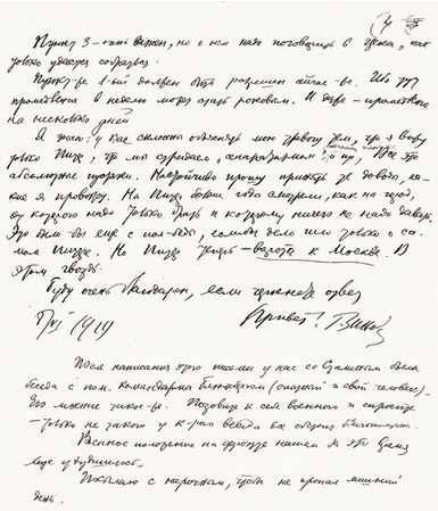
решений, принятых под Петроградом не военными, а штатскими специалистами. Но, повторимся, за этим примитивным, на первый взгляд, бахвальством кроется, конечно, институциональный конфликт. Партия в лице Сталина искала свое место в сфере военного управления. И постоянное общение признанного вождя революции со своим порученцем по военным вопросам лишь подчеркивает неслучайный характер этого конфликта. Получив эту телеграмму Сталина, Ленин сделает на ней несколько помет. Одна из них выглядела так: «??? Красная Горка взята с суши»[293].

Не приходится сомневаться, что Сталину была известна реальная картина военных действий по подавлению мятежа. Судя по всему, его вкладом в «оперативное искусство» стала рекомендация усилить бомбардировки восставших фортов с моря, что отнюдь не подменяло военной операции на суше. Впрочем, военные и без его подсказок знали, что надо делать. Командующий Западным фронтом Надежный со ссылкой на приказ Главнокомандующего, издаст приказ командованию 7-й армии «направить на Красную Горку огонь всей артиллерии Кронштадта и флота и принять меры к овладению Красной Горкой»[294]. Злую шутку со Сталиным сыграет его желание продемонстрировать собственные военные компетенции и наивная уверенность, что его депеши являются для Ленина единственным и/или главным источником информации. Впрочем, Сталин быстро «протрезвеет» и в пространной беседе с корреспондентом «Правды» 8 июня, призванной в том числе зафиксировать его роль в событиях на Петроградском фронте, он будет уже говорить о мощном ударе «балтийских моряков с моря и с суши»[295]. Но если военные компетенции Сталина могли вызывать у Ленина вопросы, то его качества мобилизатора сомнений не вызывало. В момент ухудшения обстановки под Петроградом Ленин пошлет Сталину, уже назначенному членом РВС на Западный фронт, много говорящую телеграмму: «Все больше указаний на то, что Питер в крайней опасности… Не следует ли Вам лично провести там меры героические»[296].

Под Петроградом и в самом городе Сталин пробудет до возвращения в Москву 3 июля, а уже 5-го числа сразу после завершения работы пленума ЦК, который был отложен, кстати, до его и Зиновьева приезда из Петрограда, он назначается членом Реввоенсовета Западного фронта. Это назначение планировалось задолго до состоявшегося решения. Еще находясь в Петрограде, Сталин получит от Ленина 4 июня телеграмму, в которой вождь обратится к нему со специальной просьбой: «…прошу вас съездить в Запфронт, который страшно ослаблен насчет комиссаров. Абсолютно необходимо поддержать весь фронт в целом»[297]. Ослаблен Запфронт «насчет комиссаров», как мы помним, был отозванием из РВС фронта Окулова, бывшего для Сталина человеком из окружения Троцкого. Вплоть до 30 сентября Сталин пробудет на Запфронте членом РВС. Переписка с

центром не зафиксировала проявлений конфликтности во взаимоотношениях с новым командующим Запфронтом В.М. Гиттисом. Гиттис вступит в должность 22 июля, заменив на этом посту Д.Н. Надежного. Смену командующего инициирует Сталин, который 18 июля в телеграмме Ленину так отзовется о Надежном: «Командарм никуда не годится, только портит дело»[298]. Оборонительные задачи будут войсками фронта в целом успешно решены, что позволит Гиттису и Сталину уже в начале сентября поставить в задачу войскам фронта «возможно скорейший переход в решительное наступление на Житомир — Киев»[299]. Недолгое пребывание Сталина в этой должности объясняется минованием пика кризиса на этом направлении, но и, конечно, невысоким формальным статусом — одного из членов РВС фронта. Для дважды наркома, члена СРКО и члена ЦК РКП(б) это было явно маловато.



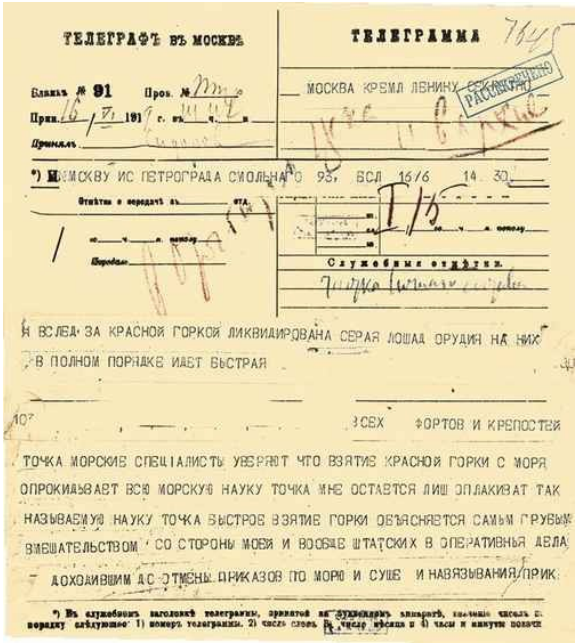


Письмо Г.Е. Зиновьева В.И. Ленину об угрозе Петрограду в связи с наступлением Н.Н. Юденича

8 июня 1919

Автограф Г.Е. Зиновьева

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24337. Л. 1–4]



ТЕЛЕГРАФЪ ВЪ МОСКВѢ

Бланкъ № 91 Проз. № 7

Прин. 16/VI 1919 г. въ 14 ч. 45 м.

Принялъ

ТЕЛЕГРАММА

МОСКВА КРЕМЛЬ ЛЕНИНУ

РАССЕКРЕЧЕНО

*) МОСКВУ ИЗ ПЕТРОГРАДА СИОЛЬНАЯ 93, БСЛ 1616 14 30

Отнести и передать въ ... ч. ... м.

Передан

Служебныя отмѣтки

И ВСЛЕДЪ ЗА КРАСНОЙ ГОРКОЙ ЛИКВИДИРОВАНА СЕРАЯ ЛОШАДЬ ОРУДИЯ НА НИХ В ПОЛНОМ ПОРЯДКѢ ИДЕТ БЫСТРАЯ

ВСЕХ ФОРТОВ И КРЕПОСТЕЙ

ТОЧКА МОРСКИЕ СПЕЦИАЛИСТЫ УВЕРЯЮТ ЧТО ВЗЯТИЕ КРАСНОЙ ГОРКИ С МОРЯ ОПРОКИДЫВАЕТ ВСЮ МОРСКУЮ НАУКУ ТОЧКА МНЕ ОСТАЕТСЯ ЛИШЬ ОПЛАКИВАТЬ ТАК НАЗЫВАЕМУЮ НАУКУ ТОЧКА БЫСТРОЕ ВЗЯТИЕ ГОРКИ ОБЪЯСНЯЕТСЯ САМЫМ ГРУБЫМ ВМЕШАТЕЛЬСТВОМ СО СТОРОНЫ МОЕЙ И ВООБЩЕ ШТАТСКИХ В ОПЕРАТИВНЫЯ ДЕЛА ДОХОДИВШИМ ДО ОТМЕНЫ ПРИКАЗОВ ПО МОРЮ И СУШЕ И НАВЯЗЫВАНИЯ ПРИК

*) Въ служебномъ заголовкѣ телеграммы, принятой на буквопечатномъ аппаратѣ, цифровые числа по порядку слѣдующе: 1) номеръ телеграммы, 2) число словъ, 3) число мѣсяца и 4) часы и минуты получи

Телеграмма И.В. Сталина из Петрограда В.И. Ленину в Москву о взятии частями Красной армии фортов «Красная Горка» и «Серая Лошадь» (часть телеграммы вырезана)

Москва. 16 июня 1919

Резолюция и надписи синим и красным карандашом — автограф В.И. Ленина

16 июня 1919
[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24212. Л. 1]

* * *

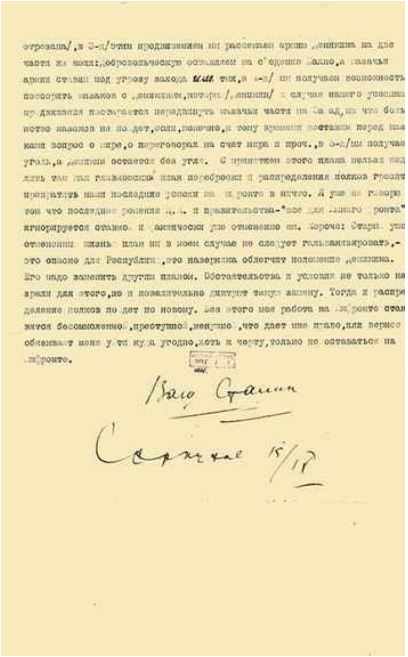
Еще один значимый эпизод не только биографии Сталина, но и советской версии истории Гражданской войны произойдет осенью 1919 г. К этому времени центр тяжести военного противоборства большевиков и их оппонентов сместился на юг, где продолжалось начатое летом наступление армий генерала А.И. Деникина, конечной целью которого было заявлено освобождение Москвы от большевиков.

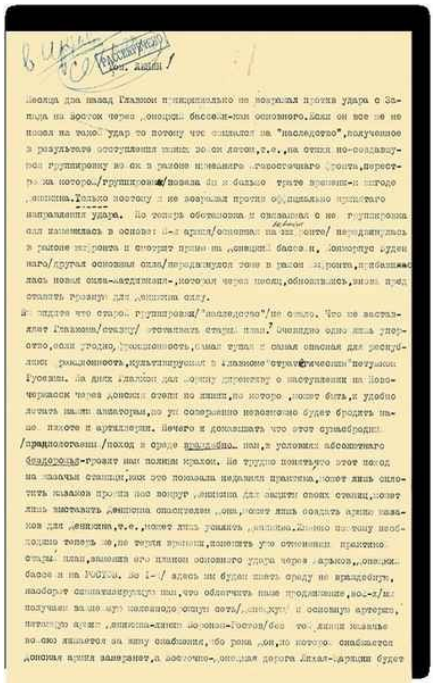
3 июля будет проведен пленум ЦК, на следующий день — объединенное заседание ВЦИК, Московского Совета, ВЦСПС. Пленум провел замену Главнокомандующего вооруженными силами. На место И.И. Вацетиса был назначен командующий Восточным фронтом С.С. Каменев, проведена реорганизация Реввоенсовета. В первые дни июля ЦК утвердил написанные Лениным тезисы «Все на борьбу с Деникиным!», которые опубликуют 9 июля как письмо ЦК РКП(б) к партийным организациям. 19 июля объединенное заседание Политбюро и Оргбюро приняло решение о мобилизации на фронт руководящих партийных и советских работников. В связи с наступлением Деникина главным становился Южный фронт. Ленин на постоянной основе станет взаимодействовать и с главным командованием Красной армией, и с Реввоенсоветом Южного фронта, которые готовили контрнаступление. Эти планы будут разбиты знаменитым рейдом кавалерийского корпуса генерала Мамонтова по тылам Южного фронта. 10 августа Мамонтов прорвет линию фронта, а 18-го захватит Тамбов. Несмотря на это, советские войска перейдут в наступление и на ряде участков фронта добьются некоторых успехов. Однако контрнаступление красных закончится неудачей. 7 сентября Мамонтов займет Усмань, а 19-го соединится с корпусом Шкуро юго-западнее Воронежа. Ухудшение обстановки вызывало все большее беспокойство Ленина. В одном из писем он укажет: «Вникая в письмо Склянского (о положении дел 15.X) и в итоги по сводкам, я убеждаюсь, что наш РВСР работает плохо. … Опоздание за опозданием. Опоздали войска, шедшие с севера на Воронеж, опоздали с перекидкой 21-й дивизии на юг, опоздали с автопулеметами. Опоздали с связью… видимо, наш РВСР «командует», не интересуясь, или не желая следить за исполнением. Если это общий наш грех, то в военном деле это прямо гибель»[300]. Судя по всему, у Ленина сформируются представления и о работе РВС Южного фронта. 16 августа он получит письмо от И.Т. Смилги, который подчеркнет: «Главная и основная причина наших неудач заключается в неумении

Реввоенсовета Южного фронта командовать и управлять войсками… Теперешний состав Реввоенсовета неработоспособен»[301]. Уже очень скоро это признание трансформируется в кадровые назначения.

Между тем белые 20-го захватили Курск и двинулись на Орел. 21-го Ленин созывает Пленум ЦК. На пленуме главком С.С. Каменев доложит план нанесения контрудара. Планы главного командования будут согласованы высшим политическим руководством. 26 сентября ЦК РКП(б) утвердил Сталина членом РВС Южного фронта. 27 сентября РВСР примет решение разделить Южный фронт, выделив из него Юго-Восточный. На основе рекомендации пленума будет принято решение о назначении нового командующего — будущего маршала А.И. Егорова. Ленин постоянно следил за переброской резервов на Южный фронт, который был признан на тот момент главным фронтом республики. Между тем деникинские части 13 октября захватили Орел. 14 октября Политбюро решит вызвать с Южного фронта членов РВС Сталина и Серебрякова. На следующий день состоится еще одно обстоятельное заседание. На нем было решено «Превратить Советскую Россию в военный лагерь», Тулы, Москвы и Петрограда не сдавать, подготовить в течение зимы общее наступление, организовать переброску сил на Южный фронт и для обороны Петроградского района, создать базы снабжения на Урале и в Туркестане. Юго-Восточному фронту предписывалось перейти к наступлению, не позволяя Деникину соединиться с уральскими казаками [302].

Дата 15 октября в советской историографии приобретет почти сакральное значение, поскольку в четвертом томе Сочинений Сталина, вышедшем в свет в 1947 г., будет опубликовано его письмо к Ленину, датированное этим днем[303].





Письмо И.В. Сталина В.И. Ленину с изложением плана разгрома А.И. Деникина

15 сентября 1919

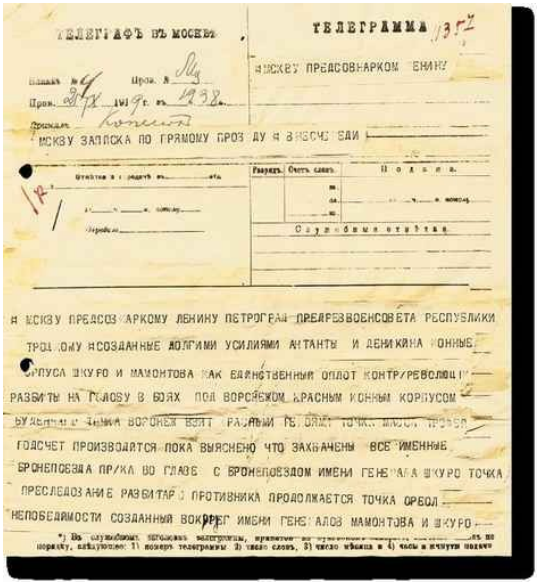
Подпись — автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11168. Л. 1–1 об.]

Впервые это письмо обнародует К.Е. Ворошилов, который в день пятидесятилетия Сталина опубликует в «Правде» пространную статью «Сталин и Красная армия», призванную возвеличить значение военной деятельности Сталина. В своей статье Ворошилов утверждал, что по этому плану Сталина был нанесен главный удар по деникинским войскам, в результате которого они были опрокинуты в Черное море, а частям Красной армии удалось занять Украину и Северный Кавказ. Через два года ворошиловскую интерпретацию событий осени 1919 г. поддержит бывший командюж Егоров, которого, однако, это не убережет от гибели в годы Большого террора. Сталинскому письму будет приписана роль плана по разгрому Деникина, реализация которого и привела в конечном итоге к успеху и спасению революции. Эта оценка до сегодняшнего дня продолжает воспроизводиться в некоторых сочинениях известной направленности [304].

Не имея возможности подробно разбирать всю эту историю, ограничимся лишь указанием на некоторые важные ее моменты. Рукой Сталина письмо датировано 15 сентября (15/IX). Как было указано уже довольно давно в историографии, датировать это письмо сентябрем Сталин не мог по объективным обстоятельствам: в это время он еще не был назначен членом РВС Южного фронта и не прибыл в Серпухов в штаб фронта, откуда оно было отправлено Ленину. Сталин совершил тогда, судя по всему, механическую описку, которая и даст возможность «придумать» нужную датировку и привязать его не к реальной дате 15 ноября (15/XI), а к 15 октября, когда еще можно было говорить об возможных изменениях оперативного плана Главного командования. Этим дело не ограничится, и с ведома Сталина будет совершена текстуальная подмена при публикации этой статьи Ворошиловым в 1929 г. и, затем, в Сочинениях в 1947 г. В этом письме Сталина говорится о том, что на днях Главком дал командующему Юго-Восточным фронтом Шорину директиву о наступлении из района Царицына через донские степи на Новороссийск, тогда как в оригинале этого письма речь шла о Новочеркасске[305]. Именно эта подмена и позволит связать письмо Сталина с оперативным планом Главного командования РККА[306]. План этот, кстати, был утвержден на Политбюро и какие бы то ни было изменения высшим политическим руководством по предложениям Сталина в него не вносились. На письме Сталина Ленин оставит резолюцию «В архив». Отсутствие поручений Ленина, как и следов рассмотрения этого письма органами партийного или военного руководства, говорит о том, что размышлениям Сталина по военно-стратегическим и оперативным вопросам Ленин большого значения не придаст и знакомить с ним никого из членов советского руководства не сочтет целесообразным. Массивы директив Главного командования и командования фронтов Красной армии (кстати говоря, опубликованные) не обнаруживают следов влияния размышлений

Сталина на процесс оперативного планирования операций военным командованием. Пространный и подробный характер письма Ленину и история с его публикацией явно указывают на стремление Сталина снискать военные лавры. На некоторое — недолгое — время ему действительно удалось превратить один из многих военных эпизодов в событие стратегического значения.


ТЕЛЕГРАФЪ ВЪ МОСКВѢ

ТЕЛЕГРАММА

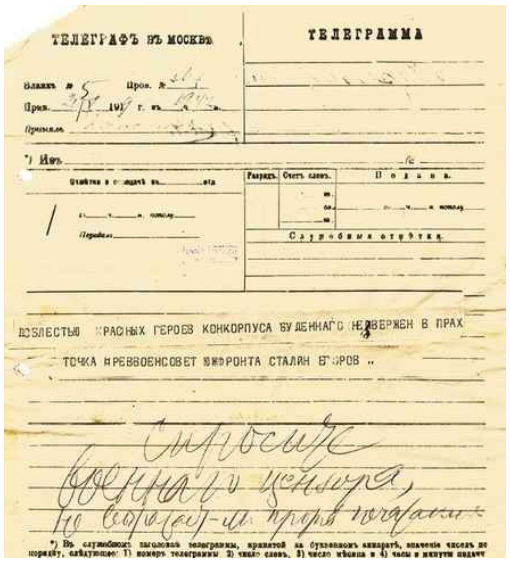
МОСКВУ ПРЕДСОВНАРКОМ ЛЕНИНУ

МОСКВУ ЗАПИСКА ПО ГРАМОМУ ПРОВОДУ ЯВИСЮ ЕДИ

Разрядъ. Счетъ словъ. Подпись.

Служебныя отмѣтки.

НА МОСКВУ ПРЕДСОВНАРКОМУ ЛЕНИНУ ПЕТРОГРАД ПРЕДРЕВВОЕНСОВЕТА РЕСПУБЛИКИ ТРОЦКОМУ НОСОЗДАННЫЕ ДОЛГИМИ УСИЛИЯМИ АНТАНТЫ И ДЕНИКИНА КОННЫЕ КОРПУСА ШКУРО И МАМОНТОВА КАК ЕДИНСТВЕННЫЙ ОПЛОТ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ РАЗБИТЫ НА ГОЛОВУ В БОЯХ ПОД ВОРОНЕЖОМ КРАСНЫМ КОННЫМ КОРПУСОМ БУДЕННОГО ЗАНЯТА ВОРОНЕЖ ВЗЯТ РАЗНЫМ ПЕХОТНЫМ ПОЛКОМ ПОДСЧЕТ ПРОИЗВОДИТСЯ ПОКА ВЫЯСНЕНО ЧТО ЗАХВАЧЕНЫ ВСЕ ИМЕННЫЕ БРОНЕПОЕЗДА ПРУКА ВО ГЛАВЕ С БРОНЕПОЕЗДОМ ИМЕНИ ГЕНЕРАЛА ШКУРО ТОЧКА ПРЕСЛЕДОВАНИЕ РАЗБИТАГО ПРОТИВНИКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ ТОЧКА ОРДОЛ НЕПОБЕДИМОСТИ СОЗДАННЫЙ ВОКРУГ ИМЕНИ ГЕНЕРАЛОВ МАМОНТОВА И ШКУРО


ТЕЛЕГРАФЪ ВЪ МОСКВѢ

ТЕЛЕГРАММА

Разрядъ. Счетъ словъ. Подпись.

Служебныя отмѣтки.

ДОБЛЕСТНЫЙ КРАСНЫХ ГЕРОЕВ КОНКОРПУСА БУДЕННАГО НЕ ЗАБЫВАЕМЫЙ В ПРАХ

ТОЧКА НРЕВВОЕНСОВЕТ ЮЖФРОНТА СТАЛИН ЕГОРОВ

Сняв с
военнаго цензора,
по второй-и прям почтами

*) Въ служебныхъ заголовкахъ телеграммъ, принятыхъ на буквопишущихъ аппаратахъ, значенія чиселъ по порядку, слѣдующимъ: 1) номеръ телеграммы 2) число словъ, 3) число мѣсяца и 4) часы и минуты подачи

Телеграмма И.В. Сталина и А.И. Егорова в Москву В.И. Ленину, в Петроград Л.Д. Троцкому с сообщением о разгроме конницей С.М.

Буденного конных корпусов А.Г. Шкуро и К.К. Мамонтова под Воронежем

25 октября 1919

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11508. Л. 1–2]

Как бы там ни было, но если Сталин и не сыграл заглавной роли в военных победах Красной армии над Деникиным, то свой вклад в организацию этих побед он внес. Не станет он упускать и возможностей лично информировать главу Советского государства об одерживаемых победах. Вполне возможно, что от него Ленин узнавал о них раньше, чем по линии РВСР. Так, об итогах разгрома конницей Буденного корпусов Шкуро и Мамонтова под Воронежем Сталин доложит Ленину телеграммой 25 октября 1919 г.[307]

Активное участие Сталина в военных событиях этого периода будет отмечено высшей наградой Советской Республики. 27 ноября 1919 г. постановлением ВЦИК от 20 ноября 1919 г. и в соответствии с приказом РВСР № 383 «В ознаменование всех заслуг по обороне Петрограда, а также самоотверженной его дальнейшей работы на Южном фронте» Сталин будет удостоен ордена Красного Знамени[308]. Одновременно со Сталиным свой орден Красного Знамени получит и Троцкий.

* * *

6 января 1920 г. директивой Главного командования Южный фронт переименовывается в Юго-Западный, членом РВС которого Сталин пробудет до января 1920 г. 13 января 1920 г. Сталин подпишет свой последний на посту члена РВС Юго-Западного фронта приказ — о воспрепятствовании отходу противника к портам Черного моря[309]. 15-го он возвращается из Курска в Москву. По возвращении с Юга Сталину недолго доведется пробыть в столице. Через пять дней на заседании Совнаркома он сделает сообщение о «Положении об Украинском совете трудовой армии». Подготовленный им проект Положения об Укрсовтрудармe будет утвержден, и Сталин возглавит в качестве председателя Украинский совет трудовой армии. Задачей Военно-трудового совета Украины (такое название первоначально предлагал Сталин) будет названо «максимальное усиление добычи продовольствия, топлива, сырья, установление трудовой дисциплины на предприятиях, снабжение предприятий рабочей силой»[310]. Поскольку проект Троцкого по созданию трудовых армий предусматривал использование на трудовом фронте воинских частей, Сталин выезжает 2 февраля обратно в Курск в штаб Юго-Западного фронта, а затем вместе со штабом и РВС перебирается в Харьков.

Здесь он вновь вовлекается в украинские дела. Так, с его участием разрабатывается постановление о милитаризации угольной промышленности Донбасса и снабжении рабочих предметами первой необходимости, которое он подписывает 20 февраля, проводит ряд совещаний с участием представителей украинского Совнаркома и других организаций по вопросам организации Украинской трудовой армии, продовольственного снабжения и, как уже было рассказано выше, помимо всего прочего, здесь он решает и вопросы об установлении границ Донецкой губернии в составе Украины. Реализации этого предложения Ленина сам Сталин придавал немалое значение, настолько, что он включил упоминание об этом в свою биографическую хронику, размещенную в томе 4 Сочинений, изданном при его прямом участии в 1947 г.[311] В марте Сталин примет участие в IV Всеукраинской конференции КП(б)У в Харькове, на которой выступит несколько раз по вопросам экономической политики и назовет главной задачей восстановление угольной промышленности. Здесь же его изберут делегатом IX съезда РКП(б) и в день закрытия конференции, произнеся заключительную речь, Сталин выезжает из Харькова в Москву. Несмотря на кратковременность пребывания в Харькове, и в данном случае не обойдется без конфликта Сталина с центром. 18 февраля Ленин отреагирует на доклад Сталина о положении дел на Украине и первых итогах деятельности Укрсовтрударма. Сталин, между прочим, уведомит Ленина о несогласии с распоряжением Главкома выделить из состава Украинской трудовой армии части для подкрепления фронта и попросит вызвать его в Москву для выяснения дела. Ленин подтвердит необходимость «протащить спешно подкрепления Кавказскому фронту»[312]. Членам Политбюро он сообщит, что «против вызова Сталина. Он придирается. Главком прав вполне: сначала надо победить Деникина, потом переходить на мирное положение. Предлагаю ответить Сталину: «Политбюро не может вызвать Вас сейчас, считая важнейшей и неотложной задачей побить до конца Деникина, для чего надо Вам ускорить подкрепления Кавфронту из всех сил»»[313]. На следующий день Ленин решит направить Сталину не постановление Политбюро, а собственную телеграмму, в которой постарается избежать директивного тона, подчеркивая, что положение на Кавказском фронте «приобретает все более серьезный характер... Примите исключительные меры для перевозок сорок второй и латышской дивизий и по усилению их боеспособности. Рассчитываю, — в заключение напишет Ленин, — что «оценивая общую обстановку, Вы разовьете всю вашу энергию и достигнете серьезных результатов»[314]. Сталин не поймет или не примет этой тональности. «Мне не ясно, — ответит он, — почему забота о Кавфронте ложится прежде всего на меня... Забота об укреплении Кавфронта лежит всецело на Реввоенсовете Республики, члены которого, по моим сведениям, вполне здоровы, а не на Сталине,

который и так перегружен работой»[315]. Ответ Ленина будет краток: «На вас ложится забота об ускорении подхода подкреплений с Юго-Запфронта на Кавфронт. Надо вообще помочь всячески, а не препираться о ведомственных компетенциях»[316].

В этом микроконфликте вновь, как в капле воды, отразились институциональные проблемы управления, осложненные особенностями характеров участников, их межличностных взаимоотношений. Капризность Сталина в его ответе Ленину, кажется, проступает вполне очевидно.

В Москве с 29 марта по 5 апреля Сталин принимает участие в работе съезда партии, избирается членом ЦК, а на заседании пленума 5 апреля — членом Оргбюро ЦК и Политбюро ЦК. Для Сталина это были важные решения. В годы Гражданской войны он, как мы видели, выполняет ряд поручений центральных органов управления, совершив несколько инспекционных поездок, связанных с контролем и управлением в военной и гражданской сферах, наведением порядка на местах. По этим причинам в 1919 г. из 51 заседания Политбюро он участвовал в 14, в 1920-м из 75 заседаний — в 33. Эта «выездная» активность Сталина резко контрастирует с кабинетным стилем его работы более позднего времени. Возможно, ответ на вопрос о причинах изменений, которые вскоре произойдут в содержании его активности, проливает один из документов Сталина, датируемый июнем 1918 г. По его прочтении складывается устойчивое впечатление, что Сталин чувствует себя отрезанным от информации, от процесса выработки и принятия политических решений. Такое положение дел вызывает его вполне понятное беспокойство и, вероятно, раздражение. «Я получаю ваши шифрованные телеграммы, но ключа к шифру не даете. Поймите же, что это ни с чем не сообразно», — напишет он в письме Ленину и Троцкому с Юга, где он находился в качестве «общего руководителя продольственного дела». И завершит это письмо Сталин риторическим вопросом, вряд ли рассчитывая получить на него ответ: «Почему не информируете меня о делах?»[317] Вероятно, этот опыт приведет его к выводу о крайней нежелательности долговременного отсутствия в центре принятия решений. Тем не менее мечта вернуться и осесть в Москве еще будет долго оставаться несбыточной.

Между тем начнет обостряться положение дел на западном стратегическом направлении из-за эскалации, предпринятой польским руководством, грезившем о Речи Посполитой от моря до моря.

«Польский» и «прибалтийский» вопросы международных отношений

Советско-польские отношения надолго станут важнейшим фактором развития событий на европейской арене. В августе 1918 г. Совнарком РСФСР, выполняя условия Брестского мира, своим декретом за подписью Ленина денонсировал все соглашения о разделах Речи Посполитой[318]. Вслед за поражением стран Четверного союза в Первой мировой войне, 16 ноября 1918 г. нотой Ю. Пилсудского мир будет оповещен о существовании независимой Польши. Москва в ноябре и декабре того же года будет дважды предлагать Варшаве установить дипломатические отношения. Неприятие идеологии и практики большевизма и, вероятно, далекоидущие геополитические намерения, предопределят отказ польской стороны от взаимодействия. Вместо ожидавшегося согласия 2 января 1919 г. польские жандармы расстреляют миссию Российского общества Красного Креста. Центральный комитет РОКК выразит официальный протест польскому правительству, Международному комитету Красного Креста в Женеве, всем комитетам обществ Красного Креста[319]. Так завязался еще один конфликтный узел на восточноевропейском пространстве.

В Варшаве мечтали о восстановлении Речи Посполитой в границах 1772 г. и в феврале 1919 г. польские войска предприняли наступление на восток, в ходе которого захватили большую часть Белоруссии и всю Западную Украину, оставленные германскими и австро-венгерскими войсками.

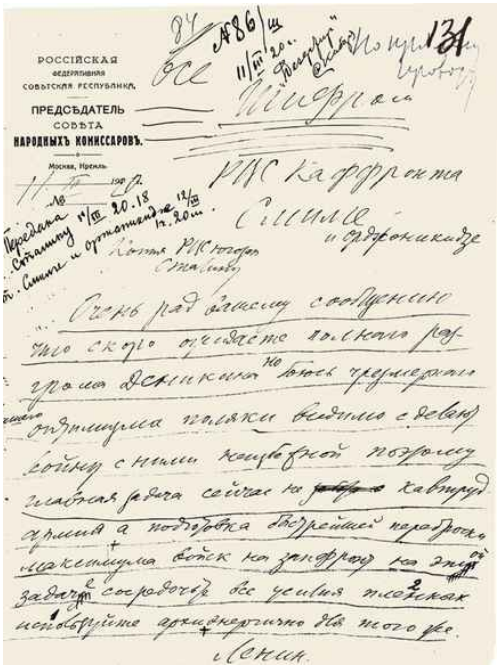
В январе 1920 г. СНК РСФСР вновь обратится с заявлением к правительству Польши и польскому народу о признании Советским правительством независимости и суверенности Польской Республики, с предложением разрешить спорные вопросы мирным путем. Несмотря на идеологические установки (лозунг «мировой революции»), советское руководство, будучи занято борьбой на внутренних фронтах Гражданской войны, не имело возможностей для советизации Польши и не рассматривало такую перспективу в качестве реальной.

14 февраля нарком иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерин направил Л.Д. Троцкому, Х.Г. Раковскому и И.В. Сталину шифровку. В ней он известит адресатов о ставшем ему известным сообщении о готовящемся договоре Польши с Петлюрой, которое «показывает, что Польша решила создать вассальную Петлюровскую Украину. На западе Петлюра популярен, ибо там думают, будто это есть угнетенный народ, борющийся против Московских завоевателей. Необходимо выбить это оружие из рук Польши…»[320] Таким средством Чичерин видел объявление «Украинским Красным Правительством» о своей независимости[321].

Ожидаемое предъявление Польшей заведомо невыполнимых условий Советской России заставит большевистское руководство экстренно усиливать Западный фронт, что отра-зит телеграмма В.И. Ленина Л.Д. Троцкому от 27 февраля 1920 г.[322] 11 марта Ленин пошлет телеграмму в Реввоенсовет Кавказского фронта И.Т. Смилге и Г.К.

Орджоникидзе, а также в РВС Юго-Западного фронта Сталину об угрозе войны с Польшей и необходимости быстрейшей переброски войск на Западный фронт[323].

21 и 24 апреля 1920 г. С. Петлюрой и Ю. Пилсудским в Варшаве были подписаны политическая и военная конвенции. Польша признавала «Директорию Независимой Украинской Республики во главе с главным атаманом п. Симоном Петлюрой за верховную власть УНР». В обмен на это Петлюра реализовал мечтания польских элит и признал Польское государство в границах 1772 г., т. е. до начала разделов Польши, и передал ей территории Галиции, значительную часть Волыни и Подолии[324]. Эти секретные соглашения дали Варшаве предлог для совместного с Петлюрой похода на восток в апреле 1920 г.


РОССІЙСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВѢТСКАЯ РЕСПУБЛИКА
ПРЕДСѢДАТЕЛЬ СОВѢТА НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ.
Москва, Кремль

Телеграмма В.И. Ленина в Революционный военный совет Кавказского фронта, И.Т. Смилге, Г.К. Орджоникидзе, И.В. Сталину об угрозе войны со стороны панской Польши и о необходимости в связи с этим быстрейшей переброски войск на Западный фронт

11 марта 1920

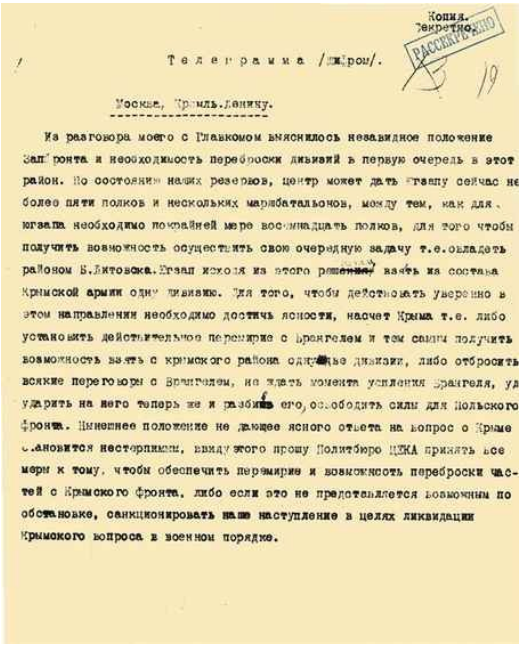
[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13238. Л. 1]

Симон Васильевич Петлюра
1920-е
[Из открытых источников]

Сталин становится одним из главных акторов разворачивающейся драмы. Именно ему адресует 9 мая предсовнаркома Украинской ССР Х.Г. Раковский пространную телеграмму о положении дел, поставив Ленина и Троцкого в копию[325].

После побед над Колчаком и Деникиным советское командование смогло перебросить на польский фронт основные силы, и, перейдя в контрнаступление, Красная армия отбросила польские войска на запад, несмотря на военно-техническую поддержку, которую Польша получила со стороны стран Западной Европы. Особую тревогу у военного руководства Советской России вызовет положение дел на Юго-Западном фронте. 20 мая председатель Реввоенсовета Республики Троцкий направит членам Политбюро телефонограмму о положении на фронте, в которой потребует: «Безусловно, необходимо немедленно выезд туда тов. Сталина. Прошу в этом смысле постановления Политбюро ЦК»[326]. Решение будет принято, и Сталин отправится в Кременчуг членом РВС, но фактически его возглавит. Видимо, не забывая об амбициозности Сталина, в телеграмме от 2 июня Ленин решит напомнить ему о постановлении Политбюро от 4 мая о приостановке военных действий в Крыму и на Кавказе: «Вы, конечно, помните, что по решению Политбюро наступление на Крым приостановлено впредь до нового решения Политбюро»[327]. На следующий день ответной телеграммой Сталин предложит либо установить перемирие с Врангелем и получить возможность взять с Крымского участка фронта одну-две дивизии для борьбы с поляками, либо «санкционировать наше наступление в целях ликвидации

крымского вопроса в военном порядке» и, разбив Врангеля, освободить силы для польского фронта. На обороте сталинской телеграммы Ленин напишет записку Троцкому: «Это явная утопия. Не слишком ли много жертв будет стоить? Уложим тьму наших солдат. Надо десять раз обдумать и примерить. Я предлагаю ответить Сталину: «Ваше предложение о наступлении на Крым так серьезно, что мы должны осведомиться и обдумать архиосторожно. Подождите нашего ответа»»[328].



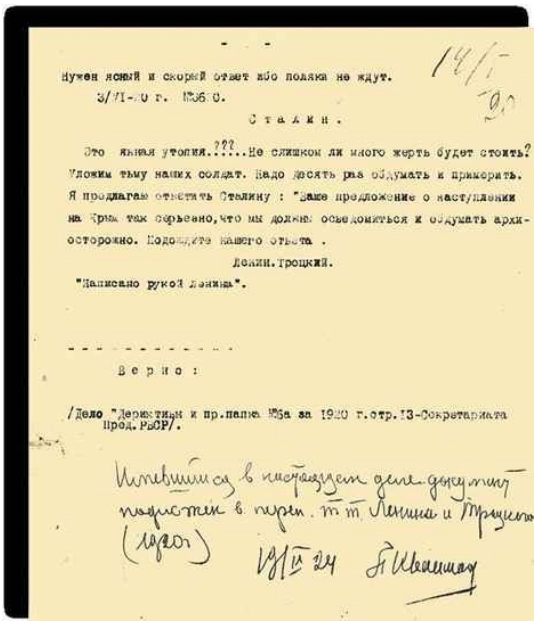
Копия.
Секретно.

РАССЕКРЕЧЕНО

Телеграмма /шифром/.

Москва, Кремль.Ленину.

На разговора моего с Главкомом выяснилось незавидное положение Зап.фронта и необходимость переброски дивизий в первую очередь в этот район. По состоянию наших резервов, центр может дать этапу сейчас не более пяти полков и нескольких маршбатальонов, между тем, как для этапа необходимо по крайней мере восемнадцать полков, для того чтобы получить возможность осуществить свою очередную задачу т.е.овладеть районом Б.Литовска. Этап исходя из этого решения взять из состава Крымской армии одну дивизию. Для того, чтобы действовать уверенно в этом направлении необходимо достичь ясности, насчет Крыма т.е. либо установить действительное перемирие с Врангелем и тем самым получить возможность взять с крымского района одну дивизию, либо отбросить всякие переговоры с Врангелем, не ждать момента усиления Врангеля, уд ударить на него теперь же и разбить его, освободить силы для Польского фронта. Именнее положение не дающее ясного ответа на вопрос о Криме становится нестерпимым, ввиду этого прошу Политбюро ЦККА принять все меры к тому, чтобы обеспечить перемирие и возможность переброски частей с Крымского фронта, либо если это не представляется возможным по обстановке, санкционировать наше наступление в целях ликвидации Крымского вопроса в военном порядке.



Нужен ясный и скорый ответ ибо поляки не ждут.

3/VI-20 г. №36 С.

Сталин.

Это явная утопия.???..Не слишком ли много жертв будет стоить? Уложим тьму наших солдат. Надо десять раз обдумать и примерить. Я предлагаю ответить Сталину : "Ваше предложение о наступлении на Крым так серьезно, что мы должны осведомиться и обдумать архиосторожно. Подождите нашего ответа .

Ленин. Троцкий.

"Написано рукой Ленина".

- - - - - - - - - - - -

Верно :

/Дело "Деркутины и пр.папка №6а за 1920 г.стр.13-Секретариата Пред.РВСР/.

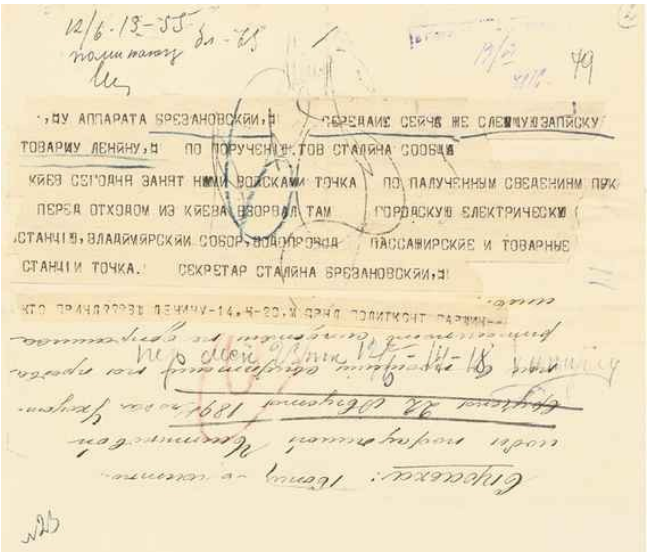
Имевшийся в настоящем деле документ подложен в перем. т.т. Ленина и Троцкого (1920 г.)

13/II 24

Телеграмма И.В. Сталина В.И. Ленину о неблагоприятном положении на Западном фронте и необходимости переброски дивизии с Крымского фронта с просьбой санкционировать наступление на Крымском фронте; ответная телеграмма В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого

3 июня 1920

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25074. Л. 1–2]



12/6-13-55

...У АППАРАТА БРЕЗАНОВСКИЙ, ПЕРЕДАЙТЕ СЕЙЧАС ЖЕ СЛЕДУЮЩУЮ ЗАПИСКУ ТОВАРИЩУ ЛЕНИНУ, ПО ПОРУЧЕНИЮ ТОВ СТАЛИНА СООБЩАЮ КИЕВ СЕГОДНЯ ЗАНЯТ НАШИМИ ВОЙСКАМИ ТОЧКА ПО ПАЛУЧЕННЫМ СВЕДЕНИЯМ ПРИ ПЕРЕД ОТХОДОМ ИЗ КИЕВА ВЗОРВАЛ ТАМ ГОРОДСКУЮ ЕЛЕКТРИЧЕСКУЮ СТАНЦИЮ, ВЛАДИМИРСКИЙ СОБОР, ПОДОПРОВОД ПАССАЖИРСКИЕ И ТОВАРНЫЕ СТАНЦИИ ТОЧКА. СЕКРЕТАР СТАЛИНА БРЕЗАНОВСКИЙ.

Телефонограмма И.В. Сталина Л.Д. Троцкому и В.И. Ленину о занятии Киева войсками Красной армии

12 июня 1920

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 1712. Л. 2]

Сталин ясно осознавал значение Крыма для Советской России. В проекте письма ЦК РКП(б) ко всем партийным организациям, написанном им в июле 1920 г., он подчеркнет: «Крым должен быть возвращен России во что бы то ни стало, ибо в противном случае, Украина и Кавказ всегда будут угрожаемы со стороны врагов Советской России» [329].

4 июня Сталин, видимо, рассчитывая продавить свое решение наступать на Крым и стать победителем Врангеля, сообщит Ленину о намерении Врангеля наступать одной группой войск на Херсон, а другую высадить в районе Одессы. Ленин вновь обратится к Троцкому — с поручением сообщить Главкому и затребовать его заключение. Троцкий решит подлить масла в огонь и обратит внимание Ленина, что обращение Сталина к нему, а не в Реввоенсовет, по такого рода вопросу нарушает установившийся порядок и что с этим предложением к Главкому должен был обратиться командующий Юго-Западным фронтом Егоров. Ленин нехотя согласится: «Не без каприза здесь, пожалуй…»[330]

В конечном итоге Югзапфронт сосредоточит свои усилия на киевском направлении и 12 июня секретарь Сталина Брезановский сообщит Ленину по прямому проводу о занятии частями Красной армии Киева[331].

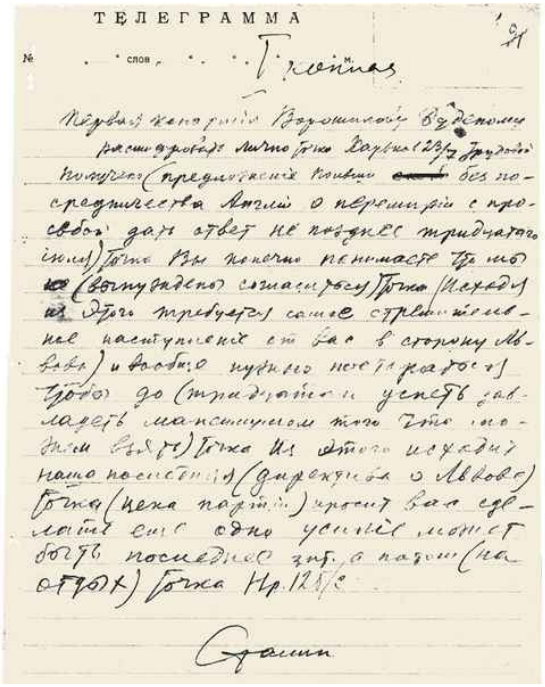
Вполне вероятно, что о такой значимой победе Сталин поручит сообщить Ленину своему секретарю вполне осознанно — с целью продемонстрировать вождю обиду из-за недооценки своих стратегических способностей.

Под влиянием военных успехов большевики начнут задумываться о расширении военной экспансии. 30 июня Ленин пошлет Сталину на станцию Синельниково телеграмму о решении Политбюро отклонить мирное предложение Румынии вопреки советам Троцкого и его — Сталина[332].

12 или 13 июля Ленин вновь свяжется со Сталиным и телефонограммой сообщит условия перемирия с Польшей и Врангелем, которые были изложены Советскому правительству в знаменитой ноте министра иностранных дел Великобритании лорда Керзона и запросит мнение Сталина по этому вопросу. При этом Ленин рекомендует ускорить наступление Юго-Западного фронта[333], очевидно, рассчитывая на улучшение советских позиций на переговорах в случае его успеха.

23 июля, находясь в Харькове, Сталин получит от Ленина телеграмму, в которой вождь большевиков, находясь в эйфории под влиянием успешного наступления Красной армии в Польше, сообщит: «Положение в Коминтерне превосходное. Зиновьев, Бухарин, а также и я думаем, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Мое

личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а может быть также Чехию и Румынию. Надо подумать внимательно»[334].



ТЕЛЕГРАММА

№ слов

Первая конарийа Ворошилову Буденному расшифровать лично точка Харьков 23/7 трудовой получено (предложение Польши без посредничества Англии о перемирии с просьбой дать ответ не позднее тридцатого июля) точка Вы конечно понимаете что мы (вынуждены согласиться) точка (исходя из этого требуется самое стремительное наступление от вас в сторону Львова) и вообще нужно постараться чтобы до (тридцатого) успеть завладеть максимумом того что можем взять) точка Из этого исходит наша последняя (директива о Львове) точка (цена партии) просит вас сделать еще одно усилие может быть последнее зат. а потом (на отдых) точка Нр. 125/с

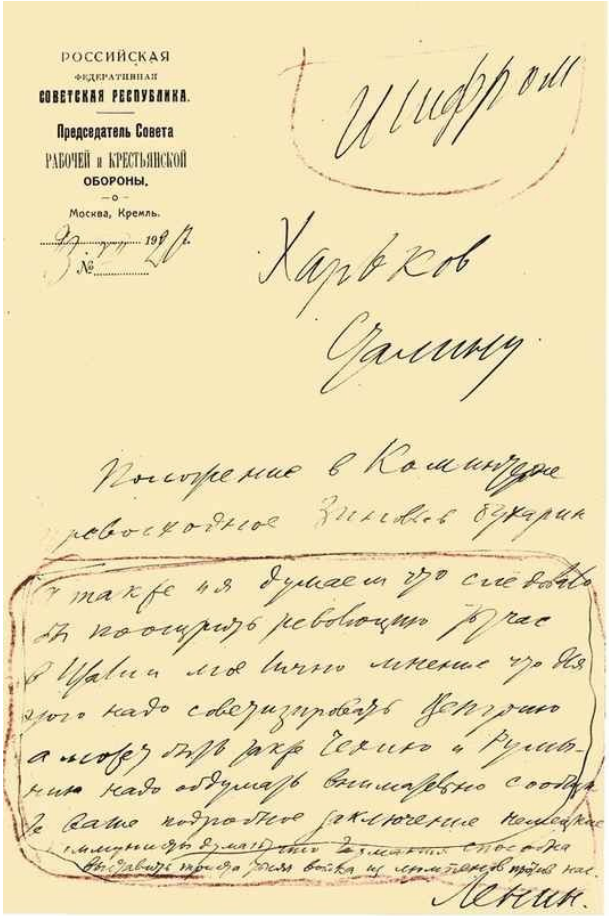
Сталин

Телеграмма И.В. Сталина К.Е. Ворошилову и С.М. Буденному о предложении Польши перемирия и о необходимости стремительного наступления до переговоров

23 июля 1920

Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5518. Л. 1]



РОССИЙСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.
Председатель Совета
РАБОЧЕЙ и КРЕСТЬЯНСКОЙ
ОБОРОНЫ.
Москва, Кремль.
23 июля 1920
№ 20

Шифром

Харьков
Сталину

Положение в Коминтерне
превосходное Зиновьев Бухарин

Также я думаем что следовало
бы поощрить революцию тут час
в Италии мое лично мнение что для
этого надо советизировать Венгрию
а может быть также Чехию и Румы-
нию надо обдумать внимательно сообщ-
те ваше подробное заключение немецкие
коммунисты думают что Германия способна
выставить против тысяч войск из лимитенов против нас.

Ленин.

Телеграмма В.И. Ленина И.В. Сталину в Харьков о положении дел в Коминтерне, о революции в Италии, о Германии, о советизации Венгрии, Чехии и Румынии

23 июля 1920

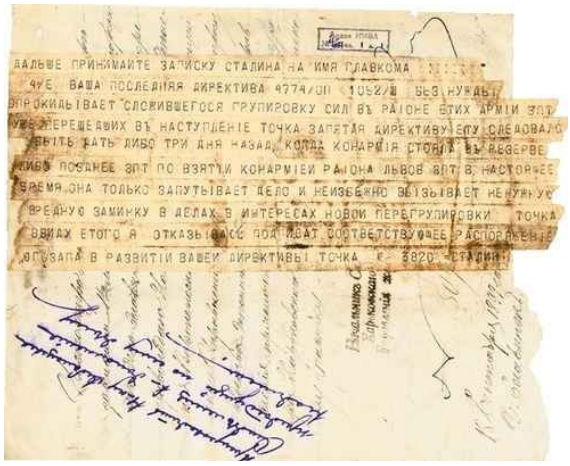
[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 348. Л. 1]

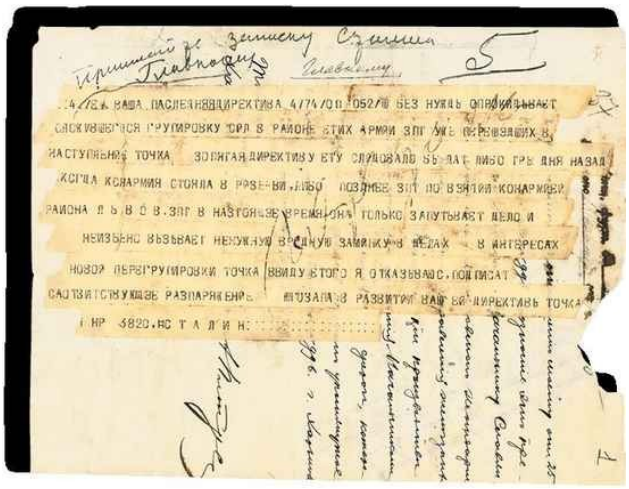
В тот же день, поддавшись охватившей большевистское руководство кратковременной эйфории, Сталин по прямому проводу сообщит руководству Первой конной армии о получении предложения Польши о перемирии и, со ссылкой на мнение ЦК партии, потребует организовать «самое стремительное наступление… в сторону Львова»[335].

Откликаясь на поручение Ленина сообщить ему «подробное заключение», уже на следующий день Сталин напишет ответное письмо, в котором сочтет необходимым прямо «поставить вопрос об организации восстания в Италии и в таких еще не окрепших государствах, как Венгрия, Чехия (Румынию придется разбить)». Сталинский оптимизм базировался на трех предпосылках: «Мы имеем Коминтерн, побежденную Польшу и более или менее сносную Красную

армию», — напишет он Ленину[336]. Это высказывание полностью соответствует букве и духу ленинских установок этого времени: «Надо прощупать красноармейским штыком, готова ли Польша к советской власти»[337].

Идеей разгрома Польши Сталин увлечется настолько, что отбросит даже мысль о возможности реализовать так увлекавшую его ранее идею стать победителем Врангеля. Ведь после наметившейся в конце июля перспективы переговоров с Польшей о перемирии Ленин 2 августа сообщит ему о решении Политбюро провести разделение Юго-Западного фронта, выделив из него Южный фронт и направить на него Сталина с тем, «чтобы Вы исключительно занялись Врангелем»[338]. Сталин с очевидным раздражением ответит: «Вашу записку о разделении фронтов получил, не следовало бы Политбюро заниматься пустяками». И тут же критически отзовется не только о политическом руководстве, но и военном, и внешнеполитическом: «Обещаниям Главкома не верю ни на минуту, он своими обещаниями только подводит. Что касается настроения ЦК в пользу мира с Польшей, нельзя не заметить, что наша дипломатия иногда очень удачно срывает результаты наших военных успехов»[339]. В заключение еще и попросит подыскать ему замену: «Нужен отдых». Обескураженный вождь будет вынужден оправдываться: «Наша дипломатия подчинена ЦК и никогда не сорвет наших успехов», «прошу сообщить, с какими обещаниями опаздывает Главком…»[340] Неоднократные в эти дни указания Ленина на необходимость ускорить ликвидацию Врангеля должного действия на Сталина не возымеют.

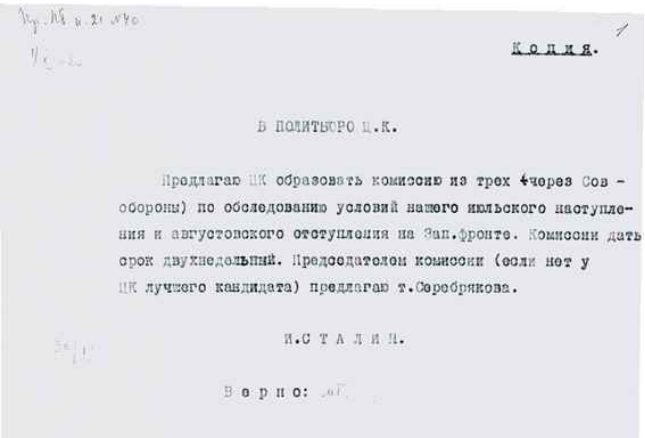

ДАЛЬШЕ ПРИНИМАЙТЕ ЗАПИСКУ СТАЛИНА НА ИМЯ ГЛАВКОМА
ЧУЕ. ВАША ПОСЛЕДНЯЯ ДИРЕКТИВА 4774/ОП 1052/Ш БЕЗ НУЖДЫ
ОПРОКИДЫВАЕТ СЛОЖИВШЕГОСЯ ГРУПИРОВКУ СИЛ ВЪ РАЙОНЕ ЕТИХ АРМІЙ ЗПТ
УЖЕ ПЕРЕШЕДШИХ ВЪ НАСТУПЛЕНІЕ ТОЧКА ЗАПЕТАЯ ДИРЕКТИВУ ЕСЛИ СЛЕДОВАЛО
БЫТЬ ДАТЬ ЛИБО ТРИ ДНЯ НАЗАД КОГДА КОНАРМІЯ СТОЯЛА ВЪ РЕЗЕРВЕ
ЛИБО ПОЗДНЕЕ ЗПТ ПО ВЗЯТІИ КОНАРМІЕЙ РАЙОНА ЛЬВОВ ЗПТ В НАСТОЯЩЕЕ
ВРЕМЯ ОНА ТОЛЬКО ЗАПУТЫВАЕТ ДЕЛО И НЕИЗБЕЖНО ВЕЗЫВАЕТ НЕНУЖНУЮ
ВРЕДНУЮ ЗАМИНКУ В ДЕЛАХ В ИНТЕРЕСАХ НОВОЙ ПЕРЕГРУПИРОВКИ ТОЧКА
ВВИДУ ЕТОГО Я ОТКАЗЫВАЮСЬ ПОДПИСАТ СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ РАСПОРЯЖЕНІЕ
ОПУЗАПА В РАЗВИТІИ ВАШЕЙ ДИРЕКТИВЫ ТОЧКА К 3820 СТАЛИН



Записка И.В. Сталина, отправленная по прямому проводу № 13820 Главкому, с отказом подписать распоряжение командующего Юго-Западным фронтом в развитие директивы Главкома № 4774/оп.

13 августа 1920

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4137. Л. 1–2]



Копия.

В ПОЛИТБЮРО Ц.К.

Предлагаю ЦК образовать комиссию из трех (через Сов - обороны) по обследованию условий нашего июльского наступления и августовского отступления на Зап.фронте. Комиссии дать срок двухнедельный. Председателем комиссии (если нет у ЦК лучшего кандидата) предлагаю т.Серебрякова.

И.СТАЛИН.

Верно:

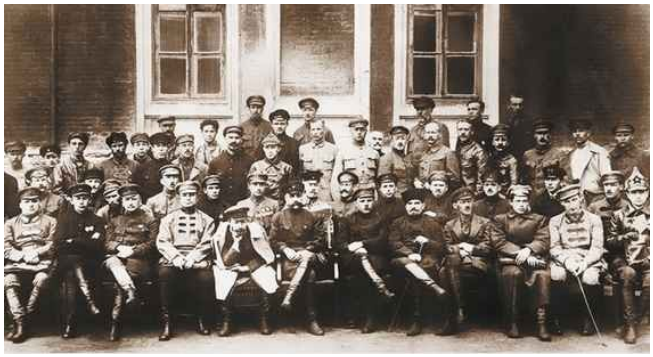
Записка И.В. Сталина в Политбюро ЦК РКП(б) с предложением образовать комиссию для разбора условий июльского наступления и августовского отступления наших войск на Западном фронте

30 августа 1920

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5213. Л. 1]

Наступление частей Красной армии в Польше, однако, скоро захлебнется. Сталину припишут отказ в критический момент своевременно подчиниться приказу РВСР о переброске сил фронта под Варшаву, что во многом и привело к поражению сил наступавшего Западного фронта под руководством М.Н. Тухачевского[341].

Этот эпизод, как и другие ошибки советского политического руководства и военного командования, стали предметом обсуждения в историографии еще в 1920-е гг. и продолжаются по сей день[342]. 26 августа Сталин напишет заявление с опровержением слухов о его причастности к задержке передачи 1-й Конной армии из состава Юго-Западного фронта Западному фронту[343]. После разбирательства в ЦК о причинах поражения[344] 30 августа 1920 г. Сталин направит в Политбюро записку с предложением образовать комиссию «по обследованию условий нашего июльского наступления и августовского отступления на Зап. фронте»[345].



Группа участников совещания командующих военными округами в Москве. Сидят слева направо: 3 — А.И. Корк, 4 — Н.Н. Петин, 5 — А.И. Егоров, 6 — М.В. Фрунзе, 7 — С.С. Каменев, 8 — К.Е. Ворошилов, 11 — И.Э. Якир, 12 — Д.А. Петровский, 13 — М.Н. Тухачевский

1922

[РГАСПИ. Ф. 75. Оп. 5. Д. 27]

1 сентября 1920 г. он подаст в отставку с военной работы. Демонстративно и провокационно, но с иным уровнем аппаратной подготовки он будет проделывать это в будущем еще не раз. В тот раз его заявление удовлетворят и выведут из состава Реввоенсовета Республики. Справедливости ради стоит отметить, что шантажировать соратников отставкой, добиваясь своего, грешили едва ли не все так называемые «вожди» большевизма, начиная с Ленина.

Возвращаясь к военной катастрофе РККА под Варшавой, следует сказать, что сегодня ряд историков основную вину за поражение под Варшавой возлагают не на Сталина, а на главное военное командование Красной армии, которое переоценило успехи своих войск и слабость противника. В ночь на 22 июля главнокомандующий РККА С.С. Каменев издал директиву о взятии войсками Западного фронта Варшавы не позднее 12 августа. Одновременно он дал согласие на

предложение Юго-Западного фронта перенести свой главный удар с брестского на львовское направление с тем, чтобы оказать поддержку Запфронту «ударом через Львов в тыл Варшаве». Главком утвердил этот план, совершив стратегическую ошибку. Теперь фронты станут наступать в расходящихся направлениях[346]. В начале августа Политбюро утвердит решение РВСР о передаче 12-й, 1-й Конной и 14-й армий Юго-Западного фронта Западному фронту. Но при этом в директивах наркома об организационных изменениях не будет сказано ни слова об изменении задач этих армий. Наступление в расходящихся направлениях и позволит польской армии нанести успешный контрудар, который приведет к разгрому частей советского Запфронта под Варшавой. 13 августа С.С. Каменев потребует от Юго-Западного фронта с 12 часов следующего дня передать 12-ю и 1-ю Конную армии в оперативное подчинение Запфронту. Дискуссия со Сталиным, возникшая в ходе переговоров по прямому проводу, привела к тому, что штаб 1-й Конной получил этот приказ только 14 августа, при этом новых задач армии поставлено не было, в чем Сталин не мог быть виноват по определению. 1-я Конная продолжит наступление на Львов вплоть до 19 августа и лишь 25 августа по приказу Главкома будет брошена в последнее советское наступление этой войны — в рейд на Замостье. А между тем 16 августа ударная группа Пилсудского перейдет в контрнаступление под Варшавой, которое вскоре и приведет к разгрому войск Запфронта. Становится ясно, что ошибка Сталина, вероятно, замешанная на личных амбициях, носила вторичный характер и, судя по всему, не была определяющей.

Неверная оценка ситуации на фронте привела к тому, что советские войска потерпели под Варшавой поражение. Лишь вновь оккупировав большую часть Белоруссии и всю Западную Украину, захватив Виленский край Литвы, Варшава согласилась на перемирие. В Польше эти события трактуются как «чудо на Висле», которое позволило «спасти Европу от большевизма». Однако сегодня очевидно, что не будь польской агрессии против ее восточных соседей, не состоялось бы и похода Красной армии в Польшу.

Истощение воюющих сторон способствовало началу мирных переговоров. Активизируются усилия лидеров стран Антанты, прямо или опосредованно выступавшими на стороне Польши в ходе всего конфликта. Ярким проявлением такой политики станет упоминавшаяся уже нота от 11 июля, направленная министром иностранных дел Великобритании Дж. Керзоном, которую он направит наркому иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерину относительно необходимости заключения перемирия между Советской Россией и Польшей, большевиками и Врангелем и восстановления мира в Восточной Европе. 17 августа в Минске начались мирные переговоры, закончившиеся подписанием 12 октября перемирия. Мирный договор будет подписан в Риге 18 марта 1921 г. между Польшей, с одной стороны, и РСФСР,

Советской Украиной и Советской Белоруссией — с другой. Таким образом, международно-правовым актом была не только вновь подтверждена международная субъектность РСФСР, но и зафиксирована субъектность советских республик Украины и Белоруссии.

Военное поражение принудило советскую сторону принять начертание советско-польской границы, практически совпавшее с восточной границей Речи Посполитой 1772 г. Польша получила половину территории нынешней Белоруссии и четверть современной Украины. Территориальные приобретения Польши по итогам польско-советской войны, унизительные для Советской России условия мира, огромная военная контрибуция, политика Польши на инкорпорированных территориях Украины, Белоруссии, Литвы заложили основу будущих конфликтов 20–40-х гг. XX в., включая события Второй мировой войны.

Для Сталина и советского политического и военного руководства Польша в межвоенный период станет главным потенциальным военным противником на Западном театре военных действий. Шлейф тотального неприятия сторонами друг друга, протянувшийся за этой войной, во многом предопределит события конца 1930-х гг., о которых еще предстоит рассказать.

* * *

Параллельно с польским вопросом и не менее конфликтно советское руководство решало «прибалтийский» вопрос. 2 февраля 1920 г. РСФСР подпишет свой первый мирный договор, завершивший тринадцатимесячную войну Советской России с Эстонской Республикой. В соответствии с этим договором Советская Россия признала «безоговорочно независимость и самостоятельность Эстонского государства». Этот договор продолжил череду «похабных» мирных договоров, подписанных большевистским руководством, серия которых начата самым известным из них — Брестским. По договору с Эстонией РСФСР отказалась от эстонской доли в общерусских долгах, передала Эстонии 15 млн руб. золотом и безвозмездно все корабли Российского флота, оказавшиеся к моменту подписания договора в руках Эстонии. Такой договор трудно признать победой советской дипломатии, как это делалось в советской историографии[347]. Скорее, он стал еще одним фактором, который способствовал формированию в советском руководстве реваншистских настроений, которые проявятся спустя два десятилетия. Уже 31 марта будет подписан и первый торговый договор, и Эстония станет перевалочной базой для внешней торговли Советской России, которая выйдет, таким образом, из торговой блокады.

Мирный договор с Литовской Республикой был подписан 12 июля 1920 г. в Москве. В соответствии с этим договором была юридически ликвидирована Литовско-Белорусская Советская Социалистическая Республика (Литбел), на востоке Литва получит территории, включившие в себя Гродно, Лида, Ошмяны и др., которые после «освободительного похода» Красной армии осенью 1939 г. войдут в состав Белорусской ССР. Советская сторона передаст Литве занятый 20 июля Вильнюс. Однако все эти территории после поражения Красной армии под Варшавой будут инкорпорированы в состав Польского государства. Едва ли не главной ценностью для Советской России были гарантии по сохранению Литвой нейтралитета в развернувшейся польско-советской войне. При этом секретным протоколом Красной армии предоставлялось право прохода в район Вильнюса. Польские власти небезосновательно будут рассматривать советско-литовский договор как антипольский [348].

11 августа 1920 г. в Риге был подписан мирный договор с Латвийской Республикой, согласно которому Советская Россия признавала «безоговорочно независимость, самостоятельность и суверенность Латвийского государства» и отказывалась «добровольно и на вечные времена от всяких суверенных прав, кои принадлежали России в отношении к латвийскому народу и земле»[349]. В соответствии с мирным договором РСФСР выплатила Латвии 4 млн руб. золотом (3096,9 кг), которые составляли основу золотого запаса страны, передала часть кораблей и имущество Балтийского флота, часть торговых судов, находившихся в территориальных водах Латвии. Кроме того, в состав Литовской Республики передавались территории из состава Витебской и Псковской губерний.

14 октября 1920 г. в Тарту (Эстония) был подписан мирный договор с Финляндией. Согласно этому договору Финляндии отошел незамерзающий порт Петсамо (Печенга), западная часть полуострова Рыбачий и большая часть полуострова Средний, все острова к западу от ограничительной линии в Баренцевом море, а Финляндия отказалась от территориальных претензий в Карелии. Морская граница в Финском заливе устанавливалась таким образом, что РСФСР лишалась выхода в международные воды. Финская сторона приняла на себя обязательства не строить артиллерийские сооружения, сектора обстрела которых выходили бы за пределы финских территориальных вод, обязалась демонтировать свои форты на Карельском перешейке. Тем не менее военная угроза Ленинграду со стороны Финляндии советским руководством расценивалась как реальная, поскольку государственная граница проходила всего в тридцати двух километрах от «колыбели большевистской революции» и крупнейшего экономического центра Советской России. Советско-финский договор не предусматривал выплату Советской Россией репараций, но, как покажет дальнейший ход исторических событий, это обстоятельство не станет для Сталина

причиной отказаться от реваншистских устремлений в отношении Финляндии.

В существовании независимых прибалтийских государств в этот исторический отрезок Сталин увидит и некоторые экономические выгоды. В одном из писем Ленину в конце ноября 1921 г. он напишет: «Что касается Латвии и Эстонии, то... будучи промежуточным звеном между Россией и Европой и связывая нас с последнею, входят в наш арсенал как неизбежные составные элементы, необходимые для восстановления хозяйства России (за что и платим этим государствам известную транзитную дань)...»[350]

Каждый из названных договоров воспринимался большевистским руководством как необходимая мирная передышка в борьбе за мировую революцию, временное отступление. Декларация наркома иностранных дел Чичерина о мирном сосуществовании двух систем, сделанная им по согласованию с Лениным в декабре 1919 г. на VII съезде Советов, пока отражала именно этот временный, переходный период текущего момента, а не принципиальную долговременную установку. Потому так легко большевики соглашались на территориальные уступки, выплату несообразных репараций. Уходя, они твердо рассчитывали вернуться...

«Признать необходимой... поездку Сталина на Кавказ»

Важнейшим направлением политики большевиков был Кавказ. Инструментом его советизации станет Кавказский краевой комитет большевистской партии, созданный в 1918 г., и его Кавбюро во главе с Г.К. Орджоникидзе. Два московских руководителя — Ленин и Сталин — станут адресатами его посланий. Именно через Сталина Орджоникидзе будет стараться проводить в 1920 г. свою линию на быструю советизацию республик Закавказья, объявивших в 1918 г. о своей независимости. Первоочередное внимание будет обращено к Грузии и Азербайджану, что определялось важностью бакинских нефтепромыслов и грузинских черноморских портов. 17 марта Ленин проинструктирует Орджоникидзе: «Взять Баку нам крайне, крайне необходимо. Все усилия направьте на это... То же относится к Грузии, хотя к ней относиться советую еще более осторожно...» [351]

Первым был советизирован Азербайджан, границу которого части Красной армии перешли 26 апреля. Наутро 28-го азербайджанский парламент, уступая предъявленному ультиматуму, объявил о самороспуске и передал власть коммунистам. Временный революционный комитет Азербайджана (Азревком) приступит к осуществлению властных полномочий, сформирует азербайджанский Совнарком и обратится в Москву с предложением «правительству

Российской Советской Республики вступить в братский союз для совместной борьбы с мировым империализмом и просит немедленно оказать реальную помощь путем присылки отрядов Красной Армии»[352].

Вслед за советизированным Азербайджаном на очередь встанут Грузия и Армения. В начале мая 1920 г. Орджоникидзе направит Сталину личное письмо. В нем он спросит, получена ли в Москве его и Кирова большая записка. «Имейте в виду, — подчеркнет Орджоникидзе, — что если Вы с Арменией заключите мир, это будет нечто ужасным для мусульман… Получается впечатление, что мы, христиане, покорили Азербайджан, оставили Грузию и Армению в стороне. У нас все было бы подготовлено, 8-го перешли бы и 11–12-го были бы в Тифлисе»[353]. Вызвав Орджоникидзе к прямому проводу, Сталин согласится в целом с его оценками, однако будет транслировать ленинскую установку: обстановка такова, «что сейчас торопиться с Грузией в смысле превращения ее в Советскую…» не стоило, ибо «через несколько месяцев, если коммунисты будут легализованы, она и так станет советской», поскольку другого пути для нее нет. «Мы завтра же или послезавтра, — подчеркнет Сталин, — заключим договор с Грузией, о чем сообщим тебе подробно. Нас беспокоят… твои и Смилги телеграммы о готовности взять Тифлис к 12 мая, что мы считаем абсолютно несовместным с нашей позицией…»[354] Уже в этот период большевистское руководство в Москве вплотную размышляет о территориальном размежевании в Закавказье. 12 мая Сталин потребует от Орджоникидзе: «Сообщите немедленно, во-первых, границу между Азербайджаном и Грузией по договору, существовавшему между этими государствами до объявления советской власти в Азербайджане, во-вторых, границу, желательную для Советского Азербайджана. Руководитесь этнографическими соображениями»[355]. Получив запрет на советизацию военным путем Грузии, Орджоникидзе попытается склонить московское руководство к советизации Армении. Однако «польские дела» принудят Политбюро проводить и здесь осторожную политику. 25 мая Политбюро приняло решение «продолжать переговоры с правительством Армении, не беря на себя инициативы немедленной советизации с помощью русских войск»[356]. Орджоникидзе, однако, продолжит настойчиво проводить свою линию, грозившую подрывом внешней политики Москвы. Нарком иностранных дел Чичерин в этой связи напишет в Политбюро письмо. «Недисциплинированность Бакинских товарищей и вопиющее противоречие между их действиями и установленной ЦК политической линией заставляют принять меры для их обуздания. Такою мерою должно быть назначение отсюда авторитетного товарища, не связанного с Кавказской группой деятелей, с полномочиями от Совнаркома в Баку»[357]. На этом этапе Политбюро сочтет возможным ограничиться составлением «Инструкции Реввоенсовету Кавказского фронта», руководителем которого являлся Орджоникидзе, и

подтвердить его полномочия. Инструкция, обсужденная на заседании Политбюро 7 июля, предписывала: «Следует безусловно воздержаться от попыток вызывать восстание против правительства Грузии, Армении и Турции»[358]. В тот же день Орджоникидзе предпримет попытку оперативно сязаться со Сталиным через его жену Надежду Аллилуеву, являвшуюся в тот момент сотрудницей секретариата Совнаркома. Он направит ей по прямому проводу записку с вопросом: «Где в настоящее время Сталин?.. Меня очень интересует, и вообще всех нас, его мнение по этому вопросу»[359]. Вопрос, который так интересовал Орджоникидзе, касался армяно-азербайджанского размежевания. Он будет убеждать Москву в том, что «для укрепления Советской власти в Азербайджане и сохранения за нами Баку нужно присоединить Нагорный Карабах... Объявим здесь автономию и сорганизуем армянское население, не вводя туда мусульманских войсковых частей»[360]. На следующий день Сталин направил Орджоникидзе ответную телеграмму. «Мое мнение таково, — заявит он, — что нельзя без конца лавировать между сторонами; нужно поддержать одну из сторон определенно, в данном случае, конечно, Азербайджан с Турцией». В заключение Сталин добавит: «Я говорил с Лениным, он не возражает»[361]. Так сформируется позиция советского руководства по спорным территориям в армяно-азербайджанском конфликте. Военное поражение под Варшавой, восстания терских и кубанских казаков, обострение ситуации в Дагестане не позволят советскому руководству в эти месяцы сделать ставку на проактивную политику в Закавказье. Но затишье, как мы увидим, продлится недолго.

В сфере интересов советского руководства, между прочим, находились также и Турция, и Иран, на развитие революционных процессов в которых рассчитывала Москва. Что касается Ирана, то осенью 1920 г. выяснится, что надежды большевиков несбыточны. Орджоникидзе в начале октября напишет Сталину: «[В] Персии никакой революции нет. Или оккупация, или уход»[362]. 26 февраля 1921 г. в Москве между Персией и РСФСР будет подписан договор, которым Советская Россия заявит «о своем отказе от участия в каких бы то ни было мероприятиях, клонящихся к ослаблению и нарушению суверенитета Персии», стороны согласились «признавать и соблюдать границу между Персией и Россией в том виде и начертании, как она была установлена Разграничительной Комиссией 1881 года». РСФСР отказывалась от всяких прав по займам, предоставленным царским правительством, передавала порт Энзели на Каспийском море, безвозмездно передавала активы Учетно-Ссудного банка Персии, «русские сооружения» — железные и шоссейные дороги, пристани и склады, телеграфные и телефонные линии. Одна из его статей обеспечивала Советской России право введения войск на территорию Ирана в случае нападения на него третьих держав или использовании ими его территории как плацдарма для нападения на РСФСР[363]. Этой

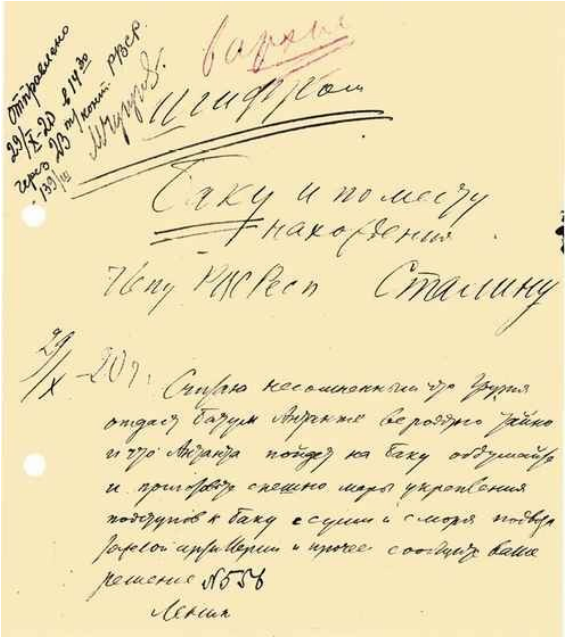
статьей Сталин воспользуется в 1941 г., принимая совместно с Черчиллем решение о вводе советских войск на территорию Ирана для предотвращения германской экспансии.

Между тем проблемы продолжали накапливаться и на совсем недавно советизированном Северном Кавказе. 6 сентября 1920 г. Политбюро поручит Сталину «разработать детальные меры по реальному надзору за действительным проведением нашей политики, защищающей интересы горцев». 14 сентября 1920 г. Политбюро заслушает доклад Сталина и Фрумкина о настроении кавказских горцев. На основании этого доклада Политбюро решит «подтвердить постановление Кавбюро ЦК о наделении чеченцев землей за счет казачьих станиц и признать необходимым проведение мер для свободной деятельности горцев и создания между ними и русскими правильных отношений на основе полной автономии». Кроме того, Политбюро, видимо, вспомнив о июльских рекомендациях Чичерина, сочтет «Признать необходимой после сессии ВЦИК поездку Сталина на Кавказ для определения нашей политики на Кавказе вообще и горцев в особенности». Как видим, Политбюро во главе с Лениным отвело Сталину особую роль в кавказском вопросе. Это ясно следует из еще одного пункта постановления. Политбюро поручило «Кавбюро ЦК оповестить горские горисполкомы о предстоящей поездке Чрезвычайного уполномоченного представителя РСФСР»[364]. 16 октября Сталин отправится на Кавказ.

Уже 26 октября Сталин телеграммой из Владикавказа сообщит Ленину о подавлении восстания казаков Сунженской линии и восстановлении железнодорожного сообщения с Баку, успешном ходе операции по «ликвидации повстанцев в Дагестане». «Несколько казачьих станиц, — сообщит Сталин, — наказали примерно»[365]. 30 октября Сталин направит Ленину из Владикавказа еще одну пространную телеграмму о ходе первой советской депортации: «Выселено в военном порядке пять станиц, недавнее выступление казаков дало подходящий повод и облегчило выселение, земля поступила в распоряжение чеченцев». И резюмирует: «Положение на Северном Кавказе можно считать несомненно устойчивым». Далее он изложит свое видение основ политики большевиков на Северном Кавказе. Казачество, по его мнению, следовало выделить из состава созданной к тому моменту Терской области в отдельную губернию, «ибо сожительство казаков и горцев в одной административной единице оказалось вредным, опасным». Самих горцев Сталин предложит объединить в одну административную единицу в виде Автономной Терской Республики по образцу ранее созданой Башкирской Автономной Республики. Причем Сталину представлялось возможным в рамках такой автономии объединить чеченцев, ингушей, кабардинцев, балкарцев и осетин. Дагестан также должен был получить автономию, но «отдельно от поименованных выше горцев».

Важно подчеркнуть, что все вышесказанное имело уведомительный характер. Следующим пунктом сообщения Сталин поставит Ленина перед фактом: «Для объявления воли Совет[ского] правительства… созываю на 15-е число общенародный трудовой съезд…» «Не сомневаюсь, — подчеркнет он правильность выработанных мер, — что эта затея окончательно очистит атмосферу на Северном Кавказе и укрепит положение на известный период»[366]. Съезд народов Терской области действительно будет проведен 17 ноября, на нем Сталин выступит с докладом, в котором провозгласит создание Горской Автономной Республики. 20 января 1921 г. ВЦИК РСФСР примет декрет об образовании Горской Автономной Советской Социалистической Республики как составной части Советской России со столицей во Владикавказе. «Затея» Сталина будет реализована, однако уже очень скоро этот проект начнет трещать по швам. В мае 1921 г. Кабарда примет решение о выходе из состава республики и прямом вхождении в РСФСР, в январе 1922 г. ВЦИК согласится с желанием Карачая и Балкарии выйти из состава Горской АССР, в ноябре будет поддержано такое же волеизъявление Чечни. В июле 1924 г. декретом ВЦИК республика будет упразднена, а на ее территории созданы Северо-Осетинская, Чеченская и Ингушская автономные области, Сунженский казачий округ, а Владикавказ становился территориальной единицей, напрямую подчиненной ВЦИК РСФСР.

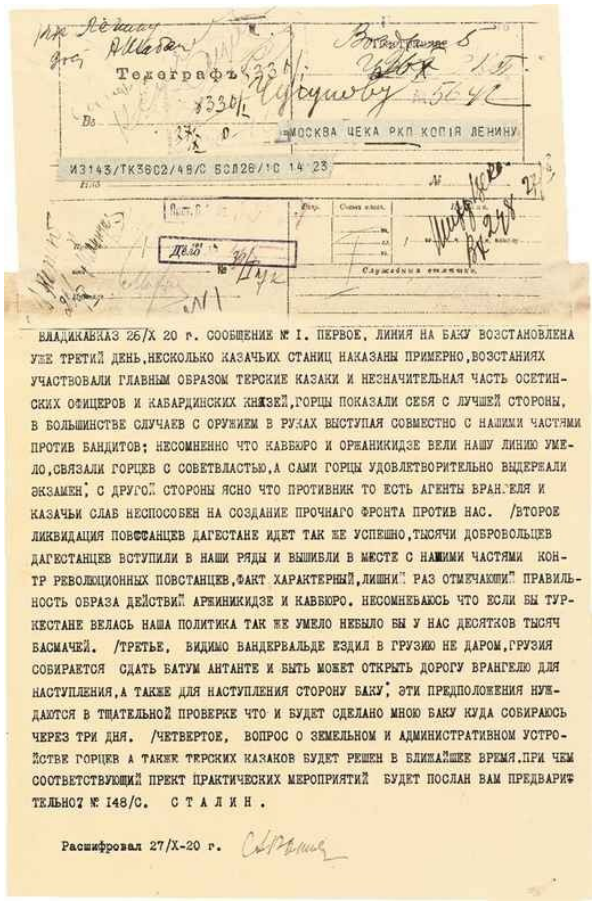
Находясь на Кавказе, Сталин решал совсем не только северкавказские вопросы. «Кто утвердится в конце концов на Кавказе, кто будет пользоваться наиважнейшими дорогами, ведущими вглубь Азии, революция или Антанта — в этом весь вопрос», — так, говоря словами Сталина, произнесенными в одном из газетных выступлений, оценивало большевистское руководство политическое значение кавказской проблемы[367]. Долгое время после советизации Азербайджана перед большевиками стояла задача удержания Баку. 29 октября Ленин потребует от Сталина обдумать и приготовить «спешно меры укрепления подступов к Баку с суши и с моря»[368].



Телеграмма В.И. Ленина И.В. Сталину в Баку с предложением принять спешные меры по укреплению подступов к Баку с суши и с моря в связи с возможной сдачей Батума Антанте буржуазным правительством Грузии

29 октября 1920

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15962. Л. 1]



Телеграфъ

Москва ЧЕКА РКП КОПІЯ ЛЕНИНУ

ИЗ143/ТК38С2/48/С БСЛ28/1С 14 23

Служебная отметка

ВЛАДИКАВКАЗ 26/X 20 г. СООБЩЕНИЕ № I. ПЕРВОЕ. ЛИНИЯ НА БАКУ ВОЗСТАНОВЛЕНА УЖЕ ТРЕТИЙ ДЕНЬ,НЕСКОЛЬКО КАЗАЧЬИХ СТАНИЦ НАКАЗАНЫ ПРИМЕРНО,ВОЗСТАНИЯХ УЧАСТВОВАЛИ ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ ТЕРСКИЕ КАЗАКИ И НЕЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ ОСЕТИНСКИХ ОФИЦЕРОВ И КАБАРДИНСКИХ КНЯЗЕЙ,ГОРЦЫ ПОКАЗАЛИ СЕБЯ С ЛУЧШЕЙ СТОРОНЫ, В БОЛЬШИНСТВЕ СЛУЧАЕВ С ОРУЖИЕМ В РУКАХ ВЫСТУПАЯ СОВМЕСТНО С НАШИМИ ЧАСТЯМИ ПРОТИВ БАНДИТОВ; НЕСОМНЕННО ЧТО КАВБЮРО И ОРДЖАНИКИДЗЕ ВЕЛИ НАШУ ЛИНИЮ УМЕЛО,СВЯЗАЛИ ГОРЦЕВ С СОВЕТВЛАСТЬЮ,А САМИ ГОРЦЫ УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО ВЫДЕРЖАЛИ ЭКЗАМЕН; С ДРУГОЙ СТОРОНЫ ЯСНО ЧТО ПРОТИВНИК ТО ЕСТЬ АГЕНТЫ ВРАНГЕЛЯ И КАЗАЧЬИ СЛАБ НЕСПОСОБЕН НА СОЗДАНИЕ ПРОЧНАГО ФРОНТА ПРОТИВ НАС. /ВТОРОЕ ЛИКВИДАЦИЯ ПОВСТАНЦЕВ ДАГЕСТАНЕ ИДЕТ ТАК ЖЕ УСПЕШНО,ТЫСЯЧИ ДОБРОВОЛЬЦЕВ ДАГЕСТАНЦЕВ ВСТУПИЛИ В НАШИ РЯДЫ И ВЫШИБЛИ В МЕСТЕ С НАШИМИ ЧАСТЯМИ КОНТР РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОВСТАНЦЕВ,ФАКТ ХАРАКТЕРНЫЙ,ЛИШНИЙ РАЗ ОТМЕЧАЮЩИЙ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЙ АРДЖИНИКИДЗЕ И КАВБЮРО. НЕСОМНЕВАЮСЬ ЧТО ЕСЛИ БЫ ТУРКЕСТАНЕ ВЕЛАСЬ НАША ПОЛИТИКА ТАК ЖЕ УМЕЛО НЕБЫЛО БЫ У НАС ДЕСЯТКОВ ТЫСЯЧ БАСМАЧЕЙ. /ТРЕТЬЕ, ВИДИМО ВАНДЕРВАЛЬДЕ ЕЗДИЛ В ГРУЗИЮ НЕ ДАРОМ,ГРУЗИЯ СОБИРАЕТСЯ СДАТЬ БАТУМ АНТАНТЕ И БЫТЬ МОЖЕТ ОТКРЫТЬ ДОРОГУ ВРАНГЕЛЮ ДЛЯ НАСТУПЛЕНИЯ,А ТАКЖЕ ДЛЯ НАСТУПЛЕНИЯ СТОРОНУ БАКУ; ЭТИ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ НУЖДАЮТСЯ В ТЩАТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКЕ ЧТО И БУДЕТ СДЕЛАНО МНОЮ БАКУ КУДА СОБИРАЮСЬ ЧЕРЕЗ ТРИ ДНЯ. /ЧЕТВЕРТОЕ, ВОПРОС О ЗЕМЕЛЬНОМ И АДМИНИСТРАТИВНОМ УСТРОЙСТВЕ ГОРЦЕВ А ТАКЖЕ ТЕРСКИХ КАЗАКОВ БУДЕТ РЕШЕН В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ.ПРИ ЧЕМ СООТВЕТСТВУЮЩИЙ ПРЕКТ ПРАКТИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ БУДЕТ ПОСЛАН ВАМ ПРЕДВАРИТЕЛЬНО? № 148/С. С Т А Л И Н .

Расшифровал 27/X-20 г.

Телеграмма И.В. Сталина В.И. Ленину о положении на Северном Кавказе, восстановлении линии на Баку и правильной политике, проводимой Кавбюро и Г.К. Орджоникидзе

26 октября 1920

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15962. Л. 2]

Георгий Константинович Орджоникидзе
Январь 1920
[РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 32. Д. 23. Л. 1]

Замаячит осенью 1920 г. и перспектива советизации Грузии и Армении, причем эти перспективы оказались теснейшим образом связаны с проблемой урегулирования отношений с Турцией и странами Антанты. Сталин и Ленин согласятся в оценках возможности сдачи независимой Грузией Батума Антанте.

13 ноября Ленин запросит Сталина из Москвы шифром: «Считаете ли возможным мирное улажение отношений с Грузией и Арменией и на какой основе?»[369] В письме Ленину из Владикавказа от 16 ноября Сталин сообщит, что усматривает угрозу Баку со стороны «буржуазной Грузии» и выскажется вполне ясно: «Для предотвращения этой опасности надо теперь же советизировать Грузию...»[370] Скептически настроенный Ленин ответит через два дня: «...Надо очень осторожно обдумать, стоит ли воевать с Грузией, потом ее кормить и рисковать разрывом с Англией, даже новой войной»[371]. Отвечая из Владикавказа на аналогичную телеграмму Чичерина, Сталин 19 ноября продиктует: «О необходимости оккупации Грузии и издержках последней лично [сообщу] через несколько дней»[372].

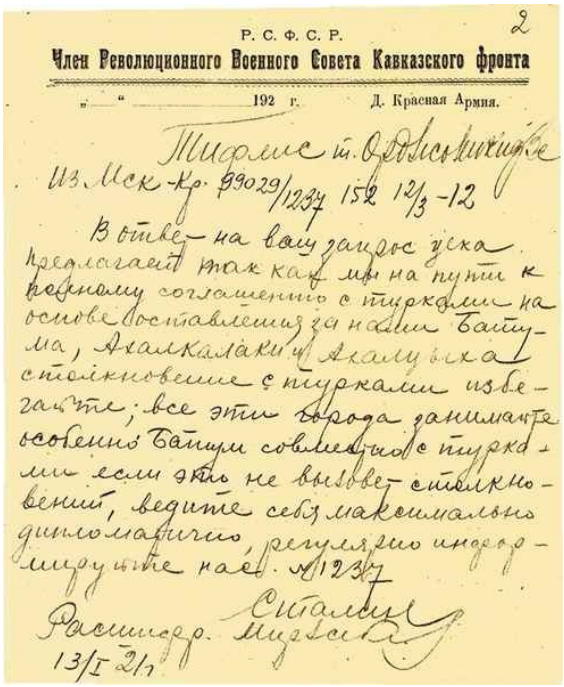
Во время этой своей поездки Сталин окажется вовлечен и в нашумевшее «дело Вадима». Особоуполномоченный Особого отдела ВЧК В.Л. Лукашев направил на имя Ленина доклад с критикой Кавказского бюро ЦК и лично Орджоникидзе. Ленин поручит расследовать ситуацию Оргбюро ЦК, комиссия которого пришла к выводу, что Кавбюро, оценивая доклад Лукашева, «действовало поспешно, без всякого ознакомления и проверки документов». Подталкивая Ленина к «нужному» варианту решения вопроса в пользу Орджоникидзе, Сталин, как о само собой разумеющемся, телеграфирует в Москву: «Вы должно быть, уже поручили краевой партийной конференции о предании суду Вадима», что, по его мнению, являлось «необходимой мерой для очищения атмосферы от грязи, успокоения партийных работников». В значительной мере благодаря заступничеству Сталина и председательству в комиссии С.М. Кирова, близкого и Сталину, и Орджоникидзе, поледнему удастся отделаться легким испугом. Поддержку Орджоникидзе Сталин будет высказывать едва ли не в каждом случае общения с Москвой. Так, в телеграмме от 26 октября Ленину, он не преминет подчеркнуть: «Несомненно, что Кавбюро и Орджоникидзе вели нашу линию умело» [373].

20 ноября Сталин выезжает из Владикавказа в Москву и продолжит получать от Орджоникидзе многочисленные телеграммы. Одну из них Сталин еще до прибытия в Москву передаст Ленину и попросит того принять решение об ускорении переброски военных подкреплений на

Кавказ. Ленин поначалу откажется: «Без созыва Политбюро я не могу дать никакого ответа. Советую вам либо внести тотчас же конкретное предложение и немедленно поставить в Политбюро, либо действовать самому на точном основании имеющихся… полномочий, либо, наконец, ускорить свой приезд в Москву для решения всего кавказского вопроса в целом»[374]. Однако на следующий день 23 ноября он отдаст соответствующие распоряжения Троцкому.

По итогам поездки Сталин сделает 27 ноября на заседании Политбюро доклад «О кавказских делах». Причем его роль и высказанные соображения покажутся настолько значительными, что большевистские вожди решат, что Сталин должен стать одним из тех, кто определяет внешнюю политику на восточном направлении: «Поручить т. Сталину сговориться с т. Чичериным о дополнительных мерах к обеспечению более правильной внешней политики в пограничных с Кавказом государствах…» Было решено «принять по отношению к Грузии, Армении, Турции и Персии максимально примирительную политику, т. е. направленную больше всего к тому, чтобы избежать войны». Главной задачей признавалось «считать охрану Азербайджана и прочное обладание всем Каспийским морем». Сталину будет поручено «всемерно усилить пропаганду, агитацию, развитие комбедов и вообще совстроительство в Азербайджане». Установка на «примирительную политику», однако, не исключала и мер военных — соответствующим ведомствам поручалось «найти способы провозить не менее 8-ми эшелонов войск ежедневно в Баку»[375]. Зачем в таком количестве понадобились войска в Баку, очевидно — большевистское руководство с весны 1920 г. обдумывает перспективы советизации Грузии и Армении, которые начинают осмысливаться, судя по всему, как практическая задача повестки дня. Орджоникидзе, получив 29-го решение Политбюро, тормозящее это дело, в тот же день решает поставить центр перед фактом и в ответ телеграммой на имя Ленина и Сталина сообщает, что армянский ревком «ночью самостоятельно перешел границу и продолжает движение в Делижан, где… будет провозглашена Советская Армения. В связи с решением ЦК не знаю как быть, боюсь, что уже декларировали советскую власть»[376]. Орджоникидзе действовал в этот момент на свой страх и риск автономно от центра, и, судя по всему, поощряемый Сталиным[377]. 1 декабря он сообщит в Москву: «Ревком Армении сегодня должен прибыть в Эривань. Население Эривани восторженно встретило провозглашение Соввласти. Вся армия признала переворот…»[378] На следующий день он продублирует ту же информацию лично Ленину, который в ночь на 3 декабря телеграммой председателя Совнаркома председателю Советского правительства Армении Касьяну поприветствует «освобожденную от гнета империализма трудовую Советскую Армению»[379].

Вслед за Арменией настала очередь Грузии. 8 декабря Орджоникидзе направит телеграмму Сталину, в которой выскажет соображение о том, что задержка советизации Грузии потребует больше сил и жертв. На следующий день он сообщит Сталину о завершении группировки войск на грузинской границе и невозможности держать их долго в состоянии готовности. «Или мы должны отвести части, или двинуться. Твое и Ильича мнение», — обратится он к Сталину. Москва продолжит сомневаться и не даст ответа. 17 декабря Орджоникидзе получит сообщение о решении пленума ЦК «о мирном направлении политики РСФСР на Кавказе». 12 января 1921 г. он получит из Москвы подтверждение этой позиции ЦК[380]. Однако уже на следующий день Сталин существенно скорректирует установки в адрес Орджоникидзе. В своей шифровке он сообщит, что «мы на пути к полному соглашению с турками на основе оставления за нами Батума, Ахалкалаки и Ахалцыха», порекомендует все названные им города, особенно Батум, занимать «совместно с турками», столкновений с которыми следовало избегать[381]. Политбюро лишь 26 января пересмотрит свои подходы. Вторым пунктом постановления будет решено: «Запросить Кавфронт о том, насколько подготовлены наши наличные военные силы на случай немедленной или близкой войны с Грузией и поручить формулировку этого запроса с указанием на крайнее обнагление Грузии комиссии из тт. Троцкого, Чичерина и Сталина»[382]. Как и в случае с Арменией, Орджоникидзе решит действовать самостоятельно, однако теперь уже имея в виду фактическую поддержку, которую он получил со стороны Сталина. В ночь с 11 на 12 февраля грузинские коммунисты начали вооруженное восстание, поддержанное войсками 11-й армии Кавфронта. 14 и 15 февраля Ленин своими посланиями санкционирует эти действия. В телеграмме от 15 числа он предпишет: «Цека рассматривает операции РВС 11, как местную защиту повстанцев нейтральной зоны от грозящего им истребления со стороны белогвардейцев. Считайтесь с этим политическим характером вашей операции во всех ваших публичных выступлениях. Разумеется, мы ожидаем от РВС 11 энергичных и быстрых действий, не останавливающихся перед взятием Тифлиса»[383]. 16 февраля уже Сталин будет наставлять Орджоникидзе о желательности иметь точное «подтверждение об образовании Грузинского ревкома в связи с восстанием в Грузии». Он потребует таже сообщить, приняты ли меры, «чтобы русские командармы, начдивы и комбриги не допускали толкования о нашем походе в Грузию и об открытии военных действий со стороны» РСФСР, «точно и ясно говорили о защите повстанцев местными частями». Все вышесказанное предназначалось «для оповещения Европы»[384]. 25 февраля войска 11-й армии взяли Тифлис, и Грузия была провозглашена советской.



Р. С. Ф. С. Р.

Член Революционного Военного Совета Кавказского фронта

„ “ 192 г. Д. Красная Армия.

Тифлис т. Орджоникидзе

Из Мск-Кр. 99029/1237 152 12/3-12

В ответ на ваш запрос цека предлагает так как мы на пути к полному соглашению с турками на основе оставления за нами Батума, Ахалкалаки и Ахалцыха столкновение с турками избегайте; все эти города занимайте особенно Батум совместно с турками если это не вызовет столкновений, ведите себя максимально дипломатично, регулярно информируйте нас. № 1237

Сталин

Расшифр. Мирзоев

13/I 21 г.

Телеграмма И.В. Сталина Г.К. Орджоникидзе о подготовке соглашения с Турцией с рекомендациями занимать грузинские города совместно с турками

13 января 1921

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 13. Л. 2]

* * *

Закавказский узел окажется теснейшим образом связанным с узлом турецким. На территории Турции в этот период функционировали два властных центра: международно признанная администрация султана Мехмеда VI с центром в Стамбуле и правительство лидера национально-освободительного движения Мустафы Кемаля, больше известного нам как Ататюрк, с центром в Анкаре. Кемаль в апреле 1920 г. созвал в Анкаре для принятия конституции Великое национальное собрание Турции (ВНСТ), от имени которого он обратился к Советской России с предложением установить дипломатические отношения. Советское руководство сделает ставку на договоренности не с международно признанным правительством султана Мехмеда VI, а с ВНСТ Мустафы Кемаля, который будет избран президентом всей страны лишь в 1923 г. В августе 1920 года в Москве пройдут советско-турецкие переговоры, в ходе которых стороны в целом согласуют свои позиции.

Турецкую делегацию 14 августа примет Ленин. Еще до подписания советско-турецкого договора Москва начнет поставки оружия Анкаре.

Между тем 10 августа 1920 г. во французском г. Севр администрация султана Мехмеда VI подписала со странами Антанты мирный договор, согласно которому Османская империя теряла огромные территории, в частности признавалась независимость Армении. Советское руководство не только пошло на установление контактов, но и стало оказывать кемалистам финансовую и военно-техническую помощь. Кемалисты в конце сентября 1920 г. начали войну с провозгласившей независимость Арменией, войсками Кемаля были захвачены Карс, Александрополь (ныне Гюмри) и другие территории. Под контролем армянского правительства оставались район г. Эривань (ныне Ереван) и озера Гокча (ныне Севан). 2 декабря 1920 г. эта война была завершена подписанием Александропольского договора, крайне невыгодного для армянской стороны.

26 февраля 1921 г. — на следующий день после провозглашения Грузии советской — в Москве откроется советско-турецкая конференция. В начале марта 1921 г. Сталин примет участие в переговорах с турецкой делегацией, которые завершатся 16 марта подписанием московского договора о дружбе и братстве между РСФСР и Турцией. Причем произойдет это без участия формально независимых советских республик Закавказья. В ходе этих переговоров Сталин проведет неофициальные встречи с генералом Исмаил Энвер-пашой. Отвечая на запрос Чичерина о содержании своих заявлений в ходе этих консультаций, Сталин сформулирует свою позицию по вопросам демаркации государственной границы с Турцией и возможных уступках со стороны РСФСР, озвученные им турецкой стороне. Выскажется он и по одному из наиболее болезненных вопросов. «Военные, — напишет он, — не согласны уступить Турции Ардаган, считая его ключем к Тифлису, тем не менее я (Сталин) надеюсь уломать военных и добиться уступки…» [385]

В ходе переговоров сторонам удастся согласовать позиции и выйти на подписание договора. Советское правительство решит следовать своим декларациям об отказе от договоров царского правительства и заявит о возвращении Турции территорий, включенных в состав Российской империи по итогам русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Тогда к России отошли города Карс, Ардаган, Батум.

Сталин настоит на оставлении Батума за Грузией. Причем к Грузии отойдет лишь сам город и порт с небольшим районом, а за Турцией останутся значительные территории Ахалцихского и Ахалкалакского районов, которые рассматривались Грузией как исконные грузинские. Нелишне напомнить, что Советская Россия признавала принадлежность Батума Турции в Брест-Литовском мирном договоре со странами Четверного союза. Не менее важно помнить, что 8 апреля 1920 г. Батумская область была объявлена особой территорией, находящейся

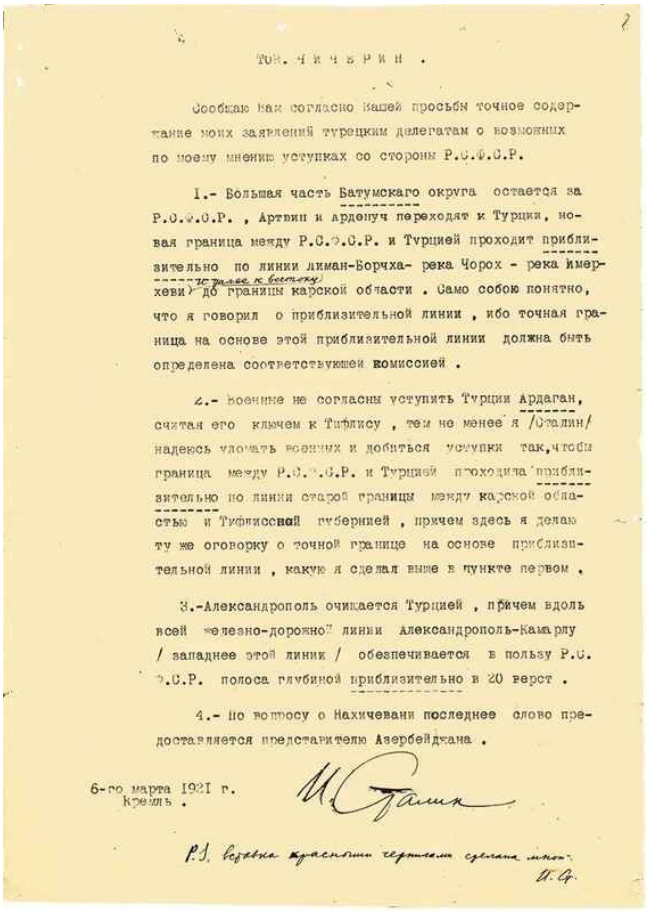
под охраной Лиги Наций. Важность Батума определялась тем обстоятельством, что город и порт являлись конечной точкой транскавказского нефтепродуктопровода Баку — Батуми. Взамен Турция получит Сурмалинский уезд с национальным символом армян — горой Арарат. Александрополь (Гюмри) будет возвращен Армении, а вот Нахичевань «образует автономную территорию под протекторатом» Азербайджана. Таким образом, договором будет установлена северо-восточная граница Турции, существующая до настоящего времени.

Кроме того, Совнарком на взаимной основе соглашался не признавать никаких мирных договоров или других межгосударственных актов, к принятию которых принуждалась бы силой противоположная сторона. Таким образом, Советская Россия и кемалистское правительство Турции обнулили Севрский мирный договор. Турция впоследствии будет принуждена его исполнить, однако за исключением Закавказья. СНК РСФСР аннулировал долги Турции перед царским правительством, взял на себя обязательства поддерживать «турецкий суверенитет» и «национальные права турецкого народа». Пропускной режим черноморских проливов по договору следовало определять на будущей конференции причерноморских государств. По заключении договора было подписано и соглашение о безвозмездной финансовой помощи Турции в размере 10 млн руб. золотом и о поставках оружия[386]. Договор будет ратифицирован советской стороной в марте 1921 г., турецкой — в июле. Столь щедрое поощрение большевиками турецких «партнеров» не даст ожидавшихся результатов. Кемалистская Турция не собиралась становиться плацдармом мирового коммунизма на Ближнем Востоке.

В ходе переговоров турецкие войска займут 11 марта Батум. Сталин, видимо, не вполне полагаясь на дипломатию, через три дня после подписания договора 19 марта направит Орджоникидзе телеграмму, в которой сообщит: «По договору с турками, уже подписанному, Батум отходит Грузии... — и порекомендует: — Постарайся сильным быстрым ударом изгнать турок из Батума, а потом объявить это недоразумением. Инициативу должно взять на себя командование»[387]. В другой раз он скажет: «Если потеряем Батум — тогда, со временем, потеряем Закавказье и, может, весь Кавказ».

«Сильный быстрый удар» в направлении Батума тогда не потребуется. Советская Россия в соответствии с договором обязывалась предпринять в отношении Закавказских республик шаги, необходимые для обязательного признания этими республиками… статей настоящего договора, непосредственно их касающихся». В сентябре 1921 г. советизированные Армения, Грузия, Азербайджан, с одной стороны, и Турция — с другой, при участии представителей РСФСР начнут в г. Карс переговоры, которые шли долго. Чичерин сообщит совпослу в Анкаре С. Нацаренусу: «Турки обнаруживают необыкновенное упорство и непомерные претензии. Конференция ужасно затягивается, и каждый

шаг стоит чрезвычайно продолжительной и ожесточенной борьбы»[388]. В разгаре переговоров в Москве получат шифровку от С. Нацаренуса, который сообщит о завершении параллельных переговоров кемалистского правительства с французской миссией, причем «по Кавказу турки, по мнению совпосла, обязались поддерживать прежние правительства в их борьбе с советскими правительствами Закавказских республик...». Ленин перешлет щифровку Сталину с пометой: «Тов. Сталин, как же теперь?»[389] Мнение Сталина — держаться прежней линии: «Нам все-таки нужно сохранить свою старую позицию (формально), приняв одновременно меры к укреплению границ Закавказья...» Сталин сообщит о своей встрече с турецким послом и свои оценки ситуации: «Из всего этого видно, что турки уже обеспечили (надолго ли?) свое дело и ищут новых форм сотрудничества с нами»[390]. Представитель РСФСР на переговорах Ганецкий, получая соответствующие инструкции из Москвы, будет проводить неуступчивую по отношению к новым турецким инициативам линию и, в конце концов, переговоры завершатся подписанием четырехстороннего договора. 13 октября был подписан договор, основные положения которого фактически воспроизвели существо Московского советско-турецкого договора. В дальнейшем дела в Закавказье пойдут по пути федерализации отношений трех Закавказских республик, создания их федерации, а затем и Союза ССР, о чем будет рассказано в следующей главе.



ТОВ. ЧИЧЕРИН.

Сообщаю Вам согласно Вашей просьбы точное содержание моих заявлений турецким делегатам о возможных по моему мнению уступках со стороны Р.С.Ф.С.Р.

1.- Большая часть Батумскаго округа остается за Р.С.Ф.С.Р., Артвин и Ардануч переходят к Турции, новая граница между Р.С.Ф.С.Р. и Турцией проходит приблизительно по линии Лиман-Борчха- река Чорох - река Имерхеви (к западу к востоку) до границы карской области. Само собою понятно, что я говорил о приблизительной линии, ибо точная граница на основе этой приблизительной линии должна быть определена соответствующей комиссией.

2.- Военные не согласны уступить Турции Ардаган, считая его ключем к Тифлису, тем не менее я /Сталин/ надеюсь уломать военных и добиться уступки так, чтобы граница между Р.С.Ф.С.Р. и Турцией проходила приблизительно по линии старой границы между карской областью и Тифлисской губернией, причем здесь я делаю ту же оговорку о точной границе на основе приблизительной линии, какую я сделал выше в пункте первом.

3.-Александрополь очищается Турцией, причем вдоль всей железно-дорожной линии Александрополь-Камарлу / западнее этой линии / обезпечивается в пользу Р.С.Ф.С.Р. полоса глубиной приблизительно в 20 верст.

4.- По вопросу о Нахичевани последнее слово предоставляется представителю Азербейджана.

6-го марта 1921 г.
Кремль.

И. Сталин

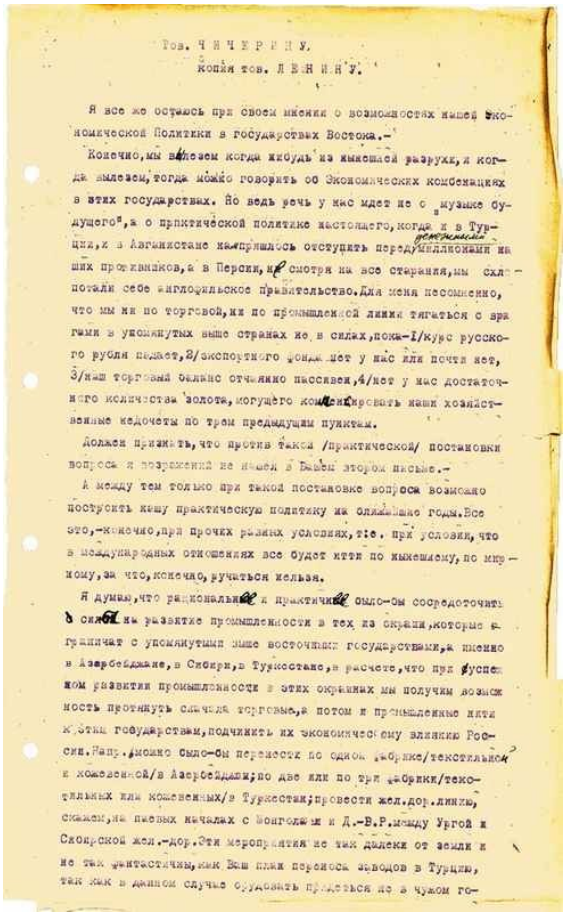
P.S. Вставка красными чернилами сделана мной.
И. Ст.

Письмо И.В. Сталина Г.В. Чичерину о границе между РСФСР и Турцией

6 марта 1921

Подпись — автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 824. Л. 8]



Тов. Ч И Ч Е Р И Н У.

копия тов. Л Е Н И Н У.

Я все же остаюсь при своем мнении о возможностях нашей Экономической Политики в государствах Востока.-

Конечно, мы вылезем когда нибудь из нынешней разрухи, и когда вылезем, тогда можно говорить об Экономических комбинациях в этих государствах. Но ведь речь у нас идет не о „музыке будущего", а о практической политике настоящего, когда и в Турции, и в Афганистане нам пришлось отступить перед денежными миллионами наших противников, а в Персии, не смотря на все старания, мы схлопотали себе англофильское правительство. Для меня несомненно, что мы ни по торговой, ни по промышленной линии тягаться с врагами в упомянутых выше странах не в силах, пока-1/курс русского рубля падает, 2/экспортного фонда нет у нас или почти нет, 3/наш торговый баланс отчаянно пассивен, 4/нет у нас достаточного количества золота, могущего компенсировать наши хозяйственные недочеты по трем предыдущим пунктам.

Должен признать, что против такой /практической/ постановки вопроса я возражений не нашел в Вашем втором письме.-

А между тем только при такой постановке вопроса возможно построить нашу практическую политику на ближайшие годы. Все это,-конечно, при прочих равных условиях, т.е. при условии, что в международных отношениях все будет итти по нынешнему, по мирному, за что, конечно, ручаться нельзя.

Я думаю, что рациональнее и практичнее было-бы сосредоточить в силах на развитие промышленности в тех из окраин, которые ограничат с упомянутыми выше восточными государствами, а именно в Азербейджане, в Сибири, в Туркестане, в расчете, что при успешном развитии промышленности в этих окраинах мы получим возможность протянуть сначала торговые, а потом и промышленные нити к этим государствам, подчинить их экономическому влиянию России. Напр., можно было-бы перенести по одной фабрике/текстильной и кожевенной/в Азербейджан; по две или по три фабрики/текстильных или кожевенных/в Туркестан; провести жел.дор.линию, скажем, на паевых началах с Монголией и Д.-В.Р. между Ургой и Сибирской жел.-дор. Эти мероприятия не так далеки от земли и не так фантастичны, как Ваш план переноса заводов в Турцию, так как в данном случае орудовать придеться не в чужом го-

Телеграмма И.В. Сталина Г.В. Чичерину и В.И. Ленину о возможностях советской экономической политики в государствах Востока

Позднее 22 ноября 1921

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 24. Л. 1–1 об.]

После урегулирования отношений с Турцией Сталин продолжит активно участвовать в обсуждении вопросов внешней политики на восточном направлении. Так, в ноябре 1921 г. он напишет письмо наркому иностранных дел Чичерину и Ленину, в котором изложит свои представления о направлениях и формах внешнеэкономической политики Советской России. В отличие от Чичерина, который возражал против пассивной экономической политики Советской России в странах Востока, Сталин более скептически смотрел на возможности самостоятельной экономической политики в этом регионе, имея в виду ограниченность наличных ресурсов. «Для меня несомненно, — скажет Сталин, — что мы ни по торговой, ни по промышленной линии тягаться с врагами в упомянутых выше странах (Турция, Афганистан, Иран. — *А. С.*) не в силах…» Категорически возразит Сталин против плана

Чичерина о строительстве промышленных предприятий в Турции, назовет его фантастичным. Он предложит сосредоточить усилия на развитии промышленности в тех районах страны, которые граничат с «восточными государствами», «в расчете, что при успешном развитии промышленности в этих окраинах мы получим возможность протянуть сначала торговые, а потом и промышленные нити к этим государствам, подчинить их экономическому влиянию России»[391]. Названные им Азербайджан, Сибирь, Туркестан в 1920–1950-е гг. действительно попадут в фокус инвестиционной политики Советского государства.

Афганистан Сталин упомянет не случайно. Устремления советской внешней политики были направлены в том числе и сюда. 2 ноября 1921 г. Сталин напишет пространное письмо в адрес Троцкого, который, напомним, занимал тогда пост председателя Реввоенсовета республики, посвященное теме противодействия британскому влиянию в этой стране. «Для меня ясно, — скажет Сталин, — что в лице мусульманских племен, составляющих большинство в долине Инда и в районе Пенджаба… мы имеем некую базу, откуда можно нанести серьезный ущерб Англии, если последняя ударит нас весною или летом 1922 года». Создание «реальной базы» в Афганистане имело целью, по расчетам Сталина, решение и второй задачи — «прямое воздействие на повстанческое движение в Индии». Для этого должно было потребоваться «100 000 рублей золотом единовременно непосредственно вождям повстанцев плюс 100 000 рублей золотом в год для содержания турецких и русско-мусульманских инструкторов плюс 6000 винтовок… плюс 12 или 8 орудий и, наконец, одну мусульманскую типографию. Я думаю, медлить больше не следует…»[392]

Уже очень скоро советскому руководству предоставится возможность проверить на деле заверения Мустафы Кемаля в вечной дружбе и благодарности Советской России за поддержку. В ноябре 1922 — июле 1923 г. в Лозанне пройдет мирная конференция, одним из центральных вопросов которой станет проблема черноморских проливов. Установка Ленина сводилась к трем пунктам: удовлетворение национальных стремлений Турции, закрытие проливов для всех военных кораблей в мирное и военное время, полная свобода торгового мореплавания[393]. Турецкая делегация пойдет на сепаратные переговоры с западными делегациями и в целом согласится с английскими предложениями, которые в пику советским предусматривали право свободного прохода через проливы военных кораблей любых стран как в мирное, так и в военное время. В основу конвенции о режиме проливов будет положен именно британский проект, а возражения советской стороны не будут приняты во внимание ни западными делегациями, ни турецкой. Ключевая роль Москвы в становлении в Турции новой государственной власти окажется быстро забытой, а советское руководство получит урок на тему

продуктивности поддержки национально-освободительной борьбы и возникающих в ее результате политических режимов. Урок в советской истории окажется не последним и не будет слишком хорошо усвоен. На этой же конференции был подписан и мирный договор между Турецкой Республикой Ататюрка и союзными державами, который предопределит прозападный курс турецкого правительства и не позволит осенью 1939 г. состояться советско-турецким договоренностям, на которые будет рассчитывать Сталин, пытаясь выстроить буферную зону безопасности вдоль западных и юго-западных границ СССР. В 1945 г. Сталин предпримет безуспешную попытку пересмотреть подписанные в 1921 г. соглашения и вернуть в состав СССР утраченные территории. Турция, однако, уже давно отдалась в прочные объятия западных союзников, которые встанут на защиту «ее» интересов.

«Удержаться на посту вождя». ленин и сталин

О взаимодействии этих двух руководителей было уже сказано достаточно, чтобы сделать определенные выводы. Несколько штрихов считаем целесообразным все-таки добавить. Как уже отмечалось, по тем или иным причинам в 1917 г. Ленин остановил свой выбор на Сталине в качестве своего ближайшего «помощника». Сталин в течение короткого отрезка времени успеет продемонстрировать Ленину вполне доброкачественные административные навыки и при этом перестанет настаивать на праве самостоятельного теоретического суждения, отличного от мнения вождя партии. «Практический работник», — так назовет Сталин спустя четверть века одного из членов своего ближайшего окружения — Г.М. Маленкова. И к самому Сталину вполне подходило бы это определение, так точно подобранное им для Маленкова, если бы не одно важнейшее отличие. Сталин считал себя «призванным» быть лидером. В течение начального периода пребывания большевиков у власти между Лениным и Сталиным складываются в целом доверительные отношения. Назвать их безоблачными, однако, нельзя. До определенного момента Сталин демонстрировал пиетет, иногда переходивший грани разумного. Обращения в деловых письмах «Дорогой Владимир Ильич», «товарищ Ильич», имевшие место в 1918 г., позднее сменятся сухим «т. Ленин».

Показательным представляется эпизод, имевший место при открытии VIII съезда РКП(б) в марте 1919 г. Ленин, открывая съезд и приступив к выборам его президиума, сделает все, чтобы выдвинутый дополнительный список для голосования, включавший кандидатуру Сталина, был отклонен[394].

Определенным рубежом станет выступление Сталина 23 апреля 1920 г. на собрании в Московском комитете РКП(б) по поводу 50-летия со дня рождения Ленина. Предшествовавшая этому выступлению статья «Ленин как организатор и вождь РКП», опубликованная им в «Правде» в тот же день, вполне вписывалась в юбилейный канон. В ней Сталин, помимо прочего, полностью солидаризуется с Лениным в отношении принципов партийного строительства и политического метода: «...Ленин был тысячу раз прав, ведя партию по пути непримиримой борьбы с антипартийными и антиреволюционными элементами... ибо только в результате такой организационной политики... она в состоянии в любой момент перестроить свои ряды и сосредоточить сотни тысяч своих членов на любой большой работе...»[395] Именно мобилизации сотен тысяч людей станут главным инструментом трансформации советского общества по-сталински в 1930–1940-е гг., а задача «отделить овец от козлищ, отмежеваться от чужаков» станет едва ли не главным принципом кадровой политики[396]. А вот юбилейная речь Сталина, произнесенная им вечером 23 апреля на собрании в МК РКП(б), явно диссонировала с общим хором славословий. Он стал единственным, кто решил «отметить одну черту, о которой никто еще не говорил, это скромность товарища Ленина и его мужество признать свои ошибки»[397]. Этим заявлением Сталин подвергнет сомнению непогрешимость вождя, заявит свои права на место с ним в одном ряду деятелей, совершавших революцию. Вполне вероятно, что такого рода эпизоды подталкивали Ленина к переосмыслению связавших их отношений.

Изменение стиля общения вряд ли было случайным. Вероятно, Сталин претендовал на более важное место, чем то, которое ему было отведено изначально, что могло вызывать раздражение со стороны Ленина. Нам известны несколько документов Сталина, которым Ленин не дал ход.

В ноябре 1921 г. Сталин подготовит предложения по реорганизации работы Политбюро и направит их со своей сопроводительной запиской Ленину, в которой скажет: «Тов. Ленин! Раньше, чем поставить этот вопрос в П.Б., я решил обратиться к вам с вопросом: каково ваше мнение на этот счет?» В этой записке Сталин критически оценит работу Политбюро в отношении вопросов хозяйственного характера. Подготовка таких вопросов, по его мнению, «протекает у нас в условиях более чем ненормальных». Многочисленные комиссии действуют вразброд, при этом не всегда прямо связаны с Политбюро. Члены ЦК Политбюро не имеют в своем составе специалистов по хозяйственным вопросам, а члены Политбюро при этом еще и перегружены «текущей и крайне разнообразной работой». Сталин предложит ни много ни мало — изменить «состав ЦК вообще, Политбюро в частности в пользу знатоков хозяйственного дела». Сделать это он предложит на XI съезде партии. До этой реорганизации

Сталин сочтет возможным провести некоторые меры, «могущие более или менее упорядочить дело подготовки хозяйственных и финансовых вопросов». Все существующие хозяйственные комиссии, по мнению Сталина, следовало свести «к 4-м комиссиям (финансово-денежная, промышленная, торговая с потребкооперацией, сельскохозяйственная с соответствующими видами кооперации)». Следующим предложением Сталина станет «расписать четырех членов Политбюро по этим комиссиям», а также «разгрузить их от всякой прочей работы»[398].

Он предложит определить эти комиссии «по партийной линии при Политбюро, а по Советской при СТО», не смущаясь двойным подчинением этих комиссий и не определяя главенствующую роль названных органов власти. Замысел Сталина проясняет его предложение, касающееся «пятого члена Политбюро, тов. Ленина». Его предлагалось «не связывать обязательством участия в работах комиссии, предоставив ему возможность увязать в работу всех четырех комиссий через четырех членов Политбюро или в ином порядке». Пятый член Политбюро в этой конструкции превращался, таким образом, в верховного арбитра принимаемых решений. Причем закрепление этой конструкции формальным решением выводило на второй план вопрос о личности человека, занимавшего этот пост.

Понятно, что мысль Сталина билась вокруг вопросов о системе государственного управления и месте в ней компартии. Они не были решены Лениным или партийными теоретиками ни теоретически, ни практически. Но и вопрос о личном позиционировании Сталина никак нельзя сбрасывать со счетов. Ведь Сталин, напомним, в это время является едва ли не фактическим заместителем Ленина в СТО. Причем, как было показано выше, именно этим двоим руководителям было предоставлено право единоличных решений. Сталин в такой конструкции превращался бы в главного претендента на роль первого лица в системе госуправления в случае ухода Ленина из власти (неважно — временно или насовсем) по тем или иным причинам. Показательным представляется и предложение «разгрузить» членов нового состава Политбюро от «всякой прочей» текущей работы. За пределами «хозяйственной» работы оставалась работа политическая. Сталин, таким образом, предлагал Ленину фактически сделать из членов Политбюро «смотрящих» за экономикой. Напрашивается мысль о том, что собственно политические функции в этой схеме опять-таки отводились «пятому члену» Политбюро. Строго говоря, именно эту схему управления Сталин и выстроит, придя к единоличной власти на рубеже 1920–1930-х гг. Сталин не получит ответа от Ленина, и мы не узнаем о том, что именно смутило лидера большевиков: содержательные новации Сталина или присвоенное им себе право выдвигать подобные предложения. В любом случае Ленин не мог оставить без внимания и выводов подобный демарш.

Т. Ленин! Раньше, чем подвергнуть этот вопрос в П.Б. я решил обратиться [illegible] Вашего мнения на этот счет? И. Сталин

Секретарь т. Сталина
№ 93
24.XI.1921.

Тов. Ленину кажется, что [illegible] 1

[illegible] /финансовой, промышленной, торговой, кооперативной и т.д.), [illegible] Политбюро, [illegible] Насколько [illegible] с точки зрения [illegible] /кооперативная при СТО, Ленинская по [illegible], финансовая при СТО, денежная, т.е. [illegible] /не связаны между собою, действуют в разброд, с одной стороны, и с другой — не всегда связаны прямо с Политбюро, т.е. не все эти комиссии имеют своего своего того или иного члена Политбюро. Далее, сам ЦК в лице его, Политбюро, поручены так, что в их составе почти нет вовсе знатоков хозяйственного дела, что также отражается /можно, по-видимому, на подготовке хозяйственных вопросов. Наконец, члены Политбюро до того перегружены текущей и полной крайне разнообразной работой, что Политбюро [illegible] вынуждено решать вопросы на основании докладов или материала к тем или иным комиссиям, не вникая в существо дела.

Исходя из этих [illegible] можно было бы, изменив состав ЦК вообще, Политбюро в частности в пользу знатоков хозяйственного дела. Я думаю, что эту операцию следует произвести на XI-м съезде партии /то ли объединив, то ли [illegible] не исполнить этот пробел/. А пока можно было бы провести следующие меры, могущие более или менее упорядочить дело подготовки хозяпостроечных [illegible] вопросов:

1/ свести все существующие хозяйственные комиссии к 4-м комиссиям /финансово-экономическая, промышленная, торговая с потребкооперацией, сельско-хозяйственная с соответствующими [illegible] кооперацией/, определив их по партийной линии при Политбюро, и по советской при СТО;

2/ распределить четырех членов Политбюро по этим комиссиям, обязав их принять в работах комиссии самое активное участие /каждого члена Политбюро, тов. ЛЕНИНА, не связывать обязательством участия в работах комиссии, предоставив ему возможность уделять в работу всех четырех комиссий через [illegible]

Секретарь т. Ленина
дело №
по порядку №

Политбюро или в иное порядке/;

3/ [illegible] нагрузить от комиссии [illegible] указанных выше четырех членов Политбюро.—

И. Сталин

24/XI — 21.

[illegible]

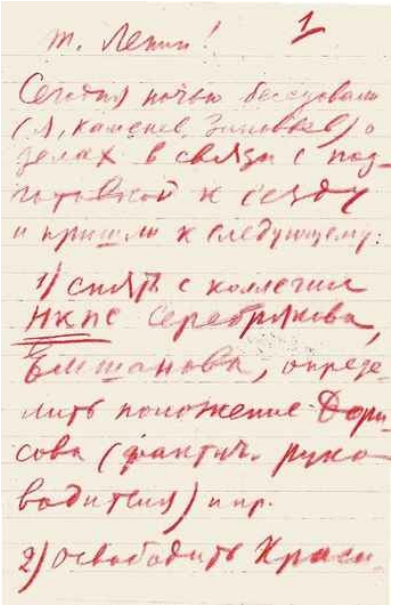
Письмо И.В. Сталина в Политбюро ЦК РКП(б) о подготовке хозяйственных вопросов для решения в Политбюро с просьбой к В.И. Ленину высказать свое мнение

29 ноября 1921

Подпись — автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 263. Л. 1]

21 февраля 1922 г. Сталин обратится к Ленину с объемными предложениями кадровых перемещений руководителей наркоматов, вновь увязав их с подготовкой к XI съезду партии. Сталин прямо сошлется на предварительную договоренность с Л.Б. Каменевым и Г.Е. Зиновьевым по существу направленных Ленину предложений. Седьмой последний пункт предложений этой записки проясняет, между прочим, каким образом Сталин получил пост генерального секретаря. В этом пункте он предложил Ленину новый состав Секретариата ЦК: Сталин, Молотов, Куйбышев, причем призвал «заявить об этом на съезде в отчете ЦК, чтобы авансом покрыть атаки против секретариата (нынешнего)»[399]. «Такова, — резюмирует Сталин, — должна быть, по нашему мнению, программа подготовительных работ к съезду и кампании на съезде». Кроме того, себя Сталин предложит «освободить от Инспекции», т. е. Наркомата рабоче-крестьянской инспекции. В числе некоторых предложений этого письма, принятых Лениным, стало избрание запрошенного Сталиным состава Секретариата ЦК и освобождение от обязанностей наркома РКИ. Это письмо, помимо прочего, явным образом обозначило формирование внутри Политбюро фракционной тройки в составе Сталина, Каменева, Зиновьева. Поиски Лениным политического баланса приведут его к блокированию с Троцким.

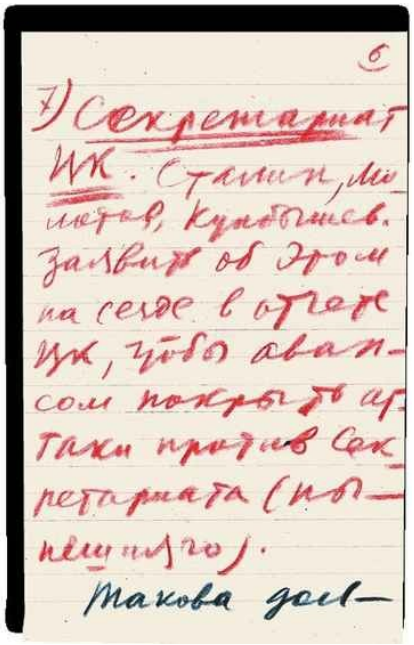


т. Ленин! 1

Сегодня ночью беседовали (Л. Каменев, Зиновьев) о делах в связи с подготовкой к сезду и пришли к следующему:

1) снять с коллегии НКПС Серебрякова, Емшанова, определить положение Дорисова (фактич. руководителя) и пр.

2) освободить Красн



6

7) Секретариат ЦК. Сталин, Молотов, Куйбышев. Заявить об этом на сезде в отчете ЦК, чтобы авансом покрыть аттаки против Секретариата (нынешнего).

Такова дол—

Письмо И.В. Сталина В.И. Ленину о проекте перемещения должностных лиц в наркоматах и состава Секретариата ЦК РКП(б), выработанном на совещании И.В. Сталина с Л.Б. Каменевым и Г.Е. Зиновьевым 21 февраля 1922

Автограф И.В. Сталина [РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24207. Л. 1–12]

XI съезд станет последним съездом партии, в котором принял участие Ленин, причем до последнего момента оставалось неясным, сможет ли он сделать это по причине интенсивно развивавшейся болезни. За три недели до съезда — 3 марта — он напишет Л.Б. Каменеву письмо, в котором признается: «На съезде, вероятно, не могу читать доклада», и попросит его: «Вы приготовьте доклад»[400]. Очевидно, что Сталин не воспринимался Лениным в качестве спикера, который мог бы заместить его в качестве автора политического отчета ЦК. Каменев этот съезд и открыл 27 марта. Делегаты проголосуют за предложенный состав Президиума съезда, составленный явно не по алфавиту. Список откроет имя Ленина, следом Троцкий, Зиновьв, Каменев, Сталин — пятый, всех — 19 человек. Эти выборы в состав президиума останутся единственным заметным появлением Сталина на публике. Он не будет выступать ни с докладом, ни в прениях, его имя прозвучит на съезде восемь раз. Для члена Политбюро — руководящего органа партии — не вполне обычное поведение. На XI съезде РКП(б) Сталин будет вновь избран в состав ЦК 463 голосами. Это всего лишь десятый результат. Более популярными деятелями окажутся В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Н.И. Бухарин, М.И. Калинин, Ф.Э. Дзержинский, К.Б. Радек, М.П. Томский, А.И. Рыков, Х.Г. Раковский.

Пленум ЦК, состоявшийся 3 апреля — на следующий день после завершения работы съезда, изберет Политбюро в составе Ленина, Троцкого, Зиновьева, Каменева и Сталина, кандидатами в члены станут Бухарин, Калинин, Молотов. Пленум примет решение «установить должность генерального секретаря и двух секретарей. Генеральным секретарем назначить т. Сталина, секретарями — тт. Молотова и Куйбышева»[401]. Интересно отметить, что это постановление пленума содержится в разделе «Конструирование ЦК», но открывается пунктом «О председателе», в котором было записано: «Подтвердить единогласно установившийся обычай, заключающийся в том, что ЦК не имеет председателя. Единственными должностными лицами ЦК являются секретари, председатель же избирается на каждом данном заседании». Очевидно, что этот пункт был призван указать на «технический» статус должности генерального секретаря, несколько успокоить общественное мнение и указать самому Сталину его реальное место — не председателя партии, а руководителя аппарата. Причем Ленин внесет предложение — в течение ближайшего месяца освободить Сталина от исполнения обязанностей наркома Рабоче-крестьянской инспекции.

Сталинские предложения Ленину, о которых было рассказано выше, не содержали ни подобной должности, ни, естественно, персональных предложений. Скорее всего, решение подчеркнуть первенствующее положение Сталина среди секретарей родилось у Ленина в течение месяца, прошедшего до начала съезда. Вероятно, и быть по другому не могло — слишком разными весовыми категориями обладали эти

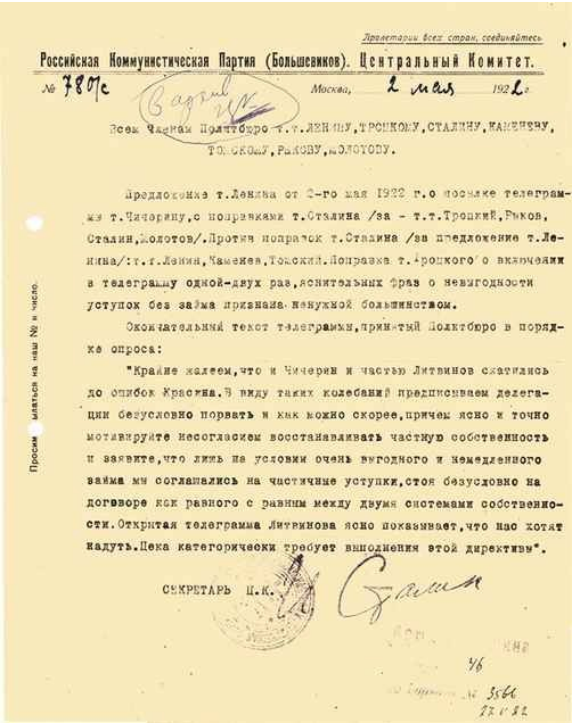
фигуры. Поставить Сталина в один ряд с Молотовым и Куйбышевым — значило нанести ему личное оскорбление. Тем не менее не лишним будет привести мнение Молотова, который много позднее будет вспоминать о том, что именно Ленин предложил ввести должность генерального секретаря и назначить на нее Сталина. Идея будет оформлена накануне выборов состава ЦК. «…На XI съезде появился так называемый «список десятки» — фамилии предполагаемых членов ЦК, сторонников Ленина. И против фамилии Сталина было написано: «Генеральный секретарь»». Ленин, по воспоминаниям Молотова, организовал фракционное заседание «десятки»… «Уговорились: фракционное собрание, троцкистов — нельзя, рабочую оппозицию нельзя, демократический централизм тоже не приглашать, только одни крепкие сторонники «десятки», то есть ленинцы. Собрал, по-моему, человек двадцать от наиболее крупных организаций перед голосованием. Сталин даже упрекнул Ленина, дескать, у нас секретное или полусекретное совещание во время съезда, как-то фракционно получается, а Ленин говорит: «Товарищ Сталин, вы-то старый, опытный фракционер! Не сомневайтесь, нам сейчас нельзя иначе. Я хочу, чтобы все были хорошо подготовлены к голосованию, надо предупредить товарищей, чтобы твердо голосовали за этот список без поправок! Список ‘десятки’ надо провести целиком. Есть большая опасность, что станут голосовать по лицам… — и разжижат список, опять у нас не будет большинства. А как тогда руководить!»» То ли с недоумением, то ли с восхищением Молотов напомнит: «А ведь на X съезде Ленин запретил фракции». Голосовали, подчеркнет Молотов, «с этим примечанием в скобках. Сталин стал Генеральным. Ленину это больших трудов стоило. Но он, конечно, вопрос достаточно глубоко продумал и дал понять, на кого равняться».

Как бы там ни было, Сталин, Молотов, Куйбышев — с этими секретарями во главе большевистский ЦК партии начнет новую эру ее истории. Генеральный — Сталин вскоре ясно обозначит свои претензии на лидерство в партии. «Постепенно авторитет Сталина поднялся, — зафиксирует Молотов, — и вырос в гораздо большее, чем предполагал Ленин или чем он даже считал желательным»[402].

Надо сказать, что к этому переломному моменту не только в карьере Сталина, но и в судьбе страны его аппаратный вес будет восприниматься как значительный и чрезмерный. Е.А. Преображенский на XI съезде РКП(б) в ходе дискуссии о соотношении советской и партийной работы и проблемы их разграничения приведет в качестве отрицательного примера именно Сталина, «члена Политбюро, который является в то же время наркомом двух наркоматов. Мыслимо ли, чтобы человек был в состоянии отвечать за работу в Политбюро, в Оргбюро и десятке цекистских комиссий?»[403] И хотя это высказывание не было целенаправленной атакой на Сталина, которого Преображенский помянул лишь в качестве примера, Ленин в этот момент счел

необходимым вмешаться и поддержать Сталина: «Нужно, чтобы во главе стоял человек с авторитетом». Следующая ленинская фраза вполне раскрывает его взгляды на целесообразность концентрации властных полномочий на верху управленческой пирамиды: «Да и как можно делать иначе?»[404] Эта короткая полемика, как нам кажется, ясно свидетельствует о том, что для многих партийных активистов Сталина на верху стало слишком много и именно из желания избежать чрезмерного внимания к своей персоне он и принял решение минимизировать свою публичную активность. Вполне вероятно — по совету или по согласованию с Лениным.

Несмотря на ключевую роль, которую Ленин начиная с 1917 г. сыграл в его политическом возвышении, в течение последних двух лет жизни вождя Сталин вступает с ним в ряд конфликтов. В мае 1922 г. в период переговоров на Генуэзской конференции Ленин, опасаясь, что руководители советской делегации могут пойти на уступки, не предусмотренные указаниями ЦК, пишет записку в Политбюро с проектом директивной телеграммы. Сталин вносит в нее правку и, несмотря на прямые возражения Ленина, голосованием через Политбюро проводит свой вариант директивы[405]. В ноябре 1922 г. Сталин напишет Ленину пространную записку, в которой подвергнет критике интервью, данное Лениным корреспонденту «Обсервер», в той его части, где Ленин, по выражению Сталина, «освящает существование левого коммунизма». Это создает «сумбур, неясности», — подчеркнет Сталин. И порекомендует: «Хорошо было бы в дальнейшем исправить этот недочет»[406]. Подобный стиль общения с общепризнанным вождем партии довольно резко контрастировал с тем, что позволяли себе другие члены ближайшего окружения Ленина.



Пролетарии всех стран, соединяйтесь

Российская Коммунистическая Партия (Большевиков). Центральный Комитет.

№ 780/с Москва, 2 мая 1922 г.

Всем членам Политбюро т.т. ЛЕНИНУ, ТРОЦКОМУ, СТАЛИНУ, КАМЕНЕВУ, ТОМСКОМУ, РЫКОВУ, МОЛОТОВУ.

Предложение т.Ленина от 2-го мая 1922 г. о посылке телеграммы т.Чичерину, с поправками т.Сталина /за - т.т.Троцкий, Рыков, Сталин, Молотов/. Против поправок т.Сталина /за предложение т.Ленина/: т.т.Ленин, Каменев, Томский. Поправка т.Троцкого о включении в телеграмму одной-двух раз, язвительных фраз о невыгодности уступок без займа признана ненужной большинством.

Окончательный текст телеграммы, принятый Политбюро в порядке опроса:

"Крайне жалеем, что и Чичерин и частью Литвинов сжились до ошибок Красина. В виду таких колебаний предписываем делегации безусловно порвать и как можно скорее, причем ясно и точно мотивируйте несогласием восстанавливать частную собственность и заявите, что лишь на условии очень выгодного и немедленного займа мы соглашались на частичные уступки, стоя безусловно на договоре как равного с равным между двумя системами собственности. Открытая телеграмма Литвинова ясно показывает, что нас хотят надуть. Дела категорически требует выполнения этой директивы".

СЕКРЕТАРЬ Ц.К.

Просим ссылаться на наш № и число.

Письмо И.В. Сталина всем членам Политбюро ЦК РКП(б) с результатами голосования и с окончательным текстом телеграммы Политбюро ЦК РКП(б) советской делегации в Генуе немедленно прервать переговоры

2 мая 1922

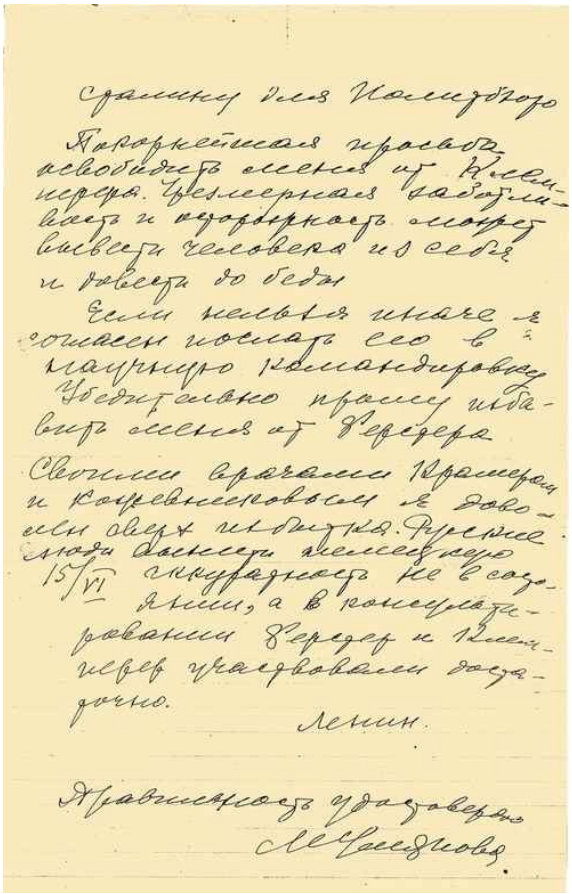
[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24989. Л. 1]

С 1922 г. из-за болезни Ленин отошел от практической деятельности, в этой связи в большевистском руководстве обострилась борьба за первенство. Сталин, Зиновьев и Каменев организовали так называемую тройку против Троцкого. Их совокупный политический вес (Зиновьев возглавлял Петроградскую партийную организацию и Коминтерн, Каменев — Московский комитет РКП(б) и СТО, Сталин — Секретариат и Оргбюро ЦК, Рабкрин и Наркомнац) обеспечит им в конце концов победу над Троцким, который руководил «всего лишь» Красной армией, будучи Наркомвоенмором и Предреввоенсовета Республики. Важно при этом понимать, что внутрипартийная борьба не сводилась к проблеме личного первенства. Каждая из групп и в этом случае, и во всех других фракционных столкновениях стремилась реализовать на практике собственные представления о теории и практике строительства социализма.

25 мая 1922 г. у Ленина случился первый инсульт, через несколько дней — 30 мая он попросит Сталина принести ему яд. Политбюро поручает Сталину контролировать режим Ленина, круг его контактов и

общения. Сохранился ряд писем Ленина и Сталина друг к другу по вопросам лечения и врачебного режима[407].

Вскоре отношения Ленина и Сталина обостряются в связи с разногласиями по вопросу объединения советских республик в единое государство. Сталин считал себя главным теоретиком и практиком партии в закрепленных за ним формально вопросах национального строительства и все менее склонен следовать указаниям Ленина, выступившего против сталинского плана «автономизации», то есть включения республик в состав РСФСР на правах автономий. Сталинский план встретил сопротивление в Грузии, подавляя которое, эмиссар Москвы Орджоникидзе позволил себе рукоприкладство. Ленин придал этому эпизоду политическое звучание, он считал, что расследование тормозится Сталиным и Дзержинским. Оценивая ситуацию, Каменев напишет Зиновьеву, что Ленин хочет не только примирения в Закавказье, «но и определенных организационных выводов наверху», т. е. смещения Сталина. Сталин в ответ обвинит Ленина в «национальном либерализме». В конечном итоге именно в соответствии с ленинским абрисом плана государственного строительства республики вошли в состав СССР на правах союзных со всеми формальными атрибутами государственности. В литературе и общественном сознании закрепилась идея о полной победе Ленина в вопросе о принципах организации Союза ССР. Однако, как мы увидим в следующей главе, это представление не совсем верно, если не сказать больше. Ленин, призвав в сторонники Троцкого, выступил также против смягчения монополии внешней торговли, за что ратовало большинство ЦК, включая Сталина. Именно за «самовольную» запись диктовки Ленина по этому вопросу, адресованную Троцкому, Сталин и устроил Н.К. Крупской разнос, завершившийся разрывом отношений с больным вождем. Этот конфликт с Крупской не был первым. В ноябре 1921 г. Сталин направил Ленину довольно резкое по тону письмо по поводу замечаний Крупской, руководившей Наркоматом просвещения, о проекте подготовленного под его руководством Положения об отделе агитации и пропаганды ЦК[408].



Сталину для Политбюро

Покорнейшая просьба освободить меня от Клемперера. Чрезмерная заботливость и осторожность может вывести человека из себя и довести до беды

Если нельзя иначе я согласен послать его в научную командировку

Убедительно прошу избавить меня от Ферстера

Своими врачами Крамером и Кожевниковым я доволен сверх избытка. Русские люди вынесли немецкую 15/VI аккуратность не в состоянии, а в консультировании Ферстер и Клемперер участвовали достаточно.

Ленин.

Правильность удостоверяю

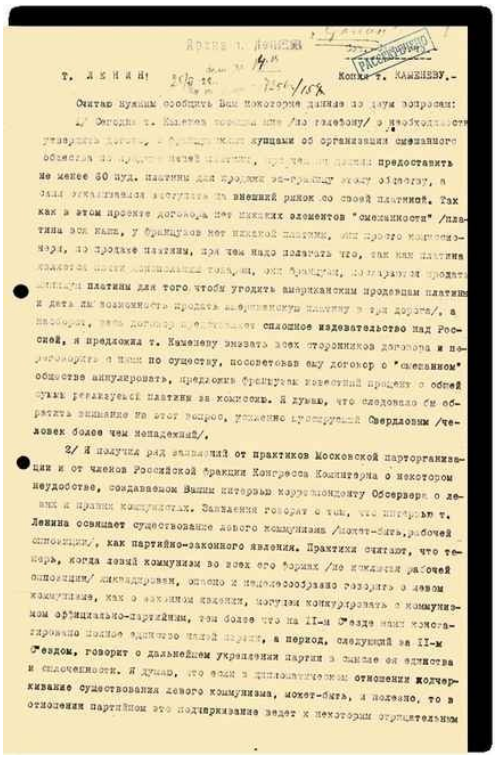
М. Ульянова

Письмо В.И. Ленина И.В. Сталину и в Политбюро ЦК РКП(б) с просьбой освободить его от чрезмерной опеки немецких врачей Г. Клемперера и О. Ферстера

15 июня 1922

Подлинник. Автограф М.И. Ульяновой

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25992. Л. 1]



Т. ЛЕНИНУ

Копия т. КАМЕНЕВУ.-

Считаю нужным сообщить Вам некоторые данные по двум вопросам:

1/ Сегодня т. Красин говорил мне /по телефону/ о необходимости утверждать договор с французами купцами об организации смешанного общества по продаже платины, предоставить не менее 50 пуд. платины для продажи за-границу этому обществу, а сами отказываемся вступать на внешний рынок со своей платиной. Так как в этом проекте договора нет никаких элементов "смешанности" /платина вся наша, у французов нет никакой платины, они просто комиссионеры, по продаже платины, при чем надо платить что, так как платина принадлежит нашим коммунистам товарищам, они французы, получают продать минимум платины для того чтобы угодить американским продавцам платины и дать им возможность продать американскую платину в три дорога/, а наоборот, весь договор предусматривает сплошное издевательство над Россией, я предложил т. Каменеву вызвать всех сторонников договора и поговорить с ними по существу, посоветовав ему договор о "смешанном" обществе аннулировать, предложив французам новостный проект о общей продаже реализуемой платины за комиссию. Я думаю, что следовало бы обратить внимание на этот вопрос, усиленно проигнорированный Свердловым /человек более чем неадекватный/.

2/ Я получил ряд замечаний от практиков Московской парторганизации и от членов Российской фракции Конгресса Коминтерна о некотором неудобстве, созданном Вашим интервью корреспонденту Обсервера о левых и правых коммунистах. Заявления говорят о том, что интервью т. Ленина освящает существование левого коммунизма /может-быть, рабочей оппозиции/, как партийно-законного явления. Практики считают, что теперь, когда левый коммунизм во всех его формах /не исключая рабочей оппозиции/ дискредитирован, опасно и нецелесообразно говорить о левом коммунизме, как о законном явлении, которым конкурировать с коммунизмом официально-партийным, тем более что на II-м С'езде наш коммунизм получил полное единство нашей партии, а период, следующий за II-м С'ездом, говорит о дальнейшем укреплении партии в смысле ее единства и сплоченности. Я думаю, что если в дипломатическом отношении подчеркивание существования левого коммунизма, может-быть, и полезно, то в отношении партийном это подчеркивание ведет к некоторым отрицательным результатам в ущерб партии и в угоду рабочей оппозиции, создает сумбур, неясности. Хорошо было-бы в дальнейшем устранить этот недочет.-

"18" ноября 1922 г. И. Сталин

№ 3810/с

/Зад/

РАССЕКРЕЧЕНО

Письмо И.В. Сталина В.И. Ленину по вопросу об организации смешанного общества по продаже платины и об интервью В.И. Ленина корреспонденту «Обсервер» о левых коммунистах

13 ноября 1922
[РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 272. Л. 1–1 об.]

1922 год становится в жизни Сталина определенной вехой. В конце этого года в публичной иерархии большевистских вождей он по-прежнему будет замыкать их список. На IV конгрессе Коммунистического интернационала (Коминтерна), который пройдет в ноябре — декабре в Петрограде и Москве, список российской делегации будет прежним — его откроет имя Ленина, следом Зиновьев, Троцкий, Каменев, Сталин — пятый. Однако, именно в этот период он позволяет себе отчетливо проявить претензии на политическое лидерство и политическую самостоятельность по отношению к Ленину, в фарватере которого он в основном следовал в предшествующие годы. Он занимает в составе ЦК должность генерального секретаря, выделяющую его не только среди членов ЦК, но и членов Политбюро, сосредоточивая в своих руках, по выражению Ленина, «необъятную власть». Этот год завершится для Сталина, как мы увидим, триумфально. Именно под его непосредственным руководством был создан Союз ССР, подписание декларации о создании которого и союзного договора состоится 31 декабря 1922-го.

В своих последних работах Ленин несколько раз обратится к характеристике личности Сталина. «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека». Отметит Ленин «торопливость и администраторское увлечение» Сталина. Дойдет дело и до прямых оскорблений: Ленин назовет его «настоящим и истинным не только социал-националом», но и «грубым великорусским держимордой»[409]. Не скажет Ленин только о том, что без его, Ленина, поддержки Сталин со всеми его недостатками никогда, вероятнее всего, не достиг бы высот в большевистской иерархии.

Сомнение Ленина, «сумеет ли он [Сталин] всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью», начнет подтверждаться уже в близкой исторической перспективе. При этом Ленин так и не увидит, что созданная им политическая система диктатуры [пролетариата], поставившая под контроль коммунистической партии законодательную, исполнительную и судебную власти, а также средства агитации и пропаганды, прямо способствовала появлению на самом своем верху подобной фигуры диктатора.

Рекомендация Ленина «товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места»[410] не будет реализована, и уже в 1923 г. в большевистском ареопаге Сталин займет место первого среди равных, право на которое будет в течение ряда лет оспариваться в жесткой внутрипартийной борьбе.

Глава 2

Из вождей в единоличные лидеры

«…Добиться в кратчайший срок объединения всех независимых республик с РСФСР». От самоопределения наций к строительству СССР

В 1922 г. на карте мира возникнет новое государство — Союз ССР. Процесс его создания был запущен в январе 1922-го, а становление происходило в сложной внутри- и внешнеполитической обстановке. К этому моменту на пространстве бывшей Российской империи находилось множество государственных образований — «буржуазные» Польша, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, существование которых Советская Россия была вынуждена признать де-юре. Румыния инкорпорирует в свой состав Бессарабию, но этот аннексионистский акт советское руководство признавать откажется. На другом полюсе постимпериума мы обнаруживаем советизированное при помощи штыков Красной армии пространство, к объединению которого в рамках единого государства и приступит большевистское руководство. Между тем, на выходе из Гражданской войны на территории РСФСР разразится голод, центром которого станут поволжские губернии. Голод унесет несколько миллионов жизней. Борьба с бедствием и его последствиями не станет для советского руководства единственной и главной точкой приложения сил. В 1922 г. будет запущено несколько процессов, рассказу о которых и посвящаются начальные стра- ницы этой главы. Начнем с главного — объединительного процесса, который на излете года завершится созданием Союза ССР.

Центром силы этого пространства являлась Советская Россия, с 1918 г. принявшая форму и название «РСФСР». В ходе Гражданской войны 1918–1922 гг. при поддержке большевистского руководства Советской России возник ряд советских республик, некоторые из них дожили до ее окончания и были официально признаны РСФСР в качестве формально независимых государств. Так, в январе 1919 г. ВЦИК РСФСР признал независимость Белорусской Социалистической Советской Республики, в мае 1920 г. — Азербайджанской Советской Независимой Республики, в ноябре — Советской Республики Армении; в

феврале 1921 г. — Социалистической Советской Республики Грузии. Независимость Украины на уровне деклараций большевики признают в ряду самых первых своих решений — еще в декабре 1917 г. Тогда же они создадут Украинскую Советскую Республику в качестве альтернативы «буржуазной» Украинской Народной Республике и в ходе Гражданской войны обеспечат победу советской власти на Украине. В декабре 1920 г. будет подписан союзный договор между РСФСР и Украинской ССР. Аналогичные союзные договоры были подписаны — в сентябре 1920 г. с советским Азербайджаном, в январе 1921 г. с советской Белоруссией, в мае — с советской Грузией. В апреле 1920 г. решением руководства РСФСР будет создана Дальневосточная Республика, призванная сыграть роль буфера между Советской Россией и интервентами (США, Япония), в декабре будет подписан двусторонний договор о границах. Значительная часть Центральной Азии будет также советизирована. Так называемый Туркестан на правах автономии будет включен в состав РСФСР, а вот на территории бывших Хивинского ханства и Бухарского эмирата будут созданы Хорезмская Народная Советская Республика и Бухарская Народная Советская Республика, с которыми РСФСР подпишет союзные договоры в сентябре 1920 и марте 1921 г. соответственно [411].

Отношения республик, связанных двусторонними договорами, были порядком запутаны. Один из лидеров украинских большевиков периода Гражданской войны Д.З. Мануильский в 1922 г. напишет Сталину: «… положение, которое создалось на окраинах и, в частности, на Украине, приводящее к ряду конфликтов между ведомствами центра и мест, дальше длиться не может. Это положение, приводящее к тому, что ответственные товарищи должны тратить три четверти своего времени на урегулирование конфликтов, должно быть радикально пересмотрено, ибо оно не отвечает больше объективной обстановке»[412].

Да и «федеративное» устройство самой РСФСР у современников и участников событий вызывало порой изумление. Член коллегии Наркомата внутренних дел М. Лацис проанализирует решения III Всероссийского съезда Советов, принявшего первую советскую конституцию. Федерация как форма управления сколько-нибудь ясно не сложилась, укажет он и пояснит свою мысль на примере так называемой Московской области: «Эта область, по плану организаторов, сама представляет федерацию 14 губернских советов. Каждая губерния имеет свое Советское правительство — Совет народных комиссаров. Эти правительства связываются в Московском Областном Совете Народных Комиссаров. А сама Московская область входит в состав Российской Федеративной Советской Республики. Получается федерация — федераций. Если мы к этому добавим произвольность соединения этих 14 губерний, то получим абсурд федерализма»[413]. За годы Гражданской войны к этому конгломерату будут добавляться многочисленные автономии, создававшиеся по

национальному признаку. Для решения проблем, накапливавшихся в этой сфере управления, ВЦИК РСФСР 7 февраля примет решение создать «особую комиссию» под председательством Сталина «для разработки вопросов федеративного устройства РСФСР»[414].

Сегодня может показаться странным, но решающим импульсом к переосмыслению положения дел и «наведению порядка» прежде всего в меж-, но и внутриреспубликанских отношениях станет не столько внутренняя потребность, сколько внешний фактор.

В январе 1922 г. накануне Международной экономической конференции в Генуе, куда Советская Россия была приглашена решением совещания Верховного Совета Лиги Наций, нарком иностранных дел Г.В. Чичерин написал письмо одному из секретарей ЦК РКП(б) — В.М. Молотову.

В нем он обратил внимание партийного руководства на «чрезвычайной важности вопрос о включении братских республик в РСФСР к моменту конференции. Момент, — подчеркнет Чичерин, — достаточно благоприятен для проведения этой очень крупной меры без серьезных международных осложнений. На конференции следует поставить державы перед свершившимся фактом. Если мы на конференции заключим договоры как девять параллельных государств, это положение дел будет юридически надолго закреплено, и из этой путаницы возникнут многочисленные затруднения для нас в наших сношениях с Западом»[415].

Георгий Васильевич Чичерин
1926
[РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 10. Л. 67]

Через три дня — 13 января — члены Политбюро (включая Ленина) получат от Сталина письмо, в котором он солидаризуется с позицией Чичерина: «Считаясь с обрисованной выше нежелательной перспективой и исходя из необходимости установления единства

дипломатического фронта, некоторые товарищи предлагают добиться в кратчайший срок объединения всех независимых республик с РСФСР на началах автономии». «Вполне разделяя эту последнюю точку зрения», Сталин, однако, укажет, «что для проведения ее в жизнь потребуется серьезная подготовительная работа, требующая более или менее длительного срока...» А пока он предложит ограничиться «установлением единого дипломатического фронта». Свою позицию Сталин согласует с Лениным и прямо сошлется в своем письме на его поддержку: «Может быть нелишне будет сообщить, что тов. Ленин выразил полное согласие с предлагаемым планом»[416]. 23 января Политбюро примет решение «считать безусловно необходимым единый дипломатический фронт Советской Федерации по возможности в форме единой делегации, представляющей все советские республики». Через месяц — 22 февраля полномочными представителями советских республик Азербайджана, Армении, Белоруссии, Бухары, Грузии, Украины, Хорезма и Дальневосточной Республики будет подписан протокол о передаче правительству РСФСР полномочий «представлять и защищать на этой конференции интересы указанных восьми республик» [417].

Христиан Георгиевич Раковский
[РГАСПИ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 647]

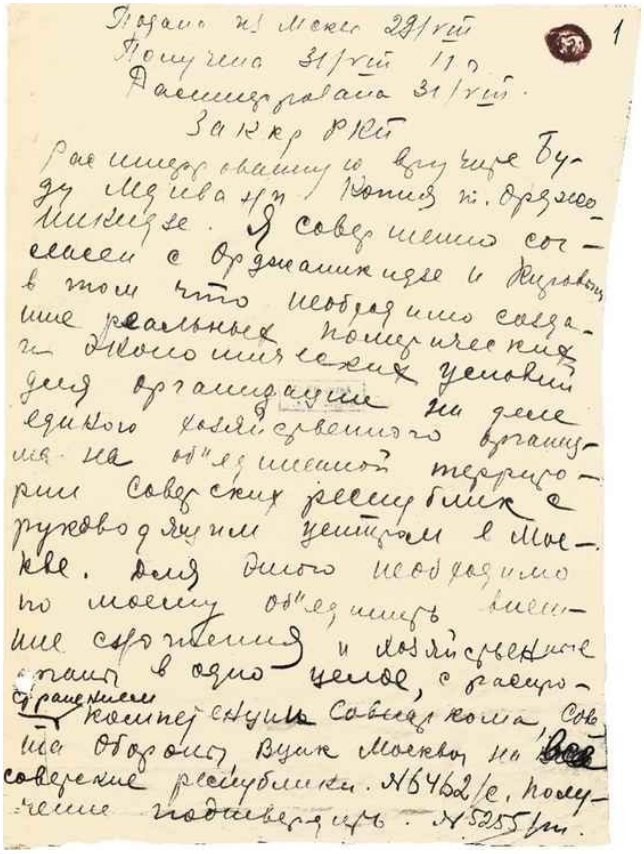
Первым с возражениями против первой части изложенного плана «объединения всех независимых республик с РСФСР на началах автономии» выступит не Ленин. Сделает это председатель Совнаркома Украины Х.Г. Раковский, который назовет этот проект, авторство которого он поначалу будет связывать с именем Чичерина, «величайшей политической ошибкой»[418].

Именно украинское руководство и стало возбудителем спокойствия на большевистском олимпе.

В руководстве РКП(б) начнутся серьезные дебаты о принципах организации создаваемого государства, главными акторами в которых выступили, с одной стороны, Ленин и с другой — Сталин, который к этому времени, как мы помним, возглавил организационные структуры партии, будучи избран на пост ее генерального секретаря. Возглавит он и процесс подготовки к образованию СССР, начавшийся с «инвентаризации» существующего положения дел. 11 мая 1922 г. Сталин войдет в комиссию, образованную Политбюро «для проверки отношений между УССР и РСФСР и выработки положения, регулирующего отношения между ними»[419]. Работа комиссии покажет, что требуется урегулировать отношения не только этих двух республик. 11 августа 1922 г. решением Политбюро ЦК была создана новая комиссия во главе со Сталиным «с поручением к следующему пленуму ЦК подготовить вопрос о взаимоотношениях РСФСР и независимых республик, для оформления его потом в советском порядке»[420]. Вскоре Сталин подготовит проект резолюции о взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками, в котором предложит «признать целесообразным формальное вступление независимых Советских республик: Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии и Армении в состав РСФСР…»[421] 29 августа Сталин направит в Закавказский крайком РКП(б) телеграмму, в которой солидаризуется с Г.К. Орджоникидзе и С.М. Кировым «в том, что необходимо создание реальных политических и экономических условий для организации на деле единого хозяйственного организма на объединенной территории Советских республик с руководящим центром в Москве». «Для этого необходимо, по-моему, — подчеркнет Сталин, — объединить внешние сношения и хозяйственные органы в одно целое, с распространением компетенции Совнаркома, Совета Обороны, ВЦИК Москвы на все Советские республики» [422].

В сентябре дискуссия достигнет апогея. ЦК Грузинской компартии примет постановление «считать преждевременным» предложенное «на основании тезисов тов. Сталина объединение в форме автономизации»[423]. При этом один из противников сталинского проекта Ф. Махарадзе на следующий день — 16 сентября — напишет Ленину письмо, где фактически признает наличие проблем, на которые Сталин указал в процитированной ранее телеграмме: «Создалась у нас страшная путаница и неразбериха во взаимоотношениях между союзными органами, с одной стороны, и республиканскими — с другой»[424]. Так что сталинский план автономизации не был результатом только голого доктринерства. Сталин, помимо всего, посредством выстраивания иерархической вертикали и упрощения таким образом системы управления пытался решить вставшие проблемы и в сфере международных отношений, и в области экономического

взаимодействия центра и республик. Таким образом, возникшие в ходе государственного строительства проблемы только подкрепляли теоретические воззрения Сталина на целесообразность унитаризма.



Телеграмма И.В. Сталина в Закавказский краевой комитет П.Г. Мдивани и Г.К. Орджоникидзе о создании политических и экономических условий для организации единого хозяйственного организма на объединенной территории советских республик с центром в Москве

29 августа 1922

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4467. Л. 1]

Нельзя не сказать, что сталинский план строительства нового государства вполне соотносился с теоретическими построениями Ленина прежнего времени. В 1913 г. в письме Шаумяну Ленин однозначно сформулирует свои представления: «Мы против федерации… Мы в принципе против федерации — она ослабляет экономическую связь, она негодный тип для одного государства»[425]. В том же году Сталин обнародует свою самую известную работу по этой теме «Марксизм и национальный вопрос»[426], написав которую, он

заслужит в российской социал-демократической среде репутацию специалиста по национальному вопросу. В ней Сталин признает: «Нация имеет право устроиться автономно. Она имеет право даже отделиться». Но тут же задается вопросом, а «может ли социал-демократия равнодушно смотреть» на это, «не должна ли социал-демократия вмешаться в дело и определенным образом повлиять на волю нации?»[427] По мнению Сталина, «единственно верное решение — областная автономия, автономия таких определившихся единиц, как Польша, Литва, Украина, Кавказ и т. п.»[428]. Эта формула о предпочтительности централизма на долгое время станет общим местом для большевиков. Причем настолько, что в конце марта 1917 г., когда Февральская революция выдвинет в повестку дня вопрос о принципах государственного устройства России, Сталин напишет для «Правды» специальную статью с говорящим названием «Против федерализма»[429]. В книге «Государство и революция», написанной в августе — сентябре 1917 г., Ленин вновь противопоставит «последовательный демократический централизм и притом пролетарский централизм» буржуазному «федерализму». Ленин вслед за Марксом употребляет выражение «организовать единство нации», чтобы «противопоставить сознательный, демократический, пролетарский централизм буржуазному, военному, чиновничьему». И подчеркнет: «Наибольшая местная, областная и пр. свобода, известная в истории, дана была централистической, а не федеративной республикой» [430].

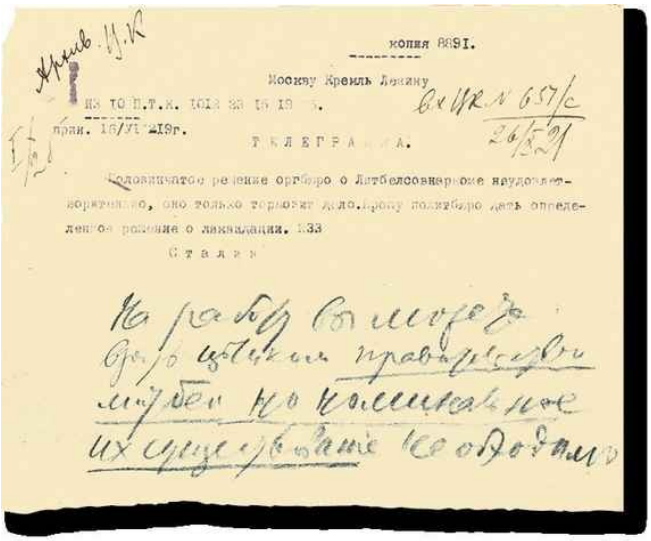
Общность взглядов по национальному вопросу обеспечит назначение Сталина председателем по национальным делам (и народным комиссаром национальностей) в первом же составе СНК, сформированном на следующий день после прихода большевиков к власти в Октябре 1917 г. Верность избранному курсу на теоретическом уровне Сталин будет не раз подтверждать в годы Гражданской войны. Зримое воплощение этот курс найдет в решениях большевистского руководства 1919 г. В разгар Гражданской войны 1 июня 1919 г. ВЦИК принял постановление «Об объединении военных сил Советских Республик: России, Украины, Латвии, Литвы и Белоруссии»[431]. Военно-политический союз подразумевал объединение военных организаций и командования, советов народного хозяйствования, железнодорожного управления, финансов, комиссариатов труда. Что в тот момент имелось в виду под «тесным объединением», видно из проекта директивы ЦК, написанного Лениным к заседанию Политбюро, на котором обсуждался этот вопрос — «единое руководство Совета Обороны и других центральных учреждений РСФСР»[432]. Сталин рьяно примется за реализацию принятых решений. 14 июля на заседании Оргбюро ЦК была обсуждена его телеграмма «о том, что существование правительства и Совета Обороны Литбел [Литовско-Белорусская Советская Республика] излишни». Оргбюро поддержит Сталина и

выскажется за их «упразднение». Вопрос сочтут необходимым «окончательно решить после переговоров с членами Политического бюро тт. Каменевым и Лениным». Несмотря на просьбу Сталина к «Политбюро дать определенное решение о ликвидации», Ленин не станет выносить этот вопрос на заседание, а направит Сталину ответную телеграмму, в которой подчеркнет: «…номинальное их существование необходимо, может пригодиться…»[433]

Литовско-Белорусскую Советскую Республику ликвидируют, но позднее — в период польско-советской войны. Воссозданная на ее месте независимая Советская Белоруссия станет одним из соучредителей Союза ССР.

Нельзя не отметить определенных изменений, произошедших за годы Гражданской войны в воззрениях лидеров большевизма на некоторые принципиальные вопросы. В дискуссиях, развернувшихся в 1921–1922 гг., Сталин не раз обратит внимание на отказ от доктрины самоопределения народов в пользу их права на отделение, как он сделает, например, в своем докладе на X съезде партии[434]. Этот съезд, ставший одним из наиболее значимых в истории большевизма, 15 марта 1921 г. примет в том числе резолюцию «Об очередных задачах партии в национальном вопросе». Резолюция заявит о необходимости создания федерации советских республик для того, чтобы «победить соединенные силы империализма», но не даст конкретных указаний на то, что это должна быть за федерация. Централистские устремления, таким образом, не сразу станут доминирующими в практической политике советского руководства. В своем пространном письме Ленину от 22 сентября 1922 г. Сталин специально обратит внимание на тактический характер решений, принимавшихся по национальному вопросу в предшествующий период. Он напишет, что «за четыре года Гражданской войны, когда мы ввиду интервенции вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе, мы успели воспитать среди коммунистов… настоящих и последовательных социал-независимовцев, требующих настоящей независимости во всех смыслах и расценивающих вмешательство ЦК РКП, как обман и лицемерие…» Сталин вновь и вновь будет подчеркивать мысль о том, что молодое поколение коммунистов на окраинах «*игру в независимость* (курсив наш. — *А. С.*) отказывается понимать как игру, упорно признавая слова о независимости за чистую монету». Обратит он внимание Ленина и на уже описанные ранее проблемы экономического взаимодействия, укажет на реальность в ближайшей перспективе раскола в партии, поскольку ««национальная» стихия работает на окраинах не в пользу единства советских республик, а формальная независимость благоприятствует этой работе». В этом письме он ясно изложит существо своего плана — «признать целесообразным автономизацию», причем республики, по мысли Сталина, должны были сами добровольно изъявить свое желание.

Смыслом этого плана он видел необходимость «приспособить **форму** взаимоотношений между центром и окраинами к **фактическим** взаимоотношениям, в силу которых окраины во всем основном безусловно должны подчиняться центру»[435]. На следующий день комиссия Оргбюро примет за «основу проект резолюции тов. Сталина», а 24 сентября — и специальную резолюцию, признававшую целесообразным заключение договора между советскими республиками и РСФСР об их формальном вступлении в РСФСР. Рассылку этой резолюции Сталин решит подкрепить специальным письмом, подписанным членами комиссии ЦК с ним самим во главе [436].



копия 8891.

Москву Кремль Ленину

ИЗ 10 П.Т.К. 1012 23 15 19 5.

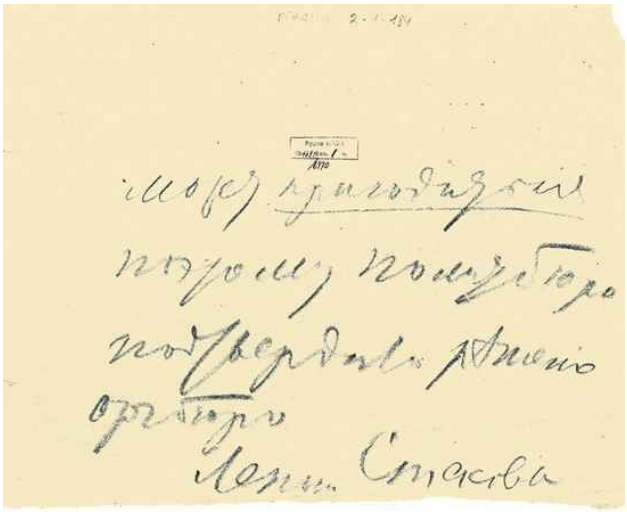
прин. 16/VI 219г.

ТЕЛЕГРАММА.

Половинчатое решение оргбюро о Литбелсовнаркоме неудовлетворительно, оно только тормозит дело. Прошу политбюро дать определенное решение о ликвидации. 133

Сталин

На работу вы можете взять целиком правительство литбел но номинальное их существование необходимо



может пригодиться
поэтому политбюро
подтвердило решение
оргбюро
Ленин Стасова

Телеграмма И.В. Сталина В.И. Ленину о Литовско-Белорусском Совнаркоме и ответная телеграмма В.И. Ленина

16 июля 1919

Текст синим карандашом — автограф В.И. Ленина

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 184. Л. 1–1 об.]

Ленин, однако, к этому моменту пересмотрит свои взгляды и решит изменить политическую линию по национальному вопросу, причем, вероятнее всего, из тактических соображений. О причинах перемен во взглядах Ленина можно только догадываться. Вероятно, они лежали, не в последнюю очередь, во внешнеполитической плоскости. В период советско-польских переговоров о мире, последовавших вслед за советско-польской войной 1920 г., нарком иностранных дел Чичерин не раз напоминал Ленину и членам Политбюро о ключевой важности сохранения независимости Украины, признанной большевистским Совнаркомом еще в Брест-Литовском мирном договоре со странами Четверного союза. Именно поэтому подписантами мирного договора с Польшей выступят РСФСР и УССР как равноправные субъекты международного права, что во многом предопределит последующее развитие событий [437].

Важной причиной пересмотра прежних взглядов станет еще один внешнеполитический аспект. Пример решения национального вопроса должен был стать инструментом пропаганды, средством влияния на умы, завоевания авторитета и разжигания революционной борьбы, прежде всего на колониальных окраинах. О возможности «производить максимум революционного эффекта на всех окраинах, а также за границей» посредством независимого Азербайджана, Бухары, Хивы и пр., «совершать такое же революционное проникновение в Галицию, Буковину, Бессарабию» будет не раз говорить Х.Г. Раковский и другие большевистские деятели[438]. О важности этого фактора Сталин прямо заявит на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г.: «…на наш Союз Республик весь Восток смотрит как на опытное поле. Либо мы в рамках этого союза правильно разрешим национальный вопрос в его практическом применении… либо мы здесь допустим ошибку, подорвем доверие ранее угнетенных народов… — и тогда выиграет империализм, проиграем мы» [439].

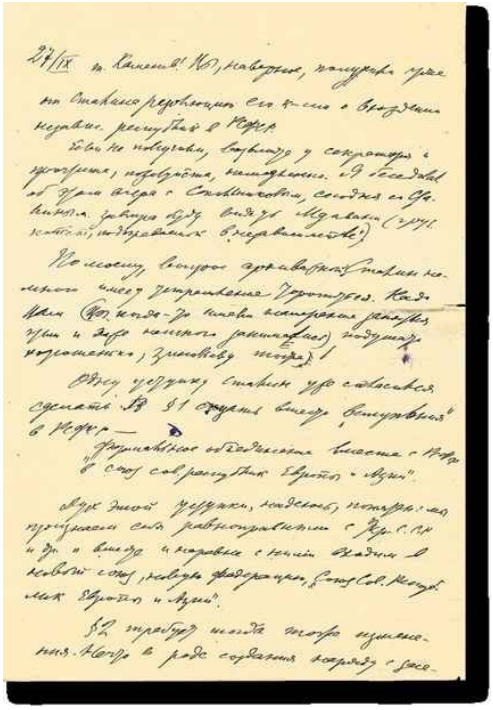
Результатом грузинских инициатив сентября 1922 г., упомянутых ранее, станет ряд встреч, которые решит провести Ленин с участниками назревавшего конфликта. Так, Ленин вызовет Сталина к себе для разговора, который состоится 26 сентября. Его содержание в общих чертах нам известно из краткого изложения, данного самим Лениным в письме, которое тот направит Л.Б. Каменеву.

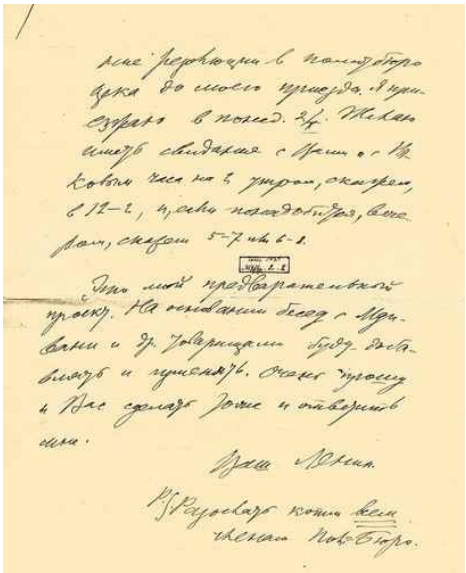
Лев Борисович Каменев
1923
[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 8. Л. 17]

В этом письме Ленин, не отвергая позицию Сталина в принципе, скажет об этом «архиважном» вопросе так: «Сталин немного имеет устремление торопиться». Сообщит он Каменеву и о согласии Сталина сделать «одну уступку» — вместо вступления в РСФСР пойти на «формальное объединение вместе с РСФСР в союз советских республик Европы и Азии». «Важно, — отмечал Ленин, — чтобы мы не давали пищи «независимцам», не уничтожали их независимости, а создали еще новый этаж, федерацию равноправных республик» [440].

Сталин, кроме того, также даст согласие отложить внесение проекта резолюции в Политбюро до приезда Ленина, которое тот запланировал на 2 октября. Копии своего письма Ленин поручит разослать всем членам Политбюро, причем адресует эту просьбу Каменеву, вероятно, не вполне полагаясь в этом случае на добросовестность Сталина[441]. На следующий день после встречи с Лениным Сталин направит членам Политбюро письмо, озаглавленное «Ответ на письмо тов. Ленина тов. Каменеву», в котором подтвердит достигнутые договоренности. «По-моему, — напишет он, — можно согласиться с предложением т. Ленина… «признать целесообразным формальное объединение советских социалистических республик Украины, Белоруссии, Грузии, Азербайджана и Армении с РСФСР в Союз Советских Социалистических Республик Европы и Азии»…» Раздражение Сталина ясно проявится в демонстративном возврате упрека в торопливости вождю, который предложил слияние наркоматов финансов, продовольствия, труда и народного хозяйства в федеральные наркоматы: «Едва ли можно сомневаться в том, что эта «торопливость» даст пищу «независимцам» в ущерб национальному либерализму т. Ленина»[442]. Очевидно, что в этой пикировке не осталось

и следа от совсем недавнего стиля взаимоотношений учителя и ученика, старшего и младшего товарищей по партии. Тональность высказывания Сталина, вероятно, заденет Ленина за живое. 28 сентября состоится заседание Политбюро, на котором Сталин и Каменев обменяются записками, раскрывающими не только ход дискуссии, но и личные взаимоотношения между лидерами партии. Каменев, которого Ленин держал за ближайшего соратника, обменивается со Сталиным мнениями в тоне, который не оставляет сомнений в том, что его отношения со Сталиным представляются ему более важными, чем со все чаще болеющим вождем.





Письмо В.И. Ленина Л.Б. Каменеву о проекте резолюции комиссии И.В. Сталина о вхождении независимых республик в РСФСР
27 сентября [1922]
Автограф В.И. Ленина
[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24805. Л. 1–2 об.]

«— Каменев: Ильич собрался на войну в защиту независимости. Предлагает мне повидаться с грузинами. Отказывается даже от вчерашних поправок…

— Сталин: Нужна, по-моему, твердость против Ильича…

— Каменев: Думаю, раз Владимир Ильич настаивает, хуже будет **сопротивляться**.

— Сталин: Не знаю. Пусть делает по своему усмотрению»[443].

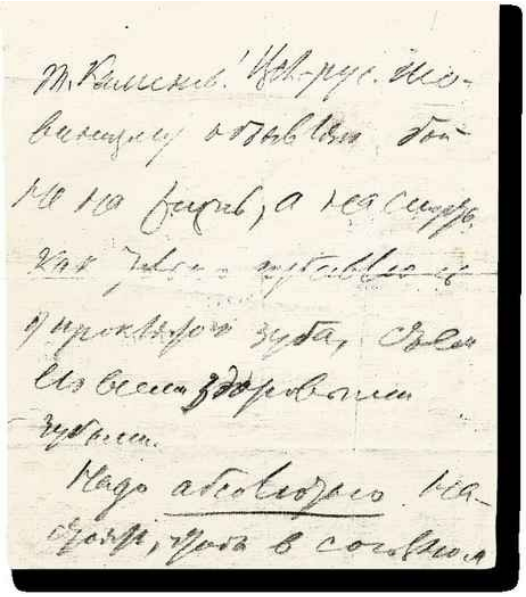
Делать «по своему усмотрению» Сталин Ленину, однако, не позволит. Членам и кандидатам в члены ЦК комиссией ЦК будет разослан проект об отношениях РСФСР с независимыми советскими социалистическими республиками. Его подпишут все члены комисии — Сталин, Орджоникидзе, Мясников, Молотов. Основной уступкой, которую сделает Сталин, станет признание необходимости заключения «договора между Украиной, Белоруссией, Федерацией Закавказских Республик и РСФСР об объединении их в «Союз Социалистических Советских Республик» с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава «Союза»». Именно в этом документе впервые появляется примерно то название Советского государства, под которым оно просуществует затем в течение немногим менее 70 лет. В этом же документе Сталин обнародует и свой маневр, который позволит ему в значительной степени «обнулить» федералистские устремления вождя. Высшим органом Союза будет предложено считать

Союзный ЦИК, составленный из представителей ЦИК республик «пропорционально представляемого ими населения»[444]. На пленуме ЦК 6 октября этот проект будет принят практически без изменений. Ленин в записке, датируемой тем же днем, пообещает Каменеву дать великорусскому шовинизму «бой не на жизнь, а на смерть». Однако, по тем или иным причинам, настаивать на равноправном представительстве союзных республик в высшем органе государственной власти будущего Союза Ленин не станет [445].

Важно подчеркнуть, что идейный конфликт между Лениным и Сталиным не выплеснулся в публичное пространство и не стал поводом для постановки вопроса об отстранении Сталина от процесса подготовки I съезда Советов СССР и вслед за тем конституции Советского Союза. Сталин останется фактическим и формальным руководителем процесса национально-государственного строительства.

В ходе описанных дискуссий, как мы видели, завяжется «грузинский узел». Начало будущему конфликту будет положено весной 1922 г. 12 марта в Тифлисе на конференции представителей ЦИК Азербайджанской, Армянской и Грузинской ССР был утвержден договор о создании Федеративного Союза Социалистических Советских Республик Закавказья. Этот шаг советского руководства нельзя признать совсем уже лишенным какого бы то ни было смысла. Следует иметь в виду, что еще 11 ноября 1917 г. сразу после Октябрьского переворота в том же Тифлисе совещание представителей антибольшевистских Грузинской социал-демократической партии (меньшевиков), азербайджанской партии «Мусават», армянской «Дашнакцутюн» приняло решение о создании независимого правительста Закавказья, а 15 ноября был образован Закавказский комиссариат, отказавшийся признать власть большевистского Совнаркома. После разгона Учредительного собрания уже в феврале 1918 г. провозглашается независимая Закавказская демократическая федеративная республика[446]. Так что объединение в «одной общей коммунистической семье» не было совсем уже произвольной акцией большевистского руководства. В основе этого эксперимента лежал комплекс причин, в том числе экономические основания. На собрании тифлисского комитета компартии Грузии 6 июля 1921 г. Сталин скажет: «Именно для того, чтобы рассеять атмосферу взаимного недоверия и восстановить узы братства между рабочими национальностей Закавказья и России… необходимо сохранить независимость как Грузии, так и Азербайджана, и Армении. Это не исключает, а наоборот, предполагает необходимость взаимной хозяйственной и иной поддержки, так же как и необходимость объединения хозяйственных усилий независимых советских республик на началах добровольного соглашения, на началах конвенции»[447]. Искренен был Сталин, судя по всему, лишь в оценке хозяйственной подоплеки конвенциональной

формы взаимодействия республик. Что касается политики, то, как мы видели, по представлению Сталина, руководство Советской России лишь вело «игру в независимость».



Записка В.И. Ленина и И.В. Сталина Л.Б. Каменеву с предложением по вопросу о порядке председательствования в союзном ВЦИК

6 октября 1922

Автограф В.И. Ленина

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23334. Л. 1–1 об.]

Иосиф Виссарионович Сталин
1920-е
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1650. Л. 4]

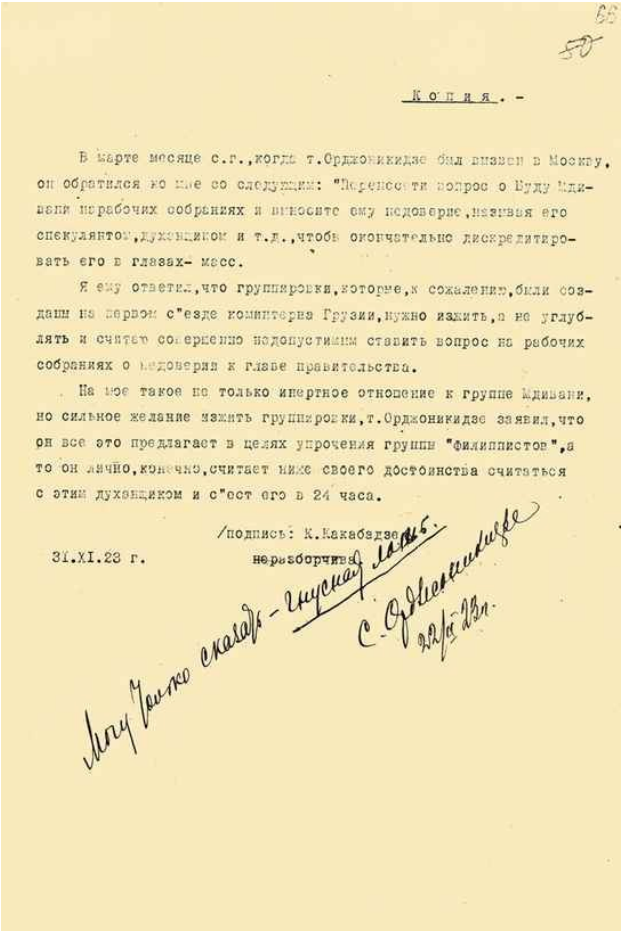
Интеграционные процессы в предложенных формах будут вызывать постоянное сопротивление в среде руководства Грузинской компартии. В сентябре 1922 г. во многом благодаря этому сопротивлению Ленин сочтет целесообразным отвергнуть сталинский план «автономизации». 6 октября состоялся пленум ЦК, который и принял проект резолюции, «предложенный членами комиссии тт. Сталиным, Орджоникидзе, Мясниковым и Молотовым, как директиву ЦК…» В части, касающейся Грузии, было принято ее вхождение через Закавказскую федерацию. Для выработки «советского законопроекта» на основе этой директивы и проведения его через съезд Советов (с предварительным утверждением на ЦК) создавалась комиссия в составе Сталина, Каменева, Пятакова, Рыкова, Чичерина, Калинина и представителей Украины, Грузии, Азербайджана, Армении и Белоруссии[448]. Тем не менее в октябре грузинские руководители станут настаивать на самостоятельном вхождении в будущий Союз каждой из закавказских республик по отдельности. Объектом их атаки станет не только политическая линия центра, но и активно проводивший ее секретарь Закавказского крайкома РКП(б) Г.К. Орджоникидзе.

Как будут позднее докладывать Ленину его ближайшие сотрудники, «это послужило поводом для самых недопустимых выступлений тов. Орджоникидзе против ЦКГ и старых работников с площадной руганью и угрозами беспощадных репрессий». Сохранившиеся документы доносят до нас методы, которыми Заккрайком и Орджоникидзе проводили линию ЦК РКП(б). Дело не ограничилось руганью, но дошло и до рукоприкладства. Один из эпизодов произошел на квартире Орджоникидзе, куда А.И. Рыков

прибыл вместе со своей женой и товарищем по ссылке, видным деятелем Грузинской компартии Акакием Кабахидзе. Словесная перепалка между Кабахидзе и Орджоникидзе завершилась тем, что «товарищ Серго» ударил Кабахидзе. Рыков с женой помогли прекратить инцидент. Еще один подобный случай произошел 14 ноября поздним вечером и тоже на квартире Орджоникидзе. В присутствии председателей Грузинской и Закавказской ЧК Орджоникидзе решил выяснить отношения с бывшим предгрузчека Колей Окуджавой, который дал такие показания комиссии Дзержинского: «Тогда он схватил мраморный пресс, который лежал там же на столе, замахнулся и хотел ударить в голову мне, держа в другой руке открытый перочинный нож… «Я тебя расстреляю». После этого он снова замахнулся прессом. Присутствующие молчали и ни одного движения никто не делал». Орджоникидзе на показаниях Окуджавы 22 февраля 1923 г. напишет: «Плод гнусной склоки». Еще один грузинский деятель К. Какабадзе сообщит комиссии о рекомендациях, данных ему Орджоникидзе по организации дискредитации одного из руководителей «уклонистов» — Буду Мдивани: «…на рабочих собраниях выносите ему недоверие, называя его спекулянтом, духанщиком и т. д., чтобы окончательно дискредитировать его в глазах масс». И здесь ответ будет похожим. «Могу только сказать — гнусная ложь», — напишет Орджоникидзе [449].

В итоге члены Грузинского ЦК почти в полном составе подадут в отставку, объясняя это «травлей почти всех членов ЦК». Орджоникидзе, добавим, — уже тогда член ближайшего окружения Сталина, назовет политику этой группы, возглавлявшейся Мдивани и Махарадзе, политикой «воинствующего грузинского национализма» и в пространном письме от 28 октября станет успокаивать Ленина: «Их отставка не страшна»[450]. На этот раз поддержать уклонистов Ленин, не владея полнотой информации, откажется. Ленин к тому времени и сам уже успеет решительно осудить «брань против Орджоникидзе» и выразить убеждение, «что все разногласия исчерпаны резолюциями пленума ЦК» при его косвенном участии [451].

И.В. Сталин и Г.К. Орджоникидзе
Июнь 1926
[РГАСПИ. Ф. 422. Оп. 1. Д. 117]



Копия. -

В марте месяце с.г., когда т.Орджоникидзе был вызван в Москву, он обратился ко мне со следующим: "Перенесите вопрос о Буду Мдивани на рабочих собраниях и вносите ему недоверие, называя его спекулянтом, духовщиком и т.д., чтобы окончательно дискредитировать его в глазах- масс.

Я ему ответил, что группировки, которые, к сожалению, были созданы на первом с"езде коминтерна Грузии, нужно изжить, а не углублять и считаю совершенно недопустимым ставить вопрос на рабочих собраниях о недоверии к главе правительства.

На мое такое не только инертное отношение к группе Мдивани, но сильное желание изжить группировки, т.Орджоникидзе заявил, что он все это предлагает в целях упрочения группы "филиппистов", а то он лично, конечно, считает ниже своего достоинства считаться с этим духовщиком и с"ест его в 24 часа.

/подпись: К.Какабадзе/
31.XI.23 г. неразборчиво

Могу только сказать - чистая ложь.
С. Орджоникидзе
22/VI-23 г.

Записка К. Какабадзе в СНК о конфликте Г.К. Орджоникидзе и П.Г. Мдивани в Грузии

31 ноября 1923
[РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 32. Л. 66]

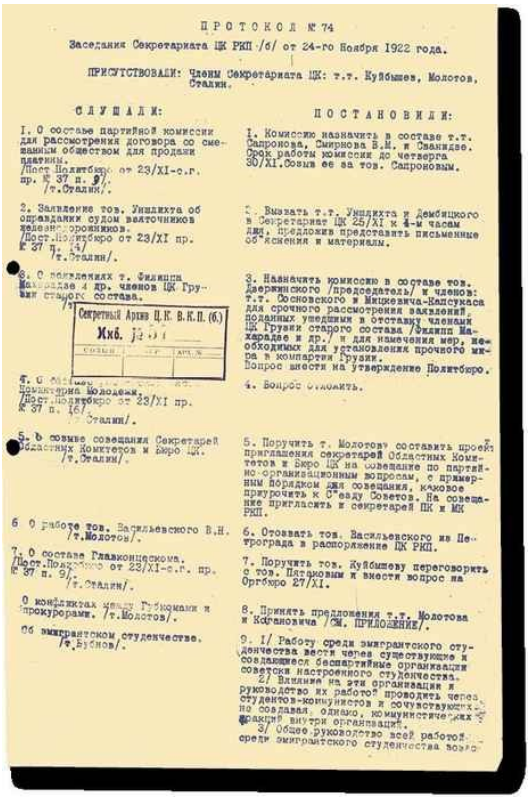
24 ноября Секретариат ЦК РКП(б) в составе Сталина, Молотова и Куйбышева, однако, назначит комиссию во главе с Ф.Э. Дзержинским «для срочного рассмотрения заявлений, поданных ушедшими в отставку членами ЦК Грузии старого состава»[452].

По итогам работы этой комиссии Политбюро 20 декабря вынесет вердикт: политическая линия «Заккрайкома и Орджоникидзе была вполне правильной»[453]. Четверо руководителей грузинской компартии будут отозваны в распоряжение ЦК РКП(б).

Кроме того, в преддверии создания Союза ССР будет решено переименовать Закавказский Союз в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику, сохранив самостоятельность входивших в нее республик. Решение это состоится 13 декабря 1922 г., т. е. за две недели до учреждения Союза ССР. Организаторов процесса, несомненно, смущало наличие понятия «союз» в названиях обоих государственных образований.

В ходе развертывания «грузинского кризиса» 30 ноября 1922 г. Сталин выступил на заседании Политбюро с докладом о Союзе республик. По его докладу Политбюро утвердило «Основные пункты Конституции Союза Советских Социалистических Республик». 5 декабря на заседании комиссии Пленума ЦК Сталин избирается в состав подкомиссии по выработке текста конституции и декларации. В первой половине декабря он напишет проект «Декларации об образовании Союза Советских Социалистических Республик». 16 декабря комиссия пленума ЦК под председательством Сталина примет проект Договора об образовании СССР и проект декларации, им же и представленные. 18 декабря он выступает уже непосредственно на пленуме ЦК с докладом о проекте союзного договора. Пленум создаст комиссию под председательством Сталина для подготовки I съезда Советов СССР[454].

За пределами Союза ССР будет решено пока оставить Хорезмскую и Бухарскую народные республики, поскольку «независимость Хивы и Бухары гарантирована нами, — как будет подчеркивать нарком иностранных дел Чичерин, — формально в договоре с Афганистаном, и нарушение этого не только жестоко поссорит нас с Афганистаном, но поставит нас перед всем Востоком в положение нарушителей договора и душителей свободных мусульманских государств…» Подобное решение будет «перед Востоком демонстрацией нового империализма»[455]. На некоторое время оставят за бортом нового союзного государства и Дальневосточную Республику.



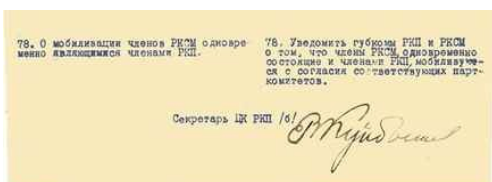
ПРОТОКОЛ № 74

Заседания Секретариата ЦК РКП /б/ от 24-го Ноября 1922 года.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: Члены Секретариата ЦК: т.т. Куйбышев, Молотов, Сталин.

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
I. О составе партийной комиссии для рассмотрения договора со смешанным обществом для продажи платины. /Пост Политбюро от 23/XI-с.г. пр. № 37 п. 9/. /т.Сталин/.	I. Комиссию назначить в составе т.т. Сапронова, Смирнова В.М. и Сванидзе. Срок работы комиссии до четверга 30/XI.Созыв ее за тов. Сапроновым.
2. Заявление тов. Уншлихта об оправдании судом вахточников железнодорожников. /Пост.Политбюро от 23/XI пр. № 37 п. 14/ /т.Сталин/.	2. Вызвать т.т. Уншлихта и Дембицкого в Секретариат ЦК 25/XI к 4-м часам дня, предложив представить письменные об'яснения и материалы.
3. О появлениях т. Филиппа Махарадзе и др. членов ЦК Грузии старого состава. /т.[illegible]	3. Назначить комиссию в составе тов. Дзержинского /председатель/ и членов: т.т. Сосновского и Мицкевича-Капсукаса для срочного рассмотрения заявлений, поданных ушедшими в отставку членами ЦК Грузии старого состава /Филипп Махарадзе и др./ и для намечения мер, необходимых для установления прочного мира в компартии Грузии. Вопрос внести на утверждение Политбюро.
4. О [illegible] Коминтерна Молодежи. /Пост.Политбюро от 23/XI пр. № 37 п. 16/ /т.Сталин/.	4. Вопрос отложить.
5. О созыве совещания Секретарей Областных Комитетов и Бюро ЦК. /т.Сталин/.	5. Поручить т. Молотову составить проект приглашения секретарей Областных Комитетов и Бюро ЦК на совещание по партийно-организационным вопросам, с примерным порядком дня совещания, каковое приурочить к С'езду Советов. На совещание пригласить и секретарей ЦК и МК РКП.
6 О работе тов. Васильевского В.Н. /т.Молотов/.	6. Отозвать тов. Васильевского из Петрограда в распоряжение ЦК РКП.
7. О составе Главконцескома. /Пост.Политбюро от 23/XI-с.г. пр. № 37 п. 9/. /т.Сталин/.	7. Поручить тов. Куйбышеву переговорить с тов. Пятаковым и внести вопрос на Оргбюро 27/XI.
О конфликтах между Губкомами и прокурорами. /т.Молотов/.	8. Принять предложения т.т. Молотова и Кагановича /СМ. ПРИЛОЖЕНИЕ/.
Об эмигрантском студенчестве. /т.Бубнов/.	9. I/ Работу среди эмигрантского студенчества вести через существующие и создающиеся беспартийные организации советски настроенного студенчества. 2/ Влияние на эти организации и руководство их работой проводить через студентов-коммунистов и сочувствующих, но создавая, однако, коммунистические фракции внутри организаций. 3/ Общее руководство всей работой среди эмигрантского студенчества возло-

Секретный Архив Ц.К. В.К.П. (б.)
Инв. № [illegible]



78. О мобилизации членов РКСМ одновременно являющимися членами РКП.

78. Уведомить губкомы РКП и РКСМ о том, что члены РКСМ, одновременно состоящие и членами РКП, мобилизуются с согласия соответствующих парткомитетов.

Секретарь ЦК РКП /б/ В.Куйбышев

Протокол заседания Секретариата ЦК РКП(б) с рассмотрением заявления членов ЦК Грузии об отставке в связи с конфликтом с Г.К. Орджоникидзе

24 ноября 1922

Подпись — автогрф В.В. Куйбышева

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 390. Л. 2, 9]

Характерно, что и на этом этапе дискуссии о целесообразности объединения в Союз и его формах не прекратились. На заседании фракции РКП(б) X Всероссийского съезда Советов, который соберется в Москве для учреждения Союза ССР, будут звучать взаимоисключающие оценки предложенного плана — от «преждевременного выкидыша» до призывов «кончить игру в эту независимку». В конечном итоге фракция поддержит «резолюцию т. Сталина»[456].

29 декабря Сталин выступит на конференции полномочных делегаций РСФСР, УССР, ЗСФСР и БССР с сообщением о порядке работы I съезда Советов СССР, ему же будет поручено сделать на съезде доклад об образовании СССР.

30 декабря 1922 г. в Москве в здании Большого театра соберется I съезд Советов СССР. РСФСР представляли 1727 делегатов, Украинскую ССР — 364, Закавказскую федерацию — 91, Белорусскую ССР — 34. Нормы представительства ясно указывают на неравноправный характер создававшейся федерации. Этот подход Сталин проведет, как мы увидим, и при подготовке Конституции Союза ССР. Съезд утвердил Декларацию об образовании СССР и Союзный договор. Эти документы были подписаны представителями РСФСР, Белорусской ССР, Украинской ССР и Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республикой. Впервые в мировой истории появилось «государство наций», союз формально независимых национальных республик с декларативно заявленным формально-юридически правом выхода из состава Союза. Этот Союз можно считать незапланированным результатом Октябрьской революции. Ведь она представлялась лидерам большевиков исходным пунктом мировой революции, а не государственного строительства в отдельно взятой стране «победившего социализма».

Сталин, несомненно, должен был чувствовать себя триумфатором. Разногласия с Лениным были известны не слишком широкому кругу партийных функционеров, а на поверхности именно он, являвшийся руководителем всех возможных партийно-государственных комиссий, докладчиком на всех возможных форумах и спикером, озвучивавшим в прессе основные этапы подготовительной работы, должен был выглядеть демиургом нового государственного образования.

Вполне вероятно, что почувствовал этот нерв политического момента и Ленин, который именно 30–31 декабря 1922 г. диктует статью «К вопросу о национальностях или об «автономизации»»[457]. В ней, извинившись «перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко в пресловутый вопрос об автономизации, официально называемый, кажется, вопросом о союзе советских социалистических республик», он решит подвергнуть разгромной критике этот проект, несмотря, казалось бы, на утрату всякой его актуальности. Он предупредит целевую аудиторию, «что «свобода выхода из союза», которой мы оправдываем себя, окажется пустою бумажкой, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ».

«Я думаю, — далее напишет он, — что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого «социал-национализма»». Через пару

страниц текста, Ленин, не называя Сталина прямо, но очень и очень прозрачно указывая в его сторону, продолжит: «Тот грузин, который… пренебрежительно швыряется обвинением в «социал-национализме» (тогда как он сам является настоящим и истинным не только «социал-националом», но и грубым великорусским держимордой), тот грузин, в сущности, нарушает интересы пролетарской классовой солидарности…» Достанется в этой статье и Орджоникидзе, и Дзержинскому, во главе комиссии ЦК разбиравшемуся в деталях «грузинского дела». Если Орджоникидзе «мог зарваться до применения физического насилия, — ужаснется Ленин, …то можно себе представить в какое болото мы слетели». «Я боюсь также, — продолжит Ленин, — что тов. Дзержинский… отличился тут тоже только своим истинно русским настроением (известно, что обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения…)». Я думаю, что никакой провокацией, никаким даже оскорблением нельзя оправдать этого русского рукоприкладства и что тов. Дзержинский непоправимо виноват в том, что отнесся к этому рукоприкладству легкомысленно».

Ленин потребует «примерно наказать» Орджоникидзе, а политическую ответственность за «великорусско-националистическую кампанию» он возложит на Сталина и Дзержинского. Проблематике созданного Союза ССР найдется в этом тексте не так много места. Но замечания Ленина окажутся весьма содержательными. Он порекомендует «оставить союз советских социалистических республик лишь в отношении военном и дипломатическом, а во всех других отношениях восстановить полную самостоятельность отдельных [республиканских] наркоматов».

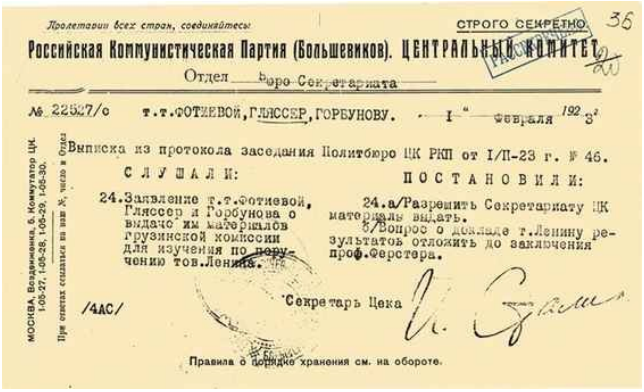
Сталин несомненно примет к сведению виртуальную пощечину, нанесенную ему в диктовке Ленина. Но проявится это несколько позднее, просто потому что фигурантам этого письма его формулировки станут известны не сразу. Справедливости ради стоит сказать, что эмоциональный выплеск Ленина, наверное, можно понять и объяснить, но звания «великодержавного держиморды» Сталин вряд ли заслуживал. Именно он вскоре станет главным двигателем политики национализации/коренизации, сопровождавшейся дискриминацией русской культуры и русских.

«Организационные выводы» наверху?

Вслед за созданием СССР развернется работа по подготовке конституции союзного государства. Сталин возглавит эту работу, так что и эта конституция должна по праву считаться «сталинской» точно

так же, как и более известная Конституция 1936 г. Работу по ее подготовке Сталин продолжит в 1923 г. По поручению Политбюро ЦК Сталин станет готовить тезисы по национальному вопросу к XII съезду партии. 24 февраля 1923 г. пленум ЦК утвердил состав комиссии под председательством Сталина для разработки проекта Конституции СССР.

Конституционный процесс Сталин проводил, держа оборону против Ленина по «грузинскому делу». В январе 1923 г. сначала Оргбюро, а затем и Политбюро вновь вернутся к этому вопросу. Будет одобрена смена состава ЦК Грузии «ввиду явного несоответствия нынешнего ЦК его задачам лояльного и своевременного проведения в жизнь директив ЦК РКП» [458].



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СТРОГО СЕКРЕТНО. 36

Российская Коммунистическая Партия (Большевиков). ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Отдел Бюро Секретариата

№ 22527/с т.т.ФОТИЕВОЙ, ГЛЯССЕР, ГОРБУНОВУ. 1 февраля 1923

Выписка из протокола заседания Политбюро ЦК РКП от I/II-23 г. № 46.

СЛУШАЛИ:

24. Заявление т.т.Фотиевой, Гляссер и Горбунова о выдаче им материалов грузинской комиссии для изучения по поручению тов.Ленина.

ПОСТАНОВИЛИ:

24. а/Разрешить Секретариату ЦК материалы выдать.

б/Вопрос о докладе т.Ленину результатов отложить до заключения проф.Ферстера.

Секретарь Цека

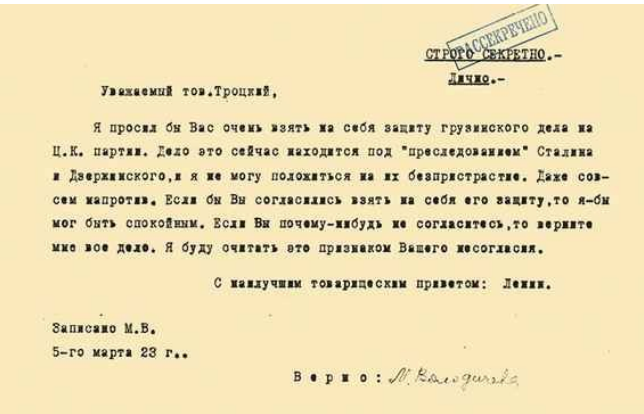
/4АС/

Правила о порядке хранения см. на обороте.

Выписка из протокола заседания Политбюро ЦК РКП(б) о выдаче материалов грузинской комиссии

1 февраля 1923

[РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 32. Л. 36]



РАССЕКРЕЧЕНО

СТРОГО СЕКРЕТНО.-

Лично.-

Уважаемый тов.Троцкий,

Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на Ц.К. партии. Дело это сейчас находится под "преследованием" Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их безпристрастие. Даже совсем напротив. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я-бы мог быть спокойным. Если Вы почему-нибудь не согласитесь, то верните мне все дело. Я буду считать это признаком Вашего несогласия.

С наилучшим товарищеским приветом: Ленин.

Записано М.В.

5-го марта 23 г..

Верно: М. Володичева

Записка В.И. Ленина Л.Д. Троцкому с просьбой взять на себя защиту грузинского дела в ЦК РКП(б)

5 марта 1923
[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25737. Л. 1]

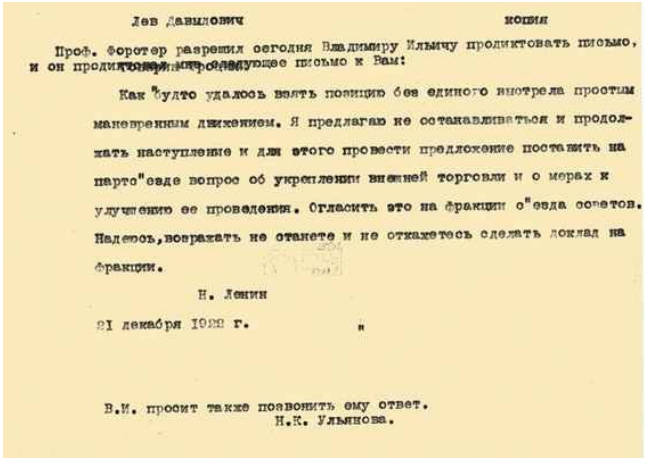
Надиктовав в дни работы I съезда Советов СССР цитировавшуюся выше статью, Ленин этим не ограничился. 24 января он образовал комиссию из своих ближайших сотрудников Л.А. Фотиевой, Н.П. Горбунова, М.И. Гляссер, поручив им затребовать материалы комиссии Дзержинского и в трехнедельный срок подготовить свое заключение [459].

1 февраля Политбюро согласится с этим требованием, и 3 марта ленинская комиссия передаст больному вождю «Краткое изложение конфликта в «Груз[инской] Компартии»». Уже через день (5 марта) Ленин продиктует записку, адресованную Л.Д. Троцкому, которого он будет просить «взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это, подчеркнет Ленин, находится под «преследованием» Сталина и Дзержинского, «и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив» [460].

В тот же день записка Ленина и его статья будут прочитаны Троцкому по телефону. Тот согласится, «что были наделаны крупные ошибки», но ввязываться в новый конфликт со Сталиным спешить не станет. Сославшись на болезнь, он откажется взять на себя какие-либо обязательства. Материалы для ознакомления он, однако, попросит прислать, заметив, что, «если здоровье ему позволит, он их прочитает». Ничего определенного Троцкий не ответит и на предложение Ленина направить какое-нибудь обращение по этому вопросу к съезду компартии Грузии, использовав для этой цели поездку туда Каменева[461]. Не дождавшись внятного ответа, Ленин на следующий день продиктует свой последний документ из известных нам. Эту записку он адресует П. Мдивани, Ф. Махарадзе и другим грузинским оппозиционерам, направив копии Троцкому и Каменеву. Ленин скажет: «Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь» [462].

После некоторых колебаний Троцкий напишет замечания на тезисы Сталина по национальному вопросу, которые тот подготовил по поручению Политбюро ЦК к XII съезду партии. Троцкий по тем или иным причинам не станет затруднять себя редакционной правкой сталинских тезисов, ограничившись общими критическими по своему характеру соображениями, и прямо заявит об этом: «Я не формулирую точных поправок, так как думаю, что т. Сталину будет легче это сделать, если он найдет, как я надеюсь, что мои поправки не противоречат общему смыслу его тезисов»[463]. Свои соображения Троцкий повторит в беседе с Л.Б. Каменевым, которая состоится в тот же день. «Сталинская резолюция по национальному вопросу никуда не годится», — заявит

Троцкий. «Грубый и наглый великодержавный зажим ставится в ней на один уровень с протестом и отпором малых, слабых и отсталых народностей. Я придал своей резолюции, — добавит он, — форму поправок… чтобы облегчить ему необходимую перемену курса». Выступит Троцкий и за прекращение репрессий против грузинских противников Сталина, за прекращение административного зажима в партии, за более твердый курс на индустриализацию «и честное сотрудничество наверху». Троцкий порекомендует Сталину написать Н.К. Крупской письмо с извинениями, а также «не зарываться». Каменеву он посоветует на конференции в Тифлисе «добиться полной перемены курса по отношению к грузинским сторонникам ленинской национальной политики». Каменев, если судить по воспоминаниям Троцкого, «был взволнован и бледен. Почва уплывала у него из-под ног. Он не знал, с какой ноги ступить и в какую сторону повернуться. Возможно, что он просто боялся недоброжелательных действий с моей стороны». Волнения Каменева объяснимы — он был вовлечен в полномасштабный конфликт внутри Политбюро, и ему предстояло принять решение — чью сторону принять. Троцкий успокоит Каменева, прекрасно отдавая себе отчет, что на поддержку Ленина в долгосрочной перспективе из-за его болезни он рассчитывать не сможет. Поэтому он предложит Каменеву иметь в виду и передать другим, что он «меньше всего намерен поднимать на съезде борьбу ради каких-либо организационных перестроек». «Я стою, — подчеркнет Троцкий, — за сохранение статус-кво». Он подтвердит, что он «против ликвидации Сталина, против исключения Орджоникидзе, против снятия Дзержинского…» Троцкий прямо укажет на причину своей сдержанной позиции: «Если Ленин до съезда встанет на ноги, что, к несчастью, мало вероятно, то мы с ним вместе обсудим вопрос заново» [464].



Лев Давыдович копия

Проф. Форстер разрешил сегодня Владимиру Ильичу продиктовать письмо, и он продиктовал нижеследующее письмо к Вам:

Как будто удалось взять позицию без единого выстрела простым маневренным движением. Я предлагаю не останавливаться и продолжать наступление и для этого провести предложение поставить на парто"езде вопрос об укреплении внешней торговли и о мерах к улучшению ее проведения. Отласить это на фракции с"езда советов. Надеюсь, возражать не станете и не откажетесь сделать доклад на фракции.

Н. Ленин

21 декабря 1922 г.

В.И. просит также позвонить ему ответ.
Н.К. Ульянова.

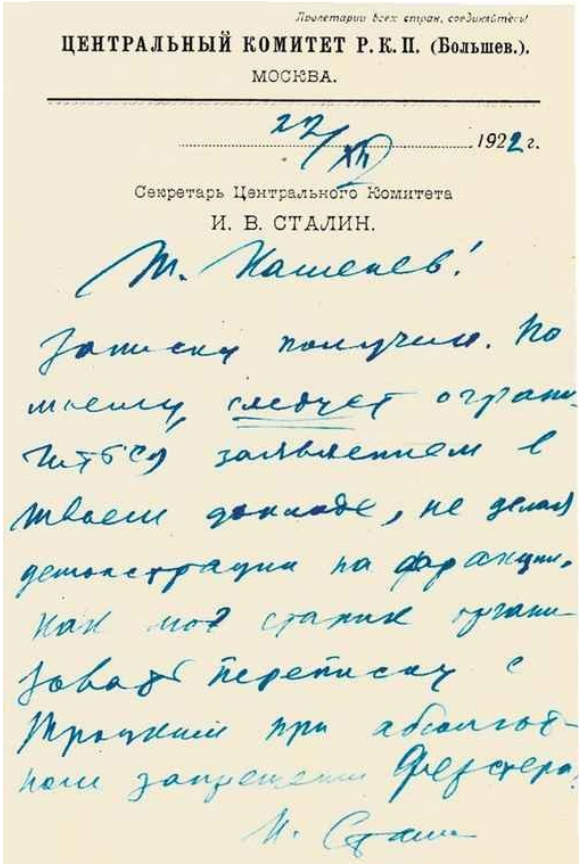
Записка В.И. Ленина Л.Д. Троцкому с предложением выступить на фракции X съезда Советов с докладом по вопросу об укреплении внешней торговли и о мерах к улучшению ее проведения
21 декабря 1922
[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25736. Л. 1]

В.И. Ленин и Н.К. Крупская в саду в Горках
Начало августа — не позднее 24 сентября 1922
[РГАСПИ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 338. Л. 1]

На следующий день (7 марта) в четыре часа пополудни (за два часа до своего отъезда в Тифлис) Каменев напишет записку своему ближайшему «соратнику» Г.Е. Зиновьеву. Он сделает это, видимо, не без колебаний, откладывая ее написание. Об этом говорит торопливость, проявившаяся в большом количестве сокращений в словах. В записке он решится сообщить «для ориентировки» известные ему факты о просьбе Ленина к Троцкому взять на себя защиту «грузинского дела» в партии, о его поручении к нему, Каменеву, прочитать в Тифлисе ленинскую записку, адресованную Мдивани, Махарадзе и другим, о фактической солидаризации с ними и дезавуировании Орджоникидзе, Сталина и Дзержинского; об отправке Сталину (копии Зиновьеву и Каменеву) письма. Он успеет, в частности, узнать и сообщить Зиновьеву, что Сталин счел возможным извиниться перед Крупской («сдержанным кислым извинением»). Каменев решит занять компромиссную позицию «для достижения на Кавказе мира на почве решений, которые объединили бы обе группы». К этому моменту у него уже сложилось мнение о критической стадии конфликта между Лениным и Сталиным. Он напишет Зиновьеву, что даже в случае его успеха, исчерпание конфликта «уже НЕ удовлетворит Старика (так, по прежней дореволюционной привычке, называли между собой Ленина его ближайшие соратники. — *А. С.*), который, видимо, хочет не только мира на Кавказе, но и определенных организационных выводов наверху». Каменев порекомендует Зиновьеву быть в Москве и держать

с ним связь в Тифлисе[465]. На формирование бескомпромиссной позиции Ленина в отношении Сталина, о чем писал Каменев Зиновьеву, несомненно повлиял еще один инцидент, о котором упоминали Троцкий и Каменев. Само происшествие имело место в конце декабря 1922 г. 21-го Крупская записала надиктованную Лениным записку в адрес Троцкого, в которой он сформулировал просьбу сделать доклад на большевистской фракции съезда Советов по вопросу об укреплении внешней торговли[466].

В ночь на 22 декабря Троцкий позвонил Каменеву и попросил «передать этот вопрос в комиссию ЦК по проведению съезда». Каменев пообещал ему передать все это Сталину, что и было им исполнено запиской от 22 декабря[467]. Сталин, судя по всему, был взбешен тем, что Ленин вышел из изоляции, в которую он был помещен решением Политбюро по рекомендации врачей. Тем более что сам Сталин, как и многие другие члены ЦК, не разделял тогда взглядов Ленина на необходимость монополии внешней торговли, и вмешательство вождя препятствовало проведению линии, казавшейся Сталину целесообразной. В ответной записке он порекомендует Каменеву в докладе на фракции поставить вопрос о том, «как мог Старик организовать переписку с Троцким при абсолютном запрещении Ферстера»[468].



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ Р. К. П. (Большев.).

МОСКВА.

22/XII 1922 г.

Секретарь Центрального Комитета

И. В. СТАЛИН.

Т. Каменев!

Записку получил. По моему, следует ограничиться заявлением в твоем докладе, не делая демонстрации на фракции. Как мог станик организовать переписку с Троцким при абсолютном запрещении Ферстера.

И. Сталин

Письмо И.В. Сталина Л.Б. Каменеву о предложении В.И. Ленина Л.Д. Троцкому выступить на партийном съезде с докладом о внешней торговле и запрете врачей вести Ленину переписку на политические темы

22 декабря 1922

Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 42. Л. 1]

1.

23/XII Лев Борисович,

по поводу коротенька, письма написанного мною под блок-
[illegible] Влад. Ильича с разреш-
ния врачей, Сталин позволил
себе вчера по отношению ко
мне грубейшую выходку.
Я в партии не один день.
За все 30 лет я не слышал
ни от одного товарища
ни одного грубого слова,
интересы партии и Ильича
мне не менее дороги, чем
Сталину. Сейчас мне нужно
максимум самообладания.
О чем можно и о чем нельзя
говорить с Ильичем, я знаю
лучше всякого врача, т.к.
знаю, что его волнует, что
нет, и во всяком случае
лучше Сталина. Я

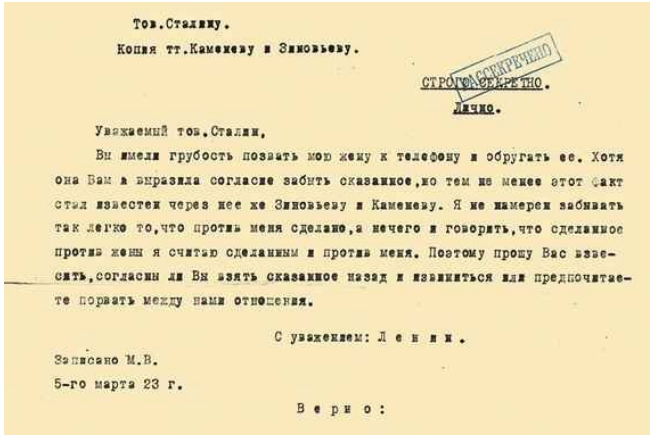
обращаюсь к Вам и к
Григорию, как более близким
товарищам В.И., и прошу
оградить меня от
грубого вмешательства
в личную жизнь, недо-
стойной брани и угроз.
В единогласном решении
контрольной комиссии,
которой позволяет себе
грозить Сталин, я не
сомневаюсь, но у меня
нет ни сил, ни времени,
которые я могла бы
тратить на эту
глупую склоку. Я
тоже зрелая и нервы
напряжены у меня
до крайности.

Н. Крупская

INSTYTUT JEDNOŚCI
Nr ... 3295

Письмо Н.К. Крупской Л.Б. Каменеву по поводу грубости, допущенной И.В. Сталиным по отношению к ней
23 декабря 1922
Автограф Н.К. Крупской
[РГАСПИ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 250. Л. 1–1 об.]

В тот же день он позвонит Крупской и устроит ей разнос, не гнушаясь оскорблениями. Возмущенная Крупская по этому поводу на следующий же день напишет письмо Каменеву, подчеркнув, что обращается не только к нему, но и к Зиновьеву, «как более близким товарищам». О том, что «близкие товарищи» не менее, а существенно более близки к ее оппоненту, она, судя по всему, не подозревала. «Близких товарищей» она будет просить оградить «от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз»[469].


Тов.Сталину.
Копия тт.Каменеву и Зиновьеву.

СТРОГО СЕКРЕТНО.
Лично.

Уважаемый тов.Сталин,

Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное,но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то,что против меня сделано,а нечего и говорить,что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить,согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения.

С уважением: Л е н и н.

Записано М.В.
5-го марта 23 г.

В е р н о:

Письмо В.И. Ленина И.В. Сталину о его непозволительной грубости в адрес Н.К. Крупской
5 марта 1923
[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26004. Л. 1]

«Близкие товарищи» поспешат ее успокоить, ясно понимая масштаб возможного скандала, грозившего разразиться накануне I съезда Советов СССР. Вероятнее всего, именно эти уговоры и станут причиной того, что в течение двух месяцев Крупская ни единым намеком не даст Ленину знать о произошедшем. По следам описанных событий, которые стали ему известны, 5 марта 1923 г. Ленин «написал» еще одно известное письмо. Предназначалось оно Сталину, и, несмотря на личный характер, копии адресовались также Каменеву и Зиновьеву. В нем он предложит Сталину взвесить, согласен ли он взять сказанное

назад и извиниться или предпочитает порвать между ними отношения[470]. Ситуация для Сталина приобрела критический характер, причем ее развитие целиком зависело от физического состояния Ленина, становившегося все хуже. Именно поэтому в тот же день Сталин вносит на Политбюро предложение о переносе XII съезда на более поздний срок, рассчитывая таким образом выиграть время и предотвратить возможный демарш Ленина на съезде. Политбюро единогласно проголосует за сталинское предложение. 7 марта Сталин ответит Ленину двусмысленной запиской, завершающая фраза которой и станет, видимо, последней каплей, переполнившей чашу терпения Ленина. Сталин принесет извинения в весьма своеобразной форме: «Впрочем, если вы считаете, что для сохранения «отношений» я должен «взять назад» сказанные выше слова, я их могу взять назад, отказываясь, однако, понять, в чем тут дело, где моя «вина» и чего, собственно, от меня хотят» [471].

7 марта Сталин напишет еще два письма, одно из них Орджоникидзе, другое — Троцкому. «Дорогому Серго» он сообщит о записке Ленина к Мдивани и Махарадзе от 6 марта и порекомендует на съезде компартии Грузии «никакого давления не делать Заккрайкому на волю большинства», «добиться компромисса… который может быть проведен без грубого воздействия на большинство ответственных работников Грузии, т. е. компромисса естественного, добровольного». Каменев и Орджоникидзе, таким образом, должны были взять паузу и предотвратить развитие «грузинского дела» по катастрофическому для Сталина сценарию[472].

В письме Троцкому, копии которого будут разосланы всем членам Политбюро, Сталин продемонстрирует готовность к уступкам, постаравшись при этом затушевать различия в подходах. Он сообщит Троцкому, что его поправки к своим тезисам по национальному вопросу считает «неоспоримыми и целиком совпадающими с основным тоном этих тезисов». Дабы избежать клейма великодержавника, он напомнит, что «еще в резолюции X-го съезда партии по национальному вопросу, составленной… [им], говорится об особом вреде уклона к русской великодержавности». В этой записке он, однако, напомнит и о других «великодержавиях» господствующих наций некоторых республик. В этом ряду он специально упомянет и Грузию, «где грузины великодержавничают в отношении армян, абхазцев, аджарцев и осетин…» [473]

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ Р. К. П. (Большев.).

МОСКВА.

7/III 1923 г.

Секретарь Центрального Комитета

И. В. СТАЛИН.

Т. Ленин!

Недель пять назад я имел беседу с т. Н. Константиновной, которую я считаю не только Вашей женой, но и моим старым партийным товарищем, и сказал ей (по Телефону) приблизительно следующее: „Врачи запретили давать Ильичу полит. информацию, считая такой режим важнейшим средством вылечить его, между тем Вы, на=

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ Р. К. П. (Большев.).

МОСКВА.

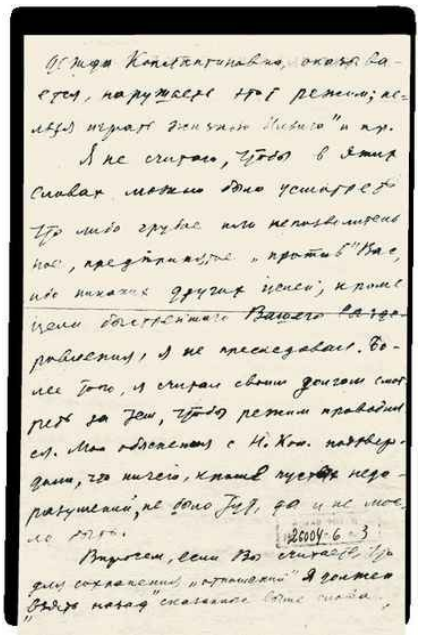
7/III 1923 г.

Секретарь Центрального Комитета

И. В. СТАЛИН.

Я их могу взять назад, от[illegible], понять, в чем тут дело, где моя „вина" и чего, собственно, от меня хотят.

И. Сталин.



Ответное письмо И.В. Сталина В.И. Ленину о телефонном разговоре с Н.К. Крупской с отрицанием грубости в ее адрес
7 марта 1923
Автограф И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26004. Л. 3–4]

Уже очень скоро накал дебатов сильно понизится, и произойдет это не из-за тактических уступок, на которые пойдет Сталин. Расчеты Сталина оправдаются, так как в ночь на 7 и затем 10 марта происходит резкое обострение болезни Ленина, усиление паралича, он потеряет речь и уже не сможет оправиться вплоть до своей кончины. Угроза «определенных организационных выводов наверху», исходившая от Ленина, в новых условиях материализоваться не имела никаких шансов. Сталин останется руководителем аппарата партии, главным действующим лицом конституционного процесса, основным спикером партии по национальному вопросу.

Так что 5–6 марта 1923 г. следует, вероятно, признать еще одной, не вполне по достоинству оцененной, развилкой российской истории.

Преподать урок «националам»

Не успеет дематериализоваться угроза «организационных выводов наверху» для самого Сталина, как он продемонстрирует, насколько был

прав Ленин, предупреждая об опасности политических устремлений генсека.

17–25 апреля 1923 г. состоится XII съезд РКП(б). На съезде Сталин продолжит «гнуть» свою линию по национальному вопросу. Признавая наличие проблемы «великорусского шовинизма», упор он сделает на другом. «Нэп, — скажет Сталин, — взращивает не только шовинизм русский, — он взращивает и шовинизмы местные... Мы не можем не вести борьбу на два фронта...» Резолюция съезда по национальному вопросу, однако, признает именно борьбу «с пережитками великорусского шовинизма... первой очередной задачей нашей партии», а борьбу с националистическими пережитками в республиках назовет «третьей очередной задачей»[474]. Всего лишь через месяц после съезда партии 9–12 июня будет проведено Четвертое совещание ЦК с ответственными работниками национальных республик и областей. На этом совещании Сталин обозначит цель — проведение «постепенной национализации правительственных учреждений... во всех национальных республиках и областях и в первую голову в такой важной республике, как Украина»[475]. В качестве главной задачи теперь, в отличие от решений съезда, будет поставлено «изжить успешно местный национализм». О проблеме «великодержавного шовинизма» не будет сказано ни слова[476]. Тем самым фактически давались санкции на прессинг и преследование национальных кадров, не согласных со сталинскими установками по национальному вопросу. Удар будет нанесен не столько по грузинским «уклонистам», взятым под защиту Лениным. Их «всего-то» отзовут в распоряжение ЦК РКП(б). «Предупредят» и украинских большевиков, распустив украинский Совнарком во главе с Х.Г. Раковским, возражавшим Сталину в ходе обсуждения концепции Союза.

Главный удар будет нанесен в другом месте. Объектом атаки станет член коллегии Наркомнаца М.Х. Султан-Галиев, который был среди тех, кто не раз подвергал критике «объединительную концепцию» Сталина, предложенные им принципы формирования союзных ЦИК и СНК. На заседании фракции РКП(б) X Всероссийского съезда Советов М.Х. Султан-Галиев поддержал предложение Мдивани: «И автономные, и независимые республики объединяются в один союз», а также высказал целый ряд других неординарных соображений. Сталин в своем выступлении будет не раз обращаться к высказываниям Султан-Галиева, некоторые из них определит как «клевета на партию», идею повышения статуса автономных республик назовет «мертворожденной, реакционной», направленной «против объединительных волн в низах»[477]. Стоять на своих позициях Султан-Галиев продолжит и после создания СССР. 25 апреля 1923 г. он выступит на заседании секции XII съезда РКП(б) по национальному вопросу, где даст обобщенную оценку сталинскому подходу, сказав, что предложения Сталина «не разрешают национального вопроса», и

вновь выступит за расширение прав автономий и повышения их статуса до равноправных субъектов Союза ССР. Он позволит себе представить собственную трактовку великодержавности и выступит против недооценки важности борьбы именно с великодержавным шовинизмом, откажется считать национализмом борьбу с его проявлениями.

Начальник Секретного оперативного управления ГПУ В.Р. Менжинский
1920-е
[РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 54. Д. 28. Л. 56]

Менее чем через десять дней — 4 мая — партколлегия Центральной контрольной комиссии (ЦКК) РКП(б) примет постановление об исключении Султан-Галиева из партии «как антипартийного и антисоветского элемента», снятии его с партийных и советских должностей и передаче дела в Государственное политическое управление (ГПУ). Сразу вслед за тем последовал его арест по сфабрикованному уголовному делу «о татарской буржуазно-националистической оппозиции и контрреволюционной организации». 19 мая Политбюро примет решение созвать совещание «националов окраинных областей», на котором было запланировано «изложить дело Султан-Галиева и показать, куда неизбежно заводит логика тайной и направленной против партии работы». При этом ЦКК было поручено «обсудить вопрос об изменении меры пресечения Султан-Галиеву»[478]. Произошло это потому, что фигура, на примере которой Сталин решил преподать «националам» урок партийной дисциплины, оказалась слишком значимой, и всего через четыре дня после ареста — 8 мая — к секретарям ЦК И.В. Сталину, В.М. Молотову, Я.Э. Рудзутаку, а также к Г.Е. Зиновьеву, Л.Б. Каменеву, Л.Д. Троцкому, Н.И. Бухарину, К.Б. Радеку, В.В. Куйбышеву со специальным письмом обратилась группа руководящих работников Татарской АССР. Авторы письма просили «об

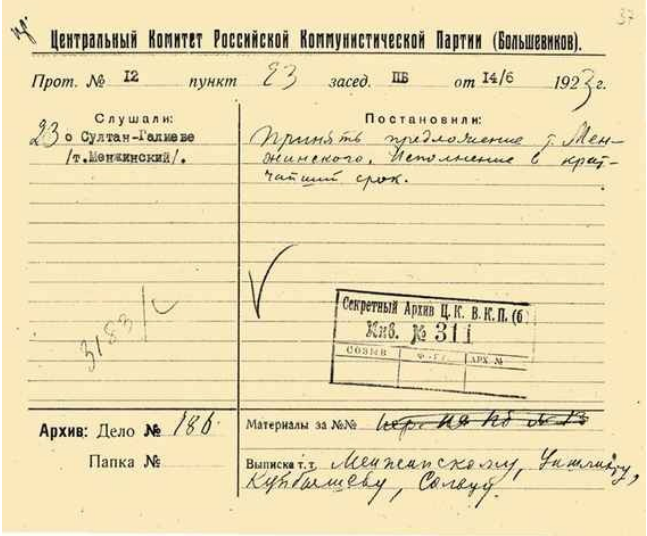
отмене всякой репрессии» по отношению к Султан-Галиеву, считая его арест «недоразумением» и отмечая его активное участие в революционном движении и Гражданской войне, его заслуги в организации почти всех автономий, работу в коллегии Наркомнаца и Центральном бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б).

Внутрипартийная демократия в те относительно вегетарианские времена, пусть и на ладан, но еще дышала, а Сталину приходилось действовать в окружении тяжеловесов в составе Политбюро и ЦК, которые пока не были готовы ни плясать под его дудку по первому сигналу, ни развязывать полномасштабные репрессии против однопартийцев. Так что до крайних форм «разбирательства» с бывшими соратниками дело пока не дойдет. 24 мая Политбюро вновь рассматривает дело Султан-Галиева и дает ГПУ две недели для его завершения и доклада на Политбюро[479]. Начальник Секретного оперативного управления ГПУ В.Р. Менжинский в своем «заключении», адресованном Сталину, 6 июня 1923 г. сделает вывод, что «ГПУ отнюдь не усматривает необходимости в продолжении дальнейшего заключения Султан-Галиева под стражей в случае прекращения дела». Двусмысленность этого заключения видна невооруженным глазом.

Менжинский явно оставлял на усмотрение Сталина решение поставленного перед ним вопроса, увязывая возможное освобождение «уклониста» с прекращением или продолжением дела. На упомянутом Четвертом совещании ЦК с ответственными работниками национальных республик и областей 9–12 июня 1923 г. будет принята специальная резолюция «Дело Султан-Галиева». В ней его обвинят в том, что он «путем конспиративной работы и рассылки тайной информации с явно извращенным освещением мероприятий партии» стремился создать в республиках нелегальную организацию для противодействия мероприятиям центральных партийных органов. Совещание признает, что «преступные действия» Султан-Галиева «ставят его вне рядов Коммунистической партии»[480]. 14 июня Политбюро примет решение «Принять предложение Менжинского. Исполнение в кратчайший срок» [481].

Султан-Галиев, видимо, как и его заступники из числа руководителей Татарской АССР, воспринял все произошедшее как «недоразумение». Иначе трудно объяснить его приход к Сталину с просьбой о возможности восстановления в партии. Получив ответ, что вопрос этот может быть рассмотрен по истечении года после исключения, Султан-Галиев, однако, уже 8 сентября обратится с соответствующей просьбой в ЦКК РКП(б). 15 декабря Президиум ЦКК это ходатайство отклонил, ввиду того что «Султан-Галиев за время своего пребывания вне партии ничем не доказал, что он действительно признал свою ошибку». Сталин не дождется демонстрации лояльности, и в 1928 г. Султан-Галиев будет арестован повторно. Вместе с ним к

ответственности по этому делу были привлечены 77 человек из числа бывших и нынешних руководителей Татарской АССР и Крымско-Татарской АССР. Не трудно догадаться, что среди них были и те руководители, которые сочли необходимым вступиться за опального лидера татарского национального движения в 1923 г. По делу «султан-галиевской контрреволюционной организации» в июле 1930 г. 21 человек во главе с Султан-Галиевым был приговорен к расстрелу, который заменили 10 годами лагерей. Кампанию «по разоблачению» Сталин решит сделать публичной, и 4 ноября 1929 г. в «Правде» появится статья «Социалистическое наступление и активизация буржуазных националистов», которая одной из первых ознаменовала скорый поворот Сталина, свернувшего с курса «положительной деятельности» в отношении национальных меньшинств в сторону «подмораживания» их активности и стремления к самостоятельности. Кампания по осуждению «султан-галиевщины» развернется и в партийных организациях. В 1934 г. Султан-Галиева снова освобождают, до 1937 г. он живет в ссылке в Саратове. Третий арест в годы Большого террора оказывается фатальным — в 1940 г. Султан-Галиев был расстрелян в соответствии с приговором Военной коллегии Верховного суда СССР по делу, сфабрикованному в недрах НКВД с применением мер «физического воздействия» [482].



Центральный Комитет Российской Коммунистической Партии (Большевиков).

Прот. № 12 пункт 23 засед. ПБ от 14/6 1923 г.

Слушали:	Постановили:
23 о Султан-Галиеве /т. Менжинский/.	Принять предложение т. Менжинского. Исполнение в кратчайший срок.

Секретный Архив Ц.К. В.К.П. (б) Инв. № 311

Архив: Дело № 186

Папка №

Материалы за №№

Выписка т.т. Менжинскому, Уншлихту, Куйбышеву, Солоду.

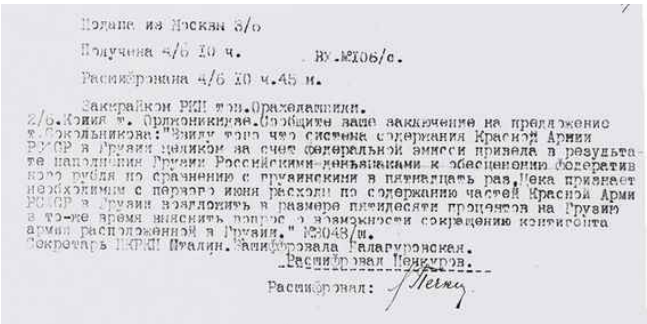
Постановление Политбюро ЦК РКП(б) об освобождении М.Х. Султан-Галиева

14 июня 1923

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 343. Л. 37]

При этом, Грузия останется объектом пристального внимания Сталина. Спустя два месяца после принятия Конституции СССР на началах, предложенных Сталиным, он решит завершить пресловутое «грузинское дело». В марте 1924 г. ЦКК откроет следствие по делу «грузинских уклонистов». Крупская напишет письмо председателю ЦКК В. Куйбышеву в защиту «старых партийных товарищей», как она назовет их. «Мы говорим о братском союзе с другими народностями, а поступаем как русские колонизаторы (это я про Серго говорю). И вместо того, чтобы разбирать дело о Серго и др., мы Серго выбираем демонстративно в ЦК, а уклонистов выслеживаем, судим и пр.». «Это худший вид взаимного недоверия, это увековечивание склоки», — подчеркнет она в завершение письма[483]. И если в 1923 г. для уклонистов партийное разбирательство окончится относительно благополучно, то во второй половине 1930-х им вспомнят все их прегрешения. Мдивани, Махарадзе и многие другие будут расстреляны в 1937 г. как участники «троцкистского шпионско-вредительского центра». Эта судьба постигнет большинство из участников дискуссий начала 1920-х гг. по национальному вопросу.

Представление о причинах и ходе борьбы центрального советского руководства с «националами» не будет полным, если не сказать несколько слов об экономическом противостоянии центра и мест в 1922–1924 гг. Едва ли не наиболее острым это противостояние окажется именно на закавказском направлении. В течение двух лет после советизации Закавказья на его территории официально будет закреплено хождение российского рубля и местных валют, причем курс последних будет более крепким, чем рубля. 2 июня 1922 г. Сталин направит в Закавказский краевой комитет РКП(б) шифротелеграмму, в которой потребует сообщить заключение на предложение наркомфина РСФСР Г.Я. Сокольникова: «Ввиду того, что система содержания Красной армии РСФСР в Грузии целиком за счет федеральной эмиссии повела в результате к обесценению федерального рубля в 15 раз, ЦК признает необходимым с 1-го июня расходы по содержанию Красной Армии РСФСР в Грузии возложить в размере 50 % на Грузию и в то же время выяснить вопрос о возможности сокращения контингента армии, расположенной в Грузии» [484].



Подана из Москвы 3/6

Получена 4/6 10 ч. ВУ.№106/с.

Расшифрована 4/6 10 ч.45 м.

Заккрайком РКП тов.Орахелашвили.
2/6.Копия т. Орджоникидзе.Сообщите ваше заключение на предложение т.Сокольникова:"Ввиду того что система содержания Красной Армии РСФСР в Грузии целиком за счет федеральной эмиссии привела в результате наполнения Грузии Российскими деньзнаками к обесценению федеративного рубля по сравнению с грузинскими в пятнадцать раз,Цека признает необходимым с первого июня расходы по содержанию частей Красной Армии РСФСР в Грузии возложить в размере пятидесяти процентов на Грузию в то-же время выяснить вопрос о возможности сокращению контингента армии расположенной в Грузии." №3048/ш.
Секретарь ЦКРКП Сталин. Зашифровала Галагуровская.
Расшифровал Пенкуров.
Расшифровал: Пенку

Шифротелеграмма И.В. Сталина руководителям Закавказского краевого комитета РКП(б) И.Д. Орахелашвили и Г.К. Орджони-кидзе о системе содержания Красной армии в Грузии

2 июня 1922

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3533. Л. 1]

Через неделю Г.К. Орджоникидзе в Заккрайкоме получит новую шифровку Сталина по тому же вопросу: «Срочно необходимо твое заключение… по предложению Сокольникова о расходах по содержанию частей Красармии РСФСР в Грузии и выяснении вопроса о сокращении армии, расположенной в Грузии, посланное тебе 2.VI…»[485] Под предложением Сокольникова Сталин подразумевал соглашение, подписанное между РСФСР и тремя закавказскими республиками 11 апреля 1922 г. «в целях урегулирования финансовых и валютных взаимоотношений». Соглашение было подписано наркомфином РСФСР Сокольниковым, с одной стороны, и наркомфином Закавказской федерации А.С. Сванидзе — с другой. Соглашением предполагалось унифицировать «денежные системы в закавказских республиках» с денежной системой в РСФСР, при этом временем проведения этой унификации определялась осень текущего года. Обмен грузинских дензнаков должен был производиться в учреждениях Госбанка по курсу, устанавливавшемуся Наркомфином РСФСР, и «в пределах кассовой возможности». Орджоникидзе примет указания центра к исполнению и проведет это решение через Заккрайком. Однако республиканские власти изо всех сил будут саботировать проведение этой «реформы». 12 сентября Президиум ЦК Компартии Грузии назовет постановление Заккрайкома «о производстве денежной реформы в Закавказье в намеченном виде… слишком поспешным». Унификацию дензнаков, по мнению грузинских руководителей, следовало проводить «лишь в тот момент, когда денежный знак РСФСР на вольном рынке будет котироваться по курсу высшему или по крайней мере равному денежному знаку ССРГ». Проведение реформы в условиях, когда грузинский рубль в 25 раз превышал по покупательной способности российский рубль, «одним ударом разрушит все наши достижения»,

подчеркивали грузинские руководители. «Цены взлетят на неподдающуюся определению высоту… никаких средств борьбы против дороговизны у нас на месте уже не будет, и мы очутимся перед катастрофой». Политбюро ЦК 22 сентября отклонит протест грузинского ЦК и утвердит решение Заккрайкома о введении «единого дензнака в закавказском масштабе». При этом определенная уступка «националам» будет все-таки сделана — Наркомфину было поручено обсудить с Наркомфином Грузии и Закавказским экономическим советом вопрос о возможности «более безболезненного перехода к новым денежным знакам»[486]. Центр пойдет на компромисс, и в январе 1923 г. Закавказье перейдет на единый закавказский рубль, хождение которого будет прекращено в апреле 1924 г., то есть примерно в те же сроки, в которые завершится принятием Конституции конституционный процесс в Союзе ССР [487].

Так что острота «национального вопроса» на закавказском направлении в восприятии Сталина в немалой степени, судя по всему, подогревалась реальными экономическими проблемами финансово-экономических взаимоотношений союзного центра и республик.

Конституция Союза ССР: «на началах равенства»?

Вернемся, однако, к конституционному процессу, который, вероятно, следует воспринимать в прямой связи с делом Султан-Галиева и другими упомянутыми акциями по дисциплинированию «националов». Отстаивать свои принципы федерализации Союза ССР Сталину придется еще, как минимум, дважды. На упоминавшемся уже не раз XII съезде партии по этим вопросам развернется настоящая дискуссия, в ходе которой одним из основных его оппонентов вновь выступит Х.Г. Раковский. Он подвергнет жесткой критике предложение Сталина о нормах представительства в двухпалатной системе высших органов Союза. Смысл создания двухпалатной системы залючался в том, заявит Раковский, чтобы она давала гарантии для отдельных республик. «При том решении, которое было принято сегодня, — продолжит он, — двухпалатная система не только не дает нам… никакой гарантии, но, наоборот, закрепляет фактически еще больше ту систему… которая выражается в том, что у нас из 360 депутатов в союзном ЦИКе 280, а может, и больше, принадлежит РСФСР. 80 принадлежит всем независимым республикам вместе взятым…» Обратит внимание Раковский и на нормы представительства, предложенные Сталиным для второй палаты, в которой «каждая из 15 автономных республик и областей РСФСР будет иметь по 4 голоса». В результате получается, «что фактически РСФСР будет иметь 64 или 70

голосов», а Украина и остальные союзные республики по 4 голоса. Раковский потребует представительства во второй палате союзных республик, причем готов будет отдать РСФСР $^{2}/_{5}$ голосов этой палаты, а не $^{1}/_{4}$, как это следовало бы сделать, исходя из равноправного представительства союзных республик. Но и такой подход Сталина не устроит. Он скажет, что в случае принятия поправки Раковского «тезисы будут опрокинуты вверх дном»[488]. Несмотря на очевидность аргументации Раковского, его поправка будет отклонена и принят план Сталина.

В апреле 1923 г. Президиумом ЦИК СССР была создана расширенная комиссия для разработки проекта конституции. В нее были включены 25 представителей союзных республик, Сталин вошел в нее в качестве одного из представителей РСФСР. 8–16 июня в Москве прошли пленарные заседания комиссии, на которых обсуждался проект конституции. 26 июня Сталин выступил на пленуме ЦК с докладом по проекту, который был одобрен.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОСНОВНОЙ ЗАКОН
(КОНСТИТУЦИЯ)
СОЮЗА
СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК

ИЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Москва — 1925 — Кремль

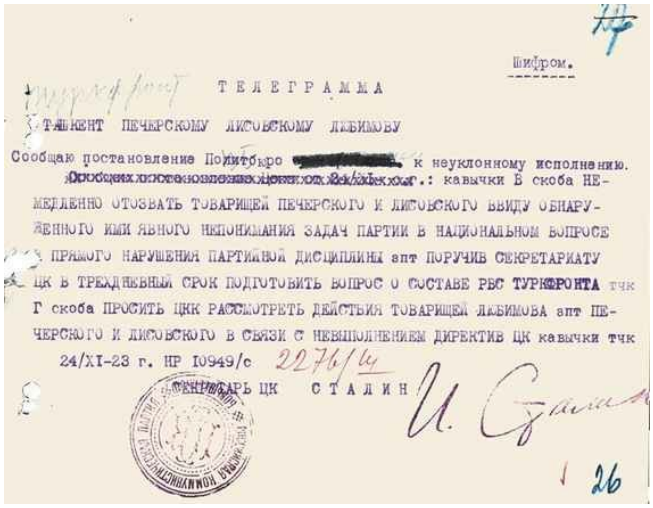
Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик
1925
[Из открытых источников]

Конституция СССР будет принята II Всесоюзным съездом Советов 31 января 1924 г., ею утверждался советский строй на территории всех республик, вошедших в состав Союза ССР. Съезд Советов объявлялся верховным органом СССР. ЦИК СССР исполнял функции верховного

органа власти в период между съездами, Президиум ЦИК формировал высший исполнительный и распорядительный орган — СНК СССР. Конституция не содержала характеристик общественного устройства, глав о правах и обязанностях граждан, об избирательном праве и проч. Все эти вопросы должны были определяться конституциями республик, вошедших в состав Союза. Таким образом, в конечном итоге именно в номинальном соответствии с ленинской идеей и в противоречии с его же собственными (и большевистского руководства в целом) прежними теоретическими установками бывшие национальные окраины вошли в состав СССР на правах союзных республик с правом выхода из Союза. Однако, как уже было отмечено, торжество ленинских принципов построения равноправной федерации не было, мягко говоря, полным. Верховным органом власти в период между съездами Советов устанавливался ЦИК СССР, состоявший из Союзного Совета и Совета национальностей. Принципы формирования обоих Советов обеспечивали РСФСР полное политическое доминированиие. Союзный Совет, согласно Конституции, избирался из представителей союзных республик пропорционально населению каждой, всего в его составе было 414 членов. Совет национальностей образовывался из представителей союзных и автономных советских социалистических республик — по пять представителей от каждой. Но в состав этой палаты входили еще и по одному представителю от автономных областей РСФСР. Нельзя не подчеркнуть и тот факт, что официально с инициативой создания второй палаты — Совета национальностей — выступил именно Сталин. Он сделал это на февральском 1923 г. пленуме ЦК и затем в своем докладе на XII съезде партии «О национальных моментах в партийном и государственном строительстве».

Другими словами, Конституция СССР зафиксировала существенно более сильные позиции РСФСР, доминировавшей по численности населения, по сравнению с позициями Украинской, Белорусской и Закавказской советских республик в союзных органах власти. Это положение сводило к нулю содержание статьи 4 второй главы Конституции, которая фиксировала «право свободного выхода из Союза» каждой республики. Пункт 6 той же главы прямо фиксировал, что «для изменения, ограничения или отмены статьи 4 требуется согласие всех республик, входящих в Союз Советских Социалистических Республик»[489]. В созданной Сталиным конструкции власти голосующих мандатов от РСФСР в союзных органах было больше, чем объединенных голосов всех других союзных республик вместе взятых, так что при всем желании они не смогли бы реализовать свое право на выход. Нелишне указать и на то, что эти принципы, предложенные и проведенные в жизнь Сталиным, реализовывались с одобрения Политбюро, причем ни один из его членов, включая Ленина, не возражал против пропорционального представительства, которое

сводило принцип «свободного выхода» из состава Союза к пустой декларации. В равной мере и все остальные права союзных республик приобретали эфемерный характер, поскольку на стороне Российской Федерации, лишенной своего собственного политического руководства и тотально подчиненной союзному центру, всегда было право сильного в предложенной и реализованной Сталиным конструкции федеративного устройства.



Шифром.

ТЕЛЕГРАММА

ТАШКЕНТ ПЕЧЕРСКОМУ ЛИСОВСКОМУ ЛЮБИМОВУ

Сообщаю постановление Политбюро [redacted] к неуклонному исполнению. [redacted] г.: кавычки В скоба НЕМЕДЛЕННО ОТОЗВАТЬ ТОВАРИЩЕЙ ПЕЧЕРСКОГО И ЛИСОВСКОГО ВВИДУ ОБНАРУЖЕННОГО ИМИ ЯВНОГО НЕПОНИМАНИЯ ЗАДАЧ ПАРТИИ В НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ ПРЯМОГО НАРУШЕНИЯ ПАРТИЙНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ апт ПОРУЧИВ СЕКРЕТАРИАТУ ЦК В ТРЕХДНЕВНЫЙ СРОК ПОДГОТОВИТЬ ВОПРОС О СОСТАВЕ РБС ТУРКФРОНТА тчк Г скоба ПРОСИТЬ ЦКК РАССМОТРЕТЬ ДЕЙСТВИЯ ТОВАРИЩЕЙ ЛЮБИМОВА апт ПЕЧЕРСКОГО И ЛИСОВСКОГО В СВЯЗИ С НЕВЫПОЛНЕНИЕМ ДИРЕКТИВ ЦК кавычки тчк

24/XI-23 г. НР 10949/с 2276/4

СЕКРЕТАРЬ ЦК СТАЛИН

И. Сталин

26

Шифротелеграмма И.В. Сталина Туркфронту об отзыве Печерского и Лисовского в связи с нарушением партийной дисциплины

24 ноября 1923

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 10. Л. 26]

«Замирение» и «размежевание» окраин

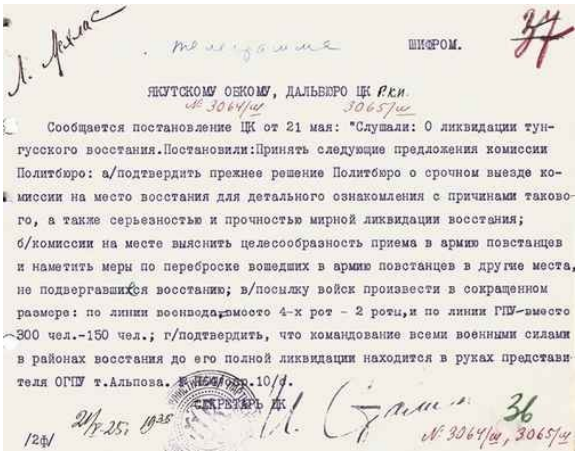
Национально-государственное строительство в СССР после подписания союзного договора развернется по нескольким направлениям.

В 1923 г. будет подтвержден курс на «замирение» в национальных и автономных республиках. Особенно актуальной эта задача окажется для территории бывших Хивинского ханства и Бухарского эмирата. После Октябрьской революции 1917 г. большевики признали их полную независимость. На этих территориях активно развивалось сопротивление советской власти, принявшее форму басмаческого движения. Независимость этих Бухарской и Хорезмской «народных

советских» республик, созданных здесь, являлась фикцией. ЦК РКП(б) отслеживал и контролировал действия советского руководства на местах. В ноябре 1923 г. Сталин направит в Реввоенсовет Туркестана шифротелеграмму, в которой сообщит решение Политбюро о нарушении партийной дисциплины и обвинит членов этого РВС в непонимании задач в национальном вопросе. Инцидент будет связан с решением РВС расстрелять добровольно сдавшихся басмачей[490].

Вопрос «замирения» территорий и не только в Центральной Азии, где была установлена советская власть, останется актуальным долгое время.

В поле зрения Сталина попадет, и надолго, Якутия, ставшая последней территорией Советской России, где завершилась Гражданская война. В ноябре 1921 г. Политбюро в первый, но не последний раз рассмотрит вопрос «о ликвидации Якутского восстания»[491]. Последние отряды генерала А.Н. Пепеляева прекратят сопротивление лишь в июне 1923 г.[492] К тому времени на территории Якутии уже была создана при непосредственном участии Сталина Якутская АССР. 17 января 1922 г. это решение было принято на заседании Наркомнаца, при этом больше года шли дебаты о статусе будущего края — быть ему автономной областью или получить более высокий — республиканский — статус. Через четыре дня это решение будет проведено и через Политбюро, а 27 апреля ВЦИК издаст соответствующий декрет. Замирить автономию, однако, скоро не получится. В мае 1924 г. там началось так называемое тунгусское восстание, которое продлится вплоть до августа следующего года. 7 мая Политбюро примет решение «продолжить переговоры о мирной ликвидации восстания»[493]. 21 мая 1925 г. Сталин направит Якутскому обкому телеграмму, в которой сообщит о еще одном решении заседания ЦК, состоявшемся в тот день, направить в Якутию комиссию для выяснения причин и ликвидации «тунгусского восстания»[494]. Сталин при этом подтвердит прежнее решение Политбюро о мирной ликвидации восстания.



ШИФРОМ.

ЯКУТСКОМУ ОБКОМУ, ДАЛЬБЮРО ЦК РКП

№ 3064/ш 3065/ш

Сообщается постановление ЦК от 21 мая: "Слушали: О ликвидации тунгусского восстания. Постановили: Принять следующие предложения комиссии Политбюро: а/подтвердить прежнее решение Политбюро о срочном выезде комиссии на место восстания для детального ознакомления с причинами такового, а также серьезностью и прочностью мирной ликвидации восстания; б/комиссии на месте выяснить целесообразность приема в армию повстанцев и наметить меры по переброске вошедших в армию повстанцев в другие места, не подвергавшихся восстанию; в/посылку войск произвести в сокращенном размере: по линии военвода, вместо 4-х рот - 2 роты, и по линии ГПУ-вместо 300 чел.-150 чел.; г/подтвердить, что командование всеми военными силами в районах восстания до его полной ликвидации находится в руках представителя ОГПУ т.Альпова. [illegible] 10/с.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

21/V-25, 1935

№ 3064/ш, 3065/ш

Шифротелеграмма И.В. Сталина в Якутский обком и Дальбюро ЦК РКП(б) с решением Политбюро «О ликвидации тунгусского восстания»

21 мая 1925

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 176. Д. 15. Л. 36]

Однако лишь 7 июня 1926 г. Политбюро сочтет, что «тунгусское восстание можно считать полностью ликвидированным»[495]. Всего лишь через год — в сентябре 1927 г. в Якутии разразится новое восстание. Сталин на этот раз поменяет подходы к «умиротворению», и 22 декабря Политбюро решит «возложить всю ответственность за подавление восстания в Якутии на ОГПУ». 26 января 1928 г. Политбюро приняло решение, которым рекомендовало «правительству Якутии никаких разговоров… с представителями бандитов не вести и передать это целиком ОГПУ»[496]. Руководители и активисты движения в количестве 54 человек на основании внесудебных приговоров в марте 1928 г. будут расстреляны[497]. Спустя 10 лет Сталин продемонстрирует «особое расположение» к мятежному субъекту РСФСР. 27 июня 1938 г. он станет депутатом Верховного Совета Якутской АССР [498].

РСФСР
ЯАССР

СЕЛИГДАРСКАЯ
ОКРУЖНАЯ
по выборам в Верховный
Совет ЯАССР
ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ

Июня 27 дня 1938 г.
№ 103.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИЧНАЯ ПОДПИСЬ

УДОСТОВЕРЕНИЕ

На основании ст. 40, п. „з" и ст. 95 „Положения о выборах в Верховный Совет Якутской АССР" и протокола голосования Селигдарской № 103 Окружной избирательной комиссии от 27 июня 1938 г. Селигдарская Окружная по выборам в Верховный Совет Якутской АССР избирательная комиссия удостоверяет, что товарищ Сталин Иосиф Виссарионович избран депутатом Верховного Совета Якутской АССР.

Председатель Окружной по выборам в Верховный Совет ЯАССР избирательной комиссии (Щипунов И. К.)

Секретарь Окружной по выборам в Верховный Совет ЯАССР избирательной комиссии (Яценко В. Т.)

Удостоверение И.В. Сталина о его избрании депутатом Верховного Совета Якутской АССР
27 июня 1938
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1301. Л. 29]

Ее конституция рассматривалась на Политбюро 26 февраля 1937 г. [499], а о ее утверждении в Якутский обком Сталин сообщит своей телефонограммой[500]. Впоследствии Сталин еще дважды будет избираться в Верховный Совет Якутской АССР — в 1947 и 1951 гг.

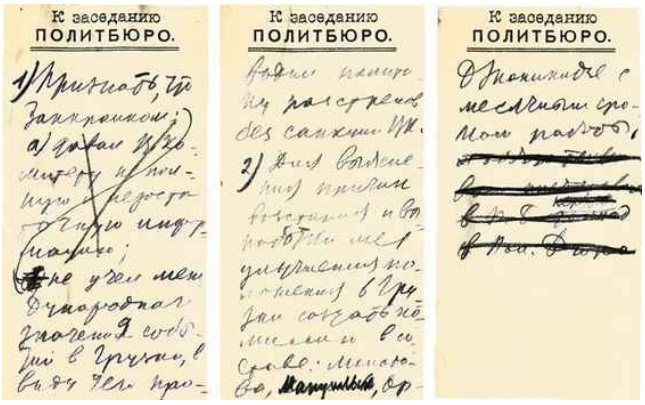
В течение 1920-х всполохи Гражданской войны будут иметь место едва ли не на всех окраинах повсеместно. В августе — сентябре 1924 г. вспыхнет антисоветское восстание в Грузии. Для выяснения причин будет создана специальная комиссия. Особое неудовольствие Политбюро вызовет «политика расстрелов без санкций ЦК», проводившаяся Закавказским крайкомом [501].

Целям «замирения» будут служить решения, подобные тому, которое содержится в постановлении ЦК, рекомендовавшем прием в компартию Грузии бывших меньшевиков и членов партии «Гнчак»[502].

В сентябре 1925 г. ЦК примет постановление об «операции разоружения» в Ингушетии силами войск ОГПУ и военного ведомства. При этом ОГПУ предоставлялось право «разрешения вопроса о применении высшей меры наказания»[503].

Что касается Центральной Азии, то уже очень скоро во взглядах советского руководства на «независимость» центральноазиатских народных республик возникнет новый и вполне ожидаемый поворот.

Важнейшими станут решения центра о национально-территориальном размежевании в Центральной Азии. 12 июня 1924 г. Политбюро примет постановление «О национальном размежевании среднеазиатских республик»[504]. Именно это решение положит начало формированию ныне существующих Казахской, Киргизской, Таджикской, Туркменской, Узбекской республик, даст импульс процессу формирования национальных культур и идентичностей.


К заседанию
ПОЛИТБЮРО.

К заседанию
ПОЛИТБЮРО.

К заседанию
ПОЛИТБЮРО.

Проект постановления Политбюро ЦК РКП(б) о создании комиссии по расследованию причин восстания в Грузии
18 сентября 1924
Автограф И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 451. Л. 35]

В сентябре 1924 г. V Всебухарский курултай Советов примет решение о преобразовании Бухарской Народной Советской Республики в Бухарскую Социалистическую Советскую Республику и вхождении ее в состав Союза ССР. Постановлением курултая «О национально-государственном объединении народов Средней Азии» будет санкционирована фактическая ликвидация республики. 27 октября в результате национально-государственного размежевания советских республик Средней Азии эта республика будет попросту ликвидирована, а ее территории с проживающим этнически близким населением распределены между Узбекской и Туркменской ССР, а также Каракалпакской автономной областью РСФСР.

Хорезмская Народная Советская Республика будет переименована в Хорезмскую ССР на 4-м Всехорезмском съезде Советов в октябре 1923 г. В ходе упомянутого национально-территориального размежевания и она будет разделена между новообразованными республиками СССР по национальной принадлежности населения, проживавшего на ее территории. На этот раз к перечисленным бенефециарам

присоединится Казакская (Казахская) АССР, так же как и Каракалпакия, входившая в состав РСФСР.

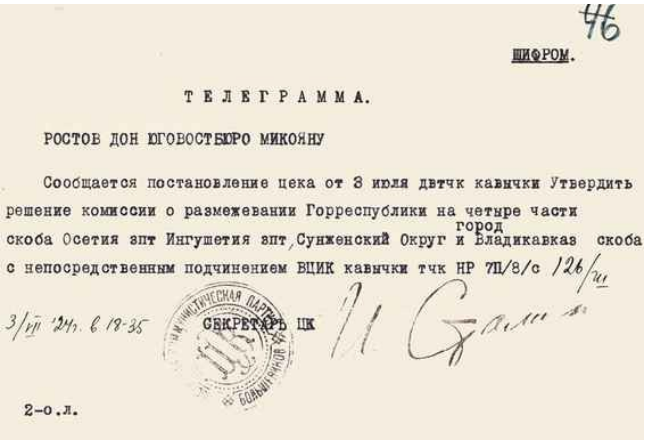
Силовыми и административными мерами советское присутствие здесь, конечно, не исчерпывалось. Помимо курса на коренизацию кадров, о котором мы расскажем далее, станут предприниматься и меры финансово-экономической поддержки. Московское политическое руководство при проведении своей политики, например, принимает решения о предоставлении средств для приведения столичных центров будущих республик «в культурные благоустроенные административные центры»[505].

* * *

Украинский вопрос в 1920-е гг. оставался одним из наиболее острых во внутренней политике СССР. Как было рассказано выше, в годы Гражданской войны советское руководство РСФСР (со значительным участием Сталина) передало УССР обширные территории (прежде всего Донбасско-Криворожской Республики), включая и те, на которые не претендовала Центральная рада, объявляя о независимости Украины. В числе таких территорий ей был передан и город Таганрог с прилегающими к нему землями. После окончания Гражданской войны советское руководство займется экономическим районированием, планируя создать крупные административно-хозяйственные единицы территориального управления, сформированные по принципу экономического тяготения[506]. Именно в связи с этим процессом власти Донской области РСФСР в 1923 г. поставили вопрос о передаче под свою юрисдикцию Таганрога в качестве порта, необходимого для развития этого региона России. На низовом уровне договориться полюбовно сторонам конфликта не удалось, решать вопрос станут центральные власти. С этой целью в апреле 1923 г. была создана специальная комиссия ЦИК СССР для урегулирования границ между РСФСР, Украинской и Белорусской ССР[507]. В 1924 г. этот спор будет рассматривать Политбюро ЦК, которое 11 июля примет решение «считать желательным присоединение Таганрога и Александро-Грушевского района к Юго-Восточной области». Получив протест на это решение со стороны ЦК КПУ и Донецкого губкома, Политбюро будет вынуждено опереться на авторитет Центрального комитета в целом, и в конечном итоге это решение будет подтверждено на пленуме ЦК РКП(б) в августе того же года [508].

В определенном смысле особым случаем станет создание Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики в составе Украины. Политбюро ЦК примет решение по этому вопросу в мае 1924 г., в июле оно будет продублировано постановлением ЦК КП(б)У и реализовано затем на практике постановлением ВУЦИК,

принятом в октябре того же года. Надо иметь в виду, что большая часть молдавской территории (Бессарабия) после распада Российской империи была инкорпорирована Румынией, что никогда не признавалось советским руководством. Поэтому автономия была организована на территориях Одесской и Подольской губерний УССР, ее столицей с 1929 г. станет Тирасполь. Титульный этнос — молдаване — составляли меньшинство населения, а большинством являлось украинское по своей этнической принадлежности население. Создавая автономию, Сталин таким образом, судя по всему, подготавливал плацдарм для борьбы за Бессарабию.



46

ШИФРОМ.

Т Е Л Е Г Р А М М А.

РОСТОВ ДОН ЮГОВОСТБЮРО МИКОЯНУ

Сообщается постановление цека от 3 июля двтчк кавчки Утвердить решение комиссии о размежевании Горреспублики на четыре части скоба Осетия зпт Ингушетия зпт Сунженский Округ и город Владикавказ скоба с непосредственным подчинением ВЦИК кавчки тчк НР 7П/8/с 126/ш

3/VII 24 г. в 19-35

СЕКРЕТАРЬ ЦК

2-о.л.

Шифротелеграмма И.В. Сталина секретарю Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) А.И. Микояну с сообщением постановления ЦК РКП(б) о делении Горреспублики на Осетию, Ингушетию, Сунженский округ и город Владикавказ

3 июля 1924

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 12. Л. 46]

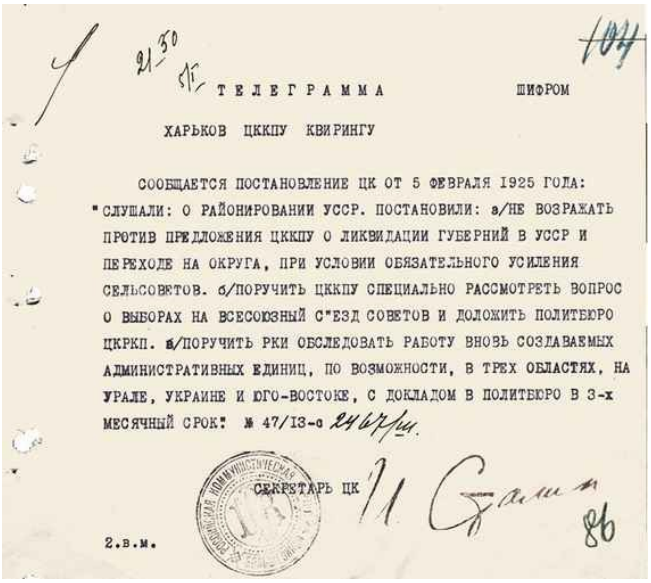
Бенефициаром национально-территориального размежевания станет не только Украина, получившая в свой состав исторические земли Новороссии, но и Белоруссия. В январе 1924 г. V Всебелорусский съезд Советов обратится к Совнаркому БССР с поручением согласовать с правительствами РСФСР и Союза ССР вопрос о расширении восточных границ БССР за счет включения в их состав смежных районов РСФСР с преобладанием белорусского населения. Судя по всему, накануне принятия Конституции СССР, в основу который были положены принципы, явно дискриминирующие союзные республики, высшее советское руководство решило умиротворить белорусских коммунистов. 3 марта будет опубликовано постановление ВЦИК о присоединении к БССР частей Витебской, Гомельской и Смоленской

губерний. Территория республики увеличилась больше чем в 2 раза, численность населения — с 1,5 млн до 4,2 млн человек. Второе укрупнение БССР будет проведено в декабре 1926 г., когда решением ВЦИК к БССР присоединят Гомельский и Речицкий уезды. В результате Белоруссия приобретет еще 15 758 кв. м и 800 тыс. человек населения.

«Конец» спорам и территориальному размежеванию трех «братских республик» положит постановление ЦИК СССР об урегулировании границ РСФСР, УССР и БССР в октябре 1925 г. [509]

Строительство и РСФСР, и СССР пройдет через период поощрения центральной властью инициатив по созданию различных автономных национальных образований. Строительство и Союза ССР, и автономий окажется связанным с территориальным размежеванием, которое будет вызывать постоянные конфликты. Один из них, развернувшийся на Северном Кавказе в ноябре 1923 г.[510], Сталин постарается урегулировать своей шифротелеграммой, направленной секретарю Юго-Восточного бюро ЦК А.И. Микояну. В июле 1924 г. ЦК утвердит итоги «размежевания Горреспублики на четыре части (Осетия, Ингушетия, Сунженский округ и город Владикавказ)…» [511]

Национально-территориальное размежевание середины 1920-х гг. выявит еще одну проблему — конфликты между народностями на почве не только вопроса о границах между автономиями, но и неурегулированного земельного вопроса. Закон о социализации земли, который был утвержден III Всероссийским съездом Советов 18 января 1918 г., предусматривал распределение земли на «уравнительно-трудовых началах», он стал одним из катализаторов обострения проблемы разграничения территорий между автономиями и внутри них. Именно по этим причинам начала распадаться через несколько месяцев после создания учрежденная по инициативе Сталина автономная Горская ССР, в состав которой при образовании в январе 1921 г. были включены территории Северной Осетии, Кабарды, Балкарии, Карачая, Чечни, Ингушетии, а также казачьи станицы с русским населением, которым было предоставлено право создать свой исполком с подчинением напрямую ЦИК и Совнаркому Горской Республики. Постоянные земельные споры в конечном итоге привели к решению об упразднении Горской АССР в июле 1924-го, а в январе 1925 г. ВЦИК утвердил декрет «О введении в действие Положения о Северо-Кавказском крае», который разделил край на 11 округов и 4 автономные области. Административные решения, как и продолжение работы землеустроительных комиссий, не смогли решить проблему, которая коренилась в аграрном перенаселении, имевшим место на Северном Кавказе. Проблему земельных споров радикально «решит» в начале 1930-х гг. коллективизация, в ходе которой была обобществлена земля, коллективизированы крестьянские хозяйства [512].



21-50

ТЕЛЕГРАММА ШИФРОМ

ХАРЬКОВ ЦККПУ КВИРИНГУ

СООБЩАЕТСЯ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ОТ 5 ФЕВРАЛЯ 1925 ГОДА: "СЛУШАЛИ: О РАЙОНИРОВАНИИ УССР. ПОСТАНОВИЛИ: а/НЕ ВОЗРАЖАТЬ ПРОТИВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ЦККПУ О ЛИКВИДАЦИИ ГУБЕРНИЙ В УССР И ПЕРЕХОДЕ НА ОКРУГА, ПРИ УСЛОВИИ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО УСИЛЕНИЯ СЕЛЬСОВЕТОВ. б/ПОРУЧИТЬ ЦККПУ СПЕЦИАЛЬНО РАССМОТРЕТЬ ВОПРОС О ВЫБОРАХ НА ВСЕСОЮЗНЫЙ С"ЕЗД СОВЕТОВ И ДОЛОЖИТЬ ПОЛИТБЮРО ЦКРКП. в/ПОРУЧИТЬ РКИ ОБСЛЕДОВАТЬ РАБОТУ ВНОВЬ СОЗДАВАЕМЫХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЕДИНИЦ, ПО ВОЗМОЖНОСТИ, В ТРЕХ ОБЛАСТЯХ, НА УРАЛЕ, УКРАИНЕ И ЮГО-ВОСТОКЕ, С ДОКЛАДОМ В ПОЛИТБЮРО В 3-х МЕСЯЧНЫЙ СРОК" № 47/13-с

СЕКРЕТАРЬ ЦК И. Сталин

2.в.м.

Шифротелеграмма И.В. Сталина секретарю ЦК КП(б) Украины Э.И. Квирингу с сообщением постановления ЦК о районировании УССР
5 января 1925
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 14. Л. 86]

В этот же период — в середине 1920-х — проводится реформа административно-хозяйственного деления, разработанная Госпланом и административной комиссией ВЦИК, в ходе которой решениями ЦК вместо губерний устанавливались новые территориальные единицы — округа, районы, волости, области и их границы. Процесс был запущен резолюцией XII съезда партии «О районировании»[513]. В январе 1925 г. на места отправляется ряд шифротелеграмм о районировании за подписями высших должностных лиц, включая и Сталина [514].

В конце 1920-х гг. Сталину придется лично завершать тяжбы украинского партийного руководства за присоединение территорий РСФСР. В 1927 г. руководство ЦК Украинской компартии вновь поставит перед ЦК ВКП(б) вопрос о присоединении к Украине Кубанского и Черноморского округов, на которых к тому времени была проведена «украинизация», а также о возвращении Шахтинского и Таганрогского округов Северо-Кавказского края[515]. В феврале 1929 г. во время Недели украинской литературы в Москве Сталин примет решение выступить перед группой литераторов Украины. В ходе этого выступления, посвященного вопросам развития национальных культур, его подвергнут, выражаясь современным языком, откровенному троллингу.

«*Голос с места:* Товарищ Сталин, как вопрос с Курской, Воронежской губерниями и Кубанью в той части, где есть украинцы? Они хотят присоединиться к Украине.

Сталин: Этот вопрос не касается судьбы русской или национальной культуры.

Голос с места: Он не касается, но он ускорит дальнейшее развитие культуры там, в этих местностях.

Сталин: Этот вопрос несколько раз обсуждался у нас, так как часто слишком меняем границы (смех). Слишком часто меняем границы — это производит плохое впечатление и внутри страны, и вне страны… Внутри мы относимся осторожнее к этому вопросу, потому что у некоторых русских это вызывает большой отпор. С этим надо считаться и с точки зрения национальной культуры, и с точки зрения развития диктатуры [пролетариата]. И с точки зрения развития основных вопросов нашей политики и нашей работы. Конечно, не имеет сколько-нибудь серьезного значения, куда входит один из уездов Украины и РСФСР. У нас, каждый раз, когда такой вопрос ставится, начинают рычать: а как миллионы русских на Украине угнетаются, не дают на родном языке развиваться, хотят насильно украинизировать и так далее (смех). Это вопрос чисто практический. Он у нас два раза стоял. Мы его отложили — очень часто меняются границы… Я не знаю, как население этих губерний, хочет присоединиться к Украине? (Голоса: Хочет). А у нас есть сведения, что не хочет (Голоса: Хочет, хочет). Есть у нас одни сведения, что хочет, есть и другие сведения — что не хочет» [516].

На самом деле, вопрос национально-территориального размежевания являлся более серьезным в процессе национально-государственного строительства Союза ССР, чем может показаться на первый взгляд. Ни Ленин, ни Сталин, судя по всему, не в полной мере отдавали себе отчет в том, что прочертить любую национальную границу означало запустить процессы этнических консолидаций и мобилизаций, а значит, создать или подтолкнуть развитие этнических конфликтов внутри автономий между национальным большинством и национальными меньшинствами, между автономиями, а впоследствии и между союзными республиками. А советское руководство, между тем, «ничтоже сумняшеся» стало формировать сотни и тысячи автономных образований и проводить тысячи таких границ[517]. Как мы видели, конфликты на национально-территориальной основе начали проявляться уже в начальный момент формирования этой политики. Политика коренизации, ускорявшая этническую консолидацию на новых административно-территориальных образованиях, с течением времени будет только обострять взаимоотношения между соседями, прорываясь на поверхности явлений в острых межнациональных конфликтах в позднесоветский период. Национальные меньшинства постепенно станут приобретать статус «чужаков» в глазах национального большинства той или иной территории, что станет еще одним катализатором для вызревания межэтнических конфликтов. В этом отношении ни ленинский, ни сталинский подходы к созданию

Союза ССР не слишком сильно отличались, поскольку смысловым центром в обоих случаях являлось поощрение национальностей в формах, отличавшихся конфликтогенностью. Едва ли не единственным инструментом, который найдется в арсенале высшего советского руководства в 1930-е гг. для «замирения» сторон подобных конфликтов и ограничения конфликтогенности вообще, окажется административный зажим из центра и репрессии.

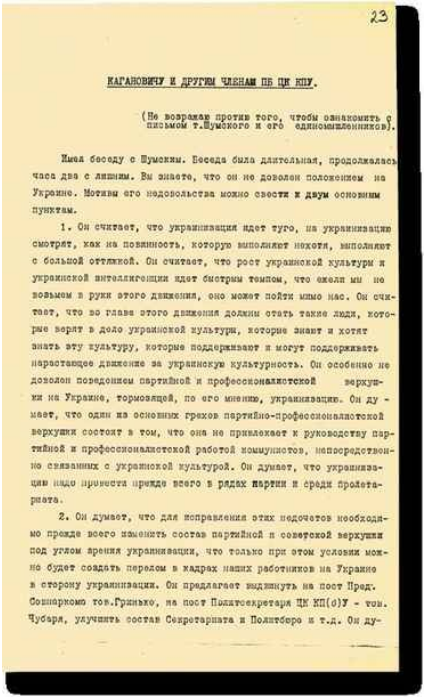
«…Возрожденным нациям нашей страны — встать на ноги во весь рост». Политика коренизации/национализации

Условие интеграции национальных окраин бывшей Российской империи в процесс социалистического строительства большевистское руководство, включая Сталина, будет видеть в завоевании симпатий их населения и представлявших интересы этого населения «элит», состав которых сильно изменился к моменту окончания военных действий на этих территориях. Структурное полевение политического класса, тем не менее, не предрешало исход дела в пользу большевиков. Поэтому данная задача виделась большевистскому руководству в качестве актуальной. Еще до прихода к власти Ленин, позиционируя себя в качестве последовательного интернационалиста, регулярно выступал против так называемой великодержавности. Придя к власти, большевики начнут специально поддерживать национальные языки и культуры, проводить политику т. н. коренизации кадров. Практическое начало этой политики следует отнести к 1919 г., когда в момент наивысшего накала Гражданской войны на Украине Ленин провозгласит необходимость поддержания на государственном уровне украинского языка и культуры[518]. Сталин, как рассказывалось выше, аналогичные идеи озвучит годом ранее. В теоретико-идеологическом плане ни тот, ни другой не скажут, в общем, ничего нового, поскольку их рекомендации базировались на различных программных документах большевистской партии и их собственных общих высказываниях более раннего времени. При этом у вождя большевизма к тому времени уже вполне сформировалось ясное видение конечной цели национальной политики большевиков на «украинском» направлении. 21 ноября 1919 г. в проекте тезисов о политике на Украине, которые Ленин подготовит к заседанию Политбюро, он прямо запишет: «партийным путем ведется осторожная подготовка планов слияния Украины и России»[519].

17–25 апреля 1923 г. состоится XII съезд РКП(б). На съезде был обозначен курс на коренизацию (или национализацию, в терминологии Сталина) партийного и государственного аппарата в национальных республиках СССР. Резолюция по национальному вопросу

порекомендует добиться, чтобы «органы национальных республик и областей строились по преимуществу из людей местных, знающих язык, быт, нравы и обычаи соответствующих народов… были изданы специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях…»[520]

Двумя годами ранее — на X съезде партии — Сталин получит упрек в искусственном насаждении белорусской национальности. Этот упрек он отвергнет, заявив, что «существует белорусская нация, у которой имеется свой язык, отличный от русского, ввиду чего поднять культуру белорусского народа можно лишь на родном его языке». Вслед за этим он перейдет к «украинскому вопросу». Еще недавно, — скажет он, — «говорилось, что украинская республика и украинская нация — выдумка немцев. Между тем, ясно, что украинская нация существует и развитие ее культуры составляет обязанность коммунистов. Нельзя идти против истории. Ясно, что если в городах Украины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы»[521]. Таким образом, миссия большевизма и здесь заключалась в ускорении исторических процессов.



23

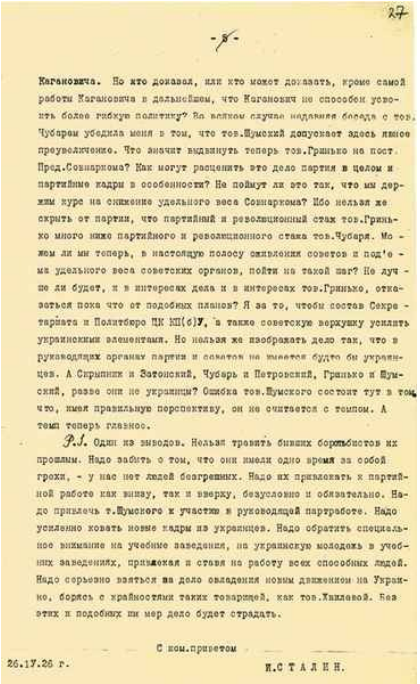
КАГАНОВИЧУ И ДРУГИМ ЧЛЕНАМ ПБ ЦК КПУ.

(Не возражаю против того, чтобы ознакомить с письмом т.Шумского и его единомышленников).

Имел беседу с Шумским. Беседа была длительная, продолжалась часа два с лишним. Вы знаете, что он не доволен положением на Украине. Мотивы его недовольства можно свести к двум основным пунктам.

1. Он считает, что украинизация идет туго, на украинизацию смотрят, как на повинность, которую выполняют нехотя, выполняют с большой оттяжкой. Он считает, что рост украинской культуры и украинской интеллигенции идет быстрым темпом, что ежели мы не возьмем в руки этого движения, оно может пойти мимо нас. Он считает, что во главе этого движения должны стать такие люди, которые верят в дело украинской культуры, которые знают и хотят знать эту культуру, которые поддерживают и могут поддерживать нарастающее движение за украинскую культурность. Он особенно не доволен поведением партийной и профессионалистской верхушки на Украине, тормозящей, по его мнению, украинизацию. Он думает, что один из основных грехов партийно-профессионалистской верхушки состоит в том, что она не приближает к руководству партийной и профессионалистской работой коммунистов, непосредственно связанных с украинской культурой. Он думает, что украинизацию надо провести прежде всего в рядах партии и среди пролетариата.

2. Он думает, что для исправления этих недочетов необходимо прежде всего изменить состав партийной и советской верхушки под углом зрения украинизации, что только при этом условии можно будет создать перелом в кадрах наших работников на Украине в сторону украинизации. Он предлагает выдвинуть на пост Пред. Совнаркома тов.Гринько, на пост Генсекретаря ЦК КП(б)У - тов. Чубаря, улучшить состав Секретариата и Политбюро и т.д. Он ду-



27

-8-

Кагановича. Но кто доказал, или кто может доказать, кроме самой работы Кагановича в дальнейшем, что Каганович не способен усвоить более гибкую политику? На всяком случае недавняя беседа с тов. Чубарем убедила меня в том, что тов.Шумский допускает здесь явное преувеличение. Что значит выдвинуть теперь тов.Гринько на пост Пред.Совнаркома? Как могут расценить это дело партия в целом и партийные кадры в особенности? Не поймут ли это так, что мы держим курс на снижение удельного веса Совнаркома? Ибо нельзя же скрыть от партии, что партийный и революционный стаж тов.Гринько много ниже партийного и революционного стажа тов.Чубаря. Можем ли мы теперь, в настоящую полосу оживления советов и подъема удельного веса советских органов, пойти на такой шаг? Не лучше ли будет, и в интересах дела и в интересах тов.Гринько, отказаться пока что от подобных планов? Я за то, чтобы состав Секретариата и Политбюро ЦК КП(б)У, а также советскую верхушку усилить украинскими элементами. Но нельзя же изображать дело так, что в руководящих органах партии и советов на имеется будто бы украинцев. А Скрыпник и Затонский, Чубарь и Петровский, Гринько и Шумский, разве они не украинцы? Ошибка тов.Шумского состоит тут в том, что, имея правильную перспективу, он не считается с темпом. А темп теперь главное.

P.S. Один из выводов. Нельзя травить бывших борцов их прошлым. Надо забыть о том, что они имели одно время за собой грехи, - у нас нет людей безгрешных. Надо их привлекать к партийной работе как вниз, так и вверх, безусловно и обязательно. Надо привлечь т.Шумского к участию в руководящей парработе. Надо усиленно ковать новые кадры из украинцев. Надо обратить специальное внимание на учебные заведения, на украинскую молодежь в учебных заведениях, привлекая и ставя на работу всех способных людей. Надо серьезно взяться за дело овладения новым движением на Украине, борясь с крайностями таких товарищей, как тов.Хвылевой. Без этих и подобных им мер дело будет страдать.

С ком.приветом

26.IV.26 г. И.СТАЛИН.

Письмо И.В. Сталина секретарю ЦК КП(б) Украины Л.М. Кагановичу и другим членам Политбюро ЦК КП(б)У о беседе с наркомом просвещения Украины А.Я. Шумским

26 апреля 1926

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 738. Л. 23–27]

Как уже отмечалось, на Четвертом совещании ЦК с ответственными работниками национальных республик и областей в июне 1923 г. Сталин поставит задачу проведения «постепенной национализации правительственных учреждений… во всех национальных республиках и областях и в первую голову в такой важной республике, как Украина»[522]. Украинизация станет быстро набирать обороты, причем для значительной части населения (русские, греки, болгары, немцы, евреи, проживавшие на территории бывшей Новороссии) эта политика обернется принуждением к усвоению чужого языка и культуры. В качестве проводника этой политики Сталин направит на Украину Л.М. Кагановича, который в апреле 1925 г. был избран генеральным секретарем ЦК КП(б)У. Молодой партийный функционер, попавший в аппарат ЦК лишь в 1922 г., к моменту своего назначения уже успел поработать заведующим организационно-инструкторским и организационно-распределительным отделом ЦК. Обретя доверие Сталина, он был назначен секретарем ЦК. Назначение Кагановича, еврея по этнической принадлежности, должно было продемонстрировать равноудаленность центра от основных этнических групп интересов в Украине. С приходом Кагановича при ЦК КП(б)У была

создана специальная комиссия по украинизации, заметно увеличилось число украинцев в партийных и советских органах, резко ускорились процесс перевода на украинский язык делопроизводства в госучреждениях, украинизация школьного образования, газет и журналов. Сталин держал процесс под контролем и периодически наставлял Кагановича. Так, в апреле 1926 г. в письме своему эмиссару он укажет на необходимые пределы украинизации: «Можно и нужно украинизировать, соблюдая при этом известный темп, наши партийный, государственный и иные аппараты, обслуживающие население. Но нельзя украинизировать сверху пролетариат. Нельзя заставить русские рабочие массы отказаться от русского языка и русской культуры и признать своей культурой и своим языком украинский. Это противоречит принципу свободного развития национальностей» [523].

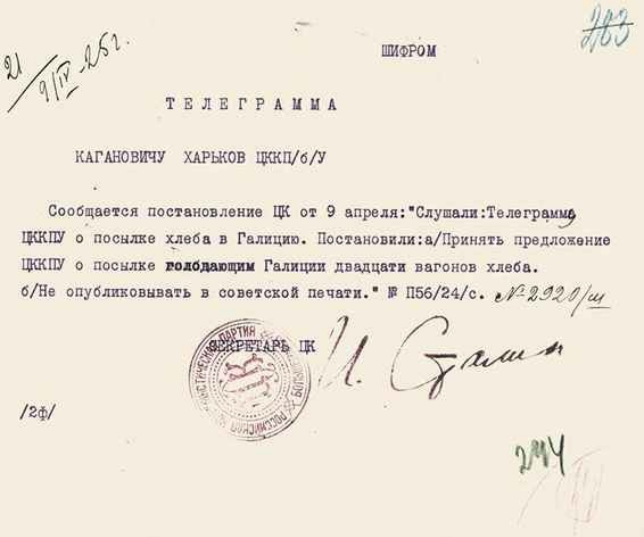
Каганович, разумеется, будет по мере сил стремиться реализовать эти установки. Уже в мае члены Политбюро ЦК КП(б)У направят Сталину письмо, в котором выскажутся против насильственной украинизации русских рабочих при проведении политики украинизации[524]. Подтвердит эту линию и объединенный пленум ЦК и ЦКК ЦК КП(б)У в июне 1926 г. Но уже через год сторонники интенсификации процесса украинизации добьются некоторого отступления от предписанного Москвой принципа. В июле 1927 г. очередной пленум ЦК украинской компартии подчеркнет, что «требуется различие между русифицированными рабочими, употребляющими смешанный украинский язык, и русскими рабочими...»[525] Энтузиазм украинских элит, поощряемых из союзного центра, даст свои зримые результаты. В 1927 г. в УССР уже было украинизировано 82 % школ (в городах 49 %), в 1928 г. газет на украинском языке выходило 56 %, в 1930-м уже 88 %[526]. В 1929 г. на пике украинизации нарком просвещения УССР Н.А. Скрыпник заявит: «Новороссии нет... я, может, единственный, кто... вспомнил это слово — «Новороссия». Оно стало чужим для жизни. Для целой страны, для всего человечества»[527]. Украинизация затронет не только территорию Украины, но и ряд областей РСФСР, где компактно проживали этнические украинцы. Между тем, оппозиционные настроения по отношению к украинизации в промышленных районах Юга и Востока Украины с центрами в Екатеринославе, Харькове, Донецке, Одессе, Николаеве не просто сохранялись, но и с течением времени нарастали, нарастал в этих районах и фактический саботаж. Этот конфликт между сторонниками и противниками украинизации принудит Сталина к переосмыслению основ национальной политики и приведет в начале 1930-х гг. к принятию ряда решений, о которых речь пойдет дальше.

Не забудет советское руководство и о задаче революционизировать ближнее (в данном случае украинское) зарубежье и не только примером советской федерации. Необходимого политического эффекта советское руководство решит добиваться уже на ранней стадии

существования Советского Союза, проводя акции поддержки трудящихся зарубежных стран. В апреле 1925 г. Сталин отдаст распоряжение Л.М. Кагановичу об отправке 20 вагонов хлеба голодающим Галиции [528].

Процессы консолидации новых национальных государств по ту сторону советской границы уже очень скоро заставят заволноваться советское руководство, которое увидит опасность в обратном «антисоветском» воздействии тамошнего примера на советские части разделенных наций по эту сторону границы.

Национализация элит (или иначе — коренизация кадров) наталкивалась и на ряд управленческих проблем. Русский язык оставался объективно необходимым средством коммуникации и управления. Осознание этого факта приводит советское руководство к необходимости принятия ряда управленческих решений, корректирующих языковую политику. Так, в августе 1923 г. ЦК вынужден принять постановление о ведении всего внутреннего делопроизводства на закавказских железных дорогах на русском языке, сохранив «сношения... с населением на национальных языках»[529].



ШИФРОМ

ТЕЛЕГРАММА

КАГАНОВИЧУ ХАРЬКОВ ЦККП/б/У

Сообщается постановление ЦК от 9 апреля:"Слушали:Телеграмму ЦККПУ о посылке хлеба в Галицию. Постановили:а/Принять предложение ЦККПУ о посылке голодающим Галиции двадцати вагонов хлеба. б/Не опубликовывать в советской печати." № П56/24/с. № 2920/ш

СЕКРЕТАРЬ ЦК И. Сталин

/2ф/

Шифротелеграмма И.В. Сталина секретарю ЦК КП(б)У Л.М. Кагановичу с сообщением постановления ЦК об отправке двадцати вагонов хлеба голодающим Галиции

9 апреля 1925

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 14. Л. 244]

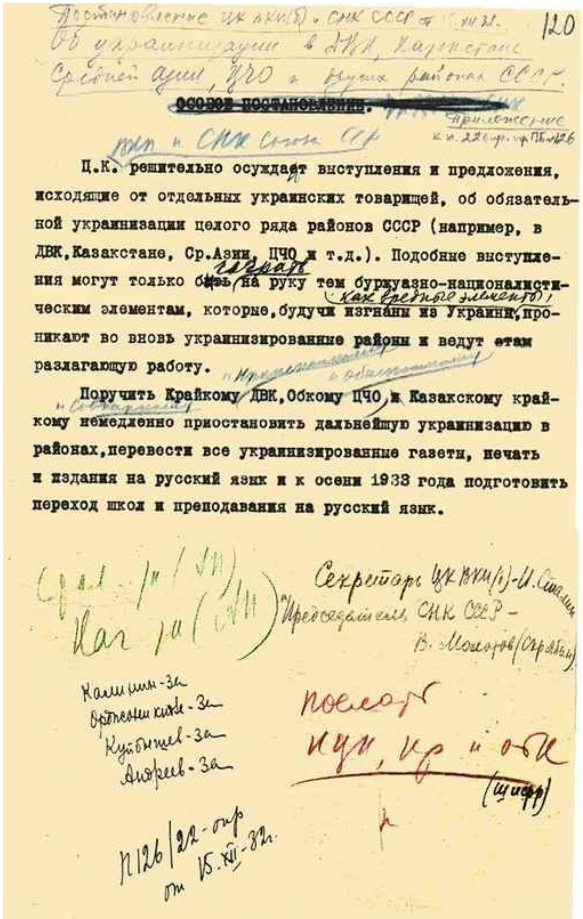
Надо признать, что большевистское руководство РСФСР и затем Союза ССР, придя к власти, ответило на вызов со стороны

национализма целостной политикой, последовательно развивавшей национальное самосознание этнических меньшинств и создававшей множество форм, образующих новые национальные идентичности, целенаправленно внедряемые сверху. Эта политика коренизации, как уже было сказано выше, получила в некоторых современных западных работах емкое и вызывающее название «положительная деятельность», а Советский Союз был определен как «империя положительной деятельности»[530]. Советское руководство вскоре столкнется с непреднамеренными последствиями этой политики, которые найдут свое выражение в резком росте запроса на самостоятельность в организации жизни республик со стороны национальных элит. Так или иначе, эта политика способствовала вызреванию фактически национальных государств в недрах союзного государства, создавала определенные риски для этого союзного государства с его формально-юридической конструкцией, в рамках которого один из его субъектов имел право и мог заявить о выходе из состава. Неизбежные сомнения в прочности конструкции требовали поиска средств и инструментов практической политики, купирующей такого рода риски.

Анализ процессов коренизации позволяет сегодня исследователям обратить внимание на важную черту политики коренизации. Ее проведение на местах не сопровождалась выдвижением нерусских элит в центральные организации. Едва ли не единственным исключением в этом отношении станут украинские элиты[531]. Многонациональный состав первых советских правительств и ЦК РКП(б) свидетельствовал о наднациональном характере этих структур управления, отражавшем наднациональный же, а не многонациональный характер сформировавшейся к тому времени большевистской партии, каким он виделся ее вождям. Ограничение вертикальной мобильности национальных элит своей обратной стороной также имело усиление националистической консолидации и мобилизации на местах и сыграло позднее свою роль в возникновении национальных движений.

Что касается Украины, то после «дебатов» с украинскими писателями, о которых было рассказано выше, вопрос о передаче тех или иных территорий в состав Украины более подниматься не будет, а Сталин вскоре займется и эксцессами украинизации. В начале 1930-х гг. он совершит поворот в национальной политике: станет сокращаться количество «самостоятельных» национальных территорий, дезавуируется актуальность «принципа главной опасности», то есть русской великодержавности. В 1931 г. будет проведен процесс против так называемого Украинского национального центра. В августе 1932 г. в связи с кризисом хлебозаготовок (о чем речь далее) Сталин заявит о неблагополучии в украинских парторганизациях, о засилье в них скрытых националистов и иностранных агентов. Начнется чистка

партийного и советского аппаратов, будет проведена замена партийного и советского руководства Украинской ССР, пройдут увольнения и аресты[532]. Важной вехой на этом пути станет постановление Политбюро от 14 декабря 1932 г. с осуждением ошибок украинизации, когда крайкомам Дальневосточному, Казахскому, обкому Центрально-Черноземной области (ЦЧО) будет предписано «немедленно приостановить дальнейшую украинизацию… перевести все украинизированные газеты, печать… на русский язык…» [533]



120

Об украинизации в ДВК, Казахстане, Средней Азии, ЦЧО и других районах СССР.

~~ОСОБОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ.~~

Приложение к п. 22 ... п. 126

ЦК и СНК Союза ССР

Ц.К. решительно осуждает выступления и предложения, исходящие от отдельных украинских товарищей, об обязательной украинизации целого ряда районов СССР (например, в ДВК, Казакстане, Ср.Азии, ЦЧО и т.д.). Подобные выступления могут только ~~быть~~ сыграть на руку тем буржуазно-националистическим элементам, которые, будучи изгнаны из Украины (как вредные элементы), проникают во вновь украинизированные районы и ведут ~~этим~~ разлагающую работу.

Поручить Крайкому ДВК, Обкому ЦЧО и Казакскому крайкому немедленно приостановить дальнейшую украинизацию в районах, перевести все украинизированные газеты, печать и издания на русский язык и к осени 1933 года подготовить переход школ и преподавания на русский язык.

Секретарь ЦК ВКП(б) - И. Сталин

Председатель СНК СССР - В. Молотов (Скрябин)

Калинин - за

Ордженикидзе - за

Куйбышев - за

Андреев - за

Послать ЦК, Кр и ОБК (Шифр)

П126/22 - опр от 15.XII-32 г.

Проект постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР об украинизации в ДВК, Казахстане, Средней Азии, ЦЧО и других районах СССР

15 декабря 1932

Правка синим карандашом — автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 968. Л. 120]

Крайности коренизации станут пресекаться административными и репрессивными методами. Русские постепенно станут «первыми среди равных» в семье советских народов, а русский язык будет настойчиво

внедряться наряду с местными языками. Но поворота к полномасштабной русификации не произошло. Вплоть до смерти Сталина продолжалась политика обязательности национального языка и обязательного посещения школы на родном языке. На протяжении всего сталинского периода так называемый буржуазный национализм станет мишенью идеологических, политических кампаний и кадровых чисток в национальных республиках с целью предотвратить любой намек на приобретение ими фактической самостоятельности. Поддержание принудительной лояльности станет одной из основных целей так называемых национальных операций и депортаций народов в сталинский период. Убежденный централист, Сталин на протяжении всей жизни будет стараться таким образом купировать риски центробежных тенденций для институционально слабой советской государственности.

Поворот в этом направлении, произошедший на рубеже 1920–1930-х гг., окажется сопряжен с «социалистическим наступлением» по всему фронту, которое развернет Сталин и которое требовало централизации и неукоснительного следования курсу центральных властей. При этом Сталин будет продолжать «решительно оспаривать» мнение о том, что «период перехода от капитализма к социализму… является периодом ликвидации наций, периодом отмирания национальных культур и национальных языков», как он сделает это в своей статье «Национальный вопрос и ленинизм», черновой вариант которой он подготовит в феврале 1929 г. Он подтвердит необходимость продолжения курса на оказание помощи социалистическим «возрожденным нациям нашей страны — встать на ноги во весь рост, оживить и развить свою национальную культуру, развернуть школы, театры и другие культурные учреждения на родном языке, национализировать, т. е. сделать национальными по составу, партийный, профсоюзный, кооперативный, государственный, хозяйственный аппараты, выращивать свои, национальные партийные и советские кадры и обуздать все те элементы… которые пытаются тормозить подобную политику партии»[534]. Так что отказа от политики коренизации не произойдет, Сталин продолжит проводить ее, приспосабливая к нуждам дня, как он их понимал. На XVI съезде ВКП(б) в июне 1930 г. он предупредит «уклоняющихся в сторону великорусского шовинизма» под «маской интернационализма» от стремления «подготовить ликвидацию национальных республик и областей… развенчать политику партии по национализации аппарата, национализации прессы, школы и других государственных и общественных организаций»[535]. Так что культурная революция, развернувшаяся в национальных республиках в 1930-х гг., будет осуществляться все в тех же основных формах политики коренизации, а развитие советской государственности продолжится в форме многонационального, многореспубликанского государства. Идея

пересмотреть основы организации Союза ССР Сталиным была отвергнута [536].

Союз и союзные республики: вопросы управления

Реализация подхода к построению СССР как союза «равноправных» государств поставила в повестку дня проблему разграничения властных полномочий союзных и республиканских органов государственного управления. К 1924 г., когда была разработана и принята первая Конституция СССР, эта проблема будет урегулирована формально. Народные комиссариаты были разделены на общесоюзные и объединенные. Общесоюзные наркоматы управляли отраслями, отнесенными исключительно к ведению Союза ССР. Статус общесоюзных получили наркоматы иностранных дел, по военным и морским делам СССР, внешней торговли, путей сообщения, почт и телеграфов, имевшие в союзных республиках своих уполномоченных, которые непосредственно подчинялись союзным наркоматам. Цитированная выше рекомендация Ленина ограничить компетенции союзных органов управления иностранными и военными делами, как видим, не была принята во внимание.

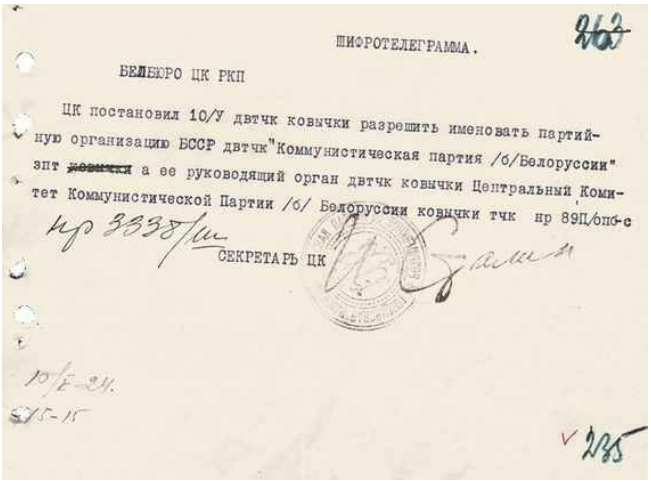
Объединенные наркоматы действовали в союзных республиках через наркоматы республиканского подчинения, входившие в состав совнаркомов союзных республик, но при этом выполнявшие задания соответствующего союзного наркомата (наркоматы финансов, труда, продовольствия, Рабоче-крестьянской инспекции, ВСНХ). К республиканским были отнесены наркоматы просвещения, здравоохранения, внутренних дел, юстиции, социального обеспечения, земледелия. Списки должностей союзного и республиканского уровня будут согласовываться до конца 1925 г.

1 февраля 1926 г. Оргбюро ЦК утвердит список должностей в аппаратах управления союзных республик, подлежащих утверждению ЦК ВКП(б). Таким образом, вновь будет подтверждена исключительная роль коммунистической партии в созданной системе органов управления. Эта практика базируется на программных установках большевиков: «Коммунистическая партия добивается своего полного господства в современных государственных организациях», — будет заявлено в марте 1919 г. на VIII съезде РКП(б)[537]. Самым болезненным на начальном этапе строительства Союза ССР стало разграничение полномочий аппаратов правительств СССР и РСФСР, которое завершится лишь к 1927 г.

Провозглашенное большевиками право наций (и республик Союза) на отделение находилось в противоречии со стремлением к построению

централизованной системы государственного управления и со структурой самой правящей партии. Жестко централизованная партия будет строго контролировать деятельность местных партийных организаций. Показательным в связи с этим представляется документ, которым Сталин изымает из компетенции белорусской компартии, казалось бы, ее очевидное право определить собственное название. Сталин сообщит его Белорусскому бюро ЦК, доведя решение ЦК РКП(б) о том, как именно будет называться будущая партийная организация БССР: Коммунистическая партия (б) Белоруссии[538].

Состав руководящих органов управления в разных сферах и на разных уровнях на местах подлежал согласованию в Москве. В октябре 1925 г., например, Сталин направит секретарю ЦК КП(б)У Л.М. Кагановичу шифротелеграмму с согласованием освобождения М.Л. Рухимовича от работы в ВСНХ УССР[539]. Понятно, что и местные организации профсоюзов, как и другие «общественные» организации, также контролировались из Москвы. В октябре 1924 г. Сталин направит шифротелеграмму в ЦК КП(б)У с напоминанием, что «снятие ответственных работников профдвижения должно происходить в установленном, уже давно практикующимся порядке, т. е. по соглашению с ВЦСПС» [540].



ШИФРОТЕЛЕГРАММА.

БЕЛБЮРО ЦК РКП

ЦК постановил 10/У двтчк ковычки разрешить именовать партийную организацию БССР двтчк"Коммунистическая партия /б/Белоруссии" зпт ~~ковычки~~ а ее руководящий орган двтчк ковычки Центральный Комитет Коммунистической Партии /б/ Белоруссии ковычки тчк пр 89П/бпф-с

пр 3338/ш

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Шифротелеграмма И.В. Сталина в Белорусское бюро ЦК РКП(б) с сообщением постановления ЦК РКП(б) об официальном названии партийной организации Белорусской ССР

10 мая 1924

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 11. Л. 235]

На местах станут разворачиваться конфликты внутри местного руководства между местными выдвиженцами и назначенцами центра.

Один из таких конфликтов разгорится в Узбекистане, причем секретарь ЦК КП(б) Узбекистана А.И. Икрамов в газетной статье договорится до того, что заявит: «Наша цель — уничтожить всех сопротивляющихся нам». Сталин, не отвергая в принципе заявленного подхода, тем не менее, сочтет необходимым подправить не в меру ретивого «национала»: «На идеологическом фронте необходимы более сложные и гибкие методы борьбы»[541]. Напоминать «соратникам» о сложностях борьбы на идеологическом фронте Сталину придется еще не раз. Как мы увидим, одно из подобных наставлений он адресует Н.С. Хрущеву, «брошенному» в конце 1930-х гг. на Украину.

Риски усиления центробежных тенденций постоянно будут порождать поиск неформальных средств сохранения и поддержания созданного государства, которые находились вне правового поля. Актуальность этой задачи станет еще более очевидной, если вспомнить, что практически всем территориям, на которых возникнут в будущем союзные республики, «социалистический выбор» был навязан силой оружия в ходе имевших место гражданских конфликтов.

В практической политике большевики и при Ленине, и в еще большей степени после него, формально декларируя право наций на самоопределение и позднее на отделение, станут последовательно проводить в жизнь принцип централизма в построении новой государственности. Использоваться будут разнообразные практики. Наиболее важное место в этом ряду займет строительство Всесоюзной коммунистической партии, спаянной жесткой дисциплиной и вертикальной системой управления. В теоретической плоскости ни Ленин, ни Сталин не допускали построения партии на федеративных началах, и лишь государственное, хозяйственное и культурное строительство в союзных республиках с неизбежностью повлечет за собой автономизацию (но не более того) общесоюзной партийной структуры.

«Русский вопрос»

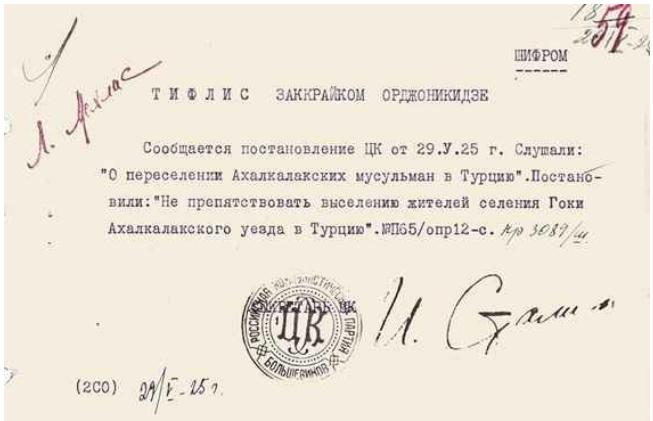
Поощрение национальных меньшинств оказалось связано с политикой большевистского руководства по «русскому вопросу». Первоначально именно русские (и только они) оказались под ударом дискриминации. Русская культура была заклеймена как культура угнетателей, борьба с великодержавным шовинизмом надолго определила поведение высших органов партии большевиков. На XII съезде РКП(б), как мы видели, Сталин заявит, что «в связи с нэпом во внутренней нашей жизни нарождается новая сила — великорусский шовинизм…»[542] Шовинизм местный, по мнению Сталина, «не

представляет по своей силе той опасности, которую представляет шовинизм великорусский»[543]. Таким образом, Сталин прямо связал рост рыночных отношений с ростом националистических устремлений. Однако предупредит Сталин и о нарастании шовинистических настроений в союзных республиках — Грузии, Азербайджане, Бухаре, Хорезме. О Грузии он скажет: «Среди части грузинских коммунистов родилась и развивается идея — не очень считаться с этими мелкими национальностями: они менее культурны, менее, мол, развиты… Это есть шовинизм… — вредный и опасный, ибо он может превратить маленькую Грузинскую Республику в арену склоки. Впрочем, он уже превратил ее в арену склоки»[544]. И уже довольно скоро, как мы видели, борьба именно с национальными уклонами станет для Сталина главной задачей политической повестки.

Коренизация во многих случаях привела к вытеснению русских из сфер управления в местах традиционного их проживания. Не была создана и собственная коммунистическая партия. Русским не была предоставлена территория в виде национально-территориального образования, более того, в ряде случаев они ее (территории) лишались. Один из ярких примеров раннего периода — принудительное переселение в 1920–1921 гг. на Северном Кавказе нескольких десятков тысяч казаков из мест традиционного проживания (и замена их горцами). В организации этой первой «национальной операции», как было рассказано выше, Сталин принял непосредственное участие. Эта депортация казаков является наглядным проявлением надежд большевистского руководства на административные механизмы урегулирования межнациональных проблем. К слову сказать, уже в 1920-е гг. такого рода практики займут свое место в арсенале средств советского руководства. Например, в мае 1929 г. ЦК РКП(б) увидит способ решения одной из таких проблем в организации переселения в Турцию мусульман из Ахалкалакского уезда Грузии[545]. В ноябре того же года ЦК примет постановление о приеме «в пределы СССР десяти тысяч беженцев армян» [546].

Таким образом, политика коренизации имела и свою оборотную сторону, ударив по русской культуре и языку. Однако «русский вопрос» этим не исчерпывался. В ходе дискуссий о принципах объединения в Союз была высказана идея о выделении из состава РСФСР Русской республики. Во весь рост эта проблема впервые встанет в публичной плоскости в ходе заседания секции XII съезда РКП(б) по национальному вопросу 25 апреля 1923 г. Один из грузинских «уклонистов» Мдивани в ходе дебатов предложит: «И автономные, и независимые республики объединяются в один союз». Предложение Мдивани будет поддержано членом коллегии Наркомата по делам национальностей РСФСР, одним из создателей Татарской Республики М.Х. Султан-Галиевым. Мдивани решительно возразит А.И. Микоян: «Тов. Мдивани предлагает разрушить Российскую и Закавказскую Федерацию с тем, чтобы каждая

независимая и автономная республика, даже каждая автономная область, которых у нас больше двух десятков, были на местах друг от друга независимы и самостоятельно входили бы в Союз и чтобы в связи с этим была бы образована вместо РСФСР — русская республика. Эта идея распыления РСФСР, по сути реакционная, может привести лишь к подрыву Советской власти и к бесконечным конфликтам между отдельными народами на окраинах». Сталин, являвшийся главным действующим лицом на этом заседании, скажет: «Очень хитро подошел к делу тов. Мдивани, который требует не больше не меньше, как немедленный переход к системе разложения РСФСР на составные части: превращение составных частей в независимые республики. Должно быть по поручению тов. Мдивани Султан-Галиев говорит — образуй немедленно русскую республику и т. д. Торопливость, товарищи, вещь плохая. Посмотрим год-два, как пойдет дело, если практика покажет, что надо дробить РСФСР — раздробим…»[547] Нет сомнений, что обещание Сталина вернуться к этому вопросу через год-другой носило исключительно тактический характер и что Микоян выразил не только свое, но и его — Сталина — мнение. Обсуждение этого вопроса не обрело законченных форм и не выносилось на голосование в качестве проекта резолюции. Судя по всему, уже тогда русские по факту признавались Сталиным государствообразующей нацией Союза ССР и потому не должны были иметь независимых национальных организаций. Сталина беспокоила проблема возможного возникновения в Москве двоецентрия. Полемизируя с Лениным в сентябре 1922 г., он особое внимание обратит на его предложение создать, наряду с ВЦИК РСФСР, еще и ВЦИК федеральный. «Существование двух ЦИКов в Москве, — напишет он в уже цитировавшемся письме от 27 сентября, — ничего кроме конфликтов и трений не даст». Всякое решение «в смысле поправки т. Ленина должно повести к обязательному созданию русского ЦИКа с исключением оттуда восьми автономных республик (Татреспублика, Туркреспублика и прочее), входящих в состав РСФСР, к объявлению последних независимыми наряду с Украиной и прочими независимыми республиками, к созданию двух палат в Москве (русского и федерального)…», что в данный момент и при данных условиях он назовет нецелесообразным и преждевременным[548]. По меткому замечанию одного из современных исследователей, Сталина беспокоило такое развитие институциональной стороны дела, при котором может сложиться ситуация, позволившая спустя немногим менее семи десятилетий Б.Н. Ельцину бороться против М.С. Горбачева[549].



ШИФРОМ

ТИФЛИС ЗАККРАЙКОМ ОРДЖОНИКИДЗЕ

Сообщается постановление ЦК от 29.У.25 г. Слушали: "О переселении Ахалкалакских мусульман в Турцию". Постановили: "Не препятствовать выселению жителей селения Гоки Ахалкалакского уезда в Турцию". №П65/опр12-с.

(2СО) 29/Е-25 г.

Шифротелеграмма И.В. Сталина секретарю Закавказского крайкома РКП(б) Г.К. Орджоникидзе с сообщением постановления ЦК о переселении Ахалкалакских мусульман в Турцию

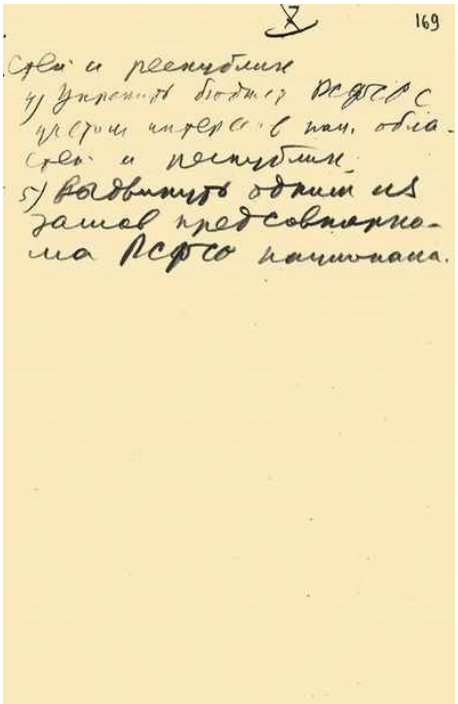
29 мая 1925

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 15. Л. 56]

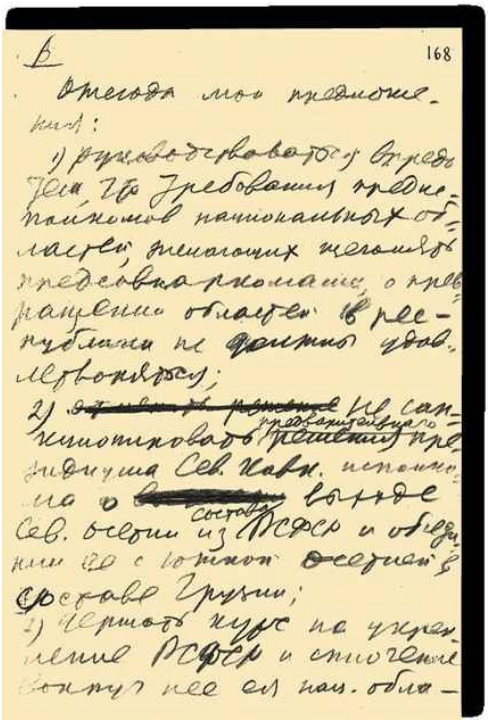
СССР, однако, будет создан в значительной мере с использованием ленинских лекал, и РСФСР получит такие же органы государственного управления, что и другие союзные республики, а Сталину придется искать иные средства купировать риски центробежных тенденций.

Сталин окончательно определился в своем отношении к такого рода идеям как минимум за год до возобновления дебатов. Произошло это в 1925 г., когда к нему обратился в качестве секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А.И. Микоян, предложивший объединить Юго-Осетинскую АО (входившую в состав Грузии) с Северо-Осетинской АО (в составе РСФСР) и создать объединенную Осетинскую АССР в составе Грузинской ССР[550]. Сталин сначала согласится с предложением Микояна, однако уже очень скоро пересмотрит свое решение. Он испугается триггерного эффекта от такого рода решения: «Вслед за осетинами вопрос о превращении в республику и выходе из РСФСР с вхождением в Закавказскую республику ставят чеченцы… Дагестан подготавливает вопрос о выходе из РСФСР и вхождении в Закавказскую республику… за ними потянутся ингуши и другие… казаки… уже поговаривают об автономии и создании казачьих республик. Я уж и не говорю о том, что такая политика не сможет не подтолкнуть национальные республики северных и восточных частей РСФСР выйти из РСФСР и войти в СССР как союзным республикам. Распад РСФСР — вот до чего мы дойдем…» Завершит Сталин свои размышления по этому вопросу директивой: «…руководствоваться впредь тем, что требования… о превращении областей в республики не должны удовлетворяться… держать курс, направленный на укрепление РСФСР и сплочение вокруг нее нац[иональных] областей и республик…

укрепить бюджет РСФСР с учетом интересов нац[иональных] областей и республик... выдвинуть одним из замов предсовнаркома РСФСР национала»[551].


169

стей и республик
4) Укрепить бюджет РСФСР с учетом интересов нац. областей и республик.
5) Выдвинуть одним из замов предсовнаркома РСФСР национала.


168

Отсюда мои предложения:
1) руководствоваться впредь тем, что требования предисполкомов национальных областей, желающих жаловать предсовнаркомами, о превращении областей в республики не должны удовлетворяться;
2) ~~[illegible]~~ не санкционировать предварительного ~~решения~~ президиума Сев. Кавк. исполкома о ~~[illegible]~~ выходе Сев. Осетии из состава РСФСР и объединении ее с южной Осетией в составе Грузии;
3) Черпать курс на укрепление РСФСР и сплочение вокруг нее ея нац. обла-

Заметки И.В. Сталина по национальному вопросу в отношении областей

Конец 1925

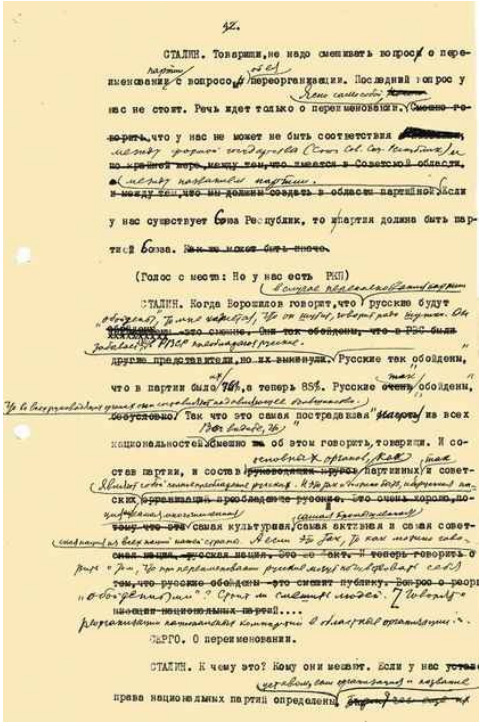
Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1105. Л. 163–169]

«Русский вопрос» встанет еще раз в самом конце 1925 г. накануне XIV съезда партии. На декабрьском пленуме ЦК, который будет предшествовать съезду, Молотов, очевидно, по согласованию со Сталиным внесет вопрос о переименовании партии из российской во всесоюзную. Неожиданно, это предложение будет подвергнуто критике, причем со стороны ближайших сторонников Сталина. Орджоникидзе предупредит: «Мы создадим такое положение, когда наряду с всесоюзным ЦК у нас будет еще и русский Центральный комитет. Подобное положение, по моему мнению, поможет не преодолению национализма, а его разжиганию». Ворошилов заявит: «… тогда, по логике вещей, нужно будет создать Русскую Коммунистическую партию… чтобы русские товарищи не сочли себя оскорбленными и чтобы не разжигать русский национализм». Микоян укажет на «опасность создания двух партийных центров в Москве… А это будет опасно и вобьет клин и приведет к тому, что создать раскол в партии будет гораздо легче». Сталин в ответ, назвав русских «самым большим, самым культурным, самым индустриальным, самым активным, самым советским из всех народов в нашей стране», подчеркнет, что «у нас фактически нет Русской республики. Имеется Российская Федеративная Республика. Она не Русская, она Российская». Напомнит Сталин и о том, что «русские так «обойдены», что во всех руководящих органах они составляют подавляющее большинство… И состав партии, и состав основных органов, как партийных, так и советских, являют собой полное преобладание русских» [552].

В итоге логичные, с формальной точки зрения, предположения соратников о возможной достройке русской/российской государственности через создание соответствующей политической партии будут отвергнуты. «Диалектический» подход восторжествует в очередной раз в большевистской политике, и процессы политического самосознания русских Сталин направит в русло общесоюзной политической партии. Свою концепцию «автономизации» Сталин в полной мере реализует в построении коммунистической партии, отвергнув на том же заседании пленума идею о переименовании компартий союзных республик в областные парторганизации. Тогда же, то ли из тактических соображений, то ли действительно считая реальной такую перспективу, Сталин заявит: «Я не вижу ничего особенного, если в свое время нам придется и Российскую партию создавать… теоретически я не считаю исключенным этот вопрос».

Также следует отметить, что сталинское предложение о переименовании партии во всесоюзную будет поддержано его злейшим врагом — Л.Д. Троцким [553].



12.

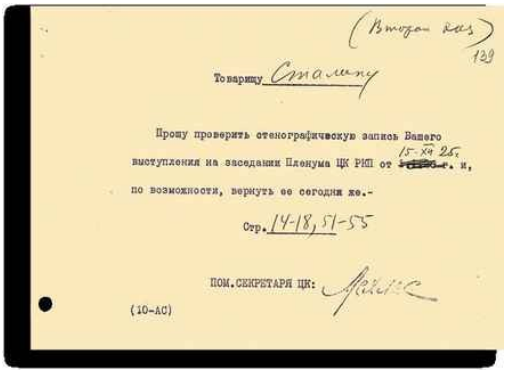
СТАЛИН. Товарищи, не надо смешивать вопрос о переименовании партии с вопросом об переорганизации. Последний вопрос у нас не стоит. Речь идет только о переименовании. Сменю говорить, что у нас не может не быть соответствия между родной государственной Союзом Сов. Соц. Республик и между названием партии, что имеется в Советской области, и между тем, что мы должны создать в области партийной. Если у нас существует Союз Республик, то и партия должна быть партией Союза. Как не может быть иначе.

(Голос с места: Но у нас есть РКП)

СТАЛИН. Когда Ворошилов говорит, что русские будут обойдены, то мне кажется, что он ничего, говорит, не понимает. Он забывает, что РСФСР преобладают русские. Русские так обойдены, что в партии было 76%, а теперь 85%. Русские так обойдены, что во всех руководящих органах они составляют подавляющее большинство. Так что это самая пострадавшая нация из всех национальностей. Вот видите, что. Смешно об этом говорить, товарищи. И состав партии, и состав основных органов, как партийных и советских, так и хозяйственных, как и советских организаций, преобладают русские. Это очень хорошо, поскольку самая многочисленная, самая культурная, самая активная и самая советская нация, русская нация. Это не факт. И теперь говорить о том, что русские обойдены — это смешит публику. Вопрос о реорганизации национальных партий....

СЕРГО. О переименовании.

СТАЛИН. К чему это? Кому они мешают. Если у нас устав, устав, как организация и название права национальных партий определены, [illegible]



(Второй раз)

139

Товарищу Сталину

Прошу проверить стенографическую запись Вашего выступления на заседании Пленума ЦК РКП от 15-XII 25 г. и, по возможности, вернуть ее сегодня же.-

Стр. 14-18, 51-55

ПОМ. СЕКРЕТАРЯ ЦК: [illegible]

(10-АС)

Стенограмма выступления И.В. Сталина на заседании пленума ЦК РКП(б) о переименовании партии с сопроводительной запиской Л.З. Мехлиса И.В. Сталину

15 декабря 1925

Правка — автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1105. Л. 139–140]

В политическую повестку дня «русский вопрос» вернется довольно скоро, но не на общесоюзном, а на внутрироссийском уровне как результат противоречий между центральными наркоматами РСФСР и автономиями. Такие противоречия не могли не возникать в рамках институционально слабой, теоретически и нормативно не проработанной системы государственного управления, структурные элементы которой «притирались» друг к другу в ходе практического взаимодействия. На местах эта проблема была отрефлексирована как межнациональная, а политика центральных наркоматов интерпретировалась как великодержавная, шовинистическая. Осенью 1926 г. Отдел национальностей ВЦИК предложил провести специальное совещание для обсуждения накопившихся вопросов. 12 ноября состоится Частное совещание националов — членов ВЦИК и ЦИК СССР и других представителей национальных окраин. Не трудно догадаться, что «частным» это совещание назвали исключительно с той целью, чтобы понизить статус и самого обсуждения, и обсуждавшейся проблемы. Формально целями совещания ставилась задача оценить эффективность работы Комиссии по строительству РСФСР, национальных республик и областей, которую возглавлял председатель Президиума ВЦИК М.И. Калинин. Дебаты быстро выйдут за рамки официальной повестки. Прозвучат предложения о такой организации РСФСР, «при которой русская часть федерации представляла бы одну административную единицу, иначе говоря, «Русскую республику»». Председатель СНК Республики немцев Поволжья уточнит: «Идея «Русского ЦК» гуляет среди русских, а идея о «Русской республике» — среди националов». Создать отдельную Русскую республику означало в понимании «националов» — освободиться из-под административного диктата центра.

Председатель ЦИК Дагестанской АССР Наджмутдин Самурский предупредит, что «выход из РСФСР автономных республик и переход их в разряд союзных, с выделением особой, чисто великорусской республики… поведет не к ослаблению национального антагонизма, а к усилению великодержавного шовинизма в «Русской республике», лишенной национальных компонентов. Оставшиеся в национальных республиках русские, стремясь воссоединиться с выделенным ядром, будут раздирать территориально организм национальных республик».

Председатель СНК Казахской АССР У.Д. Исаев напомнит поборникам национальной самостоятельности «об экономической невыгодности этого вопроса для национальных республик, которые вследствие своей осталости все-таки в финансовом отношении по большей части живут за счет русской части РСФСР». Для него, как и для политического руководства СССР, такого рода обсуждения не больше и не меньше, как «буржуазно-националистический уклон в наших краях» [554].

Эта дискуссия, как и предшествующая ей, не будет иметь практических результатов в виде каких-бы то ни было решений, выработки программных документов или проектов решений. «Частное совещание» поручит группе делегатов встретиться со Сталиным, его материалы в обобщенном виде были представлены комиссии по строительству РСФСР, национальных республик и областей под руководством Калинина, в Президиум ВЦИК направлена аналитическая записка, подготовленная в подкомиссии под руководством председателя Госплана РСФСР А.М. Лежавы. Главные требования национальных лидеров, в изложении подкомиссии, сводились к необходимости разграничить компетенции объединенных и необъединенных наркоматов, определить, какие вопросы находятся в ведении автономных республик, а какие в компетенции федеральных органов, обеспечить развитие экономики автономий на плановой основе, учесть потребности местной промышленности в общесоюзном плане индустриализации, обеспечить распределение государственной помощи соответственно социально-экономическому уровню развития автономий. Таким образом, никаких требований принципиального характера по изменению принципов национальной политики или изменению основ федеративного устройства в конечном итоге сформулировано не будет. Лидеры автономий лишь настаивали на разграничении компетенций между федерацией и ее субъектами. Еще одна подкомиссия — под руководством секретаря ЦК Н.М. Шверника — будет рекомендовать Совнаркому РСФСР учитывать интересы автономий при перспективном планировании, создав специальную секцию в Экономсовете при СНК (ЭКОСО) для изучения производительных сил автономий, Госплану — обеспечить участие автономий в рассмотрении перспективных планов развития народного хозяйства, ввести в практику отчисление части налогов, поступающих от союзных республик, в адрес автономий [555].

Что касается упомянутой выше комиссии Калинина, то в ходе ее работы наружу выплеснулось недовольство представителей российского истеблишмента неполноценным статусом РСФСР по сравнению с другими союзными республиками, подконтрольность российской экономики союзным властям, режимом наибольшего благоприятствования для нерусских регионов, вновь прозвучит предложение создать Русскую коммунистическую партию и т. д.[556] Комиссия Калинина завершит работу в марте 1927 г. Вопрос о ее работе несколько раз порывалось заслушать Политбюро, но всякий раз вопрос переносился, в последний раз — на февраль 1928 г., после чего материалы комиссии просто «положат под сукно», а точнее — передадут в архив ЦКК.

Завершение таким образом этого раунда дебатов по «русскому вопросу» не является случайным. Их содержание сигнализировало политическому руководству Союза о наличии определенных проблем,

указывало некоторые пути их решения, но и выявило опасность плохо изживаемых центробежных тенденций как таковых. Попадут в поле зрения не только опасные идеи, но и активисты национального движения, которые в большинстве своем будут, как «уклонисты», репрессированы в годы Большого террора. Впрочем, не избежат этой участи и, казалось бы, лояльные генеральной линии партии функционеры, как, например, председатель ЦИК Дагестанской АССР Наджмутдин Самурский, выступавший категорически против создания и Русского ЦК партии, и Русской республики[557]. Задача борьбы с «русской опасностью» будет осмысливаться как актуальная и много позднее. Спустя два десятилетия именно подозрения в наличии планов создания «Русской республики» или «Русского ЦК» группой партийных и советских руководителей Ленинграда станут одной из главных причин запущенного Сталиным «ленинградского дела» — крупнейшей репрессивной акции послевоенного периода. Но об этом речь пойдет дальше.

Размышляя об этапах становления и развития Советской России, нельзя не сказать о так называемой интернационализации РСФСР, которая была запущена в 1920-е гг. Сталиным, в результате чего к 1932 г. Российская Федерация будет включать в себя 10 автономных республик, 12 автономных областей, 290 национальных районов, 7 тыс. национальных сельсоветов, более 10 тыс. национальных колхозов. В каждом из этих образований полным ходом будут идти процессы коренизации [558].

«Диктатура пролетариата как орудие пролетарской революции…» Репрессивные институты и практики 1920-х гг

1922 год, с описания главного события которого была начата эта глава, окажется насыщен и другими событиями и станет во многом поворотным в советской истории еще и в том отношении, что именно на его протяжении была сформирована система судебных органов, органов политической полиции, проведены первые массовые, политические по своему происхождению и содержанию репрессивные акции.

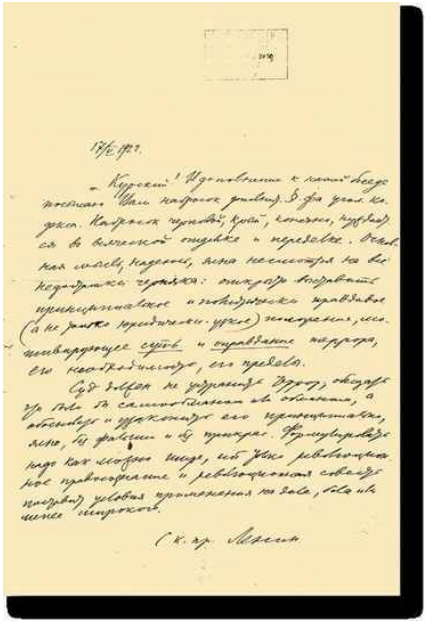
6 февраля по предложению Ленина постановлением ВЦИК было учреждено ГПУ при НКВД РСФСР, при этом упразднялась ВЧК, которую и была призвана заменить новая спецслужба. Очевидная преемственность подчеркивалась тем фактом, что возглавлять новую структуру поручалось Ф.Э. Дзержинскому, создавшему ВЧК — «карающий меч революции». Перед ГПУ ставились задачи предупреждения и подавления открытых контрреволюционных

выступлений (политических и экономических), раскрытие контрреволюционных организаций и лиц, деятельность которых направлена на подрыв хозяйственных органов республики. Функция наблюдения за «социалистической законностью», выполнявшаяся ВЧК, будет возложена на прокуратуру, учрежденную при Наркомате юстиции в конце мая 1922 г. Первоначально ГПУ, в отличие от ВЧК, лишили права приговаривать к административной ссылке и к высшей мере наказания. Однако уже в августе ГПУ получит некоторые судебные функции — право на высылку внутри и за пределы страны лиц, обвиненных в контрреволюционной деятельности, в октябре добавится право заключать в лагеря на срок до трех лет активных деятелей оппозиционных политических партий. Обе функции появятся не случайно, а в связи с подготовкой и проведением в 1922 г. двух резонансных «мероприятий» — высылки за рубеж антисоветски настроенной интеллигенции (так называемый философский пароход) и процесса партии социалистов-революционеров.

В мае этого года ВЦИК РСФСР утвердил Уголовный кодекс, на котором будут основаны все последующие аналогичные советские кодексы. Примечательно, что этот советский кодекс разрабатывался на основе проекта Уголовного кодекса 1903 г., который признавался одним из лучших в тогдашней Европе, хотя и не был (быть может, именно поэтому) введен в действие. Основой кодекса стал традиционный перечень преступных правонарушений, сгруппированных в преступления против личности и имущественные преступления. К ним большевистские правоведы добавили три новых вида преступлений — контрреволюционные, хозяйственные и должностные, причем язык их описания был расплывчатым, что давало возможность политизировать практически любое преступление[559]. Принцип дискриминации по классовому признаку в полном соответствии с первой советской конституцией стал одним из краеугольных камней Уголовного кодекса. И хотя в 1927 г. соответствующие формулировки были исключены из Уголовно-процессуального кодекса, они оставались в интеллектуальном багаже не только большевистских лидеров, но и деятелей юстиции и будут извлечены оттуда уже очень скоро.

Важным принципом кодекса стал принцип усмотрения, то есть принцип свободы действий суда в определении наказания. Таким образом большевистские правоведы стремились сохранить в советской судебной практике место для работы революционного правосознания судей. Войдет в кодекс и так называемый принцип аналогии, согласно которому судьи вместо списка преступлений и соответственно наказаний получили право трактовать те или иные деяния по имеющимся прецедентам, обеспечив тем самым себе значительную свободу действий в судебном процессе[560]. В нашем распоряжении нет документов, которые позволяли бы говорить о прямом личном участии

Сталина в разработке документов, в соответствии с которыми были проведены описанные выше реформы, но не приходится, однако, сомневаться, что их разработка осуществлялась под пристальным присмотром коммунистической партии. Проведение реформ Ленин будет сопровождать характерными наставлениями. Одно из них содержится в письме от 17 мая 1922 г. наркому юстиции Д.И. Курскому: «Суд не должен устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас»[561].

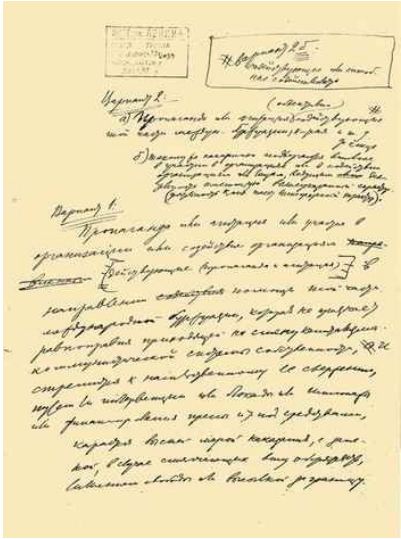


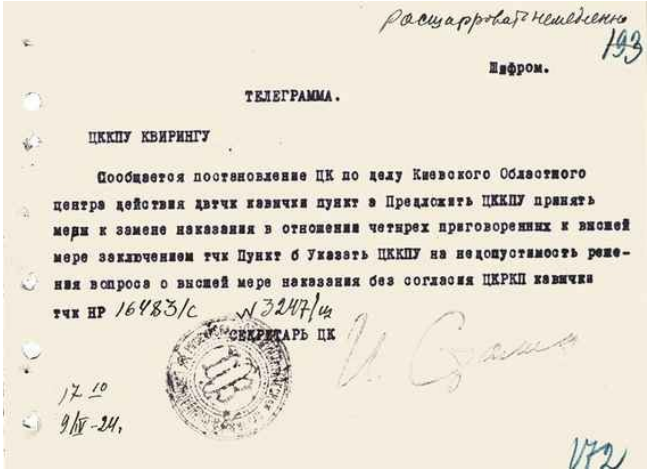
Письмо В.И. Ленина Д.И. Курскому о посылке ему наброска дополнительного параграфа Уголовного кодекса по вопросу о применении террора по отношению к контрреволюционным партиям

17 мая 1922

Автограф В.И. Ленина

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23196. Л. 1–2]





Расшифровать немедленно

193

Шифром.

ТЕЛЕГРАММА.

ЦККПУ КВИРИНГУ

Сообщается постановление ЦК по делу Киевского Областного центра действия дтчк квирчки пункт а Предложить ЦККПУ принять меры к замене наказания в отношении четырех приговоренных к высшей мере заключением тчк Пункт б Указать ЦККПУ на недопустимость решения вопроса о высшей мере наказания без согласия ЦКРКП квирчки тчк НР 16483/с №3247/ш

СЕКРЕТАРЬ ЦК

И. Сталин

17.10

9/IV-24.

172

Шифротелеграмма И.В. Сталина секретарю ЦК КП(б) Украины Э.И. Квирингу с сообщением постановления ЦК о замене высшей меры наказания четырем обвиняемым по делу Киевского областного центра действия

9 апреля 1924

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 11. Л. 172]

После образования Союза ССР советское руководство решает привести органы репрессивного управления обществом в соответствие с новой реальностью. Договор об образовании СССР, принятый I Всесоюзным съездом Советов 30 декабря 1922 г., предусматривал создание при Совнаркоме СССР Объединенного государственного политического управления (ОГПУ). Первая Конституция СССР, принятая

31 января 1924 г., включила в себя специальную главу, посвященную ОГПУ, регламентировала взаимоотношения этого нового органа с ЦИК СССР, его Президиумом и Совнаркомом СССР, с наркоматами Союза ССР и союзных республик. При этом ОГПУ сохраняло внесудебные полномочия в части административных высылок и были расширены его права в части заключения в концлагеря (переименование в исправительно-трудовые лагеря произойдет несколькими годами позднее). Вынесение подобных решений возлагалось на Особое совещание, формировавшееся в составе трех членов коллегии ОГПУ. Фактическое руководство деятельностью ОГПУ будут осуществлять партийные органы — Политбюро и ЦК РКП(б).

Действующие конституции — республиканские и союзная — никак не фиксировали места коммунистической партии в политической системе нового государства. Тем не менее партия решительно вторгалась во все сферы жизни общества, в том числе и в сферу применения права. В декабре 1923 г. Сталин уведомит секретаря ЦК КП(б)У Э.И. Квиринга о постановлении ЦК РКП(б) об ускорении ведения судебных дел о хозяйственных и должностных преступлениях. Постановление порекомендует судам выделять главных виновников и не осложнять процесса выяснением побочных обстоятельств [562].

В репрессивных практиках этого периода ясно прослеживается стремление централизовать решение наиболее важных резонансных вопросов, закрепив это право за высшими партийными органами. Так, 17 апреля 1924 г. в ответ на соответствующий запрос со стороны украинского ЦК Политбюро примет решение: «Разъяснить ЦК КПУ, что, поскольку дело идет о политических приговорах, ни один из местных судов не должен выносить приговоров о высшей мере наказания без предварительной санкции ЦК РКП»[563]. Тогда же в апреле в отношении одного из уголовных дел о контрреволюционной деятельности Сталин решит прямо «указать… на недопустимость решения вопроса о высшей мере наказания без согласия ЦК РКП»[564].

В поисках соответствующих процедур Политбюро 11 июля 1924 г. предпишет губернским и военной прокуратурам сообщать «о всех предполагаемых к постановке процессах политического характера, по которым возможно и предполагается вынесение в. м. н., — в центральную прокуратуру одновременно с утверждением обвинительного заключения, но до отправления в суд». Такого рода представления местных прокуратур должны были просматриваться в «центральной прокуратуре» совместно «со специально выделенным для этого членом ЦКК» и затем уже докладывать в Политбюро[565]. В ноябре в специальной шифротелеграмме Сталин укажет на необходимость предварительного просмотра местных обвинительных заключений особой комиссией Политбюро[566]. Тогда Политбюро и создает специальную комиссию для рассмотрения такого рода дел: «Установить, что местые обвинительные заключения предварительно

рассматриваются особой комиссией Политбюро ЦК РКП в составе тт. Курского (нарком юстиции РСФСР. — *А. С.*), Куйбышева (нарком Рабоче-крестьянской инспекции. — *А. С.*) и Дзержинского» (председатель ОГПУ. — *А. С.*)[567]. С 11 декабря эта комиссия будет именоваться комиссией по политделам, а принимать решения получат право заместители перечисленных выше товарищей — «тт. Крыленко, Шкирятов и Менжинский»[568]. Курс на дальнейшую централизацию репрессий будет не раз подтверждаться, что выразится, например, в решении от 15 октября 1925 г., когда Политбюро в связи с распространением так называемого политического бандитизма обяжет Сибирский крайком и местное ГПУ направлять дела о бандитизме в центр для рассмотрения особой комиссией ОГПУ [569].

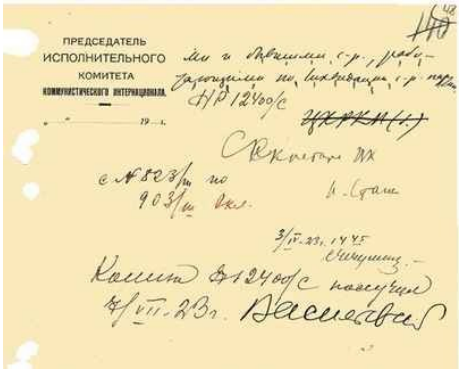
25 марта 1926 г. Политбюро примет постановление «подтвердить решение Политбюро от 17 апреля 1924 г. …по вопросу о невынесении местными судами приговоров к высшей мере наказания по политическим делам без предварительной санкции ЦК ВКП(б)». Персональная ответственность за исполнение решения была возложена на Кагановича[570]. Тогда же было утверждено и Положение о комиссии ЦК ВКП(б) по политическим (судебным) делам. Именно решениями Политбюро станут предопределяться обвинительные заключения планируемых показательных процессов.

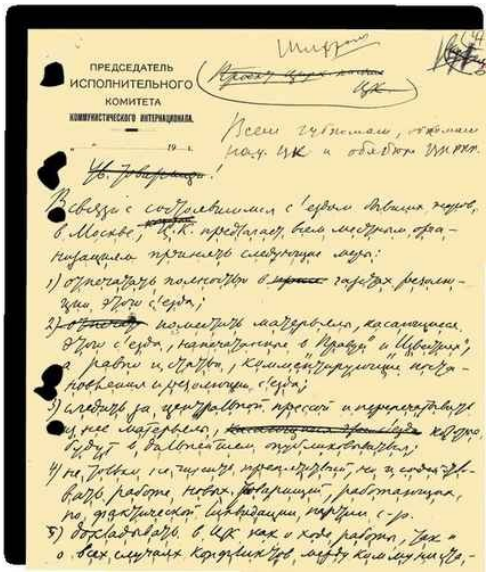
В 1930-е гг. состав комиссии и порядок ее работы трансформируются, и в годы Большого террора уже все без исключения члены Политбюро должны будут высказываться за то или иное решение в отношении осужденных. В отношении десятков тысяч человек члены Политбюро во главе со Сталиным поддержат приговоры к высшей мере наказания.

Закрепление широких репрессивных практик в качестве средства управления обществом после завершения Гражданской войны объясняется восприятием большевистским руководством окружающей социальной среды как в значительной мере враждебной по отношению к новому социальному порядку. В октябре 1925 г. на одном из заседаний Политбюро Сталин скажет: «Конечно, мы до полной ликвидации Гражданской войны далеко еще не дошли, и не скоро, должно быть, дойдем»[571].

В 1922 г. завершится организационное оформление системы политической цензуры. Советским руководством с 1 августа 1921 г. контроль над почтово-телеграфной корреспонденцией, печатными произведениями, все функции военной цензуры было решено передать ВЧК. 27 марта 1922 г. Политбюро примет решение а) признать необходимым объединение всех видов цензуры в одном центре (при Наркомате просвещения) с выделением и оставлением под руководством ГПУ наблюдения за типографиями; б) во главе всей цензуры поставить лицо, назначенное Наркомпросом, с помощниками от военного ведомства и ГПУ; в) поручить специальной комиссии под

председательством А.И. Рыкова в недельный срок разработать и провести через советские органы соответствующее решение; г) принять предложение Агитпропотдела ЦК и освободить от цензуры Госиздат, партийно-советскую печать, Главполитпросвет, ЦК РКП(б), Коминтерн. 6 июня декретом СНК СССР будет учреждено Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит) при Наркомпросе РСФСР и его местные органы, объединившие все виды цензуры. Вслед за тем аналогичные декреты об учреждении органов Главлита были приняты правительствами Украины, Туркестана, Белоруссии, Азербайджана, Киргизии [572].


ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА


ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Шифротелеграмма И.В. Сталина всем губкомам, обкомам и национальным ЦК РКП(б) о съезде бывших эсеров и о содействии в ликвидации партии эсеров

3 апреля 1923

Автограф Г.Е. Зиновьева, подпись — автограф И.В. Сталина [РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 31. Л. 47–48]

* * *

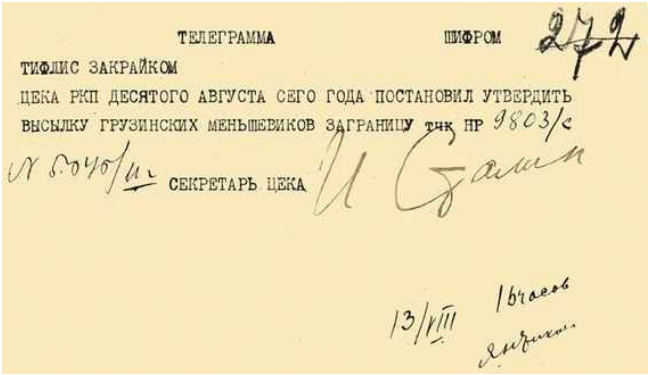
В начале 1920-х гг. вслед за описанными выше «реформами» советское руководство приступит к организации крупных репрессивных акций. На выходе из Гражданской войны большевики сочтут необходимым разгромить остатки социалистических партий, по-прежнему воспринимавшихся в качестве реальных политических конкурентов. Особенно нетерпимой политическая конкуренция виделась в том числе из-за сложившейся к тому моменту внутриполитической ситуации. В стране свирепствовал голод, росло число антиправительственных выступлений крестьянства, студенчество и профессура провели ряд забастовочных акций, требуя автономии высших учебных заведений. В первой половине года прошли съезды врачей, кооператоров, инженеров.

В мае 1922 г. на X Всероссийской конференции РКП(б) были рассмотрены в том числе и вопросы об отношении к иным политическим партиям, сформулированы соответствующие установки на базе указаний, которые были в феврале того же года даны Лениным в письме наркому юстиции Д.И. Курскому, об «усилении репрессии против политических врагов Соввласти и агентов буржуазии (в особенности меньшевиков и эсеров); проведении этой репрессии ревтрибуналами и нарсудами в наиболее быстром и революционно-целесообразном порядке; обязательная постановка ряда образцовых (по быстроте и силе репрессии; по разъяснению народным массам, через суд и через печать, значения их) процессов в Москве, Питере, Харькове и нескольких других важнейших центрах»[573]. Эти ленинские рекомендации начнут реализоваться немедленно, и уже 28 февраля в «Правде» и «Известиях» было опубликовано постановление Главного политического управления о предании суду Верховного революционного трибунала группы членов ЦК и активных деятелей партии социалистов-революционеров за контрреволюционную и террористическую деятельность. Следствие будет закончено уже к 21 апреля. В апреле 1923 г. Сталин направит на места шифротелеграммой циркуляр ЦК о содействии «в работе новых товарищей, работающих по фактической ликвидации партии с[оциалистов]-р[еволюционеров]» [574].

Ленинские принципы советская власть надолго положит в основу репрессивной политики в отношении оппозиционно настроенных элементов. Причины резкого усиления репрессий против политических оппонентов ясно изложит на упомянутой конференции один из видных

большевистских деятелей Карл Радек, разъяснивший, что в условиях проведения нэпа предоставлять меньшевикам и эсерам свободу действий, когда массы крестьянства настроены против большевиков, было бы равносильно самоубийству[575].

8 июня — 7 августа 1922 г. в Москве большевики проведут судебный процесс над членами ЦК и некоторыми активистами Партии социалистов-революционеров. К процессу были привлечены 177 человек, судили при этом 34 руководителя партии. Весь процесс контролировался Политбюро, создававшего с этой целью различные так называемые тройки. Правоохранительные органы станут инструментом органов политических. В связи с этим процессом советское руководство развернет массовую агитационно-пропагандистскую кампанию с целью дискредитации эсеровской партии. Результатом станет значительное количество решений рабочих собраний с требованием расправы над обвиняемыми эсерами [576].


ТЕЛЕГРАММА ШИФРОМ 272

ТИФЛИС ЗАКРАЙКОМ

ЦЕКА РКП ДЕСЯТОГО АВГУСТА СЕГО ГОДА ПОСТАНОВИЛ УТВЕРДИТЬ ВЫСЫЛКУ ГРУЗИНСКИХ МЕНЬШЕВИКОВ ЗАГРАНИЦУ тчк НР 9803/с

СЕКРЕТАРЬ ЦЕКА И Сталин

13/VIII

Шифротелеграмма И.В. Сталина в Заккрайком об утверждении Политбюро высылки грузинских меньшевиков за границу

13 августа 1922

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 5. Л. 195]

Разворачиваться процесс станет не так, как ожидалось. Он вызовет значительный международный резонанс. Вскоре после его начала Сталин, видимо, с целью лучшей подготовки одного из аналогичных процессов, планировавшихся к проведению на местах, телеграфировал С.М. Кирову в Баку с предложением «срочно сообщить, можно ли отложить процесс эсеров на один месяц»[577].

Исход процесса был предрешен. 34 человека были осуждены. Процесс в советской истории остался единственным, когда обвиняемые могли полемизировать с обвинителями. Сталин извлечет необходимые уроки и более подобных ошибок при подготовке всех последующих открытых уголовно-политических процессов допускать не будет.

* * *

Не останется без репрессивного внимания российская интеллигенция, в большинстве своем не вовлеченная в практическую партийно-политическую деятельность. Тем не менее именно эту среду большевистская управленческая элита всегда и небезосновательно держала под подозрением. В 1922 г. особоуполномоченный ОГПУ Я. Агранов направит Дзержинскому докладную записку «Об антисоветских группировках среди интеллигенции»: «Антисоветская интеллигенция широко использует открывшиеся ей возможностью организации и собирания своих сил, созданной мирным курсом Советской власти и ослаблением деятельности репрессивных органов»[578]. Основанием для тревоги Агранова являлось образование множества творческих свободных объединений и организаций (научных, экономических, религиозных и др.), которые вели, по его определению, контрреволюционную работу, выбрав для нее ареной высшие учебные заведения, печать, ведомственные съезды, театр, кооперацию и т. д. Основные направления антисоветской борьбы автор увидит в борьбе за автономию высшей школы и улучшение материального положения профессуры и студенчества. Главное обвинение было адресовано руководству и профессуре Московского университета и Высшего технического училища (будущего Бауманского). В этом контексте репрессивные акции 1922 г., направленные против интеллигенции, не выглядят случайностью.

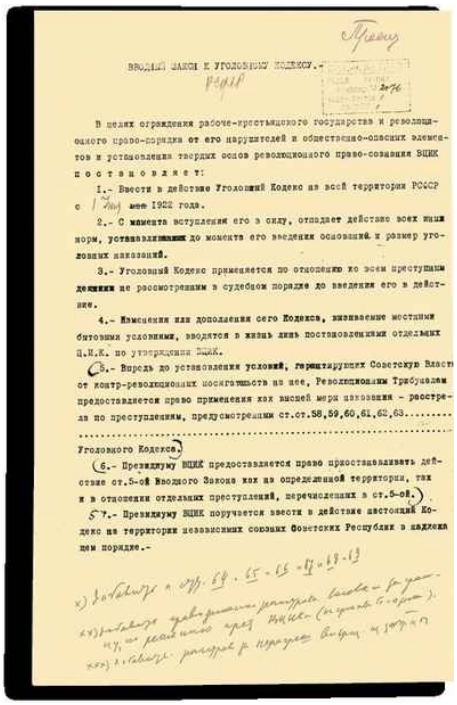
Своего апогея они достигнут в момент высылки видных представителей интеллигенции за пределы Советской России осенью 1922 г. Точкой отсчета принято считать мероприятия по высылке в отдаленные губернии членов ЦК РСДРП (меньшевиков) и активных членов этой партии, решения о чем были приняты в декабре 1921-го[579]. Аналогичные решения вскоре станут приниматься в отношении «национальных» групп меньшевистской партии. Так 13 августа за подписью Сталина в Закавказский крайком уйдет телеграмма с извещением о постановлении ЦК РКП(б) «утвердить высылку грузинских меньшевиков за границу», которое было принято на Политбюро тремя днями ранее [580].

Верный соратник Сталина Орджоникидзе 11 сентября ответной телеграммой сообщит Сталину, что «около двести человек меньшевиков готовы к высылке»[581].

В ходе работы над Уголовным кодексом Ленин в мае 1922 г. предложит наркому юстиции Курскому: «Добавить право замены расстрела высылкой за границу по решению Президиума ВЦИК (на срок или бессрочно)… Добавить расстрел за неразрешенное возвращение из-за границы», и продолжит: «…надо расширить применение расстрела (с заменой высылки за границу)»; в отношении всех видов деятельности

«меньшевиков, эсеров и т. п.». Одной из задач он определит необходимость в их шельмовании, подчеркнув необходимость «найти формулировку, ставящую эти деяния в связь с международной буржуазией и ее борьбе с нами (подкупом печати и агентов, подготовкой войны и т. п.)» [582].

1 июня председатель ОГПУ Дзержинский направит в Политбюро уже цитированную выше записку Агранова «Об антисоветских группировках среди интеллигенции». 5 июня им же в Президиум ГПУ будет направлена записка «О 2-м Всероссийском съезде врачебных секций и секции врачей Всемедикосантруда». Эта записка вполне попадала в резонанс с докладной, которую несколько ранее — 21 мая — направил в Политбюро нарком здравоохранения Н.А. Семашко, где автор решит предупредить Политбюро «о важных и опасных течениях в нашей жизни» по итогам как раз Всероссийского съезда врачей. 8 июня Политбюро примет пространное постановление по записке от 1 июня. Была создана специальная комиссия в составе Л.Б. Каменева, Д.И. Курского и И.С. Уншлихта «для окончательного рассмотрения списка подлежащих высылке верхушек враждебных интеллигентских группировок». По делу врачей решение будет отложено [583].



Проект

ВВОДНЫЙ ЗАКОН К УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ.-

Редак

В целях ограждения рабоче-крестьянского государства и революционного право-порядка от его нарушителей и общественно-опасных элементов и установления твердых основ революционного право-сознания ВЦИК

постановляет:

1.- Ввести в действие Уголовный Кодекс на всей территории РСФСР с 1 июня сего 1922 года.

2.- С момента вступления его в силу, отпадает действие всех иных норм, устанавливающих до момента его введения основания и размер уголовных наказаний.

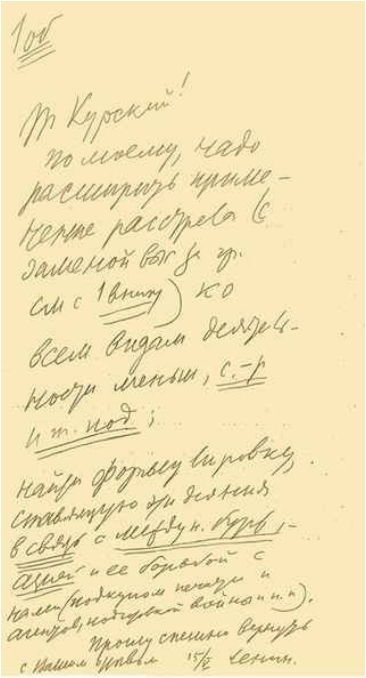
3.- Уголовный Кодекс применяется по отношению ко всем преступным деяниям не рассмотренным в судебном порядке до введения его в действие.

4.- Изменения или дополнения сего Кодекса, вызываемые местными бытовыми условиями, вводятся в жизнь лишь постановлениями отдельных Ц.И.К. по утверждении ВЦИК.

5.- Впредь до установления условий, гарантирующих Советскую Власть от контр-революционных посягательств на нее, Революционным Трибуналам предоставляется право применения как высшей меры наказания - расстрела по преступлениям, предусмотренным ст.ст.58,59,60,61,62,63.....
.....
Уголовного Кодекса.)

(6.- Президиуму ВЦИК предоставляется право приостанавливать действие ст.5-ой Вводного Закона как на определенной территории, так и в отношении отдельных преступлений, перечисленных в ст.5-ой.)

7.- Президиуму ВЦИК поручается ввести в действие настоящий Кодекс на территории независимых союзных Советских Республик в надлежащем порядке.-



Дополнения В.И. Ленина к проекту вводного закона к Уголовному кодексу РСФСР с запиской Д. Курскому с просьбой дать отзыв и срочно прислать его вместе с проектом и дополнениями

15 мая 1922

Рукописный текст — автограф В.И. Ленина

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23167. Л. 1–1 об.]

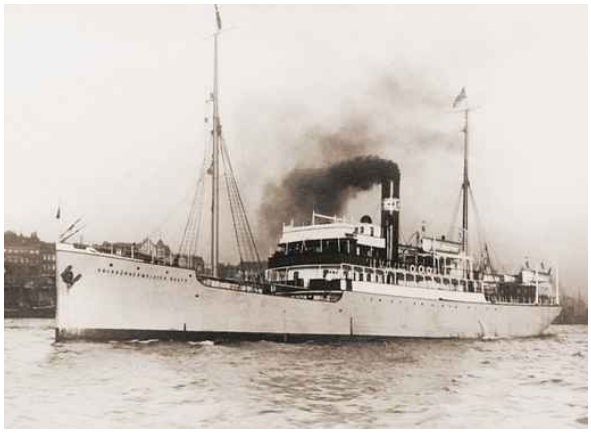
12 июня Президиум ВЦИК примет постановление, в развитие которого будут выработаны «Правила об обществах студентов и научных работников ВУЗов», которыми жестко регламентировалось вузовское самоуправление.

21 июня Политбюро по записке одного из членов упомянутой комиссии Уншлихта примет постановление об аресте и высылке в отдаленные южные и восточные губернии группы врачей для борьбы с эпидемиями. На следующий день был рассмотрен список подлежащих высылке с разбивкой его на определенные категории. Операция по первому (но не последнему) в советской истории «делу врачей» будет проведена в ночь на 28 июня. Следом за тем начнется высылка профессоров и студентов. В июне пройдут аресты ученых Московского археологического института.

Однако политика советского руководства по отношению к интеллигенции не сводилась просто к репрессиям. Тогда же — летом 1922-го — Троцкий поставит перед большевистским руководством «вопрос о завоевании близких нам молодых поэтов путем материальной и моральной их поддержки». Сталин сочтет это настолько важным, что

3 июля направит «всем членам Политбюро» записку, в которой данный вопрос назовет «вполне своевременным». Сталин отметит, что советская культура «должна вырасти в ходе борьбы тяготеющих к советам молодых поэтов и литераторов с многообразными контрреволюционными течениями и группами... Сплотить советски настроенных поэтов в одно ядро и всячески поддерживать их в этой борьбе — в этом задача». Наиболее целесообразной формой сплочения молодых литераторов Сталин назовет организацию «самостоятельного, скажем, «Общества развития русской культуры» или чего-нибудь в этом роде». Сталин предостережет от попыток «пристегнуть» молодых писателей к какому-нибудь «казенному» учреждению, чтобы не оттолкнуть их от себя. Во главе такого общества поставить «обязательно беспартийного, но советски настроенного, вроде, скажем Всеволода Иванова». Подчеркнет он и «абсолютную необходимость» материальной поддержки «вплоть до субсидий, облеченных в ту или иную приемлемую форму»[584]. Политбюро окажется не готово к этим организационным мерам и решит «идти к организации общества через издательство», а основной формой поддержки признать «субсидию издательству для повышенного гонорара и для удешевления издания»[585]. В полной мере свои идеи Сталин реализует через десять лет, когда Политбюро примет постановление «О перестройке литературно-художественных организаций», а еще через два года состоится 1-й съезд писателей Союза ССР, на котором и будет создан Союз писателей СССР во главе с «беспартийным, но советски настроенным», правда, не Всеволодом Ивановым, а Максимом Горьким.

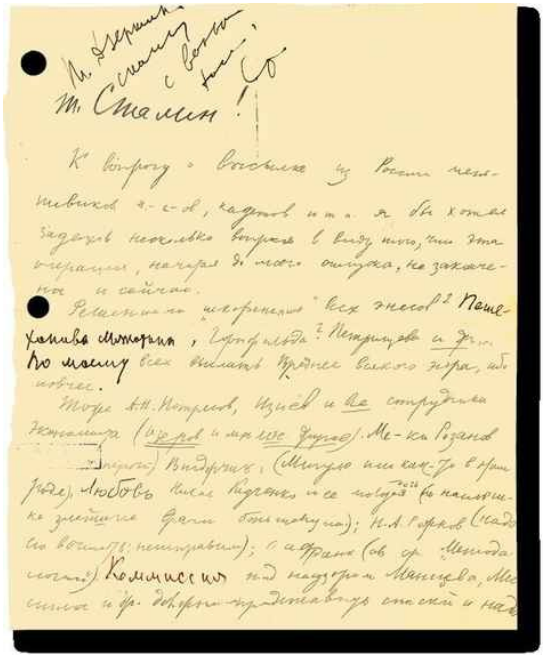
Среди мер «всяческой поддержки» советской культуры репрессивное воздействие на очаги «буржуазной культуры» на данном этапе останется главным инструментом. 16 июля Ленин, оправившись после первого приступа болезни, напишет известное письмо в ЦК Сталину о необходимости ускорить проведение операции по изгнанию интеллигенции и наметит ее контуры. «Арестовать несколько сот и без объявления мотивов — выезжайте, господа!», — напишет Ленин и порекомендует: «Чистить надо быстро, не позже конца процесса эсеров» [586].



Пароход «Oberbürgermeister Haken» (один из «философских пароходов»)

Сентябрь 1922

[Из открытых источников]

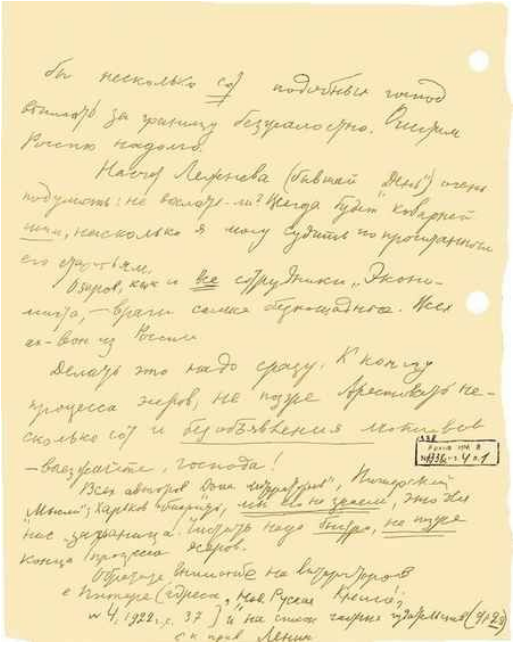


Т. Сталин!

К вопросу о высылке из России меньшевиков ч.-с-ов, кадетов и т.п. я бы хотел задать несколько вопросов в виду того, что эта операция, начатая до моего отпуска, не закончена и сейчас.

Решение о „искоренении" всех эпигонов? Пешехонова Мякотина, Горфильда? Петрищева и др. Во моему всех выслать Вреднее всякого пора, ибо повлечет.

Тоже А.Н. Петрисов, Изиев и все сотрудники Экономиста (Изеров и мн. мн. другие). Ме-ка Розанов (перед) Виндорчик (Минуло или как-то в этом роде), Любовь Никол Радченко и ее молодой (по наслышке злейшие врачи большевики); Н.А. Рожков (надо его вычистить: неисправим); о. Афрасиа (об ср. Методы [illegible]) Коммиссия под надзором Манцева, Мессина и др. должна представить списки и над



Письмо В.И. Ленина И.В. Сталину о высылке из России меньшевиков, народных социалистов и кадетов
16 июля 1922
Автограф В.И. Ленина
[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1338. Л. 1–1 об.]

Сталин, вполне разделявший в этом отношении устремления лидера большевиков, примет указание к исполнению, и уже 20 июля Политбюро издаст очередное постановление «О ходе подготовки к высылке интеллигенции», 27 июля еще одно аналогичное, которым упомянутой комиссии Уншлихта — Курского — Каменева было поручено «разработать вопрос о техническом осуществлении предписанных Политбюро мер». 2 августа Уншлихт направит Сталину протокол заседания комиссии и списки антисоветской интеллигенции Москвы и Петрограда в количестве 112 человек. 10 августа эти списки Политбюро утвердит. В тот же день Президиум ВЦИК «в советском порядке» принимает постановление «Об административной высылке», которое будет опубликовано в «Известиях» 18 августа. Этот законодательный акт предоставил ГПУ право на высылку за пределы РСФСР и ссылку внутри страны лиц, обвиненных в контрреволюционной антисоветской деятельности. Порядок проведения высылки будет определен специальным приказом ГПУ от 18 августа, то есть уже после того, как сама операция начнется. Ее ход будет контролировать зампредседателя ГПУ Уншлихт. Первые наиболее масштабные аресты пройдут в ночь на 17 августа и будут продолжаться в течение трех недель до первых чисел сентября. Об итогах арестов по состоянию на

23 августа Уншлихт лично сообщит в ЦК, адресовав докладную «тт. Ленину и Сталину». Сталин получит из ГПУ и смету «затрат». 2 августа Политбюро предоставит Дзержинскому право вносить изменения в список высылаемых с последующим докладом в Политбюро[587]. 17 сентября Ленин пошлет Уншлихту списки высылаемых и потребует вернуть их «с заметками, кто выслан, кто сидит, кто (и почему) избавлен от высылки?»[588]

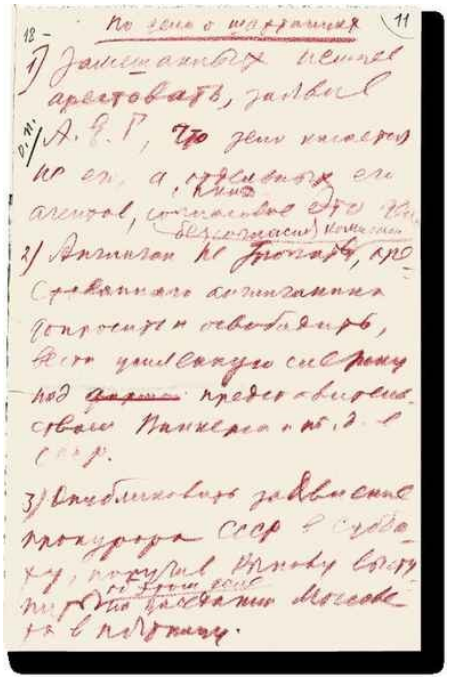
23 сентября поездом Москва — Рига была выслана первая группа инакомыслящих, 29 сентября отправятся пароход из Петрограда в Штеттин «Обербургомистр Хакен», 16 ноября пароход «Пруссия». Таким образом были отправлены в изгнание более 60 российских политиков, философов, историков, юристов, медиков, инженеров, писателей, общественных деятелей. Всего в рамках этой акции административной высылке подверглись 228 человек. Многим, кому удалось избежать высылки за пределы страны, повезет значительно меньше тех, чья судьба поначалу представлялась более драматичной. Большинство их будут расстреляны в годы Большого террора[589]. Акция, получившая на излете советской истории название «философский пароход», стала символом борьбы с инакомыслием в Советской России. Точечные депортации интеллигенции будут продолжаться и позднее. Их причины ясно видны из доклада, направленного в феврале 1925 г. ОГПУ Сталину: «Анализ внутренних процессов, совершающихся ныне среди интеллигенции... приводит к определенному выводу: интеллигенция города в массе настроена враждебно по отношению к Советской власти...» [590]

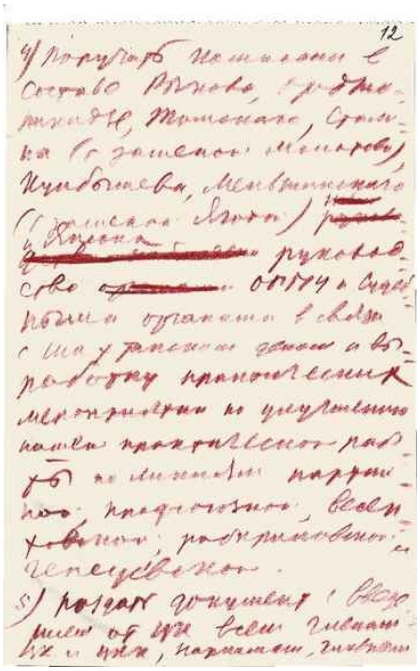
К конце 1920-х гг. массовые открытые уголовно-политические процессы займут важнейшее место в правоприменительных практиках. В это время будет проведена серия масштабных показательных процессов. Первым из них станет процесс по «шахтинскому делу». Приняв первый пятилетний план, партийное руководство в процессе его реализации столкнется с неизбежными техническими и технологическими проблемами, издержками низкой трудовой дисциплины, общей и трудовой культуры, авариями на производстве, срывами производственных планов. В условиях, когда в умах большевистского руководства господствовала идея «враждебного окружения», главной причиной будет названа экономическая контрреволюция, а ее движущей силой — старые специалисты-вредители. Несмотря на некоторые различия, советское руководство продемонстрирует в целом единый подход к этому делу[591]. В начале марта 1928 г. Политбюро примет обращение «Об экономической контрреволюции в южных районах углепромышленности», в котором сообщалось об обнаруженном заговоре в области экономического строительства. Проект обращения был подготовлен совместно Сталиным, Молотовым и Бухариным. Демонстрируя подчиненность следственных органов и суда органам политического управления,

Сталин и Молотов 8 марта внесут на заседание Политбюро проект постановления, где содержалось предложение создать Комиссию ЦК, которой поручалось «руководство ОГПУ и судебными органами в связи с шахтинским делом…»[592] Сторонником новой репрессивной кампании выступит и М.П. Томский. Совершив в качестве уполномоченного ЦК инспекционную поездку на Донбасс, он сочтет «бесспорным, что те сведения, которые дало ОГПУ, подтверждаются полностью»[593]. В апреле 1928 г., предопределяя решения судебных органов, «Шахтинское дело», представленное в докладе председателя СНК А.И. Рыкова, на своем объединенном пленуме рассмотрели ЦК и ЦКК ВКП(б). В резолюции пленума было указано, что данное дело «приобрело явно общесоюзное значение, так как вскрыло новые формы и новые методы борьбы буржуазной контрреволюции против пролетарского государства, против социалистической индустриализации»[594]. Рыков в своем докладе сделает совсем уже примечательное заявление: «Вообще говоря, политическая партия должна подчинять те или иные процессы вопросам политики, а вовсе не руководствоваться абстрактным принципом наказания виновных по справедливости. Если нам выгодно, то можно, конечно, и заведомых жуликов оставлять на свободе…»[595] В июле будет проведен сам процесс, по нему перед судом предстанут 53 человека, 49 из них будут приговорены к разным срокам заключения и высшей мере наказания (ВМН). Оценивая много позднее итоги процесса, Сталин скажет: ««Шахтинский процесс» послужил поворотным пунктом в деле усиления бдительности коммунистов и организации красных специалистов в области промышленности»[596].

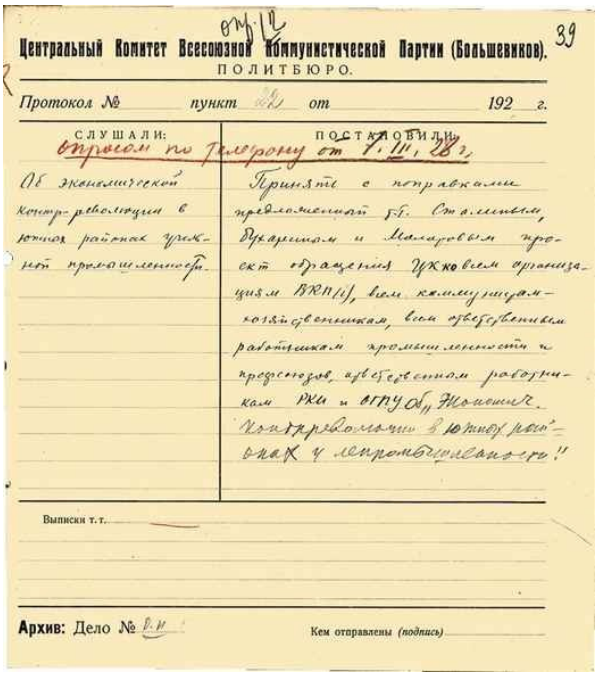
Вслед за «шахтинским процессом» по стране состоится ряд аналогичных процессов по вредительству. «Шахтинское дело», по общему мнению историков, было призвано через демонстративное наказание обвиняемых мобилизовать работников угольной промышленности на выполнение плановых заданий первой пятилетки, дать соответствующий пример всем остальным [597].

В 1929 г. возникнет «академическое дело», в 1930-м — «дело Промпартии», о которых будет рассказано в следующей главе. Репрессивный маховик начнет раскручиваться постепенно и достигнет пика в годы Большого террора 1937–1938 гг. Страх репрессий для очень многих жителей СССР станет одним из важных мотивов участия в «социалистическом строительстве», регламентирующим их социальное поведение. Другим мотивирующим комплексом станет идеологический.





Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) об иностранцах, проходящих по «Шахтинскому делу»
5 марта 1928
Автограф И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 245. Л. 11–13]



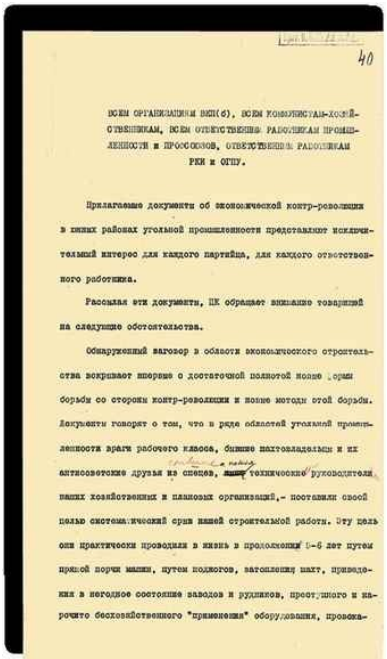
Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической Партии (Большевиков).
ПОЛИТБЮРО.

Протокол № пункт от 192 г.

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
опросом по телефону от 7.III.28 г. Об экономической контр-революции в южных районах угольной промышленности.	Принять с поправками предложенный т.т. Сталиным, Бухариным и Молотовым проект обращения ЦК ко всем организациям ВКП(б), всем коммунистам-хозяйственникам, всем ответственным работникам промышленности и профсоюзов, ответственным работникам РКИ и ОГПУ об „Экономич. контрреволюции в южных районах углепромышленности!"

Выписки т.т.

Архив: Дело № Кем отправлены (подпись)



40

ВСЕМ ОРГАНИЗАЦИЯМ ВКП(б), ВСЕМ КОММУНИСТАМ-ХОЗЯЙСТВЕННИКАМ, ВСЕМ ОТВЕТСТВЕННЫМ РАБОТНИКАМ ПРОМЫШЛЕННОСТИ и ПРОФСОЮЗОВ, ОТВЕТСТВЕННЫМ РАБОТНИКАМ РКИ и ОГПУ.

Прилагаемые документы об экономической контр-революции в южных районах угольной промышленности представляют исключительный интерес для каждого партийца, для каждого ответственного работника.

Рассылая эти документы, ЦК обращает внимание товарищей на следующие обстоятельства.

Обнаруженный заговор в области экономического строительства вскрывает впервые с достаточной полнотой новые формы борьбы со стороны контр-революции и новые методы этой борьбы. Документы говорят о том, что в ряде областей угольной промышленности враги рабочего класса, бывшие шахтовладельцы и их антисоветские друзья из спецов, ~~лишь~~ технические руководители наших хозяйственных и плановых организаций,- поставили своей целью систематический срыв нашей строительной работы. Эту цель они практически проводили в жизнь в продолжении 5-6 лет путем прямой порчи машин, путем поджогов, затопления шахт, приведения в негодное состояние заводов и рудников, преступного и нарочито бесхозяйственного "применения" оборудования, провока-

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) об утверждении проекта циркуляра «Об экономической контрреволюции в южных районах углепромышленности»

7 марта 1928

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 719. Л. 39–49]

«Дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству»

Еще одним фронтом «борьбы за социализм» для большевиков станет конфессиональное пространство, врагом — церковные организации, прежде всего Русская православная церковь и религия как таковая. Отделив одним из первых декретов советской власти церковь от государства, большевики, однако, не предоставят церковь самой себе, они сформируют и станут проводить вполне определенную религиозную политику, направленную на раскол и разгром Русской православной церкви.

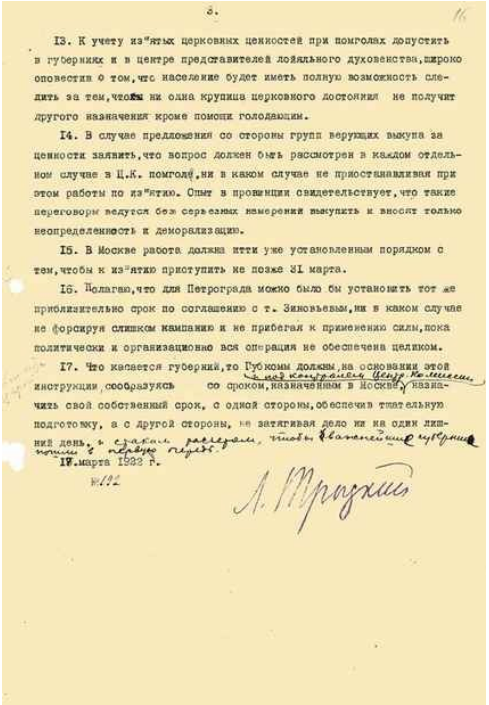
Весной 1921 г. европейскую часть страны охватит небывалая засуха. Едва ли не первой откликнется на это бедствие Российская православная церковь (РПЦ). Патриарх Тихон особыми посланиями в адрес глав христианских церквей и восточных патриархов призовет организовать сбор продовольствия и денежных средств в пользу голодающих. Под его председательством был образован «Всероссийский общественный комитет помощи голодающим» (Помгол). В августе Помгол будет распущен решением ВЦИК РСФСР. Вместо общественного Помгола ВЦИК осенью 1921-го создаст государственную Центральную комиссию помощи голодающим (ЦК Помгол) во главе с председателем ВЦИК Калининым. К концу года число голодающих приблизится к 15 млн человек.

11 ноября 1921 г. на очередном заседании Политбюро с участием Ленина, Сталина и Троцкого был заслушан доклад «золотой комиссии» СТО, которая провела ревизию золотого запаса. Вывод был не утешителен: денег в казне немного, всего 329,3 млн золотых рублей, из них «свободны», не связаны с исполнением различных обязательств — 156,5 млн. В числе первоочередных мер, к которым прибегнет советская власть, будет не раз испытанное в годы Гражданской войны средство — экспроприация. На одном из осенних заседаний по предложению Ленина решили «Назначить т. Троцкого ответственным за объединение и ускорение работ по учету, сосредоточению и реализации драгоценностей всех видов… имеющихся в СССР…»[598] Под началом Троцкого создается Комиссия по драгоценностям. Реквизиции должны были затронуть банки, склады, хранилища; монастыри, храмы и другие культовые здания; музеи, дворцовые ансамбли, усадьбы. В течение полугода планировалось собрать 5–6 млрд золотых рублей для решения трех задач: пополнения золотого запаса; восстановления

народного хозяйства и закупки продовольствия за рубежом; повышения обороноспособности страны.

6 февраля патриарх Тихон в своем послании, одобренном Политбюро, призовет жертвовать не только продукты, но и церковные ценности, не имеющие богослужебного употребления. Этот призыв найдет достаточно широкий отклик[599]. Общественные инициативы большевистское руководство сочтет слишком шатким основанием, и 23 февраля 1922 г. по инициативе Троцкого (и Политбюро, разумеется) ВЦИК РСФСР примет декрет об изъятии церковных ценностей. Кампания начнется не сразу. Политбюро будет продолжать колебаться и 16 марта, например, примет такое решение: «Опросив товарищей, имевших отношение к делу изъятия ценностей из церквей, Политбюро пришло к заключению, что дело организации изъятия церковных ценностей еще не подготовлено и требует отсрочки…»[600] Активизировать процесс возьмется Троцкий. 17 марта он направит членам Политбюро письмо, в котором (по совпадению) были сформулированы 17 тезисов плана проведения изъятия ценностей [601].

Патриарх Московский и всея России Тихон (Беллавин)
1920-е
[Из открытых источников]



3.

13. К учету из"ятых церковных ценностей при помголах допустить в губерниях и в центре представителей лояльного духовенства, широко оповестив о том, что население будет иметь полную возможность следить за тем, чтобы ни одна крупица церковного достояния не получит другого назначения кроме помощи голодающим.

14. В случае предложений со стороны групп верующих выкупа за ценности заявить, что вопрос должен быть рассмотрен в каждом отдельном случае в Ц.К. помгола, ни в каком случае не приостанавливая при этом работы по из"ятию. Опыт в провинции свидетельствует, что такие переговоры ведутся без серьезных намерений выкупить и вносят только неопределенность и деморализацию.

15. В Москве работа должна итти уже установленным порядком с тем, чтобы к из"ятию приступить не позже 31 марта.

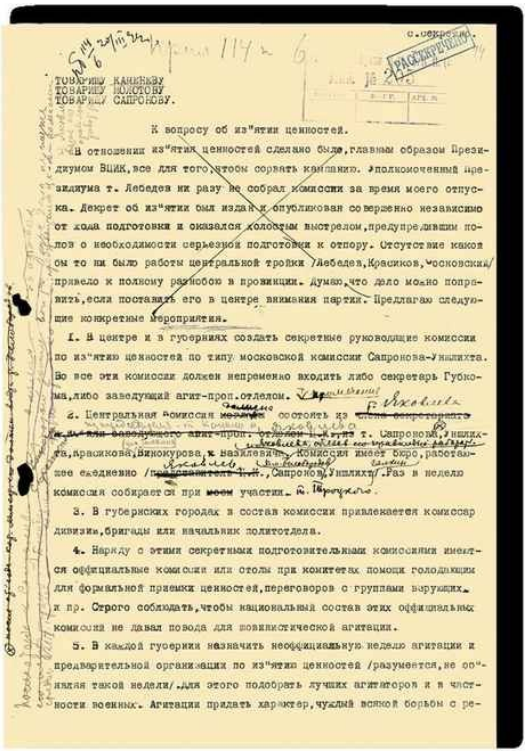
16. Полагаю, что для Петрограда можно было бы установить тот же приблизительно срок по соглашению с т. Зиновьевым, ни в каком случае не форсируя слишком кампанию и не прибегая к применению силы, пока политически и организационно вся операция не обеспечена целиком.

17. Что касается губерний, то Губкомы должны, на основании этой инструкции сообразуясь с мой контролем Центр. Комиссии со сроком, назначенным в Москве, назначить свой собственный срок, с одной стороны, обеспечив тщательную подготовку, а с другой стороны, не затягивая дело ни на один лишний день, и сразу разослали, чтобы Уполномоченные губерний почли в каждый отдел.

17. марта 1922 г.

№172

Л. Троцкий



с.секретно.

РАССМОТРЕНО

ТОВАРИЩУ КАМЕНЕВУ
ТОВАРИЩУ МОЛОТОВУ
ТОВАРИЩУ САПРОНОВУ.

К вопросу об из"ятии ценностей.

В отношении из"ятия ценностей сделано было, главным образом Президиумом ВЦИК, все для того, чтобы сорвать кампанию. Уполномоченный Президиума т. Лебедев ни разу не собрал комиссии за время моего отпуска. Декрет об из"ятии был издан и опубликован совершенно независимо от хода подготовки и оказался холостым выстрелом, предупредившим попов о необходимости серьезной подготовки к отпору. Отсутствие какой бы то ни было работы центральной тройки /Лебедев, Красиков, Московский/ привело к полному разнобою в провинции. Думаю, что дело можно поправить, если поставить его в центре внимания партии. Предлагаю следующие конкретные мероприятия.

1. В центре и в губерниях создать секретные руководящие комиссии по из"ятию ценностей по типу московской комиссии Сапронова-Уншлихта. Во все эти комиссии должен непременно входить либо секретарь Губкома, либо заведующий агит-проп.отделом.

2. Центральная комиссия состоит из т. Сапронова, Уншлихта, Аросикова, Винокурова, и назначенных, комиссия имеет бюро, работающее ежедневно /Сапронов, Уншлихт/. Раз в неделю комиссия собирается при моем участии.

3. В губернских городах в состав комиссии привлекается комиссар дивизии, бригады или начальник политотдела.

4. Наряду с этими секретными подготовительными комиссиями имеются официальные комиссии или столы при комитетах помощи голодающим для формальной приемки ценностей, переговоров с группами верующих и пр. Строго соблюдать, чтобы национальный состав этих официальных комиссий не давал повода для попикистической агитации.

5. В каждой губернии назначить неофициальную неделю агитации и предварительной организации по из"ятию ценностей /разумеется, не отнимая такой недели/. Для этого подобрать лучших агитаторов и в частности военных. Агитации придать характер, чуждый всякой борьбы с ре-

Проект директивы «Об изъятии церковных ценностей», составленный Л.Д. Троцким. Утвержден постановлением Политбюро ЦК РКП(б) 20 марта 1922 г.

17 марта 1922
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 266. Л. 14–16]

Между тем с самого начала кампания по изъятию столкнется с массовым сопротивлением на местах — 11 марта в Ростове-на-Дону, 15-го — в Шуе, 17-го — в Смоленске. В ходе столкновений в Шуе погибнут пять протестующих и один будет ранен. Получив информацию о произошедшем в Шуе, в своем известном письме от 19 марта, адресованном В.М. Молотову для членов Политбюро, Ленин поставит задачу: «Именно теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления... с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий»[602]. В этом письме Ленин солидаризуется с предложениями Троцкого, и 20 марта Политбюро, в заседании которого участвовали Троцкий, Сталин, Каменев, а также Молотов, Цюрупа и Рыков, примет постановление «Об изъятии церковных ценностей», утвердив практически без изменений письмо Троцкого, излагавшего план по созданию сети комиссий для руководства изъятием церковных ценностей [603].

При этом главной задачей всей кампании по их изъятию и Троцкому, и всему составу Политбюро виделся разгром и раскол РПЦ и других традиционных религиозных организаций. Уже 22 марта Политбюро заслушает записку зампредседателя ГПУ И.С. Уншлихта «О деятельности духовенства в связи с изъятием ценностей из церквей», в которой впервые будет поставлен вопрос об аресте патриарха[604]. Почти на каждом заседании Политбюро весной 1922 г. будут заслушиваться вопросы о ходе развернувшейся кампании, но не только. В частности, 30 марта Троцкий направит в Политбюро программный документ по принципиальным вопросам политики партии в религиозной сфере. Троцкий укажет на наличие двух течений в церкви — «контрреволюционного с черносотенно-монархической идеологией» и «буржуазно-соглашательское сменовеховское». Церковную контрреволюцию следовало «повалить», опираясь на сменовеховское духовенство[605]. Эти принципы будут положены в основание политики советского руководства в отношении Русской православной церкви на ближайшие два (без малого) десятилетия. Сталин не гнушался использовать «чужие» идеи, если они представлялись ему эффективными инструментально.

Главным двигателем операции по разгрому РПЦ оставался Троцкий, который действовал при поддержке Ленина, а затем и Сталина. Именно эти трое руководителей будут последовательно настаивать в целом ряде случаев на вынесении и исполнении смертных приговоров по

делам о сопротивлении антицерковной кампании[606]. Важно подчеркнуть, что уже тогда, задолго до сталинского Большого террора, Политбюро не только давало предварительные директивы трибуналам о приговоре, но и утверждало после вынесения приговора окончательное число расстреливаемых[607].

В конце апреля 1922 г. в Политехническом музее начнет свои заседания Революционный трибунал по делам духовенства и церковных активистов, обвиненных в противодействии изъятию ценностей. Его работой непосредственно будет руководить Политбюро[608]. 4 мая Политбюро заслушает специальный вопрос «О Московском процессе в связи с изъятием ценностей». Будет вынесено определение о необходимости привлечения к суду в качестве обвиняемых патриарха Тихона и архиепископа Крутицкого Никандра (Феноменова). Вторым пунктом постановления значилось: «Применить к попам высшую меру наказания»[609]. Последний абзац будет направлен вообще против всей системы священноначалия: объявлялось, что трибунал устанавливает «незаконность существования организации, называемой православной иерархией». 8 мая было вынесено юридическое определение, поставившее вне закона всю иерархию РПЦ. Так будет запущено «дело патриарха Тихона». Следствие планировалось завершить к марту 1923 г. и тогда же устроить показательный процесс. 9 мая 1922 г. патриарху будет официально объявлено о предании его суду и взята подписка о невыезде из Москвы без разрешения ГПУ, а к его дому приставлена охрана [610].

Сталин вплоть до весны 1923 г., несмотря на непримиримые личные противоречия между ним и Троцким, будет поддерживать жесткую линию последнего. При проведении этой линии Политбюро будет опираться на структуры и механизмы Секретариата, которым прямо руководил Сталин, на Оргбюро и Агипропотдел ЦК РКП(б)[611]. Так, 16 мая своей запиской членам Политбюро он решительно поддержит программу Троцкого о задачах прессы в антицерковной кампании и предложит «принять все шесть пунктов предложения т. Троцкого, как директиву ЦК газетам»[612]. При неоднократно поступавших в Политбюро прошениях о помиловании по тем или иным «церковным» делам он последовательно будет голосовать за подтверждение наиболее жестких приговоров. Сталин при этом будет избегать публично обозначать свою позицию. 15 мая 1922 г. он получит обращение Бюро Центральной комиссии по изъятию церковных ценностей с предложением «дать на места директиву о степени судебных репрессий». В ответ он посоветует обратиться за конкретными указаниями в Наркомат юстиции [613].

В ходе кампании по изъятию церковных ценностей власти будут последовательно проводить политику устрашения духовенства и верующих. Одним из наиболее ярких примеров такой политики станет судебный процесс в Петрограде в июне — июле 1922 г. по делу

арестованного 29 мая митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина (В.П. Казанского). В соответствии с установками Политбюро 13 августа 1922 г. по приговору Петроградского ревтрибунала владыка будет расстрелян, а вместе с ним архимандрит Сергий (С.П. Шеин), миряне Ю. Новицкий и И. Ковшаров.

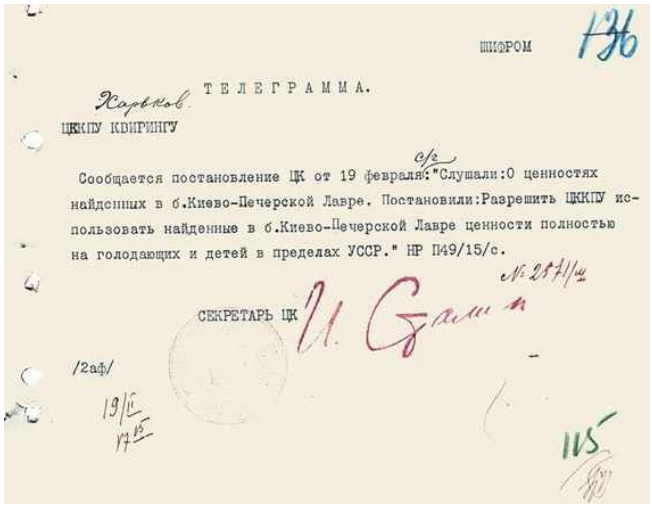
В июне 1922 г. Комиссия по драгоценностям Троцкого завершила свою работу. Фактические итоги кампании по изъятию церковных ценностей окажутся ничтожными. Ленин, как видно из его письма по этому вопросу от 19 марта 1922 г., цитированного выше, рассчитывал на получение сотен миллионов или даже нескольких миллиардов золотых рублей, а в итоге было получено от этой экспроприации 4 650 810 руб. 67 коп., причем в значительной мере вырученные средства пошли на оплату затрат по проведению самой кампании[614]. Эта сумма составила меньше 5 % от общих поступлений по стране в Фонд помощи голодающим[615].

В ходе изъятия ценностей в мае 1922 г. произойдет церковный раскол, в рамках которого группа так называемых обновленцев, по тем или иным причинам настроенных на сотрудничество с советской властью, образует Высшее церковное управление (ВЦУ) под председательством епископа Антонина (Грановского), которое временно займет и патриаршие покои. В условиях заключения патриарха и фактического отсутствия дееспособного Синода ряд церковных иерархов подпишут заявление о признании обновленческого ВЦУ в качестве единственной канонически законной верховной власти. Среди них окажется и митрополит Владимирский и Шуйский Сергий (Страгородский) — будущий местоблюститель патриаршего престола[616].

Митрополит Владимирский Сергий (Страгородский)
Не позднее 1922
[Из открытых источников]

Так реализуется часть плана Троцкого по расколу РПЦ. Обновленческая церковь, успешное становление которой на начальном этапе даст советскому руководству основание надеяться, что с ее помощью станет возможным овладеть умами верующих, просуществует два десятилетия. Обновленцы в апреле — мае 1923 г. даже проведут Второй Поместный собор РПЦ, на котором патриарх Тихон будет лишен сана и монашества, восстановление патриаршества признано контрреволюционным актом, осужден капитализм, международная и отечественная контрреволюция. Собор снял анафему с советской власти, принял постановление о возвращении к коллегиальному церковному управлению, признавался брачный епископат и второбрачие священнослужителей, собор постановил перейти на григорианский календарь. Однако уничтожить традиционные церковные структуры не удастся. Наиболее авторитетный из иерархов Сергий вскоре пересмотрит свои подходы и в октябре 1922 г. открыто порвет с обновленчеством, в 1923 г. принесет покаяние, что сделает его объектом давления со стороны властей.

В апреле 1923 г. нарком иностранных дел Г.В. Чичерин направит на имя Сталина записку, в которой выступит с ходатайством не расстреливать патриарха Тихона, к тому моменту не просто арестованного, но в отношении которого члены Политбюро уже фактически приняли решение о его казни. Чичерин подчеркнет: «Все другие страны не усмотрят в таком приговоре ничего, кроме голого религиозного преследования… Одним словом, вынесение смертного приговора в деле Тихона еще гораздо больше ухудшит наше международное положение во всех отношениях»[617]. Сталин в этот момент не прислушается к возражениям Чичерина, и Политбюро постановит «предложение тов. Чичерина отклонить». Сверхсекретный пункт постановления гласил: «Поручить Секретариату ЦК дать директиву Верховному трибуналу вести дело Тихона со всей строгостью». Как отмечается современными исследователями, это означало санкцию Политбюро на казнь патриарха. Лишь за три дня до суда произойдет перелом в настроениях членов Политбюро в результате обращения Ф.Э. Дзержинского, предложившего «отложить процесс Тихона в связи с разгаром агитации за границей… и необходимостью более тщательно подготовить процесс». Политбюро, включая Сталина, на этот раз проголосовало за это предложение, возражал только А.И. Рыков [618].



ШИФРОМ

Харьков

ТЕЛЕГРАММА.

ЦККПУ КВИРИНГУ

Сообщается постановление ЦК от 19 февраля с/г: "Слушали: О ценностях найденных в б.Киево-Печерской Лавре. Постановили: Разрешить ЦККПУ использовать найденные в б.Киево-Печерской Лавре ценности полностью на голодающих и детей в пределах УССР." НР П49/15/с.

№ 2571/ш

СЕКРЕТАРЬ ЦК И. Сталин

/2аф/

19/II

19/II

115

Шифротелеграмма И.В. Сталина секретарю ЦК КП(б) Украины Э.И. Квирингу с сообщением постановления ЦК об использовании ценностей Киево-Печерской лавры на помощь голодающим в УССР

19 февраля 1925

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 14. Л. 115]

12 июня Антирелигиозная комиссия ЦК примет решение продолжать следствие по делу патриарха без ограничений его сроков, а также сообщить ему о возможности изменения меры пресечения при выполнении им девяти условий. Главным среди них было, конечно, заявление о раскаянии в «преступлениях против Советской власти» и признание «справедливости привлечения его к суду, выражение лояльности советской власти, «открытое отмежевывание» от зарубежных контрреволюционных организаций[619]. 16 июня патриарх примет этот ультиматум, направив в Верховный суд РСФСР заявление, которое завершит словами: «Я отныне Советской власти не враг». В результате он будет освобожден из-под ареста.

Результаты, достигнутые в ходе этого этапа реализации религиозной политики, приведут в 1923 г. партийное руководство к совершению маневра и отказу от эксцессов тактики разгрома церкви. Возглавят этот маневр И.В. Сталин и Л.Б. Каменев. В июле 1923 г. по докладу Каменева Политбюро примет постановление о нежелательном характере, который приобрела антирелигиозная пропаганда, и рекомендует подготовить соответствующий циркуляр. В августе 1923 г. под руководством Сталина подготавливается циркулярное письмо ЦК «Об отношении к религиозным организациям»[620]. Циркуляр предложит всем организациям партии обратить самое серьезное внимание на ряд нарушений в области антирелигиозной пропаганды, отношения к верующим и их культам. Циркуляр воспрещал закрытие церквей, молитвенных помещений и синагог, аресты «религиозного характера»

и т. д. В нем говорилось, что подобные бестактные действия «грозят сорвать достижения партии в области разложения церкви»[621]. Разошлет Сталин и специальный циркуляр о целенаправленных усилиях партии по разложению церкви [622].

В марте 1924 г. Президиум ВЦИК вынесет постановление «О прекращении дела по обвинению гр. Белавина В.И.». Сталин скорректирует меры уголовного преследования католикоса-патриарха всея Грузии Амвросия за призывы к сопротивлению советской власти[623]. Усилия патриарха по легализации органов управления Русской православной церковью принесут свои результаты. В мае 1924 г. нарком юстиции Курский, изучив соответствующее обращение патриарха, даст принципиальное согласие на предложения, содержавшиеся в его обращении к М.И. Калинину, о легализации высших и епархиальных органов управления церковью. Вскоре в «Известиях» будет опубликовано постановление об образовании Священного синода и Высшего церковного совета[624].

Имущество отделенной от государства церкви по-прежнему будет привлекать внимание Советского государства. В феврале 1925 г. Сталин направит на Украину телеграмму, в которой сообщит о постановлении ЦК, разрешающем использовать «найденные в б. Киево-Печерской лавре ценности на голодающих детей в пределах УССР»[625].

7 апреля 1925 г. «в больнице Бакуниных на Остоженке, 19» патриарх Тихон скончается, оставив после себя подписанное им в день смерти известное послание об отношении к существующей государственной власти. Патриарх призовет архипастырей, пастырей и «верных нам чад» «со спокойной совестью, без боязни погрешить против святой веры, подчиниться советской власти не за страх, а за совесть, памятуя слова апостола: «всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога, — существующие же власти от Бога установлены»»[626]. Члены Политбюро узнают о смерти патриарха из записки начальника Секретного отдела ОГПУ Т.Д. Дерибаса помощнику Сталина Л.З. Мехлису. 8 апреля Политбюро своим постановлением утвердит сообщение для прессы, предписав ограничиться «извещениями: а) где и в ч[ьем] присутствии умер, б) от какой болезни, в) кто лечил».

В соответствии с духовным завещанием почившего патриарха местоблюстителем патриаршего престола стал митрополит Сергий (Страгородский) — будущий патриарх Московский и всея Руси.

«Мы можем построить социализм…» «теория» Построения социализма в одной стране

В декабре 1924 г. Сталин формулирует основные тезисы своей «теории» построения социализма в одной стране, об истоках которой было рассказано в первой главе. Оставляя в стороне вопрос о несущественных деталях этой концепции, вроде рассуждений о разнице между полной гарантией от реставрации буржуазных порядков и возможностью построения полного социалистического общества в одной стране, следует указать на главное. Сталин ясно и определенно высказался в пользу такой целесообразности: «Пролетариат победившей страны может и должен организовать у себя, после взятия власти, социалистическое производство. А что значит «организовать социалистическое производство»? Это значит — построить социалистическое общество... В противном случае непонятны были бы призывы Ленина ко взятию власти пролетариатом в Октябре 1917 года»[627].

Эта политическая установка в известной мере была рождена очередным провалом ожиданий большевиков революции в Германии, на этот раз в 1923 г. Одним из главных энтузиастов мировой революции оставался Троцкий, всячески настаивавший на поддержке общественных протестов в Германии, которые показались большевистским вождям всполохами нового революционного подъема. Сталин, длительное время оставаясь в целом верным большевистским постулатам о мировой революции, вероятнее всего, никогда не испытывал чрезмерного оптимизма в отношении революционных перспектив на Западе. Выступая 11 января 1918 г. на заседании ЦК по вопросу «о мире с немцами», он скажет: «Революционного движения на Западе нет, нет в наличии фактов революционного движения, а есть только потенция, ну, а мы не можем полагаться в своей практике на одну лишь потенцию»[628]. Так что практический опыт, политический прагматизм, приземленность и скептицизм, видимо, свойственные его натуре, толкали Сталина к формированию такой же прагматической линии в политике. Эта прагматическая линия была подвержена колебаниям, испытывала влияние вспышек протестных настроений, проявлявшихся на Западе и/или Востоке в забастовочном движении или вооруженных «антикапиталистических» выступлениях. Сталин был совсем не прочь при малейшей возможности распространить советское влияние как можно шире, однако безоглядной ставки на революцию на Западе он не делал.

И.В. Сталин, А.И. Рыков, Г.Е. Зиновьев и Н.И. Бухарин
Не позднее 1925
[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1629. Л. 3]

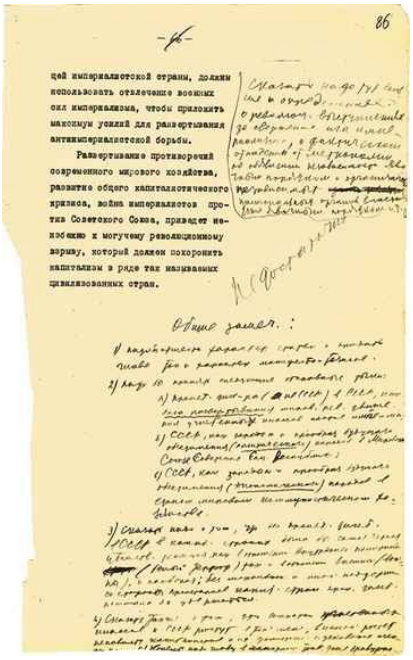
Надежды на революцию в Германии в 1923 г. не оправдаются, несмотря на то что Политбюро, помимо выделения финансовых средств, предпринимало целый ряд практических шагов по организации стачечного движения, вооруженных отрядов и т. д.

Провал ожиданий мировой революции стимулирует занятия Сталина «теоретическими» вопросами строительства социализма в отдельно взятой стране. Формулировка Сталина в апреле 1925 г. ляжет в основу резолюции XIV партконференции «О задачах Коминтерна и РКП(б)», в которой будет зафиксирована возможность и необходимость построения социализма в Советской России в связи со стабилизацией капитализма. В середине 1920-х гг. Сталин не раз выскажется по этому вопросу: «При диктатуре пролетариата у нас имеются… все данные, необходимые для того, чтобы построить полное социалистическое общество…»[629] Никакого теоретического обоснования такой возможности ни Сталин, ни его сторонники не предложат. «Все обоснование сводится к двум заведомо ложно истолкованным цитатам из Ленина, — подчеркнет Троцкий. — Ни на одно возражение Сталин не ответил. Теория социализма в отдельной стране имеет административное, а не теоретическое обоснование»[630]. Троцкий, несомненно, лукавил, понижая значение сделанного Сталиным «теоретического открытия». Пусть и не фундированное сколько-нибудь глубоко, оно имело не административное, а политическое происхождение. Выбор вариантов политического курса у большевистского руководства на самом деле был невелик. Альтернативой сталинскому курсу стало бы продолжение политики предшествующего периода, основанной на признании невозможности

победы социализма в одной стране и призванной всячески стимулировать нарастание революционной ситуации в развитых странах, не останавливаясь в том числе перед использованием вооруженной экспансии. Понятно, что никто из большевистского руководства не мог даже гипотетически рассматривать как еще одну возможную альтернативу вопрос об отказе от завоеваний Октября 1917 г. и возврате к капитализму. Не случайно, в исследовательской литературе отмечается вклад Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова в разработку этой концепции, запомнившейся всем как сталинская [631].

Целеполагание для Сталина — основа его подхода к деятельности. «Мы не можем двигаться вперед, не зная, куда нужно двигаться, не зная цели движения. Мы не можем строить без перспектив, без уверенности, что, начав строить социалистическое хозяйство, можем его построить… Мы не можем жить по рецепту Бернштейна «движение — все, цель — ничто»»[632]. Это высказывание Сталина, сделанное им на XV Всесоюзной партконференции, как нам кажется, хорошо объясняет причины появления его концепции строительства социализма в отдельно взятой стране.

В конце 1920-х гг. Сталин примет непосредственное, причем активное, участие в создании программы Коминтерна. Его правка проекта, подготовленного Бухариным, позволяет судить о представлениях Сталина о будущем мировом устройстве. Он вычеркнет тезис о глубокой связи рабочего движения европейских стран и лозунга социалистических соединенных штатов Европы. Этот бухаринский тезис несомненно имел в своей основе одноименную ленинскую работу, написанную задолго до Октябрьской революции. Сталин отметит: «… борьба за диктатуру будет проходить в союзе с пролетариатом победивших советских республик, таковой союз будет прообразом будущего мирового союза советских социалистических республик». СССР представлялся ему «как зародыш и прообраз будущего объединения (политического) народов в Мировом Союзе Советских Социалистических республик», «как зародыш и прообраз будущего объединения (экономического) народов в едином мировом коммунистическом хозяйстве»[633].



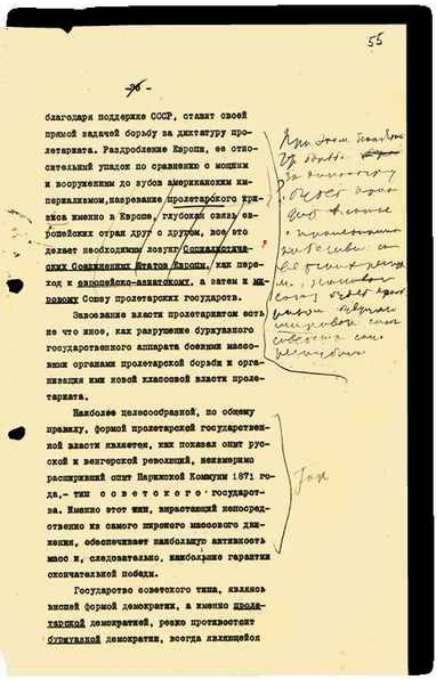
86

-6-

цей империалистской страны, должны использовать отвлечение всяких сил империализма, чтобы приложить максимум усилий для развертывания антиимпериалистской борьбы.

Развертывание противоречий современного мирового хозяйства, развитие общего капиталистического кризиса, война империалистов против Советского Союза, приведет неизбежно к могучему революционному взрыву, который должен похоронить капитализм в ряде так называемых цивилизованных стран.

Общие замеч.:



55

-6-

благодаря поддержке СССР, станет своей прямой задачей борьбу за диктатуру пролетариата. Раздробление Европы, ее относительный упадок по сравнению с мощным и вооруженным до зубов американским империализмом, нарастание пролетарского кризиса именно в Европе, глубокая связь европейских стран друг с другом, все это делает необходимым лозунг Социалистических Соединенных Штатов Европы, как переход к европейско-азиатскому, а затем к мировому Союзу пролетарских государств.

Завоевание власти пролетариатом есть не что иное, как разрушение буржуазного государственного аппарата боевыми массовыми органами пролетарской борьбы и организация им новой классовой власти пролетариата.

Наиболее целесообразной, по общему правилу, формой пролетарской государственной власти является, как показал опыт русской и венгерской революций, неизмеримо расширенный опыт Парижской Коммуны 1871 года,- тип с о в е т с к о г о государства. Именно этот тип, вырастающий непосредственно из самого широкого массового движения, обеспечивает наибольшую активность масс и, следовательно, наибольшие гарантии окончательной победы.

Государство советского типа, являясь высшей формой демократии, а именно пролетарской демократией, резко противостоит буржуазной демократии, всегда являющейся

Программа Коммунистического интернационала, представленная Н.И. Бухариным, с замечаниями И.В. Сталина
Март 1928
Рукописный текст — автограф И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 136. Л. 55, 86]

Судя по всему, Сталин исключал возможность существования каких-либо иных союзов социалистических государств, кроме и помимо Союза ССР. Вероятно, будущее мирового революционного процесса в его представлении заключалось в физическом расширении Союза ССР за счет включения в его состав все новых республик.

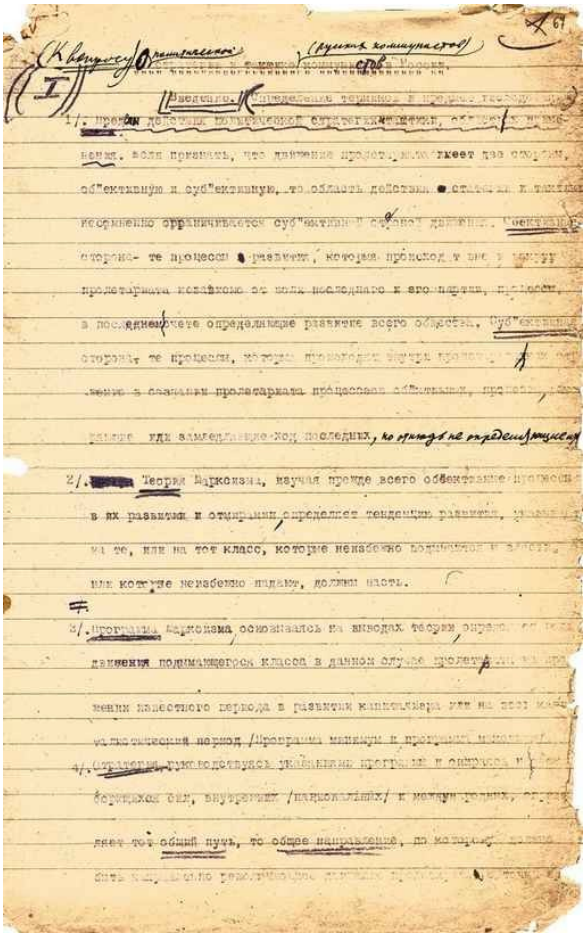
Сформулированная Сталиным политическая установка будет поддержана большинством ЦК и потребует решения вопроса об условиях, которые могли бы обеспечить достижение поставленной задачи — построения социализма в одной отдельно взятой стране. Главной предпосылкой Сталину, как до него и Ленину, виделось обладание политической властью. При этом внеэкономическое принуждение останется для большевиков альфой и омегой их практической деятельности. «Власть используется как рычаг для перестройки старой экономики и организации новой»[634], — заявит Сталин, и этот тезис прямо соотносится с установкой Ленина, который накануне Октября говорил о целесообразности взятия власти с целью создания предпосылок для построения социализма. При этом Сталин будет подчеркивать, что «политика экономической независимости необходима, пока не победила революция в ряде других стран», но «после такой победы эта политика должна быть изменена»[635].

В поисках возможностей реализовать этот подход Сталин вскоре обратится к идее Е.А. Преображенского о строительстве социализма на базе так называемого социалистического первоначального накопления.

«О партии и государственном аппарате»

По выходе из Гражданской войны в среде российских большевиков с новой силой вспыхнут дискуссии по целому ряду серьезнейших проблем. Ключевой станет проблема взаимоотношений коммунистической партии и Советов в системе государственного управления, которую мы уже не раз затрагивали на страницах этой книги. 10 марта 1922 г. в период подготовки XI съезда РКП(б) Л.Д. Троцкий напишет в Политбюро письмо, в котором раскритикует проект тезисов ЦК к съезду «Об укреплении и новых задачах партии», подготовленный Г.Е. Зиновьевым. В нем он заявит: «Без освобождения партии как партии от функций непосредственного управления и заведывания нельзя очистить партию от бюрократизма, а хозяйство от распущенности. Это основной вопрос. Такая «политика», когда на заседаниях губкома мимоходом решаются вопросы о посевной кампании губернии, о сдаче или несдаче в аренду завода, является пагубной» [636].

В этом вопросе Троцкий найдет поддержку со стороны Ленина. В марте 1922 г. Ленин напишет письмо секретарю ЦК В.М. Молотову, в котором подчеркнет: «Наконец, необходимо разграничить гораздо точнее функции партии (и Цека ее) и Соввласти; повысить ответственность и самостоятельность совработников и совучреждений, а за партией оставить общее руководство работой всех госорганов вместе, без теперешнего слишком частого, нерегулярного, часто мелкого вмешательства»[637]. Выступая на съезде, он скажет: «У нас создалось неправильное отношение между партией и советскими учреждениями… из Совнаркома тащат все в Политбюро»[638]. Фактически речь пойдет о восстановлении в сфере государственного управления норм советской Конституции 1918 г. В резолюции съезда «Об укреплении и новых задачах партии» будет записано, что «партийные организации ни в коем случае не должны вмешиваться в повседневную текущую работу хозорганов и обязаны воздерживаться от административных распоряжений в области советской работы вообще… Парторганизации сами разрешают хозяйственные вопросы лишь в тех случаях и в той части, когда эти вопросы действительно требуют принципиального решения партии»[639]. Однако решения партийного съезда останутся лишь на бумаге. Вопрос о разграничении функций партийных и советских органов будет снят с повестки дня X Всероссийского съезда Советов, прошедшего в декабре 1922 г. и учредившего Союз ССР. В значительной мере это станет результатом не только сложившихся к этому времени с участием самого Ленина политических практик, но и его отхода по причине болезни от активной политической деятельности и возникшей в связи с этим новой конфигурации политической власти.



Набросок статьи И.В. Сталина «О политической стратегии и тактике русских коммунистов»
Июль 1921
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 944. Л. 67]

Прямо противоположные курсу Троцкого идеи формулирует в это же время Сталин. В 1921 г. Сталин осмысливает уже почти сложившуюся практику замещения партийными комитетами советских органов власти в «социалистическом строительстве». «Компартия как своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность», — так в июле 1921 г. он сформулирует для себя эту проблему в наброске плана брошюры «О политической стратегии и тактике русских коммунистов»[640].

Обнародовать эту максиму, которой он станет руководствоваться в своей практической деятельности, Сталин решится, однако, лишь четверть века спустя. Позиция Сталина олицетворяла сложившуюся практику, базировавшуюся на исходной ленинской посылке:

необходимости формировать социализм сверху усилиями передового авангарда. Схема управления, предусматривающая формирование властной вертикали, выстроенной вокруг партии, в этом контексте выглядит вполне логичной. Именно она была опробована в ходе Гражданской войны в качестве практической модели управления, доказала свою эффективность, была оформлена в системе органов управления и отложилась в умах большинства представителей нового политического класса. Она не будет однако формально фиксироваться в документах, конституировавших государственность. Уместно предположить, что большевики слишком хорошо запомнили популярность лозунга «За Советы без коммунистов», взятый на вооружение противниками большевиков в ходе Антоновского восстания в Тамбовской губернии и Кронштадтского мятежа в 1921 г., которые во многом принудили большевиков к введению нэпа. Место партии в политической системе будет открыто, но скромно обозначено только в 1936 г. в тексте новой Советской Конституции, разработанной и принятой под руководством Сталина.

Исключительно со Сталиным сложившаяся партийно-государственная модель управления будет увязана значительно позднее, прежде всего стараниями его главного антагониста Троцкого. Сталин на самом деле лишь завершил достройку этой системы, рожденной не его усилиями и не по его инициативе.

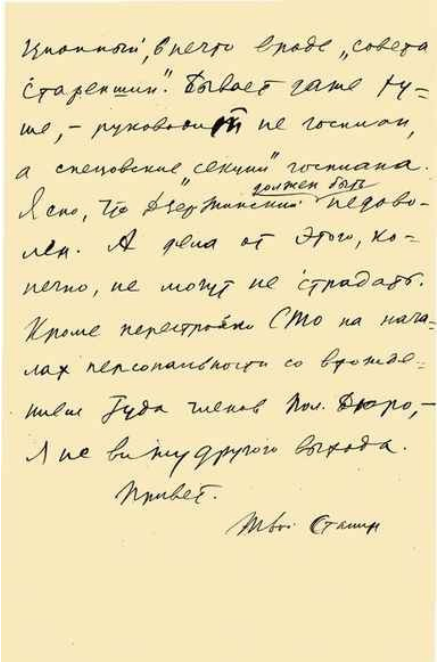
Важнейшим моментом на пути отстраивания вертикально ориентированной системы управления станет X съезд партии, на котором была принята знаменитая резолюция «О единстве». Ее принятие поставит заслон развитию внутрипартийной демократии, потребность в которой ясно ощущали партийные низы по мере выхода из Гражданской войны. Заслон окажется нормативным, а обеспечивать проведение этого норматива в жизнь Сталину придется на протяжении всех 1920-х гг. в многочисленных внутрипартийных баталиях. Стремление контролировать единство, проводить на местах единую политику заставит сделать следующие шаги: направлять действия аппарата, обеспечивать достижение результата, необходимого центру. Самый простой и логичный шаг — назначение ответственных руководителей, лояльных политическому руководству. Таким образом, на первый план выдвигается кадровая политика.

Именно поэтому в конце декабря 1922 г. вместо подготовки вопроса о разграничении функций партийных и советских органов для обсуждения на X Всероссийском съезде Советов Секретариат ЦК проведет совещание секретарей областных комитетов и губкомов, съехавшихся в Москву на съезд. Совещание утвердит положение о том, что ЦК учитывает и распределяет партийных работников всероссийского, областного и губернского масштаба и что все крупные назначения проводятся Оргбюро и Секретариатом ЦК[641].

Таким образом, РКП(б) пройдет сама и проведет за собой всю страну через очередную развилку своего развития — не к демократизации своей внутренней жизни, системы государственного управления, разделению политических и государственных функций, а, наоборот, к закреплению централизованной иерархической системы госуправления, центром принятия решений и контроля их исполнения в которой станет коммунистическая партия. В этой системе законодательные, исполнительные и контрольные функции соединяются политической вертикалью партийного властвования. Советы и, говоря шире, советская власть становятся лишь одним из приводных ремней, «соединяющих партию с классом»[642]. В первой половине 1920-х гг. Советы будут окончательно вытеснены на обочину управления. Но и сама партия для Сталина окажется лишь одним из подобных же «приводных ремней», пусть и первым по важности. «Партия, сплотившаяся на основе социалистических перспектив нашего строительства, — это тот самый рычаг, который так нужен теперь для того, чтобы двинуть вперед социалистическое строительство в нашей стране», — заявит Сталин в ноябре 1926 г. на XV Всесоюзной конференции ВКП(б) [643].

В резолюции XII съезда партии будет не раз подчеркнута роль партии, почти противоположным образом тому, что говорилось на эту тему на предшествующем съезде под влиянием позиции Ленина и Троцкого: «Еще ближе к хозяйству, еще больше внимания, руководства, сил хозорганам — таков лозунг партии на ближайший период»; «руководство работой хозорганов в основных пунктах советского строительства является и должно являться основным содержанием работы партии»[644]. Один из большевистских вождей Г.Е. Зиновьев, выступая на съезде, заявит: «Мы, старые большевики-ленинцы, мы настаиваем, чтобы партия вмешивалась в работу, занимающую $^{9}/_{10}$ всей работы, в работу хозяйственную... Нельзя согласиться с той парадоксальной точкой зрения, что будто бы Президиум ВЦИК должен быть для Советов тем же, чем ЦК для партии. Это совершенно неверно. ЦК на то и ЦК, что он и для Советов, и для профсоюзов, и для всего рабочего класса есть ЦК. В этом заключается его руководящая роль, в этом выражается диктатура партии»[645]. Нет сомнений, что это высказывание Зиновьева целиком отражает позицию тогдашней «руководящей тройки» Зиновьев — Каменев — Сталин. Принятые съездом решения завершили трансформацию политической системы, тенденции развития которой вполне определились еще в годы Гражданской войны. Попытка, предпринятая на XI съезде Лениным и Троцким, вернуть Советам их место в политической системе, определенное Лениным в 1917 г., осталась нереализованной. Сталин продолжит эту линию партийного вторжения в хозяйственные дела и все прочие сферы управления и общественной жизни. В июле 1925 г. он, анализируя работу СТО, посетует в письме Молотову на то, что

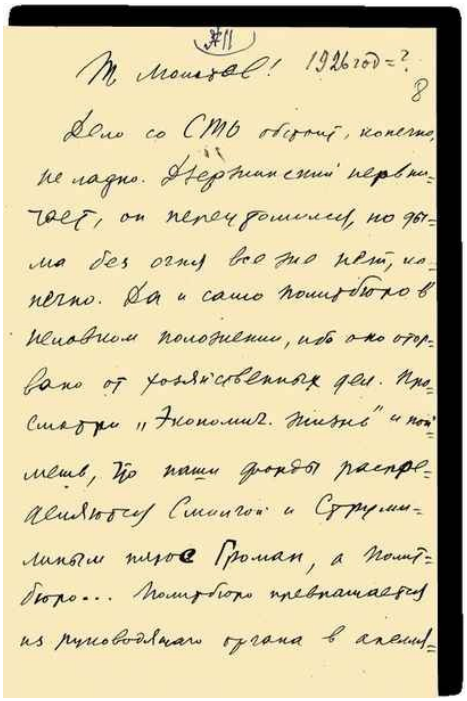
партийное руководство находится «в неловком положении, ибо оно оторвано от хозяйственных дел... Политбюро превращается из руководящего органа в апелляционный», и потребует введения членов Политбюро в состав СТО[646].



ционный, в нечто вроде „совета старейшин". Бывает даже хуже, — руководит не госплан, а спецовские „секции" госплана. Ясно, что Дзержинский должен быть недоволен. А дела от этого, конечно, не могут не страдать. Кроме перестройки СТО на началах персональности со вхождением туда членов Пол. Бюро, — я не вижу другого выхода.

Привет.

Твой Сталин



№11

Т. Молотов! 1926 год = ?

8

Дело со СТО обстоит, конечно, не ладно. Дзержинский нервничает, он переутомился, но дыма без огня все же нет, конечно. Да и само Политбюро в неловком положении, ибо оно оторвано от хозяйственных дел. Просмотри „Экономич. жизнь" и поймешь, что наши фонды распределяются Смилгой и Струмилиным плюс Громан, а Политбюро... Политбюро превращается из руководящего органа в апелля-

Письмо И.В. Сталина В.М. Молотову о перестройке Совета труда и обороны и его новом составе

Июль 1925

Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 8–8 об.]

Механизм реализации партийных решений на разных этажах государственного управления внедрялся последовательно. На одном из заседаний Бюро Секретариата было указано, что «постановления ЦК оформляются в советском порядке в виде законодательных актов или распоряжений. Поэтому сами вопросы… доводятся до сведения и широких слоев населения в советском порядке. Секретным является порядок прохождения вопросов через партийную организацию, постановления которой являются директивой партии тому или иному члену. Поэтому каждый член партии, получив директиву партийного органа, проводит таковую в жизнь от своего имени по занимаемой должности»[647].

Ограниченная легальность партийной деятельности, отмеченная выше, лишь подчеркивала общий внеправовой характер деятельности партии. Об этом открыто заявит в 1929 г. Л.М. Каганович, выступая в Институте советского строительства и права 4 ноября 1929 г.: «Мы отвергаем понятие правового государства. Если человек, претендующий на звание марксиста, говорит всерьез о правовом государстве и тем более применяет понятие «правового государства» к Советскому государству, то это значит, что он идет на поводу буржуазных юристов, это значит, что он отходит от марксистско-ленинского учения о государстве»[648]. Не раз высказывался на эту тему и сам Сталин: «…для нас, для большевиков, формальный демократизм — пустышка…»[649]

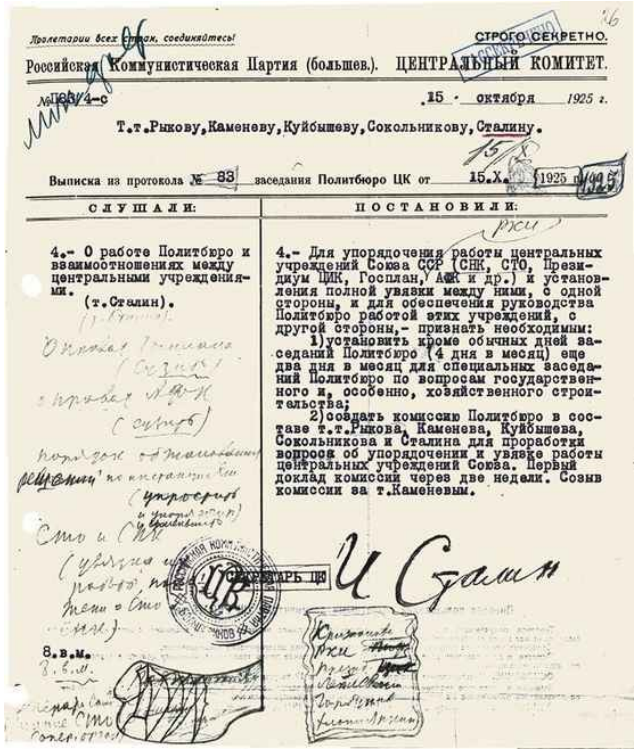
Руководство партии не просто занималось социальной мимикрией, выдвигая на первый план Советы и маскируя таким образом свое реальное положение в системе органов государственного управления. Довольно рано выявилось стремление засекретить и само функционирование партии, принимаемые ею решения, механизмы их реализации. Причем эта конспиративная система встала на ноги еще при Ленине, вероятно, как наследие предшествующего — нелегального в основном — периода развития партии. Сначала внутри Секретариата в 1920 г. была создана секретно-директивная часть, выделенная затем в 1921 г. в самостоятельное Бюро Секретариата. В нем и сосредоточилось секретное делопроизводство высших органов партии, регламентированное специальной «Инструкцией о порядке хранения и движения секретных документов» (принята 30 августа 1922 г.). С 1922 г. Бюро возглавлял первый помощник Сталина. Характерно, что контроль порядка и условий исполнения пересылки такого рода

документации, а также ее хранения возлагался на органы ГПУ. В связи с этим нельзя не вспомнить, что большевистский ЦК в момент создания ВЧК заявлял о том, что «ЧК созданы, существуют и работают лишь как прямые органы партии, по ее директивам и под ее контролем»[650]. Сталин не просто вернет дух конспиративности в деятельность партии. В августе 1924 г. пленум ЦК утвердит «Правила обращения с конспиративными документами ЦК РКП», которые будут разосланы в виде секретного циркуляра от 5 сентября 1924 г. за подписью Сталина. Засекречивание собственной деятельности как нельзя лучше характеризует восприятие большевистским руководством окружающей реальности. Даже находясь у власти и победив в Гражданской войне, большевики ощущали себя во враждебном окружении — внешнем и внутреннем. Именно из подобного восприятия реальности и родится позднее знаменитый тезис Сталина об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму.

Сделавшись генеральным секретарем, Сталин по должности возглавил работу Секретариата и Оргбюро ЦК. Расставив лояльных себе сотрудников, он получил в свои руки рычаги управления решениями всего ЦК. И не только за счет «правильной» предварительной подготовки. Уже в 1923 г. на февральском пленуме ЦК будет принято постановление, что единогласное решение Секретариата, не опротестованное ни одним членом ЦК в течение 48 часов с момента вручения протокола заседания, считалось постановлением Оргбюро ЦК и становилось обязательным к исполнению.

В середине 1920-х гг. завершается в целом формирование советской политической системы, доминирующим центром которой становятся руководящие органы коммунистической партии. Показательной в этом отношении следует считать дискуссию, развернувшуюся на заседании Политбюро 2 ноября 1925 г., на которое был вынесен вопрос «О хлебозаготовках и экспортно-импортно-валютном плане». Обсуждение этого вопроса было начато ранее — 26 октября, а уже 28-го СТО под председательством Л.Б. Каменева рассмотрит вопрос о конъюнктурном обзоре народного хозяйства за IV квартал 1924/25 хозяйственного года. Сталин получит итоговое постановление СТО и начнет заседание Политбюро с постановки принципиального для него и всей системы управления вопроса. «В этом постановлении, — скажет Сталин, — имеются все те решения, которые должны быть вынесены Политбюро предварительно, как директивы для СТО… Я считаю, что это постановление СТО, принятое в момент, когда в Политбюро обсуждают все эти вопросы, причем решение еще не принято, ставит Политбюро в ненормальное положение и делает его работу беспредметной». Сталин потребует «это постановление задержать исполнением, с тем чтобы СТО вновь рассмотрел эти вопросы на основании директив, которые будут приняты Политбюро». Заявление Сталина вызовет бурную реакцию Каменева. «Я не вполне

понимаю речь т. Сталина, — заявит он. — Товарищ Сталин, по его речи, считает, что СТО должен прекратить свою работу». Сталин отпарирует: «Легко изображать из себя обиженного. Никто текущей работы СТО не оспаривает, но известно, что было специальное постановление Политбюро, что вопрос о хлебозаготовках был выделен для специального обсуждения на специальном заседании… СТО выступает теперь с соответствующим принятым решением по вопросу, по которому еще нет директивы». Сталина поддержит председатель Совнаркома СССР А.И. Рыков. Стороны обменяются упреками в неискренности и «лицемерничаньи». Каменев заявит о дискредитации СТО и нарушении «всей экономической работы государственного управления». Завершится эта перепалка заявлением Каменева об отставке. Сталин не воспользуется случаем, и отставку Каменева не примут, а Сталин подтвердит: «Пусть т. Каменев знает, что никто не добивается его снятия из СТО и здесь совершенно лишне на эту почву выносить вопрос», и продолжит настаивать: «Решение СТО надо признать предварительным, пускай сам Каменев решит, как это оформить»[651]. Сталин будет поддержан большинством участников заседания из состава членов, кандидатов в члены Политбюро и членов ЦК. Как свидетельствует стенограмма, позиция Сталина базировалась не только на желании утвердить свое первенство и «подведомственного» ему политического органа управления (Политбюро). На заседании действительно подробно и по существу дела разбирался целый ряд проблем, оказавшихся в фокусе внимания партийно-государственного руководства. Абстрагируясь от содержательной стороны дела и межличностного конфликта Сталина и Каменева, нельзя не увидеть того, как в этой полемике прорывается в публичную плоскость институциональный конфликт между политическими и государственными органами управления. Беспокойство Каменева можно понять, ведь 15 октября Политбюро создало комиссию в составе Рыкова, самого Каменева, Сталина, Куйбышева и Сокольникова «для проработки вопроса об упорядочении и увязке работы центральных учреждений». Было решено внести изменения в регламент Политбюро и «установить кроме обычных дней заседаний Политбюро (4 дня в месяц) еще два дня в месяц для специальных заседаний Политбюро по вопросам государственного и особенно хозяйственного строительства»[652].



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СТРОГО СЕКРЕТНО.

Российская Коммунистическая Партия (большев.). ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ.

№ПБ/4-с

15 октября 1925 г.

Т.т.Рыкову,Каменеву,Куйбышеву,Сокольникову,Сталину.

Выписка из протокола № 83 заседания Политбюро ЦК от 15.X. 1925 г.

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
4.- О работе Политбюро и взаимоотношениях между центральными учреждениями. (т.Сталин).	4.- Для упорядочения работы центральных учреждений Союза ССР (СНК, СТО, Президиум ЦИК, Госплан, АЖК и др.) и установления полной увязки между ними, с одной стороны, и для обеспечения руководства Политбюро работой этих учреждений, с другой стороны,- признать необходимым: 1)установить кроме обычных дней заседаний Политбюро (4 дня в месяц) еще два дня в месяц для специальных заседаний Политбюро по вопросам государственного и, особенно, хозяйственного строительства; 2)создать комиссию Политбюро в составе т.т.Рыкова, Каменева, Куйбышева, Сокольникова и Сталина для проработки вопросов об упорядочении и увязке работы центральных учреждений Союза. Первый доклад комиссии через две недели. Созыв комиссии за т.Каменевым.

И Сталин

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о его работе и взаимоотношениях между центральными учреждениями

15 октября 1925

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 510. Л. 26]

В ходе дебатов Каменев вспомнит заявление председателя ЦКК В.В. Куйбышева о целесообразности ликвидации СТО, а сам Куйбышев заявит еще о необходимости создания Президиума СНК как руководящего органа, который бы «решал эти боевые и важнейшие политические вопросы». Каменев получит поддержку с неожиданной стороны. Дзержинский припечатает: «Таким образом советские органы действительно снизошли до какого-то придатка Политбюро. Это факт… Мне кажется, т. Сталин ошибается, не может никакое постановление СТО дискредитировать Политбюро, а наоборот, до сих пор Политбюро уничтожало авторитет СТО и СНК. Это политически существенный факт». Выступление Дзержинского ничего не решит. Сокольников потребует «установить, кто дает общие директивы, порядок инстанций обсуждения»[653]. Постановление СТО без особого нажима Сталина будет дезавуировано, а участники заседания, представлявшие все высшие директивные органы, получат наглядный урок по теме «кто в доме хозяин». Сталин, кстати говоря, очень скоро в своем ближайшем окружении и получит этот титул — «Хозяин». В этой связи трудно удержаться от того, чтобы не припомнить, как в 1897 г. во время

переписи населения, Николай II, отвечая на вопрос анкеты «род занятий», поименует себя: «Хозяин Земли Русской».

А.И. Рыков, занявший сторону Сталина в только что описанном конфликте, через два с половиной года сам окажется в том же положении, что и Каменев.

В начале марта 1928 г. он напишет письмо, адресованное Сталину, Молотову и Бухарину. Посчитав, что Политбюро оказало ему недоверие как руководителю правительства, Рыков в ультимативной форме заявит: «Я в качестве председателя СНК и СТО работать больше не буду. Предлагаю сделать такую расстановку сил, чтобы на ближайшем пленуме и сессии ЦИК сделать необходимые перемещения, а меня наметить на Урал»[654].

Валериан Владимирович Куйбышев
Октябрь 1925
[РГАСПИ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 383. Л. 1]

Усилиями Сталина и Бухарина тогда конфликт будет погашен.

Очевидно, что взаимодействие высших директивных органов Политбюро правящей партии, СНК, СТО, Всесоюзного совета народного хозяйства, ЦИК СССР — с функционалом, закрепленным за ними в самом общем виде, не могло не порождать межведомственных конфликтов, институциональных по своей природе. В 1930-х гг. Сталин проведет упорядочение системы управления, СТО и ВСНХ в конечном итоге будут упразднены. А сейчас, в конце 1925 г., максима Сталина «Политбюро дает директивы, а СТО (читай — *все* органы государственного управления. — *А. С.*) — конкретные указания»[655] приобретет нормативное значение. Партийное государство встало на ноги, и о прежних дискуссиях «партия или Советы» следовало забыть. Эхо этих дискуссий еще будет звучать в дальнейшем, но разговор на Политбюро 2 ноября 1925 г., как нам кажется, вполне обозначил

временной рубеж становления «партии-государства». На этом же самом заседании Сталин выступит с еще одним важным предложением, которое обозначит направление эволюции управленческих структур. Он предложит создать комиссию для подготовки проекта решения по рассматривавшемуся вопросу, «дать определенный срок комиссии и, в случае единогласия, считать решением Политбюро»[656]. Таким образом, ясно проявится его стремление решать вопросы управления, минуя коллегиальные формы обсуждения и согласования ведомственных и личных интересов, что позволяло продвигать нужные решения «в рабочем порядке» руками управляемых деятелей, назначаемых в комиссии волей Сталина. Институциональных и административных способов выполнения принимавшихся решений окажется недостаточно. На заседании Политбюро 11 января 1926 г. выяснится, что ряд предшествующих решений не был выполнен. Сталин задаст собравшимся вопрос: «Может быть, нужно принять меры партийного взыскания в отношении партийных товарищей (партийцам, в уголовном порядке для того, чтобы подобные вещи прекратить) и уголовного взыскания в отношении беспартийных для того, чтобы обеспечить проведение решений высших учреждений»? Этот дважды повторенный им в ходе заседания риторический вопрос ясно указывает на одну из причин будущих репрессий в отношении представителей управленческой элиты, которые очень скоро займут столь заметное место в сталинских управленческих практиках [657].

«О назначениях». Формирование номенклатуры

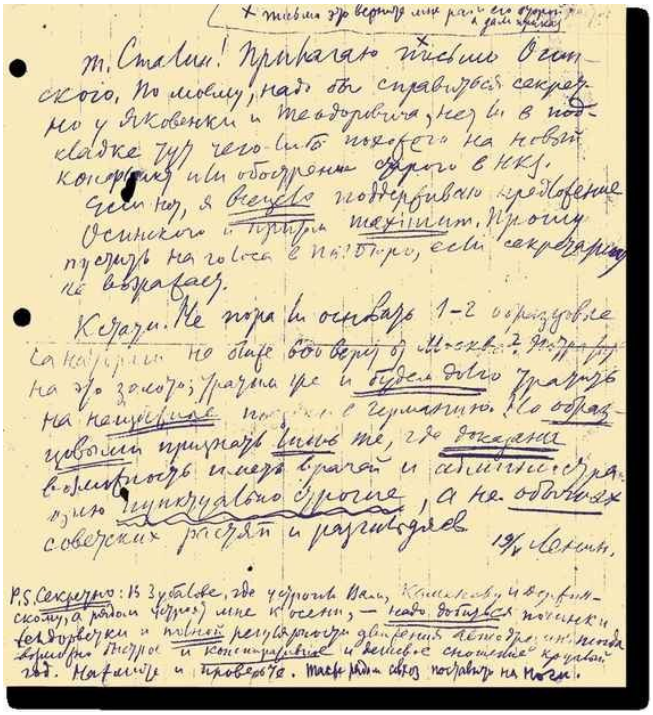
Одним из сильнейших раздражителей для граждан Союза ССР в последние годы его существования стали так называмые привилегии для представителей партийно-государственной номенклатуры. И сама номенклатура, и ее привилегии начали формироваться на заре советской власти, когда партийные работники, получая за это материальное вознаграждение, стали направляться на ответственные военные и гражданские участки работы для выполнения тех или иных исполнительных функций или политических комиссаров при формальных руководителях из беспартийных.

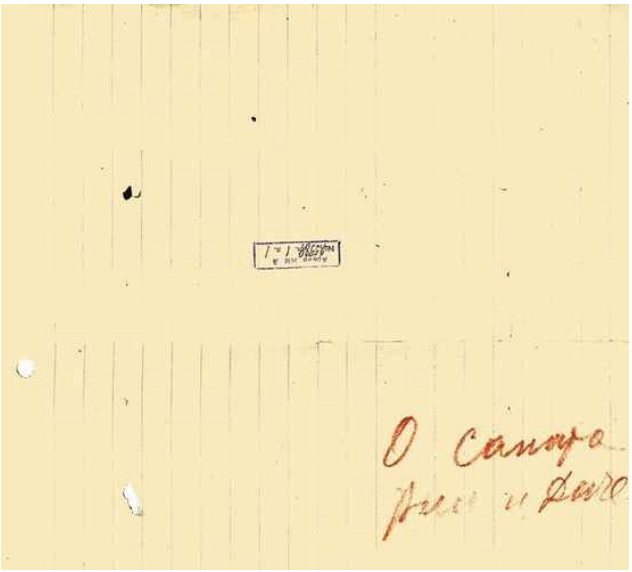
Сталин в итоге создаст систему, по направлению к которой робко двигался Ленин, оставивший многочисленные записки, свидетельствующие о его специальном внимании к нуждам ближайшего окружения. Частные случаи такой заботы со стороны вождя большевиков скоро перерастут в систему. 4 мая 1921 г. Ленин напишет Молотову, занимавшему в то время пост секретаря ЦК: «Оказывается (я только теперь узнал), есть дом отдыха Совнаркома

(дача) и находится он в управлении Управдела[ми] Совнаркома. Я боюсь, что это вызовет нарекания. Может быть, рациональнее было бы назвать этот дом отдыха просто по номеру…»[658] Проходит всего две недели, и Ленин уже требует от Молотова «обязать ПеКа [Петроградский комитет] устроить по одному дому отдыха для ответ[ственных] раб[отников] Питера в Эстонии и Финляндии…»[659], то есть за границей, подальше от глаз трудового народа. 19 мая 1922 г. Ленин вернется к этому вопросу в письме к Сталину. «Не пора ли основать, — напишет он, — 1–2 образцовые санатории не ближе 600 верст от Москвы? Потратить на это золото; тратим же и будем долго тратить на неизбежные поездки в Германию»[660].

Иосиф Виссарионович Сталин
1920-е
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1650. Л. 4]

Ленин, адресуясь к Сталину, имел в виду уже распространенную практику поездок за рубеж, прежде всего в Германию, представителей советского партийно-государственного руководства с лечебными и рекреационными целями. Ленин рекомендует «образцовыми признать лишь те санатории, где доказана возможность иметь врачей и администрацию пунктуально строгие, а не обычных советских растяп и разгильдяев». Завершая письмо, совсем уже «секретно» Ленин добавит: «В Зубалове, где устроили Вам, Каменеву и Дзержинскому, а рядом устроят мне к осени, — надо добиться починки желдорветки, полной регулярности движения автодрезин, тогда возможно быстрое и конспиративное и дешевое сношение круглый год. Нажмите и проверьте. Также рядом совхоз поставить на ноги»[661].





Письмо В.И. Ленина И.В. Сталину о положении в Наркомате земледелия и организации санаториев в СССР

19 мая 1922

Автограф В.И. Ленина

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25989. Л. 1–1 об.]

Проблема материального обеспечения управленческих кадров, к которой таким образом только подступал Ленин, будет системно решена Сталиным. Государственный аппарат, для Сталина, «есть основной массовый аппарат, соединяющий рабочий класс, стоящий у власти, в лице его партии, с крестьянством, и дающий возможность рабочему классу, в лице его партии, руководить крестьянством»[662]. Формирование госаппарата и условия его функционирования становятся предметом специального внимания. В августе 1922 г. XII конференция РКП(б) примет постановления «Об улучшении материального положения членов РКП» и «О материальном положении активных партработников». В последнем из них определялась численность «командного состава партии» в количестве 15 235 человек. Этот «боевой» авангард обеспечивался ставками оплаты труда определенного размера, жильем, медицинской помощью и др. за счет партии[663]. В основу было положено постановление Наркомата труда и ВЦСПС о ставках для ответственных политических, советских, кооперативных, профсоюзных и хозяйственных работников. Представители партаппарата займут высшие строки в этой тарифной сетке — разряды с 12-го по 17-й. Естественно, что учет и движение кадров, обеспечиваемых материально в централизованном порядке, могли осуществляться также лишь централизованно. Для этих целей Секретариатом создается учетно-распределительный отдел. 1923 г. станет временем активного формирования номенклатуры. Достраивается система управления номенклатурой введением судебного иммунитета для высших партийных руководителей. 16 марта 1923 г. Оргбюро ЦК принимает постановление об особом порядке привлечения к судебной ответственности секретарей губкомов и обкомов[664].

В организационном отчете ЦК на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г. Сталин так опишет эту систему управления кадрами: «После того, как дана правильная политическая линия, необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы, как свои родные, и умеющие проводить их в жизнь. В противном случае политика теряет смысл, превращается в махание руками…»[665]

12 октября 1923 г. Оргбюро утвердит так называемую номенклатуру. К ее созданию руководство аппарата ЦК поступательно продвигалось начиная с 1922 г. Выдвиженец Сталина и его верный «оруженосец» Л.М. Каганович, выступая 29 декабря 1922 г. на совещании секретарей городских комитетов партии и заведующих орготделами, скажет: «Учет и распределение партсил должно занять в работе орготдела [ЦК] одно из первых мест»[666]. 8 ноября 1923 г. на заседании Оргбюро ЦК с участием Сталина будет создана комиссия, итогом деятельности которой станет постановление «О назначениях», принятое уже через несколько дней. Каганович, апеллируя к

установкам Ленина на XI съезде, заявит о необходимости расширения его рекомендаций «до задачи слияния партии с государственным аппаратом», затем не раз повторит на заседании: «Мы свою работу строим на основе «закрепления влияния партии на государственный аппарат... Мы предлагаем установить твердую номенклатуру в три тысячи должностей...»» Обрисует Каганович и перспективу, назвав ее численность в 73 тыс. человек «для того, чтобы охватить советский, партийный и профессиональный аппарат сверху донизу». Будет поставлена также задача не просто учета и распределения работников аппарата, но и их производства и воспитания[667]. Главным в кадровой работе станет принцип, провозглашенный Сталиным на XII съезде: «Каждого работника изучать по косточкам»[668]. При этом речь шла не только о политической лояльности. Многочисленные документы Секретариата и Оргбюро свидетельствуют о взятом в подборе кадров курсе на специализацию. Профессиональные компетенции представителей номенклатуры с течением времени становятся почти не менее значимыми, чем политическая лояльность. ЦК прямо обяжет Учраспред заняться «планомерным пересмотром руководящих верхушек». В 1923 г. станет системой так называемое назначенство (так эта практика именуется в документах), фактически заменившее принцип выборности руководящих партийных органов. Формируется слой номенклатуры — партийно-государственной бюрократии. Назначенство, как и периодические партийные чистки, стали средством контроля и обеспечения лояльности кадров, препятствуя их закреплению на местах, обрастанию устойчивыми патроно-клиентскими связями.

В последние годы жизни Ленин не раз признавался в том, что в деле создания нового аппарата управления большевики потерпели неудачу. Властная структура, где имелась возможность лучшего жизнеобеспечения, привлекала карьеристов и корыстолюбцев. «К правящей партии примыкают худшие элементы уже потому, что эта партия есть правящая», — констатировал вождь большевиков в декабре 1919 г. Опасность со стороны новобранцев, пришедших в партию не ради идеи, потребовала специальных циркуляров ЦК по борьбе со злоупотреблениями, а затем и партийных чисток. Но результаты этой работы были совсем не те, на которые рассчитывал Ленин. «Аппарат [управления] получился у нас старый», — признался он в своем выступлении на пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 г.[669] Единственным способом борьбы с этим злом, придуманным большевиками, оказались партийные чистки, приобретшие особый размах в сталинскую эпоху. Однако в практику большевистской партии они вошли именно в ленинский период ее развития. Первую из них ЦК РКП(б) проведет после X съезда. В постановлении ЦК от 18 января 1922 г. будет сказано: «Мы производим... именно генеральную чистку, чтобы в наших рядах не осталось ни одного сомнительного... коммуниста». В

ходе чистки партия будет сокращена с 732 тыс. до 410 тыс. членов. Вряд ли случайно, что в рамках своего курса на создание режима личной власти Сталин в 1929 г. начнет с общепартийной генеральной чистки партии (второй по счету), в ходе которой из партии будет исключено более 100 тыс. коммунистов[670]. Позднее «идеологические» чистки и кампании покажутся Сталину недостаточными, и он перейдет к чисткам физическим посредством репрессий.

Постановление «О назначениях» станет рубежным, поскольку закрепит порядок назначения на должности, связанные с государственным управлением, решениями партийного органа — Секретариата ЦК РКП(б). И это притом, что на тот момент ключевое положение партии в системе органов государственного управления еще не было закреплено конституционно и находилось, таким образом, за пределами правового поля. Принятые решения целиком совпадали с многочисленными высказываниями Ленина на этот счет: «Верхушки партии являются верхушками советского аппарата: это одно и то же»[671]. Лишь в последний год своей активной жизни он, вслед за Троцким, задумается об институциональном разграничении деятельности партийных и государственных органов.

Сталин возьмет курс на унификацию и централизацию учетно-распределительной кадровой деятельности партии. В последующем будет проведен ряд мер, реорганизующих деятельность аппарата ЦК в этом направлении. Важнейшим станет включение в ноябре 1925 г. в номенклатуру перечней «выборных должностей», что фактически уничтожит демократические принципы формирования органов власти, формально зафиксированные Конституцией СССР 1924 г. По номенклатурам проходили не только должности, связанные с исполнением функций государственного управления, но и должности в общественных организациях: профсоюзах, комсомоле, кооперативных центрах и др. Конечно, и выборные должности в республиканских партийных организациях также входили в номенклатуру ЦК[672]. «Можно ли это назвать твердым иерархическим бюрократическим аппаратом?», — задастся однажды риторическим вопросом Каганович, описывая возникающую управленческую структуру[673]. Заданный вопрос ответа не требовал.

Таким образом, партийный аппарат под руководством Сталина совершил небольшой «государственный переворот», в ходе которого советская форма организации социалистического государства фактически уступила свое место партийному государству. Итоги этого переворота формально-юридически будут закреплены спустя десятилетие в так называемой сталинской Конституции 1936 г. В статье 126 ВКП(б) будет провозглашена организацией, «представляющей руководящее ядро» всех организаций трудящихся как общественных, так и государственных. Под руководством Сталина было действительно завершено строительство

высокоцентрализованной иерархической бюрократической системы управления всеми государственными и общественными организациями в стране.

О сталинских принципах подбора кадров и целях создания кадрового корпуса партии, сформулированных им на XII съезде РКП(б), мы уже говорили выше. Партии, тогда скажет Сталин, требуются люди, «умеющие осуществлять директивы, могущие понять директивы, как свои родные, и умеющие проводить их в жизнь». Поставит Сталин и задачи: «Раньше… Учраспред ограничивался рамками губкомов и укомов, при помощи которого партия держит в руках наш хозаппарат и осуществляет свое руководство. И было решено Центральным комитетом расширить аппарат Учраспреда как в центре, так и на местах…»[674] Резолюция съезда «По организационному вопросу» фактически воспроизведет установки Сталина.

ЦК РКП(б) в течение 1920-х гг. будет уделять неослабевающее внимание вопросу подготовки партийных кадров через систему коммунистических университетов. В их ряду самое заметное место займут Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова и Коммунистический университет трудящихся Востока им. И.В. Сталина (КУТВ)[675].

Методы управления аппаратом помимо чисто бюрократических процедур включат в арсенал и «кнут», и «пряник». В начальный период становления номенклатуры целям «очищения» партии, судя по всему, должно было служить установление так называемого партмаксимума. 23 июня 1921 г. постановлением ВЦСПС было установлено, что зарплата коммунистов-специалистов, работающих по специальности, не должна превышать 150 % от уровня средней зарплаты в подконтрольных предприятиях и учреждениях. Эта мера должна была в том числе ограничить приток в компартию людей, увидевших возможность решения своих материальных проблем в принадлежности к правящей партии[676]. На XII партконференции, как уже говорилось, будет решено «немедленно принять меры» по повышению окладов партработников, их обеспечению в «жилищном отношении», «медицинской помощью», в «отношении воспитания и образования детей». Конференция приняла решение: «Положить в основу новое постановление Народного Комиссариата Труда ВЦСПС… о ставках для ответственных политических, советских, профессиональных, кооперативных и хозяйственных работников и применить соответствующую тарифную сетку». Нельзя не увидеть противоречия между ограничениями, накладываемыми на рядовых коммунистов, и специальным вниманием к вопросам материального обеспечения партфукционеров, попавших в партноменклатуру.

При этом уже на раннем этапе становления управленческой системы советское руководство столкнется со стремлением партийно-советской номенклатуры выйти за рамки установленных для нее норм

потребления. Так, 19 октября 1923 г. ЦК и ЦКК РКП(б) направят на места пространный циркуляр № 58 «О борьбе с излишествами и с преступным использованием служебного положения членами партии». Помимо общих призывов к экономии, циркуляр переполнен конкретными примерами злоупотреблений. Их перечень и состав настолько примечательны и так не вяжутся с устоявшимися у многих романтическими представлениями о революционной эпохе, что мы позволим себе назвать некоторые из них. Центральные и местные организации, укажет циркуляр, «раздувают незаконно штаты без всякой нужды, содержат автомобили и гужевой траспорт», отдельные работники имеют в своем собственном распоряжении, а часто и в личном владении автомобили, собственные конюшни со скаковыми и выездными лошадьми, собственные коляски и т. д.». Циркуляр потребует «обратить внимание на использование государственных средств на оборудование квартир» и дач для отдельных «работников», на стремление обставить с «совершенно ненужной роскошью» кабинеты и частные жилища; потребует «сократить всякого рода натуральные выдачи» и «так называемые премии». Касаясь личного поведения ответственных работников, циркуляр поставит задачу «провести полное запрещение ношения всякого рода драгоценных украшений» коммунистам и коммунисткам, «повести борьбу с вошедшим в моду чествованиями ответственных работников по случаю их юбилеев, перемещений и т. п.», «устройства на государственный и общественный счет всякого рода банкетов»; «запретить коммунистам как подношение, так и принятие драгоценностей и других дорого стоящих подарков». «Посещение всякого рода ресторанов, кафе, садов со спиртными напитками сплошь и рядом являются наклонной плоскостью, по которой наиболее слабые, неустойчивые характеры скатываются до тотализатора, картежной игры», взяточничества, хищений и т. д. Отдых ответработников в санаториях и домах отдыха также вызывал много нареканий, поскольку ими «пользуются сплошь и рядом совершенно здоровые люди, не нуждющиеся абсолютно ни в каком лечении». Указал циркуляр на «заполнение домов отдыха семьями или членами семейств посылаемых на отдых работников». Причем, «очень часто» на курорты отправлялись вагоны «для того, чтобы доставить одного только пассажира из Москвы до курорта. За счет государственных средств отправлялись платформы с автомобилями на те же курорты, так же для личного пользования». Специальное внимание уделено в циркуляре расходам на командировки, особенно зарубежные, ведь «очень часто заграничные командировки даются без достаточных оснований, и на них затрачиваются средства, далеко превышающие средний уровень необходимых расходов, что вызывает неприязненное отношение со стороны рабочих масс». Проблема социального расслоения и неизбежно возникающей социальной розни станет специальной заботой авторов

циркуляра. Ставя задачу «повести борьбу» с «излишествами», ЦК и ЦКК «особенно подчеркнут», чтобы эта борьба «ни в коем случае не выродилась в борьбу «низов» и «верхов»»[677]. Обуздание аппетитов управленческой «элиты», контроль ее деятельности станут одной из повседневных задач сталинского управления.

Л.Б. Каменев, В.И. Ленин, Г.Е. Зиновьев, М.И. Калинин среди членов ВЦИК во время работы IV сессии ВЦИК 9-го созыва в Кремле
31 октября 1922
[РГАСПИ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 369]

Параллельно созданию касты управляющих будут приняты меры к выводу ее из-под общественной критики, вероятно, именно с той целью, чтобы не допустить «борьбы «низов» и «верхов»». 2 февраля 1923 г. Оргбюро ЦК примет постановление о запрещении публикации критических материалов о деятельности партийных органов и ГПУ без ведома партийных комитетов[678].

В течение полутора-двух лет Сталин завершит работу по созданию единой организационно-кадровой системы. Итоги этой работы подведет Оргбюро в ноябре 1925 г., когда будет принято новое положение «О порядке подбора и назначения работников». К этому времени Сталин создаст достаточно стройную систему управления и поставит под свой контроль функционирование партийного аппарата. Ему останется достроить эту систему доверху, устранив источник внутренних потрясений в виде представителей большевистской политической верхушки, продолжавшей продуцировать многочисленные конкурирующие политические программы социалистических преобразований.

Завершит этот этап партийного строительства XIV съезд, прошедший в декабре 1925 г. На нем партия будет переименована во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков) — ВКП(б).

В ее новом уставе, принятом на съезде, будет подчеркнуто, что «строжайшая партийная дисциплина является первейшей обязанностью всех членов партии и всех партийных организаций. Постановление партийных центров должно исполняться быстро и точно… Неисполнение постановлений высших организаций и другие проступки, признаваемые преступными общественным мнением партии, влекут за собой: для организации — порицание, назначение временного комитета сверху и общую перерегистрацию (роспуск организации); для отдельных членов партии — тот или другой вид порицания… исключение из партии с сообщением о проступке административным и судебным властям»[679]. Вовлечение судебных властей в практику работы общественной организации, которой являлась компартия, стало важной новацией. С одной стороны, партийное руководство получило серьезный инструмент принуждения партийных работников и членов партии в целом к строгому следованию партийной дисциплине, с другой — происходило очевидное размывание правового пространства — судебному преследованию становились подведомственны в том числе общественные проступки.

В начале 1930-х гг. Сталин сочтет, что материальное стимулирование коммунистов слишком важный элемент обеспечения лояльности, чтобы продолжать существовать в прежних спартанских формах. Постановлением Политбюро от 8 февраля 1932 г. партмаксимум будет отменен. Было решено «впредь коммунистов-специалистов оплачивать по существующим для беспартийных специалистов ставкам…» Для «категории коммунистов организаторов и администраторов устанавливались три группы «предельных окладов» в зависимости от приоритетности отрасли производства. Внутри этих категорий предусматривалась дополнительная градация еще на три группы в зависимости от размеров предприятия. Наркомтруду, Наркомфину и ВЦСПС поручалось выработать такой проект изменений в системе налогообложения зарплаты, чтобы эти «обложения не могли в какой бы то ни было мере ослабить установленное… повышение зарплаты коммунистов и беспартийных…»[680] Начинался новый этап в жизни советской номенклатуры…

А.А. Жданов и И.В. Сталин в группе членов Волжской делегации на XIV съезде РКП(б)
Декабрь 1925
[РГАСПИ. Ф. 422. Оп. 1. Д. 87. Л. 1]

«В ЦК есть другой ЦК». Внутрипартийная борьба и возвышение Сталина

С конца мая 1922 г. из-за болезни Ленин потерял возможность активно участвовать в работе по руководству партией и государством. 25 мая у него случился инсульт, поставивший его на грань жизни и смерти. Совершенно естественно, что вопрос о политическом руководстве выдвинулся на первое место в политической повестке дня. Ленин к этому моменту персонально соединял важнейшие функции государственного и партийного управления. Он являлся председателем правительства СНК, СТО, неформальным лидером Политбюро ЦК и ЦК РКП(б), председательствующим на его заседаниях. Под его влиянием, прямым или опосредованным управлением находились и соответствующие аппараты.

На излете своей практической деятельности, уступая болезни, Ленин неожиданно для большинства в своем окружении сделает ставку на союз с Троцким. В сентябре 1922 г., когда Ленин ненадолго вернется к работе, он предложит Троцкому занять пост заместителя председателя Совнаркома. Судя по всему, своим преемником на этой позиции вождь в последний период своей жизни стал видеть именно Троцкого. И нельзя исключать того, что именно Совнарком, а не ЦК партии, виделся Ленину центром системы управления Страной Советов и социалистическим строительством. Вероятным представляется и

стремление сбалансировать таким образом рост влияния Сталина и стоявших за ним партийных кругов, для которых «политком» (политический комиссар) оставался ключевой фигурой управления во всех сферах жизни общества.

Наоборот, в подходе Сталина к управлению центральное место заняла партия, генеральным секретарем которой он к этому времени стал, отказавшись от подавляющего большинства своих обязанностей и постов в аппарате государственного управления. Оппонировать Ленину по вопросам взаимоотношений партии и государственных органов он стал именно потому, что объектом его устремлений являлась концентрация партийно-политической власти. И хотя пост председателя Совнаркома уже тогда, вероятно, представлялся ему важной, но второстепенной технической должностью, выдвижение Лениным Троцкого на этот пост не могло не расцениваться Сталиным как угроза. Во-первых, его положению фактического руководителя партийного аппарата и, как он рассчитывал, партии. Ведь становясь заместителем Ленина в Совнаркоме, Троцкий, несомненно, набирал еще больший политический вес (и так уже немалый), увеличивая таким образом свое влияние на принятие политических решений. Во-вторых, возвышение Троцкого по государственной линии несло угрозу положению самой партии в структуре управления созданным государством. Сталин, вероятно, с большим облегчением вздохнул, когда Троцкий отказался от предложения Ленина, и 14 сентября Политбюро приняло решение назначить заместителем председателя Совнаркома и СТО одного из двух ближайших на тот момент «соратников» Сталина — Л.Б. Каменева [681].

В.И. Ленин и И.В. Сталин в Горках
11 июля — 5 августа 1922
[РГАСПИ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 324. Л. 1]

Последнее публичное выступление Ленина состоялось 20 ноября 1922 г. на пленуме Моссовета. В мае следующего года он покинул Москву и окончательно переехал в подмосковную усадьбу Горки. Нарушая запрет Политбюро на работу, в период болезни, с 23 декабря 1922 по 2 марта 1923 г. Ленин надиктовал ряд посланий, адресованных ЦК, среди них «Письмо к съезду», «О придании законодательных функций Госплану», «К вопросу о национальностях или об «автономизации»», «Странички из дневника», «О кооперации», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше».

В конце декабря 1922 — начале января 1923 г. Ленин продиктовал самую известную из своих последних работ — «Письмо к съезду», которое часто называют «политическим завещанием» Ленина[682]. В нем он выступил с предложением увеличить число членов ЦК за счет рядовых работников, дал критические характеристики видным партийным деятелям (Троцкому, Зиновьеву, Каменеву, Бухарину, Пятакову) и подверг критике в том числе личные качества Сталина, потребовав его перемещения с поста генерального секретаря ЦК РКП(б). Происходит фактический разрыв Ленина со Сталиным. На XIII партийном съезде письмо огласили на собраниях отдельных делегаций, но Политбюро не стало настаивать на предложении Ленина, и Сталин был переизбран генсеком.

Уход Ленина с политической арены, как и описанные выше обстоятельства, и предопределит во многом остроту дебатов, которые развернутся в недрах компартии в конце 1922–1923 г. Институциональные угрозы партии осмысливались «руководящей» группой Политбюро в составе Сталина, Каменева и Зиновьева через призму личного соперничества с Троцким. Это соперничество, конечно, имело совсем не только институциональную подоплеку. Личное соперничество, замешанное на амбициях, неудовлетворенном честолюбии, безусловно, также являлось важнейшим движителем развивавшегося конфликта.

* * *

Между тем, развитие процессов государственного, хозяйственного, партийного строительства, умножение и усложнение задач со всей определенностью требовали диверсификации управленческого производства. Болезнь и отход Ленина от дел актуализировали проблему распределения в среде управленческой элиты функциональных обязанностей и связанных с ними должностей, стали катализатором борьбы за верховенство среди членов Политбюро ЦК, входивших в ближайшее окружение вождя. Партия в этот период завершает институционализацию своих организационных структур. Для

управления ими создается аппарат во главе со специально учрежденной в начале 1922 г. должностью генерального секретаря. Исходя из своих представлений о месте партии в созданной политической системе, Сталин начнет борьбу за главенство аппарата партии среди существующих аппаратов управления и, соответственно, за свое первенство среди большевистских «вождей».

Одним из важнейших эпизодов борьбы внутри большевистской элиты станет уже упоминавшееся «грузинское дело», которое развернулось с сентября 1922 г. Напомним основные его моменты. В это время Сталин в соответствии с поручением ЦК подготовил предложения по урегулированию отношений Москвы с советизированными окраинами бывшей Российской империи. Предложенный им план «автономизации» (включения окраин в состав РСФСР на правах автономий) встретил сопротивление в Грузии, «подавляя» которое, эмиссар Москвы Г.К. Орджоникидзе позволил себе рукоприкладство. Ленин придал тогда этому эпизоду политическое звучание, причем считал, что разбирательство тормозится Сталиным и Дзержинским. Оценивая ситуацию, Л.Б. Каменев напишет Г.Е. Зиновьеву, что Ленин хочет не только примирения в Закавказье, «но и определенных организационных выводов наверху»[683]. Очевидно, что в «грузинском деле» Ленин увидел опасность для своего плана государственного строительства, но не только. 5 марта 1923 г. Ленин пишет Троцкому письмо с просьбой «взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии»[684]. Побудительным мотивом обращения к Троцкому, помимо содержательной стороны дела, стало намерение Ленина противодействовать дальнейшему возвышению Сталина. В тот же день он направляет письмо Сталину с ультиматумом «взять сказанное назад и извиниться или… порвать между нами отношения»[685]. Ленин требовал от Сталина извинений за «разнос», устроенный Крупской за нарушение изоляции Ленина, а значит, и формальное нарушение ею партийной дисциплины. Поскольку именно на Сталина в декабре 1922 г. Политбюро возложило персональную ответственность «за изоляцию Владимира Ильича как в отношении личных сношений, так и переписки»[686], тот счел целесообразным продемонстрировать жене вождя свои «полномочия».

К этому моменту внутри Политбюро Сталин, Зиновьев и Каменев организовали фактически фракционное объединение — так называемую тройку, основанную на противодействии Троцкому. Все три партийных лидера, как уже отмечалось, на тот момент совмещали ряд ключевых постов. Зиновьев возглавлял Петроградскую парторганизацию, одновременно являясь председателем Исполкома Коминтерна. Каменев возглавлял Моссовет, являлся заместителем председателя Совнаркома и одновременно СТО, объединявшим ряд ключевых наркоматов. С отходом Ленина от политической деятельности именно Каменев стал чаще всего председательствовать

вместо него на заседаниях Совнаркома. Сталин же объединял руководство одновременно с Секретариатом и Оргбюро ЦК, возглавлял также Рабкрин и Наркомнац. В противовес «тройке» Троцкий руководил Красной армией на ключевых должностях наркомвоенмора и председателя Реввоенсовета.

Ни для кого в партии блокирование трех членов Политбюро секретом являться не будет. Политика «руководящей группы» будет не раз становиться предметом публичных обсуждений. В апреле 1923 г. на XII съезде председатель Ревизионной комиссии В.П. Ногин робко заявит, что «в последнее время в нашей партии происходит некоторое оттирание старых партийных работников». В.В. Косиор, избранный на съезде кандидатом в члены ЦК, выскажется определеннее и резче: «Руководящая группа Центрального комитета в своей организационной политике в значительной степени проводит групповую политику… Эта, товарищи, политика в первую голову проявляется в той организационной форме, в которой у нас происходят подбор и использование ответственных работников для советской и партийной работы. Десятки наших товарищей стоят вне этой работы не потому, что они худые организаторы, не потому, что они плохие коммунисты, но исключительно потому, что в различное время и по различным поводам они участвовали в тех или иных группировках, что они принимали участие в дискуссиях против официальной линии…»[687] Сталин будет вынужден отвечать на обвинение Косиора, но сведет ответ лишь к двум конкретным случаям — Троцкого и Шляпникова, построив на этих двух, выгодных для своей позиции, примерах обобщение, позволившее ему отвергнуть куда более широкую претензию. Из опубликованных тогда же в 1923 г. бюллетеней и стенограммы заседаний съезда этот «оправдательный» пассаж из речи Сталина будет изъят согласно его собственному предложению. Вероятно, сознавая не слишком высокую убедительность приведенной аргументации, в день своего выступления 19 апреля он послал в Президиум съезда записку, в которой писал, что это место не стоит включать в протоколы, если сами заинтересованные лица этого не потребуют. На следующий день Президиум примет решение: «1) Прилагаемую часть речи т. Сталина изъять из стенограммы; 2) сообщить ее заинтересованным товарищам (тт. Троцкому и Шляпникову); 3) сдать эту часть стенограммы в секретный архив ЦК РКП»[688]. Процесс оттеснения от рычагов управления старых большевистских кадров растянется на полтора десятилетия, и завершит его Сталин самым брутальным способом в годы Большого террора, репрессировав старую большевистскую «гвардию» практически в полном составе.

В.И. Ленин и Л.Б. Каменев в Горках
Не ранее 3 августа 1922
[РГАСПИ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 352]

Параллельно со сколачиванием фракции в Политбюро Сталин значительно внимание уделит низовым структурам партии. Его верный оруженосец Л.М. Каганович в 1922 — начале 1923 г. заменит 37 секретарей провинциальных партийных комитетов и еще 42 переведет на другую работу [689].

«Тройка» приобретет все черты фракции. Для значительной части партийных активистов ничего странного в этом не было. Более того, из рядов сторонников «тройки» будут раздаваться публичные призывы в поддержку сложившегося порядка вещей. На том же XII съезде М.Н. Рютин, через несколько лет ставший одним из видных оппозиционеров, а в описываемое время верный адепт «тройки», заявит: «Если в ЦК имеется определенная руководящая группа товарищей, то мы знаем, что это не страшно. Это нормально... Партия не может быть без вождей... Партия, которая дискредитирует своих вождей, неизбежно ослабляется, дезорганизуется. Партиями всегда руководят вожди. Сейчас, когда общепризнанный наш вождь болен... сейчас, товарищи, эта руководящая группа ЦК бесспорно должна остаться... Бесспорно, для наших врагов было бы лучшим достижением разбить эту руководящую группу»[690]. На съезде решать эту задачу партактив не станет, но внутрипартийная борьба с вождями и вождей между собой вскоре развернется в полную силу.

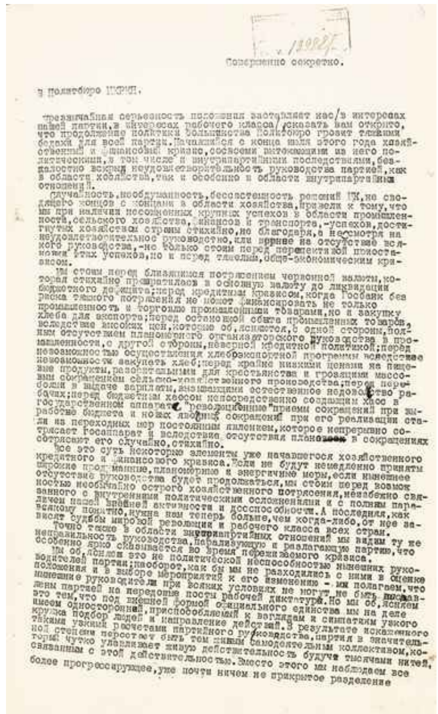
В упомянутой «руководящей группе» Сталину довольно скоро удастся обеспечить себе главенствующее положение. В письме Каменеву в июле 1923 г. Зиновьев признается: «На деле нет никакой тройки, а есть диктатура Сталина»[691]. Монолитной, однако, «сталинская» фракция не будет. Уже летом 1923 г. состоится попытка ограничения власти Сталина, предпринятая Зиновьевым и Бухариным,

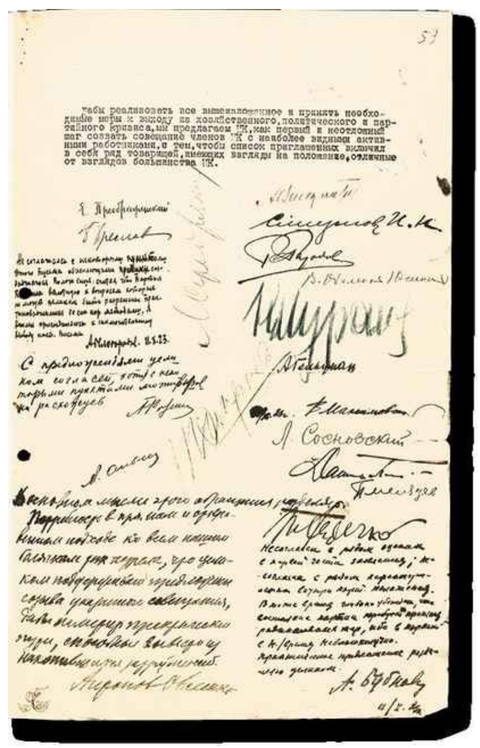
предложившими реорганизовать Секретариат ЦК, введя туда Зиновьева и… Троцкого.

8 октября 1923 г. Троцкий направит членам ЦК и ЦКК РКП(б) пространное письмо, вслед за ним 10 октября еще одно. В них он системно представит перечень важнейших проблем социально-экономического и политического развития, разность позиций по которым сегментировала советское руководство. Он обвинил большинство ЦК партии и партийный аппарат в «зажиме» демократии, отрыве от масс, обюрокрачивании.

Сначала Московский комитет партии, а затем Президиум ЦКК квалифицируют письмо Троцкого как «попытку организации фракции» на платформе, «противопоставленной проводимой ныне нашей партией в лице ее Центрального Комитета политике». Президиум ЦКК солидаризуется с общей линией ЦК, призовет к сплочению членов партии «вокруг Центрального Комитета». Будет решено созвать пленум ЦК и ЦКК для обсуждения поставленных Троцким вопросов[692].

В поддержку позиции Троцкого 15 октября появится так называемое Заявление 46-ти, подписанное сторонниками Троцкого и членами фракции «Демократический централизм», которая ранее потерпела поражение в ходе дискуссии о профсоюзах. «Начавшийся с конца июля этого года хозяйственный и финансовый кризис, — скажут подписанты, — …безжалостно вскрыл неудовлетворительность руководства партией как в области хозяйства, так и особенно в области внутрипартийных отношений». В письме будет подчеркнуто «прогрессирующее, уже почти ничем не прикрытое разделение партии на подбираемых сверху и прочую партийную массу…» Секретарская иерархия все в большей степени подбирает состав конференций и съездов, превращая их в распорядительные совещания этой иерархии. Сложившийся внутрипартийный режим в заявлении будет назван «режимом фракционной диктатуры в партии», авторы потребуют его устранения и установления «режима товарищеского единства внутрипартийной демократии»[693].





«Заявление 46-ти»
15 октября 1923
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 25. Л. 58–63 об.]

Для обсуждения внутрипартийного положения в конце октября состоится совместное заседание пленумов ЦК и ЦКК РКП(б). Перед пленумом Троцкий и члены Политбюро, представлявшие большинство, еще раз обменяются письмами. Политбюро объявит Троцкого «зачинщиком» борьбы против ЦК «в трудный момент международного положения». Накануне пленума Троцкий направит в адрес его участников, Политбюро, ЦКК новое развернутое письмо[694].

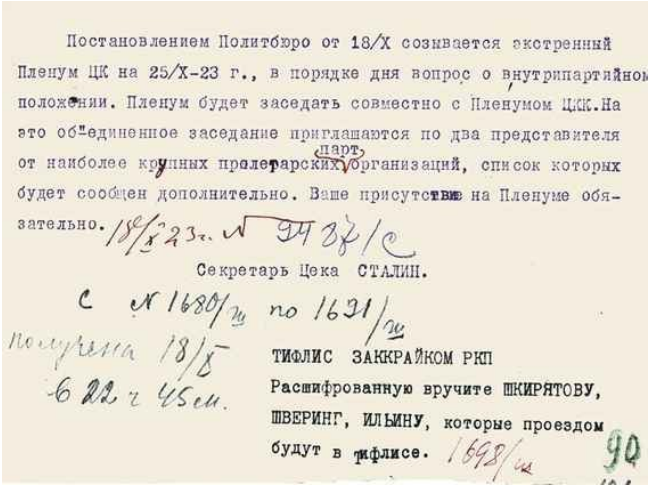
Не имея возможности разбирать здесь подробно содержание полемики и аргументацию сторон, отметим, что при обсуждении социально-экономических проблем споры велись вокруг вопросов кризиса развития, с которым столкнулась советская экономика. Никаких непреодолимых препятствий для сближения позиций сторон, конструктивного диалога и компромиссных решений, в общем, не было, что Сталин через несколько лет и докажет, заимствовав целый ряд предложений Троцкого и его сторонников и всячески затушевывая их происхождение. Главным препятствием для достижения конструктивного компромисса стал конфронтационный тип социальной и политической культуры, к которой принадлежали все стороны развернувшегося политического конфликта, и стремление к политическому лидерству, которого добивались основные участники политической борьбы. Причем обсуждение институциональных проблем в силу указанных причин в большинстве случаев персонифицировалось, приобретало вид и форму межличностной полемики, когда успешная или безуспешная компрометация личности оппонента оказывала прямое влияние на ход и результаты дискуссии.

Именно во время этой осенней дискуссии 1923 г. Троцкий огласит ряд персональных претензий в адрес Сталина, мимо которых трудно пройти. 23 октября он направит в ЦК ЦКК еще одно письмо.

В нем Троцкий продемонстрирует близость позиций Ленина и своих по целому ряду важнейших вопросов текущего момента — о месте Государственной плановой комиссии (Госплан), монополии внешней торговли, принципах строительства Союза ССР, реорганизации Рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрин) и ЦКК. И сделает это с документами в руках, прямо апеллируя к обнародуемым им текстам Ленина. Сталин на протяжении всей своей карьеры выстраивал легитимность своей политики и политического режима в целом, настаивая на прямой преемственности их ленинскому наследию, и потому развенчание Троцким этого мифа в глазах партийной элиты было для Сталина особенно болезненным. Кто знает, какую роль в судьбе этих людей сыграет их осведомленность о взаимоотношениях партийных вождей, когда в будущем Сталин начнет принимать персональные решения, разворачивая Большой террор.

Едва ли не самая громкая из претензий в адрес Сталина со стороны Ленина, о которой рассказал Троцкий, раскрывает детали закулисных переговоров, имевших место в большевистской элите по национальному вопросу. Троцкий напомнит о той записке Ленина в свой адрес, которая уже не раз упоминалась на страницах этой книги, с просьбой «взять на себя защиту грузинского дела в ЦК партии…»[695] Троцкий тогда предложил Ленину показать эту его записку и статью от 30 декабря об автономизации членам Политбюро, «чтобы добиться перемены курса в национальном вопросе наименее безболезненным путем». Ленин запретил Троцкому сделать это. «Ни в каком случае, передал мне В.И. через секретаря, — напишет Троцкий. — Он (речь шла о т. Каменеве, который отправлялся в Грузию) расскажет все Сталину, а Сталин пойдет на гнилой компромисс и обманет»[696]. Об этом эпизоде Троцкий уже рассказывал ранее — на заседании Президиума XII съезда партии. Теперь он вынес эту нелестную ленинскую характеристику Сталина на обозрение, в общем, всему политическому истеблишменту Советского Союза. Этот шаг был тем более важен, что Троцкий специально подчеркнул прием, взятый на вооружение большинством Политбюро, — «вовлечь в нынешние спорные вопросы имя т. Ленина, представляя дело так, будто бы, с одной стороны, есть продолжение политики т. Ленина, а с другой — борьба против этой политики» [697].

На совместном заседании пленумов ЦК и ЦКК РКП(б) в октябре 1923 г. Троцкий заявит о существовании «тройки» в Политбюро (Сталин — Зиновьев — Каменев), описав ситуацию так: «В Политбюро есть другое Политбюро, и в ЦК есть другой ЦК»[698]. Заявит он и о том, что ЦКК стала орудием Секретариата ЦК во внутрипартийной борьбе, отвергнет обвинения в свой адрес во фракционности и бонапартизме. Сталин в ответ повторил оценки, данные ранее на Политбюро, заявил, что Троцкий через голову ЦК обратился к членам партии, чем создал обстановку фракционной борьбы, и призвал пленум осудить поступок Троцкого. Обсуждения поставленных Троцким вопросов по существу допущено не будет. Зато будет принята «резолюция об ошибочности выступления т. Троцкого и о правильности линии Политбюро, Оргбюро и Секретариата…»[699] Сталин предварительно целенаправленно сформирует состав участников заседания, о чем свидетельствует, например, шифротелеграмма в Закавказский крайком РКП(б), в которой рекомендуется пригласить на заседание по два представителя от наиболее крупных пролетарских парторганизаций, список которых будет сообщен дополнительно[700]. Постановления пленума будет решено не обнародовать.



Постановлением Политбюро от 18/X созывается экстренный Пленум ЦК на 25/X-23 г., в порядке дня вопрос о внутрипартийном положении. Пленум будет заседать совместно с Пленумом ЦКК. На это об"единенное заседание приглашаются по два представителя от наиболее крупных пролетарских партийных организаций, список которых будет сообщен дополнительно. Ваше присутствие на Пленуме обязательно. 18/X 23 г. № 9438/с

Секретарь Цека СТАЛИН.

С № 1680/ш по 1691/ш

Получена 18/X -6 22 ч 45 мин.

ТИФЛИС ЗАККРАЙКОМ РКП

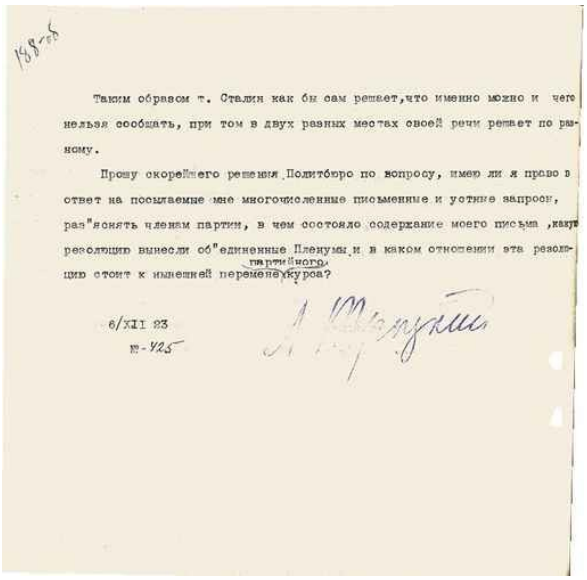
Расшифрованную вручите ШКИРЯТОВУ, ШВЕРИНГ, ИЛЬИНУ, которые проездом будут в Тифлисе. 1698/ш

90

Шифротелеграмма И.В. Сталина в Закавказский крайком РКП(б) о созыве экстренного пленума ЦК РКП(б)

18 октября 1923

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 9. Л. 90]



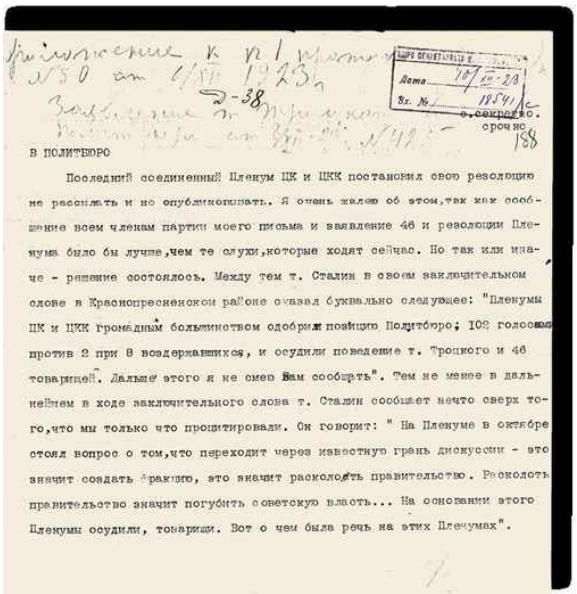
148-об

Таким образом т. Сталин как бы сам решает, что именно можно и чего нельзя сообщать, при том в двух разных местах своей речи решает по разному.

Прошу скорейшего решения Политбюро по вопросу, имею ли я право в ответ на посылаемые мне многочисленные письменные и устные запросы, раз"яснять членам партии, в чем состояло содержание моего письма, какую резолюцию вынесли об"единенные Пленумы и в каком отношении эта резолюция стоит к нынешней перемене партийного курса?

6/XII 23

№-425



Дата 10/XII-23
Вх. № 19541
с.секретно.
срочно
188

В ПОЛИТБЮРО

Последний соединенный Пленум ЦК и ЦКК постановил свою резолюцию не рассылать и не опубликовывать. Я очень жалею об этом, так как сообщение всем членам партии моего письма и заявление 46 и резолюции Пленума было бы лучше, чем те слухи, которые ходят сейчас. Но так или иначе - решение состоялось. Между тем т. Сталин в своем заключительном слове в Краснопресненском районе сказал буквально следующее: "Пленумы ЦК и ЦКК громадным большинством одобрили позицию Политбюро; 102 голосами против 2 при 8 воздержавшихся, и осудили поведение т. Троцкого и 46 товарищей. Дальше этого я не смею Вам сообщать". Тем не менее в дальнейшем в ходе заключительного слова т. Сталин сообщает нечто сверх того, что мы только что процитировали. Он говорит: " На Пленуме в октябре стоял вопрос о том, что переходит через известную грань дискуссии - это значит создать фракцию, это значит расколоть правительство. Расколоть правительство значит погубить советскую власть... На основании этого Пленумы осудили, товарищи. Вот о чем была речь на этих Пленумах".

Заявление Л.Д. Троцкого в Политбюро ЦК РКП(б) о выступлении И.В. Сталина на партактиве Краснопресненского района о партийной дискуссии

6 декабря 1923

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 26. Л. 188]

Политбюро, однако, под давлением еще неизжитых принципов внутрипартийной демократии пойдет на то, чтобы объявить общепартийную дискуссию, которую откроет статья Зиновьева «Новые задачи партии» в «Правде», опубликованная 7 ноября. Решение для «руководящей группы» окажется ошибочным, поскольку критика сложившегося общепартийного режима с его мнимой демократичностью станет едва ли не всеобщей. Это обстоятельство заставит «тройку» пойти на разработку совместно с Троцким резолюции «О партстроительстве». Этот маневр позволит продемонстрировать партийным массам готовность Политбюро к перестройке внутрипартийного режима на демократических началах.

Сталин в ходе дискуссии пойдет на серьезное нарушение договоренностей, да и партийной дисциплины, к которой он сам же и апеллировал. В чем и будет уличен. 2 декабря он выступит на собрании партактива Краснопресненского района Москвы, на котором в нужном ему свете представит итоги объединенного пленума ЦК и ЦКК. Он вновь заявит о создании Троцким фракции и сделает далеко идущие политические выводы: «Создать фракцию, это значит расколоть правительство. Расколоть правительство — значит погубить Советскую власть»[701]. В своем заявлении в Политбюро Троцкий обвинит Сталина в

том, что «тов. Сталин как бы сам решает, что именно можно и чего нельзя сообщать, притом в двух разных местах по-разному»[702].

Сталин будет вынужден оправдываться, признав, что «пошел вразрез с постановлениями... пленумов о секретности решения», мотивируя это необходимостью защититься «против лжи и клеветы»[703]. «Тройка», судя по всему, почувствует возможность своего поражения. Иначе трудно объяснить появление записки, написанной Зиновьевым 8 декабря 1923 г. Сталину, Каменеву, Рыкову, Томскому на заседании Политбюро, где будут разбираться оба только что процитированных заявления. Ее лейтмотив: «Если мы немедленно не создадим своей настоящей архисплоченной фракции — все пропадет»[704]. Так Зиновьев своими руками запустит формирование следующего сталинского большинства, следующей фракции, более широкой по составу, девальвируя свои и Каменева акции в сложившемся было триумвирате.

Летом 1924 г. Сталин предпримет неожиданную атаку на союзников по «тройке» — Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева, опубликовав 20 июня в «Правде» статью об их ошибках[705]. В связи с дебатами, развернувшимися в руководстве партии, Сталин 19 августа в очередной раз провокационно подал заявление об отставке[706]. Отставка, как и было спланировано, не была принята, и уже через день «кризис» оказался преодоленным.

Окончательно новая фракция образуется позднее — в августе 1924 г. В нее, помимо Сталина, Зиновьева и Каменева, войдут Бухарин, Томский, Рыков, Куйбышев. Сталин извлечет из создания новой фракции максимум, сначала отодвинув бывших «соратников» на второй план, а затем и вовсе сбросив их с верхних этажей властной иерархии. Вместо «тройки» формируется антитроцкистская «семерка»[707]. Тем самым Сталину удается девальвировать исключительное положение Каменева и Зиновьева в верхушке партии, низведя их до уровня тех членов ЦК, которые никогда и не помышляли о статусе, равном этим «вождям». Зиновьев позднее разгласит механизм функционирования этой очередной руководящей фракции: «Семерка почти два года играла роль секретного ЦК, обсуждавшего все вопросы внутренней и внешней политики», резолюции делались «в кабинете Сталина»[708]. Руководство Политбюро консолидируется, таким образом, на новой основе. Неправильно, однако, считать, что с самого начала это новое большинство представляло собой просталинскую группу, целиком и полностью лояльную своему лидеру. До момента становления единоличной диктатуры Сталина столкновения мнений в Политбюро будут иметь место в разное время и по многим вопросам[709]. Несмотря на внутренние конфликты, это большинство Политбюро будет оставаться сплоченным до тех пор, пока шла коллективная атака на Л.Д. Троцкого.

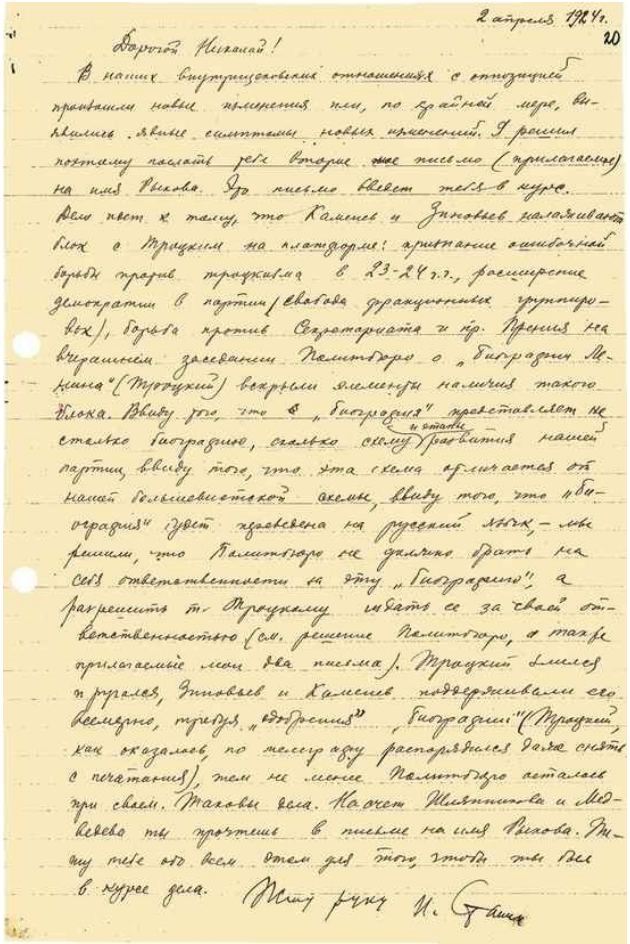
8 декабря Троцкий выступит в «Правде» с письмом к партийным совещаниям, озаглавленным «Новый курс». В ней он противопоставил

бюрократизации большевистской партии необходимость демократизации партийной жизни. 13 декабря «Правда» опубликует передовую статью, написанную Бухариным, вслед за чем развернется общепартийная «дискуссия», в ходе которой партийные организации станут принимать соответствующие резолюции, инспирированные сталинским большинством ЦК. Как именно они готовились, хорошо иллюстрирует письмо Сталина, отправленное им 17 декабря С.М. Кирову, занимавшему в то время пост секретаря ЦК КП(б) Азербайджанской ССР: «Дискуссия в Москве за последние дни приняла неприятный харатер склоки... Мы думаем, что крупнейшие наши организации, вроде Харьковской, Екатеринославской, Донбассовской, Ростовской, Бакинской, Тифлисской, Нижегородской, Иваново-Вознесенской и пр., — должны обязательно отозваться. Следовало бы, по нашему мнению, взять за образец заявление Питерской организации, провести его, несколько изменив форму, сократив, смягчив и пр., на широком собрании бюро ячеек или активных работников и немедленно направить резолюцию в «Правду» и ЦК» [710].

31 декабря сталинская «фракция» в составе девяти членов и кандидатов в члены Политбюро разошлет членам и кандидатам в члены ЦК и ЦКК явно опоздавший ответ на письмо Троцкого от 23 октября, в котором оно будет классифицировано «как орудие фракционной борьбы»[711].

Некоторые итоги развернувшейся полемики подведет 14–15 января 1924 г. пленум ЦК с участием членов и кандидатов в члены ЦКК. Новый союзник Сталина — Н.И. Бухарин, закончивший, как мы знаем, свою жизнь в годы Большого террора, заявит: «...чтобы поддержать пролетарскую диктатуру, необходимо поддержать диктатуру партии, которая немыслима без диктатуры старой гвардии, которая, в свою очередь, немыслима без руководящей роли ЦК как властного учреждения». В этой бухаринской конструкции не хватает завершающей детали — диктатуры вождя, которая вскоре и будет оформлена, причем усилиями не только самого Сталина, но его добровольных помощников. Вслед за пленумом 16–18 января состоится XIII Всесоюзная конференция РКП(б), которая примет по докладу Сталина о партийном строительстве резолюцию «Об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии». XIII партконференция заклеймила оппозицию как мелкобуржуазный уклон. В отношении Троцкого оргмер принято не будет, однако на протяжении всей дискуссии он будет обвиняться во фракционности, антибольшевизме, ревизии ленинизма. «Секретарская иерархия», магия самоопределения большинства Политбюро как «ленинского» сделают свое дело — партийные организации совершат «правильный» выбор, и Троцкий окажется обречен на поражение, тем более что его сторонников начнут шельмовать и отстранять от должностей в системе госуправления уже на данном этапе. Так поступят на пленуме с В.А. Антоновым-Овсеенко,

К.Б. Радеком, Г.Л. Пятаковым[712]. Шельмование оппозиции, фальсификация взглядов, подмена предмета обсуждения, создание образа врага — подобные действия отныне прочно войдут в арсенал средств и методов политического руководства формировавшегося сталинского режима.



2 апреля 1924 г.
20

Дорогой Николай!

В наших внутрицеховских отношениях с оппозицией произошли новые изменения или, по крайней мере, выявились явные симптомы новых изменений. Я решил поэтому послать тебе вторые же письмо (прилагаемое) на имя Рыкова. Это письмо введет тебя в курс. Дело идет к тому, что Каменев и Зиновьев налаживают блок с Троцким на платформе: признание ошибочной борьбы против троцкизма в 23-24 г.г., расширение демократии в партии (свобода фракционных группировок), борьба против Секретариата и пр. Прения на вчерашнем заседании Политбюро о „Биографии Ленина" (Троцкий) вскрыли элементы наличия такого блока. Ввиду того, что „Биография" представляет не столько биографию, сколько схему и этапы развития нашей партии, ввиду того, что эта схема отличается от нашей большевистской схемы, ввиду того, что „Биография" будет переведена на русский язык, — мы решили, что Политбюро не должно брать на себя ответственности за эту „Биографию", а разрешить т. Троцкому издать ее за своей ответственностью (см. решение Политбюро, а также прилагаемые мои два письма). Троцкий слился и ругался, Зиновьев и Каменев поддерживали его всемерно, требуя „одобрения" „Биографии" (Троцкий, как оказалось, по телеграфу распорядился даже снять с печатания), тем не менее Политбюро осталось при своем. Таковы дела. Насчет Шляпникова и Медведева ты прочтешь в письме на имя Рыкова. Пишу тебе обо всем этом для того, чтобы ты был в курсе дела. Жму руку И. Сталин

Письмо И.В. Сталина Н.И. Бухарину об оппозиционном блоке
2 апреля 1924
Подпись — автограф И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 708. Л. 20]

События конца 1923 — начала 1924 г. станут во многом переломными во внутрипартийной борьбе. «Первым вопросом» для Сталина на долгое время останутся «не отдельные отклонения отдельных членов партии, а троцкизм»[713]. Едва ли не все, подписавшие Заявление 46-ти и поддерживавшие оппозицию осенью 1923-го, уйдут из жизни с клеймом принадлежности к троцкизму. Троцкизм останется

символическим жупелом вплоть до последних лет существования советской власти.

В 1924 г. Троцкий потерпит новое чувствительное поражение. В январе пленум ЦК назначил комиссию для выяснения дел в армии. О ее выводах мы поговорим несколько позднее в разделе, посвященном оборонному строительству. Здесь же ограничимся сообщением о том, что одной из основных ее рекомендаций станет укрепление кадров центрального аппарата посредством усиления коммунистического ядра. По итогам работы комиссии февральский 1924 г. пленум ЦК даст установку на проведение военной реформы. В марте заместителем председателя РВС СССР и заместителем наркома по военным и морским делам назначается М.В. Фрунзе. Приняв решение об изменении состава РВС, Политбюро решит продемонстрировать верность внутрипартийной демократии, записав в протоколе от 6 марта 1924 г.: «Запросить заключение тов. Троцкого об этих кандидатурах. Отложить окончательное утверждение до получения мнения тов. Троцкого». Причем, это решение было принято в отсутствие Троцкого, находившегося на лечении, и сделано это было, судя по всему, намеренно и демонстративно[714]. Формально демократичная формула, на самом деле она иезуитски предоставляла Троцкому в случае его (ожидаемого) несогласия возможность в очередной раз противопоставить себя коллективной воле партии, продемонстрировать отказ следовать принципам демократического централизма, положенных в основу функционирования партии и закрепленных в ее уставе. Торопиться с проведением этого решения в жизнь сталинское большинство ЦК не станет. Окончательное решение будет оформлено лишь через полгода. Несогласованное с ним заранее решение Троцкий расценит как подготовку к его отстранению от руководства РВС и со скандалом покинет заседание сентябрьского 1924 г. пленума. Пленум ЦК, руководимый оформившейся сталинской руководящей «семеркой», 25 сентября 1924 г. примет решение ввести в состав Реввоенсовета ряд членов ЦК, включая самого Сталина[715]. В начале октября Троцкий напишет письмо членам ЦК и ЦКК, в котором выступит с резкой критикой «внутрипартийной обстановки»: «Предложение новой коллегии продиктовано очень определенными внутрипартийными комбинациями, как это понятно всем и каждому на этом заседании… Эти внутрипартийные «комбинации», занимающие все больше и больше места в политике руководящего ядра ЦК, грозят в данном случае вреднейшими последствиями в военной работе…»[716]

Осенью того же года в партийных организациях пройдут обсуждения выпущенной Троцким в мае книги «О Ленине». В ней он постарался дать бой главным своим оппонентам в Политбюро — Сталину, Каменеву, Зиновьеву, продемонстрировав их расхождения с Лениным и свою близость к вождю. Ход обсуждения уже полностью контролировался сталинским аппаратом партии. Троцкий признает свое

поражение и на пленуме ЦК, состоявшемся 17–20 января 1925 г., он заявит о своем отказе от полемики, признании над собой партийного контроля. В довершении он обратится с просьбой освободить его от должности председателя РВС. Сначала пленум ЦК, а вслед за ним и Президиум ЦИК СССР 26 января снял Троцкого с поста председателя РВС и наркомвоенмора. Его место ненадолго займет М.В. Фрунзе, а после его смерти ЦК РКП(б) сформирует новый состав РВС СССР во главе с К.Е. Ворошиловым, полностью подконтрольный Сталину [717].

Причем при обсуждении вопроса об отставке Троцкого Каменев и Зиновьев будут настаивать и на выведении его из состава Политбюро. Сталин станет возражать и его поддержит большинство. Он тем самым продемонстрирует этому большинству свой настрой на совместную конструктивную работу, невзирая на разногласия, и выставит своих будущих оппонентов в невыгодном для них свете, а заодно и протестирует формирующееся вокруг него большинство на готовность следовать за ним.

В отсутствие общего врага блок Сталина с Зиновьевым и Каменевым, необходимость которого для Сталина с формированием «семерки» была практически утрачена, окончательно развалился. Сами Зиновьев и Каменев перейдут в лагерь оппозиции. В сентябре 1925 г. Зиновьев издал брошюру, претенциозно названную им «Ленинизм», содержание которой было прямо направлено против сталинской идеи строительства социализма в одной стране. В ней он утверждал, что Ленин считал возможным в одной стране только захват власти пролетариатом, а победа социализма возможна лишь в том случае, если пролетариат победит в Европе и Северной Америке. Ленинградская партийная организация, которую возглавлял Зиновьев, стала базой для формирования «новой оппозиции». Секретарь Ленинградского губкома ВКП(б) П.А. Залуцкий публично выступит с обвинениями сталинского большинства в перерождении и термидорианстве. Делегация ленинградской парторганизации станет ядром оппозиционной платформы на XIV съезде партии в декабре 1925 г.

На этом съезде Зиновьев выступит в качестве содокладчика от оппозиции и предложит руководству партии развернутое обоснование идеи о невозможности строительства социализма в одной стране, да еще экономически отсталой. Оппозиция станет добиваться отстранения Сталина от должности генерального секретаря ЦК, указывая на то, что он не способен обеспечить единство партии и выразить волю ее большинства. Однако, на съезде так называемая ленинградская оппозиция, известная также как «платформа 4-х» (Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Г.Я. Сокольников, Н.К. Крупская), была осуждена. В ходе борьбы с нею Сталин решит опереться на крупнейшего партийного теоретика Н.И. Бухарина и близких к нему А.И. Рыкова и М.И. Томского. Оба впоследствии получат от него клеймо «правых уклонистов». Съезд

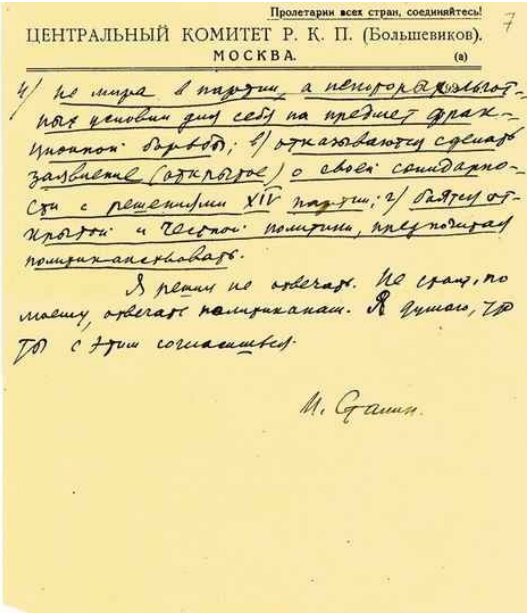
прошел в обстановке шумных скандалов и обструкций. Стороны обвиняли друг друга в разнообразных уклонах. Зиновьев обвинил группу Сталина — Бухарина в «полутроцкизме» и «кулацком уклоне», акцентировав внимание на лозунге «Обогащайтесь», выдвинутом Бухариным в годы нэпа. Взамен он получил обвинения в «недооценке середняка», при этом стороны конфликта использовали прямо противоположные цитаты из противоречивого наследия Ленина. В ход шли также обвинения в проведение кадровых чисток и контрчисток. Зиновьева обвиняли в том, что он превратился в «наместника» Ленинграда, в том, что вычистил из ленинградской делегации всех, имевших репутацию «сталинцев». Заявление Каменева на одном из заседаний съезда, что «товарищ Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба. Мы против теории единоначалия, мы против того, чтобы создавать вождя», будет прервано криками с мест: «Раскрыли карты!», «Мы не дадим вам командных высот!», «Сталина! Сталина!»[718] На пленуме, состоявшемся после съезда, Каменев, поддержавший выступление ленинградцев, был избран лишь кандидатом в члены Политбюро, а 16 января потерял свои посты в Совнаркоме, СТО СССР, получив должность наркома внешней и внутренней торговли.

Разгром оппозиции завершился изгнанием Зиновьева из Ленинграда и чисткой его сторонников. Еще в ходе работы съезда решением ЦК будет заменен ответственный редактор газеты «Ленинградская правда», а 5 января 1926 г. ЦК назначит новый состав секретариата Ленинградского губкома и Северо-Западного бюро ЦК во главе с близким Сталину С.М. Кировым.

Разрыв с Каменевым и Зиновьевым подтолкнет Сталина к установлению дружеских взаимоотношений с Рыковым и Бухариным. Его письма к ним весной 1926 г. начинаются с доверительных неформальных обращений: «Дорогой Алеша!», «Дорогой Николай!»[719]

Решающую роль в победе сталинской группы большинства сыграл тот факт, что ее лидер уже превратился в руководителя кадров партии. Распределение назначений на разнообразные посты при этом увязывалось с определенными привилегиями, вплоть до путевок в санатории. Сталин широко использовал свое положение в аппарате и методично назначал своих сторонников на все ключевые посты в стране и для завоевания большинства на партийных съездах. Победе Сталина особо способствовали «ленинский призыв» 1924 г. и последующие массовые наборы в партию не слишком грамотных рабочих «от станка», проходившие под лозунгом «орабочивания партии», сыграли свою роль и партийные чистки. Новобранцы в массе своей плохо разбирались в сложных для их понимания идеологических дискуссиях того времени и предпочитали голосовать за «социально близкого» Сталина. Этот образ Сталин, судя по всему, осмысленно эксплуатировал, что становится достаточно очевидным при взгляде на

фотографию, сделанную в период работы XIII съезда партии. Из запечатленных на ней деятелей А.И. Рыкова, Л.Б. Каменева, Г.Е. Зиновьева только облик Сталина — в сапогах, военной шинели и шапке-ушанке — для партийных масс мог показаться «социально близким».



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

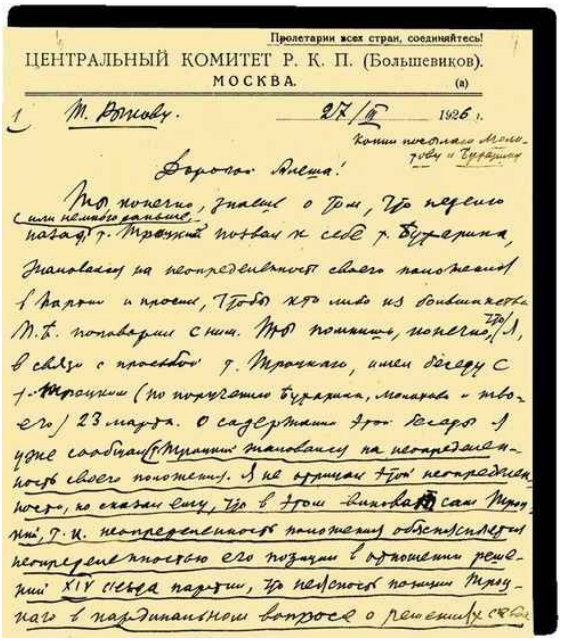
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ Р. К. П. (Большевиков).

МОСКВА. (а)

4/ не мира в партии, а некоторых эльготных условий для себя на предмет фракционной борьбы; в/ отказываются сделать заявление (открытое) о своей солидарности с решениями XIV партии; г/ боятся открытой и честной политики, предпочитая политиканствовать.

Я решил не отвечать. Не стоит, по моему, отвечать политиканам. Я думаю, что ты с этим согласишься.

И. Сталин.



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ Р. К. П. (Большевиков).

МОСКВА. (а)

1 Т. Рыкову. 27/III 1926 г.

Копии посылаю Молотову и Бухарину

Дорогой Алеша!

Ты конечно, знаешь о том, что неделю назад (или немного раньше) т. Троцкий позвал к себе т. Бухарина, жаловался на неопределенность своего положения в партии и просил, чтобы кто либо из большинства т.е. поговорил с ним. Ты помнишь, конечно, что я, в связи с просьбой т. Троцкого, имел беседу с т. Троцким (по поручению Бухарина, Молотова и твоего) 23 марта. О содержании этой беседы я уже сообщал. Т. Троцкий жаловался на неопределенность своего положения. Я не отрицал этой неопределенности, но сказал ему, что в этом виноват сам Троцкий, т.к. неопределенность положения объясняется неопределенностью его позиции в отношении решений XIV съезда партии, что неясность позиции Троцкого в кардинальном вопросе о решениях съезда

Письмо И.В. Сталина А.И. Рыкову о Л.Д. Троцком и оппозиции 27 марта 1926

Автограф И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 796. Л. 4–7]

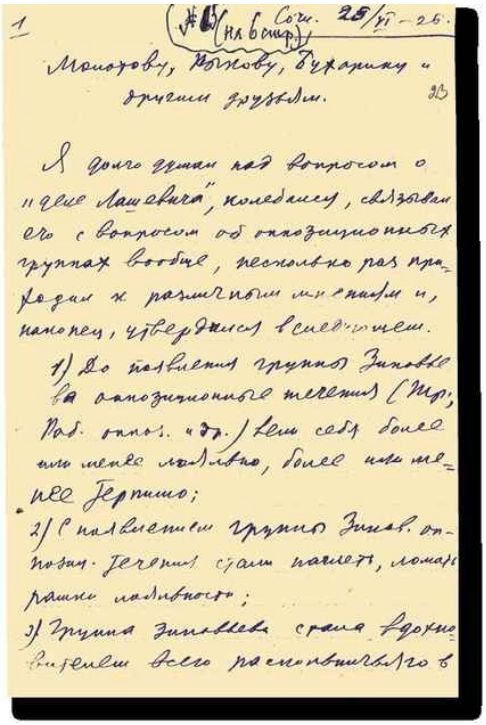
Как мы видели, Сталин, опираясь на некоторые из высказываний Ленина, выдвигает план построения социализма в одной стране, что становится важнейшим поворотным пунктом не только в государственном строительстве, но и в идейном размежевании внутри большевистской партии. Идея мировой революции, доминировавшая в среде большевиков, отодвигается Сталиным на задний план. Троцкий, отстаивавший свою идею «перманентной революции», в апреле 1926 г. вместе с Зиновьевым и Каменевым сделают шаги по созданию так называемой объединенной оппозиции, которая вскоре выдвинет против сталинского большинства Политбюро лозунг: «Перенесем огонь направо — против нэпмана, кулака и бюрократа». На пленуме ЦК партии в апреле 1926 г. Троцкий и Зиновьев выступят против сталинского большинства по вопросам индустриализации.

И.В. Сталин, А.И. Рыков, Л.Б. Каменев и Г.Е. Зиновьев идут по территории Кремля
1925
[РГАСПИ. Ф. 422. Оп. 1. Д. 90. Л. 1]

И.В. Сталин, С.М. Киров, Н.М. Шверник и Н.П. Комаров
Апрель 1926
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1652. Л. 10]

Новым поводом для внутрипартийных столкновений станут разногласия по внешнеполитическим вопросам. 4 мая 1926 г. в Великобритании начнется всеобщая забастовка, которая завершится через неделю в соответствии с решением Генерального совета тред-юнионов. Забастовку продолжит лишь профсоюз горняков. 4 и 6 мая вопрос об английской стачке обсуждался на заседаниях Политбюро. Советское руководство хотело видеть в этих событиях проявление нового революционного подъема. Взгляды различных групп советского политического истеблишмента существенно разнились. Зиновьев критиковал сталинский тезис о «стабилизации капитализма», «правые» ошибки большинства ЦК. К их числу Зиновьев и Троцкий относили деятельность Англо-русского комитета профсоюзного единства (АРК), созданного на паритетных началах Генеральным советом тред-юнионов и ВЦСПС. Вслед за прекращением забастовки советские оппозиционеры выступили за разрыв отношений с «предателями» и выход из АРК. Троцкий потребует рассмотрения вопроса в Политбюро, заседание которого и состоится 3 июня в отсутствие Сталина, находившегося на Кавказе, но «державшего руку на пульсе» событий. Зиновьев в качестве председателя исполкома Коминтерна сделал доклад, в котором настаивал на политическом характере стачки и возможности захвата власти рабочим классом Великобритании, если бы не

предательская роль тред-юнионов. Позицию сталинского большинства выразил на заседании председатель ВЦСПС Томский: «Ваша концепция построена на ожидании завтрашней революции в Англии, чего на самом деле нет». Зиновьева поддержит Троцкий: «А ваша на том, что ее никогда не будет». Таким образом, в результате внешнеполитического обострения происходит политическое сближение сторонников Зиновьева и Троцкого, завершается формирование «объединенной» оппозиции[720]. Смысловым центром ее внешнеполитической концепции так и останется идея мировой революции. Постановлением Политбюро было решено «тезисы, представленные тов. Зиновьевым по вопросу об уроках английской всеобщей стачки, отвергнуть», а его просьбу о разрешении ему выступить с защитой своей точки зрения в исполкоме Коминтерна «отклонить»[721]. До Президиума Коминтерна позицию ВКП(б) было поручено довести Бухарину, который и сделает это в присутствии Зиновьева, все еще продолжавшего возглавлять Коминтерн в качестве председателя. Президиум ИККИ примет к исполнению политическую линию, выработанную одной из многих секций Коминтерна, каковой формально являлась ВКП(б).


1 (№ 6 (на 6 стр.)) Сочи. 25/XI – 26.

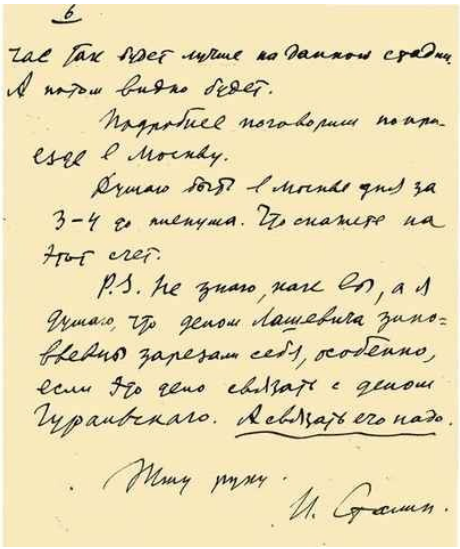
Молотову, Рыкову, Бухарину и другим друзьям. 23

Я долго думал над вопросом о „деле Лашевича", колебался, связывал его с вопросом об оппозиционных группах вообще, несколько раз приходил к различным мнениям и, наконец, утвердился в следующем.

1) До появления группы Зиновьева оппозиционные течения (Тр., Раб. оппоз. и др.) вели себя более или менее лояльно, более или менее терпимо;

2) С появлением группы Зинов. оппозиц. течения стали нагнеть, ломать рамки лояльности;

3) Группа Зиновьева стала вдохновителем всего раскольничьего в



6

час так будет лучше на данном сходе. А потом видно будет.

Подробнее поговорим по прямому в Москву.

Думаю быть в Москве дня за 3–4 до пленума. Что скажете на этот счет.

P.S. Не знаю, как вы, а я думаю, что делом Лашевича зиновьевцы зарезали себя, особенно, если это дело связать с делом Гуральского. Связать его надо.

Жму руку.

И. Сталин.

Письмо И.В. Сталина В.М. Молотову, А.И. Рыкову, Н.И. Бухарину о «деле Лашевича», оппозиционной группе Зиновьева и подготовке удара по группе на предстоящем пленуме

25 июня 1926

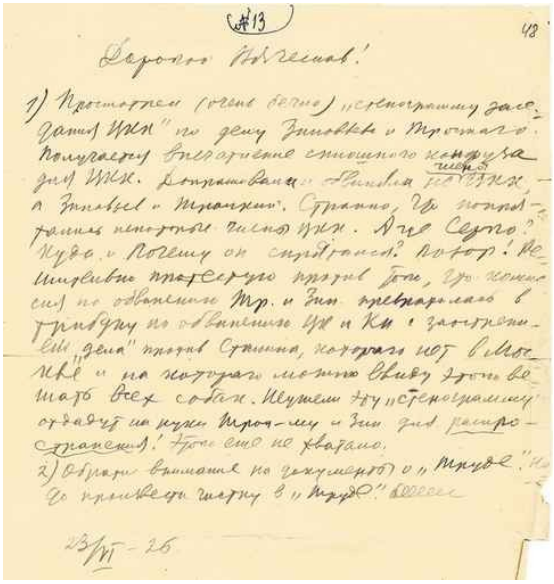
Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 23–25 об.]

На лето 1926 г. придется очередной всплеск внутрипартийной борьбы, связанный с так называемым делом Лашевича. Первый заместитель председателя Реввоенсовета кандидат в члены ЦК М.М. Лашевич выступил с критическим докладом о политике сталинского большинства Политбюро на «сходке», на которую в ближнем Подмосковье собралось более 70 оппозиционеров. В письме к своим сторонникам в Политбюро в июне 1926 г. Сталин представил свою интерпретацию «дела Лашевича», определив «группу Зиновьева» как «наиболее вредную», по которой следует нанести удар на ближайшем пленуме ЦК. Сталин хотел представить позицию большинства Политбюро как борьбу за единство партии в соответствии с ленинскими установками X съезда РКП(б) «о единстве». При этом Сталин определил и наиболее целесообразную стратегию поведения в отношении различных групп оппозиционеров: «Лучше бить их по частям»[722], на самом деле уже опробованную им ранее осенью — зимой 1923-го. Сталинский план начнет реализовываться.

В июле 1926 г. на объединенном пленуме ЦК и ЦКК Троцкий выступит с заявлением от имени 13 оппозиционеров, которое выражало политическую платформу объединенного троцкистско-зиновьевского блока. Среди ее основных тезисов были уже известные читателю постулаты о невозможности построения социализма в отдельно взятой

стране и обвинение партийно-государственного аппарата в буржуазном перерождении. Подавляющим большинством голосов пленум осудил деятельность оппозиции, ее фракционность, которая «привела к игре с идеей двух партий»[723]. Была принята специальная резолюция «По делу тов. Лашевича и др. и о единстве партии», в которой констатировалось, что «все нити фракционных шагов оппозиции ведут к аппарату исполкома Коминтерна во главе с членом Политбюро Зиновьевым». Решением пленума Зиновьева вывели из состава Политбюро.



Письмо И.В. Сталина В.М. Молотову о заседании ЦКК по делу Г.Е. Зиновьева и Л.Д. Троцкого
23 июня 1927
Автограф И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 48]

Очередной объединенный пленум ЦК и ЦКК в октябре 1926 г. выведет Троцкого из состава Политбюро, а Каменева из кандидатов в члены. Под удар попадет и Н.К. Крупская. В письме Молотову в сентябре 1926 г. Сталин назовет ее «раскольницей» и поставит задачу: «Ее и надо бить как раскольницу, если хотим сохранить единство партии»[724].

Именно Сталин теперь будет подталкивать своих соратников занимать более решительную позицию в отношении оппозиционеров, в принудительном порядке обеспечивая лояльность своему курсу и себе лично. Об этом ясно свидетельствует его письмо Молотову, в котором он анализирует стенограмму заседания ЦКК «по делу Зиновьева и Троцкого»: «Странно, что попрятались некоторые члены ЦКК… Позор!

Решительно протестую против того, что комиссия по обвинению Тр[оцкого] и Зин[овьева] превратилась в трибуну по обвинению ЦК и КИ с заострением «дела» против Сталина…»[725]

XV партийная конференция примет развернутую резолюцию «Об оппозиционном блоке в ВКП(б)», причем троцкистско-зиновьевская оппозиция не получит ни одного голоса. Секретарская иерархия к этому моменту уже практически полностью состояла из функционеров, лояльных Сталину и его политической платформе.

Следующий всплеск борьбы внутри партии окажется вновь связан с внешнеполитическими затруднениями, вызванными разгромом китайской компартии в результате провалившейся политики союза компартии Китая с Гоминьданом, автором которой был Сталин. В конце мая 1927 г. Политбюро получит письмо-платформу, подписанную 83 оппозиционерами, в том числе Троцким и Зиновьевым. Критика сталинского большинства велась с ультрареволюционных позиций: провалы на мировой арене стали, по мнению подписантов, свидетельством неверности политики ЦК, а теория о возможности построения социализма в одной стране была объявлена мелкобуржуазной, ничего общего не имеющей с марксизмом-ленинизмом. Оппозиция заявит: «Неправильная политика ускоряет рост враждебных пролетарской диктатуре сил: кулака, нэпмана, бюрократа. Это ведет к невозможности использовать в должной мере и должным образом имеющиеся в стране материальные ресурсы для промышленности и всего государственного хозяйства… приводит к усилению капиталистических элементов в хозяйстве Советского Союза — особенно в деревне»[726]. Троцкий, продолжая свою линию, на заседании Президиума ЦКК в июне 1927 г. вновь обвинил руководство партии в перерождении.

Внутрипартийная борьба достигает своего апогея осенью 1927 г. 3 сентября оппозиционеры направили в ЦК заявление с требованием объявить общепартийную дискуссию за три месяца до открытия очередного XV съезда партии. Сталин отвергнет эти претензии, Политбюро запретит оппозиции распространение документов. Судя по всему, Сталин всерьез относился к возможности создания оппозицией «второй партии», и к раскрытию оппозиционных центров будет подключено ГПУ. Страхи Сталина были чрезмерны. Каменев, например, был уверен, что вне партии идеям оппозиции грозит «вырождение и гибель», и заявлял, что «надо всеми силами, всеми мерами бороться за торжество наших идей в партии… избегая того, что облегчает противнику исключение из партии оппозиции»[727]. И он, конечно, был прав, все эти большевистские планы преобразования России и всего мира на «социалистических» началах большинству населения Советского Союза были совершенно чужды.

«Волею зажимной всепартийный городовой Сталин и его ищейка «Ярославка»»
Карикатура. И.В. Сталин, Е.М. Ярославский
Автор неизвестен
1927
[РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 168. Л. 184]

Внутрипартийная полемика в этот период приобретает немыслимые ранее формы: во время выступления на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК в октябре 1927 г. Троцкого силой стаскивают с трибуны[728]. Тогда же Каменева выводят из состава ЦК.

В момент так называемой военной тревоги, пик которой пришелся на 1927 г., Сталин сочтет, что ситуация стала удобной для окончательного разгрома «объединенной оппозиции», тем более что предпринятая оппозиционерами атака требовала от него ответных действий. При этом активную роль сыграют его пока еще союзники, будущие «правые уклонисты». На XV съезде в декабре 1927 г. председатель Совнаркома СССР А.И. Рыков заявит, что левую оппозицию стоит отправить в тюрьму[729], а руководитель профсоюзов

М.П. Томский в ноябре 1927 г. скажет, что «в обстановке диктатуры пролетариата может быть и две, и четыре партии, но только при одном условии: одна партия будет у власти, а все остальные в тюрьме»[730]. Эти и подобные заявления, помимо прочего, вполне отражают мнение подавляющего большинства членов партии о существе политического устройства в стране победившего пролетариата и месте репрессивных практик в процессе управления.

7 ноября 1927 г. оппозиционеры попытались провести демонстрацию, «параллельную» официальному юбилейному празднованию десятилетия Октябрьской революции. Это и дало повод поставить вопрос об исключении Каменева и Троцкого из партии. 14 ноября соответствующее решение принял объединенный пленум ЦК и ЦКК. В начале декабря 1927 г. XV съезд завершил разгром левой оппозиции, исключив из партии еще 75 представителей оппозиции, включая Пятакова, Раковского, Радека, Смилгу и др. После этого начнутся и репрессии, пока еще «мягкие» — многие будут «всего лишь» отправлены в ссылку.

Этот момент ознаменовал переломный этап в развитии и партии, и страны. Сталин, вероятно, принял окончательное решение: более никаких фракций и оппозиций. Коллективное руководство, признаки которого еще будут некоторое время сохраняться в руководстве ЦК в силу необходимости формальных и неформальных согласований, станет осложнять ему реализацию собственного политического курса. И потому коллективное руководство будет последовательно трансформироваться Сталиным в режим единоличной власти. Итоги 1927 г. сторонники Сталина подвели в декабре на пленуме ЦК, избранного XV съездом ВКП(б). На нем Сталин вновь счел необходимым заручиться доверием, для чего в очередной раз предпринял демонстративный демарш, подав заявление об отставке и срежиссировав единодушное его отклонение[731]. Полученный таким образом вотум доверия он полностью использует, взяв курс на так называемую революцию сверху.

Выступление И.В. Сталина на XV съезде партии
3 декабря 1927
[РГАСПИ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 58. Л. 16]

Левую троцкистско-зиновьевскую оппозицию и ее безусловного лидера Троцкого «добьют» в 1928-м. Высланный в Алма-Ату, он продолжит оппозиционную активность, разошлет более 800 писем, обвиняя ЦК и партаппарат в целом в бюрократическом перерождении, отходе от ленинизма и т. д. 26 ноября Политбюро заслушает вопрос «О контрреволюционной деятельности Тр.» и предложит ОГПУ «провести в жизнь решение ЦК»[732], которое заключалось в предъявлении Троцкому ультиматума. ОГПУ предписывалось от лица коллегии «предложить… в категорической форме прекратить… контрреволюционную деятельность и отказаться от руководства так называемой оппозицией». Троцкий капитулировать откажется. 7 января 1929 г. Политбюро заслушает еще один вопрос «О Тр.» и решит: «…выслать заграницу за антисоветскую работу»[733]. Тогда же ОГПУ проведет аресты 150 троцкистов. Зиновьев и Каменев изберут иной путь — путь капитуляции. В 1928 г. они выступят с признанием ошибок и в июне 1928-го будут восстановлены в партии, но высот в «секретарской иерархии» уже не достигнут. Капитулирует и большинство «рядовых» оппозиционеров. Вне зависимости от принятых ими личных решений практически всех лидеров и членов оппозиции постигнет одинаково трагическая судьба.

...лежит возврату в течение 24 часов (Пост. ПБ ЦК от 5.V.27., пр. № 100, п. 5).

...пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СТРОГО СЕКРЕТНО.
(из о. п.)

...ссоюзная Коммунистическая Партия (Большевиков). ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ.

№ П59/17-рс.

7.1. 1929 г.

т. Менжинскому

Выписка из протокола № 59 заседания Политбюро ЦК от 7.1. 1929 г.

СЛУШАЛИ.	ПОСТАНОВИЛИ.
29. О Тр.	29. Выслать заграницу за антисоветскую работу.

...ь ЦК И. Сталин

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о высылке Л.Д. Троцкого из СССР за антисоветскую деятельность
7 января 1929
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 289. Л. 8]

Лев Давидович Троцкий
1924
[РГАСПИ. Ф. 492. Оп. 2. Д. 101. Л. 1]

«Угроза войны остается в силе...» Международные отношения и военные тревоги

Одной из доминант политического сознания советской элиты с момента возникновения Советского государства становится феномен враждебного капиталистического окружения СССР и неизбежность военного столкновения с ним. В основу внешней политики советское руководство положит принцип использования противоречий между капиталистическими странами. Об этом не раз будут говорить все большевистские вожди, начиная с Ленина. Неоднократно выскажется на эту тему и Сталин. «Использовать все и всякие противоречия и конфликты между окружающими нашу страну капиталистическими группами и правительствами», — заявит он, например, в августе 1921 г. [734]

Выход из Гражданской войны и военной интервенции окажется сопряжен с поиском места СССР на международной арене, попытками его интеграции в систему международных отношений. Как рассказано выше, Советской Россией были подписаны мирные договоры с Финляндией, Польшей, Эстонией, Латвией, Литвой, а также с Турцией, Ираном, Афганистаном. Международное признание становится одним из приоритетных направлений политики советского руководства, пройдя через целый ряд конфликтных ситуаций. Основной задачей при этом оказывается торгово-экономическое сотрудничество, в котором Союз ССР крайне нуждался для восстановления разрушенного Гражданской войной народного хозяйства.

Главенствующее положение в континентальной Европе в этот период заняла Франция, связавшая себя серией договоров с целым рядом европейских стран, в том числе с Румынией и Польшей, являвшимися наиболее сильными в военном отношении государствами на западной границе СССР. Центральной проблемой версальского миропорядка станет положение Германии, поверженной в Первой мировой войне. Версальский мирный договор, подписанный без участия Советской России, налагал на Германию огромные репарационные платежи, ограничения на ее вооруженные силы.

Еще в ходе польско-советской войны советское руководство вплотную подойдет к осуществлению практических мер на германском направлении. Уже в конце сентября 1920 г. в Берлине состоятся секретные переговоры советской делегации в составе Л.Б. Красина, Л.М. Карахана, К.Б. Радека и др. с руководством рейхсвера, осенью того же года в Москву прибудет немецкая делегация с ответным визитом. Первоочередным интересом Москвы станут поставки современного вооружения[735].

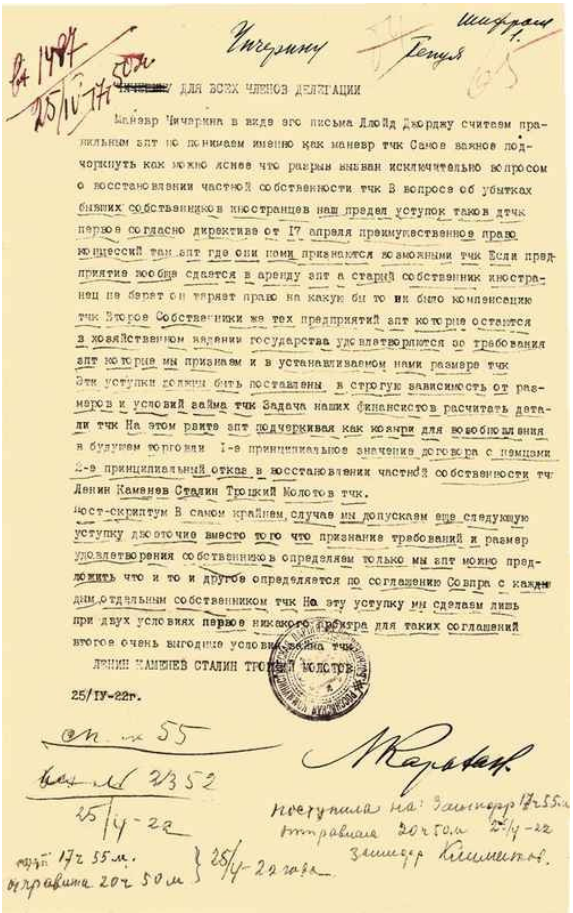
Уже очень скоро эти контакты приведут к реальным результатам. 25 января — 17 февраля 1922 г. в Берлине состоятся официальные советско-германские переговоры, которые будут засекречены. На них обсуждались вопросы установления дипломатических отношений и предоставления Советской России займа, военно-промышленного сотрудничества. Советское правительство не станет торопиться с

оформлением этих отношений, поскольку советской делегации предстояло принять участие в международной Генуэзской конференции. Именно там советское руководство рассчитывало совершить прорыв на дипломатическом фронте. Эти надежды, однако, не оправдались.

Генуэзская конференция, куда Советская Россия была приглашена решением совещания Верховного совета Лиги Наций, состоялась 10 апреля — 19 мая 1922 г. и была посвящена урегулированию финансово-экономических вопросов. Решение Политбюро «О Генуэзской делегации» было принято 12 января 1922 г. Курс Политбюро вырабатывался в ходе сложных дебатов. На отношение Ленина проливает свет его письмо наркому иностранных дел Чичерину в период подготовки к конференции, в котором он пишет: «Архисекретно. Нам выгодно, чтобы Геную сорвали… но не мы, конечно. Обдумайте это… и черкните мне… Надо придумать маневры половчее, чтобы Геную сорвали не мы». Чичерин, менее Ленина индоктринированный социалистической утопией, будет возражать ему: «…все хозяйственники говорят, что нам до зарезу, ультранастоятельно нужна помощь Запада, заем, концессии, экономическое соглашение. Я должен им верить. А если это так, нужно не расплеваться, а договориться… Вы несомненно ошибаетесь, если думаете, что получим заем без Генуи, если расплюемся с Англией… Если… Генуя отчетливо покажет два непримиримых мира, такой разрыв сделает невозможным всякое экономическое соглашение»[736]. Видимо, Ленину не понравилась перспектива противостоять на переговорах консолидированному Западу. Вероятно, не без влияния позиции Чичерина Политбюро все-таки решило попытаться выторговать на переговорах некоторые уступки, отказываясь обсуждать фундаментальные для Запада вопросы возврата экспроприированной собственности и долгов.

Будет решено, что делегация РСФСР представит интересы всех советских республик, образованных на территории бывшей Российской империи, правительства которых находились под фактическим контролем российского Совнаркома. Официальной целью конференции было заявлено изыскание мер «к экономии, восстановлению Центральной и Восточной Европы». В день открытия конференции советская делегация сформулировала предложение о всеобщем разоружении. Центральное место в работе конференции займет рассмотрение «русского вопроса». Советской делегации было предложено признать все долги прежних правительств, вернуть национализированные предприятия или возместить их стоимость, ликвидировать монополию внешней торговли. Советская делегация отвергнет эти требования и выдвинет контрпретензии о возмещении причиненных иностранной интервенцией и блокадой убытков, сумма которых демонстративно была завышена вдвое в сравнении с претензиями в адрес Советской России (39 млрд золотых рублей против

18,5 млрд). Глава советской делегации Чичерин обо всех перипетиях переговорного процесса будет сообщать в Москву, получая оттуда шифровки с указаниями. На долю Сталина выпадут организационные хлопоты. На одной из таких шифровок от 17 апреля, подписанной всеми членами Политбюро, в которой Москва укажет Чичерину на пределы возможных уступок, мы находим его пометы: «Решения ПБ: принятые в порядке экстренного опроса», «7-ми членам ПБ и кандидатам в чл[ены] к 6 ч[асам]. Тов. Молотову» и «В архив ПБ. Строго секретно. Сталин»[737].



Чичерину Генуя

Шифром

ДЛЯ ВСЕХ ЧЛЕНОВ ДЕЛЕГАЦИИ

Маневр Чичерина в виде его письма Ллойд Джорджу считаем правильным зпт но понимаем именно как маневр тчк Самое важное подчеркнуть как можно яснее что разрыв вызван исключительно вопросом о восстановлении частной собственности тчк В вопросе об убытках бывших собственников иностранцев наш предел уступок таков дтчк первое согласно директиве от 17 апреля преимущественное право концессий там зпт где они нами признаются возможными тчк Если предприятие вообще сдается в аренду зпт а старый собственник иностранец не берет он теряет право на какую бы то ни было компенсацию тчк Второе Собственники же тех предприятий зпт которые остаются в хозяйственном ведении государства удовлетворяются во требования зпт которые мы признаем и в устанавливаемом нами размере тчк Эти уступки должны быть поставлены в строгую зависимость от размеров и условий займа тчк Задача наших финансистов расчитать детали тчк На этом рвите зпт подчеркивая как козыри для возобновления в будущем торговли 1-е принципиальное значение договора с немцами 2-е принципиальный отказ в восстановлении частной собственности тчк Ленин Каменев Сталин Троцкий Молотов тчк.

Пост-скриптум В самом крайнем случае мы допускаем еще следующую уступку двоеточие вместо того что признание требований и размер удовлетворения собственников определяем только мы зпт можно предложить что и то и другое определяется по соглашению Совпра с каждым отдельным собственником тчк На эту уступку мы сделаем лишь при двух условиях первое никакого проигра для таких соглашений второе очень выгодные условия займа тчк.

ЛЕНИН КАМЕНЕВ СТАЛИН ТРОЦКИЙ МОЛОТОВ

25/IV-22г.

Телеграмма Политбюро ЦК РКП(б) Г.В. Чичерину для всех членов делегации РСФСР в Генуе о переговорах с Ллойд Джорджем

25 апреля 1922

Подпись — автограф Л.М. Карахана

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 23098. Л. 3]

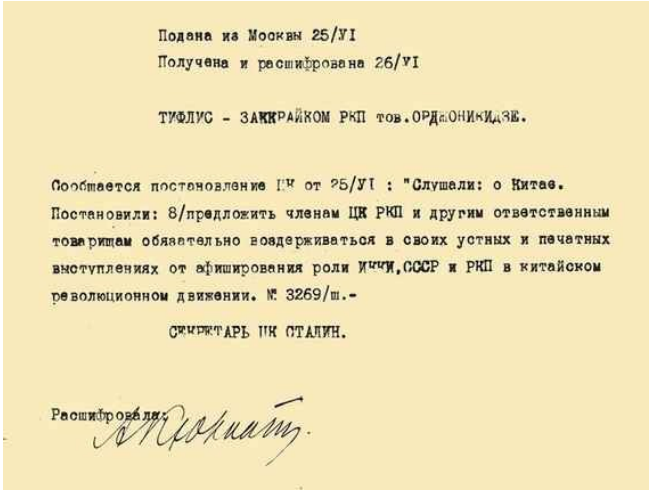
Спустя несколько дней (24 апреля) советская делегация, однако, заявила, что Советское правительство готово признать довоенные долги, а также преимущественное право за бывшими собственниками

получить в концессию или аренду ранее принадлежавшее им имущество при условии признания РСФСР де-юре, оказания ему финансовой помощи, аннулировании военных долгов и процентов по ним, но откажется удовлетворить претензии на возврат частной собственности. В обмен на заявленные уступки Москва предпишет Чичерину добиваться немедленного крупного займа размером «примерно миллиард долларов». Предоставим читателю самому вынести суждение о том, насколько реалистичным по тем временам было это требование. Добиться соглашения на этих условиях не удастся, и на следующий день Политбюро направит Чичерину шифровку, в которой порекомендует «подчеркнуть как можно яснее, что разрыв вызван исключительно вопросом о восстановлении частной собственности». Проект, написанный Л.Б. Каменевым, поправят Ленин и Сталин. Сталин, завершая «производственный цикл», зафиксирует: «За Ленин, Каменев, Сталин. За Троцкий с поправками» [738].

Подобный исход вряд ли можно назвать неожиданным. Так советская история миновала еще одну развилку исторического развития. Принятие компромиссных решений по фундаментальным для западного мира вопросам собственности и выплаты задолженности могло вернуть Союз ССР на международную арену в качестве «полноправного» партнера, а советский политический режим поставить на рельсы социал-демократического развития. Политический радикализм лидеров большевизма, однако, исключал из повестки дня возможность «реабилитации» института частной собственности и прав частных собственников.

Именно из-за провала советской дипломатии на Генуэзской конференции советское руководство сделало ставку на сотрудничество с Германией, и 16 апреля 1922 г. в итальянском городке Рапалло был подписан советско-германский договор, в соответствии с которым стороны отказались от финансовых претензий друг к другу. На деле это означало отказ Советской России от репараций с Германии по итогам Первой мировой войны, а Германия, в свою очередь, отказывалась от претензий на национализированную частную и государственную собственность. Причем последнее обязательство действовало при том условии, что Советское правительство брало на себя обязательство не удовлетворять аналогичных претензий других государств. Восстанавливались дипломатические и консульские отношения, устанавливались принципы наибольшего благоприятствования в экономических и торговых отношениях. Решения, зафиксированные в договоре, вступали в силу немедленно. Обнародование договора произвело эффект разорвавшейся бомбы. Ленин сочтет этот договор едва ли не образцовым. «Действительно равноправие двух систем собственности… дано лишь в Рапалльском договоре», — подчеркнет он[739]. Ленин будет всячески оберегать советско-германские отношения. 28 августа он напишет Сталину и

Каменеву письмо, в котором подчеркнет: «С Германией теперь надо быть «мудрым аки змий». Ни слова лишнего. Не дразнить зря ни Франции, ни Англии. Не грозить (как 27 авг[уста] передовая «Правды»). Десять и сто раз подумать сначала о каждом слове… и ни слова с призывом не исполнять Верс[альского] договора»[740]. То ли намеренно, то ли случайно Ленин в этом письме «заденет» Сталина, продемонстрирует своим адресатам его незначительное положение во внешнеполитических вопросах. «Время становится горячим, — заметит он. — Советую назначить примерно двойку (примерно Каменева и Троцкого) и без их общего согласия запретить в промежутки между Пол[итбюро] что-нибудь дипломатическое делать»[741]. 5 ноября стороны подпишут соглашение, которым действие Рапалльского договора распространялось на УССР, БССР и ЗСФСР.



Подана из Москвы 25/VI
Получена и расшифрована 26/VI

ТИФЛИС - ЗАККРАЙКОМ РКП тов.ОРДЖОНИКИДЗЕ.

Сообщается постановление ПБ от 25/VI : "Слушали: о Китае. Постановили: 8/предложить членам ЦК РКП и другим ответственным товарищам обязательно воздерживаться в своих устных и печатных выступлениях от афиширования роли ИККИ,СССР и РКП в китайском революционном движении. № 3269/ш.-

СЕКРЕТАРЬ ЦК СТАЛИН.

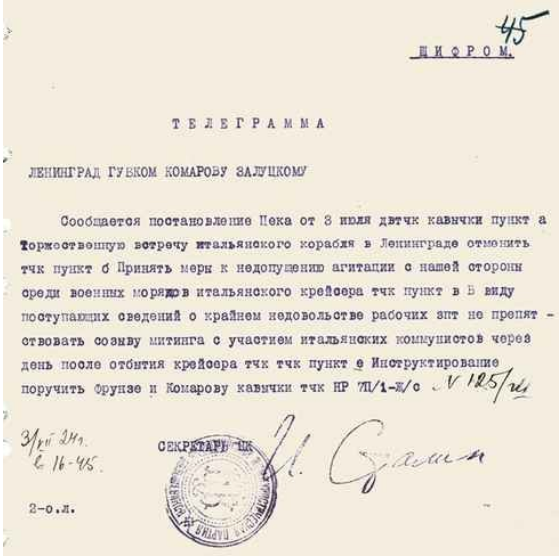
Расшифровала:

В феврале 1923 г. в Москве две недели проведет немецкая военная делегация. В ходе этого визита рассматривались вопросы финансовой и технологической поддержки восстановления военной промышленности Советской России со стороны Германии. Именно в ходе этого визита станут обсуждаться вопросы об открытии немецкой авиашколы под Липецком и танковой под Казанью. Обе школы будут по прошествии некоторого времени открыты — авиашкола в 1925 г., танковая — в 1928-м. В последующие годы начнутся закупки военного оборудования, технологий для советских военных предприятий. Сотрудничество будет формализовано подписанием открытых политических и экономических соглашений, а также секретных соглашений о военном сотрудничестве РККА и рейхсвера[742].

Шифротелеграмма И.В. Сталина Г.К. Орджоникидзе с сообщением постановления Политбюро о запрете афишировать роль Исполкома Коминтерна, СССР и РКП(б) в китайском революционном движении

25 июня 1927

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 57. Л. 1]



45

ШИФРОМ.

ТЕЛЕГРАММА

ЛЕНИНГРАД ГУБКОМ КОМАРОВУ ЗАЛУЦКОМУ

Сообщается постановление Цека от 3 июля двтчк кавычки пункт а Торжественную встречу итальянского корабля в Ленинграде отменить тчк пункт б Принять меры к недопущению агитации с нашей стороны среди военных моряков итальянского крейсера тчк пункт в В виду поступающих сведений о крайнем недовольстве рабочих зпт не препятствовать созыву митинга с участием итальянских коммунистов через день после отбытия крейсера тчк тчк пункт е Инструктирование поручить Фрунзе и Комарову кавычки тчк НР 7П/1-Ж/с № 125/26

3/VII 24 г. в 16-45.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

2-о.л.

Шифротелеграмма И.В. Сталина секретарю Ленинградского губернского исполкома Н.П. Комарову и секретарю Ленинградского губкома П.А. Залуцкому с сообщением постановления ЦК РКП(б) о запрете торжественной встречи итальянского крейсера и разрешении митинга с участием итальянских коммунистов

3 июля 1924

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 12. Л. 45]

Большевистское руководство, конечно, весьма своеобразно понимало партнерские отношения. В то же самое время, когда шла реализация договоренностей, достигнутых в Рапалло, Политбюро через Коминтерн вело подрывную работу в Германии, подготавливая базу для революционного мятежа. Попытка взорвать Германию изнутри будет предпринята в октябре 1923 г., когда в Гамбурге состоится вооруженное восстание под руководством Эрнста Тельмана. Многочисленные документы свидетельствуют о прямом участии Москвы в этих событиях [743].

Спустя несколько лет Сталин в своей речи на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 5 августа 1927 г. прямо заявит: «Я, как и другие члены комиссии Коминтерна, стоял решительно и определенно за немедленное взятие власти коммунистами. Известно, что созданная

тогда германская комиссия Коминтерна в составе Зиновьева, Бухарина, Сталина, Троцкого, Радека и ряда немецких товарищей имела ряд конкретных решений о прямой помощи германским товарищам в деле захвата власти»[744]. Главным энтузиастом германской революции был, однако, не Сталин, а Троцкий, Зиновьев и Радек. Провал германской авантюры укрепит Сталина в мысли о правильности его курса на построение социализма в одной отдельно взятой стране, который он станет проводить все активнее. Целый ряд заседаний Политбюро в ноябре-декабре 1923-го будет посвящен анализу «уроков германских событий». Вскоре окажется, что романтиков мировой революции в переизбытке не только среди большевистского политического, но и военного руководства, о чем мы расскажем немного ниже.

А пока начнется активное развитие советско-германского взаимодействия, причем разворачиваться оно станет в контексте активного включения Германии в мировую политику. В августе 1924 г. начнет осуществляться американский «план Дауэса», предусматривавший восстановление экономики Германии за счет американских и английских займов, в октябре 1925 г. *западные* границы (в отличие от восточных) Германии будут гарантированы Рейнским гарантийным пактом, подписанным в Локарно, в сентябре 1927 г. Германию примут в состав Лиги Наций, и она даже получит место в ее Совете. 24 апреля 1926 г. в Берлине будет подписан советско-германский договор «О дружбе и нейтралитете». Им будет задан вектор взаимоотношениям сторон вплоть до момента крушения Веймарской Республики и утверждения у власти в Германии национал-социалистов.

Одним из весомых достижений, направленных на прорыв дипломатической блокады, в которой находилась Советская Россия, станет установление дипломатических отношений между СССР и Италией, подписание торгового договора. Вслед за этим в июле 1924 г. будет организован визит в Ленинград итальянского военного корабля «Карло Мирабелло». В Ленинградский губком Сталин направит шифровку, регламентирующую основные параметры встречи[745].

* * *

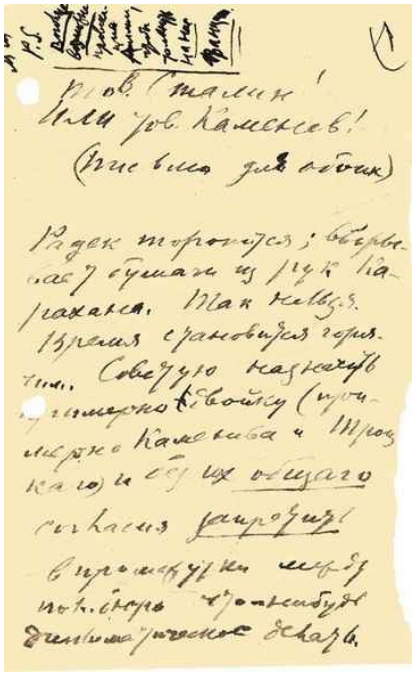
В мае 1924 г. были установлены дипломатические отношения между СССР и пекинским правительством Китая. Как и во многих других случаях, установление официальных дипломатических отношений не останавливало советское руководство перед вмешательством во внутренние дела страны. В Китае долгое время ставка будет делаться на развитие национального движения и на основателя националистической партии Гоминьдан Сунь Ятсена, который в апреле 1921 г. станет президентом Китайской Республики,

созданной в южных провинциях Китая с центром в г. Кантоне (Гуаньчжоу). Власть пекинского правительства распространялась на северные территории Китая. Именно этому правительству удастся в конечном итоге заручиться поддержкой западных держав. «Кантонскому» правительству, которое возглавлял Сунь Ятсен, со стороны СССР оказывалась широкая финансовая помощь, направлялись политические и военные советники[746], в его адрес осуществлялись поставки нефтепродуктов, велась подготовка военных кадров. На протяжении нескольких лет именно в адрес Гоминьдана и будет направляться основной поток военно-технической помощи из СССР. В течение ряда лет компартия Китая и Гоминьдан тесно сотрудничали, а китайским коммунистам было разрешено вступать в ряды Гоминьдана. Будущие лидеры Китайской Народной Республики Чжоу Эньлай и Мао Цзэдун в этот период занимали не последние места в иерархии деятелей Гоминьдана. Курс на сотрудничество с Гоминьданом Сталин будет стремиться сочетать с продвижением компартии Китая на ключевые позиции в китайском «революционно-освободительном» движении. Летом 1923 г. Сунь Ятсен направил в Москву делегацию во главе с начальником штаба своей армии Чан Кайши. Не раз в ходе этого визита прозвучат из уст Чан Кайши заверения в том, что «Гоминьдан всегда считал компартию СССР своей родной сестрой», что «в скором времени освобожденный Китай станет членом Советских Социалистических Республик России и Германии», усилиями которых «мы смогли бы свергнуть капиталистическую систему во всем мире»[747]. В конце ноября делегацию примет в том числе Троцкий. Как ни странно это прозвучит, но «все указания тов. Троцкого сводились к тому, чтобы Сунь Ятсен и Гоминьдан как можно скорее отказались от военных авантюр, направив все свое внимание на политическую работу…»[748] Уже в январе 1924 г. Политбюро рассмотрит вопрос о финансовой поддержке движения Сунь Ятсена. В марте последуют решения о выделении следующего финансового транша, винтовок и артиллерийских орудий[749].

Мао Цзэдун
1937
[Из открытых источников]

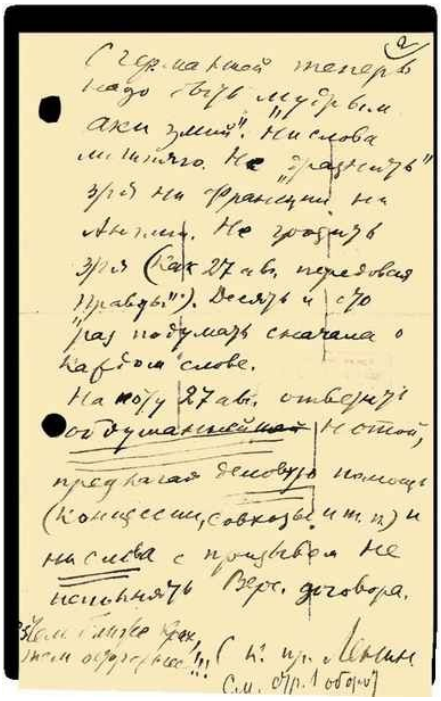
В ряде случаев Сталин будет настаивать на персонализации принимавшихся решений с тем, чтобы сделать его авторство известным узкому кругу китайских «товарищей». Так, 28 июня 1927 г. Политбюро, заслушав вопрос «О Китае», примет одним из пунктов решение «послать от имени Сталина, согласно его просьбе, телеграмму о посылке денег» [750].

Чжоу Эньлай
1941
[Из открытых источников]



Тов. Сталин!
Или тов. Каменев!
(Письмо для обоих)

Радек торопится; вырывает бумаги из рук Карахана. Так нельзя. Время становится горячим. Советую назначить примерно двойку (примерно Каменева и Троцкого) и без их общего согласия запретить в промежутки между пол. бюро что-нибудь дипломатическое делать.



С Германией теперь надо быть „мудрым аки змий". Ни слова лишнего. Не „дразнить" зря ни Франции, ни Англии. Не грозить зря (как 27 авг. передовая „Правды"). Десять и сто раз подумать сначала о каждом слове.
На ноту 27 авг. ответить обдуманнейшей нотой, предлагая деловую помощь (концессии, совхозы и т. п.) и ни слова с призывом не исполнять Верс. договора.
Чем ближе крах, тем осторожнее!!! С к. пр. Ленин
См. стр. 1 оборот

Письмо В.И. Ленина И.В. Сталину и Л.Б. Каменеву о дипломатических переговорах и положении в Германии

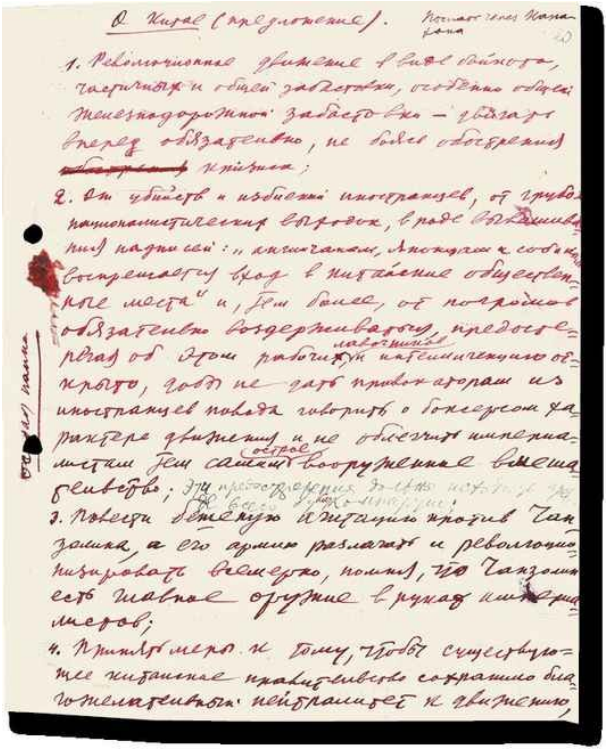
30 августа 1922

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26000. Л. 1]

Суммы на поддержку китайской революции затрачивались значительные. Так, например, Китайская комиссия Политбюро в составе Фрунзе, Чичерина и других 5 июня 1925 г. определила расходы по оказанию помощи восставшим 30 мая 1925 г. в Шанхае в размере 4 179 849 рублей и 281 226 долларов США на период до 1 октября, не считая затрат на формирование «интернационального отряда на территории Монголии»[751]. В апреле 1927 г. Политбюро решит «отпустить теперь же 3 милл. долларов»[752].

При этом конфиденциальность поддержки станет одним из важнейших элементов организационной стороны дела. Это хорошо иллюстрируется шифровкой, которую Сталин направит Орджоникидзе в Заккрайком РКП(б), в которой сообщит о постановлении ЦК по вопросу «О Китае»: «Предложить членам ЦК РКП и другим ответственным товарищам обязательно воздерживаться в своих устных и печатных выступлениях от афиширования роли ИККИ, СССР и РКП в китайском революционном движении»[753].

После смерти Сунь Ятсена в начале 1925 г. будут организованы митинги в Москве и Ленинграде. Используя Коминтерн, ЦК РКП(б) постарался организовать аналогичные мероприятия «по всей Европе»[754]. Решением Политбюро в мае 1925 г. в Москве был создан Университет трудящихся Китая имени Сунь Ятсена. Сталин придавал первостепенное значение революционным процессам в Китае, прямо участвуя в разработке программных документов для китайских коммунистов и даже тезисов для советских пропагандистов по китайскому вопросу. Впервые протоколы заседаний Политбюро зафиксируют его в качестве докладчика по китайскому вопросу 25 июня 1925 г. По докладу Сталина будет решено «революционное движение... двигать вперед обязательно, не боясь обострения кризиса», но «от убийств и избиений иностранцев, от грубонационалистических выходок... от погромов обязательно воздерживаться». В отношении пекинского правительства ставилась задача обеспечить его «благожелательный нейтралитет к движению или, если это не удастся, — расколоть и парализовать правительство», а если и эти меры не увенчаются успехом — «вести дело на разгон нынешнего правительства и составление нового с привлечением гоминьдановцев...»[755]



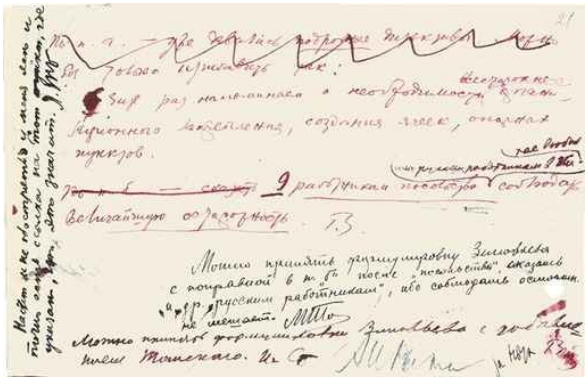
О Китае (предложение). Постановление Нарахана

1. Революционное движение в виде бойкота, частичных и общей забастовки, особенно общей железнодорожной забастовки — двигать вперед обязательно, не боясь обострения ~~обострения~~ кризиса;

2. От убийств и избиений иностранцев, от грубо-националистических выходок, в роде вывешивания надписей: „англичанам, японцам и собакам воспрещается вход в китайские общественные места" и, тем более, от погромов обязательно воздерживаться, предостерегая об этом рабочих, лавочников и интеллигенцию открыто, чтобы не дать провокаторам из иностранцев повода говорить о боксерском характере движения и не облегчить империалистам тем самым острое вооружение вмешательство; эти предостережения должны находить [illegible] всего [illegible];

3. Повести бешеную агитацию против Чанзолина, а его армию разлагать и революционизировать всемерно, помня, что Чанзолин есть главное оружие в руках империалистов;

4. Принять меры к тому, чтобы существующее китайское правительство сохранило благожелательный нейтралитет к движению,



Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о поддержке революционного движения в Китае

25 июня 1925

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 88. Л. 20–21]

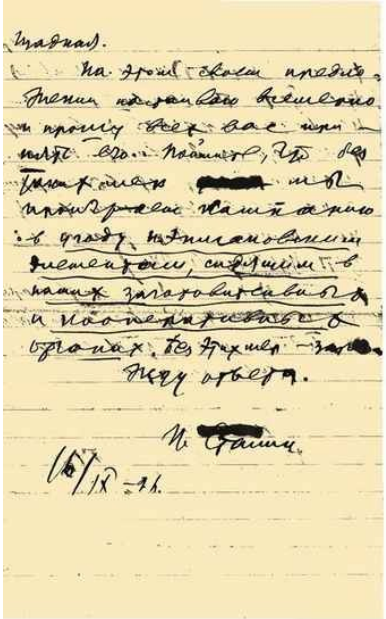
С этого момента Сталин стал куратором китайского направления и взял курс на укрепление «внутренних сил китайского национально-освободительного движения», укрепление блока компартии и Гоминьдана, удержание китайских революционеров от «неподготовленных выступлений». Весной 1926 г. кантонское

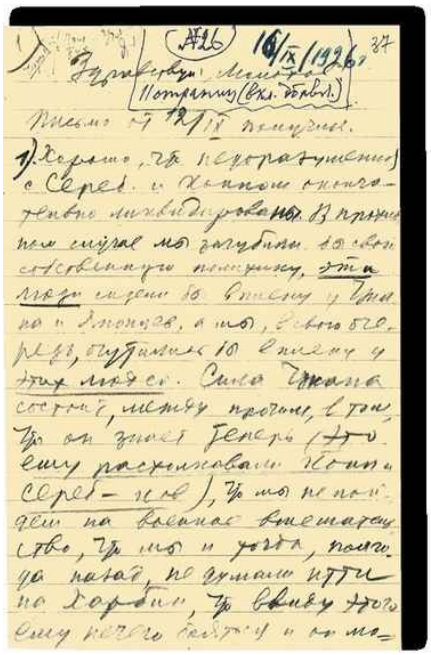
правительство приступит к планированию военных операций в направлении северных территорий. По предложению Сталина Политбюро направит своему представителю Л.М. Карахану жесткое указание провести «беспрекословно» директиву «о нежелательности военных экспедиций кантонскими силами вне Кантона и сосредоточении сил… на внутреннем укреплении власти и в частности армии…»[756] Провести эту директиву в жизнь не удастся. Чан Кайши, возглавивший Гоминьдан после смерти Сунь Ятсена, начнет поход на север, развивавшийся достаточно успешно.

В 1926 г. начнутся провокации на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД), являвшейся совместным советско-китайским предприятием на той территории, которая «контролировалась» пекинским правительством. В этот момент советское руководство будет настроено на использование дипломатических средств разрешения назревавшего конфликта. В письме Молотову в сентябре 1926 г. Сталин признается, «что мы только пугаем… но воевать из-за КВЖД не станем» [757].

«Розовый» период в отношениях советского руководства и лидеров Гоминьдана после смерти Сунь Ятсена продлится недолго. 12 апреля 1927 г. Чан Кайши совершит военный переворот, в г. Нанкине образует правительство из представителей правого крыла Гоминьдана. Несколькими днями раньше — 6 апреля — на территории Северного Китая состоится налет на советское полпредство в Пекине.

За две недели до событий Бухарин на заседании Президиума ИККИ выразит беспокойство, обратив внимание, что внутри единого национально-освободительного фронта начинается борьба, стал заметен курс Гоминьдана вправо, а главнокомандующий армией Чан Кайши сосредоточил вокруг себя правые силы. Сталин, напротив, по-прежнему, был уверен, что китайская революция под руководством Гоминьдана вот-вот совершит новый виток и «Ханькоу станет скоро китайской Москвой»[758], и продолжал выступать успокоительно. 10 марта на Политбюро он настаивал на тесном сотрудничестве Гоминьдана и компартии Китая[759]. Выступая 5 апреля 1927 г. на московском партактиве, он сообщил: «У нас была из Шанхая телеграмма о восстании. Мы сказали — молчите. Мы им запретили и хорошо сделали. Мы сохранили резерв революции, ибо при выступлении 2000 вооруженных рабочих империализм их разгромил бы… Чан Кайши головой выше Церетели, Керенского, ибо силой обстоятельств он ведет войну с империалистами… Каналов воздействия на Гоминьдан достаточно»[760]. «Каналов воздействия», однако, окажется как раз недостаточно, и события начнут развиваться не по сталинскому сценарию. В июле 1927 г. Чан Кайши заявил о разрыве с компартией Китая, левые и коммунисты станут подвергаться гонениям и арестам.





Письмо И.В. Сталина В.М. Молотову о КВЖД, ссоре с Г.К. Орджоникидзе, раскольнической позиции Н.К. Крупской и борьбе с ней, аресте нарушителей политики цен по заготовкам и сбыту

16 сентября 1926

Автограф И.В. Сталина

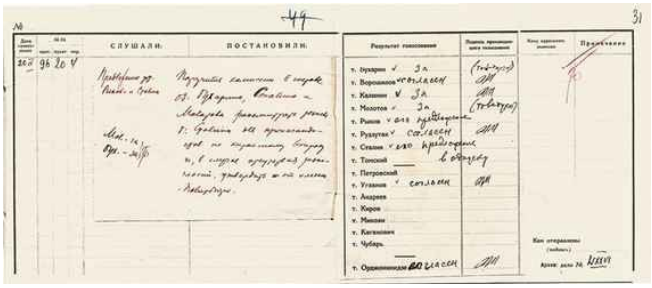
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 37–42 об.]

События в Китае будут интерпретированы внутрипартийной оппозицией (Троцкий, Зиновьев, Радек) как поражение курса Сталина, его обвинят в потере бдительности по отношению к Чан Кайши. Троцкий и Зиновьв выступят в партийной печати со статьями по китайскому вопросу, Зиновьев, кроме того, вынесет на Политбюро и свои тезисы. Политбюро на заседании 7 мая 1927 г. одобрит «предложенный тов. Сталиным проект ответа Политбюро на тезисы т. Зиновьева по китайскому вопросу»[761]. Затем Сталин подготовит еще и тезисы для пропагандистов. Опросом по телефону Политбюро поручит комиссии в составе самого Сталина и близких к нему Бухарина и Молотова эти тезисы рассмотреть «и, в случае отсутствия разногласий, утвердить от имени Политбюро»[762].

Чан Кайши
1920-е
[Из открытых источников]

21 апреля тезисы будут опубликованы в «Правде». Квалифицировав «переворот Чан Кайши как отход национальной буржуазии от революции», «сделку правых гоминьдановцев с империализмом», Сталин в тот момент отвергнет призыв к коммунистам уйти из Гоминьдана, поставив задачу «решительного изгнания правых из Гоминьдана». Сталин будет подчеркивать, что «после переворота Чан Кайши создались на деле два Гоминьдана, Гоминьдан революционный и Гоминьдан контрреволюционный, Гоминьдан в Ухане и Гоминьдан в Нанкине». Основной ошибкой оппозиции Сталин назовет непонимание буржуазно-демократического характера революции в Китае. Согласиться с требованием оппозиции приступить к немедленному

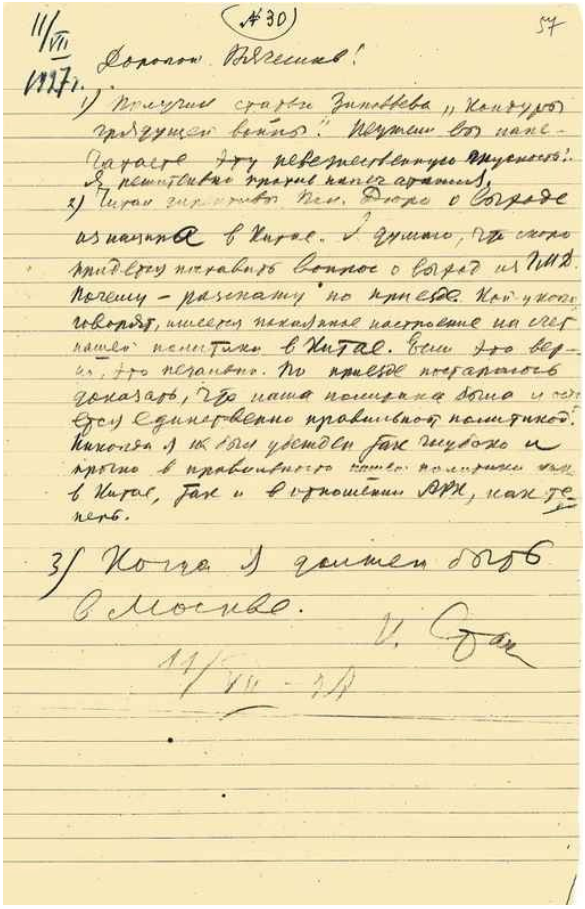
созданию Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов в Китае по большевистскому образцу 1917 г. означало, по мнению Сталина, «дать врагам китайского народа новое оружие… для создания новых легенд о том, что в Китае происходит не национальная революция, а искусственное пересаживание «московской советизации»». «Лозунг Советов», по его мнению, означал «перепрыгивание через стадию буржуазно-демократической революции непосредственно к организации власти пролетариата»[763]. Споры по «китайскому вопросу» он использует и для того, чтобы предъявить убийственные претензии в адрес своих оппонентов. ««Тезисы» т. Зиновьева, — заявит Сталин, — являются еще одним доказательством того, что оппозиция рвет с марксизмом, ленинизмом»[764].



Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о создании комиссии для рассмотрения тезисов И.В. Сталина для пропагандистов по китайскому вопросу

20 апреля 1927

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 633. Л. 31]



Письмо И.В. Сталина В.М. Молотову о статье Г.Е. Зиновьева «Контуры грядущей войны» и политике в отношении Китая
11 июля 1927
Автограф И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 57]

Уверенность в правильности своего курса Сталин будет демонстрировать не только публично, но и в личной переписке с ближайшим окружением. В июле 1927 г. он напишет Молотову: «Кой у кого, говорят, имеется покаянное настроение на счет нашей политики в Китае. Если это верно, это печально. По приезде постараюсь доказать, что наша политика была и остается единственно правильной политикой»[765].

Новая ситуация поставит новые задачи. В июле 1927 г. в еще одном письме тому же адресату Сталин даст установку по партийной линии: «Пора заняться теперь по-настоящему организацией системы партсоветников при ЦК ККП, при отделах ЦК, при областных организациях в каждой провинции… при комсомоле, при крестотделе ЦК, при военотделе ЦК, при ЦО, при федерации профсоюзов Китая»[766].

При этом советское руководство, естественно, продолжит линию на засекречивание масштабов и форм своего участия в китайских делах[767].

В июле 1928-го на VI конгрессе Коминтерна делегация ВКП(б) в ИККИ в соответствии с проектом резолюции по китайскому вопросу, подготовленному Бухариным и Сталиным несколькими месяцами ранее — в феврале 1928 г., подтвердит решение считать текущий период периодом буржуазно-демократической революции и укажет на переход борьбы в Китае в стадию революции аграрной. При этом Сталин перспективные задачи на китайском направлении увидит вполне в духе большевистского опыта: «Освобождение Китая не может быть достигнуто без победы диктатуры пролетариата и крестьянства, без конфискации земель, без национализации иностранных предприятий, банков, транспорта и т. д.»[768].

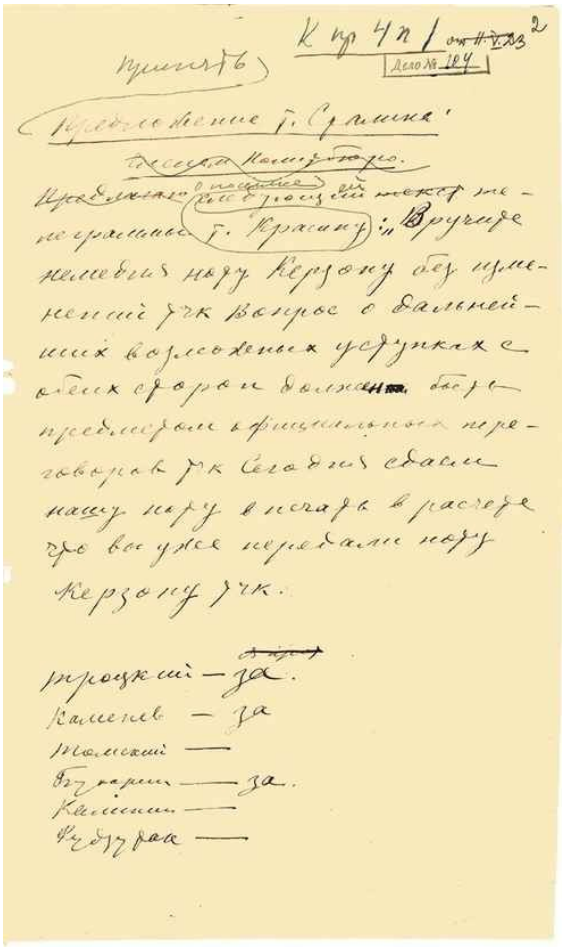
В октябре 1928 г. Чан Кайши станет председателем Национального правительства Китайской республики, а к началу 1929 г. ему удастся объединить под своим началом всю страну. Отношения с Китаем, сложная динамика отношений с Гоминьданом и его лидером, поддержка китайских коммунистов надолго станут для Сталина одним из центров его постоянного внимания. При этом ВКП(б) и ИККИ не откажутся от поиска новых путей развития революционного процесса в Китае.

* * *

Постоянным источником бифуркаций являлись отношения с Великобританией, торговый договор с которой был подписан в ряду первых — еще в 1921 г. 8 мая 1923 г. министр иностранных дел Великобритании лорд Дж. Керзон направит советскому руководству известную ноту своего правительства с обвинениями в проведении антибританской политики на Востоке и требованиями прекращения антибританской подрывной деятельности в Иране и Афганистане, освобождения британских рыболовных траулеров, задержанных в советских территориальных водах, с протестом против религиозных преследований в СССР и др.

Претензии британской стороны трудно назвать безосновательными. В двадцатые годы советская политика станет все активнее устремляться на Восток с целью дестабилизации мировой колонильной системы. В декабре 1923 г. Сталин получит от наркома иностранных дел Г.В. Чичерина письмо, в котором тот сформулирует свое видение задач «в настоящий момент, когда с каждым днем обостряется кризис между Англией и афганским эмиром». Основную задачу Чичерин увидит в борьбе «против английского наступления» в этом в высшей степени важном пункте земного шара»[769]. Через несколько дней он направит Сталину пояснительную записку, в которой назовет

Афганистан одним из мировых стратегических узлов, который «будет иметь величайшее значение в период будущих мировых столкновений»[770]. В соответствии с рекомендациями Чичерина, Политбюро 27 декабря предпишет «ни в коем случае не вести политики, могущей обострить положение и привести к военному столкновению в расчете на нашу помощь» и «в интересах мира предложить наше посредничество между афганцами и англичанами». Протокол подпишет Сталин[771]. Всего несколько месяцев спустя оценка ситуации изменится, и Политбюро за подписью Сталина оформит новое решение — принять предложение Чичерина «отпустить Афганистану 5000 винтовок, патронов, 50–100 пулеметов с патронами, 3 радиостанции; …ускорить передачу аэропланов… вместе с летчиками…»[772] В сентябре 1925 г. Политбюро утвердит протокол заседания комиссии по вопросам Афганистана, в котором речь уже пойдет о перевооружении афганской армии, организации Афганского государственного банка с инвестированием до 3 млн рублей, создании и финансировании смешанного афгано-советского транспортно-экспортного общества[773]. Подобная широкая программа «мирного вторжения» в дела Афганистана в связи с обострением внутриполитической обстановки в этой стране достаточно логично приведет советское политическое руководство к решению о начале первой после завершения Гражданской войны войсковой операции за пределами СССР, проведенной частями РККА. Сначала 20 декабря 1928 г. по докладу комиссии во главе со Сталиным Политбюро примет обширное постановление о мерах политической, дипломатической и военной поддержки «дружественного» политического режима[774]. Несколько раз в начале 1929 г. Политбюро будет указывать «на необходимость соблюдения строгого нейтралитета»[775]. Наконец, 20 марта 1929 г., пытаясь восстановить власть низвергнутого «падишаха» Афганистана Аманулы, Политбюро решит «1. Предложение [наркома обороны] Ворошилова принять. 2. Отряд на Мазари-Шариф должен фигурировать как афганский отряд такого-то хана»[776]. «Ограниченный контингент» Красной армии совершил рейд по территории этой страны, но попытка вернуть на престол «понятного» советскому руководству монарха закончилась провалом.



К пр 4 п / от 11.V.23 2

Дело № 104

Принять

Предложение т. Сталина

Членам Политбюро.

Предлагаю в последующей текст телеграммы т. Красину: „Вручите немедля ноту Керзону без изменений т.к. вопрос о дальнейших возможных уступках с обеих сторон должен быть предметом официальных переговоров т.к. сегодня сдаем нашу ноту в печать в расчете что вы уже передали ноту Керзону т.к.

Троцкий — за.
Каменев — за
Томский —
Бухарин — за.
Калинин —
Фудзутак —

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о передаче Л.Б. Красиным ноты Керзону

11 мая 1923

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 335. Л. 2]

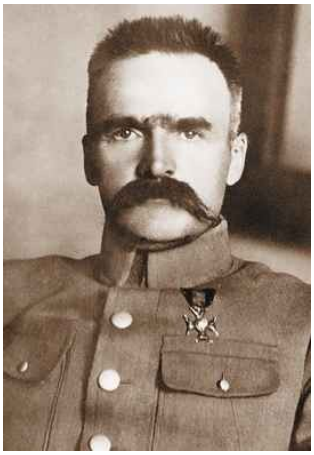
Леонид Борисович Красин

1920-е
[РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 54. Д. 28. Л. 24]

Но вернемся к советско-британским отношениям. Урегулирование возникшего в 1923 г. конфликта осложнится убийством 10 мая в Лозанне (Швейцария) советского дипломата В.В. Воровского. Политбюро примет решение о необходимости переговоров, и Сталин направит Л.Б. Красину телеграмму соответствующего содержания: «Вопрос о дальнейших возможных уступках с обеих сторон должен быть предметом официальных переговоров»[777].

Переговоры будут проведены в июне того же года на специально созванной конференции, по итогам которых обе стороны заявят, что считают конфликт исчерпанным. В январе по итогам выборов к власти в Великобритании придут лейбористы, и уже в феврале 1924 г. британский кабинет заявит о признании СССР де-юре на тех территориях бывшей Российской империи, которые признают власть Советского правительства. В августе будут даже подписаны два договора — общий и торговый. Однако осенью 1924 г. лейбористы проиграют досрочные выборы и новый — консервативный — кабинет дезавуирует достигнутые договоренности.

Одного из своих пиков рост международной напряженности достигнет очень скоро. 1925 г. станет, вероятно, одним из поворотных моментов в осмыслении советским руководством перспектив развития международных отношений. 31 марта — 2 апреля в Риге состоится конференция, на которой присутствовали представители польского, эстонского, латвийского и румынского генеральных штабов и наблюдатели от Финляндии. 3 апреля созданная Политбюро специальная комиссия под председательством Дзержинского расценила конференцию в Риге как решающий этап создания государствами-«лимитрофами» единого антисоветского блока[778]. 16 октября того же года Германия и страны-победительницы в Первой мировой войне подпишут локарнские договоры. Помимо того, станет широко известной подготовка к вступлению Германии в Лигу Наций. Все это, судя по всему, будет воспринято советским руководством как прямая перспектива создания единого антисоветского блока.



Юзеф Пилсудский
1920-е
[Из открытых источников]

Кроме того, на 1925 г. придется целый ряд пограничных инцидентов вдоль западных границ СССР самого разного происхождения. По их поводу в советском руководстве будет быстро достигнут консенсус: «На всех наших западных границах… наблюдаются с некоторого времени систематические и, по-видимому, увязанные с собою налеты на наши пограничные отряды и приграничные районы»[779]. Военная угроза из разряда экзистенциальной становится реально ожидаемым действием, а ее отражение — задачей практической политики.

В Польше Ю. Пилсудский совершит так называемый майский переворот 1926 г., в результате которого сформируется авторитарный режим, за которым закрепилось название «санация». Политбюро переворот Пилсудского расценит как «фашистский» и квалифицирует как серьезную политическую ошибку позицию ЦК компартии Польши и ее «лозунг поддержки «революционных войск», выступивших под командой Пилсудского»[780]. Напомним, что именно под руководством Пилсудского, занимавшего тогда пост «начальника государства», в 1920 г. польская армия под Варшавой нанесла поражение Красной армии, после чего большевики были вынуждены подписать унизительный мирный договор, который рассматривался ими как вынужденное враждебное перемирие. Следует подчеркнуть, что после проигранной польско-советской войны Польша советским руководством рассматривалась как авангард враждебного СССР капиталистического мира. Это стало причиной военного планирования, направленного на отражение именно польской угрозы.

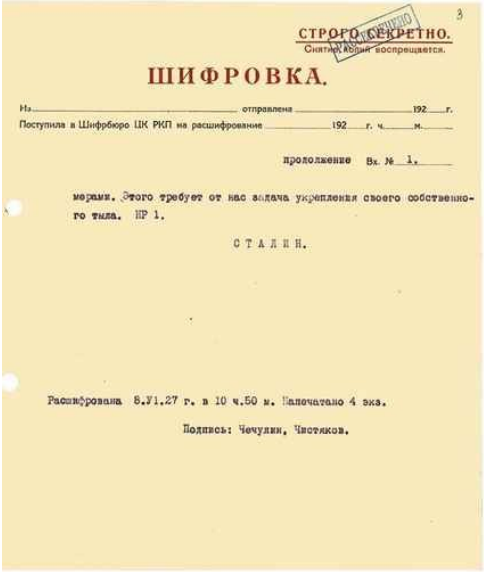
Джозеф Остин Чемберлен
1920-е
[Из открытых источников]

В 1927 г. советские отношения с западным миром испытали очередной кризис. Вновь обострились советско-английские отношения. 27 мая британский министр иностранных дел О. Чемберлен вручил советскому представителю в Лондоне ноту, в которой СССР был обвинен в ведении «антибританской пропаганды». Британское правительство объявляло о разрыве Великобританией дипломатических отношений с СССР и аннулировании торгового договора 1921 г. Нарастали проблемы и на китайском направлении.

Объективное (и существенное) ухудшение международной обстановки, срежиссированное, как считало Политбюро, из Лондона, рассматривалось политическим руководством СССР как ведущее к возникновению угрозы иностранной интервенции. Пленум Исполкома Коминтерна, состоявшийся в Москве в мае 1927 г., подчеркнет: «Налет на советское полномочное представительство в Пекине, произведенный Чжан Цзолином по указу из Лондона, при поддержке дипломатического корпуса всех капиталистических правительств, нападение на торговое представительство Союза Советских Социалистических Республик в Лондоне и последовавший за ним разрыв отношений Англии с Союзом Советских Социалистических Республик являются злодейскими актами, провоцирующими войну»[781].

Экстраординарных мер военного характера, однако, Политбюро в этот момент не примет. Изменения в подходах к военному планированию и оборонному строительству произойдут двумя годами позднее. Эти обстоятельства указывают, что в 1927 г. Сталин, вероятнее всего, не ожидал прямого военного нападения. Тем не менее в связи с обострением советско-британских отношений в СССР началось нагнетание так называемой военной тревоги как средства мобилизации

управленческих элит и общества в целом на отражение внешней угрозы.



3

СТРОГО СЕКРЕТНО.
Снятие копий воспрещается.

ШИФРОВКА.

Из _____ отправлена _____ 192 г.
Поступила в Шифрбюро ЦК РКП на расшифрование _____ 192 г. ч. ___ м. ___

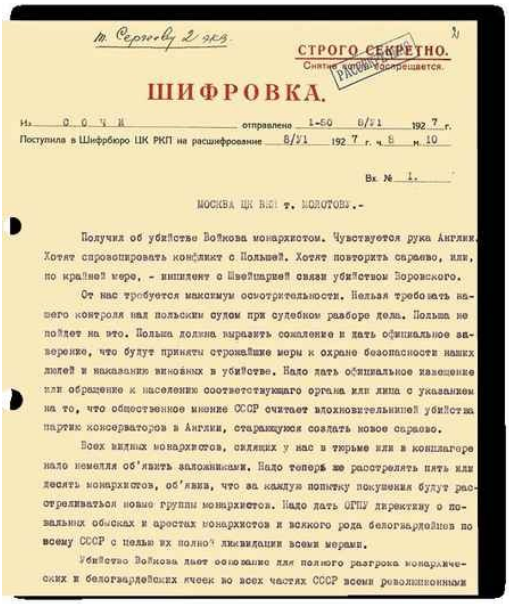
продолжение Вх. № 1.

мерами. Этого требует от нас задача укрепления своего собственного тыла. ПР 1.

СТАЛИН.

Расшифрована 8.VI.27 г. в 10 ч.50 м. Напечатано 4 экз.

Подпись: Чечулин, Чистяков.



т. Сергееву 2 экз.

1

СТРОГО СЕКРЕТНО.
Снятие копий воспрещается.

ШИФРОВКА.

Из О С Ч И отправлена 1-50 8/VI 1927 г.
Поступила в Шифрбюро ЦК РКП на расшифрование 8/VI 1927 г. ч. 8 м. 10

Вх. № 1.

МОСКВА ЦК ВКП т. МОЛОТОВУ.-

Получил об убийстве Войкова монархистом. Чувствуется рука Англии. Хотят спровоцировать конфликт с Польшей. Хотят повторить сараево, или, по крайней мере, - инцидент с Швейцарией связи убийством Воровского.

От нас требуется максимум осмотрительности. Нельзя требовать нашего контроля над польским судом при судебном разборе дела. Польша не пойдет на это. Польша должна выразить сожаление и дать официальное заверение, что будут приняты строжайшие меры к охране безопасности наших лиц и наказанию виновных в убийстве. Надо дать официальное извещение или обращение к населению соответствующего органа или лица с указанием на то, что общественное мнение СССР считает вдохновительницей убийства партии консерваторов в Англии, старающуюся создать новое сараево.

Всех видных монархистов, сидящих у нас в тюрьме или в концлагере надо немедля об'явить заложниками. Надо теперь же расстрелять пять или десять монархистов, об'явив, что за каждую попытку покушения будут расстреливаться новые группы монархистов. Надо дать ОГПУ директиву о повальных обысках и арестах монархистов и всякого рода белогвардейцев по всему СССР с целью их полной ликвидации всеми мерами.

Убийство Войкова дает основание для полного разгрома монархических и белогвардейских ячеек во всех частях СССР всеми революционными

Шифротелеграмма И.В. Сталина В.М. Молотову об убийстве П.Л. Войкова монархистом, необходимости объявить всех заключенных в лагерях монархистов заложниками и расстрелять из них 5–10 человек

8 июня 1927

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 71. Л. 2–3]

1 июня 1927 г. ЦК ВКП(б) выступил с обращением «Ко всем организациям ВКП(б). Ко всем рабочим и крестьянам», в котором был сформулирован призыв быть готовым отразить империалистическую агрессию. В Варшаве 7 июня 1927 г. белоэмигрант Борис Коверда убил советского посла в Польше П.Л. Войкова. В этом убийстве Сталин усмотрит руку Англии, желающей спровоцировать конфликт СССР с Польшей. В шифротелеграмме Молотову от 8 июня 1927 г. Сталин предложит свой анализ ситуации: «Получил [известие] об убийстве Войкова монархистом. Чувствуется рука Англии. Хотят спровоцировать конфликт с Польшей. Хотят повторить Сараево... От нас требуется максимум осмотрительности». Из практических мер он сосредоточился на внутренней политике: «Надо дать ОГПУ директиву о повальных обысках и арестах монархистов и всякого рода белогвардейцев по всему СССР с целью их полной ликвидации всеми мерами», он распорядился объявить заложниками «всех видных монархистов, сидящих у нас в тюрьме или концлагере», рекомендовал «теперь же расстрелять пять или десять монархистов». Он подчеркнет, что убийство Войкова «дает основание для полного разгрома монархических и белогвардейских ячеек во всех частях СССР всеми революционными мерами. Этого требует от нас задача укрепления своего собственного тыла» [782].

В июне 1927 г. будут расстреляны 20 заложников из числа бывших дворян. Этот эпизод придал огласке сам Сталин. На объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в августе 1927 г. он завершит его описание в следующих выражениях: ««Так их, мерзавцев!» — вот каким возгласом встретили расстрел 20-ти «светлейших» рабочие кварталы»[783]. Таким образом, уже во второй половине 1920-х гг. задача укрепления тыла через подавление нелояльных советской власти «элементов» была поставлена Сталиным в повестку дня. Но если тогда речь шла «о всякого рода белогвардейцах», то спустя менее десяти лет задача обеспечения лояльности Сталиным станет пониматься значительно более широко — под подозрение попадут не только граждане, нелояльные по отношению к советской власти, но и просоветски настроенные, однако заподозренные в нелояльности к созданному Сталиным политическому режиму и к нему лично.

С целью решения задачи укрепления собственного тыла летом 1927 г. будут проведены первые массовые операции против интеллигенции и крестьянства, прежде всего в зерновых районах[784]. Ощущение враждебности социальной среды, в которой разворачивалось «социалистическое строительство», подогревалось множеством «враждебных» проявлений. Так, в середине 1920-х гг. увеличивается количество покушений на жизнь так называемых рабочих и сельских корреспондентов (рабселькоров), в задачу которых входило написание статей, заметок в различные советские периодические издания на

злободневные темы. Ни ВМН в виде расстрела, ни показательные процессы не смогли остановить всплеск насилия по отношению к рабселькорам. В связи с этим ЦК принял специальное решение об отмене показательных процессов об убийствах рабкоров и селькоров[785].

Задача консолидации будет осмыслена Сталиным в том числе и как необходимость окончательного отстранения «левых» оппозиционеров не просто от рычагов управления, но и лишения их неформальных возможностей влияния. Традиционно в историографии многими принято считать, что Сталин сознательно манипулировал общественным сознанием, используя угрозу войны, нагнетая атмосферу «осажденной крепости», что позволяло консолидировать вокруг себя элиты и общество в целом и одерживать таким образом победы над реальной оппозицией или развязывать репрессии в отношении предполагаемых нелояльных партийных, советских и военных деятелей. Однако такого рода кампании не являлись простой манипуляцией массовым сознанием. Большевистское руководство, включая Сталина, отчетливо осознавало себя находящимся во враждебном окружении и внутри страны, и особенно на международной арене. Вопрос о том, насколько каждая новая военная тревога была обоснованной, является в этом контексте вторичным.

В связи с этим следует напомнить, что Конституция СССР 1924 г. содержит прямую констатацию враждебного окружения, которое сделало необходимым создание единого фронта советских республик в форме их союза. Сомневаться в правомерности тезиса о враждебном характере капиталистического окружения СССР вряд ли возможно и по существу. Ведь большевики никогда не скрывали своего курса на свержение старого мирового порядка. В 1923 г. в момент ожидания большевиками революции в Германии Сталин утверждал: «Если мы хотим действительно помочь немцам, а мы этого хотим… нужно нам готовиться к войне, серьезно и всесторонне…»[786] В 1925 г. на одном из партийных форумов он заявил публично: «…страна пролетарской диктатуры… может и должна… построить социализм, организовать у себя социалистическое хозяйство и поставить вооруженную силу для того, чтобы пойти на помощь пролетариям окружающих стран в их борьбе за свержение капитала» [787].

В своем докладе на январском 1925 г. пленуме ЦК Сталин подчеркнет: «Вопрос о нашей армии, о ее мощи, о ее готовности обязательно встанет перед нами при осложнениях в окружающих нас странах как вопрос животрепещущий… если война начнется, то нам придется выступить, но выступить последними. И мы выступим для того, чтобы бросить решающую гирю на чашку весов, гирю, которая могла бы перевесить»[788].

Готовность в определенных условиях атаковать мировой капитализм, однако, не означала для Сталина отказа от идеи строительства социализма в СССР. И если в мае 1925 г. Сталин считал

возможным говорить о «временной стабилизации капитализма и стабилизации советского строя», достижении «временного равновесия между этими двумя стабилизациями»[789], то в 1927 г. ситуация изменилась.

3 декабря 1927 г., выступая на утреннем заседании XV съезда ВКП(б) с политическим отчетом ЦК, Сталин будет говорить уже о «разваливающейся стабилизации» капитализма, из которой «вырастает самый глубокий и самый острый кризис мирового капитализма», «вырастает новый революционный подъем», «вырастает неизбежность новых империалистических войн». Скажет Сталин и об интервенционистских тенденциях «части капиталистического мира во главе с Англией» и неизбежности новой империалистической войны, «все равно — разгорится ли она между отдельными империалистическими коалициями или против СССР»[790]. Он подчеркнет «постепенную фашизацию политики буржуазных государств», скажет о существовании в Италии и Польше фашистских правительств. Рухнувшие надежды капиталистов «на приручение СССР» стали причиной «усиления интервенционистских тенденций в лагере империалистов, политики изоляции СССР, политики окружения СССР, политики подготовки условий войны с СССР». «Угроза войны (в отношении СССР) есть один из основных фактов нынешнего положения», — резюмирует Сталин[791]. Но, кроме этого, в том же докладе он заявит и о «допущении сосуществования двух противоположных систем» как основы отношений с капиталистическими странами[792].

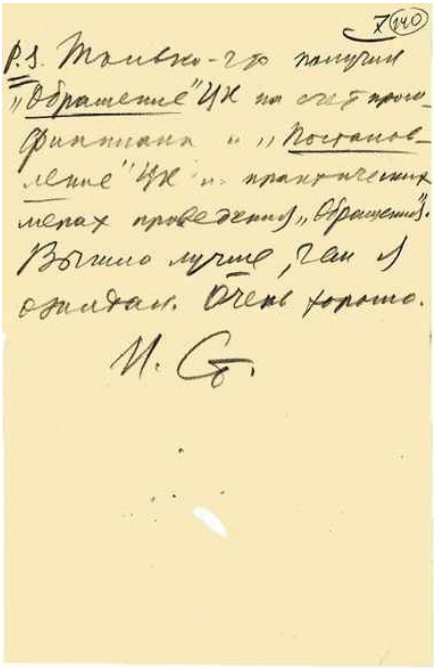
Угроза войны, как ее воспринимало большевистское руководство, сыграет немаловажную роль в принятии Сталиным и сформировавшимся вокруг него большинством ЦК ВКП(б) радикальных вариантов индустриализации и решения затруднений на хлебозаготовительном фронте[793]. Как вполне справедливо отмечается в одной из современных работ, для советского руководства не было ничего более естественного, чем верить в угрозу войны. Идеологическая враждебность европейских стран была очевидной. По логике большевиков, враждебный идеологический дискурс и политический курс означали враждебные действия, толковавшиеся как подготовка к войне[794].

При этом «политика мира и сохранение мирных отношений с капиталистическими странами» будут отнесены Сталиным к числу основных задач партии точно так же, как и «борьба с интервенционистскими тенденциями Англии и усиление обороноспособности СССР»[795]. Стремление обеспечить «сохранение мира с капиталистическими странами» найдет свое выражение в подготовке и подписании некоторых международных соглашений. Так, в августе 1925 г. нарком иностранных дел Г.В. Чичерин предложит французскому послу в Москве заключить договор между СССР,

Францией и Польшей о советско-польской границе. В августе 1925 г. с Польшей был подписан договор о разрешении пограничных конфликтов, 7 декабря 1925 г. — с Турцией договор о ненападении[796]. 24 апреля 1926 г. Москва и Берлин подписали договор о нейтралитете.

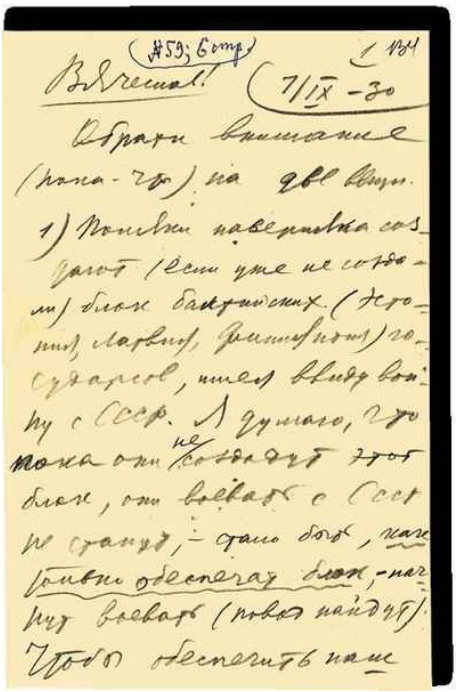
24 сентября 1927 г. 8-я Ассамблея Лиги Наций приняла резолюцию, гласившую, что «всякая наступательная война является и остается запрещенной», а международные споры следует решать мирными средствами. Франция и США, проводившие переговоры о заключении договора о дружбе и отказе от войны на вечные времена, сделают ход переговоров публичным достоянием. Вскоре идея двустороннего договора претерпит весьма существенную трансформацию — целый ряд государств выскажут свое желание стать сторонами такого соглашения. Пакт Бриана — Келлога, названный так по именам руководителей дипломатических ведомств Франции и США, заинтересует и советское руководство. Чичерин 5 августа заявит о готовности вести переговоры по содержанию договора и о том, что Советское правительство не исключает для себя возможности его подписания. Вскоре Советский Союз получит официальное приглашение присоединиться к пакту и уже 6 сентября подпишет его, причем именно СССР станет единственной стороной договора, которая ратифицирует пакт еще до конца текущего года[797]. Далее Москва предложит ряду сопредельных стран подписать соглашение о досрочном введении в действие пакта Бриа-на — Келлога. После не слишком долгих, но интенсивных переговоров, условия которых обсуждались и согласовывались на Политбюро, 9 февраля 1929 г. Советским Союзом, Польшей, Румынией, Латвией и Эстонией будет подписан Московский протокол о досрочном введении в действие договора Бриана — Келлога. Москва тут же столкнется с непредвиденными последствиями инициированного ею соглашения, которые окажутся негативными, хотя советская пропаганда и историография будут утверждать обратное. Как показано в современной историографии, Сталин засомневается, и небезосновательно, в правильности избранного курса[798]. 10 марта он направил письмо Г.В. Чичерину, находившемуся на лечении в Германии, с вопросами: «Как расцениваете нашу акцию в отношении Польши и Румынии (я имею в виду пописание протокола)? Какие плюсы (и минусы) усматриваете в этом деле?»[799] Возможно, у некоторых читателей вызовет изумление такого рода консультация с наркомом иностранных дел, проведенная не до, а после уже состоявшейся «акции». Впрочем, познакомившись со взглядами Сталина на управление, мы не должны удивляться тому, что партийно-политическое руководство считало себя вполне квалифицированным для того, чтобы самостоятельно принимать подобные решения с минимальными консультациями с профессиональными дипломатами и уж точно без оглядки на их мнение. В ответном письме Чичерин оценит

«акцию» как «большое несчастье: мы своими руками создали и мы признали польско-балтийский единый фронт, польскую гегемонию в Прибалтике, а Литву мы оттолкнули. Наше первое предложение Польше было вполне удачно, как пацифистская демонстрация и противовес россказням наших врагов о наших мнимых военных замыслах; когда Польша выдвинула разные резоны для отказа, наше положение было блестящим, и на этом надо было остановиться; вместо этого мы побежали за Польшей, завоевали для Польши небывалый вес в Прибалтике и потеряли литовскую опорную точку»[800]. С этого момента угроза создания польско-прибалтийского союза станет навязчивой идеей советского руководства, а военное противостояние этой потенциальной угрозе будет одним из основных направлений военного планирования.


7 (140)

P.S. Только-что получил „Обращение" ЦК на счет прокламации и „Постановление" ЦК и практических мерах проведения „Обращения". Вышло лучше, чем я ожидал. Очень хорошо.

И. Ст.



Письмо И.В. Сталина В.М. Молотову об обороне СССР и др. вопросам
1 сентября 1930
Автограф И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 134–140]

В 1928 г. Сталин придет к неожиданному для многих выводу о том, что «основным противоречием стало противоречие между капитализмом американским и капитализмом английским», а основной проблемой — проблема «борьбы за мировую гегемонию между Англией и Америкой». Чем чревато это основное противоречие? — задастся вопросом Сталин и ответит: «Оно, вероятно, чревато войной»[801].

Одновременно с этими миротворческими усилиями на международной арене советское руководство начнет проводить масштабный поворот на интенсификацию военных приготовлений. Об их содержании мы поговорим немного позднее.

«Всемирная партия из Москвы»

Официальная внешнеполитическая линия советского руководства с течением времени на поверхности явлений все больше приобретала респектабельный вид и пацифистскую направленность. Внешнеполитические устремления Москвы нельзя, однако, понять,

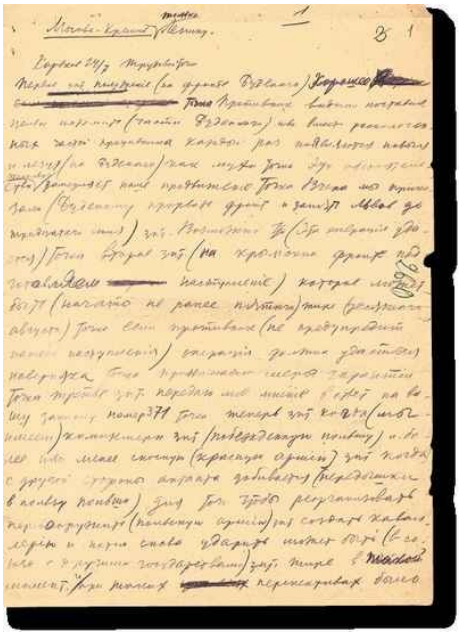
исключив из внимания деятельность III (Коммунистического) Интернационала. Коминтерн был учрежден 4 марта 1919 г. в Москве в качестве альтернативы II (Социалистическому) Интернационалу и состоял из коммунистических партий разных стран, функционировавших на правах его секций. Вскоре после создания Исполнительный комитет Коминтерна (ИККИ) возглавил Г.Е. Зиновьев. Целью создания Коминтерна провозглашалась мировая социалистическая революция. И эта миссия имела не только идеологическое, но и вполне практическое наполнение. Затраты на Коминтерн составят весьма значительные по тем временам суммы. На 1922 г. Коминтерну было выделено 2 950 600 золотых рублей, на 1923-й — 2 196 500, в 1925 г. бюджет Коминтерна составил 4 180 450 золотых рублей [802].

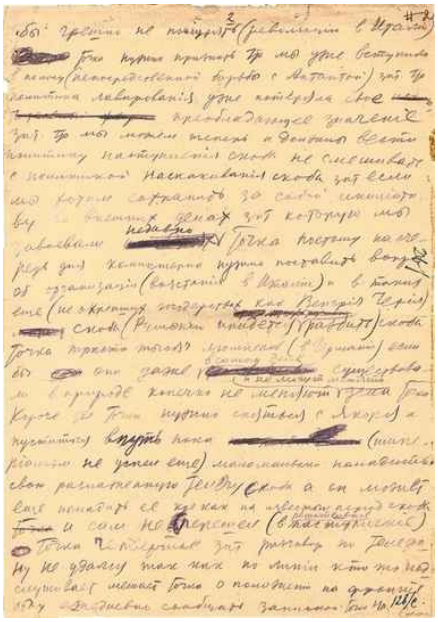
Сталин долгое время находился в стороне от работы Коминтерна, хотя и был, разумеется, причастен в качестве члена Политбюро к выработке общеполитической линии. Свою дань увлечению идеей мировой революции он отдал почти так же, как и другие представители большевистского руководства. На пике успехов Красной армии в польско-советской войне в июле 1920 г. он писал Ленину: «Теперь, когда мы имеем Коминтерн, побежденную Польшу и более или менее сносную Красную армию, было бы грешно не поощрять революцию в Италии… На очередь дня Коминтерна нужно поставить вопрос об организации восстания в Италии и таких еще не окрепших государствах, как Венгрия, Чехия (Румынию придется разбить)… Короче: нужно сняться с якоря и пуститься в путь, пока империализм не успел еще мало-мальски наладить свою разлаженную телегу»[803].

Такого рода размышления Сталина довольно долго будут оставаться своего рода «советами постороннего». Именно такими словами определил осенью 1917 г. свою позицию по отношению к происходящему в Петрограде Ленин, перешедший на нелегальное положение и лишенный возможности прямого участия в событиях. Вплоть до середины 1922 г. Сталин остается скорее сторонним наблюдателем, чем актором происходивших событий. Уже став генсеком, он, видимо, по должности окажется прямо вовлечен в деятельность советских представителей в Коминтерне. Произойдет это не сразу. 3 апреля 1922 г. Политбюро утвердит представителями РКП(б) в ИККИ Зиновьева, Бухарина, Радека, а кандидатами Ленина и Троцкого [804].

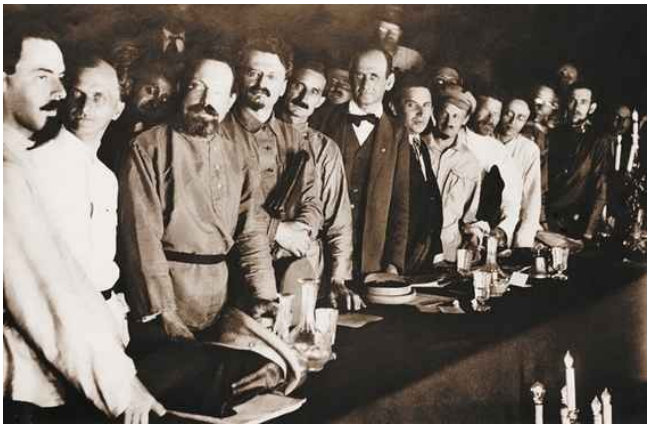
Лишь в июне 1922 г. по предложению Зиновьева Сталин решением Политбюро будет «делегирован на расширенное заседание ИККИ, кроме избранных ранее представителей партии»[805]. 2 ноября опять-таки по предложению Зиновьева решением Политбюро будет увеличено число представителей РКП(б) в ИККИ, в него войдут Сталин и Каменев[806]. 30 ноября решение будет пересмотрено, представительство сокращено и конгрессу Коминтерна будет предложено утвердить

«прежнюю тройку — тт. Бухарина, Радека и Зиновьева и кандидатами к ним тт. Ленина, Троцкого и Сталина»[807]. На состоявшемся в ноябре — декабре IV конгрессе Коминтерна из перечисленных шестерых представителей РКП(б) с докладами выступят все, кроме Сталина. V конгресс Коминтерна (17 июня — 8 июля 1924 г.) членами Президиума от РКП(б) изберет Бухарина, Сталина и Зиновьева, который станет его председателем. Председательство Зиновьева продлится до октября 1926 г., когда его сместят с этой должности, а временно исполняющим обязанности назначат Бухарина. Роль Сталина в делах Коминтерна будет постоянно возрастать, что вполне понятно, так как ни один из вождей РКП(б), претендовавших на лидерство, не мог оставить вне своего влияния «всемирную партию из Москвы», которая мыслилась инструментом установления советской власти во всем мире. В историографии встречаются утверждения, что, став генсеком, Сталин «приступил к формированию собственной секретной службы, тщательно скрытой внутри Секретариата ЦК...», с 1926 г. это был Секретный отдел ЦК, с 1934 — Особый сектор ЦК. Говорится и о специальном секторе «для контроля над работой Коминтерна»[808]. Этот сегмент «творчества» Сталина все еще ждет своих исследователей, но не может быть никаких сомнений в том, что Сталин действительно вникал в детали закордонной работы, в том числе по линии Коминтерна. Одной из иллюстраций этих практик может служить его записка начальнику Иностранного отдела ОГПУ, члену Постоянной нелегальной комиссии ИККИ М. Трилиссеру от 23 сентября 1926 г. с поручением принять «все зависящие меры» для должного выполнения в Берлине людьми Трилиссера заданий в отношении некоего «индуса Джонсона», известного им обоим[809]. Под этим именем скрывался К.Э. Янсон, направленный в Индию «для ознакомления с положением дел в ком. движении Индии и установления связей между ком. движением и ИККИ» и подробно в связи с этим проинструктированный Сталиным[810].





Телеграмма И.В. Сталина В.И. Ленину о положении на фронтах и необходимости организации восстаний в Италии, Венгрии и Чехии
24 июля 1920
Автограф И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5521. Л. 1–2]



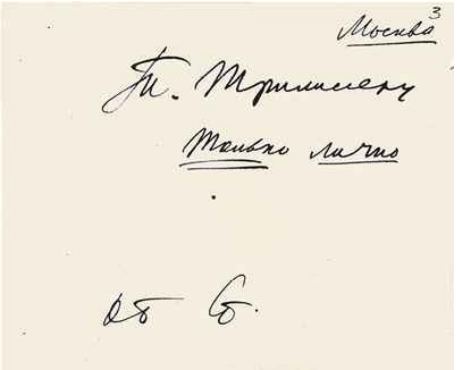
Президиум объединенного заседания 2-го конгресса Коминтерна, ВЦИК, Моссовета, МГК РКП(б), ВЦСПС и МГСПС в Большом театре. Слева направо: Г.Я. Сокольников, Э.Э. Руднянский, Серрати, Л.Д. Троцкий, Ж. Садуль, П. Леви, Г.Е. Зиновьев, Н.И. Бухарин, М.И. Калинин и К.Б. Радек

7 августа 1920

[РГАСПИ. Ф. 489. Оп. 2. Д. 190. Л. 1]

Довольно скоро Сталин станет в значительной мере определять повестку дня, причем обозначит и свои кадровые предпочтения. 3 апреля 1923 г. Политбюро по предложению Сталина докладчиком на XII съезде партии по вопросу о Коминтерне назначит не председателя ИККИ и члена Политбюро Зиновьева, а Бухарина, несмотря на его более низкий статус и в ИККИ, и ЦК РКП(б). Зиновьева же Сталин начал буквально «наставлять» по разным вопросам, например, направив ему 4 мая 1923 г. письмо о его проекте тезисов ИККИ и необходимости расширения лозунга рабочего правительства. Снисходительно оценив тезисы Зиновьева («Проект в основном приемлем и необходим»), он порекомендовал «вдолбить лидерам компартий Запада» целесообразную, по его мнению, точку зрения. Зиновьев внес необходимую правку, а пленум ИККИ в соответствии со сталинской рекомендацией в июне 1923 г. обосновал лозунг борьбы не за рабочее, а за рабоче-крестьянское правительство [811].

В 1924 г. предварительное согласование со Сталиным проектов резолютивных документов, кажется, повсеместно войдет в практику. Так, Д.З. Мануильский 31 июля 1924 г. направит Сталину на согласование проекты резолюций V конгресса Коминтерна по национальному и колониальному вопросам. Сталин даст развернутый «отзыв по пунктам» [812].

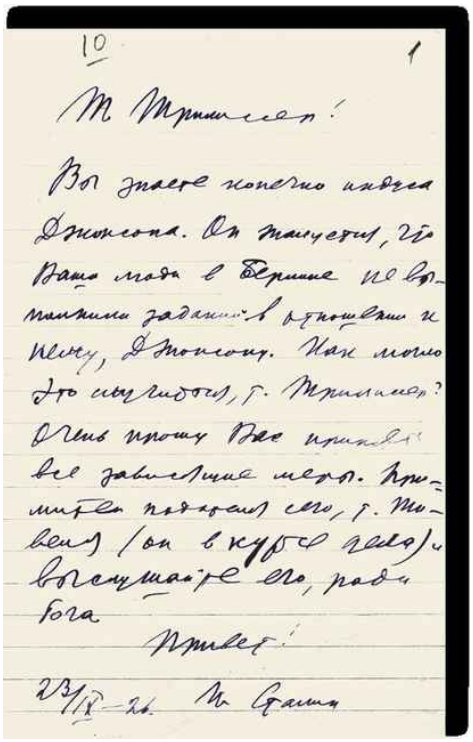


Москва 3

Т. Трилиссеру

Только лично

Об Ст.



10 1

Т. Трилиссер!

Вы знаете конечно индуса Джонсона. Он жалуется, что Ваши люди в Берлине не выполнили заданий в отношении к нему, Джонсону. Как могло это случиться, т. Трилиссер? Очень прошу Вас принять все зависящие меры. Примите подателя сего, т. Тивеля (он в курсе дела) и выслушайте его, ради Бога.

Привет!

23/IX-26. И. Сталин

Письмо И.В. Сталина М.А. Трилиссеру с просьбой оказать в Берлине помощь Джонсону

23 сентября 1926

Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 69. Л. 1, 3]

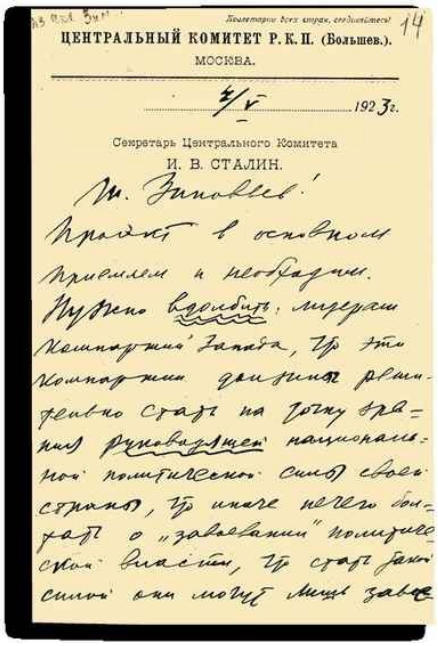
Летом 1923 г. начнут разворачиваться события в Болгарии и Германии. 9 июня в Болгарии был осуществлен военный переворот. Руководство Болгарской компартии заняло позицию нейтралитета, посчитав, что речь идет о замене одного «антинародного» буржуазного режима на другой. ИККИ в соответствии с наставлениями «старших»

московских товарищей порекомендует действовать так, как действовали большевики во время корниловского мятежа в России летом 1917 г., то есть принять участие в борьбе против реакционного переворота. Сталин настоял на том, чтобы не поправлять «ошибочную позицию» БКП публично в виде газетной статьи, а «переделать статью в циркуляр от Коминтерна и разослать компартиям для руководства, не публикуя... Публикация может вызвать взрыв самолюбия, честолюбия и затруднит нашу работу...»[813]

31 июля 1923 г. Зиновьев, находясь в Кисловодске на отдыхе, написал Сталину: «Кризис в Герм[ании] назревает очень быстро. Начинается новая глава германской революции. Перед нами это скоро поставит грандиозные задачи... Пока же минимум, что надо — это поставить вопрос 1) о снабжении нем[ецких] ком[мунистов] оружием в большом числе, 2) о постепенной мобилизации чел[овек] 50 наших лучших боевиков для постепен[ной] отправки их в Германию»[814]. В этом письме, кстати говоря, Зиновьев с плохо скрываемым раздражением трижды просит Сталина «если дело терпит, советоваться по проводу». Очевидно, что уже в это время Сталин не особенно стремился к поддержанию коллективного формата работы.

7 августа 1923 г., отвечая на это письмо Зиновьева, Сталин напишет: «Если сейчас в Германии власть, так сказать, упадет, а коммунисты ее подхватят, они провалятся с треском. Это «в лучшем» случае. А в худшем случае — их разобьют вдребезги и отбросят назад... По-моему, немцев надо удерживать, а не поощрять»[815].

Осторожную позицию в этот момент займут также Н.И. Бухарин и А.И. Рыков. Однако и Сталин, и Политбюро в целом в определенный момент отдадут дань общему увлечению этой идеей. Сталин уже через два дня проведет через Политбюро решение отозвать из отпусков Зиновьева, Троцкого и Бухарина для общего обсуждения международного положения в связи с событиями в Германии [816].



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ Р. К. П. (Большев.).
МОСКВА.

4/V 1923 г.

Секретарь Центрального Комитета
И. В. СТАЛИН.

Т. Зиновьев!

Проект в основном приемлем и необходим. Нужно вдолбить лидерам Компартий Запада, что эти компартии должны решительно стать на точку зрения руководящей национальной политической силы своей страны, что иначе нечего болтать о „завоевании" политической власти, что стать такой силой они могут лишь завоевав поддержку революционных элементов деревни, что для этого необходимо между прочим выкинуть новый лозунг рабоче-крестьянск. правительства, или, если хотите, — лозунг рабочего правительства, опирающегося на сочувствие революционно-демократических слоев крестьянства.

Такая постановка дела сразу поставила бы компартии Запада на новые рельсы, вывела бы их на широкую дорогу политической борьбы за большинство в стране.

И. Сталин.

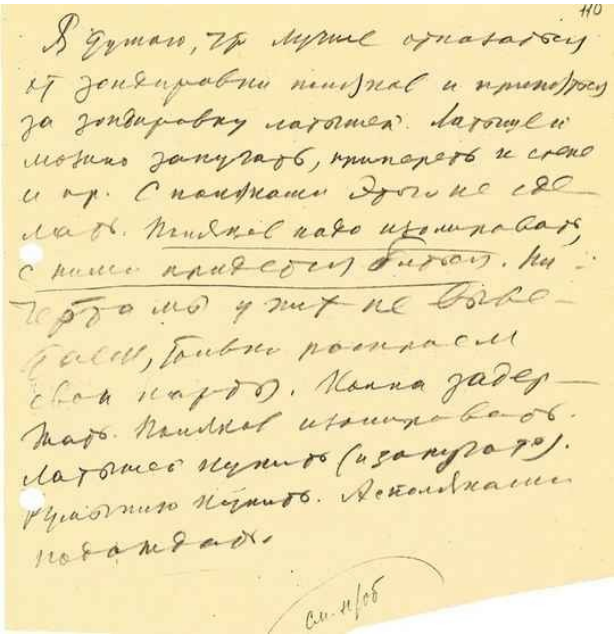
Записка И.В. Сталина Г.Е. Зиновьеву о тезисах его выступления на заседании в Исполкоме Коминтерна

4 мая 1923

Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 734. Л. 14–14 об.]

18 августа 1923 г. Политбюро по вопросу «О помощи немецким рабочим» примет решение выделить через Профинтерн один миллион марок золотом и «открыть... кроме того, сбор в пользу немцев»[817]. 22 августа состоится заседание Политбюро «О международном положении», на которое съедутся из отпусков все его члены. Будет признано, «что германский пролетариат стоит непосредственно перед решительными боями за власть». Для разработки очередных задач РКП(б) будет создана комиссия в составе Зиновьева, Сталина, Троцкого, Радека, Чичерина. Созыв комиссии, то есть руководство ею, было поручено Зиновьеву, который и стал одним из наиболее активных протагонистов германской революции[818].



Записка И.В. Сталина на заседании Политбюро ЦК РКП(б) о необходимости изолировать поляков
18 октября 1923
Автограф И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 25. Л. 110]

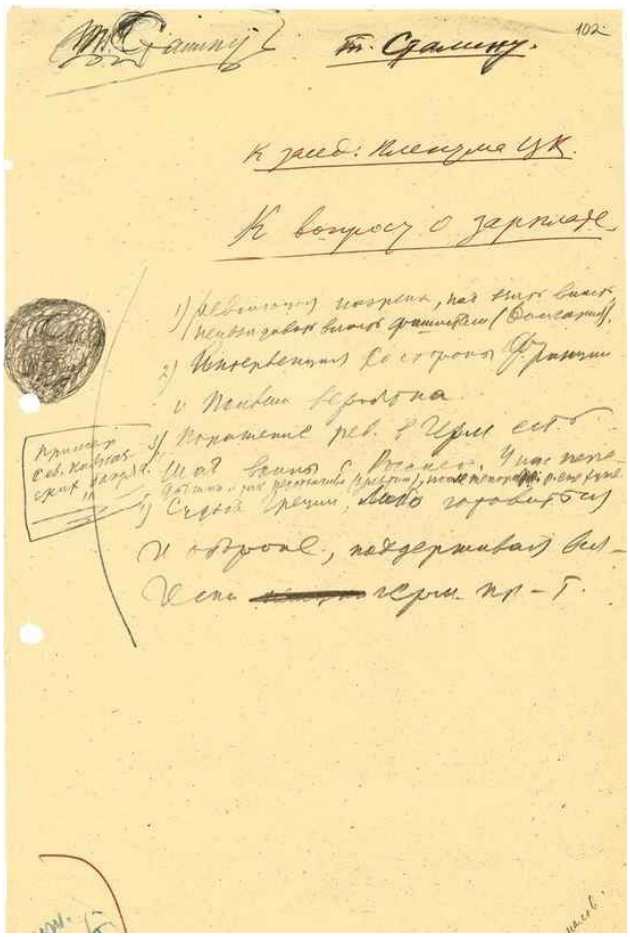
Сталин 20 сентября 1923 г. направил открытое письмо одному из основателей Германской коммунистической партии главному редактору газеты немецких коммунистов «Роте Фане» (Die Rote Fahne) А. Тальгеймеру: «Грядущая революция в Германии является самым важным мировым событием наших дней», причем, по его мнению, имеющим «более существенное значение, чем победа русской революции шесть лет назад. Победа германского пролетариата,

несомненно, переместит центр мировой революции из Москвы в Берлин»[819]. Тальгеймер опубликует письмо 10 октября. Нарком иностранных дел Чичерин и член той же комиссии Политбюро, что и Сталин, узнает о содержании письма из сообщения немецкого радио и попросит Молотова ответить, «является ли это сообщение чистой выдумкой, или же что-либо действительное за ним скрывается»[820].

Напомним, что это «происшествие» в публичном пространстве произойдет в то же самое время, когда советская сторона демонстрировала намерения развивать отношения с Германией в духе Рапалло. Письмо Тальгеймеру Сталин написал, судя по всему, под влиянием итогов очередного обсуждения вопроса о международном положении на Политбюро, состоявшемся в тот же день. В ходе заседания он сделал заметки, которые характеризуют перелом, наступивший в его оценках перспектив германской революции: «Революция назрела, надо взять власть, нельзя давать власть фашистам»[821].

На следующий день Зиновьев вынесет на Политбюро вопрос о возможности войны между Советской Россией и европейскими державами из-за советской помощи германской революции. В связи с этим возникнет вопрос о численности армии и создана соответствующая комиссия под председательством Троцкого, в которую вошел и Сталин[822]. В ходе обсуждения он задастся вопросом: «…под каким легальным прикрытием мобилизнуть солдат, сохраняя внешность миролюбия и, по крайней мере, внешность обороны»[823].

Курс на поддержку германской революции зафиксирует пленум ЦК, собравшийся уже 23 сентября.

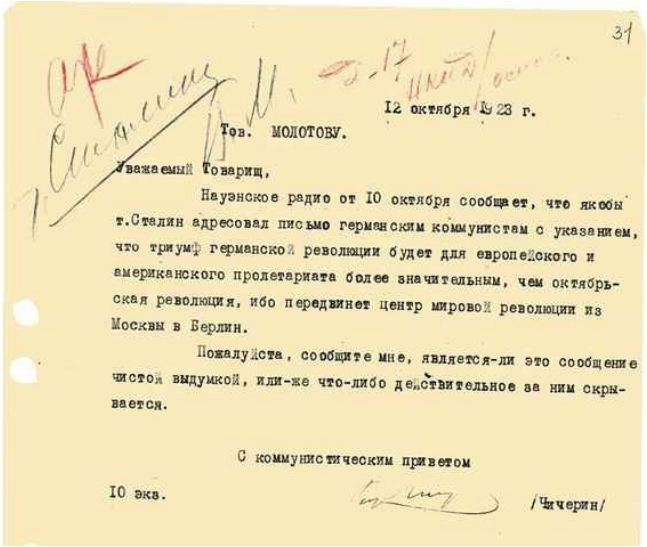


Заметки И.В. Сталина, сделанные на заседании Политбюро ЦК РКП(б), о революционной обстановке в Германии

1923

Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 25. Л. 102]



31

12 октября 1923 г.

Тов. МОЛОТОВУ.

Уважаемый Товарищ,

Наузнское радио от 10 октября сообщает, что якобы т.Сталин адресовал письмо германским коммунистам с указанием, что триумф германской революции будет для европейского и американского пролетариата более значительным, чем октябрьская революция, ибо передвинет центр мировой революции из Москвы в Берлин.

Пожалуйста, сообщите мне, является-ли это сообщение чистой выдумкой, или-же что-либо действительное за ним скрывается.

С коммунистическим приветом

10 экз. /Чичерин/

Телеграмма Г.В. Чичерина В.М. Молотову об отправке Сталиным письма германским коммунистам
12 октября 1923
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 139. Л. 31]

Между тем назревали новые события в Болгарии. 27 сентября Политбюро утвердило предложения «болгарской комиссии». В том числе будет решено «оружие, которое еще лежит в Севастополе с прошлого года, приготовленное для Болгарии, послать немедленно», а болгарские коммунисты «немедленно, как только будет установлена связь, посылаются в Болгарию вооруженными. Список составляется секретарем ЦК РКП…» [824]

4 октября Политбюро назначит дату восстания в Германии — 9 ноября. Туда будет решено послать для непосредственного руководства Пятакова, Радека, Рудзутака и Куйбышева. По состоянию на 21 ноября на финансирование КПГ через специально созданный особый фонд было выделено 445 700 долларов[825]. Уверенность в благоприятном исходе дела побудила Политбюро принять решение об отправке в Германию не менее 10 млн пудов зерна[826].

Для Сталина представится необходимым обеспечить международное «сопровождение» задуманного революционного переворота в Германии. Об этом свидетельствует его записка, сделанная им на заседании: «Я думаю, что лучше отказаться от зондировки поляков и приняться за зондировку латышей — латышей можно запугать, припереть к стене и пр. С поляками этого не сделать. Поляков надо изолировать, с ними придется биться… Поляков изолировать. Латышей купить (и запугать). Румынию купить…»[827]

В.М. Молотов, П.С. Жемчужина, И.В. Сталин, Н.С. Аллилуева на отдыхе
1927
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1663. Л. 2]

Не вдаваясь в чрезвычайно интересные перипетии событий «германского Октября», скажем лишь, что развиваться они станут не по планам кремлевских мечтателей. Вооруженные выступления прокоммунистически настроенных рабочих в Германии будут подавлены. Советский консул в Гамбурге Г. Шкловский направит 30 октября Зиновьеву, Сталину, Литвинову доклад, в котором охарактеризует происходившее как «путчизм самой чистой крови»[828]. Троцкий скажет: «В 1923 г. мы потерпели в Германии величайшее поражение, никак не меньшее, чем наше поражение в 1905 г.»[829]. Разгромлено будет и восстание в Болгарии.

В течение декабря 1923 — января 1924 г. Политбюро будет неоднократно обсуждать «уроки» германских событий. Одним из важных выводов, который сделает Сталин, выступив на пленуме ЦК РКП(б) 15 января 1924 г., заключался в том, «что за последнее время произошла передвижка сил, передвижка мелкобуржуазных социал-демократических сил в сторону контрреволюции, в лагерь фашизма. Вывод: не коалиция с социал-демократией, а смертельный бой с ней, как с опорой нынешней фашизированной власти»[830]. Эта оценка социал-демократии для Сталина надолго станет определяющей и сыграет свою драматическую роль в выборе политической тактики германских

коммунистов в 1932 г., когда в Германии из-за разобщенности левых сил победу на выборах в рейхстаг одержит национал-социалистическая партия.

Болгарией и Германией в начале 1920-х дело не ограничилось. В апреле 1924 г. курс на подготовку вооруженного восстания взяла эстонская компартия. 28 августа Политбюро приняло решение «придать деятельности эстонской компартии боевой характер, оказав ей содействие в подготовительных мерах по оказанию вооруженного отпора попыткам фашистского переворота», проверить «экономическое и политическое состояние Эстонии и степень революционного брожения, позволяющего рассчитывать на успех движения»[831]. Под председательством М.И. Фрунзе, которого Сталин и Зиновьев явно продвигали по политической линии, была создана специальная комиссия «для проверки положения и проведения всех необходимых мер». В нее вошли в том числе Сталин, Зиновьев, Троцкий, Чичерин[832]. Вооруженное восстание в Эстонии в конечном итоге будет разгромлено так же, как в Болгарии и Германии.

Эти провалы не в последнюю очередь советскими руководителями будут объясняться недостатками организационной подготовки. Политбюро на своих заседаниях несколько раз рассмотрит вопросы конспирации, ставя в один ряд деятельность ИККИ, ОГПУ и Разведупра. Пик внимания к этим вопросам придется на 1927 г., когда резко обострятся отношения с Великобританией[833].

В 1924 г. Сталин политически определится и в отношении польских коммунистов, многие активисты из их числа попадут под его подозрение. Он возглавит польскую комиссию V конгресса Коминтерна и отредактирует письмо ИККИ к организациям Коммунистической рабочей партии Польши. В нем предыдущему руководству компартии Польши предъявлялись более чем серьезные обвинения — якобы оно выступало против РКП(б) и советской власти. Комиссия под руководством Сталина добилась избрания нового состава Бюро ЦК КРПП [834].

Партии Коминтерна с течением времени становились все менее самостоятельными не только в выборе политической линии, но и в формировании состава своих руководящих органов. В 1924 г. по настоянию Сталина в Прагу была отправлена делегация Исполкома Коминтерна во главе с Д.З. Мануильским для того, чтобы обеспечить избрание левого по составу ЦК компартии Чехословакии[835].

Хорошо известно, как в 1925 г. в соответствии с предложениями Бухарина и Сталина Исполком Коминтерна начал обсуждение вопроса о положении в компартии Германии, в результате которого группу Р. Фишер — А. Маслова отстранили от руководства. Одной из претензий являлось установление режима личной власти в КПГ, требовалось его устранить с тем, чтобы осуществлять коллективное руководство. Как сообщил Сталину секретарь ИККИ И. Пятницкий, немецкая делегация

будет принуждена внести «декларацию с признанием всех своих ошибок». Сталин, находившийся на отдыхе на юге, 30 июля ответил: «Успех ясен, но это только первый шаг, без организационного закрепления успех сведется к нулю. Поэтому нужно довести дело до конца и сделать все организационные выводы»[836]. Необходимые «организационные выводы» были сделаны, руководить КПГ стала «группа товарищей» во главе с Эрнстом Тельманом.

Осип Аронович Пятницкий
Конец 1920-х
[Из открытых источников]

К этому моменту Сталин вел себя уже настолько по-хозяйски, что находясь в Сочи на отдыхе, в августе 1928 г. отдавал прямые распоряжения по ходу работы VI конгресса Коминтерна: «Больше месяца заседает конгресс, обсуждены уже четыре вопроса и до сих пор нет еще ни одной резолюции. Это может создать ложное впечатление о том, что конгресс запутался и не способен вынести ни одной конкретной резолюции. Опубликуйте хотя бы резолюцию по отчету»[837].

Известную черту подведет под эпохой революционной бури и натиска с Востока постановление Политбюро «О Разведупре», принятое 25 февраля 1925 г. в соответствии с предложениями специальной комиссии Политбюро «по вопросу об активной разведке». Первый пункт предложений комиссии гласил: «Активная разведка (диверсионные, военно-подрывные группы и пр.) в первый период ее существования была необходимым дополнением наших военных мероприятий и выполняла возложенные на нее из центра боевые задачи». С установлением «более или менее нормальных дипломатических отношений с прилегающими к СССР странами» было решено, что «ни в одной стране не должно быть наших активных боевых групп,

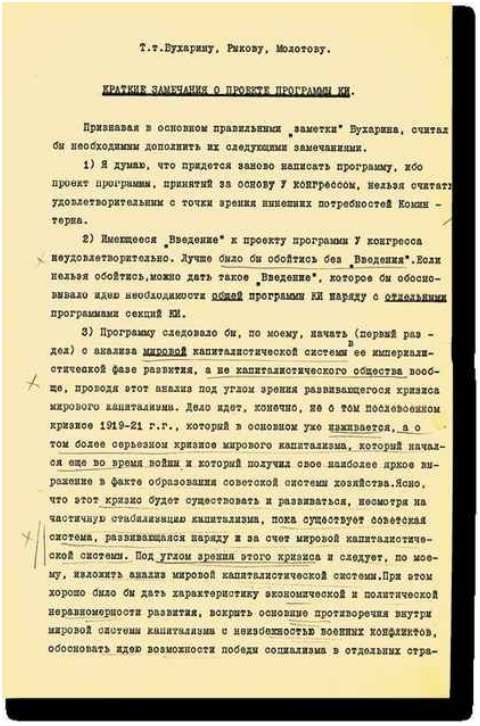
производящих боевые акты и получающих от нас непосредственно средства, указания и руководство». Было признано, что «вся боевая и повстанческая работа, отряды и группы, поскольку они политически целесообразны (что определяется в чисто партийном порядке), должны быть переданы в полное подчинение коммунистических партий данной страны…» Возвращение к прежним методам работы, «вызываемое особенностями обстановки (например — Бессарабия), может иметь место только по особому постановлению Политбюро»[838]. «Отказ» от «боевой» работы в известной мере будет компенсирован курсом на большевизацию партий Коммунистического Интернационала. Соответствующее решение примет пленум ИККИ на основе тезисов Зиновьева, правку в которые внесли Бухарин и Сталин в марте 1925 г.[839]

На заседании Президиума ИККИ 22 января 1926 г. Сталин заявит: «Для достижения старых целей в новой обстановке метод прямого натиска сейчас уже не подходит. Сейчас от германской компартии требуется переход к методу обходных движений, имеющих своей целью овладение большинством рабочего класса в Германии»[840]. Метод «обходных движений» теперь займет главенствующее место в политической практике советского руководства.

Во второй половине 1920-х настанет очередь чистить аппарат и руководящие органы Коминтерна. В марте 1926 г. помощник Сталина И.П. Товстуха запросит И. Пятницкого, который ведал в ИККИ оргвопросами: «Имеется решение о чистке ИККИ. Не будете ли вы добры познакомить т. Сталина с Вашим планом чистки?» Свои соображения Пятницкий доложит Сталину специальным письмом от 20 марта[841]. В этот момент речь велась о чистке именно аппарата, но скоро дело дойдет и до выборных органов. Для начала 31 августа 1928 г. Сталин порекомендует «для большей связи с ЦК… ввести Молотова в Политсекретариат ИККИ в качестве члена», «обеспечить в нем преобладающий противовес…»

Уже 10 сентября Молотов поспешит подтвердить целесообразность кадровых изменений: «…из аппарата Исполкома иной раз так и прет запахом кислой капусты оппортунизма»[842]. Введение Молотова в Политсекретариат ИККИ обеспечивало Сталину также и контроль за действиями Бухарина, с которым к тому моменту у Сталина наметились серьезные разногласия по вопросам внутренней политики. В это время Сталин уже контролирует и содержание докладов, с которыми планировали выступать деятели ИККИ на VI конгрессе, и ход подготовки программы Коминтерна. Программу по указаниям Сталина будет готовить Бухарин, возглавивший по постановлению Политбюро программную комиссию, в состав которой вошел и Сталин. Бухарин в марте 1928 г. запросит у Сталина указаний и сделает это в самоуничижающем стиле. «Я должен поговорить с тобой на днях относительно Программы КИ, твоих замечаний, желаний, требований и

т. д. и т. п. ...Когда иметь первый разговор?» Сталин ответит: «Согласен на любой срок. Даю «карт-бланш»». Карт-бланш Бухарину не поможет, Сталин тезисы Бухарина подвергнет буквально разгрому, начав свои «замечания» с такой констатации: «Я думаю, что придется заново написать программу» [843].



Т.т.Бухарину, Рыкову, Молотову.

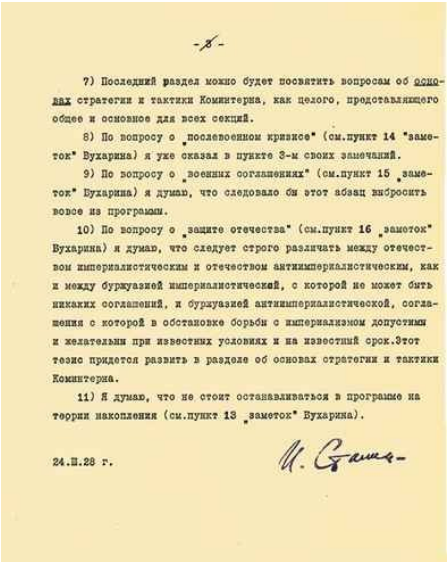
КРАТКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ПРОЕКТЕ ПРОГРАММЫ КИ.

Признавая в основном правильными „заметки" Бухарина, считал бы необходимым дополнить их следующими замечаниями.

1) Я думаю, что придется заново написать программу, ибо проект программы, принятый за основу У конгрессом, нельзя считать удовлетворительным с точки зрения нынешних потребностей Коминтерна.

2) Имеющееся „Введение" к проекту программы У конгресса неудовлетворительно. Лучше было бы обойтись без „Введения". Если нельзя обойтись, можно дать такое „Введение", которое бы обосновывало идею необходимости общей программы КИ наряду с отдельными программами секций КИ.

3) Программу следовало бы, по моему, начать (первый раздел) с анализа мировой капиталистической системы в ее империалистической фазе развития, а не капиталистического общества вообще, проводя этот анализ под углом зрения развивающегося кризиса мирового капитализма. Дело идет, конечно, не о том послевоенном кризисе 1919-21 г.г., который в основном уже изживается, а о том более серьезном кризисе мирового капитализма, который начался еще во время войны и который получил свое наиболее яркое выражение в факте образования советской системы хозяйства. Ясно, что этот кризис будет существовать и развиваться, несмотря на частичную стабилизацию капитализма, пока существует советская система, развивающаяся наряду и за счет мировой капиталистической системы. Под углом зрения этого кризиса и следует, по моему, изложить анализ мировой капиталистической системы. При этом хорошо было бы дать характеристику экономической и политической неравномерности развития, вскрыть основные противоречия внутри мировой системы капитализма с неизбежностью военных конфликтов, обосновать идею возможности победы социализма в отдельных стра-



-8-

7) Последний раздел можно будет посвятить вопросам об основах стратегии и тактики Коминтерна, как целого, представляющего общее и основное для всех секций.

8) По вопросу о „послевоенном кризисе" (см.пункт 14 "заметок" Бухарина) я уже сказал в пункте 3-м своих замечаний.

9) По вопросу о „военных соглашениях" (см.пункт 15 „заметок" Бухарина) я думаю, что следовало бы этот абзац выбросить вовсе из программы.

10) По вопросу о „защите отечества" (см.пункт 16 „заметок" Бухарина) я думаю, что следует строго различать между отечеством империалистическим и отечеством антиимпериалистическим, как и между буржуазией империалистической, с которой не может быть никаких соглашений, и буржуазией антиимпериалистической, соглашения с которой в обстановке борьбы с империализмом допустимы и желательны при известных условиях и на известный срок. Этот тезис придется развить в разделе об основах стратегии и тактики Коминтерна.

11) Я думаю, что не стоит останавливаться в программе на теории накопления (см.пункт 13 „заметок" Бухарина).

24.II.28 г. И. Сталин

Краткие замечания И.В. Сталина о проекте программы Коминтерна
24 марта 1928
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 136. Л. 8–10]

Проект программы Бухарин переписал, и 10 мая Политбюро решило: «Проект программы тт. Бухарина и Сталина в основном одобрить»[844]. Первой в числе задач коммунистических партий Сталин станет называть «неустанную борьбу с социал-демократизмом по всем линиям». Социал-демократию он назовет основной опорой капитализма в рабочем классе и главным противником коммунизма[845].

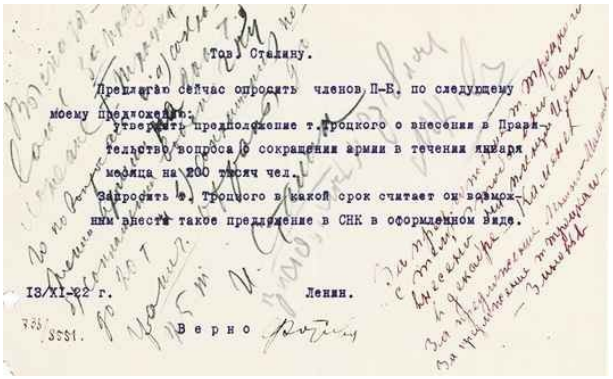
Вслед за большевизацией партий Коминтерна Сталин провел кампанию против «правых и примиренцев», которая практически совпала по времени с борьбой с «правым уклоном» в самой ВКП(б). Соответствующим образом он наставлял руководителя германской компартии Эрнста Тельмана в октябре 1928 г.[846] В декабре того же года на заседании Президиума ИККИ, которое стало одним из поворотных моментов начавшейся чистки Коминтерна от «правых и примиренцев», Сталин выступил с характерной поправкой к тесту и так очень жесткого письма в адрес компартии Германии: «Президиум ИККИ категорически осуждает лицемерно-оппортунистическую декларацию т. Эмбр-Дро, рассчитанную на деле на поддержку правых элементов ГКП и клеймит ее, как недостойный выпад против Коминтерна»[847]. На этом заседании Сталин выступил с пространной речью о правой опасности в германской компартии. В ней он заявил о существовании двух сил в германской компартии, «которые разлагают партию изнутри и создают угрозу ее существованию. Это, во-первых, фракция правых, которая организует внутри компартии новую антиленинскую партию со своим центром, со своими органами печати… Это, во-вторых, группа примиренцев, которая усиливает своими колебаниями фракцию правых». «Нельзя терпеть дальше существования таких людей в составе Коминтерна», — таким призывом он завершил свое выступление. Предвестником грядущей кампании по разгрому «правых» в ВКП(б) стал тот раздел его речи, в котором Сталин провел параллели между правыми в КПГ и ВКП(б). Правда, «своих правых» он взял под защиту, указав, что «на данной стадии рзвития борьбы с правой опасностью внутри ВКП(б) основным методом борьбы является борьба идеологическая…»[848] Продолжительность «данной» примирительной стадии оказалась недолгой. В конце января — начале февраля 1929 г. состоялось объединенное заседание Политбюро и Президиума ЦКК, где Сталин выступил с речью «О группе Бухарина и правом уклоне в нашей партии», которой ознаменовалось вступление внутрипартийной борьбы в новую стадию.

«Состояние боевой готовности страны… приходится признать неудовлетворительным». Военное и оборонное строительство 1920-х гг

Осознание внешней военной угрозы как константы, с одной стороны, и готовность атаковать мировой капитализм — с другой, будут понуждать советское руководство уделять значительное внимание военному и оборонному строительству. Подходы к решению этих вопросов будут претерпевать определенные изменения. Завершение Гражданской войны и иностранной интервенции оценивались большевистским руководством как начало мирной передышки. С декабря 1920 по сентябрь 1921 г. Красная армия была «приведена почти полностью на мирное положение»[849]. Однако переход к мирному строительству не означал изменения принципиальных идейно-политических подходов к военному планированию. Военная доктрина большевизма по-прежнему имела в своем основании концепцию мировой революции, а неизбежная будущая война мыслилась как вооруженное столкновение с капиталистическим миром. В начале 1920-х гг. в повестке дня во весь рост встанет задача военного строительства в период этой самой мирной передышки, а вопросы собственно военного планирования в поле зрения советского политико-военного руководства отойдут на задний план. Главным вопросом в этот период станет масштабная демобилизация. Содержание огромной по численности армии ложилось непосильным бременем на разрушенную экономику Советской России. Сокращение численного состава Красной армии будет беспрецедентным по своему масштабу — с 5,5 млн человек в конце 1920 г. до 562 тыс. человек к октябрю 1924-го. Причем демобилизация была проведена в настолько короткие сроки и такими методами, что не могла не привести к дезорганизации военного управления.

В апреле 1921 г. Ленин обвинит «военную бюрократию» в том, что она желает провести демобилизацию «по-хорошему», и порекомендует следующие принципы ее проведения: «перестать давать что бы то ни было. Ни хлеба, ни одежи, ни обуви. Сказать красноармейцу: либо уходи сейчас пешком «без ничего». Либо жди 1 год на $^{1}/_{8}$ фунта и без одежи, без обуви. Тогда он уйдет сам и пешком»[850]. Уже в начальной фазе демобилизации, в начале ноября 1921 г., Троцкий в своей записке в Политбюро упрекнет ЦК партии в том, что тот «недооценивает чрезвычайной критичности положения армии». В известный момент, скажет Троцкий, может оказаться, «что у нас не армия, а карточный домик»[851]. В этом же письме Троцкий обратит внимание на фактический

саботаж со стороны Оргбюро ЦК (читай — Сталина) предлагавшихся им назначений на пост начальника Политического управления (ПУР) РККА.



Тов. Сталину.

Предлагаю сейчас опросить членов П-Б. по следующему моему предложению:

Утвердить предположение т. Троцкого о внесении в Правительство вопроса о сокращении армии в течении января месяца на 200 тысяч чел.

Запросить т. Троцкого в какой срок считает он возможным внести такое предложение в СНК в оформленном виде.

13/XI-22 г. Ленин.

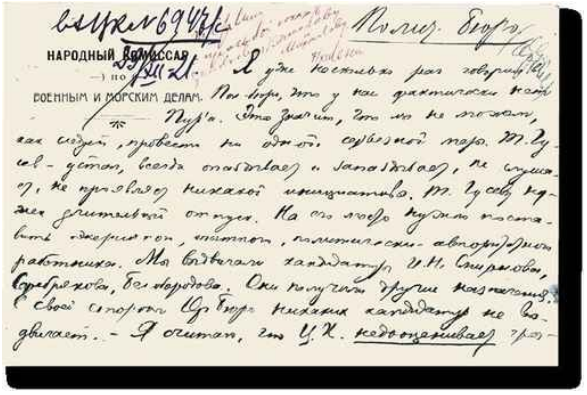
Верно

Записка В.И. Ленина И.В. Сталину с предложением опросить членов Политбюро по вопросу о сокращении армии в январе 1923 г. на 200 тыс. человек с ответом И.В. Сталина о сокращении армии, войск ГПУ и пограничной охраны

13 ноября 1922

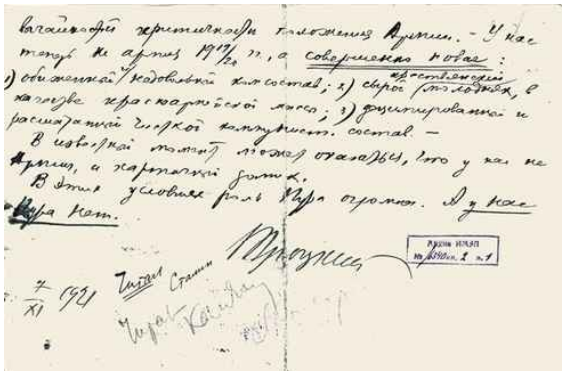
Резолюции — автографы И.В. Сталина, М.И. Калинина, Л.Б. Каменева

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23464. Л. 1]



НАРОДНЫЙ КОМИССАР по ВОЕННЫМ И МОРСКИМ ДЕЛАМ

Полит. бюро



Письмо Л.Д. Троцкого в Политбюро ЦК РКП(б) о работе Политуправления РВС и необходимости замены Гусева
7 ноября 1921
Автограф Л.Д. Троцкого
[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 989. Л. 1–1 об.]

Сталин будет поддерживать согласованный Лениным курс. Так, в ноябре 1922 г. на одной из ленинских записок, поручавшей ему выяснить мнение членов Политбюро об очередном сокращении армии, Сталин выскажется «за предложение т. Троцкого» о сокращении армии, войск ГПУ и пограничной охраны [852].

Военные руководители станут проявлять беспокойство складывавшимся положением дел с самого начала проводившейся демобилизации. В конце сентября 1921 г. Главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики Каменев и начальник Штаба РККА Лебедев направят Ленину доклад. В нем они подчеркнут: «В данный момент мы резко идем по пути ослабления армии и уменьшения ее готовности. Между тем военно-политические условия требуют совершенно обратного, то есть принятия реальных мер по увеличению боевой готовности армии вообще и немедленного усиления войск на Западной границе в частности»[853]. Основанием для такого рода выводов станут оценки готовности к войне Польши, которая практически в течение всего межвоенного периода будет позиционироваться как потенциальный враг номер один на западном театре военных действий. Тем не менее, несмотря на предостережения военных, политическое руководство продолжит взятый курс, и пленум ЦК 8 октября 1921 г. утвердит численный состав Красной армии в 1 595 000 человек (вкючая войска ВЧК, отряды особого назначения, флота, Всевобуча)[854]. Последующими решениями Политбюро ЦК в 1922 г. (в апреле и ноябре) и пленума (в декабре) планируемую численность доведут до 610 тыс. человек (исключая войска ГПУ, пограничную и конвойную стражу). Помимо чисто экономических причин, сделавших невозможным содержание крупной по численности армии в условиях

мирного времени, политическое руководство под влиянием момента исходило, вероятно, в том числе из «идеалистических» побуждений. Так, Политбюро в апреле 1922 г. поддержало план Троцкого по сокращению РККА «в связи с поднятым на Генуэзской конференции вопросом о возможности всеобщего разоружения», а декабрьский пленум того же года заявил о необходимости «считать цифру в 600 тыс. минимально необходимой для безопасности РСФСР», подчеркнул целесообразность на съезде партии «в общем докладе по политике правительства осветить вопрос о наших пацифистских усилиях» [855].

В кризисном положении будет находиться не только армия, но и военная промышленность. В январе 1923 г. Сталин пошлет членам Политбюро для ознакомления «вкруговую» письмо председателя ВСНХ П.А. Богданова, адресованное Троцкому, которое завершалось выводом: «Нельзя при настоящем состоянии военной промышленности вести серьезную военную кампанию». В конце февраля аналогичную по смыслу записку в Политбюро направил председатель коллегии Главного управления военной промышленности И.Н. Смирнов, который счел «своим партийным долгом сказать ЦК тяжелую правду о состоянии обороны нашей республики и о нашей к ней неподготовленности со стороны производственно-технической»[856].

В военном строительстве большевики возьмут курс на милиционную систему построения армии в соответствии с постановлением «О переходе к милиционной системе», которое было принято IX съездом партии, состоявшемся еще в марте — апреле 1920 г.[857] Уже в начальной фазе перестройки станет проявляться конфликт между Сталиным и Троцким. Обвальная демобилизация, низкий уровень материального и социального обеспечения командирского состава, не говоря уже о рядовом, и другие причины в результате породили ряд проблем, в том числе высокую текучесть личного состава. Военные руководители разных рангов не раз обращались к политическому руководству с просьбами о помощи в решении острых проблем армии, на разных уровнях рассматривался вопрос о пятилетнем плане строительства Красной армии, однако до практических шагов дело дойдет не скоро. Неясными оставались экономические возможности финансирования военного и оборонно-технического секторов, а главное — развертывание политической борьбы внутри советского руководства мешало осмысливать и решать такого рода масштабные задачи.

Армейские проблемы, однако, требовали скорейшего разрешения в рамках случившейся «мирной передышки». Сталин сконцентрирует внимание на двух из них — текучесть состава армии и ее снабжение. Пленум ЦК в январе 1924 г. примет решение образовать комиссию для соответствующего обследования. В феврале 1924 г. состоится специальный пленум ЦК, в повестке дня которого значились «доклад комиссии по обследованию текучести и состояния снабжения армии» и вопрос «о бюджете Военного ведомства». По итогам многочасового

обсуждения будет сделан следующий вывод: «Красной армии как организованной, обученной, политически-воспитанной и обеспеченной мобилизационными запасами силы у нас в настоящее время нет. В настоящем своем виде Красная армия небоеспособна»[858]. Предвзятый, политически запрограммированный характер состоявшегося обсуждения причин возникших проблем подчеркнет заместитель председателя РВСР Склянский. Именно он вынес на обсуждение политического руководства проблемы армии в своем специальном «Докладе о состоянии армии», который он направил в ЦК в марте предшествующего 1923 г.[859], однако в упомянутую комиссию ЦК он не вызывался ни разу[860]. Тем не менее и он не станет опротестовывать общий вывод, приведенный выше. Сталин выступит на этом пленуме и сконцентрируется на проблеме текучести, намеренно сгустив краски в сделанных им оценках: «Товарищи, что такое текучеть? Текучесть — это значит то, что у нас нет постоянного состава армии, что армия непрерывно меняется и бродит изо дня в день, что у нас, собственно говоря, нет армии, а есть… проходной двор». В качестве причины он укажет на «дефекты организационного характера». «Среди одной части верхушки Военведа царит полное непонимание Красной армии, ее организационных нужд, ее недостатков и достоинств, — заявит Сталин, — …эта часть верхушки не знает Красной армии, которой она не строила и в рядах которой она не работала… Нужно эту часть верхушки освежить, пополнить ее новыми людьми с фронтов, выросшими и поднявшимися из недр Красной армии». Не будучи готов уже тогда прямо атаковать Троцкого, который, к тому же, по стечению «счастливых» для Сталина обстоятельств на пленуме отсутствовал, Сталин предложил «выделить несколько человек для совместного обсуждения с т. Троцким вопроса о мерах ликвидации текучести»[861].

Владимир Александрович Антонов-Овсеенко
1930-е

[Из открытых источников]

Эфраим Маркович Склянский
1920-е
[Из открытых источников]

Сталин использует работу комиссии как основание для масштабного наступления на позиции Троцкого в военном ведомстве, постепенно начнет проводить кадровую чистку аппарата РВС Республики от его сторонников. По предложению комиссии, образованной февральским пленумом 1924 г., решением Политбюро от 3 марта того же года с поста заместителя председателя РВСР будет снят Э.М. Склянский. Тем же постановлением на эту должность назначается М.В. Фрунзе[862]. Нелишним будет обратить внимание, что на пленуме Фрунзе выступал в русле формировавшейся Сталиным «генеральной линии», указав в качестве одной из основных причин «недочетов в работе Военного ведомства» тот факт, что «тов. Троцкий не мог уделять армии по состоянию своего здоровья или перегруженности другими работами достаточного внимания»[863]. Троцкий заявит, что в предложенном комиссией ЦК изменении состава РВСР он видит «политическую меру», никак не связанную с реальными шагами, «необходимыми для оздоровления и укрепления армии»[864]. 6 марта Политбюро утвердит новый состав РВСР[865]. Несколько позднее с поста начальника ПУР РККА будет освобожден еще один сторонник Троцкого — В.А. Антонов-Овсеенко.

Б.М. Шапошников, М.В. Фрунзе и М.Н. Тухачевский
1920-е
[РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 54. Д. 39. Л. 23]

Этот период военного «строительства» завершится кардинальными мерами наверху. 15 января 1925 г. Троцкий, оставшись в своем ведомстве практически без сторонников, пишет письмо в ЦК с просьбой об отставке с поста председателя РВСР. Уже через два дня Политбюро эту просьбу удовлетворит, а 19 января руководителем военного ведомства будет назначен Фрунзе. Он продолжит в общих чертах линию военного руководства по привлечению внимания Политбюро к проблемам материально-технического обеспечения армии и ее неспособности решать задачи обороны. При этом главная военная угроза по-прежнему виделась исходящей со стороны Польши и Румынии, причем подчеркивалось, что «создание союза Прибалтийских государств может привести к тому, что лимитрофы не останутся нейтральными при объявлении войны Польшей и Румынией» [866].

Выдворение Троцкого из военного ведомства заставило Сталина заняться вплотную военными делами. 19 января 1925 г., назначая Фрунзе председателем РВС СССР, пленум ЦК примет постановление, в котором констатировалось, что «состояние боевой готовности страны, несмотря на несомненное улучшение... приходится признать неудовлетворительным, что обусловливается недостаточностью ассигнуемых на военное дело средств». Будет решено «наметить план усиления нашей армии и флота и увеличения размера ежегодно отпускаемых денежных средств на оборону, с тем чтобы не позже как в ближайшее пятилетие довести армию и флот до полной мобилизационной готовности»[867]. Таким образом, «новый курс» в военном строительстве был принят несколько ранее того, как события на международной арене приняли, по мнению советского руководства, угрожающий безопасности СССР оборот. В будущей военной тревоге

1927 г. Сталин, судя по всему, увидит подтверждение правильности принятых решений. Вслед за тем, в июле 1925 г., Политбюро приняло решение «во изменение предыдущих постановлений разрешить РВС СССР установить предельный размер кадрового состава армии в 615 тыс. человек»[868]. К 1929 г. РККА увеличится — до 617 тыс. человек, в ноябре того же года в связи с событиями на КВЖД еще на 15 тыс.[869]

В результате реформ, проведенных в 1924–1925 гг., была принята территориально-милиционная система строительства вооруженных сил в сочетании с кадровым принципом, переход к которой завершится к 1928 г. При такой системе в войсковых частях находилось небольшое число кадровых военнослужащих (командиров), а рядовой состав призывался с территорий размещения и сопредельных на кратковременные сборы, на которых и проходило обучение. Был осуществлен переход к регламентированной нормативными документами системе комплектования армии, созданы единые организационные формы, в основу боевой подготовки положена плановость, реорганизованы системы политической подготовки и снабжения, начато техническое переоснащение вооруженных сил. Для подготовки старшего и высшего военного состава было создано шесть академий, ряд военных школ, разрабатывались и внедрялись новые уставы.

Важнейшим следует признать введение единоначалия и отказ от института политических комиссаров. Приказом РВС от 2 марта 1925 г. в РККА была введена должность помощника командира по политической части, 6 марта ЦК РКП(б) принял постановление «О единоначалии в Красной армии». В результате политработник перестал контролировать деятельность командира части с правом отмены его приказов, занимаясь вопросами политического воспитания и контроля политических настроений в части. Последовательным советское руководство в этом вопросе, однако, не стало. Как мы увидим далее, Сталин будет несколько раз возращаться к практикам политического контроля за деятельности военных руководителей, возвращая институт политкомов (политических комиссаров) в армию в моменты всплеска недоверия к военным — в годы Большого террора и в начальный период Великой Отечественной войны. В ходе реформы партийное руководство опробует на практике идею национальных армейских формирований. В 1925 г. в них числилось около 60 тыс. человек (10 % личного состава). Очень скоро советское руководство осознало, что создание национальных республиканских красных армий не только обходится слишком дорого, но и несет риски не только для централизованного командования в случае войны, но и для целостности страны.

Стратегическое руководство Вооруженными Силами Союза ССР в этот период осуществлял Наркомат по военным и морским делам. Возглавлял его нарком по военным и морским делам, являвшийся

одновременно председателем Реввоенсовета СССР — коллегии наркомата. В ходе реформы произошла перестройка Штаба РККА, который стал заниматься обобщением опыта войн, разработкой узловых вопросов подготовки к обороне, оперативных и мобилизационных планов, основ организации и строительства вооруженных сил. Была упразднена должность главнокомандующего.

18 сентября 1925 г. был принят закон об обязательной военной службе, согласно которому вооруженные силы подразделялись на сухопутные, морские и воздушные, войска ОГПУ и конвойную стражу. Территория страны была разделена на 14 военных округов.

Что касается военной доктрины, то военные руководители Страны Советов были по-прежнему, в большинстве своем, привержены тем же устремлениям к мировой революции, что и бывший председатель Реввоенсовета РСФСР/СССР Троцкий. Командующий Западным фронтом М.Н. Тухачевский в октябре 1923 г. видел задачи Красной армии в том, что «она должна быть готова к нападению мирового фашизма и должна быть готова, в свою очередь, нанести ему смертельный удар разрушением основ Версальского мира и установлением Всеевропейского Союза Советских Социалистических Республик»[870]. М.В. Фрунзе в бытность начальником Штаба Красной армии, выступая 1 августа 1924 г. на торжественном заседании Военной академии РККА, подчеркнет «совершенно особые задачи» штаба, «выходящие далеко за пределы узких национальных рамок»[871]. Германское военное командование того времени, оценивая Фрунзе, отметит: «В разговорах с высокопоставленными советскими командирами… выяснилось, что его внешнеполитическая концепция была более активной, чем у Сталина, особенно во взгляде на Польшу»[872].

Фрунзе, как известно, 31 октября 1925 г. умер во время операции от передозировки наркоза. Вероятно, именно Троцкий запустит в общественный оборот версию о «медицинском убийстве», организованном Сталиным, которая скоро будет ярко описана Б. Пильняком в известной «Повести непогашенной луны». Подтверждений этой версии до сих пор нет. Так или иначе, но после смерти Фрунзе на военно-политическом олимпе на долгое время воцарится ближайший соратник Сталина К.Е. Ворошилов. Дольше всех в военном ведомстве из оппозиционеров продержится сторонник Зиновьева М.М. Лашевич, занимавший в начальный период руководства Ворошилова пост заместителя председателя Реввоенсовета. Смена руководства военного ведомства не повлечет за собой изменения принципов построения армии.

В середине 1920-х гг. появляется первый план развертывания Красной армии в случае войны на Западе. В ноябре 1923 г. командующие Северо-Западным, Западным и Юго-Западным фронтами получат директиву главнокомандующего об определении состава фронтов и группировок войск во время стратегического развертывания.

Причем советское руководство, судя по содержанию директивы, еще не определилось в отношении своих будущих противников. И потому главком обещал, что «сведения о противнике и оперативные задания будут даны дополнительно»[873]. Командование фронтов расценит эту директиву в качестве решения «по стратегическому развертыванию наших сил против польской армии», как это сделает, например, командующий Западным фронтом М.Н. Тухачевский[874]. В октябре 1924 г. в Штабе РККА появился доклад о плане войны на Западе, который уже вполне определенно исходил из предположения об одновременном выступлении против СССР Польши и Румынии при опоре на поставки вооружений со стороны Франции, Великобритании и Чехословакии. Тухачевский, возглавивший Штаб РККА в качестве начальника, в 1926 г. предложил план войны по трем основным операционным направлениям, два из которых — против Польши, одно — против Румынии. Эстония, Латвия, Литва, Финляндия, несмотря «на ряд мероприятий, предпринятых Польшей с целью вовлечения их в общий антисоветский союз... ввиду их слабости всегда будут занимать оборонительную позицию», — подчеркивал Тухачевский.

Очень скоро представления о вероятных противниках будут скорректированы. 29 марта Ворошилов утвердил подготовленный Тухачевским и Триандафилловым доклад Штаба РККА «План войны на Западе», в котором консервативное правительство Великобритании будет названо «главным инициатором всех противосоветских комбинаций». Советское военно-политическое руководство станет исходить из возможности «создания единого военного антисоветского фронта из всех Западных, сопредельных с СССР, стран от Балтики и до Черного моря». «Противосоветские» планы Англии, как считалось, были также направлены «к вытеснению влияния СССР из стран Востока». Наиболее вероятным противником в плане по-прежнему названа Польша, которую следовало признать «из всех наших западных соседей наиболее серьезным, организованным и сильным противником»[875].

Помимо вопросов стратегического и оперативного планирования войны в фокусе внимания советского руководства находились, разумеется, и вопросы военно-оборонного строительства. В начале 1920-х, еще при Троцком, начнет складываться система предприятий военно-промышленного комплекса СССР, которая просуществует вплоть до распада СССР в 1991 г. Большинство руководителей, связанных с военным руководством, выступало за организацию военной промышленности как «обособленного» сегмента индустрии, что диктовалось, по их мнению, причинами стратегического и производственно-технологического характера. В условиях внешней изоляции все предметы вооружения и снабжения должны были изготавливаться внутри Союза ССР и с использованием отечественного сырья. В отличие от царской России, Советский Союз не мог рассчитывать на иностранную помощь или международную

кооперацию. Начал складываться подход, согласно которому в мирное время заводы разделяются на предприятия военно-промышленного кадра и заводы резерва. На заводах резерва в мирное время военное производство остается в стадии консервации, а заводы кадра в мирное время выполняют военные заказы, разрабатывают новые модели и типы вооружения и т. д.[876] В октябре 1925 г. ВСНХ поставил перед Сталиным еще один вопрос — о необходимости накопления мобилизационных запасов в промышленности[877].

После смерти Фрунзе председателем Реввоенсовета и наркомом по военным и морским делам, как уже отмечалось, был назначен ближайший сподвижник Сталина К.Е. Ворошилов. Вскоре после назначения 17 марта 1927 г. он сделал на Политбюро доклад и представил проект постановления о плане обороны. Произойдет это еще до того, как начнет разворачиваться «военная тревога» 1927 г. В этих документах зафиксировано, что советская военная техника «далеко отстает от требований обороны страны», мобилизационные запасы не обеспечивают «ни в какой мере даже первых месяцев войны», промышленность «не удовлетворяет потребностей обороны», транспорт «не обеспечивает своевременных сроков стратегического сосредоточения» и т. д.[878] По итогам заседания была сформирована специальная комиссия под председательством Ворошилова (Сталин вошел в ее состав), которой было предоставлено «право окончательного утверждения проекта резолюции от имени Политбюро» по затронутым вопросам. Этой же комиссии поручалось заслушать доклад Ворошилова «о подготовке оперативных планов»[879]. Несмотря на полученные полномочия, Сталин счел необходимым провести решение комиссии через Политбюро, что и было сделано на заседании 5 мая [880].

Через два месяца в связи с нарастанием военной тревоги Оргбюро ЦК образовало комиссию для рассмотрения вопроса об усилении мобилизационной работы под председательством А.С. Бубнова. 27 июня 1927 г. Политбюро утвердило циркуляр, адресованный ЦК компартий союзных республик, крайкомам, губкомам и окружкомам ВКП(б) об укреплении мобилизационной работы партийных органов. При каждом парткомитете предлагалось создать постоянную мобилизационную комиссию («мобтройка»). В ее состав входили секретарь партийного комитета, председатель исполкома и старший войсковой начальник или комиссар (помощник по политчасти). Тем же протоколом признавалась необходимой публикация обращения ЦК «в связи с опасностью войны и действиями белогвардейщины», предписывалось разработать меры по развертыванию организационно-военной работы Осоавиахима, ВЦСПС, Центросоюза и сельскохозяйственной кооперации. Особое беспокойство Сталина в связи с угрозой войны вызывало политическое положение в союзных республиках. В связи с этим ЦК компартий Украины, Белоруссии, Закавказскому бюро ЦК, Северо-Кавказскому крайкому,

Средазбюро ЦК и Дальневосточному крайкому было поручено представить соответствующие доклады о политическом положении на местах и проект мероприятий, обеспечивающих обороноспособность страны[881]. Не раз Сталин будет подчеркивать: «Мы имеем врагов внутренних. Мы имеем врагов внешних. Об этом нельзя забывать, товарищи, ни на одну минуту». Так он акцентирует внимание целевой аудитории на проблемах своей «осажденной крепости», например, на собрании актива московской парторганизации в апреле 1928 г. [882]

В декабре 1927 г. Тухачевский в качестве начальника Штаба РККА направил наркомвоенмору Ворошилову докладную записку «О радикальном перевооружении РККА», где автор предложил «совершенно по-новому подойти к задаче развития и реконструкции РККА», представив «конкретные соображения о развитии технических родов войск, развитии оборонной промышленности, строительстве новых заводов и дополнительном финансировании этих программ». Тухачевский полагал, что достигнутые «хозяйственные успехи» позволяют «развить массовые размеры армии, увеличить ее подвижность, повысить ее наступательные возможности»[883]. Записку Тухачевского его авторитетный современник военный теоретик Г.С. Иссерсон оценит как «документ, впервые поставивший вопрос о реконструкции и перевооружении Советской Армии»[884]. По одной из современных нам оценок, «это уже была особая концепция развития страны и государства»[885].

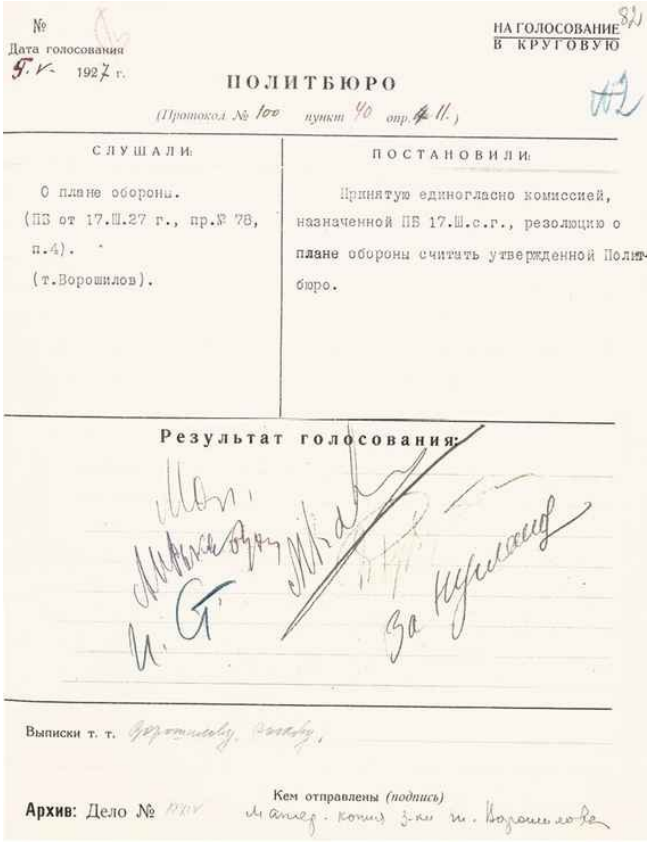
Ворошилов, конечно, ознакомил Сталина с запиской Тухачевского. Подход Тухачевского к военному и оборонному строительству, предусматривавший многократное увеличение численности РККА, ее механизацию и моторизацию, находился в рамках общего тренда общественного развития. Его вполне можно описать словами В.В. Маяковского, позднее назначенного Сталиным лучшим, талантливейшим поэтом советской эпохи. Маяковский в том же 1927 г. в своей поэме «Хорошо!» скажет: «Я планов наших люблю громадье, Размаха шаги саженьи».

Как будет показано ниже, Сталин, хорошо представлявший ограниченные финансово-экономические возможности Страны Советов, выразит свое несогласие с максималистским подходом Тухачевского. Пройдет пару лет и он изменит свои взгляды.

Что касается оперативного планирования, то оно велось не только в Штабе РККА, но и в военных округах. Не имея возможности излагать даже основные его параметры, отметим важную особенность, которая хорошо характеризует умонастроения военно-политической элиты. Так, руководство Среднеазиатского военного округа и Кавказской Краснознаменной армии в своих оперативных разработках, наряду с обороной границ, в качестве другой основной задачи видело необходимость «не только зорко следить за своими внешними противниками, но еще более за своим тылом». Борьба с политическим

бандитизмом, диверсионной деятельностью, басмачеством, выступлениями и восстаниями антисоветских группировок, то есть масштабные риски «возникновения внутренних осложнений» расценивались как актуальные. Соответственно ставились задачи, и не только для спецслужб. Реальная внутренняя обстановка и социальная среда, за преобразование которой взялись большевики, расценивались большевистским руководством как в значительной степени враждебные, и армия должна была быть готова к отражению и внутренних угроз[886].

7 мая 1928 г. Тухачевский выступил на расширенном заседании Реввоенсовета СССР с докладом о военно-морской обороне СССР. «Цельность Советского Союза как политическая, так и экономическая не может быть нарушена морскими операциями противника», — так он начал доклад. Руководствуясь этим тезисом, он сделает вывод о том, что «подавляющая часть средств должна быть затрачена на наши сухопутные и воздушные силы». Военно-морские силы должны были обеспечить превосходство над морскими силами соседей, создать мощную береговую оборону, обеспечить господство в воздухе над Балтийским и Черным морями и «создать затруднения» линейным флотам крупных морских держав на Западе[887]. Этот подход на некоторое время будет принят советским политико-военным руководством за основу стратегического планирования, наступательный характер военной доктрины в целом при этом не будет подвергаться сомнению.



№

Дата голосования 5.V. 1927 г.

НА ГОЛОСОВАНИЕ В КРУГОВУЮ

ПОЛИТБЮРО

(Протокол № 100 пункт 40 опр. 11.)

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
О плане обороны. (ПБ от 17.III.27 г., пр.№ 78, п.4). (т.Ворошилов).	Принятую единогласно комиссией, назначенной ПБ 17.III.с.г., резолюцию о плане обороны считать утвержденной Политбюро.

Результат голосования:

Выписки т. т.

Архив: Дело № Кем отправлены (подпись)

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О плане обороны».

5 мая 1927

Подписи — автографы В.М. Молотова, А.И. Рыкова, И.В. Сталина, Н.И. Бухарина, М.И. Калинина, Я.Э. Рудзутака.

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 637. Л. 82]

Военные руководители этого периода, видимо, по сложившейся традиции продолжали высказывать самостоятельные суждения по вопросам стратегического планирования без особой оглядки на высшее политическое руководство. Многие из них все еще не вполне улавливали общий тренд эволюции политической системы в направлении централизации такого рода компетенций в руках единоличного лидера. Это не могло не восприниматься как выход за рамки мандата, вторжение в сферу компетенции политического, а не военного руководства. В связи с этим стоит напомнить, что еще в 1921 г. в наброске одной из своих работ, Сталин запишет свою, ставшую знаменитой, максиму: «Компартия как своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность».

В этой военно-религиозной организации верховная власть, напомним, принадлежала магистру. Очевидно, что в этой концепции не

было места для самостоятельных выступлений политиков и военных, не освященных предварительно военным и религиозным вождем. Судя по всему, неминуемым был конфликт с теми, кто воспринимал декларации о внутрипартийной демократии как руководство к действию. Так что у будущего конфликта Сталина с военными была, помимо прочего, и вот такая «идеологическая» подкладка, которую Сталин сделает публичной много позже.

В конце 1920-х страна вступит в новый этап своего развития. «Великий перелом», — так партийная публицистика, следуя за Сталиным, станет определять существо происходивших в 1929–1930 гг. событий. Вопрос о широко понимаемом «политическом положении на местах» и способах обеспечения обороноспособности и безопасности приобретет новое измерение. Сталин и Политбюро примут новые решения по вопросам военного строительства, о которых речь пойдет в следующей главе.

«Соки хозяйственной жизни… прут вверх с неудержимой силой». От новой экономической политики к новым темпам роста экономики

В 1920–1922 гг. Советская Россия выходит из Гражданской войны. Ленин признает в марте 1921 г.: «Никогда страна не достигала такой усталости, изношенности, как теперь»[888]. Экономика страны лежала в руинах. Объем производства зерна был на 56 % ниже уровня 1913 г., объемы производства животноводческой продукции — на 73 %, промышленной продукции — на 70 % [889].

По стране прокатилась волна крестьянских восстаний и рабочих забастовок. Наиболее заметными антисоветскими вооруженными выступлениями станут Кронштадтское и Антоновское (Тамбовское) восстания. Под давлением этих обстоятельств Ленин пойдет на то, чтобы принять предложение Троцкого, выработанное годом ранее. 15 марта 1921 г. X съезд РКП(б) примет по докладу Ленина резолюцию «О замене разверстки натуральным налогом», ознаменовавшую переход к нэпу. В аграрной сфере на смену продразверстке пришла система умеренного налогообложения, промышленное производство было переведено на коммерческие принципы функционирования с внедрением системы трестов, задачей которых стала максимизация прибыли. Был легализован сектор частной торговли, рыночные отношения стали определяющим принципом в экономическом взаимодействии. Важнейшей реформой являлось введение в мае 1923

г. единого сельскохозяйственного налога взамен многочисленных прежних: единого натурального, подворно-денежного, общегражданского, трудгужналога и прочих местных налогов.

ЦК РКП(б) продолжил курс на прямое руководство экономикой и начал в том числе контролировать сбор налогов и нормативную деятельность в этой сфере на местах, о чем свидетельствует шифротелеграмма, направленная Сталиным секретарю Юго-Восточного бюро ЦК А.И. Микояну об отмене постановления Юго-Восточного бюро ЦК о сельхозналоге.

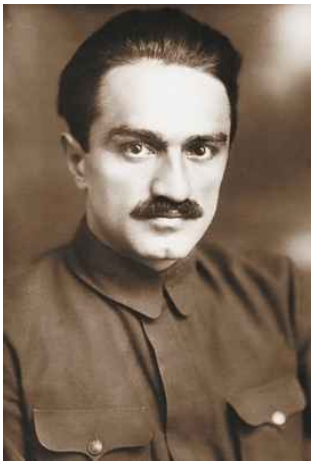
Нэп задумывался Лениным как временное отступление, призванное снизить градус противостояния крестьянской страны политике большевистского правительства в деревне. Именно так нэп воспринимался и большинством членов партии, для которого самостоятельно хозяйствующий субъект — нэпман — будет оставаться классовым врагом. В одном из писем Молотову Сталин прямо скажет «о нэпманах и других врагах рабочего класса» [890].

Одной из узловых дискуссионных проблем являлся вопрос о монополии внешней торговли, которая была установлена декретом Совнаркома еще 22 апреля 1918 г. После перехода к нэпу, который повлек за собой расширение зарубежных торгово-экономических сязей, целый ряд членов Политбюро и ЦК, включая Сталина, Каменева, Зиновьева, Бухарина, Пятакова, Сокольникова и др., придут к мнению о целесообразности ослабления или даже отмены монополии внешней торговли. В связи с этим Ленин решит подтвердить курс на сохранение монополии, и 4 марта 1922 г. Политбюро проголосовало за «Тезисы о внешней торговле», в которых была подчеркнута целесообразность укрепления монополии. 22 мая Политбюро вновь возвращается к этому вопросу и оформляет свою позицию директивой: «ЦК подтверждает монополию внешней торговли… Секретно подписать всем наркомам»[891]. В обоих случаях вопрос на Политбюро заслушивался по предложению Ленина. Его болезнь дала возможность подвергнуть ревизии эти решения. 6 октября пленум ЦК, на котором Ленин отсутствовал, принял постановление, которым временно разрешался ввоз и вывоз по отдельным категориям товаров или применительно к отдельным границам. 12 октября Ленин беседовал по этому вопросу со Сталиным. С разницей в два месяца — 13 октября и 13 декабря — он написал два пространных письма о монополии внешней торговли, в обоих случаях адресовав их Сталину для членов ЦК РКП(б) в октябре и для пленума ЦК в декабре. В этих письмах он ни разу не упомянул членов Политбюро Сталина, Каменева, Зиновьева, отступивших от принятых решений. Таким образом, он решил вывести эту группу деятелей из-под критики. Он подробно разбирал воззрения и предложения менее значимых Сокольникова и Бухарина. В своем октябрьском письме он подчеркнул, что «Монополия внешторга дала нам начало притока золотого фонда в Россию», и предложил «отсрочить решение этого

вопроса на два месяца, т. е. до следующего пленума, а до тех пор собрать сведенные вместе и проверенные документы об опыте нашей торговой политики»[892]. Сталин провел это решение опросом 16 октября. Ленинское письмо, полученное Сталиным накануне декабрьского пленума, посвящено разгрому бухаринских предложений, которые на практие, по мнению Ленина, означали «не что иное, как полнейшую беззащитность русской промышленности»[893]. 15-го Ленин уведомил Сталина о своем соглашении с Троцким о защите его взглядов на пленуме по вопросу о монополии и «решительно» возражал «против оттяжки вопроса». Судя по всему, между 13 и 15 декабря «тройка» Сталин — Зиновьев — Каменев решила изменить свою позицию, и Ленин в этом письме продемонстрировал Сталину свою осведомленность по этому вопросу: «Ваше заявление и Зиновьева и, по слухам, также Каменева, подтверждает, что часть членов ЦК изменили уже свое прежнее мнение…»[894]

Георгий Леонидович Пятаков
1922
[РГАСПИ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 329]

Григорий Яковлевич Сокольников
1927
[РГАСПИ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 58. Л. 100]

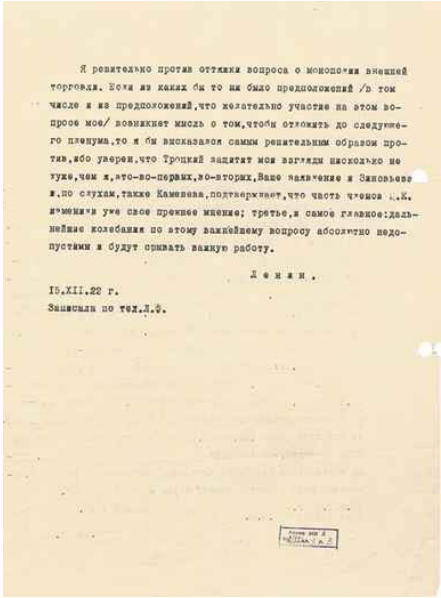


Анастас Иванович Микоян
Начало 1920-х
[РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 400. Л. 27]

Сталин действительно переменил свою позицию, то ли под влиянием аргументации Ленина, то ли не желая пока противопоставлять «тройку» формировавшемуся «дуумвирату» Ленина и Троцкого. 18 декабря пленум ЦК единогласно отменил постановление предшествующего пленума от 6 октября. Так или иначе, но с этого момента монополия советской внешней торговли стала одним из тех китов, на которых держалась финансово-экономическая политика Советского государства и необходимость укрепления которой Сталин впоследствии будет не раз подчеркивать, выступая на партийных форумах.

Ситуативные задачи нэпа, направленные на скорейшее восстановление довоенных объемов экономики, начнут успешно решаться еще при жизни Ленина. 2 августа 1923 г. Политбюро вынесет в центр одного из своих заседаний вопрос «Об экспорте хлеба». Комментируя доклад наркома внешней торговли Л.Б. Красина, Сталин выскажет несколько существенных замечаний. Он, в частности, раскритикует такую постановку вопроса, согласно которой «никакой импортно-экспортный план невозможен» и потребует «иметь общий план на год», поддержит идею ведения выделенной отчетности по экспорту хлеба. Видимо, отдавая дань своему увлечению идеей ослабления монополии внешней торговли, он обратит внимание на необходимость усилить конкуренцию между пароходными обществами

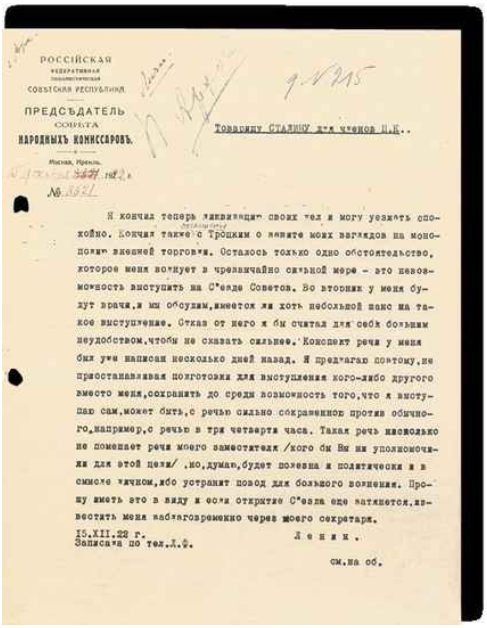
с целью снижения транспортных затрат. Выступит он и за привлечение «к делу хлебоэкспорта заграничного капитала» с тем, чтобы заинтересовать некоторые капиталистические круги, «разложив их фронт, и тем пробить стену, стоящую против нас». «Прорыночный» пыл Сталина охладит председатель ЦКК В.В. Куйбышев. Он обратит внимание Сталина на то, что при существующем порядке «мы можем конкурировать только между собой». «Что, советские люди не могут сговориться?» — переспросит Сталин. «У нас обыкновенно это так и бывает», — подтвердит Куйбышев. Между тем Сталину уже была известна изложенная в письме от 2 июля позиция зам. председателя СНК и СТО СССР А.Д. Цюрупы, обратившего внимание Сталина на «необходимость концентрации обильных с нашей стороны предложений в одних руках». Эта позиция была поддержана торговым уполномоченным РСФСР в Берлине Б.С. Стомоняковым, направившим Сталину по его запросу свой отзыв на предложения Цюрупы[895]. В тот момент «ввиду краткости времени, остающегося для организации хлебоэкспортной кампании»[896], Политбюро оставило прежний порядок экспортных операций, но курс на укрепление монополии внешней торговли для Сталина вскоре стал приоритетом. При этом в ходе упомянутого заседания Политбюро Сталин высказал скептическое отношение к прозвучавшей идее регулирования цен: «Едва ли мы выросли настолько, чтобы могли по такому большому масштабу командовать ценами». На этом же заседании Политбюро была образована комиссия «по вопросу о предстоящем в 1923–24 г. экспорте хлеба». Судя по тому, что фамилия Сталина в составе членов комиссии была названа первой, он ее и возглавил[897]. С этого момента экспорт хлеба становится одним из основных источников золотовалютных поступлений, а Сталин — непосредственным участником выработки необходимых мер и руководителем поиска целесообразных решений. Наладить на постоянной основе экспорт хлеба удалось не сразу. В конце 1924 г. состоялось первое в советской истории решение Политбюро «считать необходимым до нового урожая ввоз из-за границы некоторого количества пшеничной муки, ввиду опасного состояния хлебного рынка» [898].



Я решительно против оттяжки вопроса о монополии внешней торговли. Если из каких бы то ни было предположений /в том числе и из предположений, что желательно участие на этом вопросе мое/ возникнет мысль о том, чтобы отложить до следующего пленума, то я бы высказался самым решительным образом против, ибо уверен, что Троцкий защитит мои взгляды нисколько не хуже, чем я, это-во-первых, во-вторых, Ваше заявление и Зиновьева и, по слухам, также Каменева, подтверждает, что часть членов Ц.К. изменили уже свое прежнее мнение; третье, и самое главное: дальнейшие колебания по этому важнейшему вопросу абсолютно недопустимы и будут срывать важную работу.

Ленин.

15.XII.22 г.
Записали по тел. Л.Ф.



РОССІЙСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
ПОДПОЛИТИЧЕСКАЯ
СОВѢТСКАЯ РЕСПУБЛИКА
ПРЕДСѢДАТЕЛЬ
СОВѢТА
НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ.
Москва, Кремль.
№ 25821

9-№215

Товарищу СТАЛИНУ для членов Ц.К..

Я кончил теперь ликвидацию своих дел и могу уезжать спокойно. Кончил также с Троцким о защите моих взглядов на монополию внешней торговли. Осталось только одно обстоятельство, которое меня волнует в чрезвычайно сильной мере – это невозможность выступить на С'езде Советов. Во вторник у меня будут врачи, и мы обсудим, имеется ли хоть небольшой шанс на такое выступление. Отказ от него я бы считал для себя большим неудобством, чтобы не сказать сильнее. Конспект речи у меня был уже написан несколько дней назад. Я предлагаю поэтому, не приостанавливая подготовки для выступления кого-либо другого вместо меня, сохранить до среды возможность того, что я выступаю сам, может быть, с речью сильно сокращенною против обычного, например, с речью в три четверти часа. Такая речь нисколько не помешает речи моего заместителя /кого бы Вы ни уполномочили для этой цели/, но, думаю, будет полезна и политически и в смысле личном, ибо устранит повод для большого волнения. Прошу иметь это в виду и если открытие С'езда еще затянется, известить меня заблаговременно через моего секретаря.

15.XII.22 г.
Записала по тел. Л.Ф.

Ленин.

см. на об.

Письмо В.И. Ленина И.В. Сталину для членов ЦК РКП(б) о своем соглашении с Л. Троцким о защите на пленуме ЦК РКП(б) взглядов Ленина на монополию внешней торговли

15 декабря 1922

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25821. Л. 3–3 об.]

Вообще вопрос золотовалютных поступлений, регулирования их в целях максимизации экспортно-импортных операций был внесен в

политическую повестку дня как первоочередной именно тогда. Сталин на заседании Политбюро 2 ноября 1925 г. скажет: «У нас основной вопрос теперь — это вопрос об активном торговом балансе. Торговый баланс и расчетный баланс — это две вещи разные. По-видимому, [тов. Кржижановский в этом не разбирается], тов. Цюрупа этого понять не хочет. Тов. Сокольников думает, и СТО вместе с ним думает, что у нас по части специально расчетного баланса большие прорехи. Дело дошло до того, что вывезли золото в Лондон, Париж и заложили его, дело дошло до того, что свободной наличности почти что не стало. Поэтому необходимо прорехи [расчетного баланса] покрыть... Эти прорехи надо покрыть активом нашей внешней торговли». Сталин будет требовать составления экспортного и импортного планов, их сбалансирования: «Надо составлять импортный план так, как он составляется в благоустроенных государствах, т. е. в порядке приспособления к реальным экспортным возможностям». Экспортные возможности не будут сводиться к экспорту хлеба. Дзержинский, например, будет добиваться расширения номенклатуры вывозимых товаров: «Я глубочайшим образом уверен, что у нас на Урале, на Северном Кавказе, на Украине имеется масса предметов, которые можно вывозить»[899]. Сталин будет ставить и задачу сведения государственного бюджета без дефицита, как он сделает это на заседании Политбюро 12 декабря 1925 г. при обсуждении вопроса «О плане хлебозаготовок и об экспортно-импортном и валютном плане»[900].

Очень скоро поставленные задачи начнут решаться, а валютные поступления от внешней торговли станут важнейшим источником средств для проведения сталинской индустриализации. Кстати говоря, в тот момент — в конце 1925 г. — Сталин будет возражать против форсирования индустриализации. Тогда он исходил из напряженного плана «заготовок» товаров, предназначенных на экспорт (прежде всего зерновых культур), небольшого размера активного сальдо экспортно-импортного плана, незначительной величины или даже отсутствия резервов, угрозы сведения с дефицитом госбюджета. Все это заставит его резюмировать: «Из этого следует, что тот разбег в развертывании промышленности, который взял ВСНХ, этот разбег должен быть земедлен, темп должен быть замедлен безусловно. Курс надо держать на развертывание промышленности, на индустриализацию [сельского хозяйства] страны, это ясно, но темп надо изменить». В связи с этим, несмотря на решительные возражения Дзержинского, занимавшего пост председателя ВСНХ, он настоит на сокращении импорта по линии ВСНХ, «имея в виду сокращение импорта по капитальным затратам и новому строительству»[901]. Некоторая уступка Дзержинскому, однако, будет сделана. Один из пунктов решения Политбюро признает «допустимым ввоз в этом году предметов оборудования промышленности и сверх указанных в импортном плане цифр, в случае приобретения их за счет долгосрочных кредитов, без платежей в

текущем бюджетном году...»[902] В близком будущем эти подходы будут пересмотрены и страна встанет на рельсы форсированной индустриализации.

В это же самое время перед советским руководством встала задача преодолеть проявивший себя кризис развития, обеспечить экономический рост, сохранить социальную поддержку. Один из обзоров «политэкономического состояния республики» информационного отдела ОГПУ за апрель — май 1923 г., предназначенный для политического руководства страны, начинался с утверждения, что «важейшим вопросом момента является резкое ухудшение в состоянии нашей промышленности, выразившееся в свертывании предприятий по многим ее отраслям, как результат отсутствия сбыта и сырья, создавшего финансовый кризис». Экономический кризис, разразившийся в 1923 г., развернулся на фоне финансового кризиса как результата неустойчивости советской валюты и гиперинфляции и все еще имевшего место голода, пик которого пришелся на предшествующий год. Однако и в 1923 г., как свидетельствует тот же самый обзор, в 32 губерниях и республиках Союза будет продолжаться голод, основные трагические события которого развернулись в 1921–1922 гг.[903] Эти обстоятельства не помешали советскому руководству осуществлять экспортные операции с зерном. 2 июля 1923 г. замнаркома внешней торговли М.И. Фрумкин направил Сталину письмо, в котором «в дополнение» к соответствующему докладу сделал «краткий обзор экспорта хлеба в 1922 г. и перспективы на 1923/24 г.». Напомним, что 1922-й — это год голода в Советской России[904]. Хлебный экспорт вскоре станет главным источником валютных поступлений. На уже упоминавшемся заседании Политбюро 2 ноября 1925 г. Каменев вновь укажет на едва ли не главную проблему финансово-экономической повестки дня: «Как увеличить экспорт? ...Как провести такую политику, о которой Витте говорил: сами не доедим, а вывезем»[905]. Уподобление советской внешнеторговой политики практикам «проклятого» царского режима никого из участников заседания не смутило. Поиски решения поставленной задачи, как мы увидим, будут недолгими. Эта задача казалась неразрешимой только Каменеву, утверждавшему: «Методов тут нет, не нащупаны эти методы»[906]. Сталинское большинство советского руководства увидило перспективу в коллективизации сельского хозяйства как инструмента для мобилизации товарного хлеба, производимого в стране, и вскоре приняло соответствующие решения.

Нэп развязал хозяйственную инициативу крестьянства, что привело к росту рыночного предложения продуктов сельскохозяйственного производства. В то же время восстановление промышленности резко отставало от роста аграрного сектора. Недостаток промышленных товаров «народного потребления» и орудий сельскохозяйственного

производства вел к двояким последствиям. С одной стороны, произошло резкое подорожание дефицитных товаров промышленного производства, с другой — невозможность купить промышленные товары из-за их недостатка и осознание неэквивалентности предлагавшихся условий обмена принуждало крестьян придерживать до лучших времен продукцию аграрного сектора или направлять ее на личное потребление.

Разразившийся кризис ударил прежде всего по рабочему классу. Начали закрываться промышленные предприятия, число безработных превысило миллион человек. Хронический характер приняла задержка заработной платы, регулярными стали попытки выдавать зарплату не в советских денежных знаках, а облигациями государственного займа.

Недовольство со стороны рабочих начало принимать форму забастовочного движения. В августе 1923 г. Сталин направил в Нижегородский губком шифротелеграмму об обмене выданных рабочим в счет заработной платы облигаций на советские денежные знаки. Так ЦК отреагировал на конкретный случай недовольства со стороны рабочих принудительным характером выдачи облигаций вместо денег в качестве заработной платы[907].

В связи с задержками заработной платы рабочим Донбасса и произошедшими в результате этого забастовками Сталин в ноябре 1923 г. направил шифротелеграмму секретарю ЦК КП(б) Украины Э.И. Квирингу[908].

В качестве одной из мер преодоления экономических затруднений, возникших в ходе развертывания нэпа, советское руководство весной 1924 г. провело денежную реформу и осуществило переход к твердой валюте (червонец). Эти меры резко ограничили сферу натурального обмена, расширили рынок, стабилизировали и значительно увеличили денежное обращение. Сталин участвует, пусть и не слишком активно, в оргработе по подготовке реформы, о чем свидетельствует записка, направленная Г.Я. Сокольникову, под руководством которого и была осуществлена денежная реформа[909].

Надо сказать, что Сталин, как и все высшее партийное руководство страны, к моменту развертывания нэпа подошел с очень небольшим запасом теоретических и практических знаний и навыков в сфере финансово-экономической политики. Единственный опыт практической работы в этой сфере он получил, возглавив ненадолго в годы Гражданской войны Украинскую армию труда, о чем было рассказано выше. Впрочем, способ решения экономических проблем, с какой целью и создавались трудармии, принадлежал к числу мер внеэкономических — военно-приказных. Никаких других теория и практика большевизма тогда не знала. Поэтому переход к нэп должен был немало озадачить партийное руководство. Тем удивительнее сегодня может показаться стремление Политбюро «замкнуть» на себя и на партию в целом

решение экономических проблем. «Классовое чутье», судя по всему, было призвано подсказывать нужные решения и в этой сфере.

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

НИЖНИЙ НОВГОРОД СЕКРЕТАРЮ ГУБПАРТКОМА

Сообщается постановление ЦК от второго августа двтчк кавычки Предложить Наркомфину немедленно послать Нижегородскому Губфинотделу телеграмму об обмене выданных рабочим в счет заработной платы облигаций выигрышного и хлебного займа на советские дензнаки эптассигновав для этого средства из запасного фонда тчк № 5903/с

Нр 839/ш СЕКРЕТАРЬ ЦК

И. Сталин

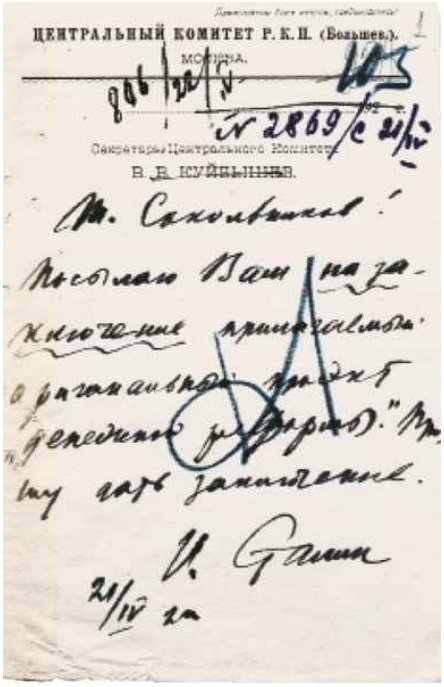
70

2/VIII-23 г
18 20 ч.

Шифротелеграмма И.В. Сталина секретарю Нижегородского губкома РКП(б) Н.А. Угланову с сообщением постановления ЦК об обмене облигаций выигрышного и хлебного займов на денежные знаки

2 августа 1923

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 8. Л. 70]



ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ Р. К. П. (Большев.).
МОСКВА.

№ 2869/с 21/IV

Секретарь Центрального Комитета
В. В. КУЙБЫШЕВ.

Т. Сокольников!
Посылаю Вам на заключение прилагаемый оригинальный проект „денежной реформы". Прошу дать заключение.

И. Сталин

21/IV 23

Записка И.В. Сталина Г.Я. Сокольникову о проекте «денежной реформы»
21 апреля 1922
Автограф И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 32. Л. 1]

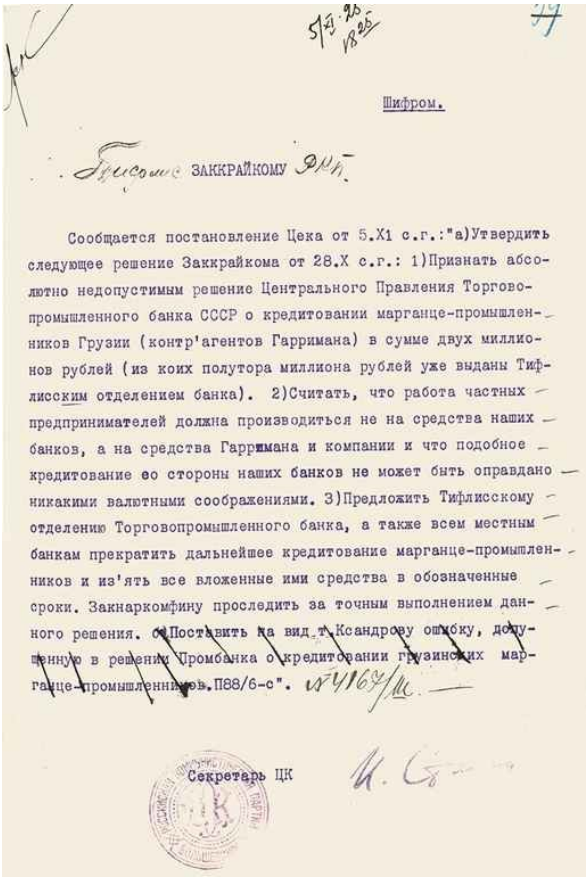
С возвращением к товарно-денежным отношениям в экономике встала проблема источников финансирования инвестиций в реконструкцию промышленности. Руководство страны начало поиски возможностей получения займов, кредитов, привлечения иностранных инвесторов. Одним из направлений стало создание концессий на территории СССР с участием иностранного капитала и сырьевой экспорт. Вопросам организации концессий и торговли лесом с Японией посвящена, например, шифротелеграмма Сталина от 8 марта 1923 г., адресованная секретарю Дальневосточного бюро ЦК РКП(б) Н.А. Кубяку[910]. ЦК будет держать под контролем функционирование концессий, включая вопросы их финансирования. Сталин выступил против их кредитования советскими банками. В ноябре 1925 г., разбирая деятельность концессии А. Гарримана в Чиатуре (Грузия), он направил шифротелеграмму секретарю Закавказского крайкома РКП(б) Г.К. Орджоникидзе с указанием на то, что «работа частных предпринимателей должна производиться не на средства наших банков, а на средства Гарримана и компании…»[911]

Проблема вытеснения частного капитала была поставлена в повестку дня советским руководством еще в те годы, которые принято ассоциировать с периодом расцвета новой экономической политики. 1 апреля 1924 г. Политбюро приняло решение о преобразовании Комвнуторга в Наркомат внутренней торговли и определило его основной задачей «овладение рынком со стороны госторговли и кооперации за счет частного, в первую очередь оптового, торгового капитала и осуществление активного контроля за деятельностью частного капитала»[912].

Одним из источников пополнения государственного бюджета в 1920-х гг. являлась торговля алкоголем. Сталин не раз будет обращаться к этой теме. В отличие от Троцкого, постоянно выступавшего против отмены «сухого закона», Сталин занял противоположную позицию. В сентябре 1930 г. он выскажется в письме Молотову вполне определенно: «Нужно, по-моему, увеличить (елико возможно) производство водки. Нужно отбросить ложный стыд и прямо, открыто пойти на максимальное увеличение производства водки…»[913]

Путь к такого рода решениям будет сложным и долгим, в том числе из-за разногласий по этому вопросу в среде партийного руководства. Так, например, в 1923 г. и сам Сталин будет придерживаться прямо противоположной позиции[914]. Однако уже в 1924 г. ЦИК и СНК СССР

приняли постановление о разрешении производства и продажи алкогольных напитков крепостью не выше 30 градусов, в июле 1925 г. Политбюро заслушало вопрос «О спиртовой промышленности», в августе того же года ЦИК и СНК утвердили «Положение о производстве спирта и спиртных напитков и торговле ими». Так будет полностью аннулирован «сухой закон» и введена казенная винная монополия[915], ставшая одним из серьезных источников пополнения советского бюджета.



Шифром.

Брисомс ЗАККРАЙКОМУ

Сообщается постановление Цека от 5.XI с.г.:"а)Утвердить следующее решение Заккрайкома от 28.X с.г.: 1)Признать абсолютно недопустимым решение Центрального Правления Торгово-промышленного банка СССР о кредитовании марганце-промышленников Грузии (контр'агентов Гарримана) в сумме двух миллионов рублей (из коих полутора миллиона рублей уже выданы Тифлисским отделением банка). 2)Считать, что работа частных предпринимателей должна производиться не на средства наших банков, а на средства Гарримана и компании и что подобное кредитование со стороны наших банков не может быть оправдано никакими валютными соображениями. 3)Предложить Тифлисскому отделению Торговопромышленного банка, а также всем местным банкам прекратить дальнейшее кредитование марганце-промышленников и из'ять все вложенные ими средства в обозначенные сроки. Закнаркомфину проследить за точным выполнением данного решения. б)Поставить на вид т.Ксандрову ошибку, допущенную в решении Промбанка о кредитовании грузинских марганце-промышленников.П88/6-с".

Секретарь ЦК

Шифротелеграмма И.В. Сталина секретарю Закавказского крайкома РКП(б) Г.К. Орджоникидзе с сообщением постановления ЦК о запрете кредитования марганце-промышленников в Грузии

5 ноября 1925

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 17. Л. 35]

Еще одним источником пополнения казны стала разработка месторождений золота. Государственными органами Якутии будут созданы золотопромышленные тресты «Якутзолото» и «Алданзолото».

В 1925 г. будет признано их союзное значение, в связи с этим ЦК примет предложение ВСНХ об организации союзного треста[916].

Возможности привлечения иностранного капитала для Советского правительства были чрезвычайно малы по понятным причинам. Советский Союз и страны Запада по разные стороны баррикад поставили отказ большевистского Совнаркома от долгов царского и Временного правительств, национализация имущества иностранных компаний и подданных, военная интервенция со стороны стран Антанты и Четверного союза в годы Гражданской войны, провозглашенный большевиками курс на мировую революцию и многое другое. Все усилия советской стороны в поисках инвестиций в конечном итоге завершились практически ничем, несмотря на промежуточный локальный успех, выразившийся в подписании в августе 1924 г. двух советско-британских соглашений, которые так и не были ратифицированы британской стороной. Относительно урегулированы были отношения с Германией, которая не могла стать источником масштабных капиталовложений в советскую экономику, поскольку по итогам Первой мировой войны в качестве проигравшей стороны была вынуждена выплачивать репарации. В переговорах с Германией обсуждался вопрос о взаимном предоставлении статуса «наиболее благоприятствуемой нации»[917].

У части советского руководства росло убеждение, что проблемы развития страны придется решать собственными силами. Отсюда и родилась концепция или, точнее, политическая установка Сталина на «строительство социализма в отдельно взятой стране». Именно такое решение представлялось Сталину возможным в 1924–1925 гг., поскольку восстановление народного хозяйства в период нэпа шло вполне успешно. Настолько, что он, видимо, испытывая определенную эйфорию, сказал в апреле 1925 г. на XIV конференции РКП(б): «Соки хозяйственной жизни нашей страны прут вверх с неудержимой силой, опрокидывая все и всякие научные планы наших финансовых специалистов»[918]. Тогда же он сформулировал задачу, стремление реализовать которую вынудит его принять курс на форсированную индустриализацию в конце 1920-х гг.: «Нам нужно миллионов 15–20 индустриальных пролетариев, электрификация основных районов нашей страны, кооперированное сельское хозяйство и высоко развитая металлическая промышленность… и тогда мы победим в международном масштабе»[919]. Вероятно, в тот момент Сталин уже предполагал, что для достижения этих целей ему предстоит изменить проводимую с его участием нэп. Однако масштабы предстоявших изменений были неизвестны, а экономическим мерам Сталин пока отдавал предпочтение перед мерами административными: «Необходимо, чтобы коммунисты в деревне отказались от уродливых форм администрирования. Нельзя выезжать на одних лишь распоряжениях в отношении к крестьянству»[920]. Мы увидим, как

довольно скоро возобладают прямо противоположные — «нажимные» — методы решения проблем экономического развития.

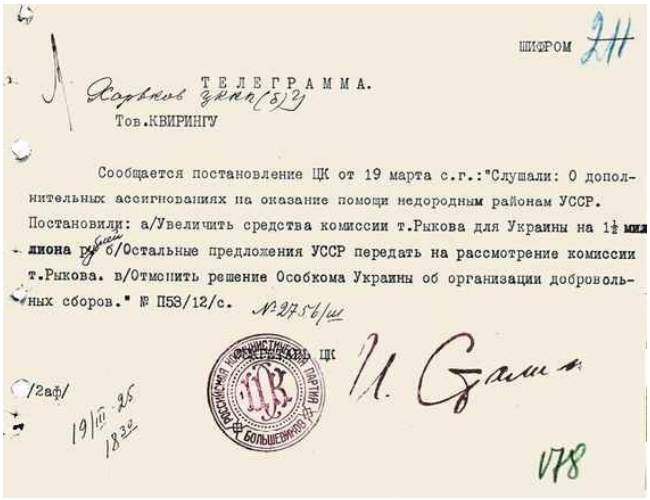
Внутренние накопления были практически полностью уничтожены в ходе Гражданской войны, а его источников явно не хватало для осуществления сколько-нибудь серьезных инвестиционных проектов в сфере промышленного строительства. Вариант выхода из ситуации подсказал Е.А. Преображенский, опубликовавший осенью 1924 г. в журнале «Вестник коммунистической академии» статью «Основной закон социалистического накопления». В ней он пришел к выводу, что в Советском Союзе существует только одна возможность осуществить «первоначальное накопление капитала» — за счет неэквивалентного обмена между городом и деревней продукцией их производства. Идеи Преображенского будут развиты в работе одного из экономистов Госплана Г.А. Фельдмана, опубликованной в 1928 г. в журнале «Плановое хозяйство». Модель Фельдмана доказывала возможность вместе с развитием производства инвестиционных товаров достичь и повышения уровня инвестирования и потребления. Она реализовывала двухсекторную модель экономики — производство средств производства и производство потребительских благ. По мнению Фельдмана, накопление капитала могло полностью происходить за счет внутренних источников[921]. Именно эти идеи лягут в основу индустриальной революции Сталина, при том, что в первой половине 1920-х гг. он поддерживал Бухарина, который критиковал концепцию Преображенского. Квинтэссенцией позиции Бухарина, настаивавшего на возможности развития индустрии на «быстро растущем сельском хозяйстве», стал его знаменитый лозунг 1925 г., обращенный к крестьянству: «Обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство».

Принципы нэп, в основе которых лежали понятия прибыли, доходности, рентабельности, если не отвергались, то, пусть и постепенно, отодвигались как не слишком существенные. «На рентабельность, — скажет много позднее Сталин на одном из заседаний Политбюро, анализируя опыт индустриализации, — нельзя смотреть торгашески, с точки зрения данной минуты. Рентабельность надо брать с точки зрения общенародного хозяйства в разрезе нескольких лет». Если «по-торгашески» смотреть на вопросы рентабельности, то следовало бы «развивать лишь некоторые отрасли промышленности, дающие наибольшую ренту, например, кондитерскую промышленность, мукомольную промышленность, трикотажную и т. д.». А всю остальную промышленность «не закрыть ли ее к черту?» Задав этот риторический вопрос, не требовавший ответа, Сталин, тем не менее, не откажет понятию «рентабельность» в праве на существование. «Они станут рентабельными», — выразит он уверенность в отношении перспектив развития и промышленных предприятий, и колхозов[922].

Между тем деградация аграрного сектора в результате Гражданской войны и общий невысокий уровень агрокультуры привели к регулярным голодовкам на территории СССР и необходимости оказания помощи из центра. Так, в марте 1925 г. Сталин направил секретарю ЦК КП(б) Украины Э.И. Квирингу постановление ЦК о выделении дополнительных ассигнований для оказания помощи «недородным районам УССР» [923].

В октябре 1925 г. на заседании Политбюро Сталин признался: «Мы вынуждены были ввиду недорода ввозить много хлеба…»[924]

Реализация нэп сопровождалась постоянным преодолением возникавших трудностей, связанных с невозможностью удовлетворить возраставший спрос со стороны крестьянства на продукцию промышленности. Крестьянство периодически придерживало продажи хлеба, что провоцировало советское руководство на расширение мер административного воздействия. Один из таких хлебозаготовительных кризисов случился в 1925 г. Сталин направил ряд шифротелеграмм на места об усилении хлебных заготовок. Секретарю Сибирского крайкома С.В. Косиору он также направил такую телеграмму, при этом посчитал возможным повышение в Сибири закупочных цен и указал на необходимость выполнения плана завоза промышленных товаров в Сибирь[925]. Эта шифротелеграмма отразит «пронэповскую» позицию Сталина середины 1920-х гг. На заседании Политбюро 25 октября 1925 г. он, например, критиковал «недочеты наших органов», к которым отнес в первую очередь «вздутый план» хлебозаготовок, и призвал к составлению реальных планов. Пожалел он и мужика, который «совершенно ошалел, когда на него начали наседать с требованием непомерно большого количества хлеба». Критике подвергся «Внешторг, который старался вывозить вовсю, не считаясь с последствиями на внутреннем рынке». Сталин предложил чисто экономические средства, которые «должны заставить мужика выбросить хлеб на рынок»[926].



ШИФРОМ 211

ТЕЛЕГРАММА.

Харьков ЦККП(б)У

Тов.КВИРИНГУ

Сообщается постановление ЦК от 19 марта с.г.:"Слушали: О дополнительных ассигнованиях на оказание помощи недородным районам УССР. Постановили: а/Увеличить средства комиссии т.Рыкова для Украины на 1½ миллиона рублей б/Остальные предложения УССР передать на рассмотрение комиссии т.Рыкова. в/Отменить решение Особкома Украины об организации добровольных сборов." № П53/12/с. №2756/ш

СЕКРЕТАРЬ ЦК И. Сталин

/2аф/

19/III-25 18³⁰

178

Шифротелеграмма И.В. Сталина Э.И. Квирингу с сообщением постановления Политбюро ЦК РКП(б) о дополнительных ассигнованиях на оказание помощи недородным районам Украинской ССР

19 марта 1925

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 14. Л. 178]

На том же заседании Политбюро Сталин раскритиковал отсутствие координации в работе наркоматов внешней и внутренней торговли: «Сейчас Внешторг и Внуторг тянут в разные, прямо противоположные стороны, ибо Внешторг вывозит вовсю, не считаясь с внутренним рынком. Внуторг делает свое, тормозя экспорт. Отсюда разрыв между внутренним и внешним рынком». Реализуя сталинские установки, Политбюро примет постановление о «слиянии» этих двух наркоматов[927].

Проблемы с хлебозаготовками и необходимость пополнения бюджета вынуждали принимать решения о повышении розничных цен на продовольственные товары в различных регионах страны. Так, в апреле 1925 г. ЦК согласился с предложением повысить цены в Донбассе на муку и печеный хлеб[928].

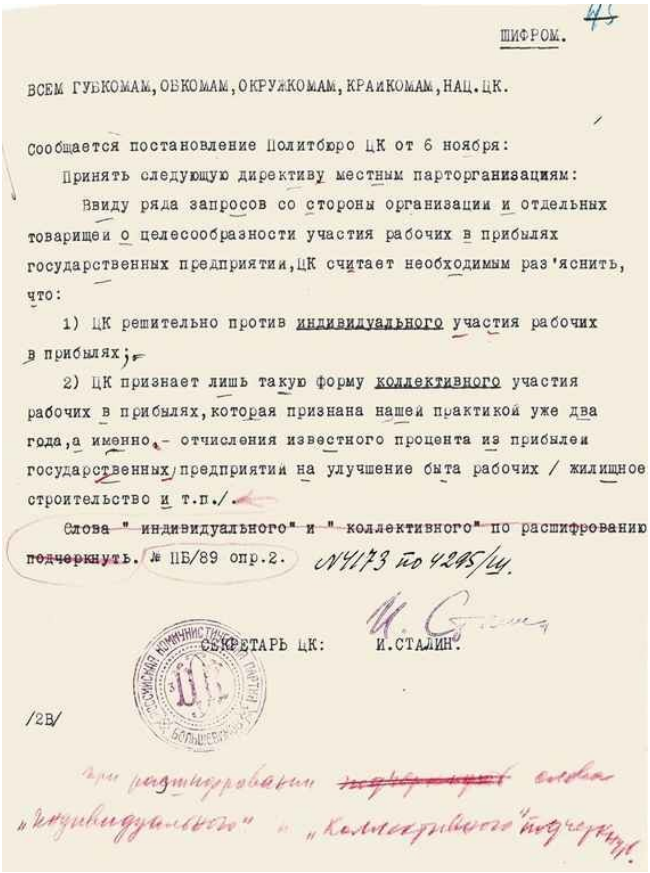
Позитивная динамика экономической конъюнктуры позволила советскому руководству чуть позднее принять ряд решений о снижении цен. Крупномасштабная акция была предпринята в мае 1926 г., когда Сталин направил шифротелеграмму с изложением решений апрельского пленума ЦК «о максимальном снижении розничных цен на промышленные товары с одновременным снижением цен на сельскохозяйственные продукты»[929]. Вновь Сталин вернулся к этому вопросу в конце декабря 1926 г., при этом поставил задачу в соответствующем направлении нажимать на частную «торгово-кооперативную сеть»[930]. Вопрос об увеличении потребления населением постоянно находился в поле зрения советского руководства. «Важно, чтобы низшие слои получили что-нибудь ощутительное», — писал Сталин Молотову, обсуждая итоги повышения заработной платы, проведенного в 1926 г.[931]

Увеличение производства товаров широкого потребления также будет находиться в фокусе внимания партийных руководителей. В июле 1925 г. Сталин порекомендует Молотову привлечь Ф.Э. Дзержинского, чтобы «нажать» на Всесоюзный текстильный синдикат с целью изменения его политики. Синдикат, занимавший в период нэпа монопольное положение на советском рынке, отказался от планов расширения производства ввиду недостатка туркестанского хлопка. Предполагалось при этом, что за границей будет произведена закупка готовых тканей. Сталин счел это решение «глубоко ошибочным», указав, что закупка дешевого американского хлопка обойдется намного дешевле закупки готовых тканей и позволит при этом расширить

производственные мощности внутри страны, увеличить количество рабочих мест и нарастить производство востребованной продукции[932].

Важной развилкой, на которую выведет советское руководство нэп, станет вопрос об участии рабочих в прибыли государственных предприятий. Сталин направит всем губкомам, обкомам, кружкомам, крайкомам и национальным ЦК постановление ЦК РКП(б), в котором будет зафиксировано: «ЦК решительно против индивидуального участия рабочих в прибылях». Допускалась лишь такая форма коллективного участия в прибылях, которая предполагала отчисления из прибылей на улучшение быта рабочих[933].

И.В. Сталин на Волховской ГЭС
15 июля 1928
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1662. Л. 5]



ШИФРОМ.

ВСЕМ ГУБКОМАМ, ОБКОМАМ, ОКРУЖКОМАМ, КРАЙКОМАМ, НАЦ.ЦК.

Сообщается постановление Политбюро ЦК от 6 ноября:

Принять следующую директиву местным парторганизациям:

Ввиду ряда запросов со стороны организации и отдельных товарищей о целесообразности участия рабочих в прибылях государственных предприятий, ЦК считает необходимым раз'яснить, что:

1) ЦК решительно против индивидуального участия рабочих в прибылях;

2) ЦК признает лишь такую форму коллективного участия рабочих в прибылях, которая признана нашей практикой уже два года, а именно, - отчисления известного процента из прибыли государственных предприятий на улучшение быта рабочих / жилищное строительство и т.п./.

Слова "индивидуального" и "коллективного" по расшифрованию подчеркнуть. № ПБ/89 опр.2. №4173 по 4245/ц.

И. Сталин

СЕКРЕТАРЬ ЦК: И.СТАЛИН.

/2В/

При расшифровании ~~подчеркнуть~~ слова „индивидуального" и „Коллективного" подчеркнуть.

Шифротелеграмма И.В. Сталина всем губкомам, обкомам, окружкомам, крайкомам и национальным ЦК РКП(б) с сообщением постановления ЦК об индивидуальном участии рабочих в прибылях

6 ноября 1935

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 17. Л. 41]

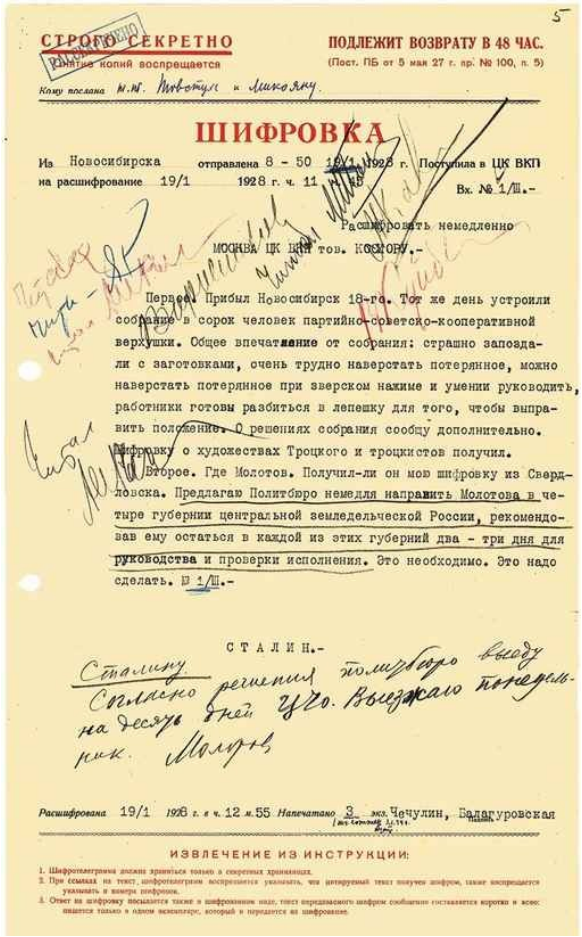
Обсуждались такого рода варианты и публично. В июне 1926 г. на заседании Политбюро председатель Объединения общего машиностроения ВСНХ СССР А.Ф. Толоконцев выступил с предложением акционировать капиталы подведомственных заводов[934]. Не приходится сомневаться, что предложение было отклонено. Превращение советских рабочих в акционеров могло самым существенным образом изменить социальные параметры советского общества и направление его социально-экономического развития.

В 1927 г. СССР столкнулся с кризисом развития, одним из проявлений которого стали затруднения в сфере хлебозаготовок, что «ставит под угрозу не только выполнение экспортного плана и образование хлебного фонда, но и удовлетворение насущных нужд снабжения столиц и вообще потребительских районов». В декабре Политбюро приняло постановление, в котором поставило задачу

«добиться в ближайшее время резкого перелома хлебозаготовок»[935]. И Сталин решил не использовать на этот раз экономические средства преодоления накопившихся проблем.

Под влиянием кризиса хлебозаготовок, повлекшего проблемы для экономики в целом, будет совершен поворот в экономической политике. Сталин в начале 1928 г., приехав в Сибирь, провозглашает курс на принудительное изъятие хлебных излишков. Об этом Сталин дал распоряжение в шифротелеграмме, направленной в январе 1928 г. из Новосибирска в Москву С.В. Косиору: «Можно наверстать потерянное при зверском нажиме и умении руководить» [936].

Одной из первых мер принуждения стало принятие ЦК постановления о применении к кулакам Центрально-Черноземной области 107-й статьи УК РСФСР. Ею предусматривалось лишение свободы на срок не менее пяти лет с полной или частичной конфискацией имущества за скупку и перепродажу с целью наживы продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления[937]. На упреки в чрезмерной жесткости политики Сталин отвечал: «Мы административных мер не исключали».



5

СТРОГО СЕКРЕТНО
Снятие копий воспрещается

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ В 48 ЧАС.
(Пост. ПБ от 5 мая 27 г. пр. № 100, п. 5)

Кому послана т.т. Товстух и Микояну.

ШИФРОВКА

Из Новосибирска отправлена 8 - 50 19/1 1928 г. Поступила в ЦК ВКП на расшифрование 19/1 1928 г. ч. 11 м. 55 Вх. № 1/Ш.-

Расшифровать немедленно

МОСКВА ЦК ВКП тов. КОСИОРУ.-

Первое. Прибыл Новосибирск 18-го. Тот же день устроили собрание в сорок человек партийно-советско-кооперативной верхушки. Общее впечатление от собрания: страшно запоздали с заготовками, очень трудно наверстать потерянное, можно наверстать потерянное при зверском нажиме и умении руководить, работники готовы разбиться в лепешку для того, чтобы выправить положение. О решениях собрания сообщу дополнительно. Шифровку о художествах Троцкого и троцкистов получил.

Второе. Где Молотов. Получил-ли он мою шифровку из Свердловска. Предлагаю Политбюро немедля направить Молотова в четыре губернии центральной земледельческой России, рекомендовав ему остаться в каждой из этих губерний два - три дня для руководства и проверки исполнения. Это необходимо. Это надо сделать. № 1/Ш.-

СТАЛИН.-

Сталину
Согласно решения Политбюро выезду на десять дней ЦЧО. Выезжаю понедельник. Молотов

Расшифрована 19/1 1928 г. в ч. 12 м. 55 Напечатано 3 экз. Чечулин, Балагуровская

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ИНСТРУКЦИИ:

1. Шифротелеграмма должна храниться только в секретных хранилищах.
2. При ссылках на текст шифротелеграмм воспрещается указывать, что цитируемый текст получен шифром, также воспрещается указывать и номера шифровок.
3. Ответ на шифровку посылается также в шифрованном виде, текст передаваемого шифром сообщения составляется коротко и всегда пишется только в одном экземпляре, который и передается на шифрование.

Шифротелеграмма И.В. Сталина из Новосибирска С.В. Косиору о необходимости «зверского нажима» при хлебозаготовках

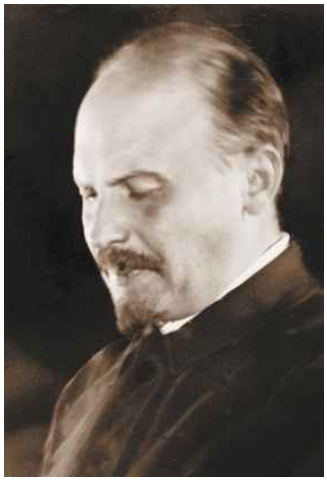
19 января 1928

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 119. Л. 5]

Фактически речь шла о возврате к практикам «военного коммунизма». Задумавшись о трансформации своих подходов, Сталин при этом будет руководствоваться представлениями о возможностях достичь позитивных изменений в экономике средствами внеэкономического принуждения хозяйствующих субъектов. Аграрный сектор вскоре станет ресурсной базой так называемого социалистического накопления, в ходе которого валютная выручка за проданное на экспорт зерно стала одним из основных источников финансирования форсированной индустриализации. Причины политического кульбита, совершенного Сталиным, коренятся в определенном исчерпании ресурсов бесконфликтного развития страны на началах нэп. Так называемые ножницы цен, падение товарности в сельском хозяйстве и ограниченность источников накопления для развития промышленного сектора толкали большевистское руководство к поиску средств решения возникших проблем. Эти возможности ожидаемо будут найдены в сфере административных, а не экономических (и, тем более, не политических) решений. Именно непреклонная политическая воля привела большевиков к власти, а жесткое администрирование, директивный характер управления, подкрепленные мерами принуждения, обеспечили победу в Гражданской войне. Именно поэтому большевистское руководство, не имевшее никакого иного опыта управления, кроме опыта решения чрезвычайными мерами чрезвычайных задач в чрезвычайных обстоятельствах Гражданской войны, приняло решение о переходе от преимущественно экономических методов управления (прибыль как итог хозяйственной деятельности) к директивному планированию и принуждению хозяйствующих субъектов к выполнению планов социалистического строительства прежде всего в натуральном выражении.

В июле 1928 г. на пленуме ЦК Сталин предложил «теоретическое» обоснование нового курса. Он воспроизвел существо концепции Преображенского в речи «Об индустриализации и хлебной проблеме». Задавшись вопросом об источниках накопления, Сталин зафиксировал исключительное значение именно внутреннего накопления. Его источниками он назвал «рабочий класс, создающий ценности», и крестьянство. О крестьянстве он прямо сказал, что «оно платит государству не только обычные налоги, прямые и косвенные, но оно еще переплачивает на сравнительно высоких ценах на товары промышленности… и… недополучает на ценах на

сельскохозяйственные продукты... Это есть добавочный налог на крестьянство в интересах подъема индустрии... Это есть нечто вроде «дани», нечто вроде «сверхналога»... чтобы сохранить и развить дальше нынешний темп развития индустрии...»[938]



Николай Иванович Бухарин
1920-е
[РГАСПИ. Ф. 329. Оп. 1. Д. 22. Л. 11]

В этом же выступлении Сталин сформулировал тезис об обострении классовой борьбы, который вполне объясняет нарастание репрессивной политики в 1930-е гг.: «По мере нашего продвижения вперед сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться, а Советская власть... будет проводить политику изоляции этих элементов, политику разложения врагов рабочего класса, наконец, политику подавления сопротивления эксплуататоров...»[939]

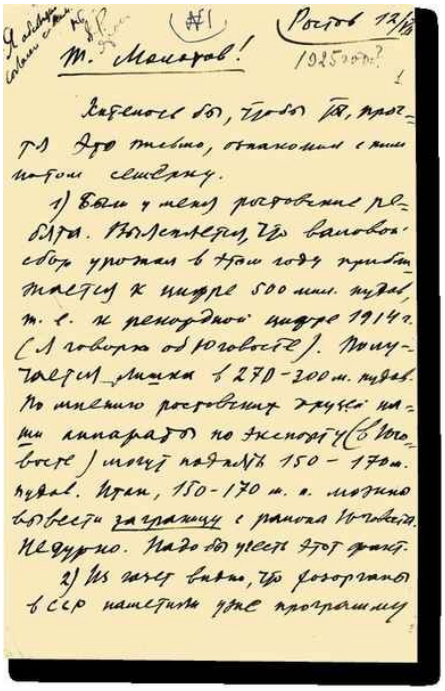
Однако будет неправильным считать этот пленум тем событием, после которого произошел слом нэп. На этом пленуме прозвучали и другие голоса. Своим выступлением Бухарину удалось склонить большинство участников, да и самого Сталина к некоторому ослаблению нажима на крестьянство. В современной историографии справедливо подчеркивается, что директивы пленума воплотили установки на подъем мелких и средних крестьянских хозяйств и сохранение «товарно-рыночных» отношений в экономике[940]. Значительную роль в этом отступлении Сталина сыграют итоги «нажимной» кампании. После небольшого роста хлебозаготовок в первом квартале 1928 г., они затем почти прекратились[941]. Кроме того, Советское государство столкнулось с всплеском крестьянского

сопротивления проводившейся в деревне политике. Итоги пленума Сталин подвел, выступив 13 июля на собрании актива ленинградской организации ВКП(б). Главной задачей сельскохозяйственной политики он назвал «поднятие мелкого и среднего крестьянского хозяйства. Особенность же «переживаемого момента» он увидил в том, чтобы «дополнить первую задачу двумя новыми практическими задачами: поднятия колхозов и улучшения дела совхозов». Указав на низкую товарность мелкого крестьянского хозяйства как основную причину затруднений «на хлебном фронте», Сталин призвал к борьбе с временными, специфическими причинами, превратившими заготовительные затруднения в заготовительный кризис: «Для этого необходимы а) немедленная ликвидация практики обхода дворов, незаконных обысков и всякого рода нарушений революционной законности; б) немедленная ликвидация всех и всяких рецидивов продразверстки… с обеспечением гибких форм регулирования торговли со стороны государства; в) некоторое повышение цен на хлеб… г) организация правильного завоза товаров в хлебозаготовительные районы; д) правильная организация села снабжения хлебом… е) обязательное образование государственного хлебного резерва»[942]. Нетрудно понять, что никаких радикальных мер поставленные Сталиным задачи все еще не предполагали. Однако в течение нескольких месяцев после этого выступления, в котором нет и намека на состоявшиеся на пленуме договоренности, произойдет перелом в настроениях Сталина. О его причинах и последствиях мы поговорим в следующей главе.

Форсированная индустриализация и сплошная коллективизация в кратчайшие сроки станут визитной карточкой модернизации по сталинскому образцу. Спустя много лет, в октябре 1938 г., на заседании Политбюро, посвященном вопросу «О постановке партийной пропаганды в печати в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)»», он еще раз разъяснит, «почему мы на эту коллективизацию натолкнулись». Фундаментальной причиной окажется тот факт, «что земля дробилась, хозяйство становилось натуральным, а товару не давало. Мы уперлись в такой тупик, когда сельское хозяйство производило зерна не меньше, чем оно производило в царское время, но мы отпускали на сторону только 30 % того, что давало старое правительство, потому что страшно измельчало хозяйство». Продолжение этой тенденции, по мнению Сталина, могло привести к тому, что «тогда города должны подохнуть без хлеба, армия должна подохнуть без хлеба, а само сельское хозяйство будет деградировать». Альтернатива была такой: «перейти на крупное [социалистическое] производство либо на крупную экономию капиталистического типа». Вступить на капиталистический путь, значило, по мнению Сталина, «разорить несколько миллионов дворов, отобрать у них землю, сосредоточить ее в руках капиталистов… А колхозный путь означал

меньше крови, не разорение крестьян, а их соединение». Напомнил Сталин собравшимся и о том, что «раньше 30 млн крестьян голодало». Именно этими соображениями, а не «особым идеологическим зудом», объяснил Сталин, «почему мы перешли к колхозам». Заговорив о «крови», Сталин фактически вынес на авансцену вопрос о цене преобразований, которые он сам назвал экспериментом[943]. Описав ужасы капиталистического пути развития аграрного сектора, он, конечно, ни слова не сказал ни о трех с половиной миллионах раскулаченных и двух с половиной миллионах высланных на спецпоселение так называемых кулаков и членов их семей, сотни тысяч из которых погибнут во время переселения и в течение первого года после него. Ни разу не будет сказано и о миллионах погибших от голода в начале 1930-х. Впрочем, об этой цене предстоявшего «эксперимента» в конце 1920-х гг. не подозревал, судя по всему, никто. Нам же предстоит поговорить об этом в следующей главе.

Индустриализация, подчеркнем, начнется в рамках нэпа. Курс на нее провозгласил в декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б), который принял директивы по составлению пятилетнего плана народного хозяйства. В директивах были зафиксированы успехи восстановительного периода, «быстрый процесс хозяйственного роста вообще», который стал возможен благодаря плановому хозяйственному руководству. Был сделан вывод, что «мы имеем… все необходимое и достаточное для построения социализма». Директивы указали на зависимость экономического развития СССР от рыночной стихии, на «зависимость от урожая» и от конъюнктуры мирового рынка. Стремлением вырваться из тисков перечисленных зависимостей во многом и объясняется принятие в дальнейшем жестких директивных планов развития промышленного сектора и коллективизации сельского хозяйства, в которых станет активно насаждаться плановое начало.



Ростов 12/VII

1925 ООО?

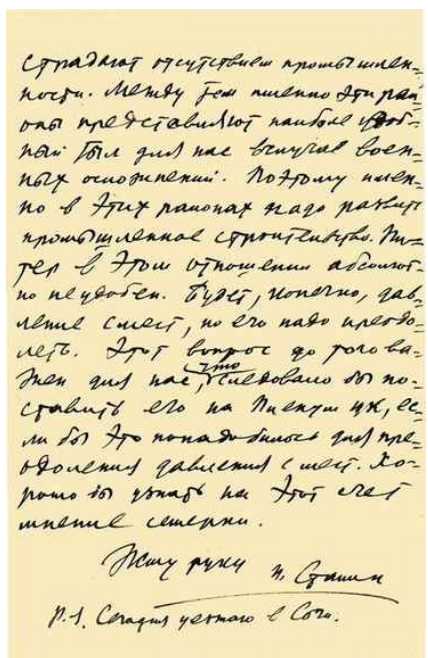
№1

Т. Молотов!

Хотелось бы, чтобы Ты, прочтя это письмо, ознакомил с ним потом сестерку.

1) Были у меня ростовские ребята. Выясняется, что валовой сбор урожая в этом году приближается к цифре 500 милл. пудов, т. е. к рекордной цифре 1914 г. (Я говорю об Юговосте). Получается лишка в 270–300 м. пудов. По мнению ростовских друзей наши аппараты по экспорту (в Юговосте) могут поднять 150–170 м. пудов. Итак, 150–170 м. п. можно вывести заграницу с района Юговоста. Недурно. Надо бы учесть этот факт.

2) Из газет видно, что хозорганы в ССР наметили уже программу



страдают отсутствием промышленности. Между тем именно эти районы представляют наиболее удобный был для нас в случае военных осложнений. Поэтому именно в этих районах надо развить промышленное строительство. Питер в этом отношении абсолютно неудобен. Будет, конечно, давление смест, но его надо преодолеть. Этот вопрос до того важен для нас, что следовало бы поставить его на Пленум ЦК, если бы это понадобилось для преодоления давления смест. Хорошо бы узнать на этот счет мнение сестерки.

Жму руку И. Сталин

Р.Я. Сегодня уезжаю в Сочи.

Письмо И.В. Сталина В.М. Молотову о хлебозаготовках и месте строительства новых заводов

12 июля 1925

Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 1–2 об.]

Особо было сказано о «враждебном капиталистическом окружении», поставлена задача «уделить максимальное внимание быстрейшему развитию тех отраслей народного хозяйства вообще и промышленности в частности, на которые выпадает главная роль в деле обеспечения обороны и хозяйственной устойчивости страны в военное время»[944]. Еще задолго до разработки планов индустриализации Сталин обратил внимание на необходимость учесть «географически-стратегическое положение районов новых заводов». Он написал Молотову в июле 1925 г., что Урал, Поволжье, черноземный юг «представляют наиболее удобный тыл для нас в случае военных осложнений»[945].

Сталин не был единственным представителем советского руководства, обращавшим внимание на проблему размещения производительных сил. Об этом говорил, например, председатель правления Главного управления военной промышленности П.А. Богданов[946]. Опасение Сталина («боюсь, начнут строить в приграничных районах»), сформулированное в цитированном выше письме к Молотову, реализуется сполна. Решить задачу размещения новых заводов (хотя бы оборонных) в восточных районах советскому руководству в тот период окажется не по силам. Вероятно, успехи в деле наращивания производства вооружений, достигнутые на рубеже 1920–1930-х, укрепляли убеждение в том, что воевать мы будем малой кровью и на чужой территории, а стало быть, и не требуется решать сложные вопросы инфраструктуры и логистики, обеспечения нового строительства на Востоке рабочей силой и кадрами. Такая эйфория сыграет с советским руководством злую шутку. В 1941 г. более 80 % всех предприятий оборонной промышленности окажутся в зоне боевых действий или прифронтовых районах [947].

Новая экономическая политика в качестве инструмента восстановления, между тем, оказалась достаточно эффективной. К 1928 г. уровень производства примерно сравнялся с уровнем 1913 г. На этой базе и развернулась сталинская промышленная революция. 1 октября 1928 г. был введен в действие первый пятилетний план, запустивший стремительную промышленную революцию со всеми ее достижениями и немалыми социальными издержками. Исходным пунктом нового курса стало «положение о том, что быстрый темп развития индустрии вообще и средств производства в особенности представляет основное начало и ключ индустриализации страны… преобразования всего нашего народного хозяйства на базе социалистического развития»[948]. Особенностями сталинского курса станут не сами индустриализация и коллективизация, о чем, в принципе, было достигнуто согласие практически между всеми группами политических элит. Главной чертой этого курса станет форсированный характер названных процессов.

Полученный на партийных форумах вотум доверия Сталин использует для реализации выработанного им политического курса. С 1928 г. Сталин начнет совершать «левый поворот», используя установки Троцкого и Преображенского, в близости к которым не признается ни он, ни его сторонники. Но это станет настолько очевидным для левой оппозиции, что многие ее представители капитулируют и многим из них даже будет возвращено членство в партии. Сталинская «революция сверху» завершится в конце 1930-х гг. построением основ «социалистического строя», как он его себе представлял, и установлением режима личной власти Сталина.

Реализация нового курса требовала, по мнению Сталина, дальнейшей консолидации политической элиты через изоляцию и устранение с политической сцены несогласных и потенциально нелояльных. Единоличная власть, судя по всему, мыслилась ему как наиболее эффективный инструмент управления по сравнению с внутрипартийной демократией ленинского периода. Декларируя борьбу за единство в ответ на соответствующий социальный запрос, Сталин добился изоляции своих политических соперников и консолидации большинства на единственно верной, по его мнению, платформе. Он организовал на представителей большевистского руководства в документах Департамента полиции поиск компромата, и он был найден на председателя ВЦИК СССР М.И. Калинина и члена Политбюро Я.Э. Рудзутака[949], что, вероятно, сыграло свою роль в обеспечении их лояльности вождю. Курс на форсированный темп «социалистического строительства» вызвал несогласие со стороны таких авторитетных членов руководства партии, как Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, М.П. Томский и др. Несогласие с предложенным планом Сталин интерпретировал как уклонение от генеральной линии. В 1929 г. он прямо обвинил Бухарина и его союзников в «правом уклоне» и начал реализовывать программу сворачивания нэпа и форсирования индустриализации и коллективизации.

1929 г. Сталин назвал годом «великого перелома», а стратегическими задачами Советского государства определил социалистическую индустриализацию, коллективизацию сельского хозяйства и культурную революцию. Выбрав этот курс, Сталин, судя по всему, руководствовался не только потребностями развития страны, как он их понимал, но и упрощенными представлениями об экономике и возможностях достижения позитивных изменений в ней посредством административного воздействия.

А.И. Рыков, М.П. Томский и М.И. Калинин
1927
[РГАСПИ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 58. Л. 93]

27 декабря 1929 г. в речи на конференции аграрников-марксистов Сталин сказал: «Надо вскрыть ошибку тех, которые нэп понимают как отступление, и только как отступление. На самом деле Ленин еще при введении нэп говорил, что нэп не исчерпывается отступлением, что она означает вместе с тем подготовку для нового решительного наступления на капиталистические элементы города и деревни... И если мы придерживаемся нэпа, то потому, что она служит делу социализма. А когда она перестанет служить делу социализма, мы ее отбросим к черту. Ленин говорил, что нэп введена всерьез и надолго. Но он никогда не говорил, что нэп введена навсегда»[950].

Шифротелеграмма И.В. Сталина из Новосибирска С.В. Косиору о необходимости «зверского нажима» при хлебозаготовках

19 января 1928

Помета — автограф В.М. Молотова, подписи — автографы Я.Э. Рудзутака, А.И. Рыкова, К.Е. Ворошилова, А.И. Микояна, М.И. Калинина, В.В. Куйбышева, А.А. Андреева

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 119. Л. 5]

Часть 2

«Линия партии победила…» 1929–1938

Глава 3. «Великий перелом»: революция сверху

Период конца 1920–1930-х гг. относится к одному из самых острых и дебатируемых в отечественной истории. В это время советским руководством осуществляется переход к мобилизационному типу социально-экономического развития, в рамках которого проводятся форсированная индустриализация, принудительная коллективизация сельскохозяйственного производства, культурная революция. Этот переход сопровождается установлением режима личной власти Сталина, жесткого администрирования в управлении, проведением широкой кадровой ротации, использованием методов внеэкономического принуждения и прямого насилия, проведением идеологических кампаний в качестве инструментов социальной трансформации и управления.

Индустриализация по-сталински: темпы развития решают все

Курс на «социалистическую» индустриализацию, как уже было сказано, был взят XV съездом ВКП(б), состоявшимся в декабре 1927 г. На съезде были приняты «Директивы по составлению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР». Уже очень скоро Сталин пересмотрит согласованные подходы и станет настаивать на ускорении темпов индустриализации. На пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 г. в речи «Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б)» он скажет, что окружающая нас обстановка «диктует нам быстрый темп развития нашей индустрии»[951]. Разработанный первый пятилетний план начнет реализовываться с 1 октября 1928 г., причем к этой дате плановые задания даже не будут еще утверждены. Контрольные показатели пятилетнего плана «в его оптимальном варианте» будут одобрены XVI партконференцией в апреле 1929 г. и утверждены V съездом Советов в мае того же года. Советское руководство запланирует произвести в 1928/29 — 1932/33 гг. капитальных вложений в народное хозяйство в сумме 64,6 млрд руб., т. е. на 244 % больше, чем в предшествующем пятилетии. Планировалось, что огромный объем капиталовложений будет сопровождаться соответствующим ростом продукции с 18,3 млрд руб. в 1927/28 г. до 43,3 млрд в 1932/33 г., т. е. на 236 %. При этом упор был сделан на опережающий рост тяжелой промышленности: планом предусматривалось, что «валовая продукция отраслей, производящих средства производства, увеличивается в 3,3 раза»[952]. Были поставлены задачи «решительного усиления социалистического сектора в городе и

в деревне», разрешения в основном «зерновой проблемы», «подъема материального и культурного уровня рабочего класса и трудящихся масс деревни», подъема национальных республик, укрепления обороноспособности страны, снижения себестоимости производства, повышения производительности труда, повышения урожайности и расширения посевных площадей.

Перспективы индустриализации в СССР будут прямо увязаны Сталиным с вопросом о победе социализма в одной отдельно взятой стране. При этом он сформулирует и идею о конкурентном сражении с западным миром, поставит задачу опередить его в этой гонке: «Для того, чтобы добиться окончательной победы социализма в нашей стране, нужно еще догнать и перегнать эти [развитые капиталистические] страны также в технико-экономическом отношении. Либо мы этого добьемся, либо нас затрут» [953].

Главными целями первой пятилетки станут создание основ индустриальной базы, ключевых отраслей тяжелой промышленности, энергетики, металлургии и машиностроения, в том числе сельскохозяйственного, химической промышленности и др.

Принципиально важным для развития экономики станет отказ от показателя прибыльности в качестве ключевого интегрального критерия экономического развития и переход к директивному планированию физических объемов производимой продукции в годы первых пятилеток. О некоторых особенностях этого планирования мы поговорим чуть позже. Планы индустриализации будут напрямую увязаны с решением задач создания оборонной промышленности. «Невозможно отстоять независимость нашей страны, не имея достаточной промышленной базы для обороны», — скажет Сталин, выступая на пленуме ЦК в ноябре 1928 г.[954] Необходимость индустриализации именно в ее форсированном варианте объясняется им нарастанием военной опасности. В документах советского руководства и в современной историографии мы не найдем доказательств реальности военного вторжения в СССР в тот момент, но именно в этих категориях осмысливало внешнеполитические реалии большевистское руководство, прошедшее через испытания военной интервенцией в годы Гражданской войны.

Первая пятилетка в целом началась вполне успешно, итоги первого хозяйственного 1928/29 г. превзошли первоначально запланированные показатели. Под влиянием этих успехов летом 1929 г. ЦК принимает ряд постановлений, которыми предписывалось увеличить контрольные цифры производства стали, цветных металлов, продукции машиностроительной и химической промышленности.

Однако XVI съезд ВКП(б), вошедший в советское общественное сознание как «съезд победителей», в начале июля 1930 г. признает, что «решения по контрольным цифрам текущего года не выполнены»[955]. «Победителей» это не смутит, и съезд примет контрольные цифры

очередного года пятилетки, предусматривавшие увеличение темпов роста. Сталин назовет этот съезд съездом «развернутого строительства социализма по всему фронту». В начале 1931 г. Сталин поставит задачу обеспечить общий прирост промышленной продукции на 45 % по текущему году и выполнить пятилетку «в 3 года по основным, решающим отраслям промышленности»[956].

Вопрос темпов развития станет для Сталина ключевым. «Нельзя снижать темпы! Наоборот, по мере сил и возможностей их надо увеличивать... Задержать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют»[957]. «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»[958]. Увлечение темпами примет явно гипертрофированный характер. «Итог за 10 месяцев дает 26 % прироста госпромышленности...», — писал Сталин Молотову в августе 1930 г. Эти рекордные темпы станут, однако, поводом не для радости, а для разочарования, поскольку отставали от запланированных. «Неутешительный итог!», — заключил Сталин [959].

И.В. Сталин во время XVI съезда ВКП(б)
26 июня — 13 июля 1930
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1658. Л. 24]

В условиях отсутствия внутренних накоплений источниками финансирования индустриализации станут прежде всего финансовые поступления от экспорта зерна и других сырьевых ресурсов. В августе 1930 г. Сталин отдаст распоряжение Молотову: «Форсируйте вывоз хлеба вовсю. В этом теперь гвоздь. Если хлеб вывезем, кредиты будут»[960]. В этом же письме он порадуется тому, что США разрешили «ввоз нашего леса».

Важнейшим источником накопления станет золотодобыча. В начале 1930-х гг. вопрос о золоте будет несколько раз заслушиваться на заседаниях Политбюро. 1 ноября 1931 г. его докладывал непосредственно Сталин. Политбюро по итогам заседания уполномочил комиссию по увеличению золотых ресурсов страны принять все меры для быстрейшего увеличения золотых запасов СССР. Уже к середине 1930-х гг. СССР стал добывать десятки тонн золота ежегодно, что позволило не только решить проблему финансирования промышленного импорта, но и обеспечить к 1953 г. создание крупнейших золотовалютных резервов объемом более 2 тыс. т золота.

Еще одним из значительных источников валютных поступлений стали ценности, выкупаемые у населения через Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами («Торгсин») — советскую организацию, занимавшуюся в 1930–1936 гг. обслуживанием зарубежных гостей и советских граждан, имевших валютные ценности (золото, серебро, драгоценные камни, антиквариат, наличную валюту). Как показывают современные исследования, объем вырученных таким образом средств составил около 100 т чистого золота [961].

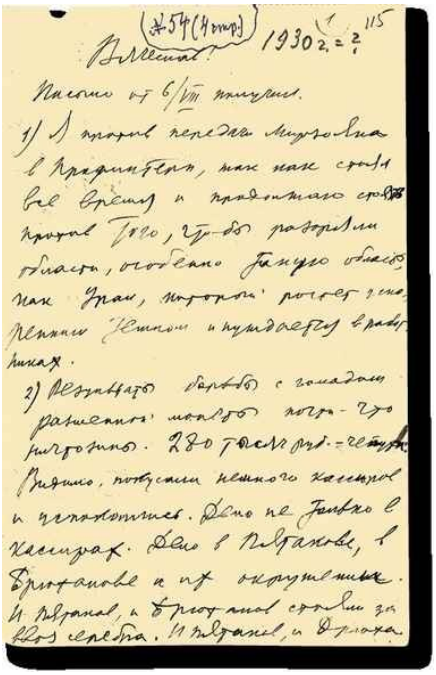
В значительной степени финансирование индустриализации на начальном этапе производилось за счет увеличения бумажно-денежной массы, что породило инфляционные процессы. В 1928 г. был приостановлен обмен конвертируемого золотого червонца. В этом году в обращении находились 1,7 млрд руб., в 1934 г. — уже 8,4 млрд[962]. Население начало придерживать металлическую (важно обратить внимание — серебряную) монету, что породило так называемый голод разменной монеты, борьбе с которым будет посвящено немало принятых решений. Председатель правления Государственного банка СССР Г.Л. Пятаков и нарком финансов Н.П. Брюханов предложили заменить серебряную монету никелевой. Причем комиссия Политбюро поддержала это предложение в отсутствие Сталина. Узнав об этом, в письме Молотову Сталин назовет это решение ошибкой, и Политбюро 20 августа 1930 г. отклонит уже согласованное предложение финансовых органов о выпуске никелевой монеты. Пятаков в июле 1930 г. написал в адрес Сталина обширную справку о состоянии денежного обращения и финансов в целом. В ней он предложил целый ряд мер экономического характера. Его предложения предполагали увеличение производства товаров массового потребления и их импорт, ввоз сырья

для производства такого рода товаров, отказ от экспорта продовольственных товаров и направление их на внутренний рынок, бездефицитный бюджет с нераспределенным резервом, отказ от эмиссии и т. д.[963] В августе 1930 г. Сталин признается: «Результаты борьбы с голодом разменной монеты почти что ничтожны»[964]. Рецептами борьбы с этой проблемой для Сталина, осудившего предложения финансовых органов, стали традиционные рекомендации: «основательно прочистить аппарат НКФ [наркомата финансов] и Госбанка... обязательно расстрелять десятка два-три вредителей из этих аппаратов... продолжать по всему СССР операции ОГПУ по изоляции мелк[ой] монеты (серебряной)»[965]. Стабилизировать рубль удалось только в 1933 г.

Важнейшее значение для формирования доходных статей бюджета будет иметь собираемость прямых и косвенных налогов. Среди последних особое место заняли введение монополии на производство алкогольной продукции и ценовая политика на алкоголь. «Откуда взять деньги?», — задавался вопросом Сталин. «Нужно... увеличить (елико возможно) производство водки. Нужно отбросить ложный стыд и прямо, открыто пойти на максимальное увеличение производства водки...», — писал он Молотову в сентябре 1930 г.[966]

Удастся большевикам договориться и с западными кредиторами, прежде всего германскими. В одном из интервью, данных в конце 1933 г., Сталин назвал гигантскую тем временем сумму задолженности СССР по кредитам — 1,4 млрд руб. золотом по состоянию на 1931 г. Отметив сокращение задолженности до 450 млн, достигнутое к моменту интервью, Сталин сказал: «Все удивляются тому, что мы платим и можем платить. Я знаю, — сейчас не принято платить по кредитам. Но мы делаем это. Другие государства приостановили платежи, но СССР этого не делает и не сделает»[967].

В ходе индустриализации Сталин поставил задачу создания «на Востоке второго основного угольно-металлургического центра СССР с целью использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири». Этим вопросам было посвящено специальное постановление Политбюро «О работе Уралмета», принятое в мае 1930 г.[968] Соображения военно-стратегической безопасности при принятии этого решения занимали главное место. Однако решить эту задачу к началу Великой Отечественной войны не удалось.



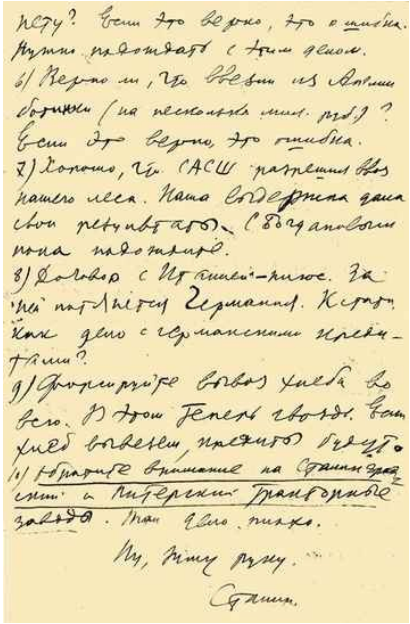
(№54 (4 стр.)) 1930 г. = 115

Вячеслав!

Письмо от 6/VIII получил.

1) Я против передачи Мирзояна в Профинтерн, так как стоял все время и продолжаю стоять против того, чтобы разорять области, особенно такую область, как Урал, который растет усиленным темпом и нуждается в работниках.

2) Результаты борьбы с голодом разменной монеты почти-что ничтожны. 280 тысяч руб. — четыре. Видимо, покусили немного кассиров и успокоились. Дело не только в кассирах. Дело в Пятакове, в Брюханове и их окружении. И Пятаков, и Брюханов стояли за ввоз серебра. И Пятаков, и Дрюха



нету? Если это верно, это ошибка. Нужно подождать с этим делом.

6) Верно ли, что ввезли из Англии ботинки (на несколько милл. руб.)? Если это верно, это ошибка.

7) Хорошо, что САСШ разрешил ввоз нашего леса. Наша выдержка дала свои результаты. С Богдановым пока подождите.

8) Договор с Италией — плюс. За ней потянется Германия. Кстати, как дело с германскими кредитами?

9) Форсируйте вывоз хлеба во всю. В этом теперь гвоздь. Если хлеб вывезем, кредиты будут.

10) Обратите внимание на Сталинградский и Питерский тракторные заводы. Там дело плохо.

Ну, жму руку.

Сталин.

Письмо И.В. Сталина В.М. Молотову о результатах борьбы с голодом разменной монеты, о следствии по делу Кондратьева — Громана — Садырина, о расстреле вредителей по мясопродуктам, договоре с Италией и вывозе хлеба

Не ранее 6 августа 1930

Автограф И.В. Сталина

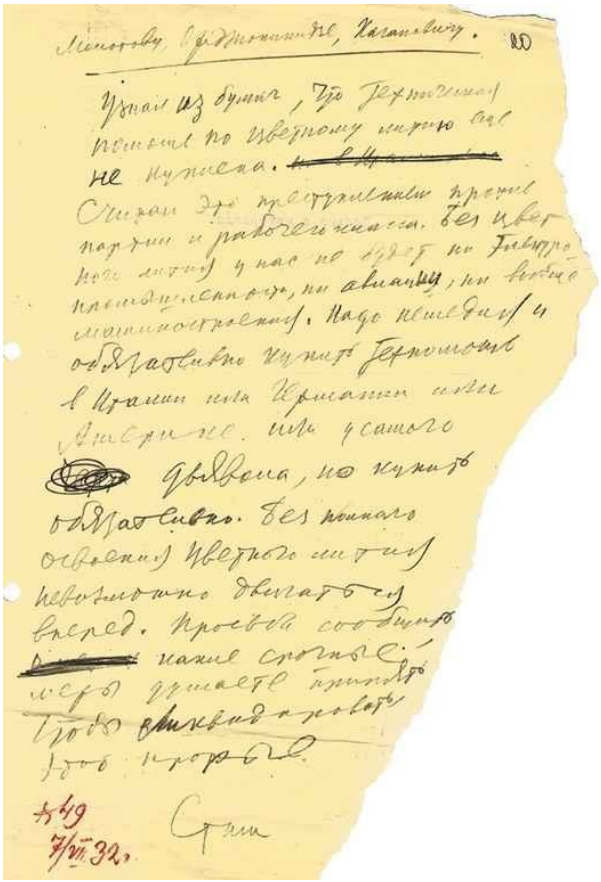
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 115–116 об.]

Концентрация в руках государства источников накопления позволила осуществлять импорт техники и технологий из стран Запада. В 1931 г. около трети всего мирового экспорта машин и оборудования направлялось в СССР, а в 1932 г. уже около половины[969]. Многочисленные вопросы закупок за рубежом техники и технологий Сталин постоянно держал в поле зрения. Так, в июле 1932 г. Сталин направил членам Политбюро записку о необходимости закупки технологий, обеспечивающих развитие цветной металлургии[970].

Импорт сопровождался многочисленными случаями бесхозяйственности, которые в значительной степени объяснялись отчуждением субъектов экономических отношений от собственности, что порождало безразличное отношение к результатам хозяйственной деятельности. Одним из примеров может служить письмо Сталина Л.М. Кагановичу от 12 сентября 1931 г. о «преступно-безобразном отношении наших хозорганов к импортному металлу»[971].

Приоритетными отраслями народного хозяйства стали электроэнергетика, машиностроение, химическая и другие отрасли тяжелой промышленности. В декабре 1932 г. Сталин получил письмо из Академии наук СССР об «отставании теории от практики… в области химии» и поручил Молотову, сменившему в 1930 г. А.И. Рыкова на посту председателя Совнаркома СССР, «двинуть вперед поскорее» «это очень нужное дело» [972].

Уже на раннем этапе индустриализации советское руководство столкнулось с тенденцией непропорционального роста капиталовложений в тяжелую индустрию, спровоцированного его же собственными установками на приоритетное развитие производства средств производства. В июне 1932 г. Сталин в письме Л.М. Кагановичу, В.М. Молотову и Г.К. Орджоникидзе (народный комиссар тяжелой промышленности) предъявил им претензии в том, что они перекармливают «Наркомтяж по части капитальных вложений… создавая тем самым культ нового строительства». При этом Сталин отметил наличие проблем с рациональным использованием уже построенных заводов[973].



Молотову, Орджоникидзе, Кагановичу. 20

Узнал из бумаг, что техническая помощь по цветному литью еще не куплена. Считаю это преступлением против партии и рабочего класса. Без цветного литья у нас не будет ни электропромышленности, ни авиации, ни вообще машиностроения. Надо немедля и обязательно купить техпомощь в Италии или Германии или Америке, или у самого дьявола, но купить обязательно. Без полного освоения цветного литья невозможно двигаться вперед. Просьба сообщить какие срочные меры думаете принять, чтобы ликвидировать этот прорыв.

№ 49
7/VII 32.

Сталин

Письмо И.В. Сталина В.М. Молотову, Г.К. Орджоникидзе, Л.М. Кагановичу о договорах с Европой на техническую помощь по цветному литью

7 июля 1932

Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 78. Л. 20]

1 24/VI 32

71

Кагановичу, Молотову, Орджоникидзе

1) Вы дали слишком много денег наркомтяжу на капит. строительство в 3 квартале и вы этим создали угрозу порчи всего дела, угрозу развратить работников Наркомтяжа. Почему вы опрокинули свое собственное решение о том, чтобы остаться в пределах сумм 2 квартала? Неужели не понимаете, что, перекармливая Наркомтяж по части капитальных вложений и создавая тем самым культ новаго строительства, вы убиваете не только культ,

76

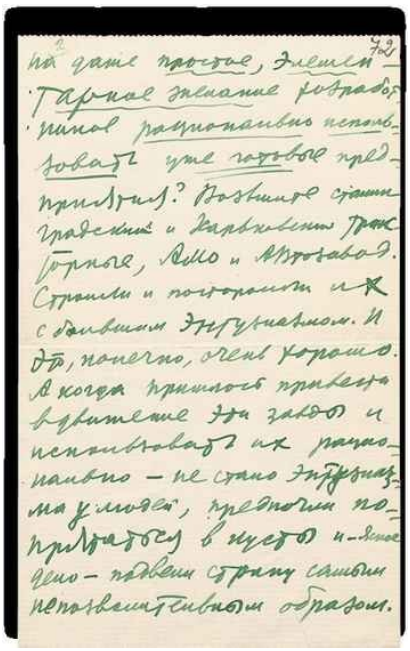
они будут представлены?

Ну, пока все.

Привет всем вам!

И. Сталин.

24/VI 32



Письмо И.В. Сталина Л.М. Кагановичу, В.М. Молотову и Г.К. Орджоникидзе о финансовом обеспечении капитального строительства Наркомтяжа

24 июня 1932

Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 71–76]

Находились в поле зрения советского руководства и вопросы развития сектора потребительских товаров. Рост уровня занятости произошел не только в тяжелой, но и в легкой промышленности[974]. Ограниченные производственные мощности и недостаточность объемов произведенной продукции для удовлетворения возрастающего спроса стимулировали вторжение директивных органов в сферу распределения произведенной товарной продукции. В июне 1932 г. Сталин направил письмо Кагановичу с анализом ситуации в сфере производства хлопчатобумажных тканей. Он дал рекомендацию о «распределении готовой продукции в пользу рынка в ущерб нерыночным потребителям». Целью стало удовлетворение все возрастающего спроса со стороны населения и мобилизации финансовых ресурсов в доходные статьи государственного бюджета[975].

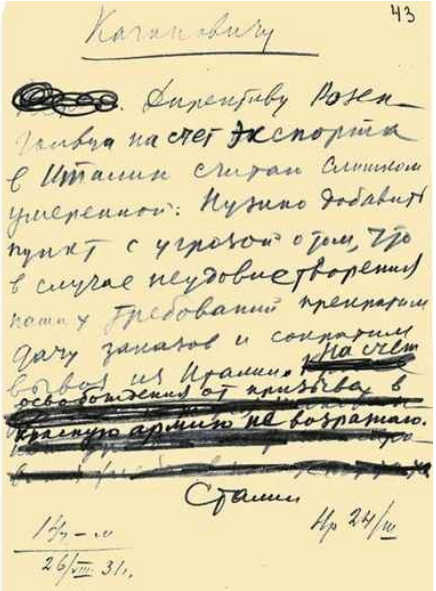
Ускоренная индустриализация своей оборотной стороной имела низкое качество производимой продукции, что проявлялось повсеместно, не только в продукции гражданских отраслей промышленности, но и в сфере оборонного производства. В июне 1932 г. Сталин напишет Ворошилову и Кагановичу: «Вопрос о качестве

самолетов нельзя смазывать, его надо выставить выпукло наряду с вопросом о внутренних недостатках самой авиации»[976].

Реализация задач индустриализации оказалась тесно связанной с внешнеэкономической деятельностью Советского государства. О стиле, в котором Сталин стремился осуществлять внешнеэкономическую политику, хорошо говорят многие документы. Используя благоприятную для СССР конъюнктуру «великой депрессии», Сталин на переговорах с Италией в 1931 г. предложил «добавить пункт с угрозой о том, что в случае неудовлетворения наших требований прекратим дачу заказов и сократим вывоз из Италии» [977].

В 1930 г. США ввели ограничительные барьеры для советского экспорта. Советское правительство обвинялось в использовании принудительного труда, а также продаже товаров на международных рынках по ценам ниже себестоимости. Сталин в августе 1931 г. направил Л.М. Кагановичу письмо об отмене заказов в Америке, разрыве всех договоров с Америкой «ввиду валютных затруднений и неприемлемых условий кредита». Ресурсы для такого решения Сталин увидел в наличии возможностей внешнеполитического маневра. Предложив отменить все предшествующие решения Политбюро, касавшиеся работы на рынке США, он предписал все заказы перенести «в Европу или на наши собственные заводы»[978].

До полного разрыва дело не дойдет, и Сталин будет стремиться контролировать едва ли не каждую сделку. Так, например, в августе 1932 г. он направил членам Политбюро свои рекомендации по делу о закупке подержанных автомобилей «Дженерал Моторс», которое покажется ему очень подозрительным[979]. Вообще отношения с США, компании которых в начале 1930-х гг. являлись одними из основных поставщиков промышленного оборудования, техники и технологий в СССР, занимали особое место во внешнеэкономической деятельности.



Кагановичу

43

[redacted]. Директиву Розенгольца на счет экспорта в Италии считаю слишком умеренной: Нужно добавить пункт с угрозой о том, что в случае неудовлетворения наших требований прекратим дачу заказов и сократим вывоз из Италии. На счет освобождения от призыва в Красную армию не возражаю.

Сталин

Нр 24/III

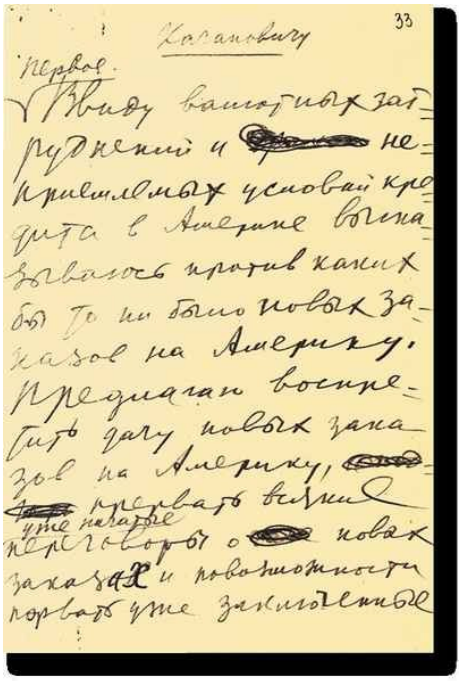
26/VIII 31.

Письмо И.В. Сталина Л.М. Кагановичу о торговых переговорах с Италией и освобождении от призыва в Красную армию 10 тысяч квалифицированных рабочих

26 августа 1931

Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 76. Л. 43]

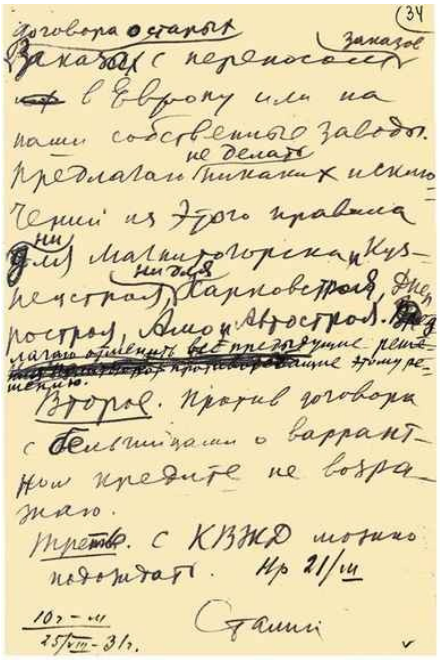


Кагановичу

33

Первое.

Ввиду валютных затруднений и [redacted] неприемлемых условий кредита в Америке высказываюсь против каких бы то ни было новых заказов на Америку. Предлагаю воспретить дачу новых заказов на Америку, [redacted] прервать всякие уже начатые переговоры о [redacted] новых заказах и по возможности порвать уже заключенные



Письмо И.В. Сталина Л.М. Кагановичу об отмене заказов в Америке и разрыве всех договоров с Америкой
25 августа 1931
Автограф И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 76. Л. 33–34]

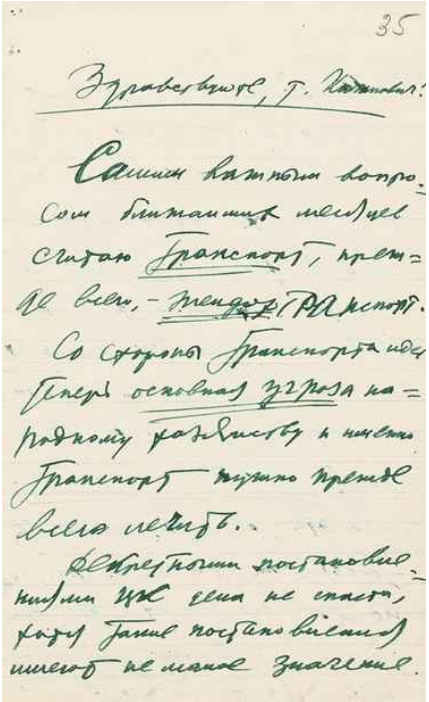
В сентябре 1934 г. во время переговоров с Германией о кредитном соглашении Сталин потребовал «открыть нам доступ во все без исключения заводы… без ограничения, чтобы мы имели возможность реализовать полностью свое право свободных заказчиков… ибо мы не намерены покупать у них всякое барахло»[980].

Вообще, роль внешнеэкономических связей для осуществления сталинских планов индустриализации следует подчеркнуть специально, ведь до сих пор распространены представления о том, что ее основанием была исключительно опора на собственные силы, и это действительно будет иметь место, но такая переориентация произойдет позднее — в годы второй пятилетки.

Специальное внимание Сталин уделял проблемам развития транспортной инфраструктуры. Одним из важнейших было решение о расширении железнодорожной инфраструктуры в Восточной Сибири и строительстве «Байкало-Амурской дороги»[981]. Приоритет при использовании железных дорог будет отдаваться перевозкам государственных грузов. Летом 1932 г. Сталин настоял на запрещении «перевозок частных хлебных грузов по железным дорогам и водному транспорту». Помимо всего, Сталин увидел в этой мере также

инструмент борьбы со спекуляцией[982]. Очевидно, однако, что в условиях масштабного голода, поразившего в эти годы страну, ограничение продовольственных товарных потоков были способны усугубить последствия этого бедствия. В июле 1934 г. Сталин поддержал инициативу В.В. Куйбышева, подготовившего проект постановления Политбюро «о Северном морском пути»[983].

Потребности развития экономики станут осмысливаться через призму кадровых задач. 4 февраля 1931 г. в речи «О задачах хозяйственников» на 1-й Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности Сталин сказал: «Большевики должны овладеть техникой… Техника в период реконструкции решает все… Говорят, что трудно овладеть техникой. Неверно! Нет таких крепостей, которые большевики не могли бы взять… Самое важное с точки зрения строительства мы уже сделали. Нам осталось немного: изучить технику, овладеть наукой. И когда мы сделаем это, у нас пойдут такие темпы, о которых сейчас мы не смеем и мечтать»[984].

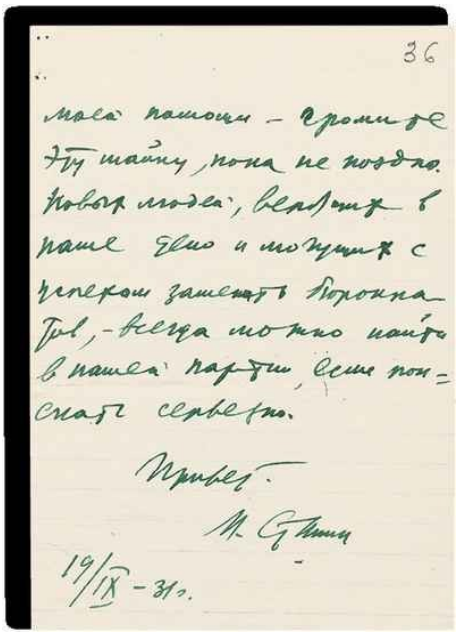

35

Здравствуйте, т. Кагановичу!

Самым важным вопросом ближайших месяцев считаю транспорт, прежде всего, — жендортранспорт.

Со стороны транспорта идет теперь основная угроза народному хозяйству и именно транспорт нужно прежде всего лечить.

Декретными постановлениями ЦК дела не спасти, хотя такие постановления имеют не малое значение.



36

моя помощи — громите
эту шайку, пока не поздно.
Новых людей, верящих в
наше дело и могущих с
успехом заменить бюрокра-
тов, — всегда можно найти
в нашей партии, если поис-
кать серьезно.

Привет.

И. Сталин

19/IX-31 г.

Письмо И.В. Сталина Л.М. Кагановичу о железнодорожном транспорте с предложением «разгромить шайку» Рухимовича в желдортранспорте

19 сентября 1931

Автограф И.В. Сталина

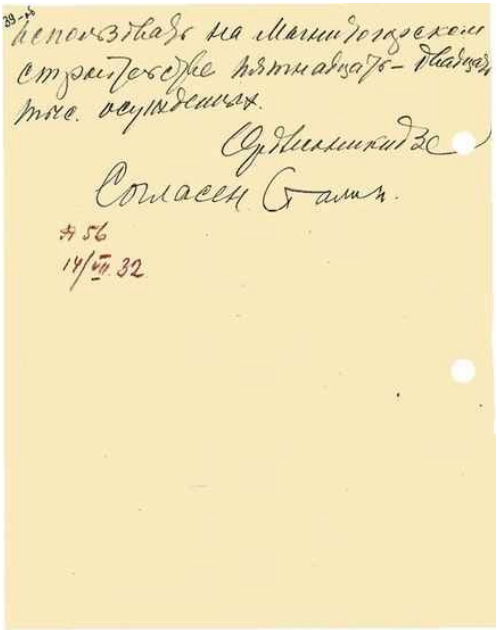
[РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 35–36]

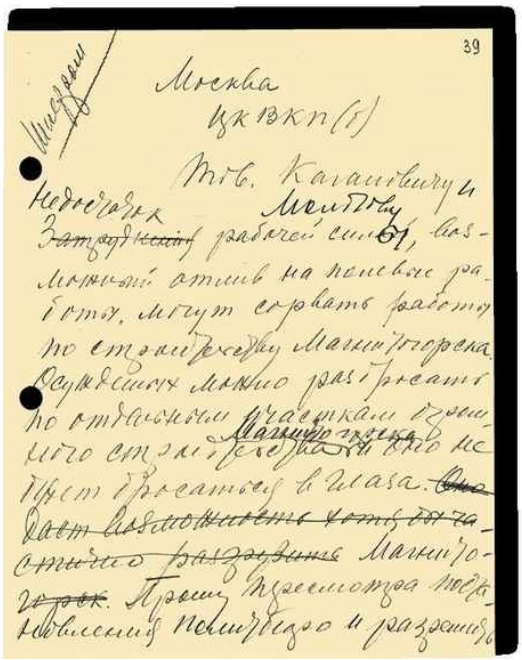
5 мая 1935 г., выступая перед выпускниками военных академий, Сталин решит сказать «несколько слов о кадрах»: «Изжив период голода в области техники, мы вступили в новый период… голода в области людей, в области кадров, в области работников, умеющих оседлать технику и двинуть ее вперед… Вот почему старый лозунг «техника решает все»… должен быть заменен новым лозунгом, лозунгом о том, что «кадры решают все»»[985].

Задачи кадровой политики решались двояким образом. Период первых пятилеток стал периодом бурного роста системы среднего профессионального образования, о чем будет рассказано далее. С другой стороны, регулярно используемым инструментом являлись ротации кадрового состава. Причем ротации зачастую проводились в многократно опробованном стиле. «Громите эту шайку, пока не поздно» — такой способ решения проблем на железнодорожном транспорте рекомендовал Сталин Кагановичу в сентябре 1931 г. «Новых людей, верящих в наше дело и могущих с успехом заменить бюрократов, всегда можно найти в нашей партии, если поискать серьезно»[986].

Не забудем и о принципиальном отказе от услуг старых специалистов во всех ключевых сферах жизни общества, о чем мы говорили в предыдущей главе и будем говорить в дальнейшем.

Человеческий (переменный, по Марксу) капитал станет важнейшим ресурсом индустриализации. За годы первой пятилетки численность занятых в крупной промышленности возросло в два раза, в строительстве — в четыре. Произошло это главным образом в результате притока в промышленность рабочей силы из аграрного сектора, ставшего объектом принудительной модернизации. Высвобождение избыточных трудовых ресурсов в сельской экономике являлось одним из результатов коллективизации и источником формирования этого самого переменного капитала. Дефицит рабочей силы, однако, полностью преодолеть не удалось. Это и стало одним из факторов принятия решения об использовании в экономике принудительного труда осужденных, о чем придется говорить еще не раз на страницах этой книги. Заключенных начали направлять практически на все крупные стройки СССР. Об этом свидетельствует, например, одно из писем, в котором Сталин поддержал просьбу Г.К. Орджоникидзе, направленную Кагановичу и Молотову, об использовании труда осужденных на строительстве Магнитогорского комбината[987].


39-ть
использовать на Магнитогорском
строительстве пятнадцать-двадцать
тыс. осужденных.
Орджоникидзе
Согласен Сталин.
№ 56
14/VII 32



39

Москва
ЦК ВКП(б)

Тов. Кагановичу и Молотову

Недостаток ~~Затруднения~~ рабочей силы, возможный отлив на полевые работы, могут сорвать работы по строительству Магнитогорска. Осужденных можно разбросать по отдельным участкам огромного строительства Магнитогорска и оно не будет бросаться в глаза. ~~Оно даст возможность хотя бы частично разрушить~~ Магнитогорск. Прошу пересмотра постановления Политбюро и разрешить

Письмо И.В. Сталина и Г.К. Орджоникидзе Л.М. Кагановичу и В.М. Молотову об использовании осужденных на строительстве Магнитогорского комбината

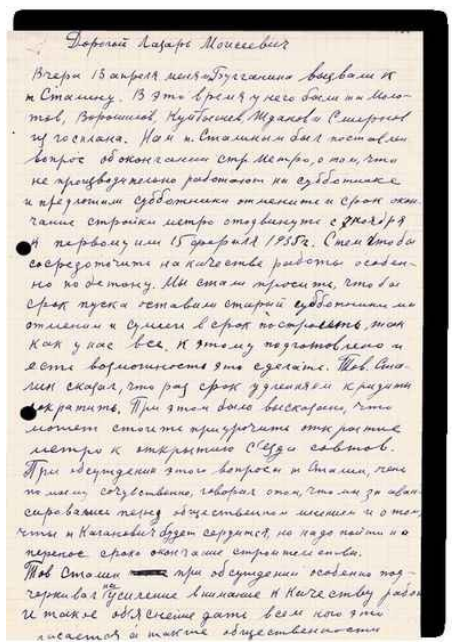
14 июля 1932

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 78. Л. 39–39 об.]

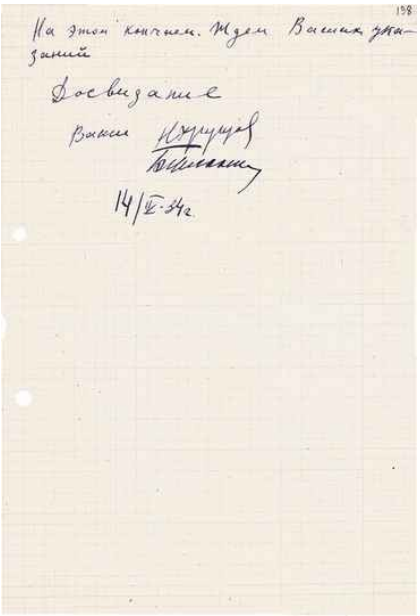
Показательным представляется одно из обсуждений хода строительства канала Москва — Волга, состоявшееся в кремлевском кабинете Сталина 13 апреля 1934 г. На следующий день о деталях этого совещания в своем письме Л.М. Кагановичу сообщали Н.С. Хрущев и Н.А. Булганин. Постановление о строительстве этого канала было принято в 1931 г., причем организация строительства возлагалась на ОГПУ с использованием «рабочих и технических сил», высвободившихся после окончания строительства Беломорско-Балтийского канала, построенного силами заключенных «встававшего на ноги» ГУЛАГа. На упомянутом совещании Куйбышев поднял вопрос о том, чтобы сдвинуть сроки окончания строительства канала Москва — Волга. Окончание строительства было запланировано на конец 1935, а введение в эксплуатацию — на начало 1936 г. «Тов. Сталин сказал, — пересказывали по горячим следам Хрущев и Булганин итоги обсуждения, — что это нецелесообразно и что надо закончить его в срок, и при этом повторил несколько раз о том, что «нельзя под Москвой держать уголовников»» [988].

Несмотря на нажим Сталина и «веские» аргументы, канал был сдан в эксплуатацию на год позже намеченных сроков — в начале 1937 г.

Итоги первой пятилетки многозначны. Импровизационный во многом характер плановых показателей и их корректировок приводил к срыву исполнения. При этом, однако, сочетание административного и идеологического нажима позволило обеспечить очень значительный рост всех основных показателей развития экономики. Концентрированное выражение это противоречие находит в показателях роста национального дохода. Если в 1927/28 г. он составил 24,4 млрд руб., то в 1932 г., пусть и отстав от планового показателя (49,7 млрд), он, тем не менее, значительно вырос и достиг уже 45,5 млрд[989]. Были созданы тракторная и автомобилестроительная отрасли, авиастроение, станкостроение и химическая промышленность, достигнут резкий рост производства в черной и цветной металлургии, добычи энергоносителей (нефть, уголь) и их производства (электроэнергетика), на востоке страны была создана основа нового угольно-металлургического центра.


Дорогой Лазарь Моисеевич

Вчера 13 апреля меня и Бугаенина вызвали к т. Сталину. В это время у него были т.т. Молотов, Ворошилов, Куйбышев, Жданов и Смирнов из госплана. Нам т. Сталиным был поставлен вопрос об окончании стр. метро, о том, что не производительно работают на субботнике и предложим субботники отменить и срок окончания стройки метро отодвинуть с 7 ноября на первому или 15 февраля 1935 г. Стоит чтобы сосредоточить на качестве работы особенно по детону. Мы стали просить, чтобы срок пуска оставили старый субботники мы отменим и сумеем в срок построить, так как у нас все. К этому подготовлено и есть возможность это сделать. Тов. Сталин сказал, что раз срок удлиняем к ряду сократить. При этом было высказано, что может стоить приурочить открытие метро к открытию с'езда советов. При обсуждении этого вопроса т. Сталин, очень по моему сочувственно, говорил о том, что мы за авансировавшие перед общественным мнением и о том, что т. Каганович будет сердится, но надо пойти на перенос срока окончания строительства. Тов. Сталин при обсуждении особенно подчеркивал на усиление внимания к качеству работ и также объяснение дать всем кого это касается а также общественности

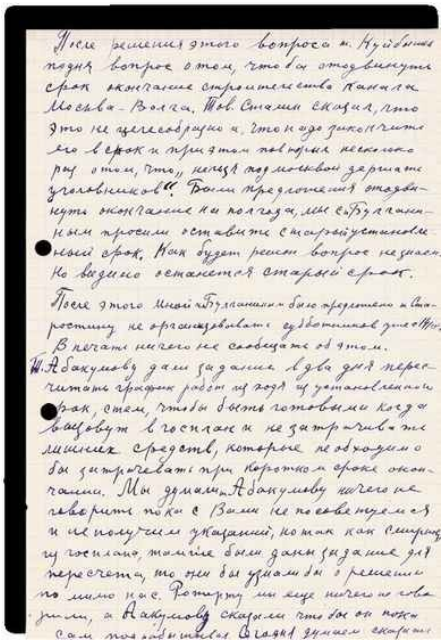


На этом кончаем. Ждем Ваших указаний

Досвидание

Ваши Н. Хрущев

14/IV-34 г.



После решения этого вопроса т. Куйбышев поднял вопрос о том, чтобы отодвинуть срок окончания строительства канала Москва-Волга. Тов. Сталин сказал, что это не целесообразно и, что надо закончить его в срок и при этом повторил несколько раз о том, что „нельзя под Москвой держать уголовников". Были предложения отодвинуть окончание на полгода, мы с Булганиным просили оставить старый установленный срок. Как будет решен вопрос не знаем. Но видимо останется старый срок.

После этого Мной и Булганиным было предложено и Старостину не организовывать субботников уже с 14/IV.

В печать ничего не сообщать об этом.

Т. Абакумову дали задание в два дня пересчитать график работ из хода из установленного срок, с тем, чтобы быть готовыми когда вызовут в госплан и не затрачивать лишних средств, которые необходимо бы затрачивать при коротком сроке окончания. Мы думали т. Абакумову ничего не говорить пока с Вами не посоветуемся и не получим указаний, но так как смирно из госплана, тамшие были даны задание для пересчета, то они бы узнали бы о решении помимо нас. Ротерту мы еще ничего не говорили, а Абакумову сказали что бы он пока сам подробнее [illegible] думаем сказать

Письмо Н.С. Хрущева и Н.А. Булганина Л.М. Кагановичу об окончании строительства метро и канала Москва — Волга

14 апреля 1934

Подписи — автографы Н.С. Хрущева и Н.А. Булганина

[РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 255. Л. 135–138]

Рост физических объемов производства контрастировал с провалом в части динамики качественных показателей. Задания по производительности труда, снижению себестоимости промышленной продукции, стоимости и срокам строительства систематически не выполнялись. Качество промышленной продукции находилось «на очень низком уровне» и имело тенденцию к ухудшению[990].

Вторая пятилетка (1933–1937) во многом учтет проблемы первой, станет более реалистичной. Подводя итоги первой пятилетки в январе 1933 г., Сталин сказал, что ее успешное выполнение позволит теперь перестать «подхлестывать и подгонять страну» и поставит задачу «взять 13–14 % ежегодного прироста промышленной продукции в целом». Будет сохранен курс на приоритетное развитие тяжелой индустрии. Задачей пятилетки станет завершение реконструкции народного хозяйства на основе новейшей техники для всех ее отраслей. Пафос нового строительства Сталин призовет заменить пафосом освоения новых заводов и новой техники[991].

Во 2-й пятилетке по мере роста промышленности сворачивались международные экономические связи. Экспорт нефти в 1937 г. сократился в 3 раза по сравнению с 1932 г., импорт машин и оборудования — в 7 раз по сравнению с 1931 г.[992] Символом изменения политики можно считать отказ советского руководства от продления контракта с крупнейшим в то время в мире проектным бюро — американской фирмой «Albert Kahn Inc.» Именно эта компания спроектировала в СССР в 1929–1932 гг. более 500 промышленных объектов и принимала участие в организации их строительства, включая автомобильные заводы в Москве и Нижнем Новгороде, тракторные — в Сталинграде, Харькове и Челябинске[993].

Переориентация на внутренние ресурсы действительно произошла, но случилось это в годы второй и третьей пятилеток. Именно тогда состоялся поворот в сторону политики опоры на собственные силы, но происходило это лишь по мере того, как советская промышленность приобретала способность к самостоятельному воспроизводству и расширению.

Общим местом в историографии стала констатация факта невыполнения планов первых пятилеток. Наиболее провальным с этой точки зрения оказался первый пятилетний план, исполненный менее чем на 60 %[994]. Тем не менее, именно итоги первой пятилетки, как будет объявлено на XVII партконференции в январе — феврале 1932 г., обеспечили успешное завершение построения основ социализма[995], как и хотелось представить положение дел советскому руководству. Второй пятилетний план (1933–1937), менее амбициозный, был также выполнен чуть более чем на 70 %. Неисполнение основных показателей пятилетних планов в литературе в некоторых случаях считают провалом пятилетнего планирования как института[996]. Эту оценку можно назвать справедливой, если бы эти планы несли исключительно

экономическую смысловую нагрузку. Однако в не меньшей, а быть может, и в большей степени содержавшиеся в них показатели экономического развития имели преимущественно политические смысл и значение. Хорошо известно, что планы принимались в большинстве случаев в то время, когда уже шла их реализация. Так, самый знаменитый первый пятилетний план на 1928–1932 гг. был утвержден V съездом Советов СССР в мае 1929 г. Этот пятилетний план и стал сердцевиной сталинской политической концепции «Великого перелома». На преимущественно политический характер этих планирующих документов указывает и публичный характер их принятия, причем первоначально именно на партийно-политических форумах — партийных конференциях или съездах ВКП(б). Точно так же на партийных форумах подводились и их итоги. Поддерживали на необходимом уровне мобилизационный порыв кампании в прессе и выступления самого Сталина. Так, 3 ноября 1929 г. он выступил в «Правде» со статьей «Год великого перелома. К XII годовщине Октября», посвященной «основным достижениям партии за истекший год». В ней, подводя первые итоги нового курса, он с пафосом заявил: «Мы идем на всех парах по пути индустриализации — к социализму, оставляя позади нашу вековую «рассейскую» отсталость» [997].

Первые пятилетние планы для Сталина вряд ли были «экономической мечтой», как полагают некоторые исследователи. Скорее, эти планы были важнейшим инструментом мобилизации советского общества на решение политических по своему смыслу задач, которое ставило перед ним советское политическое руководство. Именно поэтому хорошо исследованные историками экономические издержки «большого рывка» не являются главными критериями их оценки. Не случайно, хорошо зная о постоянном неисполнении пятилетних планов, Сталин на протяжении всей своей политической деятельности стремился к максимизации плановых показателей. Для него, судя по всему, постановка максимальных (и, добавим, невыполнимых по определению задач) являлась средством достижения максимально возможных результатов, средством выжимать из исполнителей максимум того, на что они были способны.

Важно подчеркнуть, что советские плановые органы (Госплан), и это показано в современной литературе, составляли агрегированные планы, то есть самые общие планы, и физически не могли подготовить никаких других. Так что многим из читателей следует расстаться с иллюзиями, что планы первых пятилеток представляли собой глубоко проработанные, четкие плановые документы. Кроме того, как выясняется на основе знакомства с распорядительной документацией, хранящейся в российских архивах, во многих случаях годовые планы вообще не составлялись. В сообщении Госплана, направленном в январе 1934 г. в СНК СССР, например, говорилось о том, что Наркомат легкой промышленности не разрабатывает планы детальнее, чем

планы главков, а для трестов и предприятий подготавливались только квартальные планы: «На предприятиях... работникам Госплана и ВЦСПС прямо заявили, что они годовых планов в течение ряда лет не видели», причем речь велась о крупных московских предприятиях, работавших «под носом» у высокого начальства[998].

Роль реальных экономических планов выполняли другие — так называемые оперативные планы, которые формировались в процессе и в результате внутри- и межведомственного торга между плановиками и производителями. Сталин, находившийся на верху властной пирамиды, объективной логикой функционирования централизованной системы управления превращался в верховного арбитра неизбежно возникавших споров между хозяйствующими субъектами и плановыми органами, производителями промышленной продукции между собой в борьбе за распределение ресурсов. В ряде работ подчеркивается, что советская система была именно системой централизованного управления, а не централизованного планирования. И в процессе управления экономикой Сталин должен был принимать решения, руководствуясь не формальными правилами или логикой, а конкретными практическими соображениями, направленными на реализацию его общих установок на рост конкретных видов промышленной продукции.

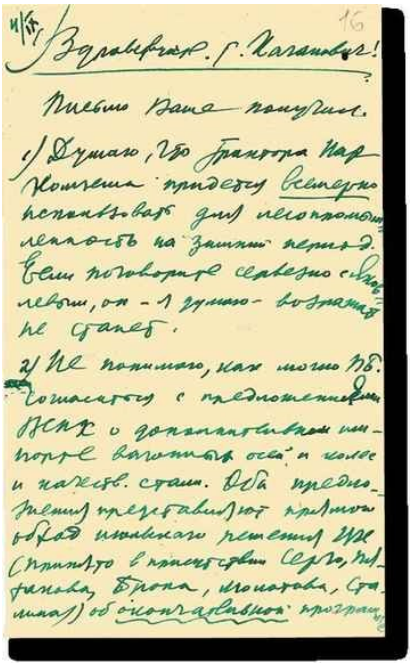
Он поневоле должен был отождествлять себя с тем актором (действующим лицом), кто, собственно, и отстаивает государственные интересы. Кроме него, к этой группе, вероятно, относились те члены его ближайшего окружения, которые не были связаны с ведомственными интересами, а также контрольный и партийный аппараты, поставленные на службу этой группе управляющих. В 1930-е гг. такими ближайшими соратниками, пользовавшимися практически безусловным доверием Сталина, являлись Каганович — его заместитель в партии и Молотов, возглавивший Совнарком. Сохранившаяся в архивах обширная переписка Сталина с ними обоими подтверждает это. В известном смысле указанное отождествление не лишено оснований, поскольку именно эта узкая группа высших управляющих превратилась в «балансера» межведомственных интересов. Те члены ближайшего окружения, которые волею Сталина назначались руководителями хозяйственных структур, оказывались по ту линию невидимого фронта, разделившего тех, кто был принужден отстаивать «частные» ведомственные интересы, и тех, кто эти частные интересы должен был координировать, увязывать между собой в целях общегосударственного развития. В силу занимаемого положения многие члены ближнего круга Сталина, принужденные отстаивать ведомственные интересы, поневоле входили в определенный конфликт не только с центральными органами управления, но и непосредственно со Сталиным[999]. Самым ярким примером такого рода, вероятно, следует назвать конфликт Сталина с возглавившим сначала ВСНХ, а затем и

крупнейший Наркомат тяжелой промышленности Г.К. Орджоникидзе, их противостояние завершилось самоубийством последнего.

Григорий Константинович Орджоникидзе
1935
[РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 32. Д. 80. Л. 1]

«Не понимаю, — писал Сталин в начале сентября 1931 г. Кагановичу о линии, проводившейся Орджоникидзе, — как могло ПБ согласиться с предложением ВСНХ о дополнительном импорте вагонных осей и колес и качеств[енной] стали. Оба предложения представляют прямой обход июльского решения ЦК... об окончательной программе импорта металла на 1931 год. Насколько я понимаю, Вас и Рудзутака просто обманули. Нехорошо и противно, если мы начнем обманывать друг друга». В этом же письме Сталин порекомендовал: «Имейте максимум бдительности и не давайте водить себя за нос героям ведомственности». К подобным «героям» в том же письме Сталин отнесет еще одного члена Политбюро — А.И. Микояна, возглавлявшего Наркомат снабжения. Сталин адресует Кагановичу риторический вопрос: «Откуда такое безграничное доверие НКснабу и столь же безграничное недоверие государству?» В этом вопросе, помимо прочего, примечательно противопоставление одного из органов государственного управления государству в целом, а его руководителя — наркома снабжения — группе высших управляющих, не связанных с интересами конкретного ведомства. Причем оба наркома сами номинально являлись членами этой группы высших управляющих (Политбюро), но в представлении Сталина их и его уже разделяла невидимая полоса отчуждения. В этом же письме Сталин прошелся по сложившейся наградной практике. Сообщив Кагановичу о плохом

впечатлении, которое произвело на него принятое в его отсутствие «решение ПБ о выдаче ордена Ленина разным лицам», он подчеркнул, что «слишком легко стали выдавать ордена», и порекомендовал передать секретарю ЦК П.П. Постышеву, ведавшему этим процессом, чтобы тот не поддавался давлению «вельмож-бюрократов, добивающихся орденов для своих дружков-собюрократов» [1000].



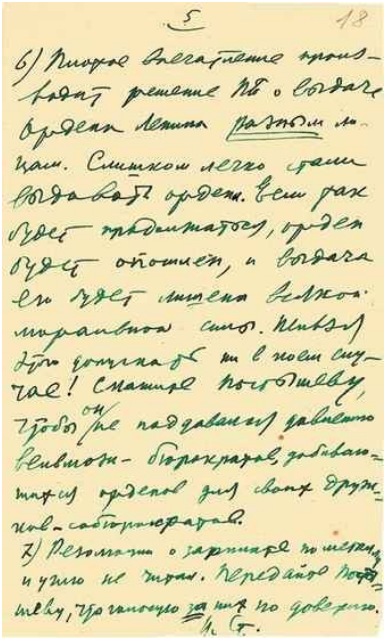
4/IX 16

Здравствуйте, г. Каганович!

Письмо Ваше получил.

1) Думаю, что трактора Нар. Комзема придется всемерно использовать для лесопромышленность на зимний период. Если поговорите серьезно с Яковлевым, он — я думаю — возражать не станет.

2) Не понимаю, как могло ПБ согласиться с предложением ВСНХ о дополнительном импорте вагонных осей и колес и качеств. стали. Оба предложения представляют прямой обход июльского решения ЦК (принято в присутствии Серго, Пятакова, Брона, Молотова, Сталина) об окончательной программе

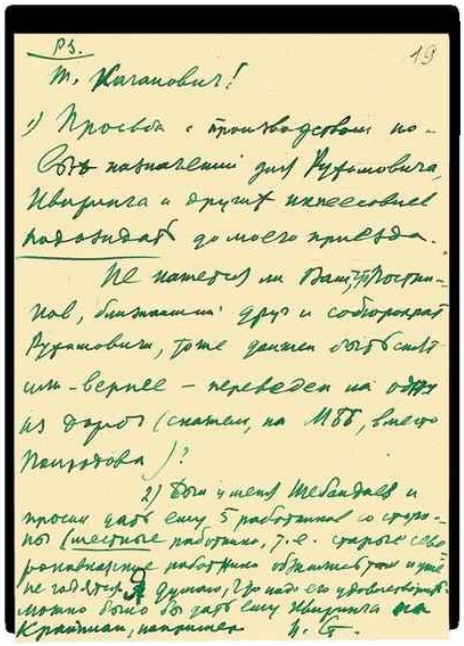


5 18

6) Плохое впечатление производит решение ПБ о выдаче ордена Ленина разным лицам. Слишком легко стали выдавать ордена. Если так будет продолжаться, орден будет опошлен, и выдача его будет лишена всякой моральной силы. Нельзя этого допускать ни в коем случае! Скажите Постышеву, чтобы он не поддавался давлению вельмож-бюрократов, добивающихся орденов для своих дружков-собюрократов.

7) Резолюции о зарплате по металлу и углю не читал. Передайте Постышеву, что голосую за них по доверию.

И. Ст.



Письмо И.В. Сталина Л.М. Кагановичу с возражением против постановлений Политбюро об импорте металла, экспорте продуктов и выдаче орденов Ленина

4 сентября 1931

Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 16–19]

Сталин не был вполне последовательным в проведении этой линии своего поведения. В литературе подробно описан конфликт Орджоникидзе и Молотова в ходе подготовки и утверждения на XVII съезде партии в начале 1934 г. второго пятилетнего плана, в котором Сталин неожиданно поддержит хозяйственников во главе с Орджоникидзе, добившихся сохранения высокого уровня капитальных вложений при сокращении первоначально запланированных темпов роста[1001].

Пройдет несколько лет, и «вельмож-бюрократов» Сталин станет дисциплинировать не рекомендациями, а страхом. Большой террор, вероятно, одной из своих причин имел нарастающее раздражение Сталина неэффективностью незрелой административно-командной системы, которая на поверхности проявлялась в форме межличностных столкновений, трений, согласований, бюрократического торга в рамках кампаний по планированию и подведению итогов. В ходе этих процессов «вельможи-бюрократы», в представлении Сталина, вероятно, руководствуясь своими частными интересами, рвали на части

Советское государство. Видимо, чтобы защитить это государство, Сталин решил уничтожить одних бюрократов, приструнить других и запустить на полные обороты кадровую ротацию.

Как бы то ни было, не приходится спорить о высоких темпах сталинской индустриализации и ее серьезных достижениях. Не следует, однако, забывать и о той цене, которую заплатило советское общество за этот «большой рывок».

Подчеркнуть достижения индустриализации был призван миф об экономической отсталости царской России, ее полуколониальной зависимости от иностранного капитала, который найдет свое законченное выражение в тексте книги «История ВКП(б). Краткий курс», отредактированной Сталиным и увидевшей свет в 1938 г.

«Уравниловка не имеет ничего общего с марксистским социализмом»

Одним из мифов массового сознания о сталинской эпохе является представление об уравнительном характере распределения национального продукта, создававшегося советской экономикой в годы его правления. Между тем, это не совсем так, хотя это многим сегодня покажется странным. Именно в годы первых пятилеток были предприняты усилия для того, чтобы уйти от уравнительности в оплате труда, сделана попытка реформировать систему оплаты труда в промышленности. Лозунгом дня стала борьба с уравниловкой. 23 июня 1931 г. на совещании хозяйственников Сталин указал на проблему текучести рабочей силы и на уравниловку как одну из ее основных причин: «Уравниловка ведет к тому, что квалифицированный рабочий вынужден переходить из предприятия в предприятие для того, чтобы найти то предприятие, где могут оценить квалифицированный труд должным образом. Чтобы изменить это зло, надо отменить уравниловку и разбить старую тарифную систему»[1002]. Виновниками функционирования неэффективной системы оплаты труда были объявлены недавно разгромленные правые. В беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г. Сталин «дал бой» уравниловке на теоретическом фронте: «Уравниловка имеет своим источником индивидуально-крестьянский образ мышления, психологию дележки всех благ поровну, психологию примитивного крестьянского «коммунизма». Уравниловка не имеет ничего общего с марксистским социализмом»[1003]. Но первые результаты борьбы с уравниловкой оказались обескураживающими: производительность труда в годы первой пятилетки и вправду существенно увеличилась, однако при этом заработная плата росла опережающими темпами[1004]. Этот

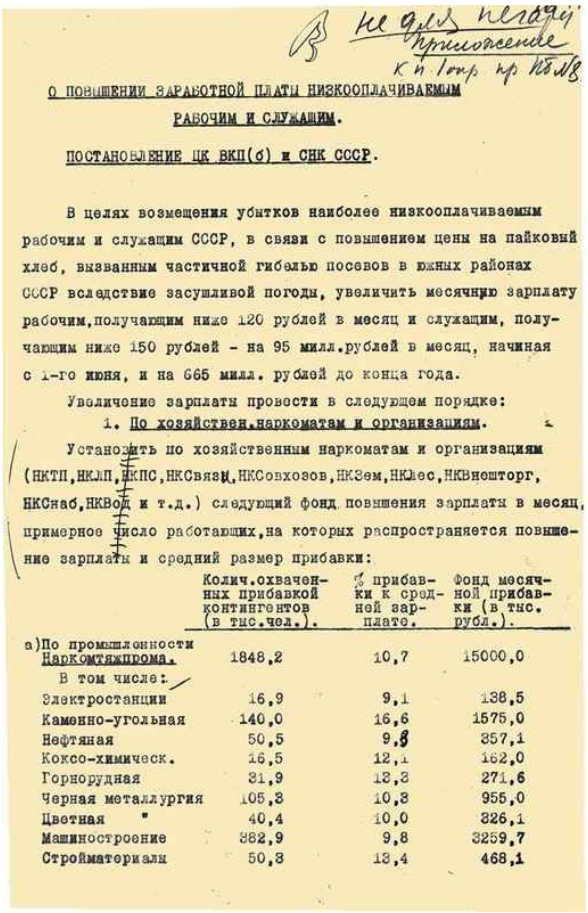
негативный результат потребовал провести тарифную реформу, осуществленную в 1932–1934 гг. В ходе этих преобразований была введена премиально-прогрессивная система, неограниченная сдельщина, установлена значительная градация между высшими и низшими профессиональными разрядами. На 1932–1933 гг. приходится целый ряд совместных (не всегда последовательных) постановлений ЦК ВКП(б) и СНК, имевших целью внедрение новых подходов в различных отраслях и регионах. Основной целью реформы стало обеспечение резкого роста производительности труда, причем по замыслу рост производительности должен был опережать рост уровня оплаты труда. Эта фактическая экономия на трудовых затратах виделась одним из условий проведения сталинской индустриализации. В конце 1930-х советское руководство было вынуждено ввести централизованное регулирование зарплаты, в рамках которого Госплан устанавливал лимиты роста по различным отраслям.

В начале 1930-х гг. советское руководство отреклось от одного из основных принципов большевизма, с которыми большевики брали власть и приступали к строительству «нового мира». В своем докладе на XVII съезде партии в феврале 1934 г. Сталин осудил «левацкую болтовню» о том, что «советская торговля является якобы пройденной стадией, что нам надо наладить прямой продуктообмен»[1005]. На ноябрьском 1934 г. пленуме ЦК ВКП(б) Сталин сделал важнейшее заявление, которое поставило точку в дебатах на тему о товарно-денежных отношениях в СССР. При обсуждении вопроса об отмене карточной системы он задал собравшимся вопрос: «В чем смысл политики отмены карточной системы?» И сам же ответил: «Прежде всего в том, что мы хотим укрепить денежное хозяйство… Денежное хозяйство — это один из тех немногих буржуазных аппаратов экономики, который мы, социалисты, должны использовать до дна… Развернуть товарооборот, развернуть советскую торговлю, укрепить денежное хозяйство — вот основной смысл предпринимаемой нами реформы… Деньги пойдут в ход, пойдет мода на деньги, чего не было у нас давно, и денежное хозяйство укрепится. Курс рубля станет более прочный, бесспорно, а укрепить рубль — значит укрепить все наше планирование и хозрасчет»[1006].

Отступать от декларируемого курса на борьбу с уравниловкой советскому руководству придется не раз. В 1930-е г. дважды — в мае 1934 и ноябре 1937 г. ЦК и Совнарком приняли постановления с небольшими различиями в названиях о повышении заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим, тем самым признавая фактически нарастание инфляционных процессов в экономике. Первое из названных постановлений прямо признавало это обстоятельство, объясняя необходимость повышения месячной зарплаты целями «возмещения убытков… в связи с повышением цены на пайковый хлеб». ЦК партии направил предписание (за подписями своего секретаря И.В.

Сталина и зампреда Совнаркома В.В. Куйбышева) «каждому наркому в отдельности и ВЦСПС на основе настоящего постановления... в двухдневный срок разослать распределение полученной прибавки зарплаты по разрядам и профессиям» [1007].

Ноябрьское постановление 1937 г. будет прямо апеллировать к утвердившемуся курсу, рекомендуя руководителям при введении соответствующих надбавок руководствоваться целями «устранения возможной уравниловки в заработной плате». Этим же постановлением устанавливался и минимальный уровень заработной платы «в месяц до 100 рублей», получателей которой и планировалось «осчастливить» предписанным повышением[1008].



В не для печати
Приложение
к п 1 опр. пр. ПБ №8

О ПОВЫШЕНИИ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ НИЗКООПЛАЧИВАЕМЫМ РАБОЧИМ И СЛУЖАЩИМ.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

В целях возмещения убытков наиболее низкооплачиваемым рабочим и служащим СССР, в связи с повышением цены на пайковый хлеб, вызванным частичной гибелью посевов в южных районах СССР вследствие засушливой погоды, увеличить месячную зарплату рабочим, получающим ниже 120 рублей в месяц и служащим, получающим ниже 150 рублей - на 95 милл. рублей в месяц, начиная с 1-го июня, и на 665 милл. рублей до конца года.

Увеличение зарплаты провести в следующем порядке:

1. По хозяйствен. наркоматам и организациям.

Установить по хозяйственным наркоматам и организациям (НКТП, НКЛП, НКПС, НКСвязи, НКСовхозов, НКЗем, НКЛес, НКВнешторг, НКСнаб, НКВод и т.д.) следующий фонд повышения зарплаты в месяц, примерное число работающих, на которых распространяется повышение зарплаты и средний размер прибавки:

	Колич. охваченных прибавкой контингентов (в тыс. чел.).	% прибавки к средней зарплате.	Фонд месячной прибавки (в тыс. рубл.).
а) По промышленности Наркомтяжпрома.	1848,2	10,7	15000,0
В том числе:			
Электростанции	16,9	9,1	138,5
Каменно-угольная	140,0	16,6	1575,0
Нефтяная	50,5	9,8	357,1
Коксо-химическ.	16,5	12,1	162,0
Горнорудная	31,9	13,3	271,6
Черная металлургия	105,3	10,3	955,0
Цветная "	40,4	10,0	326,1
Машиностроение	382,9	9,8	3259,7
Стройматериалы	50,3	13,4	468,1

Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О повышении заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим»

27 мая 1934

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1025. Л. 44–56]

В августе 1939 г. СНК СССР принял постановление «О порядке контроля за расходованием средств заработной платы по промышленным предприятиям», которое жестко увязывало размер фонда зарплаты с выполнением производственных заданий, вводило финансовые санкции в случае перерасхода фондов или невыполнения планов. При этом методика определения зарплаты не успевала за структурными изменениями в промышленности, номенклатуре специальностей и характере труда. Проблема соответствия результатов труда и его оценки становится перманентной, однако, как подчеркивается в современной литературе, в целом тогда удалось увязать зарплату и производительность труда[1009].

В начале 1930-х гг. советское руководство взяло курс на учет трудовых ресурсов в количественном и качественном измерениях. Была введена паспортная система, проведена перепись населения, состоялись проверка и обмен партийных документов и др. В этом контексте необходимо упомянуть и решение, оформленное постановлением СНК СССР от 20 декабря 1932 г. «О введении трудовых книжек». Трудовая книжка должна была давать представление о профессиональном уровне, стаже работы и рабочем облике трудящегося [1010].

Одним из главных «достижений» реформ в сфере оплаты труда являлась полная реабилитация в глазах населения материальных стимулов к труду, которые вскоре станут едва ли не главным движителем социального поведения советских граждан и будут способствовать эрозии «социалистической идеологии», навязываемой сверху. Причем советская власть была вынуждена признать легальной именно денежную форму этих материальных стимулов к труду. Более не будет возникать вопрос об отказе от денег как инструменте обмена и меры измерения количества и качества труда. Так произойдет окончательное расставание с иллюзиями большевизма о возможностях иных — нематериальных — причин трудовой мотивации и условий, которыми может быть обеспечено экономическое поведение хозяйствующих субъектов. Мера эта была вынужденной, а Сталин так и не стал апологетом товарно-денежных отношений, вернувшись, как мы увидим, на закате жизни к своим и Ленина ранним представлениям о социализме.

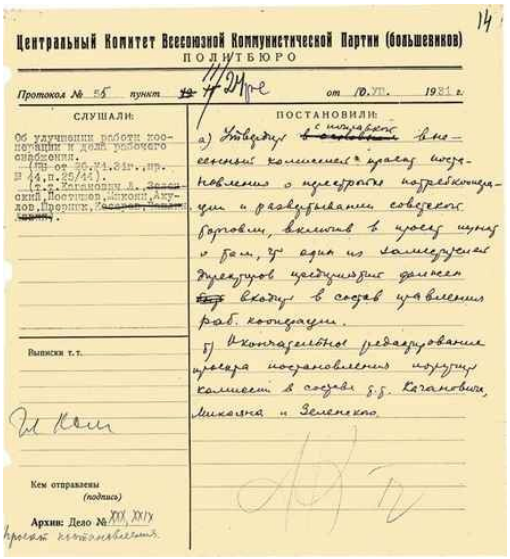
«Советская торговля есть торговля без капиталистов». К вопросу о частном предпринимательстве в СССР

К числу распространенных заблуждений принадлежит и представление о полном огосударствлении при Сталине советской

экономики. Между тем, уйдя из жизни, он оставил после себя значительный негосударственный сектор. В 1954 г. в СССР насчитывалось 114 тыс. мастерских и других промышленных предприятий промысловой кооперации, 28 тыс. промышленных предприятий потребительской кооперации, 400 тыс. кузниц, мельниц и других мелких промышленных предприятий колхозов. Общий удельный вес этих предприятий в валовой продукции всей промышленности составлял 8,2 %[1011]. При этом члены промысловых артелей и кустарей (вместе с крестьянами-единоличниками) составляли лишь 2,2 % населения, занятого в народном хозяйстве[1012]. В розничном товарообороте доля негосударственного сектора составляла 37,1 % (кооперативная торговля занимала 28 %, колхозные рынки — 9,1 % общего объема розничного товарооборота в СССР) [1013].

Товарооборот торгующих организаций системы Центрального союза потребительских обществ в 1940 г. составлял 24,1 % всего товарооборота всех торгующих организаций СССР. При этом число предприятий кооперативной торговли (магазины и палатки) превышало число государственных предприятий (136,7 тыс. против 90,5 тыс.)[1014].

Взяв курс на индустриализацию, советское руководство тогда же постарается синхронизировать и развитие «частного сектора», встроив его в общую экономическую политику. 11 мая 1927 г. совместным постановлением ЦИК и СНК СССР было принято «Положение о промысловой кооперации»[1015]. Согласно ему артель представляла собой производственный кооператив в форме социалистического коллективного хозяйства, созданный на добровольной основе с обязательным трудовым участием членов и коллективной ответственностью участников. В первые два года артель освобождалась от налогов. Руководитель артели избирался участниками, которые еще и утверждали план ее работы. Количество наемных работников, не являвшихся членами артели, не могло превышать 20 %. Прибыль распределялась согласно уставу, 20 % ее в обязательном порядке отчислялось на формирование «запасного капитала», часть прибыли могла распределяться между членами артели.



14

Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков)
ПОЛИТБЮРО

Протокол № 55 пункт ~~19~~ 11/24 пре от 10.VIII. 1931 г.

СЛУШАЛИ:

Об улучшении работы кооперации и дела рабочего снабжения.
(ПБ от 30.VI.31г., пр. № 44, п.25/44).
(т.т. Каганович Л., Зеленский, Постышев, Микоян, Акулов, Прорвин, ~~Хазаров, Чаплин~~).

ПОСТАНОВИЛИ:

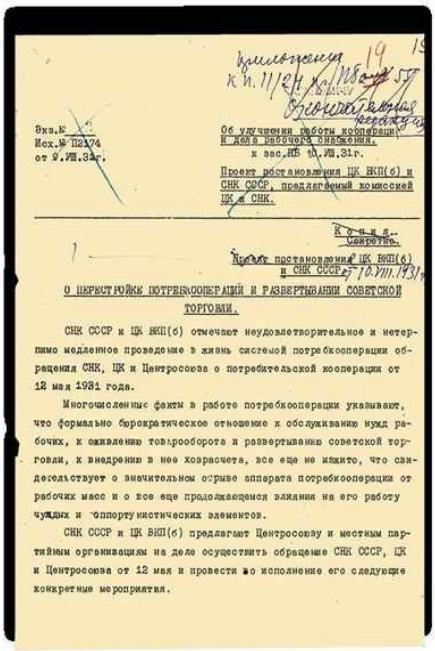
а) Утвердить ~~в основном~~ с поправкой внесенный комиссией проект постановления о перестройке потребкооперации и развертывании советской торговли, включив в проект пункт о том, что один из заместителей директоров предприятий должен ~~быть~~ входить в состав правления раб. кооперации.

б) Окончательное редактирование проекта постановления поручить комиссии в составе т.т. Кагановича, Микояна и Зеленского.

Выписки т.т.

Кем отправлены (подпись)

Архив: Дело № XXX, XXIV
проект постановления



Приложение 19 15
к п. 11/24 пр. № 55
Окончательная редакция

Экз. № 2
Исх. № П2174
от 9.VIII.31г.

Об улучшении работы кооперации и дела рабочего снабжения.
к зас. ПБ 10.VIII.31г.

Проект постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР, предлагаемый комиссией ЦК и СНК.

Копия.
Секретно.

Проект постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 10.VIII.1931 г.

О ПЕРЕСТРОЙКЕ ПОТРЕБКООПЕРАЦИИ И РАЗВЕРТЫВАНИИ СОВЕТСКОЙ ТОРГОВЛИ.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) отмечают неудовлетворительное и нетерпимо медленное проведение в жизнь системой потребкооперации обращения СНК, ЦК и Центросоюза о потребительской кооперации от 12 мая 1931 года.

Многочисленные факты в работе потребкооперации указывают, что формально бюрократическое отношение к обслуживанию нужд рабочих, к оживлению товарооборота и развертыванию советской торговли, к внедрению в нее хозрасчета, все еще не изжито, что свидетельствует о значительном отрыве аппарата потребкооперации от рабочих масс и о все еще продолжающемся влиянии на его работу чуждых и оппортунистических элементов.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) предлагают Центросоюзу и местным партийным организациям на деле осуществить обращение СНК СССР, ЦК и Центросоюза от 12 мая и провести во исполнение его следующие конкретные мероприятия.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об улучшении работы кооперации и дела рабочего снабжения» с приложением проекта постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О перестройке потребкооперации и развертывании советской торговли»

10 августа 1931

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 896. Л. 14–28]

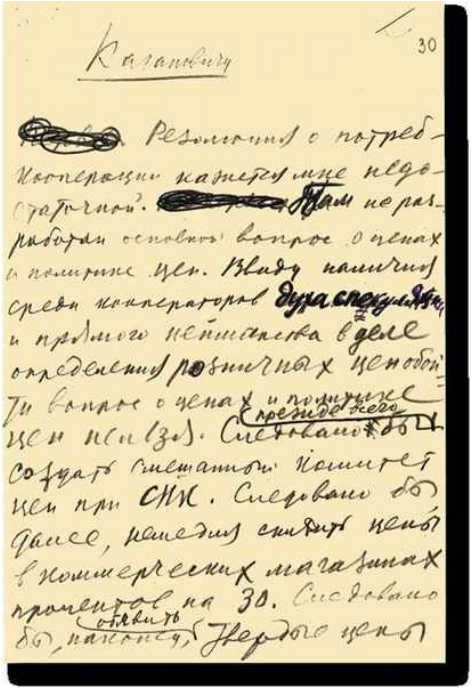
10 августа 1931 г. Политбюро в отсутствие Сталина заслушало вопрос «Об улучшении работы кооперации и дела рабочего снабжения» и поручило специальной комиссии под председательством Кагановича доработать проект постановления о перестройке потребкооперации и развертывании советской торговли[1016].

Дело затянулось, но в конце концов система промысловой кооперации получила в дальнейшем развитие благодаря постановлению ЦИК и Совнаркома СССР от 23 июля 1932 г. «О перестройке работы и организации форм промкооперации», принятому «в целях дальнейшего развертывания производственной инициативы промысловой артели, а также для максимального расширения промысловой кооперацией производства предметов широкого потребления»[1017]. Была поставлена задача довести удельный вес товаров широкого потребления до 70 % всей продукции промкооперации, отменена «система централизованных обязательных заказов»; артель получила права свободной продажи на рынках изготовляемой ею продукции «из сырья своей заготовки», а также на «банковский кредит в децентрализованном порядке». Особое внимание руководящих органов было обращено на «необходимость особого стимулирования экспортных статей» производства. Создавались и своеобразные представительские организации предприятий промысловой кооперации в форме областных союзов артелей. Союзы, помимо представления интересов своих членов в государственных инстанциях, выполняли и организационно-хозяйственные функции по производственной кооперации артелей между собой, по снабжению сырьем и инструментом, могли осуществлять расчетно-кассовое, транспортное обслуживание, вести бухгалтерский учет. Формировался Всесоюзный совет артелей, который был призван выполнять функции учета, планирования и представительства промысловой кооперации перед государственными органами «по кредитованию, по фондам снабжения, по защите законных прав артелей». 8 августа 1933 г. было принято положение о Союзе промысловой кооперации, который становился центральным органом, ответственным за организацию и развитие производственной инициативы в этой негосударственной сфере экономики; его цель — объединение и руководство деятельностью промысловых кооперативных организаций. Названным положением система промысловой кооперации фактически инкорпорировалась в плановую советскую экономику, поскольку Союз обязывался составлять и утверждать сводные производственные и финансовые планы, в том числе планы снабжения сырьем; устанавливать вместе с банками размеры и формы банковского кредитования предприятий своей системы, вести сводный учет, представляя его в государственные органы управления; разрабатывать планы кооперирования кустарей и ремесленников; осуществлять надзор за деятельностью предприятий системы и подготовку кадров;

организовывать научно-исследовательскую работу; разрабатывать вопросы организации труда и его охраны и т. д.

Вряд ли случайно эти важные решения в большинстве своем не проводились через Политбюро, а были приняты в «советском порядке». Вероятно, процитированные выше сталинские формулы о моде на деньги и о советской торговле исчерпали моральные возможности Сталина по поддержке сферы кооперации. Ведь в августе 1931 г. в письме к Кагановичу он высказался о потребкооперации откровенно и резко: «Ввиду наличия среди кооператоров духа спекуляции и прямого непманства в деле определения розничных цен, обойти вопрос о ценах и политике цен нельзя... Следовало бы, прежде всего, создать смешанный комитет цен при СНК. Следовало бы, наконец, объявить твердые цены на печеный хлеб для рабочих районов и твердые цены на печеный хлеб для нерабочих районов...» Справедливости ради, следует сказать, что в этом же письме Сталин выскажется за выход на рынок совхозов и отчасти колхозов. А вот что касается коммерческой торговли, то он будет стоять за развитие государственной торговли, «за то, чтобы разрешить объединениям ВСНХ, работающим на массового потребителя, немедля открыть свои магазины»[1018].

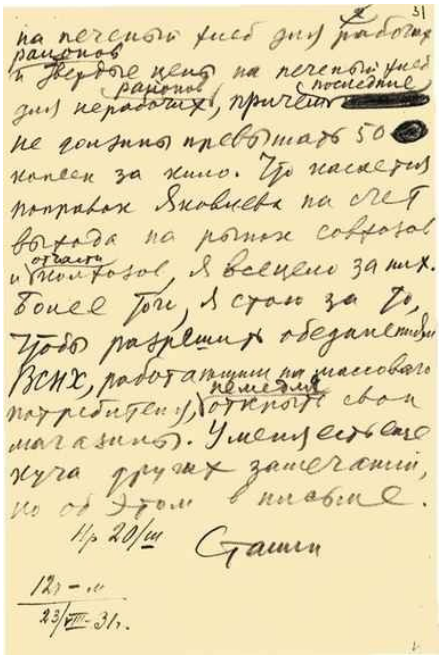
Не прошло и месяца, и 18 сентября Политбюро рассмотрело вопрос об организации универмагов ВСНХ. В результате уже к январю 1932 г. было открыто 83 таких универмага[1019]. В сентябре 1935 г. ЦК и Совнарком примут совместное постановление «О работе потребительской кооперации в деревне», в соответствии с которым будет запланировано открыть в течение 1935–1936 гг. дополнительно к существующим 4 тыс. районных универмагов потребительской кооперации [1020].



Кагановичу

30

Резолюция о потреб-
кооперации кажется мне недо-
статочной. Там не раз-
работан основной вопрос о ценах
и политике цен. Ввиду наличия
среди кооператоров духа спекуляции
и прямого нейманства в деле
определения розничных цен обой-
ти вопрос о ценах и политике
цен нельзя. Следовало (прежде всего) бы
создать смешанный комитет
цен при СНК. Следовало бы
далее, немедля снизить цены
в коммерческих магазинах
процентов на 30. Следовало
бы, (отвлечь) наконец, твердые цены



31

на печеный хлеб для рабочих
районов
и твердые цены на печеный хлеб
для нерабочих районов, причем (последние)
не должны превышать 50
копеек за кило. Что касается
поправок Яковлева на счет
выхода на рынок совхозов
и (отчасти) колхозов, я всецело за них.
Более того, я стою за то,
чтобы разрешить обеданениям
ВСНХ, работающим на массового
потребителя, (немедля) открыть свои
магазины. Уменя есть еще
куча других замечаний,
но об этом в письме.

Пр 20/III Сталин

12 г – м
23/VIII-31 г.

Письмо И.В. Сталина Л.М. Кагановичу о потребкооперации, снижении цен в коммерческих магазинах и выходе на рынок совхозов

23 августа 1931

Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 76. Л. 30–31]

Следует понимать, однако, что Сталин терпел эту форму самостоятельной хозяйственной активности и не более того. 7 января 1933 г. он сделал доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК, в котором повторил свои оценки и дал своеобразное определение советской торговли, проведя границу между ею и торговлей в период нэпа: «Если торговля на первой стадии нэпа допускала оживление капитализма и функционирование частнокапиталистического сектора и товарооборота, то советская торговля исходит из отрицания как того, так и другого». Задав вопрос «что такое советская торговля?», Сталин ответил на него так: «Советская торговля есть торговля без капиталистов — малых и больших, торговля без спекулянтов — малых и больших. Это особого рода торговля, которой не знала до сих пор история и которую практикуем только мы, большевики в условиях советского развития»[1021]. Нетрудно увидеть, что существо проблемы Сталин свел исключительно к проблеме «наживы» участников процесса купли-продажи, на ограничительных мерах по отношению к которым и сосредоточила свои усилия советская власть. Не случайно в этой речи Сталин упомянул постановление ЦИК и Совнаркома от 22 августа 1932 г. «О борьбе со спекуляцией»[1022]. Сталин напомнил, что этот закон «о мерах пресечения спекуляции и наказания спекулянтов… не страдает особой мягкостью»[1023].

Несмотря на грозные предостережения и реальное преследование «спекулянтов — малых и больших», победить стремление хозяйствующих субъектов к наживе не удалось ни Сталину, ни его преемникам. Да и сама советская система, вынужденная допустить функционирование частнохозяйственных форм экономической деятельности, станет предпринимать шаги, объективно способствовавшие ее развитию. Так, в целях эффективного финансирования и контроля над финансовой деятельностью промысловой кооперации постановлением Совнаркома от 17 августа 1936 г. финансирование артелей было возложено на Всесоюзный банк капитального строительства торговли и кооперации (Торгбанк). Создавался фонд долгосрочного кредитования, в том числе за счет отчислений самих артелей.

В результате этих мер поддержки за годы двух первых пятилеток (1928–1937) производственные фонды артелей значительно выросли. Помимо промысловой кооперации, в экономике СССР продолжало существовать и так называемое кустарничество. Функционирование этих хозяйствующих самозанятых субъектов определялось специальным законодательным актом, принятым в 1936 г. Кустари были определены как «лица, занимающиеся без применения наемного труда кустарными и ремесленными промыслами, извозом и обслуживанием личных и хозяйственно-бытовых нужд населения…»

Причем, кустари с невысоким годовым доходом (от 500 до 800 руб.) освобождались от уплаты подоходного налога.

В этом секторе, который, пусть и с некоторыми ограничениями, можно назвать предпринимательским, начинали свою работу, между прочим, экспериментальные лаборатории, научные институты, конструкторские бюро. Большинство из них позднее станут государственными учреждениями. В литературе приведено немало примеров создания именно в этом секторе новаторских разработок и их массового промышленного производства, которые и сегодня у неспециалистов могут вызвать определенное удивление. Артель «Радист» в 1930 г. начала выпуск советских ламповых приемников, в 1935 г. — радиол, в 1939 г. приступила к выпуску первых телевизоров с электронно-лучевой трубкой, изготовив перед войной около 2 тыс. телевизоров модели 17ТН-1. Первые серийные фотоаппараты также выпускались артелью «Фото-Труд», детекторные приемники «Комсомолец» — артелью «Радиофронт», портативные патефоны — артелью «Граммофон». Реальная история этих предприятий еще ждет своего исследования.

В конце 1930-х гг., согласно данным переписи населения, в промкооперации было занято 1,8 % населения СССР, кооперированные кустари составляли 0,5 %, некооперированные кустари — 0,7 %, единоличники в аграрном секторе — 4,5 %. Причем преобладали в этой социальной группе лица молодого и зрелого возрастов от 29 до 49 лет, количество специальностей, которыми обладали эти «индивидуальные предприниматели», удовлетворявшие (пусть и частично) потребности населения, составляло 130 наименований в кооперативной кустарной промышленности, около 70 у кустарей-одиночек и еще примерно 50 у крестьян-единоличников [1024].

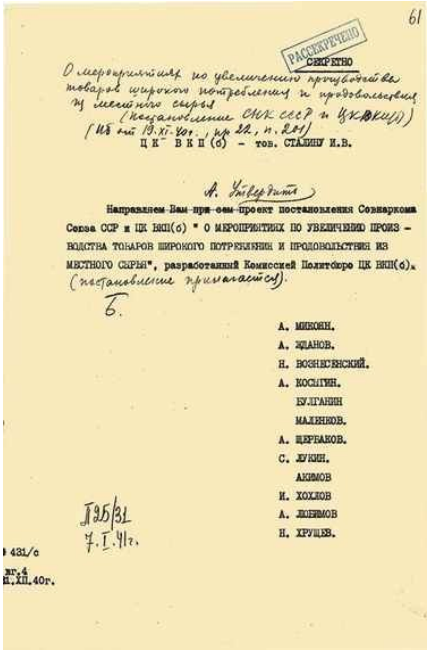
Определенный итог развитию этого сектора подвело решение советского руководства, принятое в начале 1941 г. Подписанное Сталиным и Молотовым вышло совместное постановление СНК и ЦК «О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольствия из местного сырья». Чтобы вполне понять и оценить значение этого постановления, стоит вернуться немного назад, к моменту утверждения второго пятилетнего плана. Тогда в декабре 1932 — январе 1933 г. по инициативе Сталина Госплан пересмотрел проектировки по некоторым отраслям «для обеспечения увеличения втрое производства предметов широкого потребления как по легкой и пищевой промышленности, так и соответствующего увеличения производства предметов ширпотреба». Запись об этой инициативе Сталина оставил в служебной переписке один из ответственных работников Госплана А.И. Гайстер[1025]. Этим постановлением 1941 г. советские руководители признавали провал своих планов девятилетней давности или, говоря языком постановления, тот факт, что производство и ширпотреба, и

продовольствия «отстает от возрастающего спроса населения». Невозможность решения накопившихся в этой сфере проблем силами государственной промышленности по факту признавалось «сквозь зубы» и ранее. Ничем другим нельзя объяснить принятое в феврале 1936 г. постановление СНК «О порядке передачи государственных предприятий, зданий и сооружений»[1026] предприятиям «частного сектора». В постановлении 1941 г. эта линия была продолжена, было принято решение о закрытии цехов ширпотреба на союзных и республиканских предприятиях и о передаче их оборудования местной промышленности и промкооперации.

В числе причин Сталин и Молотов назвали отсутствие необходимых прав у местных советских органов распоряжаться продукцией местной промышленности и промкооперации, недостаточную финансовую заинтересованность, неправильную систему планирования без учета местных интересов, наличие убыточных цен, многозвенность и громоздкость управления местной промышленностью и промкооперацией. «В целях развязывания местной промышленности» и было принято это постановление, которым отменялось централизованное планирование производства и использования ширпотреба и продовольствия. Теперь вся продукция районной и областной промышленности, вырабатываемая из отходов и местного сырья, оставалась в распоряжении района, области (края), республики. Функции утверждения и контроля выполнения планов производства и использования такой продукции спускались из центра на уровень ниже — эта функция передавалась обл(край)исполкомам и совнаркомам союзных и автономных республик. Этим же органам передавалось и управление промысловой кооперацией. Создававшимся областным отделам местной промышленности предоставлялись хозрасчетные права. Ликвидировались представительские органы промысловиков на всесоюзном и всероссийском уровнях. Так завершили свое бытие Всесоюзный совет промысловой кооперации, Всесоюзный совет лесохимической и деревообрабатывающей промысловой кооперации, Всероссийский металлический союз промысловой кооперации. Кроме того, накопления районной и городской промышленности оставались в распоряжении районных и городских исполкомов и направлялись на расширение местной промышленности. Госбанку и Промбанку теперь разрешалось выдавать кредиты «на расширение и организацию производства товаров широкого потребления и продовольствия» в установленных лимитах для разных категорий предприятий. Соответствующие предприятия разрешалось строить по сокращенной проектно-сметной документации. Вновь организованные предприятия на два года были освобождены от налога с оборота, бюджетной наценки и подоходного налога.

Нетрудно заметить, что никакой революции, как иногда интерпретируется это решение, не произошло. И местная

промышленность, и предприятия промысловой кооперации оставались в тисках государственной системы, их накоплениями в значительной мере распоряжались не они сами, а органы государственного управления. В постановлении лишь однажды использовалось понятие прибыли, предпочтение в подавляющем числе случаев отдавалось эвфемизму, заключенному во фразе «разница между продажной ценой и себестоимостью». «Отпускные и розничные цены, торговые скидки и накидки» контролировались госорганами, так как утверждались совнаркомами союзных республик. Эти цены не могли превышать более чем на 10 % цены «на товары союзной и республиканской промышленности». Те же органы отвечали за разработку и утверждение «кондиций (действующих вместо государственного стандарта)» на продукцию. В отношении производства продовольствия центр установил на 1941 г. лимиты производства конкретных видов сельхозпродукции. Поощряя, как казалось советским руководителям, производство товаров повседневного спроса на местах, постановление в то же время серьезно ограничивало развитие рынка. В нем прямо осуждался ввоз товаров широкого потребления из других республик, краев и областей как «путь иждивенчества». Таким образом, закрывались возможности специализации тех или иных производств и наращивания их мощностей для работы на всесоюзный «рынок». Партийные и госорганы обязывались расширять существующие и организовать новые предприятия по производству ширпотреба и сеть ремонтных мастерских, при этом ставилась задача обеспечить потребности областей и краев в этих изделиях. Руководство промысловой кооперацией целиком возлагалось на обл(край)исполкомы и республиканские совнаркомы[1027].



61

РАССЕКРЕЧЕНО

СЕКРЕТНО

О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольствия из местного сырья
(постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б))
(ИБ от 19.XI-40г., пр 22, п. 201)

ЦК ВКП(б) – тов. СТАЛИНУ И.В.

А. Утвердить

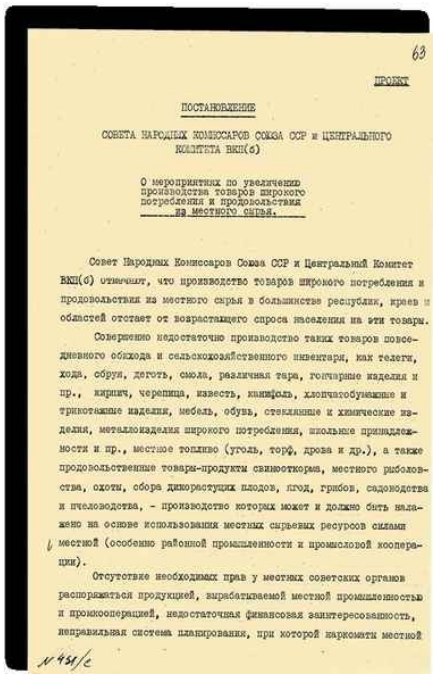
Направляем Вам при сем проект постановления Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП(б) " О МЕРОПРИЯТИЯХ ПО УВЕЛИЧЕНИЮ ПРОИЗВОДСТВА ТОВАРОВ ШИРОКОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ И ПРОДОВОЛЬСТВИЯ ИЗ МЕСТНОГО СЫРЬЯ", разработанный Комиссией Политбюро ЦК ВКП(б).
(постановление прилагается).

Б.

А. МИКОЯН.
А. ЖДАНОВ.
Н. ВОЗНЕСЕНСКИЙ.
А. КОСЫГИН.
БУЛГАНИН
МАЛЕНКОВ.
А. ЩЕРБАКОВ.
С. ЛУКИН.
АКИМОВ
И. ХОХЛОВ
А. ЛЮБИМОВ
Н. ХРУЩЕВ.

П25/31
7.I.41г.

№ 431/с
вг.4
11.XII.40г.



63

ПРОЕКТ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР и ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВКП(б)

О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольствия из местного сырья.

Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) отмечают, что производство товаров широкого потребления и продовольствия из местного сырья в большинстве республик, краев и областей отстает от возрастающего спроса населения на эти товары.

Совершенно недостаточно производство таких товаров повседневного обихода и сельскохозяйственного инвентаря, как телеги, хода, сбруя, деготь, смола, различная тара, гончарные изделия и пр., кирпич, черепица, известь, канифоль, хлопчатобумажные и трикотажные изделия, мебель, обувь, стеклянные и химические изделия, металлоизделия широкого потребления, школьные принадлежности и пр., местное топливо (уголь, торф, дрова и др.), а также продовольственные товары-продукты свиноткорма, местного рыболовства, охоты, сбора дикорастущих плодов, ягод, грибов, садоводства и пчеловодства, – производство которых может и должно быть налажено на основе использования местных сырьевых ресурсов силами местной (особенно районной промышленности и промысловой кооперации).

Отсутствие необходимых прав у местных советских органов распоряжаться продукцией, вырабатываемой местной промышленностью и промкооперацией, недостаточная финансовая заинтересованность, неправильная система планирования, при которой наркоматы местной

№ 431/с

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольствия из местного сырья»

7 января 1941

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1291. Л. 61, 63–68]

В марте 1941 г. постановлением Политбюро при Совнаркоме РСФСР было создано Управление промысловой кооперации[1028]. Таким образом, государственная бюрократия на местах отнюдь не лишалась инструментов воздействия на мелкий советский «бизнес», а, напротив, получила в свои руки все необходимые средства управления им. Ограничивали рост частнохозяйственной инициативы не только государственный контроль и регулирование, но и лимитированные ресурсы для развития этого сектора. Едва ли не главным таким ресурсом авторы постановления видели отходы, пригодные «для производства изделий широкого потребления» и получаемые «на предприятиях союзной и республиканской промышленности»[1029].

Тем не менее, это некоторое разнообразие хозяйствующих субъектов в определенных пределах развязывало частнохозяйственную инициативу, давало возможности для реализации (на начальном этапе своего развития) инновационных устремлений, дополняло советскую экономику и несколько корректировало, пусть и в недостаточной мере, ее недостатки. Загнанный в жесткие рамки госконтроля и госрегулирования, этот сектор не мог решить проблем производства товаров широкого потребления и соответствующих услуг. Функционирование этих структур, несомненно, укрепляло экономические основы советского политического режима, создавало определенные предпосылки проведения реформ и не только в духе горбачевской перестройки. Однако в середине 1950-х гг. эти чахлые ростки рыночных начал были ликвидированы Н.С. Хрущевым, который, тем не менее, заслужил в массовом сознании посмертную славу реформатора-прогрессиста.

«Наиболее жгучий вопрос современности». Коллективизация сельскохозяйственного производства на рубеже 1920–1930-х гг

В конце 1920-х гг. «вопрос о сельском хозяйстве и особенно… о зерновой проблеме» воспринимался партийным руководством как «наиболее жгучий вопрос» внутренней политики. Именно так сказал об этом Сталин на пленуме ЦК в ноябре 1928 г.

К этому времени в полной мере проявило себя снижение товарности сельскохозяйственного производства. Аграрная революция, проведенная большевиками в духе программы, заимствованной у эсеровской партии, привела к ликвидации высокотоварных помещичьих и крупных крестьянских хозяйств и самому широкому распространению мелкотоварного производства в мелких крестьянских хозяйствах. Самым ощутимым проявлением мелкотоварности стало сокращение

экспорта зерна. В самом урожайном 1926 г. вывоз зерна из СССР в сопоставимых границах составил всего лишь 24 % от уровня 1913 г.[1030] На внутреннем продовольственном рынке, как уже говорилось, затруднения становились постоянными. Единственным способом, гарантирующим непрерывные поставки в город продовольствия по приемлемым для городского населения ценам, стала видеться система принудительных продаж крестьянами сельскохозяйственной продукции по ценам, навязанным государством.

Первые успехи индустриализации дали основание считать, что растущая промышленность сможет обеспечить техническое вооружение аграрного сектора, укрупненного (коллективизированного) в целях повышения его товарности. «Индустрия есть тот ключ, при помощи которого можно перестроить отсталое и раздробленное земледелие на базе коллективизма», — сказал Сталин на том же ноябрьском пленуме 1928 г. Причину того, что «темп развития сельского хозяйства... чрезмерно отстает от темпа развития индустрии», Сталин видел в том, что сельское хозяйство развивается «на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства»[1031].

В декабре 1927 г. на XV съезде ВКП(б) он указал выход, увидев его «в переходе мелких и распыленных крестьянских хозяйств в крупные и объединенные хозяйства на основе общественной обработки земли... на базе новой, высшей техники». Правда, в тот момент Сталин, как и большинство представителей советского политического руководства, говорил о постепенном характере обобществления, осуществляемого «не в порядке нажима, а в порядке показа и убеждения»[1032].

И.В. Сталин в кабинете в Кремле
13 апреля 1932
Фотограф Д. Эббе

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1650. Л. 15 об.]

Курс на коллективизацию вырастал из затруднений в хлебозаготовках 1927–1928 гг. и быстро сложившихся «чрезвычайных» практик, целью которых была мобилизация хлебных ресурсов, а не преобразование сельского хозяйства на коллективных началах. Коллективизация стала средством решения основной для политического руководства задачи — обеспечить растущее население городов хлебом, а нужды импорта для целей индустриализации — валютой от продажи зерна за рубеж. Задача трансформации аграрного сектора, занимавшая в риторических формулах сталинского руководства едва ли не главное место, в реальности имела, конечно, подчиненное положение.

Сталин не был единственным и не был первым, кто ставил вопрос о коллективизации в повестку дня. Еще на VIII съезде Советов РСФСР в декабре 1920 г. обсуждались подходы к тотальной регламентации производственных процессов сельхозпроизводителя, возможности лишить крестьянина права распоряжаться результатами труда. Предотвратила тогда развитие этой тенденции только позиция Ленина, заявившего, что «мечтать о переходе к социализму и коллективизации не приходится»[1033].

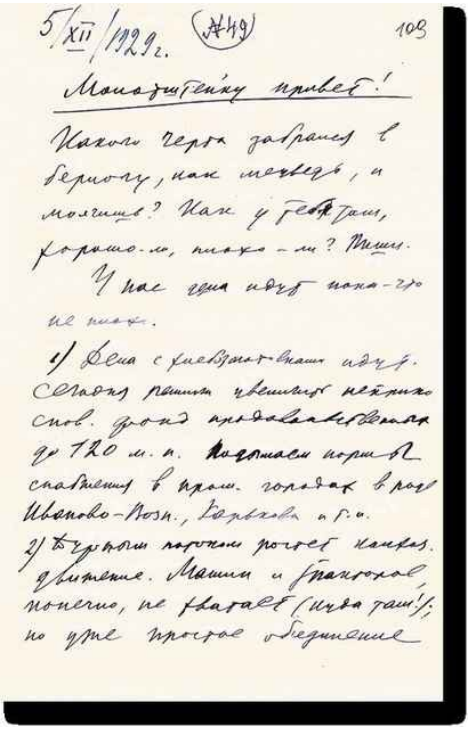
В течение 1920-х гг. большевистское руководство пришло к выводу о необходимости проведения коллективизации. На XV съезде ВКП(б), принявшем в декабре 1927 г. первый пятилетний план, была одобрена и пространная резолюция «О работе в деревне». Теме колхозного строительства в ней было отведено два небольших абзаца в пункте 4 раздела IV. Все, на что нацеливала резолюция съезда партийные организации, сводилось в тот момент к необходимости «усилить помощь делу колхозного строительства»[1034]. Расхождения в среде партийного руководства позднее коснутся не принципа, а темпов преобразований.

Согласно первоначально утвержденным показателям, до конца первой пятилетки (к 1933 г.) доля валовой продукции колхозов должна была достигнуть 11,4 % в общем объеме производимой сельскохозяйственной продукции. Однако поставленная задача увеличения темпов индустриализации требовала, по мнению Сталина, пересмотра планов коллективизации с целью увеличить таким образом объемы производства товарного хлеба.

Одной из основных причин перехода к сплошной коллективизации, предусматривавшей иные темпы и уровень обобществления, стал кризис хлебозаготовок конца 1927 — начала 1928 г. Корни этого кризиса усматривались в том, что крестьяне придерживают хлеб, стремясь взвинтить цены. В начале 1928 г. Сталин совершил поездку в

Сибирь, в ходе которой потребовал максимально нажать на «кулаков и спекулянтов»[1035].

Административный нажим дал определенные результаты, и чрезвычайные методы хлебозаготовок, использованные в начале 1928 г., были узаконены. В марте 1929 г. Политбюро одобрило предложение Кагановича о том, чтобы распространить на все районы страны «урало-сибирский» метод хлебозаготовок. «Инициатива проведения твердого планового задания по хлебозаготовкам по селам и деревням» должна была исходить от «общественных организаций» (и проводиться через общие собрания граждан), а не от органов управления или хлебозаготовительных организаций — таков был «иезуитский» план Кагановича. Постановление ВЦИК и СНК СССР от 27 июня 1929 г. «О расширении прав местных советов по содействию выполнению государственных заданий и планов» прямо предписывало в случае сопротивления применять силу. Сопротивление принудительным хлебозаготовкам каралось в соответствии с Уголовным кодексом РСФСР[1036]. Именно это постановление фактически завершало эпоху нэпа в аграрном секторе еще до принятия решения о сплошной коллективизации. Меры принудительного характера дали результат. В декабре 1929 г. в письме Молотову Сталин с удовлетворением заметил: «Дела с хлебозаготовками идут. Сегодня решили увеличить неприкоснов[енный фонд продовольственный] до 120 миллионов пудов. Подымаем нормы снабжения в промышленных городах вроде Иваново-Вознесенска, Харькова и т. п. …»[1037] При проведении хлебозаготовок всячески стимулировалось колхозное строительство. В том же письме Сталин зафиксировал итоги «нажима» в деле коллективизации: «Бурным потоком растет колхоз[ное] движение… У наших правых глаза на лоб лезут…»



5/XII/1929 г. (№49) 109

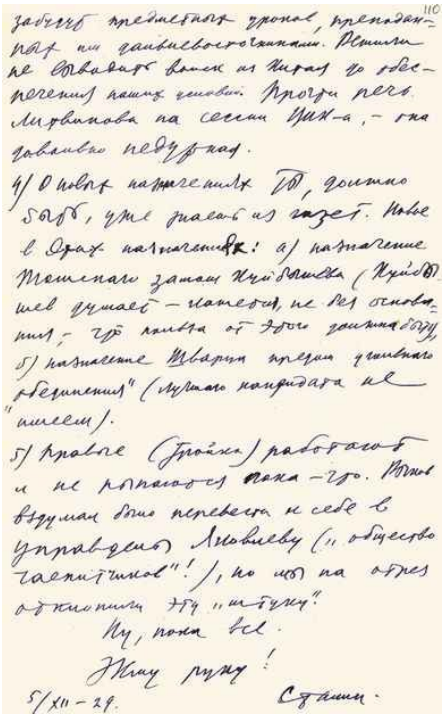
Молотштейну привет!

Какого черта забрался в берлогу, как медведь, и молчишь? Как у тебя там, хорошо-ли, плохо-ли? Пиши.

У нас дела идут пока-что не плохо.

1) Дела с хлебозаготовками идут. Сегодня решили увеличить неприкосн. фонд продовольственных до 120 м. п. Подымаем нормы снабжения в пром. городах в роде Иваново-Возн., Харькова и т. п.

2) Бурным потоком растет колхоз. движение. Машин и тракторов, конечно, не хватает (куда там!); но уже простое объединение



110

забудут предметных уроков, преподанных им дальневосточниками. Решили не выводить войск из Китая до обеспечения наших условий. Прочти речь Литвинова на сессии ЦИК-а, — она довольно недурная.

4) О новых назначениях ты, должно быть, уже знаешь из газет. Новые в этих назначениях: а) назначение Тешскаго замом Куйбышева (Куйбышев думает — кажется, не без основания, — что польза от этого должна быть), б) назначение Шварца предом угольного „объединения" (лучшаго кандидата не имеем).

5) Правые (тройка) работают и не рыпаются пока-что. Рыков вздумал было перевести к себе в управдены Яковлеву („общество гаспитчиков"!), но мы на отрез отклонили эту „штуку".

Ну, пока все.

Жму руку!

5/XII-29. Сталин.

Письмо И.В. Сталина В.М. Молотову о хлебозаготовках, росте колхозного движения и решения вопроса о КВЖД.

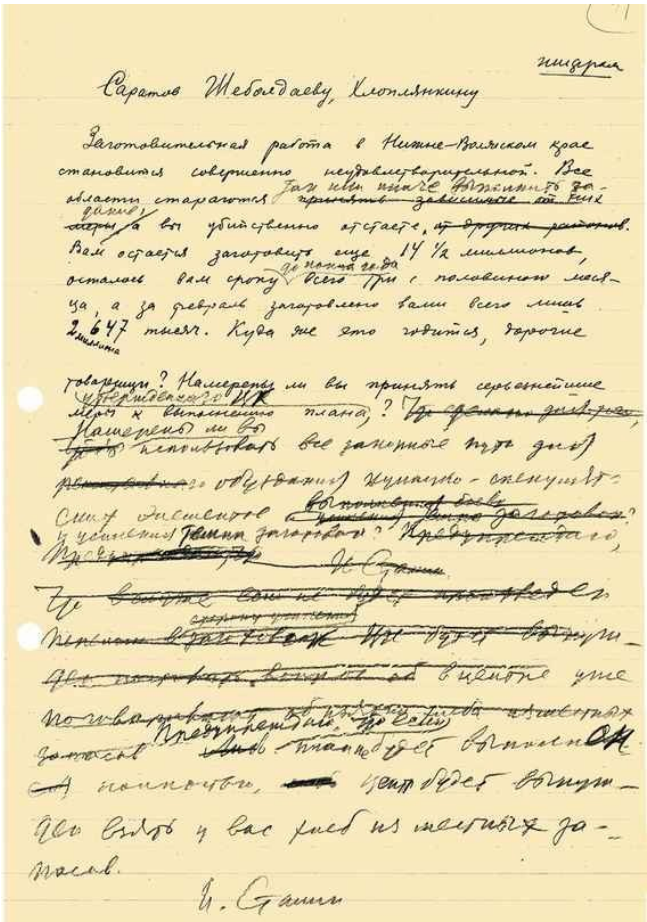
5 декабря 1929

Автограф И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 9–10]

Сталин не раз прямо указывал на место аграрного сектора в намеченной программе преобразований. 19 ноября 1928 г., выступая с речью на пленуме ЦК «Об индустриализации и о правом уклоне в ВКП(б)», он сказал: «Но надо помнить и то, что если индустрия является ведущим началом, то сельское хозяйство представляет базу развития индустрии и как рынок, поглощающий продукцию индустрии, и как поставщик сырья и продовольствия, и как источник экспортных резервов, необходимых для того, чтобы ввезти оборудование для нужд народного хозяйства». Назвал Сталин и главный ресурс аграрного сектора — «зерновое хозяйство», развитие которого следовало «подогнать» к темпу развития индустрии[1038]. «Подгонять» поначалу стали не столько зерновое хозяйство, сколько хлебозаготовки. Весной 1929 г. Сталин направил на места целый ряд телеграмм (сохранились в его личном архиве), подхлестывающих хлебозаготовки. Одну из них, адресованную секретарю Нижне-Волжского крайкома партии Б.П. Шеболдаеву и председателю крайисполкома М.И. Хлоплянкину, мы публикуем на страницах этой книги[1039].

29 августа 1929 г. Политбюро приняло постановление «О ходе хлебозаготовок и проведении директив Политбюро». Отметив «медленность выполнения, а в некоторых случаях и непроведение директив ЦК по разворачиванию хлебозаготовок, по борьбе с хлебной спекуляцией...», советские руководители решили в ближайшее время на каждом заседании Политбюро заслушивать «информацию Наркомторга о ходе хлебозаготовок и исполнении директив ЦК, с вызовом руководителей центров заготовляющих организаций и ОГПУ». ОГПУ следовало «обеспечить на деле осуществление директивы Политбюро о проведении решительных мер репрессий в отношении городских и связанных с городом спекулянтов хлебными продуктами»[1040]. Постановление реализовало все рекомендации Сталина, которые тот дал Молотову в письме, написанном за неделю до заседания: «Хлебозаготовки в нынешнем году — основное в нашей практике, — если на этом сорвемся, все будет смято. А опасность срыва будет расти, если вы не будете налегать на исполнение решений ЦК со всей жестокостью и неумолимостью»[1041]. Сталин постоянно контролировал ход этой хлебозаготовительной кампании. В начале октября 1929 г. Политбюро направило директиву об усилении репрессий в отношении кулаков, согласно которой наркоматам юстиции РСФСР и УССР, органам ОГПУ поручалось «принять решительные и быстрые меры репрессий, вплоть до расстрелов, против кулаков, организующих террористические нападения на совпартработников и

другие контрреволюционные выступления», в случаях, «когда требуется особая быстрота, карать через ГПУ»[1042].



шифрам

Саратов Шеболдаеву, Хлоплянкину

Заготовительная работа в Нижне-Волжском крае становится совершенно неудовлетворительной. Все власти стараются ~~приписать зависимые от них~~ так или иначе ~~взвалить за-~~ ~~дачу~~ даже ~~на~~ вы убийственно отстаете, ~~от других районов~~. Вам осталось заготовить еще 14 1/2 миллионов, осталось вам срок до конца года всего три с половиной месяца, а за февраль заготовлено вами всего лишь 2,647 миллиона тысяч. Куда же это годится, дорогие товарищи? Намерены ли вы принять серьезнейшие ~~чрезвычайные~~ меры к выполнению плана? ~~Не грозим для-~~ ~~ров,~~ Намерены ли вы ~~предпринять~~ все законные пути для ~~ускорения~~ обеспечения жизненно-стенных интересов ~~в понимании дела~~ ~~и усиления темпа заготовок~~? ~~Предупреждаю,~~ ~~Т. Сталин~~

~~Не выйдет сам не будет пощады.~~

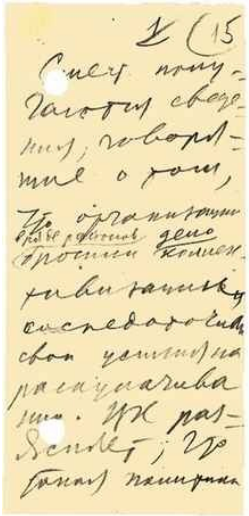
~~Первым виной хлеба~~ ~~Не будет выпу-~~ ~~ска рыбы~~ ~~Вопрос~~ ~~от~~ выполнение уже ~~поставлен~~ ~~обсуждается~~ ~~в~~ ~~заготовках~~ ~~Предупреждаю.~~ ~~Т. Сталин~~ ~~Или~~ ~~планы будет выполнен~~ ~~ОК~~ ~~~~ полностью, ~~~~ центр будет выпуще-ны виды у вас хлеб из местных за-пасов.

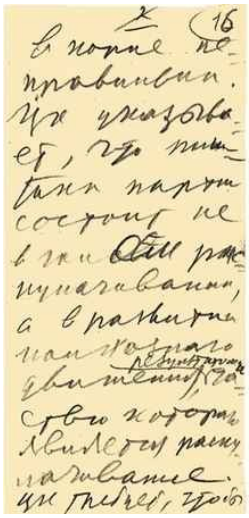
И. Сталин

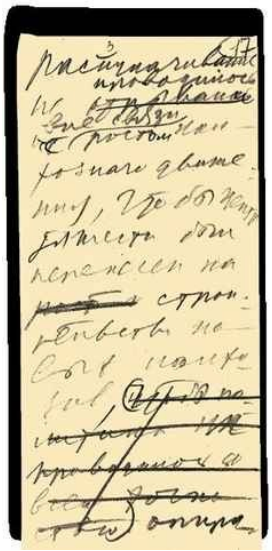
Шифротелеграмма И.В. Сталина Б.П. Шеболдаеву и М.И. Хлоплянкину о хлебозаготовках в Нижневолжском крае
12 марта 1929
Подпись — автограф И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 37. Л. 44]

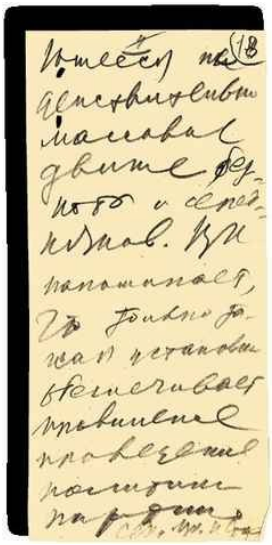
7 ноября 1929 г. «Правда» опубликовала статью Сталина «Год великого перелома», где он указал на главное препятствие развития аграрного сектора, к устранению которого и приступило советское политическое руководство: «Мы перешли в последнее время от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса». Эта статья обозначила определенный рубеж в аграрном вопросе. Политика умеренных темпов коллективизации сменялась курсом на форсированное преобразование аграрного сектора с широким использованием репрессивных практик.

Задача развернуть «сплошную коллективизацию» сельскохозяйственного производства была поставлена ноябрьским 1929 г. пленумом ЦК в постановлении «Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства»[1043]. При этом «ликвидация кулачества как класса» понималась буквально, то есть как уничтожение «кулацко-белогвардейско-бандитского элемента»[1044].









Шифротелеграмма И.В. Сталина всем партийным организациям о развитии колхозного движения, с критикой их политики раскулачивания

30 января 1930

Автограф И.В. Сталина

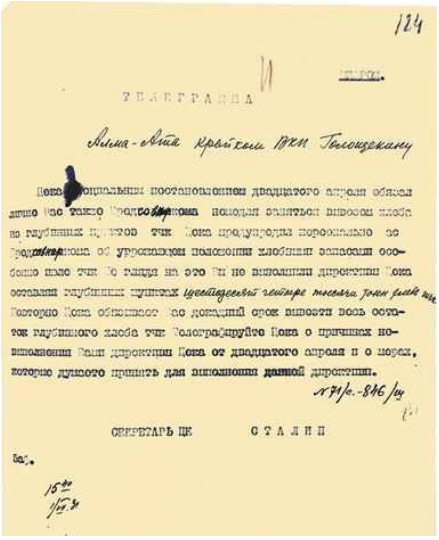
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 38. Л. 15–18]

Коллективизация разворачивалась, как уже было сказано, одновременно с «нажимом» по линии хлебозаготовок, и сопровождалась так называемым раскулачиванием — репрессиями, применявшимися местными властями на основании постановления

Политбюро от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Для того чтобы сломить сопротивление кулачества было решено «предложить ОГПУ репрессивные меры... направить в концлагеря 60 000 и подвергнуть выселению в отдаленные районы 150 000 кулаков...» На основании этого постановления был разработан ряд документов ОГПУ, определивших порядок процесса раскулачивания[1045]. В этот же день Сталин напишет директиву, разъясняющую местным партийным организациям, «что политика партии состоит не в голом раскулачивании, а в развитии колхозного движения, результатом и частью которого является раскулачивание».

Проведение коллективизации вызвало массовое сопротивление. В марте 1930 г. ОГПУ насчитало 6500 бунтов, 800 из которых было подавлено с применением оружия. В течение 1930 г. около 2,5 млн крестьян приняли участие в 14 тыс. выступлений против коллективизации. Согласно опубликованным ныне сводкам, в волнениях в ряде случаев участвовали также местные советские и партийные работники[1046].

Все это заставило Сталина пойти на попятную. 2 марта 1930 г. «Правда» опубликовала его статью «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения», в которой ответственность за перегибы, то есть за чрезмерное форсирование темпов и принудительный характер коллективизации, возлагался на чрезмерно ретивых исполнителей. 14 марта Политбюро приняло постановление «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении»[1047]. Эти публичные акции, судя по всему, имели исключительно пропагандистское значение. Как показано в современной исследовательской литературе, в дни после публикации статьи и постановления ЦК уровень репрессивного давления не снижался, наоборот, до конца апреля росло число арестованных по 1-й категории крестьян. Общая численность выселенных за пределы постоянного места проживания «раскулаченных» в январе — апреле крестьян составила 510 096 чел., кроме того, были переселены в пределах районов проживания еще 138 182 чел. из числа «раскулаченных» по 3-й категории[1048].



124

ШИФР.

ТЕЛЕГРАММА

Алма-Ата Крайкому ВКП Голощекину

Новым социальным постановлением двадцатого апреля обязал лично Вас также Продкомбинат покончить политикой вывоза хлеба из глубинных пунктов. Тчк. Вами предупреждал персонально зав Продкомбинатом об угрожающем положении хлебными запасами особенно ныне тчк. Но тщетно. Не выполнили директивы Вами оставили глубинных пунктах цветущем состоянии тысячи тонн ежедневно. Поэтому Вам обязываю Вас последний срок вывозить весь остаток глубинного хлеба тчк. Телеграфируйте Вами о причинах невыполнения Вами директивы Вами от двадцатого апреля и о мерах, которые думаете принять для выполнения данной директивы.

№ 71/с-806/сп

СЕКРЕТАРЬ ЦК СТАЛИН

Зак.

15-00
1/VII-31

Шифротелеграмма И.В. Сталина Ф.И. Голощекину о вывозе хлеба из Казахстана

1 июля 1931

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 31. Л. 124]

В этот период примет массовый характер выход крестьян из колхозов. К концу лета 1930 г. уровень коллективизации снизился на две трети — до 21,4 % по Советскому Союзу в целом[1049].

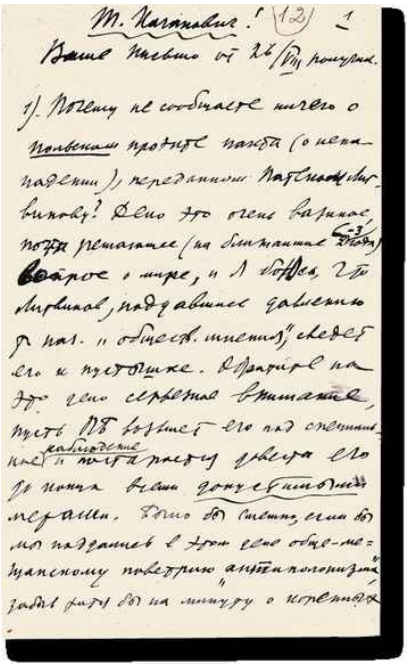
Сопротивление крестьянства насильственной коллективизации вынудило власть к поиску мер, стимулирующих к вступлению в колхозы. Была принята программа строительства новых МТС, даны обещания упорядочить организацию и оплату труда, гарантировать ведение личного подсобного хозяйства, снизить давление налогового пресса и т. д.

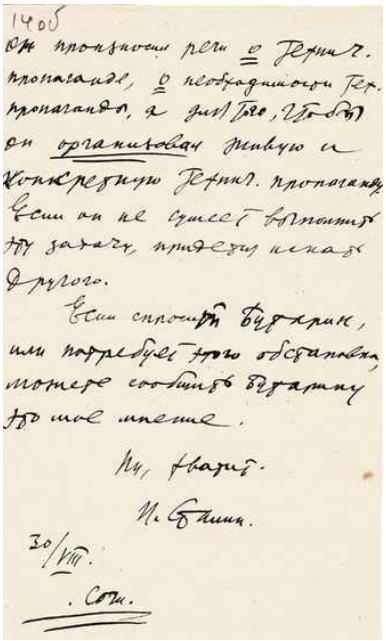
Борьба с «искривлениями» партийной линии в колхозном строительстве не заставила Сталина отказаться от нажима в проведении очередной хлебозаготовительной кампании. 24 августа в письме к Молотову он указал: «Надо бы поднять (теперь же) норму ежедневного вывоза до 3–4 миллионов пудов минимум. Иначе рискуем остаться без наших новых металлургических и машиностроительных (Автозавод, Челябзавод и пр.) заводов»[1050]. И эта хлебозаготовительная кампания со значительно повышенными нормами хлебопоставок государству проходила с непосредственным участием Сталина, который настаивал на выполнении региональными руководителями плановых заданий центра. Одна из его телеграмм от 1 июля 1931 г. секретарю Казахского крайкома ВКП(б) Ф.И. Голощекину о вывозе хлеба из глубинных пунктов публикуется в настоящей книге [1051].

Главным инструментом выполнения плановых заданий остались административные и репрессивные меры против крестьянства[1052]. 25

декабря 1930 г. Политбюро своим специальным постановлением обосновало целесообразность «конфискации имущества по суду за неисполнение кулацкими элементами хлебозаготовок и других общегосударственных заданий и иные формы сопротивления кулачества социалистическому строительству»[1053]. 20 февраля 1931 г. Политбюро, протокол которого зафиксировал факт выступления Сталина, приняло постановление «О кулаках». ОГПУ поручалось в течение ближайших шести месяцев подготовить «районы для устройства поселков тысяч на 200–300 семейств под управлением специально назначенных комендантов».

Наблюдение за выселением и расселением кулаков возлагалось на зампреда Совнаркома А.А. Андреева[1054]. 11 марта Политбюро своим решением создало под председательством Андреева специальную комиссию для «наблюдения и руководства работой по выселению и расселению кулаков»[1055]. Некоторые из ее предложений по необходимости вскоре окажутся направленными на облегчение участи спецпереселенцев. Так, постановления Политбюро от 2 и 10 августа 1931 г. потребовали обеспечить их инвентарем, скотом, землей и семенами, предоставить возможность заниматься ремеслами. Были одобрены «принятые ОГПУ меры об изъятии в местах поселений сирот-детей, оставшихся после умерших и бежавших родителей, из поселков и передачи их в детские дома»[1056]. Политбюро в отсутствие Сталина даже решило, что дети спецпереселенцев по достижении ими 18-летнего возраста могут быть восстановлены в правах еще до истечения пятилетнего срока ссылки в том случае, если они «проявили себя с положительной стороны». Одобренное Политбюро решение даже успели включить в официальное постановление Совнаркома. Узнав об этом, Сталин, находившийся на отдыхе, 30 августа написал Кагановичу: «Никакого закона ЦИКа о досрочном восстановлении в правах отдельных кулаков не нужно. Я так и знал, что в эту мышиную щель обязательно захотят пролезть ослы из мещан и обывателей»[1057]. И уже 8 сентября Политбюро приняло решение отменить эту статью, Совнарком издал соответствующее постановление через два дня — 10 сентября [1058].





Письмо И.В. Сталина Л.М. Кагановичу о польском проекте пакта, положении в ВСНХ и восстановлении в правах бывших кулаков

30 августа 1931

Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 12–14]

Личный нажим Сталина принес свои результаты — на 30 сентября 1931 г. были выселены 517 665 семей, общая численность спецпереселенцев составила 2 437 062 чел.[1059] 7 августа 1932 г. по инициативе Сталина ЦИК и СНК СССР приняли совместное постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной собственности», печально известный «закон о трех колосках»[1060]. Именно это постановление ввело в советский обиход понятие «хищение социалистической собственности», признало факт массовых хищений государственного и колхозного имущества, что на самом деле представляло собой стихийное перераспределение социумом в свою пользу неправомерно присвоенной государством природной ренты и произведенной в аграрном секторе стоимости.

Но Сталин при этом оставался уверен в том, что коллективизация, проводимая в кратчайшие сроки описанными выше методами, позволит вывести аграрный сектор на качественно новый уровень развития. 4 февраля 1931 г. в речи «О задачах хозяйственников» на 1-й Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности он сказал: «Завтра, может быть через год, мы станем страной самого крупного в мире сельского хозяйства»[1061]. Оптимизм Сталина базировался не в последнюю очередь на итогах последних хлебозаготовительных кампаний.

Объем хлебных заготовок увеличился с 11 млн т в 1927 до 16 млн в 1929 г., хотя урожай 1929 оказался хуже, чем в 1927 г. К весне 1931 г. удалось заготовить 1307,1 млн пудов, на 363 млн пудов больше, чем из урожая 1929 г.[1062] Продолжая хлебозаготовки примерно в том же стиле и формате, что и в конце 1920-х, советскому руководству удалось увеличить объем зернопоставок государству, поэтому основная цель коллективизации — дать в руки государства инструмент мобилизации хлебных ресурсов — оказалась достигнута.

Результаты коллективизации для сельского хозяйства, однако, окажутся в целом противоположными ожиданиям сталинского руководства. Задания первой пятилетки по развитию сельского хозяйства ни по одному показателю не были выполнены. Более того, почти по всем показателям произошло падение объемов производства по сравнению с 1928 г. Особенно катастрофичными оказались результаты в животноводстве. Изъятие хлеба из деревни стало главным фактором, вызвавшим сокращение поголовья скота, которое началось в 1929 и продолжалось до 1933 г.[1063] По основным видам поголовья скота показатели 1928 будут превзойдены только в 1958 г.[1064] Хотя посевные площади увеличились, валовой сбор зерна, производство молока и мяса уменьшились, а средняя урожайность снизилась. Одним из непредвиденных результатов подобной экономической политики стало введение в 1929 г. карточек на хлеб. На протяжении этого года Политбюро несколько раз заслушивало вопросы

о продовольственных затруднениях и борьбе с очередями в Москве и Ленинграде.

Л.М. Каганович и Г.Г. Ягода
1930-е
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1656. Л. 18]

Историки-аграрники единодушно говорят о деградации аграрной сферы в этот период. Валовые сборы зерновых культур в СССР оказались ниже так называемой биологической урожайности по причине падения общего уровня агротехники из-за гибели или уничтожения рабочего скота, оттока сельского населения, низкого уровня организации труда и др. Сыграла негативную роль и зарегулированность аграрного производства. Логика централизованной системы управления имела в результате гипертрофированное увеличение количества плановых показателей, обязательных к исполнению. В планах стали указывать сроки пахоты и уборки урожая, подъема паров, зяби, посева, вывоза навоза, площади и сроки сева, навязывать агротехнические приемы и т. д.

Коллективизация, помимо прочего, привела к деморализации деревни. Традиционная трудовая этика крестьянства стала стремительно разрушаться, широко распространилось представление, что за лучшей жизнью следует ехать в город, а бесхозяйственность приобретала катастрофические масштабы. Задача «**переделать** постепенно крестьянство, его психологию… в духе **коллективизма**», которую Сталин провозгласил в уже цитированной речи «Об индустриализации и хлебной проблеме» на июльском пленуме 1928 г.

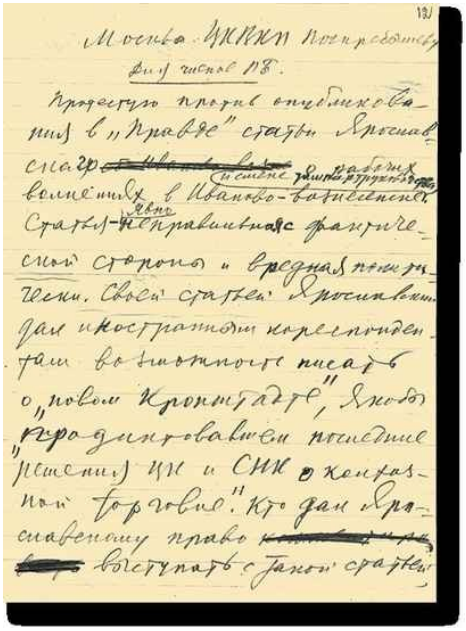
ЦК[1065], советскому руководству решить не удалось. Ярче всего это обстоятельство иллюстрируется тем фактом, что создававшиеся совхозы (полностью государственные сельскохозяйственные предприятия) оказывались в подавляющем большинстве случаев убыточными и не выполняли плановых заданий по хлебопоставкам. В таких случаях находилось верное решение — местным руководителям предписывалось выполнять планы за счет увеличения поставок колхозами. Для характеристики абсолютной незаинтересованности сельхозпроизводителя в результатах своего труда достаточно привести лишь один пример: согласно данным межрайонных комиссий по урожайности, потери зерна при уборке зерновых только в 1933 г. составили 128 млн центнеров[1066].

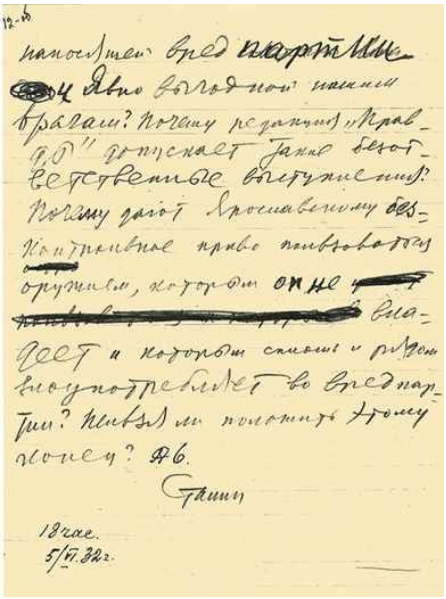
Таким образом, был в полной мере реализован прогноз представителей «правой» оппозиции, данный накануне принятия решений о сплошной коллективизации. Тогда, в ходе завершающей фазы этих дебатов Сталин отверг упрек со стороны «правых» в том, что курс на коллективизацию обрекает аграрную сферу на деградацию из-за того, что «мы «лишили» крестьянина хозяйственного стимула, что мы «отняли» у него хозяйственную перспективу»[1067].

«Голодовку боялись называть открыто». Годы голода (1932–1933)

Обстоятельства непреодолимой силы вскоре приостановили наступление властей на советское крестьянство. В 1931 и 1932 гг. друг за другом последовали два неурожая. К весне 1932 г. страна столкнулась с нарастающим дефицитом хлеба. 23 марта Политбюро приняло решения по двум тематически близким вопросам. По одному из них докладывал сам Сталин. Речь шла «об орошении засушливых районов Волги, Н. Днепра и Маныча» в целях борьбы с засухой. Госплану и Наркомзему поручалось в 10-дневный срок «заслушать все существующие проекты ирригации Заволжья и произвести окончательный выбор одного проекта». В то время как по стране «расползался» голод, Сталин рассуждал об организации «специальной пшеничной базы в районах Заволжья с производительностью в 300–400 млн пуд. товарной пшеницы в год». Эти мечтания Сталина явно отдавали «маниловщиной». Сталин рассчитывал получить только в одном этом регионе и только товарной пшеницы в объеме, составлявшем половину годового валового сбора всех зерновых в стране в 1930 и 1931 гг. Вторым событием того же дня стало более приземленное и диссонирующее с речью Сталина постановление «О хлебофуражном балансе», в котором сталинское руководство

признавало «необходимость сокращения расходования хлеба» и принимало решение о сокращении норм централизованного снабжения 20 млн жителей городов (из 38 млн)[1068]. Проблемы продовольственного снабжения повлекли за собой волнения в городах[1069]. Любое обнародование информации о волнениях вызывало нервную реакцию Сталина, как это произошло в отношении статьи Е.М. Ярославского о рабочих волнениях в Иваново-Вознесенске. Статью опубликовала «Правда» в июне 1932 г. В своем письме Кагановичу Сталин прямо проводит параллель событий в Иваново-Вознесенске с Кронштадтским восстанием 1921 г. с его лозунгом «Советы без коммунистов»[1070], указывая на недопустимость подобных публикаций.


Москва. ЦКВКП Посредствен
для членов ПБ.
Протестую против опубликования в „Правде" статьи Ярославского о рабочих волнениях в Иваново-Вознесенске. Статья — явно неправильная с фактической стороны и вредная политически. Своей статьей Ярославский дал иностранным корреспондентам возможность писать о „новом Кронштадте", якобы „продиктовавшем последние решения ЦК и СНК о колхозной торговле". Кто дал Ярославскому право выступать с такой статьей



Письмо И.В. Сталина Л.М. Кагановичу о статье Е.М. Ярославского о рабочих волнениях в Иваново-Вознесенске и смене там партруководства

5 июня 1932

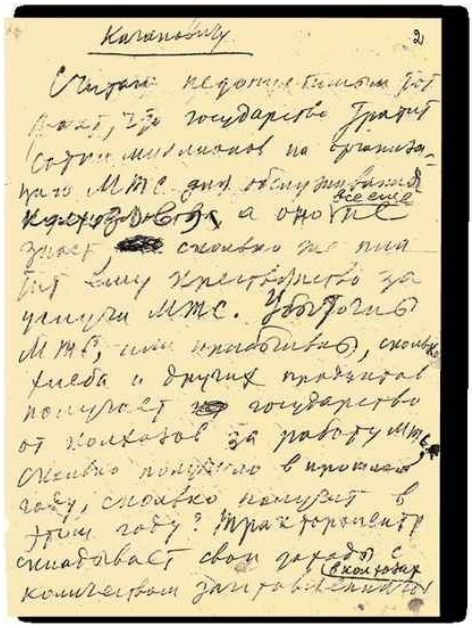
Автограф И.В. Сталина

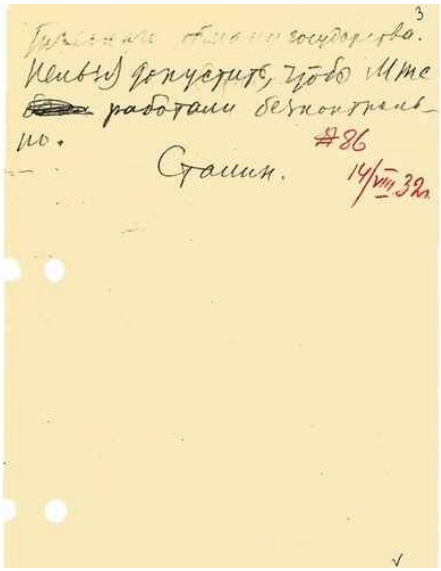
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 77. Л. 12–12 об.]

Более того, в своей телеграмме из Сочи он предписал Кагановичу провести специальную пропагандистскую акцию и «дать в «Правду» передовую об итогах весенней посевной кампании. В статье надо подчеркнуть полную победу колхозов и совхозов в сельском хозяйстве… в статье надо обругать грубо и резко всех лакеев капитализма меньшевиков, эсеров и троцкистов, а также правоуклонистов… сказав, что решительную победу социализма в СССР можно считать уже завершенной»[1071]. При этом Сталин прекрасно знал из спецсводок ОГПУ, которые он регулярно получал, что летом 1932 г. были едва ли не повсеместно зафиксированы «тенденции усиления выхода из колхозов», «распространение антиколхозного движения» и т. д. Эти же сводки прямо фиксировали и тяжелое продовольственное положение»[1072]. О массовом выходе в октябре 1931 — феврале 1932 г. из колхозов доложил в ЦК ВКП(б) Наркомзем СССР [1073].

Вскоре Украину, Поволжье, Кубань, Белоруссию, Южный Урал, Западную Сибирь, Казахстан, отдельные районы Центральной России поразил уже полномасштабный голод. Влияние природных факторов было дополнено предшествующей государственной политикой и усугублено текущей. Весь «успех» государственных хлебозаготовок в 1928–1930 гг. был результатом конфискации хлебных запасов деревни,

причем увеличение заготовок происходило за счет именно единоличных хозяйств[1074]. Голодало не менее 25–30 млн чел.[1075] Причины разразившейся катастрофы не следует списывать на сиюминутную «злую» волю советского руководства. Надо помнить, что в основе повышенной социальной травматичности политики советского руководства в аграрной сфере лежали, так сказать, объективные предпосылки субъективного происхождения. Выбор в пользу централизованного планирования производства и распределения национального богатства, сделанный первоначально большевистским, а затем подтвержденный сталинским руководством СССР, не был подкреплен наличием соответствующих интеллектуальных и технологических ресурсов. Именно поэтому, как уже указывалось ранее, производственные планы в промышленности носили самый общий (агрегированный) характер, а их реализация сопровождалась и не могла не сопровождаться нерациональным использованием финансовых и материально-технических ресурсов. В аграрном секторе, как указывается в современной литературе, сталинское руководство попросту не имело ясных представлений о размерах урожая[1076] и в планировании хлебопоставок исходило из произвольно калькулируемых потребностей, мало обращая внимание на реальные возможности сельскохозяйственного производства.


Кагановичу
2
Считаю недопустимым тот факт, что государство тратит сотни миллионов на организацию МТС для обслуживания колхозов, а оно все еще не знает, сколько же платит ему крестьянство за услуги МТС. Убыточны МТС, или прибыльны, сколько хлеба и других продуктов получает государство от колхозов за работу МТС, сколько получило в прошлом году, сколько получит в этом году? Трактороцентр складывает свои доходы с количеством заготовленного (в колхозах)



Письмо И.В. Сталина Л.М. Кагановичу о контроле работы МТС и отделении их доходов от заготовленного хлеба в колхозах
14 августа 1932
Автограф И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 79. Л. 2–3]

Не приходится сомневаться, что никаких открытых разговоров о голоде в публичном пространстве советскими управленцами не велось. Секретарь ЦК Каганович зафиксировал в своем дневнике наблюдение за риторикой местных партийных руководителей: «Голодовку боялись называть открыто». Не приходится сомневаться и в том, что ни в одном официальном документе центральных властей мы не найдем ни слова о голоде, поразившем все основные хлебопроизводящие районы страны. Едва ли не единственным известным сегодня случаем остается постановление бюро Казахского крайкома ВКП(б), которое констатировало «наличие крайне острого продовольственного положения… (массовые случаи голодной смерти, острой голодовки), распространение эпидемических заболеваний, детской беспризорности». Борьбу с этими явлениями, принявшими «широкий характер», крайком называет «первостепенной политической задачей»[1077]. Нет никаких сомнений в том, что высшее советское руководство было хорошо осведомлено о происходящем.

Недооценив размах голода, власти продолжали вывоз зерна из хлебопроизводящих районов, направляя его на экспорт и тем самым усугубляя масштабы бедствия. Вплоть до середины лета Политбюро требовало выполнения плана зернопоставок «во что бы то ни стало». 21 июня, например, в адрес ЦК КП(б)У и Совнаркома Украины была направлена телеграмма ЦК ВКП(б) и СНК СССР, подписанная Сталиным

и Молотовым, в которой говорилось: «Никакие уклонения от выполнения установленного для вашего края… плана по зернопоставке колхозами и единоличными хозяйствами и по сдаче зерна совхозам не должны быть допущены ни под каким видом как в отношении количества, так и сроков сдачи зерна»[1078]. В Европу и США Советский Союз вывез в 1930 г. 4 764 323 т, в 1931 — 5 055 688 т зерна. Резкое сокращение произошло лишь в 1932 г. — 1 727 407 т и в 1933 — 1 683 880 [1079].

В разгар голода то ли будучи дезориентированным, то ли не желая признавать реальность вставших перед ним проблем, Сталин всерьез рассуждает о необходимости оценивать рентабельность хозяйствующих в аграрном секторе субъектов. В августе 1932 г. он направил Кагановичу письмо о контроле работы МТС, в котором поставил задачу проанализировать «убыточны МТС или прибыльны… Без этого МТС из государственных предприятий, отчитывающихся перед государством, превратятся в богадельню или в средство для систематического обмана государства»[1080]. Сама по себе правильная постановка вопроса, никак не вписывалась в контекст событий, развивавшихся по катастрофическому сценарию.

И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов на пароходе «Клара Цеткин»
19–23 августа 1933
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1668. Л. 9]

Репрессивный характер политики хлебозаготовок станет важнейшим фактором значительной смертности в годы голода. Осознание необходимости изменения подходов к хлебозаготовительной кампании пришло не сразу, но советское руководство в конечном итоге пошло на снижение первоначальных планов. Несколько больших сокращений в планах хлебозаготовок Политбюро произвело в августе 1932 — январе 1933 г., в общей сложности на 4 млн т. Отказалось советское руководство в этот момент и от увеличения государственных запасов. План по экспорту снизили, но, как было показано ранее, не отменили. В течение 1932–1933 гг. около 3,5 млн т зерна из заготовленных государством, советскому руководству пришлось вернуть обратно в деревню в качестве продовольствия, кормов для скота и семенного фонда[1081]. Однако «нажимная» кампания по хлебозаготовкам будет продолжаться до начала 1933 г. 17 декабря 1932 г. в письме Ворошилову Сталин так объяснял необходимость скорейшего проведения пленума ЦК: «С пленумом торопимся по соображениям организации последнего нажима, [в] целях скорейшего окончания годового плана хлебозаготовок, ввиду своевременного перехода на продналог по хлебу…»[1082]

СТРОГО СЕКРЕТНО
Снятие копий воспрещается

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ В 48 ЧАС.
(Пост. ПБ от 5 мая 27 г. пр. № 100, п. 5)

Кому послана Молотову, Хатаевичу, Чернову, Сталину

ШИФРОВКА

Из ДНЕПРОПЕТРОВСКА отправлена 28-10 27/VI 1933 г. Поступила в ЦК ВКП на расшифрование 28/VI 1933 г. ч. 9 м. 40 Вх. № 985/Ш

МОСКВА ЦКВКП(б) тов. СТАЛИНУ.-

Продолжающиеся последние 10 дней беспрерывные дожди сильно оттянули вызревание хлебов и уборку урожая.

В колхозах ряда районов полностью с"еден, доедается весь отпущенный нами хлеб, сильно обострилось продовольственное положение, что в последние дни перед уборкой особенно опасно.

Очень прошу, если возможно дать нам еще 50 тысяч пудов продссуды. И. Ст.

ХАТАЕВИЧ.

Расшифрована 28/VI 1933 г. в ч. 11 м. 25 Напечатано 5 экз. Е.Иванова.-

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ИНСТРУКЦИИ:

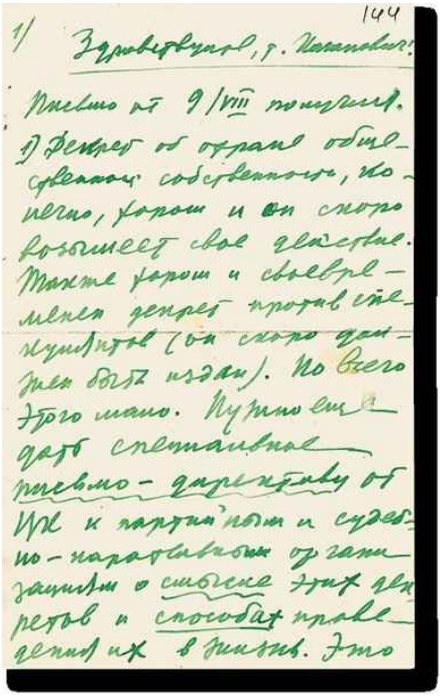
1. Шифротелеграммы должны храниться только в секретных хранилищах.
2. При ссылках на текст шифротелеграмм воспрещается указывать, что интересующий текст получен шифром, также воспрещается указывать и номера шифровок.
3. Ответ на шифровку посылается также в шифрованном виде, текст передаваемого шифром сообщения составляется коротко и всегда пишется только в одном экземпляре, который и передается на шифрование.

Шифротелеграмма секретаря Днепропетровского обкома КП(б)У М.М. Хатаевича И.В. Сталину с просьбой о дополнительном выделении Днепропетровской области 50 тысяч пудов хлеба

27 июня 1933

Подпись — автограф И.В. Сталина

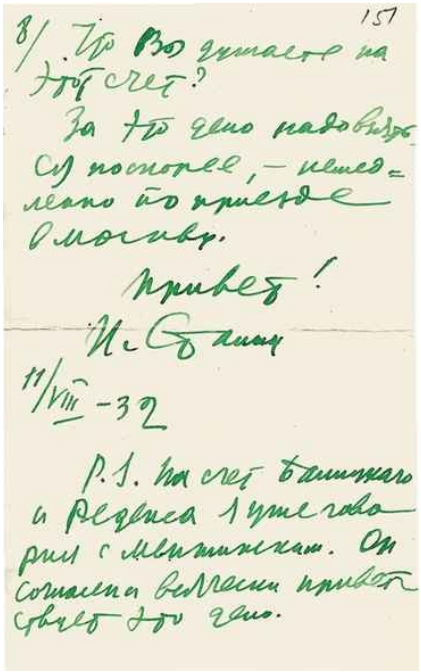
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 64. Л. 35]



144

1/ Здравствуйте, т. Каганович!

Письмо от 9/VIII получил.
1) Декрет об охране общественной собственности, конечно, хорош и он скоро возымеет свое действие. Также хорош и своевременен декрет против спекулянтов (он скоро должен быть издан). Но всего этого мало. Нужно еще дать специальное письмо-директиву от ЦК к партийным и судебно-карательным организациям о смысле этих декретов и способах проведения их в жизнь. Это



151

8/ Что Вы думаете на этот счет?

За это дело надо взяться поскорее, — немедленно по приезде в Москву.

Привет!

И. Сталин

11/VIII-32

P.S. На счет Балицкого и Реденса 1 уже говорил с Менжинским. Он согласен всячески приветствует это дело.

Письмо И.В. Сталина Л.М. Кагановичу о декрете об охране общественной собственности и хлебозаготовках на Украине

11 августа 1932
Автограф И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 144–151]

Запоздалое осознание происходящего вынудило советское руководство принимать соответствующие решения. Так, марта 1932 г. Политбюро приняло постановление о семенной помощи колхозам в связи с недородом в восточных районах СССР, в этом документе в том числе было решено «прекратить отгрузку на экспорт продовольственных культур (85 тыс. т)»[1083]. Голодающим районам начали выделять помощь в виде «продссуд» и «семссуд», планы хлебозаготовок не раз были снижены. В июле-августе в переписке с Молотовым и Кагановичем Сталин несколько раз дал указания о «сокращении плана хлебозаготовок», о помощи «для особо пострадавших районов Украины, Закавказья», других регионов[1084]. В августе 1932 г., выдержав паузу, Сталин сообщил Кагановичу: «Я думаю, наступило время, когда нужно объявить украинцам о сокращении плана хлебозаготовок»[1085]. На многих просьбах о помощи, как, например, на шифротелеграмме секретаря Днепропетровского обкома М.М. Хатаевича от 27 июня 1933 г. с просьбой выделить области дополнительно 50 тыс. пудов хлеба, Сталин оставил резолюцию: «Надо дать»[1086].

В 1933 г. помощь центра регионам, пострадавшим от голода, в виде продовольственных и семенных ссуд приняла массовый характер.

Положению дел на Украине Сталин уделял повышенное внимание. В августе 1932 г. в письме Кагановичу он сообщил: «Самое главное сейчас Украина… дела на Украине из рук вон плохи… Плохо по партийной линии… Плохо по линии советской… Плохо по линии ГПУ… Если не возьмемся теперь же за выправление положения на Украине, Украину можем потерять»[1087].

В 1934 г. произошла полная смена руководства на Украине, большинство представителей которого впоследствии погибнет в годы Большого террора.

Получив в апреле 1933 г. письмо от М.А. Шолохова о катастрофическом положении дел на Дону, Сталин направил Молотову указание об удовлетворении «целиком» просьбы Шолохова по Вёшенскому району и об исправлении перегибов в деле хлебозаготовок: «Дело это приняло, как видно, общенародную огласку, и мы после всех допущенных там безобразий можем только выиграть политически»[1088].

«Затруднения» в снабжении городского населения продуктами питания через государственную розничную сеть заставили власть осенью 1933 г. принять решение о разворачивании «коммерческой [«свободной»] хлебной торговли»[1089]. Государство на постоянной

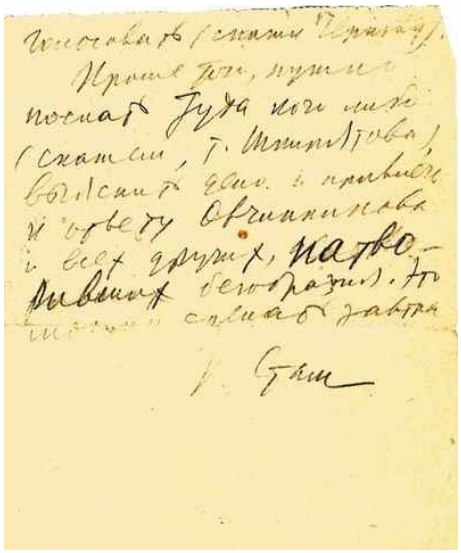
основе регулировало цены на продукты питания, причем не только в государственных торговых сетях. В сентябре 1934 г., например, были приняты соответствующие решения об установлении «коммерческих цен на сахар» для разных областей СССР [1090].

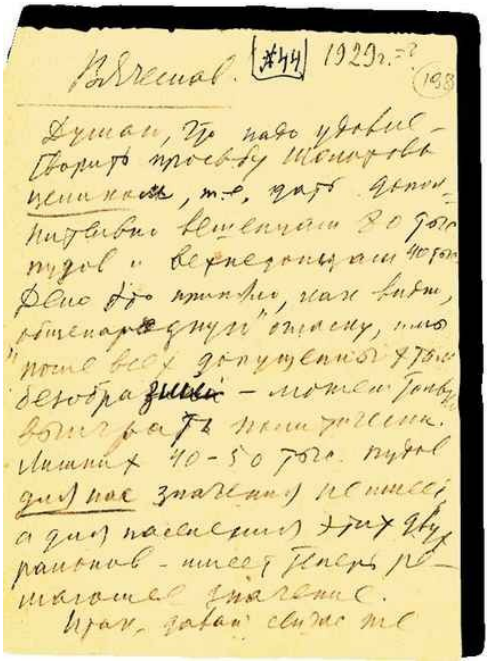
Одним из наиболее пострадавших от голода регионов являлся Казахстан, где показатель убыли населения от голода по отношению к общей его численности был рекордным. Сталин подписал целый ряд директив по оказанию Казахстану помощи. Одна из них направлена в марте 1932 г. в Иркутский крайком с указанием немедленно обеспечить отгрузку семян в Казахстан[1091].

Но последовательной эта линия поддержки не являлась. Помогая одним районам, пострадавшим от голода, союзный центр отказывал другим, видимо, не доверяя полученной с мест информации. В декабре 1932 г. было отклонено ходатайство руководства Нижне-Волжского края об увеличении плана хлебоснабжения края[1092]. 1 января 1933 г. Сталин направил короткую шифротелеграмму первому секретарю Уральского обкома И.Д. Кабакову с отказом увеличить план снабжения области хлебом из-за неудовлетворительного хода хлебозаготовок[1093].

Избирательно продолжались предупредительные и показательные репрессивные акции в отношении руководства тех регионов, которые не выполняли плановые задания по хлебозаготовкам. Так, например, 1 декабря 1932 г. в результате опроса членов Политбюро было принято постановление о хлебозаготовках по Башреспублике, Средне-Волжскому краю, ЦЧО, Нижне-Волжскому краю и Казахстану. Главным содержанием документа являлась угроза применения партийных санкций, вплоть до исключения из партии, в отношении руководителей партийных и советских органов[1094]. 28 декабря Политбюро приняло постановление, которым предоставило секретарю Средне-Волжского крайкома и председателю крайисполкома право «принять меры вплоть до ареста директоров совхозов и других ответственных лиц…»[1095] Через два дня было принято постановление «О Нижне-Чирском и Котельниковском районах Нижне-Волжского края», которым наказанию подверглось не только все руководство двух названных районов, но и руководители края «за разбазаривание колхозного хлеба, за допущение засорения кулацкими, антисоветскими, белогвардейскими элементами колхозов, сельсоветов и районного аппарата, за двурушническое, предательское делу рабочего класса поведение районных руководящих работников в отношении плана хлебозаготовок…» Если руководители края пока «отделались» строгими выговорами, то в отношении руководства районов был поставлен вопрос о «возможности дальнейшего пребывания их в партии и привлечения их судебными органами»[1096]. Репрессивное воздействие в отношении представителей аппарата управления, задействованных в хлебозаготовках, было широко распространено, о чем ясно свидетельствуют массивы архивных документов,

опубликованных в таких многотомных изданиях, как «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939» (в 5 т.), «Голод в СССР. 1929–1934» (в 3 т.) и др.



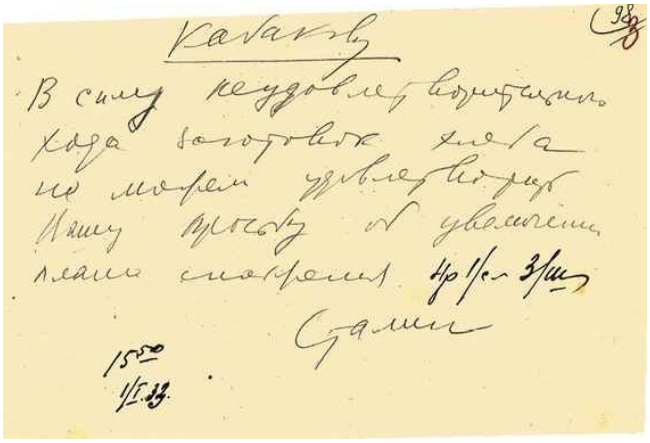


Письмо И.В. Сталина В.М. Молотову об удовлетворении просьбы М.А. Шолохова по Вешенскому району и перегибах в деле хлебозаготовок

Ранее 23 апреля 1933

Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 198–198 об.]



Кабакову

В силу неудовлетворительного хода заготовок хлеба не можем удовлетворить Вашу просьбу об увеличении плана снабжения. Ур 1/с – 3/ш

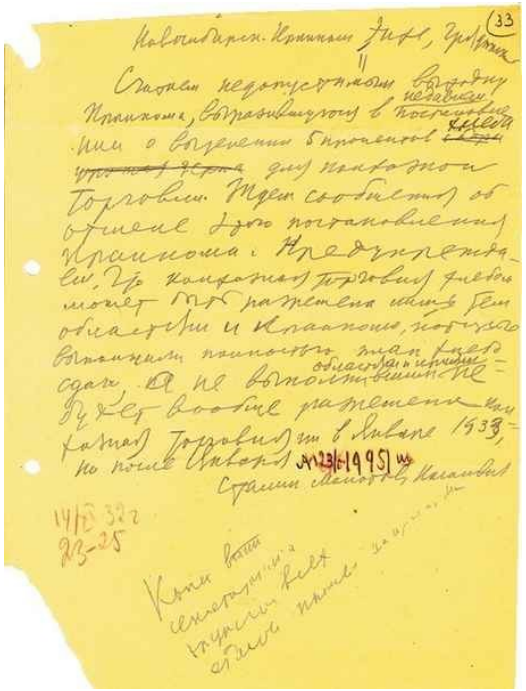
Сталин

15.50
1/I.33

Шифротелеграмма И.В. Сталина И.Д. Кабакову с отказом увеличить снабжение Уральской области в связи с неудовлетворительным ходом хлебозаготовок

1 января 1933

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 45. Л. 98]



Новосибирск. Крайком Эйхе, Грядинск.

Считаем недопустимым выходку Крайкома, выразившуюся в недавнем постановлении о выделении 5 процентов хлеба для колхозной торговли. Ждем сообщения об отмене этого постановления Крайкома. Предупреждаем, что колхозная торговля хлебом может быть разрешена лишь тем областям и краям, которые выполнили полностью план хлеба сдачи, а не выполнившим областям и краям не будет вообще разрешена колхозная торговля в январе 1933, но после января 1933 г. 1995 ш

Сталин Молотов, Каганович

14/I 33 г
23-25

Шифротелеграмма И.В. Сталина, В.М. Молотова и Л.М. Кагановича Эйхе и Грядинскому о запрете колхозной торговли хлебом Новосибирскому краю

14 ноября 1932
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 45. Л. 33]

Центр будет тормозить развитие колхозной торговли зерном, которая могла бы смягчить последствия голода. В ноябре 1932 г. в новосибирский крайком была направлена шифротелеграмма за подписями Сталина, Молотова, Кагановича, разрешавшая колхозную торговлю хлебом только тем областям и краям, которые полностью выполнили план хлебосдачи[1097]. Эта мера станет инструментом, широко использовавшимся для давления на проштрафившиеся районы.

СТРОГО СЕКРЕТНО
Снятие копий воспрещается
ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ В 48 ЧАС.
(Пост. ПБ от 5 мая 27 г. пр. № 100, п. 5)
Кому послана

ШИФРОВКА

Из ИРКУТСКА отправлена 11-53 8,У 1932 г. Поступила в ЦК ВКП
на расшифрование 8/У 1932 ч. 14 м. 35
Вх. № 717/Ш

МОСКВА ЦКВКП(б) тов. СТАЛИНУ.-

Положение с хлебом в крае Вам известно, необходим завоз в край около 30 тысяч тонн. Между тем получен наряд на вывоз Западной Сибири 3900 тонн Госхлебфонда. Опротестовали в СТО ответа нет. Во исполнение наряда отправляем Запсибири тысячу пятьсот тонн, просим остальное отменить ведь к нам завозить придется только с Запада.

ЛЕОНОВ.

Расшифрована 8/У 1932 г. в ч. 15 м. 10 Напечатано 4 экз. Е.Иванова.-
Подпись

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ИНСТРУКЦИИ:
1. Шифротелеграмма должна храниться только в секретных хранилищах.
2. При ссылках на текст шифротелеграмм воспрещается указывать, что цитируемый текст получен шифром, также воспрещается указывать и номера шифровок.
3. Ответ на шифровку посылается также в шифрованном виде, текст передаваемого шифром сообщения составляется коротко и ясно: пишется только в одном экземпляре, который и передается на шифрование.

Шифротелеграмма Леонова И.В. Сталину о положении с хлебом в Западной Сибири
8 мая 1932
Резолюция — автограф И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 43. Л. 60]

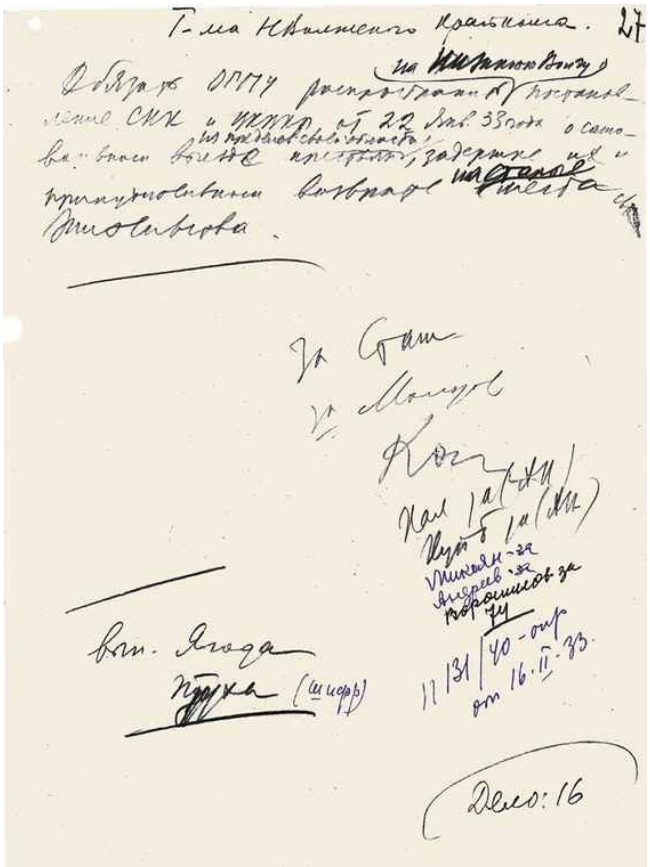
Именно тогда советское руководство вновь решилось на закупку зерна за границей. В апреле 1932 г. СТО СССР принял решение «для восстановления госфонда произвести закупку за границей 16 тыс. т пшеницы и муки»[1098]. В начале мая Политбюро решило «выразить благодарность» ряду исполнителей «за успешно проведенную операцию по закупке и доставке хлеба во Владивосток»[1099]. За что

именно, разъясняет шифротелеграмма Сталина, в которой он 8 мая сообщил секретарю Восточно-Сибирского крайкома Ф.Г. Леонову: «Уже куплено в Канаде дополнительно 3 млн пуд. хлеба. Хлеб поступит во Владивосток для Дальвоста и Востсибири. Свою долю получите. Просьба выполнить наряд на вывоз Запсибирь»[1100].

По мере распространения голода стала массовой стихийная миграция крестьян из голодающих районов. Под угрозой оказалась посевная кампания 1933 г. Чтобы не допустить оттока рабочей силы, Политбюро приняло ряд решений, направленных на борьбу с массовыми выездами. В Поволжье, на Северном Кавказе, Украине была фактически установлена блокада голодающих районов. Соответствующее решение оформило постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 22 января 1933 г., затем оно «по мере необходимости» распространялось на другие районы страны. Одно из таких решений, инициированное руководством Нижне-Волжского края, публикуется в этой книге[1101].

В разгар голода сталинское руководство начало очередное наступление на пропагандистском фронте. В феврале 1933 г. в Москве собрался I съезд колхозников-ударников. Сталин выступил на съезде: «Мы добились того, что миллионные массы бедняков, жившие раньше впроголодь, стали теперь в колхозах середняками, стали людьми обеспеченными… Мы не можем остановиться на этом достижении. Чтобы двинуться дальше… мы должны сделать **второй** шаг, мы должны добиться **нового** достижения. В чем состоит этот второй шаг? Он состоит в том, чтобы поднять колхозников еще выше… чтобы **сделать всех колхозников зажиточными**. Да, товарищи, зажиточными. (Продолжительные аплодисменты)»[1102].

Преодоление голода стало возможным в результате сочетания действия природных факторов и скорректированной государственной политики. Массовый характер приобрела помощь центра пострадавшим от голода районам в виде поставок продовольствия, зерна для семенного и фуражного фондов, списания недоимок по государственным платежам, снижения планов хлебосдачи, усиления мер организационного характера[1103]. В вопросе о том, была ли эта помощь достаточной — оценки исследователей расходятся. Одни считают государственную политику главным фактором, позволившим смягчить остроту голода, другие считают совокупный объем этой поддержки каплей в море[1104]. Так или иначе, но, судя по всему, следует признать справедливым вывод, что «в совокупности отказ от экспорта хлеба и реализация хлебных запасов могли улучшить положение в основных голодающих районах 25–30 млн человек. Во всяком случае, массовая смертность от голода могла быть исключена»[1105].



Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о распространении на Нижнюю Волгу постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 22 января 1933 г. о самовольном выезде крестьян из пределов своей области

16 февраля 1933

Подписи — автографы И.В. Сталина, В.М. Молотова, Л.М. Кагановича

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 974. Л. 27]

Названные меры сыграли определенную роль в предотвращении нарастания смертности в результате голода, которая, однако, приобрела характер демографической катастрофы. По различным подсчетам авторитетных исследователей, потери населения от голода 1932–1933 гг. составили от 4,6 млн до более чем 7 млн чел. Последний показатель включает в себя сверхсмертность, снижение рождаемости и безвозвратную миграцию[1106]. Но последние исследования массивов архивных документов ставят вопрос о необходимости пересмотра этих данных в сторону увеличения. Как сообщается в третьем томе фундаментального межархивного издания документов «Голод в СССР. 1929–1934», только в 1933 г., на пике голода, могли умереть 5,6 млн чел., а к косвенным жертвам голода в этом году, на численность

которых указывает дефицит рождаемости, следует отнести еще 3 млн чел.[1107]

Важно отметить, что исследования российских и зарубежных специалистов не дают большинству из них оснований рассматривать голод начала 1930-х гг. как целенаправленную политику истребления по национальному признаку (концепция «голодомора»)[1108]. Происшедшее в результате «усмирение голодом» крестьянства[1109], как нам кажется, может рассматриваться лишь как одно из непредвиденных последствий реализации политических установок советского руководства, направленных на коллективизацию сельскохозяйственного производства с целью мобилизации продовольственных ресурсов.

«Двинуть дальше колхозное движение и развернуть вовсю колхозное строительство». Коллективизация сельскохозяйственного производства во второй половине 1930-х гг

События начала 1930-х гг. подвигли советское руководство к размышлениям о некотором изменении политики в аграрном секторе. 19 января 1933 г. СНК и ЦК приняли постановление «Об обязательных поставках зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами»[1110]. С целью повысить материальную заинтересованность крестьян постановлением, с одной стороны, предусматривался отказ от «не вполне определенной» контрактационной системы заготовок зерновых (фактической, с другой стороны, продразверстки), которая осуществлялась с конца 1920-х, и вводилась фиксированная погектарная норма сдачи зерна по установленным государственным ценам. Правда, как отмечается в литературе, это постановление практически так и осталось на бумаге[1111]. 20 июня за подписями Сталина и Молотова вышло еще одно совместное постановление СНК и ЦК с аналогичным названием, призванное подтвердить январские директивы: «В отличие от прежних лет поставка зерна государству… будет производиться не по меняющимся планам, а по твердым и неизменным нормам, установленным законом… никакие встречные планы по сдаче зерна впредь не должны быть допущены ни при каких условиях». Сделав шаг навстречу крестьянству в одном направлении, постановление компенсировало его отступлением в другом: «прекратить колхозную и индивидуально-крестьянскую торговлю хлебом». Подчеркивался обязательный характер сдачи зерна

государству не только колхозами и единоличными хозяйствами, но и колхозниками, посеявшими зерновые культуры на приусадебных землях: «Никакое уклонение... не должно быть допущено ни под каким видом»[1112].

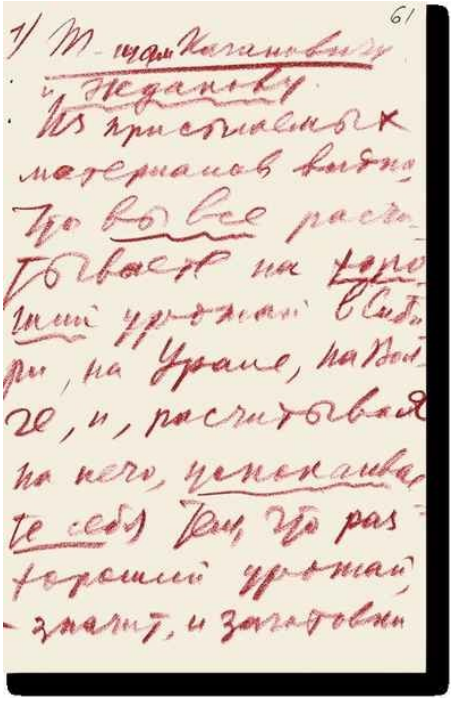
Выход из острой фазы голода и недостаточная экономическая эффективность колхозного строя делали неизменно актуальной задачу закупок продовольствия за рубежом. СНК СССР в октябре 1933 г. принял решение о закупке в Канаде 500 т высокоурожайной яровой пшеницы для посева. На 1934 г. было принято решение о закупке 4 млн пудов хлеба за границей. Закупки продовольствия продолжились и в дальнейшем. Причем закупать будут не только хлеб, но и скот. В 1933 г. было закуплено 20 696 голов крупного рогатого скота, 397 911 голов мелкого скота и более 11 тыс. голов лошадей[1113].

Власти сделают выводы и в отношении содержания внешнеторговых операций, поэтому в годы второй пятилетки объем зернопоставок на экспорт снизится[1114]. Способствовали развитию этой тенденции падение цен на зерно на мировых рынках и низкое качество советского зерна. Одной из важнейших целей заготовительных кампаний являлось создание государственных резервов «на случай неурожая или внешних осложнений»[1115]. В 1934 г. СССР вывез за рубеж вдвое меньше зерна, чем в предшествующем, — 768 668 т[1116].

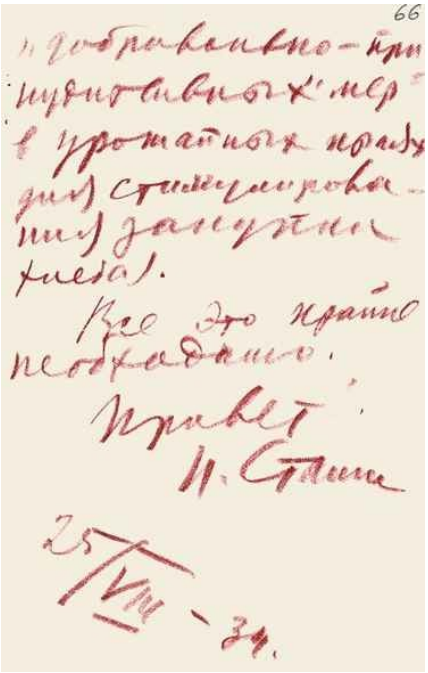
Заключительные аккорды государственной политики по преодолению голода прозвучали из Кремля в начале 1934 г. 27 февраля за подписями Сталина и Молотова ЦК ВКП(б) и Совнарком издали постановление «О снятии недоимок по зернопоставкам и рассрочке взыскания зерновых ссуд на три года». Советское политическое руководство решило «снять с колхозов и единоличных хозяйств по всем областям, краям и республикам недоимки, числящиеся за ними по зернопоставкам 1933 г.»[1117] Пройдет меньше месяца, и Политбюро поставит точку в продовольственной и иной помощи регионам. 20 марта было решено сообщить обкомам, крайкомам и ЦК нацкомпартий, обл(край)исполкомам и совнаркомам республик, что из государственных ресурсов зерна ЦК и СНК уже оказали семенную, продовольственную и фуражную помощь в размере 145 млн пуд. и что «дальнейший отпуск зерна по состоянию государственных ресурсов хлеба является невозможным». Всем перечисленным органам управления было «предложено» впредь не обращаться в ЦК и СНК с такого рода вопросами[1118].

Выход из голода (при том что в отдельных районах он будет продолжаться в течение всех 1930-х гг.) позволил советскому руководству поставить вопрос об отмене карточной системы и о пополнении государственных резервов. Карточную систему на мясные и рыбные продукты, сахар, жиры и картофель отменили с 1 октября 1935 г., на промышленные товары — с 1 января 1936 г.

Затруднения в хлебозаготовках, подобные тем, которые подтолкнули к решению коллективизировать аграрный сектор, имели место и в дальнейшем. «Нажимной» по преимуществу характер хлебозаготовительных кампаний сохранялся. 28 сентября 1933 г. Сталин направил телеграмму Кагановичу: «Нажим по хлебозаготовкам надо начать теперь же. «Потом» будет поздно. Если сейчас же не начнете серьезным образом нажимать, прозеваете время и разложите работников и колхозников»[1119]. Для преодоления проблем снабжения продолжались с участием Сталина обсуждения возможностей и целесообразности закупок в тот или иной момент зерна за границей. В августе 1934 г. Сталин порекомендовал Кагановичу воздержаться от импорта хлеба, объяснив это следующим образом: «Импорт хлеба теперь, когда за границей кричат о недостатке хлеба в СССР, может дать только политический минус»[1120]. Тогда же в августе, стремясь разрешить «хлебозаготовительную проблему», Сталин написал Л.М. Кагановичу и А.А. Жданову о том, что «Необходимо: немедля организовать нажим (максимальный нажим!) на заготовки... объявив войну самотеку»[1121].


61

1/ Т-щам Кагановичу
и Жданову.
Из присылаемых
материалов видно
что вы все расчи-
тываете на хоро-
ший урожай в Сиби-
ри, на Урале, на Вол-
ге, и, расчитывая
на него, успокаива-
те себя тем, что раз
хороший урожай
- значит, и заготовки


66

„добровольно-принудительных мер" в урожайных краях для стимулирования закупки хлеба).

Все это крайне необходимо.

Привет!

И. Сталин

25/VIII-34.

Письмо И.В. Сталина Л.М. Кагановичу и А.А. Жданову о нажиме по хлебозаготовкам

25 августа 1934

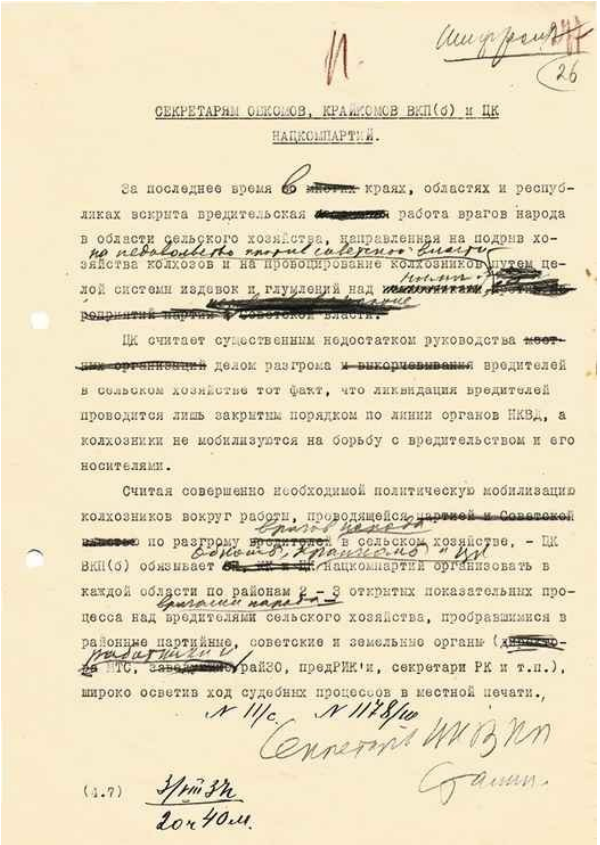
Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 100. Л. 61–66]

В структуре «нажимных» мероприятий помимо репрессий предусматривались и меры экономического воздействия — «денежно-налоговый пресс».

Главным инструментом аграрной политики на определенном этапе станут организованные в основных зерновых районах по инициативе Сталина политотделы при МТС и совхозах. Соответствующее решение было оформлено январским 1933 г. объединенным пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б). Политотделы напрямую подчинялись центру в лице Политуправления МТС Наркомата земледелия СССР, став органом контроля за действиями местных властей и важным инструментом репрессивного воздействия. Для борьбы с поражающей и сегодня воображение «бесхозяйственностью», замешанной на полном отсутствии материальной заинтересованности хозяйствующих субъектов, Сталин решил взять под особый контроль элеваторы и приемные пункты зерна. 2 сентября 1933 г. Политбюро приняло решение, согласно которому комендантами этих учреждений назначались оперативные сотрудники ОГПУ, выведенные из подчинения местных властей[1122]. Подойдя вплотную к осознанию неразрешимости вопроса о продовольственном снабжении страны

силами коллективизированного сельского хозяйства, сталинское руководство решило 25 декабря 1933 г. издать постановление СНК СССР «О развертывании индивидуального рабочего огородничества», согласно которому в 1934 г. было запланировано предоставить полутора миллионам рабочих крупных промышленных центров индивидуальные огороды [1123].



СЕКРЕТАРЯМ ОБКОМОВ, КРАЙКОМОВ ВКП(б) и ЦК НАЦКОМПАРТИЙ.

За последнее время в краях, областях и республиках вскрыта вредительская работа врагов народа в области сельского хозяйства, направленная на подрыв хозяйства колхозов и на провоцирование колхозников путем целой системы издевок и глумлений над ними.

ЦК считает существенным недостатком руководства делом разгрома вредителей в сельском хозяйстве тот факт, что ликвидация вредителей проводится лишь закрытым порядком по линии органов НКВД, а колхозники не мобилизуются на борьбу с вредительством и его носителями.

Считая совершенно необходимой политическую мобилизацию колхозников вокруг работы, проводящейся по разгрому врагов народа в сельском хозяйстве, - ЦК ВКП(б) обязывает обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий организовать в каждой области по районам 2 - 3 открытых показательных процесса над врагами народа вредителями сельского хозяйства, пробравшимися в районные партийные, советские и земельные органы (работники МТС, райЗО, предРИК'и, секретари РК и т.п.), широко осветив ход судебных процессов в местной печати.

№ 11/с. № 1178/10

Секретарь ЦК ВКП Сталин.

(1.7) 3/VIII 37 г. 20 ч 40 м.

Шифротелеграмма И.В. Сталина секретарям обкомов, крайкомов ВКП(б) и ЦК нацкомпартий о политической мобилизации колхозников вокруг работы по разгрому врагов народа в сельском хозяйстве

3 августа 1937

Правка — автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 57. Л. 26]

В конце 1930-х гг. советское руководство приняло решение «добить» кулака. Народный комиссариат внутренних дел, заменивший собой упраздненное ОГПУ, 30 июля 1937 г. выпустил печально знаменитый оперативный приказ № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», в ходе реализации которого подверглись аресту около 1,7

млн чел., из которых 390 тыс. расстреляли. Но об этом нам предстоит рассказать в специальном параграфе этой книги. 3 августа Сталин направил шифровку секретарям обкомов, крайкомов ВКП(б) и ЦК нацкомпартий, в которой поставил задачей «политическую мобилизацию колхозников вокруг работы, проводящейся по разгрому врагов народа в сельском хозяйстве…»[1124]

В конце 1930-х гг. советское руководство вновь столкнулось с явным нежеланием крестьянства состоять в колхозах. Причем не повлиял на эту тенденцию и Большой террор, разворачивавшийся в это время в стране. Отток из колхозов заставил Сталина принять решение, оформленное 19 апреля 1938 г. постановлением Политбюро и Совнаркома «О запрещении исключения колхозников из колхозов», разосланное на места за подписями самого Сталина и Молотова[1125]. В тот же день «дуумвират» подписал еще одно постановление «О неправильном распределении доходов в колхозах», которым устанавливался минимальный уровень распределения между колхозниками денежных доходов (не менее 60–70 %)[1126]. Одновременно с этим продолжалось давление на единоличников. Показательно, что в тот же самый день еще одним совместным постановлением «О налогах и других обязательствах в отношении единоличных хозяйств» СНК и ЦК потребовали от местных властей покончить «с практикой попустительства в отношении единоличника и строго следить за точным выполнением единоличными хозяйствами всех государственных обязательств по налогам, зернопоставкам и мясопоставкам и т. д.». Сталин лично редактировал проект постановления[1127].

Через четыре дня Совнарком принял еще одно постановление, призванное усилить давление на единоличников, — «О ставках и сроке уплаты государственного налога на лошадей единоличных хозяйств» [1128].

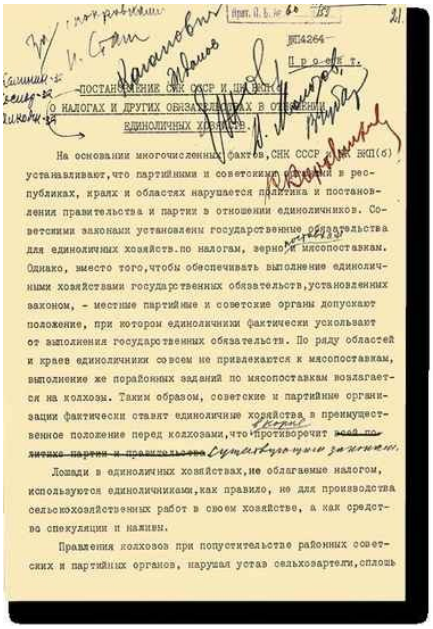
В 1936–1937 гг. перед советским руководством вновь замаячил призрак голода в связи с недородом в 1936 г. зерновых культур. Вал обращений с мест о помощи вынудил Политбюро принять 20 января 1937 г. постановление «О семенной, продовольственной и фуражной помощи колхозам». Вопреки ожиданиям, было решено запретить «впредь обращаться в ЦК и СНК с какими-либо ходатайствами по вопросу об отпуске семенной, продовольственной и фуражной помощи колхозам»[1129]. Деревня, как могла, сопротивлялась государственному давлению. Да и ресурсы ее оказались не безграничными. По справке Управления налогов и сборов Наркомата финансов СССР от 9 августа 1938 г. недоимки по сельским налоговым платежам на 1 января 1938 г. составили гигантскую сумму в 340,8 млн руб. [1130]

* * *

Давление со стороны государства на крестьянство привело к решению поставленных задач. В 1935 г. был достигнут 80-процентный уровень коллективизации, что позволило заявить о ее «завершении в основном». На этом советское руководство не остановилось, и к 1937 г. ее уровень поднялся до 93 %[1131].

Индустриализация и коллективизация привели к социальным изменениям: росту городского населения и численности рабочих и служащих с 9 млн чел. в 1928 до 23 млн в 1940 г. При этом темпы жилищного строительства не обеспечивали и не могли обеспечить жильем новых горожан. Типичным жильем в 1930-е гг. были бараки, землянки, в «идеальном случае» — коммунальные квартиры[1132]. Некоторые исследователи считают, что коллективизация, высвободившая миллионы рабочих рук для промышленности, дала импульс к ускорению индустриального роста, именно потому что спровоцировала социальную катастрофу в аграрном секторе[1133].

Говоря в общем, следует признать, что советская деревня стала ресурсом финансовых средств, продовольствия и рабочей силы для индустриализации в соответствии с концепцией «первоначального социалистического накопления», выдвинутой в 1925–1926 гг. сторонником Л.Д. Троцкого Е.А. Преображенским. Не случайно во внутрипартийных дискуссиях накануне и в ходе реализации первого этапа коллективизации большевистское руководство тему трансформации аграрного сектора обсуждало, в том числе с участием Сталина, используя понятия «дань» и «военно-феодальная эксплуатация крестьянства». В июле 1928 г., выступая на июльском пленуме ЦК, Сталин представил свое видение вопроса «о главных источниках развития нашей промышленности». Он отверг возможность грабежа колоний и вообще чужих стран и заявил, что «наша страна не имеет также займов извне» и в этом случае нам «остается одно: развивать промышленность, индустриализировать страну за счет внутреннего накопления... Но где главные источники этого накопления? Их, этих источников... два: во-первых, рабочий класс, создающий ценности и двигающий вперед промышленность; во-вторых — крестьянство... С крестьянством у нас обстоит [дело] в данном случае таким образом: оно платит государству не только обычные налоги, прямые и косвенные, но оно еще переплачивает на сравнительно высоких ценах на товары от промышленности — это во-первых, и недополучает на ценах на сельскохозяйственные продукты — это во-вторых. Это есть добавочный налог на крестьянство в интересах подъема индустрии... Это есть нечто вроде «дани», нечто вроде сверхналога, который мы вынуждены брать временно для того, чтобы сохранить и развить дальше нынешний темп развития индустрии... Дело это, что и говорить, неприятное. Но... без этого добавочного налога на крестьянство, к сожалению, наша промышленность и наша страна пока что обойтись не могут» [1134].



Прот. П. Б. № 60 / 139 21.

ПП4264

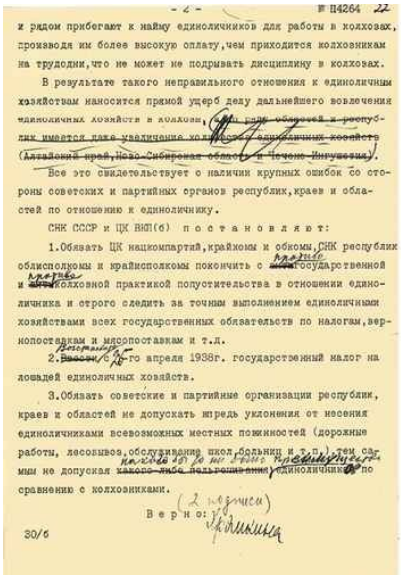
П р о с и т.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СНК СССР И ЦК ВКП(б)
О НАЛОГАХ И ДРУГИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ В ОТНОШЕНИИ
ЕДИНОЛИЧНЫХ ХОЗЯЙСТВ.

На основании многочисленных фактов, СНК СССР и ЦК ВКП(б) устанавливают, что партийными и советскими органами в республиках, краях и областях нарушается политика и постановления правительства и партии в отношении единоличников. Советскими законами установлены государственные обязательства для единоличных хозяйств по налогам, зерно и мясопоставкам. Однако, вместо того, чтобы обеспечивать выполнение единоличными хозяйствами государственных обязательств, установленных законом, - местные партийные и советские органы допускают положение, при котором единоличники фактически ускользают от выполнения государственных обязательств. По ряду областей и краев единоличники совсем не привлекаются к мясопоставкам, выполнение же порайонных заданий по мясопоставкам возлагается на колхозы. Таким образом, советские и партийные организации фактически ставят единоличные хозяйства в преимущественное положение перед колхозами, что противоречит ~~всей политике партии и правительства~~ существующим законам.

Лошади в единоличных хозяйствах, не облагаемые налогом, используются единоличниками, как правило, не для производства сельскохозяйственных работ в своем хозяйстве, а как средство спекуляции и наживы.

Правления колхозов при попустительстве районных советских и партийных органов, нарушая устав сельхозартели, сплошь



- 2 - П4264 22

и рядом прибегают к найму единоличников для работы в колхозах, производя им более высокую оплату, чем приходится колхозникам на трудодни, что не может не подрывать дисциплину в колхозах.

В результате такого неправильного отношения к единоличным хозяйствам наносится прямой ущерб делу дальнейшего вовлечения единоличных хозяйств в колхозы, ~~при ряде областей и республик имеется даже увеличение количества единоличных хозяйств (Алтайский край, Ново-Сибирская область и Чечено-Ингушетия)~~.

Все это свидетельствует о наличии крупных ошибок со стороны советских и партийных органов республик, краев и областей по отношению к единоличнику.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) п о с т а н о в л я ю т:

1. Обязать ЦК нацкомпартий, крайкомы и обкомы, СНК республик облисполкомы и крайисполкомы покончить с ~~всем~~ государственной и ~~всем~~ колхозной практикой попустительства в отношении единоличника и строго следить за точным выполнением единоличными хозяйствами всех государственных обязательств по налогам, зернопоставкам и мясопоставкам и т.д.

2. ~~Ввести~~ Восстановить с 20-го апреля 1938г. государственный налог на лошадей единоличных хозяйств.

3. Обязать советские и партийные организации республик, краев и областей не допускать впредь уклонения от несения единоличниками всевозможных местных повинностей (дорожные работы, лесовывоз, обслуживание школ, больниц и т.п.), тем самым не допуская ~~какого-либо пользования~~ единоличников по сравнению с колхозниками.

(2 подписи)

В е р н о:

30/б

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о налогах и других обязательствах в отношении единоличных хозяйств

19 апреля 1938

Подписи — автографы И.В. Сталина, Л.М. Кагановича, А.А. Жданова, Н.И. Ежова, В.М. Молотова, В.Я. Чубаря, К.Е. Ворошилова

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1191. Л. 21–22]

Сталинское «пока что» растянулось на долгие десятилетия, что и стало главным фактором деградации аграрной сферы советской экономики.

«Наши успехи велики и необычайны». Первые итоги социалистической реконструкции

На январском 1933 г. пленуме ЦК партии Сталин заявил о том, что первая пятилетка выполнена за 4 года и 3 месяца. В действительности же ее плановые задания по основным показателям промышленности группы «А» будут достигнуты в 1933–1935 гг., а повышенные показатели по чугуну, тракторам и автомобилям — в 1950, 1956 и 1957 гг. соответственно. Неисполнение многих плановых показателей в годы первых пятилеток не дает, однако, оснований подвергать сомнению сам факт беспрецедентного индустриального роста в СССР в эти годы[1135]. В годы первых пятилеток были произведены масштабные инвестиции в экономику и ее структурные изменения, введены в строй огромные производственные мощности, начало меняться их географическое размещение.

При этом Сталину в ходе индустриализации удалось в конечном итоге обеспечить не только общий экономический рост, но и относительный рост потребления населения, что обеспечивало ему определенную социальную поддержку[1136]. В значительной степени это было достигнуто в результате государственной политики в сфере оплаты труда. Рост заработной платы в 1930-е гг. отмечается для всех категорий наемных работников[1137]. В годы первых пятилеток в СССР была создана государственная бесплатная система здравоохранения. В октябре 1934 г. в связи с накоплением хлебных запасов Сталин поставил задачу «уничтожить карточную систему…»[1138] В сентябре 1935 г. было намечено снижение цен на хлеб и муку[1139]. В октябре в СССР были отменены карточки на продовольственные товары, чуть позднее на промышленные [1140].

17 ноября 1935 г. в выступлении на Первом всесоюзном совещании рабочих и работниц — стахановцев Сталин представил собственное видение изменений, происходящих в повседневной жизни граждан Советского Союза: «Жить стало лучше, жить стало веселей». Однако не следует переоценивать социальные достижения этого времени: жизненный уровень 1913 г. будет достигнут только в 1950-е гг.[1141]

Успехи социально-экономического развития страны должна была продемонстрировать Всесоюзная перепись населения 1937 г., которую проводили согласно постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Оно было подготовлено с непосредственным участием Сталина и принято 31

декабря 1936 г.[1142] Результаты переписи, зафиксировавшие уменьшение (вместо объявленного заранее роста) численности населения СССР в результате голода начала 1930-х гг., будут засекречены, а ее организаторы расстреляны[1143]. Состоится новая перепись, давшая советскому руководству нужные результаты.

К концу 1930-х гг. директивный характер управления экономикой распространился и на сферу трудовых отношений в индустриальной сфере. В декабре 1938 г. Совнарком принял постановление «О введении трудовых книжек», в соответствии с которым устанавливался пятилетний срок контракта рабочих с предприятием, фиксировались все вознаграждения, выговоры, причины увольнения. В 1939–1940 гг. были приняты законы, вводившие уголовную ответственность за опоздание на работу, за выпуск некачественной продукции и проч., рабочие были переведены с пятидневной рабочей недели на семидневную и на восьмичасовой рабочий день вместо семичасового, они лишались права увольняться по собственному желанию. Сужение сферы экономического стимулирования трудовой активности в промышленности, имевшее место в начале 1930-х гг., привело к демотивации рабочих, как несколько раньше это произошло в аграрной сфере с сельскохозяйственным производителем. Необходимость заставить население исполнять решения директивных органов приведет к широкому использованию мер внеэкономического принуждения и прямого насилия.

Иосиф Виссарионович Сталин
1930-е
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1647. Л. 41]

Издержки сталинской индустриализации оказались велики, прежде всего потому, что административно-командная экономика создавалась

методом проб и ошибок без глубокого теоретического обоснования, без четкого плана ее построения. Ее создателями выступила группа практических деятелей/революционеров, не имевших специальной подготовки. Однако советскому руководству удалось создать экономическую систему, обеспечившую модернизацию промышленности в рекордные сроки. Базировалась она на государственной собственности, управление которой было основано на централизованном распределении ресурсов. Тотальный политический контроль как основа деятельности партии большевиков практически предопределил выбор, сделанный в пользу нерыночного типа экономики. Рыночный тип распределения ресурсов создавал альтернативные источники экономической, а значит, потенциально и политической власти в советском обществе. На недопустимость такого поворота большевистское руководство, включая Ленина, многократно обращало внимание в ходе партийных дискуссий 1920-х гг. Выбор плановой экономики в этой системе координат был практически неизбежен. В свою очередь распределение ресурсов в административном порядке невозможно без тотальной административной власти. Диктатура как ее абсолютное выражение есть наиболее эффективный инструмент административного принуждения и управления в распределительной экономике. Политбюро в 1930-е гг. принимало решения о распределении капитальных вложений, валютных фондов, о хлебозаготовках и по большому числу сравнительно мелких вопросов экономического регулирования. В период Великой депрессии в мире в конце 1920-х — начале 1930-х гг. в СССР наблюдался рекордный экономический рост. По утверждению советской пропаганды, директивное управление освободило Советскую Россию от зависимости от мирового цикла деловой активности. Согласиться с этим утверждением можно лишь отчасти. Полностью избежать влияния мировой экономической конъюнктуры было невозможно. Так, например, рекордные объемы вывоза зерна в начале 1930-х гг. обернулись для СССР минимальными объемами валютной экспортной выручки, на которую так рассчитывало советское руководство, и произошло это из-за обвала цен на зерно на мировых рынках под влиянием мировой депрессии. Во многом из-за той же депрессии советское руководство относительно успешно решало в этот период вопросы импорта техники и технологий, не находивших сбыта на мировых рынках.

В мировой историко-экономической науке с начала 1960-х гг. предпринимались попытки дать ответ на вопрос, был ли Сталин действительно необходим?[1144] Существуют два противоположных варианта ответа на этот вопрос. Одни исследователи на основании анализа тенденций экономического развития Российской империи и советской экономики делают вывод: «Сталин не был необходим, так как все долгосрочные цели развития России/СССР могли быть

достигнуты на путях функционирования стабильной рыночной экономики». Не отрицая высоких темпов роста сталинской экономической системы, они указывают при этом на то, что показатель экономического роста не является адекватным измерителем уровня экономического развития в целом[1145].

Существует и противоположная оценка: «...если бы в истории страны не было такого эпизода, как коммунистическая революция и советские «пятилетки», Россия и по сей день оставалась бы отсталым государством, находясь на той же ступени развития, которую сегодня занимает большинство стран Латинской Америки или даже Южной Азии»[1146].

Так или иначе, но при всех имевших место значительных издержках социального порядка, СССР в 1930-е гг. в результате проведенной модернизации стал индустриально-аграрной страной с развитой промышленностью. Подводя промежуточные итоги социалистической реконструкции, Сталин в январе 1934 г. на XVII съезде партии сказал: «Доказано на опыте нашей страны, что победа социализма в одной, отдельно взятой стране — вполне возможна»[1147]. Существо и цена этой «победы», в основе которой лежала индустриальная модернизация, очевидно, не слишком волновала ее инициатора, как она не волнует сегодня его последователей.

«Чем скорее будет сделано это, тем лучше»: культурная революция

Потребности решения задач индустриального развития поставили в повестку дня вопросы повышения образовательного и культурного уровня населения страны. Первый пятилетний план в директивах XV съезда ВКП(б) прямо увязывался с необходимостью «решительного повышения культурного уровня населения города и деревни, развития национальных культур народностей СССР». Директивы съезда дают ясное понимание того, как именно понимался термин «культурная революция». В основу плана культурного строительства были положены «те задачи народного образования, которые обеспечивают культурный рост широких масс трудящихся (всеобщее обучение, ликвидация неграмотности, массовое профтехническое образование и т. п.), и задача подготовки квалифицированных специалистов и научных работников»[1148]. Новые задачи требовали новых подходов и новых руководителей. В 1929 г. был смещен с поста наркома просвещения А.В. Луначарский, на его место пришел А.С. Бубнов, занимавший до этого должность начальника Политического управления Красной армии. Это назначение ясно указывает на смену курса и

методов управления сферой культуры, смыкавшейся в представлениях большевистского руководства со сферой идеологии и требовавшей целенаправленного воздействия для мобилизации населения на достижение поставленных целей общественного развития.

Для реализации поставленных задач в области индустриализации требовалось резкое увеличение численности мало-мальски грамотной рабочей силы, поэтому в августе 1930 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О всеобщем обязательном начальном обучении». Итогами развития в этом направлении стал повсеместный рост грамотности населения (до 90 %) уже к концу 1933 г. Советское руководство стремилось решить проблему совмещения качественного обучения с трудовым воспитанием и производственным обучением. В марте 1934 г. Совнарком РСФСР принял постановление «О подготовке к введению семилетнего всеобщего обязательного политехнического обучения». Третий пятилетний план уже предусматривал введение в СССР всеобщего среднего образования в городах и неполного среднего в деревне и во всех национальных республиках [1149].

В феврале 1933 г. Политбюро приняло постановление «Об учебниках для начальной и средней школы»[1150], в котором (как и в постановлениях от 5 сентября 1931 и от 25 августа 1932 г.) было отмечено, что «обучение в школе не дает достаточного объема общеобразовательных знаний и неудовлетворительно разрешает задачу подготовки для техникумов и высшей школы вполне грамотных людей, хорошо владеющих основами науки (физика, химия, математика, родной язык, география и др.)». Средство решения проблемы ЦК партии видел в создании линейки «стабильных» учебников по всем предметам.

Высокая оценка достижений в этой области, широкого распространения в массовом сознании, вероятно, требует верификации. Процесс ликвидации неграмотности проходил не так быстро и не так успешно, как привыкло думать старшее поколение российских граждан, воспитанное на штампах советской пропаганды. 16 января 1936 г. совместным решением ЦК и СНК Наркомпросу РСФСР поручалось к 1 января 1938 г. завершить ликвидацию неграмотности, причем подразумевалось под этим обучение действительно всех неграмотных, в возрасте от 18 до 50 лет. В июле 1940 г. Наркомпрос отчитался об обученных за 1936–1939 гг. 3 556 289 чел. из 6 726 242 чел., подлежавших такому обучению по переписи 1939 г. Авторы подготовленной по этому вопросу справки при этом предупреждали о постоянном пополнении взрослого контингента неграмотных взрослых за счет полностью неграмотных или малограмотных подростков, из чего напрашивался очевидный вывод, что и со школьным образованием было по-прежнему не все в порядке. Особое беспокойство вызывало «состояние дела по обучению неграмотных и малограмотных допризывников 1920–1921 года рождения», которое «не обеспечивает

выполнения задачи полного обучения их к моменту призыва»[1151]. Подтверждение этому обнаруживается в целом ряде документов, направленных в ЦК ВКП(б). Так, из записки членов Комиссии советского контроля при СНК СССР мы узнаем, что в РСФСР «постановление правительства о всеобщем обязательном начальном обучении сорвано»[1152]. Судя по опубликованным документам, дело аналогичным образом обстояло в Белоруссии, Киргизии и, вероятно, в других союзных республиках[1153].

Иосиф Виссарионович Сталин
1936
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1650. Л. 18 об.]

Партийное руководство уделяло пристальное внимание теме подготовки кадров в техникумах, фабзавучах, высших технических учебных заведениях (втузы). Еще в 1928 г. Сталин поставил задачу «ускорить темп образования, создания новой технической интеллигенции из людей рабочего класса, преданных делу социализма и способных руководить технически нашей социалистической промышленностью»[1154]. В июле 1933 г. Политбюро приняло постановление об улучшении постановки дела подготовки и использования кадров в рамках этой системы[1155].

Не меньшее внимание уделялось положению дел в высшей школе. При этом решались не только вопросы развития высшей школы, но и вопросы контроля за содержанием учебного процесса, прежде всего в сфере преподавания социально-гуманитарных дисциплин. В июне 1936 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой». Это

постановление поставило под контроль Отдела школ ЦК партии назначение руководителей кафедр «по социально-экономическим дисциплинам крупнейших высших учебных заведений», которое производилось по специальному списку[1156].

* * *

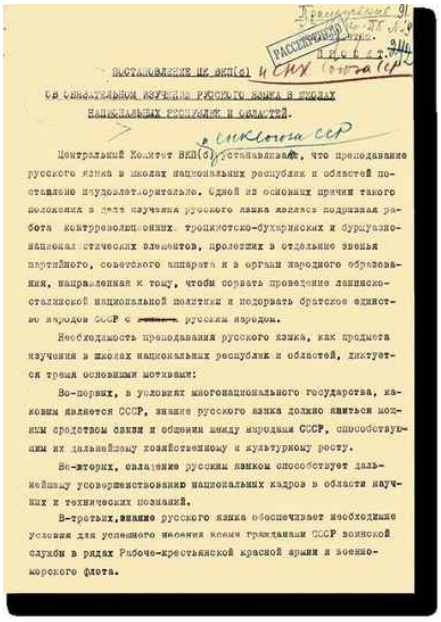
В национальных республиках задачи культурной революции, по мнению Сталина, заключались также и в том, чтобы «покрыть страну богатой сетью школ на родном языке, снабдив их кадрами преподавателей, владеющих родным языком. Для этого нужно национализировать, т. е. сделать национальными по составу, все аппараты управления, от партийных и профсоюзных до государственных и хозяйственных. Для этого нужно развернуть прессу, театры, кино и другие культурные учреждения на родном языке»[1157]. Выступая 12 февраля 1929 г. на встрече с украинскими литераторами, Сталин дал ясно понять, что его «любовь» к национальным языкам имеет не абстрактно-гуманитарный характер, а является функцией, обеспечивающей реализацию более масштабных установок: «Перед нами стоит примитивная проблема… это проблема первоначального всеобщего обязательного обучения… Если мы хотим широкие массы народа поднять на высшую ступень культуры, или не на высшую, а хотя бы на среднюю, или даже низшую ступень культуры, мы должны родной язык каждой национальности развивать максимально, потому что только на родном языке мы можем достигнуть этого. Другого средства для поднятия культурности масс, кроме родного языка, не существует». В заключение Сталин сказал: «Пустяки все, если думают, что можно совершенно некультурных людей, неграмотных людей можно заставить так же развить свой труд и так же использовать машины, как это делается народами, где культурность на высокой ступени находится» [1158].

А.А. Жданов, И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов на совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана
4–9 декабря 1935
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1675 Л. 2]

Эта программа последовательно осуществлялась в течение целого ряда лет, что дало основание ряду современных исследователей характеризовать ранний Союз ССР как «государство наций» или «империю положительной деятельности»[1159].

Впрочем, в 1930-е гг. происходят кардинальные изменения и в этой сфере. 12 октября 1937 г. Сталин выступил на пленуме ЦК с речью, которая задала новый вектор национально-культурного развития: «Есть у нас один язык, на котором могут изъясняться все граждане СССР более или менее, — это русский язык. Поэтому мы пришли к тому, чтобы он был обязательным». Поворот к обязательности изучения русского языка Сталин тогда объяснил одной-единственной причиной — потребностями военного строительства: «Мы встали перед вопросом о том, что призываемые в армию, например в Узбекистане, в Казахстане, в Армении, в Грузии, в Азербайджане, не владеют русским языком… при таком положении… наши дивизии и бригады превращаются в территориальные. Это не армия…. Вот отсюда и родилась абсолютная необходимость при всеобщей воинской повинности, при условии призыва всех граждан, абсолютная необходимость обладать красноармейцам одним каким-нибудь языком, на котором они могут изъясняться во всех краях и областях Союза. Этот язык — русский»[1160]. Вряд ли эта причина была для Сталина главной и уж во всяком случае — не единственной. Взятый курс на централизацию управления, формирование общесоюзной экономики, «рынка» труда, общегосударственной идеологии настоятельно требовал средства коммуникации, которым объективно мог являться только русский язык. Строительство армии было самым простым, ясным и не требовавшим дополнительных обоснований аргументом, поскольку «военная опасность» к этому времени вошла в плоть и кровь советской повседневности. Вслед за политической установкой последовали и организационные решения. Оргбюро ЦК в январе 1938 г. приняло постановление «О ликвидации национальных школ и национальных отделений в школах», в котором говорилось: «Практика насаждения особых национальных школ наносила огромный вред делу правильного обучения и воспитания, отгораживала детей от советской жизни, лишала возможности приобщения к советской культуре и науке, преграждала путь к дальнейшему получению образования в техникумах и высших учебных заведениях». Реорганизация проводилась путем перевода таких школ на учебные планы и программы советских школ обычного типа «с преподаванием или на

языке соответствующей республики, или на русском...»[1161] 13 марта Политбюро утвердило представленный комиссией секретаря ЦК А.А. Жданова проект постановления «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». Неудовлетворительную постановку дела с преподаванием русского языка Политбюро объяснило подрывной работой «контрреволюционных троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических элементов». Единственную, в сталинском понимании, причину для введения обязательного изучения русского языка авторы постановления поставили лишь на третье место. Во-первых, в условиях многонационального государства «знание русского языка должно явиться мощным средством связи и общения между народами... способствующими их дальнейшему хозяйственному и культурному росту»; во-вторых, знание русского языка «способствует усовершенствованию национальных кадров в области научных и технических познаний». Постановление предписало ввести преподавание русского языка как предмета изучения в школах национальных республик и областей с 1 сентября 1938 г., «предложив ЦК нацкомпартий и СНК республик обеспечить издание соответствующих законов»[1162]. Наряду с другими членами Политбюро Сталин поставил согласующую визу на сопроводительном письме секретаря ЦК А.А. Жданова к проекту соответствующего постановления[1163]. Через несколько дней решением Оргбюро были ликвидированы национальные педучилища и институты [1164].



Преобразовать 91

Пр. 77 № 9

Рассекречено

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б)

Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей.

и СНК Союза ССР

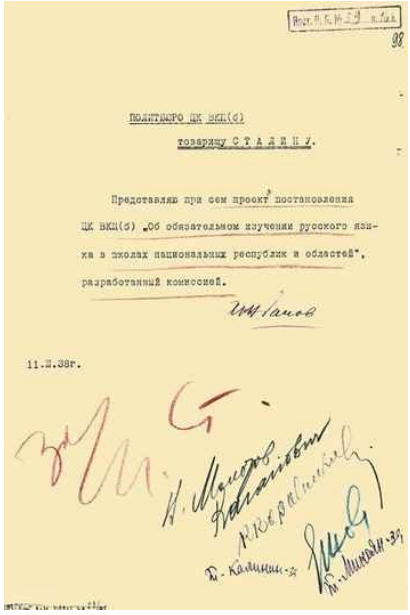
Центральный Комитет ВКП(б) устанавливает, что преподавание русского языка в школах национальных республик и областей поставлено неудовлетворительно. Одной из основных причин такого положения в деле изучения русского языка является подрывная работа контрреволюционных троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических элементов, пролезших в отдельные звенья партийного, советского аппарата и в органы народного образования, направленная к тому, чтобы сорвать проведение ленинско-сталинской национальной политики и подорвать братское единство народов СССР с ~~[illegible]~~ русским народом.

Необходимость преподавания русского языка, как предмета изучения в школах национальных республик и областей, диктуется тремя основными мотивами:

Во-первых, в условиях многонационального государства, каковым является СССР, знание русского языка должно явиться мощным средством связи и общения между народами СССР, способствующим их дальнейшему хозяйственному и культурному росту.

Во-вторых, овладение русским языком способствует дальнейшему усовершенствованию национальных кадров в области научных и технических познаний.

В-третьих, знание русского языка обеспечивает необходимые условия для успешного несения всеми гражданами СССР воинской службы в рядах Рабоче-крестьянской красной армии и военно-морского флота.



98

ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б)

товарищу С Т А Л И Н У.

Представляю при сем проект постановления ЦК ВКП(б) „Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей", разработанный комиссией.

Жданов

11.III.38г.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» с сопроводительной запиской А.А. Жданова И.В. Сталину

11, 13 марта 1938

Подписи — автографы И.В. Сталина, В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, К.Е. Ворошилова. Н.И. Ежова

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1187. Л. 91, 98]

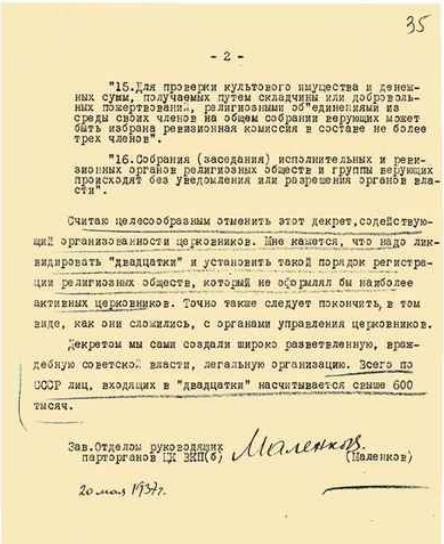
В эти же годы произошел крутой поворот в развитии национальных письменностей. В 1920-е гг. большевистское руководство санкционировало перевод письменностей большинства национальных меньшинств на латиницу как относительно несложную графическую систему (особенно по сравнению с арабской графикой, имевшей распространение в районах с мусульманской традицией). Это был важный аспект, способствовавший общему успеху политики ликвидации неграмотности. Сыграло свою роль, вероятно, и ожидание неизбежной мировой революции. Новые политические установки потребовали модификации курса и замену латиницы на кириллицу. К 1937 г. новые алфавиты были созданы для 89 народов[1165]. Во второй половине 1930-х гг. Политбюро принимало многочисленные частные решения по переводу десятков языков нацменьшинств на кириллический алфавит, что отражало интенсификацию общего курса на внутрисоюзную интернационализацию[1166]. Общесоюзный масштаб затеянных преобразований породил потребности в межнациональных коммуникациях значительно в большем объеме, чем раньше, поэтому языком коммуникации в широком смысле становился русский.

«Покончить… с органами управления церковников»

В рамках культурной революции в этот период параллельно с масштабным строительством домов отдыха, созданием музеев и парков усиливается агрессивная антирелигиозная кампания, сопровождавшаяся массовым закрытием церквей, репрессиями в отношении священнослужителей и верующих. Под угрозой полного уничтожения Церкви фактический управляющий Русской православной церковью заместитель местоблюстителя Патриаршего престола митрополит Сергий (Страгородский) выбрал компромисс с властью, подписав в июле 1927 г. вместе с восемью членами Временного патриаршего Священного синода известную декларацию. Церковь в обмен на лояльность по отношению к советскому режиму была формально юридически легализована. 21 октября того же года Сергий издал указ о поминовении властей и об отмене поминовения епархиальных архиереев, находящихся в ссылке. Все это, однако, не остановило наступления государства на свободу совести. В начале 1929 г. по итогам заседания Оргбюро ЦК, состоявшегося в декабре 1928 г., на места был разослан циркуляр ЦК «О мерах по усилению антирелигиозной работы». В апреле постановление СНК РСФСР и Президиума ВЦИК была введена обязательная регистрация религиозных объединений и их членов. В мае были внесены поправки в Конституцию РСФСР, согласно которым вместо ранее существовавшей «свободы религиозной пропаганды» государство было готово обеспечивать «свободу религиозных исповеданий», что ограничивало права верующих на пропаганду своих взглядов. Директива ЦК ВКП(б) от 5 июня 1929 г. «О тактичном подходе в деле закрытия церквей» не означала пересмотра принципов государственной конфессиональной политики. В июне Союз безбожников, переименованный в Союз воинствующих безбожников, объявил очередной поход на религию, а в 1932 г. и так называемую безбожную пятилетку[1167]. По распоряжению сталинского руководства были взорваны сотни церквей в Москве и других городах России, в том числе храм Христа Спасителя с целью строительства на его месте Дворца Советов.

К концу 1930-х гг. антирелигиозная борьба стала затухать. «Антирелигиозная пропаганда за последние годы почти прекратилась», — констатирует докладная записка отдела культурно-просветительской работы ЦК, направленная в адрес секретаря ЦК А.А. Андреева в феврале 1937 г., то есть в тот самый момент, когда Сталин запустил маховик массовых репрессий[1168]. Решение вопроса взяло на себя Оргбюро и постановило создать комиссию, разработать закрытое письмо к местным парторганизациям. Видимо, стремясь опередить

события, завотделом руководящих партийных органов Г.М. Маленков в мае 1937 г. обратился к Сталину с инициативной запиской об отношении к религиозным организациям. Ни много, ни мало, он предложил отменить декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г., который, по мнению молодого аппаратчика, создавал «организационную основу для оформления наиболее активной части церковников и сектантов». Маленков предложил «покончить... с органами управления церковников». Определил он и численность этой социальной группы — 600 тыс. чел. Сталин, благоволивший к Маленкову, к этому предложению, однако, отнесся прохладно. Он наложил не содержавшую поручений резолюцию: «Членам ПБ для ознакомления» [1169].



35

- 2 -

"15.Для проверки культового имущества и денежных сумм, получаемых путем складчины или добровольных пожертвований, религиозными об"единениями из среды своих членов на общем собрании верующих может быть избрана ревизионная комиссия в составе не более трех членов".

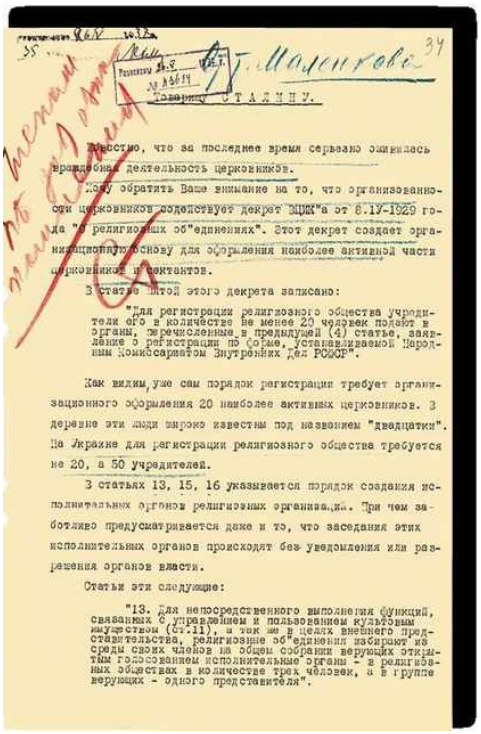
"16.Собрания (заседания) исполнительных и ревизионных органов религиозных обществ и группы верующих происходят без уведомления или разрешения органов власти".

Считаю целесообразным отменить этот декрет,содействующий организованности церковников. Мне кажется, что надо ликвидировать "двадцатки" и установить такой порядок регистрации религиозных обществ, который не оформлял бы наиболее активных церковников. Точно также следует покончить, в том виде, как они сложились, с органами управления церковников.

Декретом мы сами создали широко разветвленную, враждебную советской власти, легальную организацию. Всего по СССР лиц, входящих в "двадцатки" насчитывается свыше 600 тысяч.

Зав.Отделом руководящих парторганов ЦК ВКП(б) Маленков (Маленков)

20 мая 1937г.



Г. Маленков

ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ.

Известно, что за последнее время серьезно оживилась враждебная деятельность церковников.

Хочу обратить Ваше внимание на то, что организованности церковников содействует декрет ВЦИК"а от 8.IV-1929 года "О религиозных об"единениях". Этот декрет создает организационную основу для сборления наиболее активной части церковников и сектантов.

В статье шестой этого декрета записано:

"Для регистрации религиозного общества учредители его в количестве не менее 20 человек подают в органы, перечисленные в предыдущей (4) статье, заявление о регистрации по форме, устанавливаемой Народным Комиссариатом Внутренних дел РСФСР".

Как видим, уже сам порядок регистрации требует организационного сборления 20 наиболее активных церковников. В деревне эти люди широко известны под названием "двадцатки". На Украине для регистрации религиозного общества требуется не 20, а 50 учредителей.

В статьях 13, 15, 16 указывается порядок создания исполнительных органов религиозных организаций. При чем заботливо предусматривается даже и то, что заседания этих исполнительных органов происходят без уведомления или разрешения органов власти.

Статьи эти следующие:

"13. Для непосредственного выполнения функций, связанных с управлением и пользованием культовым имуществом (ст.11), а так же в целях внешнего представительства, религиозные об"единения избирают из среды своих членов на общем собрании верующих открытым голосованием исполнительные органы - в религиозных обществах в количестве трех человек, а в группе верующих - одного представителя".

Докладная записка Г.М. Маленкова И.В. Сталину об отношении к религиозным организациям с предложением отменить постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» 20 мая 1937

Резолюция — автограф И.В. Сталина

[РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 5. Л. 34–35]

Очевидное скептическое отношение Сталина предотвратило еще один виток массовых репрессий, которым грозили обернуться инициативы Маленкова и отдела культурно-просветительской работы ЦК[1170]. Сталин, вероятно, счел нецелесообразным без особой нужды начинать еще одну массовую операцию, открывать еще один фронт «классовой борьбы». Но удар, пусть и не такой массированный, по этой социальной группе был нанесен, но без прямого участия партаппаратчиков. В начале 1938 г. Сталин получил от наркома внутренних дел Ежова спецсообщение, в котором содержалась информация о том, что «в связи с ростом контрреволюционной активности церковников и сектантов, нами, в последнее время, по этим элементам нанесен значительный оперативный удар. Всего в августе — ноябре 1937 г. арестовано 31 359 церковников и сектантов», включая 166 митрополитов и епископов. «Из этого количества, — не без гордости сообщал «железный нарком», — осуждено к ВМН… 13 671… В результате… почти полностью ликвидирован епископат православной церкви, что в значительной степени ослабило и дезорганизовало церковь… Вдвое сократилось количество попов и проповедников, что

также должно способствовать дальнейшему разложению церкви...»[1171] Крупнейшая религиозная организация страны — Русская православная церковь была, таким образом, физически разгромлена, а из восьми подписавших упоминавшуюся ранее декларацию архиереев до Архиерейского собора в сентябре 1943 г. дожили лишь трое, остальные погибли в ходе развернувшихся репрессий.

Георгий Максимилианович Маленков
Конец 1920-х — начало 1930-х
[РГАСПИ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 486. Л. 1]

Затухание антирелигиозной борьбы к концу 1930-х гг. в общественно-политическом пространстве было, таким образом, с лихвой компенсировано прямыми репрессивными акциями. Этот фронт борьбы, несомненно, являлся важнейшей составляющей культурной революции Сталина. Разгром конфессиональных организаций не достиг главной цели, так как большинство населения страны по-прежнему продолжало считать себя верующими. В 1937 г. во время переписи населения СССР в опросном листе по предложению Сталина появился «Вопрос номер 5. Религия». Лиц, назвавших себя верующими (в возрасте от 16 лет и старше), в стране оказалось больше, чем неверующих: 55,3 млн чел. (56,7 %) против 42,2 млн (43,3 %)[1172]. И это в условиях разнузданной антирелигиозной пропаганды и прямого репрессивного давления на клир и верующих. Этот итог стал одной из причин пересмотра Сталиным отношения к религии и его решения восстановить патриаршество, которое будет принято под давлением обстоятельств в годы Великой Отечественной войны.

«Линия партии победила». Идеологическое наступление и ресурсы мобилизации

Сталин на протяжении практически всей своей политической биографии особое внимание уделял идеологической сфере, трансформация которой была неотъемлемой частью сталинской культурной революции. Как и все большевистское руководство, Сталин-политик сформировался на идее о невозможности самостоятельной выработки угнетенными классами, прежде всего пролетариатом, собственной идеологии. Из этой констатации проистекала мысль о необходимости привнесения в сознание класса передовой теории, выработанной партийными идеологами. Агитация и пропаганда являлись несущими конструкциями советской мобилизационной модели социально-экономического развития.

Советская пропаганда нацеливала советский социум на построение социалистического отечества. «Теперь, — говорил Сталин, — когда мы свергли капитализм, а власть у нас рабочая, — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость». Отстаивать независимость социалистического отечества означало «в кратчайший срок ликвидировать его отсталость и развить настоящие большевистские темпы в деле строительства его социалистического хозяйства»[1173].

Возвращение в советское общественное сознание понятия «отечество» являлось прямой заслугой Сталина, отказавшегося от гипертрофированного интернационализма в установках большевистской партии первых лет советской власти. И произошло это значительно раньше, чем обычно принято считать.

Исполнение принятых решений о форсированных темпах индустриализации и коллективизации оказалось связанным с необходимостью мобилизации и аппарата управления, и общества в целом на решение поставленных задач. Ведь бесклассовое социалистическое общество не может, по мнению Сталина, возникнуть стихийно, «в порядке, так сказать, самотека»[1174]. Недостаточно провозгласить правильную линию, ведь «победа никогда не приходит сама, — ее обычно притаскивают». «После того, как дана правильная линия... успех дела зависит от организационной работы, от организации борьбы за проведение в жизнь линии партии, от правильного подбора людей, от проверки исполнения решений руководящих органов»[1175]. В письме Кагановичу от 19 сентября 1931 г. Сталин ясно дал понять, какими именно способами следует добиваться исполнительской дисциплины. Он поставил задачу разгромить «шайку самовлюбленных и самодовольных бюрократов» в управлении железнодорожным транспортом, «по-меньшевистски издевающихся

над постановлениями ЦК и сеющих кругом разлагающий скептицизм»[1176]. Не приходится сомневаться, что на практике дело не ограничилось бюрократами на железнодорожном транспорте.

С 1928 г. в жизнь страны войдут так называемые кампании самокритики. Первую из них открыло обращение ЦК партии, опубликованное в июне 1928 г. в газете «Правда». Самокритика была определена как ответ на зло, которое представляют собой бюрократизм, обостряющееся сопротивление кулаков, саботаж старых специалистов и т. д. В июне «Правда» опубликовала статью Сталина «Против опошления лозунга самокритики», в ней говорилось: «Нам нужна не всякая самокритика. Нам нужна такая самокритика, которая подымает культурность рабочего класса, развивает его боевой дух, укрепляет его веру в победу, умножает его силы». Сталин призывал бороться всеми силами, всеми средствами с той самокритикой, которая ведет «к разрушению партии, к развенчанию Советской власти, к ослаблению нашего строительства, к разложению хозяйственных кадров, к разоружению рабочего класса, к болтовне о перерождении». Высказался Сталин и против «критики для критики», превращающей «критику в спорт, бьющей на сенсацию», против травли хозяйственников, дискредитации их в глазах рабочего класса. Но при этом Сталин четко обозначил свою позицию, основанную на стимулировании низовой инициативы по выявлению и донесению негативной информации до проверяющих инстанций. «Мы не должны, — сказал Сталин, — пренебрегать даже такой критикой, которая является правильной лишь на 5–10 процентов»[1177]. Созданное в 1928 г. Центральное бюро жалоб с его многочисленной сетью по всей стране стало инструментом сбора властями «сигналов» с мест, доносов, содержавших разнообразную негативную информацию. Весь этот информационный поток подвергался анализу, по итогам которого принимались решения административного и репрессивного характера[1178].

Мобилизация общества в целом осуществлялась, однако, не только репрессивными методами. Чтобы обеспечить проведение в жизнь политических лозунгов, следовало, по мнению партийного руководства, вовлечь массы в эту борьбу, мобилизовать партийные ряды на решение задач, очистить партию от ненадежных, неустойчивых, «переродившихся» элементов. Таким образом, на первый план вышли идеологические кампании как инструмент социальной мобилизации. В прямой связи с задачами первой пятилетки в марте 1929 г. после публикации в газете «Правда» началась массовая кампания по организации социалистического соревнования[1179], в апреле был подписан первый коллективный договор.

В центр общественного внимания пропаганда поместила стройки Магнитки, Днепрогэса, Уралмаша и т. д., имена передовиков социалистической индустрии и коллективизированного сельского

хозяйства, таких как А.Г. Стаханов, Н.А. Изотов, П.Н. Ангелина и другие ударники коммунистического труда. Именно такого рода герои, которых найдут и представят обществу во всех сферах его жизни, стали олицетворять новое социалистическое отечество, побуждать своим примером к действию всех остальных во имя его блага.

* * *

К этому времени уже вполне завершилось сращивание в общественном сознании сфер идеологии и культуры. Это ясно видно, например, из текста письма к Сталину членов творческого объединения «Пролетарский Театр», которые отнесли к «области различных идеологических производств», в частности, «область художественной литературы и театра»[1180]. Одной из стратегических целей модернизации советским руководством была объявлена культурная революция как необходимое условие строительства социалистического общества. Не откроем никакой тайны, сказав, что отношение к культуре в среде большевиков было сугубо утилитарным. Традиционная культура в 1920-е гг. стала объектом подавления, во всех сегментах духовной жизни шли поиски особой пролетарской культуры, так как культура, по мысли большевиков, — инструмент строительства нового мира. Ленин зафиксировал этот подход, определив его как принцип «партийности» культуры, который при Сталине станет всеобщим. Однако понимание Сталиным этого принципа не было столь примитивным, как это чаще всего принято себе представлять, а его реализация на практике не сводилась исключительно к гонениям и запретам. В своем известном письме от 1 февраля 1929 г., адресованном драматургу В.Н. Билль-Белоцерковскому, Сталин сказал: «Легко «критиковать» и требовать запрета в отношении непролетарской литературы. Но самое легкое не есть самое хорошее. Дело не в запрете, а в том, чтобы шаг за шагом выживать со сцены старую и новую непролетарскую макулатуру в порядке соревнования, путем создания могущих ее заменить настоящих, интересных, художественных пьес пролетарского характера. А соревнование — дело большое и серьезное, ибо только в обстановке соревнования можно будет добиться формирования и кристаллизации нашей пролетарской художественной литературы»[1181].

Сталин существенно скорректировал еще один известный ленинский «постулат», уподоблявший буржуазных «интеллигентиков, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации» отходам жизнедеятельности общества: «На деле это не мозг, а г…» Таким ««талантам» не грех, — считал Ленин, — посидеть недели в тюрьме, если это надо сделать для предупреждения заговоров». ««Интеллектуальным силам», желающим нести науку народу (а не

прислужничать капиталу), мы платим жалованье выше среднего», — писал Ленин Горькому в письме от 15 сентября 1919 г.[1182] Вероятно, Сталин думал или так же, или близко к тому, но его практическая политика свидетельствовала о некоторой трансформации этого подхода. Сталин, конечно, масштабирует заявленные Лениным рамки наказаний и поощрений. Но, кроме того, творческая интеллигенция в его понимании, в том числе и «буржуазная», при правильном использовании становится одним из важных приводных ремней от правящей верхушки к обществу, одним из важных инструментов социальной мобилизации и переустройства общества.

Советское руководство начало внедрять принцип партийности, принуждать тем или иным способом — «кнутом и пряником» — творческую интеллигенцию принимать партийные установки и руководствоваться ими в своем творчестве, которое было призвано художественными средствами легитимизировать существующий политический режим и его идеологические установки, способствовать укоренению его в массовом сознании как наиболее справедливого, отвечающего запросам населения Советского Союза. Не забудем и о том, что пафос строительства нового справедливого общества сам по себе заключал в себе огромную притягательную силу для одних участников творческих процессов в стране, а для других таким магнитом являлось осознание тектонических масштабов тех процессов, свидетелями и участниками которых они стали. Сталин для многих стал персонификацией исторического слома, объектом восхищения, а в некоторых случаях и обожания. «Горячо Вас любящий и преданный Вам», — так 5 декабря 1935 г. подписал свое письмо, адресованное Сталину, Борис Пастернак[1183]. Михаил Булгаков, заканчивая свое письмо к Сталину от 30 мая 1931 г., написал: «Хочу сказать Вам, Иосиф Виссарионович, что писательское мое мечтание заключается в том, чтобы быть вызванным лично к Вам»[1184].

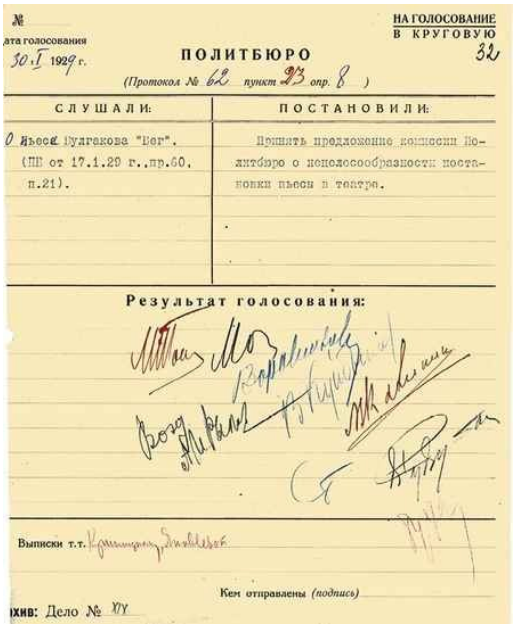
Говоря о содержания культурной и образовательной политики, нельзя не отметить того очевидного факта, что Сталин был прямо и непосредственно лично погружен в обсуждение и решение всех сколько-нибудь значимых вопросов в этой сфере. Придавая огромное значение социально-культурной трансформации советского социума и запустив этот процесс, он считал необходимым знакомиться с творчеством крупнейших деятелей всех «отраслей» советского искусства, с очень многими из них состоял в переписке, проводил коллективные и индивидуальные встречи и беседы с деятелями культуры, посещал театральные представления. Он анализирует эти произведения, делает выводы, на основе которых стремится оказать влияние на авторов в нужном направлении. Избегая высказываться по вопросам «технологии» искусства, он считал своей обязанностью прямо говорить о социальном значении тех или иных произведений искусства. Художественность того или иного произведения для него оказывалась

часто выше примитивно понятого принципа партийности. Даже признав творчество того или иного деятеля искусства «явлением антисоветского порядка», Сталин заявлял, что «из этого, конечно, не следует, что сам [NN] не может исправиться, что он не может освободиться от своих ошибок, что его нужно преследовать и травить даже тогда, когда он готов распроститься со своими ошибками, что его надо заставить таким образом уйти за границу»[1185]. Использовать в своих интересах антисоветски настроенного деятеля культуры или так называемого попутчика было, по мнению Сталина, вполне целесообразно. В июне 1934 г. Е.И. Замятин, известный своими антисоветскими по существу произведениями, пришлет из Парижа заявление с просьбой принять его в члены Союза советских писателей. «Заявление Замятина, — как сообщит Сталину секретарь оргкомитета Союза П.Ф. Юдин, — вызвало сильную поддержку и удовлетворенность этим поступком у беспартийных писателей». Юдин запросит указаний Сталина, «поскольку прием Замятина в члены Союза связан с вопросами, выходящими за пределы Союза писателей». Сталин наложит резолюцию: «Предлагаю удовлетворить просьбу Замятина»[1186]. В декабре 1935 г. он напишет письмо секретарю Союза советских писателей В.П. Ставскому, в котором порекомендует обратить внимание на писателя Л.Н. Соболева: «Он, бесспорно, крупный талант (судя по его книге «Капитальный ремонт»). Он, как видно из его письма, капризен и неровен (не признает «оглобли»). Но эти свойства, по-моему, присущи всем крупным литературным талантам… Не надо обязывать его написать вторую книгу «Капитального ремонта»… Не надо обязывать его написать о колхозах или Магнитогорске. Нельзя писать о таких вещах по обязанности. Пусть пишет, что хочет и когда хочет. Словом, дайте ему перебеситься… И поберегите его»[1187].

Михаил Афанасьевич Булгаков
1920-е

[Из открытых источников]

Ярким примером «работы» с попутчиками стала история жизни одного из ярчайших «советских» писателей Михаила Булгакова. Вопросы о возможности постановок его пьес «Дни Турбиных» и «Бег» не раз рассматривало Политбюро. Феномен Булгакова надолго привлечет к себе внимание Сталина, во многом благодаря которому Политбюро в сентябре 1926 г. «окончательно» разрешит постановку «Дней Турбиных» на большой сцене[1188].



№ НА ГОЛОСОВАНИЕ В КРУГОВУЮ

Дата голосования 30.I 1929 г.

ПОЛИТБЮРО 32

(Протокол № 62 пункт 23 опр. 8)

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
О пьесе Булгакова "Бег". (ПБ от 17.1.29 г.,пр.60, п.21).	Принять предложение комиссии Политбюро о нецелесообразности постановки пьесы в театре.

Результат голосования:

Выписки т.т.

Кем отправлены (подпись)

Архив: Дело № XIV

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о нецелесообразности постановки пьесы М. Булгакова «Бег»

30 января 1929

Подписи — автографы М.П. Томского, В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова, А.И. Рыкова, В.В. Куйбышева, М.И. Калинина, И.В. Сталина, Я.Э. Рудзутака, Н.И. Бухарина

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 767. Л. 32]

Разбору достоинств и недостатков его «антисоветских» пьес Сталин посвятит значительную часть цитировавшегося уже письма к В.Н. Билль-Белоцерковскому. «Почему так ставят на сцене пьесы Булгакова, — задаст вопрос Сталин. — Потому, должно быть, что своих пьес, годных для постановки, не хватает. На безрыбье даже «Дни Турбиных» — рыба… что касается собственно пьесы «Дни Турбиных», то она не так

уж плоха, ибо она дает больше пользы, чем вреда. Не забудьте, что основное впечатление, остающееся у зрителя от этой пьесы, есть впечатление, благоприятное для большевиков: «если даже такие люди, как Турбины, вынуждены сложить оружие и покориться воле народа, признав свое дело окончательно проигранным, — значит, большевики непобедимы, с ними, с большевиками, ничего не поделаешь». «Дни Турбиных» есть демонстрация всесокрушающей силы большевизма»[1189]. В отношении Булгакова по сталинскому «недосмотру» «наша пресса заняла неправильную позицию, — так сигнализировал в Политбюро секретарь ЦК А.П. Смирнов в августе 1929 г. — Вместо линии на привлечение его и исправление — практиковалась только травля...»[1190] Доведенный до отчаяния, Булгаков в марте 1930 г. написал письмо-обращение «Правительству СССР». Впечатленный Сталин 18 апреля позвонил Булгакову. «Мы ваше письмо получили. Читали с товарищами, — сообщил писателю главный ценитель писательских талантов в СССР и пообещал: вы будете по нему благоприятный ответ иметь...»[1191] Сталин решил поправить «булгаковедов» и сделал в апреле 1930 г. на Политбюро сообщение «О г[ражданине] Булгакове»[1192]. В результате «зеленую» улицу Булгакову не откроют, но и умереть с голоду не дадут. По предложению Сталина он подал заявление о приеме на работу во МХАТ, куда и был принят в качестве режиссера-ассистента. В 1931 г. за Булгакова начал хлопотать перед Сталиным Горький, который в письме от 12 ноября 1931 г. писал: «Булгаков мне «не брат и не сват», защищать его я не имею ни малейшей охоты. Но он — талантливый литератор, а таких у нас — не очень много. Нет смысла делать из них «мучеников за идею». Врага надобно уничтожить или перевоспитать. В данном случае я за то, чтоб перевоспитать. Это легко. Жалобы Булгакова сводятся к простому мотиву: жить нечем...» Думается, и без заступничества Горького в планы Сталина не входило уничтожение Булгакова. В 1934 г. он даже был принят в члены Союза писателей СССР. Однако его выдающаяся пьеса «Кабала святош» («Мольер») в феврале 1936 г. подверглась разгрому в «Правде» как «фальшивая, реакционная и негодная». В 1939 г. попытку Булгакова обратить на себя внимание пьесой «Батум», посвященной Сталину, тот отверг, сочтя постановку пьесы неуместной.

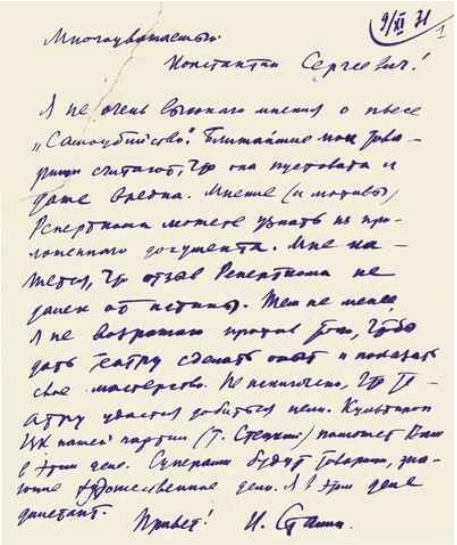
Похожим образом выстраивалась политика и в отношении учреждений культуры. Оценивавшийся Сталиным как «буржуазный», московский Камерный театр, постановки которого не раз снимались с репертуара, тем не менее отпраздновал свой двадцатилетний юбилей по специальному постановлению Политбюро от 26 ноября 1934 г., а его создатель и художественный руководитель А.Я. Таиров получил звание народного артиста республики[1193].

Подобный подход, однако, не исключал и акций устрашения этого социального слоя, которому служили выборочные репрессивные акции, имевшие место во всех сферах культуры или «идеологических

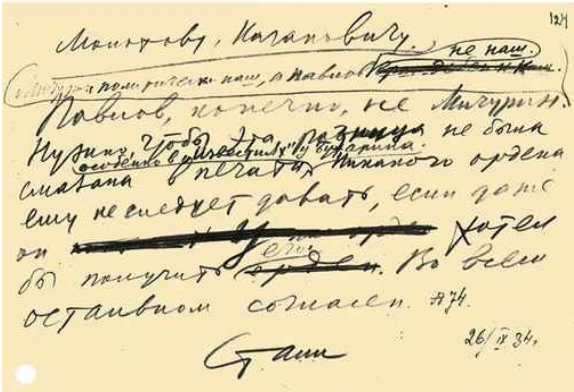
производств». Придет время и в эпоху борьбы с космополитизмом в августе 1950-го Камерный театр, сыгравший отведенную ему роль выставочной витрины, прекратит свое существование. Таиров избежал страшной судьбы еще одного народного артиста республики — В.Э. Мейерхольда, театр которого (ГОСТИМ) был закрыт приказом Комитета по делам искусств при СНК СССР в соответствии с постановлением Политбюро от 7 января 1938 г. «как чуждый советскому искусству»[1194], а сам он расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда 2 февраля 1940 г. Расстрел по списку из 346 человек 16 января 1940 г. санкционировали, как тогда было заведено, члены Политбюро во главе со Сталиным[1195].

Судя по всему, «политика» в отношении тех или иных «творцов» не была вполне последовательной, испытывала колебания личных пристрастий не только Сталина, но и тех членов сталинского окружения, которым вождь доверял участие в тех или иных комиссиях, призванных решать вопросы руководства творческими организациями. Вполне ясно эту особенность иллюстрирует растерянное высказывание Горького в письме к секретарю ЦК Андрееву, которое он позволил себе в письме от 8 декабря 1935 г.: «Отношение к литераторам очень пестрое. Существует «меценатство», и весьма часто литератор ценится не по заслугам его, а по симпатии… [Пильняку прощается рассказ о смерти т. Фрунзе — рассказ, утверждающий, что операция была не нужна и сделали ее по настоянию ЦК. Прощается ему, Пильняку, «Красное дерево» и многое другое скандальное. Фактов такого рода — немало…] Это, разумеется, создает в среде литераторов рассуждения и настроения дрянные»[1196]. Подумав, Горький вычеркнет из письма пассаж, направленный против Пильняка, что никак не влияло на сделанный им общий вывод о распространенности в среде власть предержащих вкусовщины.

Упомянув о загранице, мы, конечно, должны отметить смену вектора устремлений власти в отношении творческой интеллигенции. Сталин, как мы помним, был активным исполнителем инициированной Лениным принудительной высылки за границу в 1922 г. видных представителей творческой интеллигенции. Теперь Сталин отказался от этой практики — выдавливать оппонентов советской власти из этой среды за границу. Наоборот, он станет ограничивать эти выезды, лично принимая во многих случаях персональные решения и в отношении личных поездок, и зарубежных гастролей театральных трупп, и участии советских писателей, артистов и ученых в международных форумах. В большинстве случаев именно Политбюро рассматривало на своих заседаниях подобные вопросы.



Записка И.В. Сталина К.С. Станиславскому о пьесе Н.Р. Эрдмана «Самоубийца»
9 ноября 1931
Автограф И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5374. Л. 1]



Письмо И.В. Сталина В.М. Молотову и Л.М. Кагановичу о 85-летии академика И.П. Павлова
26 сентября 1934
Автограф И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 85. Л. 124]

Выстраивая отношения с деятелями культуры, Сталин использовал разнообразные методы. Внешние формы общения часто были комплиментарными, подчеркнуто демократическими, показывающими его самого как заинтересованного «дилетанта». Именно так определил

себя Сталин, отвечая К.С. Станиславскому на вопрос о возможности постановки во МХАТе пьесы Н.Р. Эрдмана «Самоубийца»[1197].

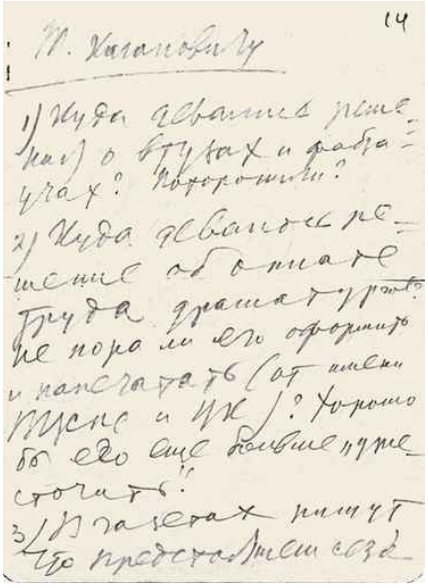
Демонстрируя готовность использовать самый широкий арсенал средств в деле направления творческой активности в нужное русло, Сталин не забывал, как мы видели, и о главном инструменте убеждения своей эпохи — принуждении. Уже к концу 1920-х гг. была сформирована система контроля за поведением деятелей культуры и науки, в структуре центрального аппарата ОГПУ функционировал целый ряд специальных подразделений, занимавшихся контролем цензурного режима, осуществлявших перлюстрацию корреспонденции, собиравших агентурные данные и занимавшихся организацией сети осведомителей в этой среде[1198]. Сталин регулярно получал спецсообщения о настроениях и разговорах в среде творческой интеллигенции.

Под подозрение Сталина подпадал целый ряд деятелей культуры и науки, лояльность которых по отношению к советской власти вызывала у него сомнение. Среди них был уже имевший мировую известность кинорежиссер С.М. Эйзенштейн[1199]. Будущему нобелевскому лауреату П.Л. Капице запретят выезд в Англию[1200]. Об академике И.П. Павлове, в преддверии его 85-летия, Сталин сказал так: «…политически… не наш… Никакого ордена ему не следует давать»[1201].

Другие деятели культуры, как, например, В.Э. Мейерхольд, О.Э. Мандельштам, И.Э. Бабель и многие другие, погибнут в годы Большого террора. Цели социальной мобилизации достигались в том числе репрессиями разного рода в отношении представителей творческой элиты. Гражданская война для Сталина продолжалась и в сфере культуры, тесно смыкавшейся со сферой идеологии.

Важнейшим инструментом влияния на состояние общественного сознания была для Сталина литература. Задачей советских писателей — «инженеров человеческих душ» — являлось воплощение художественными средствами концепций общественного развития, представленных в политических решениях, исторических и теоретических трудах партийного руководства. В начале февраля 1929 г. в письме В.Н. Билль-Белоцерковскому Сталин дал точные рекомендации писательскому сообществу: «Вернее всего было бы оперировать в художественной литературе понятиями классового порядка, или даже понятиями «советское», «антисоветское», «революционное», «антиреволюционное» и т. д.»[1202]. Тогда же, в феврале, Сталин направил «Письмо писателям-коммунистам из РАППа». В нем, уподобив Российскую ассоциацию пролетарских писателей (РАПП) военачальнику, он дал рекомендации, «как правильно построить литературный фронт», чтобы получился «выигрыш войны с «классовым врагом»»[1203]. В декабре того же года «Правда» в своей редакционной статье обозначила цель «идти вперед к разрешению огромных задач, стоящих перед партией на литературном фронте»[1204]. В полном

соответствии со сталинской концепцией обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму литературные критики, сосредоточившиеся вокруг РАППа, также настаивали на резком обострении классовой борьбы в литературе, обвинив целый ряд советских писателей в сдвиге вправо, в работе «на нашего классового врага».

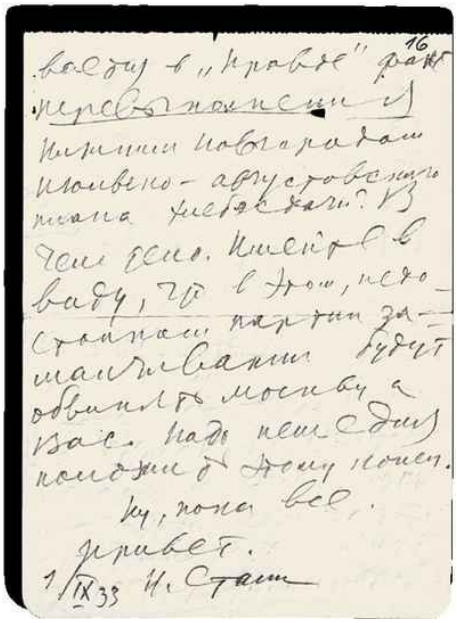

14

Т. Кагановичу

1) Куда девались решения о втузах и фабзавучах? Поторопили?

2) Куда девались решение об оплате труда драматургов? Не пора ли его оформить и напечатать (от имени ВЦСПС и ЦК)? Хорошо бы его еще больше „уже сточить".

3) В газетах пишут что представители сезо-


16

ваеду в „Правде" факт перевыполнения Нижним Новгородом июльско-августовского плана хлебосдачи? В чем дело. Имейте в виду, что в этом, недостойном партии заманчивании будут обвинять Москву и Вас. Надо немедля положить этому конец.

Ну, пока все.

Привет.

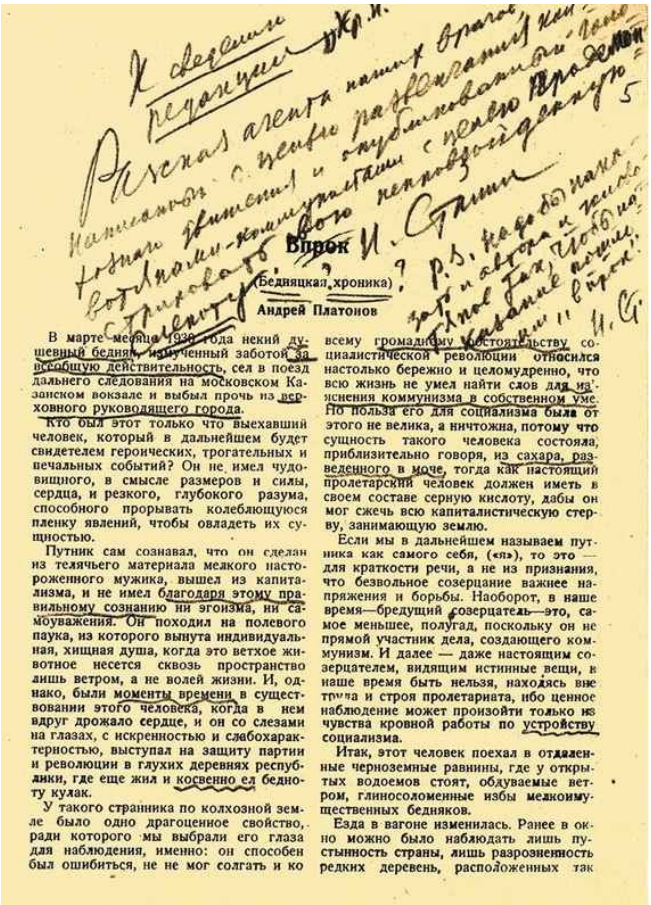
1/IX 33 И. Стали

Письмо И.В. Сталина Л.М. Кагановичу о втузах, оплате труда драматургов, запрете постановки пьесы А.Н. Афиногенова «Ложь» и газетной публикации о перевыполнении плана хлебосдачи в Нижнем Новгороде

1 сентября 1933

Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 100. Л. 14–16]



Впрок

(Бедняцкая хроника)

Андрей Платонов

В марте месяце 1930 года некий душевный бедняк, измученный заботой за всеобщую действительность, сел в поезд дальнего следования на московском Казанском вокзале и выбыл прочь из верховного руководящего города.

Кто был этот только что выехавший человек, который в дальнейшем будет свидетелем героических, трогательных и печальных событий? Он не имел чудовищного, в смысле размеров и силы, сердца, и резкого, глубокого разума, способного прорывать колеблющуюся пленку явлений, чтобы овладеть их сущностью.

Путник сам сознавал, что он сделан из телячьего материала мелкого настороженного мужика, вышел из капитализма, и не имел благодаря этому правильному сознанию ни эгоизма, ни самоуважения. Он походил на полевого паука, из которого вынута индивидуальная, хищная душа, когда это ветхое животное несется сквозь пространство лишь ветром, а не волей жизни. И, однако, были моменты времени в существовании этого человека, когда в нем вдруг дрожало сердце, и он со слезами на глазах, с искренностью и слабохарактерностью, выступал на защиту партии и революции в глухих деревнях республики, где еще жил и косвенно ел бедноту кулак.

У такого странника по колхозной земле было одно драгоценное свойство, ради которого мы выбрали его глаза для наблюдения, именно: он способен был ошибиться, не не мог солгать и ко всему громадному достоятельству социалистической революции относился настолько бережно и целомудренно, что всю жизнь не умел найти слов для из'яснения коммунизма в собственном уме. Но польза его для социализма была от этого не велика, а ничтожна, потому что сущность такого человека состояла, приблизительно говоря, из сахара, разведенного в моче, тогда как настоящий пролетарский человек должен иметь в своем составе серную кислоту, дабы он мог сжечь всю капиталистическую стерву, занимающую землю.

Если мы в дальнейшем называем путника как самого себя, («я»), то это — для краткости речи, а не из признания, что безвольное созерцание важнее напряжения и борьбы. Наоборот, в наше время—бредущий созерцатель—это, самое меньшее, полугад, поскольку он не прямой участник дела, создающего коммунизм. И далее — даже настоящим созерцателем, видящим истинные вещи, в наше время быть нельзя, находясь вне труда и строя пролетариата, ибо ценное наблюдение может произойти только из чувства кровной работы по устройству социализма.

Итак, этот человек поехал в отдаленные черноземные равнины, где у открытых водоемов стоят, обдуваемые ветром, глиносоломенные избы межкоимущественных бедняков.

Езда в вагоне изменилась. Ранее в окно можно было наблюдать лишь пустынность страны, лишь разрозненность редких деревень, расположенных так

Записка И.В. Сталина в редакцию журнала «Красная новь» о повести А.А. Платонова «Впрок (Бедняцкая хроника)»

1 июня 1931

Рукописный текст — автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 201. Л. 5]

Сталин уделял немало внимания литературному процессу, знакомился с новинками литературы, оценивал степень их полезности с точки зрения развернувшегося «социалистического строительства». Так, он обменялся письмами с драматургом А.Н. Афиногеновым и прямо

порекомендовал Кагановичу «запретить к постановке» его пьесу «Ложь»: «Пусть не думает Афиногенов и кампания, что они могут не считаться с партией»[1205].

Эту же идею о том, что «хозяином в литературе, как и в других областях, является только ЦК и что они обязаны подчиняться последнему беспрекословно», Сталин повторил уже применительно к одной из статей столь важного для него Максима Горького, указав на необходимость изменений в ней[1206]. На повести А.А. Платонова, опубликованной летом 1931 г. в журнале «Красная новь», Сталин наложил резолюцию: «Рассказ агента наших врагов, написанный с целью развенчания колхозного движения и опубликованный головотяпами-коммунистами с целью продемонстрировать свою непревзойденную слепоту… надо бы наказать и автора, и головотяпов»[1207].

Сталин надолго сохранил за собой право на оценки наиболее значимых литературных произведений и их авторов. Сначала это происходило в форме неформального общения с литераторами. В начале 1930-х гг. Сталин провел несколько встреч с писателями. Тогда же литераторы попали в число тех, кого Политбюро в своих решениях регулярно отмечало правительственными наградами. В числе первых ордена Ленина был удостоен 16 сентября 1932 г. А.М. Горький. Совнарком начнет проводить конкурсы на лучшие пьесы, визировать решения по итогам которых станет Политбюро[1208]. Позднее, в феврале 1940 г., будет учреждена «Премия имени Сталина по литературе» (Сталинская премия)[1209].

Организация литературного процесса, поиск административных форм, призванных поставить под контроль литературное «производство» в масштабах страны, не затянулись надолго. В апреле 1932 г. ЦК ВКП(б) приняло постановление «О перестройке литературно-художественных организаций». В нем была сформулирована задача «объединить всех писателей, поддерживающих платформу советской власти… в единый союз советских писателей…»[1210] Сталин активно участвовал в процессе создания Союза писателей СССР и уделял пристальное внимание работе I съезда[1211]. Причем в упомянутом постановлении была поставлена задача «провести аналогичное изменение по линии других видов искусства». Откладывать в долгий ящик эту идею не стали, и вскоре после завершения работы I съезда советских писателей — 4 октября 1934 г. Политбюро приняло решение об организации Всесоюзного съезда советских архитекторов, который состоялся в июне 1937 г. под недреманым оком Политбюро[1212]. Одновременно с созданием Союза писателей СССР постановлением Политбюро был создан Литературный фонд СССР, как особая организация «помощи работникам литературы». Основной задачей Литфонда являлось «содействие членам Союза советских писателей СССР путем улучшения их культурно-бытового обслуживания и

материального положения»[1213]. Летом 1934 г. Политбюро «ввиду возрастающего значения художественной литературы в деле культурного подъема и социалистического воспитания масс» решило создать единое Государственное издательство художественной литературы. Одновременно тем же постановлением создавалось единое кооперативное издательство писателей, подчиненное оргкомитету Союза советских писателей [1214].

Ключевой фигурой литературного процесса для Сталина был «буревестник революции» Максим Горький. О взаимоотношениях Сталина и Горького, о той роли, которую взял на себя «великий пролетарский писатель» в отношении легитимации сталинского режима, в 1917–1918 гг. резко критиковавший большевистскую диктатуру, сказано и написано немало. Не воспроизводя весь богатый событийный ряд этих взаимоотношений, подчеркнем тот факт, что именно Сталин нормативно обеспечил Горькому формальный и неформальный статус «священной коровы» советской литературы. 15 декабря 1929 г. Политбюро приняло постановление «О выступлениях части сибирских литераторов и литературных организаций против Максима Горького». Докладчиком по этому вопросу в протоколе значился Сталин. Политбюро по итогам его сообщения сочло «грубо ошибочными и граничащими с хулиганством характеристику выступления М. Горького «как выступления изворотливого, маскирующегося врага»... и обвинения... в том, что он якобы «все чаще и чаще становится рупором и прикрытием для всей реакционной части советской литературы»». Сибирских литераторов предупредили о «грубых искривлениях литературно-политической линии партии». «Фракции ВКП(б) Сибирского Пролеткульта» объявили строгий выговор «за ее участие в вынесении резолюции с хулиганскими выпадами против Горького», были сделаны и персональные оргвыводы. Сибирскому крайкому предписали «усилить партийное руководство литературными организациями и обеспечить наряду с решительной борьбой против буржуазных течений в литературе исправление «левых» перегибов...»[1215] Разумеется, это постановление, как и имя его инициатора, компетентные исполнители довели до сведения Горького и тот направил Сталину благодарственное письмо. Попросив в нем «не наказывать ругателей», Горький сообщил, что «брань на вороту не виснет» и жить ему не мешает, что он самым высоким образом оценит то, «как партия столь решительно ставит деревню на рельсы коллективизма — социальная революция принимает подлинно социалистический характер». Переписка Сталина с Горьким, кстати, велась на протяжении ряда лет на постоянной основе[1216]. К этому времени Горький, проживавший за границей, по приглашению Сталина уже дважды посетил СССР — в 1928 и 1929 гг., причем в июне 1929-го вместе со своей семьей побывал в Соловецком лагере особого назначения и на строительстве Беломорско-Балтийского канала. По

итогам поездки он написал очерк «Соловки», в котором вполне комплиментарно отозвался об увиденной им картине перевоспитания узников Соловков, назвав советские лагеря системы ГУЛАГ «небывалым, фантастично удачным опытом перевоспитания общественно опасных людей».

И.В. Сталин и А.М. Горький
1930-е
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1653. Л. 1]

А.М. Горький и Г.Г. Ягода

1930-е
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1656. Л. 9]

Этим, вероятно, и объясняется «заступничество» Сталина, целенаправленно работавшего над возвращением всемирно известного писателя в Советский Союз. Сталин заботливо информировал Горького обо всех уголовно-политических процессах, проведенных на рубеже 1920–1930-х гг., добиваясь их одобрения со стороны своего адресата. Скоро придет, как выразился Горький в одном из писем к Сталину, «пора везти старые косточки на родину». На родину Горький будет собираться так долго, что за это время для него подготовят знаменитую «золотую клетку», так контрастировавшую с образом «пролетарского писателя». В мае 1933 г. Горький окончательно переехал в Советский Союз на постоянное место жительства, под которое ему отвели особняк на Малой Никитской улице в Москве, ранее принадлежавший фабриканту С.П. Рябушинскому, и бывшую усадьбу И.В. Морозова «Горки-10» в Одинцовском районе Московской области, а еще и «дачу» в Крыму. Не самым последним аргументом за возвращение в Союз станут и гонорары за переиздания его произведений, которые писатель регулярно получал на свои заграничные счета начиная с 1922 г. Горький «перекуется» настолько, что еще до своего возвращения, 15 ноября 1930 г. опубликует одновременно в «Правде» и «Известиях» статью «Если враг не сдается, его уничтожают». В ней он фактически солидаризовался со сталинским тезисом о нарастании классовой борьбы по мере движения к социализму: «Против нас все, что отжило свои сроки, отведенные ему историей; и это дает нам право считать себя все еще в состоянии гражданской войны. Отсюда следует естественный вывод: если враг не сдается, — его истребляют». Вернувшись в СССР, Горький в 1932 г. возглавил Союз советских писателей. Полной свободы в своем творчестве он, как мы видели, не получил, а Сталин использовал его авторитет на организационном поприще.

А.М. Горький на Соловецких островах
1929
[Из открытых источников]

В апреле 1932 г. Сталин решил, что пришло время ликвидировать, для начала административно, «леваков» из РАППа и других «пролетарских литературно-художественных организаций», которые «становятся уже узкими и тормозят серьезный размах художественного творчества». Он лично возглавил специальную комиссию, созданную решением Политбюро 8 марта 1932 г. для «рассмотрения вопросов РАППа»[1217], своей рукой отредактировал упоминавшееся уже постановление Политбюро «О перестройке литературно-художественных организаций». Политбюро решило ликвидировать ассоциацию пролетарских писателей, «объединить всех писателей, поддерживающих платформу Советской власти… в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем» и «провести аналогичное изменение по линии других видов искусства»[1218]. Вряд ли случайно Сталин вознамерился разъяснить смысл и значение этого решения, принятого «партией и правительством», именно на квартире у Горького, где 20 октября 1932 г. состоялась встреча с писателями — членами ВКП(б). Не пройдет и недели, как там же он проведет еще одну встречу с литераторами, на которой на этот раз присутствовали и беспартийные и во время которой он и произнес свой знаменитый афоризм о писателях — «инженерах человеческих душ».

В.М. Молотов, Л.М. Каганович, И.В. Сталин, Г.К. Орджоникидзе, А.А. Андреев несут урну с прахом А.М. Горького
20 июня 1936
[Из открытых источников]

Сталин использовал Горького для решения стоявших перед ним задач не только при жизни. Горький ушел из жизни в 1936 г. Сталин в числе других советских руководителей пронес по Красной площади урну с его прахом, которая будет захоронена в Кремлевской стене.

Причиной смерти Горького вскоре назовут спланированное убийство, которое припишут группе, состоявшей из лечивших писателя врачей, бывшего шефа ОГПУ Генриха Ягоды, секретаря Горького П.П. Крючкова и Н.И. Бухарина. Эта версия прозвучит на московском судебном процессе по делу «правотроцкистского блока», который был срежиссирован Сталиным, как и другие аналогичные уголовно-политические процессы этого времени.

* * *

Поставит задачи Сталин и перед советским кинематографом. Их он видел в необходимости помогать «партии воспитывать трудящихся в духе социализма, организовывать массы на борьбу за социализм, подымать их культуру и политическую боеспособность»[1219]. В январе 1929 г. Секретариат ЦК принял постановление «О руководящих кадрах работников кинематографии», где поставил задачу в условиях обострения классовой борьбы на идеологическом фронте «всемерно усилить руководство работой киноорганизаций», обеспечить

подготовку «новых кадров работников, главным образом из рядов пролетарской общественности»[1220].

Но и со «старыми кадрами» кинопроизводства Сталин сочтет необходимым «понянчиться» немало. В сентябре 1931 г. он в письме с юга к секретарю ЦК Кагановичу, оставленному им на партийном «хозяйстве», напишет: «Американский писатель Синклер прислал, оказывается, письмо... где он просит поддержки какого-то предприятия, начатого Синклером и Айзенштейдом (известный «наш» кинодеятель, бежавший из СССР, троцкист, если не хуже). Видимо, Айзенштейнд хочет через Синклера надуть нас». Сталин предложит отложить вопрос до его возвращения в Москву[1221]. Речь, как, вероятно, уже догадывается читатель, шла о Сергее Эйзенштейне, который получил уже к тому времени мировую известность благодаря своему фильму «Броненосец Потемкин». Снят он был к 10-летию Октябрьской революции и до сих пор остается одним из общепризнанных шедевров мирового кинематографа. Нет никаких сомнений в том, что Сталину, предельно погруженному в руководство «идеологическими производствами», была хороша известна фамилия кинорежиссера, с 1929 г. находившегося сначала в США, а затем в Мексике, где он приступил к работе над фильмом «Виват, Мексика!», продюсером которого и являлся Эптон Синклер. Дважды исковеркав фамилию режиссера, Сталин таким образом подчеркнул свое отношение к нему. 21 ноября Сталин написал Синклеру: «Эйзенштейн потерял доверие его товарищей в Советском Союзе. Его считают дезертиром, который порвал со своей страной. Боюсь, люди здесь вскоре потеряют к нему интерес»[1222]. 4 декабря 1931 г. Политбюро приняло постановление «Об Эйзенштейне», которое было посвящено в основном наложению взысканий на руководителей загранучреждений, вовлеченных в финансирование поездки Эйзенштейна. Ответственным исполнителям было поручено «немедленно ликвидировать дело с Эйзенштейном»[1223]. Эйзенштейн вернулся в СССР в 1932 г. и долгое время был лишен возможности снимать кино. Материалы к фильму «Виват, Мексика!» Синклер так ему и не вернул.

В 1930 г. было создано всесоюзное ведомство «Союзкино». Столь ранняя — в самом начале эпохи «великого перелома» централизация кинодела в глазах «кинодеятелей» стала подтверждением трактовки советским руководством известного ленинского тезиса о приоритете кино перед другими видами искусств. В декабре 1931 г. Политбюро приняло постановление «О советской кинематографии», где были поставлены задачи «отобразить героическую борьбу за социализм и героев этой социалистической борьбы и стройки», «служить целям мобилизации трудящихся», «быть мощным орудием технической пропаганды, подготовки и обучения рабочих... орудием просвещения...» и т. д.[1224] Централизация коснется не только кино и литературы. В 1933

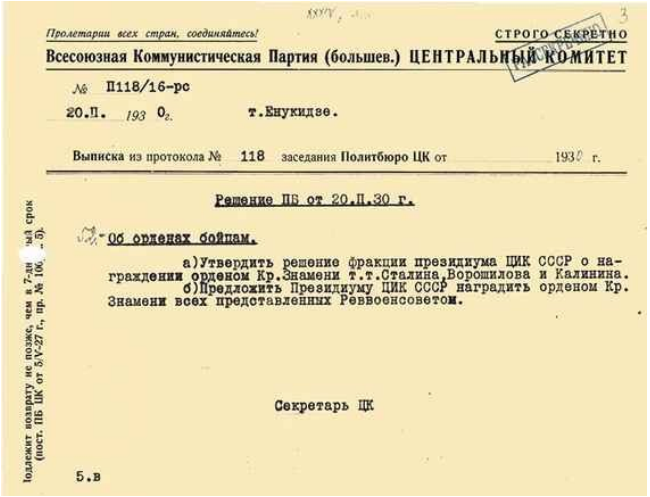
г. был создан Всесоюзный радиокомитет, в 1936 г. — Всесоюзный комитет по делам искусств.

Сталин успешно манипулировал многими деятелями культуры и не только советскими. В 1930-е гг. СССР по приглашениям Политбюро посетили с визитами многие зарубежные знаменитости: Бернард Шоу, Эмиль Людвиг, Герберт Уэллс, Ромен Роллан, Анри Барбюс, Лион Фейхтвангер и др. Большинство этих писателей были приняты Сталиным и оставили после себя комплиментарные записи и об этих встречах, и о собеседнике. Одним из наиболее ярких примеров такого рода стал путевой дневник «Москва 1937» Лиона Фейхтвангера. В нем автор, очарованный Сталиным во время личного приема, состоявшегося 8 января 1937 г. в Кремле, написал: «Безмерное почитание… относится не к человеку Сталину — оно относится к представителю явно успешного хозяйственного строительства».

Такого рода публикации способствовали формированию культа личности Сталина. Насаждение культа личности Сталина как непогрешимого в своих решениях вождя сопровождалось демонстрацией им личной скромности и неоднократным пресечением примитивных форм его восхваления. Так, например, в феврале 1938 г. Сталин в специальной записке в «Детиздат» напишет: «Я решительно против издания «Рассказов о детстве Сталина». Книжка изобилует массой фактических неверностей… Но не это главное. Главное состоит в том, что книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских детей (и людей вообще) культ личностей, вождей, непогрешимых героев. Это опасно, это вредно»[1225]. Нелишним будет напомнить, что Политбюро 20 февраля 1930 г. утвердит решение фракции Президиума ЦИК СССР о награждении Сталина вторым орденом Красного Знамени[1226].

В начале 1930-х гг. Сталин отказался от поддержки авангардистских поисков в культуре. Культура, которая для него являлась «идеологическим производством», должна была быть понятной массам, чтобы эффективно выполнять функцию приводного ремня. Ярким примером такого поворота могут служить «бои с формализмом», которые Сталин развернул на музыкальном фронте. 26 января 1936 г. Сталин в сопровождении Молотова, Жданова и Микояна приехал в филиал Большого театра, где они прослушали оперу Д.Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда (Катерина Измайлова)». Через два дня в «Правде» появилась разгромная редакционная статья «Сумбур вместо музыки». А десятью днями ранее советским музыкантам было указано на противоположный — позитивный — образец. 17 января Сталин вместе с Молотовым и другими «соратниками» побывали на спектакле Ленинградского академического малого оперного театра «Тихий Дон» по ставшему знаменитым уже в начале 1930-х гг. роману Михаила Шолохова. На встрече с создателями, в которой участвовал и автор музыки И.И. Дзержинский, Сталин высоко

оценил «новую советскую оперу». Ясно, что не музыкальные достоинства в первую очередь определяли отношение Сталина к произведениям музыкального искусства.



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СТРОГО СЕКРЕТНО

Всесоюзная Коммунистическая Партия (большев.) ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ П118/16-рс

20.II. 1930 г. т.Енукидзе.

Выписка из протокола № 118 заседания Политбюро ЦК от 1930 г.

Решение ПБ от 20.II.30 г.

Об орденах бойцам.

а) Утвердить решение фракции президиума ЦИК СССР о награждении орденом Кр.Знамени т.т.Сталина,Ворошилова и Калинина.

б) Предложить Президиуму ЦИК СССР наградить орденом Кр. Знамени всех представленных Реввоенсоветом.

Секретарь ЦК

5.в

Подлежит возврату не позже, чем в 7-дн ый срок (пост. ПБ ЦК от 3/V-27 г., пр. № 106, п.3).

Решение Политбюро ЦК ВКП(б) о награждении орденом Красного Знамени И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова и М.И. Калинина

20 февраля 1930

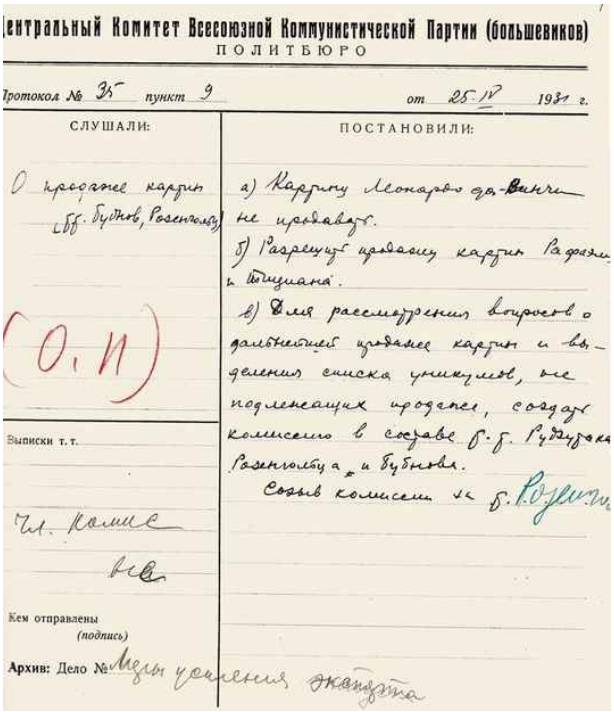
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1329. Л. 3]

В середине 1930-х гг. в связи с разрастанием фронта «борений» в сфере художественного творчества, Сталин решил создать специальный орган управления. И 16 декабря 1935 г. по его докладу Политбюро приняло постановление «Об организации Всесоюзного комитета по делам искусств», в сферу компетенции которого было включено «руководство всеми делами искусств, с подчинением ему театров, киноорганизаций, музыкальных и художественно-живописных, скульптурных и иных учреждений» [1227].

Несмотря на жесткий идеологический диктат, усилиями значительной части творческой интеллигенции, искренне или под давлением принявшей новые идеологические ценности, были созданы многочисленные выдающиеся из общего ряда произведения, большинство которых советская пропаганда отнесет к направлению «социалистического реализма». Среди них романы «Тихий Дон» М.А. Шолохова, «Петр Первый» А.Н. Толстого, фильмы «Александр Невский» С. Эйзенштейна, «Цирк», «Волга-Волга», «Веселые ребята» Г. Александрова, «Чапаев» С. и Г. Васильевых и др.

Картина сталинской культурной революции будет неполной, если не вспомнить о масштабной распродаже художественных ценностей за рубеж с целью максимизации валютных поступлений. 16 августа 1928

г. Политбюро приняло постановление о создании комиссии для «срочного выделения для экспорта картин и музейных ценностей на сумму 30 миллионов рублей». Политбюро на целом ряде своих заседаний рассматривало вопросы о продаже за рубеж тех или иных произведений искусства. Например, 25 апреля 1931 г. Политбюро решило «а) Картину Леонардо да Винчи не продавать. б) Разрешить продажу картин Рафаэля и Тициана. в) Для рассмотрения вопросов о дальнейшей продаже картин и выделения списка уникумов, не подлежащих продаже, создать комиссию»[1228].



Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков)
ПОЛИТБЮРО

Протокол № 35 пункт 9 от 25.IV 1931 г.

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
О продаже картин (тт. Бубнов, Розенгольц)	а) Картину Леонардо да Винчи не продавать. б) Разрешить продажу картин Рафаэля и Тициана. в) Для рассмотрения вопросов о дальнейшей продаже картин и выделения списка уникумов, не подлежащих продаже, создать комиссию в составе т.т. Рудзутака, Розенгольца и Бубнова. Созыв комиссии на т. Розенгольца
(О. П)	
Выписки т.т.	
Чл. комис	
Кем отправлены (подпись)	
Архив: Дело № Меры усиления экспорта	

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О продаже картин»
25 апреля 1931
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 395. Л. 4]

* * *

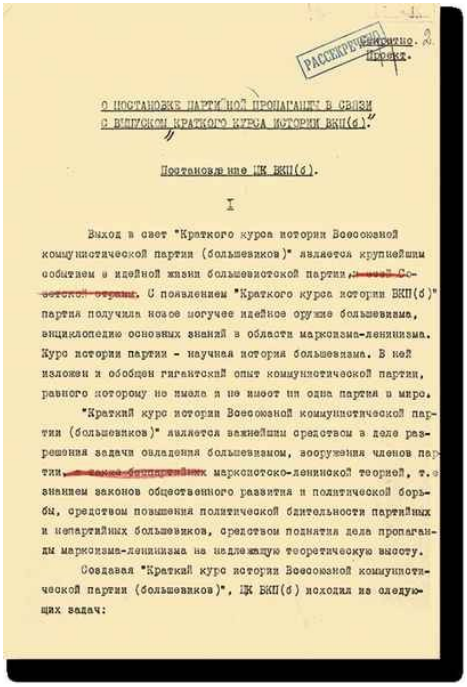
С конца 1920-х гг. Сталин проявлял особый интерес к теоретическим вопросам формирования идеологии. Именно в это время в повестку дня была поставлена практическая задача построения социализма в одной отдельно взятой стране и создания режима личной власти как необходимого для этих целей инструмента. В этой сфере

утверждать свой интеллектуальный авторитет Сталин начал с философии, используя при этом жесткий диктат. В октябре 1930 г. состоялось заседание президиума Коммунистической академии, посвященное вопросу «О разногласиях на философском фронте». Объектом проработки стал главный редактор журнала «Под знаменем марксизма» академик А.М. Деборин. Сталин принял участие в заседании бюро партийной ячейки института Красной профессуры и выступил там с разгромной речью. «Бить — главная проблема. Бить по всем направлениям и там, где не били», — такая задача будет поставлена им «боевому отряду» советских философов[1229]. 26 января 1931 г. было опубликовано постановление ЦК «О журнале «Под знаменем марксизма»». В нем группа Деборина обвинялась в отрыве философии от политики и в скатывании «в ряде важнейших вопросов на позиции меньшевиствующего идеализма»[1230].

В ходе идеологических кампаний 1930-х гг. не только устранялись носители сомнительных идей, но и воспитывались новые кадры. Одна из наиболее эмоциональных характеристик новому поколению партийных идеологов в 1932 г. дана авторами так называемой рютинской платформы Союза марксистов-ленинцев: «В настоящее время на теоретическом фронте подвизается все, что есть в партии самого недобросовестного, бесчестного. Здесь работает настоящая шайка карьеристов и блюдолизов (Митин, Юдин, Ральцевич, Кольман и др.), которые в теоретическом услужении Сталину показали себя подлинными проститутками»[1231]. Дело, конечно, заключалось не в личных качествах названных представителей идеологического персонала, обслуживавшего потребности нового политического курса и его вождя. Дело заключалось в инструментальном характере их деятельности, призванной обеспечить создание, функционирование и легитимацию в общественном сознании Сталина как интеллектуального центра единственно верных теоретических и политических решений.

В 1930-е гг. в идеологических занятиях Сталина ключевое место заняла историческая наука. Его интересы касались двух сфер: общегражданской истории и партийной. Насаждение собственной версии истории большевистской партии и русской революции приобрело особое значение в свете задачи укрепления авторитета Сталина как единоличного вождя. Для решения этой задачи Сталин взял курс на создание собственной версии истории большевистской партии. Приступил он к этой работе в 1931 г., направив в журнал «Пролетарская революция» свою статью «О некоторых вопросах истории большевизма», в которой потребовал покончить с «гнилым либерализмом… в отношении троцкизма», который был определен им как «передовой отряд контрреволюционной буржуазии»[1232]. Именно после этой статьи работы Троцкого начали изымать из библиотек, а в печати развернулась кампания погромов альтернативных концепций

истории партии. Альтернативному взгляду на историю большевизма в России не останется места. Представитель старой когорты большевиков А.Г. Шляпников, автор целого ряда книг по истории революции, будет вынужден в марте 1932 г. выступить публично с признанием своих ошибок в газете «Правда»[1233], что не спасет его от гибели в годы массовых репрессий.



РАССЕКРЕЧЕНО

Секретно.
Проект.

О ПОСТАНОВКЕ ПАРТИЙНОЙ ПРОПАГАНДЫ В СВЯЗИ
С ВЫПУСКОМ КРАТКОГО КУРСА ИСТОРИИ ВКП(б)"

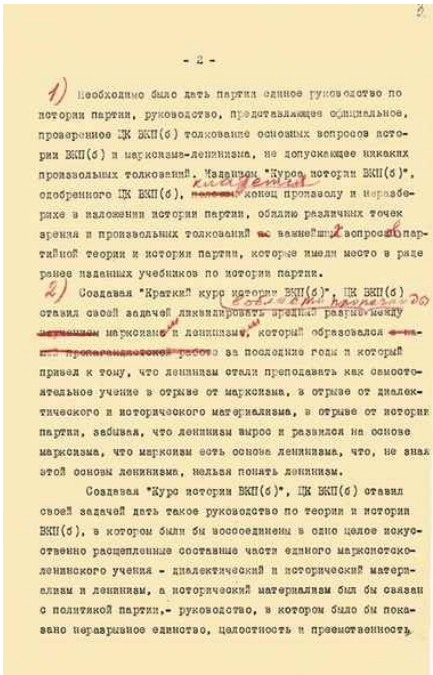
Постановление ЦК ВКП(б).

I

Выход в свет "Краткого курса истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)" является крупнейшим событием в идейной жизни большевистской партии, ~~и всей Советской страны~~. С появлением "Краткого курса истории ВКП(б)" партия получила новое могучее идейное оружие большевизма, энциклопедию основных знаний в области марксизма-ленинизма. Курс истории партии - научная история большевизма. В ней изложен и обобщен гигантский опыт коммунистической партии, равного которому не имела и не имеет ни одна партия в мире.

"Краткий курс истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)" является важнейшим средством в деле разрешения задачи овладения большевизмом, вооружения членов партии, ~~и также беспартийных~~ марксистско-ленинской теорией, т.е. знанием законов общественного развития и политической борьбы, средством повышения политической бдительности партийных и непартийных большевиков, средством поднятия дела пропаганды марксизма-ленинизма на надлежащую теоретическую высоту.

Создавая "Краткий курс истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)", ЦК ВКП(б) исходил из следующих задач:



- 2 -

1) Необходимо было дать партии единое руководство по истории партии, руководство, представляющее официальное, проверенное ЦК ВКП(б) толкование основных вопросов истории ВКП(б) и марксизма-ленинизма, не допускающее никаких произвольных толкований. Надлежит "Курс истории ВКП(б)", одобренного ЦК ВКП(б), положить конец произволу и неразберихе в изложении истории партии, обилию различных точек зрения и произвольных толкований по важнейшим вопросам партийной теории и истории партии, которые имели место в ряде ранее изданных учебников по истории партии.

2) Создавая "Краткий курс истории ВКП(б)", ЦК ВКП(б) ставил своей задачей ликвидировать вредный разрыв между марксизмом и ленинизмом, который образовался за последние годы и который привел к тому, что ленинизм стали преподавать как самостоятельное учение в отрыве от марксизма, в отрыве от диалектического и исторического материализма, в отрыве от истории партии, забывая, что ленинизм вырос и развился на основе марксизма, что марксизм есть основа ленинизма, что, не зная этой основы ленинизма, нельзя понять ленинизм.

Создавая "Курс истории ВКП(б)", ЦК ВКП(б) ставил своей задачей дать такое руководство по теории и истории ВКП(б), в котором были бы воссоединены в одно целое искусственно расщепленные составные части единого марксистско-ленинского учения - диалектический и исторический материализм и ленинизм, а исторический материализм был бы связан с политикой партии,- руководство, в котором было бы показано неразрывное единство, целостность и преемственность.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)»»
14 ноября 1938
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1204. Л. 2–3]

Процесс создания новой истории большевистской партии завершился выпуском в свет в 1938 г. книги «История Всесоюзной коммунистической партии большевиков. Краткий курс». Запустило работу по ее подготовке письмо Сталина членам Политбюро, написанное им в апреле 1937 г., когда стала очевидной задача представить обществу «новую» историю партии, объясняющую судьбу многих ее руководителей в свете многочисленных судебных процессов, завершившихся обвинительными приговорами в их адрес[1234]. В тексте «Краткого курса» Сталин занял место рядом с Лениным в качестве его верного ученика, соратника и соавтора Октябрьской революции, обеспечившего победу ленинских идей в годы Гражданской войны и в борьбе с многочисленными оппозициями, отступившими от идей ленинизма или предавшими их[1235].

В связи с выходом в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» Политбюро в октябре 1938 г. издало отредактированное Сталиным постановление «О постановке партийной пропаганды», в котором были сформулированы ее новые задачи. Основной ее целью стало распространение обязательного знания среди членов партии основ марксистско-ленинской идеологии в ее сталинской интерпретации[1236].

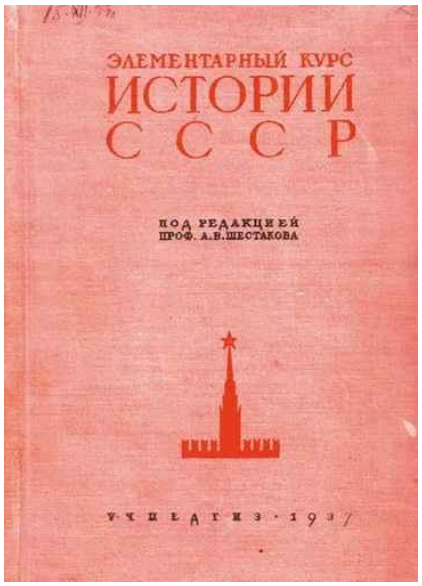
Отдел пропаганды и агитации, курировавший органы цензуры в стране, к 1939 г. превратился в целое управление в рамках аппарата ЦК.

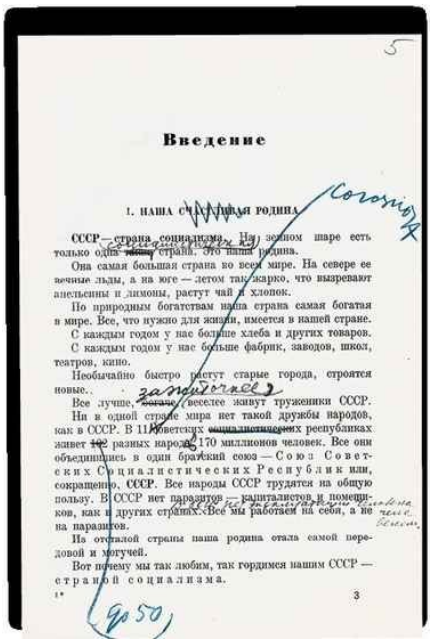
В 1929 г. в результате объединения ряда партийных институтов появится теоретический центр ЦК — Институт Маркса — Энгельса — Ленина (ИМЭЛ). В 1931 г. были объединены структуры Коммунистической академии и Института красной профессуры, в этом же году при ЦК ВКП(б) в 1931 г. был создан Институт массового заочного обучения партийного актива, а в 1936 г. — Высшая школа партийных организаторов.

Сталин также поставил задачу перед историками написать учебники по гражданской истории и лично редактировал их. В обращении Сталина к гражданской истории также лежали причины политического характера. Как уже отмечалось, в начале 1920-х гг. Сталин выступил с концепцией построения социализма в одной отдельно взятой стране. Любое национальное государство нуждается в легитимации, основания для которой традиционно усматриваются в героической национальной истории. В концепции советского социалистического государства идею нации-этноса Сталин заменил политической идеей нации-социума, а национальное государство было трансформировано в Советское интернациональное государство, которое нуждалось в обосновании своего возникновения и существования точно так же, как и любое другое национальное государство. Именно поэтому Сталин вплотную занялся подготовкой учебников по истории, поставив целью обосновать создание «социалистического отечества» для миллионов граждан Союза ССР разных национальностей.

В 1934 г. Политбюро приняло ряд директивных документов, главным из которых являлось постановление «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 15 мая. В нем отмечалось, что «преподавание истории в школах СССР поставлено неудовлетворительно». Решающим условием «прочного усвоения» курса истории определялось соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий. Именно этот подход был призван обеспечить «доступность, наглядность и конкретность», на основе чего только и возможны «правильное обобщение… подводящее к марксистскому пониманию истории». Ставилась задача подготовить стабильные учебники по истории Древнего мира, Средних веков, новой истории, истории СССР, новой истории зависимых и колониальных стран[1237]. Постановление обозначило завершение поворота советского руководства к новой политике в преподавании истории, в исторической науке в целом, в формировании исторического сознания населения СССР. К школьному учебнику по истории СССР, подготовленному коллективом авторов под руководством Н.Н. Ванага, Сталин, Жданов и Киров подготовили исчерпывающие «Замечания». Они и стали путеводной нитью для ряда

творческих коллективов, принявших участие в специально объявленном в 1936 г. конкурсе после того, как был окончательно забракован учебник, на который были написаны «Замечания».





5

Введение

1. НАША СЧАСТЛИВАЯ РОДИНА

СССР — страна социализма. На земном шаре есть только одна ~~наша~~ страна. Это наша родина.

Она самая большая страна во всем мире. На севере ее вечные льды, а на юге — летом так жарко, что вызревают апельсины и лимоны, растут чай и хлопок.

По природным богатствам наша страна самая богатая в мире. Все, что нужно для жизни, имеется в нашей стране.

С каждым годом у нас больше хлеба и других товаров.

С каждым годом у нас больше фабрик, заводов, школ, театров, кино.

Необычайно быстро растут старые города, строятся новые.

Все лучше, ~~богаче~~ веселее живут труженики СССР.

Ни в одной стране мира нет такой дружбы народов, как в СССР. В 11 советских ~~социалистических~~ республиках живет ~~102~~ разных народов, 170 миллионов человек. Все они объединились в один братский союз — Союз Советских Социалистических Республик или, сокращенно, **СССР**. Все народы СССР трудятся на общую пользу. В СССР нет паразитов — капиталистов и помещиков, как в других странах. Все мы работаем на себя, а не на паразитов.

Из отсталой страны наша родина стала самой передовой и могучей.

Вот почему мы так любим, так гордимся нашим СССР — страной социализма.

1* 3

Учебник «Краткий курс истории СССР» (под редакцией А.В. Шестакова) с правкой И.В. Сталина

Не ранее 15 декабря 1943

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1584]

Достижение поставленных целей было обусловлено необходимостью решения кадровых вопросов. Во-первых, из общественного пространства требовалось устранить комплексы конкурирующих идей и их носителей, во-вторых, подготовить кадры, способные и готовые производить и транслировать новые смыслы. Носители альтернативных идей, подобные Шляпникову, будут уничтожены в ходе так называемого Большого террора 1937–1938 гг. Тогда же подвергнут репрессиям членов авторского коллектива под руководством Н.Н. Ванага, не справившихся с поставленными перед ними задачами при подготовке учебника по истории СССР.

Учебник «Краткий курс истории СССР» для 3–4-го классов средней школы под редакцией А.В. Шестакова, который будет решено выпустить в свет по итогам проведенного конкурса, Сталин редактировал лично[1238].

Учебник вышел в свет в 1937 г. и представил историю Российского государства таким образом, чтобы можно было логически обосновать созреванием социально-экономических предпосылок происхождение «социалистической революции» в России в 1917 г. и последующее создание Советского государства как социалистического союза ранее угнетенных наций. При этом будут отчетливо видны устремления реабилитировать отдельные моменты русской национальной истории. Вслед за школьным учебником появились учебники для исторических факультетов вузов[1239].

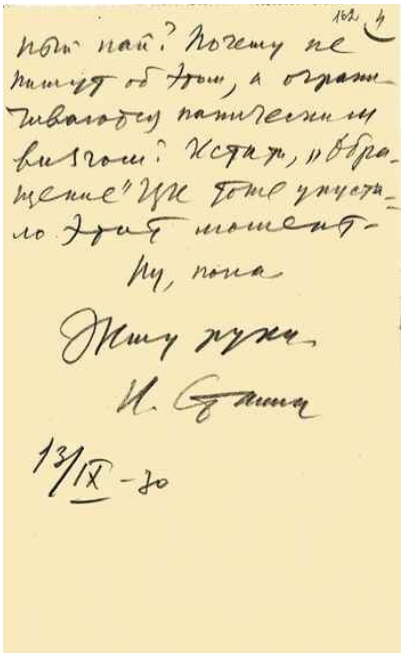
Суждено будет погибнуть не только авторам школьного учебника по истории СССР, но и собирателям и интерпретаторам классического марксистского наследия. В 1931 г. будет исключен из партии первый директор Института Маркса и Энгельса Д.Б. Рязанов, сначала отправленный в административную ссылку, затем арестованный и расстрелянный в 1937 г. Больше «повезло» главе марксистской исторической школы в СССР М.Н. Покровскому, чья интерпретация российской истории доминировала в 1920-е — начале 1930-х гг., так как развенчание его концепции началось уже после его смерти в 1932 г. В адрес «исторической школы Покровского» были выдвинуты претензии за преувеличение роли торгового капитала в развитии России, обвинения в «вульгарном социологизме», «антипатриотизме» и «очернительстве истории России», а саму школу объявили «базой вредителей, шпионов и террористов, ловко маскировавшихся при помощи вредных антиленинских исторических концепций» [1240].

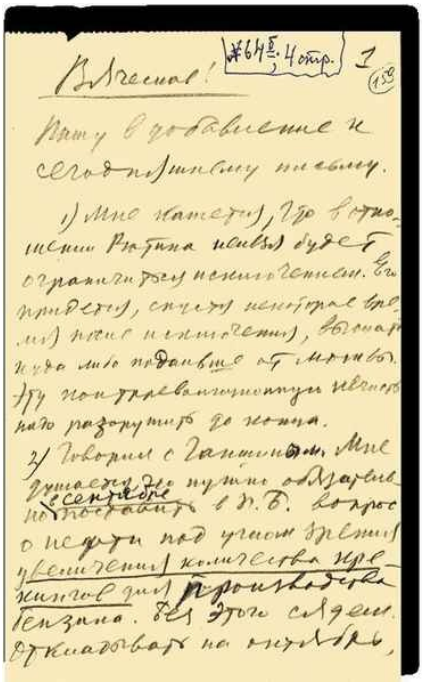
В 1930-х гг. советское руководство провело консолидацию академического сообщества на принципах коммунистической партийности. Как уже рассказывалось выше, в 1929 г. развернулось так называемое академическое дело, в результате которого подверглось чистке руководство Академии наук. Репрессии коснулись целого ряда

видных историков[1241]. Постановлением Политбюро в ноябре 1933 г. Академия была передана в непосредственное подчинение Совнаркома СССР, вслед за этим в 1934 г. переведена из Ленинграда в Москву. Международные научные связи взяло под прямой контроль Политбюро[1242]. В 1936 г. Политбюро признало нецелесообразным параллельное существование двух академий — Академии наук и Коммунистической академии общественных наук СССР. В целях объединения в одном государственном научном центре деятелей науки было решено ликвидировать Комакадемию и передать ее учреждения, институты и перевести основных работников в Академию наук СССР[1243]. Доминирование партийной линии в общественных науках, таким образом, было надежно обеспечено соответствующими кадровыми ресурсами.

Изменение политической обстановки, установление режима личной власти, потребности идеологической мобилизации на выполнение решений партийных съездов сделали необходимостью усиление контроля над содержанием информационных потоков (отражавших процесс социалистического строительства), с одной стороны, и произведений искусства, (осмысливавших действительность художественными средствами) — с другой. Сталин внимательно следил за характером публикаций в прессе. В сентябре 1930 г. он порекомендовал Молотову: «Уйми, ради бога, печать с ее мышиным визгом о «сплошных прорывах», «нескончаемых провалах», «срывах» и т. п. брехне»[1244].

Система органов советской политической цензуры — инструмент формирования нужного направления и тональности развития сферы культуры в 1930-е гг. была преобразована.





Письмо И.В. Сталина В.М. Молотову о высылке Рютина, производстве бензина и излишней истерической критике в печати

13 сентября 1930

Автограф И.В. Сталина

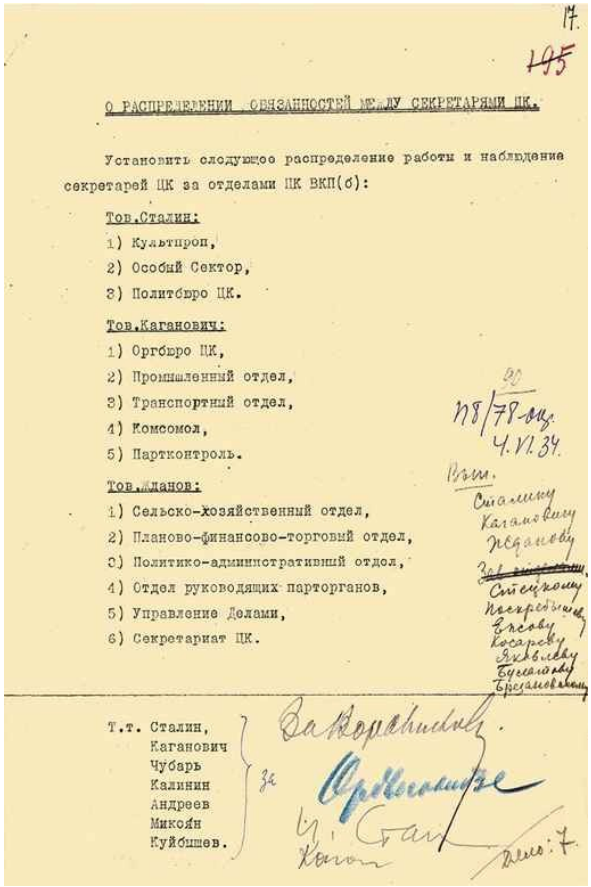
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 159–162]

Советской «всецензуре», по выражению одного из современных исследователей[1245], были подвержены не только культура, искусство, образование, но и вся социальная жизнь в целом. Отсутствие ясных законодательных норм, произвол партийных органов приводили к тому, что любое произведение могло быть объявлено идеологически вредным. Система политической цензуры вполне оформилась еще в 1922 г., когда 6 июня Совнарком учредил Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит) при Наркомпросе РСФСР и его местные органы, объединившие все виды цензуры[1246]. В апреле 1930 г. комиссия Наркомата РКИ сделала вывод о низком политико-идеологическом уровне контроля. В итоге в октябре того же года было принято постановление СНК СССР «О реорганизации Главлита». Главлиту были поручены предварительный и последующий политико-идеологический контроль над деятельностью по опубликованию и распространению произведений (печатных, рукописных), снимков, рисунков, картин и проч., над радиовещанием, лекционной деятельностью и т. д. Помимо Главлита, были созданы Главрепертком, Главполитпросвет, Главискусство и др., призванные параллельно выполнять функции политической цензуры[1247]. При этом начальник Главлита в сентябре 1933 г. стал «уполномоченным СНК СССР по охране государственных тайн». Решение об этом было принято в постановлении Политбюро «Об усилении охраны государственных тайн»[1248]. В июне 1931 г. было утверждено Положение о Главлите, расширился перечень сведений, запрещенных к публикации по политическим мотивам. К таковым относились материалы о стихийных бедствиях и эпидемиях, случаях самоубийства, террористических актах, об антисоветских выступлениях и восстаниях, забастовках, фактах протеста «кулацких и подкулацких элементов». Деятельность Главлита была тесно связана с деятельностью органов государственной безопасности[1249]. После прихода в Германии к власти Гитлера и в связи с нарастанием военной угрозы в сентябре 1933 г. Политбюро приняло постановление «Об усилении охраны военных тайн»[1250].

* * *

Результатом идеологического наступления 1930-х гг. явилось создание целостной, институционально оформленной идеологической системы, следование основным постулатам которой стало регулятором социального и личного поведения советских граждан, мобилизующим их на выполнение задач социалистического строительства. В июне 1934 г. Политбюро приняло постановление о распределении обязанностей между секретарями ЦК. Этим постановлением на Сталина теперь

возлагалось наблюдение за работой Политбюро и Особого сектора. Характерно, однако, что в этом ряду закрепленных за ним «секторов наблюдения» на первое место был поставлен Отдел культуры и пропаганды (Культпроп), что указывало на то значение, которое придавал Сталин идеологическим кампаниям в ходе наступления социализма по всему фронту[1251].



17.

~~195~~

О РАСПРЕДЕЛЕНИИ ОБЯЗАННОСТЕЙ МЕЖДУ СЕКРЕТАРЯМИ ЦК.

Установить следующее распределение работы и наблюдение секретарей ЦК за отделами ЦК ВКП(б):

Тов.Сталин:

1) Культпроп,
2) Особый Сектор,
3) Политбюро ЦК.

Тов.Каганович:

1) Оргбюро ЦК,
2) Промышленный отдел,
3) Транспортный отдел,
4) Комсомол,
5) Партконтроль.

Тов.Жданов:

1) Сельско-хозяйственный отдел,
2) Планово-финансово-торговый отдел,
3) Политико-административный отдел,
4) Отдел руководящих парторганов,
5) Управление Делами,
6) Секретариат ЦК.

20

П8/78-оц.
4.VI.34.

Вып.
Сталину
Кагановичу
Жданову
~~Зав. отделами~~
Стецкому
Поскребышеву
Ежову
Косареву
Яковлеву
Булатову
Брезановскому

Т.т. Сталин,
Каганович
Чубарь
Калинин
Андреев
Микоян
Куйбышев.

за

Ворошилов
Орджоникидзе
И. Сталин
Каганович

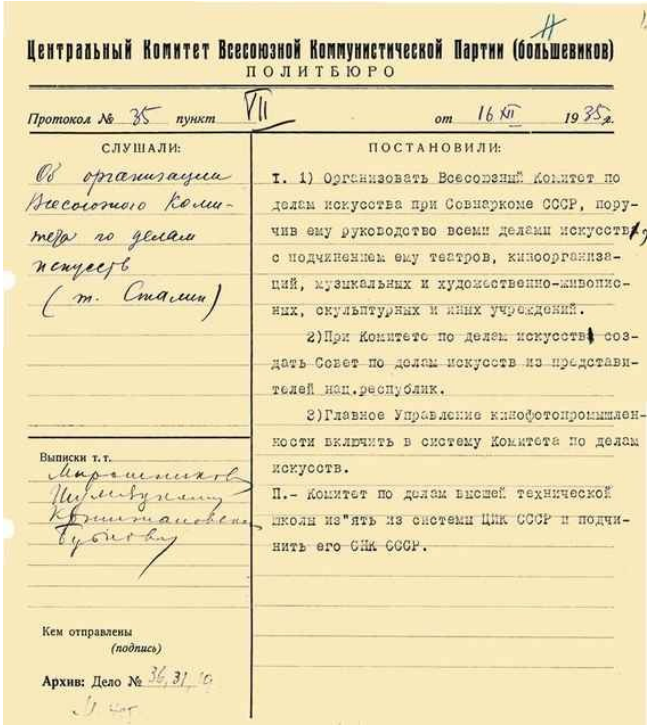
Дело: 7.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о распределении обязанностей между секретарями ЦК

4 июня 1934

Подписи — автографы К.Е. Ворошилова, Г.К. Орджоникидзе, И.В. Сталина, Л.М. Кагановича

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1026. Л. 17]



Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков)
ПОЛИТБЮРО

Протокол № 35 пункт VII от 16 XII 1935 г.

СЛУШАЛИ:
Об организации Всесоюзного Комитета по делам искусств (т. Сталин)

ПОСТАНОВИЛИ:
I. 1) Организовать Всесоюзный Комитет по делам искусства при Совнаркоме СССР, поручив ему руководство всеми делами искусств, с подчинением ему театров, киноорганизаций, музыкальных и художественно-живописных, скульптурных и иных учреждений.
2) При Комитете по делам искусств создать Совет по делам искусств из представителей нац.республик.
3) Главное Управление кинофотопромышленности включить в систему Комитета по делам искусств.
II.- Комитет по делам высшей технической школы из"ять из системы ЦИК СССР и подчинить его СНК СССР.

Выписки т.т.
Мирошников
Шумбуняну
Кржижановскому
Бубнову

Кем отправлены
(подпись)

Архив: Дело № 36, 31, 10

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) об организации Всесоюзного комитета по делам искусств
16 декабря 1935
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1086. Л. 12]

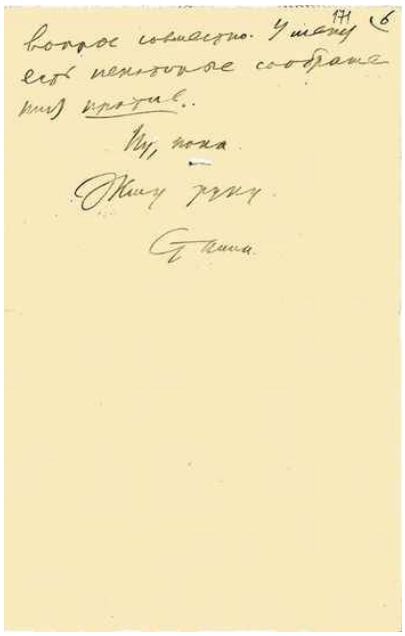
Поэтому не стоит удивляться, что именно Сталин являлся докладчиком по вопросу «Об организации Всесоюзного комитета по делам искусств», заслушанному Политбюро 16 декабря 1935 г. Тогда было решено организовать Всесоюзный комитет по делам искусств при Совнаркоме, «поручив ему руководство всеми делами искусств, с подчинением ему театров, киноорганизаций, музыкальных и художественно-живописных, скульптурных и иных учреждений». В эту систему включалось и Главное управление кинофотопромышленности[1252].

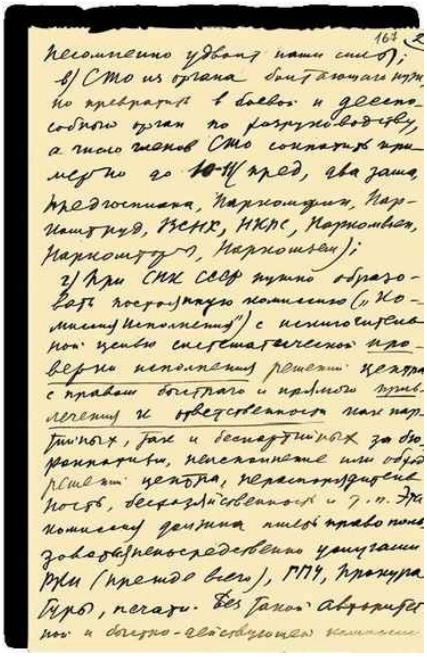
Это постановление централизует решение не только вопросов управления, но и содержательного наполнения «идеологических производств», к которым, несомненно, относились в понимании советской верхушки все сферы искусства.

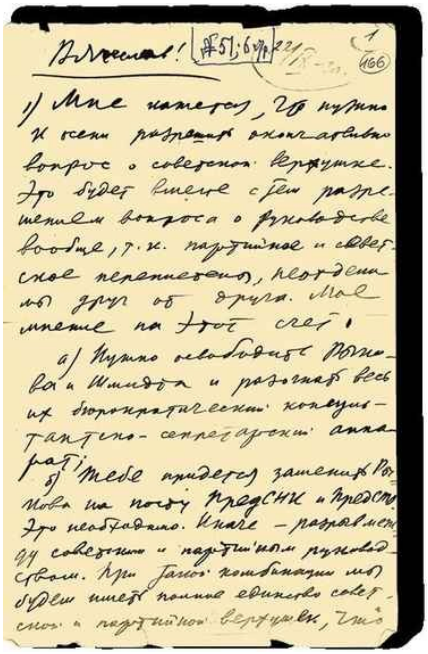
«И доказывать нечего… и бить некого». Партийное и государственное строительство

«Отмирание государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление», — сказал Сталин на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 г., подводя итоги первой пятилетки[1253]. Эта максима целиком и полностью отражает подходы Сталина к национально-государственному строительству, которые оставались неизменными на протяжении всей его жизни. При этом столь же неизменным оставалось его стремление найти оптимальные административные формы, реализующие принципы функционирования социума и идею государственного управления.

Поворот, произошедший в конце 1920-х гг., политический курс на централизацию управленческих решений «потянули» за собой «сталинизацию» институтов управления. В сентябре 1930 г. Сталин написал Молотову: «Мне кажется, что нужно к осени разрешить окончательно вопрос о советской верхушке. Это будет вместе с тем разрешением вопроса о руководстве вообще, т. к. партийное и советское переплетены, неотделимы друг от друга»[1254].


171 6
вопрос совместно. У меня
есть некоторое соображе-
ние против..
Ну, пока
Жму руку
Сталин





Письмо И.В. Сталина В.М. Молотову об изменении в деятельности СТО и назначении Молотова председателем СНК

22 сентября 1930

Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 166–171]

Таким образом, Сталин подвел черту под обсуждениями этого вопроса, имевшими место во внутрипартийной дискуссии на эту тему еще в начале 1920-х гг. Тогда Л.Д. Троцкий, как, должно быть помнит читатель, попытался доказать целесообразность разделения функций партийного и государственного (советского) аппаратов и проиграл. Позиция большинства Политбюро, противостоявшего Троцкому, была прямо противоположной. Мы видели и то, как на протяжении 1920-х гг. руководители Советского правительства Л.Б. Каменев, А.И. Рыков сталкивались на практике с реализацией сталинского подхода к государственному управлению. Этот подход они поддерживали в ходе борьбы с Троцким, находясь на стороне сталинского большинства. Однако, политический контроль органов управления со стороны Политбюро у них самих вызывал реакцию отторжения, вплоть до заявлений об отставках.

В 1930-х гг. страна вступила в завершающий этап строительства системы управления, с коммунистической партией в качестве несущей опоры ее конструкции. И начал этот этап перестройки Сталин с верхнего иерархического этажа. В процитированном выше письме он поставил конкретную задачу совмещения перед самим Молотовым: «Тебе придется заменить Рыкова на посту Пред[седателя] СНК и Пред[седателя] СТО. Это — необходимо. Иначе — разрыв между советским и партийным руководством. При такой комбинации будем иметь полное единство советской и партийной верхушек, что, несомненно, удвоит наши силы»[1255]. В декабре 1930 г. Молотов стал председателем Советского правительства.

Такого рода неформальный контроль был дополнен институциональными «реформами». Одним из важнейших направлений этих изменений являлась централизация управления, сокращение количества центров принимаемых решений. В 1932 г. упраздняется ВСНХ, координировавший деятельность центральных и местных органов управления экономикой. И союзный, и республиканские советы народного хозяйства преобразуются в систему отраслевых народных комиссариатов, подведомственных Совнаркому. На базе ВСНХ создается Наркомат тяжелой промышленности во главе с Г.К. Орджоникидзе, в декабре 1936 г. из него выделяется оборонная промышленность и формируется Наркомат оборонной промышленности. В августе 1937 г. создается Наркомат машиностроения, также выделенный из состава Наркомата тяжелой промышленности (ликвидированного 24 января 1939 г.) [1256].

Судя по всему, все меньше удовлетворяла Сталина работа СТО СССР, который с 1930 г. возглавлял В.М. Молотов, главным образом потому что СТО в рамках курса, взятого на централизацию управления, все более напоминал пятое колесо в телеге советского управления. СТО действовал на правах Совнаркома, очень часто фактически подменяя его, поскольку в ведение СТО находились вопросы обороны и военного

дела; также он занимался рассмотрением и реализацией хозяйственного и финансового планов СССР, утверждением уставов трестов и акционерных обществ, руководил экономическими совещаниями союзных республик и др. В итоге 28 апреля 1937 г. постановлением ЦИК СССР СТО был упразднен. Его функции были распределены между созданными днем ранее Экономическим советом при СНК, которому отошли общехозяйственные функции, и Комитетом Обороны при СНК, ему были переданы вопросы оборонной сферы. Комитет Обороны при СНК СССР при этом заменил похожую по функциям Комиссию Обороны, действовавшую с 1927 г.[1257] Об этой сфере управления мы еще поговорим немного позднее.

С начала 1930-х гг. партийный аппарат начал дублировать функции всех ветвей исполнительной и законодательной власти. В аппарате ЦК были созданы отделы административных дел, тяжелой и легкой промышленности, транспортный, сельскохозяйственный, культуры и пропаганды, заграничных кадров, финансово-планово-торговых органов. Но главным в его деятельности оставалось кадровое направление. Партийной номенклатурой ведал организационно-инструкторский отдел, за назначения в сфере государственного управления и общественных организаций отвечал отдел назначений. Также создавались временные комиссии для решения возникающих проблем. Секретари ЦК возглавили те или иные отделы, иногда они будут координировать работу сразу нескольких из них. Самое же главное состояло в том, что высшие партийные руководители совмещали функции политического руководства и государственного управления[1258].

С 1931 г. стала обычной практика совместных постановлений СНК (правительства) и Политбюро. Продолжая уже сложившуюся к этому времени практику, все сколько-нибудь значительные решения высшего органа исполнительной власти принимались под контролем Политбюро как высшего органа управления коммунистической партией. Процесс превращения Советов в один из приводных ремней механизма партийного управления, начавшийся в годы Гражданской войны, в 1930-е гг. фактически завершился. Формально-юридически коммунистическая партия заняла свое место в качестве ядра политической системы в 1936 г., после принятия новой Конституции СССР.

Регулярными стали партийные чистки, ставившие задачей «очищение партии от социально чуждых ей и разложившихся элементов». В 1929 г. решение о генеральной чистке партии было принято XVI партийной конференцией. В январе 1933 г. объединенный пленум ЦК и ЦКК принял резолюцию «О чистке партии»[1259]. Чистки являлись и средством борьбы с неполадками в системе управления, и инструментом формирования лояльности на нижних этажах управленческой пирамиды. В июле 1933 г. совместное постановление

ЦК и СНК восстановило политические управления в наркоматах и других государственных учреждениях.

В 1934 г. была реорганизована система контрольных органов, упразднен орган партийно-государственного контроля ЦКК — РКИ, вместо него образованы Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) и Комиссия советского контроля при СНК, причем состав обеих комиссий утверждал партийный съезд[1260]. Обосновывая проведение этой реформы, Сталин на XVII съезде партии в январе 1934 г. перечислил актуальные задачи контрольных органов: «Нам нужна теперь не инспекция, а проверка исполнения решений центра, — нам нужен теперь контроль над исполнением решений центра»[1261]. Эта задача была поставлена в центр работы еще в 1929 г., когда XVI партконференция приняла резолюцию «Об итогах и ближайших задачах борьбы с бюрократизмом». Основным и важнейшим недостатком советского аппарата было названо следующее: «...до сих пор партийные директивы и советские постановления плохо выполняются и нередко извращаются». Соответственно, в центр внимания была поставлена «проверка исполнения»[1262].

XVII съезд ВКП(б) вообще стал значительной вехой в развитии партии. И совсем не потому, что согласно легенде, рожденной в эпоху пресловутой хрущевской десталинизации, против Сталина проголосовало большинство делегатов съезда, а итоги голосования были сфальсифицированы. В рамках этой легенды муссировался слух о том, что в кулуарах съезда обсуждалась возможность замены Сталина С.М. Кировым на посту генерального секретаря. Все это якобы и станет причиной гибели большинства делегатов съезда в годы Большого террора. Последний факт хорошо известен и не может быть опровергнут. Однако рождение всего остального содержания этой легенды вполне объясняется политическими задачами для хрущевской эпохи и социальным заказом, который напрямую исходил от нового «хозяина» советской вертикали. На самом деле серьезных оснований для бытования этой легенды сегодня не усматривается, хотя бы потому что в реальности против Сталина проголосовали лишь три делегата.

Значение съезда — в другом. В соответствии с его решениями начнется перестройка системы управления в партии, в ходе которой «для практической работы по осуществлению партийных директив создаются... целостные производственно-отраслевые отделы» в партийных органах, активизируется формирование политотделов в МТС, совхозах и на транспорте; станет осуществляться переход с функциональной системы управления на территориально-производственную, а также от коллегиальной системы управления к системе личного руководства, будут преобразованы, как сказано выше, контрольные органы. Примут и новую редакцию устава партии.

Политбюро ЦК ВКП(б), избранное на пленуме 10 февраля 1934 [Из открытых источников]

На этом съезде Сталин в отчетном докладе ЦК, между прочим, сделал ряд заявлений, которые вполне могут рассматриваться как публично объявленная программа будущей Большой чистки. Сталин подвергнет жесткой критике «партийных бюрократов» и других «подрывных элементов», мешавших нормальному функционированию партии. Он, в частности, заявит: «Было бы наивно думать, что можно побороть эти трудности при помощи резолюций и постановлений. Бюрократы и канцеляристы давно уже набили руку на том, чтобы на словах продемонстрировать верность решениям партии и правительства, а на деле — положить их под сукно… Помимо неисправимых бюрократов и канцеляристов, насчет устранения которых у нас нет никаких разногласий, есть у нас еще два типа работников, которые тормозят нашу работу… и не дают нам двигаться вперед. Один тип работников — это люди с известными заслугами в прошлом, люди, ставшие вельможами, люди, которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков. Это те самые люди, которые не считают своей обязанностью исполнять решения партии и правительства и которые разрушают, таким образом, основы партийной и государственной дисциплины. На что они рассчитывают, нарушая партийные и советские законы? Они надеются на то, что Советская власть не решится тронуть их из-за старых заслуг. Эти зазнавшиеся вельможи думают, что они незаменимы и что они могут безнаказанно нарушать решения руководящих органов». Там же Сталин поставит задачи «разоблачения и изгнания из аппаратов управления неисправимых бюрократов и канцеляристов», снятие с постов нарушителей решений партии и правительства, очковтирателей и болтунов и выдвижение на их место новых людей», «чистку советско-хозяйственных организаций и сокращение их штатов», «наконец,

чистку партии от ненадежных и переродившихся людей»[1263]. Новая редакция устава включит норму, обязывающую ЦК принимать «периодические решения» о проведении чисток «для систематического очищения партии»[1264]. Новый устав не включит упоминание о должности генерального секретаря.

В мае 1935 г. началась проверка партийных документов с целью очищения партийных рядов от неблагонадежных элементов. В ходе проверки к декабрю было разоблачено более 15 тыс. «врагов» и выявлено свыше ста «вражеских организаций и групп»[1265]. Чистки середины 1930-х гг. станут прелюдией к Большому террору конца этого же десятилетия.

В процессе этой перестройки аппаратов Сталин закончил переформатировать систему управления. Если в 1920-е гг. она во многом строилась на неформальных личных взаимоотношениях (так называемая патримониальная система), то в 1930-е гг. Сталин выстроил властную вертикаль, действующую исключительно в соответствии с формальными бюрократическими процедурами, ориентирующими на беспрекословное исполнение указаний центра[1266].

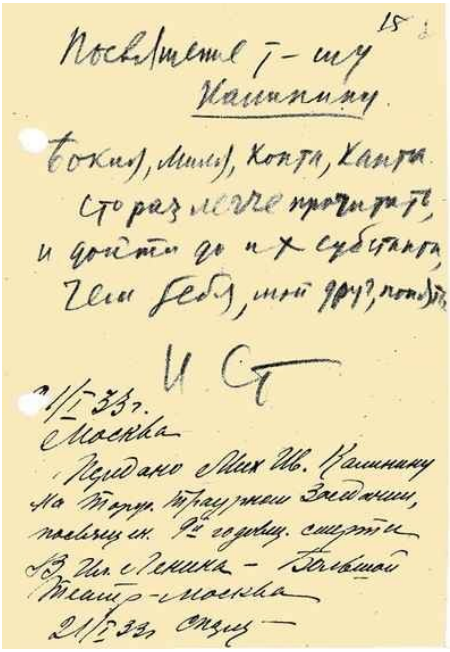
Целям консолидации партийного руководства, установления внутренней иерархии служили в том числе и неформальные практики. Так, 21 января 1933 г. на «торжественном» траурном заседании в Большом театре, посвященном 9-й годовщине смерти Ленина, Сталин написал шутливое четверостишие, тогда же переданное по его поручению М.И. Калинину:

«Бокля, Милля, Конта, Канта
Сто раз легче прочитать,
И дойти до их субстанта,
Чем тебя, мой друг, понять».

Здесь прочитывается не слишком высокая оценка интеллектуальных способностей последнего, а стремление указать ему таким образом на его место в интеллектуальной иерархии советского руководства подчеркивается публичным способом передачи этого послания[1267].

Партийные чистки 1930-х гг. в результате привели к перерегистрации членов партии, исключению из нее неблагонадежных элементов. В конце 1930-х Сталин сделал следующий шаг — перешел к их физическому устранению. Очаги нелояльности — реальной или мнимой — будут уничтожены во время Большого террора. Сталин получит в результате аппарат управления, готовый беспрекословно исполнять указания высших органов власти.

Этот аппарат Сталин описал, используя военную терминологию. «Если иметь в виду руководящие слои партии, — скажет он в 1937 г. на февральско-мартовском пленуме ЦК, запустившем маховик Большого террора, — имеется около 3–4 тыс. высших руководителей. Это, я бы сказал, — генералитет нашей партии. Далее идут 30–40 тыс. средних руководителей. Это — наше партийное офицерство. Дальше идут около 100–150 тыс. низшего партийного командного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство. Поднять идеологический уровень и политическую закалку этих командных кадров, влить в эти кадры свежие силы, ждущие своего выдвижения, и расширить таким образом состав руководящих кадров, — вот задача»[1268]. К концу 1930-х гг. задачи по формированию нового кадрового состава руководящих партийных органов были Сталиным решены, и в СССР окончательно установится персоналистский режим его личной власти. Были реализованы меры и по созданию системы внутреннего контроля. В начале 1938 г. в номенклатуру ЦК были введены должности заведующих особыми секторами обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик. В их задачи входило сообщать в ЦК все, что они считают ошибочным в действиях и поведении работников соответствующих парторганов, включая секретарей. Внутри партии фактически была создана система слежки и доносительства [1269].


Посвящение т-щу
Калинину.
Бокия, Миля, Конта, Канта
Сто раз легче прочитать,
и дойти до их субстанта,
Чем Гебля, мой друг, понять.
И Ст
21/I 33 г.
Москва
Передано Мих. Ив. Калинину
на Торж. траурном заседании,
посвящ. ск. 9-й годовщ. смерти
В. Ил. Ленина — Большой
Театр-Москва
21/I 33 г. Спец —

Посвящение И.В. Сталина М.И. Калинину
21 января 1933
Автограф И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 93. Л. 2]

Не менее серьезные изменения Сталин внес в систему организации высшей партийной власти. Проведя печально знаменитый февральско-мартовский 1937 г. пленум ЦК, Сталин решением Политбюро от 14 апреля создал при ЦК две постоянные комиссии: первая для подготовки, «а в случае особой срочности — и для разрешения — вопросов секретного характера» (в нее вошли Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович и Ежов); вторая — для подготовки «срочных текущих вопросов хозяйственного характера» (Молотов, Сталин, Чубарь, Микоян и Каганович)[1270]. Исследователи справедливо отмечают, что создание с участием Ежова комиссии для разрешения вопросов секретного характера означало формирование высшего органа управления политикой и практикой террора[1271]. С этой системой управления страна во главе со Сталиным подошла к началу Второй мировой войны.

Практически исчерпывающую характеристику складывавшейся системе управления дал Н.И. Бухарин на июльском 1928 г. пленуме ЦК (то есть еще в конце предыдущего этапа исторического развития страны): «Мы должны поставить сейчас вопрос о методах хозяйственного руководства и хозяйственного управления. Мне кажется, наши центральные органы и ЦК партии берут на себя слишком большую обузу, и «мелкое», и «среднее», и «большое» руководство. Вместо того, чтобы ограничить руководство целым рядом хорошо продуманных, взвешенных, прекрасно разработанных основных хозяйственных проблем, мы маленькую фабричку, маленькую концессию десятки раз решаем… Мы все виды инициативы заменили единым видом инициативы со стороны государства и исключительно сверху. Мы низовую кооперативную инициативу, местную инициативу придушили, и так как мы гиперцентрализовали все дело, получился такой гиперцентрализованный бюрократический аппарат и такая ответственность наверху, что она превратилась в свою собственную противоположность. Над этим мы должны подумать…»[1272] Сталин к этому моменту, судя по всему, уже как следует подумал над вопросом, поставленным Бухариным, и гиперцентрализация надолго стала основной характеристикой советской системы управления.

В памятном «Письме к съезду» Ленин, как известно, дал характеристику не только Сталину, но и Бухарину. Ее основные положения уместно здесь напомнить. Бухарин, по мнению Ленина, «никогда не понимал диалектики» (добавим, большевистской), а «его теоретические воззрения, очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским». Судя по всему, Бухарин так и не стал слишком хорошим большевиком и не смог понять, что децентрализация управления и делегирование низовым структурам властных полномочий означали утрату их полноты, что противоречило

доктринальным установкам большевизма и в еще большей степени сложившимся практикам управления и личным устремлениям вождя.

«Государство наций»: национально-государственное строительство в 1930-х гг

В марте 1929 г. в работе «Национальный вопрос и ленинизм» Сталин выдвинул тезис о формировании в СССР новых советских наций: «Социалистические нации... свободны от непримиримых классовых противоречий, разъедающих буржуазные нации». Нет, по его мнению, ничего ошибочнее, чем «пытаться произвести слияние наций путем декретирования сверху, путем принуждения... Такая политика была бы равна политике ассимиляции»[1273]. И далее: «Партия сочла необходимым помочь возрожденным нациям нашей страны — встать на ноги во весь рост, оживить и развить свою национальную культуру, развернуть школы, театры и другие культурные учреждения на родном языке, национализировать, т. е. сделать национальными по составу, партийный, профсоюзный, кооперативный, государственный, хозяйственный аппараты, выращивать свои, национальные партийные и советские кадры...»[1274]

В июле 1930-го он сделал акцент на этой теме в заключительном слове по политическому отчету ЦК на XVI съезде партии, заявив: «Теория слияния всех наций... СССР в одну общую великорусскую нацию с одним общим великорусским языком есть теория национал-шовинистическая... противоречащая основному положению ленинизма, состоящему в том, что национальные различия не могут исчезнуть в ближайший период, что они должны остаться еще надолго даже после победы пролетарской революции в мировом масштабе»[1275].

Сталин, как мы видели, отказался от идеи мировой революции как обязательного предварительного условия победы социализма в СССР. Он теперь настаивал на возможности построения социализма не в мировом масштабе, а в отдельно взятой стране[1276]. Приступая к строительству Советского социалистического государства, он облечет этот идейный конструкт в традиционную форму, использовав понятие «отечества». Делать это он начнет, как мы видели, уже на заре советской власти. В феврале 1931 г. он повторит: «В прошлом у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость»[1277].

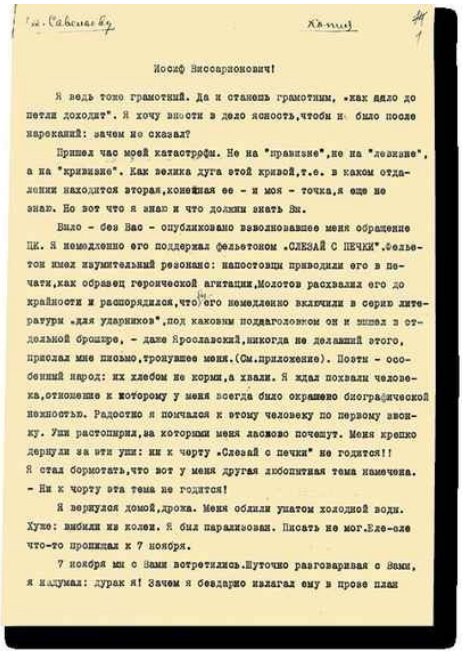
В начале 1930-х гг. Сталин решил пресечь эксцессы политики коренизации (насаждение национальных кадров и культур в союзных и автономных республиках). Коренизация (или национализация в

сталинском словоупотреблении) усиливала националистические настроения в национальных республиках, областях, стимулировала нарастание центробежных тенденций. В центре возникли опасения, что коммунисты на местах перейдут на позиции национализма. Сталин начал формировать новый курс, одним из первых проявлений которого стала жесткая (и для начала не публичная) критика едва ли не самого известного «пролетарского поэта» Демьяна Бедного.

В декабре 1930 г. вышло постановление Секретариата ЦК с критикой его стихотворных фельетонов за «огульное охаивание «России» и «русского»»[1278]. «Русский рабочий класс» в этом документе был объявлен самым активным и самым революционным отрядом мирового рабочего класса. Через два дня поэт написал Сталину письмо, на которое тот через несколько дней ответит многостраничным посланием, используя жесткие формулировки: «В чем существо Ваших ошибок? Оно состоит в том, что критика обязательная и нужная, развитая вами довольно мягко и умело, увлекла Вас сверх меры и… стала перерастать в Ваших произведениях в клевету на СССР, на его прошлое, на его настоящее… Вместо того, чтобы… подняться на высоту задач певца передового пролетариата… [Вы] стали возглашать на весь мир, что Россия в прошлом представляла сосуд мерзости и запустения… что «лень» и стремление «сидеть на печке» является чуть ли не национальной чертой русских вообще, а значит и русских рабочих, которые, проделав Октябрьскую революцию, конечно, не перестали быть русскими… Нет, высокочтимый т. Демьян, это не большевистская критика, а клевета на наш народ, развенчание СССР, развенчание пролетариата СССР, развенчание русского пролетариата»[1279].

Критикой Демьяна Бедного дело не ограничится. 14 декабря 1932 г. Политбюро приняло постановление по хлебозаготовкам на Украине и Северном Кавказе. Значительное внимание в нем уделялось вопросам национальной политики. Советское руководство фактически признало, что политика коренизации, проводившаяся с 1923 г., привела к усилению национализма. Такой вывод был сделан на основе анализа ситуации на Украине и Северном Кавказе, где активно проводилась украинизация. «Легкомысленная, не вытекающая из культурных интересов населения, не большевистская «украинизация»… дала легальную форму врагам Советской власти для организации сопротивления» — так описано положение дел на Северном Кавказе и в похожих формах — на Украине[1280]. 15 декабря Политбюро официально отменило украинизацию на всей территории РСФСР[1281].

Демьян Бедный
1930-е
[РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 54. Д. 27. Л. 22]



Иосиф Виссарионович!

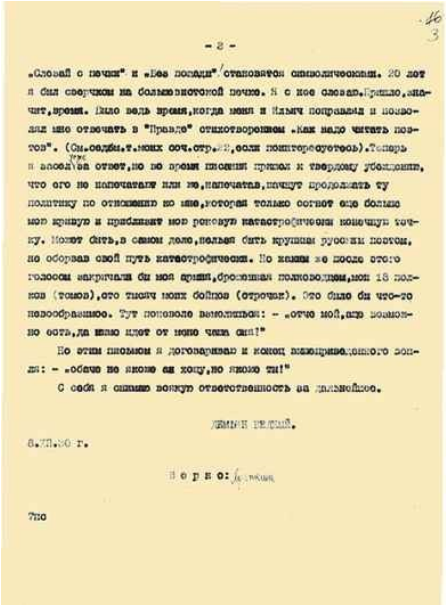
Я ведь тоже грамотный. Да и станешь грамотным, «как дело до петли доходит". Я хочу внести в дело ясность,чтобы не было после нареканий: зачем не сказал?

Пришел час моей катастрофы. Не на "правизне",не на "левизне", а на "кривизне". Как велика дуга этой кривой,т.е. в каком отдалении находится вторая,конечная ее - и моя - точка,я еще не знаю. Но вот что я знаю и что должны знать Вы.

Было - без Вас - опубликовано взволновавшее меня обращение ЦК. Я немедленно его поддержал фельетоном «СЛЕЗАЙ С ПЕЧКИ".Фельетон имел изумительный резонанс: напостовцы приводили его в печати,как образец героической агитации,Молотов расхвалил его до крайности и распорядился,что его немедленно включили в серию литературы «для ударников",под каковым поддаголовком он и вышел в отдельной брошюре, - даже Ярославский,никогда не делавший этого, прислал мне письмо,тронувшее меня.(См.приложение). Поэты - особенный народ: их хлебом не корми,а хвали. Я ждал похвалы человека,отношение к которому у меня всегда было окрашено биографической нежностью. Радостно я помчался к этому человеку по первому звонку. Уши растопырил,за которыми меня ласково почешут. Меня крепко дернули за эти уши: ни к черту «Слезай с печки" не годится!! Я стал бормотать,что вот у меня другая любопытная тема намечена. - Ни к чорту эта тема не годится!

Я вернулся домой,дрожа. Меня облили ушатом холодной воды. Хуже: выбили из колеи. Я был парализован. Писать не мог.Еле-еле что-то пропищал к 7 ноября.

7 ноября мы с Вами встретились.Шуточно разговаривая с Вами, я надумал: дурак я! Зачем я бездарно излагал ему в прозе план



- 2 -

«Слезай с печки» и «Без посылки» становятся символическими. 20 лет я сидел сверчком на большевистской печке. Я с нее слезал. Пришло, значит, время. Было ведь время, когда меня и Ильич поправлял и позволял мне отлучать в "Правде" стихотворением «Как надо читать поэтов». (См. седьм. т. моих соч. стр. [illegible], если поинтересуетесь). Теперь я адресую ответ, но по время писания пришел к твердому убеждению, что его не напечатали или не, напечатав, начнут продолжать ту политику по отношению ко мне, которая только согнет еще больше мою крышу и приближает мою роковую катастрофическую конечную точку. Может быть, в самом деле, полезно быть крупным русским поэтом, но обрывая свой путь катастрофически. Но каким же после этого голосом закричала бы моя душа, дрожащая полнозвучием, мои 18 поэмов (тонов), сто тысяч моих бойцов (строчек). Это было бы что-то невообразимое. Тут поневоле вспомнишь: - «отче мой, аще возможно есть, да мимо идет от мене чаша сия!»

Но этим письмом я договариваю и конец непоправимого зовет: - «обычно не знаю я хочу, но знаю ты!»

С себя я снимаю всякую ответственность на дальнейшее.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

8.XII.30 г.

Верно:

Что

Письмо Д. Бедного И.В. Сталину о своих ошибках
8 декабря 1930
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2939. Л. 1–3]

Решения декабря 1932 г. ознаменовали поворот в национально-государственном строительстве. Вскоре вслед за этим начался переход от поощрения национальных культур к политике консолидации, наметился поворот к «реабилитации» русских, русской истории и русской национальной культуры. В марте 1938 г. Сталин поддержал проект постановления Политбюро «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей», разработанный секретарем ЦК А.А. Ждановым[1282]. Повсеместно пересматривались темпы и содержание коренизации, но при этом саму политику коренизации не отменили. В конце 1930-х развернулись так называемые национальные операции НКВД с целью предотвратить появление не лояльных (реальных или мнимых) центру очагов сепаратизма. В 1935–1938 гг. принудительно были перемещены с территории постоянного проживания поляки, немцы, финны, эстонцы, латыши, корейцы, китайцы, курды, иранцы[1283]. Это дает основание ряду современных исследователей говорить о так называемой этнизации репрессивных практик сталинизма[1284].

Следует, однако, иметь в виду нелинейный характер происходивших в этой сфере процессов. Изменения основ национальной политики в сторону русификации не произошло. Более того, на местах местные руководители зачастую продолжали проводить политику коренизации/национализации, не взирая на окрик, прозвучавший из Москвы в 1932 г. В конце октября 1937 г. зав. отделом

печати ЦК ВКП(б) Л.З. Мехлис направил секретарям ЦК, включая Сталина, записку о русских газетах на Украине: «Ни в одной союзной и автономной республике русская печать не находится в таком захудалом состоянии, как на Украине». Далее он обратит внимание политического руководства на то, что в Киеве выходят 11 республиканских и областных газет, причем все основные газеты — на украинском языке. Кроме того, в Киеве издаются газеты на немецком, польском, еврейском и болгарском языках, но нет «только ни одной газеты на русском языке, если не считать русского издания армейской газеты «Червона армия»». Ни в одном другом республиканском центре, — подчеркнет Мехлис, — нет ничего подобного, везде «выходят руководящие газеты на русском языке». Не только в Киеве, но и «ни в одной из 12 областей УССР, кроме Донбасса, не выходит ни одна областная газета на русском языке». «Неужели Украина, — задаст риторический вопрос Мехлис, — нуждается больше в немецкой газете, чем в русской? Действительно ли польский и болгарский языки распространены на Украине больше, чем русский»? Оргбюро ЦК по итогам рассмотрения этого вопроса приняло решение организовать «всеукраинскую ежедневную газету на русском языке, как орган ЦК КП(б)У и ВУЦИК»[1285].

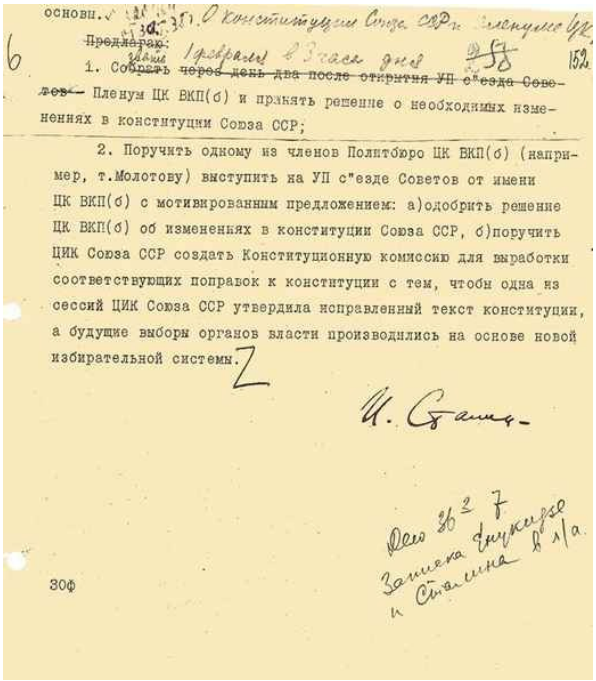
* * *

В середине 1930-х гг. Сталин решил закрепить все политические изменения в новой конституции. Целенаправленно формируя политический режим единоличного властвования, Сталин, однако, счел целесообразным сохранить в конституции формальные признаки народовластия и коллективного руководства.

25 июня 1934 г. для планировавшегося на январь следующего года VII съезда Советов СССР Сталин утвердил повестку дня, но при этом отредактировал ее шестой пункт, который в конечном итоге стал выглядеть так: «Доклад по конституционным вопросам». Подтолкнул Сталина к размышлениям на конституционную тему секретарь ЦИК СССР А.С. Енукидзе, предложивший в мае 1933 г. в своей записке в ЦК внести изменения в избирательную процедуру, в том числе обеспечить равное представительство рабочих и сельских жителей на выборах съездов Советов, что, пожалуй, и было основной новацией. В рамках действовавшей на тот момент Конституции 1924 г. избирался один делегат от 25 тыс. рабочих и один делегат от 125 тыс. крестьян. 10 января 1935 г. Енукидзе направил в ЦК новый вариант своих предложений [1286].

25 января Сталин решил направить членам Политбюро записку Енукидзе со своим сопроводительным письмом: «По-моему, дело с Конституцией Союза ССР обстоит куда сложнее, чем это может

показаться на первый взгляд. Во-первых, систему выборов надо менять не только в смысле уничтожения ее многостепенности. Ее надо менять еще в смысле замены открытого голосования закрытым (тайным) голосованием. Мы можем и должны пойти в этом деле до конца… Обстановка и соотношение сил в нашей стране таковы, что мы можем только выиграть политически на этом деле. Я уже не говорю о том, что необходимость такой реформы диктуется интересами международного революционного движения, ибо подобная реформа обязательно должна сыграть роль сильнейшего орудия, бьющего по международному фашизму». Аргументация Сталина не сводится к пропагандистским задачам, он обращает внимание и на произошедшие с момента принятия прежней конституции фундаментальные, как ему казалось, социально-экономические изменения: «Во-вторых, надо иметь в виду, что Конституция Союза ССР выработана в основном в 1918 г. в период Гражданской войны и военного коммунизма, когда не было у нас современной развитой индустрии, когда единоличное крестьянское хозяйство представляло основную силу нашего сельского хозяйства, когда колхозы и совхозы в зачаточном состоянии… когда вопрос о социалистической собственности как основе нашего общества не стоял еще так актуально… Понятно, что конституция, выработанная в таких условиях, не может соответствовать нашей нынешней обстановке». И далее Сталин резюмирует: «…изменения в конституции надо произвести в двух направлениях: а) в направлении улучшения ее избирательной системы; б) в направлении уточнения ее социально-экономической основы». Он предложил собрать «через день-два» после открытия VII съезда Советов пленум ЦК, на котором «принять решение о необходимых изменениях в Конституции Союза ССР», на самом съезде выступить «одному из членов Политбюро, например, т. Молотову» с мотивированным предложением «одобрить решение» ЦК об изменениях конституции и поручить ЦИК СССР создать конституционную комиссию»[1287].



основн.

Предлагаю:

1. Собрать через день два после открытия УП с"езда Советов — Пленум ЦК ВКП(б) и принять решение о необходимых изменениях в конституции Союза ССР;

2. Поручить одному из членов Политбюро ЦК ВКП(б) (например, т.Молотову) выступить на УП с"езде Советов от имени ЦК ВКП(б) с мотивированным предложением: а)одобрить решение ЦК ВКП(б) об изменениях в конституции Союза ССР, б)поручить ЦИК Союза ССР создать Конституционную комиссию для выработки соответствующих поправок к конституции с тем, чтобы одна из сессий ЦИК Союза ССР утвердила исправленный текст конституции, а будущие выборы органов власти производились на основе новой избирательной системы.

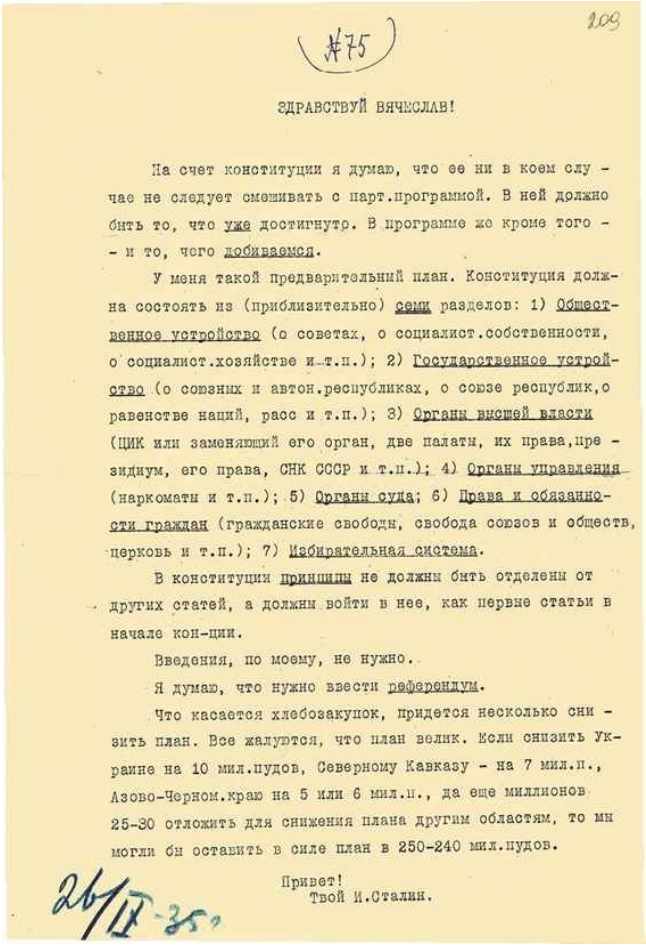
И. Сталин

30ф

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О Конституции Союза ССР и пленуме ЦК»
30 января 1935
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1052. Л. 152]

В современной литературе обращается внимание на тот факт, что Сталин решил поручить выступление на съезде не автору идеи конституционных изменений Енукидзе, а Молотову; причиной этого называется то, что «началась постепенная отставка Енукидзе» как реакция Сталина на «сигнал», которым было запущено «Кремлевское дело»[1288].

Думается, мотивация Сталина была более сложной и политически обоснованной. Выступить с основополагающей инициативой должны были высшие органы политической власти — партийный съезд и Политбюро ЦК ВКП(б). Сталин не мог позволить демонстрировать urbi et orbi политическую субъектность одному из приводных ремней, чем, в его представлении, являлись Советы, включая их высшую инстанцию — ЦИК СССР, секретарем которого служил Енукидзе. Тем более он не мог предложить эту роль начальнику Енукидзе — «всесоюзному старосте» М.И. Калинину, возглавлявшему ЦИК СССР. Только коммунистическая партия могла быть «творцом всего сущего» в «советском» государстве.



209

#75

ЗДРАВСТВУЙ ВЯЧЕСЛАВ!

На счет конституции я думаю, что ее ни в коем случае не следует смешивать с парт.программой. В ней должно быть то, что уже достигнуто. В программе же кроме того - и то, чего добиваемся.

У меня такой предварительный план. Конституция должна состоять из (приблизительно) семи разделов: 1) Общественное устройство (о советах, о социалист.собственности, о социалист.хозяйстве и т.п.); 2) Государственное устройство (о союзных и автон.республиках, о союзе республик,о равенстве наций, расс и т.п.); 3) Органы высшей власти (ЦИК или заменяющий его орган, две палаты, их права,президиум, его права, СНК СССР и т.п.); 4) Органы управления (наркоматы и т.п.); 5) Органы суда; 6) Права и обязанности граждан (гражданские свободы, свобода союзов и обществ, церковь и т.п.); 7) Избирательная система.

В конституции принципы не должны быть отделены от других статей, а должны войти в нее, как первые статьи в начале кон-ции.

Введения, по моему, не нужно.

Я думаю, что нужно ввести референдум.

Что касается хлебозакупок, придется несколько снизить план. Все жалуются, что план велик. Если снизить Украине на 10 мил.пудов, Северному Кавказу - на 7 мил.п., Азово-Черном.краю на 5 или 6 мил.п., да еще миллионов 25-30 отложить для снижения плана другим областям, то мы могли бы оставить в силе план в 250-240 мил.пудов.

Привет!
Твой И.Сталин.

26/IX-35 г.

Письмо И.В. Сталина В.М. Молотову о Конституции и снижении хлебозакупок
26 сентября 1935
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 209]

Первоначально была создана комиссия в составе Сталина, Молотова, Калинина, Кагановича и Енукидзе, которой поручалось «набросать проект постановления VII съезда Советов СССР»[1289]. Сталинский план утвердило сначала Политбюро, затем пленум ЦК и, наконец, 6 февраля съезд Советов. Сталин подготовил решение Политбюро «о необходимых изменениях в Конституции Союза ССР»[1290]. Стилистика документа («поручить ЦИК Союза ССР») наилучшим образом характеризует реальное — подчиненное — положение Советов в политической системе СССР.

Несущей опорой конструкции большевистской государственности был ее классовый характер, закрепленный первыми конституциями РСФСР 1918 и СССР 1922 г. Сталин пересмотрел этот подход, и советская Конституция 1936 г. зафиксировала уже не классовый, а

общенародный характер Советского государства, что, конечно, стало значительным шагом вперед. Таким образом, был сделан шаг на пути создания новой — советской — гражданской идентичности, общей для всего населения Советского Союза. Эта идентичность будет формироваться в том числе средствами принуждения — посредством чисток от антисоветских элементов, которые в целом завершатся уже в годы Большого террора.

Идея создания новой конституции, а не внесения изменений в старую, оформится решениями июньского 1935 г. пленума ЦК. Сталин возглавит Конституционную комиссию, предложит план ее работы и даст конкретные рекомендации: «…ее [конституцию] ни в коем случае не следует смешивать с парт[ийной] программой. В ней должно быть то, что уже достигнуто. В программе же, кроме того, — и то, чего добиваемся[1291].

Конституцию разработает Конституционная комиссия под председательством самого Сталина, формально она станет одной из самых демократичных в мире. Формально-демократический характер Конституции, как уже отмечалось, должен был вызвать к СССР симпатии международной общественности, «сыграть роль сильнейшего орудия, бьющего по международному фашизму». Причем, вероятно, следует согласиться с теми авторами, которые говорят об искренней или «прямой» вере советского руководства в достигнутый социалистический прогресс в стране, что и стало главным побудительным мотивом написания нового основного закона[1292].

Новой конституцией были провозглашены победа социализма в СССР, уничтожение эксплуататорских классов и частной собственности на средства производства. СССР объявлялся государством рабочих и крестьян. Всем гражданам предоставлялись равные права, провозглашались свобода совести, слова, собраний, неприкосновенность личности и тайна переписки. 5 декабря 1936 г. новую Конституцию СССР принял VIII Всесоюзный чрезвычайный съезд Советов СССР. В Конституции (статьи 2 и 3) вновь прозвучит, что политической основой СССР являются Советы, в их лице трудящимся города и деревни принадлежит вся власть в стране. Лишь в статье 126 появляется упоминание о коммунистической партии Советского Союза, которая представляет собой «руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных». Таким образом, роль компартии в политической системе впервые легализуется. В Конституции РСФСР 1918 и СССР 1924 г. о роли ВКП(б) не упоминалось вообще.

Функции высшего органа управления были закреплены за Верховным Советом Союза ССР, состоявшим из двух палат (Совета Союза и Совета Национальностей). Совет Союза избирался по избирательным округам по норме один депутат от 300 тыс. чел. Совет Национальностей избирался по иному принципу (более справедливому):

вне зависимости от численности населения каждая союзная республика делегировала 25 депутатов, избиравшихся гражданами, каждая автономная республика — 11 депутатов, каждая автономная область — пять депутатов, каждый национальный округ — одного депутата. При отсутствии согласного решения двух палат Президиум Верховного Совета распускал Верховный Совет и назначал новые выборы.

Глава II Конституции посвящалась государственному устройству, в ней было зафиксировано, что Союз ССР «есть союзное государство», образованное на основе добровольного объединения равноправных «Советских Социалистических Республик»» (на тот момент одиннадцати). Конституция, таким образом, закрепила трансформацию ряда автономий и повышение их формального статуса до уровня субъектов федерации. Конституция разграничила предметы ведения центральных (союзных) и республиканских органов исполнительной власти. Полномочия СНК (правительств) союзных республик фактически свелись к изданию постановлений и распоряжений «на основе и во исполнение действующих законов СССР и Союзной республики, постановлений и распоряжений СНК СССР». Большинство наркоматов, действовавших на территории союзных республик, относились к категориям общесоюзных и союзно-республиканских и управляли наиболее значимыми предприятиями. Полностью «самостоятельными» являлись наркоматы просвещения, местной промышленности, коммунального хозяйства, социального обеспечения, они не дублировались в том или ином виде на союзном уровне.

Главой Советского государства формально являлся Председатель Президиума Верховного Совета. Верховный Совет, однако, по-прежнему, будет лишь визировать решения, рекомендованные политическими, то есть партийными, органами управления к «утверждению в советском порядке», как это повелось с момента создания Политбюро в 1919 г. Партия мыслилась советским руководством не просто ядром политической системы, но ее несущей конструкцией и центром принятия решений. Это представление, несомненно, коренится в большевистской идее о привнесении социалистического сознания в пролетариат его авангардом, то есть партией. Центром принятия решения партия оставалась, впрочем, лишь для широких народных масс. В реальности таким центром давно стала группа высших управляющих во главе со Сталиным, а сама партия превратилась в один из приводных ремней, пусть и важнейший, что позволяло реализовать на практике решения этой властной группы.

Как это ни покажется странным читателю, не очень глубоко знакомому с перипетиями политического развития Советского государства, но увлечение Сталина идеями формальной демократии приняло неожиданную сегодня для многих форму. 15 октября 1937 г. газета «Правда» опубликовала образец избирательного бюллетеня выборов в Верховный Совет СССР, форма которого давала

потенциальному избирателю основания думать о возможности выдвижения не одного, а нескольких кандидатов. Состязательные выборы, однако, так и не состоялись и, вероятно, были в «рабочем порядке» отменены перед кампанией по выборам в Верховный Совет СССР в октябре 1937 г.

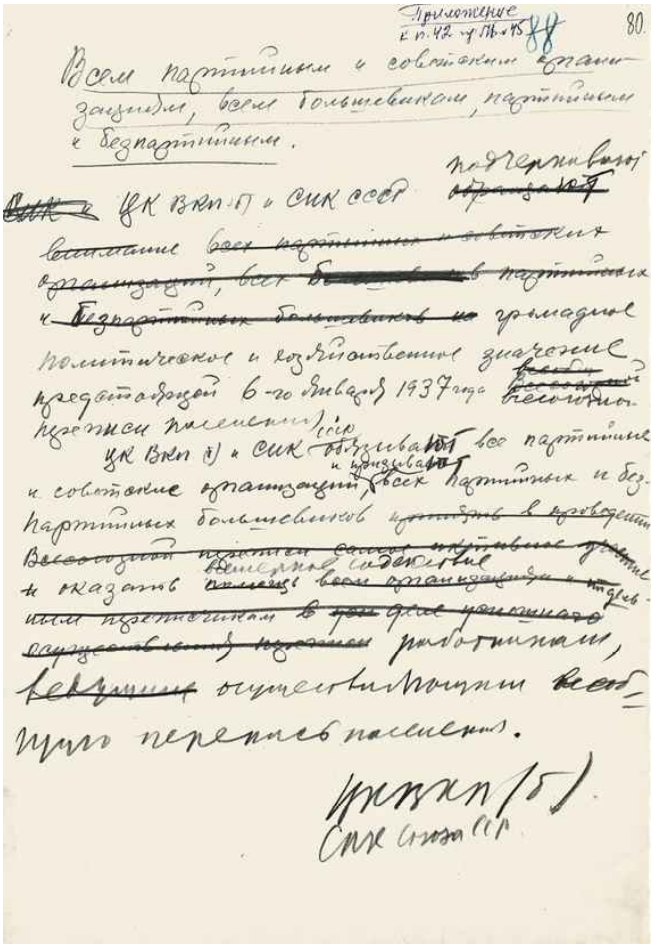
Сталинская конституция в главе II («Государственное устройство») декларировала принципы советского социалистического федерализма, подчеркивала добровольный характер объединения равноправных советских союзных республик и подтверждала их суверенитет. В соответствии с новой конституцией значительно изменился политический ландшафт Союза ССР: была упразднена Закавказская РСФСР, вместо которой союзными республиками стали Азербайджанская, Армянская и Грузинская ССР; Казахская и Киргизская республики получили союзный статус, будучи преобразованы из автономий. Формально самостоятельные, союзные республики, однако, фактически управлялись из Москвы. Например, 5 января председатель Совнаркома Молотов направил в Политбюро записку, в которой дал заключение на поступившие из союзных республик ходатайства об образовании в них наркоматов, причем речь шла не только о союзно-республиканских, но и республиканских наркоматах. Решение по этим вопросам, которые формально находились в компетенции республиканских властей, Политбюро приняло через несколько дней [1293].

Во второй половине 1930-х гг. Сталин пересмотрел принципы организации жизни национальных меньшинств, в реализации которых он принимал активное участие в 1920-х. 1 декабря 1937 г. сначала Оргбюро, а затем, 17 декабря, Политбюро утвердили постановление «О ликвидации национальных районов и сельсоветов». Постановление обязало ЦК компартий Украины и Казахстана, ряд крайкомов и обкомов, на территории которых находились национальные районы и сельсоветы, представить предложения об их реорганизации в обычные районы и сельсоветы. Политбюро не ограничилось констатацией искусственного характера многочисленных национальных территориальных образований, но и указало на вредительские цели создания многих из них: «Буржуазные националисты и шпионы, пробравшиеся на руководящие посты в этих районах, проводили антисоветскую работу среди населения, запрещали в школах преподавание русского языка, задерживали выпуск газет на русском языке и т. п.»[1294]. Это постановление фактически подвело черту под политикой коренизации (в терминологии Сталина — национализации) в прежних формах, главным протагонистом которой в течение всего периода ее реализации был сам Сталин.

* * *

Обращал внимание Сталин и на демографическую динамику как значимый фактор государственного строительства. И на нее, и на статистику, отражавшую демографические процессы, оказывали прямое влияние политические решения Сталина и его окружения. 28 апреля 1936 г. Совнарком принял постановление «О всесоюзной переписи населения 1937 г.». 31 декабря на места было разослано совместное постановление ЦК и СНК, отредактированное Сталиным. Этим постановлением все партийные и советские организации обязывались оказывать всемерное содействие проведению переписи [1295].

Перепись состоялась 6 января 1937 г. Ею были учтены 162 003 225 чел. С полученными результатами в предварительном порядке ознакомилось советское руководство[1296]. 16 января Совнарком принял решение об организации специальной группы «содействия и проверки работы Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) по Всесоюзной переписи населения». Результаты проверки были обобщены в 27-страничной справке, направленной Сталину и Молотову. Она содержала следующие выводы: «1. Перепись была организована с нарушением самых элементарных правил, выдвигаемых статистической наукой и практикой. 2. Перепись была проведена вредительски, имея предвзятой задачей доказать фашистскую ложь о смерти в СССР от голода и эмиграции из СССР в связи с коллективизацией нескольких миллионов человек. 3. Пропущено при переписи, судя по вышеприведенным данным, не менее 4,5 % населения, или около 6,5 млн человек»[1297]. По итогам работы комиссии Совнарком 25 сентября 1937 г. объявил эту перепись проведенной «с грубейшим нарушением элементарных основ статистической науки, а также правительственных инструкций», ее организацию признали неудовлетворительной, а результаты — дефектными. Была назначена новая перепись — на январь 1939 г. Гражданам Страны Советов газета «Правда» объяснила причины: «Враги народа сделали все для того, чтобы извратить действительную цифру населения. Они давали счетчикам вредительские указания, в результате которых многочисленные группы граждан оказались не внесенными в переписные листы». Все организаторы переписи и руководители ЦУНХУ были вскоре арестованы и расстреляны. История этой переписи стала предметом специального изучения в отечественной исторической науке [1298].



Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о Всесоюзной переписи населения. Автограф И.В. Сталина
31 декабря 1936
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1132. Л. 80]

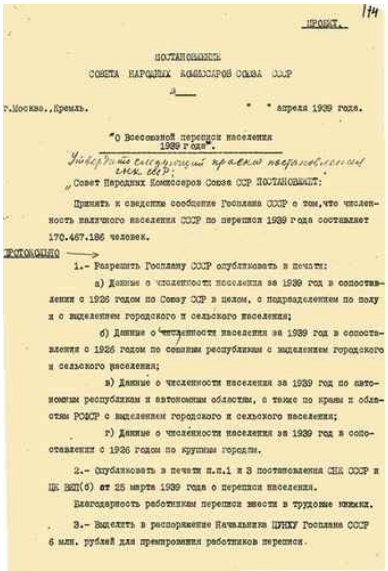
Сокращение населения, если бы итоги переписи были опубликованы, прямо ударял по авторитету верховной власти. Ведь, 26 января 1934 г. в отчетном докладе XVII съезду партии Сталин заявил о росте «населения Советского Союза со 160,5 млн человек в конце 1930 года до 168 млн в конце 1933 года»[1299]. 1 декабря 1935 г. с трибуны совещания передовых комбайнеров и комбайнерок с членами ЦК и правительства Сталин вновь обратится к проблемам демографии: «У нас теперь все говорят, что материальное положение трудящихся улучшилось, что жить стало лучше, веселее. Это, конечно, верно. Но это ведет к тому, что население стало размножаться гораздо быстрее, чем в старое время. Смертности стало меньше, рождаемости больше, и чистого прироста получается несравненно больше. Это, конечно, хорошо, и мы это приветствуем… Сейчас у нас каждый год чистого

прироста населения получается около трех миллионов душ»[1300]. Советское руководство ожидало роста населения до 180 млн человек, и «потеря» 18 млн была абсолютно недопустимой.

Новая перепись, проведенная в 1939 г., дала приемлемые результаты, о которых Сталину и Молотову доложили председатель Госплана Н.А. Вознесенский и начальник ЦУНХУ И. Саутин 21 марта 1939 г. На заседании Политбюро в мае прозвучали данные о 170 467 186 чел.

«Отредактировали» и другие неудобные показатели. Из опросных листов переписи 1939 г. исключили вопрос о религии, ответ на который, как помнит читатель, также сильно обеспокоил Сталина. Скорректировали и показатели роста городского населения, поскольку Сталин в уже упоминавшемся выступлении на совещании с комбайнерами сообщил о том, что численность городского населения в стране удвоилась по сравнению с 1926 г. (26 млн горожан). Перепись 1939 г. сообщила о 55,9 млн городских жителей, хотя их реальная численность составляла 48–49 млн чел.[1301] 25 июля Политбюро утвердило проект указа Президиума Верховного Совета «О награждении работников Всесоюзной переписи населения 1939 года», согласно которому были награждены орденами и медалями в общей сложности 149 чел.[1302]

По некоторым современным подсчетам, за десятилетие, прошедшее между переписями 1926 и 1937 гг., СССР потерял 11 млн чел., причинами чего были голод начала 1930-х, переселение раскулаченных, массовые репрессии, высокая смертность в местах заключения и ссылки, высокая младенческая и детская смертность. Эти потери во многом предопределили аномалии в воспроизводстве населения на несколько десятилетий вперед. С 1929 г. становится устойчивой тенденция снижения рождаемости[1303].



174

ПРОЕКТ.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР

г.Москва.,Кремль. " " апреля 1939 года.

"О Всесоюзной переписи населения
1939 года".

Утвердить следующий проект постановления СНК СССР:

Совет Народных Комиссаров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Принять к сведению сообщение Госплана СССР о том, что численность наличного населения СССР по переписи 1939 года составляет 170.467.186 человек.

ПРОТОКОЛЬНО ——>

1.- Разрешить Госплану СССР опубликовать в печати:

а) Данные о численности населения за 1939 год в сопоставлении с 1926 годом по Союзу ССР в целом, с подразделением по полу и с выделением городского и сельского населения;

б) Данные о численности населения за 1939 год в сопоставлении с 1926 годом по союзным республикам с выделением городского и сельского населения;

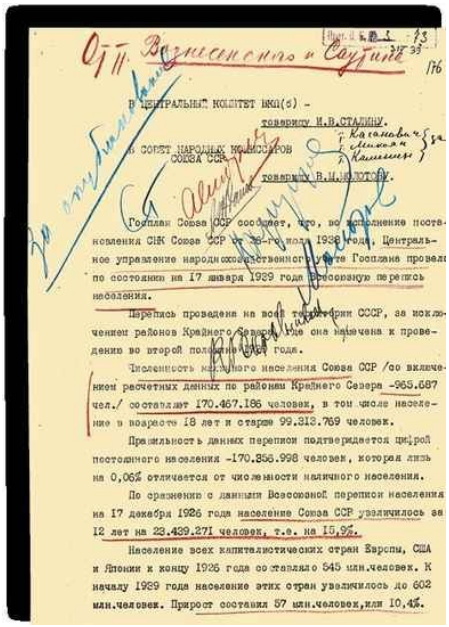
в) Данные о численности населения за 1939 год по автономным республикам и автономным областям, а также по краям и областям РСФСР с выделением городского и сельского населения;

г) Данные о численности населения за 1939 год в сопоставлении с 1926 годом по крупным городам.

2.- Опубликовать в печати п.п.1 и 3 постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 25 марта 1939 года о переписи населения.

Благодарность работникам переписи вносить в трудовые книжки.

3.- Выделить в распоряжение Начальника ЦУНХУ Госплана СССР 6 млн. рублей для премирования работников переписи.



Отп. Вознесенскому и Саутину

176

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б) -
товарищу И.В.СТАЛИНУ.

В СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
СОЮЗА ССР -
товарищу В.М.МОЛОТОВУ.

Госплан Союза ССР сообщает, что, во исполнение постановления СНК Союза ССР от 25-го марта 1939 года, Центральное управление народнохозяйственного учета Госплана провело по состоянию на 17 января 1939 года Всесоюзную перепись населения.

Перепись проведена на всей территории СССР, за исключением районов Крайнего Севера, где она намечена к проведению во второй половине 1939 года.

Численность наличного населения Союза ССР /со включением расчетных данных по районам Крайнего Севера -965.687 чел./ составляет 170.467.186 человек, в том числе население в возрасте 18 лет и старше 99.313.769 человек.

Правильность данных переписи подтверждается цифрой постоянного населения -170.356.998 человек, которая лишь на 0,06% отличается от численности наличного населения.

По сравнению с данными Всесоюзной переписи населения на 17 декабря 1926 года население Союза ССР увеличилось за 12 лет на 23.439.271 человек, т.е. на 15,9%.

Население всех капиталистических стран Европы, США и Японии к концу 1926 года составляло 545 млн.человек. К началу 1939 года население этих стран увеличилось до 602 млн.человек. Прирост составил 57 млн.человек, или 10,4%.

Постановление СНК СССР «О Всесоюзной переписи населения 1939 года», утвержденное Политбюро ЦК ВКП(б), с приложением докладной записки Н.А. Вознесенского и И.В. Саутина И.В. Сталину

31 мая 1939

Подписи — автографы И.В. Сталина, А.А. Андреева, А.А. Жданова, Н.С. Хрущева, В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1226. Л. 174–176]

На излете 1930-х гг. Сталин вновь получил тревожный сигнал о положении дел в демографической сфере, на этот раз от доверенного лица. 27 ноября 1940 г. нарком внутренних дел Л.П. Берия направил председателю СНК СССР Молотову докладную записку о снижении естественного прироста населения СССР в 1940 г. на 41,6 %, обратив внимание не только на снижение рождаемости, но и на увеличение смертности[1304].

«Немедля организовать нажим»: форсирование репрессивных практик в 1930-е гг

В 1930-е гг. достигает пика репрессивная политика советской власти. Основы репрессивных практик сталинского периода были заложены «красным террором» Гражданской войны, когда по приговорам чрезвычайных внесудебных органов были расстреляны несколько десятков тысяч человек[1305]. Не приходится сомневаться в том, что в те годы имел место и «белый террор», однако, как мы видели, Ленин не избегал ответственности большевистского правительства за развязывание Гражданской войны, которая с неизбежностью и привела к использованию обеими сторонами террористических форм борьбы.

По ее окончании в 1920-е гг. репрессии продолжались, но их масштабы сократились. Либерализация социально-экономического режима в рамках новой экономической политики повлекла за собой и некоторую либерализацию общественной жизни. Сталинская «революция сверху», курс на устранение свободно хозяйствующих субъектов из экономической и социальной жизни потребовали нового витка принуждения и репрессий точно так же, как этого требовала большевистская революция 1917–1922 гг.

Сталин приступит к организации «великого перелома» в условиях известного кризиса новой экономической политики, в который вступила страна во второй половине 1920-х. Кризис развития не в первый и не в последний раз в отечественной истории будет решено преодолевать на путях коренной ломки, а не реконструкции ранее возведенной социальной постройки.

* * *

Приступив к перестройке экономического базиса общества, сталинское руководство, в полном соответствии с марксистской доктриной, обратило внимание и на общественно-политическую

надстройку. На рубеже 1920–1930-х Сталин откроет самый массовый внутренний фронт. В ходе коллективизации сильная волна репрессий будет обрушена на крестьянство. Сталин, говоря словами Бухарина, взял «курс на вторую революцию в деревне… на повторную экспроприацию сельскохозяйственной верхушки»[1306]. Главным инструментом этой экспроприации станет раскулачивание.

3 января 1929 г. Политбюро примет постановление, требующее «обеспечить максимальную быстроту осуществления репрессий в отношении кулацких террористов»[1307]. 15 августа того же года в еще одном постановлении — «О хлебозаготовках» — Политбюро учтет замечания Сталина, сформулированные им в письме к Молотову пятью днями раньше: «…дать немедля директиву органам ОГПУ открыть немедля репрессии в отношении… спекулянтов хлебных продуктов»[1308]. 3 ноября Политбюро выпустит «Директиву ОГПУ и НКЮстам», которой предписывалось наркоматам юстиции союзных республик «принять решительные и быстрые меры репрессий, вплоть до расстрелов, против кулаков, организующих террористические нападения на совпартработников и другие контрреволюционные выступления». В последнем постановлении предусматривалась, помимо прочего, возможность внесудебных преследований. Политбюро решило: «Когда требуется, карать через ОГПУ». При этом партийные органы оставались встроенными в систему принятия репрессивных решений, так как «соответствующие меры» ОГПУ обязывалось принимать по согласованию с обкомами ВКП(б), «а в более важных случаях по согласованию с ЦК ВКП(б)»[1309]. Эти решения запустят маховик репрессий в деревне, но не станут единственными решениями центральной власти такого рода. Уже в этот период в центр с периферии стали поступать предложения о карательных инициативах. Такова, например, телеграмма секретаря Казахского крайкома Ф.И. Голощекина, обращенная к Сталину, с просьбой предоставить прокурору Казахстана право выносить окончательное решение о применении расстрелов в период хлебозаготовок. Сталин поддержал это предложение[1310]. Массовое распространение такого рода инициативы с мест получат несколько позднее — в годы Большого террора.

С.М. Киров, Л.М. Каганович, Г.К. Орджоникидзе, И.В. Сталин, А.И. Микоян
1934
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1652. Л. 8]

Согласно приказу ОГПУ от 6 февраля 1930 г., началась операция по «изъятию» 60 тыс. кулаков «первой категории», то есть «активных контрреволюционеров и вредителей». Согласно данным отдела центральной регистратуры ОГПУ, только за период с начала 1930 до 30 сентября 1931 г. в «кулацкую ссылку» было отправлено около 518 тыс. семей общей численностью 2,437 млн чел., более 600 тыс. из них погибли в ходе переселения и в течение первого года жизни на поселении[1311].

Как уже было рассказано выше, крестьянство в массе своей на коллективизацию и раскулачивание ответило массовым сопротивлением. На пике противостояния крестьянства политике властей 7 августа 1932 г. ЦИК и СНК подписали постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Инициировал подготовку постановления Сталин, и в значительной степени оно им и было написано. Этим актом за «кражу и расхищение колхозной собственности» устанавливалось наказание: заключение на 10 лет в лагерях или смертная казнь. В народной памяти это постановление сохранится под названием закона о трех (или пяти) колосках.

На этом новом витке гражданского противостояния в аграрном секторе, как отмечается в ряде современных исследований, сталинские лозунги и пафос нового социального строительства найдут определенную поддержку в так называемых бедняцких слоях сельского населения и значительной части сельской молодежи, удельный вес

которой в половозрастной (демографической) пирамиде к этому времени существенно вырос. В деревне к началу коллективизации сформировался значительный слой молодых крестьян, «променявших «соху» на «портфель»», связавших свою судьбу с новыми социальными структурами — комсомолом, партийной ячейкой, сельсоветом и ставших активными проводниками курса на коллективизацию и раскулачивание[1312].

* * *

На рубеже 1920–1930-х в сельском хозяйстве в полном объеме развернется борьба с так называемым вредительством, начавшаяся в 1920-х гг. в общегосударственном масштабе на предприятиях промышленности. Большинство проблем, возникающих в ходе «социалистической реконструкции» аграрного сектора, и здесь станет связываться с вредительством. Процесс выявления вредительства был запущен в центральных учреждениях наркоматов земледелия СССР и Украинской ССР. В январе 1930 г., с разницей в два дня, Сталин получил первые докладные от руководителей ГПУ Украины В.А. Балицкого и ОГПУ СССР Г.Г. Ягоды о вредительстве в сельском хозяйстве. На скоординированный характер подготовки докладных указывает не только почти их одновременное появление, но и прямая ссылка в докладной Ягоды на следствие, которое ведет ГПУ Украины. В обеих записках речь шла о контрреволюционных вредительских группах (у Балицкого) и контрреволюционной вредительской организации (у Ягоды) кадетско-монархического толка. На Украине, кроме того, «компетентными органами» была «раскрыта украинско-шовинистическая вредительская группа деятелей агрономии». Вредители, — по версии следствия, — захватили в свои руки украинский Наркомзем, его научные учреждения и периферийный аппарат. «Достижения» Ягоды были масштабнее, ведь его структурам удалось «раскрыть» «вредительскую организацию», поставившую «себе задачу внести глубокое расстройство в сельское хозяйство» всего Союза ССР. Вредительство, а значит, и следствие велось по трем направлениям: землеустройство и внедрение в севооборот непригодных для местных условий семян; вредительство в целях срыва машинизации сельского хозяйства и вредительство по линии кредитования сельского хозяйства[1313]. Очень скоро борьба с вредительством распространится и на другие смежные ведомства. В августе 1930 г. Сталин порекомендует: «Нужно обязательно расстрелять всю группу вредителей по мясопродукту, опубликовав об этом в печати»[1314].

* * *

Целенаправленное воздействие на аграрный сектор с целью его индустриальной трансформации, сердцевиной которого станут коллективизация и раскулачивание, повлекут за собой мощные социальные сдвиги. Миллионы вчерашних крестьян станут фабрично-заводскими рабочими. Чрезвычайный характер строек индустриализации, низкий образовательный и культурный уровень прибывавших на них вчерашних крестьян часто имели результатом производственные аварии, поломки дорогостоящей техники. Находившиеся в стадии становления процессы управления производством, неотлаженные технологические и логистические цепочки в рамках чрезвычайных мер по форсированию индустриализации не могли не приводить к срывам самого различного толка. Одновременное форсирование роста экономики по всем линиям в условиях относительной управленческой, технологической и технической отсталости вело не только к нарастанию проблем в экономике, но и к росту общественного напряжения, а в аграрном секторе — и к реальному физическому сопротивлению новому курсу со стороны управляемых. Указывать на объективный характер трудностей означало подвергнуть сомнению правомерность самого курса в целом. Советская пропаганда станет объяснять любые возникающие проблемы происками вредителей, что работало на цели психологической мобилизации населения. А такого рода мобилизация, в свою очередь, позволяла ставить многообразные задачи — и в части поиска врагов, и в части соблюдения производственной дисциплины, и в части выполнения и перевыполнения планов в целях достижения ориентиров социалистического строительства. Сталин заявлял, что «вредители есть и будут, пока есть у нас классы, пока имеется капиталистическое окружение»[1315]. Невысокий уровень жизни рабочих неизбежно порождал в этой среде социальную неприязнь по отношению к относительно более обеспеченным техническим специалистам. Страну захлестнут «спецеедские» кампании, в которые советское руководство постарается вовлечь рабочие низы.

Сталин возьмет курс на организацию открытых уголовно-политических судебных процессов по сфабрикованным «делам». Проведение таких процессов позволяло Сталину решать, помимо вышеназванных задач мобилизующего толка, и некоторые другие. Превентивно ликвидировались очаги реальной, потенциальной или мнимой угрозы политическому курсу, при этом обществу, в целом, демонстрировалась брутальность властей, готовых к использованию самых жестких методов подавления проявлений оппозиционности. Угрозой применения репрессии дисциплинировалось поведение управляющих и управляемых, ответственных исполнителей в

технологических и, что еще более важно, — управленческих цепочках. В каждый из такого рода судебных процессов советское руководство будет вплетать и международную составляющую, пытаясь, таким образом, попутно решать и актуальные тактические задачи, возникавшие на международной арене.

На рубеже 1920–1930-х в рамках общего политического курса на вытеснение старых специалистов из всех значимых сфер общественной жизни, по указаниям Сталина будут сконструированы несколько таких открытых судебных процессов. Часть из них состоится, по другим репрессивные акции будет решено провести, так сказать, «в рабочем порядке», не привлекая излишнего внимания. В рамках этой широкой репрессивной кампании проводятся «шахтинский» процесс (1928), организуется «Академическое дело» (1929–1931), проходят чистки и аресты военных и деятелей оборонной промышленности, процессы над членами так называемой «Промпартии», над «Союзным ЦК РСДРП» и др. Причем во всех случаях Сталин сам будет направлять и дозировать репрессии.

Сталин будет стремиться консолидировать и политические, и интеллектуальные элиты, в прямом и переносном смысле изгоняя из аппарата управления или репрессируя ее представителей, потенциально не лояльных себе или своему политическому курсу и дисциплинируя, таким образом, остальных. Репрессия становится основным инструментом консолидации на просталинской платформе. Обвинения во вредительстве станут шаблоном, на основе которого будут создаваться и развиваться такого рода «спецеедские» дела, посредством которых старые специалисты будут устраняться с общественной арены.

* * *

Череду этих судебных процессов откроет так называемое «Шахтинское дело» (официально «Дело об экономической контрреволюции в Донбассе»). Происхождение этого дела и его перипетии хорошо изучены в отечественной историографии, подготовлено и выпущено в свет фундаментальное издание комплекса архивных документов. 2 марта 1928 г. заслушав доклад руководства ОГПУ, Сталин и Молотов приняли решение масштабировать дело, в основе которого лежали факты проявления халатности и небрежности, и придать ему политическую окраску. Обвинять попавших под следствие станут во вредительстве и шпионаже. Делу придадут и гласность, и международный резонанс. Для подготовки процесса в тот же день Политбюро создало специальную комиссию под руководством предсовнаркома Рыкова в составе Сталина (с заменой Молотовым), Орджоникидзе, Куйбышева. Позднее в состав комиссии будет

инкорпорирован еще и Ворошилов. Комиссии были предоставлены права окончательного решения вопросов процесса[1316]. Чтобы показать связь «вредителей» с иностранным капиталом, 5 марта по предложению Молотова и Сталина Политбюро вынесло решение об аресте немецких специалистов, работавших в Донбассе; англичан решили «не трогать». «Шахтинский процесс» из-за ареста немецких специалистов вызвал резкое обострение советско-германских отношений[1317]. 7 марта ЦК ВКП(б) приняло за основу проект обращения «Об экономической контрреволюции в южных районах углепромышленности», подготовленный Сталиным, Бухариным и Молотовым. 9 марта комиссия Политбюро подготовила окончательный вариант «проекта извещения прокурора», опубликованный на следующий день в «Правде»[1318]. Политбюро приняло и целый ряд других решений по этому «делу», отчетливо демонстрирующих заказной, политически мотивированный характер процесса. Советская политическая верхушка тщательно выбирала место и дату проведения судебного процесса, состав суда, государственных и общественных обвинителей, редактировала информационные сообщения, тексты обвинительного заключения и приговора. По созданным лекалам в дальнейшем будут проходить и другие аналогичные процессы. Судебный процесс по «Шахтинскому делу» состоялся в мае — июле 1928 г. в Москве, в Колонном зале Дома Союзов. Обвинения во вредительстве и саботаже, создании контрреволюционной вредительской организации, связанной с «Парижским центром» и «Польским объединением» были предъявлены 53 руководителям и специалистам угольной промышленности. Ряд участников обвинялись и в создании подпольной контрреволюционной организации, связанной с зарубежными антисоветскими центрами. В ходе процесса 11 обвиняемых были приговорены к расстрелу, остальные к различным срокам заключения. Несколько обвиняемых получили условные сроки, четверо, включая двух граждан Германии, были оправданы[1319].

Политические итоги «Шахтинского дела» будут подведены на апрельском Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1928 г., причем главная роль отводилась председателю Совнаркома А.И. Рыкову. Позиция Рыкова, как и остальных будущих «правых уклонистов», ничем существенным от позиции Сталина и Молотова не отличалась, а один из них — М.П. Томский сыграет активную роль в развертывании дела, будучи в ходе расследования специально командирован в Донбасс. На пленуме Рыков сделает несколько показательных заявлений. «Главный вопрос, — скажет он в своем докладе, — заключается в том, что дело не только не было раздуто, но что оно больше и серьезнее, чем можно было ждать при раскрытии его». Другая декларация как нельзя лучше характеризует общие для всей большевистской верхушки представления о соотношении норм закона и политики. Он заявит: «Вообще говоря, политическая партия

должна подчинять те или иные процессы вопросам политики, а вовсе не руководствоваться абстрактным принципом наказания виновных по справедливости».[1320] Очень скоро «правые уклонисты» этот подход смогут испытать на себе.

«Шахтинское дело» обозначило переломный момент в истории отношений советской власти и интеллигенции. Сталин возьмет курс на разгром кадров старой интеллигенции, допущенной к участию в экономической и общественной жизни в годы новой экономической политики, параллельно приступив к форсированному созданию новой советской интеллигенции. Новых кадров потребовали, конечно, не только политические задачи смены элит, но и чисто утилитарные — запланированный резкий абсолютный рост советской экономики требовал все большего количества подготовленных специалистов.

* * *

Еще ряд уголовно-политических дел и соответствующих крупных публичных судебных процессов родятся в результате развертывания после «Шахтинского дела» борьбы с «вредительством» в экономике и выдавливанием из нее старых специалистов. Аморфную контрреволюционную организацию «шахтинского этапа» заменят в них уже «контрреволюционные партии» (не существовавшие в реальности), сконструированные совместными усилиями политического руководства и высокопоставленных сотрудников ОГПУ.

Организация «Шахтинского дела» не прекратила, а, наоборот, стимулировала нарастание волны арестов в определенной социальной среде.

В рамках этой кампании в 1930 г. органами ОГПУ были проведены аресты крупных специалистов-хозяйственников, в том числе работавших в Госплане и ЦСУ СССР. В их число попадут В.А. Базаров, В.Г. Громан, Н.Н. Суханов, известнейшие ученые-экономисты Н.Д. Кондратьев, А.В. Чаянов и др. С подследственными проведут интенсивную «работу» и 2 августа 1930 г. Сталин порекомендует Молотову ознакомить с показаниями В.Г. Громана, Н.Д. Кондратьева и Н.П. Макарова членов ЦК партии. Через несколько дней он уже сформулирует и свои рекомендации: «Я думаю, что следствие по делу Кондратьева — Громана — Садырина нужно вести со всей основательностью, не торопясь… — Здесь же он порекомендует вскрыть связь арестованных с «правыми уклонистами». — Не сомневаюсь, что вскроется прямая связь… между этими господами и правыми (Бух[арин], Рыков, Томский). Кондратьева, Громана и пару-другую мерзавцев нужно обязательно расстрелять»[1321].

Тогда же, в августе, в другом письме он отдал распоряжение: «Надо обязательно арестовать Суханова, Базарова, Рамзина. Нужно

пощупать жену Суханова...»[1322] «Щупать» станут жену того самого Суханова, на квартире которого в 1917 г. от преследований Временного правительства скрывался вождь большевистской революции В.И. Ленин.

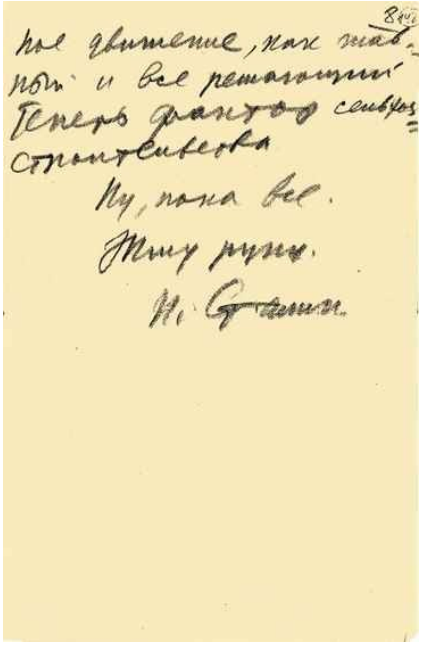
В сентябре Сталин поделился с Молотовым планами: «Придется... обновить верхушку Госбанка и Наркомфина за счет ОГПУ и РКИ после того, как эти последние органы проведут там проверочно-мордобойную работу»[1323].

Протоколы допросов арестованных Сталину в Сочи, где он находился на отдыхе, привозил для ознакомления зампред ОГПУ Г.Г. Ягода. Сталин распорядится собрать и издать в виде брошюры «Материалы по делу контрреволюционной «Трудовой крестьянской партии» и группировки Суханова — Громана (Из материалов следственного производства ОГПУ)».

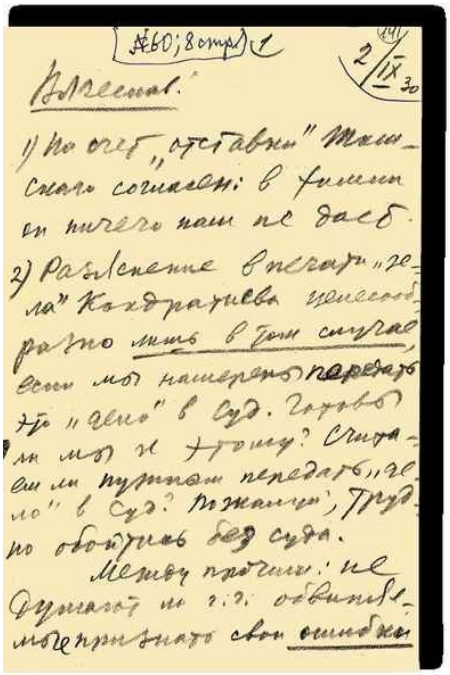
Сфабрикованное первым, дело «Трудовой крестьянской партии» было вполне подготовлено к тому, чтобы запустить еще один громкий политический процесс. Однако тогда пришлось бы демонстрировать крестьянству, всячески сопротивлявшемуся коллективизации, наличие у него мощного политического союзника в лице целой политической партии, с одной стороны, а обвинения в адрес ТКП подкреплять примерами крестьянского сопротивления, организованного ею. Сталин, судя по всему, сочтет такой подход неразумным. Прежде всего потому, что уже был избран и вовсю реализовывался другой политический подход, в рамках которого советская пропаганда трубила об успехах коллективизации. В письме к Молотову от 22 сентября Сталин порекомендует: «Подождите с делом передачи в суд кондратьевского «дела». Это не совсем безопасно... У меня есть некоторые соображения против»[1324]. В результате готовившийся судебный процесс так и не состоится.

Зато будут сконструированы еще две несуществующих партии и над ними проведены громкие уголовно-политические судебные процессы, как и «Шахтинское дело», имевшие широкий международный резонанс. Все формировавшиеся «дела» будут направляться непосредственно Сталиным.

В октябре Сталин дал четкие указания председателю ОГПУ В.Р. Менжинскому, в каком направлении вести следствие: «а) Сделать одним из самых важных узловых пунктов новых (будущих) показаний верхушки ТКП, Промпартии и особенно РАМЗИНА вопрос об интервенции и сроке ин(тервен)ции... если показания РАМЗИНА получат подтверждение и конкретизацию в показаниях других обвиняемых (ГРОМАН, ЛАРИЧЕВ, КОНДРАТЬЕВ и К. и т. д.), то это будет серьезным успехом ОГПУ... Понятно? Привет» [1325].



ное движение, как жав-
ный и все решающий
Теперь фактор сельхоз-
строительства
Ну, пока все.
Жму руку.
И. Сталин.



№60; 8 стр. 1

2/IX 30

Вячеслав!

1) По счет „отставки" Том-
ского согласен: в химии
он ничего нам не даст.
2) Разъяснение в печати „де-
ла" Кондратьева целесооб-
разно лишь в том случае,
если мы намерены передать
это „дело" в суд. Готовы
ли мы к этому? Счита-
ем ли нужным передать „де-
ло" в суд? Пожалуй, труд-
но обойтись без суда.
Между прочим: не
думают ли г.г. обвиняе-
мые признать свои ошибки

Письмо И.В. Сталина В.М. Молотову о деле Н.Д. Кондратьева, отставке М.П. Томского, чистке аппарата Госбанка, новом уставе поселковых товариществ

2 сентября 1930

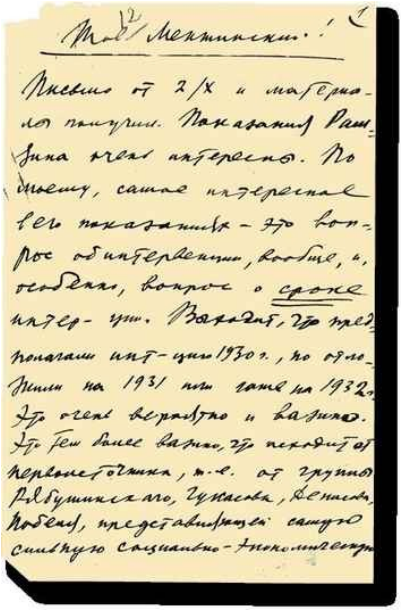
Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 141–148]

Основной процесс, в конечном итоге, будет развернут в октябре — декабре 1930 г. вокруг так называемого дела «Промышленной партии» (Промпартии), упомянутой в цитированном выше письме Сталина. Большая группа инженеров и научно-технической интеллигенции была обвинена в создании антисоветской подпольной организации, занимавшейся вредительством и диверсиями в различных отраслях промышленности и на транспорте, в подготовке иностранной интервенции и террористических акций.

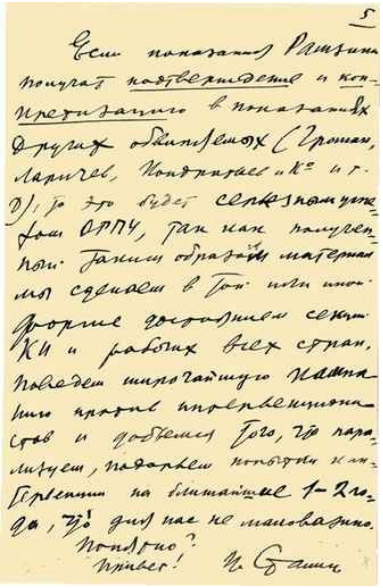
25 октября 1930 г. Политбюро примет решение об организации специального процесса, месяцем позднее для руководства ходом процесса создается комиссия под руководством Молотова. В ходе этого дела, помимо решения прочих задач, Сталин решит нанести ответный удар по Франции, власти которой 3 октября 1930 г. ввели так называемое лицензирование, фактически запретив ввоз значительной части советских экспортных товаров, мотивируя эти меры борьбой с советским демпингом. От арестованных добьются признания о связях «вредительства» с «планами интервенции», которая подготавливалась французскими правительственными кругами и сотрудниками французской дипломатической миссии в Москве[1326]. Разразившийся торговый конфликт в сочетании с делом «Промпартии», в котором будет обозначен враждебный «французский след», поставит отношения двух стран на грань разрыва.

6 декабря Политбюро утвердит предложение «молотовской» комиссии о формуле приговора[1327]. Решением Специального присутствия Верховного суда от 7 декабря 1930 г. пятеро подсудимых были приговорены к расстрелу (заменен на 10-летнее тюремное заключение), трое других — к 10 годам тюремного заключения (срок будет сокращен до 8 лет). Сталин на протяжении 1930-х будет не раз публично обращаться к политической интерпретации обоих судебных процессов. «Шахтинцы и промпартийцы были открыто чуждыми нам людьми… никто из наших людей не сомневался в подлинности политического лица этих господ», — так, например, заявил Сталин 3 марта 1937 г.[1328]



Тов. Менжинский!

Письмо от 2/X и материалы получил. Показания Рамзина очень интересны. По моему, самое интересное в его показаниях — это вопрос об интервенции, вообще, и, особенно, вопрос о сроке интер-ции. Выходит, что предполагали инт-цию 1930 г., но отложили на 1931 или даже на 1932 г. Это очень вероятно и важно. Это тем более важно, что исходит от первоисточника, т.е. от группы Рябушинского, Гукасова, Денисова, Побеля, представляющей самую сильную социально-экономическую



5

Если показания Рамзина получат подтверждение и конкретизацию в показаниях других обвиняемых (Громан, Ларичев, Кондратьев и К° и т. д.), то это будет серьезным успехом ОРПУ, так как полученный таким образом материал мы сделаем в той или иной форме достоянием секции КИ и рабочих всех стран, поведем широчайшую кампанию против интервенционистов и добьемся того, что парализуем, подорвем попытки интервенции на ближайшие 1–2 года, что для нас не маловажно.

Понятно?

Привет! И. Сталин

Письмо И.В. Сталина В.Р. Менжинскому с сообщением о получении его письма от 2 октября и материалов показаний участников «Промпартии», о значении показаний Л.К. Рамзина о сроках интервенции, об оценке «Торгпрома» как самой сильной социально-экономической группы из всех враждебных группировок и в СССР, и в эмиграции с предложением по дальнейшему ведению следствия

Не ранее 2 октября 1930

Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5276. Л. 1–5]

Из упоминавшейся выше «группировки Суханова — Громана» также сконструируют несуществующую партию, которую проведут через еще один открытый судебный процесс. Аресты бывших меньшевиков прошли с лета 1930 по весну 1931 г. Судебному преследованию будут подвергнуты 122 человека. На открытом процессе «Союзного бюро меньшевиков», который состоится 1–9 марта 1931 г. в Колонном зале Дома Союзов в Москве, 14 обвиняемых будут осуждены к тюремному заключению на срок от 5 до10 лет, с последующим «поражением в правах». Одним из основных свидетелей обвинения выступит главный фигурант «дела Промпартии» член руководящих органов Госплана и ВСНХ Л.К. Рамзин. Подсудимых обвинят в стремлении возродить в стране меньшевистскую партию, создать оппозиционный блок с целью свержения советской власти, использовав для этого свое служебное положение. В соответствии с версией ОГПУ, послужившей основанием для судебного заключения, эта «контрреволюционная организация» «наладила старые связи с загранично-эмигрантским меньшевистским центром», поддерживала связь с «руководящими кругами II Интернационала», вступила в блок с «Промпартией» и «Трудовой крестьянской партией» в целях восстановления капиталистических отношений. Большинство обвиняемых, привлеченных к уголовной ответственности в рамках этого дела, приговорят к лишению свободы внесудебные тройки и коллегия ОГПУ. Раскручивая это дело, помимо внутриполитических задач, Сталин вновь решал и внешнеполитические. Как мы увидим, на международной арене в это время по линии Коминтерна достигнет апогея борьба советского руководства с международной социал-демократией, лидеров которой Сталин постарается скомпрометировать обвинениями в интервенционизме. Советские руководители продолжали вести борьбу за симпатии «трудящихся масс» капиталистических стран и не оставляли надежд на то, что коммунистические партии (они же — секции Коминтерна, руководимые из Москвы) смогут добиться этой цели.

Один из видных деятелей российской эмиграции Б.И. Николаевский, анализируя события, связанные с этим процессом, скажет: «Почему большевикам нужен был этот процесс? Этот процесс только звено в целой цепи процессов, которыми ликвидируется систематически и планомерно все окружение, активно проводившее политику нэпа и которое работало над демократической ликвидацией большевизма»[1329].

В этот общий ряд следует, видимо, поставить и так называемое «Академическое дело», которое развернется в 1929–1930 гг. в Ленинграде. Это дело было направлено против руководства Академии наук и ряда видных историков. В ходе следствия были арестованы свыше 100 человек, включая академиков Е.В. Тарле, С.Ф. Платонова и др. Решения и по этому делу принимало Политбюро при

непосредственном участии Сталина[1330]. Открытого процесса проведено не будет, судьбу арестованных решит во внесудебном порядке коллегия ОГПУ. Ее постановлением от 8 августа 1931 г. к различным срокам заключения и ссылки будут приговорены 29 чел.[1331]

Судя по всему, все эти дела рубежа 1920–1930-х были призваны представить советскому обществу единый фронт антисоветских сил, имевших намерение посредством широкомасштабного вредительства и пособничества или прямого содействия интервенции свергнуть советскую власть. Масштабный характер угрозы, призванной консолидировать общество на просоветских началах, и ее отражение объективно подготовили мощный фундамент для развертывания репрессивных кампаний второй половины 1930-х.

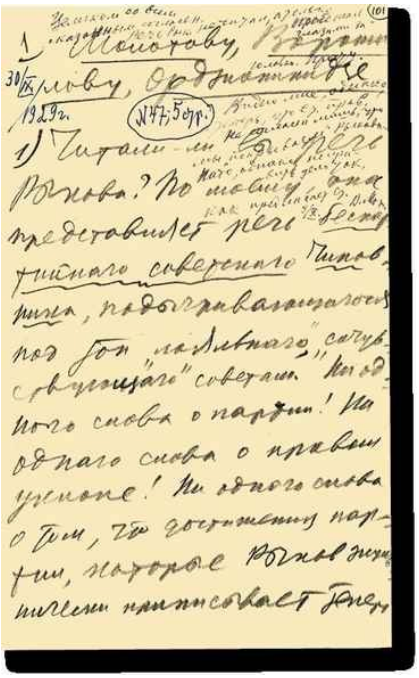
* * *

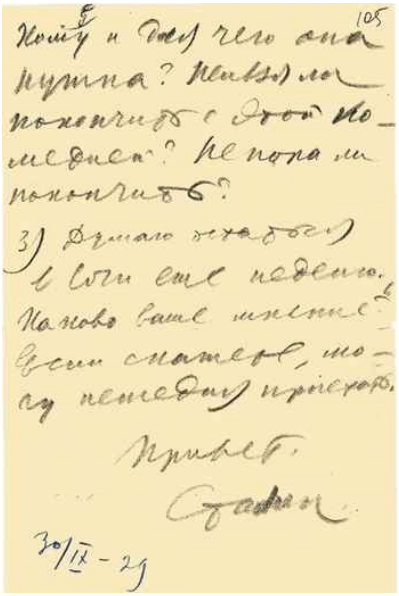
Курс Сталина на консолидацию политического пространства в 1930-е будет нацелен не только на социум, в котором приходилось действовать правящей партии, но и на саму большевистскую партию. Политический тренд года «великого перелома», как и новой политической эпохи в целом, будет ясно продемонстрирован высылкой в начале 1929 г. из СССР в соответствии с постановлением Политбюро Л.Д. Троцкого «за антисоветскую работу»[1332]. Различным формам преследования, включая лишение свободы или ссылки в «отдаленные местности Советского Союза», подверглись и сторонники Троцкого, предлагавшего в свое время леворадикальный политический курс, многие идеи которого были потом заимствованы Сталиным.

Сталин явился инициатором изоляции и отстранения от руководства «правых уклонистов» — председателя Совнаркома СССР А.И. Рыкова, председателя ВЦСПС М.П. Томского, члена Политбюро ЦК ВКП(б) Н.И. Бухарина, выступавших за умеренные темпы коллективизации сельского хозяйства, утвержденные, напомним, высшими партийными форумами. В начале февраля 1929 г. они направили совместное заявление по вопросу о коллективизации в адрес Объединенного заседания Политбюро ЦК и Президиума Центрального контрольного комитета (ЦКК). На апрельском пленуме того же года Сталин, настаивавший на ускорении темпов, вновь квалифицировал их позицию как «правый уклон»[1333] и сразу подверг атаке слабейшего из числа подписантов. Пленум принял решение о снятии Томского с поста председателя ВЦСПС, которое формально было реализовано пленумом этой организации в мае того же года[1334]. В сентябре, находясь на отдыхе в Сочи, Сталин направил письмо Молотову, Ворошилову, Орджоникидзе, в котором выразил крайнее недоумение по поводу того, что Рыков продолжает председательствовать на заседаниях Политбюро, и настоятельно

порекомендовал покончить с этой «комедией». Вряд ли случайно это «маленькое, но ответственное поручение» Сталин в свое отсутствие доверил членам ближайшего окружения, вовлекая их в процесс изоляции недавних друзей и соратников. В этом же письме он разгромил последнюю речь Рыкова, назвал ее речью «беспартийного советского чиновника, подыгрывающегося под тон «лояльного», «сочувствующего» советам», квалифицировал ее как проявление политического лицемерия[1335]. Молотов оставил на этом письме свою резолюцию, которая хорошо характеризует атмосферу, сложившуюся к тому времени в ближайшем окружении Сталина. Он всецело поддержит мнение «Хозяина»: «Целиком со всем сказанным согласен. Речь Рык[ова] не читал… Видно мне, однако, и теперь, что Ст[алин] прав…»[1336] Судя по всему, к началу 1930-х авторитет Сталина приблизился к достижению своего апогея, а авторитет власти и власть авторитета уже сольются воедино. Кстати говоря, специфическая форма оценки, данная Молотовым, не останется единственным такого рода свидетельством советской эпохи. В октябре 1958 г. после публикации за рубежом романа «Доктор Живаго» развернется травля Бориса Пастернака. В общественном сознании ее квинтэссенцией надолго окажется фраза: «Не читал, но осуждаю!».

В начале октября в письме Молотову Сталин обозначил теперь уже изоляцию Бухарина как близкую политическую задачу: «Надо думать, что Бухарин вылетит из Политбюро»[1337]. Уже через месяц Сталин поведет речь не просто о председательствовании или пребывании в составе Политбюро: в очередном письме к Молотову он поставил вопрос «о несовместимости пропаганды или защиты правоуклонистских взглядов с принадлежностью к партии»[1338].





Письмо И.В. Сталина В.М. Молотову, К.Е. Ворошилову и Г.К. Орджоникидзе о позиции А.И. Рыкова и его председательствовании на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б)

30 сентября 1929

Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 101–105]

Трагическую роль в политической и личной судьбе Бухарина, «правых уклонистов», а может быть, и судьбе страны сыграла политическая ошибка Бухарина, вероятно, основанная на личных качествах этого человека. В поисках опоры он позволил себе тайные встречи с лидерами разгромленной с его же участием оппозиции — Л.Б. Каменевым и Г.Я. Сокольниковым. Об этом станет известно Сталину, что спровоцирует в начале 1929 г. политический скандал. Сталин, конечно, в полной мере использовал этот факт, сделав его центральным пунктом политического обвинения против «правых уклонистов»[1339]. Не приходится сомневаться, что для Сталина переговоры Бухарина стали не просто проявлением политической нелояльности, но и актом личного предательства со стороны человека, числившегося до недавнего времени по разряду его личного друга и друга семьи. От сговора за твоей спиной до заговора с целью отстранить тебя от власти — невелика дистанция, и в своем восприятии Сталин, судя по всему, быстро ее преодолел.

Дело по устранению правых из политического руководства Сталин станет вести осторожно, выдавливая своих оппонентов из состава Политбюро и ЦК постепенно, шаг за шагом, по одному. Он понимал, что их позиция основательно укоренена в представлениях значительных по численности партийных масс и опирается на резолюции предшествующих партийных форумов.

Решительное столкновение произойдет на ноябрьском 1929 г. пленуме ЦК. На пленуме Рыков зачитает обращение тройки «правых уклонистов», в котором они отвергнут обвинения в правом, и, тем более, антипартийном уклоне. Рыков заявит: «Мы целиком и полностью разделяли и разделяем генеральную линию партии». Пространное обращение он резюмирует следующим образом: «Итак, основным разногласием с большинством ПБ и ЦК у нас было разногласие по вопросу о применении чрезвычайных мер», которых в качестве «длительной системы» опасались «правоуклонисты» [1340].

Начнет атаку против уклонистов Орджоникидзе, взявший слово сразу после выступления Рыкова. Его речь сыграет важнейшую роль в победе на пленуме сталинской группы. Он назовет зачитанный Рыковым документ «жульническим» и призовет «правых» признаться: «Надо прямо сказать: вы биты жизнью, партия победила», «выйдите и скажите честно: ошиблись, больше не будем!»[1341] Сталин написал ему записку, которая раскрывает непростой расклад сил на пленуме и его плохо скрываемую тревогу за исход дебатов: «Серго! Вышло очень хорошо. Некоторые (многие) товарищи думают здесь так же, как и ты, но с выступлением не торопятся, может быть, потому, что не прочь «немножечко» спрятаться, боятся выступить первыми. Твое выступление тем, между прочим, и ценно, что оно окрылило товарищей и дало им недостающее мужество. Это хорошо. Коба»[1342]. Мы никогда не узнаем, вспомнит ли 18 февраля 1937 г. Орджоникидзе, нажимая на

курок револьвера, направленного в собственное сердце, об «основном разногласии» «правоуклонистов» со Сталиным. «Применение чрезвычайных мер как длительной системы» к тому времени фактически исключило не только из партии, но и из жизни не только «правых уклонистов», «троцкистов», «зиновьевцев», не говоря уже о так называемых «бывших» и сотнях тысяч «кулаков». «Вычищены» окажутся и многие представители директорского корпуса, которых Орджоникидзе не смог «выдернуть» из-под набиравшего ход катка Большого террора.

На пленуме Сталин, повторяя формулу Орджоникидзе, обвинит «правых уклонистов» в намерении «жульнически» протащить «формулу врастания кулака в социализм». Он предложит правым «одно из двух — либо товарищи вот этот ублюдок [платформу правых] отбросят к черту… и тогда мы единым фронтом пойдем против врагов слева и справа, либо они останутся на базе этого ублюдка, который есть документ отступления, для того чтобы подготовить наступление на партию. Тогда, конечно, придется их погромить, придется помять им бока… Уж закон борьбы таков, ничего не поделаешь»[1343].

Бухарин специальным постановлением пленума «О группе т. Бухарина» «как застрельщик и руководитель правых уклонистов» будет выведен из состава Политбюро, Рыков и Томский — строго предупреждены[1344].

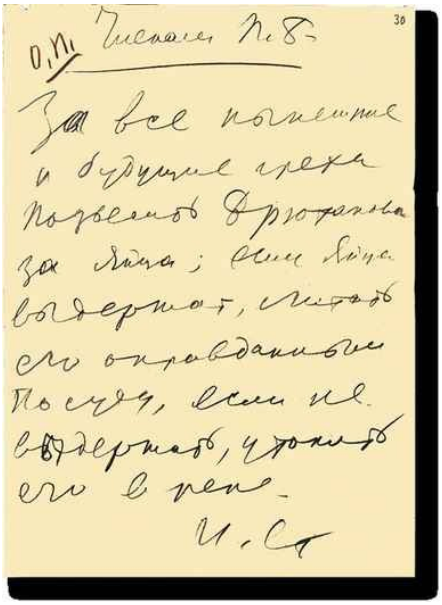
«Вчерашние союзники по борьбе с троцкизмом», — как их назовет Сталин, поймут, как им тогда покажется, все правильно, и 26 ноября «Правда» опубликует заявление Рыкова, Бухарина и Томского. В нем «правоуклонисты» скажут: «В течение последних полутора лет между нами и большинством ЦК ВКП(б) были разногласия по ряду политических и тактических вопросов. Свои взгляды мы излагали в ряде документов и выступлений на пленумах и других заседаниях ЦК и ЦКК ВКП(б). Мы считаем своим долгом заявить, что в этом споре оказались правы партия и ее ЦК».

Томского выведут из состава Политбюро в июне 1930 г., Рыков станет одним из трех должностных лиц, которые подпишут постановление ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством»[1345]. Именно это постановление и станет основой для проведения раскулачивания и вряд ли случайно Сталин «поручит» именно Рыкову с его репутацией «защитника» крестьянства подписать документ, имевший целью разрушить традиционные социально-экономические устои русской деревни.

До точки кипения дойдут отношения двух бывших близких друзей — Сталина и Бухарина. 14 октября 1930 г. между ними состоится телефонный разговор, который Сталин решит предать огласке в своей, разумеется, интерпретации на объединенном заседании Политбюро и

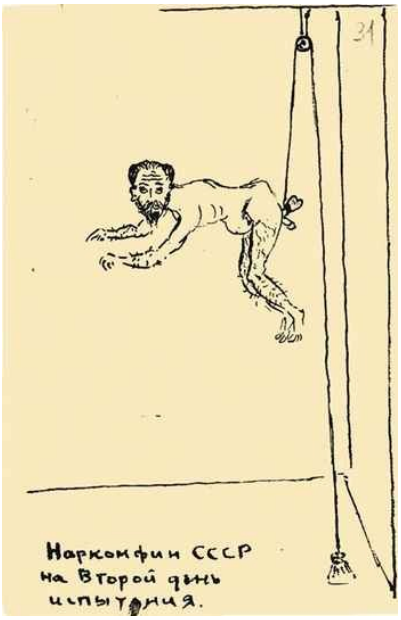
Президиума Центральной контрольной комиссии (ЦКК). В этом разговоре Сталин предъявит Бухарину обвинение в том, что тот «своей необузданной личной агитацией против Сталина культивирует террористов среди правых уклонистов». Потрясенный Бухарин напишет Сталину эмоциональное резкое личное письмо, в котором назовет его «обвинения чудовищной, безумной клеветой, дикой и, в конечном счете, неумной…»[1346] Сталин обнародует и это письмо, разослав его членам ЦК. Почувствовав себя в проигрышном положении, Бухарин попытается оправдаться, разослав свое не слишком внятное обращение к членам ЦК[1347].

Рыков станет последним из трех главных правых уклонистов, вынужденно покинувших большевистский олимп. 19 декабря 1930 г. он был снят с поста председателя СНК СССР, а 21 декабря того же года выведен из состава Политбюро. До середины 1930-х гг. «правые уклонисты», однако, сохраняли и членство в партии, и второстепенные посты в партийном и государственном руководстве.


О.П. Членам П.Б.

За все нынешние и будущие грехи подвесить Дрюханова за яйца; если яйца выдержат, считать его оправданным по суду, если не выдержать, утопить его в реке.

И. Ст



Шуточная записка И.В. Сталина членам Политбюро ЦК ВКП(б) о «грехах» наркома финансов Н.П. Брюханова с приложением шаржа В.И. Межлаука на Н.П. Брюханова

Автограф И.В. Сталина

5 апреля 1930

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 27. Л. 30, 31]

Действия Сталина по подготовке членов своего ближайшего окружения к принятию решений репрессивного характера в отношении оппозиционеров (или заподозренных в нелояльности) будут приобретать временами самые причудливые формы. В начале апреля 1930 г. в руки Сталину попал оскорбительный скабрезный шарж, сделанный В.И. Межлауком на наркома финансов Н.П. Брюханова. Сталин разослал его членам Политбюро со своей «шуточной» резолюцией: «За все нынешние и будущие грехи подвесить Брюханова за яйца; если яйца выдержат, считать его оправданным по суду, если не выдержат, утопить его в реке»[1348]. В октябре того же года Брюханов будет освобожден от должности, в годы Большого террора расстрелян.

В 1930 г. развернется дело С.И. Сырцова (председатель СНК РСФСР и кандидат в члены Политбюро) — В.В. Ломинадзе (1-й секретарь Закавказского крайкома партии), недовольных сталинским курсом. Их обвинили в антипартийной, фракционной деятельности. Объединенное заседание Политбюро и Президиума ЦКК вывело их из ЦК партии за организацию «лево-правого» блока[1349].

В том же году в партийной среде получило резонанс дело М.Н. Рютина, занимавшего на тот момент пост председателя правления Государственного всесоюзного кинофотообъединения «Союзкино»,

являвшегося членом президиума ВСНХ и кандидатом в члены ЦК ВКП(б). В октябре его исключили из партии «за предательски-двурушническое поведение и попытку подпольной пропаганды правооппортунистических взглядов». Обвинение в двурушничестве в данном случае не выглядит совсем уже «притянутым за уши», так как Рютин несколькими годами ранее был ярым «сталинцем» и принимал участие в разгроме «троцкистско-зиновьевской» оппозиции. Его снимут со всех постов, 13 ноября он будет арестован по обвинению в контрреволюционной агитации. Время для физических расправ с представителями партийного и советского руководства еще не пришло. Отвечая на запрос В.Р. Менжинского о дальнейшей судьбе Рютина, отрицавшего все обвинения, Сталин напишет: «Нужно, по-моему, отпустить». Рютина освободят, он, однако, выводов не сделает и попытается создать оппозиционную группу — «Союз марксистов-ленинцев»[1350]. В сентябре 1932 г. Рютина вновь арестуют, его дело будет обсуждать пленум ЦК ВКП(б) и Президиум ЦКК. Постановление последнего от 9 октября, поручавшее ОГПУ принять против организаторов и участников «контрреволюционной группы» судебно-административные меры «со всей строгостью революционного закона», будет утверждено опросом членов Политбюро. Сталин оставит резолюцию «Согласен» и внесет поправки в текст постановления ЦКК. Коллегия ОГПУ приговорит Рютина к расстрелу. Это будет первый приговор к высшей мере наказания видного деятеля партии, что вызовет определенное сопротивление даже со стороны отдельных представителей сталинского руководства. Выступит против и С.М. Киров, один из ближайших соратников Сталина. На состоявшемся заседании Политбюро Сталин, ссылаясь на сводки ОГПУ о росте террористических настроений среди студенчества и рабоче-крестьянской молодежи, об увеличении количества случаев террора, будет настаивать на смертном приговоре. Кирова, однако, поддержали Куйбышев и Орджоникидзе, Молотов и Каганович воздержались[1351]. Сталину пришлось отступить. 11 октября того же года коллегией ОГПУ Рютина приговорили к 10 годам тюремного заключения по обвинению в участии в контрреволюционной организации правых [1352].

Жесткость реакции Сталина не была случайной. Ведь Рютин в своей статье «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» не ограничился тем, что назвал Сталина злейшим контрреволюционером, провокатором и предателем социалистической революции. Он пошел дальше: «...у партии остается два выбора: или — или. Или дальше безропотно выносить издевательства над ленинизмом, террор и спокойно ожидать окончательной гибели пролетарской диктатуры, или силою устранить эту клику и спасти дело коммунизма... Само собой разумеется, что в этой работе нужна величайшая конспирация, ибо Сталин, несмотря на то, что мы последовательные ленинцы, обрушит на нас все свои репрессии»[1353]. Следует учесть, что тогда же, в 1932-м злейший враг

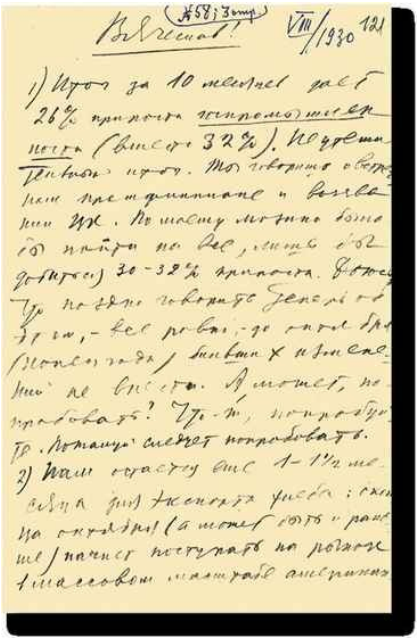
Сталина Троцкий другими словами скажет почти то же самое: «Сталин завел нас в тупик. Нельзя выйти на дорогу иначе, как ликвидировав сталинщину… надо пересмотреть всю советскую систему, беспощадно очистить ее от накопившегося мусора. Надо, наконец, выполнить последний настойчивый совет Ленина: убрать Сталина» [1354].

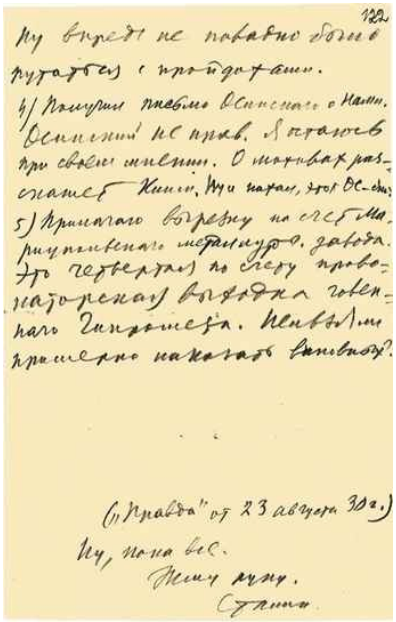
Стоит вспомнить, что эти, как и многие другие оппоненты Сталина, в годы Гражданской войны и сами отдали дань жестоким большевистским практикам управления, не ограничиваясь откровенной риторикой, угрожавшей оппонентам большевистского режима. Богатый террористический опыт российских леворадикальных партий, включая самих большевиков и их ближайших (до поры до времени) союзников — левых эсеров, мог только усиливать опасения едва ли не любого политического лидера, окажись он на месте Сталина. Террористическая опасность, возможность заговора в ближайшем окружении с течением времени все больше приобретали для Сталина очертания реальной угрозы не просто его политическому курсу, но и физическому существованию. Поэтому не стоит удивляться официальной риторике эпохи Большого террора, переполненной соответствующими инвективами в адрес реальных или мнимых врагов Сталина и/или политического режима. В значительной мере она отражала реальное восприятие вождем режима гипотетических (но не мифических) угроз в свой адрес. Особенностями сталинского характера можно объяснить лишь гипертрофию восприятия Сталиным имевшихся рисков, в результате чего количество мнимых заговорщиков стало исчисляться десятками тысяч.

Не приходится удивляться и дальнейшей судьбе Рютина. 10 января 1937 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к расстрелу. В тот же день приговор был приведен в исполнение в отношении него и 11 его сторонников[1355].

Материалы процесса по делу Рютина сыграли важную роль в организации еще одного «дела» — А.П. Смирнова, В.Н. Толмачева, Н.Б. Эйсмонта (членов и кандидатов в члены ЦК), которому также было посвящено специальное совместное заседание Политбюро и Президиума ЦКК в ноябре 1932 г. Основной целью этого разбирательства являлось осуждение любых сомнений в правильности сталинского курса. Солировал на заседании Сталин: «Эти люди стоят против нашей политики индустриализации, против нашей политики коллективизации, против нашей политики насаждения и развития совхозов… Смирнов и другие, как видно из показаний, заостряли вопрос на одном лице — на Сталине, изображая дело так, что виноват во всем Сталин… Но это уловка с их стороны… На самом деле они ведут борьбу не со Сталиным, а с партией, с линией партии, которую они считают гибельной». Вопрос «об антипартийной группировке» был вынесен на пленум ЦК в январе 1933 г., двоих из трех оппозиционеров исключили из партии и арестовали, они погибнут в годы Большого террора[1356]. Эти

два дела — Рютина и Смирнова, Эйсмонта, Толмачева положили начало большой чистке большевистской партии, объявленной в конце 1932 г. В течение 1933 г. из партии будут исключены 365 тыс. чел. [1357]





Письмо И.В. Сталина В.М. Молотову о приросте промышленности, экспорте хлеба, аресте Суханова, Базарова, Рамзина

Не ранее 23 августа 1930

Автограф И.В. Сталина. Помета: «VIII/1930» — автограф В.М. Молотова

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 121–122]

Процесс формирования ближнего круга соратников, которых Сталин решит повести за собой, также будет включать репрессивные практики, правда, иного содержания и интенсивности. Заподозрив председателя ЦИК СССР М.И. Калинина в нелояльности из-за контактов, которые тот имел с оппозиционерами, Сталин в августе 1930 г. рекомендовал Молотову «осведомить» об этом ЦК, «чтобы Калинину впредь не повадно было путаться с пройдохами»[1358].

В 1927 г., подводя итоги противостояния с «троцкистско-зиновьевским» блоком, Сталин на одном из партийных форумов воскликнет: «Оппозиции — крышка!»[1359] Тогда Сталин явно поспешил. До приведения внутрипартийного порядка к норме, исключавшей проявление инакомыслия, как мы видим, ему потребовалось еще несколько лет. Сталин из этого опыта извлечет уроки, необходимые для системы его координат. Любое проявление самостоятельности в сфере политического, или смежных с нею, будет интерпретироваться как политическая оппозиция, и преследоваться самым жестоким образом. Призрак оппозиции, кажется, не оставит его до последних дней.

* * *

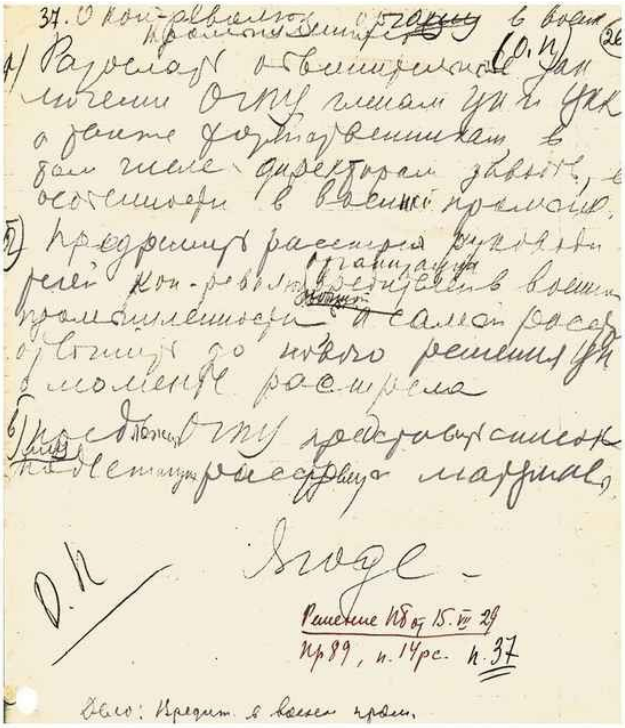
Сталин постарался подвести теоретическую базу под репрессивный характер советского политического режима, приобретавшего под его руководством свои специфические черты. Делая доклад об итогах первой пятилетки на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г., он, как известно, подтвердил: «Некоторые товарищи поняли тезис об уничтожении классов, создании бесклассового общества и отмирании государства, как оправдание лени и благодушия, оправдание контрреволюционной теории потухания классовой борьбы и ослабления государственной власти… Уничтожение классов достигается не путем потухания классовой борьбы, а путем ее усиления. Отмирание государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление, необходимое для того, чтобы добить остатки умирающих классов и организовать оборону против капиталистического окружения»[1360]. Заявленная программа и станет последовательно реализовываться в течение 1930-х гг.

Ко времени произнесения Сталиным цитированной выше речи, в соответствии с принятыми решениями об увеличении численного

состава «органов правопорядка», общая численность сотрудников оперативных отделов ОГПУ с 18 тыс. в 1928 г. выросла до 30 тыс. чел.[1361] В алгоритм проведения сталинской «революции сверху», как и большевистской социальной революции в целом, с самого начала были включены принуждение и репрессии как необходимый инструмент управленческой практики. Использование только средств убеждения, пропаганда и агитация, как показал опыт Гражданской войны, оказались не самым эффективным средством переформатирования традиционного российского социума, не смогли противостоять «частнособственническим инстинктам» основной массы населения и убедить их следовать радикальным установкам большевистской партии. Причем решение о применении репрессий станет приниматься политическим, а не судебным органом в соответствии с практикой, начавшей складываться еще в годы Гражданской войны.

Именно сталинская революция сверху повлечет за собой широкое укоренение «политического подхода» в правоприменении. Как нам кажется, эта особенность сталинской юстиции достаточно ясно продемонстрирована в предшествующем изложении. Ясное представление об этих особенностях правоприменительной практики дают и другие документы. К их числу принадлежит, например, постановление Политбюро от 18 июля 1929 г. «О контрреволюционной организации в военной промышленности»: «Предрешить расстрел руководителей контрреволюционной организации, вредителей в военной промышленности, а самый расстрел отложить до нового решения ЦК о моменте расстрела». Лишь в следующем пункте было предложено ОГПУ «представить список лиц, подлежащих расстрелу, и материалы»[1362].

В постановлении «О военной промышленности», принятом тремя днями ранее, под этот приговор была подведена политическая база. «В настоящее время, когда установлена принадлежность большинства старых специалистов к контрреволюционной организации, военная промышленность в отношении технического руководства очутилась в критическом положении», создан «опасный разрыв между промышленностью и потребностями обороны», что явилось следствием многолетней и систематической вредительской работы в военной промышленности; отсутствия бдительности у партийного руководящего состава; чрезмерного доверия к специалистам и т. д. Специальной комиссии предписывалось «в кратчайший срок произвести чистку всего личного состава военной промышленности до заводов включительно», в двухнедельный срок «обновить» руководящий состав военной промышленности[1363]. В октябре о «некоторых итогах» реализации принятых решений, включая расстрелы, будет решено сообщить в печати[1364]. Впрочем, о военном и оборонном строительстве нам предстоит поговорить в специальной главе.



Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О контрреволюционной организации в военной промышленности»
18 июля 1929
Автограф А.Н. Поскребышева
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 319. Л. 26]

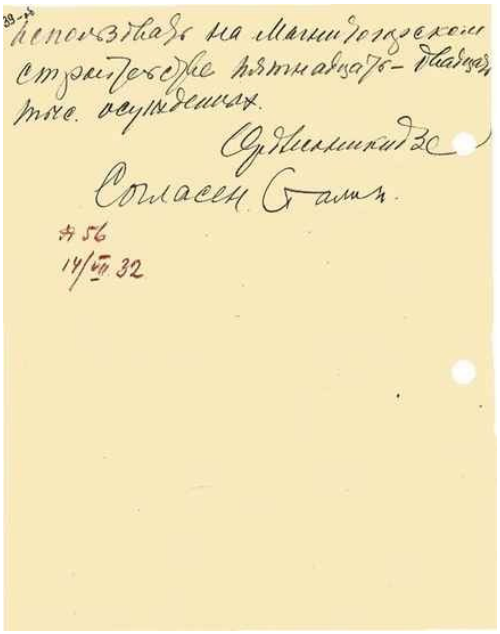
* * *

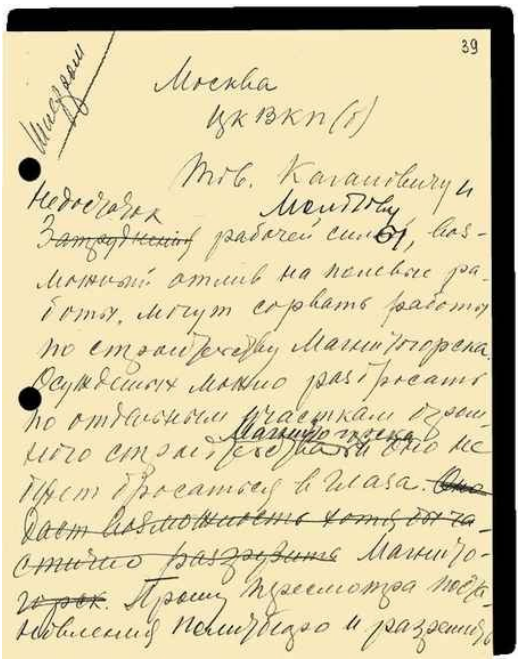
В связи с увеличением численности репрессированных 27 июня 1929 г. Политбюро приняло решение «Об использовании труда уголовно-заключенных»[1365]. ОГПУ поручалось использовать старые и создавать новые лагеря в отдаленных районах «для эксплуатации их природных богатств путем применения труда лишенных свободы». В июле решение Политбюро было оформлено постановлением СНК СССР с таким же названием. Серией последовавших директивных документов было создано Главное управление лагерей (ГУЛАГ) ОГПУ[1366].

Сталин и советское руководство увидели в организации принудительного труда, в том числе, и экономический ресурс. Объекты сталинских строек коммунизма в значительной степени возводились руками заключенных. Эта категория трудовых ресурсов постоянно имелась в виду высшими советскими руководителями. Так, в июле 1932

г. Сталин направил письмо Орджоникидзе, Молотову и Кагановичу с рекомендацией «пересмотреть постановления Политбюро и разрешить использовать на Магнитогорском строительстве [15–20] тыс. осужденных». В этот период не совсем «приличный» характер использования в массовых масштабах принудительного труда еще будет беспокоить Сталина, и он даст совет, что «осужденных можно разбросать по отдельным участкам», и это «не будет бросаться в глаза»[1367].

В апреле 1933 г. Политбюро примет решение об организации трудовых поселений ОГПУ «для размещения в них и хозяйственного освоения вновь переселяемых контингентов»[1368]. Однако ГУЛАГ не оправдает затраченных на него средств, на его содержание будет требоваться все больше дотаций. Только в отдельных случаях и в короткие промежутки времени лагерная экономика бывала эффективной. Рост числа заключенных будет происходить в соответствии с волнами репрессивных кампаний: коллективизация, Большой террор, ужесточение трудового законодательства, так называемые национальные операции в конце 1930-х. Разговор об этом ожидает читателя впереди.


Использовать на Магнитогорском строительстве пятнадцать-двадцать тыс. осужденных.
Орджоникидзе
Согласен. Сталин.
#56
14/VII 32



39

Москва
ЦК ВКП(б)

Тов. Кагановичу и Молотову

Недостаток ~~Затруднения~~ рабочей силы, возможный отлив на полевые работы, могут сорвать работы по строительству Магнитогорска. Осужденных можно разбросать по отдельным участкам огромного строительства Магнитогорска и оно не будет бросаться в глаза. ~~Оно даст возможность хотя бы частично разрушить~~ Магнитогорск. Прошу пересмотра постановления Политбюро и разрешить

Письмо И.В. Сталина и Г.К. Орджоникидзе Л.М. Кагановичу и В.М. Молотову об использовании осужденных на строительстве Магнитогорского комбината

14 июля 1932

Автограф Г.К. Орджоникидзе. Подписи — автографы И.В. Сталина и Г.К. Орджоникидзе

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 78. Л. 39–39 об.]

«Большое отступление»? Интерлюдия середины 1930-х гг

В 1946 г. увидела свет работа Н. Тимашева «Большое отступление», с момента выхода которой и до сегодняшнего дня в историографии развивается дискурс о своеобразном «потеплении» или «политике умеренности» середины 1930-х гг.[1369] Как нам кажется, нет особых оснований говорить ни о большом отступлении, ни о политике умеренности. Речь следует вести о ситуативном реагировании сталинского руководства на проблемы, возникавшие в ходе реализации взятого курса.

Так или иначе, но признаки оттепели, в значительной мере вынужденной обстоятельствами, станут наблюдаться уже в середине 1931 г. Тогда после реабилитации некоторых ранее осужденных специалистов-«вредителей» предпринимались и меры более общего

порядка. 10 июля Политбюро утвердило сразу два взаимосвязанных постановления. Первым с названием «Вопросы ОГПУ» это ведомство было лишено права на аресты коммунистов без согласия ЦК, на аресты специалистов — без согласия соответствующего наркома. В последнем случае при разногласиях ОГПУ и наркомата вопрос выносился для решения в ЦК (то есть в Политбюро). Все приговоры коллегии ОГПУ о расстрелах теперь должны были утверждаться в ЦК. По «политическим делам» ОГПУ теперь запрещалось держать арестованных под следствием более трех месяцев, само дело должно было быть передано в суд либо решено постановлением коллегии ОГПУ[1370]. Другое постановление под названием «О работе технического персонала на предприятиях и об улучшении его материального положения» содержало, как подчеркивается в современной литературе, развернутую программу юридической и политической реабилитации специалистов[1371]. В конце ноября 1931 г. зампред ОГПУ А.И. Окулов сообщил Сталину об освобождении в мае — ноябре 1931 г. 1280 осужденных специалистов и о прикреплении их к конкретным предприятиям. Понятно, что эти меры были вызваны практическими потребностями экономики, а не сменой ориентиров социальной политики режима[1372]. Еще одной важной мерой, оформленной постановлением ЦК от 10 июля 1931 г., стало запрещение органам прокуратуры, милиции, уголовному розыску вмешиваться в производственную жизнь предприятий, осуществлять следственные действия без разрешения их дирекции или вышестоящих органов[1373].

В середине 1930-х гг. были ненадолго свернуты массовые репрессивные акции. 8 мая 1933 г. ЦК ВКП(б) и СНК издали инструкцию, адресованную партийным и советским работникам, органам ОГПУ, суда и прокуратуры. Ею отменялись массовые выселения крестьян при сохранении индивидуальных выселений активных «контрреволюционеров» в пределах установленного лимита в 12 тыс. хозяйств в масштабах всей страны. Должностным лицам, не уполномоченным по закону на производство таких действий, запрещалось производить аресты, применять заключение под стражу до суда за маловажные преступления. Для мест заключения, подведомственных ОГПУ, Наркомату юстиции и Главному управлению милиции (кроме лагерей и колоний), устанавливался предельный лимит заключенных. Фактическую численность находившихся там заключенных следовало сократить с 800 тыс. до 400 тыс. чел. Осужденным на срок до трех лет предписывалось заменить лишение свободы принудительными работами на срок до одного года, а оставшийся срок считать условным. Во всех республиках, краях и областях было предписано создать разгрузочные комиссии, а общее руководство возлагалось на Наркомат юстиции во главе с Н.В. Крыленко[1374]. Поставленная задача будет достаточно оперативно решена, и уже 19 июля Крыленко доложит Сталину и Молотову об

исполнении директивы. Будут сокращены планы ОГПУ по увеличению населения трудпоселков. Вместо первоначального миллионного лимита в июне 1933 г. будет утвержден новый лимит, сокращенный до 550 тыс. трудпоселенцев. И этот урезанный «план» органы ОГПУ не выполнили: в спецссылку были отправлены за весь 1933 г. «лишь» чуть более 268 тыс. новых поселенцев, а общее количество трудпоселенцев сократилось с 1 142 084 до 1 072 546 чел.[1375]

В июне 1935 г. ЦК ВКП(б) и СНК издали совместное постановление «О порядке производства арестов», согласно которому «аресты… органы НКВД впредь могут производить лишь с согласия соответствующего прокурора». Устанавливался порядок согласования арестов руководящих работников и членов партии с руководителями наркоматов, ведомств и партийных комитетов разного уровня[1376].

В июле Политбюро приняло решение «О снятии судимости с колхозников», согласно которому к марту 1936 г. судимость следовало снять более чем с 550 тыс. чел.[1377] В 1936 г. частично были пересмотрены дела осужденных по закону от 7 августа 1932 г., формально восстановлены гражданские права «кулаков», высланных в первый период коллективизации (1930–1931)[1378].

Об этой «мирной передышке» в Гражданской войне с собственным населением в середине 1930-х гг. приходится говорить, как об очень относительной. Сталин, как мы помним, сформулировал концепцию обострения классовой борьбы по мере продвижения страны к социализму. На январском 1933 г. объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) он не оставил места возможному нейтрализму по отношению к этой концепции, заявив о контрреволюционном характере представлений о «потухании классовой борьбы и ослабления государственной власти». Сталин, напомним, подчеркнет: «Уничтожение классов достигается не путем потухания классовой борьбы, а путем ее усиления. Отмирание государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление…»[1379] Отказать Сталину в известной логичности этих построений трудно. Год за годом политический режим наращивал свое давление на массы населения, далекие от лозунгов «социалистического переустройства», ожидая ответной негативной реакции, поскольку иллюзий о приемлемости этих лозунгов для большинства населения России и Союза ССР Сталин был лишен, как мы видели, уже на заре советской власти. Год за годом наращивалась интенсивность репрессивного воздействия на общество, и, судя по всему, это было стратегической линией политического поведения советского руководства. Не стали исключением и годы так называемой мирной передышки. В 1933 г. только органами ОГПУ были арестованы 505 тыс. чел., тогда как в 1932 г. — 410 тыс.[1380] Увеличится и население лагерей ГУЛАГа — с 334,3 тыс. на 1 января 1933 до 510,3 тыс. чел. к 1 января 1934 г. [1381]

Таким образом, вероятно, речь в этот период шла лишь о том, чтобы методом проб и ошибок определить «оптимальные» размеры репрессивного воздействия на общество. Под подозрение Сталина попали не только отдельные советские граждане, но целые социальные группы: «кулаки», частные торговцы, бывшие «дворяне и попы», бывшие офицеры и жандармы, «всякого рода буржуазные интеллигенты», бывшие участники разнообразных внутрипартийных оппозиций, представители ряда этнических общностей, подозревавшиеся в нелояльности, и «все прочие антисоветские элементы». Новая трехчленная структура советского общества [рабочий класс, трудовое (колхозное) крестьянство, трудовая интеллигенция] требовала мер социальной защиты от чуждых инородных социальных страт, их скорейшего фактического уничтожения, как минимум социального.

В марте 1934 г. Политбюро приняло решение о создании комиссии по разработке предложений о включении в законодательство статьи, карающей за измену Родине. 8 июня ЦИК СССР оформил соответствующие изменения в Уголовный кодекс постановлением «О дополнении Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) статьями об измене Родине»[1382]. Эти изменения закрепляли и расширяли действие в советском уголовном праве понятия так называемого объективного вменения, то есть привлечения лица к уголовной ответственности без установления его вины.

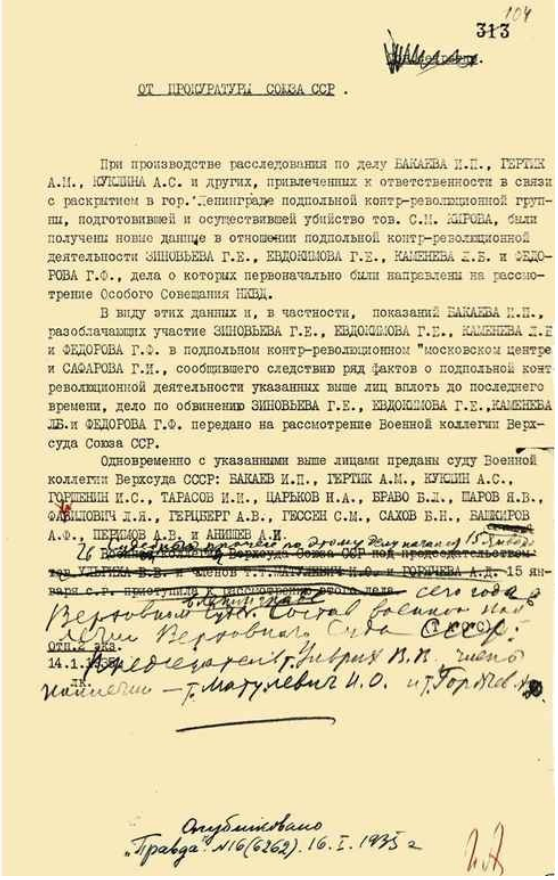
С течением времени не произойдет изменения насильственного характера продолжавшейся коллективизации и хлебозаготовок. «Немедля организовать нажим (максимальный нажим!) на заготовки… объявив войну самотеку», — писал Сталин секретарям ЦК Кагановичу и Жданову в августе 1934 г. [1383]

1 декабря 1934 г. в Смольном был убит первый секретарь Ленинградского обкома, член Политбюро ЦК ВКП(б), близкий соратник Сталина С.М. Киров[1384]. После убийства Кирова репрессии были выведены на новый уровень. Сталин еще до проведения расследования решит использовать это убийство в качестве инструмента расправы с оппозицией. Сразу же, в день убийства, было выпущено постановление ЦИК СССР «О порядке ведения дел о террористических актах против работников Советской власти». Это постановление, одобренное решением Политбюро от 3 декабря, вводило ускоренную судебную процедуру без участия сторон в процессе, осужденные теперь не имели права обжалования, а приговоры следовало приводить в исполнение немедленно. В литературе уже высказано мнение о том, что эта продиктованная Сталиным директива не начинала, а завершала подготовку к массовым репрессиям, алгоритмы которых были уже опробованы на практике в предшествующие годы[1385].

С.М. Киров и И.В. Сталин
1934
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1670. Л. 1]

Так что, об ослаблении административного и уголовного прессинга в годы, предшествовавшие Большому террору, можно говорить очень и очень условно. Наоборот, политическое представительство интересов многих социальных групп подвергалось безжалостному искоренению. Сначала был «вычищен» Ленинград от «бывших» и сторонников Г.Е. Зиновьева, состоялся процесс «Ленинградского центра» (28–29 декабря 1934 г.)[1386]. В 1935 г. Сталин организовал процесс «Московского центра». Закрытое судебное заседание по делу зиновьевской контрреволюционной организации состоялось в Ленинграде 15–16 января 1935 г. Основными обвиняемыми на нем были Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев. Подсудимые обвинялись в том, что в соответствии с директивой Троцкого организовали объединенный троцкистско-зиновьевский террористический центр для совершения убийства руководителей ВКП(б) и Советского правительства, подготовили и осуществили убийство С.М. Кирова. Персональная роль Сталина в организации процесса подтверждается многими документами. Так, в январе 1935 г. было опубликовано сообщение прокуратуры СССР о начале судебного процесса по делу Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева и др., отредактированное непосредственно Сталиным[1387].

В январе 1936 г. Сталин начал подготовку так называемого Первого московского процесса (официально: процесс «Антисоветского объединения троцкистско-зиновьевского центра»). 17 января 1936 г. Сталин направил в Политбюро проект закрытого письма ко всем партийным организациям об участии «зиновьевцев» в убийстве Кирова. ЦК разошлет его на следующий день[1388]. 24 августа 1936 г. 16 подсудимых были признаны виновными и приговорены к расстрелу[1389].



313 104

ОТ ПРОКУРАТУРЫ СОЮЗА ССР.

При производстве расследования по делу БАКАЕВА И.П., ГЕРТИК А.М., КУКЛИНА А.С. и других, привлеченных к ответственности в связи с раскрытием в гор. Ленинграде подпольной контр-революционной группы, подготовившей и осуществившей убийство тов. С.М. КИРОВА, были получены новые данные в отношении подпольной контр-революционной деятельности ЗИНОВЬЕВА Г.Е., ЕВДОКИМОВА Г.Е., КАМЕНЕВА Л.Б. и ФЕДОРОВА Г.Ф., дела о которых первоначально были направлены на рассмотрение Особого Совещания НКВД.

В виду этих данных и, в частности, показаний БАКАЕВА И.П., разоблачающих участие ЗИНОВЬЕВА Г.Е., ЕВДОКИМОВА Г.Е., КАМЕНЕВА Л.Б. и ФЕДОРОВА Г.Ф. в подпольном контр-революционном "московском центре и САФАРОВА Г.И., сообщившего следствию ряд фактов о подпольной контр-революционной деятельности указанных выше лиц вплоть до последнего времени, дело по обвинению ЗИНОВЬЕВА Г.Е., ЕВДОКИМОВА Г.Е., КАМЕНЕВА Л.Б. и ФЕДОРОВА Г.Ф. передано на рассмотрение Военной коллегии Верхсуда Союза ССР.

Одновременно с указанными выше лицами преданы суду Военной коллегии Верхсуда СССР: БАКАЕВ И.П., ГЕРТИК А.М., КУКЛИН А.С., ГОРШЕНИН И.С., ТАРАСОВ И.И., ЦАРЬКОВ Н.А., БРАВО Б.Л., ШАРОВ Я.В., ФАВИЛОВИЧ Л.Я., ГЕРЦБЕРГ А.В., ГЕССЕН С.М., САХОВ Б.Н., БАШКИРОВ А.Ф., ПЕРИМОВ А.В. и АНИШЕВ А.И.

~~Военная коллегия Верхсуда Союза ССР под председательством тов. УЛЬРИХА В.В. и членов т.т. МАТУЛЕВИЧ И.О. и ГОРЯЧЕВА А.Д. 15 января с.г. приступила к рассмотрению этого дела~~ сего года в Верховном суде. Состав военной коллегии Верховного Суда СССР:

Отп. 2 экз.

14.1.1935 г.

Опубликовано „Правда" №16(6262). 16.I.1935 г.

Проект сообщения Прокуратуры СССР для публикации в прессе о начале судебного процесса над Г.Е. Зиновьевым, Л.Б. Каменевым и др.

14 января 1935

Правка — автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 207. Л. 104]

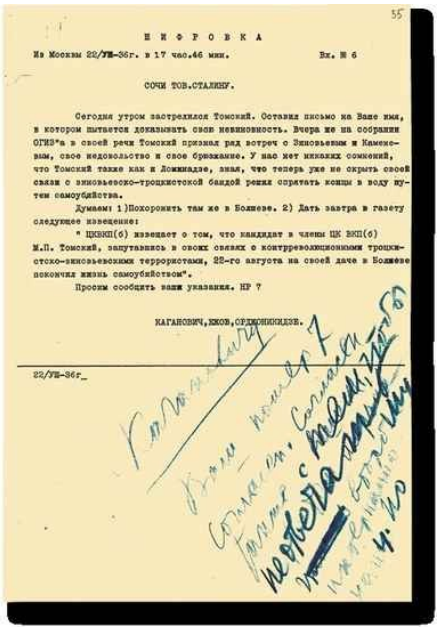
Советское руководство, организуя открытые уголовно-политические процессы, сталкивалось с негативным международным резонансом. Увидев отклик членов Второго Интернационала на первый Московский открытый процесс, Сталин выработает принципы отношения к международным запросам, затрагивавшим подобные темы: «…сказать в печати, что СНК не считает нужным отвечать, так как приговор — дело Верховного суда, и там же высмеять и заклеймить… подписавших телеграмму мерзавцев…»[1390]

В 1935 г. Сталин санкционировал так называемое кремлевское дело, в рамках которого были арестованы служащие учреждений, расположенных в Кремле, — библиотекари, уборщицы и др. Ответственность за формирование «заговора» Сталин возложил на

члена своего ближайшего окружения А.Е. Енукидзе. Увольнение Енукидзе и его последующий арест, санкционированные членами Политбюро, расценивается современными исследователями как оселок, таким образом Сталин оценил прочность «коллективного руководства», то есть готовность своего ближнего окружения следовать за ним и при репрессивных практиках в отношении представителей высшего руководства.

В апреле 1935 г. Сталин инициировал постановление, согласно которому дети в возрасте от 12 лет могли быть арестованы и подвергнуты уголовному наказанию (в т. ч. расстрелу) [1391].

Об этом коротком временно́м отрезке сегодня иногда говорится, как о периоде двойственности и зигзагов в политике, порожденных разрывом между утопическим социалистическим проектом и российскими (уточним, советскими) реалиями[1392]. В действительности, как нам кажется, говорить следует не о политике в целом, а лишь об одном из ее сегментов — политике социальных мобилизаций. Большие и малые уголовно-политические процессы, никуда не ушедшие из уголовной, политической и общественной практик, создавали нормативную рамку социального поведения всех без исключения групп населения, задавали границы, «иже не прейдеши». Внутри этих пределов речь могла идти лишь о поиске советским руководством (под давлением объективных и субъективных факторов) степени интенсивности социальных мобилизаций населения СССР, которые не исключали мер избирательного (пока не массового) репрессивного воздействия. Конечно, и определение репрессий этого периода как не слишком массовых нуждается в специальном осмыслении. Не массовыми они могут показаться лишь в сравнении с тем, что последует вслед за ними в 1937–1938 гг.



55

Ш И Ф Р О В К А

Из Москвы 22/VIII-36г. в 17 час.46 мин. Вх. № 6

СОЧИ ТОВ.СТАЛИНУ.

Сегодня утром застрелился Томский. Оставил письмо на Ваше имя, в котором пытается доказывать свою невиновность. Вчера же на собрании ОГИЗ"а в своей речи Томский признал ряд встреч с Зиновьевым и Каменевым, свое недовольство и свое бряжание. У нас нет никаких сомнений, что Томский также как и Ломинадзе, зная, что теперь уже не скрыть своей связи с зиновьевско-троцкистской бандой решил спрятать концы в воду путем самоубийства.

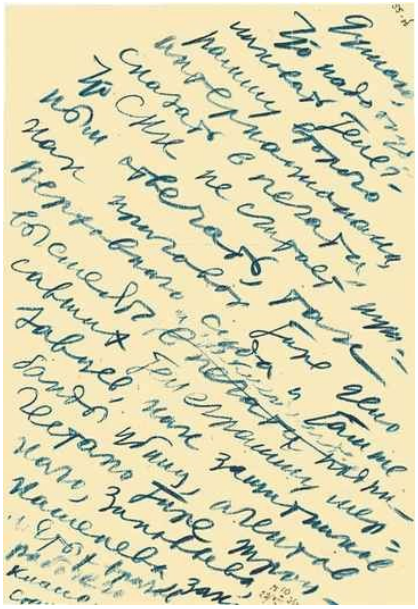
Думаем: 1)Похоронить там же в Болшеве. 2) Дать завтра в газету следующее извещение:

" ЦКВКП(б) извещает о том, что кандидат в члены ЦК ВКП(б) М.П. Томский, запутавшись в своих связях с контрреволюционными троцкистско-зиновьевскими террористами, 22-го августа на своей даче в Болшеве покончил жизнь самоубийством".

Просим сообщить ваши указания. НР 7

КАГАНОВИЧ,ЕЖОВ,СВЕРДЛОВ,ЖДАНОВ.

22/VIII-36г.



Шифротелеграмма И.В. Сталина Л.М. Кагановичу о реакции в прессе на телеграмму Второго Интернационала о Первом Московском открытом процессе по делу Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева и др.

22 августа 1936

Автограф И.В. Сталина

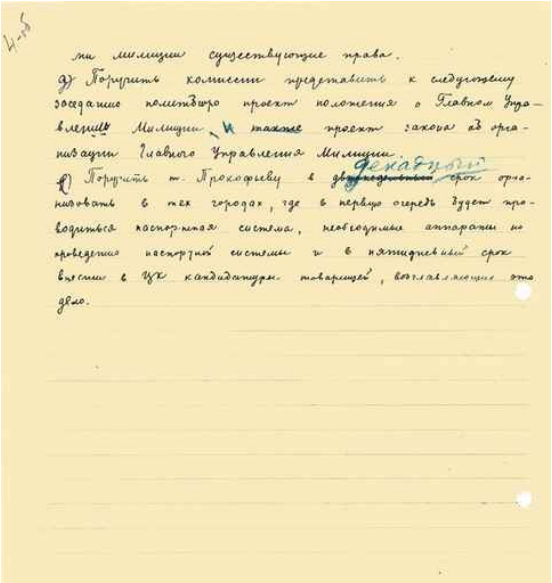
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 93. Л. 55–55 об.]

«Установить по Союзу ССР единую паспортную систему…» и не только

В контексте разговора о «мирной передышке», которую получили граждане Страны Советов в 1934–1935 гг., нескольких слов, конечно, заслуживают изменения в системе учета населения, начало которым было положено в 1932 г. Повсеместно развернувшееся выявление врагов, усилиями которых, по мнению советского руководства, тормозилось социалистическое строительство, требовало наладить систему учета населения и контроля за ним, отделить «чистых» от «нечистых». В ноябре — декабре 1932 г. Политбюро несколько раз заслушивало вопрос о введении паспортной системы, отмененной большевиками почти сразу после прихода к власти в 1917 г. 16 декабря Политбюро примет решение «О паспортной системе и разгрузке городов от лишних элементов» [1393].

27 декабря 1932 г. были опубликованы совместное постановление ЦИК и СНК СССР «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов» и Положение о паспортах. Теперь все граждане СССР, постоянно проживавшие в городах, рабочих поселках, трудившиеся на транспорте, в совхозах и на стройках, обязывались иметь паспорта. Паспорт становился единственным документом, удостоверявшим личность. Без паспорта и прописки по месту жительства становилось невозможно устроиться на работу. Первоначально паспортная система вводилась в Москве, Ленинграде и столице УССР Харькове, в 100-километровой полосе вокруг Москвы и Ленинграда и 50-километровой вокруг Харькова. В специальном секретном разделе инструкции «О выдаче и прописке паспортов» были перечислены категории граждан, которым было запрещено выдавать паспорта: лицам, не связанным с производством и работой в учреждениях и не занятым иным общественно полезным трудом, кулакам и раскулаченным, лицам, лишенным избирательных прав, служителям религиозных культов, не связанным с обслуживанием действующих храмов; лицам, прибывшим из других городов и сельской местности после 1 января 1930 «исключительно в целях личного устройства»; «всем отбывшим срочное лишение свободы, ссылку или высылку; членам семей всех упомянутых категорий граждан. Лицам, не получившим паспорта, должно было выдаваться предписание о выезде в десятидневный срок. Эта работа поручалась Главному управлению милиции при СНК СССР, которое теперь было введено непосредственно в структуру ОГПУ[1394]. Пройдет четыре месяца, и паспортизация вступит в свою следующую фазу. Постановление СНК СССР от 28 апреля 1933 г.

отнесет к режимным еще 25 городов и населенные пункты в пределах 100-километровой пограничной полосы на западе СССР.

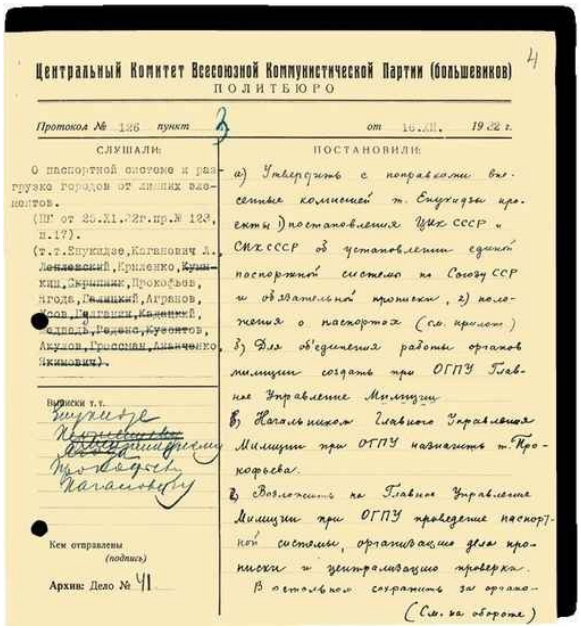


4-б

на милиции существующие права.

д) Поручить комиссии представить к следующему заседанию политбюро проект положения о Главном Управлении Милиции, а также проект закона об организации Главного Управления Милиции.

е) Поручить т. Прокофьеву в ~~двухнедельный~~ декадный срок организовать в тех городах, где в первую очередь будет проводиться паспортная система, необходимые аппараты по проведению паспортной системы и в пятидневный срок выслать в ЦК кандидатуры товарищей, возглавляющих это дело.



4

Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков)

ПОЛИТБЮРО

Протокол № 126 пункт 3 от 16.XII. 1932 г.

СЛУШАЛИ:

О паспортной системе и разгрузке городов от лишних элементов.

(ПГ от 25.XI.32г.пр.№ 123, п.17).

(т.т.Эпукидзе,Каганович Л., Ленинский,Крыленко,~~Кушникин~~,Скрыпник,Прокофьев, Ягода,~~Гамарник~~,Агранов, ~~Косов,Гайтович,Каменский~~, ~~Эдман~~,~~Родина,Кусонов~~, Акулов,Гроссман,Диденко, ~~Якимович~~).

Выписки т.т.

Эпукидзе

~~Каганович~~

~~Ленинский~~

Крыленко

Прокофьев

Каганович

Кем отправлены (подпись)

Архив: Дело № 41

ПОСТАНОВИЛИ:

а) Утвердить с поправками высказанные комиссией т. Ежукидзе проекты 1) постановления ЦИК СССР и СНК СССР об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки, 2) положения о паспортах (см. прилож.)

б) Для объединения работы органов милиции создать при ОГПУ Главное Управление Милиции.

в) Начальником Главного Управления Милиции при ОГПУ назначить т. Прокофьева.

г) Возложить на Главное Управление Милиции при ОГПУ проведение паспортной системы, организацию дел прописки и централизацию проверки.

В остальном сохранить за органами

(См. на обороте)

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О паспортной системе и разгрузке городов от лишних элементов»

16 декабря 1932

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 968. Л. 4–4 об.]

Сельское население в массе своей паспортов не получило, за исключением территорий, находившихся на положении режимных. И это не случайно, поскольку инициаторы введения паспортной системы одной из основных задач видели следующую: «предотвратить неконтролируемое перемещение по стране огромных масс сельского населения»[1395]. 19 сентября 1934 г. Совнарком принял закрытое постановление «О прописке паспортов колхозников-отходников, поступающих на работу в предприятия без договоров с хозорганами». В нем определялось, что в паспортизированных местностях предприятия могут принимать на работу колхозников «лишь при наличии у этих колхозников паспортов, полученных по прежнему местожительству и справки правления колхоза о его согласии на отход колхозника». Фактически речь шла о прикреплении колхозников к земле. Второе издание крепостничества состоялось[1396].

Дела о высылке «беспаспортного элемента» находились в введении получавших все большее распространение внесудебных органов, так называемых троек. Сталин, конечно, был вовлечен в этот процесс. В начале 1935 г. он рекомендовал Г.Г. Ягоде и А.Я. Вышинскому, направившим в его адрес записку о «ходе очистки городов, подпадающих под действие статьи 10 закона о паспортах»: ««Быстрейшая» очистка опасна. Надо очищать постепенно и основательно, без толчков и излишнего административного восторга. Следовало бы определить годичный срок окончания чисток. В остальном согласен» [1397].

Указания Сталина были приняты к исполнению. Всего в процессе паспортизации в 1930-х гг. «паспортным чисткам» подверглись значительные массы населения Советского Союза. Так, население Москвы по их итогам уменьшилось на 578 тыс., Ленинграда — на 300 тыс. чел.[1398] Эксцессы, которыми сопровождалась кампания по выселению, хорошо представлены в современной исследовательской литературе. Самым ярким на сегодня эпизодом является трагедия на острове Назино, о которой мы знаем из письма инструктора Нарымского окружного комитета ВКП(б) В.А. Величко, отправленного им на имя Сталина в сентябре 1933 г.[1399] Из него советское руководство узнало, что в результате облав, проведенных в Москве и Ленинграде (в основном), безо всяких последующих разбирательств в число высланных попало много вполне лояльных режиму людей, включая членов партии, комсомольцев, ударников. Высланные были перевезены на остров, где отсутствовало какое бы то ни было жилье или хозяйственные постройки. На второй день пребывания ударил мороз и выпал снег. «При этом на острове не оказалось никаких инструментов, ни крошки продовольствия… а все медикаменты… были отобраны еще в г. Томске». Высланные в течение нескольких дней не получали вообще никакой еды и т. д. В результате погибли 1,5–2 тыс. поселенцев

из 6 тыс. туда вывезенных. Комиссия Западно-Сибирского крайкома партии, специально созданная по указанию Москвы после обсуждения на Политбюро, информацию Величко подтвердила. По итогам разбирательства непосредственные исполнители были осуждены или получили служебные взыскания[1400].

Считается, что сигнал Величко скомпрометировал саму политику «очистки» городов от «деклассированного элемента»[1401]. Думается, что эта оценка вряд ли вполне отражает реальное отношение представителей высшего советского руководства и к запущенным процессам, и к эксцессам, имевшим место в ходе их реализации. Никакой эксцесс не мог в глазах Сталина скомпрометировать политику, направленную на решение задач по преобразованию социальной структуры советского общества, тем более когда она затрагивала интересы безопасности правящего политического класса. А в том, что «деклассированные элементы», разнообразные «бывшие люди» представляли в глазах Сталина угрозу, сомневаться вряд ли приходится.

В результате введения паспортной системы и население городов, и крестьяне фактически были «прикреплены» к месту проживания и работы через институт прописки в целях двоякого рода контроля — за миграцией рабочей силы и политической лояльности. Контроль за соблюдением паспортного режима был возложен на органы милиции, включенные, как было указано, к тому времени в состав ОГПУ. В течение 1933 г. было выселено или добровольно выехало до 1 млн чел.

К «политике умеренности» такого рода акции можно отнести лишь в контексте последующих событий.

О «мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников». Гипертрофия репрессивных практик 1930-х гг

Несмотря на наличие формализованных решений, с которыми принято связывать «фазовый переход» от политики умеренности середины 1930-х гг. к массовым политическим репрессиям конца этого десятилетия, довольно трудно определить момент, когда точно Сталин принял соответствующие решения.

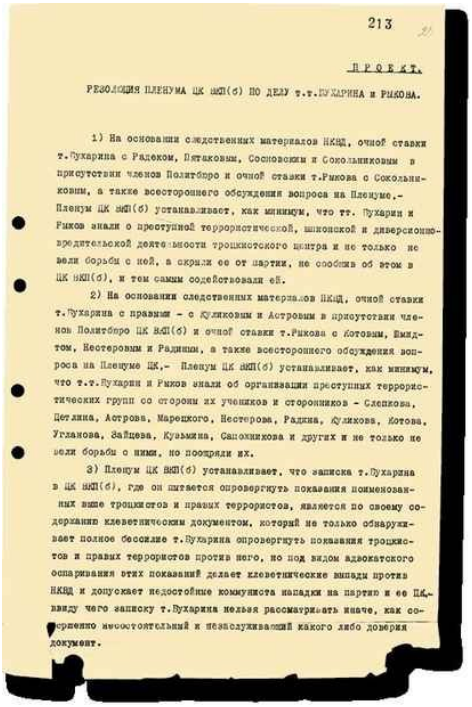
31 марта 1936 г. нарком юстиции РСФСР Н.В. Крыленко направил Сталину пространную докладную. В ней он доложил о том, что в 1935–1936 гг. наблюдался «постоянный, прогрессирующий рост количества дел и осужденных по статьям о контрреволюционных преступлениях», причем 63,6 % осужденных принадлежало «к трудовым слоям населения».

Крыленко высказал «сомнение в достаточности данных для возбуждения уголовного преследования по этим делам» и обосновал свою уверенность в том, «что ряд этих дел возбуждать не следовало». Крыленко предложил Сталину дать «указание ЦК судебно-прокурорским органам и органам Наркомвнудела о должных пределах при привлечении по этого рода делам и возбуждении подобных дел». Сталин поручил антагонисту Крыленко — прокурору СССР А.Я. Вышинскому подготовить предложения по вопросу о необоснованных привлечениях к уголовной ответственности по делам о «контрреволюционной агитации».

Андрей Януарьевич Вышинский
1932
[РГАКФД. 4–34626]

В апреле 1936 г. Вышинский направил Сталину и Молотову записку, в которой в целом поддержал выводы Крыленко. Он, вероятно, угадывая настроения руководства, в своих предложениях понизил уровень указующей инстанции, переводя вопрос из политической плоскости в организационно-практическую. Он предложил бороться с эксцессами силами прокуратуры, НКВД и Верховного суда, чья совместная директива и должна была уйти на места, заменив собою директиву ЦК, которая, так или иначе, но вывела бы вопрос в политическую плоскость. Однако каких бы то ни было решений Сталин по этому вопросу так и не принял. С эксцессами, судя по всему, было рекомендовано бороться «в рабочем порядке», поскольку число арестованных за «антисоветскую агитацию» по делам, которые расследовались ГУГБ НКВД, несколько уменьшилось в 1936 по сравнению с 1935 г. (с 43 тыс. до 32 тыс. чел.)[1402].

Раздумья Сталина скоро завершатся драматичным решением. Важнейшим стало решение, принятое Сталиным в конце 1936 г., когда он взял курс на устранение бывших лидеров «правой оппозиции» Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова и М.П. Томского. Рыков, напомним, накануне своего смещения являлся авторитетным главой Советского правительства и, вероятно, представлял для Сталина особую опасность, олицетворяя собою другой, менее травматичный для населения страны путь к социализму. Сталин решил провести их дело через пленум ЦК и направил соответствующую рекомендацию в декабре 1936 г. Л.З. Мехлису[1403]. В феврале 1937 г. он отредактировал в нужном направлении резолюцию пленума[1404].



213

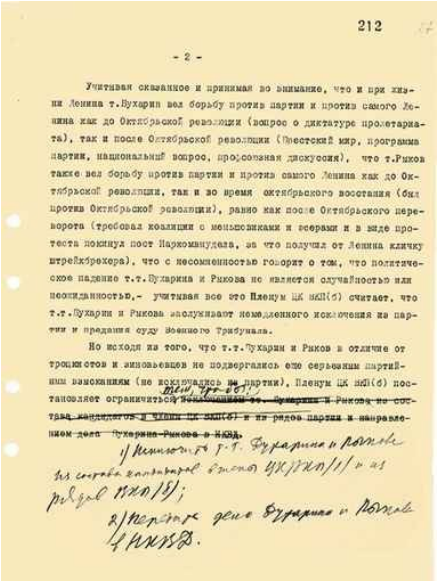
ПРОЕКТ.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПЛЕНУМА ЦК ВКП(б) ПО ДЕЛУ т.т.БУХАРИНА и РЫКОВА.

1) На основании следственных материалов НКВД, очной ставки т.Бухарина с Радеком, Пятаковым, Сосновским и Сокольниковым в присутствии членов Политбюро и очной ставки т.Рыкова с Сокольниковым, а также всестороннего обсуждения вопроса на Пленуме,- Пленум ЦК ВКП(б) устанавливает, как минимум, что тт. Бухарин и Рыков знали о преступной террористической, шпионской и диверсионно-вредительской деятельности троцкистского центра и не только не вели борьбы с ней, а скрыли ее от партии, не сообщив об этом в ЦК ВКП(б), и тем самым содействовали ей.

2) На основании следственных материалов НКВД, очной ставки т.Бухарина с правыми - с Куликовым и Астровым в присутствии членов Политбюро ЦК ВКП(б) и очной ставки т.Рыкова с Котовым, Шмидтом, Нестеровым и Радиным, а также всестороннего обсуждения вопроса на Пленуме ЦК,- Пленум ЦК ВКП(б) устанавливает, как минимум, что т.т.Бухарин и Рыков знали об организации преступных террористических групп со стороны их учеников и сторонников - Слепкова, Цетлина, Астрова, Марецкого, Нестерова, Радина, Куликова, Котова, Угланова, Зайцева, Кузьмина, Сапожникова и других и не только не вели борьбы с ними, но поощряли их.

3) Пленум ЦК ВКП(б) устанавливает, что записка т.Бухарина в ЦК ВКП(б), где он пытается опровергнуть показания поименованных выше троцкистов и правых террористов, является по своему содержанию клеветническим документом, который не только обнаруживает полное бессилие т.Бухарина опровергнуть показания троцкистов и правых террористов против него, но под видом адвокатского оспаривания этих показаний делает клеветнические выпады против НКВД и допускает недостойные коммуниста нападки на партию и ее ЦК,- ввиду чего записку т.Бухарина нельзя рассматривать иначе, как сознательно несостоятельный и незаслуживающий какого либо доверия документ.



212

- 2 -

Учитывая сказанное и принимая во внимание, что и при жизни Ленина т.Бухарин вел борьбу против партии и против самого Ленина как до Октябрьской революции (вопрос о диктатуре пролетариата), так и после Октябрьской революции (Брестский мир, программа партии, национальный вопрос, профсоюзная дискуссия), что т.Рыков также вел борьбу против партии и против самого Ленина как до Октябрьской революции, так и во время октябрьского восстания (был против Октябрьской революции), равно как после Октябрьского переворота (требовал коалиции с меньшевиками и эсерами и в виде протеста покинул пост Наркомвнудела, за что получил от Ленина кличку штрейкбрехера), что с несомненностью говорит о том, что политическое падение т.т.Бухарина и Рыкова не является случайностью или неожиданностью,- учитывая все это Пленум ЦК ВКП(б) считает, что т.т.Бухарин и Рыков заслуживают немедленного исключения из партии и предания суду Военного Трибунала.

Но исходя из того, что т.т.Бухарин и Рыков в отличие от троцкистов и зиновьевцев не подвергались еще серьезным партийным взысканиям (не исключались из партии), Пленум ЦК ВКП(б) постановляет ограничиться ~~исключением т.т. Бухарина и Рыкова из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и из рядов партии и направлением дела Бухарина-Рыкова в НКВД~~.

1) Исключить т.т. Бухарина и Рыкова из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и из рядов ВКП(б);

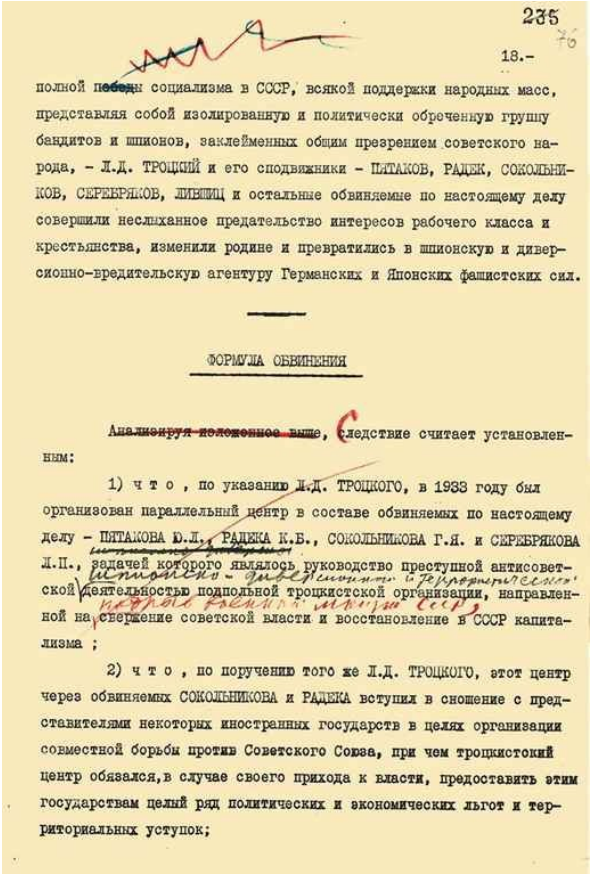
2) передать дело Бухарина и Рыкова в НКВД.

Проект резолюции пленума ЦК ВКП(б) по делу Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова
27 февраля 1937
Правка — автограф И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 577. Л. 26, 27]

Прямо на пленуме Бухарин и Рыков были исключены из партии и 27 февраля арестованы. В ходе процесса по делу «Антисоветского правотроцкистского блока» (третий московский процесс) 13 марта 1938 г. они и целый ряд других деятелей были обвинены «в измене родине, шпионаже, диверсии, терроре, вредительстве, подрыве военной мощи СССР, провокации военного нападения иностранных государств на СССР» и т. д. 18 подсудимых, включая Бухарина и Рыкова, были приговорены к смертной казни[1405].

Не забыл Сталин и о «левых» — бывших сторонниках Троцкого, они представляли опасность для правящего режима по той причине, что являлись конкурентными носителями тех идей форсированного развития социализма, которые были присвоены Сталиным и транслировались им и его окружением как собственные. Их уничтожат еще раньше. 29 сентября 1936 г. Политбюро примет решение, которым предписывалось рассматривать троцкистов как разведчиков, шпионов, диверсантов и вредителей. В ходе следствия по делу так называемого «Параллельного антисоветского троцкистского центра» Сталин будет давать следователям недвусмысленные подсказки. На протоколе допроса Г.Я. Сокольникова от 4 октября 1936 г., в котором констатировалось, что Сокольников не сообщал английскому журналисту конкретных планов, Сталин напишет: «А все же о плане

убийства лидеров ВКП(б) сообщил? Конечно, сообщил». На последней странице того же протокола Сталин напишет: «Сокольников, конечно, давал информацию Тальботу об СССР, о ЦК, о Политбюро, о ГПУ, обо всем. Сокольников, следовательно, был информатором (шпионом-разведчиком) английской разведки»[1406]. 22 января 1937 г. Политбюро приняло специальное постановление «О процессе по делу Пятакова, Радека, Сокольникова, Серебрякова и др.», которым утверждались место и состав суда, список допущенных иностранных корреспондентов и другие детали планировавшегося процесса[1407]. В январе 1937 г. Сталин отредактировал текст формулы обвинительного заключения в адрес Г.Л. Пятакова, К.Б. Радека, Г.Я. Сокольникова, Л.П. Серебрякова и др. по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра» [1408].



235

18.-

полной победы социализма в СССР, всякой поддержки народных масс, представляя собой изолированную и политически обреченную группу бандитов и шпионов, заклейменных общим презрением советского народа, - Л.Д. ТРОЦКИЙ и его сподвижники - ПЯТАКОВ, РАДЕК, СОКОЛЬНИКОВ, СЕРЕБРЯКОВ, ЛИВШИЦ и остальные обвиняемые по настоящему делу совершили неслыханное предательство интересов рабочего класса и крестьянства, изменили родине и превратились в шпионскую и диверсионно-вредительскую агентуру Германских и Японских фашистских сил.

ФОРМУЛА ОБВИНЕНИЯ

~~Анализируя изложенное выше~~, Следствие считает установленным:

1) что, по указанию Л.Д. ТРОЦКОГО, в 1933 году был организован параллельный центр в составе обвиняемых по настоящему делу - ПЯТАКОВА Г.Л., РАДЕКА К.Б., СОКОЛЬНИКОВА Г.Я. и СЕРЕБРЯКОВА Л.П., задачей которого являлось руководство преступной антисоветской деятельностью подпольной троцкистской организации, направленной на свержение советской власти и восстановление в СССР капитализма;

2) что, по поручению того же Л.Д. ТРОЦКОГО, этот центр через обвиняемых СОКОЛЬНИКОВА и РАДЕКА вступил в сношение с представителями некоторых иностранных государств в целях организации совместной борьбы против Советского Союза, при чем троцкистский центр обязался, в случае своего прихода к власти, предоставить этим государствам целый ряд политических и экономических льгот и территориальных уступок;

Из проекта обвинительного заключения по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра» Г.Л. Пятакова, К.Б. Радека, Г.Я. Сокольникова и др.

Ранее 24 января 1937

Правка — автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 275. Л. 76]

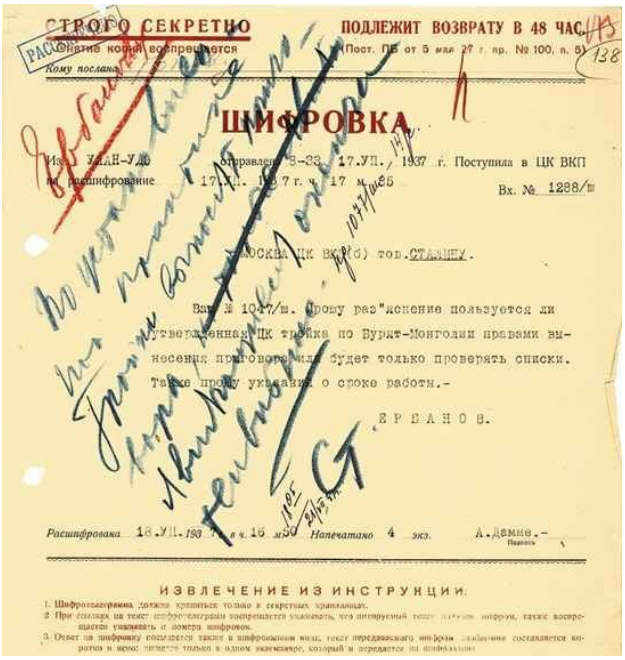
Этот процесс, известный как второй московский, пройдет по сталинскому сценарию в январе 1937 г. и закончится вынесением смертного приговора 13 обвиняемым.

Установка на проведение большой чистки была дана февральско-мартовским пленумом ЦК 1937 г., на котором Сталин делал доклад «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников»[1409]. Сталин поставил задачу вывления и уничтожения «вредителей, диверсантов, шпионов и т. д.», он подчеркнул, что «агенты иностранных государств, в том числе троцкисты, проникли не только в низовые организации, но и на некоторые ответственные посты», в результате их работа «задела в той или иной степени все или почти все наши организации — как хозяйственные, так и административные, и партийные». Лейтмотивом его речи был призыв: «этих господ громить и корчевать беспощадно».

В июне состоялся еще один пленум ЦК, на котором нарком внутренних дел Н.И. Ежов обрисовал общую картину «заговора» и представил 13 основных групп разоблаченных врагов народа. Эти партийные форумы считаются началом перехода к массовым репрессиям среди высшего слоя партийно-советской номенклатуры[1410].

Характерно, что даже в системе НКВД в этот момент отмечается противодействие массовым репрессиям, беспощадно подавленное[1411].

В 1937–1938 гг. в правоприменительную практику были возвращены «тройки» — внесудебные органы, уполномоченные выносить приговоры арестованным. В соответствии с тезисом об «обострении классовой борьбы по мере строительства социализма» Сталин призывал к «выкорчевыванию и разгрому». Репрессии были направлены и против членов семей репрессированных. Так, в июле 1937 г. Политбюро приняло постановление о заключении в лагеря на 5–8 лет жен осужденных изменников родины. Несмотря на солидный стаж использования «троек» в репрессивных практиках, некоторые из партфункционеров не сразу поняли, в чем заключается их функционал на новом этапе «классовой борьбы». В июле 1937 г. секретарь Бурято-Монгольского обкома М.Н. Ербанов телеграммой запросил Сталина о правах «троек» и получит ясный ответ: «По установленной практике тройки выносят приговоры, являющиеся окончательными» [1412].



СТРОГО СЕКРЕТНО

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ В 48 ЧАС.

(Пост. ПБ от 5 мая 27 г. пр. № 100, п. 5)

Снятие копий воспрещается

Кому послано

ШИФРОВКА

Из УЛАН-УДЭ отправлена 8-33 17.УП. 1937 г. Поступила в ЦК ВКП на расшифрование 17.УП. 1937 г. ч. 17 м. 35

Вх. № 1288/ш

МОСКВА ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ.

Ваш № 1047/ш. Прошу раз"яснение пользуется ли утвержденная ЦК тройка по Бурят-Монголии правами вынесения приговора или будет только проверять списки. Также прошу указания о сроке работы.-

ЕРБАНОВ.

Расшифрована 18.УП. 1937 г. в ч. 16 м. 50 Напечатано 4 экз. А. Дамме.-

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ИНСТРУКЦИИ:

1. Шифротелеграмма должна храниться только в секретных хранилищах.
2. При ссылках на текст шифротелеграмм воспрещается указывать, что инструкций текст [illegible] шифром, также воспрещается указывать и номера шифровок.
3. Ответ на шифровку посылается также в шифрованном виде, текст передаваемого шифром [illegible] составляется коротко и ясно: [illegible] только в одном экземпляре, который и передается на шифрование.

Шифротелеграмма Ербанова И.В. Сталину о правах «тройки» Бурят-Монголии в отношении вынесении приговоров

17 июля 1937

Резолюция — автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 56. Л. 138]

Большой террор 1937–1938 гг. привел почти к полному истреблению высшего партийного и советского руководства. Были расстреляны большинство делегатов XVII съезда ВКП(б) и избранного на нем состава ЦК, большинство выступивших на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 г., сотрудники наркоматов во главе со своими наркомами, партийные и советские руководители регионов.

В ходе чистки Сталин давал санкции на истребление членов большевистского руководства, деморализация которого достигла апогея. Наиболее показательным в этом отношении является казус Г.Л. Пятакова, одного из тех большевистских вождей, которого упомянул Ленин в своем знаменитом письме к съезду в коротком ряду наиболее значительных руководителей коммунистической партии. Пятаков на допросе заявил Ежову о своей лояльности и для ее подтверждения — о своей готовности лично расстрелять обвиняемых по его делу, включая его бывшую жену[1413].

Уничтожая потенциально не до конца лояльных (или подозреваемых в этом) по отношению к себе и своему политическому курсу функционеров, Сталин совершил кадровую революцию, открыв двери социального лифта для молодых представителей аппарата.

Однако жертвами террора 1937–1938 гг. стали не только и не столько представители партийной и советской элиты, но и обычные граждане. В 1937 г. началась следующая волна репрессий против деревни и опять с постановления Политбюро. 31 июля 1937 г. Политбюро утвердило проект приказа НКВД № 00477 о репрессиях против кулаков, антисоветских элементов и уголовников[1414]. Сталин разослал местным партийным организациям шифротелеграмму о начале «кулацкой операции»[1415]. Для регионов СССР были определены квоты на внесудебные расправы — расстрелы и осуждение к лагерным срокам. В ходе «кулацкой операции» были осуждены более 699 929 чел., из которых расстреляли 331 456 чел.[1416] «Три братских славянских народа» стали основным объектом репрессивного воздействия: среди арестованных по этому приказу русские составляли 58,3 %, украинцы — 16,2 %, белорусы — 4,1 %. В соответствии с аналогичными специальными приказами НКВД репрессивному воздействию подверглась деревенская среда поляков, немцев, финнов, корейцев и ряда других народов [1417].

Развертывание репрессий в отношении крестьянства, формирование массовых контингентов заключенных, напомним, поставили в повестку дня вопрос об их использовании, он оказался сопряжен с созданием системы исправительно-трудовых лагерей. Сами концлагеря в Советской России были созданы еще на заре советской власти декретом СНК от 5 сентября 1918 г.[1418] Процесс раскулачивания, начавшийся в 1929 г., растянулся более чем на десятилетие. Общее количество раскулаченных крестьянских хозяйств составляет более 860 тыс., число высланных — более 2 млн 700 тыс. чел. [1419]

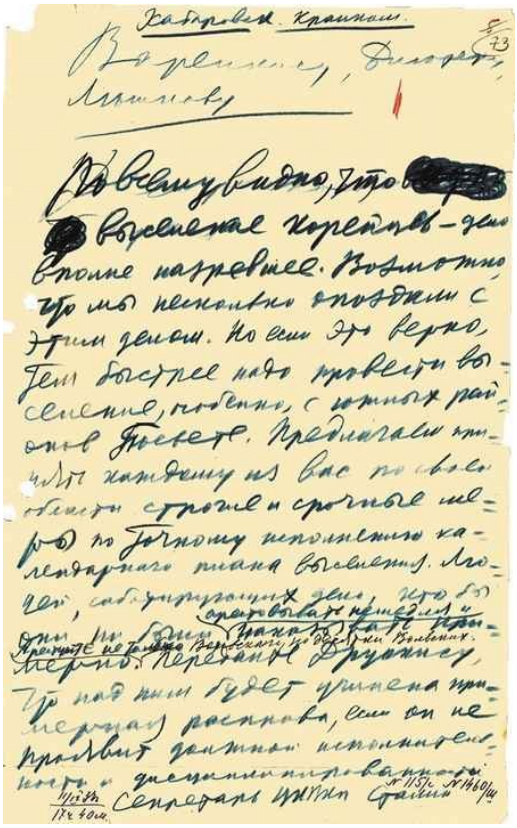
Вскоре достигнет апогея борьба с вредительством в аграрном секторе. На третий день после утверждения приказа № 00477 Сталин разослал шифротелеграммы секретарям обкомов, крайкомов ВКП(б) и ЦК республиканских компартий с директивой о вредительстве в сельском хозяйстве: «За последнее время в краях, областях и республиках вскрыта вредительская работа врагов народа в области сельского хозяйства, направленная на подрыв хозяйства колхозов и на провоцирование колхозников на недовольство против советской власти путем целой системы издевок и глумлений над ними». Сталин поставит задачу провести «политическую мобилизацию колхозников вокруг работы, проводящейся по разгрому врагов народа в сельском хозяйстве». Для достижения поставленной задачи местные партийные органы были обязаны организовать «в каждой области по районам 2–3 открытых показательных процесса над врагами народа — вредителями сельского хозяйства… широко осветив ход судебных процессов в местной печати». Указал Сталин и на целевые группы, в которых следовало искать «вредителей», пробравшихся «в районный партийные, советские и земельные органы (работник МТС и райзо, пред РИКи, секретари РК и т. п.)» [1420].

Не прошло и месяца, как за подписью секретаря ЦК и предсовнаркома Молотова на места ушла новая директива — «О борьбе с клещом». Из нее мы узнаем, что «в органах комитета заготовок хлебные элеваторы, склады и мельницы оказались зараженными клещом», так как нарушались «элементарные требования дезинсекции, очистки и подготовки хлебных складов». Телеграмма, посредством которой на места была направлена эта директива, напоминает технологический нормативный документ настолько, что поневоле возникает мысль о том, а имелись ли на местах инструкции, соблюдение которых могло обеспечить минимизацию такого рода потерь в условиях отсутствия главного мотива для работников — заинтересованности в обеспечении сохранности урожая. На вероятность отсутствия таких инструкций указывает не только подробный детализированный характер директивы, но и отсутствие прямых установок на репрессии, чистки и т. д. И это в разгар репрессивной кампании, которая уже покатилась по стране. Объявив заражение клещом результатом вредительства, лишь в завершение «дуумвират» предпишет партийным и советским органам «иметь систематическое и строгое наблюдение за точным исполнением настоящего постановления», а виновных в нарушениях пообещают привлекать к уголовной ответственности «как вредителей и врагов народа»[1421]. Зная о содержании и результатах репрессий 1937–1938 гг., не приходится сомневаться, что «вредители» свое получат, однако проблем аграрного сектора это не решит. Из телеграмм с мест вскоре выяснится, что «вредительство в деле хранения зерна не только не ликвидировано, но все еще процветает». Так обозначили проблему Сталин и Молотов в новой шифровке, направленной на места 10 сентября. Напомнив о предписании по борьбе с клещом, советские руководители указали на новую проблему: «Десятки тысяч тонн зерна лежат под дождем безо всякого укрытия, элементарные условия хранения зерна нарушаются грубейшим образом»[1422]. Пройдет десять лет, и, проезжая в поезде через южные районы страны, Сталин будет наблюдать теперь лично ту же самую картину. Столкнувшись воочию с плачевными результатами социалистического хозяйствования, он направит секретарю ЦК Г.М. Маленкову гневную телеграмму, почти дословно совпадающую с только что приведенной. Реальность упорно сопротивлялась затеянной большевиками социальной перестройке аграрного сектора.

Важнейшим объектом репрессивной политики в предвоенный период являлись национальности, которые были сочтены потенциально опасными. Первой национальной операцией станет немецкая. Ее начало связывают с запиской Сталина, отложившейся в протоколе заседания Политбюро от 20 июля 1937 г. «Всех немцев, — сказано в ней, — на наших военных, полувоенных, химических заводах, на

электростанциях и строительствах, во всех областях всех арестовать»[1423].

Это указание было реализовано постановлением Политбюро «О ходе арестов и количестве арестуемых», которым предписывалось «сообщать сводки (ежедневные) в ЦК»[1424]. В течение июля — августа 1937 г. Политбюро утвердило несколько оперативных приказов НКВД по проведению массовых операций по инонациональностям — № 00439 от 25 июля (немцы), № 00485 от 9 августа (поляки), № 00593 от 19 сентября («харбинцы», то есть советские граждане, обслуживавшие КВЖД, которые стали рассматриваться как потенциальные японские агенты). В августе действие «польского приказа» было распространено на румын. Сталин прикажет Ежову: «Очень важно. Размотайте это дело. Надо арестовать названных лиц». В сентябре он порекомендует: «Тов. Ежову. Очень хорошо! Копайте и вычищайте и впредь эту польско-шпионскую грязь. Крушите ее в интересах СССР!» 11 сентября Сталин направил шифротелеграмму в Хабаровск первому секретарю Дальневосточного крайкома И.М. Варейкису, командующему Дальневосточной армии В.К. Блюхеру и начальнику управления НКВД по Дальневосточному краю Г.С. Люшкову о выселении с Дальнего Востока корейцев и предложил каждому из адресатов принять «строгие и срочные меры по точному исполнению календарного плана выселения»[1425]. Люшков, кстати, сообразит, куда клонится дело и совершит побег, став одним из первых перебежчиков из числа советских «силовиков».



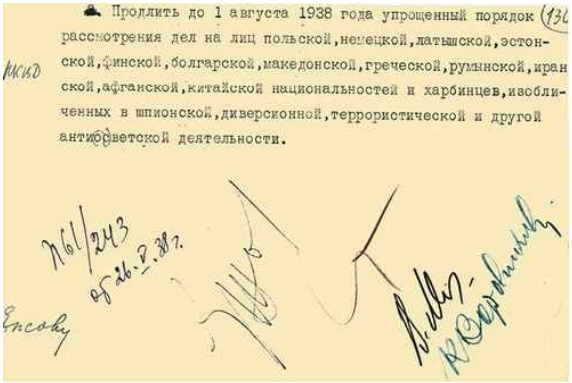
Шифротелеграмма И.В. Сталина в Хабаровск первому секретарю Дальневосточного крайкома И.М. Варейкису, командующему Особой Краснознаменной Дальневосточной армией В.К. Блюхеру, начальнику Управления НКВД по Дальневосточному краю Г.С. Люшкову о выселении корейцев с Дальнего Востока

11 сентября 1937

Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 57. Л. 73]

30 ноября в соответствии с приказом № 00485 началась латышская операция. 26 мая 1938 г. Политбюро заново санкционирует упрощенный порядок рассмотрения дел при репрессировании представителей инонациональностей, действие которого продлевалось до 1 августа. Считается, что это постановление наиболее полно отразило перечень национальностей, в отношении которых были организованы массовые операции либо посредством утверждения специальных приказов по НКВД, либо распространением их действия на другие национальности. Мы находим здесь польскую, немецкую, латышскую, эстонскую, финскую, болгарскую, македонскую, греческую, румынскую, иранскую, афганскую, китайскую национальности и харбинцев[1426].



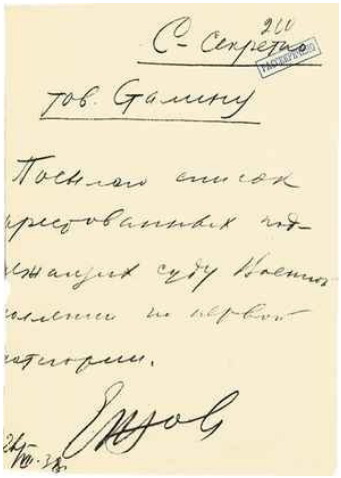
Продлить до 1 августа 1938 года упрощенный порядок (130
рассмотрения дел на лиц польской, немецкой, латышской, эстонской, финской, болгарской, македонской, греческой, румынской, иранской, афганской, китайской национальностей и харбинцев, изобличенных в шпионской, диверсионной, террористической и другой антисоветской деятельности.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о продлении упрощенного порядка рассмотрения дел иностранцев, изобличенных в антисоветской деятельности

26 мая 1938

Подписи — автографы Н.И. Ежова, И.В. Сталина, В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 589. Л. 130]

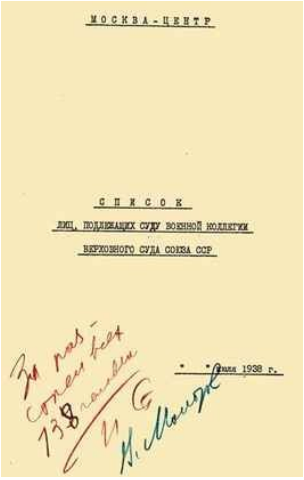


С-Секретно

тов. Сталину

Посылаю список
арестованных под-
лежащих суду Военной
коллегии по первой
категории.

Ежов



МОСКВА-ЦЕНТР

СПИСОК

ЛИЦ, ПОДЛЕЖАЩИХ СУДУ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ

ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

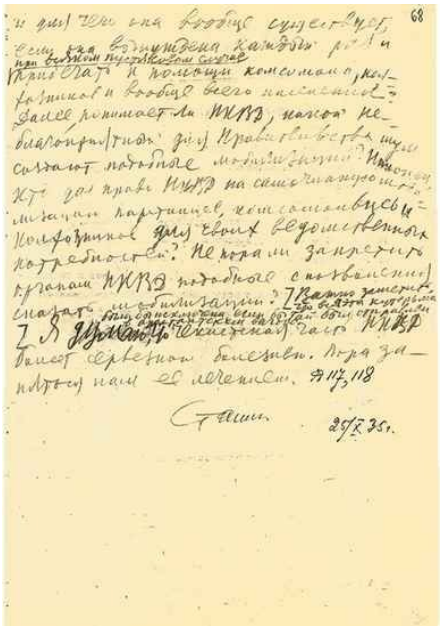
* * июля 1938 г.

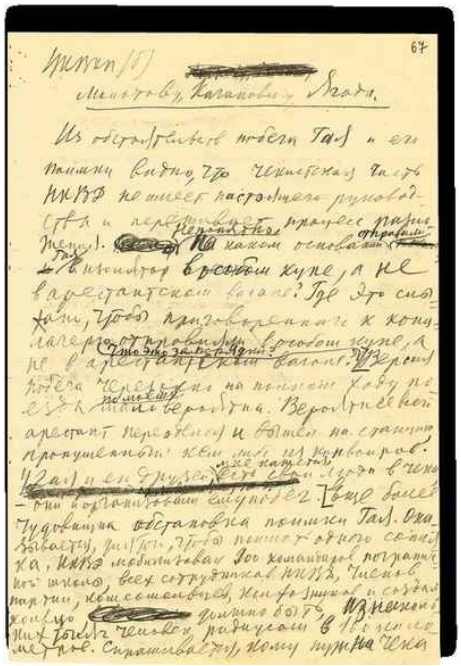
Список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР, по региону «Москва-центр» с сопроводительной запиской Н.И. Ежова

26 июля 1938

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 417. Л. 210, 211]

Активное участие в чистках приняли члены ближайшего окружения Сталина, партийные функционеры на местах. Дополнительные количественные лимиты на репрессии во множестве запрашивались местным партийным руководством и в подавляющем большинстве случаев удовлетворялись специальными решениями Политбюро, которые затем рассылались на места очень часто за подписью Сталина. Об этом свидетельствуют многочисленные архивные документы, в том числе опубликованные[1427].





Записка И.В. Сталина Л.М. Кагановичу, В.М. Молотову и Г.Г. Ягоде о побеге

Г.Д. Гая (Гайка Бжишкяна) и положении в НКВД

25 октября 1935

Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 92. Л. 67–68]

Для ряда исследователей это дает основание говорить о том, что советская диктатура 1930-х гг. состояла из сотен и тысяч маленьких диктаторов, обитавших на всех уровнях «иерархической диктатуры»[1428].

В период репрессий для получения признательных показаний применялись пытки. Сталин лично давал распоряжения об арестах, выносил и подписывал приговоры. Сохранились резолюции: «Бейте еще», «Всех расстрелять» и проч.[1429] Сталин лично определял статистический план «зачисток». В ответ с мест пошли запросы на установление увеличенных квот, по которым Сталин давал необходимые разрешения.

Для большинства исследователей сегодня представляется несомненным, что направлял террор именно Сталин. Сталин и его соратники по Политбюро за 1936–1938 гг. подписали 357 списков на расстрел 43 768 человек, получивших известность как «сталинские расстрельные списки» [1430].

Большой террор был реализован внесудебными органами («тройки» и др.), не предусмотренными советскими законодательными нормами и нарушавшими их, что дает сегодня основания многим определять такого рода практики как преступные.

Под постоянным подозрением находился и сам репрессивный аппарат, средством обеспечения лояльности которого Сталин сочтет регулярные административные перестройки и «ротацию» его руководящего состава. Осенью 1930 г. он категорически воспротивился передаче из ОГПУ в республиканские наркоматы внутренних дел исправительно-трудовых лагерей, более того, было принято решение о расформировании наркоматов внутренних дел в республиках[1431]. В феврале 1934 г. Сталин внес на заседание Политбюро вопрос об организации союзного Наркомата внутренних дел с включением в него реорганизованного ОГПУ. Разбирая в октябре 1935 г. конкретный случай побега Г.Д. Гая из-под ареста, он сделал вывод: «…чекистская часть НКВД болеет серьезной болезнью. Пора заняться нам ее лечением»[1432].

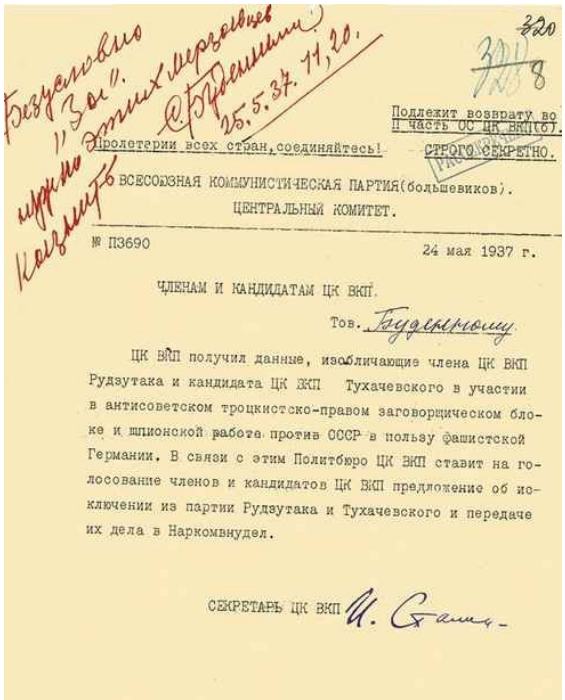
Подготавливая репрессивную кампанию, вошедшую в общественное сознание под названием Большой террор, Сталин отстранил наркома внутренних дел Г.Г. Ягоду и в сентябре 1936 г. организовал «назначение тов. Ежова на пост Наркомвнудела», указав, что его предшественник «Ягода… оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока»[1433]. Ягода и другие руководители НКВД этого времени будут расстреляны в ходе Большого террора. В ноябре 1938 г. Сталин освободил от должности самого Н.И. Ежова, сыгравшего отведенную ему роль, и инициировал назначение на его место Л.П. Берии[1434], который провел чистку аппарата НКВД, Ежов был расстрелян так же, как и его предшественник.

Восприятие социальной среды, в которой приходилось действовать Советскому правительству, как по-прежнему враждебной, накладывало отпечаток на практическую политику Сталина. Важным для осмысления Сталиным советской реальности станет опыт гражданской войны в Испании, начатой военными, поднявшими мятеж против социалистического по составу правительства, пришедшего к власти в результате парламентских выборов. Призрак «пятой колонны» побудит Сталина к проведению чисток в армии, командный состав которой в значительной мере сформировался еще при Троцком[1435]. В первой половине 1937 г. будет проведена чистка командного и начальствующего состава РККА и РККФ, которая продолжится и в дальнейшем, не только до 1941 г., но и в годы Великой Отечественной войны. Репрессии в РККА, как традиционно принято считать, нанесли серьезный удар по обороноспособности страны и в числе других факторов привели к военным поражениям 1941 г.[1436] Впрочем, на эту тему нам предстоит специально поговорить с читателем в следующей главе.

Сталин лично направлял репрессии в отношении высшего командного состава. Представление о механизме репрессий дает циркуляр, разосланный Сталиным членам и кандидатам ЦК ВКП(б) в мае 1937 г. В документе сообщается о том, что ЦК «получил данные, изобличающие члена ЦК ВКП Рудзутака и кандидата ЦК ВКП Тухачевского в антисоветском троцкистско-правом заговорщическом блоке и шпионской работе против СССР в пользу фашистской Германии». В связи с этим Политбюро ставит вопрос об исключении их из партии «и передаче их дела в Наркомвнудел». О характере процедуры, об атмосфере, царившей в среде партийной элиты, хорошо говорит «голосующая» резолюция С.М. Буденного, оставленная им на типовом документе, направленном в его адрес: «Безусловно за. Нужно этих мерзавцев казнить»[1437].

Черту под Большим террором подвели решения, принятые Политбюро в октябре — ноябре 1938 г. 8 октября Политбюро сформировало комиссию и поручило ей подготовить в течение десяти дней проект постановления о «новом порядке проведения арестов, о прокурорском надзоре и о ведении следствия»[1438]. 14 ноября на места ушла подписанная Сталиным директива ЦК, адресованная бюро горкомов, обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, об учете и проверке в партийных органах ответственных сотрудников НКВД СССР. В результате вмененной к проведению проверки органы НКВД должны были быть «очищены от всех враждебных людей, обманным путем проникших в органы НКВД, от лиц, не заслуживающих политического доверия»[1439]. Таким образом была начата масштабная чистка репрессивных органов, самой известной жертвой которой станет вскоре нарком внутренних дел Ежов. В 1939 г. на работу в НКВД будет

принято 14,5 тыс. новых работников, 11 тыс. из которых были выдвинуты по партийной или комсомольской линии.



Подлежит возврату во II часть ОС ЦК ВКП(б).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СТРОГО СЕКРЕТНО.

ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ(большевиков).

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ.

№ П3690

24 мая 1937 г.

ЧЛЕНАМ И КАНДИДАТАМ ЦК ВКП.

Тов. Буденному

ЦК ВКП получил данные, изобличающие члена ЦК ВКП Рудзутака и кандидата ЦК ВКП Тухачевского в участии в антисоветском троцкистско-правом заговорщическом блоке и шпионской работе против СССР в пользу фашистской Германии. В связи с этим Политбюро ЦК ВКП ставит на голосование членов и кандидатов ЦК ВКП предложение об исключении из партии Рудзутака и Тухачевского и передаче их дела в Наркомвнудел.

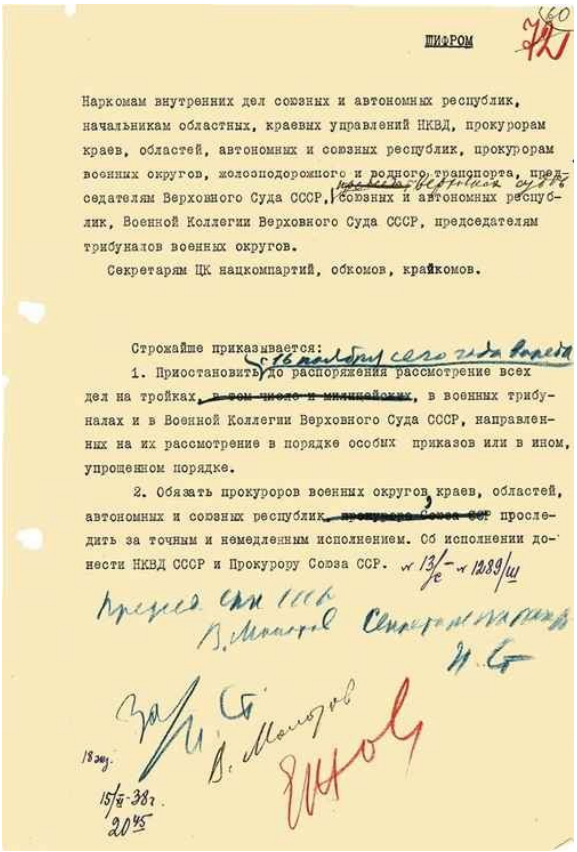
СЕКРЕТАРЬ ЦК ВКП И. Сталин

Постановление ЦК ВКП(б) об исключении из партии Я.Э. Рудзутака и М.Н. Тухачевского и о передаче их дела в НКВД

24 мая 1937

Резолюция — автограф С.М. Буденного

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 615. Л. 8]



ШИФРОМ

Наркомам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам областных, краевых управлений НКВД, прокурорам краев, областей, автономных и союзных республик, прокурорам военных округов, железнодорожного и водного транспорта, председателям Верховного Суда СССР, ~~прокурору Верховного суда~~ союзных и автономных республик, Военной Коллегии Верховного Суда СССР, председателям трибуналов военных округов.

Секретарям ЦК нацкомпартий, обкомов, крайкомов.

Строжайше приказывается:

1. Приостановить до распоряжения рассмотрение всех дел на тройках, ~~в том числе и линейных~~, в военных трибуналах и в Военной Коллегии Верховного Суда СССР, направленных на их рассмотрение в порядке особых приказов или в ином, упрощенном порядке.

2. Обязать прокуроров военных округов, краев, областей, автономных и союзных республик, ~~прокурора Союза ССР~~ проследить за точным и немедленным исполнением. Об исполнении донести НКВД СССР и Прокурору Союза ССР. № 13/е — № 12889/ш

Шифротелеграмма И.В. Сталина и В.М. Молотова наркомам внутренних дел, прокурорам, председателям Верховного суда, секретарям ЦК нацкомпартий, обкомов и крайкомов о приостановлении рассмотрения дел в тройках, в военных трибуналах и в Военной коллегии Верховного суда СССР

15 ноября 1938

Подписи — автографы И.В. Сталина, В.М. Молотова, Н.И. Ежова

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 58. Л. 60]

На следующий день, 15 ноября, шифротелеграммой Сталина и Молотова, направленной наркомам внутренних дел, прокурорам, председателям Верховного суда, секретарям ЦК национальных компартий, обкомов и крайкомов, будет остановлен маховик массовых репрессий. В ней «строжайше приказывалось» приостановить «рассмотрение всех дел на тройках, в военных трибуналах и в Военной коллегии Верховного суда СССР, направленных на их рассмотрение в порядке особых приказов или в ином, упрощенном порядке»[1440].

17 ноября Политбюро утвердило постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», отредактированное Сталиным, который проставил необходимую, по его мнению, дату — 1 декабря[1441]. Постановление «упорядочивало»

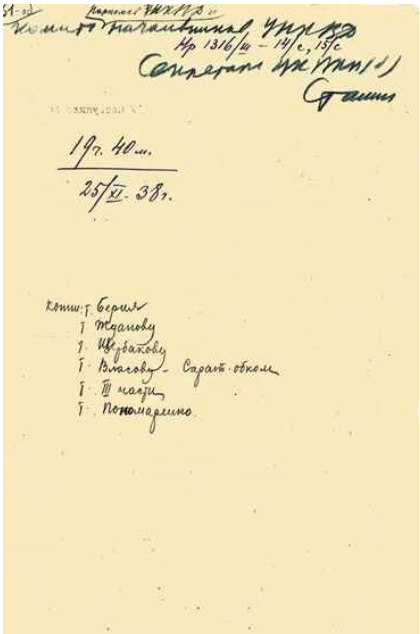
репрессивные практики, ставило органы НКВД под контроль органов государственного управления, «по принадлежности», как не раз будет сформулировано в его тексте. Самое главное, что аресты членов и кандидатов в члены ВКП(б) могли проводиться теперь только по согласованию с первыми секретарями партийных комитетов соответствующих уровней. Арест коммунистов, занимавших руководящие должности в наркоматах и приравненных к ним центральных учреждениях, мог производиться лишь по получении санкции Секретариата ЦК. Постановление видоизменило и рутинизировало повседневные репрессивные практики, предписав соблюдать определенные процедуры согласования и поставив по главу угла партийные органы. Эту линию, имевшую целью, поставить парторганы над органами репрессивными, продолжит постановление Политбюро от 26 декабря 1938 г., утвердившее приказ наркома внутренних дел Берии о запрещении вербовок руководящих работников партийных, советских, хозяйственных, профессиональных и общественных организаций. Этим решением не только запрещалось впредь проводить такие вербовки, но и требовалось «немедленно прервать связь со всеми ранее завербованными работниками», а «личные и рабочие дела агентов и осведомителей» этих категорий «уничтожить» в присутствии представителя соответствующего парторгана, «о чем составить соответствующий акт»[1442].

25 ноября Сталин отредактировал и направил в адрес первых секретарей ЦК национальных компартий, крайкомов и обкомов шифротелеграмму о положении дел в НКВД и освобождении Ежова от должности наркома. Этой шифровкой Сталин закончил цикл создания и имплементации директив, завершавших Большой террор. В ней Сталин сообщил, что «после разгрома банды Ягоды в органах НКВД СССР появилась другая банда предателей… которые запутывают нарочно следственные дела, выгораживают заведомых врагов народа… Тов. Ежов признал, что он явно не справился со своими задачами в НКВД». Далее сообщалось, что ЦК удовлетворил просьбу Ежова, освободил его от работы в НКВД и утвердил наркомом «нынешнего первого заместителя НКВД тов. Берию Л.П.» [1443].

М.И. Калинин, И.В. Сталин и Л.П. Берия беседуют на борту судна во время поездки вдоль Черноморского побережья в районе Сочи

Сентябрь 1933

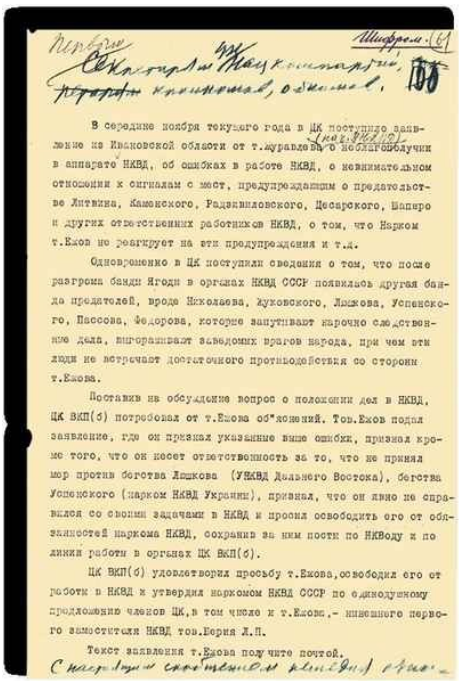
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 12. Д. 267. Л. 1]



19 ч. 40 м.

25/XI. 38 г.

Копии: т. Берия
т. Жданову
т. Щербакову
т. Власову – Саратов. обком
т. Шверник
т. Пономаренко



Шифром. (6)

Первым секретарям ЦК Нацкомпартий, ~~первым~~ крайкомов, обкомов.

В середине ноября текущего года в ЦК поступило заявление из Ивановской области от т.Журавлева (нач. ВКП(б)) о неблагополучии в аппарате НКВД, об ошибках в работе НКВД, о невнимательном отношении к сигналам с мест, предупреждающим о предательстве Литвина, Каменского, Радзивиловского, Цесарского, Шапиро и других ответственных работников НКВД, о том, что Нарком т.Ежов не реагирует на эти предупреждения и т.д.

Одновременно в ЦК поступили сведения о том, что после разгрома банды Ягоды в органах НКВД СССР появилась другая банда предателей, вроде Николаева, Жуковского, Лишкова, Успенского, Пассова, Федорова, которые запутывают нарочно следственные дела, выгораживают заведомых врагов народа, при чем эти люди не встречают достаточного противодействия со стороны т.Ежова.

Поставив на обсуждение вопрос о положении дел в НКВД, ЦК ВКП(б) потребовал от т.Ежова об"яснений. Тов.Ежов подал заявление, где он признал указанные выше ошибки, признал кроме того, что он несет ответственность за то, что не принял мер против бегства Лишкова (УНКВД Дальнего Востока), бегства Успенского (нарком НКВД Украины), признал, что он явно не справился со своими задачами в НКВД и просил освободить его от обязанностей наркома НКВД, сохранив за ним посты по НКВоду и по линии работы в органах ЦК ВКП(б).

ЦК ВКП(б) удовлетворил просьбу т.Ежова, освободил его от работы в НКВД и утвердил наркомом НКВД СССР по единодушному предложению членов ЦК, в том числе и т.Ежова,- нынешнего первого заместителя НКВД тов.Берия Л.П.

Текст заявления т.Ежова получите почтой.

С настоящим сообщением [illegible]

Шифротелеграмма И.В. Сталина первым секретарям ЦК национальных компартий, крайкомов и обкомов о положении дел в НКВД и освобождении Н.И. Ежова от должности наркома внутренних дел

25 ноября 1938

Подпись — автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 58. Л. 61–61 об.]

В марте 1939 г. Ежова освободили от обязанностей секретаря ЦК, 9 апреля арестовали, 3 февраля 1940 г. приговорили к высшей мере наказания, в ночь на 4-е приговор привели в исполнение[1444]. Сегодня нет серьезных оснований сомневаться в том, что деятельность Ежова направлялась и контролировалась лично Сталиным. Он редактировал основные документы, которые готовились Ежовым и его аппаратом, контролировал ход расследований и арестов, давал санкции на их проведение. В 1937–1938 гг. Ежов 278 раз посетил Сталина в его кремлевском кабинете и провел там 834 часа. Чаще, чем с Ежовым, Сталин встречался в этот период только с председателем СНК СССР Молотовым[1445].

По ведомственной статистике НКВД, за период 1937–1938 гг. органы НКВД арестовали 1 575 259 чел., из них 1 372 382 «за контрреволюционные преступления». Осудили 1 344 923 чел., в том числе были приговорены к расстрелу 681 692 чел. В ИТЛ, ИТК и тюрьмах в эти годы умерли 160 084 чел. [1446]

Согласно «Сводке Первого специального отдела НКВД СССР о количестве арестованных и осужденных органами НКВД СССР за время с 1 октября 1936 г. по 1 июля 1938 г.», подготовленной для высшего советского руководства по поручению Ежова, среди арестованных русских было 46,3 %, украинцев — 13,3 %, поляков — 7,4 %, немцев — 5,3 %, белорусов — 4,1 %, евреев — 2,1 %[1447]. В свете этой статистики очевидным становится, что среди народов СССР не было бенефициаров сталинской внутренней политики.

Массовые репрессии стали в этот период главным инструментом управления государством и обществом, его системообразующим фактором. Кадровые чистки, показательные процессы, массовые операции, Большой террор с избытком реализовали репрессивный потенциал раннего советского социализма, поставившего в повестку дня принудительное преобразование всего строя жизни огромной страны с ее многообразными и специфическими социальными условиями. «Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция» — эта максима К. Маркса как нельзя лучше объясняет теоретические корни столь широкого распространения репрессивных практик в Советском Союзе раннего периода. А вот чрезмерный даже с точки зрения последователей этой теории размах насилия, судя по всему, объясняется, прежде всего, личными качествами руководителя Советского государства этого периода. При этом сами принуждение и насилие были изначально заложены в алгоритм реализации социалистического переустройства России большевиками.

Глава 4

«О состоянии обороны страны»

Конец 1920-х — 1930-е гг. прошли в Советском Союзе под знаком противостояния военной угрозе. Всю жизнь Страны Советов политическое руководство страны подчинило этому императиву. В результате целенаправленной деятельности власти одним из итогов индустриализации в ходе первых пятилеток стало построение оборонной промышленности и модернизация армии. «Великий перелом» произошел и в этой сфере.

«Состояние и перспективы в строительстве Вооруженных сил СССР»

Так называемая «военная тревога» 1927 г., о которой было рассказано в одной из предыдущих глав, станет одним из ключевых событий, обозначивших поворот в военно-оборонной политике, но, судя по всему, не главным. 12 февраля 1927 г., еще до обмена нотами между британским и советским правительствами, СТО принял решение о создании Комиссии обороны, которая должна была целенаправленно заниматься вопросами военно-промышленного производства и мобилизационной готовности.

В июне 1929 г., спустя два года с момента возникновения кризиса в советско-британских отношениях и «военной тревоги», Сталин получил доклад «Состояние и перспективы в строительстве Вооруженных Сил СССР», подготовленный Реввоенсоветом Союза ССР, вероятнее всего, по его поручению. Сталин внимательно его изучал, о чем свидетельствуют пометы, сделанные им синим карандашом[1448]. Практические выводы из опыта «военной тревоги» последуют, но с очевидным запозданием и не обнаруживая с ней прямой взаимосвязи.

И.В. Сталин за трибуной
1930-е
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1647. Л. 28]

Перестройка военной промышленности и перевооружение армии начались после принятия ряда решений Политбюро, которое в июле 1929 г. трижды заслушало вопрос «О состоянии обороны страны». Тогда же в июле Политбюро так же трижды заслушивало и вопрос «О состоянии военной промышленности», причем 18 июля по этой теме делал доклад непосредственно Сталин[1449].

15 июля Политбюро приняло постановление «О состоянии обороны страны и работе РЗ [Рабочие заседания] СТО» в котором Политбюро

отметило ряд крупных недостатков в подготовке РККА к обороне. В том, что касается вооруженных сил, то Политбюро поставило задачи, надолго определившие направления их развития. «Правильными» установками плана были названы следующие: «по численности — не уступать нашим вероятным противникам на главнейшем театре войны»; «по технике — быть сильнее противника по двум или трем решающим видам вооружения, а именно — по воздушному флоту, артиллерии и танкам»[1450]. Члены Политбюро осознавали, что «в соответствии с этим в использовании бюджетных средств» будут расти «расходы на технику за счет снижения потребительских расходов»[1451].

Доклад Реввоенсовета (РВС) значительное внимание уделил состоянию боевой подготовки РККА, причем оценки были даны самые жесткие. Реввоенсовет констатировал, что «войска еще недостаточно усвоили элементарные тактические положения, не овладели полностью организацией современного общевойскового боя и не умеют действовать в поле так, чтобы направлять все свои усилия к достижению единой цели — боевого успеха, взаимно дополняя и поддерживая друг друга… Усугубляющим обстоятельством являлось то, что не было еще навыков в твердом управлении войсками и работа штабов, начиная от низших и кончая высшими, была просто неудовлетворительна». Это может показаться странным, но в довольно обширном постановлении Политбюро, принятом по итогам обсуждения, отмеченная проблема не затрагивалась вовсе. Зато в противоречии с выводами военного руководства было указано, что Красная армия «имеет надежный, политически устойчивый, классово-выдержанный, с хорошими боевыми качествами начсостав», причем специально подчеркивалось, что это стало возможным в результате «тщательной чистки начсостава от чуждых, политически-неустойчивых и антисоветских элементов, а также благодаря напряженной работе по классовому отбору…» [1452]

К этому времени в целом была близка к завершению целенаправленно развернутая кампания по увольнению из РККА офицеров, начинавших свою службу в царской армии, именно по поводу этих результатов Политбюро и выразило удовлетворение в своем постановлении. Об итогах этой чистки много сказано на страницах доклада РВС, в том числе отмечен все еще высокий «удельный вес так называемых «бывших офицеров»… среди высшего комсостава»[1453]. Ни военное, ни политическое руководство в своих решениях не уделило должного внимания проблеме профессиональной подготовки начсостава РККА, не увидело взаимосвязи проведенной чистки и уровня сформированного в результате начсостава. Характерно, что в этой части документа отсутствуют и пометы Сталина, внимания которого, судя по всему, ничто не зацепило. Но, как мы увидим в дальнейшем, эта проблема превратилась со временем в хроническую. Сталину, как и другим представителям высшего политико-военного руководства,

придется возвращаться к этой проблеме вновь и вновь, в том числе накануне и на протяжении всех лет Великой Отечественной войны. А оценка политической лояльности, построенная на анализе анкетных данных, надолго попала в фокус внимания советского политического руководства, чем в значительной мере и объясняются репрессии против начсостава РККА, которые развернул Сталин во второй половине 1930-х гг.

«Великий перелом», произошедший в военном строительстве, симптоматично совпадет с завершающим этапом масштабной чистки 1929–1930 гг., в ходе которой из Красной армии в большинстве своем будут уволены военные специалисты царской армии. В качестве одного из ярких примеров проводившихся мероприятий стоит назвать осуществлявшееся с середины 1920-х гг. агентурно-наблюдательное дело «Генштабисты», в котором фигурировало около 200 чел., включая М.Н. Тухачевского[1454]. К.Е. Ворошилов на февральско-мартовском 1937 года пленуме ЦК ВКП(б) утверждал, что из армии начиная с 1924 г. «мы вычистили за эти 12–13 лет примерно около 47 тысяч человек»[1455]. По некоторым оценкам, только в 1930–1931 гг. было репрессировано не менее 10 тыс. офицеров из числа «бывших»[1456]. Другими словами, эта чистка была не намного менее масштабной, чем репрессии в отношении военных в годы Большого террора. Своего апофеоза чистка достигла в 1930–1931 гг., когда в ряду других политических процессов, направленных против «вредителей», было сфабриковано так называемое дело о «Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации», или дело «Весна», фигурантами которого стали царские офицеры. Роль руководителя была отведена профессору Военной академии РККА 65-летнему А.Е. Снесареву, которому «посчастливилось» знать Сталина в период «царицынской эпопеи» 1918 г. Снесарева, помимо всего, обвинят в руководстве контрреволюционной монархической организацией «Русский национальный союз» (РНС), или «Ренессанс», которая якобы ставила своей целью вооруженное свержение советской власти и восстановление монархии. Материалы дела докладывались лично Сталину[1457]. По каким-то причинам Сталин тогда не пошел на крайние меры в отношении своего, как должен помнить читатель, бывшего оппонента. В ноябре 1989 г. на аукционе «Сотбис» в Лондоне была продана подлинная записка Сталина, адресованная Ворошилову: «Клим! Думаю, что можно было бы заменить Снесареву высшую меру 10-ю годами. И. Сталин». Не приходится сомневаться: рекомендация Сталина была учтена и в январе 1931 г. расстрел Снесареву заменили 10-летним заключением в лагере[1458]. Он умрет своей смертью в декабре 1937 г. Многим из его «подельников» по РНС и делу «Весна» повезет меньше, они будут расстреляны тогда же — в начале 1930-х.

* * *

Одним из традиционных ключевых параметров, характеризующих военный потенциал государства, в межвоенный период в XX в. оставалась численность вооруженных сил в мирное и военное время. «Военные тревоги» 1920-х побудили советское политико-военное руководство обратиться и к этому аспекту обеспечения обороноспособности страны. В связи с этим в конце 1920-х гг. начался пересмотр штатной численности Вооруженных Сил СССР в сторону увеличения. В конце ноября 1929 г. по докладу наркома военных и морских дел К.Е. Ворошилова Политбюро приняло постановление «О контингенте РККА», в котором было решено «не возражать против предложения т. Ворошилова об увеличении контингента РККА на 15 тысяч человек». Через год Политбюро решило увеличить контингент еще на 68 тыс. чел. и, таким образом, «довести численность Красной армии к 1 октября 1931 г. до 700 тыс. чел.»[1459].

Этот «умеренный» политический курс вырабатывался Сталиным и членами сталинского Политбюро в определенном противоборстве с известными представителями армейских кругов. 11 января 1930 г. командующий войсками Ленинградского военного округа М.Н. Тухачевский направил наркому по военным и морским делам К.Е. Ворошилову докладную записку об основных направлениях реконструкции вооруженных сил на «основе учета всех новейших факторов техники и возможностей массового военно-технического производства». Он предлагал «развить массовые размеры армии, увеличить ее подвижность, повысить ее наступательные возможности». К концу пятилетки он предлагал иметь «реконструированную» Красную армию в составе 260 стрелковых и кавалерийских дивизий, 50 дивизий артиллерии большой мощности и минометов, «иметь в строю» 40 тыс. самолетов, 50 тыс. танков и т. д.[1460] Ворошилов направил записку Тухачевского в Штаб РККА, заключение которого гласило: «…в основных предпосылках — а) увеличение армии военного времени, б) развитие авиации, в) развитие танк[овых] средств — доклад т. Тухачевского стоит на верных путях… Однако экономический рост СССР и наличие отработанного людского запаса не дают еще никакой возможности реализовать запроектированную армию»[1461]. С этим выводом трудно не согласиться. Более чем десятикратное увеличение штатной численности армии на 5-летнем горизонте планирования вряд ли можно назвать реалистичным. 5 марта Ворошилов направил записку Тухачевского и отзыв Штаба РККА Сталину, сопроводив эти материалы своей запиской: «Тухачевский хочет быть оригинальным и… «радикальным». Плохо, что в К.А. [Красной армии] есть порода людей, которые этот радикализм принимают за чистую монету». «Радикализм» Тухачевского, между

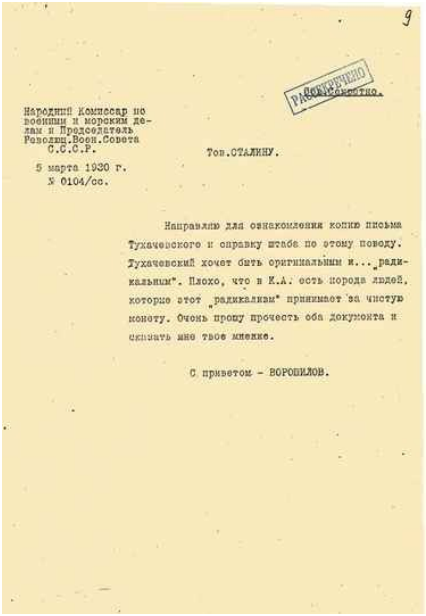
прочим, основывался в том числе и на оптимистических официальных реляциях о ходе выполнения плановых заданий первой пятилетки о росте промышленности. В своей записке он специально подчеркнул: «Наш индустриальный рост оставляет далеко за собой уровень соседних с нами стран». Более осведомленный о реальном положении дел, Сталин в этом месте документа оставил на полях пометку: «Не уровень, а темп развития. Это не одно и то же. Темп у нас быстрый, но уровня развитых стран... еще не достигли»[1462]. Сталин так же, как и армейская верхушка, тогда критически оценил предложения Тухачевского. В ответном письме Ворошилову от 23 марта он выразил недоумение: «Как мог возникнуть такой план в голове марксиста, прошедшего школу гражданской войны? ...Осуществить такой план — значит, наверняка загубить и хозяйство страны, и армию: это было бы хуже всякой контрреволюции. Отрадно, что Штаб РККА, при всей опасности искушения, ясно и определенно отмежевался от «плана» т. Тух[ачевско]го»[1463].

К.Е. Ворошилов и Л.П. Берия на борту судна во время отдыха 1933
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 12. Д. 344. Л. 1]

Мнение Сталина прозвучало 13 апреля 1930 г. на расширенном пленуме Реввоенсовета СССР. Этот холодный душ лишь ненадолго остановил Тухачевского. В предпоследний день уходящего — 1930 — года он направил в адрес Сталина докладную записку, в которой обвинил Штаб РККА в беспринципном искажении его записки о реконструкции РККА, подстановке ложных цифр и попросил Сталина «поручить просмотреть материалы и разобраться в них ЦКК или товарищам по Вашему усмотрению». Докладная записка Штаба

возмутила Тухачевского в еще большей степени тем, что «является выражением закостенелого консерватизма, враждебного прогрессивному разрешению новых задач». Как видим, уже в начале 1930-х гг. межличностная конкуренция в среде военного руководства достигла точки кипения. В своем письме к Сталину Тухачевский подчеркнул, что «мы обладаем всеми условиями, необходимыми для массового производства танков», и сделал вывод: «Вряд ли какая-либо капиталистическая страна или даже коалиция в Европе на данной стадии подготовки антисоветской интервенции смогла бы противопоставить что-либо равноценное этой новой, массовой подвижной силе»[1464].

Михаил Николаевич Тухачевский
1930-е
[Из открытых источников]



9

Сов. секретно.

РАССЕКРЕЧЕНО

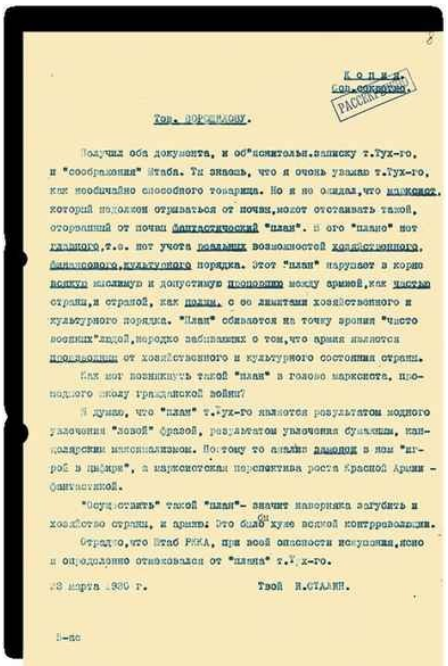
Народний Комиссар по военным и морским делам и Председатель Революц.Воен.Совета С.С.С.Р.

5 марта 1930 г.
№ 0104/сс.

Тов.СТАЛИНУ.

Направляю для ознакомления копию письма Тухачевского и справку штаба по этому поводу. Тухачевский хочет быть оригинальным и... „радикальным". Плохо, что в К.А. есть порода людей, которые этот „радикализм" принимает за чистую монету. Очень прошу прочесть оба документа и сказать мне твое мнение.

С приветом – ВОРОШИЛОВ.



8

Копия.
Сов. секретно.

РАССЕКРЕЧЕНО

Тов. ВОРОШИЛОВУ.

Получил оба документа, и об"яснительн.записку т.Тух-го, и "соображения" Штаба. Ты знаешь, что я очень уважаю т.Тух-го, как необычайно способного товарища. Но я не ожидал,что марксист, который недолжен отрываться от почвы,может отстаивать такой, оторванный от почвы фантастический "план". В его "плане" нет главного,т.е. нет учета реальных возможностей хозяйственного, финансового,культурного порядка. Этот "план" нарушает в корне всякую мыслимую и допустимую пропорцию между армией,как частью страны,и страной, как целым, с ее лимитами хозяйственного и культурного порядка. "План" сбивается на точку зрения "чисто военных"людей,нередко забывающих о том,что армия является производным от хозяйственного и культурного состояния страны.

Как мог возникнуть такой "план" в голове марксиста, прошедшего школу гражданской войны?

Я думаю, что "план" т.Тух-го является результатом модного увлечения "левой" фразой, результатом увлечения бумажным, канцелярским максимализмом. Поэтому то анализ заменен в нем "игрой в цифры", а марксистская перспектива роста Красной Армии – фантастикой.

"Осуществить" такой "план"– значит наверняка загубить и хозяйство страны, и армию. Это было бы хуже всякой контрреволюции.

Отрадно,что Штаб РККА, при всей опасности искушения,ясно и определенно отмежевался от "плана" т.Тух-го.

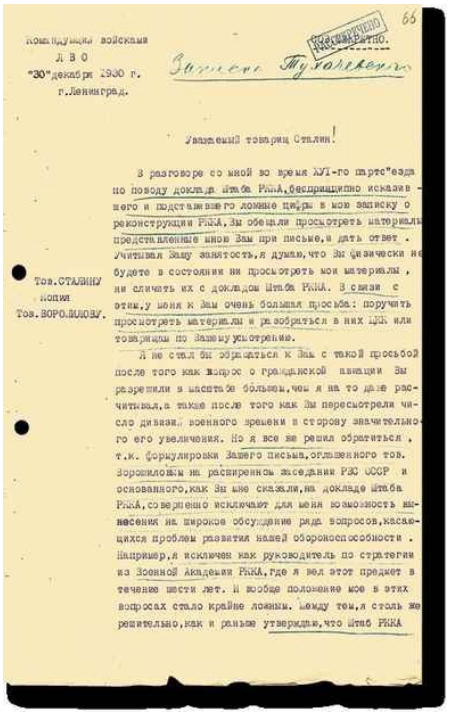
28 марта 1930 г. Твой И.СТАЛИН.

Н-ас

Записка К.Е. Ворошилова И.В. Сталину о предложении М.Н. Тухачевского и ответное письмо И.В. Сталина

5 марта, 28 марта 1930

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 447. Л. 9, 8]



66

Командующий войсками
Л В О
"30" декабря 1930 г.
г.Ленинград.

Секретно.

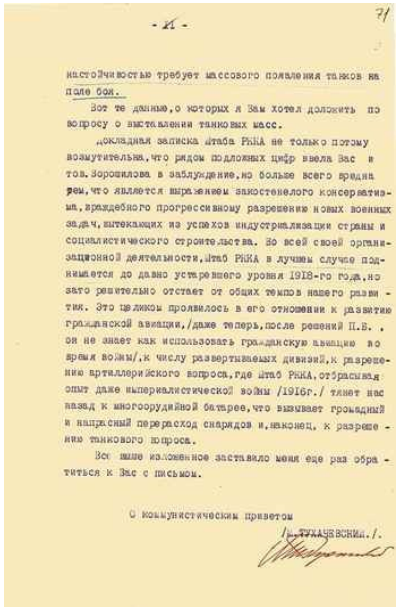
Записка Тухачевского

Уважаемый товарищ Сталин!

В разговоре со мной во время XVI-го партс"езда по поводу доклада Штаба РККА, бесприцельно исказив - шего и подставившего ложные цифры в мою записку о реконструкции РККА, Вы обещали просмотреть материалы представленные мною Вам при письме, и дать ответ. Учитывая Вашу занятость, я думаю, что Вы физически не будете в состоянии их просмотреть мои материалы, ни сличать их с докладом Штаба РККА. В связи с этим, у меня к Вам очень большая просьба: поручить просмотреть материалы и разобраться в них ЦК или товарищам по Вашему усмотрению.

Тов. СТАЛИНУ
копия
Тов. ВОРОШИЛОВУ.

Я не стал бы обращаться к Вам с такой просьбой после того как вопрос о гражданской авиации Вы разрешили в масштабе больше, чем я на то даже рассчитывал, а также после того как Вы пересмотрели число дивизий военного времени в сторону значительного его увеличения. Но я все же решил обратиться, т.к. формулировки Вашего письма, оглашенного тов. Ворошиловым на расширенном заседании РВС СССР и основанного, как Вы мне сказали, на докладе Штаба РККА, совершенно исключает для меня возможность вынесения на широкое обсуждение ряда вопросов, касающихся проблем развития нашей обороноспособности. Например, я исключен как руководитель по стратегии из Военной Академии РККА, где я вел этот предмет в течение шести лет. И вообще положение мое в этих вопросах стало крайне ложным. Между тем, я столь же решительно, как и раньше утверждаю, что Штаб РККА



71

- 21 -

настойчивостью требует массового появления танков на поле боя.

Вот те данные, о которых я Вам хотел доложить по вопросу о выставлении танковых масс.

Докладная записка Штаба РККА не только потому возмутительна, что рядом подложных цифр ввела Вас и тов. Ворошилова в заблуждение, но больше всего вредна тем, что является выражением закостенелого консерватизма, враждебного прогрессивному разрешению новых военных задач, вытекающих из успехов индустриализации страны и социалистического строительства. Во всей своей организационной деятельности, Штаб РККА в лучшем случае поднимается до давно устревшего уровня 1918-го года, но зато решительно отстает от общих темпов нашего развития. Это целиком проявилось в его отношении к развитию гражданской авиации, /даже теперь, после решений П.Б., он не знает как использовать гражданскую авиацию во время войны/, к числу развертываемых дивизий, к разрешению артиллерийского вопроса, где Штаб РККА, отбрасывая опыт даже империалистической войны /1916г./ тянет нас назад к многоорудийной батарее, что вызывает громадный и напрасный перерасход снарядов и, наконец, к разрешению танкового вопроса.

Все выше изложенное заставило меня еще раз обратиться к Вас с письмом.

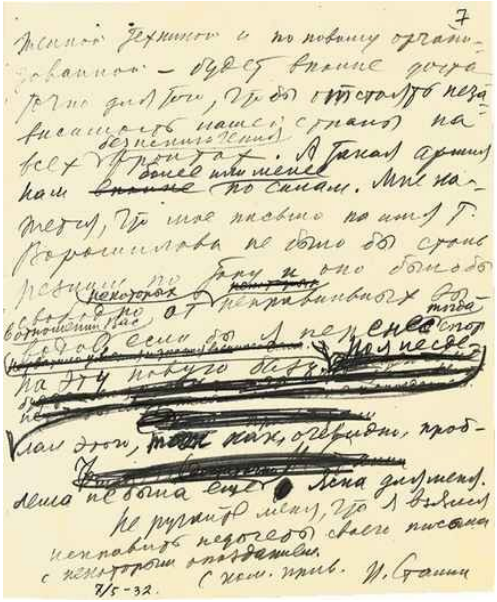
С коммунистическим приветом

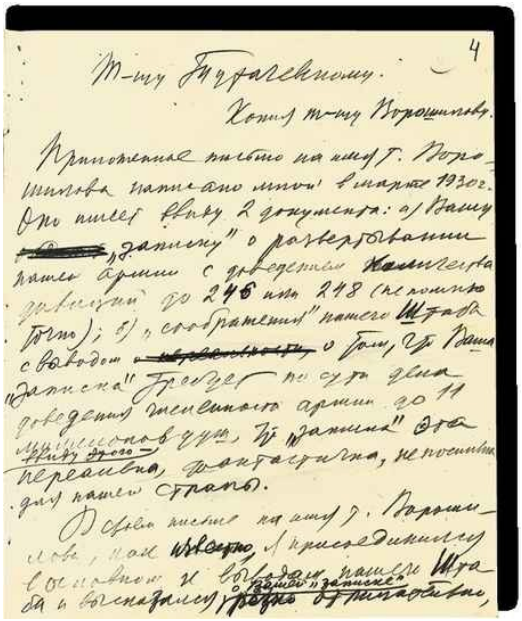
/М. ТУХАЧЕВСКИЙ./

Докладная записка М.Н. Тухачевского И.В. Сталину о реконструкции вооруженных сил
30 декабря 1930
Подпись — автограф М.Н. Тухачевского
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 446. Л. 66–71]

Санкций в отношении Тухачевского, однако, не последовало. Более того, его вернули в Москву, повысив в должности, и в июне 1931 г. он стал заместителем наркома по военным и морским делам, начальником вооружений РККА. Назначение Тухачевского, который показал себя в качестве сторонника максимальных военных приготовлений, ясно указывает на процесс переосмысления Сталиным подходов к военному строительству и на его готовность взять курс на милитаризацию хозяйственно-экономического комплекса страны.

Сталин после длительной — полуторагодичной — паузы ответил Тухачевскому на его записку 1930 г., направив копию Ворошилову. Сделал он это вполне содержательно и примечательно по тональности. К ответу от 7 мая 1932 г. он приложил свое цитированное выше письмо Ворошилову с отзывом на план Тухачевского и отметил: «В своем письме на имя т. Ворошилова, как известно, я присоединился в основном к выводам нашего штаба и высказался о вашей «записке» резко отрицательно, признав ее плодом «канцелярского максимализма», результатом «игры в цифры» и т. д. …Ныне, спустя два года, когда некоторые неясные вопросы стали для меня более ясными, я должен признать, что моя оценка была слишком резкой, а выводы моего письма — не совсем правильны». Сталин признал правоту Тухачевского в части ошибочно приписанных его предложениям цифрам численности РККА в 11 млн чел. Но и 8-миллионная армия Тухачевского, по словам Сталина, «тоже нереальна, не нужна и непосильна для нашей страны, по крайней мере в ближайшие три-четыре года (не говоря уже о первой пятилетке...)». И далее Сталин заключит: «Я думаю, что 6-миллионной армии, хорошо снабженной техникой и по-новому организованной, будет вполне достаточно для того, чтобы отстоять независимость нашей страны на всех без исключениях фронтах. А такая армия нам более или менее по силам». Согласится Сталин и с тем, что «изменившийся за последние годы характер армий, рост техники военного транспорта и развитие авиации, появление механизированных частей и соответствующая реорганизация армии создают совершенно новую обстановку». Завершая письмо, Сталин счел необходимым «включить» извиняющийся тон: «Не ругайте меня, что я взялся исправить недочеты моего письма с некоторым опозданием» [1465].





Письмо И.В. Сталина М.Н. Тухачевскому о его предложении о реконструкции вооруженных сил и об увеличении численности Красной армии

7 мая 1932

Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 447. Л. 4–7]

Можно предположить, что за прошедшие два года «более ясными» для Сталина стали возможности советской промышленности по производству военной техники, но не только.

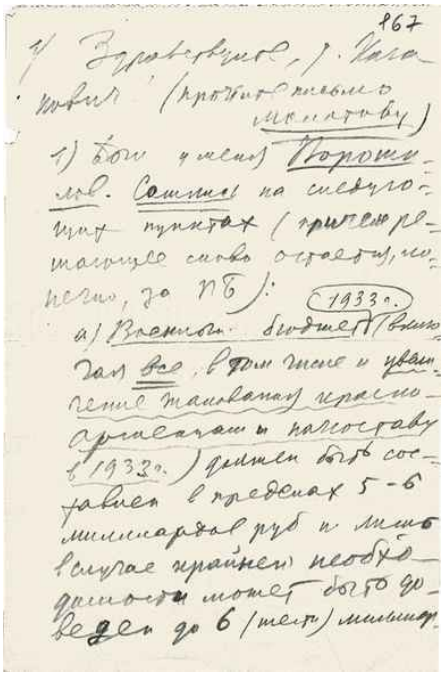
* * *

К вопросам об оптимальных параметрах военного бюджета, о численности армии Сталин будет возвращаться не раз. В июле 1932 г. он раскритиковал военный бюджет и план развертывания армии, который, как ему показалось, «слишком раздут... и очень обременителен для государства» [1466].

Военный бюджет, однако, будет расти, вырастут и инвестиции в оборонную промышленность. В течение 1930-х гг. был принят целый ряд постановлений, направленных на наращивание производства вооружений и вооруженных сил[1467]. Планы в этой сфере, как и пятилетние планы в целом, будут систематически недовыполняться. Сталин будет держать вопрос на постоянном контроле.

В конце 1930 — начале 1931 г. Политбюро несколько раз заслушивало вопросы о танках, танкостроении. Так, например, 20 февраля 1931 г. по вопросу о танкостроении, внесенному группой военных и работников оборонной промышленности, в том числе Тухачевским, было принято постановление «О танковой программе». В нем перечислялся ряд дополнительных конкретных мер и подтверждался в целом план развития танкостроения, принятый Политбюро 30 ноября предшествующего года. Согласно этому плану, к весне 1932 г. «должно быть подано для нужд вооруженного фронта: танкеток — 4 тыс., малых танков — 13,8 тыс., средних танков — 2 тыс.»[1468].

В сентябре 1933 г. Сталин поддержал предложение наркомвоенмора К.Е. Ворошилова в связи «с громадным недовыполнением программы военных заказов авиации, танков, артиллерии, снарядов... рассмотреть вопрос в Комиссии обороны с вызовом людей с заводов и решительно подтянуть выполнение и наказать провинившихся»[1469].

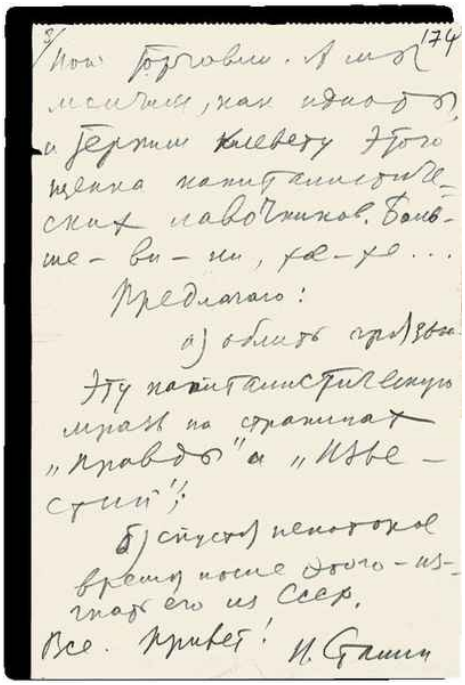


167

1/ Здравствуйте, т. Каганович! (прочтите письмо Молотову)

1) Бои у меня Ворошилов. Сошлись на следующих пунктах (причем решающее слово остается, конечно, за НБ):

а) Военный бюджет (1933 г.) (включая все, в том числе и увеличение жалованья красноармейцам и начсоставу в 1933 г.) должен быть составлен в пределах 5-6 миллиардов руб. и лишь в случае крайней необходимости может быть доведен до 6 (шести) миллиар-



174

3/ Нам торговли. А мы мечтаем, как идиоты, и терпим клевету этого щенка капиталистических лавочников. Больше-ви-ни, хе-хе...

Предлагаю:

а) облить грязью эту капиталистическую мразь на страницах „Правды" и „Известий";

б) спустя некоторое время после этого — изгнать его из СССР.

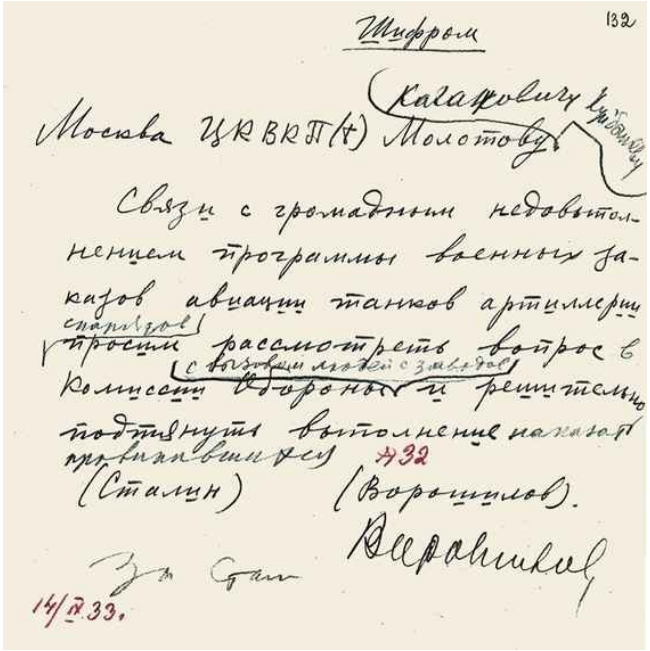
Все. Привет! И. Сталин

Письмо И.В. Сталина Л.М. Кагановичу и В.М. Молотову о военном бюджете на 1933 год, численности и боевой подготовке армии, статье Н. Бассехеса о советской экономической политике с предложением о высылке Бассехеса из СССР

Не позднее 15 июля 1932

Автограф И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 167–174]

Тогда же в сентябре Сталин напомнил Л.М. Кагановичу, что «кроме аэропланов, танков, артиллерии и боеприпасов надо проверить еще производство подлодок. Очень плохо с подлодками»[1470]. В письме Сталина и Ворошилова, направленном в июне 1933 г. наркому иностранных дел М.М. Литвинову, излагалась программа строительства флота, причем планировалось строить суда типов, предназначенных «для исключительно оборонительных целей»[1471].


Шифром
132
Москва ЦК ВКП(б) Молотову (Кагановичу Куйбышеву)
Связи с громадным недовыполнением программы военных заказов авиации танков артиллерии (снарядов) просим рассмотреть вопрос в Комиссии Обороны (с вызовом людей с заводов) и решительно подтянуть выполнение наказать провинившихся
(Сталин) (Ворошилов).
Ворошилов
За Стал
14/IX.33.

Письмо И.В. Сталина и К.Е. Ворошилова В.М. Молотову, Л.М. Кагановичу и В.В. Куйбышеву о невыполнении программы военных заказов и наказании виновных
14 сентября 1933
Подписи — автографы И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 80. Л. 132]

Приходится иметь в виду, что поставленные в ноябре 1930 г. Политбюро задачи не были выполнены в полном объеме. Произвести без малого 20 тыс. единиц бронетехники советская промышленность не могла. В 1934 г. суммарное количество танков и танкеток в Красной армии составляло 4123 единицы. Но и такое количество танковой техники привело к радикальной трансформации РККА. Нелишне

напомнить, что за пять лет до этого (в 1929 г.) в Красной армии насчитывалось всего 89 танков. Рост производства произошел и по другим видам вооружений. Если в 1929 г. в РККА имелись 1394 самолета, в основном иностранных образцов, то к началу 1934 г. — уже 4487 боевых самолетов. На 1 января 1934 г. артиллерия РККА насчитывала 17 тыс. орудий[1472]. Динамика военного производства, судя по всему, позволила Сталину иначе взглянуть на предложения Тухачевского.

«Накопление» военной техники шло параллельно с реконструкцией самих вооруженных сил. Вплоть до 1935 г. они продолжали формироваться на смешанной основе — 74 % были территориальными и 26 % кадровыми[1473]. На 1935 г. штатная численность армии мирного времени без частей НКВД и других наркоматов определялась уже в 955 тыс. чел.[1474] С 1935 г. начался переход от смешанной территориально-кадровой системы к кадровому принципу строительства армии, который был завершен в 1939 г. Одним из последних мероприятий, упразднявших эту систему, являлось решение Политбюро «О национальных частях и формированиях РККА», оформленное затем как постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Отметив, что Красная армия и военно-морской флот «полностью перешли от территориальной системы к экстерриториальным постоянным кадровым формированиям», постановление предписывало национальные части, соединения, военные училища и школы переформировать в общесоюзные с экстерриториальным комплектованием[1475]. Но последовательным в этом вопросе сталинское военно-политическое руководство не было. В ходе первого этапа Великой Отечественной войны Сталин вернет из небытия национальные части, впрочем, ненадолго. В сентябре 1935 г. Политбюро приняло решение об организации и численности РККА на 1936–1937 гг., которым предусматривался резкий рост численности армии. В проекте постановления предполагалось довести штатную численность РККА мирного времени на 1 января 1938 г. до 1,6 млн человек. Сталин вычеркнул эту цифру и вписал «1 580 000 чел.». Он сделал сокращение за счет предусмотренного проектом резерва наркома обороны[1476]. С конца 1920-х гг. происходит последовательное увеличение штатов Красной армии военного времени. В 1929 г. состав РККА военного времени по мобилизационному плану составлял 2 977 629 чел., по мобплану 1934 г. — 4,8 млн, по мобплану 1938 г. — 8 645 000 чел. (включая сухопутные, военно-воздушные, морские силы)[1477]. Соответствующим образом должны были решаться вопросы материально-технического обеспечения.

В поле зрения Политбюро, конечно, находились вопросы не только количественного, но и качественного состава РККА. 5 июня 1931 г. Политбюро приняло постановление «О командном и политическом составе РККА». В нем отмечались «значительные успехи в деле

укрепления кадров начальствующего состава». Из последующего изложения становится ясно, однако, что успехи эти касались исключительно морально-политических аспектов. В комсоставе в результате чистки, о которой речь шла ранее, «выросла партийная и рабочая прослойка», «достигнуто полное единство в работе командного и политического состава армии», «возросло влияние партии на беспартийный комсостав... выросла рабочая прослойка среди политработников»[1478]. С профессиональными компетенциями дело обстояло намного хуже. Постановление зафиксировало, что «уровень военно-технической подготовки начсостава явно недостаточен». Недостаточными были сочтены и «успехи в военной подготовке политсостава», комсостава запаса. Но практических шагов постановление предлагало немного. Объединенному государственному издательству (ОГИЗ) предписывалось «максимально усилить выпуск военно-технической литературы», профсоюзам (!) и осоавиахимовским организациям «всемерно развивать внеармейскую работу с начсоставом по военному его совершенствованию». Ничего, кроме недоумения, подобные рекомендации сегодня не вызывают. К числу реальных практических мер можно было бы отнести постановку задачи «дальнейшего укрепления вузов квалифицированными преподавательскими кадрами и решительного усиления учебно-материально-технической базы», да только возможности укрепления преподавательскими кадрами были сведены на нет установками на чистку их рядов как раз по принципу профессиональной принадлежности к офицерскому корпусу. Зато авторы резолюции с одобрением отнеслись к ходу текущей «специальной мобилизации коммунистов в военные школы», что должно было «еще больше» укрепить командные курсы[1479]. Судя по всему, советское руководство, собственными руками надевшее на себя идеологические шоры, не вполне отдавало себе отчет в том, как решать кадровую проблему.

«Если враг навяжет нам войну...»

План Тухачевского по увеличению численности РККА, конечно же, исходил из определенного плана применения вооруженных сил. В 1920-х — начале 1930-х гг. В.К. Триандафиллов, Г.С. Иссерсон, Н.Е. Варфоломеев, М.Н. Тухачевский, А.И. Егоров, Б.М. Шапошников и др. разработали так называемую теорию «глубокой операции», в рамках которой прогнозировался характер и способы ведения будущей войны с широким применением авиации, танков, воздушно-десантных и специальных войск. По Тухачевскому, увеличение количества танков и авиации, их «новый удельный вес» позволяли завязать генеральное

сражение «одновременно ударом не менее как 150 стрелковых дивизий на громадном фронте — 450 км и больше, и… в глубину на 100–200 км, что может повлечь полное уничтожение армий противника… Это углубление сражения может быть достигнуто массовой высадкой десантов в тыловой полосе противника путем применения танково-десантных прорывных отрядов и авиационных десантов»[1480].

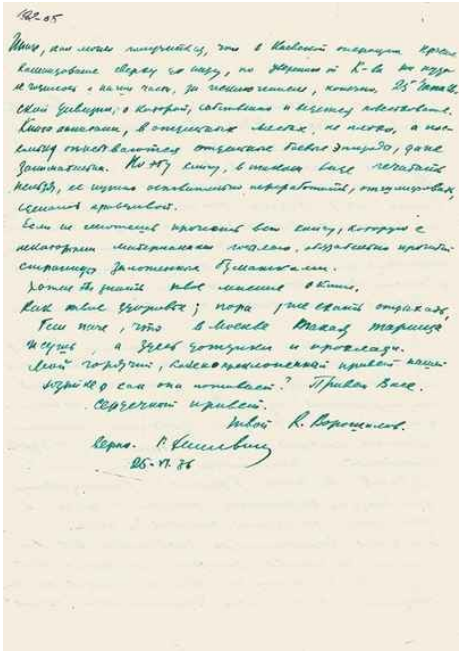
В феврале 1933 г. Штаб РККА и Управление боевой подготовки сухопутных сил направили командующим войсками округов и армий распоряжение по изучению проекта «Указаний по организации глубокого наступательного боя»[1481]. Нарком обороны СССР К.Е. Ворошилов не принадлежал к числу «поклонников» этой концепции. 18 ноября 1933 г., выступая на расширенном заседании РВС СССР, он обратился к Тухачевскому: «Я и Иссерсона читал, его апологию глубокого боя, очень хорошая, поэтически написанная, но слишком поэтизированная и мало доказательная вещь. И покойник Триандафиллов, и Иссерсон, и Седякин, и, боюсь, что Вы, Михаил Николаевич, пляшете… от старой империалистической печки, которая называлась мировой войной». Не отрицая необходимости изучать «глубокий бой», Ворошилов призвал не фетишизировать это «узкое понятие», а «армию учить воевать в различных условиях и в различных сочетаниях» и сделал упор на организации «глубоких рейдов»[1482]

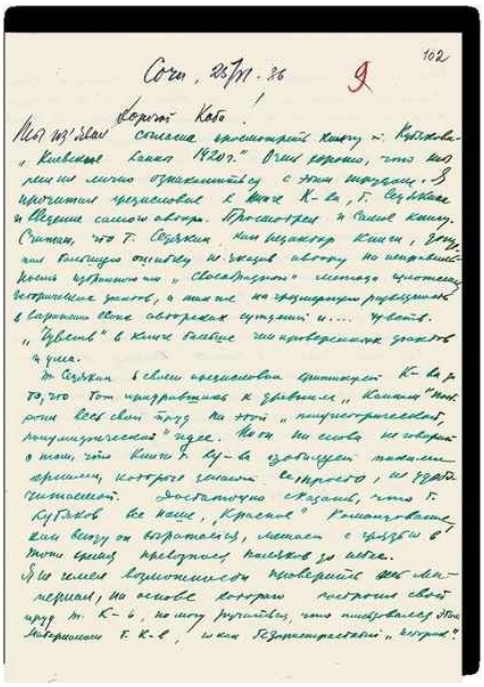
Награждение орденами СССР пограничных частей Дальнего Востока и Украины
27 февраля 1936
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1653. Л. 3]

Так или иначе, подходы к оперативному искусству Красной армии в своей основе формировались как наступательные.

Сохранившаяся переписка Сталина с Ворошиловым показывает интерес первого к вопросам военной стратегии. Сталин, несомненно, внимательно отслеживал, в каком направлении развивается оперативное искусство Красной армии. В конце июня 1936 г. Ворошилов

направил Сталину для ознакомления перед публикацией книгу зам. командующего войсками Приволжского военного округа И.С. Кутякова «Киевские Канны 1920 г.» со своими нелицеприятными комментариями. Сталин согласился с Ворошиловым в том, что «похвалы в отношении польского командования смешны, ибо польское ком[андова]-ние допустило не меньше, а больше, глупостей, чем наше». Главное же, по мнению Сталина, заключалось в том, что Кутяков «не охватил предмета, не понимает значения взаимодействия фронтов, не учитывает роли главной ставки»[1483].





Сочи, 25/VI.36

102

Дорогой Коба!

Мы получили сообщение просмотрей книгу т. Кутякова „Киевские Канны 1920 г." Очень хорошо, что мы решили не лично ознакомиться с этим трудом. Я прочитал предисловие к книге К-ва, т. Серпкова и Ленина самого автора. Просмотрел и самую книгу. Считаю, что т. Серпков, как редактор книги, дал, или помогущую оценку не только автору по неправильной трактовке „Справедливо" лишнего чрезмерно восторженные эпитеты, а также не предусмотрел разрешение в сборнике своих авторских суждений и.... чувств. „Чувств" в книге больше чем надо. Серпков в своем предисловии критикует К-ва р. то, что тот предоставил к изданию „Канны" минуя свой труд на этой „исторической, документальной" теме. Но он ничего не говорит о том, что книга т. Ку-ва удобрена такими материалами, которые знали единицы, не представительной. Достаточно сказать, что т. Кутяков все наше „Красное" Командование как всему он возражалось, лишает с трибуны в тот момент предоставлять полков для атаки. Не имея возможности проверить материал, на основе которого построил свой труд т. К-в, не могу разрешить, что пользовался этим материалом т. К-в, и как безответственный „историк".

Письмо Ворошилова Сталину о книге Кутякова «Киевские Канны 1920 г.»
25 июня 1936
Автограф К.Е. Ворошилова
[РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 37. Л. 102–102 об.]

Не приходится сомневаться в том, что в этом выводе в той или иной мере отразился личный опыт участия Сталина в польско-советской войне. Тогда разбор ошибок, приведших к поражению Красной армии, свелся главным образом к анализу просчетов, допущенных командованием фронтов, и оставил (очевидно, не случайно) за скобками роль главного командования и политического руководства.

Весной 1931 г. Комиссия обороны со Сталиным в своем составе рассмотрела «Записку об оперативной части плана войны на 1931 год», представленную за подписью наркомвоенмора К.Е. Ворошилова. Записку, судя по всему, следует считать первым развернутым документом советского военного планирования. В соответствии с нею, военное руководство ожидало нападения на СССР Польши и Румынии при сохранении нейтралитета Прибалтийских государств (Финляндии, Эстонии, Латвии), допуская при этом одновременное или последовательное присоединение этих государств к нападавшим. В случае начала войны на Западе в «Записке» имелось в виду и возможность возникновения осложнений «и на наших восточных границах» на Дальнем, Среднем и Ближнем Востоке. Принималось за

данность, что нападающие Польша и Румыния будут пользоваться широкой материальной поддержкой со стороны Англии и Франции [1484].

В этот период претерпевали изменения и подходы к определению главного противника, а вот театр потенциальных военных действий оставался в целом почти неизменным. До середины 1930-х гг. роль главного противника отводилась Польше. Именно на этом театре Советскому Союзу предстояло противостоять, как предполагало советское руководство, военно-политическим блокам из числа так называемых государств-лимитрофов, которые могли быть сформированы с участием Польши. К середине 1930-х обстановка изменилась. Главным фактором трансформации подходов к военному планированию, очевидно, стал приход к власти в Германии национал-социалистической партии. 2 апреля 1934 г. нарком по военным и морским делам Ворошилов утвердил докладную начальника Штаба РККА А.И. Егорова, в котором учитывалась «возможность выступления против СССР не только Польши, Румынии и прибалтов (Финляндия, Эстония и Латвия), но и Германии и Литвы, а также не исключена возможность высадки десанта Англии и др. капиталистических государств на территории Литвы или Латвии»[1485]. Через год подходы к военному планированию получили более определенное основание. В феврале 1935 г. Ворошилову на стол лягут две содержательно похожие докладные записки — от командующего войсками Белорусского военного округа Уборевича и от заместителя самого Ворошилова — Тухачевского. Обе предлагали пересмотреть «действовавший до сих пор стратегический план войны на Западе». В прежнем плане, — писал Уборевич, — мы исходили «из вооруженного нейтралитета против Финляндии, Эстонии, Латвии и разгрома Польши и Румынии… В данное время нужно исходить, что Польша выступит вместе с Германией и плюс война на Дальнем Востоке с Японией. Это выступление Польско-Германского блока на западе, по-видимому, будет активно поддержано Финляндией ударом на Ленинград, а также Англией, под руководством которой и при содействии ее флота нужно ожидать враждебных действий со стороны Эстонии и Латвии». Тухачевский, исходивший из таких же представлений, писал: «Если произвести общий подсчет необходимых для обороны сил, то станет ясно, что Штаб РККА этой потребности совершенно не понимает и не только не добивается увеличения числа стр[елковых] дивизий, мехбригад и авиации, но, наоборот, самовольно сокращает число стр[елковых] дивизий»[1486]. В апреле 1935-го уже и начальник Штаба РККА Егоров в «Докладе по развитию вооруженных сил на 1936–38 г.» будет указывать на «явно выявившийся немецко-польский блок, направленный в первую очередь против нас», на необходимость дополнительного усиления на западном театре. Укажет он и на рост угрозы со стороны Японии. В связи с этим будет поставлен вопрос об увеличении количества кадровых дивизий,

их численности, состава военно-воздушных сил, морских сил, артиллерии, об усилении частей ПВО и др.[1487]

14 декабря 1935 г. в своем заключительном слове на заседании Военного совета, явно выражая не только свое, но и Сталина, мнение, Ворошилов охарактеризовал международную военно-политическую обстановку: «Таким образом, в лице двух сильнейших буржуазно-милитаристских государств — Японии и Германии мы имеем вполне определившихся злейших наших врагов, которые, по существу не скрывая этого, считают нас основным и первым объектом применения своих разбойничьих планов и своих интенсивнейших вооружений»[1488].

14 марта 1936 г. начальник теперь уже Генерального штаба А.И. Егоров подготовил докладную записку о плане стратегического развертывания РККА по театрам военных действий и оперативного развертывания на западных границах на 1936–1937 гг., которая была утверждена Ворошиловым уже на следующий день. В ней Егоров предложил внести изменения в существующий план в связи с «изменившимися условиями нашего стратегического положения на Западе, в силу роста вооруженных сил Германии и ее агрессивных намерений против Советского Союза»[1489]. «В германо-польско-финском блоке на Западе» главным противником было предложено рассматривать Германию, не исключалась возможность выступления на стороне этого блока Эстонии и Латвии. Предполагалось, что Литву Германия предварительно оккупирует «передовым эшелоном». Советским военным руководством планировалось «последовательно разбить польскую армию и германские силы… разгромив поляков ранее поддержки их германской армией, выйти главными силами в район Остроленка, Варшава, Люблин и правофланговыми армиями Западного фронта на фронт Тильзит, Вержболово, Августов… При выступлении на стороне антисоветского блока Эстонии и Латвии — разбить армии и оккупировать территорию этих государств. Против Финляндии — активная оборона. На остальных участках Западного ТВД — обеспечить прочную оборону наших границ»[1490].

Начальник штаба Красной армии А.И. Егоров, К.Е. Ворошилов, И.В. Сталин, зам. наркома по военным и морским делам М.Н. Тухачевский, председатель ЦИК Абхазии Н.А. Лакоба на Юге

25–31 августа 1933

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1668. Л. 30]

17 апреля 1936 г. Ворошилов направил Сталину и Молотову записку «По вопросу дальнейшего строительства Морских сил РККА», при подготовке которой ставилась цель представить на рассмотрение высшего руководства оперативно-стратегические соображения по дальнейшему строительству военно-морских сил. В основу своих предложений Наркомат обороны положил создание сильных флотов с включением в их состав линейных кораблей на Балтийском, Северном и Черном морях и создание флота из легких сил (на основе тяжелых и легких крейсеров) на Тихом океане. Сосредоточение основных сил флота на западных морских театрах было не случайным. Основным противником на Балтийском и Черноморском флотах «учитывалась» Германия. На Балтике при этом следовало ожидать вовлечения в войну на ее стороне Польши и Финляндии, а также, возможно, Латвии, Эстонии «и даже Швеции». На Черном море учитывалось «стремление Германии к политическому влиянию и экономическому овладению Румынией, Болгарией и Турцией». На Северном морском театре противниками назывались Англия, Германия, Финляндия, на Дальнем Востоке — Япония. Создание флотов при этом мыслилось не только в качестве чисто военной меры. Учитывалось и политическое воздействие этих мер на названные государства (Финляндия, Эстония, Латвия, Швеция, Румыния, Болгария, Турция) в части влияния на их политическую ориентацию и возможное военное выступление этих государств против СССР. Выполнение программы строительства предлагалось осуществить в два этапа — легких надводных кораблей, подводных лодок и части крупных кораблей к 1 января 1942 г., остальных крупных кораблей к 1 января 1944 г. Планировалось в связи с этим и увеличение личного состава на 150 тыс. чел., и расширение военно-морских учебных заведений[1491].

Борис Михайлович Шапошников
1930-е
[Из открытых источников]

Не пройдет и недели, как Ворошилов направит тем же адресатам еще одну докладную — о задачах по развитию Военно-воздушных сил. Предложения касались вопросов специализации авиации по родам, летно-тактических характеристик, вооружения самолетов, их количества, запасов «огнеприпасов» и др. Докладная зафиксировала, что «фактическое состояние на сегодня нашей авиационной техники и промышленности далеко не обеспечивает этих потребностей нашей авиации для обороны Союза». Ворошилов просил утвердить изложенную в записке «систему классов самолетов на 1936–39 годы для производства и снабжения», а также мобзаявку «на случай войны в 1937 году»[1492].

Рост напряженности на Дальнем Востоке, военные успехи Японии заставили советское руководство держать эту зону советских интересов под своим пристальным вниманием. В начале октября 1937 г. Сталин получил от Ворошилова докладную «Об особых мероприятиях 1937 года по Дальнему Востоку», адресованную ему и Молотову. В докладе Ворошилов сообщал о сверхнормативном росте в августе-сентябре численности РККА на 59 тыс. чел., что было сделано для усиления обороноспособности Дальнего Востока, а также представил обоснование необходимости «дополнительного отпуска денежных средств и различных фондов». Сталин, не возражая по существу, дал поручение Молотову, причем подчеркнул, что поручение это носит персональный характер: «Просьба ознакомиться. Тут что-то сильно преувеличены расходы. Невозможно голосовать»[1493].

24 марта 1938 г. Б.М. Шапошников, сменивший репрессированного Егорова на посту начальника Генштаба, подготовил записку с

соображениями об основах стратегического развертывания на Западе и Востоке.

В ней и были уточнены базовые подходы советского политико-военного руководства к военному планированию на ближайший период: «Складывающаяся политическая обстановка в Европе и на Дальнем Востоке как наиболее вероятных противников СССР выдвигает фашистский блок — Германию, Италию, поддержанных Японией и Польшей. Эти государства ставят своей целью доведение политических отношений с СССР до вооруженного столкновения». С другой стороны, «сильно колеблющаяся политика Англии и Франции позволяет фашистскому блоку в Европе пойти на договоренность, в случае войны его с Советским Союзом». Что касается таких государств, как Финляндия, Эстония, Латвия, Румыния, Болгария, Турция, то «возможно», что они «сохранят свой нейтралитет, выжидая результата первых столкновений, но не исключается и их прямое участие в войне на стороне фашистского блока». Далее Шапошников делает вывод о том, что Советскому Союзу «нужно быть готовым к борьбе на два фронта: на Западе против Германии и Польши и частично против Италии с возможным присоединением к ним лимитрофов и на Востоке против Японии»[1494]. 1 марта 1936 г. в беседе с Роем Говардом (запись была опубликована затем в «Правде») Сталин заметил: «Имеются, по-моему, два очага военной опасности. Первый очаг находится на Дальнем Востоке, в зоне Японии… Второй очаг находится в зоне Германии»[1495]. Из этих оценок, родившихся, вероятнее всего, в ходе обмена мнениями между высшими представителями политического и военного истеблишмента, и будет исходить советское политическое руководство, выстраивая свою политическую линию на обоих направлениях в 1938–1939 гг., ставшими переломными в мировой истории.

Сталин вряд ли случайно поставил Японию на первое место в иерархии «очагов военной опасности». Именно ситуация на Дальнем Востоке в этот период вызывала его наибольшее беспокойство. Действия Японии, на этом театре в 1930-е переросли в полномасштабную военную экспансию на континенте.

Что касается оперативно-тактических наработок, то в руководстве Красной армии возобладали представления о приоритетности концепции так называемой активной обороны. Выступая на заседании Военного совета в ноябре 1938 г., начальник Генштаба Б.М. Шапошников подчеркнул: «Вся система нашей подготовки в 1939 г. в основном должна быть насыщена не оборонительными тенденциями, а идеей наступательной операции. Обороне должно быть уделено внимание постольку-поскольку»[1496]. В проекте Полевого устава РККА 1939 г. было написано: «Если враг навяжет нам войну, Рабоче-Крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех нападающих армий». Эта направленность оперативно-тактической

подготовки была характерна для РККА вплоть до вторжения в пределы СССР войск вермахта 22 июня 1941 г. Нет никаких сомнений в том, что эта установка военного руководства была полностью согласована с позицией политического руководства, то есть Сталина.

В середине 1930-х гг. значительные изменения произошли в системе органов стратегического руководства вооруженными силами. 20 июня 1934 г. постановлением ЦИК СССР был упразднен Реввоенсовет СССР, работавший как коллегия при Наркоме по военным и морским делам. Сам наркомат был переименован в Наркомат обороны СССР. Наркому обороны в оперативном отношении подчинялись командующие войсками военных округов, армий, флотов. «Он же стоит во главе Рабоче-крестьянской красной армии», — было записано в Положении о Народном комиссариате обороны Союза ССР. Нарком являлся главнокомандующим в условиях военного времени. В состав наркомата входили 27 управлений и отделов, 24 инспектора, причем Штаб РККА функционировал на правах одного из управлений наркомата, и лишь в сентябре 1935 г. после его преобразования в Генеральный штаб его функции изменяются, повышается статус. 22 ноября 1934 г. ЦИК и СНК СССР утвердили Положение о народном комиссаре обороны СССР и Положение о Военном совете при народном комиссаре обороны СССР. Военный совет учреждался в качестве совещательного органа, его члены утверждались Совнаркомом СССР по представлению наркома. В марте 1938 г. совместным постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР при народном комиссаре обороны был создан Главный военный совет (ГВС), который заменил Военный совет, в его состав в качестве формально рядового члена входил и Сталин. В апреле аналогичным образом создается ГВС Военно-морского флота[1497]. В январе 1935 г. в составе Военно-морских сил РККА образуются Балтийский, Черноморский и Тихоокеанский флоты. Затем в мае были образованы новые военные округа: Киевский, Забайкальский, Уральский, Закавказский. 30 декабря 1937 г. постановлением ЦИК и СНК СССР был создан Наркомат Военно-Морского Флота СССР. В июле 1938 г. решением ГВС РККА Киевский и Белорусский военные округа были преобразованы, в их названия добавили слово «особый».

Результатом анализа изменений в международной обстановке явилась разработка и принятие 29 ноября 1937 г. в СССР нового мобилизационного плана на 1938–1939 гг. (МП-22). Им предусматривался рост числа стрелковых частей РККА в 1,7 раза, увеличение количества тяжелых танковых бригад с четырех до девяти, количества артиллерийских орудий и танков на 50 %, изменялась структура ВВС. Численность мобилизованной Красной армии устанавливалась в 6 503 500, в мирное время — 1 665 790 человек [1498].

«О реорганизации военной промышленности»

В связи со своим пониманием военной угрозы советское руководство пыталось решать не только армейские проблемы, но, как уже отмечалось, и вопросы развития военной промышленности.

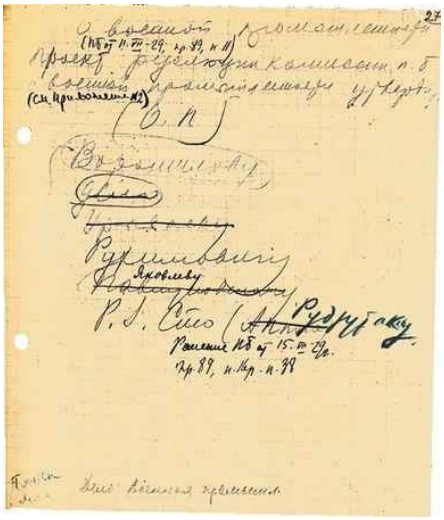
Общий политический курс на вытеснение «царских специалистов» из всех основных сфер жизни Советского государства проявился и в этой сфере. 29 марта 1929 г. Политбюро получило подписанную зампредом ОГПУ Ягодой докладную записку по следственному делу «О контрреволюционной организации в военной промышленности», основателем которой в 1922 г. «явилась группа бывших генералов и полковников царской армии» во главе с В.С. Михайловым, прежним заместителем председателя Главного управления военной промышленности[1499]. 27 апреля Политбюро обсуждало состояние военной промышленности, при этом в центре внимания присутствующих находились вопросы, связанные с докладной запиской Ягоды. Борьба с «вредителями» развернулась вскоре на полную мощь, результатом стали многочисленные увольнения и аресты. В мае 1929 г. распорядительные заседания Совета труда и обороны (РЗ СТО) утвердили предложения Наркомата по военным и морским делам об увеличении численности армии и производства вооружений вплоть до 1933 г. Это означало еще один шаг в сторону «военизации» (милитаризации) планов пятилетки[1500]. К заседанию Политбюро там было решено подготовить два доклада — один о состоянии обороны, другой о военной промышленности.

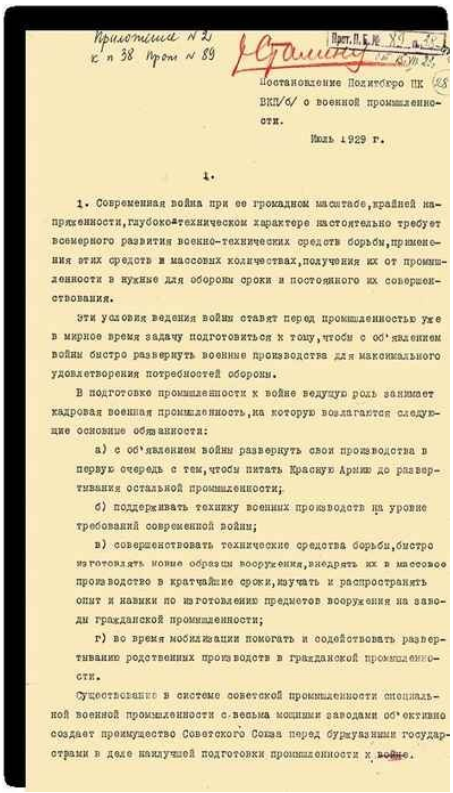
В июне 1929 г. Сталин получил уже упоминавшийся доклад «Состояние перспективы в строительстве Вооруженных Сил СССР», подготовленный Реввоенсоветом СССР[1501]. Политбюро в принятом по этому докладу постановлении «О состоянии обороны страны и работе РЗ СТО» отметило ряд крупных недостатков не только в подготовке РККА к обороне, но и проблемы народного хозяйства. Техническая база вооруженных сил была названа все еще очень слабой и далеко отставшей от техники современных буржуазных армий; признавались неудовлетворительным материальное обеспечение армии по действующему мобплану, материальные резервы обороны совершенно недостаточными, а подготовка промышленности, в том числе военной, к выполнению «требований вооруженного фронта» совершенно неудовлетворительной. Постановление специально подчеркнуло, что «отрицательные явления в военной промышленности… усугублялись длительным и систематическим вредительством со стороны старых специалистов». Как уже отмечалось, Политбюро поставило задачи, которые надолго определили направления развития не только Вооруженных Сил СССР, но и оборонной промышленности: по численности — не уступать нашим вероятным противникам на

главнейшем театре войны; по технике — быть сильнее противника по двум или трем решающим видам вооружения[1502].

В тот же день 15 июля Политбюро приняло еще одно постановление «О военной промышленности». В нем было зафиксировано: «Современная война при ее громадном масштабе, крайней напряженности, глубоко-техническом характере настоятельно требует всемерного развития военно-технических средств борьбы, применения этих средств в массовых количествах, получения их от промышленности в нужные для обороны сроки и постоянного их совершенствования»[1503].

Соответственно, перед промышленностью была поставлена задача уже в мирное время подготовиться к тому, чтобы с объявлением войны быстро развернуть военные производства для максимального удовлетворения нужд обороны. И если первое из постановлений Политбюро этого дня носило достаточно бравурный характер, то второе было остро критическим, и оно констатировало, что военная промышленность «не подготовлена к выполнению возложенных на нее задач и положение с подготовкой ее к обороне находится в неудовлетворительном состоянии». Постановление зафиксировало ведущую роль в подготовке к войне так называемой кадровой военной промышленности, наличие которой, как утверждалось, объективно создает преимущество Союза ССР перед буржуазными государствами в обороне страны. Этим тезисом и будет предопределено направление дальнейшего развития военно-промышленного комплекса СССР.





Приложение № 2
к п 38 Прот № 89

Прот. П.Б. № 89 п. 38

Постановление Политбюро ЦК ВКП/б/ о военной промышленности.

Июль 1929 г.

1.

1. Современная война при ее громадном масштабе, крайней напряженности, глубоко-техническом характере настоятельно требует всемерного развития военно-технических средств борьбы, применения этих средств в массовых количествах, получения их от промышленности в нужные для обороны сроки и постоянного их совершенствования.

Эти условия ведения войны ставят перед промышленностью уже в мирное время задачу подготовиться к тому, чтобы с об'явлением войны быстро развернуть военные производства для максимального удовлетворения потребностей обороны.

В подготовке промышленности к войне ведущую роль занимает кадровая военная промышленность, на которую возлагаются следующие основные обязанности:

а) с об'явлением войны развернуть свои производства в первую очередь с тем, чтобы питать Красную Армию до развертывания остальной промышленности;

б) поддерживать технику военных производств на уровне требований современной войны;

в) совершенствовать технические средства борьбы, быстро изготовлять новые образцы вооружения, внедрять их в массовое производство в кратчайшие сроки, изучать и распространять опыт и навыки по изготовлению предметов вооружения на заводы гражданской промышленности;

г) во время мобилизации помогать и содействовать развертыванию родственных производств в гражданской промышленности.

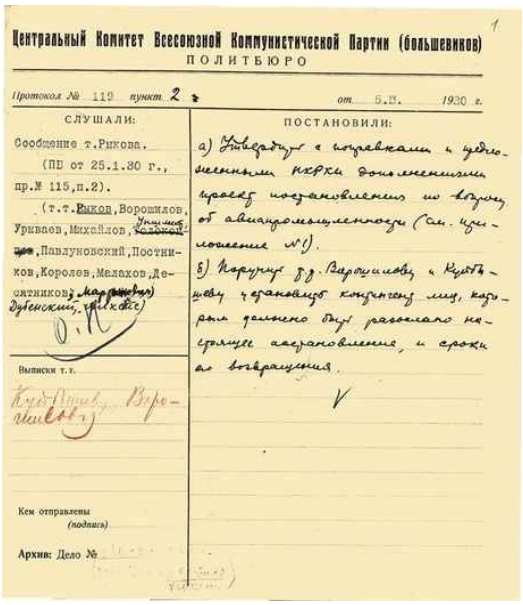
Существование в системе советской промышленности специальной военной промышленности с весьма мощными заводами об'ективно создает преимущество Советского Союза перед буржуазными государствами в деле наилучшей подготовки промышленности к войне.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О военной промышленности» 15 июля 1929
[РГАСПИ. Ф 17. Оп. 166. Д. 319. Л. 27–36]

Причинами неудовлетворительного состояния дел постановление назовет касту «старых специалистов царской России», в большинстве своем входившую в «контрреволюционную организацию» и расстраивавшую военную промышленность. Поэтому для исправления недостатков был запланирован ряд мер. Во-первых, ставилась задача рассмотреть вопрос «о наложении взысканий и привлечении к ответственности как нынешнего, так и бывшего руководящего состава военной промышленности», во-вторых, «в кратчайший срок произвести чистку всего личного состава военной промышленности до заводов включительно». Среди многочисленных недостатков, помеченных в постановлении литерами от «а» до «о», обращает на себя внимание пункт под литерой «в», где отмечено наличие диспропорций в пороховом производстве, которое «не обеспечивает количество заданных выстрелов»[1504]. Через 12 лет, весной 1941 г., нарком обороны С.К. Тимошенко и начальник Генштаба Г.К. Жуков дважды будут обращаться к Сталину с одной и той же просьбой — обратить внимание на недостаток боеприпасов. Решить эту проблему к моменту вторжения вермахта так и не удастся, в течение первых лет войны Красная армия

будет испытывать реальный «снарядный голод», который удастся ликвидировать лишь к началу 1945 г. «Советские специалисты военных производств», те, что остались или пришли после тотальной зачистки военной промышленности от старых специалистов, окажутся не в состоянии решить эту задачу. Но об этом речь впереди.

В октябре 1929 г. в печати объявили о раскрытии организации и расстреле «вредителей», действовавших в военной промышленности. Вероятно, именно на рубеже 1920–1930-х гг. сначала в оборонной промышленности, а затем и повсеместно произошло формирование в основных чертах «дисциплины страха», «укрепление» которой продолжится в годы Большого террора и которая сыграет важную роль в формировании сталинского мобилизационного режима. Элементом этой дисциплины была, конечно, не только борьба с вредительством, но и собственно меры дисциплинарного воздействия на крестьянскую массу, пришедшую на работу в промышленность. Своего пика эти меры достигнут в предвоенные годы, и о них будет рассказано в следующей главе.



1

Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков)

ПОЛИТБЮРО

Протокол № 119 пункт 2 от 5.II. 1930 г.

СЛУШАЛИ:

Сообщение т.Рыкова.

(ПБ от 25.1.30 г., пр.№ 115,п.2).

(т.т.Рыков,Ворошилов, Уриваев,Михайлов, Уншлихт, Павлуновский,Постников,Королев,Мелахов,Десятников, Мартынов, Дубенский, Рыков)

Выписки т.т.

Куйбышев, Ворошилов

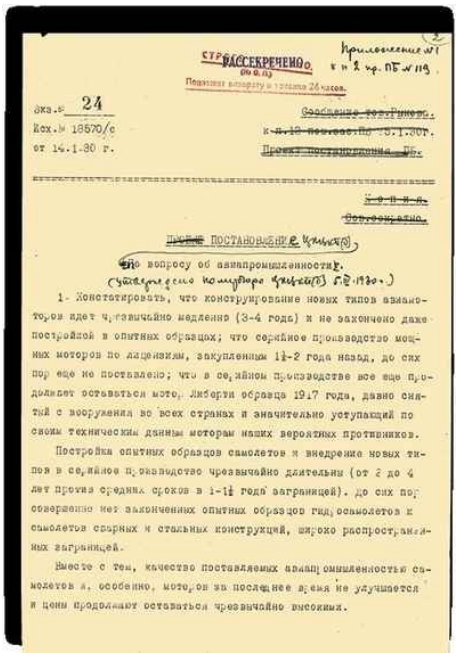
Кем отправлены (подпись)

Архив: Дело №

ПОСТАНОВИЛИ:

а) Утвердить с поправками и предложенными НКРКИ дополнениями проект постановления по вопросу об авиапромышленности (см. приложение №1).

б) Поручить т.т. Ворошилову и Куйбышеву установить контингент лиц, которым должно быть разослано настоящее постановление, и сроки его возвращения.



Приложение №1 к п 2 пр. ПБ № 119

СТР РАССЕКРЕЧЕНО (по О.П.)

Подлежит возврату в течение 24 часов.

Экз.№ 24

Исх.№ 18570/с

от 14.1.30 г.

~~Сообщение тов.Рыкова.~~

~~к п.12 пов.сек.ПБ 15.1.30г.~~

~~Проект постановления ПБ.~~

~~Ко-в-н-е.~~

~~Совсекретно.~~

~~ПРОЕКТ~~ ПОСТАНОВЛЕНИЕ Цк ВКП(б)

~~По~~ по вопросу об авиапромышленности.

(утверждено политбюро ЦК ВКП(б) 5.3.1930 г.)

1. Констатировать, что конструирование новых типов авиамоторов идет чрезвычайно медленно (3-4 года) и не закончено даже постройкой в опытных образцах; что серийное производство мощных моторов по лицензиям, закупленным 1½-2 года назад, до сих пор еще не поставлено; что в серийном производстве все еще продолжает оставаться мотор Либерти образца 1917 года, давно снятый с вооружения во всех странах и значительно уступающий по своим техническим данным моторам наших вероятных противников.

Постройка опытных образцов самолетов и внедрение новых типов в серийное производство чрезвычайно длительны (от 2 до 4 лет против средних сроков в 1-1½ года заграницей). До сих пор совершенно нет законченных опытных образцов гидросамолетов и самолетов сварных и стальных конструкций, широко распространенных заграницей.

Вместе с тем, качество поставляемых авиапромышленностью самолетов и, особенно, моторов за последнее время не улучшается и цены продолжают оставаться чрезвычайно высокими.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросу авиационной промышленности

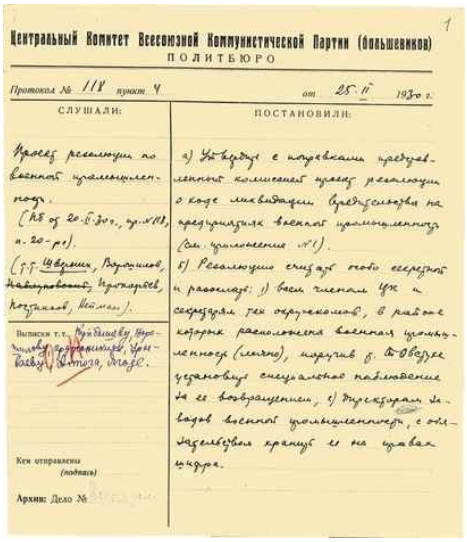
5 марта 1930

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 349. Л. 1–5]

Накануне нового 1930 г. Сталин получил от ОГПУ доклад «О разоблачении контрреволюционной вредительской организации в авиапромышленности», после чего последовало постановление Политбюро об авиапромышленности от 5 марта, зафиксировавшее, что «качество поставляемых авиапромышленностью самолетов и, особенно, моторов за последнее время не улучшается, и цены продолжают оставаться чрезвычайно высокими». «Главнейшими» причинами были названы «наличие длительного организованного вредительства» и, как ни удивительным это покажется, — «совершенно недостаточное привлечение иностранной технической помощи, инженеров, техников, мастеров и рабочих высокой квалификации, а также неумелое использование уже привлеченной технической помощи»[1505].

25 февраля 1930 г. Политбюро приняло еще одно постановление — «О ходе ликвидации вредительства на предприятиях военной промышленности», которое констатирует, что в военной промышленности «не принято достаточных реальных мер» по ликвидации последствий вредительства из-за того, что «у руководителей заводов, трестов, ГВПУ имеется недооценка всей глубины расстройства военной промышленности, получившегося в результате вредительства». Главной мерой было названо создание при трестах комиссий из хозяйственников, представителей ОГПУ,

Наркомата по военным и морским делам и «ЦК соответствующего [профессионального] союза», которым следовало «разработать на основе имеющегося материала в ОГПУ конкретные задания для каждого производства». Было также принято решение «о переходе в объединениях и трестах военной промышленности от коллегиального к единоличному управлению». Не остались без внимания и мобилизационные практики. Оргбюро ЦК вменялось в обязанность мобилизовать для военной промышленности ответственных партийных работников, членов ЦК и ЦКК, а партийным и профессиональным организациям «мобилизовать внимание рабочих военных производств к восстановлению утерянных навыков точных работ и провести широкую кампанию по улучшению качества военной продукции, ведя борьбу с рвачеством отсталой части рабочих и хвостизмом... администрации, потворствующей этому».



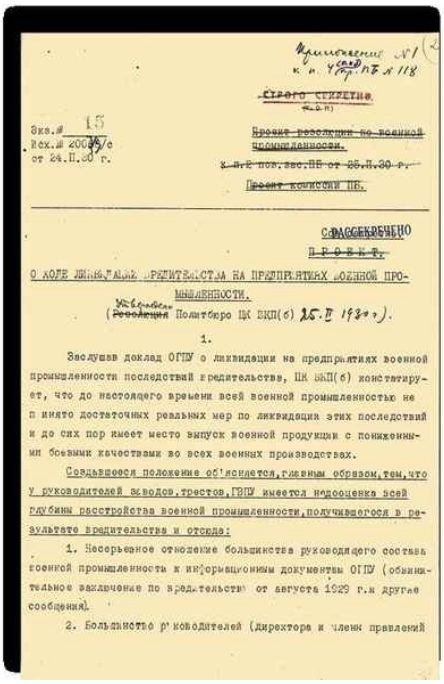
1

Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков)

ПОЛИТБЮРО

Протокол № 118 пункт 4 от 25.II 1930 г.

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
Проект резолюции по военной промышленности. (КБ от 20.II.30 г., пр. № 118, п. 20-ре). (т.т. Шверник, Ворошилов, ~~Наваровский~~, Прокофьев, Постников, Нейман).	а) Утвердить с поправками представленный комиссией проект резолюции о ходе ликвидации вредительства на предприятиях военной промышленности (см. приложение № 1). б) Резолюцию считать особо секретной и разослать: 1) всем членам ЦК и секретарям тех окружкомов, в районе которых расположена военная промышленность (лично), поручив т. Ф. Овсеуке установить специальное наблюдение за ее возвращением, 2) директорам заводов военной промышленности, с обязательством хранить ее на правах шифра.
Выписки т.т. Куйбышеву, Ярославскому, Уренбаеву, Ломоза, Мозе.	
Кем отправлены (подпись)	
Архив: Дело №	



Приложение №1
к п. 4 (сод) пр. ПБ № 118

~~СТРОГО СЕКРЕТНО~~
~~(Ф.О.П.)~~

Экз.№ 15
Исх.№ 200[illegible]/с
от 24.II.30 г.

~~Проект резолюции по военной промышленности.~~
~~к п.2 пов.зас.ПБ от 25.II.30 г.~~
~~Проект комиссии ПБ.~~

~~СОВСЕКРЕТНО~~
~~П Р О Е К Т.~~

О ХОДЕ ЛИКВИДАЦИИ ВРЕДИТЕЛЬСТВА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

(~~Резолюция~~ Утверждено Политбюро ЦК ВКП(б) 25.II 1930 г.).

1.

Заслушав доклад ОГПУ о ликвидации на предприятиях военной промышленности последствий вредительства, ЦК ВКП(б) констатирует, что до настоящего времени всей военной промышленностью не принято достаточных реальных мер по ликвидации этих последствий и до сих пор имеет место выпуск военной продукции с пониженными боевыми качествами во всех военных производствах.

Создавшееся положение об'ясняется, главным образом, тем, что у руководителей заводов, трестов, ГВПУ имеется недооценка всей глубины расстройства военной промышленности, получившегося в результате вредительства и отсюда:

1. Несерьезное отношение большинства руководящего состава военной промышленности к информационным документам ОГПУ (обвинительное заключение по вредительству от августа 1929 г. и другие сообщения).

2. Большинство руководителей (директора и члены правлений

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О ходе ликвидации вредительства на предприятиях военной промышленности»
25 февраля 1930
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 348. Л. 1–13]

Кроме того, ВСНХ и Наркомат по военным и морским делам были обязаны в месячный срок разработать технические условия и «кондиции» на поставляемые военному ведомству промышленные изделия, «которые таковых еще не имеют»; к 1 мая правительственной комиссии предписывалось завершить «общий пересмотр технических условий». Озаботилось Политбюро и «оздоровлением» «инструментального и лекального дела», разработкой новых положений о контрольных отделах. Сама постановка подобных вопросов, кажется, прямо указывает на корень проблем — низкий уровень управленческой культуры «комиссаров в пыльных шлемах», пришедших к управлению промышленностью и не имевших ни образования, ни необходимых практик организации производства, для которых вопрос стандартизации производства находился на периферии профессионального внимания. Еще один пункт постановления раскрывает оформившиеся уже тогда практики хозяйствования, сохранившиеся до последних лет функционирования советской экономики. Было решено «немедленно дать директиву об освобождении военных заводов на 1929/30 г. от мобилизации личного состава на разные кампании (посевная, хлебозаготовительная, колхозная и т. д.)». Совнаркому поручили «издать постановление об

узаконении принудительной командировки инженеров на военные заводы и о прикреплении их на известный срок к этим заводам».

Помимо этих, довольно своеобразных с точки зрения сегодняшнего дня, решений, были и другие, которые действительно окажут позитивное влияние на становление и развитие предприятий отрасли. Будет решено «усиленным темпом» развернуть сеть военизированных втузов и техникумов «до пределов, соответствующих полной потребности военной промышленности».

Именно с момента этой кампании, кстати говоря, берет начало история особых и специальных технических и конструкторских бюро в военной промышленности (так называемых шарашек).

Сегодня, наверное, вызовут удивление решения о привлечении к военным производствам иностранной технической помощи, приглашении иностранных специалистов и, кроме того, требование провести срочные мероприятия, обеспечивающие своевременный завоз импортного оборудования[1506].

В оборонном строительстве фактор использования зарубежных техники и технологий сыграл значительную роль, особенно в годы первой пятилетки, во второй пятилетке расчет на иностранную помощь носил уже эпизодический характер. Во всех случаях советский подход к сотрудничеству предусматривал передачу всех данных по организации производственного процесса, оговаривались сроки передачи оборудования, лицензий и чертежей, взаимные гарантии и условия платежей. В годы второй пятилетки начался переход от иностранных к отечественным образцам[1507].

Выступая в начале февраля 1931 г. на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, Сталин задал аудитории риторический вопрос: «Хотите ли, чтобы наше социалистическое отечество было побито и чтобы оно утеряло независимость?» Ответ на этот вопрос для всех собравшихся был очевиден, тем не менее Сталин в директивной форме дал на него свой знаменитый ответ: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»[1508].

Поворот к новому видению оборонной политики отразил новый мобилизационный план М-15, составленный в июне 1933 г. В этом плане был сделан упор на дальнейшее развитие механизации и моторизации армии на основе концепции «маневренной войны» и подходов М.Н. Тухачевского. План, однако, во многом остался «на бумаге». Комиссия советского контроля (КСК) во второй половине 1934 г. провела проверку мобилизационной готовности Наркомата тяжелой промышленности, доклад по итогам которой был направлен Сталину. Выводы комиссии были ошеломляющими. «Итак, — резюмирует член КСК Хаханьян, — работу Главного военно-мобилизационного управления (ГВМУ) нужно считать неудовлетворительной, а

промышленность к выполнению заданий первого года войны неподготовленной полностью, особенно по темпам развертывания». Не проработанными оставались многие вопросы, в том числе об обеспечении промышленности в период ее мобилизации рабочей силой. Провалы в мобилизационной подготовке промышленности усматривались КСК в стремлении ГВМУ «сосредоточить все производство военной продукции на нескольких «военных заводах», на созданной нечто вроде «военной промышленности», игнорируя и не желая привлечь к тому всю нашу тяжелую промышленность»[1509]. В значительной мере, исходя из этой установки, помимо перестройки собственно военной промышленности был осуществлен поворот в сторону военизации гражданского сектора промышленности и промышленного строительства. О проблемах мобилизационной подготовки промышленности докладывал Сталину и Тухачевский, в ноябре 1935 г. направивший вождю докладную о необходимости реорганизации мобилизационной подготовки промышленности. В ней он писал, что «положение промышленной мобилизационной подготовки совершенно угрожающее» и «требует самых решительных мер для выправления положения». Практически вся докладная была посвящена комплексу взаимосвязанных проблем, обнаружившихся в производстве боеприпасов. Тухачевский писал о неисполнении заказов Наркомата обороны по производству выстрелов (орудийных снарядов и винтовочных патронов), запаздывании строек по производству порохов и взрывчатых веществ. Указывал он и на отсутствие кооперации предприятий, «производящих выстрел», на «необходимость создания Главного управления по выстрелу, которому были бы подчинены снарядные, взрывательные, пороховые и снаряжательные заводы». Подчеркнул он и тот факт, что мобплан «М-3» не обеспечен «контрольно-мерительным инструментом». Из 49 снарядных и авиабомбовых заводов на 50–76 % таким инструментом были обеспечены лишь 8 заводов, а 14 не были обеспечены вовсе[1510].

Несмотря на столь решительную критику недостатков мобилизационного планирования, Сталин имел основания благодушно оценивать итоги разворачивавшегося процесса. Если судить по справке Сектора обороны Госплана СССР о развитии военного производства между XVI и XVII съездами ВКП(б), составленной в конце января 1934 г., то за четыре года «наши военно-производственные возможности гигантски возросли. Наибольшее развитие получили: артиллерия — рост в 7,6 раза, танки — рост в 28,8 раза, самолеты — рост в 3,2 раза» и т. д. Госплан также утверждал на основании данных IV управления Штаба РККА, что промышленность СССР превосходила на тот момент по своим производственным возможностям в отношении артиллерии и танков Японию, Францию и США, сохраняя отставание по самолетам, снарядам и военной химии[1511].

Между тем, планом мобилизационного развертывания экономики к концу второй пятилетки планировалось выйти на рекордные показатели производства. В случае войны советская промышленность должна была производить в год 40 тыс. танков, 20 тыс. танкеток, 32 тыс. самолетов, 100 тыс. тракторов, 500 тыс. грузовиков, 84 500 артиллерийских систем, 75 млн снарядов, 3850 тыс. винтовок и автоматов, 338 тыс. пулеметов, 400 тыс. авиабомб и т. д. Трудно сказать, насколько реалистичными были эти планы. Так или иначе, к концу второй пятилетки итоги форсированного развития мощностей производства военной техники оказались впечатляющими. Так, в 1937 г. были произведены 4435 самолетов, 5443 артиллерийских орудия, 74 657 пулеметов. В этом году случился провал в выпуске танков — их произвели «лишь» 1559 шт., хотя на протяжении предшествующих четырех лет их производилось от 3061 до 3989 шт. ежегодно. Провалы такого рода случались и по другим видам вооружений. Например, в 1935 г. самолетов было выпущено 1516 шт., то есть на 2539 меньше, чем в 1934-м. Следует отметить, что такие впечатляющие результаты (несмотря на провалы по некоторым видам вооружения) были достигнуты за счет колоссального роста бюджетных ассигнований на оборону: только в 1933–1937 гг. они увеличились с 4738 млн до 20 039 млн руб.[1512]

При этом основные мощности военного производства так и остались сосредоточенными в центре страны, хотя, как мы помним, еще в середине 1920-х гг. Сталин ставил задачу развития военной промышленности в восточных районах страны. Однако для промышленного развития восточных регионов требовались дополнительные капиталовложения (затраты на подготовку и обустройство кадров рабочих и специалистов, создание или развитие транспортной инфраструктуры и т. д.). Вероятно, играла свою роль и укреплявшаяся по мере беспрецедентного роста вооружений уверенность в том, что бить врага Красная армия будет на чужой территории.

Был осуществлен и пересмотр программы военно-морского строительства в сторону ее увеличения. СТО принял 11 июля 1933 г. постановление «О программе военно-морского судостроения на 1933–1938 гг.», 16 июля 1936 г. — еще одно постановление «О программе крупного судостроения»[1513]. Однако реализовать их не получится. По оценке наркома ВМФ Н.Г. Кузнецова, «потребовав огромных денежных средств и расхода металла, эта программа не успела существенно увеличить наши Морские Силы» [1514].

Таким образом, уже в начале 1930-х гг. советское руководство обеспечило количественное военно-техническое превосходство над армиями различных европейских государств по количеству танков, самолетов, артиллерийских орудий. Созданные многочисленные заводы

по своему потенциалу могли при необходимости дать огромное количество единиц вооружений.

Гигантский скачок, совершенный в годы первой пятилетки, имел, однако, и обратную сторону. В условиях быстрого развития военной промышленности в странах Запада накопленный военно-технический потенциал СССР быстро старился и требовал все новых средств для вложения в модернизацию техники, устаревавшей морально и физически, а также разработки ее новых образцов и внедрения их в промышленное производство.

Овладение новой техникой, отладка ее использования на поле боя, взаимодействие родов и видов войск, то есть качественные параметры вооруженных сил, при этом явно отставали от темпов накопления материальной части.

Претерпели изменения и органы управления военной промышленности, к описанию которых мы приступили выше. В начале 1936 г. в составе Наркомата обороны было образовано Главное управление вооружения и технического снабжения РККА. Одновременно вместо ГВМУ, с критическими оценками работы которого, как мы видели, Сталин имел возможность ознакомиться ранее, был создан и единый главк управления военной промышленностью — Главвоенпром. Основным итогом этих административных преобразований стало создание в конце 1936 г. Наркомата оборонной промышленности — специального ведомства, ответственного за производство вооружений, под управлением которого были объединены многочисленные главки и тресты, занимавшиеся выпуском продукции оборонного назначения [1515].

Как уже сообщалось, 27 апреля 1937 г. постановлением Политбюро ЦК, а затем и СНК был создан Комитет обороны, который по представлением наркоматов обороны и военно-морского флота станет рассматривать вопросы о принятии на вооружение новой техники, принимать решения по вопросам военных заказов и программ военного строительства, подготовки промышленности и народного хозяйства в целом к мобилизации, по вопросам развертывания и вооружения армии. Возглавил Комитет обороны Молотов, в его состав был включен и Сталин, который, сознательно оставаясь в тени, будет, тем не менее, принимать окончательные решения. Постановления Комитета носили подготовительный характер для принятия партийно-правительственных решений. На пике массовых репрессий Сталину было не до проблем администрирования и управления. Потому лишь в декабре 1937 г. был создан аппарат Комитета и утверждены положение о нем и штатная структура. Это сильно отличало Комитет от упраздненного СТО, не имевшего собственного аппарата. При Комитете были созданы Главная инспекция, Главный военный контроль, Совет исполнения заказов по морскому судостроению, Военно-техническое бюро, Особое техническое бюро (переданное в январе 1939 г. НКВД),

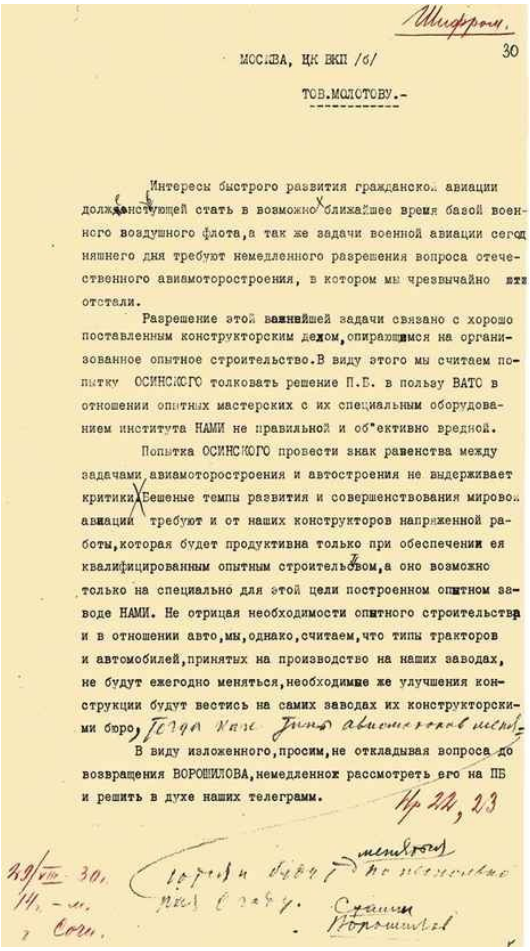
Военно-промышленная комиссия, Совет по авиации. На этом административные перестройки, как мы увидим, не закончатся. Сталин продолжал эту «работу» по «оптимизации» оргструктур управления и в последние предвоенные месяцы.

С этими итогами развития военно-промышленного комплекса, экономики и управления подошел Советский Союз к началу Второй мировой войны.

* * *

В вопросы производства военной техники Сталин станет вникать лично. Так, в августе 1930 г. вместе с Ворошиловым он направил с юга, где они находились на отдыхе, шифротелеграмму в Москву Молотову: «Задачи военной авиации сегодняшнего дня требуют немедленного разрешения вопроса отечественного авиамоторостроения, в котором мы чрезвычайно отстали». Сталин предложил «немедленно» рассмотреть вопрос на Политбюро «и решить в духе наших телеграмм»[1516].

Нетерпение Сталина можно понять, поскольку еще 5 марта 1930 г. Политбюро приняло постановление об авиапромышленности, где шла речь и об авиамоторах, и о внедрении новых типов самолетов в серийное производство, констатировалось низкое качество самолетов, авиамоторов и то, что общее состояние авиапромышленности ставит «в чрезвычайно тяжелое и опасное положение развитие военно-воздушных сил и обороны страны». Справедливости ради, надо, наверное, признать и другое: вряд ли было возможно «в месячный срок организовать и наладить конструкторское дело, в особенности по моторостроению», как то предписывалось постановлением Политбюро, даже если бы удалось «в срочном порядке привлечь из-за границы нескольких крупных конструкторов, инженеров и мастеров»[1517].



Шифром.

30

МОСКВА, ЦК ВКП /б/

ТОВ.МОЛОТОВУ.-

Интересы быстрого развития гражданской авиации должны быстрее стать в возможно ближайшее время базой военного воздушного флота, а так же задачи военной авиации сегодняшнего дня требуют немедленного разрешения вопроса отечественного авиамоторостроения, в котором мы чрезвычайно отстали.

Разрешение этой важнейшей задачи связано с хорошо поставленным конструкторским делом, опирающимся на организованное опытное строительство. В виду этого мы считаем попытку ОСИНСКОГО толковать решение П.Б. в пользу ВАТО в отношении опытных мастерских с их специальным оборудованием института НАМИ не правильной и об"ективно вредной.

Попытка ОСИНСКОГО провести знак равенства между задачами авиамоторостроения и автостроения не выдерживает критики. Бешеные темпы развития и совершенствования мировой авиации требуют и от наших конструкторов напряженной работы, которая будет продуктивна только при обеспечении ея квалифицированным опытным строительством, а оно возможно только на специально для этой цели построенном опытном заводе НАМИ. Не отрицая необходимости опытного строительства и в отношении авто, мы, однако, считаем, что типы тракторов и автомобилей, принятых на производство на наших заводах, не будут ежегодно меняться, необходимые же улучшения конструкции будут вестись на самих заводах их конструкторскими бюро, тогда как типы авиамоторов меня-

В виду изложенного, просим, не откладывая вопроса до возвращения ВОРОШИЛОВА, немедленно рассмотреть его на ПБ и решить в духе наших телеграмм.

Нр 22, 23

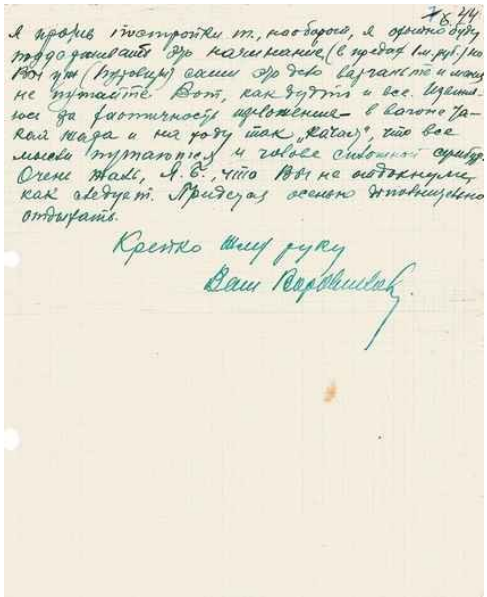
29/VIII-30.
14 - м.
г. Сочи.

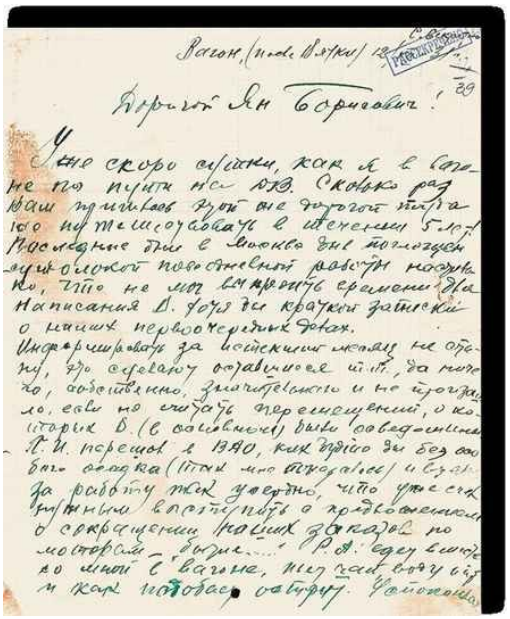
Сталин
Ворошилов

Телеграмма И.В. Сталина и К.Е. Ворошилова В.М. Молотову о развитии гражданской авиации и авиамоторостроения

29 августа 1930

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 75. Л. 30]





Письмо К.Е. Ворошилова о строительстве морских сил, защите Дальнего Востока и начальствующем составе Красной армии

12 июля 1931

Автограф К.Е. Ворошилова

[РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 44. Л. 39–44]

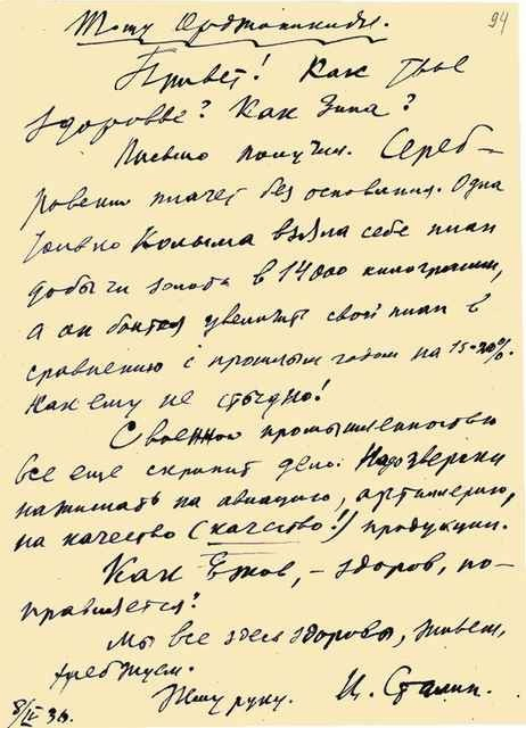
Увлечение Сталина «оборонкой» относится исследователями к началу 1930-х гг. В июле 1930-го Ворошилов писал своему первому

заместителю Я.Б. Гамарнику: «Вчера на КО (комиссии обороны. — *А. С.*) обсуждался (в порядке направления) морск[ой] вопрос. Этим делом (морскими вооружениями) серьезно занялся С[талин] и по его предложению штаб и наморси [начальник морских сил], а также пр[омышленно]сть должны через два месяца представить доклад о стр[оительст]ве м[орских] с[ил] на ближайшие 4 года (32–35 гг.)». В этом же письме Ворошилов обозначил и контуры морской программы: «В виде директивы даны устные и кратко письмен[ные] задания исходить из необходимости постройки 200–250 подлодок, 40–50 миноносцев, 150–200 торп[едных] катеров, усиления береговой обороны, морск[ой] авиации и пр., и пр.» [1518].

В конце 1931 г. Гамарник сообщил Ворошилову, находившемуся в отпуске, что Сталин «взялся вплотную» за военную промышленность. Ворошилов тут же откликнулся соответствующим моменту образом: «Нужно этим воспользоваться, — и как следует, по-деловому и систематически ставить все спорные, трудноразрешимые наши дела на КО, тем самым постепенно, но основательно знакомя С[талина] с положением дел». Сам Сталин в послевоенные годы позволил рассказать об этом периоде в своей «Краткой биографии» так: «… особенно большое и любовное внимание он [Сталин] уделяет техническому оснащению нашей Красной Армии, Военно-Воздушного и Военно-Морского Флотов» [1519].

Сталин получал много аналитических отчетов, справок из центральных органов управления, а также докладных и писем «с мест», направлявшихся в его адрес через голову местного и центрального начальства[1520]. С большинством такого рода обращений Сталин внимательно работал. Так, в феврале 1934 г., получив письмо от сотрудника отдела технического контроля завода «Двигатель» П.И. Смирнова о проблемах торпедостроения, Сталин наложил резолюцию, адресованную председателю Комитета советского контроля: «Тов. Куйбышев. Проверьте это дело лично и сообщите результаты». «Подробный доклад» с разбором «материалов и фактов» по этому вопросу был подготовлен для Сталина начальником группы военного контроля КСК Г.Д. Хаханьяном[1521].

Многие справочные и распорядительные документы содержат ссылки на «исполнение директив т. Сталина», на «исключительное внимание и роль в этом деле т. Сталина, систематически и настойчиво направляющего работу партии на развитие автобронетанко-тракторостроения, моторизацию и механизацию РККА»[1522].



Тому Орджоникидзе.

Привет! Как твое здоровье? Как Зина?

Письмо получил. Серебровский плачет без основания. Одна только Колыма взяла себе план добычи золота в 14000 килограммов, а он думает увеличить свой план в сравнении с прошлым годом на 15-20%. Как ему не стыдно!

Военная промышленность все еще скрипит дело. Надо зверски нажимать на авиацию, артиллерию, на качество (качество!) продукции.

Как Ежов, — здоров, поправляется?

Мы все здесь здоровы, живем, хлеб жуем.

Жму руку. И. Сталин.

8/IV-36.

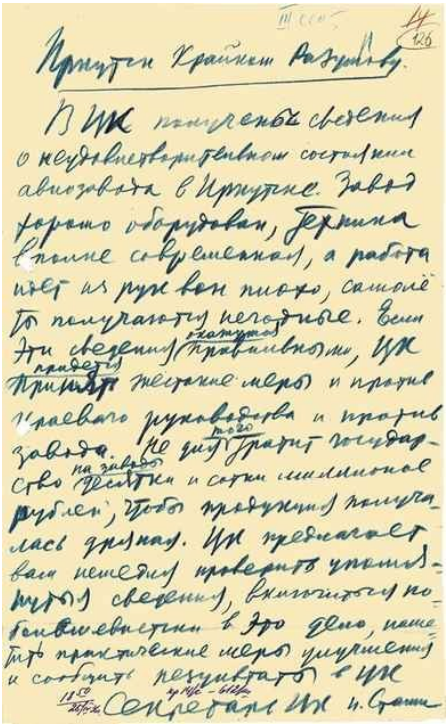
Письмо И.В. Сталина Г.К. Орджоникидзе о плане добычи золота и о военной промышленности

8 апреля 1936

Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 779. Л. 94]

Судя по всему, эти формулировки не являлись ритуальными, а подобная практика — прямого вовлечения Сталина в обсуждение частных вопросов управления, поиска технических, технологических и других решений — стала нормой и дополнила собой выстроенную вертикаль управления.



Шифротелеграмма И.В. Сталина секретарю Восточно-Сибирского крайкома М.О. Разумову о неудовлетворительной работе авиазавода в Иркутске

25 апреля 1936

Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 54. Л. 126]

Его переписка с соратниками (прежде всего с Ворошиловым) сохранила многочисленные свидетельства прямого и очень конкретного интереса к производству различных видов вооружений. Постоянно в поле зрения Сталина находились вопросы качества выпускаемой продукции. 8 апреля 1936 г. в письме к Г.К. Орджоникидзе он напишет: «С военной промышленностью все еще скрипит дело. Надо зверски нажимать на авиацию, артиллерию, на качество (качество!) продукции»[1523].

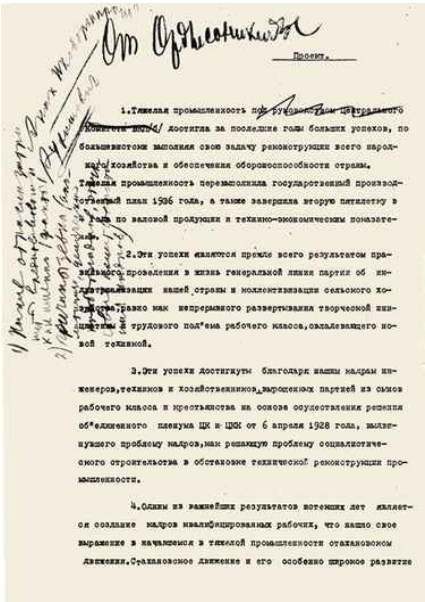
Важнейшим инструментом мобилизации на решение поставленных задач управления останутся для Сталина партийные структуры — в качестве главного из «приводных ремней». Так, в апреле 1936 г. он направил шифротелеграмму в Восточно-Сибирский крайком ВКП(б) о плохой работе авиазавода в Иркутске: «В ЦК получены сведения о неудовлетворительном состоянии авиазавода в Иркутске. Завод хорошо оборудован, техника вполне современная, а работа идет из рук вон плохо, самолеты получаются негодные. Если эти сведения окажутся правильными, ЦК придется принять жестокие меры и против краевого

руководства, и против завода… ЦК предлагает Вам немедля проверить упомянутые сведения, включиться по-большевистски в это дело, наметить практические меры улучшения и сообщить результаты в ЦК»[1524].

«Любовное внимание» Сталина к «оборонке» найдет свое выражение в том числе в отмеченном выше повороте, который произошел в годы второй пятилетки и заключался в отказе от производства зарубежных образцов военной техники и переходу к разработке и внедрению в производство отечественных образцов. Решение этой задачи было обусловлено созданием специализированных конструкторских бюро и институтов, наиболее известные из которых — ЦАГИ, ВИАМ, ЦИАМ, Реактивный институт и др. К 1937 г. в составе Наркомата оборонной промышленности работали девять проектных институтов, 25 НИИ [1525].

* * *

Руководство этих институтов, их инженерные и конструкторские кадры, как и кадры военпрома в целом, подвергались периодически чисткам, что, разумеется, не шло на пользу делу, однако на короткой дистанции в условиях советского режима не слишком препятствовало кратковременным производственным достижениям. В 1933 г. ОГПУ провело чистку заводов военпрома от контрреволюционных и антисоветских элементов, в ходе которой были «вычищены» 11 934 человека, причем 74 % были рабочими. Большинство из них уволили, к различным срокам лишения свободы приговорили «лишь» 1080 человек[1526] Но вегетарианские времена в военпроме скоро пройдут. Потрясения московских открытых процессов вызовут волны репрессий по всей стране.



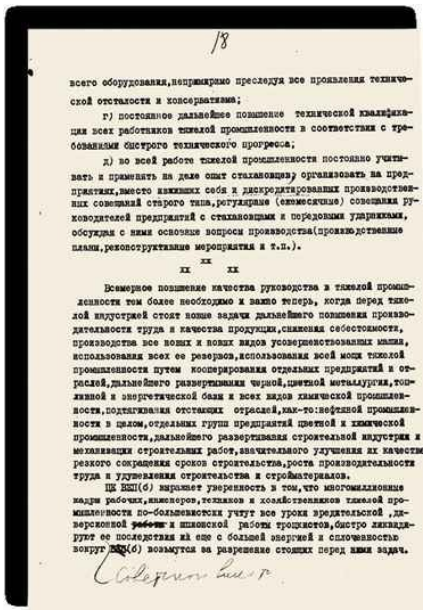
Проект.

1.Тяжелая промышленность под руководством центрального Комитета партии достигла за последние годы больших успехов, по большинству выполнила свою задачу реконструкции всего народного хозяйства и обеспечения обороноспособности страны. Тяжелая промышленность перевыполнила государственный производственный план 1936 года, а также завершила вторую пятилетку в целом по валовой продукции и технико-экономическим показателям.

2.Эти успехи являются прежде всего результатом практического проведения в жизнь генеральной линии партии об индустриализации нашей страны и коллективизации сельского хозяйства, равно как непрерывного развертывания творческой инициативы и трудового под"ема рабочего класса, овладевающего новой техникой.

3.Эти успехи достигнуты благодаря нашим кадрам инженеров, техников и хозяйственников, выращенных партией из сынов рабочего класса и крестьянства на основе осуществления решения об"единенного пленума ЦК и ЦКК от 6 апреля 1928 года, выдвинувшего проблему кадров, как решающую проблему социалистического строительства в обстановке технической реконструкции промышленности.

4.Одним из важнейших результатов истекших лет является создание кадров квалифицированных рабочих, что нашло свое выражение в начавшемся в тяжелой промышленности стахановском движении. Стахановское движение и его особенно широкое развитие



18

всего оборудования, непримиримо преследуя все проявления технической отсталости и консерватизма;

г) постоянное дальнейшее повышение технической квалификации всех работников тяжелой промышленности в соответствии с требованиями быстрого технического прогресса;

д) во всей работе тяжелой промышленности постоянно учитывать и применять на деле опыт стахановцев; организовать на предприятиях, вместо изживших себя и дискредитированных производственных совещаний старого типа, регулярные (ежемесячные) совещания руководителей предприятий с стахановцами и передовыми ударниками, обсуждая с ними основные вопросы производства (производственные планы, реконструктивные мероприятия и т.п.).

хх хх хх

Всемерное повышение качества руководства в тяжелой промышленности тем более необходимо и важно теперь, когда перед тяжелой индустрией стоят новые задачи дальнейшего повышения производительности труда и качества продукции, снижения себестоимости, производства все новых и новых видов усовершенствованных машин, использования всех ее резервов, использования всей мощи тяжелой промышленности путем кооперирования отдельных предприятий и отраслей, дальнейшего развертывания черной, цветной металлургии, топливной и энергетической базы и всех видов химической промышленности, подтягивания отстающих отраслей, как-то: нефтяной промышленности в целом, отдельных групп предприятий цветной и химической промышленности, дальнейшего развертывания строительной индустрии и механизации строительных работ, значительного улучшения их качества резкого сокращения сроков строительства, роста производительности труда и удешевления строительства и стройматериалов.

ЦК ВКП(б) выражает уверенность в том, что многомиллионные кадры рабочих, инженеров, техников и хозяйственников тяжелой промышленности по-большевистски учтут все уроки вредительской, диверсионной работы и шпионской работы троцкистов, быстро ликвидируют ее последствия и еще с большей энергией и сплоченностью вокруг ВКП(б) возьмутся за разрешение стоящих перед ними задач.

Проект резолюции по докладу Г.К. Орджоникидзе на февральском пленуме ЦК ВКП(б) «Об уроках вредительства, диверсий и шпионаже японо-немецко-троцкистских агентов» с замечаниями И.В. Сталина

Февраль 1937

[РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 29. Д. 158. Л. 1–18]

В сентябре 1936 г. Г.К. Орджоникидзе направил пространное письмо Сталину, находившемуся в отпуске на юге. Письмо было прямо

связано с итогами завершившегося в августе открытого судебного процесса над Каменевым и Зиновьевым: «Их мало было расстрелять — если бы это можно было, их надо было, по крайней мере по десять раз расстрелять. С этой сволочью покончили и правильно поступили». Но далее Орджоникидзе напишет, что сейчас в партии «идет довольно сильная трепка нервов», «обмазанными» своими прежними связями с этими «врагами народа» оказалось «порядочное количество директоров». Орджоникидзе призывал в этом письме Сталина «присмотреться и разобраться», а не вышибать таких из партии. Беспокоило его и положение дел в армии: «Ловкий враг здесь нам может нанести непоправимый удар: начнут натравливать на людей и этим посеют недоверие в армии. Здесь нужна большая осторожность»[1527]. Призыв ближайшего соратника к осторожности в кадровой политике Сталин не услышит. На этот счет у него были собственные планы.

В октябре 1936 г. в ЦК ВКП(б) поступила записка руководителя военно-промышленной группы Комитета партийного контроля (КПК) Н.В. Куйбышева «О неблагополучном состоянии мобилизационной работы в аппарате Наркомтяжпрома». В течение последней недели января 1937 г. в Москве пройдет процесс по делу так называемого параллельного троцкистского центра. В качестве обвиняемых будут привлечены в том числе и руководители советского финансово-промышленного блока Г.Л. Пятаков, Г.Я. Сокольников, Л.П. Серебряков и др. В ходе процесса прозвучат обвинения в подрыве обороноспособности страны. Одной из ключевых фигур процесса стал Пятаков, в течение многих лет являвшийся заместителем Орджоникидзе в Наркомтяжпроме. В начале февраля Орджоникидзе проведет совещание начальников промышленных главков. Лейтмотивом его речи станет линия, намеченная им в сентябрьском 1936 г. письме к Сталину. Поддержав итоги суда над «мерзавцами», Орджоникидзе постарается вступиться за директорский корпус: «Нужно прямо сказать, что они не преступники, они кадры наши...»[1528] На проекте резолюции, составленной по итогам совещания, Сталин оставил многочисленные раздраженные ремарки: «Кто виноват?», «В чем причина «зевка»?», «Кому поручено исправление?», «К какому сроку?», «ха-ха!», «хи-хи!»[1529]

Н.И. Ежов, И.В. Сталин, М.И. Калинин, А.И. Микоян, А.А. Андреев, Л.М. Каганович и др.
1 мая 1937
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1670. Л. 34]

18 февраля 1937 г. Орджоникидзе покончил с собой, а на руководство военпрома вскоре обрушились репрессии. В периоды чисток были арестованы практически весь руководящий состав Наркомата оборонной промышленности, многие директора заводов, конструкторы Н.Н. Поликарпов, В.М. Петляков, В.П. Глушко, С.П. Королев, Л.В. Курчевский и многие другие. Те, которым в годы Большого террора удалось избежать расстрела, направлялись на работу в особые конструкторские бюро [1530].

Как отмечается в современной историографии, аресты руководителей не повлияли на темпы развития военной промышленности, более того, подхлестнули их, и экономические показатели 1937 г. оказались лучше, чем в 1936-м, при том, однако, что общие плановые показатели второй пятилетки, как и первой, не были выполнены. Объем выпускаемой продукции в 1937 г. увеличился в 2,8 раза по сравнению с 1933-м[1531].

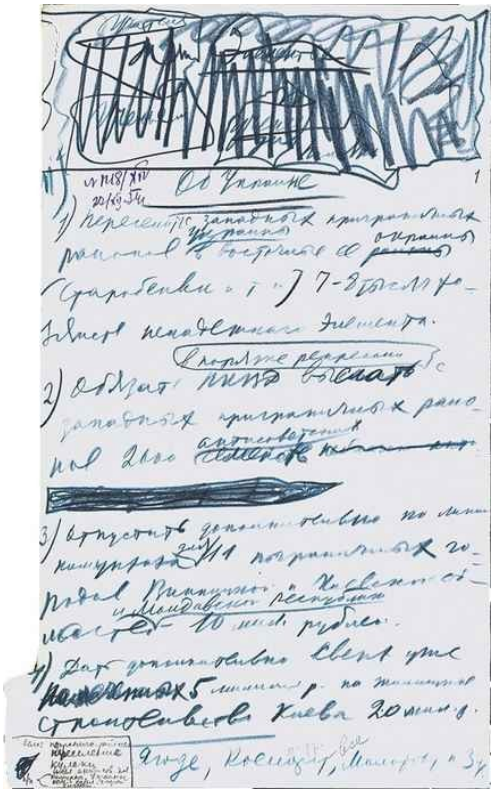
«Дисциплина страха» стала одной из важнейших структурных составляющих мобилизационного режима, формирование которого Сталин завершил в последние предвоенные годы.

«О мерах по укреплению охраны границы»

Уподобление Советского Союза острову давно стало расхожим образом в художественной и научной литературе. Под этой метафорой обнаруживаются, однако, не только эстетические предпочтения авторов, но и вполне зримые контуры реальной политики безопасности,

проводившейся советским руководством в пограничных районах Союза ССР. 26 марта 1933 г. было принято решение «Об операции по очистке погранполосы на западной границе СССР»[1532]. Мотивы этой операции ясно просматриваются в известном письме Сталина, направленном им Кагановичу в августе 1932 г.: «Если не возьмемся теперь же за выправление положения на Украине, Украину можно потерять. Имейте в виду, что Пилсудский не дремлет, и его агентура на Украине во много раз сильнее, чем думает Реденс или Косиор. Имейте также в виду, что в Украинской компартии (500 тысяч членов, хе-хе) обретается не мало (да, не мало!) гнилых элементов, сознательных и бессознательных петлюровцев, наконец — прямых агентов Пилсудского. Как только дела станут хуже, эти элементы не замедлят открыть фронт внутри (и вне партии), против партии… Нужно… поставить себе целью превратить Украину в кратчайший срок в настоящую крепость СССР, в действительно образцовую республику. Денег на это не жалеть»[1533].

Попытки превратить Украину (как и другие приграничные территории) в витрину успешного образа жизни для привлечения симпатий населения сопредельных территорий зарубежных стран были трудно реализуемы в тисках советских реалий того времени. Основным инструментом станут административные и репрессивные акции в приграничной полосе[1534]. Анализ обстановки на приграничных советских территориях (не только украинских), исходивший от руководства ОГПУ, мало чем отличался от приведенной выше оценки, данной Сталиным в письме Кагановичу[1535]. Повсеместный голод, охвативший страну в начале 1930-х гг., практически не только поставил крест на политике по созданию «положительного образа» Советского Союза на сопредельных территориях, но и выдвинул на передний план задачи по обеспечению лояльности собственных граждан привычными советскому руководству средствами. Применительно к приграничным территориям эта политика нашла свое выражение в проведении депортаций нежелательных элементов. После инкорпорации новых территорий в 1939–1940 гг., о чем речь пойдет далее, эта политика приобретет ярко выраженный национальный окрас, что не меняло ее социальной сути.



Проект постановления Политбюро ЦК ВКП(б) о переселении из западных приграничных районов Украины ненадежного элемента
26 декабря 1934
Автограф И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 537. Л. 1]

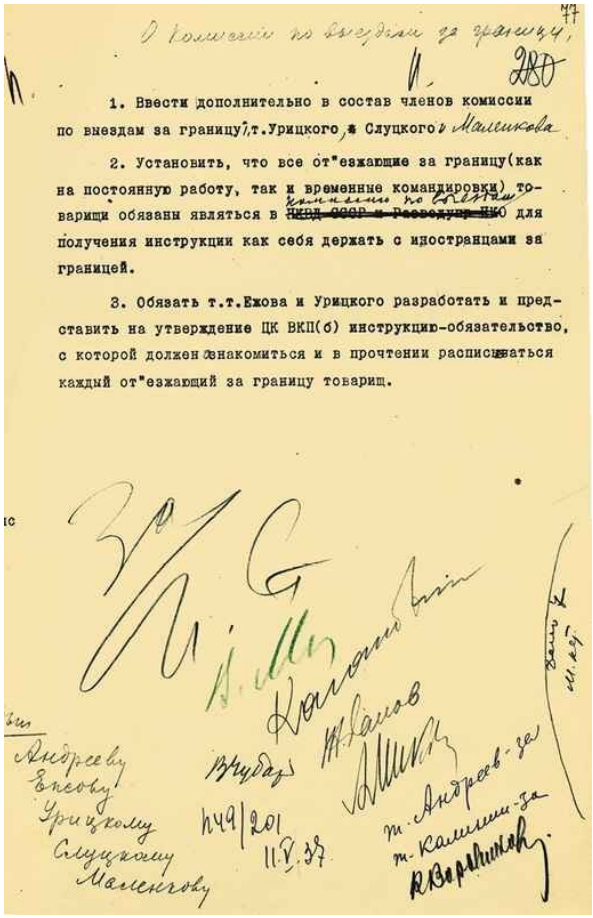
Другим элементом политики по повышению обороноспособности стала политика военно-технического укрепления границ. Нарком обороны Ворошилов в начале 1936 г. требовал от председателя Совнаркома Молотова создания вдоль границы непрерывного проволочного заграждения и зачистки территории площадью 6 тыс. га для защиты Карельского перешейка и прикрытия Ленинграда[1536].

В 1929–1938 гг. в СССР были созданы 13 укрепленных районов. В 1938–1939 гг. началось строительство еще восьми. С заметной гордостью Сталин и Ворошилов в совместном обращении красноармейцам заявляли: «Мы покрыли сетью укреплений нашу западную границу от Ладожского озера до Черного моря, а также наиболее открытые участки Дальнего Востока и Восточной Сибири».

«Цитадель социализма» была окружена не только крепостным валом оборонительных сооружений, но и контрольной полосой безлюдных территорий вдоль государственной границы, возникших в

результате целенаправленной политики по выселению с этой территории жителей[1537].

Для тех, кто остался, образ жизни сильно изменился. 27 декабря 1932 г. была введена паспортная система, отмененная большевиками почти сразу после прихода к власти в 1917 г., получить паспорт имели возможность лишь «социально близкие», целый ряд категорий советских граждан оказались без этого документа и подлежали выселению сначала из Москвы и Ленинграда, а очень скоро из так называемых режимных зон с разными правилами проживания. Особый режим, первоначально введенный в городах, в апреле 1933 г. был распространен на пограничные зоны. Помимо 25 крупнейших городов в режимные зоны были включены все населенные пункты, расположенные в пределах 100 км от границы. В декабре 1934 — июне 1935 г. Политбюро приняло три однотипных постановления — «О мерах по укреплению охраны границы Ленинградской области и Автономной Карельской ССР», «О мерах по укреплению охраны границы Республики Белоруссия», «О мерах по укреплению охраны границы Украинской ССР». Системой новых законодательных актов устанавливались правила проживания в так называемых пограничной 50-километровой полосе, 7,5-километровых запретных зонах и 500-метровых приграничных зонах, в которых проживание вообще запрещалось [1538].



О Комиссии по выездам за границу.

1. Ввести дополнительно в состав членов комиссии по выездам за границу т.т. Урицкого и Слуцкого и Маленкова

2. Установить, что все от"езжающие за границу (как на постоянную работу, так и временные командировки) товарищи обязаны являться в ~~НКВД СССР и Разведупр НКО~~ комиссию по выездам для получения инструкции как себя держать с иностранцами за границей.

3. Обязать т.т. Ежова и Урицкого разработать и представить на утверждение ЦК ВКП(б) инструкцию-обязательство, с которой должен ознакомиться и в прочтении расписываться каждый от"езжающий за границу товарищ.

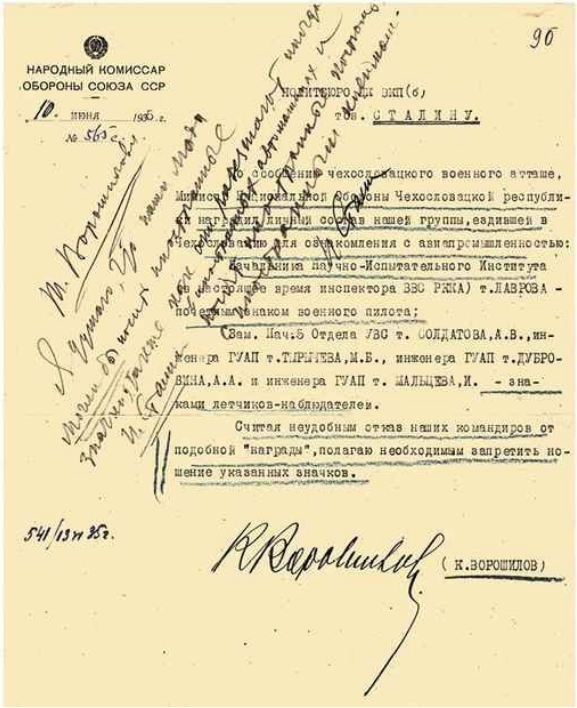
Андрееву
Ежову
Урицкому
Слуцкому
Маленкову

Вчубаз

П49/201
11.V.37

т. Андреев-за
т. Калинин-за

Постановление ЦК ВКП(б) «О Комиссии по выездам за границу»
11 мая 1937
Подписи — автографы И.В. Сталина, В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, А.А. Жданова, А.И. Микояна
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1148. Л. 77]



НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

10 июня 1935 г.

№ 565 с.

90

ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б)

тов. СТАЛИНУ.

По сообщению чехословацкого военного атташе, Министр Национальной Обороны Чехословацкой республики наградил личный состав нашей группы, ездившей в Чехословакию для ознакомления с авиапромышленностью:

Начальника научно-Испытательного Института (в настоящее время инспектора ВВС РККА) т.ЛАВРОВА - почетным знаком военного пилота;

Зам. Нач.5 Отдела УВС т. СОЛДАТОВА,А.В., инженера ГУАП т.ТЫРЫШЕВА,М.Б., инженера ГУАП т.ДУБРОВИНА,А.А. и инженера ГУАП т. МАЛЬЦЕВА,И. - знаками летчиков-наблюдателей.

Считая неудобным отказ наших командиров от подобной "награды",полагаю необходимым запретить ношение указанных значков.

541/13 и 35 г.

К.Ворошилов (К.ВОРОШИЛОВ)

Докладная записка К.Е. Ворошилова И.В. Сталину о ношении чехословацких наград с резолюцией И.В. Сталина

10 июня 1935

[РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 37. Л. 90]

Так выстраивалась целесообразная, по мнению советского руководства, система обеспечения безопасности западных рубежей, которая будет в одночасье сломана в результате решений, принятых летом — осенью 1939 г.

Закрытие границ будет иметь еще одно измерение. В мае 1934 г. в результате реорганизации была создана новая комиссия ЦК ВКП(б) по выездам за границу. Всем наркоматам, центральным и местным организациям воспрещалось направлять за границу делегации или отдельных представителей без санкции комиссии[1539]. В апреле 1937 г. было установлено, что разрешения на выезд рассматриваются по личным докладам тех или иных наркомов, при этом требовалось обязательное заключение Наркомата внутренних дел. Предложения комиссии должны были утверждаться на Политбюро[1540]. 11 мая 1937 г. Политбюро приняло постановление «О комиссии по выездам за границу».

Теперь все отъезжающие за границу были обязаны являться в комиссию по выездам для получения инструкции о том, как себя держать с иностранцами за границей и подписать специальную инструкцию-обязательство, которую должны были разработать под

руководством наркома внутренних дел Н.И. Ежова. Характерно, что в первоначальном варианте постановления «отъезжающие за границу товарищи» для собеседования обязывались являться прямо в НКВД СССР и Разведывательное управление Наркомата обороны[1541]. Контроль над передвижениями советских граждан приобретает с этого момента новое качество.

При этом Сталин не поощрял внешние формы борьбы с «низкопоклонством» перед Западом. В июне 1935 г. он получил от Ворошилова записку, в которой тот сообщал, что министр обороны Чехословацкой Республики наградил почетными знаками личный состав советской группы, побывавшей там для ознакомления с авиапромышленностью. Ворошилов считает «необходимым запретить ношение указанных значков». Сталин снисходительно и с известной долей иронии возразил: «Я думаю, что наши люди могли бы носить иностранные значки, так же как они разъезжают иногда в иностранных автомашинах и носят иностранные костюмы с иностранным клеймом»[1542].

Иронически-снисходительное отношение Сталина к подобного рода казусам существенно изменится, как мы увидим, в послевоенный период.

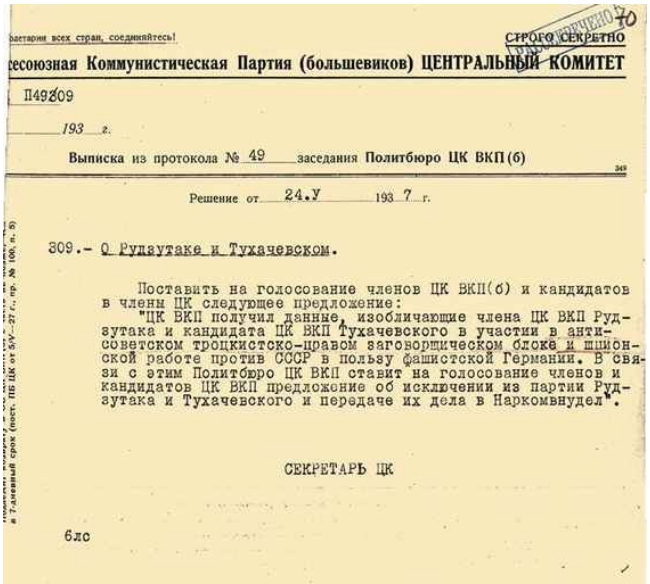
«Если будет правда хотя бы на 5 %, то и это хлеб». Еще раз к вопросу о репрессиях в РККА

Периодические кадровые чистки, проведение которых, как мы видели, было вменено руководству ВКП(б) им самим разработанным партийным уставом, станут в 1930-е драматическим элементом советской повседневности. В 1937 г. и Красная армия вступила в полосу катастрофической по своим последствиям кадровой чистки. Необходимым и предварительным ее условием Сталин посчитал усиление в армии партийного контроля. В связи с этим 10 мая 1937 г. Совнарком принял постановление «О создании военных советов военных округов и установлении института военных комиссаров в Рабоче-крестьянской Красной армии». 7 июня Ворошилов издал первый соответствующий приказ наркома обороны за № 073, за которым последовал еще целый ряд аналогичных[1543]. Кроме того, в соответствии с решением Главного военного совета РККА для командного и начальствующего состава были введены товарищеские суды[1544].

«Каждый член партии, честный беспартийный гражданин СССР не только имеет право, но обязан о недостатках, которые он замечает, сообщать. Если будет правда хотя бы на 5 %, то и это хлеб». Вряд ли эти слова Сталина, многократно повторявшиеся им на протяжении ряда

лет, привлекли бы внимание автора, если бы не были произнесены в этот раз на одном из заседаний Военного совета в начале июня 1937 г. в Кремле. Этому заседанию, как уже знает читатель, предшествовал ряд важнейших событий. В начале 1937 г. были осуждены «участники» «параллельного антисоветского троцкистского центра». «Старые большевики» Г.Л. Пятаков, Л.П. Серебряков и ряд других были приговорены к расстрелу, Г.Я. Сокольников, К.Б. Радек получили по 10 лет лишения свободы (по официальной версии, в мае 1939 г. убиты сокамерниками). Февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) закрепил курс на физическое устранение инакомыслящих. В ходе пленума был исключен из партии и арестован Н.И. Бухарин. Выступая на пленуме, нарком обороны К.Е. Ворошилов дал положительную оценку политико-морального состояния Красной армии. По его словам, армия постоянно, но «без шума», проводила работу по очищению своих рядов. Начиная с 1924 г. (момент отставки Троцкого с поста председателя РВС СССР) из армии, по его словам, было «вычищено» 47 тыс. чел. начсостава, в том числе в 1934–1936 гг. 22 тыс. «В армии арестовали пока небольшую группу врагов, — заявил он, — но не исключено, наоборот, даже наверняка, и в рядах армии имеется еще немало невыявленных, нераскрытых японо-немецких, троцкистско-зиновьевских шпионов, диверсантов и террористов». Председатель Совнаркома В.М. Молотов при поддержке Сталина не оставил Ворошилову возможностей для колебаний и сомнений: «Военное ведомство, очень большое ведомство, проверяться его работа будет… несколько позже и проверяться будет очень крепко… Если у нас во всех областях хозяйства есть вредители, можем ли мы себе представить, что только там нет вредителей? Это было бы нелепо, это было бы благодушием»[1545]. В течение двух с половиной месяцев, которые пройдут до заседания Военного совета, из армии и флота будут уволены 3387 чел.[1546] Среди арестованных — 20 бывших членов Военного совета, в том числе маршал М.Н. Тухачевский (командующий Приволжским военным округом), командарм 1-го ранга И.Э. Якир (командующий Закавказским военным округом), комкор В.К. Путна (военный атташе при полпредстве в Великобритании), комкор В.М. Примаков (бывший заместитель командующего Ленинградским военным округом), командарм 2-го ранга А.И. Корк (начальник Военной академии им. М.В. Фрунзе), комкор Б.М. Фельдман (начальник Управления по комначсоставу РККА), командарм 1-го ранга И.П. Уборевич (командующий Среднеазиатским военным округом), комкор Р.П. Эйдеман (председатель Центрального совета Осоавиахим СССР) и др. Многие из них были арестованы буквально накануне заседания Военного совета. За несколько дней до начала его работы членам и кандидатам в члены ЦК за подписью Сталина разошлют опросный лист, в котором сообщалось: «ЦК ВКП получил данные, изобличающие члена ЦК ВКП Рудзутака и кандидата ЦК ВКП Тухачевского в участии в антисоветском троцкистско-правом заговорщическом блоке и

шпионской работе против СССР в пользу фашистской Германии. В связи с этим Политбюро ЦК ВКП ставит на голосование членов и кандидатов ЦК ВКП предложение об исключении из партии Рудзутака и Тухачевского и передаче их дела в Наркомвнудел». Должным образом отреагировали все получатели. Маршал Буденный, как уже знает читатель, оставил «резолюцию»: «Безусловно «За». Нужно этих мерзавцев казнить»[1547].



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СТРОГО СЕКРЕТНО

Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков) ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

П49/309

193 г.

Выписка из протокола № 49 заседания Политбюро ЦК ВКП(б)

Решение от 24.V 1937 г.

309.- О Рудзутаке и Тухачевском.

Поставить на голосование членов ЦК ВКП(б) и кандидатов в члены ЦК следующее предложение:

"ЦК ВКП получил данные, изобличающие члена ЦК ВКП Рудзутака и кандидата ЦК ВКП Тухачевского в участии в антисоветском троцкистско-правом заговорщическом блоке и шпионской работе против СССР в пользу фашистской Германии. В связи с этим Политбюро ЦК ВКП ставит на голосование членов и кандидатов ЦК ВКП предложение об исключении из партии Рудзутака и Тухачевского и передаче их дела в Наркомвнудел".

СЕКРЕТАРЬ ЦК

6лс

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) об исключении из партии Рудзутака и Тухачевского и передаче их дела в НКВД
24 мая 1937
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 305. Л. 70]

1 июня всех участников заседания пригласили в здание Наркомата обороны, где ознакомили с письменными показаниями ряда подследственных, в том числе Тухачевского, Якира и др. Во второй половине дня в Свердловском зале в Кремле Ворошилов открыл само заседание и сделал доклад «О раскрытом органами НКВД контрреволюционном заговоре в РККА». В президиуме заседания находились члены Политбюро во главе со Сталиным. Ворошилов объявил о раскрытом заговоре, направленном «на подготовку государственного переворота и захват власти». Заговор готовила «контрреволюционная фашистская организация», выполнявшая задания Троцкого, генштабов и спецслужб Германии, Японии и Польши. Ворошилов обратился к залу: «Немало их [сторонников], наверное, находится и среди нас», затем нарком поставил и задачу: «Армию надо

вычистить до самых последних щелочек»[1548]. На следующий день на заседании выступил Сталин. При гробовом молчании зала он задал риторический вопрос: «Товарищи, в том, что военно-политический заговор существовал против советской власти, теперь, я надеюсь, никто не сомневается». Он перечислил людей, которые, по его мнению, составляли ядро этого заговора, «стимулировавшегося и финансировавшегося германскими фашистами». К политическим руководителям он отнес Троцкого, Рыкова, Бухарина, Рудзутака, Карахана, Енукидзе, к «военной линии» — Ягоду, Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Эйдемана, Гамарника. Все они имели «систематические сношения с германскими фашистами, особенно с германским рейхсвером». Далее Сталин уточнил: «Я пересчитал — 13 чел. Из них 10 чел. шпионы». Особые претензии Сталин предъявил Тухачевскому: «Я его считал не плохим военным», а «он оперативный план наш, оперативный план — наше святая-святых, передал немецкому рейхсверу… Для благовидности на Западе этих жуликов из западно-европейских цивилизованных стран называют информаторами, а мы-то по-русски знаем, что это просто шпион». Об уровне сталинской аргументации и степени его убедительности предоставляем читателю возможность судить самостоятельно по пространному пассажу, в котором он сообщает аудитории об истории вербовки «патентованных шпионов»:

Первые Маршалы Советского Союза: М.Н. Тухачевский (расстрелян в 1937 году), С.М. Буденный, К.Е. Ворошилов, В.К. Блюхер (умер в заключении в 1938 году), А.И. Егоров (расстрелян в 1939 году)

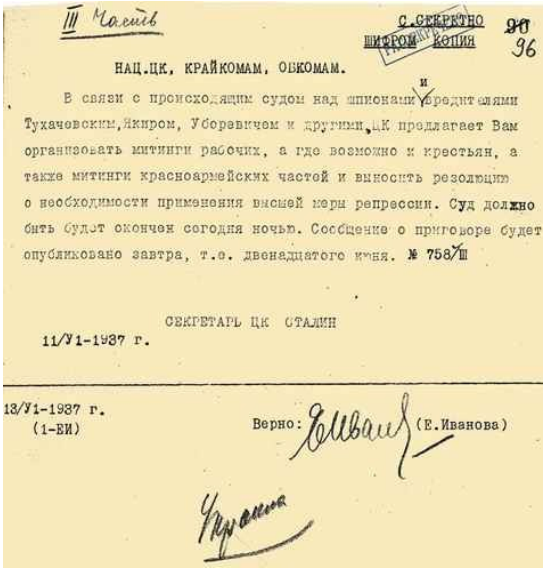
Январь 1936

[РГАСПИ. Ф. 422. Оп. 1. Д. 266]

«Есть одна разведчица опытная в Германии, в Берлине. Вот когда вам, может быть, придется побывать в Берлине, Жозефина Гензи, может быть, кто-нибудь из вас знает. Она красивая женщина. Разведчица старая. Она завербовала Карахана, завербовала на базе бабской части. Она завербовала Енукидзе. Она помогла завербовать Тухачевского. Она же держит в руках Рудзутака. Это очень опытная разведчица — Жозефина Гензи. Будто бы она сама датчанка на службе у германского рейхсвера. Красивая, очень охотно на всякие предложения мужчин идет, а потом гробит. Вы, может быть, читали статью в «Правде» о некоторых коварных приемах вербовщиков. Вот она одна из отличившихся на этом поприще разведчиц германского рейхсвера»[1549].

Речью Сталин свое участие в работе Военного совета не ограничил, он был не только слушателем, но и активным комментатором происходившего, часто перебивавшим не только выступавших, но и ведущего заседание Ворошилова. Завершилось заседание 4 июня. Напоследок Сталин решил задать «нескромный вопрос»: «Я думаю, что среди наших людей как по линии командной, так и по линии политической есть еще такие товарищи, которые случайно задеты. Рассказали ему что-нибудь, хотели вовлечь, пугали, шантажом брали. Хорошо внедрить такую практику, чтобы, если люди придут и сами расскажут обо всем — простить их. Есть такие люди?» Получив поддержку зала: «Безусловно. Правильно», он закончил свою мысль: «Простить надо, даем слово простить, честное слово даем»[1550].

Начало чистки в армии было для Сталина настолько важным, что он не поехал в Тбилиси на похороны собственной матери, умершей 4 июня. В день окончания следствия, 9 июня, Сталин дважды принял прокурора СССР А.Я. Вышинского, на второй встрече присутствовали Молотов и Ежов. В этот же день Вышинский подписал обвинительное заключение по этому делу[1551].



III Часть

С СЕКРЕТНО
ШИФРОМ КОПИЯ

90
96

НАЦ.ЦК, КРАЙКОМАМ, ОБКОМАМ.

В связи с происходящим судом над шпионами и предателями Тухачевским, Якиром, Уборевичем и другими, ЦК предлагает Вам организовать митинги рабочих, а где возможно и крестьян, а также митинги красноармейских частей и выносить резолюции о необходимости применения высшей меры репрессии. Суд должно быть будет окончен сегодня ночью. Сообщение о приговоре будет опубликовано завтра, т.е. двенадцатого июня. № 758/Ш

СЕКРЕТАРЬ ЦК СТАЛИН

11/VI-1937 г.

13/VI-1937 г.
(1-ЕИ)

Верно: (Е.Иванова)

Шифротелеграмма И.В. Сталина всем ЦК республик, крайкомам и обкомам о проведении митингов в поддержку применения высшей меры наказания Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим
11 июня 1937
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 308. Л. 96]

Иона Эммануилович Якир
1930-е
[Из открытых источников]

Не забыл Сталин и о мобилизации в нужном направлении общественного мнения. 11 июня под руководством председателя Военной коллегии Верховного суда СССР В.В. Ульриха состоялся суд,

который начался в 9 часов утра, без права на обжалование и без участия адвокатов. В день суда за его подписью в республиканские ЦК, крайкомы и обкомы ушла шифровка с директивой: «В связи с происходящим судом над шпионами и вредителями Тухачевским, Якиром, Уборевичем и другими ЦК предлагает вам организовать митинги рабочих, а где возможно и крестьян, а также митинги красноармейских частей и выносить резолюцию о необходимости применения высшей меры репрессии»[1552].

Многочисленные митинги были организованы очень оперативно, так как времени на раскачку не было. Суд завершил свою работу в 23.35, восемь человек, приговоренных к высшей мере, расстреляют той же ночью. Перед судебным заседанием обвиняемым разрешили обратиться к Сталину с заявлениями. Некоторые этим предложением воспользовались. На заявлении И.Э. Якира члены Политбюро оставили свои ремарки. Сталин: «Подлец и проститутка»; Ворошилов и Молотов: «Совершенно точное определение»; Каганович: «Мерзавцу, сволочи и бляди одна кара — смертная казнь»[1553].

Г.Г. Ягода, М.И. Калинин, И.В. Сталин, В.М. Молотов, Л.П. Берия с группой работников НКВД СССР, награжденных орденами СССР
17 февраля 1936
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1653. Л. 2]

С 5 июня по 21 ноября 1937 г. — между двумя заседаниями Военного совета были арестованы 27 его членов, в ходе ноябрьского заседания еще пятеро, до конца года еще шестеро[1554]. Из 42 выступавших на июньском заседании Военного совета в прениях по докладу Ворошилова 34 чел. (80 %) в 1937–1939 гг. были арестованы и расстреляны[1555]. На ноябрьском заседании, которое прошло уже без участия Сталина, Ворошилов призвал всех «до конца довести начатую работу по ликвидации всякой мерзости, контрреволюционной предательско-шпионской гнуси»[1556].

Итоги этой «очистительной» работы хорошо известны. По делу «военно-фашистского заговора» были привлечены 408 чел., из них все, кроме семерых, были приговорены к высшей мере наказания. Однако чистка армии вышла далеко за границы этого дела. Всего, по данным «Справки КГБ СССР и Генеральной прокуратуры СССР в Комиссию Политбюро ЦК КПСС о дополнительном изучении материалов, связанных с репрессиями в РККА» от 24 февраля 1988 г., в 1937–1939 гг. были привлечены к уголовной ответственности 21 513 военнослужащих начальствующего состава[1557]. Если судить по «Справке о количестве уволенного командно-начальствующего и политического состава за 1935–1939 гг. (без ВВС)», то всего за указанный период из армии и военно-морского флота уволили 48 773 чел. командно-начальствующего состава. 11 178 чел. из них были восстановлены на службе к моменту подготовки этой справки, то есть к концу марта 1940 г.[1558] В 1940 г. удельный вес командно-начальствующего состава с высшим военным образованием по сравнению с 1936 г. снизился вдвое. В результате командный состав с высшим образованием составлял в 1940 г. 2,9 %, запаса — 0,2 % от общего числа командиров[1559]. О профессиональной готовности военных кадров в этом контексте можно было теперь думать только в отдаленной перспективе.

Глава 5

«По линии внешней политики СССР»

«Экспорт революции — это чепуха». Сталин и Коминтерн

Мероприятия в приграничной полосе Союза ССР, о которых мы рассказали в предшествующей главе, прямо затронули деятельность такой далекой, на первый взгляд, от этой сферы организации, как Коммунистический Интернационал (Коминтерн). В декабре 1935 г. Политбюро приняло решение закрыть так называемые особые переправы на границе для компартий Польши, Западной Украины и Западной Белоруссии, функционирование которых обеспечивалось Наркоматом внутренних дел СССР. В глазах советского политического руководства теперь они воспринимались как каналы проникновения в Советский Союз шпионов и диверсантов. Впрочем, закрывались они не навсегда. Один из руководителей Коминтерна Д.З. Мануильский в начале января 1936 г. предложил использовать эти «особые» или

«зеленые» переправы «в каждом отдельном случае по специальному разрешению ЦК ВКП(б)»[1560].

Деятельности Коминтерна как инструменту внешнеполитического влияния в 1930-е гг. Сталин по-прежнему уделял серьезное внимание. В 1929–1933 гг. в политике Коминтерна произошел сдвиг в сторону левого радикализма. Это произошло, судя по всему, под влиянием мирового экономического кризиса и надежд на то, что ухудшение экономического положения народных масс приведет в конечном итоге к «штурму капиталистических порядков». Сталин не избежал этого «увлечения». В эти годы будет не просто подтвержден курс на разрыв с социал-демократией, но и начнется шельмование ее как «социал-фашизма». В апреле 1931 г. Сталин внес правку в проект тезисов XI пленума ИККИ о задачах секций Коминтерна «в связи с углублением экономического кризиса и нарастанием в ряде стран предпосылок революционного кризиса». Своими поправками он усилил критическую направленность тезисов по отношению к социал-демократии, которая, по его мнению, помогает капиталу «подавить сопротивление масс фашизму», а сам II Интернационал, объединявший социал-демократические партии, «превратился в ударную бригаду мирового империализма, готовящего войну против СССР»[1561].

Рубежом в программной и тактической деятельности Коминтерна стал 1933 г., когда в Германии пришли к власти национал-социалисты. Выработка антифашистской стратегии потребовала времени. В апреле 1933 г. исполком Коминтерна по согласованию со Сталиным разослал центральным комитетам компартий директивы с призывом «усилить кампанию против 2-го Интернационала» и его секций, которые «срывают борьбу с фашизмом», и рекомендацией «апеллировать непосредственно к членам с.-д. партий и рабочим массам»[1562]. Лишь начиная с 1934 г. советское руководство, а вместе и с ним и руководство Коминтерна повернут к политике единого рабочего и широкого народного фронта, откажутся от третирования социал-демократии.

Судя по всему, в этот период Сталин активно переосмысливает определенные политические установки. В марте 1936 г. в уже цитировавшемся интервью американскому журналисту Р. Говарду он заявил: «Экспорт революции — это чепуха. Каждая страна, если она этого захочет, сама произведет свою революцию, а если не захочет, то революции не будет»[1563]. Это заявление, рассчитанное на внешнего потребителя, вероятно, можно все же рассматривать как итог поиска завершающего элемента сталинской концепции строительства социализма в отдельной стране. Почти абстрактная отдельно взятая страна начала 1920-х гг. к этому времени стала не просто «социалистическим отечеством», но и приобрела зримые очертания великой державы, на построении которой и следовало сосредоточить основные усилия.

Г. Димитров, возглавивший Коминтерн в 1930-е, в своем дневнике записал тост Сталина на праздничном обеде у Ворошилова 7 ноября 1937 г.: «Русские цари сделали много плохого. Они грабили и порабощали народ. Они вели войны и захватывали территории в интересах помещиков. Но они сделали одно хорошее дело — сколотили огромное государство, — до Камчатки. Мы получили в наследство это государство… каждый, кто пытается разрушить это единство социалистического государства, кто стремится к отделению от него отд[ельной] части и национальности, он — враг, заклятый враг государства, народов СССР. И мы будем уничтожать каждого такого врага был [будь] он старым большевиком, мы будем уничтожать весь его род, его семью. Каждого, кто своими действиями и мыслями, да и мыслями, покушается на единство социалистического государства, беспощадно будем уничтожать. За уничтожение всех врагов до конца, их самих, их рода!»[1564]

Члены Президиума и Секретариата Исполкома Коминтерна, избранные на VII конгрессе. Стоят слева направо: финский делегат О.В. Куусинен, чехословацкий делегат К. Готвальд, германский делегат В. Пик, делегат от СССР Д.З. Мануильский; сидят: генеральный секретарь ИККИ Г.М. Димитров, итальянский делегат П. Тольятти, германский делегат В. Флорин, китайский делегат Ван Мин

20 августа 1935

[РГАСПИ. Ф. 494. Оп. 2. Д. 55. Л. 1]

Иллюзии о возможности скорой мировой революции к этому времени уже давно рассеялись. Еще в июне 1930-го в политическом отчете ЦК XVI съезду партии Сталин перевел дискуссию о возможности построения социализма в одной стране в новое качество, фактически отвергнув основные постулаты большевизма и квалифицировав их как буржуазные по существу. Он заговорил теперь о «буржуазном отрицании возможности построения социализма в нашей стране, прикрываемом «революционной фразой» о победе мировой революции»[1565].

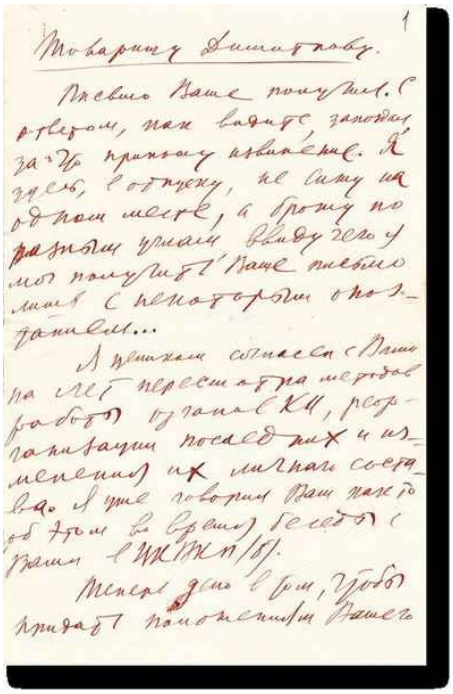
Г.К. Орджоникидзе, М.И. Калинин, К.Е. Ворошилов, В.М. Молотов и И.В. Сталин в группе делегатов XVI съезда ВКП(б)
26 июня — 13 июля 1930
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1658. Л. 7 об.]

Соответственно переосмысливались роль и статус Коминтерна. Нарком иностранных дел Г.В. Чичерин в переписке со Сталиным не раз обращал его внимание на очевидные противоречия интересов СССР и компартий, входивших в Коминтерн, с их неизбывным стремлением к мировой революции. Так, в июне 1929 г. он обратил внимание Сталина на результаты компартий на выборах в ряде крупнейших европейских стран, квалифицировав их как «ничто». «И этому, — задался вопросом Чичерин, — надо принести в жертву беспримерно колоссальный факт создания СССР, подрывать его положение… «Ставка на нуль» — изумительно!»[1566] Эта критика Чичерина прямо указывала Сталину и на противоречия во внешней политике Москвы, которая по линии Наркоминдела была направлена на становление и развитие связей с капиталистическими странами, но одновременно по линии Коминтерна — на плохо маскируемый подрыв политических режимов этих стран, что не могло не осложнять взаимодействия СССР с окружающим миром

на международной арене. Провал неоднократных попыток со стороны большевиков спровоцировать революции в странах Запада приводили к выводу о контрпродуктивности подобной политики. Секции (то есть компартии) Коминтерна следовало превратить из «ударных бригад» революции в инструмент «мирного» политического влияния. Постепенно (и вполне закономерно) «всемирная партия из Москвы» превращалась в «иностранный отдел» ВКП(б), обслуживающий интересы единственного в мире социалистического государства.

Новое время выдвигало новые задачи и формировало их новую иерархию, что, в свою очередь, требовало новых исполнителей — без претензий на собственные теоретические открытия и самостоятельный политический курс. Уже в октябре 1934 г. Сталин поддержал решения Г. Димитрова «насчет пересмотра методов работы органов КИ, реорганизации последних и изменения их личного состава», за которыми вскоре последовали и чистки[1567].

В августе 1935 г. Сталин провел решение о назначении Г. Димитрова первым (генеральным) секретарем Исполкома Коминтерна[1568]. На VII конгрессе Коминтерна в июле — августе 1935 г. Димитров сделал доклад «Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма», где была определена тактика создания единого фронта в качестве основы борьбы против фашизма и угрозы войны, указано на возможность образования «правительств единого фронта» при поддержке или даже участии коммунистов. Борьба против фашизма и борьба против войны с этого момента стали основными компонентами публичной деятельности Коминтерна. «Проекты резолюций вышли неплохие», — так оценил Сталин в письме Молотову итоги подготовительной работы к проведению конгресса[1569]. Он лично сформировал состав руководящих органов Коминтерна, проект которого (им написанный) Сталин сохранил в своем архиве. Помимо состава Секретариата ИККИ с Димитровым во главе в качестве генерального секретаря, он рекомендовал в «Президиум ИККИ: от русских 1) Мануильский, 2) Сталин, 3) Трилиссер. ИККИ: от русских 1) Мануильский, 2) Сталин, 3) Жданов, 4) Ежов, 5) Трилиссер»[1570].



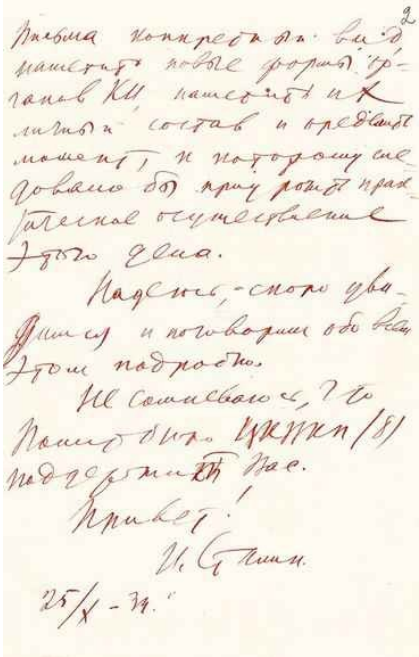
1

Товарищу Димитрову.

Письмо Ваше получил. С ответом, как видите, запоздал, за что приношу извинение. Я здесь, в отпуску, не сижу на одном месте, а брожу по разным углам, ввиду чего я мог получить Ваше письмо лишь с некоторым опозданием...

Я целиком согласен с Вами на счет пересмотра методов работы органов КИ, реорганизации последних и изменения их личного состава. Я уже говорил Вам как-то об этом во время беседы с Вами в ЦК ВКП(б).

Теперь дело в том, чтобы придать положениям Вашего



2

письма конкретный вид, наметить новые формы органов КИ, наметить их личный состав и определить момент, к которому следовало бы приурочить практическое осуществление этого дела.

Надеюсь, скоро увидимся и поговорим обо всем этом подробно.

Не сомневаюсь, что Политбюро ЦК ВКП(б) поддержит Вас.

Привет!

И. Сталин.

25/X-34.

Письмо И.В. Сталина Г.М. Димитрову о пересмотре методов работы и реорганизации органов Коммунистического Интернационала

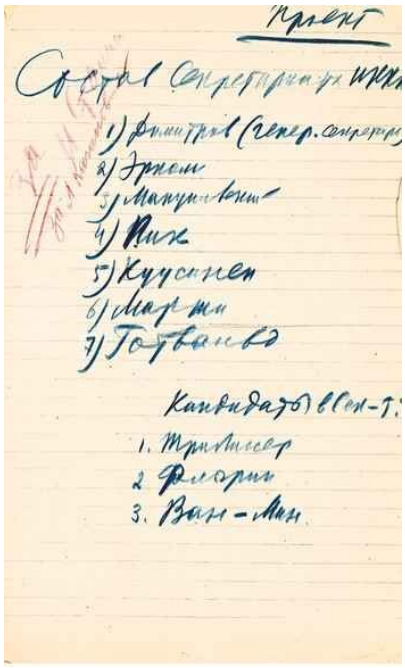
25 октября 1934

Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3162. Л. 1–2]

Формирование руководящих органов ИККИ по прямым указаниям Сталина привело в результате к изменению механизмов взаимодействия Политбюро и ИККИ. Политбюро прекратило принимать решения по вопросам политики Коминтерна так интенсивно, как это происходило в предшествующий период. Все сколько-нибудь значимые вопросы Димитров станет согласовывать со Сталиным. Изменился и характер деятельности руководящих органов Коминтерна. Пленумы Исполкома Коминтерна перестали проводиться (что вскоре произойдет и с заседаниями Политбюро и съездами партии), проекты основных постановлений Президиума и Секретариата ИККИ начали предварительно направляться в Политбюро на утверждение[1571]. Коминтерн превратился в одну из исполнительных комиссий при Политбюро или, точнее, при Сталине.

Очень скоро «изменения личного состава» приобрели новое качество. Упомянутая выше «шпионская тревога» в значительной мере повлекла за собой уже в 1936 г. аресты в СССР политэмигрантов и разгром польской секции Коминтерна. 28 ноября Димитров направил Сталину письмо о постановлении ИККИ о роспуске компартии Польши, приложив к нему проект постановления Президиума ИККИ. Сталин на письме одобрительно заметил: «С роспуском опоздали года на два. Распустить нужно, но опубликовать в печати, по-моему, не следует» [1572].

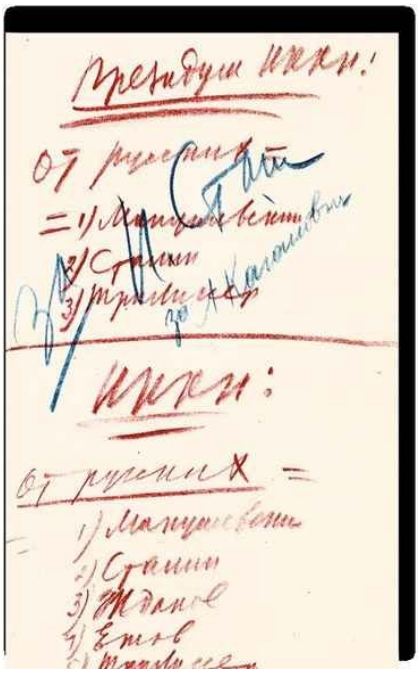

Проект

Состав Секретариата ИККИ

1) Димитров (генер. секретарь)
2) Эрком
3) Мануильский
4) Пик
5) Куусинен
6) Марти
7) Готвальд

Кандидаты в Сек-т:

1. Трилиссер
2. Флорин
3. Ван-Мин



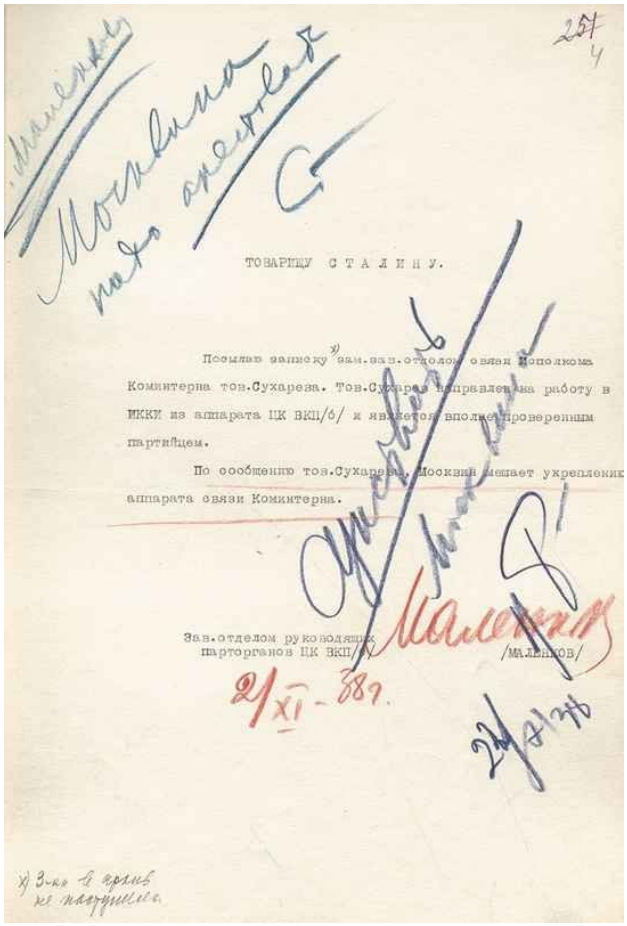
Проект состава Президиума и Секретариата Исполкома Коминтерна, предложенный И.В. Сталиным VII конгрессу Коминтерна
Июль — август 1935
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 125. Л. 1–2]

Меер Абрамович Трилиссер
Конец 1920-х
[РГАСПИ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 763. Л. 1]

Эта кампания достигла апогея в 1937 г. Димитров и Мануильский 10 октября направили секретарям ЦК ВКП(б) Ежову, Жданову, Андрееву письмо: «В последнее время органами Наркомвнудела выявлен ряд врагов народа и вскрыта разветвленная шпионская организация в

аппарате Коминтерна. Особенно засоренным оказался важнейший отдел аппарат Коминтерна — служба связи, которую нужно сейчас вполне ликвидировать и приступить срочно к организации этого отдела из новых, тщательно отобранных и проверенных работников… В прошлом аппарат Коминтерна укомплектовывался преимущественно за счет кадров иностранных компартий… Опыт показал, что такой способ укомплектования аппарата Коминтерна в нынешних условиях опасен и вреден, в связи с тем, что ряд секций КИ, как, например, польская, оказались целиком в руках врага»[1573]. В ходе чисток репрессиям подверглись коммунисты из 31 страны.

Не приходится удивляться, что чистками Коминтерна обусловливались и репрессии в отношении сотрудников НКВД, связанных с закордонной работой. 2 ноября 1938 г. руководитель Отдела руководящих партийных органов ЦК Г.М. Маленков направил на имя Сталина записку зам. зав. отделом связи Исполкома Коминтерна Сухарева со своим коротким сопроводительным письмом, где Маленков подчеркнул, что, по сообщению тов. Сухарева, «Москвин мешает укреплению аппарата связи Коминтерна». При этом Маленков поручился за репутацию Сухарева, уверяя, что тот является «вполне проверенным партийцем». Впрочем, и Москвин не был рядовым функционером Коминтерна. Под именем Михаила Александровича Москвина скрывался упомянутый выше Меер Абрамович Трилиссер — один из руководителей органов госбезопасности и организатор службы внешней разведки, по предложению Сталина введенный в 1935 г. в состав ИККИ «от русских».



ТОВАРИЩУ С Т А Л И Н У.

Посылаю записку зам.зав.отделом связи Исполкома Коминтерна тов.Сухареза. Тов.Сухарев направлен на работу в ИККИ из аппарата ЦК ВКП/б/ и является вполне проверенным партийцем.

По сообщению тов.Сухарева, Москвин мешает укреплению аппарата связи Коминтерна.

Зав.отделом руководящих парторганов ЦК ВКП/б/ /МАЛЕНКОВ/

2/XI-38 г.

Записка Г.М. Маленкова И.В. Сталину о заместителе заведующего отделом связи Исполкома Коминтерна Сухареве
1 ноября 1938
Резолюция — автографы И.В. Сталина и Л.П. Берии
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 368. Л. 4]

В Исполкоме Коминтерна он курировал работу спецорганов. На сопроводительном письме Маленкова к упомянутой записке Сухарева появились две резолюции: «Москвина надо арестовать», — размашисто напишет Сталин, «Арестовать Москвина», — подтвердит Берия, сменивший Ежова на посту наркома внутренних дел[1574].

23 ноября Москвин-Трилиссер будет снят со всех должностей, исключен из ВКП(б) и арестован. Политбюро ЦК в январе 1940 г. проголосует списком за применение к нему (в том числе) высшей меры наказания. Формальное решение состоится, как и во многих других подобных случаях, позднее. 1 февраля 1940 г. Военной коллегией Верховного суда Трилиссер будет приговорен к расстрелу «за активное участие в контрреволюционной организации правых», расстрелян 2 февраля[1575].

В результате чистки 1936–1939 гг., как отмечается в литературе, была ликвидирована профессиональная кадровая основа для широкомасштабной целенаправленной конспиративной работы за рубежом. При этом были закрыты все учебные заведения Коминтерна, включая специальные школы, готовившие в том числе и специалистов для нелегальной военной работы[1576].

«…Не улетая на луну». Сталин и международное «сотрудничество» в начале 1930-х гг

В период дебатов о целесообразности заключения «похабнейшего» Брестского мира Ленин, полемизируя с «некоторыми противниками мира» из числа левых коммунистов, сказал: «Социалистическая республика среди империалистских держав не могла бы существовать, не могла бы с точки зрения подобных взглядов заключать никаких экономических договоров, не могла бы существовать, не улетая на луну»[1577]. Ясно сформулировав и сформировав политический курс на построение социализма в отдельно взятой стране, Сталин «улетать на Луну» явно не собирался. Практические задачи социалистического строительства «выталкивали» советское руководство на международную арену в поисках финансовых средств для инвестирования в советскую экономику, контрактов на поставки промышленного оборудования, техники и технологий для советской промышленности, рынков для советского сырьевого экспорта. Общность финансово-экономических интересов очень часто становилась локомотивом, за которым следовали политические переговоры и политическое признание СССР в результате целенаправленных усилий советского руководства. 1930-е гг. стали десятилетием превращения СССР в значимого субъекта международных отношений и международного разделения труда. Обе эти сферы в течение короткого отрезка времени претерпели сильную трансформацию. Активное взаимодействие с международным рынком капитала, технологий и оборудования в годы первой пятилетки сменилось курсом на автаркию в годы второй. Международное признание Союза ССР в первой половине 1930-х стало базой, опираясь на которую, Сталин начал балансировать положение СССР на международной арене. Реконструкция и перевооружение Красной армии, целенаправленно проводившиеся с конца 1920-х гг., уже к середине 1930-х дали Сталину не просто уверенность в собственных силах и спокойствие за сохранность рубежей социалистического отечества, но и основания считать, что возможно и расширение сферы его влияния.

Общие установки известной парадигмы Realpolitik (так называемой «реальной политики») на известное время стали преобладающими в советских подходах к делам на международной арене. Как уже отмечалось в отечественной историографии, применительно к периоду конца 1920–1930-х гг. эти подходы были изложены наркомом иностранных дел Литвиновым в интервью газете «Известия», основные пункты которого были рассмотрены на заседании Политбюро в июле 1930 г.[1578] Политбюро устами Литвинова заявляло: «Нам приходится строить социализм в одной стране в окружении капиталистических стран, занимающих $^5/_6$ земного шара. Мы этого факта не можем игнорировать и не игнорируем». Целью борьбы «с агрессивными стремлениями определенных капиталистических групп, идущих в сторону создания постоянных трений и конфликтов между обеими системами», была названа необходимость «обеспечения нашему социалистическому строительству мирных условий и свободы от внешних потрясений»[1579].

В январе 1925 г. Сталин на пленуме ЦК, заглядывая в будущее, пообещал: «И мы выступим для того, чтобы бросить решающую гирю на чашку весов, гирю, которая могла бы перевесить. Отсюда вывод: быть готовыми ко всему… поднять нашу Красную армию на должную высоту». Сквозной линией советской политики на европейской арене стало поддержание баланса сил, для достижения которого Сталин был готов бросить гирю возможностей возглавляемого им государства на ту чашу весов, на которую это потребовалось бы сделать в конкретном текущем моменте в интересах Советского государства, не отдавая изначально предпочтений никому. До тех пор пока Красная армия не достигла «должных высот», арсеналы используемых средств находились в дипломатическом ведомстве, спецслужбах и Коминтерне.

В январе 1934 г. на XVII съезде ВКП(б) в отчетном докладе ЦК Сталин зафиксирует основополагающий принцип своего внешнеполитического курса: «У нас не было ориентации на Германию, так же как у нас нет ориентации на Польшу и Францию. Мы ориентировались в прошлом и ориентируемся в настоящем на СССР и только на СССР. И если интересы СССР требуют сближения с теми или иными странами, не заинтересованными в нарушении мира, мы идем на это дело без колебаний»[1580]. Прагматизм, граничащий с цинизмом, ясно видный из этого высказывания, вряд ли может быть подвергнут осуждению, тем более что ничего нового в лексикон мировой политики Сталин этим высказыванием не внес. Соответственно и политика СССР на мировой арене станет многовекторной, а недопущение преобладания той или иной международной группировки — одной из важнейших целей. О задачах доминирования на международной арене речь, конечно, не шла. При этом характерной особенностью политической линии советского руководства в 1920–1930-е гг. долгое время являлось ситуативное реагирование на возникающие проблемы,

за которым не стояло программы и планового руководства внешней политикой на основе такой программы [1581].

При этом неизбежность новой большой войны в результате «трений и конфликтов» оставалась для советского руководства альфой и омегой в представлениях о международных отношениях. Едва ли не центральной проблемой для Сталина оставалась неустойчивость Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. Еще на XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г. Сталин выразил уверенность, что Германия не будет мириться с условиями Версальского мира[1582]. Однако советское руководство долгое время не усматривало непосредственной угрозы безопасности СССР со стороны Германии.

Важнейшим направлением внешней политики СССР в конце 1920-х — начале 1930-х гг. являлась борьба за международное признание. Важнейшим фактором достигнутого в конечном итоге успеха стал мировой экономический кризис, в условиях которого массовые советские закупки на Западе техники, технологий и оборудования в рамках торгово-экономических соглашений были локомотивом урегулирования политических вопросов взаимоотношений Союза ССР со своими «партнерами». При этом советское руководство на этом этапе в большом числе случаев стремилось принимать взвешенные решения и было склонно к достижению компромиссов[1583]. Время радикальных решений еще не пришло.

В.М. Молотов, И.В. Сталин и А.Н. Поскребышев на XVII съезде ВКП(б) 26 января — 10 февраля 1934
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1659. Л. 4 об.]

(№36) 1 (2 стр.) (63)

Здравствуй, т. Молотов

9/VIII/1929 г.

Мы с Ворошиловым обсуждали твое письмо (Серго давно уже уехал в Нальчик) и пришли к следующим выводам.

1) Об Англии. Если Гендерсон не даст новаго повода в смысле цатунки (что маловероятно), с вопросом об Англии лучше будет подождать до решительнаго подъема в хлебозаготовках, т. е.

9 71

письмами не проведешь большевиков. Типичный кадетский адвокат.

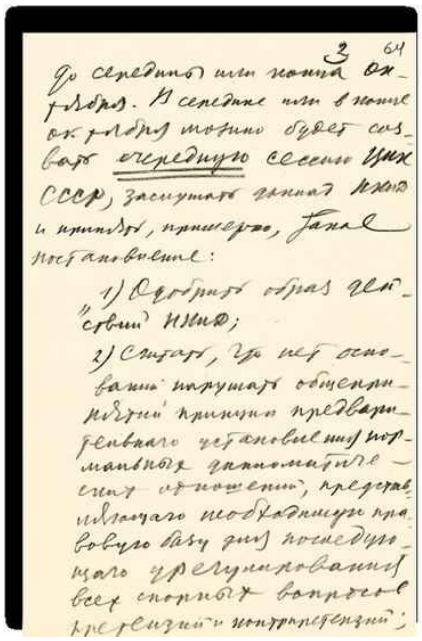
На счет „Ком. правды" вышло не плохо.

Пока хватит

Жму руки.

И. Сталин

9/VIII-29.



Письмо И.В. Сталина В.М. Молотову о политике в отношении Англии и письмах Н.И. Бухарина
9 августа 1929
Автограф И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 63–71]

* * *

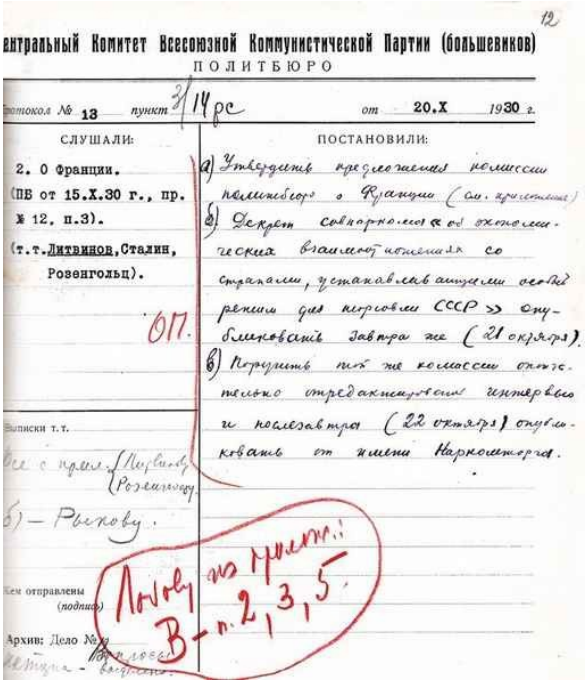
В начале октября 1929 г. решило восстановить в полном объеме дипломатические отношения с СССР британское правительство. Об их разрыве (как и аннулировании торгового договора 1921 г.) заявил 27 мая 1927 г. министр иностранных дел Великобритании О. Чемберлен, обвинивший СССР во вмешательстве во внутренние дела. В СССР в 1927 г. разразилась, как помнит читатель, так называемая военная тревога, причиной которой стала опасность интервенции со стороны Великобритании, как на то указывало советское руководство. Кризис был преодолен дипломатическими усилиями. Причем в конечном итоге был реализован подход Сталина: отношения были восстановлены без предварительных условий, на согласовании которых настаивала британская сторона. Именно этой теме посвящено письмо Сталина от 9 августа 1929 г., адресованное Молотову[1584]. В нем Сталин, критикуя позицию Бухарина, солидаризовался с мнением Наркомата иностранных дел: «Нет оснований нарушать общепринятый принцип предварительного установления нормальных дипломатических

отношений, представляющих необходимую правовую базу для последующего урегулирования всех спорных вопросов, претензий и контрпретензий»[1585].

Кроме того, Сталин рекомендовал выбрать для подобного демарша удобный момент, который должен быть обусловлен улучшением конъюнктуры, что Сталин связывал «с решительным подъемом в хлебозаготовках». Результатом следования этой линии в конечном итоге стало подписание 3 октября 1929 г. «Протокола о процедуре урегулирования спорных вопросов», который в целом отразил сталинский подход[1586]. В феврале 1934 г. был продлен торговый договор с Великобританией. Так что с конца 1920-х гг. берет свое начало линия устойчивого внешнеполитического взаимодействия двух государств.

* * *

Еще одним источником внешней угрозы для Союза ССР на рубеже 1920–1930-х гг. советское руководство считало Францию. В ходе описанного ранее процесса «Промпартии» в публичном пространстве французской стороне сталинским руководством была отведена роль организатора интервенции против СССР. Процесс состоялся в ноябре — начале декабря 1930 г. Перед этим в начале октября французское правительство приняло декрет о лицензировании, то есть о фактическом запрете значительной части советского экспорта во Францию. Мотивами были названы советский демпинг и использование принудительного труда для производства дешевой советской продукции. В ответ в конце октября СНК СССР принял постановление «Об экономических взаимоотношениях со странами, устанавливающими особый ограничительный режим для торговли с Союзом ССР»[1587].



12

Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков)

ПОЛИТБЮРО

Протокол № 13 пункт 3/14рс от 20.X 1930 г.

СЛУШАЛИ:

2. О Франции.
(ПБ от 15.X.30 г., пр. № 12, п.3).
(т.т. Литвинов, Сталин, Розенгольц).

ПОСТАНОВИЛИ:

а) Утвердить предложения комиссии Политбюро о Франции (см. приложение)

б) Декрет совнаркома «об экономических взаимоотношениях со странами, устанавливающими особый режим для торговли СССР» опубликовать завтра же (21 октября).

в) Поручить тут же комиссии окончательно отредактировать интервью и послезавтра (22 октября) опубликовать от имени Наркомторга.

ОП.

Выписки т.т.

Все с прим. (Литвинову, Розенгольц)

б) — Рыкову.

Кем отправлены (подпись)

Литвинову по приказу В — п. 2, 3, 5.

Архив: Дело № 9

Протокол — выписка

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об экономических взаимоотношениях со странами, устанавливающими особый ограничительный режим для торговли с Союзом ССР»

20 октября 1930

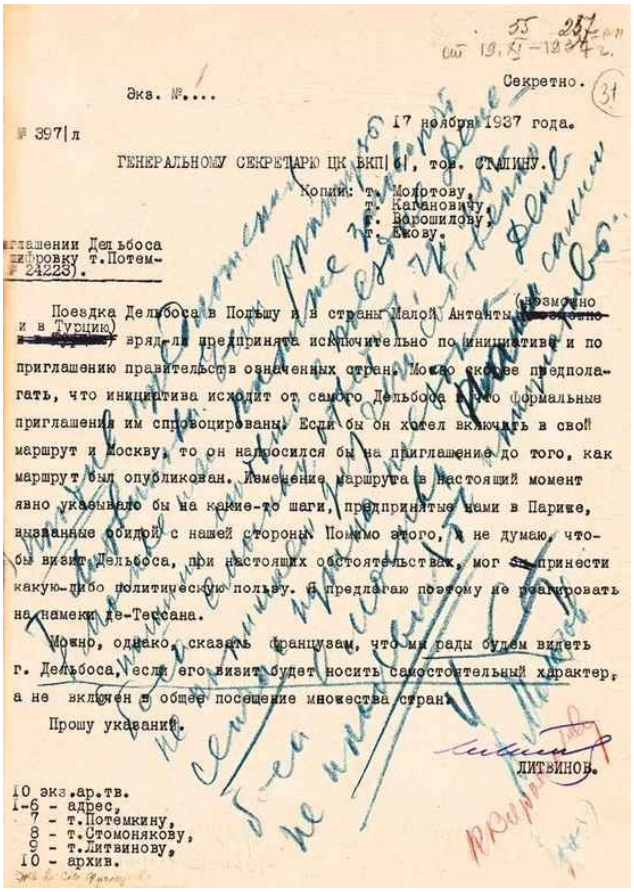
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 375. Л. 12]

В соответствии с этим постановлением советские внешнеторговые предприятия прекратили закупки во Франции. Вряд ли было случайным это совпадение во времени указанных событий и их последовательность. Торговый конфликт в сочетании с делом «Промпартии» привел дипломатические отношения двух стран к кризису, поставил их на грань разрыва[1588]. Очень скоро, однако, этот кризис был преодолен, и весной 1931 г. начались переговоры о заключении пакта о ненападении, торговом соглашении, кредитах и заказах. 29 июля Сталин сделал сообщение на Политбюро «О торговых переговорах с Францией», по итогам обсуждения которого была намечена конкретная программа переговоров и условия достижения договоренностей. Условия были достаточно жесткими: «Впредь до удовлетворения наших требований по экспорту крупные заказы во Франции не размещать. Переговоры по закупке отдельных товаров во Франции связать с одновременной запродажей наших экспортных товаров»[1589]. Разногласия с Францией были преодолены, сближение двух государств вскоре приобрело зримые контуры, их взаимоотношения стали развиваться по восходящей линии. 11 декабря 1933 г. Литвинов уведомил полпреда во Франции В.С. Довгалевского:

«Мы взяли твердый курс на сближение с Францией»[1590]. В январе 1934 г. в Париже был подписан советско-французский торговый договор. 17 января Политбюро приняло решение о введении его в действие «немедленно»[1591].

Отношения двух стран продолжат развиваться по восходящей. 2 мая 1935 г. был подписан советско-французский договор о взаимопомощи сроком на пять лет. Стороны обязывались оказывать друг другу немедленную помощь и поддержку в случае неспровоцированной агрессии против СССР или Франции. Сталин лично инструктировал главу советской делегации на переговорах в Париже[1592]. В мае того же года был подписан советско-чехословацкий договор о взаимной помощи, который предусматривал оказание согласованной помощи Чехословакии со стороны СССР и Франции.

Начавшаяся гражданская война в Испании, провал англо-французской политики невмешательства, к которой первоначально присоединился Советский Союз, стали важнейшим фактором в ряду тех, которые обеспечили охлаждение советско-французских отношений в 1936–1937 гг. Причем настолько, что 19 ноября 1937 г. Политбюро решило отклонить предложение наркома иностранных дел Литвинова о приглашении министра иностранных дел Франции приехать с визитом в СССР. «Мы не понимаем, для чего, собственно сейчас нужна поездка Дельбоса в Москву», — так зафиксировал протокол решение Политбюро[1593].



55 257
от 19.XI-1937 г.

Экз. №....

Секретно.

№ 397|л

17 ноября 1937 года.

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б), тов. СТАЛИНУ.

Копии: т. Молотову,
т. Кагановичу,
т. Ворошилову,
т. Ежову.

...глашении Дельбоса
...шифровку т.Потем-
...№ 24223).

Поездка Дельбоса в Польшу и в страны Малой Антанты (возможно и в Турцию) вряд-ли предпринята исключительно по инициативе и по приглашению правительств означенных стран. Можно скорее предполагать, что инициатива исходит от самого Дельбоса и что формальные приглашения им спровоцированы. Если бы он хотел включить в свой маршрут и Москву, то он напросился бы на приглашение до того, как маршрут был опубликован. Изменение маршрута в настоящий момент явно указывало бы на какие-то шаги, предпринятые нами в Париже, вызванные обидой с нашей стороны. Помимо этого, я не думаю, чтобы визит Дельбоса, при настоящих обстоятельствах, мог принести какую-либо политическую пользу. Я предлагаю поэтому не реагировать на намеки де-Тессана.

Можно, однако, сказать французам, что мы рады будем видеть г. Дельбоса, если его визит будет носить самостоятельный характер, а не включен в общее посещение множества стран.

Прошу указаний.

ЛИТВИНОВ.

10 экз.ар.тв.
1-6 - адрес,
7 - т.Потемкину,
8 - т.Стомонякову,
9 - т.Литвинову,
10 - архив.

Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину о приезде министра иностранных дел Франции И. Дельбоса в Москву с резолюцией И.В. Сталина

17 ноября 1937

Резолюция — автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 583. Л. 31]

Столь продуктивно развивавшиеся отношения были отброшены далеко назад. Сомнения в искренности намерений французской стороны выражали представители дипломатического и военного ведомства СССР — замнаркома иностранных дел В. Потемкин и нарком обороны К.Е. Ворошилов[1594]. Соображения Ворошилова особенно важны в контексте надвигавшихся событий. Ведь переговоры о военном взаимодействии, так неудачно завершившиеся в 1939 г., начались еще в конце 1936 г. и уже тогда, на первой стадии, были столь же малопродуктивны, как и на последней. Об этой предыстории несостоявшегося в 1939 г. англо-франко-советского альянса большинство читателей этой книги, вероятнее всего, не имеют никакого представления.

Максим Максимович Литвинов
1927
[РГАСПИ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 58. Л. 19]

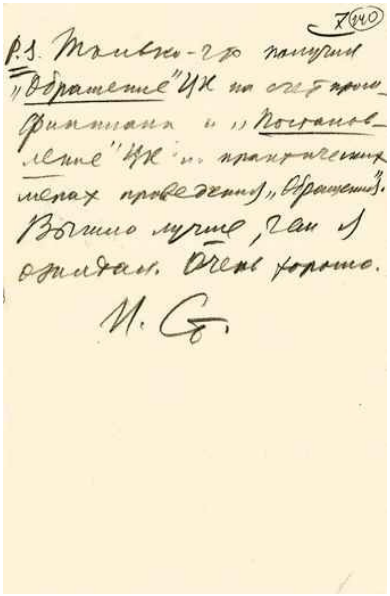
* * *

Описанные выше эсхатологические настроения советского руководства, ожидавшего неминуемой интервенции, отразили и документы личного происхождения советских вождей, и официальные решения и декларации. В марте 1931 г. VI съезд Советов СССР заявил, что все факты свидетельствуют «о подготовке империалистических сил к прямой вооруженной интервенции против Советского Союза»[1595]. Доступные сегодня архивы Политбюро, надо сказать, не содержат документов, на основании которых могли быть сделаны выводы о грозившей СССР в этот период интервенции со стороны Великобритании, Франции или других государств. Так что решения советского руководства, направленные на осмысление внешних угроз и купирование возникавших здесь рисков, в значительной мере предопределялись именно общими эсхатологическими установками большевизма о неизбежности военного столкновения с миром капитала. Именно они, а не конкретные свидетельства внешних угроз очень часто оказывали определяющее воздействие на оперативный анализ текущей обстановки.

Для предотвращения внешней угрозы в начале 1930-х гг. советские дипломатические усилия сконцентрировались на подписании двусторонних договоров. В 1932 г. были подписаны (а позднее и

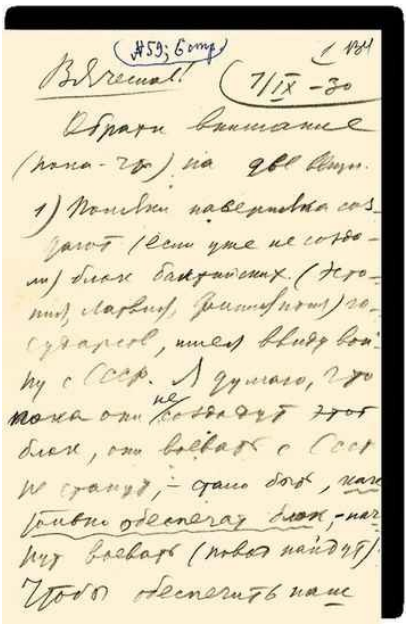
пролонгированы) договоры о ненападении с Финляндией, Латвией, Эстонией, Польшей, Францией. В 1933 г. были установлены дипломатические отношения СССР с США и Испанией, с Италией подписан договор о дружбе и ненападении. В июне 1934 г. были установлены дипломатические отношения с Румынией, хотя СССР так и не признал факт инкорпорации в ее состав Бессарабии после развала Российской империи. Тогда же были оформлены дипотношения с Венгрией, Чехословакией и Болгарией, в 1935-м — с Бельгией, Люксембургом, Колумбией. Нормализация двусторонних отношений с целым рядом ведущих государств мира стала фундаментом для построения основ участия СССР и в коллективных международных форматах.

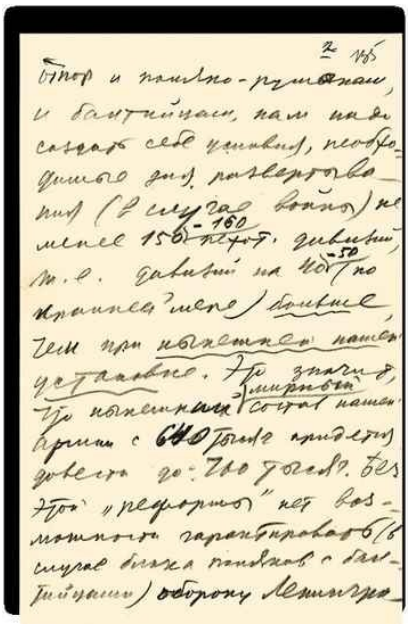
Советское руководство постаралось использовать их для артикуляции и проведения собственной политики. На рубеже 1920–1930-х гг. Сталин опасался, что Польша может создать блок балтийских государств (Эстония, Латвия, Финляндия), «имея в виду войну с СССР»[1596]. Эту угрозу он постарается отвести, достигнув определенной договоренности на региональном уровне.


7 (140)

P.S. Только-что получил „Обращение" ЦК на счет промфинплана и „Постановление" ЦК о практических мерах проведения „Обращения". Вышло лучше, чем я ожидал. Очень хорошо.

И. Ст.





Письмо И.В. Сталина В.М. Молотову об обороне СССР и другим вопросам

1 сентября 1930

Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 134–140]

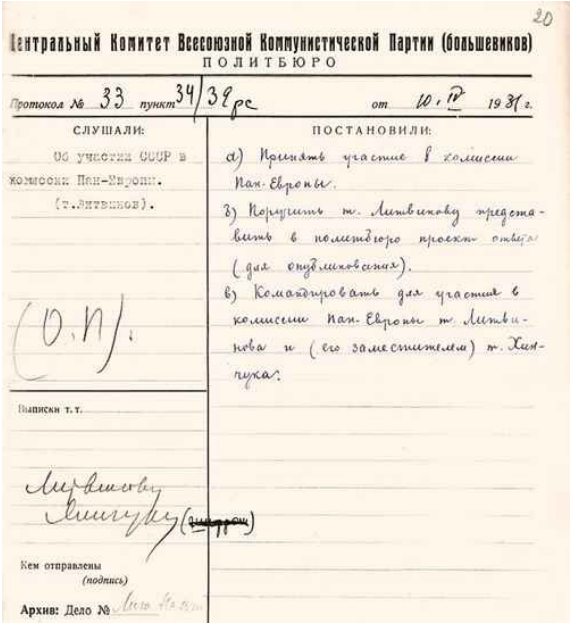
Читатель, вероятно, обратил внимание на отсутствие в составе враждебного блока Литвы и это не случайно. Литва в этот период занимала особое место во внешней политике Москвы в западном приграничье, базируясь на представлениях о взаимной враждебности Польши и Литвы, в основе которой лежала аннексия Вильно и Виленского края, совершенная Польшей в 1920 г. Советское руководство делало ставку на поддержание антипольского курса Литвы, что должно было блокировать перспективу создания большого польско-прибалтийского союза, направленного против СССР[1597].

С целью минимизировать возникающие риски советское руководство приняло решение о проведении серии переговоров, в ходе которых была достигнута желаемая цель: 9 февраля 1929 г. в Москве было подписано соглашение между СССР, Польшей, Румынией, Эстонией, Латвией, а затем Турцией, Ираном и Литвой о досрочном (немедленном) введении в действие так называемого пакта Бриана — Келлога от 27 августа 1928 г. Пакт был назван по именам министров иностранных дел Франции и Великобритании, усилиями которых был инициирован этот мирный процесс. Существом пакта должны были стать договоренности об отказе от войны как орудии политики. «Московский протокол», «протокол Литвинова» — такие звучные названия получит этот международный документ, обозначивший новое значимое место Москвы в международной политике этого времени. Но опасений Сталина подписание этих документов не развеет. В сентябре 1930 г. в письме к Молотову Сталин определит содержание угроз, исходящих с этого направления, и назовет средства купировать такого рода риски. «Чтобы обеспечить наш отпор и поляко-румынам, и балтийцам», следовало, по мнению Сталина, обеспечить в случае войны развертывание на 40–50 дивизий больше, «чем при нынешней нашей установке» [1598].

Читателю, вероятно, будет небезынтересно узнать, что уже в 1930 г. европейские элиты вплотную занялись вопросом о создании Европейской федерации (Пан-Европы). С таким предложением к правительствам европейских государств — членов Лиги Наций в мае 1930 г. обратился министр иностранных дел Франции Бриан. Как это ни странно покажется сегодня, но Союз ССР, пусть не сразу и не в самой корректной форме, получил в апреле 1931 г. от генсека Лиги Наций приглашение присоединиться к работе Комиссии по изучению вопроса о Европейском союзе. Политбюро несколько раз обсуждало этот вопрос. Одно из постановлений звучало так: «Принять участие в комиссии Пан-Европы». Обсуждаться на Политбюро станут состав советских представителей в Лиге Наций и содержание их выступлений по этому вопросу[1599].

До практических шагов, как мы понимаем, тогда дело не дошло, но и сегодня не может не вызвать удивления готовность, пусть во многом и декларативная, капиталистической Европы и коммунистического

Союза ССР сесть за общий стол для переговоров по вопросу о Европейской федерации!



20

Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков)
ПОЛИТБЮРО

Протокол № 33 пункт 34/39 рс от 10.IV 1931 г.

СЛУШАЛИ:

Об участии СССР в комиссии Пан-Европы. (т. Литвинов).

(О.П).

ПОСТАНОВИЛИ:

а) Принять участие в комиссии Пан-Европы.

б) Поручить т. Литвинову представить в политбюро проект ответа (для опубликования).

в) Командировать для участия в комиссии Пан-Европы т. Литвинова и (его заместителем) т. Хинчука.

Выписки т. т.

Литвинову
Хинчуку (~~[illegible]~~)

Кем отправлены (подпись)

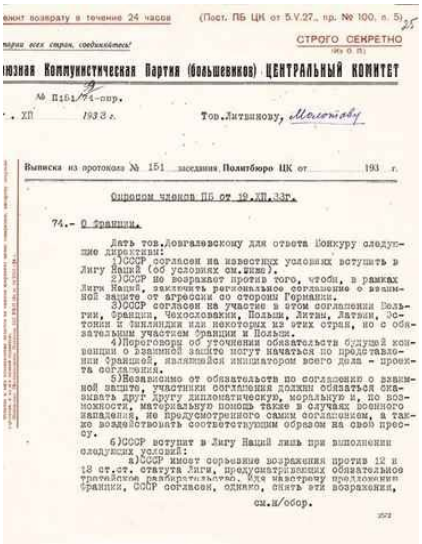
Архив: Дело № [illegible]

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об участии СССР в комиссии Пан-Европы»
10 апреля 1931
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 393. Л. 20]

В это же время по линии Лиги Наций активизируются переговоры о всеобщем разоружении. 17 февраля 1931 г. ее генсек направил письмо в адрес наркома иностранных дел СССР, в котором сообщил резолюцию Совета Лиги Наций. Эта резолюция приглашала правительства европейских стран представить сведения о состоянии вооруженных сил с целью информировать участников предстоящей конференции по разоружению[1600]. Советское руководство самым серьезным образом отнеслось к участию в этих переговорах. Решением Политбюро 20 апреля была создана специальная комиссия под председательством наркома обороны Ворошилова. По итогам работы комиссии были подготовлены соответствующие предложения. В октябре Литвинов направил в Лигу Наций ответное письмо, содержавшее запрошенные сведения о штатной численности вооруженных сил, количестве военных кораблей и бюджете РККА, и сообщил о готовности СССР присоединиться к предложению о перемирии в вооружениях сроком на один год[1601]. Вряд ли сегодня вызовет удивление тот факт, что, как выяснили историки, бюджет, представленный Союзом ССР в Лигу

Наций, содержал искаженную информацию[1602]. В начале января 1932 г. Политбюро утвердило и состав делегации, направленной в Женеву на конференцию по разоружению, и проект директив «с поправками т. Сталина». Центральным пунктом проекта было предложение «полного разоружения» [1603].

Литвинов сделал это предложение в адрес «уважаемой публики» 2 февраля в полном соответствии со сталинской директивой. Преувеличивать устремления советского руководства в этом направлении, однако, не стоит. Декларация о полном разоружении явно носила пропагандистский характер. Уже 1 апреля 1932 г. Политбюро на своем заседании с участием Сталина приняло более реалистичные директивы для советской делегации на этой конференции. Делегации было предписано высказываться и голосовать «против финского предложения о международном соглашении о демилитаризированных зонах, указывая на нецелесообразность общего решения вопроса» и отдавая предпочтение двусторонним соглашениям; «против отмены обязательной воинской повинности»; а также «не соглашаться на сокращение срока военной службы»; «не поддерживать предложение о запрещении строительства крепостей и укрепленных районов» и т. д. [1604]



...ежит возврату в течение 24 часов (Пост. ПБ ЦК от 5.V.27., пр. № 100, п. 5)

...ари всех стран, соединяйтесь!

СТРОГО СЕКРЕТНО
(Из О. П.)

...юзная Коммунистическая Партия (большевиков) ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ П151/74-пер.

. XII 1933 г. Тов. Литвинову, Молотову

Выписка из протокола № 151 заседания Политбюро ЦК от ..... 193 г.

Опросом членов ПБ от 19.XII.33г.

74.- О Франции.

Дать тов. Довгалевскому для ответа Понкуру следующие директивы:

1) СССР согласен на известных условиях вступить в Лигу Наций (об условиях см. ниже).

2) СССР не возражает против того, чтобы, в рамках Лиги Наций, заключить региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии.

3) СССР согласен на участие в этом соглашении Бельгии, Франции, Чехословакии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии или некоторых из этих стран, но с обязательным участием Франции и Польши.

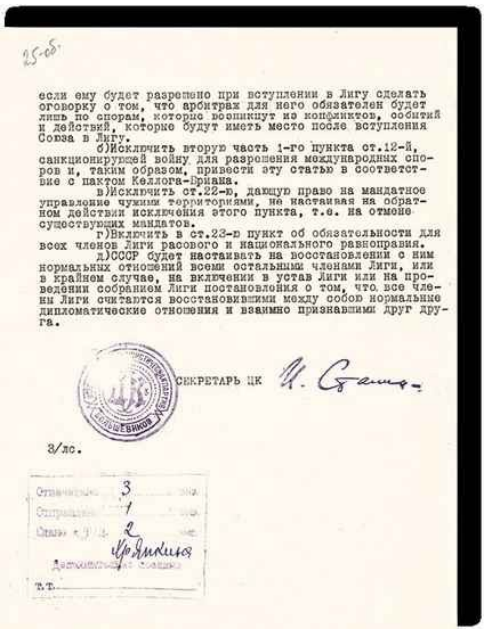
4) Переговоры об уточнении обязательств будущей конвенции о взаимной защите могут начаться по представлении Францией, являющейся инициатором всего дела - проекта соглашения.

5) Независимо от обязательств по соглашению о взаимной защите, участники соглашения должны обязаться оказывать друг другу дипломатическую, моральную и, по возможности, материальную помощь также в случаях военного нападения, не предусмотренного самим соглашением, а также воздействовать соответствующим образом на свою прессу.

6) СССР вступит в Лигу Наций лишь при выполнении следующих условий:

а) СССР имеет серьезные возражения против 12 и 13 ст.ст. статута Лиги, предусматривающих обязательное третейское разбирательство. Уже навстречу предложению Франции, СССР согласен, однако, снять эти возражения,

см. н/обор.



25-об.

если ему будет разрешено при вступлении в Лигу сделать оговорку о том, что арбитраж для него обязателен будет лишь по спорам, которые возникнут из конфликтов, событий и действий, которые будут иметь место после вступления Союза в Лигу.

б)Исключить вторую часть 1-го пункта ст.12-й, санкционирующей войну для разрешения международных споров и, таким образом, привести эту статью в соответствие с пактом Келлога-Бриана.

в)Исключить ст.22-е, дающую право на мандатное управление чужими территориями, не настаивая на обратном действии исключения этого пункта, т.е. на отмене существующих мандатов.

г)Включить в ст.23-в пункт об обязательности для всех членов Лиги расового и национального равноправия.

д)СССР будет настаивать на восстановлении с ним нормальных отношений всеми остальными членами Лиги, или в крайнем случае, на включении в устав Лиги или на проведении собранием Лиги постановления о том, что все члены Лиги считаются восстановившими между собой нормальные дипломатические отношения и взаимно признавшими друг друга.

СЕКРЕТАРЬ ЦК И. Сталин

З/лс.

Отправлено 3
Отправлено 1
Стало 2
Дополнительно разослать
т.т.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о готовности СССР вступить в Лигу Наций и условиях вступления

19 декабря 1933

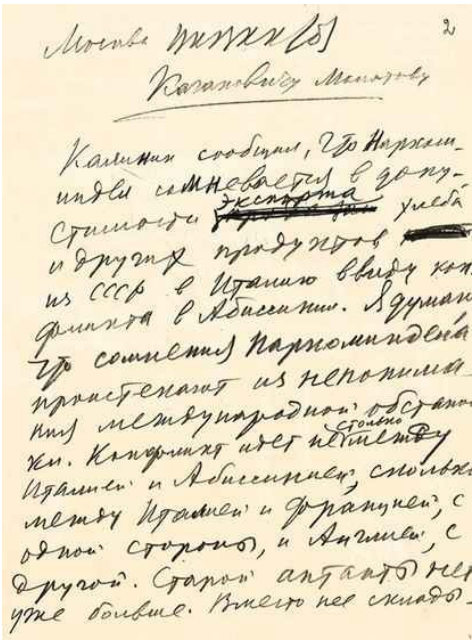
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 510. Л. 25–25 об.]

Результатом усилий советского руководства стало едва ли не триумфальное вступление Союза ССР на международную арену. Получив по инициативе Франции приглашение Союзу ССР вступить в Лигу Наций, 19 декабря 1933 г. Политбюро приняло решение: «СССР согласен на известных условиях вступить в Лигу Наций». Этим же постановлением фиксировалось решение заключить в рамках Лиги Наций «региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии». Возможными участниками этого соглашения были названы Бельгия, Франция, Чехословакия, Польша, Литва, Латвия, Эстония и Финляндия, при том, что обязательным советское руководство считало участие Франции и Польши. Идея этого так называемого Восточного пакта реализована не будет[1605].

В сентябре 1934 г. СССР был принят в Лигу Наций, избран членом Совета Лиги. Советское руководство постаралось использовать эту международную площадку для проведения политики коллективной безопасности. Сталин позднее объяснил причины вступления в Лигу Наций. На XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г. он сказал: «Наша страна вступила в Лигу Наций, исходя из того, что, несмотря на ее слабость, она все же может пригодиться как место разоблачения агрессоров и как некоторый, хотя и слабый, инструмент мира, могущий тормозить развитие войны»[1606]. Относился к Лиге Наций Сталин как к инструменту

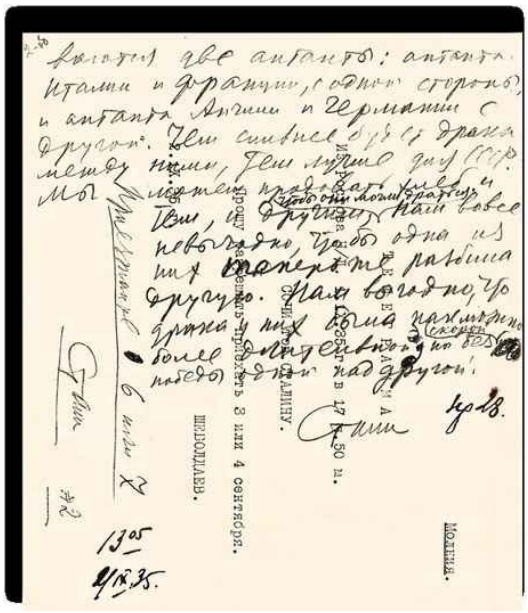
советской внешней политики. В сентябре 1935 г. он заявил: «Если мы вошли в Лигу, то это еще не значит, что мы должны быть послушными ее членами… Если мы не будем время от времени встряхивать лигонацовский навоз, мы не сумеем использовать Лигу в интересах СССР» [1607].

Первые успехи на международной арене породили у Сталина уверенность в правильности собственных оценок тенденций международного развития, которые, однако, не всегда отличались прогностической точностью. 2 сентября 1935 г. с юга он направил письмо Молотову и Кагановичу по поводу сомнений Наркомата иностранных дел в возможности экспорта в Италию из СССР из-за конфликта в Абиссинии: «Я думаю, что сомнения Наркоминдела проистекают из непонимания международной обстановки. Конфликт идет не столько между Италией и Абиссинией, сколько между Францией, с одной стороны, и Англией — с другой. Старой Антанты нет уже больше. Вместо нее складываются две Антанты: Антанта Италии и Франции, с одной стороны, и Антанта Англии и Германии — с другой. Чем сильнее будет драка между ними, тем лучше для СССР… Нам выгодно, что[бы] драка у них была как можно более длительной, но без скорой победы одной над другой»[1608].


Москва [illegible] 2

Кагановичу Молотову

Калинин сообщил, что Наркоминдел сомневается в допустимости экспорта хлеба и других продуктов из СССР в Италию ввиду конфликта в Абиссинии. Я думаю, что сомнения Наркоминдела проистекают из непонимания международной обстановки. Конфликт идет не столько между Италией и Абиссинией, сколько между Италией и Францией, с одной стороны, и Англией, с другой. Старой антанты нет уже больше. Вместо нее склады-



Письмо И.В. Сталина Л.М. Кагановичу и В.М. Молотову об экспорте хлеба в Италию и конфликте между Италией и Францией
2 сентября 1935
Автограф И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 89. Л. 2–2 об.]

В начале 1930-х гг. Сталин и Молотов вырабатывают специфический язык, используя который советские лидеры станут представлять советскому и зарубежному общественному мнению позиции страны на внешнеполитической арене. Многие из публичных выступлений станут выдерживаться в определенной тональности.

В марте 1929 г., прочитав опубликованный в «Правде» доклад Ворошилова на 2-й областной ленинградской партконференции, где давалась оценка международной ситуации, хозяйственного строительства, резко критиковались «правые уклонисты», Сталин направил ему записку: «Мировой вождь, едри его мать. Читал твой доклад — попало всем, мать их туда». Ошалевший Ворошилов переспросил: «Ты лучше скажи, провалился я на все 100 % или только на 75 %». Сталин успокоил и поощрил соратника: «Хороший, принципиальный доклад. Всем гуверам, чемберленам и бухариным попало по заднице»[1609].

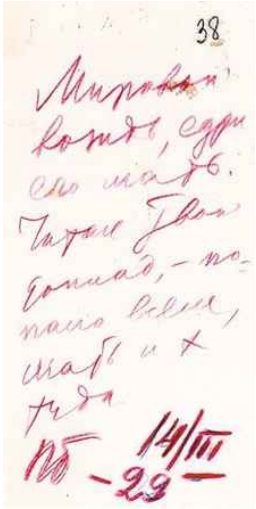
В январе 1933 г., ознакомившись с заключительной частью доклада Молотова на 3-й сессии ЦИК СССР 6-го созыва, Сталин направил ему одобрительную записку: «Сегодня я читал международную часть. Вышло хорошо. Уверенно-пренебрежительный тон в отношении великих держав, вера в свои силы, деликатно-простой плевок в котел хорохорящихся «держав», — очень хорошо. Пусть кушают» [1610].

* * *

Внутренние «нестроения» в СССР эпохи «большого скачка» на рубеже 1920–1930-х гг. подогревали опасения советского руководства о возможности внешнего вторжения. В феврале 1930 г. Сталин ответил на вопросы слушателей Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова. В их числе был и такой: «Какое влияние ликвидация кулачества как класса и обострение классовой борьбы у нас, экономический кризис и подъем революционной волны в капиталистических странах могут иметь на длительность [мирной] «передышки»»? Сталин ответит: «Перечисленные вами средства и условия могут значительно сократить сроки «передышки»»[1611]. В марте нарком обороны Ворошилов в письме своему заместителю Я.Б. Гамарнику признал, что «внешнее положение Советского Союза к весне 1930 г. складывается далеко неблагоприятно. Ложная информация... о нашем внутреннем положении в связи с коллективизацией сельского хозяйства, раздутые до невероятных размеров сплетни о гонениях на религию в СССР, надежды на кулака, на крестьянские волнения и т. д. и т. п. разжигают страсти в некоторых крайних кругах милитаристов. Острейший экономический кризис в Польше и Румынии и общая неустойчивость политического положения внутри капиталистических стран вообще создают благоприятную обстановку для военных авантюр»[1612]. В письме Молотову от 1 сентября 1930 г. Сталин выразил уверенность: «Поляки наверняка создают (если уже не создали) блок балтийских (Эстония, Латвия, Финляндия) государств, имея в виду войну с СССР. Я думаю, что пока они не создадут этот блок, они воевать с СССР не станут, — стало быть, как только обеспечат блок, — начнут воевать (повод найдут)» [1613].

Очередная волна «военной тревоги» накрыла советское руководство и послужила причиной того, что Сталин выступил инициатором мирных усилий Союза ССР на польском направлении. Польше, как уже имел возможность убедиться читатель, в советском военном планировании в этот период отводилось место главного военного противника. Находясь в отпуске на юге, 30 августа 1931 г. Сталин писал в Москву Кагановичу: «Почему не сообщаете ничего о польском проекте пакта (о ненападении)..? Дело это очень важное, почти решающее (на ближайшие 2–3 года), вопрос о мире... Обратите на это дело серьезное внимание, пусть ПБ возьмет его под специальное наблюдение и постарается довести его до конца всеми допустимыми мерами. Было бы смешно, если бы мы поддались в этом деле общемещанскому поветрию антиполонизма, забыв хотя бы на минуту о коренных интересах революции и социалистического строительства»[1614]. Получив польский проект, Сталин распорядился начать переговоры; в очередном письме Кагановичу 7 сентября он

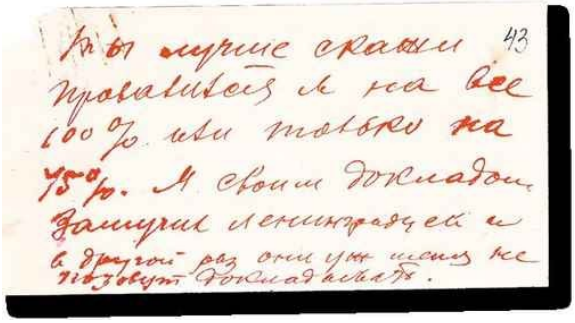
подверг критике руководство Наркомата иностранных дел за «грубую ошибку, для ликвидации которой необходимо более или менее продолжительное время»[1615]. 20 сентября Политбюро обязало «НКИД в 2-декадный срок представить в Политбюро свои соображения»[1616]. 20 ноября Литвинову было предписано «сегодня же, или, в крайнем случае, завтра, начать формальные переговоры... о заключении пакта ненападения»[1617].


38

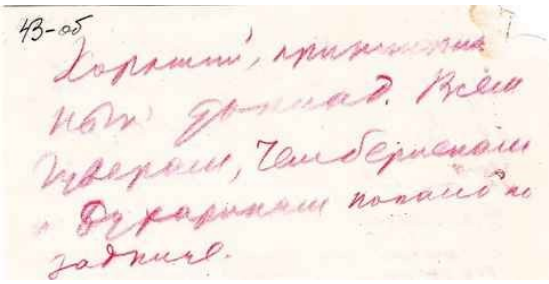
Мировой вождь, сдри сло жать. Читал твой доклад, — по-пало всем, жать и х туда

14/III

Пб — 29 —


43

Ты лучше скажи провалился ли на все 100% или только на 75%. Я своим докладом замучил ленинградцев и в другой раз они уж меня не позовут докладывать.


43-об

Хороший, принципиальный доклад. Всем Гуверам, Чемберленам и Дукариным попало по задниче.

Записка И.В. Сталина К.Е. Ворошилову о его докладе на 2-й областной ленинградской партконференции

14 марта 1929

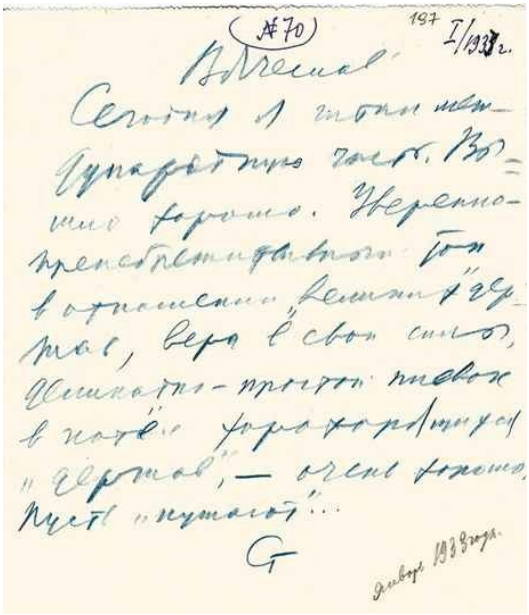
[РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 38. Л. 38]

Записка К.Е. Ворошилова о его докладе и ответ И.В. Сталина

Не ранее 14 марта 1929

[РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 39. Л. 43–43 об.]

Сталин в эти дни решил полностью сосредоточить польские дела в своих руках, будучи, видимо, не удовлетворен тем, как решает вопросы профильное ведомство. 26 ноября 1931 г., заслушав вопрос «О Польше», Политбюро создало специальную комиссию «по советско-польским делам». В нее вошли два представителя Политбюро (Сталин и Молотов) и два руководителя Наркомата иностранных дел (Литвинов и Сто-моняков) [1618].

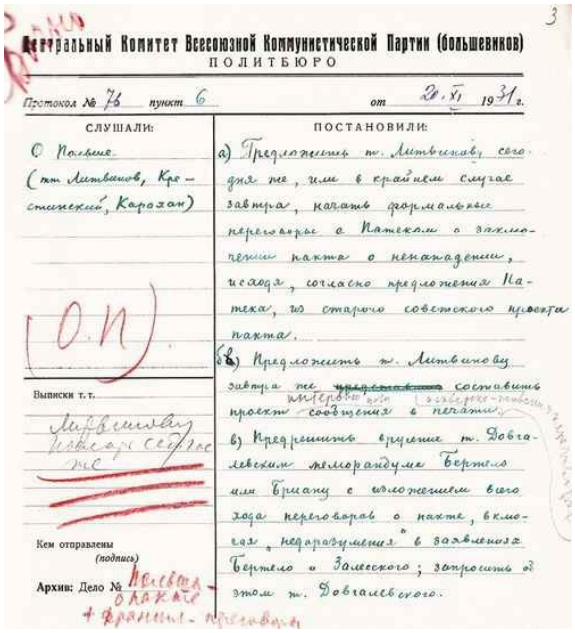


Письмо И.В. Сталина В.М. Молотову о международной части его доклада на 3-й сессии ЦИК СССР IV созыва

[Январь 1933]

Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 197]



Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков)
ПОЛИТБЮРО

Протокол № 76 пункт 6 от 20.XI 1931 г.

СЛУШАЛИ:

О Польше
(тт. Литвинов, Крестинский, Карахан)

(О.П.)

Выписки т.т.

Литвинову
Новосельскому
Сергееву
Ж.С.

Кем отправлены
(подпись)

Архив: Дело № Польша
о пакте
+ франко-переговоры

ПОСТАНОВИЛИ:

а) Предложить т. Литвинову сегодня же, или в крайнем случае завтра, начать формальные переговоры с Патеком о заключении пакта о ненападении, исходя, согласно предложения Патека, из старого советского проекта пакта.

б) Предложить т. Литвинову завтра же ~~представить~~ составить проект ~~сообщения~~ интервью или заверенного сообщения в печати.

в) Предрешить вручение т. Довгалевским меморандума Бертело или Бриану с изложением всего хода переговоров о пакте, включая „недоразумения" в заявлениях Бертело и Залесского; запросить об этом т. Довгалевского.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о переговорах с министром иностранных дел Польши С. Патеком по вопросу заключения пакта о ненападении

20 ноября 1931

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 435. Л. 3]

* * *

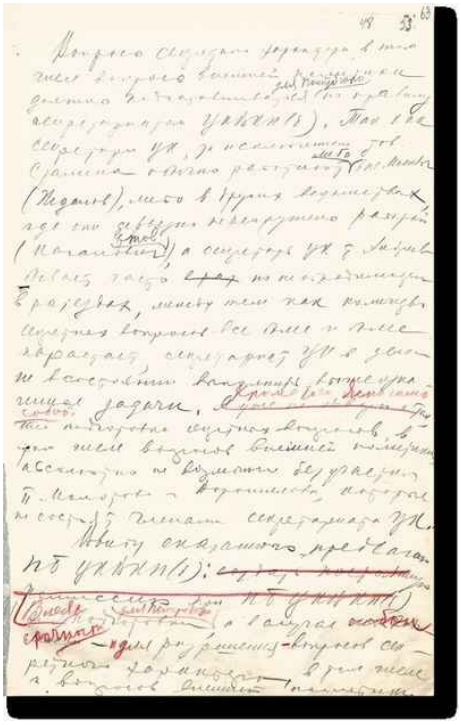
Этой частной перестройкой сферы управления «внешними сношениями» дело не ограничилось. За четыре дня до этого, 22 ноября, решением Политбюро, между прочим, была создана другая — общая, если можно так выразиться, комиссия Политбюро по внешнеполитическим вопросам, наделенная широчайшими, хотя и не очень ясно определенными полномочиями. В нее вошли исключительно члены Политбюро — Сталин, Молотов, Каганович, к которым через месяц присоединился Орджоникидзе[1619]. В современной литературе отмечается, что к концу 1931 г. «окончательно сложился триумвират Генерального секретаря — руководителя Политбюро ЦК ВКП(б), секретаря ЦК — руководителя Оргбюро и Секретариата и Председателя СНК СССР, которым принадлежало решающее слово в принятии внешнеполитических решений»[1620]. Позволим себе высказать уточняющее предположение, что уже в это время многочисленные комиссии по внешнеполитическим вопросам создавались не в качестве инструмента принятия коллективных решений, а играли роль

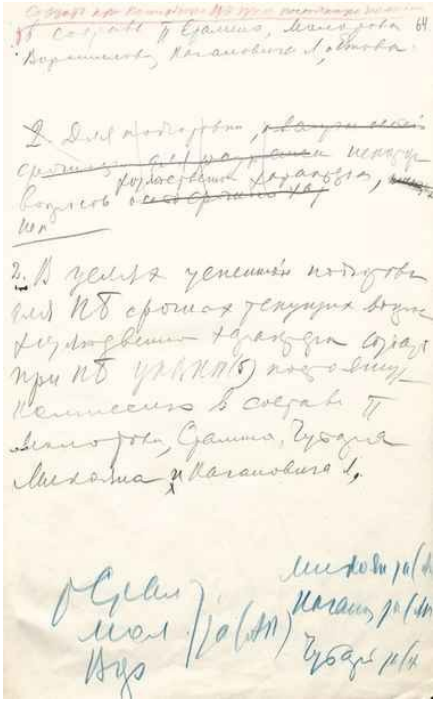
совещательного органа для выработки такого решения одним единственным руководителем — Сталиным. Только совещаться набиравший все большую силу вождь намеревался с узким кругом приближенных лиц. Приведенный выше пример решения вопроса с пактом о ненападении с Польшей, как нам кажется, достаточно ясно об этом свидетельствует.

В это же время происходит еще одно заметное событие в процессе перестройки управления внешнеполитической активностью. Сталин предложил создать Бюро международной информации. 1 апреля 1932 г. Политбюро заслушало этот вопрос, докладчиком по которому значился именно Сталин, и приняло соответствующее решение. В отличие от аналогичных структур Наркомата иностранных дел, существовавших в 1920-е гг., БМИ станет работать под персональным наблюдением Сталина и в структуре партийного аппарата ЦК. Сердцевиной экспертно-аналитической работы Бюро являлось изучение положения на местах, куда направлялись «разъездные корреспонденты», имевшие «специальные связи». Каждая такая поездка должна была проводиться по согласованию со Сталиным, причем в ходе таких поездок осуществлялась и параллельная Наркоминделу теневая дипломатическая деятельность[1621]. Очевидным представляется рост недоверия Сталина к «красным дипломатам», стягивание и сосредоточение ряда важнейших функций в «личном секретариате» Сталина. Нарком иностранных дел Г.В. Чичерин в августе 1928 г. в письме В.М. Молотову прямо описал систему управления внешней политикой, сложившейся к концу 1920-х, и порекомендовал: «Я должен вообще заметить, что положение будет нормальным и здоровым тогда, когда во главе внешней политики будет лицо из внутреннего круга руководящих товарищей» [1622].

К концу 1930-х гг. Наркоминдел повторил траекторию развития всех институтов советской государственности, окончательно превратившись в одну из комиссий с совещательными и исполнительскими функциями при группе партийных деятелей, а, точнее, при возглавлявшем эту группу Сталине. 14 апреля 1937 г. было принято постановление, согласно которому решено «В целях подготовки для Политбюро, а в случае особой срочности и для разрешения вопросов секретного характера, в том числе и вопросов внешней политики, создать при Политбюро ЦК ВКП(б) постоянную комиссию в составе тт. Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича Л. и Ежова» [1623].

В.М. Молотов, И.В. Сталин и М.М. Литвинов на Красной площади 1936
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1475. Л. 10]





Проект постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О подготовке вопросов для Политбюро ЦК ВКП(б)» Автограф И.В. Сталина
14 апреля 1937
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1145. Л. 53–64]

Таким образом, Сталин вывел рассмотрение наиболее важных вопросов из-под процедур коллективного функционирования Политбюро, которые и без того становились все более формальными, и сконцентрировал их решение в руках узкой группы лиц, беспрекословно подчинявшихся его воле. Немало поспособствали этому процессу чистки, которые Сталин провел в 1937–1938 гг. в том числе и в Наркомате иностранных дел, как и по всей стране. В годы Большого террора они достигли своего пика, начавшись в реальности еще в середине 1920-х. Тогда наркоминдел Г.В. Чичерин в переписке со своим заместителем Л.М. Караханом не раз описывал ситуацию в наркомате в нелицеприятных выражениях. В апреле 1924 г. он писал: «В центре всего чистка. Рабочие тройки чистят нерабочие ячейки. Происходят ужасные вещи. Впрочем, идем во все инстанции, чистка за чисткой, борьба и борьба. Все это расстраивает до крайности». В июне тому же адресату Чичерин высказался еще прямее: «Тройка «от Сталина» решает все», в августе: «Вы не сознаете, насколько все переместилось.

Теперь наиболее сильны люди, не любящие красивых наружностей и хороших сигар» [1624].

* * *

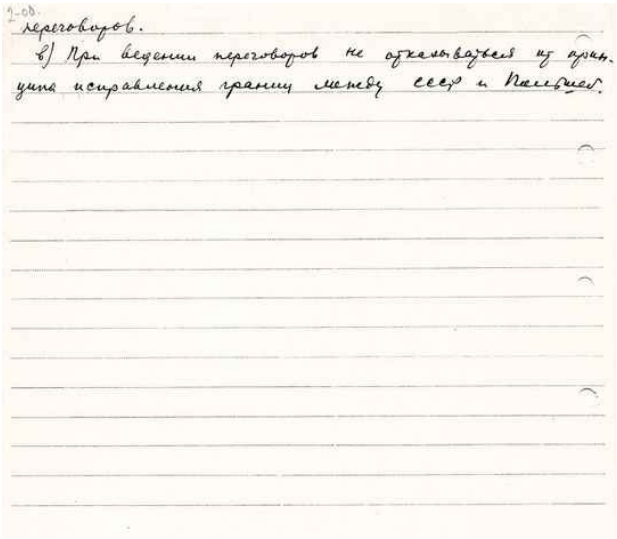
Но вернемся к советско-польским отношениям. Советско-польский договор о ненападении был подписан в 1932 г. на пять лет. В сентябре 1938 г. в советско-польских отношениях произошел скачок напряжения в прямой связи с завершающей фазой судьбоносного Судетского кризиса. 23 сентября НКИД сделал заявление в адрес польского правительства в связи с сообщениями о подготовке Польшей агрессии против Чехословакии, в котором содержалось предупреждение о возможности денонсации советско-польского пакта о ненападении от 25 июля 1932 г. в случае агрессии Польши против Чехословакии[1625]. Состоявшиеся переговоры завершились подписанием коммюнике, в котором оба правительства сочли необходимым заявить, что они «воодушевлены стремлением к лояльному соблюдению всех положений означенного соглашения». Конфликт был урегулирован, но осадок, как говорится, остался[1626].

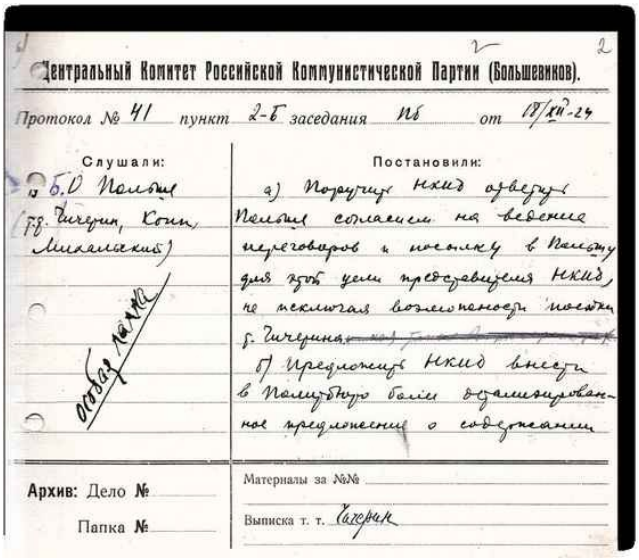
Польша, как известно, воспользовавшись результатами «Мюнхенского сговора», которым был «разрешен» Судетский кризис, все-таки поучаствовала в разделе Чехословакии, аннексировав Тешинскую область. Советское правительство своих угроз в действие, однако, не привело.

Говоря о советско-польских отношениях, нельзя не напомнить, что для советского руководства после польско-советской войны оставалась актуальной проблема территориального размежевания с Польшей. 18 декабря 1924 г., согласившись с целесообразностью переговоров с Польшей, Политбюро приняло решение «не отказываться от принципа исправления границ между СССР и Польшей»[1627].

Эта принципиальная установка большевистского ареопага, сформулированная задолго до установления полновластия Сталина, и стала, судя по всему, основанием для решений, принятых в августе-сентябре 1939 г., речь о которых еще впереди. Скрытый до поры до времени ревизионизм в отношении восточных территорий Польши проявлялся довольно длительное время лишь в использовавшейся терминологии — Западная Украина и Западная Белоруссия. А документы Политбюро, как и, добавим, документы Сталина, не позволяют считать, что в руководстве СССР существовало общее воззрение или план продвижения к цели «освобождения» прилегающих к СССР территорий. Следует, вероятно, согласиться с высказанным уже ранее мнением, что ноты «ревизионизма» и «коммунистической экспансии» следует рассматривать, главным образом, в качестве отблеска большевистской идеологемы, определявшей видение границ

СССР с капиталистическими странами как преходящего явления[1628]. Нельзя, однако, отрицать и того, что реваншистская составляющая также имела место. Устремления советского руководства к пересмотру западных границ свое концентрированное выражение нашли в этот период в отказе признать аннексию Румынией Бессарабии, ранее входившей в состав Российской империи. Впрочем, и это обстоятельство, совсем не скрываемое, не помешало найти форму урегулирования межгосударственных отношений.


2-ой.
переговоров.
в) При ведении переговоров не отказываться от принципа исправления границ между СССР и Польшей.


Центральный Комитет Российской Коммунистической Партии (Большевиков).

Протокол № 41 пункт 2-Б заседания ПБ от 18/XII-24

Слушали:
Б.О Польше
(т.т. Чичерин, Копп, Михальский)
особая папка

Постановили:
а) Поручить НКИД ответить Польше согласием на ведение переговоров и посылку в Польшу для этой цели представителя НКИД, не исключая возможности поездки т. Чичерина.
б) Предложить НКИД внести в Политбюро более детализированное предложение о содержании

Архив: Дело №
Папка №

Материалы за №№
Выписка т. т. Чичерин

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о ведении переговоров с Польшей

18 декабря 1924
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 65. Л. 2–2 об.]

В тесной взаимосвязи с польским направлением осуществлялось взаимодействие с так называемыми лимитрофами, к числу которых советское руководство относило и другие государства, возникшие на «окраинных» территориях бывшей Российской империи: Латвия, Литва, Эстония, Финляндия, Румыния. Взаимная враждебность была доминантой восприятия советским руководством ближнего западного зарубежья настолько, что, как мы видели, большинство этих стран фигурировали в качестве противника в стратегическом и оперативном военном планировании советского военно-политического руководства. Той же монетой Советам платило в большинстве своем и политическое руководство сопредельных государств.

Советско-польские переговоры о заключении пакта о ненападении повлекли за собой шаги в отношении и других «лимитрофов». 1 июля 1933 г. в Лондоне была подписана многосторонняя конвенция об определении агрессии. Подписантами являлись СССР, Польша, Румыния, Латвия и Эстония. 4 июля идентичный документ подписали СССР, Турция и страны Малой Антанты (Чехословакия, Югославия и Румыния), 5 июля конвенцию подписали СССР и Литва. Через год к первой из названных конвенций присоединилась Финляндия. Лондонские конвенции станут своеобразным ответом восточноевропейских государств на подписание в марте того же года «Пакта четырех держав» (Англия, Франция, Германия и Италия), направленного фактически на демонтаж Версальской системы[1629].

* * *

Одним из основных направлений внешнеполитической активности являлось взаимодействие с США. В марте 1929 г. 31-м президентом США стал Г. Гувер. В 1918–1923 гг. он возглавлял Американскую администрацию помощи (АРА), которая оказывала продовольственную помощь европейским странам, в том числе и Советской России. Чичерин настоятельно рекомендовал Сталину отметить инаугурацию американского президента в соответствии с общепринятыми стандартами, опубликовав в советской прессе серию статей. Соображения Чичерина «насчет Гувера и АРА» Сталин назвал совершенно правильными, но обратил его внимание, что этот момент был уже использован «в известном экспозе Литвинова на IV сессии ЦИК СССР. Там, прямо сказано: «Мы не забываем, что в трудную для нас годину голода американский народ оказал нам щедрую помощь в лице организации АРА, возглавляющейся тогда будущим президентом САСШ

г[осподи]ном Гувером». Я думаю, что этого пока достаточно. Боюсь, что частое повторение или грубое подчеркивание этого момента может дать лишь обратные результаты»[1630].

В начале 1930-х гг. Сталин в письме к Кагановичу сформулировал и далее исходил из представления о том, что «старания САСШ направлены на то, чтобы опустошить нашу валютную кассу и подорвать в корне наше валютное положение, а САСШ теперь — главная сила в финансовом мире и главный наш враг, — стало быть надо беречь валюту не только для 31 года, но и для будущих лет» [1631].

Это осознание не отменяло потребностей взаимодействия с США, прежде всего в финансово-экономической области. Поэтому усилия советской дипломатии были направлены на установление дипломатических отношений с «главной силой в финансовом мире». В октябре 1933 г. президент США Ф. Рузвельт и председатель ЦИК СССР М.И. Калинин обменялись посланиями, затем в ноябре США заявили о признании Союза ССР, и были установлены дипломатические отношения. В январе 1934 г. американский Минфин отменил дискриминационные меры против советского импорта. На начавшихся торговых переговорах советское руководство поставило вопрос о предоставлении долгосрочного кредита, американская сторона предложила краткосрочный характер кредитования. 13 июля 1935 г. был подписан первый советско-американский торговый договор (о таможенных тарифах). Этим событиям предшествовала полоса экономического взаимодействия советских внешнеторговых организаций с американским бизнесом, в рамках которого в конце 1920-х — начале 1930-х гг. через закупки американской техники и технологий, конвейерных линий и целых заводов в значительной мере и осуществлялась сталинская индустриализация.

Публичная позиция советского руководства, однако, оставалась демонстративно решительной во многих ситуациях. «Мы не боимся разрыва с Америкой», — заявил Сталин в одном из писем[1632]. Вполне возможно, что эта готовность рвать формальные отношения на дипломатическом фронте подогревались позитивным опытом прямого взаимодействия с хозяйствующими субъектами, сложившимся вне зависимости от политического истеблишмента США.

Сталин, внимательно наблюдая за развитием международных отношений, в эти годы не раз высказывал уверенность в нарастании англо-американских противоречий. В 1928 г. он подчеркнул, что «из ряда противоречий, имеющихся в лагере капиталистов, основным противоречием стало противоречие между капитализмом американским и капитализмом английским»[1633]. Весной 1929 г. он указал на «рост антагонизма между Америкой и Англией»[1634]. Летом 1930-го он подтвердил свой вывод двухлетней давности: «И в области вывоза готовых товаров, и в области вывоза капитала борьба идет главным образом между САСШ и Англией… Главная арена борьбы —

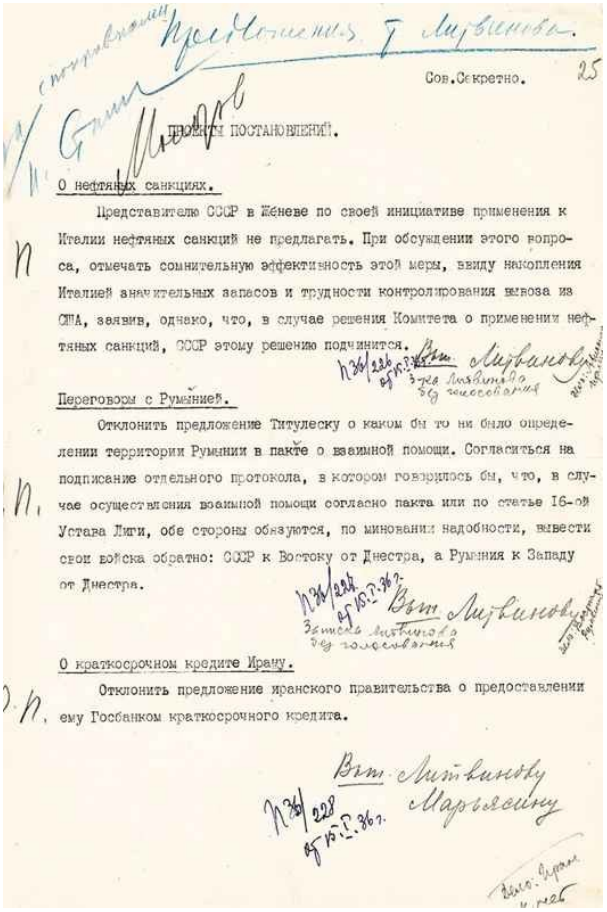
Южная Америка, Китай, колонии и доминионы старых империалистических государств. Перевес сил в этой борьбе — причем перевес определенный, — на стороне САСШ»[1635]. Поиск возможностей использовать это противоречие для усиления внешнеполитических позиций СССР станет для Сталина одним из важнейших направлений внешнеполитической деятельности.

И.В. Сталин за работой
1936
Фотограф Ф. Кислов
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1650. Л. 20]

* * *

Одним из важных партнеров СССР на рубеже 1920–1930-х гг. ненадолго стала муссолиниевская Италия, но не по политическим, а экономическим основаниям. В августе 1930 г. было подписано соглашение о закупках продукции итальянской промышленности, причем на условиях взаимного благоприятствования[1636]. Этот договор Сталин считал очень важным. В письме Молотову он писал: «Договор с Италией — плюс. За ней потянется Германия»[1637]. К числу важнейших событий, произошедших в 1930-е гг. на международной арене, следует отнести вторжение Италии в Абиссинию (Эфиопию) в 1935 г. и двухлетнюю итало-эфиопскую войну, завершившуюся созданием колонии «Итальянская Восточная Африка». Верный своему принципу «как следует понаблюсти», на который мы обратили внимание читателя в первой главе этой книги, Сталин будет воздерживаться от резких

внешнеполитических акций, стремясь оставить свободными руки для любых политических маневров. В октябре 1935 г. Политбюро начало давать вполне определенные инструкции советским представителям в Лиге Наций, где был поставлен вопрос об агрессии Италии против Эфиопии: «Ни в коем случае не заостряйте выступления», «Не проявляйте большей ретивости в санкциях, чем другие страны». Причем Литвинову было предписано сохранять по этим вопросам «по возможности контакт с Францией»[1638]. Когда в январе 1936-го речь в Лиге Наций зашла о введении против Италии нефтяных санкций, советское руководство постарается избежать их введения[1639]. На просьбу Эфиопии помочь военными инструкторами и оружием, направленную СССР в декабре 1935 г., последовал отказ Политбюро, мотивацией которого было: «нам самим не хватает»[1640].



Сов.Секретно. 25

ПРОЕКТЫ ПОСТАНОВЛЕНИЙ.

О нефтяных санкциях.

Представителю СССР в Женеве по своей инициативе применения к Италии нефтяных санкций не предлагать. При обсуждении этого вопроса, отмечать сомнительную эффективность этой меры, ввиду накопления Италией значительных запасов и трудности контролирования вывоза из США, заявив, однако, что, в случае решения Комитета о применении нефтяных санкций, СССР этому решению подчинится.

Вып. Литвинову

Переговоры с Румынией.

Отклонить предложение Титулеску о каком бы то ни было определении территории Румынии в пакте о взаимной помощи. Согласиться на подписание отдельного протокола, в котором говорилось бы, что, в случае осуществления взаимной помощи согласно пакта или по статье 16-ой Устава Лиги, обе стороны обязуются, по миновании надобности, вывести свои войска обратно: СССР к Востоку от Днестра, а Румыния к Западу от Днестра.

Вып. Литвинову

О краткосрочном кредите Ирану.

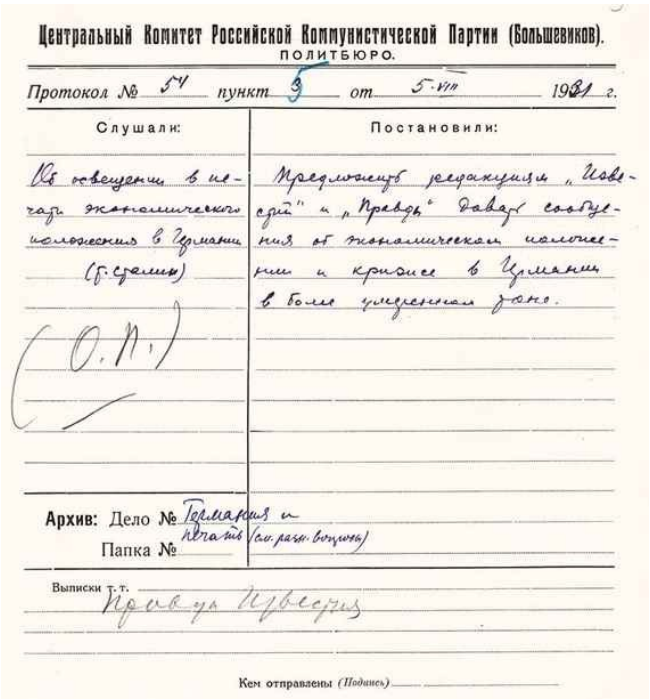
Отклонить предложение иранского правительства о предоставлении ему Госбанком краткосрочного кредита.

Вып. Литвинову
Марьясину

Проект постановления Политбюро ЦК ВКП(б) о нефтяных санкциях, переговорах с Румынией и кредите Ирану
15 января 1936
Подписи — автографы И.В. Сталина, В.М. Молотова
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 556. Л. 25]

«Дело явным образом идет к новой войне». Внешнеполитические развилки второй половины 1930-х гг

В 1920-х гг., как мы видели, внешняя политика СССР была направлена на сотрудничество с Германией. Вплоть до прихода Гитлера к власти Германия оставалась важнейшим внешнеэкономическим партнером СССР. 24 июня 1931 г. подписанием советско-германского протокола будет продлен Берлинский договор 1926 г. о дружбе и нейтралитете. 15 июля 1932 г. было подписано новое советско-германское соглашение об общих условиях поставок товаров, регулировавшее вопросы заключения и исполнения договоров. Соглашением также предусматривалось предоставление кредитов СССР для размещения советских заказов в Германии[1641]. Доля Германии в советском импорте с 23,7 % в 1930 выросла до 46,52 % в 1932 г.[1642] Советское руководство расценивало отношения с Германией «как успех мирной политики Советского правительства, направленный против блокады и интервенции, как результат роста экономической и политической мощи Советского Союза…»[1643] Важность торгово-экономических отношений с Германией подчеркивается тем фактом, что Сталин лично давал установки советской печати о том, как правильно освещать внутригерманские дела. По его сообщению «Об освещении в печати экономического положения в Германии» Политбюро 5 августа 1931 г. рекомендовало редакциям «Известий» и «Правды» «давать сообщения об экономическом положении и кризисе в Германии в более умеренном тоне»[1644].



Центральный Комитет Российской Коммунистической Партии (Большевиков).
ПОЛИТБЮРО.

Протокол № 54 пункт 5 от 5-VIII 1931 г.

Слушали:	Постановили:
Об освещении в печати экономического положения в Германии (т. Сталин)	Предложить редакциям „Известий" и „Правды" давать сообщения о экономическом положении и кризисе в Германии в более уплотненном виде.

(О. П.)

Архив: Дело № Германия и печать (см. расп. вопросы)
Папка №

Выписки т. т. Правда Известия

Кем отправлены (Подпись)

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об освещении в печати экономического положения в Германии»
5 августа 1931
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 413. Л. 3]

При этом советское руководство стремилось влиять на внутриполитические дела в Германии, осуществлять прямое управление Коммунистической партией Германии и ее фракцией в германском рейхстаге. Одно из инструктивных писем такого рода Сталин направил Кагановичу в августе 1932 г.[1645] Накануне внеочередных ноябрьских 1933 г. выборов в Германии в рейхстаг Сталин призвал Исполком Коминтерна и Компартию Германии создать единый фронт с социал-демократическими рабочими «в смысле перечеркивания фашистских списков». Но при этом речь не шла о сотрудничестве с Социал-демократической партией Германии[1646]. На всем протяжении существования советской власти социал-демократия будет оставаться то врагом, то оппонентом Коммунистической партии Советского Союза, разорвавшей свои связи с ней в 1917–1919 гг. По линии Коминтерна руководство ВКП(б) длительное время ориентировало компартии на борьбу с социал-демократами как главным врагом. Дело дошло до третирования социал-демократов как «социал-фашистов». Раскол левого движения в электоральном цикле в Германии облегчил приход к власти национал-социалистов. Политическая ошибка, совершенная Сталиным, коренится в следовании

установкам Ленина и партии большевиков в целом на размежевание с социал-демократами и их подавление.

После прихода нацистов к власти в Германии закончилась эпоха Рапалло, и отношения двух стран приобрели остроту и враждебность. Выход Германии из Лиги Наций и конференции по разоружению ясно обозначили угрожающие тенденции развития ситуации на этом направлении, что и станет важнейшей причиной выработки Сталиным курса на сближение с Францией и Польшей. Политика советского руководства будет определенным образом трансформирована и направлена на устранение германской угрозы и создание союза коммунистов со всеми левыми силами против фашизма (тактика «народного фронта»).

Тем не менее в мае 1933 г. Гитлер пролонгировал действие Берлинского торгово-экономического договора с СССР 1926 г. В декабре 1936 г. был подписан советско-германский торговый договор. Объемы торговых взаимоотношений, однако, существенно сократятся по сравнению с 1920-ми годами.

Сталин не раз давал ясную и четкую оценку «национал-социализма как самой дикой формы шовинизма». В проведении политики на международной арене Сталин занял, однако, более сдержанную позицию и проводил прагматичную политику, которая мало чем отличалась от политики других европейских государств во взаимоотношениях с набиравшей силу Германией. Высказавшись описанным выше образом в письме Кагановичу и Молотову в сентябре 1935 г., Сталин при этом рекомендовал «не делать в нашей печати истерического шума», очевидно, имея в виду, что следует продолжать поддерживать межгосударственные отношения[1647]. Сталин контролировал не только содержание дипломатических акций, но и тональность выступлений советской прессы о Германии[1648]. В 1935 г. Германия восстановила всеобщую воинскую повинность, в нарушение международных обязательств приступила к неприкрытой ремилитаризации. Весной 1936 г. германские войска заняли демилитаризованную Рейнскую зону и вышли на границу с Францией. В этой связи 17 марта Советский Союз в Лиге Наций заявил о готовности поддержать любые ответные действия Лиги Наций[1649]. Этот советский демарш остался без ответа.

И на этом направлении внешней политики Сталин стремился сохранить свободу рук и маневра. В сентябре 1936 г. на съезде национал-социалистической партии Германии в Нюрнберге прозвучали грубые антисоветские выпады. Нарком иностранных дел Литвинов поддержал предложения полпреда в Берлине Я. Сурица дать резкий ответ. Политбюро решило «Отклонить предложение тт. Литвинова и Сурица о посылке ноты протеста германскому правительству по поводу выступлений Гитлера и других на Нюрнбергском съезде». Вероятно, следует согласиться с выводом, прозвучавшим в современной

историографии о том, что даже в период борьбы за коллективную безопасность Сталин занимал осторожную и прагматичную позицию и стремился сохранить «открытыми двери» для эвентуального соглашения и даже сотрудничества с национал-социалистической Германией[1650].

10

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков)
ПОЛИТБЮРО

Протокол № 43 пункт 181 от 20/II 1936 г.

СЛУШАЛИ:

Вопрос т.т. Литвинова и Сурица.

О.П.

ПОСТАНОВИЛИ:

Отклонить предложение т.т. Литвинова и Сурица о посылке ноты протеста германскому правительству по поводу выступлений Гитлера и других на Нюрнбергском съезде.

Выписки т.т.

Крестинскому

Т. Ворошилов-за.
Т. Андреев-за.

Хоз. отправлены (подпись)

Архив: Дело № Гриневич

109

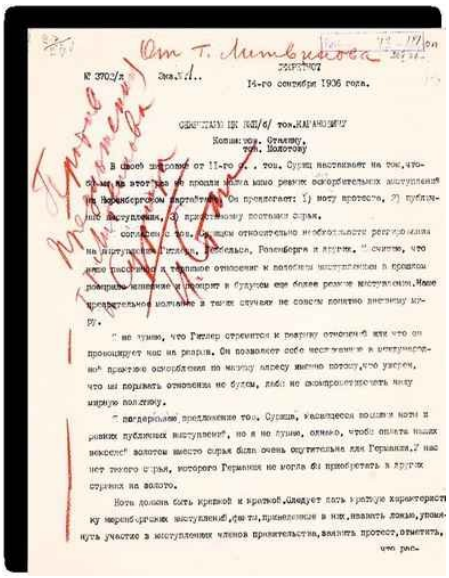
2.

рыстриваем эти выступления, как проявление агрессивной политики Германии и призыв к нарушению мира и что оставляем ответственность на германском правительстве.

ЛИТВИНОВ

8 экз. ар/та

I-4 адресат
5 - т. Крестинскому
6 - т. Устинскому
7 - т. Литвинову
8 - архив.



№ 3702/л Экз.№1..

СЕКРЕТНО

14-го сентября 1936 года.

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП/б/ тов.КАГАНОВИЧУ

Копия:тов. Сталину,
тов. Молотову

В своей депеше от 11-го сент. тов. Суриц настаивает на том, чтобы мы на этот раз не пропустили мимо ушей очередных выступлений на Нюрнбергском партсъезде. Он предлагает: 1) ноту протеста, 2) публичное выступление, 3) практическому постоянству сырьевого.

Я согласен с тов. Сурицем относительно необходимости реагирования на выступления Гитлера, Геббельса, Розенберга и других. Я считаю, что наше постоянное и терпимое отношение к подобным выступлениям в прошлом развязывает немцам и теперь в будущем еще более резкие выступления. Наше предварительное молчание в таких случаях не совсем понятно внешнему миру.

Я не думаю, что Гитлер отрежется к разрыву отношений или что он провоцирует нас на разрыв. Он позволяет себе выступления в интервью-не практикою одобрения на массу именно потому, что уверен, что мы порывать отношения не будем, либо не скомпрометировать нашу мирную политику.

Я поддерживаю предложение тов. Суриц, касающееся подачи ноты в связи публичных выступлений, но я не думаю, однако, чтобы оплата наших поставок золотом вместо сырья была очень ощутительна для Германии. У нас нет такого сырья, которого Германия не могла бы приобретать в других странах на золото.

Нота должна быть краткой и краткой. Следует лишь краткую характеристику нюрнбергских выступлений, фактов, приведенных в них, назвать лжою, упомянуть участие в выступлениях членов правительства, заявить протест, отметить, что рас-

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) об отклонении предложения о посылке ноты протеста германскому правительству по поводу выступлений Гитлера и записка М.М. Литвинова Л.М. Кагановичу, И.В. Сталину и В.М. Молотову

20 сентября 1936

Резолюция — автограф И.В. Сталина, подпись — автограф М.М. Литвинова

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 564. Л. 105, 106–109]

Придет время, и Сталин отодвинет идеологические различия в сторону в стремлении добиться для своей страны ощутимых материальных преференций.

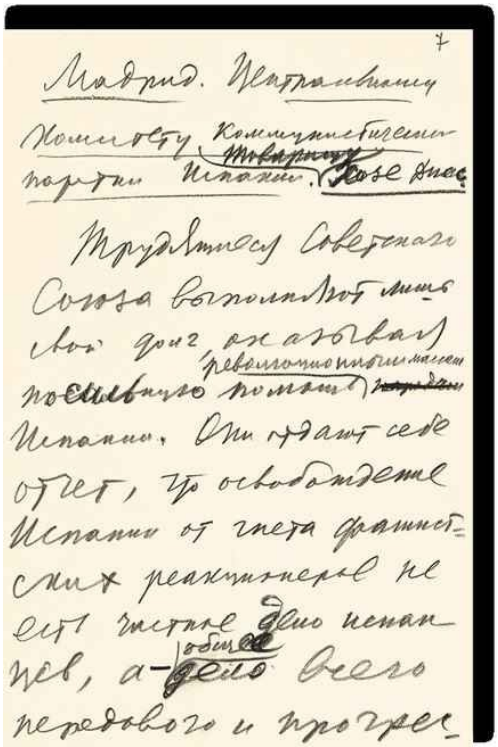
В 1936–1937 гг. Германия, Италия, Япония подписали ряд двусторонних военно-политических соглашений. Их сближение завершилось объединением этих трех государств в рамках так называемого Антикоминтерновского пакта. Его участники обязались информировать друг друга о деятельности Коминтерна и совместными усилиями вести против него борьбу. Международная ситуация приобретала все более угрожающие Советскому Союзу очертания, а Германия выдвинулась на первое место среди внешних угроз по западному контуру советских границ.

* * *

Важнейшим эпизодом мировой политики стала гражданская война в Испании, начавшаяся с мятежа испанских военных против законно избранного, социалистического по своему составу, республиканского

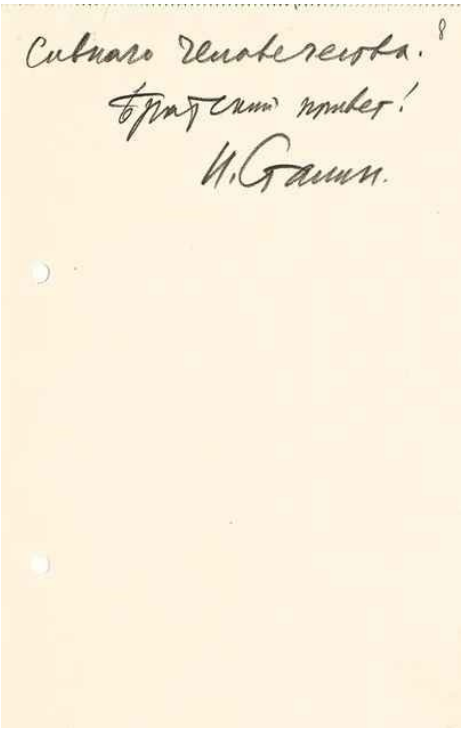
правительства. Анализ последовавших событий оказал серьезное влияние на внутреннюю и внешнюю политику советского руководства. Первоначально, в августе 1936 г., Политбюро приняло решение присоединиться к соглашению о «невмешательстве» в испанские дела, инициированному Великобританией и Францией. В связи с неэффективностью деятельности Комитета по невмешательству и прямой военной и экономической поддержкой, оказанной мятежникам со стороны Германии, Италии, Португалии, Сталин принял решение об оказании прямой поддержки законному республиканскому правительству. 16 октября 1936 г. он направил в ЦК компартии Испании письмо, в котором обозначил готовность оказывать «посильную помощь революционным массам Испании» [1651].

Причем, советское руководство не ставило непосредственной задачи радикализации политики республиканского правительства или тем более ее «советизации». Сталин поддержал позицию Исполкома Коминтерна, рекомендовавшего руководству испанской компартии «избегать всякие мероприятия, способные подорвать сплоченность народного фронта в борьбе против мятежников… не сходить с позиций демократического режима… не входить в правительство, так как таким образом легче сохранить единство народного фронта». На проекте этой директивы, направленной ему Димитровым, Сталин написал: «Правильно»[1652].


7

Мадрид. Центральному
Комитету Коммунистической
партии Испании. Товарищу José Díaz

Трудящиеся Советского
Союза выполняют свой
долг, оказывая
посильную помощь революционным массам
Испании. Они отдают себе
отчет, что освобождение
Испании от гнета фашист-
ских реакционеров не
есть частное дело испан-
цев, а общее дело всего
передового и прогрес-


Сильного человечества.
Братский привет!
И. Сталин.

Письмо И.В. Сталина в ЦК КП Испании о готовности помочь Испании в борьбе с фашистскими реакционерами
16 октября 1936
Автограф И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 318. Л. 7–8]

Помощь испанским республиканцам по стечению обстоятельств буквально через пару дней перестанет быть совсем уж бескорыстной. На основе обращения, полученного от министра труда Испанской Республики Франсиско Ларго Кабальеро, Политбюро 19 октября 1936 г. решило «…ответить испанскому правительству, что мы готовы принять на хранение золотой запас и что мы согласны на отправку этого золотого запаса на наших возвращающихся из испанских портов судах»[1653]. Общий вес испанского золота, переправленного в СССР, составил 510 т на сумму 518 млн долларов по курсу того времени[1654]. Под залог отправленного в СССР золота республиканскому правительству были открыты в европейских банках кредитные линии, использование которых позволяло делать закупки вооружения, прежде всего советского. Причем СССР останется едва ли не единственной страной, которая обеспечивала республиканскому правительству поставки, необходимые для ведения вооруженной борьбы. Советское руководство продолжало поддерживать поставки советского оружия

до начала 1939 г., хотя стратегически война республиканцами была проиграна уже к началу осени предшествующего года.

Гражданская война в Испании завершилась в 1939 г. поражением республиканцев. В ее ходе родился получивший повсеместное распространение термин «пятая колонна», которым с тех пор обозначается внутренний противник, действующий в интересах или по прямому сговору с противником внешним. Угроза со стороны «пятой колонны» внутри СССР станет обостренно восприниматься сталинским руководством как вполне реальная, что повлечет за собой ужесточение внутренней политики.

Одной из целей участия СССР в испанском конфликте, вероятно, являлось установление практического взаимодействия на международной арене с Францией и Великобританией. Неудача взаимодействия с будущими союзниками по антигитлеровской коалиции на испанском направлении в рамках Комитета по невмешательству, подозрения в попустительстве по отношению к франкистам и их германо-итало-португальским партнерам, судя по всему, сыграли значительную роль в росте недоверия (и так немалого) по отношению к ним со стороны Сталина. Исчерпание надежд на создание эффективной системы коллективной безопасности в Европе, судя по всему, заставило Сталина снять англо-французские шоры и допустить любые внешнеполитические комбинации для достижения своих внешнеполитических целей. Их сердцевиной было обеспечение безопасности СССР так, как это понимал сам Сталин и его ближайшее окружение. Все это сыграло важную роль в провале англо-франко-советских переговоров 1939 г. и, наоборот, в успехе проходивших параллельно германо-советских переговоров.

* * *

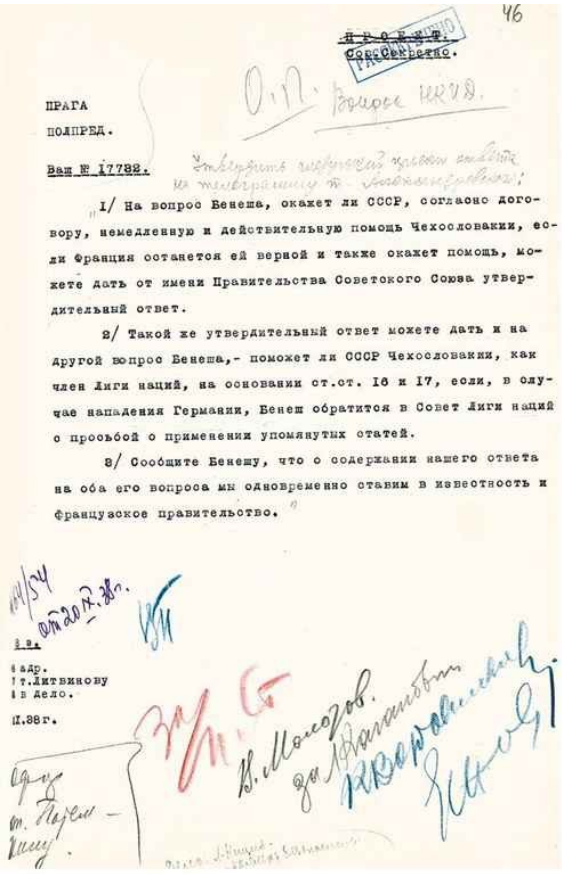
Ключевое значение имели события 1938 г. в Европе, которые ясно обозначали нарастание кризиса в международных отношениях. 12 марта 1938 г. германские войска вошли на территорию Австрии, австрийская армия капитулировала, и 14 марта Гитлер подписал акт об «объединении» Австрии с Германским рейхом. На состоявшемся вскоре плебисците более 99 % населения обеих стран проголосовало за объединение. Так состоялся печально знаменитый «аншлюс» Австрии. Великобритания и Франция, являвшиеся гарантами независимости Австрии, не предприняли практических шагов по обеспечению этой независимости и исполнения данных ими гарантий. 17 марта Советское правительство в «Известиях» опубликовало заявление о готовности «участвовать в коллективных действиях... которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение

усилившейся опасности новой мировой бойни». Советский демарш повиснет в воздухе.

В апреле начал формироваться, а в сентябре достиг апогея уже упоминавшийся Судетский кризис, в основе которого лежало устремление Гитлера к «воссоединению» населенных немцами земель в рамках единого государства, чем и объяснялись германские устремления в отношении Судетской области Чехословакии. В самый его разгар Сталин высказался однозначно за оказание со стороны СССР необходимой помощи Чехословакии. СССР заявило о готовности вступить в войну на стороне Чехословакии в случае нападения на нее Германии. Политбюро приняло соответствующее постановление и утвердило проект ответа на запрос президента Чехословакии Э. Бенеша. Политбюро утвердило также текст ответа на телеграмму полпреда в Праге С. Александровского, передавшего в Москву вопросы чехословацкой стороны: «На вопрос Бенеша, окажет ли СССР согласно договору немедленную и действительную помощь Чехословакии, если Франция останется ей верной и также окажет помощь, можете дать от имени Правительства Советского Союза утвердительный ответ»[1655].

Всего в течение шести месяцев СССР 10 раз официально заявлял о готовности оказать поддержку Чехословакии. Кроме того, по четыре раза соответствующие уведомления в конфиденциальном порядке получали Франция и Чехословакия, трижды — Великобритания[1656]. Неготовность Франции выполнить точно такие же обязательства и отказ Польши пропустить советские войска через свою территорию развяжут Гитлеру руки. «Строгий нейтралитет», означавший отказ в пропуске советских войск через свою территорию, займут и прибалтийские государства[1657]. Судетский кризис найдет свое разрешение в рамках так называемого Мюнхенского сговора Великобритании, Франции, Германии, Италии, который привел к разделу Чехословакии. 1 октября части вермахта пересекли границу Чехословакии и к 10 октября заняли территорию всей Судетской области. В тот же день Чехословакия приняла ультиматум Польши об уступке ей Тешинской области, которую польские войска заняли уже на следующий день. В начале ноября Первый Венский арбитраж отделил от Чехословакии в пользу Венгрии ряд территорий Словакии и Подкарпатской Руси. Именно эти события и стали подлинным прологом Второй мировой войны[1658]. Советский Союз при этом оказался изолирован от участия в решении судьбоносной для Европы проблемы. Подписание советско-германского пакта в августе 1939 г. стало в значительной мере вторичным результатом запущенного годом ранее процесса. Прецедент раздела территории суверенного государства в межвоенный период в центре Европы был создан и автором этого прецедента был не Сталин. Процесс дестабилизации Европы и эфемерный характер усилий обеспечения коллективной безопасности заставил советское руководство продолжить поиск способов

обеспечения собственной безопасности вновь на путях двусторонних договоренностей. При этом обеспечение собственной безопасности совсем не исключало, как мы увидим, и стремления советского руководства к территориальным приобретениям, которые, помимо соображений безопасности, в значительной степени оценивались через призму восстановления особым образом понимаемой исторической справедливости.



46

~~П Р О Е К Т.~~
Сов.Секретно.

ПРАГА
ПОЛПРЕД.

Ваш № 17782.

1/ На вопрос Бенеша, окажет ли СССР, согласно договору, немедленную и действительную помощь Чехословакии, если Франция останется ей верной и также окажет помощь, можете дать от имени Правительства Советского Союза утвердительный ответ.

2/ Такой же утвердительный ответ можете дать и на другой вопрос Бенеша,- поможет ли СССР Чехословакии, как член Лиги наций, на основании ст.ст. 16 и 17, если, в случае нападения Германии, Бенеш обратится в Совет Лиги наций с просьбой о применении упомянутых статей.

3/ Сообщите Бенешу, что о содержании нашего ответа на оба его вопроса мы одновременно ставим в известность и французское правительство.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) об оказании СССР помощи Чехословакии и утверждении ответа на письмо президента Чехословакии Э. Бенеша по этому вопросу

20 сентября 1938

Подписи — автографы И.В. Сталина, В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, К.Е. Ворошилова, Н.И. Ежова

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 592. Л. 46]

Иосиф Виссарионович Сталин
1930-е
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1650. Л. 19 об.]

В то же самое время резкое нарастание роста напряженности будет иметь место в непосредственной близости от границ СССР. Объектом внешнего давления окажется Литва. Германия будет добиваться преференций разного рода для немецкого меньшинства в Мемельском крае, а Польша требовать отказа от Вильно и Виленского края.

В марте Литва получила польский ультиматум из 14 пунктов. Польша добивалась установления дипломатических отношений, от чего в предшествующий период отказывалась Литва из-за оккупации Польшей в 1920 г. Вильно и Виленского края. Установление дипотношений означало бы признание Литвой аннексии Вильно. Нелишне напомнить, что упоминание Вильно был внесен в конституцию Литовской Республики в качестве столицы. Соответственно Польша требовала исключения из конституции этого пункта, подписания конвенции о гарантиях польскому национальному меньшинству в Литве, предоставления льгот в Клайпеде (Мемеле), свободы польскому транзиту и др., в случае отказа Польша угрожала применить силу. 18 марта, то есть на следующий день после начала событий, Москва выступила с заявлением, что Советский Союз заинтересован в сохранении независимости Литвы и выступает против развязывания войны. Великобритания и Франция выступили с аналогичными заявлениями. Польша смягчила содержание ультиматума, ограничившись требованием установить дипотношения и открыть границы для передвижения и связи. Уже на следующий день литовское правительство приняло условия польского ультиматума[1659].

Не успеет обозначиться перспектива урегулирования польско-литовского кризиса, как Литва подвергнется дипломатической атаке со стороны Германии. 25 марта Литва получила от Германии перечень из

11 претензий к ее действиям в Мемельском крае, нарушавшим так называемый Мемельский статут, права и свободы местного немецкого населения. Мюнхенское «урегулирование» развязало руки Германии, которая не замедлила продемонстрировать малым странам Восточной Европы, «кто в этом флигеле европейского дома хозяин». 5 октября Литва получила напоминание о необходимости решения вопросов в Мемельском крае, не оставлявшее сомнений в устремлениях Германии на востоке.

И хотя Советский Союз не имел общей границы с Литвой, как и в случае с Чехословакией, судьба этого государства чрезвычайно заботила советское руководство, ибо утрата ею фактической или, тем более, формально-юридической независимости означала переход в качественно новую фазу формирования на западных границах СССР блока недружественных государств. 19 ноября временный поверенный в делах СССР в Германии Г.А. Астахов, сообщая в Москву о германских устремлениях на литовском направлении и их перспективах, подчеркивал: «Остается невыясненным, ограничатся ли немцы захватом Мемеля, или вопрос стоит о Литве в целом»[1660].

Как выяснится довольно скоро, вопрос стоял не только о Литве. Осенью 1938 г. напряжение возникло на неожиданном — польском — направлении. К этому времени Польша была связана с Германией Декларацией о неприменении силы, имевшей характер договора, а также и польско-германским экономическим соглашением. Но и над Польшей начали сгущаться тучи. Сближение Польши с Германией, очевидные устремления Великобритании и Франции по умиротворению Германии, видимо, дали основание Гитлеру рассчитывать на большее. 24 октября Германия предложила Польше согласиться с включением Данцига в свой состав, разрешить постройку экстерриториальных железной и шоссейной дорог, а также вступить в Антикоминтерновский пакт. В ноябре 1938 г. Политбюро одобрит продление советско-польского договора о ненападении от 1932 г.[1661] Сближение Германии и Польши, происходившее на протяжении 1930-х гг. и сопровождавшееся яркими демонстративными акциями, вызывало растущее беспокойство советского руководства, поэтому пролонгация польско-советского договора, видимо, представлялась Кремлю важным фактором обеспечения безопасности границ Союза ССР. Теми же соображениями, судя по всему, руководствовались и польские лидеры в условиях назревавшего германо-польского конфликта, решение по которому польскому руководству еще предстояло выработать. В свою завершающую фазу восточноевропейский кризис вступит в следующем 1939 г. ...

* * *

Со времен Гражданской войны турецкий вопрос был одним из центральных в европейском послевоенном урегулировании. Он оставался одним из центров внимания со стороны руководства СССР, а отношения с Турецкой Республикой с течением времени приобретали все более важное значение для европейской и ближневосточной политики Москвы. В декабре 1925 г. был подписан советско-турецкий договор, в соответствии с которым стороны обязались соблюдать нейтралитет по отношению друг к другу в случае военного конфликта с третьей стороной, воздерживаться от нападения друг на друга и от участия в союзах, направленных друг против друга, и т. д. В декабре 1929 г. этот договор был пролонгирован, в марте 1931 г. на принципах наибольшего благоприятствования подписан договор о торговле и мореплавании.

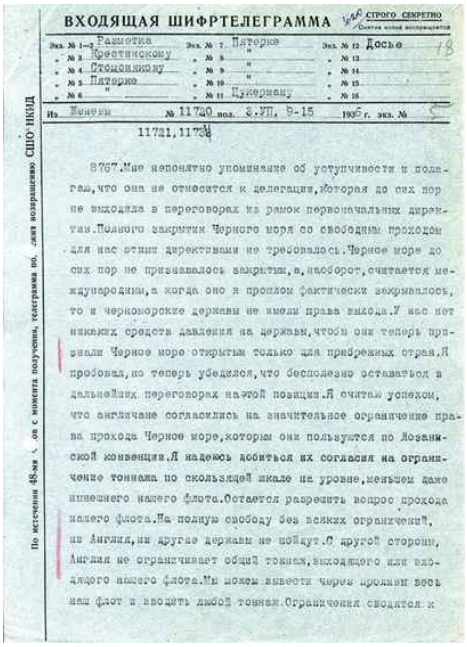
Турция, между прочим, являлась одним из первых направлений советского экспорта высокотехнологичного оборудования. В 1932 г. советское правительство предоставило Турции кредит в размере 8 млн американских долларов для приобретения в СССР новейших машин и промышленного оборудования. Этому будет предшествовать подписание в 1931 г. советско-турецкого торгового договора, который расширял возможности, имевшиеся по договору 1927 г. Впрочем, преувеличивать успехи советской внешнеэкономической деятельности на турецком направлении не стоит. Советский экспорт из Турции в СССР в апреле — июне 1938 г. составлял лишь 2,16 % от общих показателей, а импорт из СССР — 1,96 %[1662].

В конце 1934 г. начались не слишком «внятные» консультации сторон по вопросу о подписании двустороннего пакта о взаимной помощи. Советская дипломатия считала Анкару инициатором этих переговоров. Так, во всяком случае, будет представлять эту ситуацию наркому иностранных дел СССР М.М. Литвинову полпред СССР в Анкаре. Согласно этому сообщению, министр иностранных дел Турции Т. Арас сделал такое предложение полпреду СССР в Турции Л.М. Карахану. Согласно этому пакту, «в случае нападения на проливы мы помогаем Турции защищать их, а в случае нападения на нас турки закрывают Проливы, и мы помогаем защищать их».

В июне — июле 1936 г. в г. Монтре (Швейцария) состоялись переговоры и по их итогам была подписана новая конвенция о режиме черноморских проливов (Босфор и Дарданеллы). Как докладывал в Москву полпред СССР в Анкаре, 12 июня, за десять дней до их начала, Турция устами своего министра иностранных дел Т. Араса «коснется пакта о взаимопомощи» и даже предложит часть советского флота «держать в Смирне (Измире) или на другой базе, так как эффективность его помощи будет больше на подступах к Дарданеллам». Очевидно, что эти консультации имели целью заручиться поддержкой Москвы на переговорах в Монтре[1663]. Содержание и ход этих консультаций в течение 1934 — первой

половине 1936 г. остаются не вполне проясненными и требуют дальнейших исследований. Как бы там ни было, в ходе переговоров в Монтре Литвинов направил Сталину шифротелеграмму, в которой убеждал того в том, что ему удалось добиться гарантий, что советские корабли никогда не получат отказа в проходе через черноморские проливы. Сталин оставил ироничную пометку на этой шифровке: «ха-ха». Он выразил тем самым, вероятно, недоверие к турецкой благожелательности по отношению к интересам СССР, а заодно и к пафосу победной реляции Литвинова[1664].

Конвенция о проливах в Монтре была подписана 20 июля 1936 г. В ней подтверждался принцип свободы мореплавания, она ограничила проход в Черное море военных кораблей нечерноморских держав по общему тоннажу и максимальному водоизмещению одного корабля, срокам пребывания в Черном море. По завершении конференции Литвинов признал, что советская делегация «не полностью, но в весьма значительной степени этих своих целей добилась»[1665]. В течение нескольких месяцев после конференции велись переговоры о двустороннем соглашении между СССР и Турцией, пока 28 октября 1936 г. турецкий посол не сделал официальное заявление в Москве Литвинову о том, что конвенция Монтре достаточно обеспечивает интересы СССР и Турции, а новое соглашение, выходящее за пределы этой конвенции или базирующееся на какой-либо ее части, было бы неуместно и нецелесообразно и, во всяком случае, преждевременно. В специальной литературе среди причин этого отказа Турции подчеркивается важная роль Великобритании, видевшей в советско-турецком союзе угрозу своим стратегическим интересам в восточном Средиземноморье. Именно консультации с Лондоном и его давление во многом и привели к отказу Турции от соглашения с СССР. Естественными и справедливыми стоит признать и опасения Турции быть втянутой в войну в случае вооруженного конфликта с участием СССР[1666]. Невероятной эта перспектива во второй половине 1930-х гг. не выглядела. Такую же позицию, как мы увидим, занял и Сталин, который откажется от предложенного ему подписания соответствующего соглашения с Китаем, из опасения быть втянутым в войну с Японией.



ВХОДЯЩАЯ ШИФРТЕЛЕГРАММА

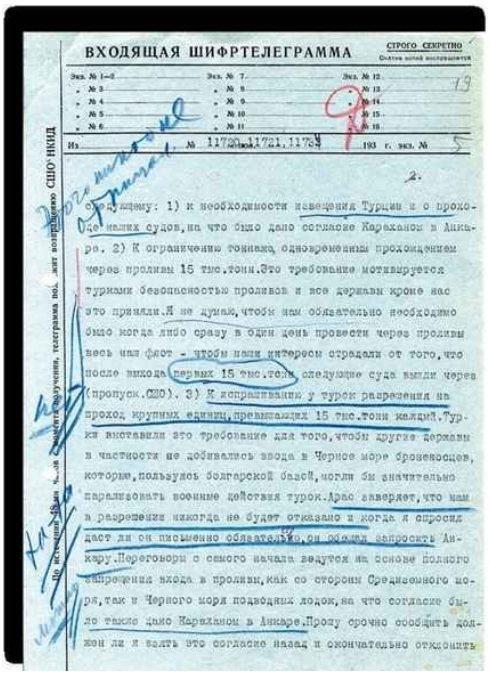
СТРОГО СЕКРЕТНО

Экз. № 1–2 Разметка
№ 3 Крестинскому
№ 4 Стомоняковy
№ 5 Пятерко
№ 6 "
Экз. № 7 Пятерко
№ 8 "
№ 9 "
№ 10 "
№ 11 Цукерману
Экз. № 12 Досье
№ 13
№ 14
№ 15
№ 16

Из Женевы № 11720 пол. 3.УП. 9-15 1936 г. экз. № 5

11721,11734

8767.Мне непонятно упоминание об уступчивости и полагаю,что она не относится к делегации,которая до сих пор не выходила в переговорах из рамок первоначальных директив.Полного закрытия Черного моря со свободным проходом для нас этими директивами не требовалось.Черное море до сих пор не признавалось закрытым,а,наоборот,считается международным,а когда оно в прошлом фактически закрывалось, то и черноморские державы не имели права выхода.У нас нет никаких средств давления на державы,чтобы они теперь признали Черное море открытым только для прибрежных стран.Я пробовал,но теперь убедился,что бесполезно оставаться в дальнейших переговорах на этой позиции.Я считаю успехом, что англичане согласились на значительное ограничение права прохода Черное море,которым они пользуются по Лозаннской конвенции.Я надеюсь добиться их согласия на ограничение тоннажа по скользящей шкале на уровне,меньшем даже нынешнего нашего флота.Остается разрешить вопрос прохода нашего флота.На полную свободу без всяких ограничений, ни Англия,ни другие державы не пойдут.С другой стороны, Англия не ограничивает общий тоннаж,выходящего или входящего нашего флота.Мы можем вывести через проливы весь наш флот и вводить любой тоннаж.Ограничения сводятся к



ВХОДЯЩАЯ ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

Экз. № 1–2
№ 3
№ 4
№ 5
№ 6
Экз. № 7
№ 8
№ 9
№ 10
№ 11
Экз. № 12
№ 13
№ 14
№ 15
№ 16

Из № 11720,11721,11734 193 г. экз. № 5

2.

следующему: 1) к необходимости извещения Турции и о проходе наших судов,на что было дано согласие Караханом в Анкаре. 2) К ограничению тоннажа одновременным прохождением через проливы 15 тыс.тонн.Это требование мотивируется турками безопасностью проливов и все державы кроме нас это приняли.Я не думаю,чтобы нам обязательно необходимо было когда либо сразу в один день провести через проливы весь наш флот - чтобы наши интересы страдали от того,что после выхода первых 15 тыс.тонн следующие суда выйдут через (пропуск.СШО). 3) К испрашиванию у турок разрешения на проход крупных единиц,превышающих 15 тыс.тонн каждый.Турки вкоставили это требование для того,чтобы другие державы в частности не добивались ввода в Черное море броненосцев, которые,пользуясь болгарской базой,могли бы значительно парализовать военные действия турок.Арас заверяет,что нам в разрешении никогда не будет отказано и когда я спросил даст ли он письменно обязательно,он обещал запросить Анкару.Переговоры с самого начала ведутся на основе полного запрещения входа в проливы,как со стороны Средиземного моря,так и Черного моря подводных лодок,на что согласие было также дано Караханом в Анкаре.Прошу срочно сообщить должен ли я взять это согласие назад и окончательно отклонить

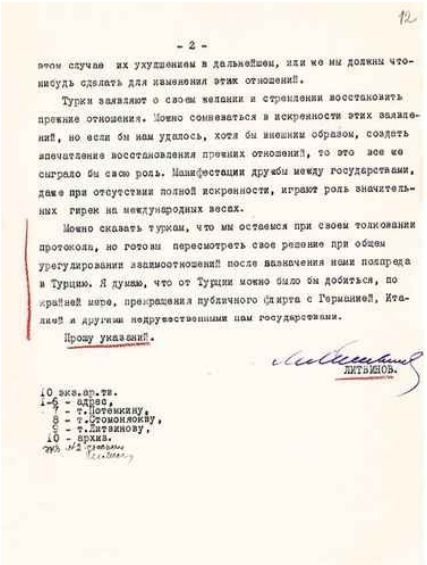
Телеграмма М.М. Литвинова в Политбюро ЦК ВКП(б) о ходе переговоров в Монтре и режиме черноморских проливов с пометками И.В. Сталина

2 июля 1936

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 214. Л. 18–19]

Подписание «конвенции Монтре» не устранило обеспокоенности Москвы, «не полностью» удовлетворенной состоянием безопасности южных рубежей Союза ССР, что в значительной степени зависело от позиции Турции в назревавшем переделе мира. Новый тур весьма значимых советско-турецких переговоров состоялся уже после начала Второй мировой войны. Случилось это после ухода в ноябре 1938 г. в мир иной основателя и первого президента Турецкой республики Кемаля Ататюрка, который не уставал заверять северного соседа в вечной дружбе. Новый президент Турции И. Иненю продолжил эту линию декларативных заявлений о дружбе, ставших частью политико-дипломатического ритуала.

Действовать на советское руководство эти заверения в вечной дружбе с течением временем стали меньше. Выйдя в январе 1937 г. на подписание нового торгового договора, Политбюро поставило в задачу дня добиваться «возможных улучшений» по образцу последних договоров Союза ССР с другими странами; также будет поставлена задача добиться «платежного нетто-баланса», то есть равенства в стоимостном выражении ввоза и вывоза товаров во внешней торговле двух стран[1667].



12

- 2 -

этом случае их ухудшением в дальнейшем, или же мы должны что-нибудь сделать для изменения этих отношений.

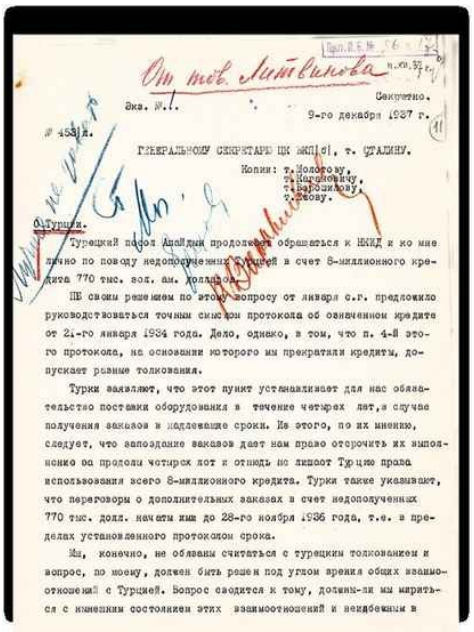
Турки заявляют о своем желании и стремлении восстановить прежние отношения. Можно сомневаться в искренности этих заявлений, но если бы нам удалось, хотя бы внешним образом, создать впечатление восстановления прежних отношений, то это все же сыграло бы свою роль. Манифестации дружбы между государствами, даже при отсутствии полной искренности, играют роль значительных гирек на международных весах.

Можно сказать туркам, что мы остаемся при своем толковании протокола, но готовы пересмотреть свое решение при общем урегулировании взаимоотношений после назначения нами полпреда в Турцию. Я думаю, что от Турции можно было бы добиться, по крайней мере, прекращения публичного флирта с Германией, Италией и другими недружественными нам государствами.

Прошу указаний.

ЛИТВИНОВ.

10 экз.ар.тв.
1-6 - адрес,
7 - т.Потемкину,
8 - т.Стомоняковy,
9 - т.Литвинову,
10 - архив.



От тов. Литвинова

Экз. №1.

Секретно.

9-го декабря 1937 г.

№ 453/л.

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б), т. СТАЛИНУ.

Копии: т. Молотову,
т. Кагановичу,
т. Ворошилову,
т. Ежову.

О Турции.

Турецкий посол Анайдын продолжает обращаться к НКИД и ко мне лично по поводу недополученных Турцией в счет 8-миллионного кредита 770 тыс. зол. ам. долларов.

ПБ своим решением по этому вопросу от января с.г. предложило руководствоваться точным смыслом протокола об означенном кредите от 21-го января 1934 года. Дело, однако, в том, что п. 4-й этого протокола, на основании которого мы прекратили кредиты, допускает разные толкования.

Турки заявляют, что этот пункт устанавливает для нас обязательство поставки оборудования в течение четырех лет, в случае получения заказов в надлежащие сроки. Из этого, по их мнению, следует, что запоздание заказов дает нам право отсрочить их выполнение на пределы четырех лет и отнюдь не лишает Турцию права использования всего 8-миллионного кредита. Турки также указывают, что переговоры о дополнительных заказах в счет недополученных 770 тыс. долл. начаты ими до 28-го ноября 1936 года, т.е. в пределах установленного протоколом срока.

Мы, конечно, не обязаны считаться с турецким толкованием и вопрос, по моему, должен быть решен под углом зрения общих взаимоотношений с Турцией. Вопрос сводится к тому, должны-ли мы мириться с нынешним состоянием этих взаимоотношений и неизбежным в

Докладная записка М.М. Литвинова И.В. Сталину о кредите Турции с резолюцией И.В. Сталина

9 декабря 1937

Резолюция — автограф И.В. Сталина, подписи — автографы В.М. Молотова, Н.И. Ежова, К.Е. Ворошилова, М.М. Литвинова

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 584. Л. 11–12]

В повестку дня заседаний Политбюро вопросы «о Турции» попадали редко. В марте 1937 г. Политбюро отклонило «предложение Турции о предоставлении 100-миллионного кредита», в декабре того же года — просьбу Турции о дополучении «770 тыс. зол. ам. долларов в счет 8-миллионного кредита»[1668].

О. П. 161

О Турции

Сов.секретно.

~~ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПБ.~~

Отклонить предложение Турции о продаже ей самолетов истребителей и бомбардировщиков новейшего типа. Заявить, что в данный момент мы не продаем никому военных самолетов. Раз"яснить при этом, что самолеты новейшего типа нам нужны самим, а предложить Турции самолеты несовременных типов мы не считаем целесообразным.

Вып. Стомонякову
Ворошилову

мм.4 экз.
29.I.37г.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) об отклонении предложения Турции о продаже ей самолетов
31 января 1937
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 568. Л. 161]

Заблокированным окажется и военно-техническое сотрудничество. В конце января 1937 г. Политбюро решило «отклонить предложение Турции и продаже ей самолетов истребителей и бомбардировщиков новейшего типа… Разъяснить при этом, что самолеты новейшего типа нам нужны самим, а предложить Турции самолеты несовременных типов мы не считаем целесообразным»[1669].

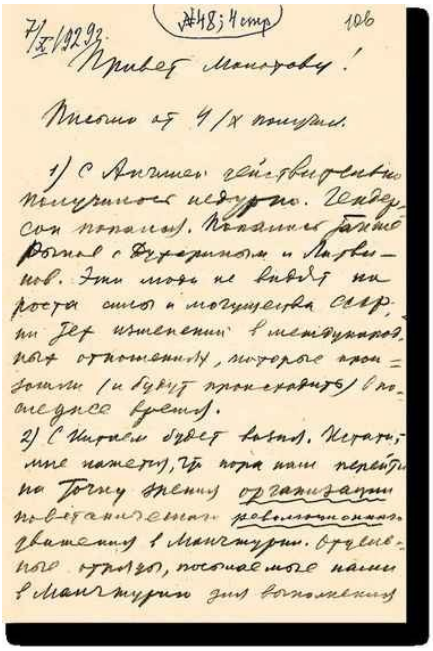
Встреча Молотова и Литвинова в июле 1937 г. с министрами иностранных дел и внутренних дел Турции Арасом и Каем не оставили следов коллективного обсуждения высшего органа политического управления Союза ССР.

В практической политике в середине 1930-х гг. турецкие лидеры, судя по всему, избрали тактику лавирования между англо-французским и германо-итальянским блоками. Очень скоро им, как, впрочем, и советским руководителям, пришлось сделать свой выбор, находясь в драматических обстоятельствах начавшейся войны, поначалу квалифицировавшейся всеми наблюдателями как «европейская». Об этом мы расскажем в следующей главе этой книги.

«Угроза миру, созданная на Дальнем Востоке»

Важнейшим направлением внешней политики СССР надолго стало дальневосточное, а его сердцевиной — взаимоотношения с Китаем. Советское руководство, встав на путь реализации сталинской концепции построения социализма в одной стране, не отказалось, однако, от идеи стимулировать развитие революционных движений в других странах с целью обеспечить их переход к социализму, подорвать мировую колониальную систему. Большевистское руководство обратило свой взор на Восток после многочисленных неудач «революций» на Западе.

С середины 1927 г. Сталин фактически взял курс на разрыв компартии Китая с Гоминьданом и на организацию компартией вооруженных выступлений против всех группировок Гоминьдана. Был выдвинут лозунг создания советов, а советский опыт в этот период казался Сталину вполне применимым и в Китае, несмотря на очевидные социально-экономические различия двух стран. Вскоре была сформулирована установка на создание крупных и стабильных советских территориальных баз и соединений китайской Красной армии в Центральном и Южном Китае. Как отмечается в специальной литературе, ряд таких вооруженных выступлений был санкционирован Политбюро ЦК ВКП(б), как и курс на насаждение советов в целом[1670]. «Соответствующие директивы уже даны Коминтерном нашим китайским товарищам, — говорил Сталин на объединенном заседании ИККИ и ИКК 27 сентября 1927 г. — Мы об этом не кричим, мы этого не афишируем в печати… Пусть наши китайские товарищи проводят сами дело насаждения советов в Китае»[1671].

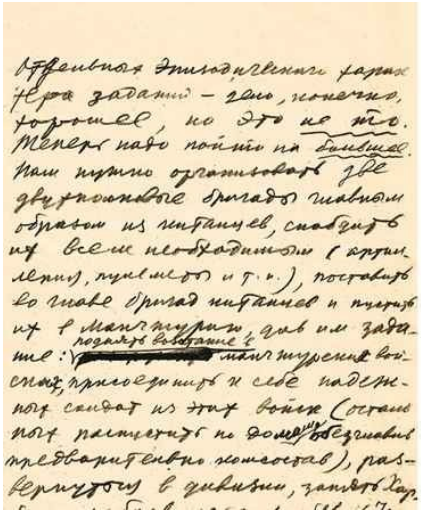

7/X 1929 г. №48; 4 стр. 106

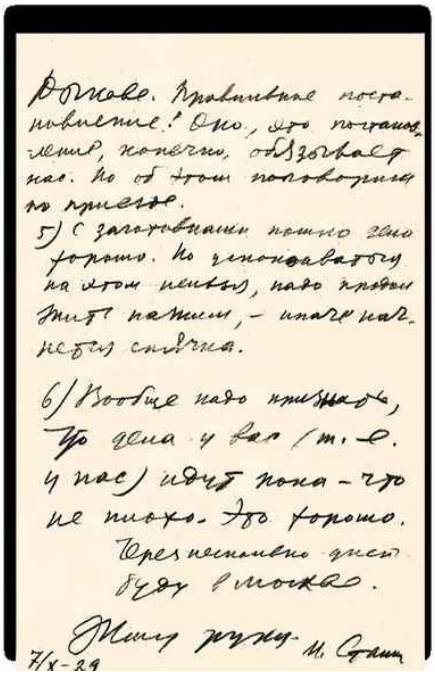
Привет Молотову!

Письмо от 4/X получил.

1) С Англией действительно получилось недурно. Гендерсон попался. Попались также Рыков с Духариным и Литвинов. Эти люди не видят на роста силы и могущества СССР, ни тех изменений в международных отношениях, которые произошли (и будут происходить) в последнее время.

2) С Китаем будет возня. Кстати, мне кажется, что пора нам перейти на точку зрения организации повстанческого революционного движения в Манчжурии. Отдельные отряды, посылаемые нами в Манчжурию для выполнения





Письмо И.В. Сталина В.М. Молотову об отношениях СССР с Англией, Китаем, о революционном движении в Маньчжурии, возможном исключении Н.И. Бухарина из Политбюро

7 октября 1929

Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 106–107 об.]

В октябре 1929 г. Сталин написал Молотову: «...мне кажется, что пора нам перейти на точку зрения организации повстанческого революционного движения в Маньчжурии. Отдельные отряды... для выполнения отдельных эпизодического характера заданий — дело, конечно, хорошее, но это не то. Теперь надо пойти на большее. Нам нужно организовать две двухполковые бригады главным образом из китайцев, снабдить их всем необходимым (артиллерия, пулеметы и т. п.), поставить во главе бригад китайцев и пустить их в Маньчжурию, дав им задание: поднять восстание в маньчжурских войсках, присоединить к себе надежных солдат... развернуться в дивизии, занять Харбин и, набравшись сил... установить революционную власть (погромить помещиков, привлечь крестьян, создать советы в городах и деревнях и т. п.). Это необходимо» [1672].

В это время Сталин занял ключевое место в определении курса развития советско-китайских отношений и советской политики на этом направлении вообще. Из руководства ИККИ были вытеснены Н.И. Бухарин, «правые» и «примиренцы к ним». После марта 1928 г. прекратила работу Китайская комиссия Политбюро, последовательно сокращалось количество его заседаний, на которых рассматривались китайские вопросы. Регулярные обсуждения второй половины 1920-х гг. ушли в прошлое. В 1930 г. такой вопрос был заслушан единожды, в 1931 г. — ни разу. В исторической литературе высказано мнение, что такое «самоотстранение» Политбюро от принятия протоколировавшихся постановлений отразило в том числе стремление советского руководства не оставлять документальных свидетельств своих действий после серии провалов политики в Китае в 1927 г.[1673] Не только Политбюро, но и Исполком Коминтерна, начиная с сентября 1931 г. и вплоть до VII конгресса Коминтерна (июль — август 1935 г.) не принял ни одной развернутой резолюции о задачах КПК[1674]. Сталин сосредоточил в своих руках всю работу на китайском направлении.

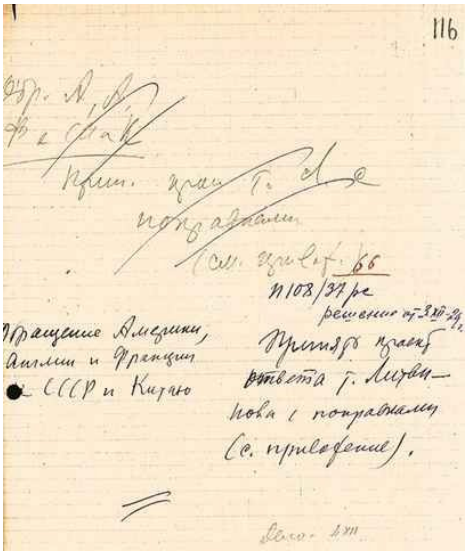
Едва ли не в последний раз к коллективному формату обсуждения Сталин вернулся в момент обострения советско-китайских отношений. «Разрешение всех вопросов, касающихся советско-китайского конфликта» было поручено в начале декабря 1929 г. комиссии Политбюро в составе трех его членов — Сталина, Рыкова, Ворошилова и двух руководителей наркоминдела — Литвинова и Карахана[1675]. Кризис, который предстояло разрешить комиссии, разразился летом 1929 г. Одним из узлов нарастания напряженности советско-китайских отношений стала КВЖД. Находившаяся в собственности СССР, она была объектом притязаний со стороны китайского правительства. В июле 1929 г. Китай предпринял попытку аннексировать КВЖД. Сталин пересмотрел свои подходы предшествующего времени, решив отстаивать интересы СССР вооруженным путем. В октябре состоялся довольно масштабный военный конфликт, в ходе которого части Красной армии нанесли поражение китайским войскам на территории

Маньчжурии[1676]. Таким образом, первое в межвоенный период крупное военное столкновение с враждебным Союзу ССР капиталистическим миром произошло не на Западе, а на Востоке. Попытку вмешательства Запада в советско-китайские дела советские руководители, как сообщил Сталин Молотову в письме от 5 декабря 1929 г., «довольно грубо отбрили ...Пусть знают большевиков!»[1677] За два дня до этого Совнаркому СССР были вручены заявления правительств США, Франции и Великобритании, в которых выражалась надежда на то, что «Китай и Россия воздержатся или откажутся от враждебных мер и сочтут возможным прийти между собой в ближайшее время к соглашению о разрешении мирными средствами всех вопросов», являющихся предметом конфликта. В тот же день Политбюро рассмотрело ответ, который включит в себя, в частности, такой пассаж: «Советское правительство не может не выразить своего изумления, что Правительство Соединенных Штатов Америки, которое по собственному желанию не находится ни в каких официальных отношениях с Правительством Советского Союза, находит возможным обращаться к нему с советами и указаниями» [1678].

Еще в рамках санкционированного им «советского движения» в Китае, с переменным успехом развивавшегося до конца 1931 г., Сталин начал пересматривать свои подходы к перспективам «советизации» Китая. В немалой степени этому поспособствовал ультралевый курс, который в это время проводило Политбюро КПК. Он заключался в повсеместном проведении стачек, организации восстаний, штурма крупных городов силами китайской Красной армии с тем, чтобы вызвать «взрыв» мировой войны, а вслед за тем и мировой революции, которая и должна была обеспечить победу революции в Китае[1679]. Это покажется Сталину чрезмерным. В письме к Молотову 13 августа 1930 г. Сталин сообщал: «Крен китайцев фантастичен и опасен. Всеобщее восстание в Китае в данной обстановке — чепуха. Организация совправительства есть курс на восстание, но не во всем Китае, а там, где есть шансы на успех. Китайцы уже наглупили, поторопившись с захватом Чанша. Теперь они хотят наглупить во всем Китае. Этого нельзя допустить»[1680].

В июле 1930 г., руководствуясь решением бюро делегации ВКП(б) в ИККИ, согласованным со Сталиным, Исполком Коминтерна принял резолюцию «по китайскому вопросу» и направил в ЦК КПК телеграмму, текст которой был утвержден на заседании Политбюро 25 августа 1930 г. В ней китайским товарищам рекомендовалось «решительно отвергнуть» планы организации вооруженных восстаний в крупнейших городах, а призывы рабочих к вооруженным восстаниям будут названы «вреднейшим авантюризмом». Советские руководители призвали Политбюро КПК «решительно отвергнуть такие планы». Вместо «авантюристических путчей» предлагалась «немедленная мобилизация всей партии, всех революционных рабочих на самую энергичную,

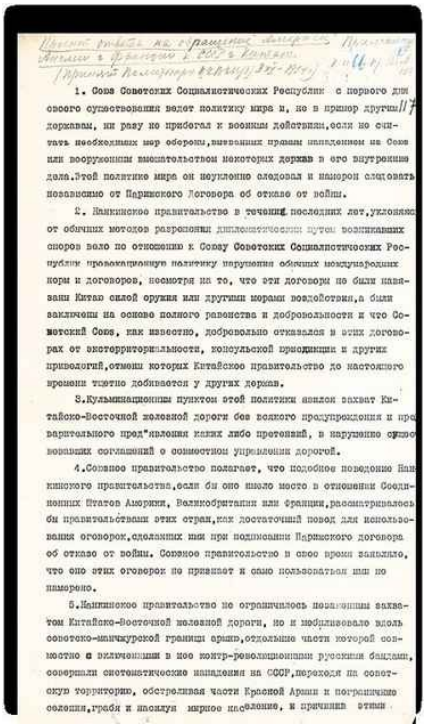
кропотливую работу... по разложению милитаристических армий... по организации экономических и политических массовых боев пролетариата — забастовок, демонстраций и проч.», при этом требовалось популяризировать Советское правительство[1681].



116

Обращение Америки, Англии и Франции к СССР и Китаю

Принять проект ответа т. Литвинова с поправками (см. приложение).



1. Союз Советских Социалистических Республик с первого дня своего существования ведет политику мира и, не в пример другим державам, ни разу не прибегал к военным действиям, если не считать необходимых мер обороны, вызванных нападением на Союз или вооруженным вмешательством некоторых держав в его внутренние дела. Этой политике мира он неуклонно следовал и намерен следовать независимо от Парижского Договора об отказе от войны.

2. Пекинское правительство в течение последних лет, уклоняясь от обычных методов разрешения дипломатическим путем возникающих споров вело по отношению к Союзу Советских Социалистических Республик провокационную политику нарушения обычных международных норм и договоров, несмотря на то, что эти договоры не были навязаны Китаю силой оружия или другими мерами воздействия, а были заключены на основе полного равенства и добровольности и что Советский Союз, как известно, добровольно отказался в этих договорах от экстерриториальности, консульской юрисдикции и других привилегий, отмены которых Китайское правительство до настоящего времени тщетно добивается у других держав.

3. Кульминационным пунктом этой политики явился захват Китайско-Восточной железной дороги без всякого предупреждения и предварительного предъявления каких либо претензий, в нарушение существовавших соглашений о совместном управлении дорогой.

4. Союзное правительство полагает, что подобное поведение Пекинского правительства, если бы оно имело место в отношении Соединенных Штатов Америки, Великобритании или Франции, рассматривалось бы правительствами этих стран, как достаточный повод для использования оговорок, сделанных ими при подписании Парижского договора об отказе от войны. Союзное правительство в свое время заявило, что оно этих оговорок не признает и само пользоваться ими не намерено.

5. Пекинское правительство не ограничилось незаконным захватом Китайско-Восточной железной дороги, но и мобилизовало вдоль советско-манчжурской границы армии, отдельные части которой совместно с включенными в нее контр-революционными русскими бандами, совершали систематические нападения на СССР, переходя на советскую территорию, обстреливая части Красной Армии и пограничные селения, грабя и насилуя мирное население, и причиняя этим

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) об утверждении проекта ответа на обращение Америки, Англии и Франции к СССР и Китаю

3 декабря 1929
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 813. Л. 116, 117–119]

Поражение «советского движения» в 1932–1935 гг., выразившееся в утрате основных советских баз в Центральном и Южном Китае, в конечном итоге привело к изменению политики Москвы на китайском направлении. Сталин поддержал смену курса по китайскому вопросу в направлении формирования политики «единого антиимпериалистического фронта». Ознакомившись с пространным проектом директивы ИККИ секретариату китайской компартии, направленным ему Димитровым в июле 1936 г., Сталин наложил короткую резолюцию: «За»[1682].

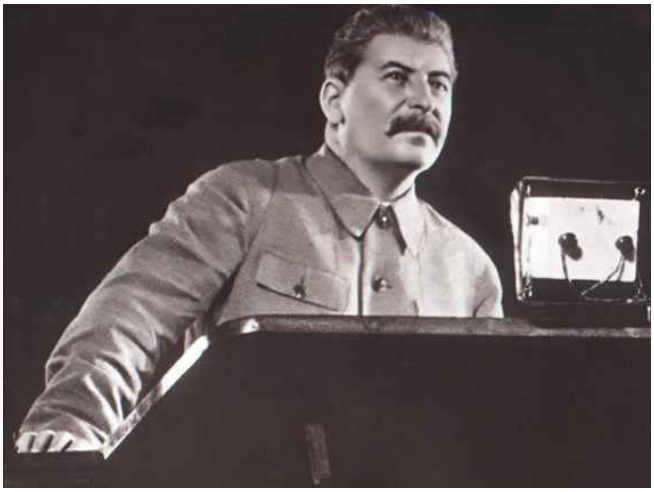
Георгий Михайлович Димитров
1935
[РГАСПИ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 272]

В значительной степени смену политических установок простимулировало японское вторжение в Китай, последовавшее в 1937 г. вслед за установлением в 1931 г. марионеточного режима в Маньчжурии. 19 января 1937 г. Сталин принял генерального секретаря Исполкома Коминтерна Димитрова в Кремле в присутствии Молотова и секретарей ЦК и во время этой встречи подтвердил «курс на поддержку всех мероприятий Гоминьдана и нанк[инского] правит[ельства], направленных на прекращение гражд[анской] войны и объединение всех сил кит[айского] народа в борьбе против японской агрессии».

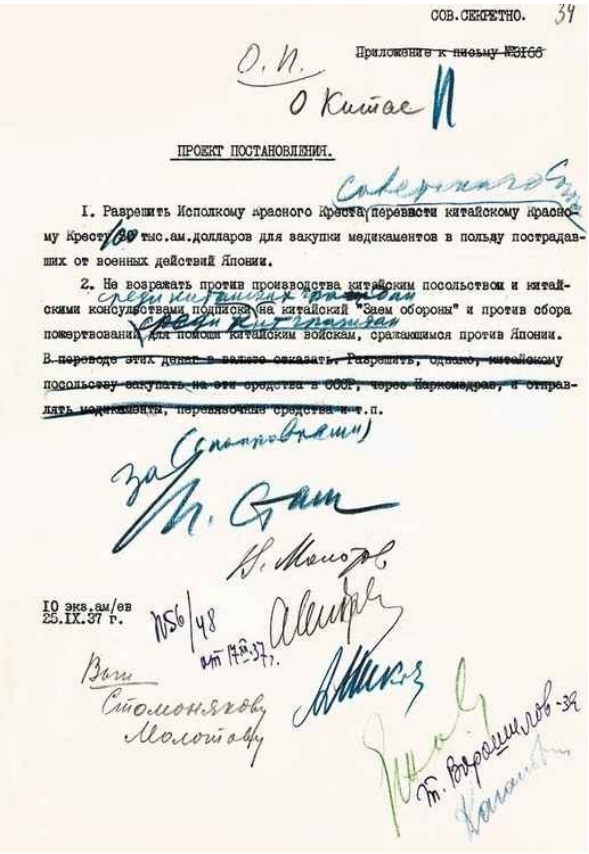
В целях достижения этого «объединения» Сталин отказался от идеи «советизации» и рекомендовал запросить китайский ЦК, «не находит ли [он] уже своевременным перейти от советской системы к системе народно-революционного управления со всеми вытекающими

из этого выводами»[1683]. 21 августа 1937 г. СССР и Китай подписали пакт о ненападении. Это случилось через полтора месяца после начала прямого японского вторжения в Китай. Сталин таким образом способствовал легитимизации вставшего на ноги в Китае гоминьдановского режима, закрыв глаза на антикоммунизм руководителя Гоминьдана Чан Кайши. Димитров в своем дневнике в декабре 1936 г. зафиксировал, как именно вмешательство Сталина, судя по всему, предотвратило расправу над Чан Кайши, захваченного восставшими в Сиани армейскими частями. Такой исход конфликта Сталин назовет самой большой пользой, «которую можно было оказать Японии». Тогда в кремлевском кабинете Сталина был согласован текст телеграммы в КПК о необходимости мирного решения возникшего конфликта[1684].

В ноябре 1937 г. Сталин принял в Кремле трех членов ЦК КПК, в ходе которой вновь была подчеркнута целесообразность умеренных лозунгов, указывалось, что задачей КПК является «ее вливание в общенациональную войну» против Японии, «за независимость китайского народа», «за свободный Китай против японских завоевателей». Предостерег Сталин китайских товарищей и от стремления забегать вперед, ставя вопрос о некапиталистическом пути развития, «ведь капитализм в Китае развивается». «Сейчас, — сказал Сталин, — самое главное война, а не аграрная революция, не конфискация земли». Лишь когда война закончится, тогда встанет вопрос, «каким образом им [китайцам] воевать между собой». Значительную часть разговора Сталин посвятил анализу международной обстановки: «Ни Англия, ни Америка не хотят, чтобы Китай победил… Победа Китая окажет свое воздействие на Индию, Индокитай и др. Они хотят, чтобы в результате войны Япония ослабла, но [в то же время они] не допустят, чтобы Китай встал на ноги. Им хочется в лице Японии иметь цепную собаку для того, чтобы пугать Китай, как раньше царскую Россию, но [в то же время] не хотят, чтобы эта собака сама съела свою жертву»[1685].



И.В. Сталин за трибуной
1937
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1650. Л. 20 об.]



СОВ.СЕКРЕТНО. 34

~~Приложение к письму №3166~~

О.П.

О Китае

ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ.

1. Разрешить Исполкому Красного Креста перевести китайскому Красному Кресту 100 тыс.ам.долларов для закупки медикаментов в пользу пострадавших от военных действий Японии.

2. Не возражать против производства китайским посольством и китайскими консульствами подписки на китайский "Заем обороны" и против сбора пожертвований для помощи китайским войскам, сражающимся против Японии. ~~В переводе этих денег в валюте отказать. Разрешить, однако, китайскому посольству закупать на эти средства в СССР, через Наркомздрав, и отправлять медикаменты, перевязочные средства и т.п.~~

(с поправками)

За

Н. Сталин

В. Молотов

10 экз.ам/ев
25.IX.37 г.

№56/48

от 17.IX.37 г.

Вып.
Стомонякову
Молотову

Т. Ворошилов-39

Постановление ЦК ВКП(б) о переводе исполкомом Красного Креста СССР 100 тысяч долларов китайскому Красному Кресту с правкой И.В. Сталина

17 декабря 1937

Правка — автограф И.В. Сталина, подписи — автографы И.В. Сталина, В.М. Молотова, А.А. Андреева, А.И. Микояна, Н.И. Ежова, Л.М. Кагановича

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 584. Л. 34]

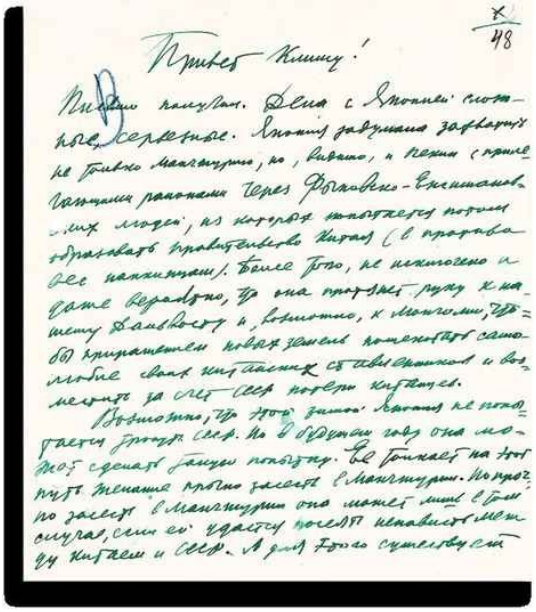
Сталин, конечно, не ограничится «методической» помощью китайским товарищам. По доступным сегодня документам, компартия Китая получила из СССР по разным каналам в период антияпонской войны в 1937, 1938, 1940 и 1941 гг. 3 852 394 ам. дол. [1686]

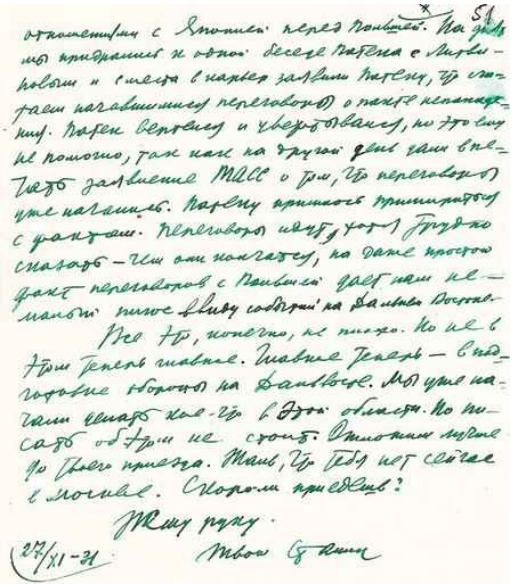
Одновременно Сталин оказывал материальную поддержку не только коммунистам, но и режиму Чан Кайши, подталкивая его к практическим шагам по созданию единого (с участием коммунистов) национального антияпонского фронта. СССР после подписания договора о ненападении открыло Китаю кредитную линию на 50 млн долларов для закупки советской военной техники, боеприпасов и снаряжения, при этом была сделана оговорка, согласно которой четвертая или пятая часть поставок должна была выделяться вооруженным соединениям коммунистов. Всего в 1938–1939 гг. китайское правительство получило займов на 250 млн ам. дол., советским вооружением в первые годы войны были обеспечены 24 дивизии [1687].

Под пристальным вниманием Москвы находились и руководящие кадры КПК. На VII конгрессе Коминтерна прозвучало имя Мао Дзэдуна в числе имен выдающихся деятелей коммунистического движения, Чжоу Эньлая в период его пребывания в Москве в апреле — августе 1930 г. несколько раз примет Молотов и однажды Сталин. В исторической литературе отмечается, что Москва активно способствовала выдвижению Мао Дзэдуна в число ведущих фигур в руководстве КПК и китайской Красной армии[1688].

В этом контексте читателю должно стать понятно, почему японское направление, тесно переплетаясь с китайским, заняло одно из ключевых мест во внешней политике СССР с сентября 1931 г., когда она совершила вторжение в Китай и оккупировала его северо-восточные провинции (Маньчжурию). Созданное на территории Маньчжурии марионеточное государство Маньчжоу-Го стало плацдармом для японских экспансионистских устремлений на континенте. Уже тогда советское руководство имело в виду угрозы безопасности, формировавшиеся в этом регионе мира. Им придавалось не меньшее значение, чем политике безопасности на европейском направлении, где множественность центров силы создавало большее пространство для внешнеполитических маневров. После вторжения Японии в Маньчжурию Советское правительство заявило о невмешательстве в конфликт, подчеркнув, что «проводит строгую политику мира и мирных

отношений. Оно придает большое значение сохранению и укреплению существующих отношений с Японией. Оно придерживается политики строгого невмешательства в конфликты между разными странами»[1689]. В ноябре 1931 г. Сталин написал Ворошилову: «Дела с Японией сложные, серьезные. Япония задумала захватить не только Маньчжурию, но, видимо, и Пекин с прилегающими районами… Более того, не исключено и даже вероятно, что она протянет руку к нашему Дальвосту и, возможно, к Монголии… Если мы не займемся сейчас же организацией ряда серьезных предупредительных мер военного и невоенного характера, — то японцы смогут осуществить свой план» [1690].


Привет Климу!



Письмо И.В. Сталина К.Е. Ворошилову о положении в Маньчжурии и советско-японских отношениях
27 ноября 1931
Автограф И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 38. Л. 48–51]

Климент Ефремович Ворошилов
1930-е
[Из открытых источников]

49

Чурин. Мильвин

Монгол. 4/II 32 г. Сеч.

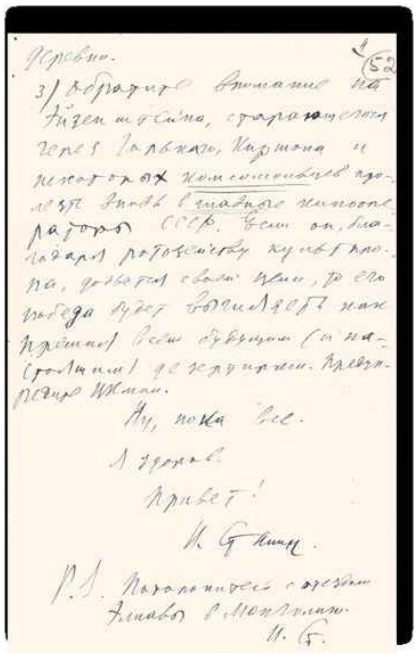
Правительство, т. Казанович
(для членов ПБ).

1). Мой ответ о Монголии, должно быть, уже получили. Самое бы лучшее — обойтись без ввода войск. Нельзя смешивать Монголию с Казакстаном или Бурятией. Главное — надо заставить монг. пр-во изменить полит. курс в корне. Надо отстранить (временно) „левачков" и выдвинуть вместо них на места министров и руководителей ЦК монголии — людей, способных проводить новый курс, т.е. нашу политику. Из „левачков" нужно сохранить на постах лишь наиболее способных и разсудительных (с точки зрения нашей политики), сохранивших авторитет среди монгольск. масс. Обновленное монг. пр-во должно объ-

56

вить всенародно, что в области внутренней политики допущены ошибки (хозяйство, религия и т.п.) и что эти ошибки будут немедля исправлены. Оно должно объявить, что главари повстанцев являются агентами китайских и, особенно, японских империалистов, стремящихся лишить монголию свободы и независимости, что оно будет ввиду этого вести с ними непримиримую борьбу до полного их уничтожения. Оно должно объявить амнистию всем рядовым повстанцам, сдающим правительству оружие и изъявляющим покорность. Все это, как и изменения в составе правительства, нужно проделать через хурулдан, срочный созыв которого нужно подготовить тщательно и разумно.

В этом теперь главное, а не вводе войск.



Письмо И.В. Сталина Л.М. Кагановичу о положении в Монголии, взаимоотношениях города и деревни и поведении С.М. Эйзенштейна
4 июня 1932
Автограф И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 49–52]

В этом контексте становится понятной нервная реакция советского руководства на события, происходившие в Монголии, граничившей с Маньчжоу-Го. Там весной 1932 г. началось антиправительственное восстание[1691]. 16 марта Политбюро создало специальную Монгольскую комиссию во главе с наркомом обороны Ворошиловым[1692].

16 мая оно заслушало вопрос «О Монголии» и приняло решение о корректировке политического курса в этой стране. Монгольское руководство было подвергнуто критике за слепое копирование политики советской власти в СССР. Монгольским «союзникам» Москвы было предложено отказаться от коллективизации, ликвидации частной торговли, то есть проводить политику, «соответствующую буржуазно-демократической республике»[1693]. Дело дойдет до того, что в момент обострения внутриполитической обстановки в Монголии в начале июня 1932 г. члены Политбюро, остававшиеся в Москве, запросят мнение Сталина о вводе советских войск в Монголию. 4 июня Сталин порекомендует: «Самое бы лучшее — обойтись без ввода войск. Нельзя смешивать Монголию с Казакстаном или Бурятией. Главное — надо заставить монгольское правительство изменить политический курс в корне… Конечно, если положение в Урге безнадежно (в чем я сомневаюсь…), — можно пойти на ввод бурят-монгольских частей, но на

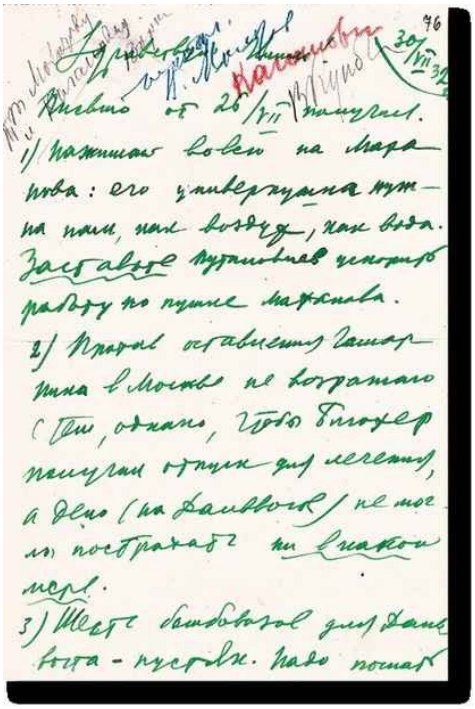
эту штуку как временную меру можно пойти лишь в самом крайнем случае, имея при этом в виду, что ввод войск есть второстепенная и дополнительная мера к главной мере — к изменению политического курса»[1694].

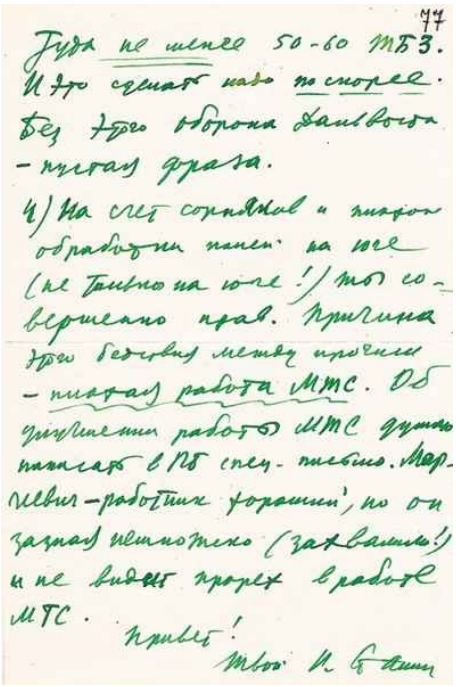
Отсутствие прямой санкции Сталина не позволило реализовать планы военного вторжения в Монголию. Преувеличивать независимость монгольского руководства и степень толерантности Сталина по отношению к монгольскому сателлиту, однако, не стоит. Еще в ноябре 1930-го, заслушав вопрос «О Монголии», Политбюро приняло решение «считать абсолютно необходимым посылку специального представителя ИККИ в Монголию для руководства ЦК Монгольской Нар. Рев. партии»[1695]. В конце 1930-х гг. каток Большого террора с участием «специальных» советских представителей докатился из Советского Союза и до его восточного сателлита. «Великие репрессии» — под таким названием вошли эти события в общественное сознание современной Монголии[1696].

Но вернемся к вопросу, который заботил Сталина намного больше, ведь экспансионизм Японии приобретал глобальный характер, выплескиваясь в непосредственной близости от советских границ. В упоминавшихся выше директивах советской делегации на переговорах в Женеве на конференции по разоружению, принятых с поправками Сталина на заседании Политбюро 8 января 1932 г., последним 18-м пунктом было записано: «В политических выступлениях делегация при каждом удобном моменте обязательно обращает внимание конференции на угрозу миру, созданную на Дальнем Востоке, угрозу, опрокидывающую всякую возможность разоружения или какого бы то ни было сокращения вооружения»[1697].

Сразу после оккупации Маньчжурии Японией СССР поставил вопрос в Лиге Наций о принятии против агрессора санкций вплоть до военных акций, выражая готовность принять в них участие своими вооруженными силами[1698]. Не будучи поддержан западными державами, в 1932 г. Сталин начал активно выстраивать линию переговоров СССР с Японией по ряду вопросов. Так, в письме Кагановичу в начале июня 1932 г. он поручил заявить о готовности «изучать вопрос о формальном признании» Маньчжоу-Го[1699]. Ставили этот вопрос перед советским руководством и японские дипломатические представители. Сталин понимал: «…японцы рассчитывают поссорить нас с Китаем или с Маньчжурией: если признаем Маньчжурию — рассоримся с Китаем, если откажемся признать — рассоримся с Маньчж[урским] пр[авительств]ом». Каганович ознакомил членов советского руководства, остававшихся в Москве, с рекомендациями Сталина, и Политбюро приняло постановление, которое почти дословно их воспроизводило: «Совпра в настоящее время изучает вопрос о формальном признании Манчжуго, а также в связи с этим и факт непризнания Манчжуго со стороны Японии.

По изучению вопроса, каковое изучение, к сожалению, тормозится уходом в отпуск в летнее время членов ЦИК, без которых нельзя принять решения по этому вопросу, — мы сообщим о результатах. Совпра в принципе никогда не отвергало и не отвергает признания Манчжуго де-юре, но практически такие вопросы не решаются сразу…» Этот ответ поручалось одновременно довести до сведения маньчжурского и японского правительств[1700].




77
Туда не менее 50-60 ТБЗ.
И это сделать надо по скорее.
Без этого оборона Дальвоста
— пустая фраза.
4) На счет сорняков и плохой
обработки полей на юге
(не только на юге!) ты со-
вершенно прав. Причина
этого бедствия между прочим
— плохая работа МТС. Об
улучшении работы МТС думаю
написать в ПБ спец. письмо. Мар-
гевич — работник хороший, но он
зазнал немножко (захвалили!)
и не видит прорех в работе
МТС.
Привет!
Твой И. Сталин

Письмо И.В. Сталина К.Е. Ворошилову об обороне Дальнего Востока
30 июля 1932
Автограф И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 38. Л. 76–77]

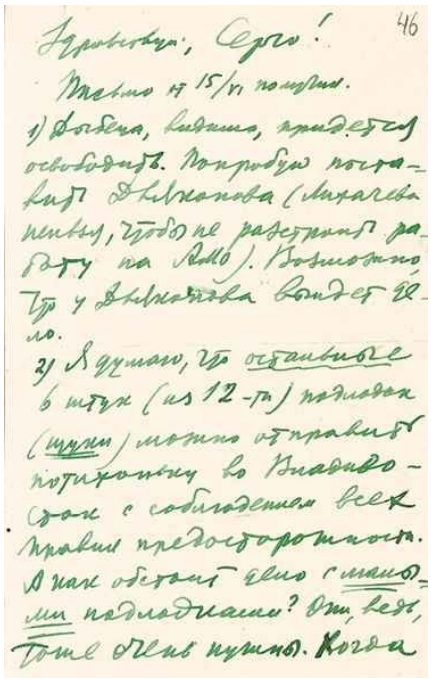
Япония признала Маньчжоу-Го 16 сентября, но Сталин вел дипломатические игры с Японией вокруг признания ее сателлита достаточно продолжительное время. И хотя Советский Союз пошел на признание этого государства одним из первых, де-факто это случилось не слишком скоро — 23 марта 1935 г. Причем к этому моменту Лига Наций отказалась признать Маньчжоу-Го, а Япония вышла из состава Лиги. Так что умиротворение агрессора встало в повестку дня как практическая задача на Востоке раньше, чем на Западе. Признание Союзом ССР Маньчжоу-Го де-юре состоялось 13 апреля 1941 г. в прямой связи с подписанием пакта о ненападении с Японией, о чем речь еще впереди. Сателлит Японии был признан 23 государствами из 80 существовавших на тот момент, что является более значительным результатом, чем тот, которого удалось тогда достичь Монголии.

К «серьезным предупредительным мерам невоенного характера» без сомнения следует отнести усилия Сталина по ускорению подписания пакта о ненападении с Польшей, о чем было рассказано выше. Польша, как мы помним, на западном театре виделась советскому руководству в эти годы главным военным противником Советского Союза, и купирование рисков военного столкновения на

Западе в момент обострения на Востоке представлялось Сталину необходимым элементом политики обеспечения безопасности.

Военные меры в этом направлении начали прорабатываться еще до вторжения Японии в Маньчжурию, поскольку ее военные приготовления и рост экспансионизма не оставляли сомнений в ее устремлениях. Еще в июне 1931 г. нарком обороны Ворошилов в письме своему первому заместителю Я.Б. Гамарнику назвал важнейшей задачей «подработать вопрос о защите Д[альнего] В[остока] и Севера», где кроме береговой обороны надлежало «строить надводный, а главное подводный флот»[1701]. В июле 1932 г. в письме Ворошилову Сталин подчеркнул роль авиации в обеспечении безопасности региона: «Шесть бомбовозов для Дальвоста — пустяк. Надо послать туда не менее 50–60 ТБ-3 и это сделать надо поскорее. Без этого оборона Дальвоста — пустая фраза»[1702].

В прямой связи с экспансией Японии на Дальнем Востоке следует рассматривать решение советского руководства о создании Морских сил Дальнего Востока, принятое Политбюро 30 апреля 1932 г. (в 1935 г. переименованы в Тихоокеанский флот). В связи с переброской во Владивосток подводных лодок в июне 1932 г. Сталин в письме Г.К. Орджоникидзе заявил: «Японцы конечно (конечно!) готовятся к войне с СССР, и нам надо быть готовыми (обязательно!) ко всему»[1703].

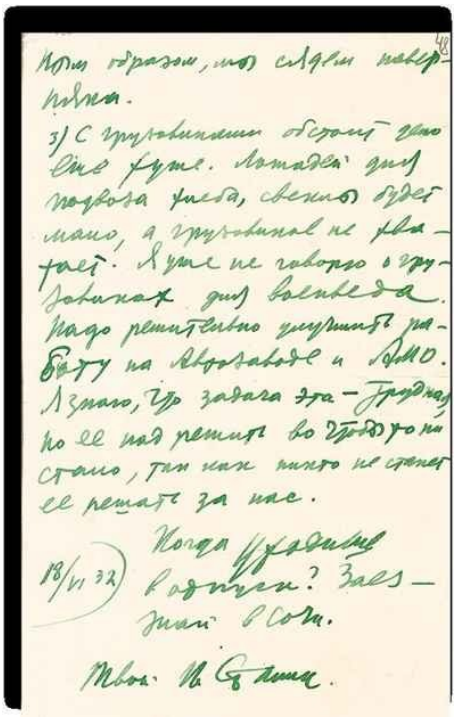

46

Здравствуй, Серго!

Письмо от 15/VI получил.

1) Дыбеца, видимо, придется освободить. Попробую поставить Дьяконова (Лихачева нельзя, чтобы не разстроить работу на АМО). Возможно, что у Дьяконова выйдет дело.

2) Я думаю, что остальные 6 штук (из 12-ти) подлодок (щуки) можно отправить потихоньку во Владивосток с соблюдением всех правил предосторожности. А как обстоит дело с малыми подлодками? Они, ведь, тоже очень нужны. Когда



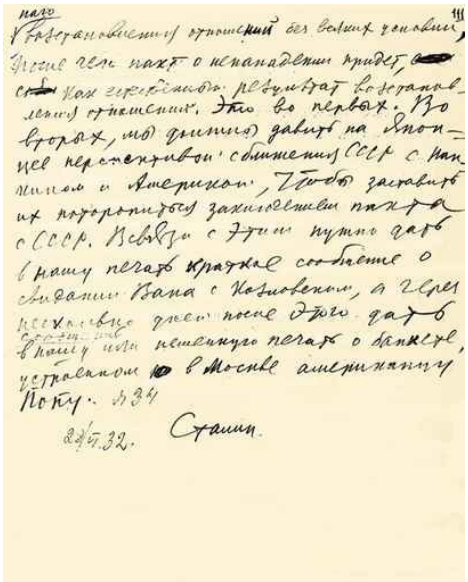
Письмо И.В. Сталина Г.К. Орджоникидзе о переброске подводных лодок во Владивосток и подготовке Японии к войне
18 июня 1932
Автограф И.В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 11. Д. 779. Л. 46–48]

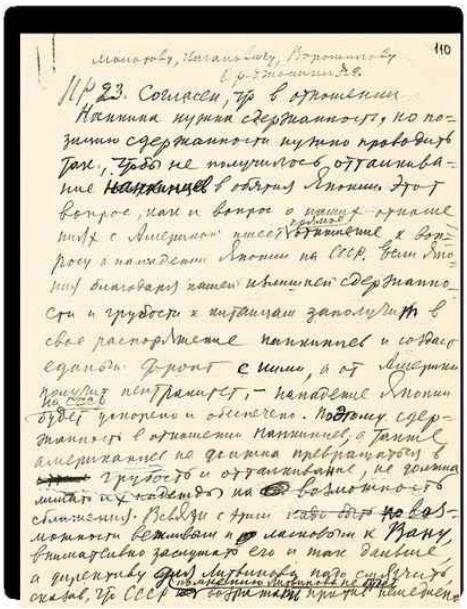
Отношения с Японией, Китаем и США виделись Сталиным в качестве комплексной проблемы. Отвечая 28 июня 1932 г. на коллективное письмо членов Политбюро к нему, Сталин согласился с их мнением о том, что в отношении гоминьдановского правительства в Нанкине «нужна сдержанность, но политику сдержанности нужно проводить так, чтобы не получилось отталкивание нанкинцев в объятия Японии. Этот вопрос, как и вопрос о наших отношениях с Америкой, имеет прямое отношение к вопросу о нападении Японии на СССР. Если Япония благодаря нашей излишней сдержанности и грубости к китайцам заполучит в свое распоряжение нанкинцев и создаст единый фронт с ними, а от Америки получит нейтралитет, — нападение Японии на СССР будет ускорено и обеспечено»[1704].

СССР вступил в переговоры с Японией и о подписании пакта о ненападении, о чем также идет речь в процитированном выше письме Сталина соратникам: «Мы должны давить на Японию перспективой сближения СССР с Нанкином и Америкой, чтобы заставить их поторопиться с заключением пакта с СССР»[1705]. Сохранившиеся документы Сталина говорят о том, что в первой половине 1930-х гг. он

раздумывал о возможности коллективных усилий по обеспечению мира на Дальнем Востоке по образцу тех мер, которые реализовывались советским руководством на европейской арене. В письме к Кагановичу от 10 августа 1934 г. он затронул вопрос о советско-американских переговорах и рекомендовал: «Мы могли бы пойти на некоторые уступки Рузвельту. Имейте в виду, что соглашение с Рузвельтом может облегчить нам проведение восточного регионального пакта со всеми вытекающими последствиями, так и борьбу с Японией, что для нас очень важно»[1706].

Японская сторона отказалась всерьез рассматривать перспективу подписания с СССР пакта о ненападении. Боестолкновения советских и японских частей у озера Хасан очень скоро продемонстрируют почему. В марте 1936 г. СССР подписал протокол о союзных отношениях с Монголией, согласно которому в случае военного нападения на территорию СССР или МНР со стороны третьего государства оба правительства обязуются «оказать друг другу всяческую, в том числе и военную помощь»[1707]. Под третьим государством, без сомнения, имелась в виду именно Япония и/или ее сателлит Маньчжоу-Го. Этот акт должен был стать еще одним средством принуждения Японии к миру.





Письмо И.В. Сталина В.М. Молотову, Л.М. Кагановичу, К.Е. Ворошилову и Г.К. Орджоникидзе о дипломатических переговорах и советско-японских отношениях

28 июня 1932

Автограф И.В. Сталина

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 77. Л. 110–111]

В ноябре 1936 г. Япония и Германия подписали Антикоминтерновский пакт. При этом японская дипломатия по всем каналам стремилась убедить советское руководство, что борьба с Коминтерном не является борьбой против СССР[1708].

В июле 1937 г. японская армия начала «большую» войну в Китае, Юго-Восточной Азии, на Тихом океане. Как уже сообщалось выше, с целью локализации экспансионистских устремлений Японии в августе 1937 г. СССР подписал договор о ненападении с Китаем. Советская сторона сделала это, реализуя стратегию Сталина, намеченную в письме соратникам от 28 июня 1932 г. В нем, помимо прочего, Сталин предписывал смягчить директиву наркому иностранных дел Литвинову, «сказав, что СССР... не будет возражать против немедленного восстановления отношений без всяких условий, после чего пакт о ненападении придет как естественный результат восстановления отношений»[1709].

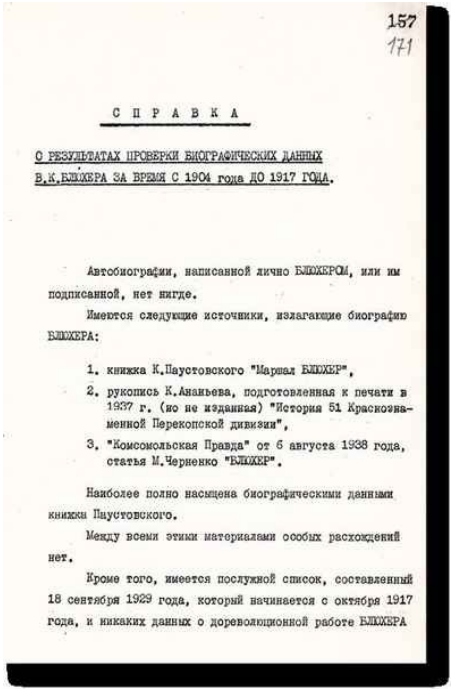
Сталин отказался при этом заключить военно-оборонительный союз с Китаем, подписав соответствующий договор, как того добивался председатель Гоминьдана Чан Кай-ши. Это означало бы втянуть СССР в войну против Японии. Договор с Китаем о ненападении был подписан после того, как провалились попытки заключения Тихоокеанского

регионального пакта, идею которого выдвинуло австралийское правительство и активно продвигал СССР, но она не нашла поддержки в США и Великобритании[1710]. СССР предоставил Китаю льготные кредиты и в их счет направил оружие и боевую технику для вооружения 20 дивизий[1711]. На встрече с Сунь Фо — посланцем Чан Кайши Сталин заверил: «Мы поможем вам всем, чем можем»[1712]. В 1938 г. в Китай были направлены 5 тыс. советских военных специалистов[1713]. Сопротивление Китая японской экспансии в значительной мере было обеспечено финансово-экономической и военно-технической помощью со стороны СССР.

Сталин не обманулся в своих ожиданиях. Рост напряженности во взаимоотношениях с Японией проявился в июле — августе 1938 г., когда состоялось вторжение японских войск на советскую территорию у озера Хасан, отбитое частями РККА. «Инциденту у высоты Чжангуфэн», как именовались эти события в Японии, предшествовали многочисленные нарушения советской границы в этом районе и провокации со стороны японских военных[1714]. Япония оспаривала принадлежность территории у озера Хасан Советскому Союзу, предъявив в течение июля советской стороне две ноты. Ввиду очевидной военной угрозы 28 июня 1938 г. по приказу наркома обороны в соответствии с ранее принятым постановлением ГВС РККА Особая Краснознаменная Дальневосточная армия РККА была преобразована в Краснознаменный Дальневосточный фронт под командованием маршала В.К. Блюхера.

29 июля японские войска начали атаки сопок Безымянная и Заозерная, принадлежность которых к СССР оспаривала Япония. К концу дня 31 июля сопки были захвачены. 1 августа Сталин от лица ГВС РККА провел по прямому проводу переговоры с Блюхером, в котором подверг резкой критике командование операцией. Зам. наркома обороны Л.З. Мехлис, командированный в зону боевых действий, 3 августа доложил в Москву, что Блюхер не способен выполнять обязанности командующего. Сталин принял решение об отстранении Блюхера и назначении командующим Г.М. Штерна. Наступление частей Дальневосточного фронта, начатое 6 августа, дало быстрые результаты: 10 августа японский посол в Москве предложил наркому иностранных дел Литвинову начать мирные переговоры. Уже на следующий день было заключено перемирие, а затем подтвержден советский суверенитет над спорными территориями на основании Хуньчуньского соглашения 1860 г., то есть того документа, к которому и апеллировала советская сторона накануне конфликта, отвечая на претензии японской стороны.

Василий Константинович Блюхер
1930-е
[Из открытых источников]



157
171

С П Р А В К А

О РЕЗУЛЬТАТАХ ПРОВЕРКИ БИОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ В.К.БЛЮХЕРА ЗА ВРЕМЯ С 1904 года ДО 1917 ГОДА.

Автобиографии, написанной лично БЛЮХЕРОМ, или им подписанной, нет нигде.

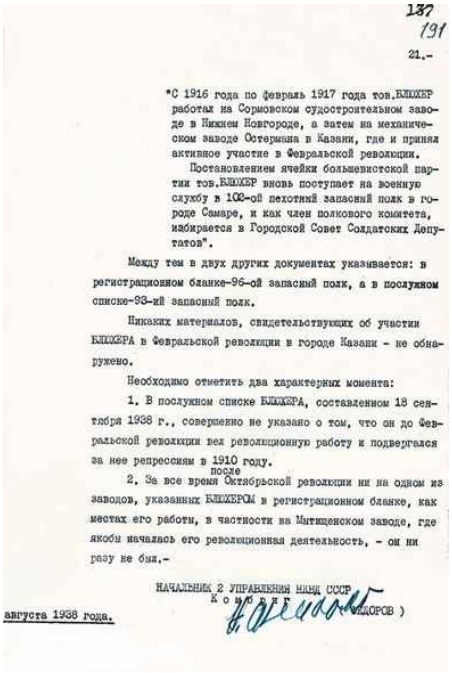
Имеется следующие источники, излагающие биографию БЛЮХЕРА:

1. книжка К.Паустовского "Маршал БЛЮХЕР",
2. рукопись К.Ананьева, подготовленная к печати в 1937 г. (но не изданная) "История 51 Краснознаменной Перекопской дивизии",
3. "Комсомольская Правда" от 6 августа 1938 года, статья М.Черненко "БЛЮХЕР".

Наиболее полно насыщена биографическими данными книжка Паустовского.

Между всеми этими материалами особых расхождений нет.

Кроме того, имеется послужной список, составленный 18 сентября 1929 года, который начинается с октября 1917 года, и никаких данных о дореволюционной работе БЛЮХЕРА



137
191

21.-

"С 1916 года по февраль 1917 года тов.БЛЮХЕР работал на Сормовском судостроительном заводе в Нижнем Новгороде, а затем на механическом заводе Остермана в Казани, где и принял активное участие в Февральской революции.

Постановлением ячейки большевистской партии тов.БЛЮХЕР вновь поступает на военную службу в 102-ой пехотный запасный полк в городе Самаре, и как член полкового комитета, избирается в Городской Совет Солдатских Депутатов".

Между тем в двух других документах указывается: в регистрационном бланке-96-ой запасный полк, а в послужном списке-93-ий запасный полк.

Никаких материалов, свидетельствующих об участии БЛЮХЕРА в Февральской революции в городе Казани - не обнаружено.

Необходимо отметить два характерных момента:

1. В послужном списке БЛЮХЕРА, составленном 18 сентября 1938 г., совершенно не указано о том, что он до Февральской революции вел революционную работу и подвергался за нее репрессиям в 1910 году.

2. За все время после Октябрьской революции ни на одном из заводов, указанных БЛЮХЕРОМ в регистрационном бланке, как местах его работы, в частности на Мытищенском заводе, где якобы началась его революционная деятельность, - он ни разу не был.-

НАЧАЛЬНИК 2 УПРАВЛЕНИЯ НКВД СССР
Комбриг
(ФЕДОРОВ)

августа 1938 года.

Справка о результатах проверки биографических данных В.К. Блюхера за период 1904–1917

26 августа 1938

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 365. Л. 171–191]

31 августа на заседании ГВС РККА были подведены итоги военных действий у озера Хасан и сделан вывод о том, что «события этих немногих дней обнаружили огромные недочеты в состоянии ДКфронта… Обнаружено, что Дальневосточный фронт к войне плохо подготовлен». В результате приказом наркома обороны Управление фронта было расформировано «в целях скорейшей ликвидации всех выявленных крупных недочетов в боевой подготовке и состоянии войсковых частей КДФ, замены негодного и дискредитировавшего себя в военном и политическом отношении командования…» Маршала В.К. Блюхера отстранили от командования, 22 октября арестовали. Он скончался в ходе следствия под пытками, задним числом его обвинили в шпионаже в пользу Японии.

Неудачная проба сил у озера Хасан не остановила Японию от поиска брешей в советской системе обороны, и через год произошел масштабный военный конфликт Монголии, с одной стороны, и Маньчжоу-Го — с другой. В этот конфликт были вовлечены на стороне своих сателлитов Советский Союз и Япония. Новая неудача японских военных во многом предопределила отказ японского руководства от вторжения на территорию СССР в период Второй мировой войны. Но об этом речь еще впереди.

* * *

Судя по всему, к концу 1930-х гг. для Сталина практически был исчерпан прежний внешнеполитический курс, построенный на принципах участия в создании и поддержании баланса сил на европейской арене. И если в Дальневосточном регионе пространство для маневрирования все еще сохранялось, то в Европе такие возможности стремительно сокращались. Подход Сталина (как и всех остальных представителей большевистского руководства) к принципам урегулирования международных споров был утилитарно-прагматическим, а отношение к международному праву таким же релятивистским, как к праву вообще. События 1938 г. на европейской арене подкрепят уверенность Сталина в справедливости своих оценок. При этом опыт иностранной интервенции, через которую Советская Россия прошла в годы Гражданской войны, оставался для сталинского руководства одним из краеугольных камней мировосприятия, оказывая значительное, а, временами определяющее влияние на принятие внешнеполитических решений. 27 июня 1930 г. в политическом отчете ЦК XVI съезду партии Сталин выразил советскую точку зрения на международное право и претензии Советской России к сложившимуся международному порядку. Он сказал: «Говорят о международном праве, о международных обязательствах. Но на основании какого международного права отсекли господа «союзники» от СССР Бессарабию и отдали ее в рабство румынским боярам? По каким международным обязательствам капиталисты и правительства Франции, Англии, Америки, Японии напали на СССР, интервенировали его, грабили его целых три года и разоряли его население? Если это называется международным правом и международным обязательством, то что же тогда называется грабежом? Не ясно ли, что, допустив эти грабительские акты, господа «союзники» лишили себя права ссылаться на международное право, на международные обязательства?»[1715]

Итоги межвоенного периода Сталин подвел в марте 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б): «Речь теперь идет о новом переделе мира… путем военных действий». Война уже идет «от Тяньцзина, Шанхая и Кантона через Абиссинию до Гибралтара»[1716]. Сталину предстояло найти место своей страны в сложившейся новой реальности и сделать выбор в пользу тех или иных стратегических решений на крутом вираже исторического процесса, в той драме, которая разворачивалась на глазах советского руководства и с его непосредственным участием в ближнем и дальнем зарубежье.

Руководствуясь своим прагматическим (или, если хотите, циническим) подходом, Сталин и станет решать вопросы безопасности Союза ССР, решив выстраивать буферные зоны вдоль советских западных границ и не забывая о материальных приобретениях.

notes

Примечания

1

См., например: Россия в 1917 году: энциклопедия. М., 2017. С. 5.

2

Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. № 1, 27 февраля — 5 мая 1917 г. / сост. Отд. свода законов Гос. канцелярии. Пг.: Государственная типография, 1917. С. 266–268.

3

Вопросы истории КПСС. 1962. № 3.

4

Шляпников А.Г. Семнадцатый год. Кн. 2. Пг., 1925. С. 185.

5

См.: Правда. 1917. 16 марта.

6

Из доклада И.В. Сталина «Об отношении к Временному правительству» на Всероссийском совещании партийных работников. 29 марта 1917 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1. Л. 12.

7

Вопросы истории КПСС. 1962. № 3.

8

Там же. № 5. С. 120.

9

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1а. Д. 4. Л. 16–17.

10

Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 56 т. 5-е. изд. Т. 30. М., 1967. С. 328.

11

Там же. Т. 31. М., 1969. С. 103–112.

12

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1а. Д. 6. Л. 1.

13

Седьмая (апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков); Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 года. Протоколы. М.: Госполитиздат, 1958. С. 323.

14

См.: Единство. 1917. 20 июня.

15

Плеханов Г.В. Год на Родине. Полное собрание статей и речей 1917–1918 г.: В 2 т. Т. 1. Paris. С. 129.

16

См. подробнее: Россия в 1917 году: энциклопедия. М., 2017. С. 410–412.

17

См.: Июльский кризис // Россия в 1917 году: энциклопедия. М., 2017. С. 410–412.

18

См. подробнее: Следственное дело большевиков: Материалы предварительного следствия о вооруженном выступлении 3–5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти. Июль — октябрь 1917 г.: сборник документов: В 2 кн. М., 2012.

19

Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т. 2. 1-е изд. Париж, 1939. С. 208.

20

См. подробнее: Россия в 1917 году: энциклопедия. М., 2017. С. 412–415.

21

Сталин И.В. Соч.: в т. Т. 3. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1946. С. 125.

22

Там же. С. 186.

23

Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года: протоколы. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. С. 270.

24

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1а. Д. 25. Л. 1–2.

25

Там же. Д. 59. Л. 86–93.

26

См.: История Отечества: энциклопедический словарь. М., 1999. С. 494.

27

См.: Сталин И.В. Соч. Т. 3. С. 370.

28

Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 110–112.

29

Там же. С. 124.

30

См.: Россия в 1917 году. С. 168.

31

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4576. Л. 1.

32

Рабочий путь. 1917. 20 октября. № 41.

33

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1а. Д. 59. Л. 101–106.

34

Там же.

35

См.: Зиновьев Г.Е. Ленин. Харьков, 1920. С. 38.

36

См.: Сталин И.В. Соч. Т. 3. С. 423.

37

Там же. С. 390

38

См.: Там же.

39

Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 119–121.

40

Слассер Р. Сталин в 1917 году. Человек, оставшийся вне революции. М., 1989. С. 266–268.

41

Луцкий Е.А. Заседание ЦК РСДРП(б) ночью 24–25 октября 1917 г. // Вопросы истории КПСС. 1986. № 11. С. 84.

42

Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. С. 140.

43

См.: Лев Троцкий. Сталин: в 2 т. Т. 2. М., 1996. С. 282.

44

См.: Правда. 6, 19 ноября 1918 г.

45

См.: Сталин И.В. Соч. Т. 4. М.: ОГИЗ, 1947. С. 159.

46

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4647. Л. 1.

47

Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 28.

48

Там же. С. 17, 24, 26–27.

49

Там же. С. 11.

50

Там же. С. 27.

51

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24219. Л. 1–2.

52

См.: Декреты советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 40.

53

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4902. Л. 1.

54

См.: Декреты советской власти. Т. I. С. 113–115.

55

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4647. Л. 1.

56

Там же. Д. 4841. Л. 1–2.

57

Ленин В.И. ПСС. Т. 33. М., 1969. С. 89.

58

РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 35. Л. 6.

59

Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24221. Л. 1–2.

60

Декрет. 28 июня 1918 г. // Декреты советской власти. Т. II. 17 марта — 10 июля 1918 г. С. 498–504.

61

См.: Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 488–490.

62

Ленин В.И. ПСС. Т. 43. М., 1970. С. 219.

63

Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 408.

64

Ленин В.И. ПСС. Т. 44. М., 1970. С. 194.

65

Там же. С. 194.

66

[6] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5318. Л. 1.

67

Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 111. Л. 1.

68

Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5219. Л. 1.

69

Там же. С. 139.

70

Сталин И.В. Соч. Т. 3. С. 390.

71

См.: Всероссийское учредительное собрание: энциклопедия. М., 2014. С. 84.

72

Там же. С. 536–537.

73

Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 162.

74

Большевики и партия народной свободы // Вестник партии народной свободы. 1917. № 29–30. С. 7. Цит. по: Тимохина Д. Кадеты и Учредительное собрание // Звезда. 2018. № 5.

75

Всероссийское учредительное собрание: энциклопедия. С. 411.

76

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5115. Л. 1–7.

77

Там же. Д. 5001. Л. 1.

78

Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 389. Л. 29 об.

79

См.: Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 22.

80

Россия и независимость Финляндии. 1899–1920 гг. Т. 3. С. 223.

81

Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 225.

82

Там же. С. 4–5.

83

Россия и независимость Финляндии. 1899–1920 гг. Т. 3. С. 244.

84

Там же. С. 248.

85

Там же. С. 274–275.

86

Там же. С. 291.

87

Там же. С. 302, 307.

88

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24216. Л. 12, 15 об.

89

Брестский мир. Пролог. Заключение. Итоги: сборник документов. М., 2022. С. 269.

90

Россия и независимость Финляндии. 1899–1920 гг. Т. 3. С. 645.

91

Там же. С. 852–861.

92

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7676. Л. 1–3.

93

См.: Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 168–169.

94

См.: Українська Центральна Рада: Документи і матеріали: у 2 т. Т. 1. Київ, 1996. С. 363.

95

Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 31.

96

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4879. Л. 1–6.

97

Там же. Д. 19. Л. 3 об.

98

См.: Правда. 13 декабря 1917 г.; 15 декабря 1917 г.; 13 января 1918 г. Известия. 14 марта 1918 г.; 9 мая 1918 г.

99

См. подробнее: Сорокин А.К. Становление новых органов власти, решение вопроса о Новороссии как части территории Советской Украины: 1917 — начало 1918 г. // История Новороссии. М.; СПб., 2018. С. 447–448.

100

См.: Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 225.

101

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5233. Л. 1.

102

Там же. Д. 5276. Л. 1.

103

Там же.

104

См.: Великая Октябрьская Социалистическая революция и победа советской власти на Украине. Ч. 2. Киев, 1982. С. 804.

105

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5651. Л. 1.

106

Там же. Д. 5486. Л. 1–1 об.

107

Там же. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1. Л. 1–1 об.

108

Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5819. Л. 1.

109

Там же.

110

Там же. Ф. 19. Оп. 3. Д. 20. Л. 4.

111

Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 1586. Л. 1.

112

Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4834. Л. 1–1 об.

113

Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4546. Л. 1–1 об.

114

См.: Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 42.

115

Брестский мир. Пролог. Заключение. Итоги: сборник документов. С. 87–88.

116

Там же. С. 90–91.

117

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3701. Л. 1; Брестский мир. Пролог. Заключение. Итоги: сборник документов. С. 78, 80–82.

118

Брестский мир. Пролог. Заключение. Итоги: сборник документов. С. 85–86, 87.

119

Там же. С. 95–101.

120

См.: Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 27.

121

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1А. Д. 51. Л. 1; Брестский мир. Пролог. Заключение. Итоги: сборник документов. С. 140.

122

Брестский мир. Пролог. Заключение. Итоги: сборник документов. С. 197.

123

Там же. С. 232–236.

124

Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 43.

125

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 127. Л. 1.

126

Там же. Ф. 159. Оп. 2. Д. 28. Л.19; История Новороссии. С. 468.

127

Ленин В.И. ПСС. Т. 38. М., 1969. С. 139.

128

В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 2017. С. 230–236.

129

Декреты Советской власти. Т. II. М., 1959. С. 611–612.

130

Там же. С. 612.

131

Там же. С. 521.

132

Брестский мир. Пролог. Заключение. Итоги: сборник документов. С. 587–588.

133

Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 31–32.

134

См.: Там же. С. 22.

135

Там же. С. 6–78.

136

См.: Декреты советской власти. Т. II. С. 550, 552.

137

Там же. С. 555.

138

Там же.

139

Там же. С. 559–560. См. подробнее: Чистяков О.И. Конституция РСФСР 1918 года. М., 2003.

140

Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 71.

141

РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.

142

Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4877. Л. 1–2.

143

Там же. Д. 6157. Л. 1.

144

Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 50.

145

ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–1а об.

146

Там же.

147

См.: Чеботарева В.Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. М., 2003. С. 38.

148

ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 675. Л. 102. См. подробнее: Чеботарева В.Г. Указ. соч. С. 474–478.

149

См.: Чеботарева В.Г. Указ. соч. С. 60.

150

См.: Декреты советской власти. Т. II. С. 557.

151

См. подробнее: Там же. С. 46–47.

152

Там же. Т. VIII. М., 1974. С. 221–222.

153

ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 118. Л. 25.

154

См.: Декреты советской власти. Т. XI. М., 1983. С. 144–145.

155

ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 433. Л. 128.

156

См.: Декреты советской власти. Т. XII. М., 1986. С. 43–45.

157

См. подробнее: Чеботарева В.Г. Указ. соч. С. 55–58.

158

См.: XII съезд РКП(б). Стенограмма заседаний секции… С. 169–170.

159

См.: Декреты советской власти. Т. V. М., 1971. С. 18.

160

Там же. Т. II. М., 1959. С. 556.

161

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24248. Л. 1–2.

162

Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 108. Л. 1.

163

Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2303. Л. 1.

164

Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24197. Л. 1.

165

Там же. Д. 24248. Л. 1–2.

166

Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 68, 73.

167

Там же. С. 69–70.

168

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2479. Л. 14.

169

Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9986. Л. 1–1 об.

170

См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 39. М., 1970. С. 74–75.

171

См.: Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 74–75.

172

Мартин Т. Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР. 1923–1939. М., 2011.

173

См., например: Чеботарева В.Г. Указ. соч.

174

См.: Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 365.

175

См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 39. С. 360.

176

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8859. Л. 1–1 об.

177

Там же.

178

См.: Декреты советской власти. Т. 5. М., 1971. С. 49.

179

См.: Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 251.

180

Известия. № 97, 8 мая 1919 г.

181

РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 3. Д. 34. Л. 5, 40.

182

Там же. Л. 43–44.

183

Там же. С. 256–257.

184

Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4374. Л. 1–1 об.

185

Известия. № 97. 8 мая 1919 г.

186

См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 313.

187

См.: Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 366.

188

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 694. Л. 91.

189

См.: Вождь. Сталин в документах и фотографиях. 1917–1953: в 5 кн. Кн. 1. С. 158–159; В.И. Ленин. Неизвестные работы. 1891–1922. С. 512–513.

190

Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 393.

191

См.: Там же. Т. 6. М., 1963. С. 127.

192

Там же. С. 79.

193

См.: Восьмая конференция РКП(б). Декабрь 1919. М., 1934. С. 190.

194

См.: VIII съезд РКП(б). Протоколы. М., 1959. С. 424–425

195

Правда. № 203. 27 сентября 1918. С. 2.

196

См.: VIII съезд РКП(б). Протоколы. С. 428.

197

См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 38. М., 1969. С. 170.

198

См.: Протоколы съездов и конференций ВКП(б). Восьмая конференция РКП(б). Декабрь 1919 г. С. 220–226.

199

См.: VIII съезд РКП(б). Протоколы. С. 27.

200

Там же. С. 426.

201

См.: XI съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1961. С. 143.

202

См.: Сталин И.В. Соч. Т. 5. М.: ОГИЗ, 1947. С. 210.

203

Там же. С. 50.

204

См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 428.

205

Там же. С. 412.

206

См.: X съезд РКП(б). Март 1921 г. Протоколы. М., 1963. С. 726–729.

207

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 78. Л. 6–6 об.

208

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. 1898–1925. М., 1953. С. 443.

209

Там же. С. 658.

210

См.: Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 197–198.

211

Правда. 21 ноября 1918 г. № 203. С. 4.

212

Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 123.

213

См.: Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 349.

214

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2424. Л. 2.

215

Декреты советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 124–126.

216

Большевик. 1934. № 17.

217

Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 106.

218

Декреты советской власти. Т. III. М., 1964. С. 267, 291–292.

219

Там же. С. 457–459.

220

РГАСПИ. Д. 7724. Л. 1–1 об.

221

Там же. Д. 24197. Л. 1.

222

Архив ВЧК. М., 2007. С. 93.

223

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24197. Л. 1.

224

Там же. Ф. 17. Оп. 163. Д. 231. Л. 8, 12–12 об.

225

Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 29. Л. 12.

226

См.: Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 250.

227

См.: Декреты советской власти. Т. II. С. 334–335.

228

См.: Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года: протоколы. М., 1959. С. 383.

229

См.: Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 389.

230

См. подробнее: Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М., 2005.

231

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2368. Л. 1.

232

Там же. Оп. 11. Д. 30. Л. 27.

233

Ленин В.И. ПСС. Т. 35. М., 1974. С. 268.

234

Там же. Т. 44. М., 1970. С. 204.

235

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5365. Л. 1.

236

Ленин В.И. Неизвестные работы. 1891–1922. С. 246.

237

Перелистывая документы ЦК. Царицын — Сталинград. 1917–1945: сборник документов и материалов. М., 1987. С. 53.

238

Директивы Главного командования Красной армии. М., 1969. С. 37.

239

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6157. Л. 1.

240

Троцкий Л.Д. Сталин. Т. 2. Benson Vermont, 1985. С. 83.

241

Директивы Главного командования Красной армии. С. 25–26.

242

Там же. С. 51–53.

243

Декреты советской власти. Т. III. М., 1964. С. 268.

244

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5403. Л. 1–1 об.

245

Там же. Д. 5403. Л. 1–1 об.

246

Сталин И.В. Соч. Т. 4. М., 1947. С. 118.

247

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 250. Л. 1–1 об.

248

Там же.

249

Директивы Главного командования Красной армии. С. 74–75.

250

Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922): сборник документов: в 4 т. Т. 1. Ноябрь 1917 г. — март 1919 г. М., 1971. С. 289.

251

См. подробнее: Шапошник В.К. Северо-Кавказский военный округ в 1918 году. Ростов-на-Дону, 1980. С. 173.

252

См.: Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 128.

253

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5408. Л. 1.

254

Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 329.

255

Там же. С. 341.

256

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 1875. Л. 2.

257

Ленин В.И. ПСС. Т. 54. С. 244.

258

Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922): сборник документов: в 4 т. Т. 1. С. 297, 300–301.

259

Там же. С. 306–307.

260

Там же. С. 307.

261

Директивы Главного командования Красной армии. С. 54–55.

262

Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922): сборник документов. Т. 1. С. 335–336.

263

Там же. С. 343–345.

264

Там же. С. 345–348.

265

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 422. Л. 1–2

266

Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922): сборник документов. Т. 1. С. 348–349.

267

Документы по истории гражданской войны в СССР. Т. 1. М., 1940. С. 386–389.

268

Свердлов Я.М. Избранные произведения. Т. 3. М., 1960. С. 28.

269

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 450. Л. 2–4.

270

Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 205. Л. 2–2 об., 21, 28.

271

См. подробнее: Вождь. И.В. Сталин в документах и фотографиях. 1917–1953: историко-документальный проект: в 5 кн. Кн. 1. От умеренного большевизма к радикализму. 1917–1922. М., 2019. С. 88–91.

272

Рымшан М., Алексинский К., Карнеев Б. Революционный военный совет СССР за 10 лет. М.; Л., 1928. С. 27.

273

См., например: Войтиков С.С. Узда для Троцкого. Красные вожди в годы Гражданской войны. М., 2016. С. 321, 336–337.

274

Ленин В.И. Военная переписка. 1917–1922 гг. М., 1987. С. 98–99.

275

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24231. Л. 1–2.

276

Ленин В.И. ПСС. Т. 38. С. 138.

277

Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922): сборник документов: в 4 т. Т. 1. С. 99.

278

Ленин В.И. Военная переписка. 1917–1922 гг. С. 204.

279

Войтиков С.С. Указ. соч. С. 322–323.

280

Ленин В.И. Военная переписка. 1917–1922 гг. С. 113.

281

См.: Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 197–224.

282

Там же. С. 224.

283

Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М., 1959. С. 154, 155.

284

См.: Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 248–249.

285

Ленин В.И. Военная переписка. 1917–1922 гг. С. 146.

286

Там же. С. 151–152.

287

Там же. С. 158.

288

Там же. С. 160.

289

Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 338.

290

Там же. С. 334–335.

291

Там же. С. 334.

292

См., например: Там же. С. 317, 335, 351.

293

Там же. С. 389.

294

Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922): сборник документов. Т. 2. Ноябрь 1917 г. — март 1919 г. М., 1972. С. 99.

295

Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 268.

296

Ленин В.И. Военная переписка. 1917–1922 гг. С. 192.

297

Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 339.

298

Ленин В.И. Военная переписка. 1917–1922 гг. С. 189.

299

Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922): сборник документов. Т. 2. С. 127–128.

300

Ленинский сборник. Т. XXIV. С. 15.

301

Ленин В.И. ПСС. Т. 51. С. 382.

302

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 31. Л. 1–2.

303

Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11168. Л. 1–1 об.

304

См., например: Емельянов Ю.В. Сталин. Путь к власти. М., 2003. С. 97–99.

305

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11168. Л. 1.

306

См. подробнее: Шишкин С. О планах борьбы с армией Денинкина // Военно-исторический журнал. М., 1963. Февраль. С. 22–36.

307

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 11508. Л. 1–2.

308

Там же. Ф. 558. Оп. 4. Д. 293. Л. 1.

309

Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922): сборник документов. Т. 2. С. 395–396.

310

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 12602. Л. 1.

311

Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 470.

312

Ленин В.И. Военная переписка. 1917–1922 гг. С. 232.

313

Там же. С. 233.

314

Там же.

315

См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 51. С. 409. Примеч. 145.

316

Там же. С. 139–140.

317

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5403. Л. 1 об.

318

Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7102. Л. 2–2 об.; Польско-советская война 1919–1921 гг. Рижский мирный договор. М., 2021. С. 51–52.

319

Там же. С. 55.

320

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 93. Л. 12.

321

См. подробнее: Сорокин А.К. Итоги советско-польской войны и вопрос о границах Украины // История Новороссии. С. 514–515.

322

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13043. Л. 1.

323

Там же. Д. 13238. Л. 1.

324

Гражданская война на Украине. 1918–1920: сборник документов и материалов: в 3 т., 4 кн. Т. 3. Киев, 1967. С. 48–49.

325

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 249. Л. 70–71; Польско-советская война 1919–1921 гг. Рижский мирный договор. С. 137.

326

Там же. Л. 89; Польско-советская война 1919–1921 гг. Рижский мирный договор. С. 152.

327

Ленин. В.И. ПСС. Т. 51. С. 205.

328

Там же. С. 206–207.

329

Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 345.

330

Там же. С. 208.

331

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 1712. Л. 2. Польско-советская война 1919–1921 гг. Рижский мирный договор. С. 163.

332

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14557. Л. 1. Польско-советская война 1919–1921 гг. Рижский мирный договор. С. 165.

333

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14656. Л. 1–1 об.; Польско-советская война 1919–1921 гг. Рижский мирный договор. С. 175.

334

Ленин В.И. Неизвестные работы. 1891–1922. С. 357.

335

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5518. Л. 1.

336

Там же. Д. 5521. Л. 1–2.

337

Из стенограммы выступления В.И. Ленина с политическим отчетом ЦК РКП(б) на IX конференции РКП(б). 20 сентября 1920 г. // Исторический архив. 1992. № 1. С. 14–27.

338

Ленин В.И. ПСС. Т. 51. С. 247.

339

Там же. С. 441. Примеч. 280.

340

Там же. Т. 51. С. 248.

341

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4137. Л. 1–2.

342

См.: Директивы Главного командования Красной Армии. 1917–1920: Сборник документов. М., 1969. С. 656–658, 711–712, 807; Директивы командования фронтов Красной Армии. 1917–1922: сборник документов: в 4 т. Т. 2. С. 81–82, 84–85, 251–252, 254–256; Какурин Н.Е., Меликов В.А. Война с белополяками, 1920 год. М., 1925. С. 295–296; Егоров А.И. Львов — Варшава. 1920 год. Взаимодействие фронтов. М.; Л., 1929. С. 118–119, 152; Клюев Л.Л. Первая конная Красная армия на

польском фронте в 1920 году. М., 1932. С. 112–122; Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927: сборник документов. С. 155–156.

343

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5210. Л. 2; Польско-советская война 1919–1921 гг. Рижский мирный договор. С. 254.

344

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5213. Л. 1.

345

Там же. Д. 5213. Л. 1.

346

Мельтюхов М.И. Польско-советская война 1919–1921 гг. // Польско-советская война 1919–1921 гг. Рижский мирный договор. С. 16.

347

См., например: История внешней политики СССР. 1917–1976: в 2 т. Т. 1. 1917–1945. М., 1976. С. 111.

348

Ильмярв М. Страны Балтии в оборонной и внешней политике Советского Союза в период «великого перелома» до Мюнхенского договора (1929–1938) // 1929: «Великий перелом» и его последствия:

материалы XII Международной научной конференции. Екатеринбург, 26–28 сентября 2019 г. М., 2020. С. 531.

349

Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959. С. 101.

350

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 24. Л. 1–1 об.

351

Ленин В.И. ПСС. Т. 51. С. 163–164.

352

История гражданской войны в СССР. Т. 5. М., 1960. С. 225.

353

РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 15. Д. 53. Л. 1–2.

354

Там же. Оп. 2/С. Д. 1. Л. 6–8.

355

Там же. Л. 11.

356

Там же. Ф. 17. Оп. 2. Д. 83. Л. 1.

357

Там же. Ф. 5. Оп. 2. Д. 314. Л. 10.

358

Там же. Ф. 17. Оп. 2. Д. 90. Л. 7–8.

359

Там же. Ф. 85. Оп. 3/С. Д. 2. Л.10.

360

Там же. Л. 9.

361

Там же. Л. 11.

362

Там же. Оп. 12. Д. 12. Л. 1–1 об.

363

Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 536–544.

364

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 108. Л. 1.

365

Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 1982.

366

Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24197. Л. 1.

367

Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 408.

368

Ленин В.И. ПСС. Т. 51. С. 322.

369

Там же. Т. 52. С. 9.

370

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 10. Л. 1–2.

371

Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24472; В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 403.

372

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2002.

373

Там же. Д. 1982.

374

Ленин В.И. ПСС. Т. 52. С. 14.

375

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 125. Л. 1.

376

Там же. Ф. 85. Оп. 14. Д. 33. Л. 3.

377

См. подробнее: Квашонкин А.В. Советизация Закавказья в переписке большевистского руководства // Cahiers du Monde Russe. Annee, 1997. 38-1-2. P. 163–194.

378

РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 14. Д. 33. Л. 22–23.

379

Ленин В.И. ПСС. Т. 42. С. 54.

380

См. подробнее: Квашонкин А.В. Указ. соч. С. 187–188.

381

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 13. Л. 2.

382

Там же. Ф. 17. Оп. 2. Д. 56. Л.1.

383

Ленин В.И. ПСС. Т. 52. С. 71.

384

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 1966. Л. 1–4.

385

АВПР. Ф. 4. Оп. 39. П. 232. Д. 52994. Л. 37–38.

386

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 824. Л. 8.

387

О советских поставках Турции см. подробнее: Озтюрк М. Рассмотрение советской помощи Анкаре в 1920–1022 гг. на основе турецких исторических источников // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 5. С. 69–76.

388

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 17. Л. 1.

389

Там же. Оп. 11. Д. 824. Л. 8.

390

Там же.

391

Там же. Д. 24. Л. 1–1 об.

392

Там же. Д. 21. Л. 1–1 об.

393

Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 240–241.

394

См.: Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М., 1959. С. 6–7.

395

См.: Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 310.

396

Там же. С. 307.

397

Там же. С. 316–318.

398

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 263. Л. 1.

399

Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24207. Л. 6.

400

Ленин В.И. Неизвестные работы. 1899–1922. С. 510.

401

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 78. Л. 6–6 об.

402

Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 181.

403

См.: Одиннадцатый съезд РКП(б). Март — апрель 1922 г. Стенографический отчет. М., 1961. С. 84–86.

404

Там же. С. 143.

405

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24989. Л. 1; Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 172.

406

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 272. Л. 1–1 об.

407

Ленин В.И. Неизвестные работы. 1899–1922. С. 540–542.

408

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5193. Л. 1–2.

409

Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 344–346, 359–360.

410

Там же. С. 346.

411

Образование Союза Советских Социалистических Республик. Сборник документов. М., 1972. С. 77–78, 150, 166–170, 173–182, 215–216.

412

Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1992. С. 104.

413

Там же С. 73.

414

Образование Союза Советских Социалистических Республик. Сборник документов. С. 122.

415

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 400. Л. 63.

416

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1954. Л. 1–1 об.

417

Образование Союза Советских Социалистических Республик. Сборник документов. С. 220, 235–236.

418

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1954. Л. 16–17.

419

Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 292. Л. 1–3.

420

Там же. Д. 306. Л. 1.

421

Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 192–193.

422

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4467. Л. 1.

423

Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 196.

424

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1194. Л. 3 об. — 4.

425

Ленин В.И. ПСС. Т. 48. М., 1970. С. 235.

426

Сталин И.В. Соч. Т. 2. М.: ОГИЗ, 1946. С. 290–367.

427

Там же. С. 313.

428

Там же. С. 361.

429

Там же. Т. 3. М.: ОГИЗ, 1946. С. 23–31.

430

Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. Пг., 1918. С. 74.

431

Декреты советской власти. Т. 5. М., 1971. С. 259–261.

432

Ленин В.И. ПСС. Т. 38. М., 1969. С. 400.

433

В.И. Ленин. Неизвестные работы. 1891–1922. М., 2017. С. 293–294.

434

Сталин И.В. Соч. Т. 5. М.: ОГИЗ, 1947. С. 42.

435

Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 198–200.

436

Там же. С. 200, 203–206.

437

История Новороссии. М., 2017. С. 514–518.

438

См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 209–213.

439

Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 238.

440

Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 212.

441

Там же. С. 211–213.

442

Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 208.

443

Там же. С. 208–209.

444

Там же. С. 205–206.

445

Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 214.

446

См. подробнее, например: Багирова И. Интеграционные процессы на Южном Кавказе и политика великих держав в исторической перспективе XX века // Кавказ & Глобализация. 2007. Т. 1(2). С. 104–105.

447

Цит. по: Там же. С. 108.

448

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2479. Л. 35.

449

Там же. Ф. 5. Оп. 2. Д. 32. Л. 59–66

450

Там же. Д. 26. Л. 26–28.

451

Ленин В.И. ПСС. Т. 54. С. 299–300.

452

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 390. Л. 2.

453

Там же. Ф. 298. Оп. 1. Д. 144. Л. 94–96.

454

Там же. Ф. 17. Оп. 2. Д. 87. Л. 1.

455

Там же. Оп. 84. Д. 400. Л. 63.

456

Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? С. 151–171.

457

Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 356–362.

458

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 32. Л. 23–32, 59–61.

459

Там же. Л. 36.

460

Ленин В.И. ПСС. Т. 54. С. 329.

461

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 34. Л. 3.

462

Ленин В.И. ПСС. Т. 54. С. 329.

463

Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? С. 181.

464

Там же С. 182–183.

465

Там же С. 183–184.

466

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25736; Ленин В.И. ПСС. Т. 54. С. 327, 672; Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 191.

467

Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 191.

468

Там же. С. 192.

469

РГАСПИ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 250; Ленин В.И. ПСС. Т. 54. С. 674–675.

470

РГАСПИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 26004. Л. 1–2; Ленин В.И. ПСС. Т. 54. С. 329–330.

471

РГАСПИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 26004. Л. 3.

472

Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? С. 184–185.

473

РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 30. Л. 69; Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? С. 185–186.

474

Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М., 1968. С. 481, 652.

475

Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 320.

476

См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1: 1898–1925. М., 1953. С. 762.

477

РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 2. Д. 10. Л. 118, 123.

478

Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 354. Л. 1–2.

479

Там же. Д. 356. Л. 3.

480

См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. С. 759–761.

481

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 360. Л. 5.

482

См. подробнее: Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 75–88.

483

Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? С. 223–224.

484

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3533. Л. 1.

485

Там же. Оп. 11. Д. 29. Л. 95–96

486

Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 314. Л. 5, 8–9.

487

См. подробнее: Жирнов Е. «Население стало совсем отказываться от приема русских дензнаков» // Коммерсантъ-История. 2022. 18 июня.

488

Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. С. 657–659.

489

Образование СССР. 1917–1924. Сборник документов. М.; Л., 1949. С. 425.

490

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 10. Л. 26.

491

Там же. Оп. 166. Д. 227. Л. 2.

492

См. подробнее: История Якутии: в 3 т. Т. 3. Новосибирск, 2021. С. 130–134.

493

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 489. Л. 40.

494

Там же. Оп. 167. Д. 15. Л. 36.

495

Там же. Оп. 163. Д. 569. Л. 33.

496

Там же. Оп. 162. Д. 6. Л. 2, 16–17.

497

См. подробнее: История Якутии. Т. 3. С. 142–143.

498

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1301. Л. 29.

499

Там же. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1139. Л. 2.

500

Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4392. Л. 1–3.

501

Там же. Ф. 17. Оп. 163. Д. 451. Л. 35.

502

Там же. Оп. 167. Д. 14. Л. 67.

503

Там же. Ф. 17. Оп. 167. 16. Л. 166.

504

Там же. Оп. 163. Д. 430. Л. 17–18.

505

Там же. Оп. 167. Д. 13. Л. 205; Д. 16. Л. 225.

506

Территория и власть в новой и новейшей истории российского государства. М., 2012. С. 160.

507

Галкин Ю.И. Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области. М., 2007. С. 16–31.

508

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 448. Л. 4; Д. 453. Л. 3; Галкин Ю.И. Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области. С. 35–39.

509

См. подробнее: Борисенок Е.Ю. Феномен советской украинизации. М., 2006. С. 100–103.

510

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 14. Л. 47.

511

Там же. Д. 12. Л. 46.

512

См. подробнее: Чеботарева В.Г. Национальная политика Российской Федерации. 1925–1938 гг. М., 2008. С. 171–194.

513

Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. С. 697–698.

514

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 14. Л. 86.

515

Борисенок Е.Ю. Феномен советской украинизации. С. 104.

516

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4490. Л. 19–20.

517

См. подробнее: Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. 47–107.

518

Ленин В.И. ПСС. Т. 39. С. 334–335.

519

В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1899–1922. М., 1999. С. 306.

520

См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. С. 716–717.

521

Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 49.

522

Там же. С. 320.

523

ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933 гг. М., 2005. С. 383–384.

524

Там же. С. 400.

525

Там же. С. 513.

526

См. подробнее: История Новоросии. М.; СПб., 2018. С. 548–558.

527

Цит. по: Корнилов В.В. Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта. Харьков, 2011. С. 539.

528

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 14. Л. 244.

529

Там же. Д. 8. Л. 147.

530

См. подробнее: Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939.

531

См. подробнее: Там же. С. 254–255.

532

См. подробнее: Борисенок Е.Ю. Феномен советской украинизации. С. 209–229.

533

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 911. Л. 12, 43.

534

См.: Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 333–355.

535

XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии — ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1930. С. 54.

536

См. подробнее: Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. С. 331–341.

537

VIII съезд РКП(б). Протоколы. М., 1959. С. 27.

538

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 11. Л. 235.

539

Там же. Д. 16. Л. 203.

540

Там же. Д. 13. Л. 132.

541

Там же. Д. 18. Л. 198–199.

542

Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 239.

543

Там же.

544

Там же. С. 249–250.

545

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 15. Л. 56.

546

Там же. Д. 10. Л. 18.

547

Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? С. 201, 205–206, 212–213.

548

Там же. С. 112–113.

549

Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. С. 544.

550

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 765. Л. 11.

551

Там же. Д. 1105. Л. 163–169.

552

Там же. Л. 139–140.

553

Там же. Ф. 17. Оп. 2. Д. 200. Л. 48–49.

554

См. подробнее: Чеботарева В.Г. Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг. М., 2008. С. 44–70.

555

См. подробнее: Там же. С. 64–66.

556

Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. С. 549–550.

557

См.: Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 646–648.

558

Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. С. 551.

559

Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 25–26.

560

Там же. С. 28–30.

561

Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 190.

562

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 10. Л. 154.

563

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 433. Л. 6.

564

Там же. Оп. 167. Д. 11. Л. 172.

565

Там же. Оп. 3. Д. 448. Л. 6.

566

Там же. Оп. 167. Д. 13. Л. 147.

567

Там же. Оп. 3. Д. 473. Л. 3.

568

Там же. Д. 480. Л. 5

569

Там же. Оп. 167. Д. 16. Л. 216.

570

Там же. Оп. 3. Д. 553. Л. 6.

571

Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). 1923–1938. Т. 1: 1923–1926. М., 2007. С. 393.

572

РГАНИ. Ф. 4. Оп. 15. Д. 50. Л. 6; Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991. М., 2009. С. 185–187.

573

Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 396.

574

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 31. Л. 47–48.

575

Протоколы Десятой Всероссийской конференции РКП (большевиков). Май 1921 г. М., 1933. С. 66.

576

Правоэсеровский политический процесс в Москве 8 июня — 4 августа 1922 г. Стенограммы судебных заседаний. Т. 1–2. М., 2011. С. 18; Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь — август 1922 г.). подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов. М., 2002.

577

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 30. Л. 26.

578

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 175. Л. 8–12

579

См. подробнее: Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК — ОГПУ. 1921–1923. М., 2005. С. 11–12.

580

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 5. Л. 195.

581

Там же. Оп. 168. Д. 10. Л. 37.

582

Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 189.

583

Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК — ОГПУ. 1921–1923. С. 15–16.

584

Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б) — ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М., 1999. С. 38.

585

Там же. С. 41.

586

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1338. Л. 1; В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 544–545.

587

Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК — ОГПУ. 1921–1923. С. 20–22.

588

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1245; В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 550–557.

589

Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК — ОГПУ. 1921–1923. С. 39–41.

590

«Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2001. Т. 2. С. 387–388.

591

См. подробнее: Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. В 5 т. М., 2000. Т. 1. С. 29–30.

592

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 245. Л. 11–13.

593

Шахтинский процесс 1928 г. Подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. Кн. 1. М., 2010. С. 50.

594

Там же. С. 773.

595

Как ломали НЭП. Т. 1. С. 159.

596

Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). 1923–1938. Т. 3. 1928–1938. М., 2007. С. 589.

597

Шахтинский процесс 1928 г. Подготовка, проведение, итоги: в 2 кн.; Мозохин О.Б. Репрессии в цифрах и документах. Деятельность органов ВЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ (1918–1953 гг.). М., 2018. С. 18.

598

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 229. Л. 1–2.

599

Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М., 2014. С. 90–91.

600

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 282. Л. 2.

601

Там же. Ф. 5. Оп. 2. Д. 48. Л. 16–17; Одинцов М.И. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 67–69.

602

В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 515–518.

603

Политбюро ЦК РКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог. Т. 1. 1919–1929. М., 2000. С. 167.

604

См. подробнее: Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. С. 98–100.

605

Там же. С. 102–103.

606

См.: Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. М.; Новосибирск, 1997. С. 40–43, 53–54.

607

Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. С. 40.

608

Там же. Кн. 1. С. 48.

609

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 291. Л. 2.

610

Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. С. 107.

611

См. подробнее: Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. Кн. 1. С. 22–25, 28–29.

612

Там же. С. 314–315.

613

Там же. Кн. 1. С. 55; Кн. 2. С. 240.

614

Там же. С. 81–82.

615

Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. С. 111.

616

См. подробнее: Одинцов М.И. Жребий пастыря. Жизнь и церковное служение патриарха Московского и всея России Тихона (Беллавина). 1865–1925. М., 2021. С. 464–483.

617

Цит. по: Одинцов М.И. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 96–97.

618

Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. Кн. 1. С. 237.

619

РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 115. Л. 24–25; Одинцов М.И. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. С. 106–107.

620

Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. Кн. 1. С. 101–104, 414–417.

621

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2544. Л. 5.

622

Там же. Оп. 11. Д. 29. Л. 12.

623

Там же. Ф. 17. Оп. 167. Д. 11. Л. 124.

624

Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. Кн. 1. С. 107–108.

625

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 14. Л. 115.

626

Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. Кн. 1. С. 294–295.

627

Сталин И.В. Соч. Т. 8. М.: ОГИЗ, 1948. С. 69.

628

Там же. Т. 4. М.: ОГИЗ, 1947. С. 27.

629

Там же. Т. 7. М.: ОГИЗ, 1952. С. 116.

630

Троцкий Л.Д. Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе эпигонов. М., 1990. С. 198.

631

См., например: Давыдов А.Ю. Новая экономическая политика. Власть, народ, хозяйство в послереволюционной России (1921–1929). СПб., 2021. С. 66–69.

632

Сталин И.В. Соч. Т. 8. С. 279.

633

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 136. Л. 55, 86.

634

Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 21.

635

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 136. Л. 84.

636

Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1164. Л. 1.

637

XI съезд РКП(б). Март — апрель 1922 года. Стенографический отчет. М., 1961. С. 611.

638

Там же. С. 43.

639

Известия ЦК РКП(б). 1922. № 8. С. 11–12.

640

Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 71–72.

641

Учет и распределение работников. К совещанию секретарей и зав. орготделами губкомов (По материалам учетно-распределительного отдела ЦК). М., 1923.

642

Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 198.

643

Там же. Т. 8. С. 296.

644

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. М., 1953. С. 704.

645

Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 51.

646

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 8–8 об.

647

Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 590. Л. 41.

648

Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 94.

649

Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 383.

650

Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С 151.

651

Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). 1923–1928. Т. 1. С. 369–373.

652

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 523. Л. 2–5.

653

Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). 1923–1928. Т. 1. С. 373, 374, 376.

654

Советское руководство. Переписка. 1928–1941. М., 1999, С. 22.

655

Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). 1923–1928. Т. 1. С. 374

656

Там же. С. 405.

657

Там же. С. 556, 558.

658

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 18552. Л. 1.

659

В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 430, 437.

660

Там же. С. 538.

661

Там же. С. 538–539.

662

Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 206.

663

Известия ЦК РКП(б). 1922. № 8. С. 11–12.

664

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 419. П. 19.

665

XII съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. М., 1968. С. 63.

666

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 558. Л. 4, 42.

667

Там же. Оп. 112. Д. 494. Л. 11, 17, 27–28.

668

Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 24.

669

Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 308.

670

История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Кн. 2. С. 35.

671

Ленин В.И. ПСС. Т. 42. С. 32.

672

См. подробнее: Безбородов А.Б. История Коммунистической партии Советского Союза. М., 2014. С. 176–183; Назаров О.Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. М., 2000. С. 53–81.

673

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 494. Л. 11, 17, 27–28.

674

Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 210, 212.

675

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 15. Л. 85.

676

СУ РСФСР. 1921. № 53. Ст. 326. С. 588–590.

677

См. подробнее: Справочник партийного работника. Вып. IV. М., 1924. С. 277–279.

678

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 408. П. 6.

679

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. М., 1953. С. 135.

680

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 871. Л. 19–26.

681

Там же. Д. 312. Л. 4.

682

Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 343–348; РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24047, 24048, 24049.

683

Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 151.

684

Ленин В.И. ПСС. Т. 54. С. 329.

685

Там же. С. 330.

686

Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 191.

687

XII съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М., 1968. С. 102, 197.

688

Там же. С. 198–199.

689

См. подробнее: Истер Дж. М. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификации элиты в Советской России. М., 2010. С. 55.

690

XII съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. С. 181.

691

РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. 1923. С. 129.

692

Там же. С. 174, 179–180.

693

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 25. Л. 58–63.

694

РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. 1923 г. С. 194–196, 197–214, 223–242.

695

Ленин В.И. ПСС. Т. 54. С. 329.

696

РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. 1923 г. С. 229.

697

Там же. С. 226.

698

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 104. Л. 40.

699

Там же. Л. 1.

700

Там же. Оп. 167. Д. 9. Л. 90.

701

РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. 1923 г. С. 284–285.

702

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 398. Л. 4.

703

Там же. Л. 5–6.

704

РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. 1923 г. С. 295–296.

705

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1144. Л. 28 об — 29; Правда. 1924. 20 июня.

706

Там же. Д. 126. Л. 69.

707

Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя. М., 2015. С. 120.

708

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 264. Л. 28–29.

709

См. подробнее: Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 26–27.

710

Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 202–203.

711

РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. 1923 г. С. 367–368.

712

См. подробнее: Там же. С. 24.

713

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2659. Л. 1.

714

Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная армия в 1920-е годы. М., 2007. С. 104.

715

РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. 1923 г. С. 147–148.

716

Там же. С. 150.

717

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 17. Л. 61.

718

XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.: Государственное издательство, 1926. С. 275.

719

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 796. Л. 4–7; Д. 708. Л. 20.

720

См. подробнее: Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). 1923–1938. Т. 1. С. 38–40.

721

Там же. С. 827.

722

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 23–25 об.

723

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. С. 347.

724

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 37–42 об.

725

Там же. Л. 48.

726

Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Т. 1–4. М., 1990. Т. 3. С. 63.

727

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 109. Л. 153.

728

Там же. Ф. 17. Оп. 2. Д. 325; Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 21–23 октября 1927 г. Документы и материалы. М., 2018. С. 5–17.

729

XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.: Государственное издательство, 1926. С. 256.

730

Первая Ленинградская областная конференция ВКП(б). 15–19 ноября 1927 года. Стенографический отчет. М.: Госиздат, 1927. С. 27–28.

731

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 131. Л. 65.

732

Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 714. Л. 4.

733

Там же. Д. 721. Л. 5.

734

Сталин И.В. Соч. Т. 5. М., 1947. С. 111.

735

См. подробнее: Кантор Ю.З. Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии 20–30-х годов. М., 2014. С. 28–34.

736

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2 Д. 1119; Ф. 5. Оп. 1. Д. 1952. Л. 38–39; В.И. Ленин. Неизвестные работы. 1891–1922. С. 504–505.

737

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24788. Л. 3–5; В.И. Ленин. Неизвестные работы. 1891–1922. С. 534.

738

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 23098. Л. 3; В.И. Ленин. Неизвестные работы. 1891–1922. С. 535–536.

739

Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 193.

740

В.И. Ленин. Неизвестные работы. 1891–1922. С. 547–548.

741

Там же. С. 547.

742

См. подробнее: Захаров В.В. Военные аспекты взаимоотношений СССР и Германии: 1921 — июнь 1941. М., 1992. С. 30–31.

743

См. подробнее: Кантор Ю.З. Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии 20–30-х годов. С. 39.

744

Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 63.

745

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 12. Л. 45.

746

Там же. Оп. 163. Д. 322. Л. 6–6 об.

747

ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 1. М., 1994. С. 255, 299; Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. М., 2004. С. 224.

748

РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 49. Л. 23–26. См.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 222–224.

749

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 245, 251, 253.

750

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 5. Л. 55–58. См.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 471.

751

См. подробнее: Линдер И.Б., Чуркин С.А. Красная паутина: тайны разведки Коминтерна. 1919–1943. М., 2005. С. 321–322.

752

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 442.

753

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 57. Л. 1.

754

Там же. Ф. 17. Оп. 167. Д. 14. Л. 161.

755

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 318–319.

756

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 47–48. См.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 356–357.

757

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 37–42 об.

758

Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. Сборник документов. М., 1995. С. 94.

759

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 4. Л. 76. См.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 437.

760

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 68. Л. 8–10. См.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 443.

761

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 634. Л. 2, 6, 7, 16–33. См.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 445–457.

762

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 29. Л. 4. См.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 442–443.

763

Сталин И.В. Соч. Т. 9. С. 225–227, 229–230; Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 455–456.

764

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 457.

765

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 57.

766

См.: Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. Сборник документов. С. 115.

767

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 15. Л. 131.

768

РГАСПИ. Ф. 508. Оп. 1. Д. 65. Л. 1–2; Ф. 17. Оп. 3. Д. 674. Л. 3. См.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 507, 536.

769

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 318. Л. 10–11; Советская Россия в борьбе за «афганский коридор» (1919–1925). Сборник документов. С. 416–417, 418.

770

РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 49. Л. 26; Советская Россия в борьбе за «афганский коридор» (1919–1925). Сборник документов. С. 418.

771

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 405. Л. 1; Советская Россия в борьбе за «афганский коридор» (1919–1925). Сборник документов. С. 419.

772

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 28–29; Советская Россия в борьбе за «афганский коридор» (1919–1925). Сборник документов. С. 439.

773

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 176–177; Советская Россия в борьбе за «афганский коридор» (1919–1925). Сборник документов. С. 454–456.

774

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 717. Л. 1.

775

Там же. Д. 728. Л. 2; Д. 729. Л. 3.

776

Там же. Д. 731. Л. 5.

777

Там же. Д. 728. Л. 2; Д. 729. Л. 3.

778

Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б) по вопросам советско-польских отношений 1923–1944 гг. М., 1997. С. 17.

779

РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 364; Дюллен С. Уплотнение границ. С. 191–199.

780

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 75.

781

Коммунистический Интернационал в документах 1919–1932 гг. М., 1933. С. 699.

782

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 71. Л. 2–3.

783

Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 45.

784

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927–1939. Т. 1. М., 1999. С. 22–23.

785

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 15. Л. 148.

786

Источник. 1995. № 5. С. 118.

787

Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 114.

788

Там же. С. 13–14.

789

Там же. С. 94.

790

Там же. С. 50, 289–290.

791

XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1935. С. 40–42. 43–45.

792

Там же. С. 46.

793

Ширер. Д. Отражение гражданской войны в политике Сталина: уроки и предубеждения // Уроки Октября и практики советской системы. 1920–1950-е гг. М., 2018. С. 11–16.

794

Дюллен С. Уплотнение границ. С. 203–204.

795

XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. С. 47.

796

Дюллен С. Уплотнение границ. С. 199, 201.

797

См.: Документы внешней политики. Т. 11. С. 463–467, 503–506; Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. С. 164, 175–176.

798

См. подробнее об обстоятельствах подписания Московского протокола: Мельтюхов М.И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.). М., 2015. С. 309–315.

799

Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. М., 1999. С. 67.

800

Там же. С. 68.

801

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 82. Д. 9. Л. 1, 10; Д. 12. Л. 4–7. См.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 247, 286–287.

802

Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 199.

803

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5521. Л. 1–2; Сталин. От умеренного большевизма к радикализму. 1917–1922. М., 2019. С. 124, 125.

804

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 127.

805

Там же. С. 133.

806

Там же. С. 142.

807

Там же. С. 144.

808

См. подробнее: Линдер И.Б., Чуркин С.А. Красная паутина. Тайны разведки Коминтерна. 1919–1943. С. 376–377.

809

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 69. Л. 1, 3.

810

Там же. Оп. 11. Д. 139. Л. 89–91. См.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 392–394.

811

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 151.

812

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 763. Л. 6–8. См.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 270–271.

813

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 152–153.

814

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 159.

815

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 734. Л. 37–37 об.

816

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 164.

817

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 357. Л. 12.

818

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 167.

819

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2549. Л. 1.

820

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 170.

821

Там же. С. 171.

822

Там же.

823

Там же. С. 172.

824

Там же. С. 203–204.

825

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 504. Л. 5; Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 205.

826

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 1. Л. 21–22. См.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 207–208.

827

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 25. Л. 110. См.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 208.

828

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 196. Л. 190. См.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 214.

829

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 195. Л. 12. См.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 233.

830

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 109. Л. 33.

831

Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2628. Л. 4. См.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 257.

832

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 30–31. См.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 273–274.

833

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 475. Л. 1. См.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 279.

834

См.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 386–388.

835

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 22. Л. 51–51 об. См.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 328–329.

836

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 734. Л. 143. См.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 326–327.

837

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 226. Л. 139. Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 547.

838

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 78–81. См.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 302–304.

839

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 492. Л. 2; Д. 499. Л. 2, 3. См.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 307–308, 311.

840

Сталин И.В. Соч. Т. 8. С. 2.

841

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 7873. Л. 85, 87. См.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 354–355.

842

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 22. Л. 51–51 об. См.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 552, 555.

843

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 668. Л. 10; Ф. 558. Оп. 11. Д. 136. Л. 8–10; Ф. 558. Оп. 11. Д. 22. Л. 70–75 об.; см.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 500, 514–517.

844

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 686. Л. 7. См.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 524.

845

Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 202–203.

846

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 817. Л. 92.

847

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 571.

848

Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 302, 307, 310.

849

Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная армия в в 1920-е годы. С. 14.

850

В.И. Ленин. Неизвестные работы. 1891–1922. М., 2017. С. 426.

851

Там же. С. 483.

852

Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная армия в в 1920-е годы. С. 16.

853

Там же. С. 17.

854

Там же. С. 20, 23–24.

855

См. подробнее: История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963. Документы и материалы. Т. 2: Советское военно-промышленное производство. (1918–1926). М., 2005. С. 282–284.

856

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1970. С. 62.

857

Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная армия в 1920-е годы. С. 63.

858

Там же. С. 24–38.

859

Там же. С. 63.

860

Там же. С. 79–81.

861

Там же. С. 102.

862

Там же. С. 73.

863

Там же. С. 96, 97, 99–100.

864

Там же. С. 103–104.

865

Там же. С. 126, 135.

866

Там же. С. 136–137.

867

Там же. С. 139.

868

Советская армия: годы реформ и испытаний. Т. 1. М., 2018. С. 15, 83–84.

869

Красная присяга. 1923. № 18. С. 22–23. Цит. по: Кантор Ю.З. Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии 20–30-х годов. С. 45.

870

Фрунзе М.В. Избранные произведения. Т. 2. М., 1957. С. 127.

871

Кантор Ю.З. Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии 20–30-х годов. С. 45.

872

См.: РГВА. Ф. 37977. Оп. 5. Д. 56. Л. 14, 46, 65.

873

См.: Там же. 5. Д. 62. Л. 38.

874

См.: ЦАМО. Ф. 28. Оп. 18. Д. 1. Л. 1–2.

875

См. подробнее: История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963. Документы и материалы. Т. 2. С. 23–25.

876

Там же. С. 509–510.

877

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 113; Становление оборонно-промышленного комплекса СССР 1927–1937. Т. 3. Ч. 1 (1927–1932). М., 2008. С. 84–86.

878

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 182. Л. 2–2 об.

879

Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная армия в 1920-е годы. С. 171.

880

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 641. Л. 3.

881

Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 63.

882

См. подробнее: Иссерсон Г.С. Записки современника о М.Н. Тухачевском // Военно-исторический журнал. 1963. № 4. С. 66; Минаков С.Т. Советская военная элита 20-х годов (состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орел, 2000. С. 479–480; Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения. Конец 1920 — середина 1930-х гг. СПб., 2002. С. 23–24.

883

Цит. по: Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения. Конец 1920 — середина 1930-х гг. С. 23–24.

884

Минаков С.Т. Советская военная элита 20-х годов (состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). С. 481.

885

См.: РГВА. Ф. 37977. Оп. 5. Д. 216. Л. 1–3; Оп. 3. Д. 210. Л. 14–16.

886

Становление оборонно-промышленного комплекса СССР. 1927–1937. Т. 3. Ч. 1 (1927–1932). С. 159–161.

887

Ленин В.И. ПСС. Т. 43. М., 1970. С. 133.

888

Аллен Р.С. От фермы к фабрике. Новая интерпретация советской промышленной революции. М., 2013. С. 73.

889

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 11. Л. 233.

890

Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 37–42 об.

891

Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 294. Л. 4.

892

Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 222.

893

Там же. С. 335.

894

Там же. С. 338–339.

895

Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). 1923–1938. Т. 1. С. 73, 74.

896

Там же. С. 79.

897

Там же. С. 58–59, 63, 80.

898

Там же. С. 257.

899

Там же. С. 393–394, 398.

900

Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). 1923–1938. Т. 1. С. 533.

901

Там же. С. 534.

902

Там же. С. 541.

903

РКП(б): внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. 1923 г. С. 36.

904

Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). 1923–1938. Т. 1. С. 71–72.

905

Там же. С. 387.

906

Там же. С. 387.

907

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 8. Л. 70.

908

Там же. Д. 9. Л. 160.

909

Там же. Ф. 670. Оп. 1. Д. 32. Л. 1.

910

Там же. Ф. 17. Оп. 167. Д. 9. Л. 98.

911

Там же. Д. 17. Л. 35.

912

Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). 1923–1938. Т. 1. С. 202–203.

913

Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936. Документы. С. 209–210.

914

РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 683. Л. 8–9.

915

Там же. Ф. 17. Оп. 163. Д. 498. Л. 29.

916

Там же. Оп. 167. Д. 15. Л. 82.

917

Там же. Оп. 166. Д. 84. Л. 1–2.

918

Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 128–129.

919

Там же. С. 132.

920

Там же. С. 126.

921

См.: Аллен Р.С. От фермы к фабрике. Новая интерпретация советской промышленной революции. С. 81–87.

922

Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). 1923–1938. Т. 3: 1928–1938. С. 586–587.

923

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 14. Л. 178.

924

Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). 1923–1938 гг. Т. 1. С. 319–366.

925

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 14. Л. 142.

926

Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). 1923–1938. Т. 1. С. 339–341.

927

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 17. Л. 64.

928

Там же. Д. 14. Л. 245.

929

Там же. Д. 18. Л. 179.

930

Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 23–25 об.

931

Там же. Л. 43–44 об.

932

Там же. Л. 6–7 об.

933

Там же. Ф. 17. Оп. 167. Д. 17. Л. 41.

934

См.: Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Т. 2. С. 46.

935

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 676. Л. 16.

936

Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 119. Л. 5.

937

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 22. Л. 132.

938

Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 159.

939

Там же. С. 171.

940

Данилов В.П., Ватлин А.Ю., Хлевнюк О.В. Введение // Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: в 4 т. Т. 2. М., 2000. С. 14.

941

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: в 5 т. Т. 1. С. 237.

942

Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 209, 211.

943

Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). 1923–1938. Т. 3: 1928–1938. М., 2007. С. 747–748.

944

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. С. 275–276.

945

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 1–2 об.

946

См. подробнее: Соколов А.К. От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. М., 2012. С. 58.

947

См.: Куманев Г.А. Вклад советской военной экономики в победу // Война. Народ. Победа: материалы международной научной конференции. М., 2008. С. 214.

948

Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 246.

949

См. подробнее: Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя. М., 2015. С. 155–156.

950

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1048. Л. 35.

951

Сталин И.В. Соч. Т. 11. М.: ОГИЗ, 1949. С. 247.

952

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. Т. 4: 1926–1929. М., 1984. С. 449–450.

953

Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 248.

954

Там же.

955

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5: 1929–1932. М., 1984. С. 147.

956

Сталин И.В. Соч. Т. 13. М.: ОГИЗ, 1951. С. 29.

957

Там же. С. 38.

958

Там же. С. 39.

959

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 121–122.

960

Там же. Л. 115–116 об.

961

См.: Осокина Е.А. Золото для индустриализации: «Торгсин». М., 2009. С. 72–78, 79–83, 352, 528–529.

962

См.: Рождение державы. История Советского Союза с 1917 по 1945 г. М., 2015. С. 527.

963

РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 27. Д. 397. Л. 5 об. — 6.

964

Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 115–116 об.

965

См.: Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг.: Сборник документов. С. 178–181, 193–194.

966

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 134–140.

967

Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 277.

968

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 831. Л. 32–33.

969

См. подробнее: Фонотов А.Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993. С. 134.

970

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 78. Л. 20.

971

Там же. Ф. 81. Оп. 3. Д. 100. Л. 112–113.

972

Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3053. Л. 1.

973

Там же. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 71–76.

974

См.: Аллен Р.С. От фермы к фабрике. Новая интерпретация советской промышленной революции. С. 241.

975

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 77. Л. 65–65 об.

976

Там же. Л. 120–120 об.

977

Там же. Д. 76. Л. 43.

978

Там же. Л. 33–34.

979

Там же. Д. 79. Л. 61–62.

980

Там же. Д. 84. Л. 86–86 об.

981

Там же. Ф. 17. Оп. 166. Д. 447. Л. 1.

982

Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 78. Л. 76.

983

Там же. Оп. 163. Д. 1032. Л. 135.

984

Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 41–42.

985

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3808. Л. 1–12.

986

Там же. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 35–36.

987

Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 78. Л. 39–39 об.

988

Там же. Ф. 81. Оп. 3. Д. 255. Л. 135–138; Советское руководство. Переписка. 1928–1941. М., 1999. С. 270–271.

989

См. подробнее: Рождение державы. С. 532–533.

990

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5. С. 149–150.

991

Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 185–186.

992

Становление оборонно-промышленного комплекса СССР. 1927–1937. Т. 3. Ч. 2: 1933–1937. М., 2011. С. 7.

993

См. подробнее: Меерович М.Г. Альберт Кан в истории советской индустриализации. — URL: https://archi.ru/elpub/91506/albert-kan-v-istorii-sovetskoi-industrializacii

994

См., например: Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2008. С. 154.

995

XVII конференция Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1932. Л. 271–276.

996

См., например: Грегори П. Политическая экономия сталинизма. С. 155.

997

Сталин И.В. Соч. Т. 12. М., 1949. С. 135.

998

РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 32. Д. 53а. Л. 136–140; цит. по: Грегори П. Политическая экономия сталинизма. С. 186.

999

См. подробнее: Грегори П. Политическая экономия сталинизма. С. 164–196.

1000

Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 80; РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 16–19.

1001

См. подробнее: Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 210–212.

1002

Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 55.

1003

Там же. С. 119.

1004

См. подробнее: Ильюхов А.А. Как платили большевики. Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М., 2010. С. 249.

1005

XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 26 января — 10 февраля 1934 г. Стенографиеский отчет. М., 1934. С. 26.

1006

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 530. Л. 78–98.

1007

Там же. Оп. 3. Д. 945. Л. 5, 49–58.

1008

Там же. Д. 993. Л. 13, 84–85.

1009

См. подробнее: Ильюхов А.А. Как платили большевики. Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. С. 213–231, 327.

1010

См. подробнее: Там же. С. 323.

1011

Народное хозяйство СССР. Статистический справочник. М., 1956. С. 41, 42.

1012

Там же. С. 188.

1013

Там же. С. 206.

1014

Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник. М., 2015. С. 53, 57.

1015

СЗ. СССР. 1927. № 26. Ст. 280.

1016

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 841. Л. 3.

1017

СЗ СССР. 1932. № 57. Ст. 340.

1018

Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 60; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 76. Л. 30–31.

1019

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 849. Л. 4–5.

1020

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 6 т. Т. 2: 1929–1940 годы. М., 1967. С. 555.

1021

Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 203–204.

1022

Правда. 1932. 23 августа. № 233.

1023

Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 204.

1024

Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 113, 116, 119.

1025

Цит. по: Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. С. 209–210.

1026

СЗ СССР. 1936. № 11. Ст. 93.

1027

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1032. Л. 9, 55–64.

1028

Там же. Д. 1036. Л. 23.

1029

Там же. Л. 59.

1030

Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921–1927 гг.). Новосибирск, 1992. С. 219.

1031

Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 252, 253.

1032

Там же. Т. 10. С. 305.

1033

Ленин В.И. ПСС. Т. 42. М., 1970. С. 181.

1034

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. С. 367.

1035

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 119. Л. 5.

1036

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы: В 5 т. Т. 1: Май 1927 — ноябрь 1929. М., 1999. С. 659–660.

1037

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 109–110; Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 169–170.

1038

Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 252–253, 258–259.

1039

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 37. Л. 44.

1040

Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 755. Л. 2–4; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 1. С. 691–692.

1041

Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 147.

1042

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 761. Л. 17.

1043

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5. С. 29.

1044

Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918–1939: Документы и материалы: в 4 т. Т. 3: 1930–1934. Кн. 1: 1930–1931. М., 2003. С. 16.

1045

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 346. Л. 11.

1046

Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. Т. 1: 1918–1922. С. 17–18; Т. 3. Кн. 1. С. 18–19.

1047

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 825. Л. 93–96.

1048

Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. Т. 3. Кн. 1. С. 10–11.

1049

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 3: Конец 1930–1933. М., 2001. С. 8.

1050

Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 194.

1051

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 31. Л. 124; Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. Т. 1: 1929 — июль 1932. Кн. 1. М., 2011. С. 408.

1052

См. подробнее: Ивницкий Н.А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М., 2000. С. 162.

1053

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 808. Л. 10.

1054

Там же. Оп. 162. Д. 9. Л. 137.

1055

Там же. Оп. 167. Д. 31. Л. 161.

1056

Там же. Оп. 162. Д. 10. Л. 141, 144–148, 151, 154–159.

1057

Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936. С. 72.

1058

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 5.

1059

См. подробнее: Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. Т. 3. Кн. 1. С. 32–42.

1060

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 3: Конец 1930–1933. М.: РОССПЭН, 2001. С. 453–454.

1061

Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 34.

1062

Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода. Сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М., 2011. С. 440–441.

1063

Там же.

1064

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 3. С. 35.

1065

Сталин И.В. Соч. Т. 11. М… 1949. С. 162.

1066

РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 652. Л. 8–20. Голод в СССР. Т. 3: Лето 1933–1934. М., 2013. С. 7.

1067

Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 262.

1068

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1991. Л. 3, 39–40; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 3. С. 296–298.

1069

См., например: Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и становление сталинской диктатуры. С. 92–94.

1070

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 77. Л. 12–12 об.

1071

Там же. Л. 82; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 3. С. 394.

1072

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 3. С. 394–397, 397–403 и др.

1073

РГАСПИ. Ф. 631. Оп. 5. Д. 52. Л. 48–53; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 3. С. 277–282.

1074

Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. Т. 3. Кн. 1. С. 24.

1075

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 3. С. 33.

1076

[26] См., например: Голод в СССР. Т. 3. С. 6.

1077

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 42. Д. 34. Л. 85–86; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 3. С. 404–406.

1078

ЦДНИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2488. Л. 21.

1079

Голод в СССР. Т. 3. С. 41.

1080

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 79. Л. 2–3.

1081

Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода. Сельское хозяйство СССР, 1931–1933. С. 439.

1082

РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 38. Л. 80; Советское руководство. Переписка. 1928–1941. С. 196.

1083

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 12. Л. 2–3; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 3. С. 288–289.

1084

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 78. Л. 79–81.

1085

Там же. Д. 79. Л. 24.

1086

Там же. Д. 64. Л. 35.

1087

Там же. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 144–151.

1088

Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 198–198 об.

1089

Там же. Ф. 81. Оп. 3. Д. 100. Л. 22–24.

1090

Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 85. Л. 80–80 об.

1091

Там же. Д. 43. Л. 18.

1092

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 2027. Л. 7; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 3. С. 610.

1093

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 45. Л. 98.

1094

Голод в СССР. Т. 2: Июль 1932 — июль 1933. М., 2012. С. 236.

1095

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 2027. Л. 8; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 3. С. 610.

1096

Голод в СССР. Т. 2. С. 316–317.

1097

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 45. Л. 32; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 3. С. 540–541.

1098

Голод в СССР. Т. 1. Кн. 2. С. 225.

1099

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 12. Л. 114; Голод в СССР. Т. 1. Кн. 2. С. 248.

1100

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 43. Л. 60; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 3. С. 365.

1101

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 916. Л. 17; Голод в СССР. Т. 2. С. 386

1102

Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 246, 247.

1103

См. подробнее: Голод в СССР. Т. 3. С. 5–15.

1104

Там же. С. 13; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 3. С. 33–34.

1105

Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1998. № 6. С. 127.

1106

Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода. Сельское хозяйство СССР. 1931–1933. С. 419; Голод в СССР. Т. 1. С. 9; Т. 3. С. 653.

1107

См. подробнее: Голод в СССР. Т. 3. С. 43–47.

1108

См., например: Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода. Сельское хозяйство СССР, 1931–1933. С. 12–18, 447–448.

1109

См.: Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и становление сталинской диктатуры.

1110

СЗ СССР. 1933. № 4. Ст. 25.

1111

[61] См.: Зеленин И.Е. Был ли колхозный «неонэп»? // Отечественная история. 1994. № 2. С. 112–113.

1112

СЗ СССР. 1933. № 38. Ст. 228; Голод в СССР. Т. 3. С. 54–55.

1113

Голод в СССР. Т. 3. С. 577–580.

1114

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 84. Л. 20–20 об.

1115

Там же. Д. 89. Л. 35.

1116

Голод в СССР. Т. 3. С. 40.

1117

СЗ СССР. 1934. № 12. Ст. 72; Голод в СССР. Т. 3. С. 325.

1118

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 941. Л. 20; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 4: 1934–1936. М., 2002. С. 77.

1119

РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 100. Л. 22–24; Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 364.

1120

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 84. Л. 20–20 об.

1121

Там же. Ф. 81. Оп. 3. Д. 100. Л. 61–66.

1122

См. подробнее: Голод в СССР. Т. 3. С. 7–12.

1123

СЗ СССР. 1934. № 1. Ст. 8; Голод в СССР. Т. 3. С. 306–307.

1124

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 57. Л. 26; «Вождь». И.В. Сталин в документах и фотографиях. 1917–1953. Историко-документальный проект: в 5 кн. Кн. 3: Революция сверху: от «великих строек коммунизма» к «большому террору». 1929–1938. М., 2020. С. 344–345.

1125

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1191. Л. 4–7; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 4. С. 100–102.

1126

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1191. Л. 10–17; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 4. С. 103–105.

1127

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1191. Л. 21–22; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 4. С. 106.

1128

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 5: 1937–1939. Кн. 2: 1938–1939. М., 2006. С. 107.

1129

Там же. Кн. 1: 1937. М., 2004. С. 120.

1130

Там же. Кн. 2. С. 189–190.

1131

Ильиных В.А. «Великий перелом» в деревне: предпосылки и этапы // «Великий перелом» и его последствия. Материалы XII Международной

научной конференции. Екатеринбург, 26–28 сентября 2019 г. М., 2020. С. 251–252.

1132

См.: Меерович М. Наказание жилищем: Жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937. М., 2008; Ким М. Караганда. Жизнь людей в городе угля. 1931–1941 гг. М., 2017.

1133

Аллен Р.С. От фермы к фабрике. Новая интерпретация советской промышленной революции. С. 245.

1134

Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 159.

1135

См. подробнее: Аллен Р.С. От фермы к фабрике. Новая интерпретация советской промышленной революции; Грегори П. Политическая экономия сталинизма.

1136

Аллен Р.С. От фермы к фабрике. Новая интерпретация советской промышленной революции; Грегори П. Политическая экономия сталинизма. С. 179–201.

1137

Ильюхов А.А. Как платили большевики. Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. С. 249, 358, 370.

1138

РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 100. Л. 83–87.

1139

Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 89. Л. 52.

1140

Там же. Оп. 1. Д. 5388. Л. 205–205 об.

1141

Правда. 1935. 22 ноября.

1142

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1132. Л. 80.

1143

См. подробнее: Жиромская В.В., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 г. М., 1996.

1144

Так называлась статья Алекса Ноува, положившая в 1962 г. начало дискуссии, см.: Nove A. Was Stalin Really Necessary? // Was Stalin Really Necessary? London, 1964. P. 17–39.

1145

Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 248; см. также: Грегори П. Политическая экономия сталинизма.

1146

Аллен Р.С. От фермы к фабрике. Новая интерпретация советской промышленной революции. С. 31.

1147

Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 348.

1148

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. С. 288.

1149

Школа России в документах XX века. Сборник документов и материалов. М., 2017. С. 12–13, 194–207, 210–211.

1150

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 973. Л. 146–148.

1151

Школа России в документах XX века. Сборник документов и материалов. С. 124–128.

1152

ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. М., 2009. С. 302–306.

1153

См.: Там же. С. 240–242, 172–174.

1154

Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 215.

1155

РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 100. Л. 14–16.

1156

Там же. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1112. Л. 85.

1157

Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 354.

1158

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4490. Л. 3–17; Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953. М., 1999. С. 105.

1159

См. подробнее: Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939. М., 2011; Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011.

1160

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1120. Л. 99–102.

1161

Там же. Ф. 17. Оп. 114. Д. 634. Л. 7; ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 342–343.

1162

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 997. Л. 103–107; ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 391–394.

1163

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1187. Л. 98.

1164

Там же. Оп. 114. Д. 640. Л. 6, 36; ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 395.

1165

Чеботарева В.Г. Национальная политика Российской Федерации. 1925–1938 гг. М., 2008. С. 791.

1166

ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 183–185, 260–264, 266–267, 270–271, 278–279, 285, 293, 308, 388–390, 435–438, 447–448, 477–478, 509, 559, 577–580.

1167

См. подробнее: Козлов Ф.Н. Государственно-церковные отношения в 1917 — начале 1940-х гг. в национальных регионах СССР (на примере республик Марий Эл, Мордовии и Чувашии). М., 2017. С. 95–100.

1168

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 805. Л. 24–30; ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 225–228.

1169

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 5. Л. 34–35.

1170

См. подробнее: Сорокин А.К. «Практический работник» Георгий Маленков. М., 2021. С. 78–81.

1171

Цит. по: Хаустов В.Н., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии. 1936–1938 гг. М., 2010. С. 407–408.

1172

Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. С. 191.

1173

РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 35–36.

1174

Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 350

1175

Там же. С. 365.

1176

РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 35–36.

1177

Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 133–137.

1178

См. подробнее: Нерар Ф.-К. Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинском СССР. 1928–1941. М., 2011.

1179

Правда. 1929. 15 марта.

1180

Власть и художественная интеллигенция. С. 86.

1181

Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 328.

1182

Ленин В.И. ПСС. Т. 51. С. 81.

1183

Власть и художественная интеллигенция. С. 275.

1184

Там же. С. 149.

1185

Там же. С. 100.

1186

Там же. С. 213.

1187

«Неизменный друг» — это обязывает… Письма О.И. Соболевой-Михальцевой // Источник. 1998. № 3. С. 113.

1188

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 724. Л. 5.

1189

Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 329.

1190

«Положение его действительно безысходное». Документы о пьесах М.А. Булгакова // Источник. 1996. № 5. С. 116.

1191

Вопросы литературы. 1966. № 9. С. 139.

1192

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 783. Л. 11.

1193

Там же. Д. 955. Л. 14; Власть и художественная интеллигенция. С. 251.

1194

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 994. Л. 52–53; Власть и художественная интеллигенция. С. 385–386.

1195

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 377. Л. 116–136.

1196

Власть и художественная интеллигенция. С. 277.

1197

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5374. Л. 1.

1198

См. подробнее: Власть и художественная интеллигенция. С. 6.

1199

РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 100. Л. 112–113.

1200

Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 85. Л. 91.

1201

Там же. Л. 124.

1202

Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 326–327.

1203

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 718. Л. 9–12.

1204

Правда. 1929. 4 декабря.

1205

РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 100. Л. 14–16.

1206

Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 83. Л. 67–69.

1207

Там же. Д. 201. Л. 5.

1208

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 942. Л. 2; Власть и художественная интеллигенция. С. 208.

1209

См. подробнее: Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР. Документы и комментарии. Т. 1: 1925 — июнь 1941. М., 2011.

1210

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 938. Л. 37–38.

1211

Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 83. Л. 156–157.

1212

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 953. Л. 27; Д. 988. Л. 3; Власть и художественная интеллигенция. С. 250, 378.

1213

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 953. Л. 27; Д. 949. Л. 29, 95; Власть и художественная интеллигенция. С. 219.

1214

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 953. Л. 27; Д. 948. Л. 39; Власть и художественная интеллигенция. С. 217.

1215

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 768. Л. 2; Власть и художественная интеллигенция. С. 123–124.

1216

«Жму вашу руку, дорогой товарищ». Переписка Максима Горького и Иосифа Сталина // Новый мир. 1997. № 9.

1217

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 875. Л. 11; Власть и художественная интеллигенция. С. 168.

1218

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 881. Л. 6, 22.

1219

Там же. Оп. 1. Д. 3168. Л. 1.

1220

Там же. Оп. 113. Д. 692. Л. 2, 86–87; Власть и художественная интеллигенция. С. 97–98.

1221

РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 100. Л. 2, 86–87.

1222

Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 101.

1223

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 864. Л. 9.

1224

Там же. Л. 57–62; см. подробнее: Кремлевский кинотеатр. 1928–1953. Документы. М., 2005.

1225

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3218. Л. 1–2.

1226

Там же. Оп. 11. Д. 1329. Л. 3.

1227

Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 973. Л. 32; Власть и художественная интеллигенция. С. 281.

1228

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 12; Власть и художественная интеллигенция. С. 146.

1229

См.: Смирнова В.А. Первый директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д.Б. Рязанов // Вопросы истории КПСС. 1989. № 9. С. 83.

1230

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5. С. 264.

1231

Реабилитация. Как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: в 3 т. Т. 1. М., 2000. С. 417.

1232

Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 98–99.

1233

Правда. 1932. 9 марта.

1234

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3212. Л. 12–16.

1235

Краткий курс истории ВКП(б). Текст и его история: в 2 ч. Ч. 1: История текста «Краткого курса истории ВКП(б)». 1931–1956. М., 2014.

1236

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1204. Л. 2–30.

1237

Там же. Оп. 163. Д. 1023. Л. 93–95.

1238

Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1584.

1239

См. подробнее: Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М., 2017. С. 139–241.

1240

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 974. Л. 61; Панкратова А.М. Развитие исторических взглядов Покровского // Против исторической концепции М.Н. Покровского. Сборник статей. М.; Л., 1938. С. 5.

1241

См. подробнее: Академическое дело, 1929–1931 гг.: документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993–1998.

1242

Академия наук СССР в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС. 1922–1991. Т. 1: 1922–1952. М., 2000. С. 14–15.

1243

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1093. Л. 153.

1244

Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 159–162.

1245

См.: Цензура в царской России и Советском Союзе. Материалы конференции. Москва. 24–27 мая 1993 г. М., 1995. С. 8–11.

1246

См. подробнее: Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. М., 2009. С. 168–186.

1247

Там же. С. 200–222.

1248

См. подробнее: Безбородов А.Б. История Коммунистической партии Советского Союза. М., 2014. С. 216.

1249

Там же. С. 206–208.

1250

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 930. Л. 62.

1251

Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М., 1995. С. 141; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 946. Л. 20–21.

1252

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 973. Л. 3; Власть и художественная интеллигенция. С. 281.

1253

Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 211.

1254

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 166.

1255

Там же.

1256

Становление оборонно-промышленного комплекса СССР. 1927–1937. Т. 3. Ч. 2. С. 839–840.

1257

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 621. Л. 11.

1258

См. подробнее: Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры.

1259

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 501. Л. 24.

1260

Безбородов А.Б. История Коммунистической партии Советского Союза. С. 208–215.

1261

Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 373.

1262

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. С. 471.

1263

Сталин И.В. Соч. Т. 13. М., 1951. С. 369–370.

1264

XVII съезд ВКП(б). 26 января — 10 февраля 1934 г. Стенографичесий отчет. М., 1934. С. 675.

1265

Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. С. 144–145.

1266

См. подробнее: Истер Дж. М. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010.

1267

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 93. Л. 2.

1268

Там же. Оп. 11. Д. 1084. Л. 33.

1269

См. подробнее: Сорокин А.К. «Практический работник» Георгий Маленков. С. 115–116.

1270

Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. С. 55.

1271

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 5. Кн. 1. С. 28.

1272

Цит. по: Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы. Ч. 1. М., 1997. С. 214.

1273

Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 339–341, 347.

1274

Там же. С. 353.

1275

Там же. Т. 13. С. 4–5.

1276

Четырнадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков): Стенографический отчет. М.; Л., 1925. С. 309.

1277

Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 39.

1278

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 201. Л. 13; Власть и художественная интеллигенция. С. 131–132.

1279

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2939. Л. 1–6; Власть и художественная интеллигенция. С. 135–136.

1280

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 911. Л. 42.

1281

Там же. Л. 12, 43.

1282

Там же. Оп. 163. Д. 1187. Л. 91, 98.

1283

См.: Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939. С. 422–424.

1284

См., например: Баберовски Й. Выжженая земля: сталинское царствие насилия. М., 2014.

1285

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 829. Л. 135–136; Советское руководство. Переписка. 1928–1941. С. 382–383.

1286

См. подробнее: Великанова О. Конституция 1936 года и массовая политическая культура сталинизма. М., 2021. С. 44–46.

1287

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1052. Л. 152.

1288

См. подробнее: Великанова О. Конституция 1936 года и массовая политическая культура сталинизма. С. 50.

1289

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 537. Л. 7.

1290

Там же. Оп. 163. Д. 1052. Л. 152.

1291

Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 209.

1292

Великанова О. Конституция 1936 года и массовая политическая культура сталинизма. С. 51.

1293

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1133. Л. 15–16; ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 211–212.

1294

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 829. Л. 121–126; ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 314.

1295

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1132. Л. 80.

1296

Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 537. Л. 15.

1297

Там же. Л. 155.

1298

Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно». Всесоюзная перепись населения 1937.

1299

Правда. 1934. 28 января.

1300

Сталин И.В. Речь на совещании передовых комбайнеров и комбайнерок с членами ЦК ВКП(б) и правительства 5 дек. 1935 г. М., 1947. С. 5–7.

1301

Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. С. 64.

1302

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1232. Л. 91–104.

1303

Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. С. 218–219, 18, 46.

1304

РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 905. Л. 56–61.

1305

См. подробнее: Мозохин О.Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов Государственной безопасности (1918–1953). М., 2006. С. 41.

1306

Цит. по: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 5. Кн. 1. С. 9.

1307

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 22–23.

1308

Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 72–73.

1309

Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 761. Л. 17.

1310

Там же. Оп. 166. Д. 437. Л. 24–24 об.

1311

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 5. Кн. 1. С. 8.

1312

См. подробнее: Кондрашин В.В. Влияние коллективизации на судьбы России XX в. // Российская история. 2018. № 4. С. 9; Окуда Х. К вопросу о предпосылках коллективизации: настроения работников низовых партийных и советских структур в период нэпа // Там же. С. 16.

1313

См. подробнее: Политбюро и «вредители». Кампания по борьбе с вредительством в сельском хозяйстве СССР. Сборник документов. М., 2018. С. 14–15, 31–32, 42–43.

1314

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 115–116 об.

1315

Правда. 1937. 29 марта.

1316

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 676–2. Л. 4. П. 12.

1317

Там же. Л. 6. П. 18.

1318

Там же. Л. 7, 11–11 об. П. 22.

1319

См. подробнее: Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги: В 2 кн. М., 2012.

1320

Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: В 5 т. Т. 1. М., 2000. С. 156, 159.

1321

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 5388. Л. 115–116 об.

1322

Там же. Л. 121–122.

1323

Там же. Л. 141–148.

1324

Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936. С. 224.

1325

Цит. по: Письма Сталина Молотову // Коммунист. 1990. № 11. С. 99–100.

1326

См. подробнее: Судебный процесс «Промпартии». 1930. Подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. Кн. 1. М., 2016. С. 28–30.

1327

Там же. С. 36–37.

1328

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1084. Л. 1–34.

1329

Цит. по: Меньшевистский процесс 1931 года. Сборник документов: в 2 кн. Кн. 1. М., 1999. С. 7.

1330

Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС. 1922–1991. Т. 1: 1922–1952. С. 13–15.

1331

См. подробнее: Академическое дело. 1929–1931 гг.

1332

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 289. Л. 8.

1333

См.: Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: В 5 т. Т. 4: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 16–23 апреля 1929 г. М., 2000. С. 453; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 417. Л. 120 об.

1334

Евреинов Н. Против уклонов от ленинской линии в профдвижении. М., 1930. С. 86–87.

1335

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 101–105.

1336

См.: Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 166–167.

1337

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 106–107 об.

1338

Там же. Л. 108.

1339

Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. С. 30–31.

1340

Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: в 5 т. Т. 5. М., 2000. С. 159–162.

1341

Там же. С. 167, 168.

1342

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 78. Л. 23.

1343

Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: в 5 т. Т. 5. С. 585.

1344

Там же. С. 543.

1345

Архивы Кремля. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940. Документы: в 2 кн. Кн. 1. М., 2005. С. 50–51.

1346

Цит. по: Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. М., 1990. С. 244.

1347

РГАСПИ. Ф. 329. Оп. 2. Д. 6. Л. 77. Цит. по: Советское руководство. Переписка 1928–1941. М., 1999. С. 146–148.

1348

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 27. Л. 30–31.

1349

См.: Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. С. 60–63.

1350

См. подробнее: Там же. С. 154–155; Анфертьев И.А. Особенности преодоления И.В. Сталиным кризисной ситуации в СССР в начале 1930-х гг. // Российские и славянские исследования. 2010. № 5.

1351

См. подробнее: Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С. 151–152.

1352

См.: Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. С. 156–157.

1353

Цит. по: Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов. М., 1991. С. 434, 439.

1354

Троцкий Л.Д. Преступления Сталина. М., 1994. С. 194.

1355

См.: Борщаговский А.М. Мартемьян Рютин — социальный мыслитель // Время. Идеи. Судьбы. 1991. № 2. С. 113.

1356

См.: Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. С. 163–165.

1357

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 873. Л. 23.

1358

Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 5388. Л. 121–122.

1359

Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 367.

1360

Там же. Т. 13. С. 210–211.

1361

См. подробнее: Хаустов В.Н. «Великий перелом» и фронтальное усиление репрессий (1929–1933) // «Великий перелом» и его последствия. Материалы XII Международной научной конференции. Екатеринбург, 26–28 сентября 2019 г. С. 251–252.

1362

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 319. Л. 26.

1363

Там же. Оп. 162. Д. 7. Л. 113–121.

1364

Там же. Л. 188, 192.

1365

Там же. Оп. 163. Д. 791. Л. 22–22 об.

1366

История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов: в 7. Т. 2. С. 28–29.

1367

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 78. Л. 39–39 об.

1368

Там же. Ф. 17. Оп. 163. Д. 980. Л. 12–22.

1369

См., например: Timasheff N. The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism in Russia. New York, 1946; Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. С. 177–231; Великанова О. Конституция 1936 года и массовая политическая культура сталинизма. С. 54–67.

1370

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 108; Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. С. 60.

1371

См. подробнее: Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. С. 89.

1372

Лубянка. Сталин и ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936. М., 2003. С. 287–288.

1373

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 835. Л. 25.

1374

Там же. Д. 922. Л. 58; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 3. С. 746–750.

1375

См. подробнее: Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. С. 181–183.

1376

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 4. С. 537–538.

1377

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 969. Л. 21; Д. 970. Л. 144–145.

1378

См. подробнее: Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996.

1379

Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 210–211.

1380

История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Т. 1: Массовые репрессии в СССР. М., 2004. С. 609.

1381

Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. С. 183.

1382

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1015. Л. 4; СЗ СССР. 1934. № 33. Ст. 255.

1383

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 100. Л. 61–66.

1384

См. подробнее: Эгге О. Загадка Кирова. Убийство, развязавшее сталинский террор. М., 2011.

1385

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 5. Кн. 1. С. 13.

1386

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 202. Л. 8, 9–22.

1387

Там же. Д. 207. Л. 104.

1388

Там же. Ф. 117. Оп. 171. Д. 202. Л. 8, 9–22.

1389

Правда. 1936. 24 августа.

1390

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 93. Л. 55–55 об.

1391

Известия. 1935. 8 апреля.

1392

Великанова О. Конституция 1936 года и массовая политическая культура сталинизма. С. 56.

1393

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 968. Л. 4–4 об.

1394

См. подробнее: Байбурин А. Советский паспорт: история — структура — практики. СПб., 2019. С. 102–106.

1395

Там же. С. 102.

1396

См. подробнее: Попов В. Паспортная система советского крепостничества // Новый мир. 1996. № 6.

1397

Цит. по: Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1997. № 6. С. 109.

1398

Байбурин А. Советский паспорт: история — структура — практики. С. 137.

1399

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 992. Л. 20; Кошелева Л.П. «Человек перестал быть человеком» // Источник. 1998. № 2. С. 67.

1400

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 16. Л. 14–15.

1401

Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. С. 104; Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. С. 183.

1402

Советское руководство. Переписка. 1928–1941. С. 322–330.

1403

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 179.

1404

Там же. Ф. 17. Оп. 2. Д. 577. Л. 26, 27.

1405

Правда. 1938. 13 марта.

1406

Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 39.

1407

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 983. П. 169.

1408

Там же. Оп. 171. Д. 275. Л. 76.

1409

Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3209. Л. 2.

1410

См.: Хаустов В.Н., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. С. 132–135.

1411

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 5. Кн. 1. С. 33–34.

1412

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 56. Л. 138; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 5. Кн. 1. С. 328.

1413

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 232. Л. 136–142.

1414

Там же. Оп. 166. Д. 576. Л. 140–142.

1415

Там же. Д. 575. Л. 20–22.

1416

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 5. Кн. 2. С. 11–13, 17–19.

1417

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 5. Кн. 2. С. 18–19.

1418

История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Т. 2: Карательная система: структура и кадры. М., 2004. С. 22–27.

1419

См.: Шашков В.Я. Раскулачивание в СССР и судьбы переселенцев 1930–1954 гг. Мурманск, 1996. С. 247–248.

1420

См. подробнее: Политбюро и «вредители». Кампания по борьбе с вредительством в сельском хозяйстве СССР. Сборник документов. С. 632.

1421

См. подробнее: Там же. С. 645–647.

1422

См. подробнее: Там же. С. 663–664.

1423

Цит. по: Хаустов В.Н., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии. 1936–1938. С. 286.

1424

Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1917–1938. М., 2004. С. 250–251.

1425

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 57. Л. 73. «Вождь». И.В. Сталин в документах и фотографиях. 1917–1953. Кн. 3. С. 346–347.

1426

См. подробнее: Хаустов В.Н., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии. 1936–1938. С. 286–304.

1427

См., например: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 5. Кн. 2. С. 68–71.

1428

См.: Грегори П. Политическая экономия сталинизма. С. 36, 338–339.

1429

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 410, 417.

1430

Там же. Д. 417. Л. 210–211.

1431

Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 149.

1432

Там же. Оп. 11. Д. 92. Л. 67–68.

1433

Там же. Д. 94. Л. 124–127.

1434

Там же. Д. 58. Л. 61–61 об.

1435

См.: Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. С. 287–301.

1436

См.: Хаустов В.Н., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. С. 189–226; Кантор Ю.З. Тухачевский. М., 2014. С. 290–346.

1437

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 615. Л. 8.

1438

Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. С. 562.

1439

Там же. С. 604–606.

1440

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 58. Л. 60.

1441

Там же. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1205. Л. 34–35; «Вождь». И.В. Сталин в документах и фотографиях. 1917–1953. Кн. 3. С. 372–375.

1442

Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. С. 631–632.

1443

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 58. Л. 61–61 об.; «Вождь». И.В. Сталин в документах и фотографиях. 1917–1953. Кн. 3. С. 370–371.

1444

См. подробнее: Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» — Николай Ежов. М., 2020. С. 462–465.

1445

Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» — Николай Ежов. С. 553.

1446

См.: История сталинского ГУЛАГа. Конец 20-х — первая половина 50-х годов. Т. 1. С. 609. См. также: Население России в XX веке. Исторические очерки: В 3 т. Т. 1: 1909–1939. М., 2000. С. 318; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 5. Кн. 1. С. 304.

1447

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 5. Кн. 2. С. 18.

1448

Вестник Архива Президента Российской Федерации. Советская армия: годы реформ и испытаний: в 2 т. Т. 1. М., 2018. С. 15–75.

1449

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 1. 1919–1929. М., 2000. С. 706–708.

1450

Советская армия: годы реформ и испытаний. Т. 1. М., 2018. С. 77–79

1451

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 101.

1452

Советская армия: годы реформ и испытаний. Т. 1. С. 23–25, 80.

1453

Там же. С. 27.

1454

См. подробнее: Зданович А.А. Органы государственной безопасности и Красная Армия. Деятельность органов ВЧК — ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008. С. 380–384.

1455

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 595. Л. 88.

1456

См. подробнее: Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 гг. М., 2000.

1457

«Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Сборник документов: в 10 т. М., 2008. Т. 8. Ч. 2: 1930 г. С. 1158–1165.

1458

Ганин А. «Клим! Думаю, что можно было бы заменить Снесареву высшую меру…» // Российская газета. 2018. 23 марта.

1459

Вестник Архива Президента Российской Федерации. Советская армия: годы реформ и испытаний. Т. 1. С. 83–84.

1460

История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963. Документы и материалы. Становление оборонно-промышленного комплекса СССР. 1927–1937. Т. 3. Ч. 1: 1927–1932. М., 2008. С. 402–409.

1461

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 447. Л. 14–18; Становление оборонно-промышленного комплекса СССР. 1927–1937. Т. 3. Ч. 1. С. 434–437.

1462

Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1934 г. Документы и материалы. М., 2007. С. 402.

1463

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 447. Л. 8, 9.

1464

Там же. Д. 446. Л. 66–71.

1465

Там же. Д. 447. Л. 4–7; Сталин. Революция сверху: от «великих строек коммунизма» к «Большому террору». 1929–1938. М., 2019. С. 124–127.

1466

РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 167–174.

1467

См. подробнее: Симонов К.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е гг. М., 1996. С. 68–70.

1468

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 151–156; Становление оборонно-промышленного комплекса СССР. 1927–1937. Т. 3. Ч. 1. С. 525–527.

1469

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 80. Л. 132.

1470

Там же. Ф. 81. Оп. 3. Д. 100. Л. 22–24.

1471

Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 210. Л. 48–49.

1472

Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1934 г. С. 6–8.

1473

Советские Вооруженные Силы. М., 1978. С. 195.

1474

Вестник Архива Президента Российской Федерации. Советская Армия: годы реформ и испытаний. Т. 1. С. 88.

1475

Там же. С. 136–137.

1476

Там же. С. 106–107.

1477

См. подробнее: Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения. Конец 1920 — середина 1930-х гг. СПб., 2002. Прилож. 4А, 4Б.

1478

Вестник Архива Президента Российской Федерации. Советская Армия: годы реформ и испытаний. Т. 1. С. 85.

1479

Там же. С. 85–87.

1480

Цит. по: Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1934 г. С. 409.

1481

Там же. С. 398.

1482

РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 40. Л. 405–406.

1483

РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 37. Л. 102; Д. 8. Л. 81; Советское руководство. Переписка. 1928–1940. М., 1999. С. 331–332.

1484

Скороспелов П.П., Сорокин А.К. «Оперативный план 1931 года. Докладчик тов. Триандафиллов». Документы советского военного планирования. 1931 г. // Исторический архив. 2023. № 2. С. 76–111.

1485

ЦАМО. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 175. Л. 3.

1486

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 279. Л. 125. Д. 400. Л. 233.

1487

Там же. Ф. 40442. Оп. 1. Д. 1569. Л. 2–7.

1488

Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1935 г. Документы и материалы. М., 2008. С. 457.

1489

ЦАМО. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 175. Л. 1.

1490

Там же. Л. 4.

1491

Вестник Архива Президента Российской Федерации. Советская Армия: годы реформ и испытаний. Т. 1. С. 109–114.

1492

Там же. С. 123.

1493

Там же. С. 128–135.

1494

ЦАМО. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 239. Л. 121–123.

1495

Правда. 1936. 5 марта.

1496

Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1938, 1940. Документы и материалы. М., 2006. С. 160.

1497

Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1934 г. С. 29–61.

1498

ЦАМО РФ. Ф. 15а. Оп. 2154. Д. 4. Л. 35–36.

1499

См. подробнее: История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963. Документы и материалы. Т. 2: Советское военно-промышленное производство (1918–1926). М., 2005. С. 284–292.

1500

История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1: Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). М., 2008. С. 19.

1501

Советская армия: годы реформ и испытаний. Т. 1. С. 15–75.

1502

Там же. С. 77–79.

1503

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 113; Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Т. 3. Ч. 1. С. 331–332.

1504

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 113–121; Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Т. 3. Ч. 1. С. 332–335.

1505

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 106–108; Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Т. 3. Ч. 1. С. 431–433.

1506

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 85–91; Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Т. 3. Ч. 1. С. 426–431.

1507

См. подробнее: Соколов А.К. Историческое предисловие. Международная обстановка и внутреннее положение в стране в годы второй пятилетки // Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Т. 3. Ч. 1. С. 34–35.

1508

Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 39.

1509

Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Т. 3. Ч. 2. (1933–1937). М., 2011. С. 320, 322.

1510

Там же. С. 425–427.

1511

Там же. С. 201–202.

1512

Соколов А.К. Историческое предисловие. Международная обстановка и внутреннее положение в стране в годы второй

пятилетки // Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Т. 3. Ч. 1. С. 13–14.

1513

Становление оборонно-промышленного комплекса СССР 1927–1937. Т. 3. Ч. 2. С. 880–881.

1514

Кузнецов Н.Г. Накануне. М., 1989. С. 295.

1515

Становление оборонно-промышленного комплекса СССР. 1927–1937. Т. 3. Ч. 2. С. 15.

1516

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 75. Л. 30; Становление оборонно-промышленного комплекса СССР. 1927–1937. Т. 3. Ч. 1. С. 491–492.

1517

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 106–108; Становление оборонно-промышленного комплекса СССР. 1927–1937. Т. 3. Ч. 1. С. 431–433.

1518

См.: РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 44. Л. 39–44.

1519

См. подробнее: Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения. С. 225.

1520

См. например: Становление оборонно-промышленного комплекса СССР. 1927–1937. Т. 3. Ч. 2. С. 207–212, 260–262, 271–280, 294–329, 340–341, 350–354, 410–411, 434–435, 461–464 и др.

1521

Там же. С. 207–215.

1522

Там же. С. 149, 197.

1523

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 779. Л. 94.

1524

Там же. Д. 54. Л. 126.

1525

См. подробнее: Соколов А.К. Историческое предисловие. Международная обстановка и внутреннее положение в стране в годы

второй пятилетки // Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Т. 3. Ч. 1. С. 29.

1526

Там же. С. 57.

1527

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 777. Л. 97–105 об.

1528

Там же. Ф. 85. Оп. 29. Д. 156. Л. 1–11.

1529

Там же. Д. 158. Л. 1–18.

1530

См. подробнее: Соколов А.К. Историческое предисловие. Международная обстановка и внутреннее положение в стране в годы второй пятилетки // Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Т. 3. Ч. 1. С. 59–65.

1531

См. подробнее: Там же. С. 65–67.

1532

Лубянка, Сталин и ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД. Т. 1. М., 2003. С. 420–425.

1533

Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 274.

1534

См. подробнее: Дюллен С. Уплотнение границ: к истокам советской политики. 1920–1940-е. М., 2019.

1535

Лубянка, Сталин и ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД. Т. 1. С. 420–425.

1536

См. подробнее: Дюллен С. Уплотнение границ: к истокам советской политики. 1920–1940-е. С. 253.

1537

См. подробнее: Там же.

1538

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 17. Л. 101, 104, 149–151, 155; Д. 18. Л. 80.

1539

Там же. Оп. 3. Д. 945. Л. 10. П. 39/23.

1540

Там же. Д. 985. Л. 34.

1541

Там же. Оп. 163. Д. 1148. Л. 77.

1542

Там же. Ф. 74. Оп. 2. Д. 37. Л. 90; Советское руководство. Переписка. 1928–1941. С. 307.

1543

Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 г. Документы и материалы. М., 2008. С. 461; Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937 — 21 июня 1941 г. // Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2–1). М., 1994. С. 11.

1544

Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1938, 1940. С. 7.

1545

Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 45.

1546

Военная энциклопедия. Т. 7. М., 2003. С. 219–220.

1547

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 615. Л. 8.

1548

Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 г. С. 61–81.

1549

Там же. С. 128–133.

1550

Там же. С. 362.

1551

Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 55.

1552

Дело о так называемой «антисоветской троцкистской военной организации» в Красной армии // Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 57.

1553

Военно-исторический архив. 1997. Вып. 1. С. 194.

1554

Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г. Документы и материалы. М., 2006. С. 10.

1555

Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 г. С. 10.

1556

Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г. С. 323.

1557

Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 г. С. 556–557.

1558

Там же. С. 548–550.

1559

Лазарев С.Е., Мильбах В.С. Политические репрессии в военных академиях Ленинграда в 1930–1938 гг. // Новейшая история России. 2022. № 2. С. 109.

1560

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. М., 2004. С. 728.

1561

Там же. С. 643–644.

1562

Там же. С. 689–691.

1563

Сталин И.В. Соч. Т. 14. С. 126.

1564

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. С. 752.

1565

Сталин И.В. Соч. Т. 12. М., 1951. С. 354.

1566

Советское руководство. Переписка. 1928–1941. М., 1999. С. 78.

1567

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3162. Л. 1–2.

1568

Там же. Д. 5388. Л. 205–205 об.

1569

Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 205–205 об.

1570

Там же. Оп. 2. Д. 125. Л. 1–2.

1571

См.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. С. 15.

1572

См.: Там же. С. 757–760.

1573

Там же. С. 751.

1574

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 368. Л. 4.

1575

См.: Филиппов С.Г. Руководители центральных архивов ВКП(б) в 1934–1939 гг., М., 2018. С. 605.

1576

Линдер И.Б., Чуркин С.А. Красная паутина: Тайны разведки Коминтерна. 1919–1943. М., 2005. С. 619.

1577

См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 399–407.

1578

См.: Кен О.Н., Рупасов А.И. Западное приграничье. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. 1928–1934. М., 2014. С. 67–68.

1579

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 790. Л. 38–39; Документы внешней политики СССР (далее ДВП СССР). Т. XIII. С. 424–427.

1580

XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1934. С. 14.

1581

См. подробнее: Кен О.Н., Рупасов А.И. Западное приграничье. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. С. 72–75.

1582

XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1926. С. 14.

1583

См.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки». 1923–1939. М., 2001. С. 211.

1584

Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936. М., 1995. С. 139.

1585

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 5388. Л. 63–71.

1586

ДВП СССР. Т. XII. М., 1967. С.

1587

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 54–56; Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки». С. 232–234.

1588

См.: Судебный процесс Промпартии. 1930 г. Подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. Кн. 1. М., 2016. С. 15–17.

---

notes

Примечания

1589

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 131, 134; Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки». С. 253–254.

1590

ДВП СССР. Т. XVI. С. 736.

1591

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 15. Л. 166.

1592

Там же. Оп. 166. Д. 543. Л. 42.

1593

Там же. Оп. 162. Д. 22. Л. 60; Цит. по: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки». С. 300.

1594

См. подробнее: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки». С. 301.

1595

Правда. 1931. 13 марта.

1596

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 134–140.

1597

См. подробнее: Мельтюхов М.И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.). М., 2015. С. 315.

1598

Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936. С. 209.

1599

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 8, 14, 47, 76, 95, 97, 99; Д. 9. Л. 51; Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки». 1923–1939. С. 235–236, 245–246, 248–249.

1600

ДВП СССР. Т. XIV. С. 278–282.

1601

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 14; Д. 11. Л. 30; Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки». С. 246–247, 265.

1602

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки». С. 283.

1603

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 107, 113–116; Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки». С. 267–270.

1604

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 12. Л. 33, 65; Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки». С. 278.

1605

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 15. Л. 154; Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки». С. 305.

1606

XVIII съезд ВКП(б) 10 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 18.

1607

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 89. Л. 99–102.

1608

Там же. Л. 2–2 об.

1609

Там же. Ф. 74. Оп. 2. Д. 38. Л. 38; Д. 39. Л. 43–43 об.; Советское руководство. Переписка. 1928–1941. С. 67–68.

1610

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 197.

1611

Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 185, 188.

1612

РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 93. Л. 39. Цит. по: Кен О.Н., Рупасов А.И. Западное приграничье. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. С. 540–541.

1613

Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936. С. 209.

1614

Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 71.

1615

РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 22; Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 88–89.

1616

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 9; Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки». С. 259.

1617

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 64.

1618

Там же. Л. 73.

1619

Там же. Л. 68.

1620

См.: Кен О.Н., Рупасов А.И. Западное приграничье. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. С. 577.

1621

См. подробнее: Там же. С. 577–579.

1622

Соколов В.В. Неизвестный Чичерин. Из рассекреченных архивов МИД РФ // Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 9.

1623

Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М., 1995. С. 55.

1624

Цит. по: Соколов В.В. Неизвестный Чичерин. Из рассекреченных архивов МИД РФ. С. 6–7.

1625

Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VI. М., 1969. С. 363.

1626

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. Л. 38, 48; Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки». С. 364.

1627

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 49.

1628

См.: Кен О.Н., Рупасов А.И. Западное приграничье. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. С. 70.

1629

См.: Там же С. 102–103.

1630

Советское руководство. Переписка. 1928–1941. С. 67.

1631

РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 13; Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 72.

1632

РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 11. Д. 89. Л. 114–117.

1633

Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 198.

1634

Там же. Т. 12. С. 16.

1635

Там же. С. 248.

1636

ДВП СССР. Т. XIII. С. 389.

1637

Письма Сталина Молотову. 1926–1935. С. 194.

1638

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 18. Л. 173, 178; Цит. по: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки». С. 300, 302.

1639

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 19. Л. 32; Цит. по: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки». С. 302.

1640

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 19. Л. 13. Цит. по: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки». С. 302.

1641

См.: Торговые отношения СССР с капиталистическими странами. С. 140.

1642

Там же. С. 139–141.

1643

Правда. 1931. 26 июня.

1644

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 138; Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки». С. 254.

1645

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 79. Л. 34–35.

1646

Там же. Д. 82. Л. 56–56 об.

1647

Там же. Д. 89. Л. 114–117.

1648

Там же. Д. 77. Л. 14–14 об.

1649

ДВП СССР. Т. XIX: 1 января — 31 декабря 1936 г. М., 1974. С. 153–161.

1650

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 78; см.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки». С. 303.

1651

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 318. Л. 7–8.

1652

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. С. 740.

1653

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки». С. 342.

1654

См. подробнее: Шауфф Ф. Проигранная победа. Советский Союз, Коммунистический Интернационал и Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. М., 2017. С. 318–320.

1655

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. Л. 5–6.

1656

См.: Мельтюхов М.И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы. 1918–1939. С. 451.

1657

См.: Там же.

1658

См.: Мюнхен-38. На пороге катастрофы. М., 2018. С. 15–16.

1659

См. подробнее: Мельтюхов М.И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы. 1918–1939. С. 441–442.

1660

Цит. по: Там же. С. 456.

1661

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. Л. 48.

1662

Айрапетов О. СССР и Турция в контексте проблем политики 1922–1939 годов. — URL: https://regnum-ru.cdn.ampproject.org

1663

См.: Россия и черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999. С. 438.

1664

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 214. Л. 18.

1665

Айрапетов О. СССР и Турция в контексте проблем политики 1922–1939 годов. — URL: https://regnum.ru/news/2656684.html

1666

См.: Россия и черноморские проливы (XVIII–XX столетия). С. 440.

1667

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 168.

1668

Там же. Л. 200; Д. 22. Л. 87.

1669

Там же. Л. 172.

1670

См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. III: ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1927–1931. Ч. 1. М., 1999. С. 61.

1671

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2. Д. 83а. Л. 29.

1672

Там же. Оп. 1. Д. 5388. Л. 106–107 об.

1673

См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. III. Ч. 1. С. 35–36.

1674

См.: Там же. Т. IV: ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1931–1937. Ч. 1. М., 2003. С. 29.

1675

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 767. Л. 11.

1676

См. подробнее: Пастухов А.М. Конфликт на КВЖД. Война, которую решили забыть. М., 2022. С. 331–527.

1677

Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. С. 170.

1678

См.: Там же. С. 170–171; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 767. Л. 12, 26–27.

1679

См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. III. Ч. 1. С. 40.

1680

Там же. Ч. 2. С. 997.

1681

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. С. 626–628, 630–632.

1682

Там же. С. 735–739.

1683

Там же. С. 744.

1684

Там же. С. 741–742.

1685

ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. V: 1937 — май 1943. М., 2007. С. 74–75.

1686

ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. V. С. 52.

1687

Там же. С. 23–24.

1688

См.: Там же. Т. III. Ч. 1. С. 48–49.

1689

См.: ДВП СССР. Т. XIV. С. 668–672.

1690

РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 38. Л. 48–51; Советское руководство. Переписка. 1928–1941. С. 161–163.

1691

См.: Монголия в документах из архивов ФСБ России (1921–1936 гг.). М., 2019.

1692

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 12. Л. 6.

1693

Там же. Л. 133.

1694

Там же. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 49–52; Советское руководство. Переписка. 1928–1941. С. 173–174.

1695

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 86; Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. С. 635.

1696

См. подробнее: Батунаев Э.В. Современный взгляд на политические репрессии в Монголии 1930–1940 гг. // Известия Восточного института. 2018. № 3. С. 58–64.

1697

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 116; Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки». С. 270.

1698

См.: Мясников В.С. Россия и Китай: 400 лет межгосударственных отношений // Кастальский ключ китаеведа. Т. 3. М., 2014. С. 349.

1699

РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 100. Л. 142–145; Советское руководство. Переписка. 1928–1941. С. 158–159.

1700

См.: Советское руководство. Переписка. 1928–1941. С. 159, 163.

1701

РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 44. Л. 39–44; Советское руководство. Переписка. 1928–1941. С. 154–155.

1702

РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 38. Л. 76–77; Советское руководство. Переписка. 1928–1941. С. 185–186.

1703

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 779. Л. 46.

1704

Там же. Д. 77. Л. 110–111; Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936. С. 200–201.

1705

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 77. Л. 76–76 об.

1706

Там же. Д. 83. Л. 67–69.

1707

ДВП СССР. Т. XIX. С. 106.

1708

См. подробнее: Саркисов К.О. Коминтерн и японо-советские отношения по «китайскому вопросу» // Коминтерн и Восток. К 100-летию Коминтерна. М., 2021. С. 148–150.

1709

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 77. Л. 110–111; Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936. С. 200–201.

1710

См.: Мясников В.С. Россия и Китай: 400 лет межгосударственных отношений. С. 350–352.

1711

См.: Рахманин О.Б. К истории отношений РСФСР, СССР, РФ с Китаем. 1917–1997 (обзор основных событий, оценка экспертов). М., 1999. С. 9.

1712

Русско-китайские отношения в XX веке. Материалы и документы. Т. IV: 1937–1945. Кн. 1. М., 2000. Док. № 158.

1713

См.: Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая. М., 1999.

1714

См., например: Мильбах В.С. «У высоких берегов Амура…» Пограничные инциденты на реке Амур в 1937–1939 гг. // Военно-исторический журнал. 2011. № 4. С. 38–40.

1715

Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 257.

1716

XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. С. 11–15.